UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324494 4

Mordovtsev, Daniil Lukich
Kn. 38-42

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

ДАНИЛЫ ЛУКИЧА МОРДОВЦЕВА

Polnoe sobranie istoricheskikh romanov... pt. 38-42
Kn. 38.

ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ

494314
7.7.49

НЕ СУДИЛЪ БОГЪ. ЛЮБИМЫЙ СОКОЛЪ ГРОЗНАГО. СМЕРТЬ ЗА СВЯТЫНЮ И ДР.

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

PG
3467
M8
1914
Kn. 38-42

Mordovtsev, Daniil Lukich
"Полное собраніе историч. романовъ... кн. 38-42.

ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

Polnoe sobranie istoricheskikh romanov... pt. 38-42.
494374
7. 7. 49

НЕ СУДИЛЪ БОГЪ!..

(Посвящается Одессѣ).

I.

Перенесемся всесозидающимъ воображеніемъ, при помощи, однако, историческихъ крыльевъ-данныхъ, къ тому времени, когда прекрасной столицы русскаго юга, Одессы, еще не было на свѣтѣ, и когда на ея мѣстѣ возвышалась небольшая турецкая крѣпостца Гаджибей.

Мы въ Херсонѣ. Роскошная весна 1787-го года встрѣчаетъ здѣсь могущественнѣйшую «повелительницу сѣвера, востока и юга», императрицу Екатерину II, обозрѣвающую свое «маленькое хозяйство», какъ обыкновенно государыня выражалась о своемъ необозримомъ царствѣ «маленькое хозяйство!» и направлялась во вновь завоеванныя страны, въ Новороссію и въ Крымъ—въ сопровожденіи блестящей свиты, состоявшей изъ австрійскаго императора Іосифа II, его фельдмаршала принца де-Линь, пословъ: австрійскаго — графа Кобенцеля, англійскаго—Фитцъ-Герберта и французскаго—графа Сегюра.

До Херсона отъ Кіева блестящее общество, сопровождавшее императрицу, слѣдовало по Днѣпру на семи роскошно убранныхъ и блиставшихъ золотомъ и парчами галерахъ въ сопутствіи еще 80-ти разукрашенныхъ судовъ съ сановниками, матросами и солдатами.

Это было, по-истинѣ, величавое шествіе «Семирамиды сѣвера», какъ Вольтеръ называлъ могущественную русскую царицу.

Въ шествіи этомъ, кромѣ австрійскаго императора и пословъ, находились приближенные сановники: «великолѣпный князь Тавриды» Потемкинъ, графъ Дмитріевъ-Мамоновъ, Суворовъ, де-Рибасъ, Храповицкій и другіе.

15-го мая въ Херсонѣ состоялся торжественный спускъ вновь выстроеннаго корабля «Іосифъ Вторый» въ честь австрійскаго императора, и «Владиміра».

— «Cela est gala», — тихо сказала императрица Потемкину, указывая глазами на двѣнадцать золотыхъ буквъ, ярко блиставшихъ на носу 80-ти пушечнаго корабля, только что спущеннаго на воду.

Эти двѣнадцать золотыхъ буквъ были—«Іосифъ Вторый».

— Сіи двѣнадцать золотыхъ буквъ, матушка,—также тихо проговорилъ Потемкинъ,—помогутъ намъ поставить твой тронъ на мѣстѣ Гаджибея, и будетъ у тебя три столицы—бабушка Москва, дяденька Питеръ и родная дочка твоя—«Пальмира». Бабушка будетъ тебѣ, матушка, чулочки вязать на твои державныя ножки, дяденька шведа пужать, а дочка твоя, пришедши въ возрастъ, будетъ богатырь-дѣвица, царь-дѣвица, и достанетъ тебѣ Царьградъ...

Глаза императрицы радостно сверкнули...

— Я вѣрю тебѣ, князь-богатырь: ты ужъ далъ мнѣ роскошную Тавриду; это осиное гнѣздо хановъ... Богъ дастъ, и то сбудется,—еще тише сказала она.

— Только бы взять Очаковъ, этотъ ключъ къ Черному морю, а тогда, государыня, мои руки развязаны... Гаджибей возьметъ де-Рибасъ: онъ на водѣ—точно рыба въ своей стихіи, а тамъ и «Пальмиру» заложимъ,—заключилъ Потемкинъ, видя, что къ императрицѣ направляется Іосифъ, разговаривавшій передъ тѣмъ съ Сегюромъ.

Мысль о южной столицѣ съ тѣхъ поръ не покидала той, которую Державинъ назвалъ «Фелицей» и которой всего болѣе были по душѣ слѣдующія слова поэта, характеризовавшія «Семирамиду Сѣвера»:

Еще же говорятъ не ложно
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.

Изъ Херсона императрица выѣхала 17 мая, но уже сухимъ путемъ, такъ какъ устья Днѣпра находились въ рукахъ турокъ, а ключъ къ нимъ былъ Очаковъ.

— Этимъ ключомъ запертъ волшебный теремъ царь-дѣвицы,—пояснилъ Потемкинъ, указывая на картѣ мѣсто Очакова и недалеко отъ него—Гаджибея.

— Это та царь-дѣвица, что томилась у волшебника Черномора? Эту сказку я слышала отъ Марьи Савишны,—улыбнулась императрица.

— Она, государыня,—отвѣчалъ Потемкинъ.

— А кто же волшебникъ Черноморъ съ его ужасной бородой?

— Его падишахское величество, тѣнь Аллаха на землѣ, султанъ Абдулъ-Гамидъ.

— То-то тѣнь Аллаха,—засмѣялась государыня, — лучше бы быть хоть однимъ лучемъ Аллаха, свѣтомъ, а то тѣнь, сумерки!

Находившійся при этомъ разговорѣ оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ Левъ Александровичъ, котораго императрица называла «Левушкой» за его веселый нравъ и умѣнье смѣшить государыню, замѣтилъ:

— Чего же, матушка, и ждать отъ турецкаго бога, кромѣ сумерекъ... Вонъ у нихъ и на знамени ночь, да и то не мѣсячная, а съ мѣсяцемъ въ первой четверти.

— Правда, правда, Левъ Александровичъ, — согласилась императрица.

— А у насъ на престолѣ не тѣнь, а само солнышко, такъ и свѣтитъ!—продолжалъ Нарышкинъ.

— Ну, ужъ, Левушка, ты становишься льстецомъ,—ласково погрозилась государыня,—а я лести не люблю.

— Нѣтъ, матушка, не извольте грозиться,—защищался Нарышкинъ.—Это не я говорю, а въ церкви съ крестомъ въ рукахъ сказано: «наше солнце вокругъ насъ ходитъ»... Кого разумѣлъ подъ солнцемъ витія церковный?

— Такъ, такъ... Ты всегда у меня правъ, всегда вывернешься.

— Охъ, матушка-государыня,—комично вздохнулъ Нарышкинъ.—А кто настрекалъ мнѣ крапивою лицо и руки, такъ, что я нѣсколько дней въ люди не смѣлъ показаться?

Императрица разсмѣялась.

— Что-жъ, Левушка, по дѣламъ вору и мука,—сказала она. Потомъ, обратясь къ Потемкину, къ Безбородко и Храповицкому, которые тутъ же находились, пояснила:

— Это несчастіе съ Левушкой приключилось, когда я была еще великой княгиней, а онъ—камеръ-юнкеромъ... Всегда былъ шелопаемъ, а иногда и невѣжей, за что и поплатился... Однажды, я застала его въ своемъ кабинетѣ:—онъ разлегся на диванѣ и распѣвалъ какую-то пѣсню, въ которой не было человѣческаго смысла. Видя такую невѣжливость, я тотчасъ вышла изъ кабинета, заперла за собою дверь и отправилась къ его невѣсткѣ, къ Аннѣ Никитишнѣ, которой сказала, что непремѣнно слѣдуетъ достать порядочный пучокъ крапивы, высѣчь этого человѣка за его сумасбродное поведеніе и выучить его уважать насъ. Нарышкина охотно согласилась. Мы велѣли принести розогъ, обвязанныхъ крапивою, взяли съ собою одну изъ моихъ женщинъ, вдову Татьяну Юрьевну, и всѣ три пошли въ мой кабинетъ. Нарышкинъ лежалъ на прежнемъ мѣстѣ и во все горло распѣвалъ свою пѣсню. Увидѣвъ насъ, онъ хотѣлъ убѣжать, но мы успѣли настрекать ему руки и лицо такъ, что онъ дня два или три долженъ былъ оставаться въ комнатѣ, не смѣя даже никому сказывать, что съ нимъ случилось, потому что мы его увѣрили, что при малѣйшей его невѣжливости, при малѣйшей непріятности, которую онъ намъ сдѣлаетъ, мы возобновимъ наше наказаніе, такъ какъ иначе съ нимъ не было никакихъ средствъ. Мы все это дѣлали какъ будто шутя, и вовсе безъ злобы; но тѣмъ не менѣе, проучили его,—по крайней мѣрѣ, онъ сдѣлался тише прежняго *).

Всѣ разсмѣялись, а Потемкинъ иронически замѣтилъ:

— Ну, Левъ Александровичъ, вамъ остается воскликнуть подобно Энею, передъ Дидоной:

Veteres, o regina, jubes renovare dolores!..

— А развѣ и Дидона сѣкла Энея крапивой?—невозмутимо спросилъ Нарышкинъ.

— Нѣтъ, его въ Троѣ посѣкли греки,—замѣтила императрица.

---

*) Этотъ разсказъ дословно взятъ изъ «Записокъ Екатерины».

— Ну, матушка государыня, послѣ меня вамъ остается посѣчь Абдулъ-Гамида за то, что его пушки невѣжливо распѣваютъ почти въ вашемъ кабинетѣ, у самой Кинбурнской косы,— сказалъ Нарышкинъ.

Разговоръ этотъ происходилъ въ Бериславѣ, бывшей турецкой крѣпости Казикерменъ, гдѣ царственный поѣздъ останавливался на ночлегъ подъ 19-ое мая.

— Бериславъ—«Бери славу»,—сказала императрица, принимая отъ Безбородко одну бумагу для подписи,—хорошо придумано названіе для бывшей турецкой крѣпости, «Бери славу»... Она уже взята.

— Нѣтъ, матушка-государыня, не взята еще, — замѣтилъ неугомонный Нарышкинъ.—Она будетъ взята, когда на тронѣ Константина Великаго вмѣсто «тѣни Аллаха» засіяетъ наше «солнышко»...

— Добро!—улыбнулась государыня. — Я это сидѣнье готовлю для своего внучка, Константина... Недаромъ то сидѣніе именуется Константинополемъ... Такъ, Григорій Александровичъ?—глянула императрица на Потемкина.

— Такъ, матушка... А тебѣ я обѣщалъ «Пальмиру».

Государыня была очень оживлена, довольная всѣмъ, что она видѣла въ новозавоеванномъ краѣ.

— Хорошо,—продолжала она, — что отдыхая теперь, со свѣжею головою и лучшими свѣдѣніями можно будетъ прилежнѣе работать въ эрмитажѣ. Все сама вижу и слышу, хотя не бѣгаю, какъ императоръ Іосифъ. Онъ много читалъ и имѣетъ свѣдѣнія; но будучи строгъ противъ самого себя, требуетъ отъ всѣхъ неутомимости и невозможнаго совершенства... Онъ не знаетъ русской пословицы: мѣшать дѣло съ бездѣльемъ... Двухъ бунтовъ самъ былъ причиною... Тяжелъ въ разговорахъ... Prince de-Ligne, cachont sous la frivolité le philosophe le plus profond et ayant le coup d'oeil juste, его перевертываетъ.

Въ это время Потемкину доложили, что все готово къ дальнѣйшему высочайшему путешествію, и государыня всѣхъ отпустила готовиться въ дорогу. Она сама нетерпѣливо ожидала увидѣть Крымъ, этотъ новый драгоцѣнный алмазъ въ ея коронѣ.

II

На другой день, 20-го мая, царственный поѣздъ остановился уже въ Бахчисараѣ, еще недавно бывшей столицѣ хановъ.

Въ Бахчисарай прибыли къ ночи, и императрица остановилась во дворцѣ Гиреевъ, гдѣ и провела ночь, хотя впечатлѣнія послѣднихъ дней и самое пребываніе въ покояхъ хановъ долго не позволяли ей заснуть. Ея живому воображенію рисовались картины прошлаго, этой волшебной, недавно еще почти сказочной страны. Казалось, надъ головой повелительницы сѣвера носились тѣни прежнихъ владыкъ Крыма и этого дворца съ его фонтанами и слѣдами гаремной жизни. Что то сказочное! Точно изъ сказокъ Шехерезады...

И она, бывшая маленькая принцесса, теперь повелительница всего этого волшебнаго міра... Ей вспомнилось далекое дѣтство, далекая родина...

И вотъ куда привела ее непостижимая звѣзда ея жизни... Звѣзда! Нѣтъ не звѣзда, а вотъ эта уже пронизанная серебромъ сѣдины голова...

Когда потомъ, утромъ, императрица встала, въ сосѣднемъ покоѣ, временномъ кабинетѣ государыни, уже шуршалъ бумагами Храповицкій, то подвергая «перлюстраціи» нѣкоторыя письма, подлежащія этой операціи, то разбирая и сортируя остальную почту и доставленныя курьерами бумаги для доклада императрицѣ. Полное лицо его было красно, и онъ часто вытиралъ выступавшій на его высокій, зализанный лобъ крупныя капли пота цвѣтнымъ фуляромъ

— Что, потѣешь, Александръ Васильевичъ? — спросила Екатерина Алексѣевна, безшумно вступая въ кабинетъ.

— Преужасно потѣю, ваше величество,—быстро отвѣчалъ Храповицкій, почтительно кланяясь.

— Еще бы, въ Зимнемъ дворцѣ потѣешь, а здѣсь, въ ханскомъ, почти подъ азіатскимъ солнцемъ, и подавно за спѣшной работой вспотѣешь,—ласково сказала государыня.—Вотъ и я потѣю, да и ночь была что-то ужъ очень душная.

— Да, ваше величество, это не Петербургъ и не Царское,— доложилъ Храповицкій.—Тамъ, вонъ пишутъ, май довольно холоденекъ.

— Много спѣшныхъ бумагъ?

— Достаточно, ваше величество... Сейчасъ доложу

— Не диви, что потѣешь.

Въ «Дневникѣ» Храповицкаго объ этомъ «потѣніи» его упоминается очень часто.. Но императрица, къ счастью, не знала,

что это «потѣніе» ея секретаря не всегда происходило отъ «спѣшной работы».

Бантышъ-Каменскій такъ характеризируетъ въ своемъ знаменитомъ «Словарѣ» Храповицкаго: «Тучный собою, имѣлъ нравъ гибкій, вкрадчивый, долженъ стоять наряду съ утонченными придворными: онъ умѣлъ ладить съ Вяземскимъ и Безбородко; познакомился у Завадскаго съ Мамоновымъ, прежде нежели послѣдній вошелъ въ силу. Былъ друженъ съ любимымъ камердинеромъ государыни, Зотовымъ (знаменитый Захаръ), который передавалъ ему самые тайные разговоры. Увѣряютъ, будто онъ при всѣхъ своихъ достоинствахъ имѣлъ одинаковую слабость съ безсмертнымъ лирикомъ нашимъ Ломоносовымъ, только предавался оной ложась спать, въ надеждѣ, что не будетъ потребованъ во дворецъ». («Словарь», III, 1847, стр. 507). А графъ Д. Н. Блудовъ со словъ В. А. Озерова разсказывалъ, что когда Екатерина требовала Храповицкаго къ себѣ по дѣламъ невзначай и не въ урочное утреннее время, то Храповицкому приходилось окачиваться холодной водой, чтобы предстать предъ монархиней въ сколько-нибудь благообразномъ видѣ. Онъ самъ съ глубокою горестью разсказывалъ Озерову, что эти неумѣренныя возліянія Бахусу мѣшали ему вести дневникъ свой болѣе обстоятельно, и что черезъ это многія мысли и мѣткіе отзывы императрицы были потеряны для исторіи. Но за то онъ удостоился самаго лестнаго отзыва своей государыни.

— «Руку свою дамъ на сожженіе, что Храповицкій не беретъ взятокъ»,—сказала однажды Екатерина Вяземскому, до котораго дошли слухи, что теща Державина не чиста на руку.

Ночью, въ Бахчисараѣ, послѣ жаркаго дня, когда императрицу посѣщали тѣни бывшихъ властителей Крыма, Храповицкій успѣлъ здорово помолиться Бахусу, и теперь, послѣ долгаго окачиванья своей умной головы ледяною водой изъ ханскаго фонтана, «преужасно потѣлъ».

Едва онъ успѣлъ доложить наиболѣе важныя бумаги, какъ въ кабинетъ вошли Потемкинъ и Дмитріевъ-Мамоновъ, которые пользовались свободнымъ, безъ доклада, доступомъ къ императрицѣ.

— Я много за ночь передумала о Таврідѣ,—обратилась государыня къ Потемкину.—Пріобрѣтеніе сіе важно... Предки наши дорого бы заплатили за эти...

Она взглянула на Дмитріева-Мамонова, красивое лицо котораго выражало скрытое недовольство. Это была тайная зависть, зависть молодого ничтожества, «случайно», приближеннаго къ трону, зависть къ такому колоссу, какъ Потемкинъ, которому приписывалась слава покоренія Крыма: отсюда — Потемкинъ-Таврическій. Екатерина уловила выраженіе лица Мамонова.

— Есть люди,—она глянула на этого послѣдняго,—мнѣнія противнаго, которые жалѣютъ еще о бородахъ, Петромъ I-мъ выбритыхъ...

Потемкинъ тоже глядѣлъ на Мамонова и улыбался... Императрица замѣтила эту улыбку....

— Александръ Матвѣевичъ молодъ,—продолжала она, уже ласково взглянувъ на Мамонова,—онъ не знаетъ тѣхъ выгодъ, кои черезъ нѣсколько лѣтъ явны будутъ.

— Но императоръ, — началъ было Потемкинъ, только государыня остановила его, можетъ быть, потому, что Іосифа II нельзя было называть «императоромъ» гласно, такъ какъ онъ путешествовалъ, соблюдая строжайшее инкогнито, подъ именемъ графа Фалькенштейна.

— Графъ Фалькенштейнъ видитъ другими глазами,—сказала Екатерина.

— А Фитцъ-Гербертъ? — саркастически замѣтилъ Мамоновъ, вызывающе глядя на Потемкина.

— Фитцъ-Гербертъ слѣдуетъ англійскимъ правиламъ,—поторопилась отвѣтить императрица за Потемкина, какъ бы опасаясь, чтобы послѣдній не бросилъ рѣзкаго слова въ лицо ея фавориту, рисковавшему дразнить льва.—А эти правила довели Великобританію до нынѣшняго ея состоянія.

— Mais monsieur le philosophe de la frivolité?—продолжалъ насмѣшливо Мамоновъ.

Императрицу, повидимому, сердилъ этотъ тонъ избалованнаго царедворца, и она продолжала, обращаясь къ Потемкину:

— Графъ Сегюръ понимаетъ, сколь сильна Россія; но министерство французское, обманутое своими емисерами, тому не вѣритъ и воображаетъ мнимую силу Порты. Полезнѣе бы для Франціи было не интриговать. («Дневникъ» Храповицкаго, стр. 35—36).

Одинъ Храповицкій молчалъ, прислушиваясь къ разговору, и продолжалъ шуршать бумагами, отирая потъ со лба

Въ это время въ кабинетъ вошелъ Нарышкинъ. Императрица по лицу его замѣтила, что онъ собирается острить съ какою-нибудь заднею цѣлью. Любя по русской пословицѣ «мѣшать дѣло съ бездѣльемъ», Екатерина вопросительно посмотрѣла на Левушку.

— Ты что, Левъ Александровичъ?—спросила она.—Гдѣ пропадалъ спозаранку?

— Съ утра все слезы глоталъ, матушка-государыня,—былъ загадочный отвѣтъ.

— Плакалъ? Съ чего?

— Нѣтъ, государыня, глоталъ слезы... И какія холодныя да вкусныя...

— Странно,—улыбнулась Екатерина.—Я знаю, слезы бываютъ горючія и горькія или же просто соленыя... Но чтобы слезы были холодныя и вкусныя, я этого не понимаю.

— Да вы, матушка, спросите, чьи слезы я глоталъ... это слезы прекрасной Маріи Потоцкой, что когда-то изнывала въ гаремѣ гиреевъ...

— Это, государыня, фонтанъ Маріи, который называется «фонтаномъ слезъ»,—пояснилъ Потемкинъ. — Левъ Александровичъ, значитъ, пилъ изъ этого фонтана.

— Такъ это и есть «глотать слезы» — улыбалась Екатерина.—Ты, Левушка, въ простотѣ слова не скажешь...

— Простота, матушка, хуже воровства, — вывертывался Левушка.—Да еще, матушка, я обозрѣвалъ сегодня ваши владѣнія и восхищался оными.

— Какія владѣнія?

— Да вотъ здѣшній придворный мулла, замѣтивъ, что я человѣкъ не безъ вкуса къ созерцанію красоты, повелъ меня на минаретъ ханской мечети... Ахъ, матушка, что за красота открывается оттуда, какой видъ на городъ, на всѣ его мечети, сады!.. Вотъ бы вамъ, матушка, взглянуть оттуда...

— Мнѣ-то! Съ колокольни, съ моими то ногами!..

— Ахъ, матушка, да у васъ ножки молоденькія, рѣзвыя... Вонъ всю Россію исходили... Скоро и въ Царьградъ попадутъ.

Екатерина взглянула на утиравшаго потъ Храповицкаго.

— Такъ то такъ, Левушка,—сказала она съ улыбкой.—Только Александръ Васильевичъ не желаетъ, чтобъ я была въ Константинополѣ.

Храповицкій вскочилъ и съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на императрицу.

— Я, ваше величество, не желаю?—спросилъ онъ нерѣшительно.

— Да... Вѣдь тамъ еще жарче, чѣмъ здѣсь,—продолжала государыня.—Ужъ если ты здѣсь такъ потѣешь, то что же будетъ тамъ?

Храповицкій понялъ шутку и просіялъ.

— Да за вашимъ величествомъ я готовъ и въ огонь и въ воду,—восторженно воскликнулъ онъ.

— Тэ-тэ-тэ!—засмѣялся Потемкинъ.—Вонъ какой вы! За вашимъ величествомъ и въ огонь и въ воду... Такъ значитъ, государыня прежде полѣзай въ огонь, а потомъ ужъ и вы...

— Нѣтъ, ваша свѣтлость, я не за государыней брошусь и въ огонь, и въ воду, а за государыню,—оправдывался Храповицкій.—Не тотъ надежъ изволили примѣнить...

— Правда, правда, Александръ Васильевичъ,—согласилась императрица.—Я знаю твое усердіе ко мнѣ.

Храповицкій поклонился.

— Самъ идетъ! Самъ идетъ!—засуетился Нарышкинъ, глянувъ въ окно и увидавъ идущаго во дворецъ Іосифа II.—Ой, боюсь, боюсь! Заговоритъ до коликъ... Хоть къ туркамъ бѣжать, такъ впору... Онъ стрекаетъ хуже крапивы.

И Левушка съ комическимъ ужасомъ на лицѣ скрылся въ боковую дверь.

III.

Путешествіе по Крыму продолжалось съ тою же внушительною торжественностью. Коронованные путешественники изъ Бахчисарая прослѣдовали въ Инкерманъ, гдѣ «смотря на флотъ, стоящій на рейдѣ, пили здоровье лучшаго друга—императора» («Дневникъ», 36).

Затѣмъ—Севастополь.

Видъ бирюзовой поверхности Чернаго моря, безбрежная даль, уходившая за видимый горизонтъ, туда, гдѣ въ неприступномъ дворцѣ своемъ сидѣлъ Черноморъ—«тѣнь Аллаха», бѣлѣвшіе на поверхности моря паруса, крики чаекъ, метрическій говоръ морскихъ волнъ, набѣгавшихъ на берегъ, лазурное небо,—все это привело императрицу въ умиленіе.

— Какое море! Какая красота!—тихо, подавляя невольный вздохъ, говорила она.—И все это сокровище—въ рукахъ варваровъ... Развѣ таково мое море, что у Кронштадта, сѣрое, непривѣтливое... А это!

— И это твое будетъ, матушка, только продли Всевышній тебѣ вѣку,—отвѣчалъ на это Потемкинъ.

Это было утромъ. Они стояли на балконѣ временнаго дворца, внизу котораго плескалось море. Морской вѣтеръ развѣвалъ лопасти чепца императрицы и пряди выбившихся изъ-подъ чепца волосъ.

— Старѣюсь я, Григорій Александровичъ, здоровье ужъ не то,—съ грустью говорила государыня.—Часто недомогаю.

— Богъ милостивъ, матушка,—утѣшалъ ее Потемкинъ.—Это путешествіе придастъ тебѣ силы.

Въ дверяхъ, выходившихъ на балконъ, стоялъ Захаръ, любимый, вѣрный камердинеръ императрицы, боготворившій ее Лицо его, видимо, выражало недовольство и безпокойство.

— Ты что, Захаръ?—спросила государыня.

— Что!—недовольнымъ голосомъ отвѣчалъ Захаръ...—За вами смотри, какъ за маленькой... А не усмотрѣлъ, Захаръ виноватъ.

— Да чѣмъ я провинилась, Захаръ?—снова спросила Екатерина.

— А развѣ не видите, что вѣтеръ съ моря, долго ли простудиться въ легонькомъ капотишкѣ?.. А тамъ всѣ скажутъ, что Захаръ не усмотрѣлъ.

— Кто это всѣ?

— Вся россійская держава, вотъ кто! Захара злодѣемъ назовутъ.

Видя улыбку Потемкина, Захаръ началъ злиться.

— Извольте идти въ комнаты, вотъ что!—настойчиво заговорилъ онъ.—Я вамъ не позволю губить себя...

— Ахъ, отстань, Захаръ!—пожала плечами Екатерина.—Ты мнѣ надоѣлъ своей воркотней... Уходи!

Захаръ, сурово глянувъ на Потемкина, молча удалился.

Войдя потомъ въ покои, такъ какъ вѣтеръ съ моря постоянно свѣжѣлъ, императрица велѣла камеристкѣ позвать зачѣмъ-то Захара. Бросились въ его комнату, пустая. Стали искать по всему дворцу, нѣтъ Захара... Гдѣ онъ? Что съ нимъ?

Вдругъ докладываютъ, что Захаръ на гауптвахтѣ подъ карауломъ. Что такое? Какъ на гауптвахтѣ!.. Кто посадилъ?.. Никто не знаетъ.

Вѣсть объ арестованіи любимаго камердинера императрицы мгновенно разнеслась между приближенными и прочими дворскими лицами.

Императрица приказала тотчасъ позвать дежурнаго по гауптвахтѣ. Тотъ явился въ полной парадной формѣ.

— Мой камердинеръ, Захаръ Зотовъ, на гауптвахтѣ?— спросила Екатерина.

— Такъ точно, ваше императорское величество.

— Кто приказалъ?

— По высочайшему вашего императорскаго величества повелѣнію, по именному, ваше величество.

— Какъ! Я ничего не приказывала!

— Не могу знать, ваше величество,—смутился офицеръ.— Они приходятъ ко мнѣ на гауптвахту и говорятъ: господинъ офицеръ! Я присланъ на гауптвахту по высочайшему именному повелѣнію... Государыня изволила приказать забить меня въ колодки.

— И вы забили?

— Не смѣлъ ослушаться именного высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія.

Всѣ присутствующіе стояли въ нѣмомъ изумленіи. Только Потемкинъ и Нарышкинъ чуть замѣтно улыбались, да Храповицкій усиленно вытиралъ выступавшій на лбу потъ.

Екатерина, уловивъ улыбки Потемкина и Нарышкина, сама поняла, что Захаръ «куролеситъ». Обиженный тѣмъ, что его отослали съ балкона за то, что онъ предостерегалъ отъ простуды обожаемую имъ особу, и ею же избалованный за его беззавѣтную къ ней вѣрность и любовь, онъ, какъ капризный ребенокъ, вздумалъ «насолить матушкѣ» и велѣлъ посадить себя на гауптвахту. Къ этимъ его выходкамъ государыня давно привыкла и покорно иногда выслушивала, какъ Захаръ «журилъ» ее или— по выраженію Нарышкина — «пушилъ» и «мылилъ голову» своей самодержицѣ то за то, что она слишкомъ много работаетъ, то за ея щедрость—«сама себя разоряетъ». Умный и наблюдательный Захаръ притворялся простачкомъ и ворчалъ.

— Пошлите сейчасъ ко мнѣ этого сумасброда,—съ улыбкою сказала государыня дежурному по гауптвахтѣ офицеру.

Скоро явился и Захаръ, но безъ колодокъ. Онъ былъ мрачнѣе ночи.

— Ты что это вздумалъ моимъ именемъ приказывать?—съ притворной строгостью спросила императрица.—Какое ты тамъ на гауптвахтѣ выдумалъ высочайшее повелѣніе? Кому я приказывала?

— Мнѣ-съ,—былъ хмурый отвѣтъ.

— Какъ тебѣ?

— Мнѣ, извѣстно: ты (Захаръ говорилъ Екатеринѣ то «вы», то «ты», смотря по настроенію) ты сказала: пошелъ вонъ! Это и есть высочайшее повелѣніе... Я и пошелъ на абвахту (съ умысломъ говоритъ «абвахта»)... Куда-жъ больше? Государыня разгнѣвалась на тебя, значитъ, на абвахту... Я за тебя долженъ отвѣчать передъ всею россійскою имперіей... Вотъ у тебя зубки заболятъ отъ простуды, кто будетъ въ отвѣтѣ? Захаръ! Все Захаръ! Мнѣ и Марья Савишна, какъ отпускала тебя со мной, всю голову прогрызла: береги ее, говоритъ, Захарушка, какъ зѣницу ока... да, убережешь тебя! Безъ Марьи Савишны съ тобой никакого сладу нѣтъ. Вотъ и передъ Марьей Савишной придется отвѣчать за тебя... А то на! Пошелъ вонъ!.. Ужъ лучше ты меня отпусти совсѣмъ въ чистую... Найди себѣ лучшаго, а я тебѣ не слуга...

— Ну, прости, прости, Захаръ Константиновичъ, впередъ не буду, всегда буду тебя слушаться,—смиренно, боясь разсмѣяться, говорила императрица, не смѣя взглянуть на Нарышкина.

— То-то, то-то, матушка, просите прощенья, просите,—говорилъ послѣдній.

— И то прошу...

— Нѣтъ, ужъ увольте,—ломался Захаръ, переходя уже на «вы»;—ищите себѣ другого... подлипалы... а я, вишь, грубъ... не позволяю на балконахъ стаивать въ легонькомъ капотишкѣ... Такъ то всегда...

— Нѣтъ, нѣтъ, Захарушка, не буду... прости великодушно...

Императрица подошла и положила руку на плечо упрямца.

— Что жъ, воля ваша,—уперся послѣдній.

— Такъ, такъ, Захаръ Константиновичъ, не поддавайся.—

дразнилъ его Нарышкинъ,—а то, чего добраго, при такой непослушной государынѣ тебѣ когда-нибудь придется приказать повѣсить себя и аркибузировать, разстрѣлять по высочайшему повелѣнію.

Всѣ разсмѣялись.

Захаръ понялъ, что пересолилъ, и упалъ на колѣни.

— Прости, матушка, прости своего вѣрнаго раба, пса... все для тебя же, какъ собака ворчу,—говорилъ онъ, обливаясь слезами и цѣлуя край одежды императрицы.—Что скажетъ Марья Савишна!

— Марья Савишна ничего не узнаетъ, я ей слова не скажу объ этомъ.

— Вы, матушка, не скажете, такъ вотъ онъ,—указывая на Нарышкина,—изъ озорства все скажетъ, да еще прибавитъ, будто я велѣлъ себя повѣсить либо разстрѣлять...

— И скажу,—дразнилъ его Нарышкинъ,—развѣ мнѣ отъ тебя не доставалось? Мало ты наговаривалъ на меня Марьѣ Савишнѣ!

Императрица въ это время приложила платокъ къ щекѣ. Захаръ поднялся на ноги, точно его ударили.

— Что? Что? Простудила-таки зубки!—заговорилъ онъ съ видимымъ торжествомъ.—Что, не моя была правда?

— Правда, правда... Ты всегда правъ, Захарушка: зубъ-то, точно, поетъ,—говорила Екатерина, продолжая держать платокъ у щеки.

— Я побѣгу, матушка, къ Иванъ Самойлычу.

— Не надо... Принеси его капли, что стоятъ на спальномъ столикѣ.

— Сейчасъ, матушка.—И Захаръ стремительно выбѣжалъ.

Въ это время императрица замѣтила, что Потемкинъ, стоя въ сторонѣ, у окна, читаетъ какую-то бумагу, поданную ему Храповицкимъ, и иронически качаетъ головой. Екатерина оглянулась. Въ кабинетѣ кромѣ Потемкина, Дмитріева-Мамонова, Нарышкина и Храповицкаго не было никого изъ постороннихъ.

— Перлюстрація?—спросила государыня.

— Перлюстрація,—отвѣчалъ съ улыбкой Потемкинъ.

— Отъ кого, къ кому?

— Отъ Фитцъ-Герберта къ лорду Элису,—съ перчикомъ.

— Съ перцемъ опять? Интриганъ... То у него «маханье» съ

княжной Щербатовой, то съ своими министрами... О чемъ «махается» съ Элисомъ?—спросила императрица, подходя ближе...

— Обо мнѣ, матушка, — отвѣчалъ Потемкинъ, пожимая плечами.—Все утверждаетъ, будто я изъ новокупленныхъ мною въ Польшѣ земель хочу создать независимое ни отъ тебя, матушка, ни отъ Польши государство, Tertium quid...

— Да, онъ увѣренъ, что ты ищешь короны: тебѣ понравилось быть гетманомъ Малороссіи...

— И запорожскимъ кошевымъ Грыцькомъ-Нечосою, — поспѣшилъ добавить Нарышкинъ, дѣлая шутовскую гримасу.—Не полагайся на него: онъ думаетъ быть вторымъ Мазепою... Любопытно будетъ взглянуть на Грыцька-Нечосу въ коронѣ...

Императрица искренно разсмѣялась...

— Ахъ, Левушка! И не надоѣстъ тебѣ всю жизнь глупости говорить и дѣлать,—сказала она.

— Ахъ, матушка-государыня, дѣлать-то глупости легче, чѣмъ говорить... Вонъ Цезарю легче было сдѣлать глупость, перейти Рубиконъ и нарѣзаться потомъ на мечъ Брута и Кассія... А то легко сказать: лучше первымъ въ деревушкѣ, чѣмъ вторымъ въ Римѣ!—философски разсуждалъ Нарышкинъ, нюхая табакъ и обсыпая имъ свое жабо.

— Да и Фитцъ-Гербертъ сравниваетъ Григорія Александровича съ Цезаремъ,—замѣтила императрица.—Онъ давно далъ ему въ девизъ: nec viget quidquam simile aut secundum («Дневникъ» Храповицкаго, 28).

Въ это время въ кабинетъ быстро вошелъ Захаръ.

— Вотъ, матушка-государыня, капли отъ зубковъ... Насилу отыскалъ... Онѣ были не на спальномъ столикѣ... Ихъ ужъ успѣла засунуть въ походный аптечный ларецъ твоя верченая комаръ-фря.

— Не фря, Захаръ, — улыбнулась Екатерина, — а камеръ-фрау.

— Все едино, матушка, фря и есть фря...

IV.

Послѣ Севастополя императрица посѣтила Байдарскую долину, а 26-го мая царскій поѣздъ останавливался для обѣда въ Симферополѣ, а для ночлега—въ Карасубазарѣ.

Въ Старомъ Крымѣ государынѣ представлялись знатнѣйшіе

изъ татарскихъ мурзъ и, увидѣвъ Иловайскаго, Алексѣя, атамана донскаго войска въ казацкомъ, а не въ армейскомъ или придворномъ мундирѣ, спросили приближенныхъ:

— Зачѣмъ онъ не въ такомъ, какъ другіе, халатѣ?

— Таковъ у казаковъ обычай,—отвѣчали имъ.

— Это хорошо, — похвалили мурзы, — и изъ насъ, изъ татаръ, старые обычаи выходить будутъ золотниками («Дневникъ», 37).

28-го мая царскій поѣздъ былъ уже въ Ѳеодосіи, гдѣ и состоялся высочайшій обѣдъ.

Въ Перекопѣ, 31-го, императорскій поѣздъ встрѣченъ былъ съ особенной торжественностью.

Въѣзжая въ тріумфальныя ворота этого города, императоръ Іосифъ II обратилъ вниманіе на надпись, украшавшую эти ворота, и спросилъ государыню о значеніи надписи.

— «Препослала страхъ и привнесла миръ»,—прочитала она сначала по-русски, а потомъ перевела по-французски.

— C'est vrai... Cela est galant,—согласился Іосифъ.

Изъ Перекопа черезъ Бериславъ прибыли въ Кременчугъ.

На тріумфальныхъ воротахъ Іосифъ опять замѣтилъ надпись.

— «Возродительницѣ сихъ странъ»,—предупредила его вопросъ императрица, переводя надпись.

Затѣмъ слѣдовали Полтава, Константиноградъ, Харьковъ, Бѣлгородъ, Курскъ, Орелъ, Мценскъ, Тула, Серпуховъ, Коломенское, Москва.

Возвратилась императрица, послѣ продолжительнаго путешествія, въ свою лѣтнюю резиденцію, въ Царское Село, только 11-го іюля.

Но мысль о взятіи Очакова и Гаджибея, какъ и мысль о созданіи на мѣстѣ послѣдняго третьей столицы, «Пальмиры» не покидала ея. Императрица постоянно ожидала вѣстей отъ Потемкина, и Храповицкій неуклонно заноситъ въ свой «Дневникъ» все, что касалось этой свѣтлой мечты «Семирамиды Сѣвера».

Но Очаковъ пока стоялъ неуязвимъ. Наступаетъ весна 1788 года.

Утромъ, 4-го апрѣля, Храповицкій является на свое мѣсто, въ кабинетъ государыни. Она уже за работой. Захаръ сердитъ

— Что случилось? — шопотомъ спрашиваетъ его Храповицкій.

— Съ пѣтухами встала,—ворчитъ Хахаръ,—долго ли заболѣть!.. И Марьи Савишны не слушается... Точно русская царица—подсвщица!

— Не ворчи, Захаръ!—услыхала его воркотню Екатерина.— До сна ли мнѣ, когда сегодня я всенародно объявляю новую войну туркамъ.

Она подозвала Храповицкаго и передала ему только что подписанные рескрипты обоимъ фельдмаршаламъ, Румянцеву и Потемкину.

— Тутъ я предписываю украинской арміи прикрывать Польшу и дѣйствогать между Днѣстра и Буга, привлекая на себя силы непріятельскія,—пояснила она.—А екатеринославской оборонять Крымъ и брать Очаковъ. Хотинъ и Бѣлградъ возьмутъ австрійцы.

Потомъ, заговоривъ съ неудовольствіемъ о томъ, что англійское правительство отказало въ наймѣ транспортныхъ судовъ для нашего флота, императрица продолжала:

— Я отмѣнила то письмо, которое сгоряча написала было англійскому правительству по поводу отказа намъ въ транспортныхъ судахъ... Оно было круто... J'avais la tête chaude et je l'ai... Я могу вдругъ положить на бумагу всѣ идеи съ обѣихъ сторонъ представляющагося дѣла.

— Вашему величеству,—почтительно замѣтилъ Храповицкій,—свойственно, по сдѣланной привычкѣ съ малолѣтства, одну вещь въ разныхъ видахъ представить и обмыслить.

— Да, да,—улыбнулась Екатерина,—это все мой бывшій въ дѣтствѣ учитель: онъ всегда заставлялъ меня одно письмо разными писать оборотами.

«Я на сіе навелъ, слыша давно о томъ отъ князя Вяземскаго»,—сознается въ этой придворной хитрости Храповицкій въ своемъ «Дневникѣ» (стр. 71—72).

— Теперь одинъ князь Потемкинъ-Таврическій, avec la tête chaude,—продолжала государыня, увлекшись воспоминаніями. — Прежде таковы были: князь Григорій Григорьевичъ Орловъ, Захаръ Чернышевъ, Петръ Ивановичъ Панинъ, князь Михаилъ Никитичъ Волконскій... Этотъ здраво мыслилъ, но былъ ласкатель... У Муравьева былъ умъ математическій... Чичеринъ умѣлъ разобрать дѣло avec son esprit de justesse... Елагинъ

хорошъ безъ пристрастія... Теперь нѣтъ такихъ головъ... La tête chaude a ses avantages...

Она задумалась, отдавшись воспоминаніямъ... Это уже старость... Горячія головы давно покоятся въ своихъ фамильныхъ склепахъ... Одинъ Потемкинъ остался... Онъ вѣритъ, что дастъ Россіи «Пальмиру»... А оставшіеся въ живыхъ другіе?.. Она сомнительно покачала головой.

— Графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій имѣетъ воинскія достинства, но двоякъ, и храбръ умомъ, а не сердцемъ,—снова заговорила она.—Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій не глупъ, но имѣетъ испорченное сердце («Дневникъ», стр. 72—73).

Вошедшій въ это время въ кабинетъ Нарышкинъ прервалъ разговоръ, которымъ увлеклась было императрица, думая объ Очаковѣ и Гаджибеѣ—«Пальмирѣ».

Прошло около трехъ недѣль послѣ объявленія войны. Храповицкій, по обыкновенію, въ кабинетѣ императрицы разбираетъ и сортируетъ бумаги. Раннее ясное апрѣльское утро. Государыня еще не выходила изъ опочивальни.

Въ дверь высовывается голова Марьи Савишны.

— Что, шуршишь ужъ?

— Шуршу, Марья Савишна.

— И потѣешь?

— Потѣю.

Еще бы не потѣть! Ночью съ Державинымъ, по выраженію поэта, такъ «нарѣзались», что утромъ пришлось вылить на голову два ушата воды.

— Что государыня?—спросилъ онъ.

— Кажись, повеселѣла малость... Что-то тамъ про турка намекала, что бунтуетъ все... Богъ дастъ, говоритъ, Маша, возьмемъ Очаковъ, да еще тамъ какой-то городишко...

— Гаджибей, вѣрно?

— Такъ, такъ, Гаджибей... Такъ будемъ, говоритъ, жить у самаго синяго моря, столицу новую выстроимъ у синяго моря... А наше-то море, говоритъ, не сине...

Вошелъ Захаръ съ полотенцемъ черезъ плечо. Темнѣе ночи. Заряженъ.

— Ты что, словно мышь на крупу? — ехидно спросила Марья Савишна.

— Что!—накинулся на нее Захаръ. — Сами себя разоряете... Нонѣ утромъ истопникова племянница сцапала на дворѣ нашу дворскую хохлатую курицу... Я ее за косу, воровку... На бѣду мою увидала изъ окна сама...

— Государыня?—спросилъ Храповицкій.

— Кому жъ больше! Все замѣтитъ! Грозитъ мнѣ пальчикомъ... Не смѣй, говоритъ, Захаръ, ее трогать... А курицу? говорю. И курицу отдай: они, говоритъ, люди бѣдные, меня не разорятъ... Сама потаччица воровству!

Въ этотъ моментъ въ кабинетъ вошла «сама». Храповицкій вскочилъ и низко поклонился.

— На меня сплетничаетъ?—съ улыбкой спросила Екатерина, взглянувъ на Захара, который сердито стиралъ полотенцемъ пыль со стола, давно имъ же вытертаго.

— Про курицу, ваше величество,—отвѣчалъ Храповицкій.

Захаръ быстро повернулся къ двери и, уходя, махнулъ рукой, досадливо ворча:

— Тоже, государыня! Не догляди Захаръ, весь дворецъ растащутъ истопники да трубочисты.

Марья Савишна тоже скрылась.

Послѣ обыкновенныхъ вопросовъ. нѣтъ ли чего въ бумагахъ особеннаго и не открылось ли чего изъ «перлюстрацій», императрица заговорила съ видимымъ оживленіемъ:

— Изъ доставленныхъ курьерами французскихъ депешъ выходитъ, что Франція ожидаетъ отъ насъ обстоятельнаго изъясненія о связи съ нею... Она недовольна краткимъ отзывомъ на ея предложеніе и требуетъ для медіаціи съ Портою, на чемъ рѣшимся мы остановиться въ войнѣ турецкой... Она подозрѣваетъ во мнѣ des vues d'agrandissemente по случаю отправленія флота въ Архипелагъ... Такія мысли вперяетъ ей прусскій дворъ, который весьма желаетъ взять кусокъ отъ Польши.

Храповицкій спросилъ, успокоили ли ее вѣсти изъ Турціи?

— Да, теперь успокоилась... Вѣдь два мѣсяца не было ничего вѣрнаго изъ Константинополя, да, кромѣ того, докучали разныя отношенія европейскихъ дворовъ... Теперь все объяснилось... Надобно брать Очаковъ и просмотрѣть мирный трактатъ, чтобъ прекратить всѣ прежнія недоразумѣнія. За это я сама взялась... Молдавію и Валахію оставимъ независимыми для буду-

щей греческой имперіи, подъ названіемъ «Дакія» («Дневникъ», 76).

— Для великаго князя Константина Павловича? — спросилъ Храповицкій.

— Для него... Это его приданое... Это я задумала ему «на зубокъ», когда онъ только родился.

Какіе широкіе замыслы!..

А тамъ, въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ здѣсь, въ кабинетѣ и въ опочивальнѣ, съ тревогой мечтаютъ, тамъ въ это время гремятъ орудія на морѣ и на сушѣ, взлетаютъ на воздухъ или съ воплями побѣжденныхъ опускаются на дно моря линейные корабли, фрегаты, шебеки, рушатся стѣны кораблей.

Храповицкій подъ 12-е іюля заноситъ въ свой «Дневникъ»: «Проснувшись сказывали, qu'on n'a plus de barre sur la poitrine»...

Это потому, что накапунѣ было морское сраженіе со шведами, и государыня сильно волновалась, волновалась до боли въ груди... Но шведы разбиты, и on n'a plus de barre sur la poitrine... А послѣ благодарственнаго молебна, воротившись въ кабинетъ, оживленно заговорила о новой побѣдѣ, одержанной тамъ, на югѣ, на «синемъ морѣ», куда стремились всѣ ея мечты:

— Еще побѣда, на Лиманѣ, у Очакова... Плѣненъ 50-ти-пушечный корабль, который будетъ исправленъ и вооруженъ въ рангъ 60-ти-пушечнаго... Сожжено и потоплено 7 линейныхъ кораблей, 2 фрегата, 8 шебекъ и прочихъ судовъ... Орудія досталось 577, людей 5555...

— Уррра, великая Екатерина!—просунулась въ дверь голова Левушки.

— Даже испугалъ, негодный!—оглянулась императрица.— Крапивы, вѣрно, опять захотѣлъ.

— Нѣтъ, матушка, хоть языкъ мнѣ пастрекай крапивою, а я все буду говорить, что ты—великая!—твердилъ Нарышкинъ.— Это кричитъ весь городъ...

А на всего Питера ротокъ
Не накинешь, матушка, платокъ,

— Вотъ тебѣ и стихи... Говорятъ, что ты славою и побѣдами превзошла блаженныя памяти императора Петра I... Онъ-

де одержалъ надъ шведами одну славную побѣду подъ Полтавою, а на Прутѣ-де самъ мало-мало не попалъ въ полонъ къ туркамъ... А твои орлы, матушка, твои ясны соколы щиплютъ и бьютъ гусей и лебедей повсюду,—

И кровь ихъ пущаютъ по синю морю,
А перушки—по поднебесью...

— Ну, тутъ, матушка, стихъ не вышелъ...

— Да остановись ты, мельница... Вонъ Безбородко идетъ съ дѣлами, уходи,—сказала императрица.

— Ухожу, ухожу, матушка: отъ хохла, говорятъ, полу врѣжь, да втикай... Я утекаю...

V.

Время, между тѣмъ, идетъ. Но ни Очаковъ, ни Гаджибей не взяты, и третья столица, «Пальмира», все еще витаетъ въ крылатыхъ мечтаніяхъ.

А уже половина августа 1788 года. А «Пальмира» обѣщана еще весной 1787 года.

Храповицкій, по обыкновенію, на своемъ мѣстѣ. Шуршитъ бумагами, занимаясь «перлюстраціями».

Входитъ императрица съ донесеніемъ Потемкина.

— Было дѣло съ турками подъ Очаковомъ 25 и 27 іюля,— говоритъ она, отвѣчая на поклонъ Храповицкаго. — Сшалилъ Суворовъ: бросаясь безъ спроса, потерялъ съ 400 человѣкъ и самъ раненъ. Онъ, конечно, былъ пьянъ... Не сказывай никому ничего о Суворовѣ («Дневникъ», 130).

Потомъ, присѣвъ за столомъ, государыня продолжала:

— Капитанъ-паша опять пришелъ къ Очакову съ 15-ю кораблями и мелкими судами... Les nouvelles ne sont pas tout à fait consolantes (тамъ же, 130).

Насколько волновали государыню событія подъ Очаковомъ и у Гаджибея, видно изъ слѣдующихъ отмѣтокъ Храповицкаго въ его «Дневникѣ»:

Подъ 25-мъ октября у него отмѣчено: «Въ вечеру занемогли (императрица) и чувствовали лихорадку».

Затѣмъ 26-го: «Лежали въ лодочкѣ (качалка), читали переводъ извѣстнаго возраженія на французскій языкъ, которымъ

недовольны и сами переправлять станутъ; по истинѣ, господинъ Кохъ слабо перевелъ. Жаловались болью въ поясницѣ»...

И тутъ между императрицей и Храповицкимъ произошелъ знаменательный разговоръ по поводу боли въ поясницѣ.

— Это отъ погоды,—сказалъ Храповицкій.

— Нѣтъ, отъ Очакова,—возразила Екатерина.—Очаковъ вчера или сегодня берутъ. J'ai souvent de tels pressentiments...

— Въ самомъ дѣлѣ,—замѣчаетъ Храповицкій,—къ обѣду пріѣхалъ курьеръ отъ кн. Г. А. Потемкина-Таврическаго съ извѣщеніемъ о побѣдахъ Текелія и съ планомъ Очакова, гдѣ назначена осада.

— Григорій Александровичъ пишетъ, — говорила въ тотъ же день вечеромъ государыня Храповицкому, — что сонный контръ-адмиралъ Поль Жонесъ прозѣвалъ подвозъ къ Очакову и не могъ сжечь судовъ, кои сожгли донскіе казаки. Онъ храбръ изъ корысти, былъ пиратомъ, но никогда многими судами не командовалъ... Труситъ турокъ, никто подъ начальствомъ его быть не хочетъ, и онъ самъ ни къ кому въ команду не идетъ. Князь рѣшился отправить его въ Петербургъ подъ видомъ особой экспедиціи на сѣверъ... Принцъ Нассау, послѣ неудачныхъ покушеній на капитанъ-пашу, поѣхалъ въ Варшаву, подъ протекстомъ болѣзни... А капитанъ-паша большое дѣлаетъ препятствіе: прилѣпился къ Очакову, какъ шпанская муха («Дневникъ», 179—180).

Но проходитъ октябрь, проходитъ и ноябрь, а Очаковъ и Гаджибей, воображаемая «Пальмира», нынѣшняя Одесса, все стоятъ и лежатъ камнемъ на душѣ императрицы.

Подъ 12-е декабря у Храповицкаго записано:

«При волосочесаніи позванъ въ будуаръ».

— Устала,—были первыя слова государыни, — все какъ спать хочется... Рано встала, много читала и слушала, и сердили...

А съ юга нѣтъ, вѣстей... Что-то тамъ?

Подъ 13-е Храповицкій отмѣчаетъ: «Не хорошо ночь проводили, поздно проснулись, невеселы...»

Подъ 14-е значится, между прочимъ: «Спѣшили разборомъ внутренней почвы, имѣя какое-то дѣло...»

— Je suis comme le musicien de Hogard, которому всѣ

мѣшали,—съ улыбкой сказала государыня. — Примешься за одно дѣло, встрѣтится двадцать.

Подъ 15-е декабря записано: «Еще ночь худо проводили»...

А между тѣмъ отъ «синяго моря» летѣлъ курьеръ съ извѣстіемъ о взятіи Очакова...

16-го декабря радостная вѣсть облетѣла весь Петербургъ.

Храповицкій вышелъ въ кабинетъ императрицы, когда она уже работала.

— Князь Григорій Александровичъ хотѣлъ было въ Екатерининъ день подарить меня Очаковымъ, но не все было готово,—оживленно заговорила она.—Взяли приступомъ 6 декабря въ Николинъ день... Первымъ вошелъ въ городъ Самойловъ, Александръ Николаевичъ. Очень сожалѣю объ убитыхъ, князѣ Волконскомъ и бригадирѣ, старшемъ Горичѣ («Дневникъ», 211—214).

Оставалось взять Гаджибей, и у «синяго моря», какъ бы по волшебному мановенію жезла «великолѣпнаго князя Тавриды», выростетъ новая столица, «Пальмира»...

Увы! Горе было не за горами... Къ волшебнику, который творилъ чудеса у «синяго моря», невидимо подкралась неумолимая смерть и унесла въ преждевременную могилу... Не стало богатыря, который боролся съ Черноморомъ...

Сколько трогательнаго въ бѣглыхъ отмѣткахъ Храповицкаго о послѣднихъ дняхъ этого богатыря, по вѣстямъ, доходившимъ съ юга!

28-го сентября 1791 года «Дневникъ» дастъ первую тревожную вѣсть: «Получено извѣстіе черезъ Кречетникова изъ Кіева, что Князь Потемкинъ очень боленъ, и къ нему поѣхала Браницкая (племянница его). Сей курьеръ изъ Кіева отъ 21 августа (восемь дней плелся курьеръ!) Печаль и слезы» (императрицы).

1-го сентября:—«Курьеръ отъ кн. Потемкина: Ему легче».

16-го:—«Курьеръ отъ Потемкина: къ нему опять пришла лихорадка».

3-го октября: — «Два курьера, что кн. Потемкинъ былъ опасно боленъ, и теперь еще лихорадка продолжается. Онъ пріобщенъ св. таинъ. Прислано описаніе болѣзни отъ Массо и Тимана... Слезы».

11-го:—«Въ обѣдъ пріѣхалъ курьеръ, что 1-го октября кн. Потемкину опять хуже. Слезы».

12-го:—«Курьеръ къ пяти часамъ пополудни, что Потемкинъ повезенъ изъ Яссъ и, не переѣхавъ сорока верстъ, умеръ на дорогѣ, 5-го октября, прежде полудня... Слезы и отчаяніе. Въ 8 часовъ пустила кровь, въ 10 часовъ легли въ постель».

13-го:—«Проснулись въ огорченіи и въ слезахъ. Жаловались, что не успѣваютъ приготовить людей. Теперь не на кого опереться».

16-го:—«Продолженіе слезъ»...

Храповицкій осмѣлился было утѣшать. Напрасно!

— Какъ можно Потемкина мнѣ замѣнить?—говорила императрица, удерживая набѣгавшія слезы.—Все будетъ не то... Кто могъ подумать, что его переживутъ Чернышевъ и другіе старики? Да и всѣ теперь, какъ улитки, станутъ высовывать головы.

— Но все это ниже вашего величества,—«отрѣзалъ», какъ самъ выражается въ «Дневникѣ», Храповицкій.

— Такъ, да я стара... Онъ былъ настоящій дворянинъ, умный человѣкъ, меня не продавалъ... Его не можно было купить («Дневникъ», 373—378).

Послѣ Очакова былъ взятъ де-Рибасомъ и Гаджибей. Но не было уже того богатыря, который мечталъ о «Пальмирѣ».

Какъ-то разъ, вскорѣ послѣ смерти Потемкина раннимъ утромъ, около опочивальни государыни сошлись Марья Савишна и Захаръ.

— Ну, что, Марья Савишна, еще не изволила проснуться матушка-царица?—спросилъ Захаръ.

— Нѣтъ, Захаръ Константиновичъ, не изволила,—отвѣчала довѣренная камеръ-юнгфера.—И пусть отдохнетъ... Шутка-ли, сколько работаетъ, уму непостижимо! Рукъ не покладаетъ... Точно она и не государыня, а поденщица!

— Истинно, истинно всероссійская поденщица! И я ей то же говорилъ не разъ... такъ отговариваться изволитъ:—я—говоритъ, Захарушка, передъ Богомъ за весь мой народъ отвѣтчица.

— И то правда... Да Богъ видитъ ея труды.

— А что, все еще изволитъ печаловаться.

— Да какъ, Захаръ Константиновичъ, и не печалиться! Другого такого вѣрнаго слуги не нажить ей... То, бывало, говаривала: Вотъ, Маша, я становлюсь стара, часто недомогаю, то ревматизмъ, то головныя боли отъ этого сырого климату. А вотъ, говоритъ, съ Божьей помощью да трудами князя Григорія Александрыча мы построимъ себѣ хижину у самаго синя моря... Тамъ и солнышко, говоритъ, теплое, ни сырости этой, ни тумановъ... А вотъ, говоритъ, не судилъ Богъ... И въ слезы...

— Ахъ, Марья Савишна! И мнѣ то же не разъ изволила говаривать: Вотъ, говоритъ, Захарушка, ты часто на меня ворчишь!.. Знаю, говоритъ, изъ преданности это ко мнѣ... Только, говоритъ, въ тебѣ ворчитъ не сердце твое, а ломота въ костяхъ отъ этой самой сырости. А тамъ, говоритъ, у синя моря... Эхъ, не судилъ Богъ, точно.

Въ опочивальнѣ послышался звонокъ.

Но мечты великой Екатерины все же сбылись. На мѣстѣ Гаджибея, у «синяго моря», возникла, если и не «Пальмира», столица «Семирамиды сѣвера», то Одесса, достойная, прекрасная столица нашего благословеннаго юга.

ЛЮБИМЫЙ СОКОЛЪ ГРОЗНАГО.

I. Грозный царь у соколовъ.

На сокольничьемъ дворѣ и въ особенности въ сокольничьей избѣ происходило необычайное движеніе.

Грозный царь Иванъ Васильевичъ указалъ своимъ боярамъ и сокольничьимъ готовиться на слѣдующій день къ соколиной охотѣ.

Служители сокольничьяго двора сбились съ ногъ въ хлопотахъ о томъ, чтобы все было въ образцовомъ порядкѣ къ пріему царственнаго ловчаго.

Въ избѣ сокольничьи хлопотали около порученной каждому изъ нихъ птицы: осматривали разноцвѣтные колпачки, надѣваемые на головы соколовъ до выпуска ихъ на поднятую или случайно замѣченную птицу, примѣряли на правыя руки рукавицы, на которыхъ должны были сидѣть соколы во время выѣзда въ поле и на охотѣ, чистили цѣпочки, коими приковывались красивые хищники до выпуска на птицу.

Сокольничьи были въ нарядныхъ кафтанахъ, съ вышитыми на груди двуглавыми орлами, и въ войлочныхъ колпакахъ съ приподнятыми полями.

— Нонѣ мой Догоняй что-то особенно зористъ глазами,— сказалъ молодой и красивый черноволосый юноша, князь Трифонъ Патрикѣевъ, высоко поднимая на рукавицѣ своего сокола и любуясь имъ,—должно, первымъ покажетъ себя на очахъ великаго государя.

— Сказывай!.. Не по-намеднешнему ли?—усмѣхнулся дру-

той молодой сокольничій, князь Юрій Долгоруковъ, осматривая своего сокола.

— Не каркай, князь Юрій,—недовольнымъ тономъ процѣдилъ князь Трифонъ,—какъ бы твоей ловецкой удачѣ не оказаться въ нѣтѣхъ.

— Не тужи о моихъ нѣтѣхъ, Трифонъ Ильичъ,—огрызнулся юный Долгоруковъ,—вспомни о своемъ о намеднешнемъ нѣтѣ.

— Что-жъ! Не моя то была провинка,—отозвался Патрикѣевъ,—холопы маленько перекормили моего Догоняя, и, отяжелѣвъ втѣпоры, не бывъ голоденъ, онъ и не погналъ за птицей. Зато и получили холопы батоговъ гораздо.

— Зато и соромъ же былъ тебѣ передъ великимъ государемъ, а-ахъ!—засмѣялся князь Юрій.

— И точно!—засмѣялся и третій сокольничій, Уаръ Курицынъ.—Что ты, Трифонъ, сказалъ въ тѣ поры великій государь, али въ галку оборотилъ мово сокола?.. Бояре втады такъ и покатились со смѣху.

— А Догоняй сидитъ себѣ на осиповомъ суку и клювъ себѣ чиститъ,—добавилъ четвертый сокольничій

— Прихорашивался парень... ха-ха-ха!

— Смѣйтесь, смѣйтесь, — пожалъ плечами князь Патрикѣевъ.—Ноли ты запамятовалъ, Уаръ Митричъ, какъ Догоняй осрамилъ твово Забирая?

— Когда?—вспыхнулъ тотъ.

— А въ запрошломъ годѣ.

— Съ утицей кряковой?

— И съ утицей, и съ селезнемъ... Что называется, изъ-подъ носу выбилъ твово крякового селезня.

— Это тово, что ты будущей своей тещѣ въ подарокъ снесъ?—ехидно спросилъ юный Долгоруковъ.

— А тебѣ и куликомъ не удалось поклониться твоей теткѣ,—отплатилъ сопернику князь Трифонъ.

— Она куликовъ не ѣстъ, токмо лебедей.

Въ это время въ сокольничью избу вошелъ князь Курбскій, Андрей Михайловичъ.

— Здравствуйте, молодые сокольнички,—сказалъ онъ привѣтливо.

— Здравъ буди, князь Андрей Михайловичъ!—хоромъ отвѣчали сокольнички.

— Буди здоровъ, покоритель Казани! — отдѣльно привѣтствовалъ вошедшаго молодой князь Патрикѣевъ.

Курбскому, видимо, польстилъ этотъ привѣтъ. Онъ улыбнулся.

— Что твой соколъ совсѣмъ выздоровѣлъ?—спросилъ онъ, любуясь прелестнымъ хищникомъ.

— Благодареніе Богу, милостивецъ, князь Андрей Михайловичъ,—отвѣчалъ Патрикѣевъ,—выздоровѣлъ и еще краше сталъ.

— Ну, добро-ста. Великій государь радъ будетъ,—сказалъ Курбскій. — Кстати, онъ и самъ скоро сюда пожаловать изволитъ.

— Великій государь изволитъ жаловать сюда?—обрадовались всѣ и какъ бы испугались.

Патрикѣевъ чуть замѣтно лукаво улыбнулся.

Всѣ сокольничьи подтянулись и тщательно осматривали каждый своего сокола, кому какой порученъ былъ для выучки.

— Буди здравъ, великій государь, батюшка!—послышались возгласы на сокольничьемъ дворѣ.

— Государь шествуетъ! Государь! — прошелъ шопотъ по избѣ.

Передніе «рынды» широко распахнули дверь, и на порогѣ показался Иванъ Васильевичъ.

Царь былъ въ охотничьемъ одѣяніи. Онъ это дѣлалъ для того, чтобъ соколы скорѣе привыкли къ нему и охотно шли, когда онъ «вабилъ» ихъ безъ «вабика» и безъ «вабила».

Едва Иванъ Васильевичъ вступилъ въ избу и сказалъ: «здравствуйте, мои сокольники», какъ соколъ князя Патрикѣева моментально снялся съ рукавицы его и сѣлъ на плечо великаго князя.

Это всѣхъ поразило, даже самого Грознаго

— Вотъ какъ!—сказалъ онъ, улыбаясь,—Что-жъ это ты?

— Догоняй привѣтствуетъ государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи!—смѣло отвѣчалъ Патрикѣевъ.

— Вотъ какъ!—продолжалъ улыбаться царь.—Ахъ, ты плутъ!..

— И птица чтитъ великаго государя,—сказалъ Курбскій.

Всѣ сокольники съ завистью смотрѣли на счастливца Патрикѣева. а Юрій Долгорукій даже поблѣднѣлъ отъ досады.

— Не безъ тово оно тутъ,—шепнулъ онъ своему сосѣду Курицыну.

— Какъ не безъ тово?—не понялъ послѣдній.

— Не безъ нечистой силы.

— Святъ, святъ!—испугался Курицынъ.

— Какъ же!.. Безъ «вабика» и безъ «вабила», да прямо на плечо великому государю!

— И то правда... Ахъ, унаси, Господи!

А Иванъ Васильевичъ продолжалъ любоваться соколомъ и хвалить Патрикѣева.

— Молодецъ, Трифонъ, молодецъ, дѣтинушка... Ишь ты, съ плеча не сходитъ... А повабь-ко ево «вабикомъ».

Патрикѣевъ вынулъ изъ-за пазухи дудочку изъ пера и сталъ тихонько подсвистывать. Соколъ продолжалъ сидѣть на плечѣ у царя.

— Да что я тебѣ?.. Рукавица, что ли?—смѣялся Иванъ Васильевичъ.

— Не рукавица, государь, а должно, ты милѣе ему родной соколушки,—подлащивался Курбскій.

Одинъ хитрецъ Патрикѣевъ зналъ, въ чемъ дѣло, но молчалъ и скромно улыбался.

— Да ты что жъ? Такъ у меня на плечѣ и будешь сидѣть, разбойникъ?—шутилъ грозный царь.

— А спробуй, Триша, поманить ево «вабиломъ»,—сказалъ Курбскій Патрикѣеву.

— И вирямь, покажь ему «вабило»,—согласился Иванъ Васильевичъ.

Патрикѣевъ досталъ изъ кожаной сумы вабило. Это было подобіе птицы, два птичьихъ крыла и среди нихъ кусокъ сырого мяса.

— На, Догоняюшко, возьми, — манилъ Патрикѣевъ своего ученика.

Соколъ продолжалъ сидѣть на плечѣ грознаго царя.

— Да что жъ ты, братецъ, — весело говорилъ Иванъ Васильевичъ,—коли позвать сюда опричника, чтобы онъ тебя метлой согналъ съ мово плеча, а?.. Хочешь метлы?

«Рынды» напрасно силились не смѣяться, но нѣтъ-нѣтъ, да и прыснетъ который-либо. Зато сокольники переглядывались съ удивленіемъ.

— Бѣсы тутъ, бѣсы,—шепталъ юный Долгорукій.

— Ладономъ бы покурить,—соглашался Курицынъ.

— Хочешь метлы, озорникъ?—допрашивалъ царь, гладя сокола по головкѣ.

— Онъ, государь, и метлы не боится,—говорилъ князь Курбскій,—онъ знаетъ, озорникъ. что метла не посмѣетъ прикоснуться къ плечу великаго государя.

— Но какъ же намъ быть, Трифонъ?—со смѣхомъ спросилъ Иванъ Васильевичъ Патрикѣева.

— Какъ укажетъ великій государь,—скромно отвѣчалъ послѣдній.

— Да онъ и великаго государя въ усъ не дуетъ,—продолжалъ смѣяться Иванъ Васильевичъ.

Всѣ бывшіе въ сокольничьей избѣ не могли придти въ себя отъ изумленія: никогда они не видали грознаго царя въ такомъ веселомъ расположеніи духа... Диво да и только!

— Вонъ цапля взмыла, Догоняй, — силился обмануть упрямца Курбскій.

Ничто не помогало.

— Да онъ, поди, завтра и на охотѣ съ мово плеча не сойдетъ,—говорилъ Иванъ Васильевичъ.

— Онъ, государь, въ колпакѣ будетъ,—сказалъ Патрикѣевъ и поднесъ къ клюву Догоняя кусочекъ мяса.

Соколъ сразу схватилъ мясо лапкой и тотчасъ перелетѣлъ на рукавицу Патрикѣева.

II. Ловкій сокольникъ.

Вечеромъ того же дня молодой князь Трифонъ Патрикѣевъ находился въ гостяхъ у своей нареченной невѣсты Дарьицы Кожиной. Дарьицы, собственно, онъ не видѣлъ, хотя весь горѣлъ желаніемъ «хушь однимъ глазкомъ накинуть на разлапушку», ибо, по тогдашнему обычаю, онъ не могъ видѣть своей невѣсты «до вѣнца». Только тогда, когда невѣсту съ густо закрытымъ лицомъ посадятъ на «помостъ» и пришедшаго къ ней жениха посадятъ рядомъ съ ней; когда сваха начнетъ «чесать и крутить» невѣсту, и «свѣчники» зажгутъ около нея свадебныя «богоявленскія свѣчи» и протянутъ между женихомъ и невѣстой навѣсъ изъ лазоревой тафты, чтобы ни женихъ и никто не могъ видѣть

дѣвушки, когда ее будутъ чесать, и когда, наконецъ, сваха скажетъ жениху и невѣстѣ: «приложитесь щеками къ тафтѣ», только тогда, и то при хитрой уловкѣ дѣвушки, женихъ можетъ увидѣть въ зеркальце, въ которое при чесаніи будетъ смотрѣть невѣста, отраженіе лица дѣвушки. Таковъ священный обычай! Это не то, что теперь: теперь «до вѣнца» женихъ и наговорится вдоволь съ невѣстой, и натанцуется, и нацѣлуется...

Патрикѣевъ и не видѣлъ въ этотъ вечеръ, какъ и въ прежніе, своей Дарьицы, хотя плутовка Дарьица весь вечеръ однимъ глазкомъ приникла изъ другой хоромины къ замочной скважинѣ и до отвалу любовалась своимъ красавцемъ писанымъ, Тришей, когда онъ бесѣдовалъ съ будущимъ тестемъ и тещей.

— И потѣшилъ же я нонѣ, утресь, великаго государя,—говорилъ онъ, радостно сверкая глазами.

— Што ты!—удивился бояринъ Никита Ѳомичъ Кожинъ.— Это Грозново батюшку царя потѣшилъ! Вѣкъ не повѣрю тебѣ, мой нареченный зятюшко!

— И мнѣ чтой-то не вѣрится,—покачала головой и будущая теща Патрикѣева. дородная боярыня Евдокія Ильишна.

— Анъ потѣшилъ! Да еще какъ!—хвастался молодой сокольникъ.

— Гдѣ?.. Ноли на Верху, у самово?

— Нѣ... въ сокольничьей избѣ.

— Ну, ну?.. Сказывай.

— На-завтрее, вишь, великій государь указалъ быть сокольничьей охотѣ...

— Да, царь-батюшка таково любитъ эту потѣху,—сказалъ Никита Ѳомичъ.—Ну, парень, не томи.

— А мнѣ ажно страшно. — вздохнула Евдокія Ильишна.

Патрикѣевъ продолжалъ:

— Нонѣ утресь великій государь и изволилъ пожаловать къ намъ въ сокольничью избу посмотрѣть, все ли у насъ въ порядкѣ. Какъ сказалъ намъ князь Курбскій, что невдолгѣ пожалуетъ царь-батюшка, всѣ сокольники, точно чижи въ клѣткѣ передъ ястребомъ, заметались, какъ угорѣлые. Одинъ я, ни Боже мой! Ни-ни!

— Ишь ты! Больно таково храберъ! — укоризненно покачалъ головой бояринъ Кожинъ.

— Пронеси. Господи! — шептала боярыня. — Помяни царя Давида...

— Ну, входитъ это великій государь... рында этакъ... Сокольники такъ и застыли на мѣстахъ... А я ничевошеньки!

— Ахъ, святители!.. Безумецъ ты, парѣнь!

— Безумецъ, безумецъ!—шептала и боярыня.

— Вдругъ, этта, мой Догоняй скокъ съ моей рукавицы, да прямо къ великому государю на правое плечико...

— На царское плечо!

— Охъ, страхъ, Владычица!

— На плечо и есть... Великій государь ажно изумился таково и обрадовался...

— Обрадовался!.. Што ты, Триша!.. Не мели!..

— Не мелю, батюшка... Таково крѣпко обрадовался великій государь. И говоритъ: «Вотъ какъ! Что жъ это ты?», къ Догоняю-то говоритъ это. А я, милостивцы мои, на это: Догоняй, говорю, привѣтствуетъ государя царя и великаго князя Ивана-деи Васильевича всея Русіи.

— Ты!—даже подскочилъ бояринъ.—Ты такое слово молвилъ!

— Я, батюшка. А государь и говоритъ Догоняю таково привѣтно: ахъ, ты, плутъ!.. А князь Курбскій на это: и птица-деи чтитъ великаго государя.

— Ловко!.. Ай да князь!

— А великій государь и говоритъ: молодецъ Трифонъ! Молодецъ, дѣтинушка, молодецъ!

— Такъ и сказалъ? Ахъ, ты, Господи!

— А опосля того и говоритъ, глядючи на Догоняя: ишь ты! Такъ съ плеча и не сходитъ... А повабь-ко ево-деи вабиломъ, это ко мнѣ-то.

— А ты?

— Я вынялъ «вабило» изъ-за пазухи, подсвистываю... Нѣтъ, не сходитъ съ плеча государева мой соколъ.

— И на вабило нейдетъ?

— Нейдетъ,—лукаво улыбнулся молодой сокольникъ.

— Ахъ ты, муха тебя ѣшь!.. Ну?

— А тутъ князь Курбскій думалъ, этта, омануть птицу, да и говоритъ: вонъ-деи цапля взмыла, Догоняй! А онъ ни съ мѣста. А государь со смѣшкомъ, этта, и молвитъ: да онъ-деи, поди, зав-

трее и на охотѣ съ мово плеча не сойдетъ. А я на это: онъ, говорю, государь, завтрее въ колпачкѣ будетъ.

— Поди жъ ты!.. Ну?

— А я втѣпоры взялъ да и поднесъ мому упрямцу кусочекъ мясца, а онъ ево въ лапку да ко мнѣ на рукавицу.

— Ахъ, диво како!.. И государь ничево?

— Ничевошеньки... Изволилъ только похвалить меня.

— Ну, парень, счастливъ твой Богъ, что государь не лѣвой ногой съ постели изволилъ встать, а то бъ...

— Ахъ да... забылъ,—спохватился Патрикѣевъ.—Когда это мой Догоняюшко и на вабило не пошелъ, государь, смѣючись, и говоритъ ему: да что жъ ты, братецъ!.. Ноли позвать-деи сюда опричника, чтобъ онъ тебя метлой согналъ съ мово плеча?.. Хочешь-деи метлы?

— А, каково!—глянулъ бояринъ на жену.

— Ужъ и не говори!.. Чудеса, да и только!

— Ну, паренекъ, что далѣ?—интересовался бояринъ.

— Государь и говоритъ: хочешь-деи метлы, озорникъ? А самъ изволитъ гладить его по головкѣ. А князь Курбскій и молвитъ: онъ-деи, государь, и метлы не боится, онъ-деи знаетъ, что метла не смѣетъ прикоснуться къ плечу великаго государя.

— Ишь ты!.. Ловко сказалъ!.. Ну?

— Тутъ государь и изволилъ спросить меня: какъ же намъ быть, Трифонъ? А самъ изволитъ смѣяться. Я и говорю: какъ укажетъ великій государь. «Да онъ, говоритъ, смѣючись, государь: онъ-деи и великаго государя въ усъ не дуетъ».

— Такъ и сказалъ?

— Такъ и сказалъ.

— Ахъ, дуй-те горой!.. Вотъ чудеса!

— Воистину чудеса,—покачала головой боярыня.

— Чудеса-то, чудеса, мои дорогіе батюшка и матушка, да только чудеса сіи моей стряпни,—весело улыбнулся ловкій сокольникъ.

— Какъ твоей?—удивился бояринъ.

— Моей... моево ума и моихъ рукъ это дѣло... Ужъ признаюсь вамъ, какъ попу на духу, и только вамъ, чтобы ни одна душа про то не вѣдала... Дѣло это потайное, дѣло зѣло потайное. Вѣдомо вамъ, какъ горячо къ сердцу примаетъ великій госу-

дарь соколиную охоту и какъ любитъ ловчихъ соколовъ. Я и удумалъ угодить великому государю. Подъ предлогомъ того, якобы мой Догоняй малость болѣетъ, не обезсудьте мово слова, вшой, я и взялъ его на зиму изъ сокольничьей избы къ себѣ на домъ и учалъ съ нимъ чудо творить. Заказалъ сшить себѣ охотничій кафтанъ такова жъ цвѣта, какъ у великаго государя. Когда наступалъ часъ кормить мово учня, я надѣвалъ сей кафтанъ на себя и на правое плечо клалъ кормъ...

— Ишь хитрецъ, — покачалъ головою бояринъ, — теперь я малость мекаю. Ну?

— Онъ и летитъ на кормъ...

— Такъ, такъ... Ловко придумано.

— Нонѣ я ево не кормилъ съ утра, онъ и проголодался. А какъ увидалъ знакомый кафтанъ на великомъ государѣ, то и сѣлъ ему на плечо...

— Хитеръ ты, я вижу, парень, у, хитеръ!

— А коли онъ, бывало, сядетъ мнѣ на плечо, а тамъ корму нѣтъ, то и ждетъ, пока не подамъ.

— Ахъ же и парень, ну!

— Точно, уменъ Триша, уменъ,—похвалила боярыня,—великому государю въ душу залѣзъ.

— Ну, теперь, паренекъ, пойдешь въ гору, — рѣшилъ бояринъ.

— Дай, Господи,—перекрестилась боярыня. — Пойти порадовать Дарьицу...

— Ой!—послышалось за дверью.

Это боярыня, отворяя дверь, стукнула ею въ лобъ подглядывавшей Дарьицѣ.

— А, чтобъ тебя, дѣвка!

III. «Быть твоей головѣ на плахѣ!»

Великолѣпное августовское утро. На небѣ ни облачка. Зелень подмосковныхъ лѣсовъ кое-гдѣ уже отдаетъ багрянцемъ

Царь Иванъ Васильевичъ въ сопровожденіи бояръ и сокольниковъ открываетъ соколиный походъ.

Царскій конь выступаетъ плавно и гордо, отлично сознавая своимъ лошадинымъ умомъ, какого всадника онъ несетъ на своей спинѣ.

У праваго бока царя, на приличномъ разстояніи, выступаетъ другой красивый конь съ молодымъ всадникомъ. Это князь Трифонъ Патрикѣевъ съ соколомъ на правой рукѣ. Головка Догоняя накрыта краснымъ колпачкомъ.

Тутъ же на конѣ и князь Юрій Долгоруковъ. Онъ, видимо, старается оттѣснить отъ царя Патрикѣева.

Это замѣтилъ Иванъ Васильевичъ.

— Ты что лѣзешь не на свое мѣсто?—оглянулся онъ.

— Это мое мѣсто,—отвѣчаетъ юный Долгоруковъ.

— Заслужи прежде,—оборвалъ его Иванъ Васильевичъ.

— Его, государь, заслужили мои дѣды и прадѣды,—не унимался Долгоруковъ.

— А ты не заслужилъ, вонъ Трифонъ перебилъ его у тебя,—нахмурился царь.

— Великій государь!—взмолился Долгоруковъ.—Мое мѣсто и за твоимъ государевымъ столомъ выше князей Троекуровыхъ и Патрикѣевыхъ, а не токмо здѣсь. Прикажи, великій государь, отрубить мнѣ голову, а мѣста своево, пока живъ, я не уступлю.

Иванъ Васильевичъ такъ глянулъ на молодого сокольника и на его коня, что послѣдній поднялся было на дыбы и со страхомъ отступилъ назадъ.

Вдругъ Патрикѣевъ поднялся на стременахъ.

— Государь! Цапля,—быстро сказалъ онъ.

— Гдѣ?

— Вонъ, государь, летитъ надъ двумя елями.

— А! Больно далеко, за ней не угнаться.

— Твой, государевъ, Догоняй и вѣтеръ перегоняетъ, не токмо чапуру. Укажи, государь,—умолялъ Патрикѣевъ.

— Ну, инъ быть по твоему.

Зазвенѣла серебряная цѣпочка у Догоняя, съ головы слетѣлъ колпачекъ.

— Вонъ цапля!—указалъ рукою Патрикѣевъ на чуть замѣтную на синевѣ неба двигающуюся точку.

Соколъ сорвался съ руки Патрикѣева и быстрѣе, кажется, стрѣлы полетѣлъ за жертвой.

Скоро и соколъ, и двигавшаяся по нему точка исчезли изъ глазъ.

Патрикѣевъ мчался за ними, сломя голову.

— Не догнать ему чапуры,—замѣтилъ князь Курбскій.

— Гдѣ догнать!—согласились бояре.

Лошадиный топотъ спугнулъ съ ближайшаго озерца пару лебедей.

— Уаръ и Юшка, пущайте птицу!—кинулъ царь Курицыну и Долгорукову.

Два сокола, освобожденные отъ цѣпочекъ и колпачковъ, помчались стрѣлой за лебедями. Настигая ихъ и немного не долетая, оба сокола взвились высоко надъ своими жертвами.

Лебеди замѣтили своихъ преслѣдователей и приготовились къ оборонѣ.

Вдругъ съ неба точно два камня упали на лебедей, которые, прежде чѣмъ соколы упали на нихъ, опрокинулись кверху грудью.

Началась борьба.

— Ай,—вскрикнулъ Уаръ Курицынъ.

И было отчего. Его соколъ, безпорядочно кувыркаясь въ воздухѣ, падалъ внизъ.

— Убилъ, убилъ, проклятый!

Другая пара борцовъ, соколъ Долгорукова и лебедь еще держалась на воздухѣ, видимо борясь.

— Твой, государевъ, Перьачъ побѣдилъ!—радостно сказалъ Долгоруковъ, указывая на другого лебедя, который, безпорядочно вертясь въ воздухѣ, падалъ, а соколъ продолжалъ долбить его въ голову.

Другой лебедь, убившій громаднымъ клювомъ, какъ долотомъ, сокола, давно исчезъ изъ виду.

Всѣ поскакали искать упавшаго лебедя и убитаго сокола.

Упавшій лебедь еще бился въ предсмертной агоніи, а побѣдитель соколъ добивалъ его, какъ бы мстя за смерть товарища.

Курицынъ поднялъ убитаго сокола.

— Бѣдный! Проклятый великанъ раздробилъ ему головку.

— Маху далъ,—сказалъ царь, подъѣзжая.

Долгоруковъ съ торжествомъ поднесъ къ нему своего сокола и убитаго имъ лебедя.

— Молодецъ Первачъ,—погладилъ Иванъ Васильевичъ сокола по гордой головкѣ.

А потомъ, оборотясь къ боярамъ, спросилъ:

— А Патрикѣевъ не воротился?

— Нѣту, государь.

— Ну, должно, тебѣ, Юша, достанется Трифоново мѣсто,— сказалъ Иванъ Васильевичъ Долгорукову,—и самъ пропалъ, и сокола, моего любима, упустилъ. Быть ему въ опалѣ.

Лицо Долгорукова сіяло счастьемъ.

«Што Тришка,—радовался онъ въ душѣ,—и черти не помогли».

Охота продолжалась. Убито было нѣсколько утокъ, цапель, куликовъ и другой болотной птицы. А Патрикѣевъ все не возвращался.

Иванъ Васильевичъ почувствовалъ голодъ. Движеніе на воздухѣ у всѣхъ возбудило аппетитъ.

— Пора бы сдѣлать привалъ,—сказалъ царь окружающимъ.

— Какъ укажешь, государь,—поклонился Курбскій.

— И червяка заморить не мѣшало-бъ,—продолжалъ Грозный, неслюдимость котораго почти всегда отпадала на охотѣ.

— И точно, государь,—сказалъ Курбскій.

А потомъ, оборотясь къ одному сокольнику, приказалъ:

— Скачи ты къ обозу. Пущай живой рукой рушаетъ сюда съѣствы и питіи. А вы тѣмъ временемъ разводите костры вдоль берега той рѣчки,—сказалъ онъ другимъ сокольникамъ, указывая на блестѣвшую на солнцѣ поверхность Москвы-рѣки.

Костры скоро запылали, а прибывшіе съ обозомъ повара начали ощипывать и потрошить набитую соколами дичь.

Царю и боярамъ раскинули походный столъ, покрыли его скатертью, поставили приборы, вина, сидовы, кубки, чары, а вокругъ—стульцы складни.

На столѣ появились холодныя закуски, икра зернистая и паюсная, балыки, провѣсная бѣлорыбица, тешки.

— Съ счастливымъ ловомъ, великій государь, — поднялъ чару Курбскій.—Здравіе и долгоденствіе государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Россіи.

— Съ ловомъ-то, съ ловомъ, да не совсѣмъ счастливымъ,— отозвался царь.—Чаю, любимаго моево сокола утеряли.

— Богъ милостивъ, государь, найдется,—загудѣли бояре, поднимая здравицы за великаго государя.

— Твоимъ государевымъ счастьемъ все разыщется,—добавилъ Курбскій.—Птица ручная, привычная. Коли не вернулась къ обозу, то это знакъ, что Догоняй догналъ цаплю, подбилъ ее

и въ тѣ поры, когда Трифонъ ее ищетъ и «вабитъ», онъ, може, въ другомъ концѣ бора трапезуетъ цыплятинкой.

— И я такъ думаю, государь,—отозвался князь Троекуровъ, опытный охотникъ, до тонкости изучившій повадки сокольныя.— Онъ, Догоняй, ежели голоденъ, то ни въ какомъ разѣ, ни Боже мой, не отстанетъ отъ намѣченной добычи. А что онъ голоденъ, такъ это несомнѣнно: передъ ловомъ ни одинъ знающій ловецъ не даетъ птицѣ корму. А Трифонъ Патрикѣевъ—ловецъ знающій, отъ отцовъ и дѣдовъ ловецъ.

— Такъ, такъ, княже,—подтвердилъ Курбскій,—малый теперь съ ума сходитъ, рыщетъ по болотамъ да зарослямъ, а ево питомый долбитъ себѣ цаплю и забылъ свово учителя.

— Твоими бы устами да медъ пить, — махнулъ рукой Грозный.

— Вѣрно, государь, попомни мое слово, что кречетъ сыщется, либо самъ воротится къ обозу,—настаивалъ Курбскій.

— Какъ же онъ воротится, когда обозъ сымется съ мѣста.

— Насытится и воротится допрежъ какъ твой, государевъ, столъ здѣсь кончится.

Между тѣмъ царкіе повара уже изжарили дичь на вертелахъ, и стольники подавали ее къ царской полевой трапезѣ.

— Да и жирное же утя!—говорилъ Курбскій, обгладывая прямо изъ рукъ хорошо прожареннаго чирка.

— Да и куликъ, хоша не великъ, а добре скусенъ,—вторилъ Курбскому князь Троекуровъ.

— Куликъ не великъ, а все-таки птица,—старался развеселить царя Курбскій.

Иванъ Васильевичъ кушалъ въ это время жирнаго, молодого коростеля, которыхъ онъ очень любилъ.

— Кто добылъ коростеля?—спросилъ онъ.

— Первачъ, государь,—отвѣчалъ князь Троекуровъ.

— Юшѣ Долгорукову нонѣ везетъ,—замѣтилъ Курбскій,— и коростеля добылъ ево Первачъ, и лебедя.

Въ это время стольникъ, любимецъ царя, подносилъ къ нему лебедя, который жарился долѣе другой, мелкой дичи.

— Дай-ко, Сеня, я самъ рушу лебедя для великаго государя,—сказалъ Курбскій, принимая изъ рукъ стольника блюдо съ лебедемъ.

— Ба! Да никакъ Трифонъ?—послышалось въ сторонѣ.

— Онъ и есть.

Дѣйствительно, Патрикѣевъ подъѣзжалъ къ обозу. Конь подъ нимъ, весь въ пѣнѣ, едва плелся. Самъ Патрикѣевъ былъ блѣденъ и съ трудомъ держался на сѣдлѣ.

Сойдя съ большими усиліями съ коня, онъ, шатаясь, подошелъ къ столу и повалился головой на землю.

— Смилуйся, великій государь!—шепталъ онъ.

— Не сыскалъ?—глухо спросилъ царь.

— Не сыскалъ, государь,—былъ едва слышный отвѣтъ.

— Я говорилъ тебѣ, не пущай... не догонитъ.

— Догналъ, государь.

— Догналъ... точно... и вмѣстѣ съ нимъ... упалъ... въ гущину... бора...

— Ну?

— Искалъ... видитъ Богъ...

— И не нашелъ?

— Не... нашелъ...

— Добро... Даю тебѣ три дня сроку. Коли вернешься безъ сокола, быть твоей головѣ на плахѣ!

IV. Гдѣ несчастный?

Въ тотъ же день вѣсть о постигшемъ молодого князя Патрикѣева несчастьи и объ угрозѣ царя казнить провинившагося сокольника, если онъ не отыщетъ любимаго царскаго сокола, разнеслась по Москвѣ.

Тѣ изъ сокольниковъ, которые завидовали Патрикѣеву, теперь радовались. Особенно злорадствовалъ молодой Юша Долгоруковъ.

— А!.. Хотѣлъ ссадить меня съ мѣста, вотъ же тебѣ!

— Не знайся съ нечистой силой,—говорилъ Уаръ Курицынъ.

— То была, знать, не цапля, а «самъ»... черный... чуръ-чуръ!.. Наше мѣсто свято.

— Какъ же не «самъ», коли говоритъ: упалъ-де вмѣстѣ съ соколомъ у нево на глазахъ, и нѣту ево!

— Скрозь землю провалился и съ соколомъ-то.

— Знамо, въ преисподнюю.

— Може, Трифонъ и душу «ему» продалъ.

— Не безъ тово... «Онъ», знамо, безъ души помогать не станетъ.

— Три дня сроку на поиски... Еще милостивъ великій государь.

— А жаль, братцы, Тришу, рубаха человѣкъ!

— Таки ли рубахи бываютъ!

— А доведись на тебя, не то бы запѣлъ.

— Что жъ онъ, бѣдняга, ищетъ, поди?

— Тамъ и остался, гдѣ мы съ царскимъ обозомъ покинули ево.

— И отъ ѣствы бѣднягу отбило, только все воду пилъ, какъ маленько въ себя пришелъ послѣ словъ-ту царскихъ.

— На ково ни доведись, сомлѣешь

— Плаха не свой братъ.

Роковая вѣсть достигла и дома Кожиныхъ и, какъ громомъ поразила всѣхъ. И это послѣ такой радости накапунѣ!

Вѣсть эту принесъ Кожинымъ князь Троекуровъ, но только съ добрымъ намѣреніемъ, желая ихъ утѣшить.

— Головой ручаюсь, что сыщетъ сокола,—говорилъ онъ.— Сколько разъ такъ-ту пропадали у меня, и все-жъ таки сыскивались. Наѣстся онъ съ голодухи вдосталь и соскучится по насиженному мѣсту въ своей сокольнѣ.

— Вить онъ, ты сказываешь, все вабилъ ево «вабикомъ», и на «вабикъ» не откликнулся,—возражалъ Кожинъ.

— Да не въ томъ мѣстѣ вабилъ... Съ перепугу онъ голову потерялъ. Да коли птица голодна и сидитъ на добычѣ, она и на «вабило» не позарится... А коли сыта, то и на простой «вабикъ» пойдетъ. Попомните мое слово.

— Дай-то Богъ, дай-то Богъ! — горестно вздыхала мать Дарьицы.

А Дарьица, какъ услыхала страшную вѣсть, вся помертвѣла и, казалось, лишилась разсудка, такъ что съ трудомъ удалось привести ее въ чувство.

— Плаха... плаха... плаха,—шептала она, какъ безумная.

— Да вотъ,—говорилъ, между тѣмъ, князь Троекуровъ,— былъ съ моимъ соколомъ такой случай. Пустилъ я ево на лебедку. А надо сказать, что я ево маленько проморилъ, штобы съ голоду жадности въ немъ прибыло и летъ штобъ былъ ево легче.

Словно пчела за взяткой полетѣлъ мой любимый. А ужъ быстрѣе пчелы летомъ нѣтъ ни птицы, ни мухи, ни козявки. Быстръ на лету и шершень, да все-жъ до работницы Божьей, до пчелки, далеко ему. Такъ и умчался мой кречетъ за лебедкой—вмигъ не стало ево видно. Я съ моими сокольниками за нимъ. Коли глядь, а ужъ онъ турманомъ вмѣстѣ съ лебедкой падаетъ въ лѣсную гущину за Москвой-рѣкой. Мы—вплавь черезъ рѣку. Ищемъ-ищемъ, вабимъ-вабимъ, пропалъ мой кречетъ. Такъ до ночи и не сыскали. Ѣдемъ на утро, а онъ завтракаетъ лебедкой, и только я посвисталъ «вабикомъ», онъ, тутъ какъ тутъ, прямо ко мнѣ на рукавицу. Сытъ, значитъ, былъ разбойникъ. Такъ и Трифонъ не далѣ, какъ утречкомъ, сыщетъ своево баловня.

— Дай-то Богъ, дай-то Богъ,—шептала боярыня.—А все-жъ думаю прибѣгнуть съ Дарьицей къ Царицѣ Небесной.

— Што-жъ! Для утѣшенія сердца оно не лишнее,—согласился Троекуровъ. — Молиться—дѣло хорошее, особливо съ усердіемъ и съ чистымъ сердцемъ.

«Заговаривай зубы, заговаривай!»—подумалъ отецъ Дарьицы, боясь вѣрить надеждѣ.

Князь Троекуровъ былъ очень друженъ съ семействомъ боярина Никиты Ѳомича Кожина, отца Дарьицы. Этому способствовали очень важныя обстоятельства. Бояринъ Кожинъ спасъ жизнь князю Троекурову.

Это было во время осады Казани Грознымъ царемъ.

Троекуровъ, сражаясь съ татарами, сдѣлавшими отчаянную вылазку изъ осажденнаго города, случайно отбился отъ своей рати и былъ окруженъ татарами. Ногайскій наѣздникъ уже накинулъ ему на шею волосяной арканъ и волокъ по землѣ. Но въ этотъ моментъ подоспѣлъ Кожинъ съ своею полусотней ратниковъ, и Троекуровъ былъ спасенъ, а самъ Кожинъ взятымъ у сподручнаго ратника тяжелымъ бердышомъ раскроилъ ногайскому наѣзднику голову на-двое.

— Эхъ, другъ, Никитушка,—говорилъ теперь Троекуровъ Кожину,—я и не въ такихъ переплетахъ былъ, какъ Триша Патрикѣевъ, а вотъ видишь...

Онъ не договорилъ.

— Что видишь, князюшка?—спросилъ Кожинъ.

— Видишь, сижу передъ тобой и передъ почестною боярыней Евдокіею Ильишной,—отвѣчалъ, улыбаясь, Троекуровъ.

Тѣ недоумѣвали.

— А памятуешь Казань, друже?—спросилъ Троекуровъ.

— Какъ не помнить! И нонѣ подъ непогодь мозжитъ лѣвая рука отъ кривой татарской сабли,—отвѣчалъ Кожинъ.

— А запамятовалъ арканъ, а?

— Какой арканъ?—не догадывался бояринъ.

— А што у меня на шеѣ былъ...

— А!..—вспомнилъ бояринъ.—Кто старое помянетъ...

— Да я не къ тому... Ты меня спасъ отъ неминучей смерти, а Тришу Патрикѣева самъ Богъ вызволитъ изъ бѣды... Соколъ найдется...

— Вѣстимо, никто какъ Богъ, — вздохнула Евдокія Ильишна.

— Безъ Бога ни до порога,—согласился и Никита Ѳомичъ

Евдокія Ильишна встала.

— Посиди еще, родной князюшка,—сказала она Троекурову,—съ тобой все же легче будетъ моему Никитѣ, а я пойду къ моей горемычной дѣвочкѣ, а потомъ и къ Царицѣ Небесной отправимся... Она, Владычица, во всѣхъ скорбѣхъ и печалѣхъ добрая Заступница.

Она застала Дарьицу на молитвѣ и всю въ слезахъ.

— Не плачь, дитятко,—сказала она,—побереги свои глазыньки ясные да поѣдемъ къ Царицѣ Небесной... Ее, Матушку, умолимъ за горькаго нашего Тришу.

Крытая каптана была скоро готова, и мать съ дочерью поѣхали ко всенощной въ Успенскій соборъ.

Наступила уже ночь. Августовскія ночи—темныя.

Въ это время къ Кожину явился новый гость. Это былъ отецъ Патрикѣева. Лицо его выражало тупое отчаяніе, и онъ едва держался на ногахъ.

Хозяинъ и князь Троекуровъ поспѣшили къ нему навстрѣчу.

— О, Господи!—простоналъ пришедшій.—За что такая напасть!

Онъ въ изнеможеніи упалъ на лавку и закрылъ лицо руками.

— Успокойся, дорогой князь,—подошелъ къ нему Троекуровъ.—Богъ милостивъ...

— Я потерялъ сына, единственнаго сына!—простоналъ пришедшій.

— Еще не все потеряно,—утѣшалъ его Троекуровъ,—завтра ты увидишь сына здрава и невредима.

Хозяинъ, видя отчаяніе отца Трифона и самъ убитый горемъ, молчалъ, не зная, что сказать. Да и какое тутъ можетъ быть утѣшеніе.

— Уже ночь, а ево нѣтъ!—вдругъ зарыдалъ несчастный отецъ.—Мы искали ево... весь лѣсъ, всѣ кусты обшарили... звали, кричали...

— Може, не въ томъ мѣстѣ искали,—сказалъ Троекуровъ.

— Съ горя онъ наложилъ на себя руки,—говорилъ убитый горемъ отецъ.—Плаха... позоръ... пятно на весь родъ... онъ не вынесъ... Гдѣ теперь ево въ такую ночь искать... Господи!

— Постой!—подсѣлъ къ нему Троекуровъ.—Онъ, навѣрное, рыскалъ по лѣсу, изнемогъ и уснулъ мертвымъ сномъ. У меня былъ такой же случай. Мой сокольникъ тоже однова упустилъ мово лучшаго кречета. Я пригрозилъ ему, сказавъ, что живымъ не оставлю. И онъ всю ночь пропадалъ, а на утро воротился съ кречетомъ. Сказалъ, что въ ночь силы покинули ево, и онъ повалился на землю и уснулъ мертвымъ сномъ. А утромъ сыскалъ птицу. Такъ будетъ и съ твоимъ княжичемъ... Сердце мнѣ говоритъ, что такъ будетъ.

— Но вить въ лѣсу звѣрь... Почто онъ не воротился на ночь домой?.. Вить ему дано три дня сроку... Я бы поднялъ на ноги половину Москвы, и мы нашли бы и моево сына, и птицу проклятую.

Въ это время воротилась отъ всенощной Евдокія Ильишна и Дарьица, которая прошла къ себѣ въ теремъ, а боярыня вышла къ гостямъ. Увидавъ плачущаго Патрикѣева, и она заплакала.

— Не кручинься, не убивайся, дорогой,—говорила она, утирая слезы.—Мы съ Дарьицей только что отъ Царицы Небесной, молились у всенощной, и Пресвятая Богородица услышала нашу молитву. Увидавъ наше усердное моленіе и горькія слезы, святитель нашъ, митрополитъ Филиппъ, позвалъ насъ къ себѣ и, узнавъ о нашей печали, сказалъ таково ласково:

— Не скорбите, говоритъ, дщери мои... Господь, вѣдаючи ваше благочестивое житіе, послалъ вамъ испытаніе... Но Онъ, говоритъ, сердцевѣдецъ милосердъ и прибѣгающимъ къ Нему внемлетъ. И я прибѣгну нонѣ къ Его милосердію, помолюсь о

впавшемъ въ немилость царскую, и Владыка неба и земли говоритъ, избавитъ впавшаго въ немилость отъ напасти.

— О, Господи!—тихо шепталъ отецъ Трифона.

— А благословляючи Дарьицу,—продолжала Евдокія Ильишна, — святитель сказалъ: не плачь, говоритъ, отроковице... Твоя чистая душенька, говоритъ, предстоитъ теперь съ ангеломъ твоимъ у престола Всевышняго, и Онъ, Предвѣчный, внемлетъ твоей молитвѣ. Аминь.

— О, Господи, Господи!

V. Бѣглецъ найденъ.

Что же сталось съ несчастнымъ сокольникомъ?

Царскій поѣздъ съ боярами, остальными сокольниками и съ обозомъ тогда же возвратился въ Москву, оставивъ убитаго горемъ молодого Патрикѣева въ глубочайшемъ уныніи.

Покидая его на берегу Москвы-рѣки, одинъ сердобольный стольникъ тихонько передалъ ему фляжку мальвазіи, пару жареныхъ бекасовъ и хлѣба и сказалъ:

— Теперь тебѣ, Триша, ѣда не пойдетъ на умъ. Такъ ты подкрѣпись малость мальвазіей и, помолясь Богу, ступай на розыски сокола. Теперь, чаю, и конь твой отдохнулъ. Птица твоя далеко быть не должна.

— Я самъ видѣлъ, какъ Догоняй ушибъ цаплю и вмѣстѣ съ нею упалъ въ чащину сосноваго бора,—сказалъ несчастный сокольникъ,—а опосля того словно скрозь землю провалились.

— Не унывай же, Триша, и ищи, до вечера еще далеко.

Нѣсколько глотковъ мальвазіи, дѣйствительно, подкрѣпили молодого сокольника, и въ немъ снова пробудилась энергія.

Закусивъ бекасомъ, онъ снова отправился на поиски.

— Дарьица, чистая голубица—шепталъ онъ,—помолись за твоего суженаго. Господь услышитъ молитву безкрылаго ангела во плоти.

Онъ хорошо помнилъ то мѣсто, куда, на его глазахъ, упали и соколъ и цапля, и хотя это было очень далеко отъ пункта, съ котораго онъ пустилъ Догоняя за цаплей, но въ направленіи ихъ полета онъ, казалось, не могъ ошибиться. Направленіе это было прямо на полдень.

На полдень онъ и направилъ своего вполнѣ отдохнувшаго и

подкрѣпившагося подножнымъ кормомъ скакуна изъ царскихъ конюшенъ.

Времени впереди было довольно.

Обогнувъ крутую луку Москвы-рѣки, онъ сталъ углубляться въ лѣсную чащу, отъ времени до времени посвистывая въ свой «вабикъ».

Тихо, тихо было въ лѣсу, и только изъ-за Москвы рѣки слышалось лѣнивое тюканье топора о стволъ дерева, да тихое заунывное пѣніе:

Ужъ и спасибо тебѣ, да синему кувшину.
Што размыкалъ еси молодцу злу тоску-кручину.
Ты кучина моя, кручинушка, съ чево приключилася?
Приключилась моя кручинушка съ русой косы дѣвичьей,
Што съ бровей тѣхъ дѣвичьихъ соколиныхъ,
Со очей, знать, дѣвичьихъ...

— Эхъ, и курва ты, дѣвка, э-эхъ!

Патрикѣевъ горько улыбнулся.

— Тоже своя зазноба...

Гдѣ-то невдалекѣ долбилъ дятелъ, и стучали желна, страннымъ стукомъ.

Изъ-за Москвы рѣки продолжало доноситься:

Ужъ и спасибо ли тебѣ да синему кувшину.

— Господи, Господи!—вздохнулъ несчастный сокольникъ.— Пути моя направи по глаголу Твоему.

И онъ продолжалъ ѣхать, зорко посматривая по сторонамъ и отъ времени до времени посвистывая въ «вабикъ».

Много разъ онъ объѣхалъ лѣсъ по всѣмъ направленіямъ. Начинало вечерѣть. Послѣдніе лучи солнца золотили только верхушки самыхъ высокихъ сосенъ.

— Господи, Господи! Скоро ночь,—тоскливо думалъ несчастный.

Слышался невдалекѣ людской говоръ.

Патрикѣевъ повернулъ въ ту сторону.

Навстрѣчу ему шли два мужика съ вязанками лыкъ за плечами. Увидѣвъ молодого боярина съ царскимъ орломъ на груди, мужики сняли шапки.

— Здравствуйте, добрые люди,—обратился къ нимъ Патрикѣевъ.

— Здравія желаемъ, боляринъ-батюшка,—поклонились мужики.

— Не видали ли вы тутъ гдѣ цапли или сокола?—спросилъ Патрикѣевъ.

— Видѣли, милостивецъ... Драли мы, этта, въ той сторонѣ лычки, коли слышимъ, бытто кричитъ цапля, да таково чудно, сказать бы, не своимъ голосомъ.

— Словно дитя малое,—пояснилъ другой мужикъ.

— Коли глядь, и впрямь цапля... Да таково прытко бѣжитъ, сказать бы летомъ бѣжитъ и крыльями машетъ... Што за притча думаемъ. Анъ коли воззрились и видимъ: на цаплѣ сидитъ соколъ и таково ловко долбитъ ее въ спину.

— Словно бы молоткомъ,—добавилъ другой мужикъ.

— А самъ тоже бытто летитъ, крыльями машетъ...

— Мы, прости, бояринушка, диву дались...

Патрикѣевъ снялъ шлыкъ и набожно перекрестился.

— Да вить это, братцы, царской соколъ!—радостно сказалъ онъ.

— Што ты баишь! Царской!

— Самый любимый соколъ ево царсково пресвѣтлово величества.

— Ай-ай! Дѣло-то какое! Царской?!

— Куды жъ они, братцы, летъ направили, въ котору сторону?—весь волнуясь, спросилъ Патрикѣевъ.

— Вотъ такъ, бояринъ-батюшка, бытто на сходъ солнца.

— Спасибо, спасибо вамъ, люди добрые!—торопливо сказалъ Патрикѣевъ и поскакалъ влѣво, несмотря на то, что тутъ были кусты высокой лозы, и вѣтки лозняка хлестали его по лицу.

Такъ онъ скакалъ черезъ кусты и прогалины, потомъ возвращался назадъ другимъ путемъ и все скакалъ, пока не накрыла его ночь своимъ темнымъ пологомъ.

— Господи!—застоналъ онъ и въ изнеможеніи свалился съ коня.

Придя немного въ себя, онъ увидѣлъ, что конь невдалекѣ щипалъ траву. Тогда онъ стреножилъ его и, упавъ на колѣни, сталъ горячо молиться.

Тутъ онъ случайно вспомнилъ, что не молился своему ангелу, мученику Трифону.

— Не вмѣни мнѣ въ преступленіе мое прегрѣшеніе!—стоналъ онъ.

— За великою моею скорбіею я забылъ о тебѣ, великій мученичe! Не вмѣни, не вмѣни мнѣ сіе въ преступленіе, молю тя. Ты Господомъ Богомъ поставленъ блюсти жизнь мою, а я, окаянный, страха ради смертнаго, забылъ о тебѣ. Буди нынѣ предстателемъ моимъ предъ Господомъ! О-о!

Долго слышался его стонъ въ ночной тиши...

Ночь была темная, безлунная, и только звѣзды трепетно мерцали въ далекомъ темномъ небѣ.

Откуда-то слышался другой стонъ... То стоналъ отшельникъ лѣса, филинъ...

Патрикѣевъ въ полузабытьѣ припоминаетъ житіе мученика Трифона. Ему кажется, что онъ видитъ юношу, пасущаго гусей...

Это онъ—Трифонъ... За благочестіе онъ удостаивается дара исцѣленія...

Къ нему стекаются толпы вѣрующихъ послушать его поученій...

Молва о немъ достигаетъ до слуха императора Декія...

Трифонъ приговоренъ къ казни... Но мечъ палача еще не коснулся главы угодника, и онъ уже скончался...

— Но мою голову ждетъ топоръ, плаха,—думаетъ молодой сокольникъ.

Кто-то приближается въ темнотѣ.

Изъ темноты выходитъ что-то свѣтлое... Это человѣкъ въ бѣлыхъ одеждахъ, и отъ него исходитъ свѣтъ неземной...

— Я — мученикъ Трифонъ, твой покровитель,—говоритъ пришедшій.—Твоя горячая молитва услышана... Не бойся... Слѣдуй на востокъ, тамъ ты найдешь своего сокола...

Патрикѣевъ просыпается, ему въ лицо глядитъ восходящее солнце...

— Такъ это я солнце видѣлъ, а не ангела своего, отъ котораго исходилъ свѣтъ неземной,—думаетъ онъ.

Увидавъ вблизи пасущагося коня, онъ вспомнилъ все.

— На востокъ... тамъ соколъ... Но это былъ только сонъ или видѣніе?

Съ быстротою отчаянія и надежды онъ вскакиваетъ на коня и мчится на востокъ...

Изъ-за кустовъ выглянула небольшая прогалина.

— Господи! Вонъ онъ... соколъ!

Соколъ сидитъ на убитой имъ цаплѣ и завтракаетъ...

Просвистѣлъ «вабикъ», соколъ насторожился, пересталъ клевать...

Еще свиститъ «вабикъ»... Догоняй срывается съ цапли и въ одно мгновеніе уже на плечѣ своего учителя...

— Здравствуй, дорогой,—со слезами радости говоритъ счастливый сокольникъ.—Здравствуй, мой спаситель! Да и помучилъ же ты меня!

И счастливый сокольникъ готовъ былъ, кажется, говорить безъ конца.

— Ну, братъ, теперь не улетишь... Теперь прямо къ царю на глаза.—И бѣглецъ уже на цѣпочкѣ.

VI. Опала снята.

Царь Иванъ Васильевичъ и любимецъ его, Малюта-Скуратовъ, играютъ въ шашки.

— Вишь, Гришка, какъ забираетъ!—недовольно ворчитъ Грозный.

— Што забираю, государь? Пустяковину, шашечки,—отшучивался Малюта.—Вотъ ты такъ забираешь.

— Я забираю?.. Ахъ ты, плутъ!

— Забираешь, государь.

— Не ври, холопъ, а то я тебя посохомъ.

— Какъ же не забираешь, государь? А поли Казань не забралъ? Цѣлое царство!

— А! Ты вонъ про што...

— И Астрахань забралъ... Другое царство въ твоей калитѣ.

Грозный начинаетъ смягчаться.

— Не Ивана Даниловича, перваго московскаго князя, слѣдовало бы называть Калитой, а тебя,—продолжаетъ Малюта.

— Ахъ, Гришка, Гришка! Што придумалъ! — улыбается Грозный.

— Не я придумалъ, государь... А ордынскій Сарай гдѣ? Въ твоей калитѣ.

— Ну, Сарай еще дѣдомъ взятъ, какъ и Новгородъ, и Псковъ, и Хлыновъ.

Малюта умышленно поддается.

— Вотъ тебѣ, Гришутка, и крышка!—торжествуетъ Грозный, выигравъ партію.

— Знамо, съ сильнымъ не борись,—притворно сокрушается Малюта-Скуратовъ.

— То-то не борись! А вотъ борются, да еще какъ!

— Кто, государь?

— А ливонцы, проклятые, нѣмцы... Кетлеръ...

— Пошли, государь, Курбскаго, и онъ ускромнитъ Кетлера.

— И то надоть послать... Вчера на охотѣ жаловался: скоро, говоритъ, куплю гребень съ веретеномъ да кудели и прясть начну... Скучно, говоритъ, безъ дѣла.

— Ну, и пошли, государь.

— Ты чево вчера не былъ на охотѣ?

— Былъ, государь.

— Какъ? Чево врешь, Григорій?

— На митрополита Фильку охотился... Все тебя, государь, осуждаетъ.

— Пора его ускромнить.

— И то пора, государь.

Въ это время, гремя бубенчиками, влетаетъ придворный «дуракъ» Кузя, которому Грозный спускалъ всѣ его дерзкія выходки за то, что тотъ былъ самымъ ловкимъ шпіономъ.

— Здравствуй, Иванушка-дурачокъ, — подбѣжалъ онъ къ Грозному.—Дай ручку поцѣловать.

— Почему же я дурачокъ?—добродушно улыбнулся Иванъ Васильевичъ, зная, что придворный шутъ недаромъ такъ его назвалъ.

— А потому, въ писаніи сказано: дуракамъ счастье,—отвѣчалъ шутъ.

— Въ чемъ же мое счастье?

— Въ томъ, что Богъ меня къ тебѣ послалъ.

— Не велико счастье. Тебя бы давно повѣсить надо, да веревки жаль.

— Тогда уже вмѣстѣ со мной и Малюту надо повѣсить. Онъ тоже твое счастье.

Шутъ перемѣнилъ тонъ.

— Нонѣ во снѣ приходилъ ко мнѣ протопопъ Сильвестръ,—вздохнулъ онъ.

— Ну, и что же?

— Проситъ, штобъ ты записалъ ево въ синодикъ... Черти, говоритъ, больно мучатъ ево въ аду за то, слышь, што онъ при жизни нагрубилъ тебѣ.

— Добро-ста, запишу,—улыбнулся Грозный.

— И Адашева Алешку запиши.

— Запишу, ладно.

— И Воротынскаго Мишку, и Репнина, и Морозова...

Грозный вспомнилъ, кого онъ замучилъ, и сурово гляпулъ на шута.

— Ну?

— Крамольники они всѣ противъ тебя были и покаяться не успѣли.

Грозный смягчился и набожно поднялъ глаза къ небу.

— Всѣхъ, всѣхъ запишу въ синодикъ и поминать буду: и Сильвестра попа, и Адашева, и Воротынскова, и Репнина, и всѣхъ, всѣхъ иныхъ тысящи, ихъ же имена ты вѣси, Господи!

Шутъ зналъ, чѣмъ угодить Грозному.

— А Фильку, Филиппа митрополита, хоша онъ и живъ еще, тоже запиши въ синодикъ,—поддѣлывался онъ.

— За какую вину ево въ синодикъ?

— Тожъ коромолитъ, долгогривый.

— Правда—уронилъ Малюта Скуратовъ.

Въ дверяхъ показался князь Курбскій.

— А! Князь Андрей Михайловичъ.

— Здравъ буди, государь.

— Съ чѣмъ пожаловалъ?

— Съ доброй вѣстью, государь: твой любимый соколъ нашелся.

— А! Я радъ. Гдѣ же онъ?

— Князь Трифонъ ждетъ съ нимъ здѣсь твоево государева указу.

— Пущай войдетъ.

Черезъ минуту въ дверяхъ стоялъ молодой сокольникъ съ соколомъ на рукавицѣ.

— А! Сыскался бѣглецъ. Какимъ способомъ?

— Твоимъ государевымъ счастьемъ и моими молитвами.

— Ну, сказывай.

— Вчера, государь, когда твой государевъ поѣздъ съ мѣста

роздыха двинулся къ Москвѣ, я, помолившись Богу, поѣхалъ на розыски. Долго я напрасно искалъ, подзывая сокола «вабикомъ». Уже къ вечеру повстрѣчались мнѣ два мужичка, что драли въ лѣсу лыко. Пытаю ихъ: «Не видали-де цапли либо сокола?»— «Видали,—говорятъ,—токмо таково чудно: бѣжитъ летомъ и махаетъ крыльями цапля, а сама кричитъ въ истошный голосъ, а на ней-де сидитъ соколъ и долбитъ ее въ спину, а самъ тоже машетъ крыльями, да скоро и скрылись съ глазъ». Я, государь, пытаю, въ котору сторону? Показали. Скачу-скачу, ищу-ищу, нѣтъ сокола! А тутъ и ночь спустилась. Я вспомнилъ, государь, что не молился моему ангелу, мученику Трифону. И сталъ я молиться таково усердно, что мало слезами не истекъ. И втѣ поры бысть мнѣ не то видѣніе, не то сонъ. Явися мнѣ, государь, мужъ свѣтелъ, аки солнцемъ осѣянъ. И нападе на мя ужасъ... Предо мной бысть мученикъ Трифонъ.

— То-то... это не кузькина-тебѣ мать,—пробормоталъ шутъ.

— Молчи, дуракъ,—сказалъ Курбскій.

— Отъ дурака слышу,—огрызнулся шутъ,—знаешь кузькину мать?

— Молчи!—стукнулъ посохомъ Иванъ Васильевичъ.—Ну?

Патрикѣевъ продолжалъ, погладивъ по головѣ сокола:

— И рече ми святой Трифонъ: «Я—мученикъ Трифонъ, твой покровитель. Услышана-деи твоя усердная молитва. Сыщется-деи твой соколъ. Гряди на востокъ, тамъ-деи сыщешь ево». И бысть по глаголу мученика. Возставъ отъ сна, я и поѣхалъ къ востоку, и се, оле радости моея! Сія птица сидитъ на прогалинкѣ и долбитъ клювомъ убитую имъ цаплю. И только просвисти я въ «вабикъ», какъ онъ уже былъ у меня на плечѣ...

— Ну, счастливъ твой Богъ,—сказалъ Иванъ Васильевичъ.—Сымаю съ тебя мою опалу... Быть твоей головѣ на плечахъ, а не на плахѣ.

Патрикѣевъ повалился въ ноги Грозному.

Не было конца радости въ семействѣ Патрикѣевыхъ и Кожиныхъ.

— Что, не говорилъ я тебѣ, Никитушка, что соколъ сыщется?—радовался и князь Троеруковъ.

— Такъ, такъ, дорогой князюшка,—соглашался Кожинъ.

— Это не татарскій аркапъ.

— Точно, точно.

Свадьбу Трифона и Дарьицы рѣшили сыграть въ послѣднее воскресенье предъ Филипповымъ постомъ.

А въ благодарность мученику Трифону за его чудесную помощь рѣшили Патрикѣевы построить церковь во имя этого святого.

Церковь эту, какъ историческую реликвію, можно видѣть и понынѣ въ Москвѣ, въ Напрудной.

СМЕРТЬ ЗА СВЯТЫНЮ.

I.

— На чемъ мы остановились, дитя мое?

— На главѣ двадцать восьмой, стихъ десятый, отецъ.

— Такъ продолжай, дитя. Для меня это небесная музыка, и я готовъ внимать ей дни и ночи. Читай, моя дѣвочка.

— «Іаковъ же вышелъ изъ Вирсавіи,—читала дѣвушка,— и пошелъ въ Харранъ, и пришелъ на одно мѣсто, и остался тамъ ночевать, потому что зашло солнце. И взялъ одинъ изъ камней того мѣста, и положилъ себѣ изголовьемъ, и легъ на томъ мѣстѣ. И увидѣлъ во снѣ: вотъ лѣстница стоитъ на землѣ, а верхъ ея касается неба, и вотъ ангелы божіи восходятъ и нисходятъ по ней. И вотъ Господь стоитъ на ней и говоритъ: Я Господь, Богъ Авраама, отца твоего, и Богъ Исаака, не бойся. Землю, на которой ты лежишь, Я дамъ тебѣ и потомству твоему; и будетъ потомство твое, какъ песокъ земной; и распространится къ морю и къ востоку, и къ сѣверу, и къ полудню; и благословятся въ тебѣ и въ сѣмени твоемъ всѣ племена земныя; и вотъ Я съ тобою; и сохраню тебя вездѣ, куда ты ни пойдешь, и возвращу тебя въ сію землю; ибо Я не оставлю тебя, доколѣ не исполню того, что Я сказалъ тебѣ».

Дѣвушка остановилась и спросила:

— Это, отецъ, Господь говоритъ всему Израилю и намъ, евреямъ, да?

— Да, дитя мое, и намъ всѣмъ.

— А какъ же, отецъ, тамъ, въ Умани, въ Черкассахъ, гдѣ рѣками льется наша кровь? За что ихъ Господь оставилъ, не сдержалъ обѣщанія?

— Не говори такъ, дитя мое, не говори!..

Это чтеніе и разговоръ происходили въ городѣ Балтѣ, въ половинѣ іюня 1768 года, въ тѣ позорные для человѣчества дни, которые исторія навѣки заклеймила именемъ «Гайдамачины». Разговоръ происходилъ между отцомъ, раввиномъ города Балты, всѣми уважаемымъ Моисеемъ Бенъ-Гуромъ, и его молоденькой дочкой, прелестной Рахилью.

Они сидѣли въ просторномъ кабинетѣ раввина, за столомъ, заваленнымъ книгами и свитками рукописей. Одинъ изъ этихъ свитковъ и читала Рахиль. Это было восхитительное существо съ матовымъ полудѣтскимъ личикомъ, на которомъ въ глазахъ, въ задумчивыхъ глазахъ сфинкса, казалось, отражалось солнце Іудеи, солнце Египта и Вавилона, жгучее солнце Андалузіи, солнце всѣхъ странъ, въ которыхъ, въ теченіе тысячелѣтій, перебывалъ «избранный народъ», народъ скиталецъ, единственный, кажется, подъ солнцемъ «вѣчный народъ».

— За что же, отецъ? — снова, послѣ молчанія, нерѣшительно заговорила Рахиль, поправляя нагорѣвшія свѣчи.

— Послѣ скажу, дитя,—отвѣчалъ отецъ. — Раскрой пророка Исаіи главу сорокъ третью.

Дѣвушка придвинула къ себѣ толстую, въ кожаномъ переплетѣ, книгу и стала перелистывать ее.

— Вотъ глава сорокъ третья,—сказала она, глядя на отца.

— Читай,—проговорилъ раввинъ, садясь глубже въ покойное кресло.

Рахиль читала своимъ нѣжнымъ, мелодическимъ голосомъ: «Нынѣ же, такъ говоритъ Господь, сотворившій тебя, Іаковъ, и устроившій тебя, Израиль: не бойся, ибо Я искупилъ тебя, назвалъ тебя по имени твоему; ты Мой. Будешь ли переходить черезъ воды, Я съ тобою, черезъ рѣки-ли—онѣ не потопятъ тебя; пойдешь-ли чрезъ огонь, не обожжешься, и пламя не опалитъ тебя...»

Рахиль глубоко вздохнула, сопоставляя въ умѣ слова Іеговы съ кровавыми ужасами Умани, Черкассъ, Смѣлы...

— «Не обожжешься... А тамъ пламя пожирало синагоги. дома, людей»,—съ горечью думала она, не зная, чему вѣрить.

— Я слушаю, дитя,—вывелъ ее изъ задумчивости отецъ.

Дѣвушка продолжала: «Ибо Я—Господь Богъ твой, Святый Израилевъ, Спаситель твой; въ выкупъ за тебя отдалъ Египетъ, Еѳіопію и Савею за тебя. Такъ какъ ты дорогъ въ очахъ Моихъ, многоцѣненъ, и Я возлюбилъ тебя, то отдамъ другихъ людей за тебя, и народа за душу твою. Не бойся, ибо Я съ тобою, отъ востока приведу племя твое и отъ запада соберу тебя. Сѣверу скажу: отдай; а югу: не удерживай; веди сыновей Моихъ издалека и дочерей Моихъ отъ концовъ земли...»

— О, Адонай Господь!—умиленно прошепталъ раввинъ.—А они забыли это.

Онъ всталъ и любовно положилъ руку на склоненную головку дочери. Она, какъ бы очнувшись отъ задумчивости, поцѣловала руку отца, причемъ двѣ горячія слезы упали на эту руку. Раввинъ наклонился и нѣжно поцѣловалъ прелестную головку.

— Раскрой, дорогая дѣточка, книгу пророка Малахіи,—сказалъ онъ.

Дѣвушка повиновалась.

— Читай съ первой главы,—продолжалъ отецъ.

— «Пророческое слово Господа къ Израилю чрезъ Малахію,—читала Рахиль.—Я возлюбилъ васъ, говоритъ Господь. А вы говорите: «въ чемъ явилъ Ты любовь къ намъ?» Не братъ ли Исавъ Іакову? говоритъ Господь; и однако же Я возлюбилъ Іакова, а Исава возненавидѣлъ и предалъ горы его опустошенію, и владѣнія его шакаламъ пустыни...»

— Понимаешь, дитя?—спросилъ раввинъ, гладя наклоненную головку дочери.

— Нѣтъ, отецъ, не понимаю: какое отношеніе это имѣетъ къ уманской рѣзнѣ?

Раввинъ нагнулся къ столу и раскрылъ опять пророчества Исаіи на главѣ XIII-й и сталъ читать:

«И Вавилонъ, краса царства, гордость халдеевъ, будетъ ниспроверженъ Богомъ, какъ Содомъ и Гоморра, не заселится никогда, и въ роды родовъ не будетъ жителей въ немъ, не рас-

кинетъ аравитянинъ шатра своего, а пастухи со стадами не будутъ отдыхать тамъ. Но будутъ обитать въ немъ звѣри пустыни, и домы наполнятся филинами, и страусы поселятся, и косматые будутъ скакать тамъ. Шакалы будутъ выть въ чертогахъ ихъ, и гіенны въ увеселительныхъ домахъ».

Онъ остановился и снова сталъ перелистывать книгу въ кожаномъ переплетѣ.

— Надѣюсь, дочка, ты сейчасъ поймешь непонятное для тебя,—говорилъ онъ.—Вотъ что говоритъ Саваоѳъ устами пророка Іереміи:

«Неужели я не накажу ихъ за коварство ихъ? Не отмститъ ли душа Моя такому народу, какъ этотъ? О горахъ подниму плачъ и вопль, и о степныхъ пастбищахъ—рыданіе, потому что они выжжены, такъ что никто тамъ не проходитъ, и не слышно блеянія стадъ; отъ птицъ небесныхъ до скота, всѣ разсѣялись, ушли. И сдѣлаю Іерусалимъ грудою камней, жилищемъ шакаловъ, и города Іудеи сдѣлаю пустынею, безъ жителей... за то, что они оставили законъ мой...»

— Это, ты знаешь, изъ «Плача» Іереміи,—пояснилъ раввинъ.—Господь не пощадилъ не только Вавилона, но и нашего Іерусалима... И все сбылось по слову Іеговы... Такъ развѣ Польша дороже Ему Іерусалима? А развѣ поляки не заразили собою и тѣхъ изъ іудеевъ, которые жили съ ними и забыли законъ Іеговы?

— Но ты, отецъ, не забывалъ Его закона,—возразила Рахиль.

— Да, дитя... Только потому Предвѣчный и сохранилъ на землѣ народъ Свой, что онъ не отступалъ отъ закона... Тѣ изъ іудеевъ, которые отступили, погибли, какъ гибнутъ теперь польскіе и украинскіе іудеи... Вспомни, дитя, какія царства разрушены навѣки, какіе могучіе народы погибли, ассиріяне, вавилоняне, Египетъ, Римъ—владыки міра... Что отъ нихъ осталось?.. Въ Египтѣ—только пирамиды, которыя строили наши предки, а о фараонахъ только память осталась... Отъ Рима—только груды камней на форумѣ, да развалины императорскихъ термъ, да остовъ Колизея, въ которомъ римляне травили насъ дикими звѣрями... А мы все-таки остались въ поученіе всѣмъ народамъ міра... Что для Предвѣчнаго тысячи, милліоны лѣтъ? Мигъ одинъ, полетъ молніи во мракѣ ночи... А мы все живемъ и бу-

дсмъ жить эти милліоны лѣтъ... О, дитя мое! Предвѣчный, ты читала, сказалъ намъ: не бойся, Израиль: ты—Мой: будешь ли переходить черезъ воды, Я съ тобою, черезъ рѣки ли—онѣ не потопятъ тебя, пойдешь ли чрезъ огонь, не обожжешься, и пламя не опалитъ тебя... И мы переходили черезъ моря и рѣки, черезъ Красное море и Іорданъ, и они не потопили насъ, и костры инквизиціи не ожгли насъ.

Въ это время, въ сѣняхъ, послышались торопливые шаги, отворилась дверь, и въ комнату, гдѣ находились Бенъ-Гуръ и Рахиль, можно сказать, влетѣлъ молодой еврей.

— Миръ вамъ!—радостно, запыхавшись отъ быстраго хода, заговорилъ онъ.—Радость, спасеніе!.. Сейчасъ изъ Умани прибѣжали...

II.

Пришедшій былъ стройный, красивый юноша, мягкаго, еврейскаго типа, съ массою вьющихся волосъ на красиво посаженной головѣ.

Рахиль стремительно бросилась къ нему, и нѣжное личико ея просіяло.

— Въ чемъ дѣло, Мозесъ? Какая радость?—быстро заговорила она.

— Гайдамаки, подъ Умапью, всѣ живьемъ захвачены... Русскій генералъ Кречетниковъ прибылъ съ войскомъ подъ Умань, притворился, будто бы, по повелѣнію императрицы, пришелъ на помощь къ гайдамакамъ, а ночью его солдаты схватили Гонту и перевязали всю его страшную шайку.

— Кто привезъ это извѣстіе?—спросилъ раввинъ, радостно взволнованный.

— Наши евреи, которыхъ въ Умани разбойники насильно крестили... Они теперь у каймакана, и я тамъ былъ... Хотя Якубъ-ага и храбрился, говорилъ, что не допуститъ гайдамаковъ до Балты, потому что Балта не польскій, а турецкій городъ и подчиненъ крымскому хану, однако, и онъ обрадовался, когда узналъ, что разбойники попались въ западню... Поди, говоритъ онъ мнѣ, скажи раввину, ребе Бенъ-Гуру, что я былъ правъ, говоря ему, что Балту осѣняетъ знамя пророка, и евреи въ Балтѣ могутъ спокойно спать подъ защитою санджаковъ повелителя правовѣрныхъ.

Раввинъ снисходительно улыбнулся.

— Не санджаки падишаха охраняютъ насъ, — сказалъ онъ,—а Тотъ, Который возгласилъ устами пророка: не бойся, Израиль: ты—Мой, и будешь ли переходить черезъ воды, Я съ тобою, черезъ рѣки ли, онѣ не потопятъ тебя, пойдешь ли чрезъ огонь, не обожжешься, и пламя не опалитъ тебя.

— Аминь!—набожно сказалъ молодой еврей.

Рахиль не отходила отъ него. Въ большихъ сфинксовидныхъ глазахъ ея свѣтилось нѣчто большее, чѣмъ радость, восторженная любовь.

— Какъ душно въ комнатѣ,—сказала она, взглянувъ на молодого человѣка.—Не пойти ли намъ въ садъ, Мозесъ? Мнѣ такъ хочется вздохнуть свободно послѣ этихъ страшныхъ дней.

— Идите, дѣти,—сказалъ раввинъ,—а я здѣсь принесу благодареніе Предвѣчному за себя и за васъ, и за весь народъ израильскій. Потомъ и я приду къ вамъ.

Мозесъ и Рахиль вышли въ небольшой садъ, бывшій при домѣ раввина.

Ихъ встрѣтила дивная украинская ночь. Глубокое, глубокое небо искрилось милліонами звѣздъ, которыя, казалось, лили своими лучами благословеніе на спящую землю... Нѣтъ, она не спала: она вся говорила таинственнымъ языкомъ ночи. Не далеко, въ кустахъ, заливался соловей, а за садомъ, казалось, звенѣли милліоны нѣжныхъ колокольчиковъ, то были земляные сверчки, такіе же, какъ и соловьи, пѣвцы тихой лѣтней ночи. Изъ степи доносились мелодичные высвисты «овчарика», тоже ночной птички. Гдѣ-то въ пруду лягушки тянули безконечную трель, точно тысячи струнъ невидимаго инструмента. Деревья не шелохнутся. Все, казалось, прислушивалось къ таинственному говору ночи, къ которому примѣшивались еще какіе-то невѣдомые звуки—не то плачъ, не то тихое, тихое пѣніе чье-то.

Мозесъ и Рахиль шли, обнявшись и прижавшись другъ къ другу.

— Какая ночь, Господи!—тихо сказала дѣвушка. — И какъ легко у меня на душѣ послѣ того, что ты сказалъ намъ, милый

— Когда же свадьба, сокровище мое?—нѣжно спросилъ Мозесъ.

— Не знаю, милый... Отецъ такъ боится остаться одинокимъ.

— Но онъ же благословилъ насъ такъ охотно.

— Да, онъ радъ за меня... И мнѣ такъ хорошо... Чего же намъ не достаетъ?.. Мы такъ часто видимся... И послѣ не будетъ лучше этого...

— Ты не знаешь, дитя, того, что послѣ будетъ.

— Я лучшаго не хочу, лучшаго и не будетъ.

— Ты ничего не понимаешь, глупенькая дѣвочка.

— Нѣтъ, я все, все понимаю, мнѣ шестнадцатый годъ скоро пойдетъ.

— Пойдетъ еще только,—улыбнулся молодой человѣкъ.

— Ну, да... Что жъ тутъ смѣшного?... Зато сколько у насъ впереди.

— А я теперь хочу.

— Чего?

— Ну, вотъ хоть этого!

И молодой еврей сталъ страстно цѣловать дѣвушку.

— Но и этого мало—сказалъ онъ, тяжело дыша.

— Какой ты жадный!—улыбнулась Рахиль, тоже задыхаясь.—Постой, милый, тише.

— Ты что, дорогая дѣвочка?

— Что-то стучитъ тутъ, слышишь?

— Это стучитъ мое сердце въ ребра, хочетъ прижаться къ твоему сердцу.

— Ахъ, да... И мое стучитъ, я слышу... А какъ соловей заливается...

— Онъ тоже любитъ... но не такъ, какъ мы, онъ ужъ женатъ... онъ это женѣ напѣваетъ.

Рахиль разсмѣялась.—Какія глупости! Женатый соловей...

Въ это время послышались въ темнотѣ шаги.

— Отецъ идетъ,—сказала Рахиль.

Раввинъ, дѣйствительно, вышелъ въ садъ и подошелъ къ юной парочкѣ.

— Сядемте, дѣти, на скамейку,—сказалъ онъ. — Какая ночь божественная. О, Адонай Господь! Какимъ прекраснымъ сотворилъ Ты міръ весь со звѣздами и эту землю... А люди... Ну, что же еще тамъ у каймакапа говорили про Умань и гайдамаковъ?

— Ужасы разсказывали,—отвѣчалъ молодой еврей.—Злодѣи не пощадили даже священныхъ свитковъ Торы. Они бросали ихъ на землю и стали топтать окровавленными ногами, а потомъ бросали на нихъ зарѣзанныхъ евреевъ.

— О, злодѣи!—прошепталъ Бенъ-Гуръ.

И онъ вспомнилъ о своемъ драгоцѣнномъ свиткѣ. Это было наслѣдіе далекихъ предковъ, вынесшихъ его еще изъ Испаніи, чтобъ эта святыня не попала въ руки инквизаціи. Историческій свитокъ этотъ напечатанъ былъ мельчайшею печатью на тонкомъ атласѣ и хранился въ серебряномъ ковчежцѣ работы лучшихъ мастеровъ Испаніи. Бенъ-Гуръ дорожилъ имъ больше всѣхъ сокровищъ. Раввины со всей Польши пріѣзжали смотрѣть эту драгоцѣнность, свидѣтельницу всѣхъ бѣдъ израильскаго народа въ странѣ злодѣя Торквемады.

— О, кто дастъ головѣ моей воды и глазамъ моимъ источникъ слезъ!—шепталъ Бенъ-Гуръ изъ «Плача» Іереміи, прислушиваясь къ таинственному говору ночи.—«Я плакалъ бы день и ночь о пораженныхъ дщери народа моего. О, кто далъ бы мнѣ въ пустынѣ пристанище путниковъ!»

Въ тихомъ воздухѣ безшумно носились летучія мыши и, привлекаемыя свѣтлымъ платьемъ Рахили, чуть не задѣвали ее своими легкими крыльями.

Бенъ-Гуръ и молодые люди долго еще сидѣли то молча, то обмѣниваясь мыслями о пережитыхъ ужасахъ.

Молодой еврей украдкой любовался личикомъ своей невѣсты, которая мечтательно смотрѣла на небо, усѣянное звѣздами.

— Вонъ звѣздочка покатилась... Гдѣ-то упадетъ она? — тихо говорила Рахиль.

За садомъ, на улицѣ, послышался польскій говоръ.

— Онъ говоритъ,—тихо сказалъ раввинъ,—что евреи очень храбро оборонялись въ Умани.

— Всѣ говорятъ,—сказала и Рахиль.

— Теперь Балта набита поляками, всѣ бѣжали сюда укрыться въ крѣпости,—пояснилъ Мозесъ.—У каймакана ихъ полонъ дворъ теперь.

Раввинъ всталъ.

— Ну, дѣти, пора и спать, а завтра надо принести торжественное благодареніе Предвѣчному за утоленіе бури.

Но буря, къ несчастью, не утолилась...

На другой день по городу стали ходить тревожные слухи.

III.

Говорили, что захвачено не все скопище гайдамаковъ. Главному коноводу ихъ и иниціатору возстанія, Желѣзняку, удалось бѣжать изъ-подъ Умани въ ту темную ночь, на 16-е іюня, когда солдаты Кречетникова и донскіе казаки вязали Гонту и его скопище: этотъ разбойникъ былъ догадливѣе Гонты.

Говорили также, что Желѣзнякъ съ приставшими къ нему въ степи бродягами напалъ на мѣстечко Паліево-Озеро и всѣхъ неуспѣвшихъ бѣжать вырѣзалъ, а имущество ихъ пограбилъ.

Вѣсти эти подтвердилъ и прибѣжавшій къ Бенъ-Гуру женихъ Рахили.

— Что предпринять? — тревожно спрашивалъ молодой еврей.

— Положиться на Господа Бога,—отвѣчалъ раввинъ,—въ Его десницѣ счастіе и крѣпость Израиля.

— Но Господь не спасъ Умани и нашихъ единовѣрцевъ,—возразилъ Мозесъ.

— Это потому, что въ нихъ было мало вѣры во всемогущество и благость Предвѣчнаго,—настаивалъ Бенъ-Гуръ.—Чѣмъ Давидъ побѣдилъ Голіаѳа? Вѣрою, крѣпкою какъ адамантъ.

И старикъ раскрылъ книгу «Царствъ».

— Слушайте, дѣти,—сказалъ онъ.—«И взялъ Давидъ посохъ свой въ руку свою и выбралъ себѣ пять гладкихъ камней изъ ручья, и положилъ ихъ въ пастушескую сумку, которая была съ нимъ; и съ сумкою и съ пращею въ рукѣ своей выступилъ противъ филистимлянина. Выступилъ и филистимлянинъ, идя и приближаясь къ Давиду, и оруженосецъ шелъ впереди его. И взглянулъ филистимлянинъ и, увидѣвъ Давида, съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на него, ибо онъ былъ молодъ, бѣлокуръ и красивъ лицомъ. И сказалъ филистимлянинъ Давиду: что ты идешь на меня съ палкою?—развѣ я собака? И сказалъ Давидъ: нѣтъ, но хуже собаки. И проклялъ филистимлянинъ Давида своими богами. И сказалъ филистимлянинъ Давиду: подойди ко мнѣ, и я отдамъ тѣло твое птицамъ небеснымъ и звѣрямъ полевымъ. А Давидъ отвѣчалъ филистимлянину: ты идешь противъ меня

съ мечемъ и копьемъ, и щитомъ, а я иду противъ тебя во имя Господа Саваоѳа, Бога воинствъ израильскихъ, которыя ты поносилъ: нынѣ предастъ тебя Господь въ руку мою, и я убью тебя, и сниму съ тебя голову твою, и отдамъ трупъ твой и трупы войска филистимскаго птицамъ небеснымъ и звѣрямъ земнымъ, и узнаетъ вся земля, что есть Богъ въ Израилѣ, и узнаетъ весь этотъ сонмъ, что не мечемъ и копьемъ спасаетъ Господь, ибо это война Господа, и Онъ предастъ васъ въ руки наши. Когда филистимлянинъ поднялся и сталъ подходить и приближаться навстрѣчу Давиду, Давидъ поспѣшно побѣжалъ къ строю на встрѣчу филистимлянину. И опустилъ Давидъ руку свою въ сумку и взялъ оттуда камень, и бросилъ изъ пращи и поразилъ филистимлянина въ лобъ, такъ что камень вонзился въ лобъ его, и онъ упалъ лицомъ на землю...»

— Видите?—сказалъ энтузіастъ, отрываясь отъ книги.— Побѣдила вѣра!

Но для молодыхъ людей это было недостаточно доказательно.

— Мы же не отступали отъ вѣры отцовъ нашихъ, а насъ побѣждаютъ эти филистимляне-гайдамаки, равно какъ побѣдили язычники-римляне,—неувѣренно сказалъ Мозесъ.

— А оттого, что у рѣдкаго іудея находились въ сумкѣ камни, пять камней,—загадочно сказалъ въ свою очередь Бенъ-Гуръ.

— Какіе, отецъ, камни и какая сумка?—удивилась Рахиль.

— Сумка, дитя, это сердце іудея, а пять камней въ немъ, гладкихъ, это добродѣтели: честность, доброта, состраданіе, великодушіе и правдивость... Вотъ что должно быть оружіемъ іудейскаго народа, и тогда мы побѣдимъ всѣхъ филистимлянъ когда-нибудь, ибо вѣка и тысячелѣтія въ десницѣ Предвѣчнаго.

По городу, между тѣмъ, ходили слухи одинъ другого тревожнѣе.

Бѣжавшіе изъ Паліева-Озера говорили, что гайдамаки идутъ на Балту, что толпы ихъ увеличиваются новыми ватагами хлоповъ съ кольями въ рукахъ вмѣсто оружія.

Скоро явился къ раввину Мозесъ съ новыми вѣстями.

— Сейчасъ я былъ на дворѣ каймакана,—говорилъ онъ, съ тревогой глядя на свое сокровище, на Рахиль.—Мнѣ тамъ сказали, что Желѣзнякъ прислалъ къ каймакану бумагу, требуя

выдачи ему всѣхъ укрывшихся въ Балтѣ польскихъ подданныхъ, поляковъ и евреевъ.

— Но мы не польскіе подданные, а турецкіе, — замѣтилъ Бенъ-Гуръ.—Что жъ каймаканъ?

— Якубъ-ага наотрѣзъ отказалъ.

Наконецъ, толпы гайдамаковъ показались въ виду города.

Снова прибѣжалъ Мозесъ, но уже вооруженный, съ двумя пистолетами за поясомъ.

— Сейчасъ Якубъ-ага выслалъ противъ разбойниковъ отрядъ сейменовъ,—повѣдалъ онъ,—можетъ быть онъ разгонитъ эту сволочь.

Но надежды молодого еврея не сбылись. Сеймены были разбиты, и только нѣкоторые изъ нихъ воротились въ городъ. Спасенія не было.

Теперь и Бенъ-Гуръ понялъ, что Предвѣчный и на этотъ разъ отвратилъ лице Свое отъ Своего народа.

— «Свитокъ Торы,—тревожно думалъ онъ,—какъ спасти эту святыню?.. Спрятать? Но она погибнетъ въ пламени пожара... Зарыть въ землю отъ пламени?.. Но если меня убьютъ, кто узнаетъ, гдѣ спрятана святыня?.. Не суждено ли и ей исчезнуть съ лица земли, какъ исчезла Скинія Завѣта?..»

Рахиль въ душѣ рѣшилась на подвигъ... но какой, она сама еще не знала... Она вспомнила великихъ женщинъ своего народа, и мужество ея окрѣпло... Она пожертвуетъ собой... какъ? въ чемъ?... Это послѣ видно будетъ...

И мучительное сомнѣніе Бенъ-Гура разрѣшилось принятымъ рѣшеніемъ.

— «И въ пламени пожара, и въ землѣ, святыня погибнетъ... На мнѣ, на моемъ тѣлѣ, хоть оно станетъ трупомъ, не погибнетъ.. его найдутъ на мнѣ убитомъ»...

Вскорѣ точно вихрь ворвался въ «нижній городъ», гдѣ собственно, и обитали евреи... Уже нѣкоторые дома съ соломенными и камышевыми крышами пылали... Вѣтеръ разносилъ пламя во всѣ стороны—отъ одной крыши къ другой... Отовсюду доносились крики нападавшихъ и вопли ихъ жертвъ...

Загорѣлось и на дворѣ раввина, и тутъ же моментально вспыхнуло ветхое крыльцо его дома.

— Пожаръ! Спасайтесь! — закричалъ Мозесъ, вбѣгая. — Домъ горитъ.

Бенъ-Гуръ, торопясь выскочить изъ дома, чтобъ не сгорѣть со святыней, не успѣлъ спрятать на себѣ ковчежецъ со свиткомъ Торы...

Рахиль выбѣжала вслѣдъ за отцомъ, думая о подвигѣ. Мозесъ не отходилъ отъ нея, держа въ каждой рукѣ по пистолету.

Нѣсколько оборванцевъ вскочили во дворъ съ криками: «бийте вражыхъ ляхивъ та жидивъ!»

Увидавъ что-то блестящее на груди Бенъ-Гура (то былъ серебряный ковчежецъ со свиткомъ Торы), одинъ негодяй, вооруженный заостреннымъ коломъ, бросился было на него, но съ быстротою полета птицы Рахиль прикрыла собою и отца, и святыню, обхвативъ шею старика руками... Въ то же мгновеніе въ спину мужественной дѣвушки, съ страшною силою, вонзилось остріе кола, а пистолетъ Мозеса раздробилъ голову негодяю...

— Москали! Москали! — раздались со всѣхъ сторонъ крики.—Тикайте! Москали!.. Хто въ Бога вируе, тикайте!

Все бросилось въ разсыпную...

Бенъ-Гуръ держалъ на груди мертвое тѣло мужественной дочери, погибшей, защищая святыню и стараго отца.

Мозесъ, упавъ на колѣни у ногъ отца и дочери, безутѣшно рыдалъ.

Колъ негодяя черезъ спину, ниже лѣвой лопатки, поразилъ великодушное юное сердце, и оно навсегда перестало биться.

„АНЮТИНЫ ГЛАЗКИ“

или

какъ казакъ Петренко женился на родной сестрѣ Галѣ.

I.

Знаменитый въ преданіяхъ и пѣсняхъ украинскаго народа «казакъ Байда», а по историческимъ документамъ—князь Дмитрій Вишневецкій, первый организаторъ воинственныхъ казацкихъ дружинъ на Украинѣ, впослѣдствіи сплотившихся въ могучую военную общину—Запорожскую Сѣчь, находившійся сначала съ своею казацкою вольницей на службѣ московскаго царя

Ивана Васильевича Грознаго а потомъ у польскаго короля Сигизмунда-Августа, и о которомъ Грозный писалъ польскому королю, что «пришелъ-де онъ, какъ собака, и потекъ, какъ собака, а мнѣ-де, государю, и землѣ моей убытку никакого не причинилъ», этотъ украинскій кондотьеръ, въ 1564 году, уже въ преклонномъ возрастѣ и больной, задумалъ овладѣть молдавскимъ престоломъ и, устранивъ претендентовъ на этотъ престолъ, господаря Якова Василида-Ираклида и боярина Томжу или Стефана IX, провозгласилъ себя господаремъ Молдавіи.

Походъ его съ этой цѣлью въ Молдавію кончился, однако, для него трагически.

Находясь, по случаю болѣзни, въ своемъ обозѣ, Байда послалъ передовой отрядъ, подъ предводительствомъ атамана Лесуна, требовать молдавской булавы у Стефана IX, въ то время, когда этотъ послѣдній осаждалъ своего противника, Василида-Ираклида, въ Сучавѣ. Прискакавъ съ своими казаками въ Сочаву, Лесунъ, именемъ князя Вишневецкаго, потребовалъ у Стефана выдачи молдавской булавы его повелителю Байдѣ. Стефанъ притворился, что добровольно уступаетъ державную булаву такому герою, какъ князь Вишневецкій, и вышелъ къ нему на встрѣчу, съ намѣреніемъ, однако, взять въ плѣнъ украинскаго кондотьера.

Байда понялъ намѣреніе господаря, но было уже поздно. Онъ спрятался было въ стогъ сѣна, но одинъ молдаванинъ видѣлъ это и выдалъ казацкаго предводителя. Байда былъ схваченъ, и Стефанъ отправилъ его плѣнникомъ въ Царьградъ, въ подарокъ своему сюзерену, турецкому султану Селиму II.

Къ этому случаю относится одна изъ характерныхъ пѣсенъ, доселѣ распѣваемая на Украйнѣ. Вотъ она:

«У Царьграда та й на риночку, тамъ пье Байда медъ-горилочку. Ой пье Байда, то не день, не два, то не одну ничку, та й не годыночку. Прийшовъ до него салтанъ турецкій: «Ой то-жъ-бо ти робишъ, Байдо молодецький? Ой ти, Байдо, та славнесенький, будь же ти лыцарь та вирнесенькой, покинь, Байдо, та пити-гуляти, беры мою дочку та йди царювати, бери въ мене ти цариввочку, будешъ паномъ та на Вкраиночку!» «Твоя вира проклятая, твоя дочка поганая!» Гей якъ крикне салтанъ на гайдуки: «Визьмить того Байду, возьмить его въ руки! Визьмить Байду, кринко извьяжите, та на ребро за гакъ добре-поче-

пите». Висить Байда ти не день, не два, ти й не одну ничку, ти й не годиночку. Висить Байда, про себе гадае, та й на свого джуру зорко споглядае, та й на свого джуру-джуру молодого, и на свого коня, коня вороного. «Ой ти-жъ джуро-джуро молоденькой, подай мени, джуро, лучокъ, та лучокъ тугенькой, подай мени, джуро, тугой лучокъ, подай мени стрилокъ, стрилокъ цилый пучокъ! Ой, бачу жъ я, джуро, та три голубочки, хочу я ихъ вбити за—для царськои дочки. Де я вмирю тамъ я взилю, де жъ я важу тамъ я варжу». Ой якъ стриливъ, та й царя вциливъ, а царицю ти въ потилицѣ, а ихъ доньку—прямо въ головеньку. Не вмивъ, царю, та ти Байди вбити, занемъ тоби, царю, та й у земли прити. Було бъ тоби, царю, конемъ пидъизжати, та було-бъ тоби Байди голову изтяти, було-бъ Байду въ землю поховати, а его жъ хлопця соби пидмовляти».

Атаманъ Лесунъ, видя превосходство войскъ господаря Стефана и потому будучи не въ силахъ освободить изъ плѣна своего вождя, князя Вишневецкаго, отступилъ отъ Сучава и съ отрядомъ своимъ бросился къ Бендерамъ, зная, что гарнизонъ этого города вышелъ весь на подкрѣпленіе господаря Стефана.

Скоро городъ былъ обложенъ казаками и взятъ безъ выстрѣла.

— А теперь, панове молодци, погуляйте въ городѣ, да только безъ обидъ, — сказалъ Лесунъ казакамъ, — волохи — не турки и не татары, шкоды хрещеному люду ни разу не чинили.

— Мы, батьку отомине, только медомъ-горилкою свои животы побалуемъ, а то въ походѣ, да въ такую жару-спеку, мы совсѣмъ казацкой силы рѣшились,—сказалъ Грицька Петренко, молодой казакъ, съ дѣтства приставшій къ князю Вишневецкому и участвовавшій во всѣхъ его походахъ.

Петренко былъ круглымъ сиротою. Нѣсколько лѣтъ назадъ одинъ татарскій загонъ, когда князь Вишневецкій находился съ своею удалою дружиной въ Московщинѣ, безпрепятственно достигъ Кіева, пограбилъ его окрестности и увелъ въ Крымъ огромный «ясыръ», преимущественно полонянокъ-женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей, и въ томъ числѣ захватилъ въ полонъ мать и маленькую сестренку Петренка. Отецъ же его былъ убитъ въ схваткѣ съ татарами. Юный же Петренко, Гриць, во время татарскаго по-

грома находился на лѣвой сторонѣ Днѣпра и не попалъ въ руки крымскихъ хищниковъ.

Потерявъ мать и сестренку Галю, Гриць присталъ къ дружинѣ князя Байды, которая и стала для него всѣмъ, и семьей, и родиной. Мать же и сестра какъ въ воду канули: конечно, были проданы въ неволю—либо въ Трапезондъ, либо въ Царьградъ, а то и въ Арапскую землю, или же генуэзцы, купивъ ихъ на невольничьемъ рынкѣ въ Хезлеве или въ Кафѣ, перепродали, въ Венеціи, на «набережной невольниковъ», riva degli schiovoni...

— А можетъ, ихъ давно «потурчили, побусурманили»,— думалъ Гриць.

И вотъ онъ ужъ десять лѣтъ бродитъ въ Польшѣ и по Украинѣ съ вольными казаками. А теперь судьба занесла его и въ Туретчину.

— Гай-гай!—сказалъ онъ своему побратиму, Опанаку Рябошапкѣ.—Пойдемъ, Панасе, въ городъ, погуляемъ.—И пошли.

II.

Первымъ дѣломъ пріятели пришли на базарную площадь, гдѣ находились шинки.

Имъ бросился въ глаза ближайшій шинокъ, въ которомъ за открытымъ прилавкомъ сидѣла прелестная молодая дѣвушка.

— Гляди, Панасъ, какая красуня за прилавкомъ,—сказалъ Петренко, показывая на дѣвушку.—Вотъ такъ молдаваночка!

— А можетъ волошка... Побей меня нечистая сила, какъ хороша!—согласился и Рябошапка.

Они говорили громко, въ полной увѣренности, что дѣвушка не понимаетъ ихъ.

Но она густо покраснѣла и потупилась. Пріятели подошли къ стойкѣ.

— Какъ же мы съ нею заговоримъ?—недоумѣвалъ Петренко.

— Да пальцами, какъ нѣмые, поймутъ, — рѣшилъ Рябошапка.

— Я и такъ понимаю,—подняла свои прелестные черные глаза дѣвушка.

Пріятелей поразили ея слова: дѣвушка проговорила чистымъ украинскимъ акцентомъ.

— Мамо, мамо!—возбужденно сказала она, отворяя дверь въ сосѣднюю комнату.—Идите скорѣй сюда! Къ намъ пришли казаки.

Въ дверяхъ показалась женщина, еще молодая и красивая смуглянка.

— Здравствуйте, казаченьки!—радостно проговорила она,—Откуда васъ Богъ принесъ?

— Прямо изъ Украины, молодичко,—отвѣчалъ Петренко.—Сегодня ранкомъ мы пришли сюда брать на копье Бендеры, и, вишь, ага, услыхавъ объ этомъ, самъ прибѣжалъ на тотъ бокъ Днѣстра и принесъ нашему атаману такой богатый откупъ золотомъ, цѣлый оклунопъ червонцевъ. Теперь мы здѣсь никого пальцемъ не тронемъ, не то, что шарпить ваше добро.

— Матерь Божія! Какъ я рада!—говорила шинкарка.—Десять лѣтъ родной рѣчи не слыхала!.. Господи! Такъ идите же, казаченьки, до насъ у хату.

— О!—засмѣялся Рябошапка.—Мы до сего торгу вскачъ!

И пріятели вошли въ шинокъ. Шинкарка и ея дочь заторопились ставить передъ гостями всевозможные напитки, медъ, вино «горилку».

— Да скажите же, какъ васъ зовутъ, хозяюшка? Скажите, какъ вы попали сюда къ бусурманамъ?—спросилъ Петренко, выпивъ ковшъ холоднаго меду.

— Охъ, голубчики казаченьки: такова ужъ наша доля щербитая, бѣдныхъ украинокъ,—грустно покачавъ головою, проговорила шинкарка,—теперь наша сестра, украинка, свѣтитъ косою по всему міру...

— Знаемъ, знаемъ,—смущенно потупился Петренко. — То наша вина, не умѣемъ уберечь ваши косы и черныя бровенята.

— Уберегли-бъ, еслибъ проклятая татарва не налетала саранчою,—сказалъ Рябошапка.—Да и мы имъ за шкуру сала заливаемъ, охъ, заливаемъ добре!—стукнулъ онъ по столу.—Вотъ и въ прошломъ году сколько ихъ юртъ съ добромъ на вѣтеръ съ дымомъ пустили! А за ваши косы да дѣвичій соромъ не одна татарка съ татарчатами въ своей крови купались.

— А нашимъ дивчаточкамъ да молодичкамъ отъ этого не легче,—вздохнулъ Петренко.—Вотъ хоть бы имъ... Занесло ихъ вѣтромъ неволи въ такую чужину, что только приходится пла-

кать да вспоминать «про тихія воды, про ясныя зори, про край веселый, народъ хрещеный».

— Я то что! А Галю жаль... Пятилѣткою ее оторвали невѣрные отъ «хрещина», отъ играшки—

Ковалику—ковалику, скуй мени пичку,
Таку невеличку, якъ попова теличка...

Петренко посмотрѣлъ на дѣвушку, и на глаза ему навернулись слезы. Галя замѣтила это и сама смахнула слезу съ рѣсницы.

— Да еще мы попали въ неволю къ доброму человѣку,— продолжала шинкарка.—Какъ это пригнали насъ словно череду, въ Крымъ, до города Козлова, и поставили на рынкѣ продавать какъ скотину, такъ на наше счастье подошелъ къ намъ старенькій гречинъ... Онъ каждую осень пріѣзжалъ въ Крымъ изъ Бендеръ закупать вино для своихъ тутъ шинковъ... Жаль ему, видно, стало Гали... У него, какъ оказалось, черная немочь унесла такую же дѣвочку, пятилѣтку дочку... Заговорилъ немножко по нашему, и купилъ насъ.

— Бѣдная Галя!—какъ бы про себя замѣтилъ Петренко.— Такъ и не удалось ей посвѣтить дѣвичей косой на родной улицѣ передъ парубками.

— Правда, тужимъ мы здѣсь по родному краю,—снова заговорила шинкарка,—а жаловаться грѣхъ... Намъ живется здѣсь сносно... Хозяинъ гречинъ поставилъ меня въ этотъ шинокъ съ полнымъ довѣріемъ и Галю полюбилъ, какъ родную дочь... Вотъ какіе на ней наряды, словно на паночкѣ.

— А на насъ ей и соромно смотрѣть,—улыбнулся Рябошапка.—Вотъ какъ наши жупаны обшарпались по тернамъ да по боярышникамъ колючимъ.

— Нѣтъ, я рада васъ видѣть—скромно сказала дѣвушка.

Петренко долго смотрѣлъ на нее.

— А хотѣла бы ты, Галю, воротиться «на тихія воды, подъ ясныя зори, въ край веселый межъ народъ хрещеный»?—спросилъ онъ.

— Гдѣ ужъ мнѣ, сиротѣ?—потупилась она и вздохнула.

— «Нѣту бранкѣ вороття», какъ говорятъ у насъ на Украинѣ,—махнула рукой шинкарка.

— А честный выкупъ?—спросилъ Петренко.

— Хотѣлъ насъ купить одинъ волохъ изъ-за Гали, приглянулась она ему, такъ хозяинъ заломилъ такую цѣну, что тотъ отказался.

— Ну, пани маточка, цѣны я никакой не боюсь,—сказалъ Петренко и, развязавъ свой кожаный широкій поясъ «чересъ», туго набитый червонцами, высыпалъ ихъ на столъ.—А еще цѣлый жбанъ золота закопанъ дома.

— Вотъ такъ шарпаный жупанъ, драный! — засмѣялась шинкарка.

— Да, будетъ чѣмъ гречину глотку заткнуть,—улыбнулся Рябошапка.

— Только... только, — нерѣшительно сказалъ Петренко, робко поглядывая на Галю.

— Рушниковъ дивчина не припасла и нечѣмъ будетъ старость перевязать, когда ты пришлешь ее сватать,—разсмѣялся Рябошапка.

Галя вся вспыхнула.

— Что доню, не припасла рушниковъ?—улыбнулась шинкарка и погладила дочь по головѣ.—А?

— Не для кого было, мамо,—тихо отвѣчала дѣвушка.

— Вотъ же нашелся женихъ, да еще какой!—сказалъ Рябошапка.

Галя молчала, нервно теребя полу «корсетки».

— Коли Богъ благословитъ, то и безъ рушниковъ обойдемся,—нерѣшительно сказалъ Петренко.—Милосердный Богъ да матернее благословеніе.

— Мое благословеніе надъ вами, дѣточки,—съ чувствомъ сказала мать Гали.—А ты какъ, доню?

— Какъ вы, мамо,—былъ чуть слышный отвѣтъ.

— У, лукавая эта дѣвичья порода,—подумалъ про себя Рябошапка,—никогда прямо не скажетъ.

— Благословите же насъ,—сказалъ Петренко, вставая и подходя къ Галѣ.

— Надо прежде спросить хозяина, отпустить ли онъ насъ,—возразила мать Гали.

— Такъ идемъ къ нему!

III.

Золото соблазнило стараго грека. Мать и дочь были отпущены.

— Матерь Божія! Я и вѣрить боюсь, что опять увижу Кіевъ и святыя пещеры,—говорила шинкарка, возвращаясь отъ хозяина...—Въ родномъ городѣ вы и повѣнчаетесь.

— Нѣтъ, мамо, нѣтъ!—горячо возразилъ женихъ.—Я только что нашелъ свою долю, и вдругъ жди! Нѣтъ, мы здѣсь повѣнчаемся.

— Да здѣсь попа нѣтъ,—сказала мать Гали,—не муллѣ же вѣнчать васъ, сынокъ.

— У насъ, мамочко, есть тутъ попъ,—возразилъ женихъ.—Нашъ атаманъ Лесунъ прежде былъ попомъ въ Богуславѣ, а какъ у него татары увели въ полонъ молоденькую попадью, онъ не пошелъ въ монахи, а въ казаки, и теперь мститъ проклятой татарвѣ за свою матушку. Онъ не разстрига, не распопъ, а настоящій батюшка, хоть и не носитъ рясы.

— Коли такъ, то будь по твоему, сынашу.

Подходя къ шинку, они издали услышали тренькапье бандуры и за душу хватающее пѣніе:

«Не ясный сокилъ квилить-проквиляе, а то сынъ до батька до матери зъ тяжкои неволи въ городы христіянськи поклонъ посылае, сокола ясненького ридним братомъ называе: «Соколе ясный, брате мій ридный! Ты высоко литаешъ, ты далеко видаешъ, чому въ мого батьки у матери николы въ гостяхъ не буваешъ? Полынь ты, соколе ясный, брате мій ридный, у города христіянськи, сядь пады у мого батька й матери передъ воритьми, жалобненько прохвилы, объ моей козацькой неволи припомяны».

— Господи—кто это такъ жалобно поетъ?—удивилась мать Гали.

— Это нашъ казакъ Переграй поетъ «невольницкій плачъ»,—отвѣчалъ Петренко.

— Знаю, знаю, сынашу, я этотъ «плачъ» съ дѣтства слышала около церквей.

Они вошли въ шинокъ. Галя, опершись локтями на столъ и положивъ головку на руки, плакала.

Въ шинкѣ, кромѣ нея и Рябошапки, еще оказались два казака, изъ которыхъ одинъ игралъ на бандурѣ и пѣлъ.

— Доню, доню, не плачь!—порывисто обнимая дочь, сказала мать.—Мы принесли тебѣ волю.

— Мамо, мамуню! Такъ онъ отпустилъ! — задыхаясь говорила Галя и повисла матери на шею.

— Отпустилъ, отпустилъ, дочечко!

Послѣ восторговъ и радостныхъ слезъ мать Гали, поздоровавшись съ новыми гостями, сказала Переграю:

— Я слыхала, какъ ты пѣлъ «невольницкій плачъ»... Поплачь съ нами еще немножко, любый козаченько.

— Такъ твоя невѣста уже не «бранка», Грицю, не полонянка?—спросилъ Рябошапка своего побратима.

— Не «бранка», Панасику, не полонянка, а вольная пташка, и полетитъ съ нами, казаками, на Украину, «на тихія воды, подъ ясныя горы»,—восторженно говорилъ Грицъ.

Казакъ-кобзарь настраивалъ свою бандуру.

— Починать, пани матко?—спросилъ онъ.

— Пой дальше, козаченько, начало я слыхала. Выпей же меду, прочисть горло.

Переграй выпилъ и запѣлъ:

«Нехай отець и матуся мою пригоду-неволю козацькую знають, статки, мастки збувають, велыки скарби собирають, головоньку козацькую зъ тяжкои неволи вызволяють! Бо якъ стане Чорнее море выгравати, то не знатымъ отець, лыбинъ матиръ, у которои каторзи шукаты...

— О! Такъ и моего сына, моего Гриця, я не знаю, гдѣ искать,—тихо простонала мать Гали.

— Да я-жъ съ вами, мамочко! — весело воскликнулъ Петренко.

— Да ты, сынку, не родной... А того я подъ сердцемъ выносила.

— Я вамъ замѣню родного, матуся!

«Чи у пристани Козловськой,—продолжалъ Переграй,—чи у города Царьгради на базари. Будеть ушкалы, турки-яничари набигаты, за Червонее море у Орабськую землю запродати, будуть за нихъ сребро-злато, не личачы, браты, сукна дорогіи поставами, не мирячи, одбираты»...

— Ну, будетъ ужъ, братику Переграю, сердце имъ надрывать,—весело говорилъ Петренко.—Почемъ вы, мамо, знаете, что вашъ Грицъ въ неволѣ?—спросилъ онъ.

— Сердце говоритъ мнѣ это.

— Но вѣдь вы же намъ сказали, что васъ только съ Га-

лей тогда взяли татары подъ Кіевомъ. А гдѣ же былъ въ ту пору Гриць?

— Онъ учился въ Кіевѣ. въ бурсѣ, а мы были на хуторѣ, на сѣнокосѣ.

— О! Такъ вѣдь татары Кіева не брали.

— Намъ же почемъ знать? Можетъ быть и брали.

— Нѣту, пани матко,—вмѣшался въ разговоръ Переграй,— я былъ тогда въ Кіевѣ и знаю, что татары даже до Лыбеди не доходили, повернули съ добычею и полономъ въ степи.

— Вотъ мы тамъ и найдемъ вашего Гриця,—говорилъ весело Петренко,—сколько было ему тогда лѣтъ?

— Пятнадцать исполнилось на Великдень.

— О, теперь ему двадцать пять: значитъ, такой козерлюга, что ой-ой!

— Выпьемъ же за здоровье того Гриця!—воскликнулъ Рябошапка.—Нехай ему легенько икнется!

— За Гриця! За Гриця!—подхватилъ Петренко.

IV.

Все это случилось въ субботу, и свадьба назначена была на другой день, въ казацкомъ станѣ, въ присутствіи всего отряда.

Извѣстіе о томъ, что Петренко женится на полонякѣ, на «бранкѣ» изъ Украины, вызвало такое всеобщее ликованіе въ станѣ, какого давно не видѣли казаки, и всѣ стали готовиться къ торжеству: накупали въ городѣ винъ, провизіи и всякихъ угощеній. На скорую руку были сдѣланы вѣнцы изъ золотистой фольги, и назначены были «дружки» или шафера.

Въ воскресенье утромъ Галя съ расплетенною косой, въ сопровожденіи матери, явилась въ станъ и по народному обычаю кланялась казакамъ, приговаривая:

— Просять маты и я прошу на хлѣбъ на соль, на «весилля».

Красота Гали очаровала всѣхъ

Въ то время, когда она продолжала кланяться и приглашать казаковъ на свадьбу, Переграй, Рябошапка и нѣкоторые другіе пѣли свадебную пѣсню:

Похилися, явореньку, похилися,
Поклонися, Галочко, поклонися!

Старому й малому,
И Богу святому.
Ой заграйте, музыки, заграйте ризненько,
Кланяется вамъ Галочка низенько,
Нехай їи благословлять хорошенько!

Казаки образовали кругъ, среди котораго воткнули въ землю дружинное знамя, подъ которымъ уже стоялъ атаманъ Лесунъ съ крестомъ въ рукахъ. Началось вѣнчаніе.

Это было что-то необычайное, нѣчто вродѣ вѣнчанія «вокругъ ракитова куста».

— Обручается рабъ божій Григорій рабѣ божьей Аннѣ и т. д.

Все это совершилось очень быстро, и тотчасъ же начался свадебный пиръ. Во время пира Лесунъ обратился къ матери молодой Гали съ вопросомъ:

— Откуда вы, молодичко, родомъ?

— Мы родомъ изъ Кіева.

— А какой же вашъ родъ тамъ?

— Мы Петренки: мой мужъ и отецъ Гали—Петренки.

При этомъ словѣ молодой Петренко вскочилъ. Лицо его выражало страшный испугъ.

— Петренко!—глухимъ голосомъ выкрикнулъ онъ, хватаясь за голову.—Петренко, а какъ его звали?

— Иваномъ, сынашу.

— Боже! Что мы надѣлали! Вѣдь Галя сестра мнѣ, а вы мнѣ мать! Матуся родная! Господи!

Слова эти какъ громомъ поразили всѣхъ. Галя и ея мать страшно поблѣднѣли. Казалось, на всѣхъ напалъ ужасъ. Скорѣе всѣхъ пришелъ въ себя атаманъ.

— Что жъ, дѣточки, — обратился онъ къ Грицеку и къ Галѣ,—хоть вы и повѣнчаны духовно, но плотію вы остаетесь тѣми же братомъ и сестрою. Все же Гриць, не вѣдаючи, совершилъ святое дѣло: выкупилъ изъ неволи мать и сестру. Это ему зачтется.

— Правда, правда!—заговорили со всѣхъ сторонъ.—Святое дѣло!

— Будемъ же гулять и веселиться!

— Добре! Добре!

— А придемъ въ Кіевъ,—весело говорилъ атаманъ,—двѣ

свадьбы разомъ сыграемъ... Владыка разведетъ Грице и Галю, и ей мы такого женишка найдемъ, такого парубка, что на диво!

— А мы Грицю подыщемъ невѣсту красую и погуляемъ на двухъ свадьбахъ.

Все это видимо радовало мать, но дѣти ея не могли сразу лишиться своихъ иллюзій... Они любили другъ друга, и ихъ иллюзіи разлетѣлись, какъ дымъ.

Пиръ, однако, продолжался до поздней ночи, и утромъ казаки были уже на походѣ—къ Кіеву. Съ ними ѣхали въ обозѣ и Галя съ матерью.

Вѣсть о необычайной женитьбѣ быстро потомъ разнеслась по Кіеву, и скоро слѣпые кобзари, эти природные украинскіе поэты, сложили пѣсню, которую и распѣвали по базарамъ и на распутьяхъ и которая и по сіе время поется въ народѣ. Вотъ она:

У Бендери на риночку
Пьютъ козаки горилочку.
Пили-жъ воны, гуляли,
На шинкарку гукали:
— Шинкарочка молода,
— Повирь меду и вина.
«Не повѣрю, не продамъ,
«Бо на тоби жупанъ дранъ.
— Хочъ на мени жупанъ дранъ,—
— Есть у мене грошей джбанъ.
«Якъ у тебе грошей джбанъ—
«Я за тобе дочку дамъ.
У суботу змовлелись,
А въ недилю звинчались.
А зъ вѣнчанья вертались,
Свого рода пытались.
— Скажи мени, серденько,
— Якого ты родоньку?
«Я зъ Книва Петривна,
«По батькови Ивановна.
«Скажи мени, серденько,
«Якого ты родоньку?
— Я зъ Книва Петренко,
— По батькови Иваненко.
Який теперь свитъ наставъ,
Що братъ сестры не пизнавъ.
— Ходимъ, сестры, горьче—
— Розвіемось травою.
— Ходимъ, сестры, степами—
— Развіемось цвитами.
— Ой ти будешъ жовтий цвитъ.
— А я буду синій цвитъ!

— Будутъ люде косити—
— За насъ Бога молити;
— Будутъ люде цвиты рвати—
— Изъ насъ грѣхи збирати.
— Станутъ люде казати;
— Оце-жъ тая травица,
— Що зъ братикомъ сестрица!

Цвѣтокъ этотъ въ Великороссіи носитъ названіе «Анютины Глазки» или «Иванъ-да-Марья» (viola tricolor), а въ Малороссіи «Братъ-зъ-сестрою». Галя, Галочка, по великорусски и есть Анюта.

Такъ народное творчество увѣковѣчило случай послужившій основаніемъ настоящаго разсказа.

БРАНКА.

I.

За рѣкою Росью, противъ города Богуслава, въ ясный весенній день, собрались «на играшки» и для «веснянокъ» молодыя дѣвушки этого города. Нарвавъ полевыхъ цвѣтовъ и украсивъ ими свои черныя и русыя головки, онѣ напоминали собою живой, движущійся и звенящій молодыми голосами цвѣтникъ: яркія «плахты», «сподничкн», «запаски», шитыя цвѣтною «запалочью» бѣлыя сорочки, все это сверкало и переливалось подъ лучами южнаго солнца, какъ въ калейдоскопѣ. Пѣсни звучали въ чистомъ воздухѣ, какъ бы соперничая съ пѣніемъ жаворонковъ въ небѣ и соловьевъ въ сосѣднемъ перелѣскѣ. Голубое небо не затѣнялось ни однимъ облачкомъ. Съ одного конца этого живого цвѣтника неслась чарующая мелодія «веснянки»:

Оравъ милый у ярини, теперь у толоцы—
Заплакала кари очи за чотыри ночи.
А вже-жъ мени си чотыри да за висимъ стали...
Да щобъ мого миленького колики пристали...

Съ другого конца звенитъ другая мелодія юныхъ голосовъ.

А вже весна, а вже красна—изъ стрихъ вода капле,
Молодому козаченьку мандривочка пахне.

— Да ужъ многіе казаченьки и помандрували на Запорожье,—грустно проговорила одна дѣвушка.

— Да, Лесю, и твой Панасъ туда жъ повѣялся, когда-то назадъ вернется?—отозвалась сочувственно другая дѣвушка.

— Ну, полно, дѣвчаточки горевать о козакахъ: будемъ лучше играть въ «Лялю»,—сказала третья съ кораллами и «дукачами» на смуглой шейкѣ.

Въ «Лялю», въ «Лялю», сестрички!—подхватили другія.

— А кто жъ у насъ будетъ «Ляля?»—послышались голоса.

— А Маруся поповна, онъ ужъ была «Лялей»... Марусю, Марусю!

Возгласы эти относились къ молоденькой дѣвушкѣ, почти дѣвочкѣ съ золотистою головкою и черными глазами красиваго разрѣза подъ черными бровками «на шнурочку».

Это была дочка священника города Богуслава, шестнадцатилѣтняя Маруся, высокенькая и стройная, какъ молодая тополька. Пышная золотистая коса красавицы, падая жгутомъ вдоль спины, оканчивалась вплетенными въ нее яркими лентами, «скиндячками».

Маруся вскинула задумчивыми глазами на ту дѣвушку, которая съ грустью проговорила объ ушедшихъ на Запорожье молодыхъ козакахъ.

— Нѣтъ, сестрички,—сказала Маруся,—пускай Леся будетъ «Лялею».. Она скучаетъ... Ей и «играшки» нейдутъ на умъ.

— Хорошо тебѣ, что твой Демко не на Запорожьѣ,—тихо отозвалась Леся.

— Не на Запорожьѣ, такъ въ Кіевѣ, все равно, далеко,—возразила Маруся.

— То-то что не все равно,—потупилась первая, желая скрыть выступившія на глаза слезы. Ихъ обступили живой гирляндой другія дѣвушки.

— Ну, будетъ вамъ! Становись ты, Марусько, за «Лялю».

Всѣ обступили Марусю и начали перевивать ее гирляндами цвѣтовъ и зеленью рутою и барвинкомъ: шея, руки, ноги, все было перевито цвѣтами и зеленью, такъ что хорошенькая поповна превратилась въ живой букетъ, изъ котораго выглядывало ея оживленное личико да кой-гдѣ просвѣчивала бѣлая сорочка или край коротенькой споднички.

Тогда «Лялю» посадили на зеленый холмикъ и стали подходить къ ней по очереди.

— Благослови, Ляля, танокъ водить,—говорила дѣвушка-запѣвала, и Маруся цѣловала ее.

— Пусть святой Урай благословитъ,—поясняла она.

Дѣвушки брались за руки, составляли двѣ живыя гирлянды.

— Заводи же, Химочка,—сказала Маруся.

Химочка высокенькая брюнетка съ сѣрыми искристыми глазами, начала:

Ой, Ураю, Ураю!—глянь до нашего краю!

Хоръ дѣвушекъ подхватилъ и залился молодыми голосами:

Та урай матку кличе:—ты подай матко ключи—
Одимкнути небо—выпустити росу, дивоцькую красу...

Другая гирлянда перехватила первую словами:

Дивоцькая краса, якъ литняя роса:
Сонечко гляне—красонька вьяне...

Вдругъ за перелѣскомъ послышался конскій топотъ, и татарскій «загонъ» вихремъ налетѣлъ на несчастныхъ украинокъ... Послышались крики, вопли... Татары схватывали дѣвушекъ на лету, только перегибаясь съ коней, и перекидывали на холки лошадей...

— Мамо, мамо!—бились несчастныя, безпомощныя дѣти.

Въ моментъ всѣ участницы игрища были схвачены, и за мгновеніе веселая, оживленная поляна, гдѣ звенѣли дѣвичьи голоса, опустѣла: остались только примятая трава, разбросанные цвѣты да слѣды конскихъ копытъ.

Съ колокольни богуславской церкви замѣтили несчастіе и ударили въ набатъ. Но было уже поздно: татарскій загонъ ураганомъ мчался къ верховьямъ Тясьмина и Ингульца и скоро скрылся за горизонтомъ.

II.

Яркія, поразительныя картины представляетъ жизнь поэтической Украйны XVI и XVII столѣтій. Сторожевой оплотъ отъ воинственнаго, фанатическаго мусульманскаго міра, въ нѣсколько столѣтій захватившаго подъ побѣдное знамя полумѣ-

сяца переднюю Азію, сѣверную Африку и чуть ли не полъ Европы, мужественные сыны Украины своею кровью должны были покупать спокойствіе запада и сѣвера Европы, то отражая набѣги хищныхъ ордъ Крыма и Буджака, то полагая преграды движенію турецкаго полумѣсяца и санджаковъ на цивилизованный міръ, то борясь за свое человѣческое достоинство противъ ненасытной алчности сыновъ Ватикана съ ихъ духовными дѣтьми, въ лицѣ польскаго магнатства и шляхетства. И потоками лилась кровь по всей Украинѣ. Едва зима приносила прекрасной, но несчастной странѣ нѣкоторое успокоеніе, какъ съ весною налетали на нее, какъ саранча, татарскіе «загоны», безпощадно жгли ея живописныя селенія съ бѣлыми хатками и вишневыми при нихъ садочками, и все безоружное населеніе ея, красу Украины, дѣвушекъ и дѣтей уводили цѣлыми стадами, словно скотъ, въ свои далекіе улусы—въ неволю и на продажу во всѣ невольничьи рынки Востока. А по всей Украинѣ—плачъ по на вѣки потеряннымъ дѣтямъ.

Такъ было и теперь.

И Маруся «Ляля», и Леся, и Химочка, и весь живой цвѣтникъ прекрасной молодежи города Богуслава, все было захвачено и увезено хищниками въ далекіе юрты и улусы Крыма, чтобы поступить, то въ гаремы богатыхъ мурзъ и беевъ, то на невольничьи рынки Козлова, Очакова и Кафы.

А бѣдныя дѣвочки еще такъ недавно мечтали каждая о своемъ будущемъ, хотя невѣдомомъ, но заманчивомъ, о своемъ счастьѣ, тоже хотя невѣдомъ, но предвкушаемомъ каждымъ молодымъ сердцемъ:—одна ждала возврата изъ Кіева, изъ бурсы своего «козаченька», Демка Моторнаго, другая ожидала хоть не скоро, возврата изъ Запорожья своего милаго Панаса.

Маруся полюбила Демка прошлымъ лѣтомъ, когда они встрѣчались, поэтическими вечерами, на традиціонной «улицѣ», гдѣ молодыя сердца ихъ, какъ и голоса, сливались въ чарующихъ мелодіяхъ пѣсенъ «веснянокъ», «русалокъ» и «купальскихъ» подъ Ивана Купалу, а тихая ночь укрывала своимъ покровомъ ихъ объятія, поцѣлуи и любовный шопотъ подъ волнующія трели соловья и неумолчный, трескучій говоръ коростелей въ зелени левады. Осенью, по окончаніи бурсы, ея чернобровый Демко обѣщалъ заслать къ ней сватовъ...

И вдругъ, все было разбито вдребезги!

Можно себѣ представить отчаяніе молодого казака, когда, воротившись изъ Кіева въ Богуславъ и посѣтивъ родителей Маруси, онъ узналъ отъ убитыхъ горемъ отца ея и матери, что ихъ единственная радость, ихъ единое «сонечко», ихъ Маруся въ плѣну! ихъ ненаглядное дѣтище—«бранка»!..

Молодой казакъ думалъ, что онъ съ ума сойдетъ отъ отчаянія, или наложитъ на себя руки. Но мужественная душа украинца не могла помириться ни съ тупымъ отчаяніемъ, ни со смертью... Онъ рѣшилъ объявить вызовъ своей судьбѣ—или вырвать бранку изъ неволи, или погибнуть, но только не покориться своей жестокой долѣ.

Онъ рѣшилъ идти на Запорожье, и оттуда вмѣстѣ съ чубатыми богатырями нагрянуть на Крымъ и тамъ искать свою Марусю.

Отецъ Демка, тоже проведшій молодость на Запорожьѣ, благословилъ сына послужить «матери Сичи», и только мать горько плакала, разставаясь съ «дитиною» въ косую сажень ростомъ. Съ Демкомъ рѣшились отправиться на Запорожье и еще нѣсколько богуславскихъ молодцовъ мстить татарамъ за уводъ въ неволю почти всѣхъ взрослыхъ дѣвушекъ ихъ родного города.

Скоро партія молодыхъ богуславцевъ, хорошо вооруженная, на добрыхъ коняхъ, благославляемая батюшкою, отцемъ Маруси, и напутствуемая горячими пожеланіями родныхъ и знакомыхъ, отправилась въ путь подъ предводительствомъ Демка.

На другой день, вечеромъ, подъѣзжая къ Сѣчи, партія богуславцевъ остановилась у воротъ Коша, надъ которыми возвышалась сторожевая башня.

— Пугу! Пугу!—прокричалъ Демка условный запорожскій озунгъ.

— Пугу! Пугу!—послѣдовалъ отзывъ съ башни.

— Казаки до Великаго Лугу и до матери Сичи.

— Откуда будете панове молодцы?

— Изъ славнаго города Богуслава.

— А!—послышалось радостное восклицаніе.—Наши богуславцы! Демко Моторный?

— Я, Панасе, съ товариствомъ,—отвѣчалъ послѣдній.

Онъ узналъ голосъ Опанаса, за которымъ «убивалась» Леся.

Послѣ соблюденія требуемыхъ воинскими обычаями Сѣчи

формальностей, прибывшіе были впущены въ козацкій Капитолій.

— Вотъ это ладно, что прибыли до нашего гурту,—радостно говорилъ Опанасъ Бугай, здороваясь съ земляками.—А что у насъ тамъ, въ Богуславѣ?

— Бѣда стряслась надъ Богуславомъ,—отвѣчалъ Демко,—всѣхъ нашихъ дивчатъ проклятые татары увели въ неволю.

— Какъ!—не своимъ голосомъ воскликнулъ Бугай.—А казаки чего жъ смотрѣли?

— Казаки были въ Черкасахъ на полковомъ смотру.

— А вы жъ что?

— Мы что? Насъ и не было тамъ... Дивчата сами встрѣчали «русалій» праздникъ за Росью... Никто и не замѣтилъ, какъ загонъ косоглазыхъ налетѣлъ на нихъ изъ-за перелѣска и всѣхъ захватилъ.

— Кого же?—глухо спросилъ Бугай.

— Да всѣхъ... и Лесю, и Химочку, и Марусю поповну, всѣхъ чисто,—отвѣчалъ упавшимъ голосомъ Моторный.—Мы затѣмъ и пріѣхали сюда, чтобъ пристать къ низовому славному товариству и просить войско ударить на проклятое осиное гнѣздо... Мы всѣ готовы сложить свои головы, не потерпимъ такого сорому.

Между тѣмъ на сѣчевомъ «майданѣ» слышались веселые возгласы, смѣхъ, и какой-то молодой запорожецъ подъ захлебывающееся треньканье бандуры выдѣлывалъ невозможные «выкрутасы» ногами, приговаривая:

Посадила стара баба на припичку гусака,
Сама вышла за ворота та вдарила гопака.
Сиди, сиди, гусачекъ, та высади гусы,
А я пиду подивлюсь на черныи усы...

— Охъ, вражій Илько!—слышался одобрительный хохотъ.—Такъ, такъ! Сади, сади гуще!

Но когда на майданѣ показались вновь прибывшіе, и запорожцы узнали въ чемъ дѣло, общее безпечное веселье смѣнилось взрывомъ негодованья.

— А... проклятые песиголовцы!—Такъ вотъ они какъ! Давно мы ихъ не били!

— Завтра же, панове, созываемъ раду!

— До батька кошевого атамана: Пусть скликнетъ раду!.. Идемъ на поганыхъ!

III.

Прошло два года.

Ранняя весна украсила всѣми дарами роскошную природу Крыма. Даже въ сѣверныхъ областяхъ владѣній Гиреевъ, около Перекопа, и въ самомъ передовомъ постѣ Крыма, персиковыя, абрикосовыя и миндальныя деревья усыпаны были цвѣтомъ, словно розоватымъ снѣгомъ.

На закрытой отъ постороннихъ взоровъ галлереѣ канака перекопскаго паши сидѣли двѣ молоденькія миловидныя татарочки и вышивали шелкомъ и золотомъ богатый малиновый чапракъ подъ сѣдло любимаго боевого коня своего господина.

— Охъ, сестрице-рыбко,—заговорила одна изъ нихъ по-украински,—особенно весной тоска рветъ мое сердце по милой Украинѣ. Теперь и у насъ тамъ сады расцвѣтаютъ, «зозуля» въ лѣсу кукуетъ, соловейко въ ночи заливается... А по вечерамъ «улица»-то «улица», такъ и стонетъ «веснянками»...

— Что и говорить, серденько,—вздохнула другая.—Теперь тамъ у насъ, поди, къ Пасхѣ, къ Великодню у всѣхъ «крашанки» красятъ да «писанки» размалевываютъ...

— Такъ, такъ, сестрице... теперь какъ-разъ и есть святая суббота... По церквамъ про страсти Христовы читаютъ, а завтра всѣ христосоваться станутъ.

Въ это время на дворѣ послышался звонъ желѣза, точно бы цѣлый табунъ скованныхъ лошадей гнали на водопой.

Въ воротахъ двора паши перекопскаго показалась толпа невольниковъ, закованныхъ въ кандалы. Ихъ гнали невольничьи приставники съ поля, на которомъ они съ ранняго утра работали на пашу, и теперь должны были дать имъ скуднаго корму для поддержанія ихъ рабочихъ силъ. Наиболѣе слабыхъ и усталыхъ приставники подгоняли жесткими пучками «червоной таволги». Несчастные представляли жалкій видъ: небритые, обросшіе волосами, изнуренные непосильной работой, всѣ въ лохмотьяхъ, они не могли не возбуждать сожалѣнія, только не въ своихъ палачахъ.

— Господи! Видѣть это каждый день и ничѣмъ не помочь, охъ, какъ тяжко!—тихо сказала одна изъ тѣхъ, что сидѣла на галлереѣ за вышиваньемъ чепрака.

— Пусть будетъ что будетъ!—подумала про себя другая.— А я имъ помогу... Вчера садовникъ подрѣзывалъ деревья въ саду и забылъ тамъ пилу... А ключи отъ темницы паша всякій разъ отдаетъ мнѣ, когда уходитъ въ мечеть. Можетъ, и я съ ними убѣгу на милую Украину, «на ясныя зори, па тихія воды, въ міръ крещеный»...

За конакомъ паши стояло мрачное каменное зданіе «темница», безъ оконъ, и только съ однимъ отверстіемъ на плоской крышѣ, покрытой дерномъ—для воздуха и слабаго освѣщенія невольничьей тюрьмы. Туда и загнали теперь полоняниковъ, несчастныхъ сыновъ далекой Украины.

Наступила ночь.

Всѣ правовѣрные Перекопа, по случаю вступленія, въ Стамбулѣ, на престолъ новаго падишаха, собрались въ мечеть для торжественнаго моленія Аллаху о дарованіи долгоденствія и побѣды надъ невѣрными новому повелителю правовѣрныхъ.

На дворѣ паши перекопскаго не видно ни души. Однако, въ темнотѣ, при слабомъ мерцаніи звѣздъ можно было различить человѣческую фигуру, которая по приставленной садовой лѣстницѣ осторожно взбиралась на крышу невысокой темницы.

Вотъ она на крышѣ, и припала къ отверстію.

— Доброй ночи, козаченьки,—тихо проговорилъ въ отверстіе ласковый женскій голосъ.

Внизу, въ темнотѣ тюрьмы, послышалось движеніе.

— Доброй ночи, козаченьки,—повторилъ женскій голосъ,— помоги вамъ Господи, какъ и я хочу помочь вамъ.

— Кто ты и зачѣмъ пришла къ намъ?—спросили снизу.

— Я бранка, такая же, какъ и вы, бѣдная невольница... Я принесла вамъ радость и милость Божію... Завтра у насъ, на Украинѣ, великое «свято», святой Великдень.

Въ темнотѣ послышалось усиленное движеніе, шорохъ соломы, звяканье кандаловъ и стоны.

— О! Зачѣмъ ты намъ это нагадала! Зачѣмъ рѣжешь наше сердце такими словами!.. Мы тутъ въ тяжкой неволѣ, счетъ не только днямъ, но и годамъ потеряли... А ты своими словами только наши раны «разворушила»... Кто ты?.. Можетъ, ты не-

чистый духъ — насъ бѣдныхъ невольниковъ, «марно» искушаешь...

— Я, козаченьки, бранка изъ города Богуслава, Маруся поповна,—горько заплакала дѣвушка.

— Маруся «поповна» богуславка! Такъ это ты, ясочко!— послышались радостные голоса.

— Я, я, «братики родненькіи, якъ голубоньки сивенькіи!»... Я, «дивка-бранка»... Я принесла вамъ волю... пилу, подпилить «кайданы-кандалы»... и ключи отъ пашни отпереть вашу темную темницу... Вотъ, ловите пилу и расковывайте другъ дружку... Не бойтесь, паша всю ночь пробудетъ въ мечети... А тамъ я васъ отопру... Солнышко проглянетъ, вы далеко ужъ будете...

— И ты съ нами, голубонько Марусеньку?

— И я съ вами, соколоньки, до татка и до неньки... и до своего миленькаго, до Демьяника Моторнаго...

— До Демка Моторнаго! — кто-то неосторожно выкрикнулъ.—Да его жъ проклятые татары, въ тотъ же годъ, когда тебя, съ другими богуславками, угнали въ неволю и когда онъ шелъ съ нами выручать тебя, проклятые татары на куски изрубили въ полѣ и много нашихъ богуславцевъ пострѣляли и порубили...

Въ отверстіи послышался стонъ, точно бы это былъ стонъ умирающаго...

— Ахъ, Панасъ, Панасъ! Что ты надѣлалъ!—сказалъ кто-то укоризненно.—Зачѣмъ сказалъ? Ты убилъ бѣдную...

Маруся продолжала биться у отверстія съ тихимъ стономъ...

— Не убивайся, голубко,—утѣшали ее изъ глубины темницы,—ты пойдешь съ нами на милую Украину, до родного отца и неньки, въ міръ хрещеный, въ край веселый...

— О! Что мнѣ теперь Украина! Что отецъ и нянька... Безъ моего милаго нѣтъ для меня жизни, не то что Украины... Идите же вы одни домой, поклонитесь моему отцу и ненькѣ, поклонитесь городу Богуславу и всей Украинѣ... А я тутъ загину, потурчусь, побусурманюсь для роскоши турецкой, для лакомства проклятаго...

Она какъ безумная соскочила съ крыши, торопливо отперла темницу и какъ тѣнь скрылась во мракѣ южной ночи.

IV.

На Украинѣ, въ славномъ городѣ Богуславѣ, любимый козацкій праздникъ «Покрова».

Богуславъ давно оплакалъ своихъ полонянокъ, сведенныхъ въ неволю татарами года три тому назадъ. Оплакалъ и тѣхъ своихъ молодцевъ, которые пошли выручать полонянокъ: всѣ они полегли на татарскихъ поляхъ въ битвѣ съ невѣрными. Уцѣлѣлъ было одинъ Опанасъ Бугай, но попалъ въ плѣнъ, а потомъ, освобожденный, вмѣстѣ съ прочими невольниками, великодушно Марусею поповною и настигнутый затѣмъ въ степи татарами, сложилъ тамъ свою голову, не увидавъ болѣе родного Богуслава.

Мало по малу, если оплаканные и не были забыты, то все же душевныя раны незамѣтно излѣчивало всеуспокаивающее время. Вспомнятъ, бывало, о тѣхъ, кого ужъ нѣтъ на свѣтѣ или которыхъ горькая неволя закинула Богъ-вѣсть куда, въ невѣдомы страны, поговорятъ, иногда вновь поплачутъ...

— Гдѣ-то она, дѣточка наша единая, жива ли голубка?

— Можетъ убивается гдѣ по родной сторонкѣ въ далекой неволѣ.

— Богу-то вѣдомо,—Его святая воля...

Отслужили обѣдню на «Покрову». Выходятъ люди изъ церкви, идутъ по домамъ. «Какъ пчелы гудутъ»... А около церкви нищіе «старцы», люди Божіе и между ними старенькій слѣпой кобзарь съ хлопчикомъ поводатыремъ «мѣхоношею»... Бренчитъ тихо на бандурѣ и жалобно поетъ о «правдѣ и щирой неправдѣ»:

Уже теперь правда—правда помирае.
А щира неправда весь свитъ пожирае.
Уже теперь правда—правда вже помера.
А щира неправда у весь свитъ зажерла!

Остановились около кобзаря вышедшіе изъ церкви и батюшка Антоній съ матушкою, слушаютъ...

— Такъ, такъ, старче Божій, — горестно качаетъ головой матушка,—нѣту на свѣтѣ правды... Плачутъ безъ нея люди.

А кобзарь также плачетъ-заливется струнами и голосомъ

Плачуть вочи, плачуть, не можутъ прибути—
Своеи ридньи матери забути.

Орлице мати! Де-жъ намъ тебѣ взяти?
Тебе ни купити, и ни заслужити.
Увесь свитъ исходити—правды не зощити...

— Охъ, правда, человѣче, правда,—качаетъ головою матушка подъ тактъ струнамъ. А сама думаетъ: «не сыскать намъ и нашей Марусеньки»...

Слѣпецъ съ силой ударяетъ по струнамъ и по сердцамъ слушателей:

Хотя-бъ то мы мали ангольскіи крыла.
Та бъ мы полетили да тебе увидили,—
Бо вже конець вику уже приближився,
Хочъ ридного брати теперъ стережися.

Кобзарь кончилъ. Въ толпѣ, его окружавшей, послышались вздохи.

— Пошелъ бы ты, старче, къ намъ пообѣдать,—говоритъ батюшка.

— Помянулъ бы ты съ нами нашу доченьку въ далекой неволѣ,—добавляетъ матушка.

— Спасибо, люди добрые,—говоритъ обрадованный приглашеніемъ слѣпецъ, — я, якъ ото кажуть люди, до сего торгу бѣгомъ... Веди мене, Михасю.

Михась, загорѣлый, босой мальчуганъ, тоже радостный, вскакиваетъ и подаетъ «костуръ» посохъ.

— Ходить, диду,—говоритъ онъ и беретъ другой конецъ «костура», которымъ, какъ поводомъ, и ведетъ за собою слѣпца.

Пришли до батюшки. А тамъ старая куховарка Христя уже и столъ накрыла.

Помолились на образа, сѣли за столъ, выпили по чаркѣ доброй «запеканки» и стали чинно обѣдать.

У Михася глаза такъ и блестятъ отъ счастья: ни разу въ жизни еще онъ не ѣлъ такой вкусной «страви».

Пообѣдали. Снова помолились на образа и поклонились другъ другу.

—Чѣмъ же мнѣ васъ теперь, добрые люди, «подякивать» поблагодарить?—говоритъ кобзарь.

— А тѣмъ, что, можетъ, спосиь намъ хорошую думу,—отвѣчаетъ батюшка, большой любитель козацкихъ думъ.

— Такъ спою я вамъ новую думу,—говоритъ кобзарь,—

ходилъ я на Спаса въ Кіевъ, къ печерскимъ угодникамъ, такъ и слышалъ тамъ отъ гетманскаго бандуриста такую думу, что, слушаючи ее, слеза пробиваетъ.

— Хорошо, диду, спой мы послушаемъ,—соглашается батюшка.

Усѣлся кобзарь поудобнѣе, настроилъ свой инструментъ на торжественный ладъ, откашлялся, и голосомъ, въ которомъ слышалась тихая грусть, началъ подъ жалобный говоръ струнъ:

Ой и що на Чорному мори, що на билому камени, тамъ стояла темнице камяная. Що у тій темници прибувало симъ сотъ козаковъ—бидныхъ невольникивъ. То вже тридцять литъ у неволи пробувають, Божьяго свиту, сонце праведного въ вочи сиби не видають...

— Охъ, Господи!—простонала матушка.—Тридцать литъ.

А кобзарь, мѣняя тонъ и возвышая голосъ, продолжалъ:

Го до ихъ дивко-бранка, Маруся попивна, богуславка...

Отецъ Антоній невольно вздрогнулъ и поднялся.

— Что, что ты сказалъ, старче?—дрогнувшимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Да это жъ, паноченьку, дума,—удивился кобзарь тревожному вопросу батюшки,—такъ въ думѣ поется. А изъ думы слова не выкинешь.

Матушка тоже стояла блѣдная.

— Ну, прокажи опять спачала,—говорилъ батюшка.

— Да вотъ слушайте, паноченьку.

То до ихъ дивка-бранка, Маруся попивна, богуславка, прихождае словами промовляе: Гей козаки, ви бидніи невольники! Угадайте, щи въ нашій земли христіянській за день тепери?

— Она, она, Маруся!—не то съ испугомъ, не то радостно говорилъ батюшка.—Наша Маруся попивна, богуславка! Наша доченька!

— Охъ, Владыко милостивый!—рыдала матушка,—Марусенька бранка!.. Она жива!..

Кобзарь былъ пораженъ. Онъ, конечно, не зналъ, что героиня думы, Маруся богуславка, про которую теперь распѣвали кобзари по всей Украинѣ, дочь этихъ добрыхъ людей, которые такъ гостепріимно угостили его.

— Господи! Неужели жъ это ваша дочечка, паноченьку и

паниматочко?—какъ-то растерянно спрашивалъ онъ.—Какъ же это случилось? Неужели же ваша дочка въ неволѣ?

— Она, она, человѣче Божій, наша Марусенька!—А случилось это такъ.. Три года тому назадъ, по веснѣ...

— Въ самую «клечальную недѣлю».Охъ!—рыдала матушка.

— Такъ въ «клечальную недѣлю» пошли наши богуславскія дѣвчатки, а съ ними наша Марусенька, за Рось по цвѣты, вѣнки завивать и «веснянички» пѣть... Мы и слышали отсюда ихъ веселые голосочки и сами за нихъ душою радовались... А потомъ вдругъ слышимъ отчаянные крики и вопли... То проклятые татары на нихъ налетѣли изъ-за перелѣса, со степи, всѣхъ перехватили и увезли въ неволю... Ударили у насъ тутъ въ набатъ, да было ужъ поздно:—проклятому татарскому загону и слѣдъ простылъ... А казаки наши были на полковомъ смотру, въ Черкасахъ и ничего этого не знали... Тогда наши богуславскіе хлопцы, всѣ наши парубки отправились на Запорожье, чтобъ вмѣстѣ съ низовымъ товариствомъ идти въ Крымъ добывать своихъ бранокъ... Но или ихъ мало вышло въ поле изъ Запорожья, или было иное отъ Бога попущеніе, только наши молодцы всѣ полегли головами въ полѣ, а о бранкахъ съ тѣхъ поръ и о нашей Марусѣ, ни слуху ни духу—точно въ воду канули... И вдругъ, про нее думу слышимъ!..

Матушка, упавъ на колѣни передъ образами, ломала руки...

V.

Когда первые взрывы и горя и радости нѣсколько улеглись, отецъ Антоній просилъ кобзаря продолжать начатое... Что-то дальше скажетъ дума?.. Значитъ, Маруся тогда была жива... Кто же принесъ на Украйну вѣсточку о ней? Кто воротился изъ неволи? Кто видѣлъ тамъ Марусю?

— Боже, Боже!—тихо шептала матушка.—Тридцать лѣтъ въ неволѣ!

Кулишъ, знатокъ народной украинской души, по поводу этой думы прекрасно говоритъ въ «Приложеніяхъ» къ 1-му тому злосчастнаго «Возсоединеніе Руси»:

«Народный паѳосъ преувеличиваетъ срокъ заключенія: и одинъ день въ неволѣ для козака могъ казаться годомъ; а если ихъ продержали мѣсяцъ, то у нихъ тоски набралось на 30 лѣтъ.

Тутъ своего рода истина. Народные наши Гомеры заботились только о томъ, чтобы произвести извѣстное впечатлѣніе на слушателей, и достигали своей цѣли: вопль XVI столѣтія долетѣлъ до насъ»!

Кобзарь, начавъ думу сызнова и дойдя до вопроса, обращеннаго Марусею къ заключеннымъ «каковъ завтра день на Украинѣ», продолжалъ:

Що тоди бидни невольники зачували, дивку бранку Марусю попивну, богуславку, по ричамъ познавали, словами промовлены: «Гей дивко бранко, Марусю попивно, богуславко! Почимъ мы можемъ знати, що въ нашій земли христіанскій за день теперь? Що тридцять лѣтъ у неволи прибуваемъ, Божого свиту, сонцо праведнаго у вики соби не видаемъ, то мы не можемо знати, що въ нашій земли христіанскій за день теперо».

— О, Матинко-жъ Божа!—послышались глухія рыданія.

Отецъ Антоній и матушка невольно оглянулись. Въ дверяхъ «комнаты» стояла старая Христя и, закрывъ лицо руками, горько плакала.

— И это тамъ Марусенька наша!.. А я ее, маленькую, на рукахъ носила... Прибѣжитъ, бывало, «на мене Христя, возьми на ручки». О, Господи, Господи!

А кобзарь, поднявъ слѣпые глаза къ воображаемому небу, вновь зарокоталъ струнами и пониженнымъ речитативомъ выговаривалъ:

Тоди дивка бранка, Маруся попивна, богуславка, ты зачувае, до козаковъ словами промолвляе: «Ой, козаки, вы, бидній невольники! Що сегодни у нашій земли христіанскій великодная субота, а завтра святый праздникъ, роковый день—Великдень».

— Не забыла же, дѣтина моя, про Боже свято!—умилялась матушка, крестясь на образа.

— Я ей съ младыхъ ногтей внушалъ благочестіе,—проговорилъ отецъ Антоній,—и въ неволѣ не забыла моихъ наставленій.

А слѣпецъ, перебирая струны, выждалъ минуту, чтобъ еще больше поразить слушателей неожиданностью, и продолжалъ голосомъ осужденія:

То тоди ты козаки тее зачували, билымъ лыцемъ до сырой земли припадали, дивку бранку, Марусю попивну, богуславку, клили-проклинали. «Ты бодый ты, дивко бранко, Марусю попивно, богуславко, щастя й доли соби не малы якъ ты намъ святый праздникъ, роковый день Великдень сказала».

— Ее же, Господи, клянутъ, проклинаютъ! — всплеснула руками матушка.—За что же это? Нѣтъ, чтобы «подякувать».

— Съ горя эго, матушка, — успокаивалъ ее отецъ Антоній,—съ тоски въ неволѣ какъ бы разуму лишились.

А слѣпой козацкій бардъ продолжалъ надрывать имъ душу:

То тоди дивка бранка, Маруся попивна, богуславка тее зачувала, словами промовляла: «Ой козаки, вы бѣдніи невольники! Та не лайте мене, не проклинайте: бо, якъ буде нашъ паша турецкій до мечети видъѣзжати, то буде мени, дивцы бранцы, Маруси попивни, богуславцы, на руки ключи виддавати, то буду я до темницы прихождати, темницы видмыкати, васъ всѣхъ, бидныхъ невольниковъ, на волю выпускати».

— Она-жъ ихъ и на волю выпускаетъ!—продолжала умиляться матушка.—А они ее еще проклинали.

— Она всегда была добрая,—замѣтилъ отецъ Антоній.

— Бывало, прибѣжитъ ко мнѣ: на тебѣ, Христе,—и даетъ мнѣ либо бубличекъ, либо «коржика», такая добрая!—вставила слово и старая Христя.

Но они не подозрѣвали, какой страшный ударъ долженъ сейчасъ поразить ихъ. Такой драмы они не ожидали.

Слѣдующими строфами думы кобзарь поразилъ ихъ въ самое сердце:

То на святый праздникъ, роковый день, Великдень ставъ панъ турецкій до мечети видъизжати, ставъ дивци бранцы, Маруси попивны, богуславцы, на руки ключи видавати, тоди дивка бранка, Маруся попивна, богуславка, добре дбае. До темници видмыкае, всихъ козаковъ, бидныхъ невольниковъ, на волю выпускае и словами промолвляе: «Ой, козаки вы, бидніи невольники, кажу я вамъ: добре! бдайте, въ городи христіански утикайте; тилько прошу я васъ—одного города Богуслава не минайте, моему батькови и матери знати давайте: та нехай мій батько доброе дбае, Гуртивъ, великихъ маеткихъ нехай не збувае, великихъ скарбивъ не збирае, та нехай мене, дивки бранки, Маруси попивни, богуславки, за неволи не выкупляе; бо вже я потурчилась, побусурманилась—для роскоши турецкой, для лакомства нещетного!»

— Оо!—разомъ вырвался стонъ изъ груди несчастныхъ отца и матери.—Наша дитина потурчилась, побусурманилась!.. На то ли мы родили, вскормили ее, всему доброму научали, о, Господи!

— Охъ!—била себя въ грудь матушка.—Отчего я ее, маленькою, своими руками не задавила... Зачѣмъ, купаючи въ рутѣ и любисткахъ, я ее въ корытцѣ не утопила!

Христя стояла и только испуганно крестилась. И самъ коб-

зарь растерялся. Только хлопчикъ поводатырь, послѣ сытнаго обѣда, спалъ сномъ невинности, уткнувшись носомъ въ свою изодранную барашковую шапку.

Слышались рыданія, но съ каждою минутою все тише и тише... И сила отчаянія поддается физической усталости.

— На то Божья воля, — шепталъ отецъ Антоній. — Онъ далъ, Онъ и взялъ...

Кобзарь, услыхавъ эти слова, сказанныя покорнымъ провидѣнію голосомъ, надѣялся молитвеннымъ концомъ думы пролить утѣшеніе въ истерзанныя души слушателей, и потому спросилъ:

— Можетъ, вы, паноченьку и паниматочко, велите мнѣ проказать конецъ думы?

Отецъ Антоній поднялъ отъ стола голову. Онъ надѣялся, что конецъ ужасной думы дастъ имъ хоть малую надежду... Можетъ, Маруся одумалась... одумается еще... она такъ молода... ей нѣтъ девятнадцати лѣтъ...

— А развѣ это не конецъ думы?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не конецъ, паноченьку... Въ концѣ думы бѣдные невольники благаютъ милосерднаго Бога, чтобъ всѣхъ ихъ вызволили изъ неволи.

— Ну, такъ доскажи, старче Божій.

Кобзарь перебралъ всѣ лады своего инструмента, подвинтилъ колышки, поправилъ «кобылку» и, забѣгавъ привычными пальцами по струнамъ, взялъ самыя высокія ноты:

Ой, вызволи, Боже, насъ всихъ бидныхъ невольниковъ, зъ тяжкой неволи, зъ виры бусурманской, на ясни зори, на тихи воды, у край веселый, у миръ хрещеный! Выслухай, Боже, у прозьбахъ щирыхъ у нещасныхъ молитвахъ насъ бидныхъ невольниковъ!

Голосъ кобзаря смолкъ и струны бандуры умолкли.

— Вотъ и вся дума, ласкавы паноченьку и паниматочко!— сказалъ слѣпецъ.—Пошли вамъ Господь всего добраго за вашу доброту... Можетъ, Онъ вернетъ вамъ и вашу доченьку...

Напрасныя утѣшенія!

У отца Антонія и матушки не осталось даже и того горькаго утѣшенія, что дочь ихъ осталась въ неволѣ не «для роскоши турецкой» и не «для лакомства», «несчастнаго», а изъ болѣе чистыхъ и глубокихъ побужденій разбитаго сердца... Что ей въ родинѣ, когда нѣтъ того, для кого билось ея юное сердце!..

КОЗАКЪ ГОЛОТА.

I.

На томъ мѣстѣ, гдѣ раскинулся теперь многолюдный и богатый городъ Екатеринославъ, много лѣтъ назадъ, не одно, можетъ, столѣтіе, лежала украинская слобода, Осадчая, вся тонувшая въ зелени вербъ, тополей и вишневыхъ садочковъ около бѣленькихъ хатокъ подъ соломенными и «очеретяными» крышами. Нѣкоторыя изъ этихъ крышъ были любимыми обиталищами аистовъ, каждую весну налетавшихъ въ Осадчую изъ Египта и даже изъ Индіи и каждую осень съ молодыми выводками отлетавшихъ въ таинственный, въ народномъ представленіи, «ирій», въ тотъ же Египетъ и Индію.

Жители Осадчей были большею частью выходцы съ лѣвобережной Украины, изъ-подъ переволочины, Кременчуга и Кобелякъ, гдѣ населеніе, не защищаемое Днѣпромъ, чаще подвергалось нападеніямъ «песиголовцовъ»,—ногайскихъ и крымскихъ татаръ, которые, обманувъ бдительность запорожцевъ, этихъ чубатыхъ рыцарей Украины, почти каждую весну, подобно саранчѣ, налетали на украинскіе хутора и слободы и угоняли въ Крымъ живой «ясырь», большею частью дѣвушекъ и дѣтей для продажи на невольничьихъ рынкахъ Кезлеве-«Козловъ», нынѣ Евпаторія, Кафы и другихъ городовъ, въ видахъ пополненія гаремовъ Стамбула, Синопа, Трапезонда и даже Генуи и Венеціи, гдѣ и понынѣ главная набережная отъ дворца дожей носитъ названіе «riva degli schiavoni» набережная славянъ т. е. рабовъ, плѣнниковъ, и, преимущественно плѣнницъ, которыя въ родной Украинѣ назывались: то Анисья, то Леся, то Маруся, то Катруся.

Жизнь въ Осадчей была привольная: земли, полей и луговъ, сколько глазъ хватитъ; въ степяхъ и лѣсахъ птицы и звѣря не извести, рыбы въ Днѣпрѣ не выловить; полевыхъ и лѣсныхъ ягодъ, дикихъ грушъ, вишенъ, яблокъ-«кислицъ» не обобрать.

Всю весну, лѣто и осень околицы и выгоны Осадчей звенѣли и переливались чудными мелодіями обрядовыхъ пѣсенъ «веснянокъ», «русальныхъ», «купальныхъ», «пстривокъ».

Привольность жизни въ Осадчей обусловливалась тѣмъ, что она находилась внѣ эксплоатаціи пановъ «дуковъ-сребряниковъ» и жадныхъ «оландарей» откупщиковъ.

Въ этой-то благословенной слободѣ жилъ «заможній» козакъ хлѣборобъ и рыбалка, нѣкогда бывшій запорожецъ Васютинскаго куреня, Омелько Сернокрылъ. Женился онъ уже не молодымъ на Оксанѣ Чмыривнѣ, которая и привела ему «дивчинку» Лесю, единственное дитя, посланное имъ природою.

У Сернокрыла находились для необходимыхъ работъ по хозяйству «наймитъ» и «наймичка», почти что въ качествѣ членовъ семьи, и хлопчекъ-«подпасокъ», круглый сирота Гордя. Онъ же былъ и погонщикъ воловъ во время «оранки» и пастушокъ.

Гордя былъ любимецъ маленькой Леси. Когда она не умѣла еще ходить, онъ носилъ ее на рукахъ и забавлялъ, то превращаясь въ собаку, ходилъ на четвереньках и «говкалъ» какъ «цуцыкъ», то, обращаясь въ коня, возилъ на своей спинѣ Лесю. Когда дѣвочка уже бѣгала и дѣлала изъ сырого песку «печки», приговаривая «ковалику, ковалику скуй мени пичку, таку невеличку, якъ попову теличку», Гордя выдѣлывалъ изъ глины и щепокъ цѣлые дома съ окнами и трубой, откуда валилъ дымъ «ажъ до самимньскаго неба». Ранней весной Гордя накапывалъ Лесѣ цѣлыя пригоршни пролѣсковъ, приносилъ съ берега Днѣпра вкусныхъ для дѣтей «шпычиковъ» и «рогозу». Съ Гордей Леся отыскивали въ лѣсу муравейники и вмѣстѣ съ нимъ пугали муравьевъ, приговаривая: «муравья, муравья!»

— Онъ татары идутъ, васъ порижуть и ваши подушки заберуть,—и муравьи метались въ испугѣ, пряча свои «подушки» муравьиныя яйца. Гордя отыскивалъ для своей любимицы гнѣзда ремезовъ съ крошечными яичками и ловилъ въ полѣ длинноногихъ тушканчиковъ.

И не опомнились юные друзья, какъ маленькая Леся стала подросткомъ, «подлиточкомъ», пришла въ тотъ возрастъ, когда молоденькіе воробьи, преждевременно выскочивъ изъ гнѣзда умѣютъ только «подлетывать», но еще не летать, а Гордя превратился въ браваго козака Гордія съ пробившимися уже «чер

пенькими вусами» и сталъ по вечерамъ ходить съ «парубками и дивчатами» въ традиціонную «улицу», гдѣ мелодія «весняночекъ» и «петривочекъ» звенѣла и замирала отъ зари до зари.

И Леся мечтательно прислушивалась, сидя подъ своей хатой на «призьбѣ», къ чарующимъ голосамъ молодежи, сожалѣя о томъ, что Гордя уже не тотъ Гордя, съ которымъ она пугала муравьевъ и присутствіе котораго теперь волновало ее и заставляло ея сердце биться не то болѣзненно, не то радостно. И слезы подступали у нея къ глазамъ, когда съ «улицы» доносился до нея голосъ Горди, который она различала въ сотнѣ другихъ голосовъ, и голоса эти волновали ее, особенно голосъ «дивчачи».

— Отчего меня тамъ нѣтъ?—думалось ей.

До нея явственно доносились дѣвичьи голоса:

Ночувала ниченьку та пидъ липкою
И зъ тимъ козаченькомъ—изъ Пидлипкою!
Ночувала ниченьку та пидъ яворомъ
И зъ тимъ козаченькомъ — та и зъ дьяволомъ...

«Ночувала ниченьку...» И кровь заливала щечки Леси, и сердце ея усиленно билось... «Ночувала ниченьку...» съ Гордею... Охъ!.. Не бывать этому...

Но украинская дѣвушка рано начинаетъ ходить на «улицу». Стала и Леся съ такими же, какъ и она, подростками посѣщать заманчивую «улицу» хотя и заводила свои «весняночки» и «пстривочки» въ сторонѣ отъ «парубковъ» и взрослыхъ «дивчинъ». И Леся съ ранопроснувшейся ревностью видѣла, какъ Гордя «жартовалъ» и «женихался» съ ними, и безсознательное чувство къ своему бывшему любимцу разгоралось въ ней болѣе и болѣе, и, возвращаясь съ «улицы», она нерѣдко смачивала слезами свою подушку.

Но случалось иногда, что, возвращаясь съ «улицы», Гордій присоединился къ подросткамъ, и тогда Леся ложилась спать уже веселенькою, и подушка ея оставалась не заплаканною. Это потомъ повторялось чаще и чаще, и не разъ приходилось Гордію возвращаться домой вдвоемъ съ Лесею. Тогда они вспоминали «старовину», когда Гордя «говкалъ» на Лесю «цуцыкомъ», и она заставляла муравьевъ прятать свои «подушки»..

При этихъ воспоминаніяхъ Леся переставала чувствовать ту неловкость, которую она испытывала съ тѣхъ поръ, когда въ

ней, помимо ея сознанія, проснулась женщина. Подъ жаркимъ благодатнымъ солнцемъ Украины зрѣлость для дѣвушки наступаетъ рано, и уже у «пидлиточки» сердце распускается, какъ ранній полевой цвѣтокъ, махровый «сонъ» для любви.

Пышнымъ цвѣткомъ распустилось для любви и сердце Леси, которая любила Гордю съ тѣхъ поръ, какъ помнила себя, но только теперь... иначе, жарче, беззавѣтнѣе.

Однажды возвращаясь съ Лесею съ «улицы», Гордя заговорилъ о томъ, что стыдно молодому козаку сидѣть дома, «у запичку» «спиной грубу (печь) подпирати», что козаку слѣдуетъ помѣряться силою съ татарвою и что для этого мѣсто козаку въ Запорожьѣ...

Леся слушала молча, опустивъ головку, а потомъ закрыла личико рукавомъ широкой сорочки и горько заплакала.

— Что съ тобой, Лесю?—удивился молодой козакъ...—Ты плачешь? О чемъ?

Но дѣвушка разрыдалась еще больше.

— Лесю, Лесю, голубко! Да что же съ тобой?

И онъ силился отнять отъ лица ея руки, чтобы взглянуть на нее.

— Да скажи же, рыбонько, о чемъ ты, о чемъ, ясочко!

Тогда она порывисто припала къ нему на грудь, и, страстно прижимаясь къ могучей груди, шептала:—На кого же ты мене покинешь... Безъ тебя я умру!..

Молодой козакъ все понялъ!.. Такъ это уже не дѣвочка... Она любитъ его!..

Горячей волной кровь залила его смуглыя, покрытыя первымъ пушкомъ возмужалости, щеки. Онъ обхватилъ гибкій станъ дѣвочки и, отведя отъ своей груди ея заплаканное личико, не смѣло прошепталъ:

— Да вѣдь тебя не отдадутъ за меня, рыбонько! Не отдадутъ за наймита, за сироту-безбатьченка, за «попихача»!.. А на Запорожьѣ я «доскочу» и богатства и славы... И когда явлюсь сюда на ворономъ конѣ, въ «систахъ» на «аксимитахъ» и съ полною «кишеней» золота, тогда и отдадутъ за меня мою ясочку... А до того времени она немножко подрастетъ, а то ея рученьки и до моего чуба не достанутъ... Такъ-то, моя рыбонька, мое золото!

— Нѣтъ, нѣтъ, милый! Хоть годикъ еще поживи съ нами,—

говорила дѣвочка, поднимаясь на цыпочки и стараясь дотянуться до козацкаго чуба.—Вотъ и достала!..

— А шапку мою сбила...

— Милый, любый, коханый мой козаче! — прижималась она къ своему Гордѣ.

— Ясочка моя, перепелочка! Вотъ возьму тебя и унесу къ себѣ въ клуню..

— Неси, неси хоть на край свѣта... Развѣ ты не видѣлъ, что я люблю тебя... а ты бѣгалъ отъ меня...

И молодой козакъ, поднявъ дѣвочку на руки, какъ маленькаго ребенка, и, нѣжно прижимая къ груди, понесъ, словно волкъ ягненка...

— А! Такъ ты вотъ что! — вдругъ выросла въ дверяхъ клуни темная фигура.—Малую дѣтину соблазнять! Га, идолъ!

То былъ отецъ Леси. И молодой козакъ, и Леся окаменѣли.

— Такъ вотъ какую гадюку пригрѣлъ я за пазухой!

— Мы... я, таточку... онъ ничего,—лепетала Леся.

— Молчи, кошеня!.. Рано въ гречку скакать задумала... Вонъ съ глазъ моихъ «никчемна»! Я съ тобой раздѣлаюсь еще... А ты, идолъ, такъ отплатилъ мнѣ за все добро...

— Я, паноче... Видитъ Богъ... а Леся... Богъ свидѣтель...

— Я вижу, идолъ!.. Я свидѣтель!.. Прочь же сейчасъ изъ моего дома!.. Ночуй хоть въ болотѣ съ чертями, а ко мнѣ ни ногой... Чтобъ и духа твоего поганаго я не слыхалъ!

Леся стояла въ сторонѣ и плакала. Глубоко потрясенный всѣмъ случившимся, Гордій покорно склонилъ голову и тихо проговорилъ:

— Лайте меня, паноче, на то ваша воля... А я божусь и присягаюсь, что Олеся непорочное дитя... Я любилъ ее какъ сестру, и Богомъ заклинаю, не кладите на нее вашего батьковскаго гнѣва... Лиши меня, Господи, царства небеснаго, если я говорю неправду: ваше дитя—непорочное дитя, и пусть милосердный Богъ хранитъ васъ всѣхъ!

Съ этими словами онъ гордо поднялъ голову и сказалъ:

— Теперь мнѣ одна дорога, на Запорожье! Если я сказалъ вамъ неправду про Лесю, то пусть первая татарская стрѣла пронзитъ мое сердце! Прощайте!

И онъ скрылся въ темнотѣ.

Пораженная всѣмъ случившимся, Леся лишилась чувствъ.

— Дочинько моя, Лесю!—испуганно проговорилъ отецъ.— Что съ тобою дѣтина моя!.. Открой оченьки... Я вѣрю всему, что онъ сказалъ, всему! Охъ, Господи!

II.

— Посмотри, Хведьку, что оно тамъ такое въ степи маячитъ? Не то звѣрь, не то человѣкъ.

— Сказать бы туръ, потому турьи роги, такъ видно, что на костуръ, кажись, либо на колъ опирается.

— Вотъ проява! А путь держитъ прямо сюда... Туръ и есть-да только на двухъ ногахъ... Чисто проява!

— Не иначе, что человѣкъ убилъ тура, снялъ съ него шкуру и теперь несетъ сюда.

Такъ разсуждали между собою два запорожца, стоявшіе на часахъ, на вартѣ сторожевой башни.

А то, что привлекло ихъ вниманіе, продолжало приближаться къ Сѣчи.

— Ясно, что до Коша идетъ... Можетъ, новаго товарища намъ Богъ посылаетъ.

— Не безъ того... Смѣло идетъ, видно, что не злодій... А что тура свалилъ одинъ-на-одинъ, это добрая «прикмета».

На небольшомъ разстояніи отъ сѣчевыхъ воротъ пришедшій остановился и сбросилъ на землю турью шкуру.

— Пугу! пугу!—прокричалъ пришедшій.

— Пугу! Пугу!—отвѣчали вартовые съ башни.

— Принимайте казака до кругу!—продолжалъ пришедшій.

— Добре... А кто ты, человѣче, и откуда будешь?

— Съ козацкой паланки, изъ слободы Осадчей родомъ.

— До нашего славнаго низового войска пристать хочешь?

— Коли милость пана отамана кошевого будетъ и всего славнаго товариства, то голову свою положу за войско.

— Добре. Иди же до Коша. А ты, Хведьку, бѣги, отопри «браму».

Брама скоро отворилась, и пришедшій, снова напяливъ на себя турью шкуру, вошелъ въ козацкое святилище.

Тамъ уже услыхали о новоприбывшихъ, и толпа чубатыхъ молодцовъ повалила навстрѣчу гостю въ турьемъ одѣяніи.

— Вотъ такъ козарлюга, какого чорта подвалилъ?

— Гдѣ ты его, «гаспидськаго» бородача слапалъ?

— Диво, что онъ его не слапалъ.

— И неужели, хлопче, ты его этимъ коломъ доѣхалъ?

Такъ сыпались на пришедшаго вопросы со всѣхъ сторонъ.

— Батько кошевой идетъ съ куреннымъ отаманьемъ,—послышались голоса.

Дѣйствительно, услыхавъ оживленный говоръ и видя сборище козацтва у вартовой башни, кошевой и куренные отаманы, совѣщавшіеся на майданѣ о войсковыхъ дѣлахъ, полюбопытствовали освѣдомиться, о чемъ «гомонятъ» козаки, и подошли къ сборищу.

Толпа разступилась, чтобы дать дорогу «старшинѣ».

— Что тутъ у васъ, дѣтки, «рада» своя, что ли?—спросилъ кошевой,—точно ярморокъ.

— Да ярморокъ и есть, батьку отамане,—отозвались нѣкоторые...—Вонъ какой звѣрюка къ намъ на ярморокъ пожаловалъ,—показывали на турью шкуру.

Кошевой и вся старшина съ удивленіемъ посмотрѣли на распростертую шкуру степного чудовища.

— Откуда это, дѣтки?—спросилъ кошевой.

— Да это, батьку отамане, вотъ сей хлопецъ приволокъ,—отвѣчали «дѣтки», изъ коихъ многіе были уже сѣдоусые рубаки, показывая на пришедшаго.

— Ты кто же, хлопче, будешь?—спросилъ его кошевой.

— Я, пане, козацкаго роду, изъ слободы Осадчей, кодацкой паланки,—смѣло отвѣчалъ пришедшій.—Зовутъ меня Гордіемъ, вѣры православной, сирота, отца и матери не помню. А выгодовалъ меня и на ноги поставилъ старый козакъ Омелько Серпокрылъ...

— А! Омелька Серпокрыла мы знали,—отозвались нѣкоторые сѣдоусые «дѣтки».—Добрый былъ козарлюга, товарищъ изъ Васютинскаго куреня.

— Ну, хлопче, — снова обратился кошевой къ пришедшему,—такъ ты сирота?

— Сирота, ясновельможный пане,—отвѣчалъ Гордій, — а служилъ я у Серпокрыла за подпаска и погоныча... А какъ дошелъ до полнаго зросту, то соромно стало сидѣть у за пичку и своею спиною трубу подпирати...

— Добре, сынку,—кивнулъ головою кошевой.

— Вотъ я и пришелъ до славнаго Коша: примите меня, будь ваша ласка, до гурту, и я, можетъ, вамъ въ пригодѣ стану,— низко кланялся Гордій кошевому и всему товариству.

— Добре, добре!—послышались голоса. — Такому козаку, что тура голыми руками взялъ, мы рады.

— А и вправду, хлопче, какъ ты добылъ этого бородатаго москаля?—спросилъ кошевой...—Разскажи, а мы послушаемъ.

— Да, такъ оно было, ясновельможный пане. Иду это я вчера берегомъ Базавлука, коли слышу, что-то заревѣло, да такъ страшно, что я ажъ перекрестился... Смотрю, а онъ идетъ, реветъ да такъ и роетъ ногами землю, сердится на кого-то... А тутъ скоро завидѣлъ меня, остановился, уставился въ мою сторону, и еще пуще сталъ ревѣть и землю рыть... Такъ цѣлыми глыбами и кидаетъ черезъ спину... А далѣ, и пошелъ прямо на меня... А у меня одна эта коляка да ножъ съ топоромъ за поясомъ... Думаю себѣ, ножомъ его сразу не уложишь... Все равно, что пустая колючка этотъ ножъ... Да и топоромъ ему каменный лобъ не раскроишь... Одна надежда на коляку: она же у меня и твердая, какъ желѣзо, да и завострилъ я ее на славу... Хорошо, что тамъ дубъ старый стоялъ, толщиною въ два обхвата... Я за дуба, да и выглядываю оттуда, да еще и рукой дразню... Я знаю, скотина глупая... Я такъ у себя, бывало, и отъ «скаженыхъ» бугаевъ отбивался, когда еще хлопчикомъ былъ... Вотъ я его изъ-за дуба и дразню... А онъ, «дурный», какъ ринется на дуба, да лбомъ въ него, лбомъ, какъ и лба не проломилъ! ажъ дубъ дрожитъ... претъ тебѣ лбомъ въ дуба, и только!

— Ну, и дурень же, вотъ дурень у Бога!—раздались одобрительные голоса.

— Тогда я просовываю изъ-за дуба коляку, да подъ лѣвую ему лопатку...

— Ловко, хлопецъ, ловко! Подъ лѣвую лопатку и слѣдовало,—снова одобряли голоса.

— Такъ и коляка его шкуру не беретъ, толстая и крѣпкая, точно дубленая... А все-таки коляка его дошкурила, пуще заревѣлъ, и ну бить въ дуба лбомъ, словно тараномъ... До того бился объ дуба, ажъ на ногахъ не стоитъ почти, раскорячилъ ноги... Тогда я ему подъ лопатку, въ самое мягкое мѣсто...

— Такъ, такъ, хлопче, это все едино, что нашему брату подъ мышку.

— Ну, и что жъ? Пропоролъ?—любопытствовали слушатели.

— Пропоролъ таки, да и поворачиваю тамъ, чтобъ въ самое сердце.

— Именно, именно въ сердце... Ну, и что жъ?

— Хрипѣть ужъ началъ, не реветъ, а все объ дубъ колотится... А я все поворачиваю тамъ колъ, да все глубже и глубже... На аршинъ, пожалуй, всадилъ... Вижу, на бокъ валится, а изъ пасти у него повалила пѣна и кровь... А я все свое... Такъ и докопалъ *).

— Ну, и молодецъ,—проговорилъ кошевой.—Такого козака, панове, мы съ радостью примемъ въ наше славное низовое войско. Волите, панове, товариство?

— Волимо, волимо, батьку отамане! — прошелъ гулъ по майдану.—Такому козаку въ руки мушкетъ да шаблюку съ добрымъ «ратищемъ», такъ не одна татарка съ татарчатами будетъ оплакивать своего песиголовца.

И всѣ стали разсматривать великолѣпную шкуру тура.

— Ну, и велетень же, чтобъ онъ скисъ. А рога-то, рога!

— Да изъ этихъ роговъ выйдутъ такія пороховницы, что на диво!

— А ляхи-паны изъ этихъ роговъ заразъ бы «келихи» выдѣлали, чтобы пить изъ нихъ «стараго венгржина» да кричать: «Niech Polska zyje».

Въ это время изъ всѣхъ тридцати восьми куреней вышли кухари и, махая длинными «ополовниками» (ковши на длинныхъ ручкахъ), кричали:

— Эй, панове, часъ до «страви», до козацького борщу съ таранью.

— Та до пшоняной каши съ саломъ!

Это была обѣденная пора, и всѣ повалили къ своимъ куренямъ. Пригласили и новаго товарища, изъ-за котораго долго

---

*) У французскаго писателя XVI вѣка, Блэза де Виженера, есть изображеніе борьбы охотника съ степнымъ туромъ (Le pourtraict de l'urus). Тамъ тоже дикое животное упирается лбомъ въ дерево, а охотникъ изъ-за дерева всаживаетъ ему копье въ лѣвую грудь. La description du Royaume de Pologne, par Blaise de Vigenere. Paris, 1573.

спорили, въ какой курень помѣстить его: всѣмъ лестно было имѣть такого молодца.

На радостяхъ порядкомъ выпили, и послѣ обѣда въ честь новаго товарища затѣяли отчаянный плясъ, подъ задорное треньканье бандуры. Отъ круга отдѣлились два козака, одинъ молодой, извѣстный «скализубъ» и плясунъ, другой—старый, совсѣмъ сѣдой и, казалось, угрюмый и молчаливый дѣдъ, и стали другъ противъ друга.

Когда вызывающе заговорила бандура, «скализубъ», взявшись въ боки, сталъ выдѣлывать непостижимые «выкрутасы» и «выхилясы», а самъ приговаривалъ:

Посадила стара баба на припичку гусака.
Сама выйшла за ворота та вдарила гопака:
«Сиди, сиди, гусачина, та высиди гусы.
А я пиду подивлюся на чорнiи усы...

Это была любимая «жартливая» пѣсня запорожцевъ, осмѣивавшая бабъ.

Пока молодой «скализубъ», подъ одобрительной хохотъ товарищей, продѣлывалъ свои «выкрутасы» такъ, что «ажъ земля горила, а чорты у пекли плакали», его визави, старикъ, мрачно смотрѣлъ на него; но едва тотъ кончилъ, какъ старикъ засеменилъ ногами и завертѣлся какъ волчокъ, визгливо, по-бабьи, выводя дробью:

Пасла баба гусыня, посла-жъ вона тихо.
Загубила гусыня—буде баби лыхо.
Пишла баба гукаючи, гусиняты шукаючи.
Ой, не знайшла гусиняты, знайшла-жъ вона рака
Обертае сюды-туды—чи е въ рака с...а...

Неудержимый хохотъ потрясъ весь майданъ.

А мысли и сердце Гордія были далеко-далеко отъ этого веселья...

III.

На другой же день Гордію, прозванному за его подвигъ Гуромъ, выдали все необходимое въ козацкомъ обиходѣ, мушкетъ, саблю, пистолетъ и «ратище», копье или пику, а также «займового» коня изъ войсковыхъ табуновъ...

— Это тебѣ «позычка»,—сказалъ куренной атаманъ,—пока самъ себѣ всего этого не добудешь либо у татаръ, либо у ляховъ.

И Туръ весь отдался военнымъ упражненіямъ, сначала подъ руководствомъ такого опытнаго профессора, какъ старый Очеретъ, тотъ самый угрюмый плясунъ, который заставилъ старую бабу найти рака и искать у него нѣчто непостижимое... Онъ съ утра до ночи то стрѣлялъ въ цѣль, то фехтовалъ съ Очеретомъ на сабляхъ, то объѣзжалъ своего Ворона, вороного стригуна изъ войскового табуна, чтобъ только не думать о той, которая была для него навѣки потеряна.

Туръ дѣлалъ такіе быстрые успѣхи въ воинскихъ забавахъ, что скоро заткнулъ за поясъ и своего профессора.

— Вотъ вражій сынъ, напередъ дядька въ петлю лѣзетъ!— ворчалъ старый Очеретъ, когда молодой ученикъ его выбивалъ изъ рукъ профессора саблю или на всемъ скаку перепрыгивалъ съ своего Ворона на крупъ коня, скакавшаго подъ Очеретомъ.

Въ стрѣльбѣ въ подвижную цѣль Туръ скоро уже не находилъ себѣ равнаго.

— А ну, вража дитина, попади въ мой рожокъ съ «табакою»,—говорилъ Очеретъ, вынимая изъ-за голенища рожокъ съ табакомъ и стремительно бросая его въ воздухъ.

И рожокъ оказался пробитымъ пулею.

— А! Чортовъ сынъ! Весь табакъ просыпалъ,—сердился Очеретъ.

Скоро Туру пришлось примѣнить и къ дѣлу свои воинскіе таланты.

Въ Сѣчь пришло извѣстіе, что татары, переправившись большимъ загономъ у Тавани, произвели нападеніе на пограничныя польскія мѣстности и на украинскія поселенія, и теперь съ богатою добычею и «ясыремъ», плѣнными дѣвушками, возвращались въ Крымъ.

По полученіи этого извѣстія кошевой созвалъ «раду», на которой и положено было итти къ Тавани и отрѣзать татарамъ отступленіе.

Сборы были тотчасъ же покончены, и запорожцы выступили въ походъ. Весело выѣхали молодцы изъ своего орлинаго гнѣзда, и тотчасъ же, по знаку кошевого, сѣчевой запѣвалу, онъ же «скализубъ» Бигдай, затянулъ любимую козацкую пѣсню:

Ой у лузи та и при березн червона калика—
Породила молода дивчина козацькаго сына...

— И не гаспидська жъ дивчина!—ворчалъ старый Очеретъ:—и не соромъ ей было родить!

Хоръ подхватилъ запѣвалу и пѣсня далеко разлеглась по степи.

Туръ ѣхалъ задумчиво и, казалось, грустно. Въ его душѣ вставалъ милый образъ другой «дивчини», которой ему не видать больше...

— Что, вражій сынъ, повѣсилъ голову?—замѣтилъ старый Очеретъ.—Тамъ тебѣ придется имѣть дѣло не съ моимъ рожкомъ...

— Что-жъ, дядьку?—грустно улыбнулся Гордій.—Въ татарскую «макитру» легче попасть, чѣмъ въ рожокъ съ табакомъ.

Когда пѣсня кончилась, кошевой, остановивъ коня, подалъ знакъ, что хочетъ говорить. Остановились и запорожцы.

— Теперь, дитки, мы будемъ ѣхать смирно,—сказалъ онъ.—Хотя учить васъ и не пристало бы, но есть между нами молодые, которые татарскихъ хитростей не знаютъ. При встрѣчѣ съ нами, они стараются стать такъ, чтобы солнце не свѣтило имъ въ глаза, не мѣшало ихъ рысьимъ глазамъ цѣлиться въ насъ. Такъ не допускайте ихъ до этого: старайтесь выгадать такъ, чтобы солнце не «полисковалось» на нашихъ мушкетахъ, не отнимало отъ вашихъ глазъ прицѣльной мушки. А коли кто погонится за татариномъ, то старайся держаться правѣе слѣда копытъ его лошади для того, что онъ, собачій сынъ, всегда пускаетъ назадъ себя стрѣлу черезъ лѣвое плечо... Ужъ какъ онъ, собачій сынъ, не вертись на сѣдлѣ, хоть шею сверни, а все жъ ему черезъ правое плечо мѣтить въ козака не сподручно.

— Такъ, такъ, батьку отамане,—отозвались нѣкоторые сѣдоусые «дѣтки»,—мы его, собачьяго сына, всѣ ухватки знаемъ.

Продолжая слѣдовать къ югу, по теченію Днѣпра, правымъ его берегомъ, запорожцы ночью миновали Кизикерменъ и утромъ укрылись за лѣсомъ, вблизи обычной переправы татаръ черезъ Днѣпръ, противъ Тавани.

Только что выплывшее за Днѣпромъ солнце свѣтило необыкновенно ярко. Это было на-руку запорожцамъ: солнечные лучи должны будутъ бить прямо въ глаза татарамъ, путь которымъ лежалъ прямо на востокъ.

Укрывшемуся за лѣсомъ отряду чубатыхъ молодцовъ не довелось долго сидѣть. Скоро на западномъ горизонтѣ показалось

нѣчто въ родѣ нестройнаго стада бѣлыхъ медвѣдей или обезьянъ. То были татары, одѣтые въ овчинные тулупы, шерстью вверхъ, и въ безобразныхъ шапкахъ, тоже шерстью наружу.

Знаменитый французскій инженеръ Бопланъ, современникъ и очевидецъ этихъ татарскихъ набѣговъ, оставившій намъ «Описаніе Украины» (Description d'Ukraine, qui sont plusieurs provinces du royume de Pologne), говоритъ о татарахъ: «Встрѣтивъ ихъ въ такомъ одѣяніи нечаянно въ полѣ, испугаешься, подумаешь, что это бѣлые медвѣди, вцѣпившіеся въ лошадей». Въ другомъ мѣстѣ Бопланъ говоритъ: «Конный татаринъ похожъ на обезьяну, сидящую на гончей собакѣ».

Такое странное стадо показалось изъ-за горизонта и, ничего не подозрѣвая, двигалось къ тому мѣсту, гдѣ засѣли козаки и гдѣ спрятаны были камышевые плоты крымскихъ хищниковъ, съ помощью которыхъ они переправляются черезъ Днѣпръ. Эти переправы Бопланъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

Каждый татаринъ связываетъ изъ камыша два пука, длиною въ три фута, а шириною отъ 10 до 12 дюймовъ; сверху прикрѣпляетъ къ нимъ три поперечныя палки, на футъ одна отъ другой, а снизу жердь, которая идетъ съ угла на уголъ, и привязывается къ лошадиному хвосту. Потомъ ставитъ на такой плотъ сѣдло и, раздѣвшись, складываетъ на оное одежду, лукъ, стрѣлы, саблю; все сіе накрѣпко привязывается къ камышу. Послѣ сего, нагой, съ плетью въ рукѣ, входитъ въ рѣку и погоняетъ лошадь; схвативъ одной рукою узду и гриву, безпрерывно понуждаетъ коня плетью, и, не выпуская ни гривы, ни узды, разсѣкаетъ волны свободною рукою попеременно, то правою, то лѣвою. Приближаясь къ противоположному берегу, когда вода станетъ доставать лошади только по брюхо, татаринъ останавливаетъ ее, отвязываетъ отъ хвоста камышевый плотъ и выноситъ оный на берегъ. Такимъ образомъ татары переплываютъ черезъ рѣки всѣ вдругъ строемъ, который занимаетъ иногда вдоль по рѣкѣ около полумили *).

Къ такимъ плотамъ, спрятаннымъ въ береговыхъ камышахъ и кустарникахъ, и приближался теперь татарскій загонъ съ добычею.

---

*) Къ книгѣ Боплана приложенъ, вмѣстѣ съ другими рисунками, и рисунокъ переправы татаръ черезъ Днѣпръ.

IV.

Въ виду приближенія татарскаго загона къ запорожской засадѣ, кошевой раздѣлилъ свой боевой корпусъ на три отряда: средній изъ нихъ, съ кошевымъ во главѣ и съ войсковой «короговой» на челѣ отряда, долженъ былъ ударить прямо на врага, а два другіе должны были зайти съ фланговъ.

Очеретъ и Туръ были въ среднемъ отрядѣ.

Орда надвигалась. Можно было уже различить загорѣлыя физіономіи передовыхъ всадниковъ, подручныя лошади которыхъ, видимо, несли навьюченную на ихъ спины добычу.

— Видишь, сынку, солнце имъ, поганымъ «свитить прямо у вичи»,—тихо сказалъ старый Очеретъ, плотнѣе усаживаясь въ сѣдлѣ.

— Вижу, дядьку... Вонъ какъ жмурится «невира»,—отвѣчалъ Туръ, зорко всматриваясь въ татарина, который одѣтъ былъ не въ овечій тулупъ шерстью наружу, а въ ярчайшаго цвѣта бешметъ и поверхъ его въ атласный полосатый кафтанъ, отороченный соболемъ. На головѣ его красовалась бѣлая чалма съ спускающеюся на спину чадрою. Дорогое вооруженіе и красные сафьянные сапоги такъ и блестѣли на солнцѣ. Конь подъ нимъ выступалъ красиво, а по бокамъ два коня несли на своихъ спинахъ тюки, вѣроятно съ добычей.

— Слушайте, дѣтки, — сказалъ кошевой приблизившимся къ нему куреннымъ атаманамъ,—когда я съ своими дитками, «якъ Пилипъ съ конопель», выскочу изъ засады и накинусь на поганихъ «мокрымъ рядномъ», тогда вы съ своими молодцами обскочите орду съ праваго плеча и съ лѣваго и «у пень рубайте» поганцевъ, то мы имъ зададимъ такого «чосу», что долго будутъ згадувать «козацькаго прочухуна».

Какъ только куренные атаманы отъѣхали къ своимъ отрядамъ, кошевой тотчасъ подалъ знакъ къ нападенію.

Запорожцы съ такой быстротой налетѣли на переднія, безпорядочныя массы орды, что татары, озадаченные неожиданностью, сразу растерялись и даже не успѣли вынуть стрѣлъ колчановъ, какъ запорожцы врѣзались въ ихъ нестройныя скопища.

— Або добути, або дома не бути!—огласили воздухъ воинственные крики козаковъ.

— Разъ родила мати, разъ и умирати!—кричали другіе.

— Алла! Алла! Алла! — разносился по степи отчаянный вопль разсыпавшейся въ разныя стороны ошеломленной орды.

Туръ давно намѣтилъ для себя богатаго чалмоносца, и когда въ общей суматохѣ красивый татаринъ повернулъ своего коня и словно птица полетѣлъ въ степь на своемъ быстроногомъ скакунѣ, Туръ, не надѣясь догнать его, приложился къ мушкету и послалъ въ догонку убѣгающему хищнику свою мѣткую пулю. Пуля достигла своей цѣли: она впилась въ бритый затылокъ мурзы, прикрытый легкой чалмой. Мурза моментально свалился съ сѣдла, и его красавецъ конь также моментально остановился. Два вьючные коня мурзы, которыхъ покинули на произволъ судьбы ихъ провожатые татары, вмѣстѣ съ прочими ускакавшіе на своихъ подручныхъ скакунахъ, тоже остановились, увидавъ паденіе своего господина.

Когда старый Очеретъ очутился около своего молодого ученика, тотъ уже успѣлъ причумбурить къ своему сѣдлу трехъ коней мурзы съ богатой добычей и теперь снималъ съ убитаго имъ татарина драгоцѣнное оружіе и дорогіе «шаты».

— Добре, сынку, — сказалъ Очеретъ, съ гордостью отца, воспитавшаго такого удалого сынка.—Изъ молодыхъ, да ранній... Свалилъ крупнаго звѣря, не хуже того тура: это «ватожокъ» ихъ, голова всего загона.

— Спасыби, дядьку, за науку,—проговорилъ Туръ, снявъ съ мертваго мурзы и оружіе, и богатое одѣяніе, и оставивъ на тепломъ еще трупѣ только нижнее прикрытіе...—Все, что я теперь добылъ, мы подуванимъ поровну.

— Добре, сынку,—отозовался Очеретъ,—будетъ что мнѣ, старому, пропивать.. Давно я не гулялъ, теперь погуляю.

Нападеніе запорожцевъ увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: многіе изъ хищниковъ полегли въ полѣ подъ ударами чубатыхъ молодцовъ, остальные же успѣли ускакать, перескочивъ на ходу на «заводныхъ», не утомленныхъ коней и побросавъ всю награбленную добычу вмѣстѣ съ нѣсколькими «бранками», взятыми въ плѣнъ молодыми украинками и польками.

Всѣ поздравляли молодого Тура, лишившаго орду предводителя.

— Легкая же у тебя рука, сынку,—сказалъ кошевой, осма-

тривая убитаго мурзу,—ни кровинки не выпустилъ, а душу у поганца вынулъ.

— Да у нихъ, у «невиры», батьку отомане, и души нѣтъ, а только паръ,—замѣтилъ одинъ дядько.

— Да и родятся они слепыми, какъ «цуценята»,—пояснилъ другой чубатый антропологъ *).

Къ кошевому привели въ это время плѣнныхъ дѣвушекъ и мальчика, отбитыхъ у татаръ. Дѣвушекъ было пять, три украинки и двѣ польки.

Кошевой принялъ ихъ отечески ласково.

— Теперь, дивчаточки, вамъ нечего бояться, — сказалъ онъ,—вы у хрещеныхъ людей. А откуда вы родомъ и какъ васъ «невиры» слапалы?

— Мы, паноче, изъ-подъ Бобринца,—сказала одна изъ дѣвушекъ, и залилась слезами.

— Не плачь, голубко: мы васъ доставимъ къ отцу къ матери,—старался утѣшить плѣнницъ вождь запорожцевъ. — И это хлопьятко изъ-подъ Бобринца?—спросилъ онъ, указывая на мальчика, который прятался за одну изъ дѣвушекъ.

— Изъ-подъ Бобринца жъ, паноченьку,—отвѣчали дѣвушки, ободренныя ласковостью кошевого и другихъ казаковъ.

— Какъ же это вы попались въ руки поганцевъ?—спросилъ старый Очеретъ.

— Мы ходили въ лугъ по «ожины», и тамъ насъ захватили татары.—отвѣчала та, за которую прятался мальчикъ.

— Это твой братишка будетъ?

— Такъ, паноченьку: это нашъ Петрусь.

Кошевой обратился къ польскимъ дѣвушкамъ.

— А вы ляховки будете, красавицы?—спросилъ онъ.

— Tak, panie pòlkowniku... My z-pòd Batty miasta.

— Dobrze, dziewczynko... Мы и васъ оправимъ до ojca до matki.

—

Послѣ этого начался разборъ перехваченной у татаръ добычи.

Въ тюкахъ, которыми были навьючены татарскія подручныя

---

*) Бопланъ, образованный инженеръ, въ своемъ «Описаніи Украины» прямо говоритъ:—«татары подобно собакамъ и другимъ животнымъ, родятся слѣпыми».

лошади, оказалось не мало добра, преимущественно польскаго и еврейскаго: товары изъ еврейскихъ лавокъ, богатое одѣяніе польской шляхты, столовое серебро, дорогая конская упряжь.

Но особенно богатою добычею были наполнены тюки, принадлежавшіе убитому мурзѣ: шелковая и атласная матерія, тонкія сукна, куски бархата, серебряные кубки.

— Твое счастье, козаче,—сказалъ кошевой Туру,—не даромъ люди говорятъ «за сыротою Богъ съ калытою»... Теперь ты не нуждаешься ни въ чемъ:—есть у тебя и свой конь изъ подъ мурзы, и дорогая «шаблюка», и пистоли, и добра вдоволь.

V.

Шумно празднуетъ Запорожье свою побѣду надъ татарами.

Есть на что погулять чубатымъ побѣдителямъ. Греческіе, армянскіе и еврейскіе купцы, часто наѣзжавшіе въ Сѣчь, то изъ Турціи, то изъ Польши, и теперь расположились позади куреней, около «греческаго» подворья и вдоль торговыхъ рядовъ, цѣлыми обозами, и валятъ пригоршнями золото и серебро за товары и за все то добро, которое отбито было у татаръ и поступило въ войсковые склады.

Весь майданъ, обведенный, словно подковою, тридцатью восемью куренями, представляетъ неподдающееся никакому описанію хаотическое зрѣлище. Изъ кошевыхъ земляныхъ подваловъ или «выходовъ» казаки выкатили на майданъ цѣлыя бочки «горилки-оковитой», aqua vitae. Оттуда же повыносили «перризи», на двое разрѣзанныя сороковыя бочки, доверху наполненныя свинымъ саломъ. На разостланныхъ воловьихъ шкурахъ, на полостяхъ и на ряднахъ высятся пирамиды вяленой и копченой рыбы-тарани, балыковъ осетровыхъ и бѣлужьихъ, янтарной провѣсной бѣлорыбицы, сушеныхъ «чабаковъ» и лещей. Тутъ же виднѣются горы хлѣбовъ, гигантскія вязанки бубликовъ, тысячи коржей.

Всѣ курени съ куренными атаманами расположились отдѣльными группами вокругъ исполинскихъ мѣдныхъ и чугунныхъ котловъ, наполненныхъ «оковитою». Отъ группы къ группѣ перебѣгаютъ кошевые «пахолки» и разносятъ по группамъ хлѣбъ, сало, рыбу, балыки...

Все готово къ гомерическому завтраку á la fourchette.

Кошевой въ обществѣ войсковой старшины: войсковаго судьи, войсковаго писаря и войсковаго эсаула, черпаетъ изъ старшинскаго котла «корякъ»-ковшъ «оковитой», выпиваетъ и благословляетъ братскую трапезу.

— Благослови, Боже, славное низовое товариство по доброму коряку оковитой въ козацкія души всыпать и, чѣмъ Богъ послалъ, закусить!—возгласилъ опъ. — Пейте, дѣтки, на здоровье!

— Спасибо, батьку отомане! — огласили майданъ тысячи голосовъ такъ внушительно, что голуби испуганно посрывались съ колокольни и съ крышъ куреней и, какъ безумные, носились въ воздухѣ.—Пошли тебѣ Богъ лебединый викъ и журавлиный крикъ, чтобы въ битвахъ съ «невирою» мы всегда слышали твой голосъ, какъ крикъ журавлей на зарѣ!

И всѣ руки потянулись къ котламъ съ «оковитою», — кто съ ковшомъ, кто съ огромною деревянною ложкой, а кто и съ «ополоникомъ» или чумичкою.

Быстро высыхали котлы съ «оковитой» и даже бочки; пирамиды и горы вяленой тарани, балыковъ и бубликовъ таяли, какъ снѣгъ отъ солнца; сало исчезало изъ огромныхъ «перериэовъ».

Бѣшенное веселье послѣ такой закуски не заставило себя ждать. Эту картину веселья и гульни такъ рисуетъ признанный всѣми знатокъ жизни запорожья Д. И. Эварницкій:

«Тутъ звенитъ кобза, свиститъ «сопилка», глухо гудитъ бубенъ. А подъ звуки музыки уже носятся, какъ легкія (!) тѣни, удалые казаки. И чего они не выдѣлываютъ своими ногами! Иной, прежде чѣмъ пуститься въ плясъ, неожиданно присядаетъ на корточки, потомъ моментально подскочитъ вверхъ, снова спустится внизъ, затѣмъ молодецки возмется въ боки и потомъ пойдетъ писать и передомъ, и задомъ, и скокомъ, и бокомъ, и направо, и налѣво, и на головѣ, и на рукахъ. Другой выскочитъ въ средину пляшущихъ, круто заломитъ на затылокъ свою красную съ острымъ верхомъ шапку и начнетъ выбивать своими сафьяновыми на серебряныхъ подковахъ сапогами мелкаго козачка, поддерживая одной рукой свою звенящую саблю въ дорогой съ каменьями оправѣ, а другой, взявшись за свой усъ, черный, какъ смоль, и длинный, какъ «дивоча коса». Только и видно отъ него, какъ то сюда, то туда мотается на козацкой головѣ, точно въ зеленомъ огородѣ созрѣвшій макъ, кончикъ

красной шапки. А третій и шапку бросилъ «къ нечистой матери» и носится, какъ толкачъ, чѣмъ сало толкутъ, съ открытой, гладко выбритой, головой, высоко вскинувъ свою чуприпу на макушкѣ, плотно заложивъ свои «страшенные усища» за оба уха и сбросивъ съ себя верхнее платье, кунтушъ. Гуляй душа, безъ кунтуша! Четвертымъ и танцы нипочемъ: они закупили нѣсколько бочекъ горилки и раздаютъ ее даромъ всякому встрѣчному и поперечному. Всякъ спѣшитъ къ даровому «пойлу», кто съ котлами, кто съ горшками, кто съ ведрами или съ коновками, а кто съ цѣлыми куфами.

«И тогда, чего только не выдумаетъ изобрѣтательная фантазія запорожца! — продолжаетъ исторія Запорожья.—Вотъ подкатили запорожцы огромную бочку горилки къ хатѣ, что строится при всякомъ куренѣ, вылили въ нее горилку, повскакивали сами въ хату, заперли за собою двери плаваютъ по горилкѣ, какъ по настоящей рѣкѣ... А вотъ цѣлый десятокъ добрыхъ молодцовъ уставили среди площади преогромный казанище, налили въ него водки и деревянными ложками черпаютъ изъ него пьяное питье, какъ черпаютъ борщъ, опрокидывая ложки подъ свои длинные усища и закусывая любимымъ лакомствомъ—бубликами. И тутъ же, около нихъ, какой-нибудь «химерный» запорожецъ перерядился въ чорта съ коротенькими рожками, куцымъ хвостикомъ, собачьими когтями, на тонкихъ ножкахъ, и, для большаго сходства съ нечистымъ, облился съ ногъ до головы дегтемъ. Настоящій чортъ!.. А рядомъ съ «химернымъ» запорожцемъ, какой-нибудь «молокососъ» споритъ со старымъ казакомъ, кто скорѣе вскарабкается на высокій, гладко выстроганный столбъ, врытый въ землю, и, чтобъ обмануть стараго «козарлюгу», мажетъ свои шаровары медомъ, быстро поднимается на самый верхъ столба и заливается веселымъ хохотомъ отъ неудачи «сивоусаго лыцаря». А тамъ, за городкомъ Сѣчи, гарцуютъ на бойкихъ коняхъ нѣсколько человѣкъ лихихъ наѣздниковъ: они обгоняютъ другъ друга на коняхъ, стрѣляютъ на всемъ скаку изъ пистолетовъ въ воздухъ и тутъ же, бѣшенно разгоняя своихъ коней, перепрыгиваютъ невѣроятно высокіе барьеры. Но были и такіе, которые предпочитали всякимъ «скокамъ, спивамъ и выгадкамъ» на площади игру въ «чупрундирь» въ куренѣ: они садились средь куреня, раздѣлялись на партіи и съ страшнымъ задоромъ рѣза

лись въ карты, причемъ побѣдившая сторона всякій разъ усердно тягала побѣжденную за чубы, въ куренѣ стоялъ дружный и веселый хохотъ счастливыхъ побѣдителей, безмѣрно торжествовавшихъ свою побѣду надъ противниками».

Такъ и теперь шумно праздновали эти взрослыя дѣти свою побѣду надъ татарами.

Только старый Очеретъ и молодой Туръ, повидимому, не принимали участія въ этой дикой вакханаліи. Они сидѣли въ сторонѣ, и Очеретъ, жестокій пьяница, заунывно тренькалъ на бандурѣ, по временамъ смахивая съ сѣдыхъ усовъ катившіяся по нимъ слезы. Туръ же сидѣлъ задумчивый и грустный, слушая пьяное, но глубоко поэтическое пѣніе своего учителя.

— Это я самъ про себя думу сложилъ,—говорилъ Очеретъ, качая головой и плаксиво всхлипывая.—Слушай, сынку: я про свою горькую долю пою... Щербатая моя доля, сынку!

И, покачавъ головой, онъ запѣлъ старческимъ голосомъ.

— «Ой якъ у недилю рано-порану не у вси дзвони звонили, якъ увдовнимъ дому гомонили:—лихій вотчимъ молодого козаченька лае».

— Это меня не родный батько-вотчимъ лаявъ,—пояснилъ онъ.—То-то щербатая моя доля!

И онъ продолжалъ пѣть, перебирая говорливыя струны:

— А мати сыну слизно промолвляе:—«иди ты, сынку, мижъ чужія люде—чи не крашъ тоби на чужини буде... Нехай тебе чужій отецъ, синоньку, не лае, щастя твого козацькаго на викъ не збавляе... Тяжко, тяжко мени тебе зъ дому одправляти, а ще тяжче били себе въ знегоди держати! Хочъ поидешь на чужбину—слезы мени лити, хочъ оставлю тебе, сынку—по всякъ часъ тужити»!

— Бидна мати, такъ же воно!—еще горше заплакалъ старикъ, вспоминая свою молодость и нѣжныя ласки матери.

— А я и матери не знаю,—грустно проговорилъ Туръ.

— Такъ, такъ, сынку... А я зналъ!.. У меня и сестры были, три сестры, сынку... И что за дивчатки были! Съ личика хоть воду пей... Плакали онѣ, когда провожали меня на чужбину... Вотъ слушай, какъ оно было:

И старикъ опять, наладивъ бандуру, жалобно запѣлъ:

— «Ой, то старшая сестра коныченька виводить, средняя збрую срибную виносить, а що найменьша сестра — рыдае, словами промовляя:—зъ якои тебе, брате, сторононьки ждати?—чи одъ чистого поля, чи отъ Чорного моря, чи отъ славнаго Запорожжя?»

— А меня, дядечку, и провожать некому было,—замѣтилъ съ грустной улыбкой Туръ.

И онъ вспомнилъ тотъ поэтическій весенній вечеръ и ту счастливую и въ то же время несчастную для него послѣднюю ночь, когда Леся призналась ему, что любитъ его и, когда оскорбленный отцомъ любимой дѣвушки, онъ долженъ былъ навсегда покинуть тѣ мѣста, гдѣ протекло его дѣтство, и гдѣ онъ испыталъ мимолетное счастье первой любви.

Такъ онъ и не видалъ своей Леси послѣ той вѣчно памятной ночи.

— А я, сынку, вотъ что сказалъ своей наименьшей сестричкѣ,—проговорилъ Очеретъ, заливаясь слезами и перебивая струны:

— «Ой и возьми ты, сестро, жовтаго писку жменю, та посій его на билому камню: — колы буде жовтый писокъ выростаты, зелеными барвинкомъ писокъ устилаты—въ той часъ, сестро, буду до васъ прибувати!.. Бо якъ тяжко на безводьи рыби пробуваты, то такъ тяжко на чужини безридному проживаты»...

Онъ умолкъ и, укоризненно глядя на безумное веселье, царившее на майданѣ, проговорилъ:

— Эхъ, панове, панове! Ни у кого изъ васъ не было моей щербатой доли!

Потомъ, помолчавъ и горестно покачавъ головой, сказалъ, налаживая бандуру на финальный, минорный тонъ:

— «То тее козакъ промовлявъ, на коня сидавъ, опрощення у матеры пріймавъ, смутно зъ двора отцовськаго вынзжавъ... А вони—довго вони на могили крый села стояли, довго-довго козаченька вичьми провожали, а ще довше вони его дома оплакалы...»

— Да, такъ и не видалъ потомъ,—закончилъ онъ и махнулъ безнадежно рукой.

— Какъ, дядьку, такъ и не видали?—спросилъ Туръ.—Вы ни разу не пріѣзжали домой?

— Ни разу, сынку... Сорокъ ровно лѣтъ я живу тутъ, у моей второй «неньки», у матери Сѣчи...

VI.

Время шло. Молодой Туръ окончательно сжился съ своимъ новымъ отечествомъ, удаленнымъ отъ всего міра Запо-

рожьемъ. Онъ жилъ его жизнью, думалъ общею воисковою думою. Онъ совершалъ вмѣстѣ съ другими козаками походы то подъ Перекопъ, то подъ Кизикермень, то на легкихъ козацкихъ «чайкахъ» выплывалъ въ Черное море «шарпать» берега Крыма. Трепали его и морскія бури; все мужественно сносилъ молодой запорожецъ. Въ свободное отъ походовъ время онъ ловилъ въ Днѣпрѣ рыбу, охотился на звѣря и на птицу и въ поляхъ, и въ лѣсныхъ дебряхъ великаго Луга.

А все въ сердцѣ его ныла старая рана... Что-то она, яснепькая Леся, на далекой Украинѣ?.. Еще выросла?.. Вспоминаетъ ли о немъ, или совсѣмъ его забыла?.. Можетъ нашла себѣ другого, не такого, какъ онъ, «сиромаху», которому негдѣ головы преклонить...

Почти два года прошло... Конечно, выросла и теперь уже достала-бъ до его козацкаго чуба...

Но какъ-то забрелъ на Запорожье съ возвращавшимися изъ Украины козаками слѣпой кобзарь. Разговорились. Запорожцы спрашивали слѣпца, гдѣ онъ бывалъ, что видалъ?

— Всюду я, дитки, бывалъ, а только ничего не видалъ,— улыбнулся старикъ:—бо измалку Богъ у меня очи взялъ.

— Такъ, можетъ, дидусю, вы и въ слободѣ Осадчей бывали?—спросилъ молодой Туръ.

— Да бывалъ, сынку, и въ Осадчей,—былъ отвѣтъ.

— Что же тамъ, дидусю, слышно?—продолжалъ Гордій.— Живъ-ли, здоровъ тамъ Омелько Серпокрылъ?

— Живъ, живъ, сынашу... А ты его знавалъ?

— Знавалъ... жилъ у него...

— Такъ... Хороша «людина», хлѣбосолъ... И дочечка у него, Олеся, такая ласковая, такая «щирая» душа. Слышно, что ее сватаетъ добраго батька сынъ...

Больно сжалось сердце молодого запорожца.

— А кто онъ такой?—чуть слышно спросилъ онъ.

— Да зовутъ его, помнится, Ничипоромъ... Ничипоръ Вовна.

Гордій зналъ этого Ничипора, матушкинаго сынка и порядочнаго «гультяя»... И уже больше ни о чемъ Гордій не спрашивалъ...

Онъ затосковалъ, да такъ затосковалъ, что съ горя началъ пить... Все, что у него было, деньги, одежду, оружіе убитаго имъ мурзы, все онъ вмѣстѣ съ старымъ Очеретомъ несъ въ

кормчу, стоявшую на базарѣ за Сѣчью, и тамъ спускалъ за ничто, только чтобъ пить...

И скоро все пропилъ, даже послѣднюю сорочку, и только не пропилъ любимаго коня, трофей первой битвы, и дорогой пистолетъ, снятый съ убитаго мурзы...

И сталъ Гордій слоняться по Запорожью совсѣмъ голый, что было нерѣдкостью у отчаянныхъ сѣчевиковъ, и сталъ онъ съ тѣхъ поръ не козакъ Туръ, а «козакъ Голота». Голота да и Голота...

Сталъ его тогда стыдить куренной его атаманъ, да и «батько кошевой» при видѣ его неодобрительно качалъ головой...

— А какой козакъ былъ,—говорилъ иногда куренной,—какого мурзака тогда подвалилъ и на все Запорожье славы добылъ... А теперь...

— Да я и теперь подвалю любого мурзака!—вскипятился Гордій.

— Гдѣ тебѣ, Голото!

Это такъ взорвало молодца, что онъ тутъ же, въ пьяномъ угарѣ, глядя на образъ, поклялся:

— Або мурзака добуду, або дома не буду!

И въ ту же ночь исчезъ изъ Запорожья...

— Пропалъ Голота «ни за цапову душу, ни за понюхъ табаки»,—сожалѣли сѣчевики,—а какой козакъ былъ! На рѣдкость!

— И самъ пропалъ, голый, и добраго коня погубилъ...

— Да его, голаго, комары въ камышахъ, навѣрное, до смерти заѣли, а умный коняка, должно, въ Крымъ, до своего стараго стойла убѣжалъ...

Съ тѣхъ поръ о Голотѣ ни слуху, ни духу.

Прошла недѣля, другая. И вдругъ одного дня, въ сумерки ужъ, за вартовою брамой послышался конскій топотъ.

— Пугу! Пугу!—раздалось въ темнотѣ.

— Пугу! Пугу!—отвѣчалъ съ варты.—Кого Богъ принесъ.

— Козака зъ Лугу! Голоту!

— Голота! Гордій Туръ. Да ты не «проява» часомъ? Ты не мертвый?

— Живесенькій!

— А може ты нечиста сыла, оборотень... О прокажи «Очипаша».

— Оче нашъ, иже еси на небеси..

— Такъ, такъ! Это онъ, это козакъ Голота... И «Очипашъ» такъ и чешетъ...

Сбѣжались запорожцы, услыхавъ шумъ, отворили браму, да такъ и ахнули!

Передъ ними на своемъ конѣ сидѣлъ Голота, а другого, осѣдланнаго дорогимъ сѣдломъ съ расшитымъ золотомъ чапракомъ, держалъ въ поводу.

— Что за чудо! И Голота и не Голота... Его голосъ, его обличье, а смотритъ настоящимъ мурзою, въ дорогихъ изъ шелка и аксамита турецкихъ «шатахъ»...

Прибѣжалъ и старый Очеретъ.

— Сынку! Сынашу мой! А я-жъ думалъ, что тебя и на свѣтѣ нѣтъ, что твои и косточки волки по балкамъ, да по терпамъ растаскали!

Вся Сѣчь зашевелилась. Всѣ выбѣгали изъ куреней, обнимали воротившагося «съ того свѣта» товарища, разспрашивали. что и какъ...

Приволокся на майданъ и слѣпой кобзарь, чтобъ послушать «химернаго» козака Голоту.

— Ужъ очень меня, панове, доѣхалъ своимъ словомъ куринный отаманъ,—говорилъ Голота обступившимъ его товарищамъ,—«до живыхъ печинокъ» донялъ!.. Я и покивалъ пятами матери Сичи... Думаю, либо пропаду, либо добуду другого мурзака въ дорогихъ «шатахъ»... А самъ голый, голисенькій, якъ «турецкій святый»... Вотъ я въ ту жъ ночь, тамъ, за куренями, на «смитнику» нашелъ брошенную къ нечистой матери негодную сермягу; латка на латкѣ, дыра на дырѣ... Выкопалъ тамъ же, въ «смитти», рваную брошенную шапчину, кое-какъ прошилъ ее травою, и вышла у меня «шапка бирка, зверху дирка, травою пошита, а витромъ подбита»... Ладно!.. Выкопалъ тамъ, изъ сорной ямы, брошенныя «постолы» и рваныя онучи съ «волоками». Обрядился въ дорогія «шаты», сѣлъ на коня, и гайда въ степь... Ну, думаю, на зло куринному, найду свою долю, добуду либо мурзака, либо самого хана... Все равно, пропадать... Ѣду, ѣду все на полдень, къ Перекопу держу путь... Вижу, маячатъ минареты Перекопа... Ощупалъ я «гаманъ» съ пулями, по-

цѣловалъ дорогой пистоль, что тогда добылъ у мурзы, и ѣду себѣ... Вижу, въ сторонкѣ «будинокъ», а около «будинка» садъ... Богатый «будинокъ», не то ханскій, не то мурзачій... Вижу, подъ навѣсомъ «будинка» и мурза съ мурзихою сидитъ, кальяномъ попыхиваетъ... Ахъ ты, думаю, собачій сынъ, сытъ, вѣрно, что кальяномъ дымишь, а у меня въ брюхѣ голо, какъ на Муравскомъ шляху... Вотъ и сталъ я передъ «будинкомъ», издали, конемъ выгравать, дразню татарюгу бородатаго... Не стерпѣлъ мурзакъ козацкихъ жартъ, бросился къ себѣ въ «будинокъ» и вышелъ такимъ молодцомъ, что хоть картину съ него малюй: и «шаты» на немъ, и збруя такъ и горятъ... А я все конемъ выграваю, дразню его... Вижу, поговорилъ о чемъ-то съ мурзихою, да конемъ и выѣзжаетъ въ поле, да ко мнѣ... А я будто отъ него, боюсь будто... Дальше и дальше въ поле, онъ за мной... Остановился я, а онъ и давай въ меня изъ лука стрѣлять... А я не дуракъ, меня дядько Очеретъ всему научилъ...

А старый Очеретъ сидитъ около него и плачетъ слезами радости и гордости...

— Охъ, сынашу, сынашу! И мнѣ, старому славы добылъ..

— Не перебивай, дядьку,—протестуютъ слушатели,—онъ, татарюга, въ тебя стрѣлами...

— А я его стрѣлы нагайкою отбиваю... Онъ ближе ко мнѣ съ шаблюкою, а я «карбачомъ» отбиваюсь, да и кричу ему: Ахъ ты, татарюго, бородатый, на розумъ не богатый! Видно-то межъ козаками не бывалъ и козацкой каши не ѣдалъ, и козацкихъ жартъ не знаешь... Есть у меня съ пулями гамапъ, и я тебѣ изъ пистоля гостиница дамъ... Да и сталъ ему гостинцы посылать, а онъ съ коня, какъ снопъ повалился... Я къ нему, лежитъ, лупаетъ очами и сабли изъ ноженъ выпуть не можетъ... «Эхъ, ты, говорю, татарюкъ бородатый, на розумъ не богатый! Пропалъ ни за цапову душу»... Смотрю, и паръ изъ него вонъ... Я тутъ же коней его, и что было подъ нимъ, и заводного причумбарилъ къ своему сѣдлу... А потомъ я, козакъ Голота, добро дбалъ, чоботы татарскіе съ него снималъ и на свои козацкія ноги обувалъ, и жупанъ татарскій снималъ да на свои козацкія плечи надѣвалъ... И вотъ я опять тутъ, «якъ Пилипъ съ конопель!»

Разсказъ Голоты привелъ въ неописуемый восторгъ запо-

рожцевъ. Они то обнимали и цѣловали его, то угощали, то снова просили разсказать всѣ подробности своего подвига.

И долго оживленный говоръ не умолкалъ на майданѣ.

А надъ Сѣчью висѣла дивная украинская ночь, и съ глубокаго, темнаго неба смотрѣли тихія, какъ бы вздрагивающія, звѣзды, эти очи невѣдомыхъ силъ небесныхъ.

Молодой герой сидѣлъ задумчивый среди общаго оживленнаго говора... Онъ думалъ о милой ему далекой сторонѣ, гдѣ онъ испилъ отраву счастья первой любви, и гдѣ, онъ не зналъ, что теперь тамъ дѣлается. Неужели Леся?..

Старый кобзарь тоже сидѣлъ задумчивый: въ его головѣ зарождалась новая дума о «козакѣ Голотѣ».

VII.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Знойное лѣто было на исходѣ. Деревья одѣвались багрянцемъ. На зарѣ въ высокомъ небѣ слышался звонкій говоръ лебедей и журавлей, улетавшихъ на теплыя воды.

Мы снова въ слободѣ Осадчей, на мѣстѣ которой раскинулся теперь шумный и богатый Екатеринославъ.

Въ слободѣ ярмарка на «Ивана Головосику», на усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи. Вся площадь около церкви запружена возами. Бѣлѣются и нехитрые наметы съ нехитрыми деревенскими товарами. У церковной ограды сидитъ на землѣ знакомый слѣпой кобзарь, котораго мы видѣли въ послѣдній разъ на Запорожьѣ, и, наигрывая на говорливыхъ струнахъ бандуры, поетъ новую думу про «Козака Голоту».

Плотною стѣною попадвинулись къ пѣвцу слушатели, большею частью молодежь, «дивчата» и «парубки», а нерѣдко и пожилые «дядьки» и «титки».

Кобзарь, поднявъ къ небу свои незрячія очи, выводитъ старческимъ, но выразительнымъ голосомъ:

— «Ой на поли та й на Перекопьскимъ, на шляху битому ординському, ой тамъ гудяьъ-гудявъ козакъ Голота. Ни боиться ни огня, ни меча, ни третего—болота. Правда, на козакови шати дорогіи—три семирязи лихіи:—одна не добра, друга не гожа, а третя й на хливъ незгожа. А ще, правда, на козакови постоли вязови, а онучи китайчани—щири жиноцьки рядняни, волоки шовкови — удвое — жиноцьки щири волови. Правда, на козакови шапка бирка, зверху дирка, травою пошита, а витромъ пидбита, куди віе, туди и провивае—козака молодого прохоложае...»

Общій хохотъ слушателей встрѣтилъ эти первыя строфы думы.

— У! Да и парядный же козакъ!.. Шапка травою пошита, вѣтромъ подбита... дорогая шапка!

— А ссрмяга, что и на хлѣвъ не сгожа! А постолы! А онучи! Ну, и козакъ же!

— А ну-ну, дидусю, что же дальше съ козакомъ было?— любопытствовали другіс.

— А вы, слухайте, дитки,—отвѣчалъ кобзарь, лукаво улыбаясь подъ усами, и продолжалъ:

«Та гуляе козакъ Голота, погуляе, ни города, ни села не займае— на городъ Перскопъ поглядае. А у городи Перекопи татаринъ сидить бородатый, по горницы похожае, до татарки словами промовляе:— Татарка, татарка! ой, чи ты думасшь те, що я думаю? Ой, чи ты бачишь те, що я бачу?».—Каже: «Ой, татаринъ бородатый: я тилько бачу, що ти передо мною по горници похожаешь, а не знаю, що ты думаешь-гадаешь».—Каже: «Татарко! я те бачу: въ чистимъ поли не орелъ литас: то козакъ Голста добримъ конемъ гуляе. Я его хочу живцемъ у руки взяти, да въ городи Перекопи запродати, ище-жъ нимъ передъ великими панами башами вихваляти, за его много червонихъ не личачь брати, другія сукна не мирячи пощитати».

— Ну, теперь держись, Голото!—раздается смѣхъ въ толпѣ.

— Пропадай «шапка-бирка, зверху дирка!»

— А ви, дитки, дослухайте,—улыбнулся кобзарь, и продолжалъ:

— «То тее татаринъ промовлявъ—дорога плаття надивае, чоботи обувае, шлыкъ бархатний на свою голову надивае, на коня сидае, безпечно за козакомъ Голотою гоняе. А козаченько оглядаеться и карбачемъ одбиваеться. То вже-жъ той козакъ Голота добре козацькій вичай знае,—ой на татарина скрива, якъ вовкъ, поглядае. Каже: «Татарине, татарине! на вищо-жъ ты важешь: чи на свою ясненькую тброю, чина свого коня вороного, чи на себе татарюгу старого?»— Язкаже, важу на мою ясненькую зброю, а ще лучче—на мого коня вороного, а ще лучче—на себе, татарюгу старого. Я тебе хочу живцемъ у руки взяти, въ городъ Перекопъ запродати, передъ великими панами башами выхваляти и много червонихъ не личачи набрати, дорогіи сукна не мирячи пощитати...»

Въ это время черезъ ярмарочную площадь пробивался къ толпѣ, окружавшей кобзаря, молодой, красивый запорожецъ въ дорогомъ турецкомъ одѣяніи, съ блестящею у бока саблею и съ пистолетами за широкимъ поясомъ. Но, увлеченные пѣніемъ слѣпца, слушатели не замѣтили незнакомца, который и остано-

вился позади другихъ и черезъ ихъ головы смотрѣлъ на слѣпца.

Но что это съ нимъ?

Лицо незнакомца вспыхнуло, глаза загорѣлись радостнымъ блескомъ и, повидимому, не могли оторваться отъ затылка одной дѣвушки и ея роскошной черной косы съ яркими лентами...

— Коса!—шептали его губы.—Такъ она не замужемъ.

Кобзарь, съ силою пробѣжавъ пальцами по струнамъ бандуры, продолжалъ:

— «Та козакъ Голота добре звичай козацькій знае, ой на татарина скрива, якъ вовкъ, поглядае: «Ой—каже—татарине, ой, сидий же ты, бородатый! Либонь-же ты на розумъ не богатый:—ще ты козака у руки не взявъ, а вже козакови виры донявъ, а вже за его й гроши прощитавъ. А ще-жъ ты мижъ козаками не бувавъ, козацькой каши не ядавъ, и козацькихъ звычаивъ не знаешь».

— Вотъ такъ Голота!—послышалось одобреніе изъ толпы.—Не боится татарюги.

— Чего ему бояться? Хоть онъ и голый, а козацкіе звычаи знаетъ.

Незнакомецъ, между тѣмъ, молча улыбался, не спуская восхищеннаго взора съ хорошенькой головки дѣвушки и ея косы съ яркими «стричками».

Онъ еще кого-то увидѣлъ въ толпѣ слушателей и неслышно прошепталъ:

— Узнаетъ меня или не узнаетъ?.. Гдѣ тамъ узнать!

Кобзарь, между тѣмъ, продолжалъ низкимъ говоркомъ:

— А татаринъ козака озирае, зъ его насмихае:—«Ой, ты—каже—козаче, козаче нетяго! звидкили ты розуму набрався, що вельми одижно убрався? Ой, на що-жъ ты уповаешь? Чи на свою шапку-бирку, що травою шита, витромъ пидбита,—а зверху дирка? Чи на свои постолы боброви, що шовкови волоки—въ одностаиь зъ валу? Чи на свою сермягу семилатную?»

— Смѣйтесь! Какъ бы татарину не пришлось «на кутнихъ» засмѣяться!—проговорилъ кто-то.

Незнакомецъ, не отрывая глазъ отъ головы дѣвушки съ роскошною косой, жадно вслушивался въ то, что говорила незнакомая ему дума. А дума говорила отъ лица козака Голоты:

— «Ой, татарюго старый, бородатый!—що твоя одежа зможе? Ще побачимъ, кому Богъ поможе».

Небольшое молчаніе. Только струны не молчатъ, а скоро и голосъ слѣпца беретъ высокія, торжественныя ноты.

— Ой на поли та й на перекопськомъ, на шляху битимъ ордынськимъ, то не ясный сокилъ литае — то козакъ Голота, сердешный, добрымъ конемъ гуляе. Ой, ставъ татаринъ и къ нему пріизжати, ставъ тугого лука напинати, сердешнаго козака Голоту стриляты, рубаты. То козакъ Голота нагайкою стрилы одбивае, ой на татарина скрыва, якъ вовкъ, поглядае:—«Ой ты, татаринъ стари, бородатый, да на розумъ не богатый! Ты мижъ козаками не бувавъ, и козацькои каши не ядавъ, и козацькихъ жартивъ не знаешь... Десь у мене бувъ зъ пулями гаманъ,—я-жъ тоби гостинця дамъ!.. То якъ ставъ ему гостинци посилати, ставъ татаринъ изъ коня похиляти.— Ой ты, татаринъ старый бородатый, да на розумъ не богатый!—Ище ты мене не піймавъ, да уже въ городъ Перекопъ запродавъ и срибніи за мене гроши побравъ! Отъ теперь твого одного коня вороного поведу до шинкарки пропивати, а другимъ твоимъ конемъ вороимъ по степи гуляти — ой, гуляти, гуляти, гуляти, да единого Бога споминати!»

Радостный ропотъ пробѣжалъ по толпѣ слушателей.

— Что! Я говорилъ, что татаринъ «на кутнихъ» засмѣялся!

— Извѣстное дѣло, запорожецъ! Ему и чортъ не братъ.

— То-то... А то «шапка-бирка, зверху дирка, травою шита, вѣтромъ подбита...» Вотъ тебѣ и шапка!

— Да слушайте, вражи сини! Онъ дальше поетъ...

— «Ой, тоди козакъ Голота добре дбавъ, чоботы татарськи истягавъ на свои козацьки ноги обувавъ, жупанъ татарській истягавъ—на свои козачьки плечи надивавъ, бархатный шликъ издіймавъ—на свою козацьку голову надивавъ... На коня татарськаго сидае, поле перекопська выхваляе:—«ой, поле—каже—поле перекопське! Скильки я на тебя гулявъ, да такои сдобычи не здобувавъ! Бодай же лито й зиму зеленило, якъ ты мене при несчастливій години сподобило!»

Струны бандуры зарокотали заключительный аккордъ, и голосъ слѣпца прозвучалъ молитвенно:

— «Дай же, Боже, щобъ козаки пили та гуляли, хороши мисли мали, одъ ворогивъ велику здобичъ брали, непріятеля пидъ ноги топтали!»

И бандура, и пѣвецъ умолкли. Вся толпа, казалось, радостно, торжественно вздохнула.

— Ну, и запорожцы! По всему свѣту поискать такихъ молодцовъ, и не найдешь!

— Гдѣ найти! Одно слово, «лыцари!»

— Охъ, сестрички!—послышались голоса дѣвушекъ.—Смотрите! Вонъ и есть запорожецъ!

Всѣ оглянулись на незнакомца. Оглянулась и дѣвушка съ роскошной косой: то была... Леся... Кровь залила ея щеки, а черезъ мгновеніе отлила къ сердцу... Леся, блѣдная, смотрѣла на незнакомца... Она узнала его. Узнали и другіе, бывшіе тутъ же.

— Это Гордій... онъ самый,—послышался сдержанный шопотъ.

Это, дѣйствительно, былъ Гордій Туръ, казакъ Голота.

Онъ сквозь разступившуюся толпу прошелъ прямо къ кобзарю.

— Здравствуйте, дидусю! Вотъ вамъ червонецъ отъ казака Голоты,—сказалъ онъ и бросилъ золотую монету въ шляпу слѣпца.

— Голото! Сыпашу!—радостно проговорилъ кобзарь, по голосу узнавъ героя-запорожца.—Давно ли изъ Коша?

— Только сейчасъ... Вотъ и конь мой,—сказалъ онъ, оборачиваясь къ богато осѣдланному подъ расшитымъ золотомъ и шелками чапракомъ вороному коню, котораго подвелъ къ нему «джура».

Всѣ были поражены удивленіемъ и еще плотнѣе обступили кобзаря и казака Голоту.

— Какой «лыцарь!» И какія на немъ дорогія «шаты!» Какая збруя!—Изъ уста въ уста переходилъ шопотъ удивленія и восторга.—Какой конь.

Нерѣшительно подошелъ къ своему бывшему «подпаску» и Омелько Серпокрылъ. Увидавъ его, казакъ Голота почтительно снялъ свою смушковую съ краснымъ верхомъ шапку и сказалъ, чтобъ всѣ слышали:

— Паноче! Я пріѣхалъ сюда изъ Запорожья, чтобъ отблагодарить васъ за то, что вы меня, безроднаго сироту, «выгодували» и на ноги поставили... Примите же отъ меня эту малую «дяку».

И, вынувъ изъ «череса» сафьянный кошель, онъ протянулъ его къ Серпокрылу.

— Тутъ сто золотыхъ левовъ,—прибавилъ онъ.

Но Серпокрылъ отстранилъ руку запорожца и горячо его обнялъ.

— Лесю! Олесю!—громко сказалъ онъ, ища глазами дочь, которая стояла въ сторонѣ, глубоко смущенная.

— Лесю! Олесю!—повторилъ ея отецъ.—Подойди сюда, моя дочечка: я благославлю тебя и казака Голоту, моихъ диточокъ.

Леся залилась слезами... радости и счастья... Понятно, женщина...

ПРОЩАНІЕ СЮЮНБЕКИ СЪ ЦАРСТВОМЪ.

Quasi una phantasia—historica.

Послѣдніе дни переживала Казань, какъ независимое царство, какъ одинъ изъ крупныхъ обломковъ почти всемірной нѣкогда державы Батыя, Чингисхана и Тамерлана,—державы, самой могущественной въ мірѣ послѣ Александровой, греко-македонской и Августовой римско-эллинской имперій...

«На престолѣ казанскомъ,—говоритъ историкъ-романтикъ,—игралъ невинный, безсловесный младенецъ; вдовствующая царица Сююнбека *) то плакала надъ нимъ, то веселилась съ своимъ любовникомъ, крымскимъ улаиомъ Кощакомъ, ненавистнымъ народу; граждане укоряли вельможъ, вельможи другъ друга. Казанскіе чиновники желали покориться Іоанну; крымскіе гнушались симъ малодушіемъ, ждали войска изъ Тавриды, изъ Астрахани, изъ ногайскихъ улусовъ, и надменный Кощакъ, гремя саблею, обѣщалъ побѣду царицѣ... думалъ жениться на ней, умертвивъ ея сына, и быть царемъ».

---

*) Имя послѣдней казанской царицы произносятъ различно. Сююнбека», «Сумбека» и «Сунбека».

Увы! честолюбивымъ мечтамъ его не суждено было осуществиться

Прошло нѣсколько недѣль.

Въ одно изъ внутреннихъ помѣщеній царскаго дворца въ Казани, на женской половинѣ, вошла пожилая женщина въ татарскомъ одѣяніи и, подойдя къ кровати, на которой лежала молоденькая, блѣдная дѣвушка, повидимому, татарочка, радостно перекрестилась.

— Богъ и пречистая Его Матерь шлютъ тебѣ добрую вѣсточку, золотая моя боярышня!—сказала пришедшая.—Допрежь сего я не смѣла тебя и порадовать, потому, думала, радость, какъ и горе, иной разъ все едино, что ударъ подъ сердце... А теперь по глазкамъ твоимъ и по малость аленькимъ щечкамъ вижу, что ты хвалишь Господа...

— Въ чемъ же дѣло, няня?—спросила дѣвушка.—Какая вѣсточка?

— А скоро, кажись, насъ Владычица изъ полону вызволитъ...

Дѣвушка порывисто стала креститься.

— Тише, тише, няня!—испуганно прошептала дѣвушка.— Насъ могутъ услышать.

— Не бойся, мое золото: и этого другого, что прочилъ тебя въ нечестныя жены, этого поганца Кощашки, какъ и сыроядца Сафы-Гирея не стало...

— Какъ!? И Кощакъ умеръ?

— Нѣтъ, мое золото, лучше того: онъ у батюшки твоего, у князь Петры Серебрянова-Оболенскова въ полону... На Москву за приставы повезенъ...

Дѣвушка вскочила съ постели.

— У батюшки! Гдѣ же батюшка?..

— Недалече, боярышня, не далече, съ ратными людьми... И царица Сумбека попѣ по своемъ дружкѣ убивается...

— Разскажи же, Кириловна, все-все! Ты знаешь, сколь долго я не въ памяти лежала...

— Охъ, боярышня, и вспомнить-то объ этомъ страшно!.. Когда это всталъ мятежъ въ городѣ, и мурзы эти ворвались во дворецъ...

— Это я словно сквозь сонъ помню,—перебила боярышня.—

Помнится, что меня схватилъ какой-то татаринъ, только и всего моей памяти...

— О, Владычица! Что страху было... Принесли это тебя, голубушку, мурзы, что изъ мирныхъ были, изъ Казанки тебя выняли мертвенькую, думалось мнѣ... И какъ ты туда попала, голубица чистая!.. Принесли тебя мурзы дворскіе: знали, что ты княженецкая дочь, князь Петра Серебряново... Свои головы мурзы спасали...

— А батюшка что?—снова перебила княжна.

— Постой, погоди, солнышко... Съ того дня ты и по днесь, почитай, была въ рукахъ у смерти... Вотъ какъ бѣжалъ Кощакъ со своими крымцами...

— Какъ бѣжалъ? Отъ батюшкиныхъ ратныхъ людей?

— Нѣту, дитятко... Поднялись на Кощака и на его крымскую дружину здѣшніе мурзаки, что изъ мирныхъ, многихъ вырѣзали во дворцѣ, на глазахъ у царицы, а съ остальными своими мурзы да князи окаянный Кощакъ ушелъ изъ Казани и думалъ пробраться въ улусы ногайски, къ Сумбекину отцу, къ Юсуфу-царю, а оттоль либо въ Астрахань, либо къ себѣ въ Крымъ, отколь и пришелъ, такъ наши воеводы перестрѣли ихъ въ усть-Вяткѣ и посѣкли мало не до единаго..

— Это батюшка ихъ?

— Нѣту, боярышня, Бахтеяръ Зюзинъ со стрѣльцами и казаками съ Вятки.

— А какъ же ты сказала, что Кощакъ у батюшки у моего въ полону?

— Точно, въ полону: Кощака съ остаткомъ его мурзаковъ воевода Бахтеяръ и отправилъ къ твоему батюшкѣ въ станъ. а батюшка князь гостинцемъ послалъ ихъ на Москву, царю на поглядѣнье.

Говорившія были двѣ русскія полоняпки.

Молоденькая—дочь знаменитаго воеводы, князя Петра Серебрянаго-Оболенскаго, Ефросинья, которую казанскіе татары, во время набѣга съ ногаями на нижегородскія волости, полонили въ одной изъ нижегородскихъ вотчинъ ея отца, когда дѣвочкѣ было всего тринадцать лѣтъ. Красота ея была такъ обаятельна, что Сафа-Гирей намѣревался, когда дѣвочка нѣсколько возмужаетъ, взять ее въ число своихъ женъ,—второю послѣ главной жены, Сумбеки, дочери ногайскаго князя Юсуфа. Поэтому она и

жила при дворѣ въ особо отведенномъ ей покоѣ. Когда же Сафа-Гирей, пьяный, убился во дворцѣ и вскорости отдалъ пьяную душу Аллаху, крымскій уланъ, красавецъ Кощакъ, пришедшій изъ Крыма съ отрядомъ князей и мурзъ въ помощь Сафа-Гирею, захватилъ во дворцѣ въ свои руки всю власть и плѣнилъ пылкое сердце молоденькой вдовы, Сумбеки. Его также нѣжная красота юной княжны Серебряной-Оболенской очаровала до того, что онъ мечталъ, сдѣлавшись царемъ казанскимъ, впослѣдствіи посадить рядомъ съ собою и прелестную Евфросинью.

Старшая полонянка до своего полону была стрѣльчихою изъ Мурома и лѣтъ пятнадцать тому назадъ захвачена была ногаями вмѣстѣ съ другими женщинами и дѣвушками въ лѣсу, во время собиранія грибовъ, и продана была казанскимъ татарамъ. Въ Казани она совершенно обжилась, свободно научилась говорить по татарски, была, что называется, на всѣ руки, имѣла обширный кругъ знакомства и знала все, что дѣлалось въ Казани и за Казанью: но все же она не могла забыть своей далекой родины и часто мыслями переносилась въ родной Муромъ. Бойкая и умная «тотка Кирилувна», какъ звали ее татары, извѣстна была всей Казани, и потому, когда привезена и взята ко двору Сафа-Гирея юная княжна Серебряная, популярная Кириловна тоже взята была ко двору, чтобъ ходить за Евфросиньей въ качествѣ няни.

— Какъ же ты, няня, сказала, что Владычица скоро насъ изъ полону вызволитъ?—продолжала допрашивать княжна полонянка.

— А такъ, моя жемчужина бурмицкая!—таинственно заговорила стрѣльчиха, садясь у ногъ княжны на бухарскій коверъ.—Когда нечестивый Кощакъ бѣжалъ съ Казани со своими мурзами и князи, а невдолгѣ и попался, какъ щука въ вершу, то здѣшніе мурзы, что изъ мирныхъ, и били челомъ нашему царю-батюшкѣ, чтобъ онъ, царь отъ нашъ, великій государь, далъ имъ въ цари улусника и холопа государева, Шигъ-Алея, а они-де выдадутъ и пошлютъ на Москву царицу Сумбеку съ ея робеночкомъ, съ царемъ, что въ пеленкахъ, съ махонькимъ Утемишъ-Гиреемъ...

Княжна грустно улыбнулась.

— Царь въ пеленкахъ... Бѣдный сиротка!

— Инъ и впрямь бѣдный, да какъ быть-ту?—покачала го-

ловой Кириловна.—Кому на царствѣ распорядокъ давать? Не самой же царицѣ, гдѣ ей? Младешенька... А за ея спиной и пойдутъ крамолы да кровопролитье... Одни будутъ тянуть руку Сумбекину да Утемишеву, а которы Алееву.

— А сама-то она, царица, что?—спросила княжна.

— Что ей-ту? Вѣстимо, баба плачетъ... Отецъ-ту Сумбекинъ, Юсуфъ-царь, билъ челомъ великому государю на томъ, чтобы Сумбеку выдать за Шигъ-Алея...

— Ахъ, няня, чего-жъ лучше? — оживленно заговорила княжна.—Мнѣ таково жаль Утемишеньку... Онъ такой ласковый: какъ увидитъ, бывало, меня, сейчасъ ручки ко мнѣ протягиваетъ и ладушки бьетъ... Вотъ бы ему и отецъ былъ, Шигъ-Алей...

— Оно бы такъ, боярышня милая, да вонъ которы мурзы перечутъ: нѣтъ-де, природный царь—Утемишъ-Гирей, а Шигъ-Алей московскій приспѣшникъ... Да и сама, чаю я, Сумбека не жалуетъ Алея.

— Почто не жалуетъ?

— Да все, полагаю я, изъ-за Кощака.

— А что ей Кощакъ?

— Охъ, не поймешь ты того, жемчужина моя бурмицкая... Кощакъ приворожилъ ее красотой своей, да повадкою молодецкой... Да и великій государь, сказываютъ, не хочетъ давать Шигъ-Алею въ жены Сумбеку.

— Отчего-жъ великому государю не хотѣть того?

— Да все, чтобъ не поселить въ Казани крамолы: покамѣстъ будетъ Сумбека съ Утемишъ-Гиреемъ сидѣть здѣсь, дотамѣстъ мурзы, которые будутъ ихъ руку держать, не отстанутъ супротивничать ставленику великаго государя.

Въ это время съ внѣшней стороны дворца донеслись какъ будто стоны и вопли. Княжна Серебряная тревожно прислушалась.

— Охъ, няня! Что это тамъ? Не крамольники ли?—съ испугомъ спросила она.

— Нѣтъ, это князья и мурзы, которые цѣловали ихній коранъ Утемиша.

— Что-жъ это они?

— Это они жалѣючи своего царя-младенца и его матери... На что я, чужая имъ всѣмъ, и то всплакнула, глядючи на ца-

рину... Ужъ такъ-ту она нынѣ утромъ убивалась и горючьми слезами кропила гробъ своего мужа, да причитала по ихнему: «О, мой господинъ и царь! голосила она: почто ты не взялъ меня съ собой? Не знала бы я тогда горя-злосчастія, пребываючи въ загробномъ покоѣ, какъ и ты»...

— Бѣдная, бѣдная!—прошептала Ефросинья.

— Именно горькая вдовица! — согласилась стрѣльчиха.— Рвется мое сердце отъ радости, что вмѣстѣ съ царицею и насъ, полонянокъ, всѣхъ отпустятъ на Русь родимую, а какъ увидала я, сколь убивается царица эта, прошибла и меня слеза горючая... Мы-то пойдемъ къ родичамъ своимъ и въ мѣста родныя, а она, горькая, на чужбину въ чужую дальню сторону... А чужа-то сторонка горемъ горожена да слезами поливана!

Въ это время кто-то постучалъ въ дверь и вслѣдъ затѣмъ послышался старческій голосъ: «Ля-илля-иль-Алла, Мухамедъ расуль Алла»!

— Алла акберъ! — откликнулась бывшая стрѣльчиха, которая давно была «побусурманена съ неволи».

Она вышла и черезъ нѣсколько минутъ воротилась радостная, возбужденная, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

— О, Владычица Матушка! Услышала наши молитвы сиротскія, отираетъ покровомъ своимъ наши горючія слезы полонецкія!—восторженно причитала она.

— Что, что нянюшка? Что съ тобой?—взволнованно, спросила княжна Евфросинья.

— Боярышня ты моя! Золото червонное!—захлебывалась бывшая стрѣльчиха. — Чаянья-то наши сбываются: волюшка вольная къ намъ на крыльяхъ прилетѣла... Велѣно намъ собираться въ путь дорогу. Тебѣ, моя ластушка, летѣть прямо къ батюшкѣ, ко князю воеводѣ...

— Къ батюшкѣ! — порывисто бросилась къ вошедшей княжна.—На Русь отпущаютъ?

— На Русь, золото, на святую Русь!.. Велѣно снаряжаться... Насъ отпущаютъ съ царицей и съ Утемишъ-Гиреемъ...

Княжна упала на колѣни и набожно сложила руки.

— Къ батюшкѣ, на святую Русь!.. Къ матушкѣ родимой!— молитвенно шептала она.

Ясное весеннее утро.

Въ Казани съ самой ночи необычайное движеніе, словно

въ громадномъ потревоженномъ муравейникѣ. Все стремится къ царскому дворцу, старое и молодое, женщины и дѣти, князья и мурзы, богатые и знатные вельможи царства и самые послѣдніе бѣдняки. На солнцѣ то сверкаютъ позолота и яркіе, всѣхъ цвѣтовъ радуги на халатахъ мурзъ, то бѣлоснѣжныя чадры на лицахъ женщинъ-татарокъ. Вездѣ слышится неумолкаемый гулъ голосовъ и возгласы то негодованія, то сожалѣнія. Иногда въ этомъ смѣшанномъ гулѣ, какъ въ рокотѣ моря, прорывается женскій плачъ.

— Алла, Алла! — это одно слово заглушаетъ почти всѣ другія.

Это встревоженная, опечаленная и напуганная Казань идетъ провожать свою царицу, Сююнбеку, и царственнаго младенца, крошечнаго, невиннаго Утемишъ-Гирея, это игралище непостижимаго, но неизбѣжнаго рока.

Казань покорно отдаетъ Сююнбеку и Утемишъ-Гирея врагамъ своимъ, которые теперь стали побѣдителями Востока.

— Алла, Алла,—горестно качаютъ головами побѣжденные.

Скоро вся площадь передъ дворцомъ и всѣ сосѣднія улицы вплоть до берега Казани были запружены народомъ.

Женскій плачъ не умолкалъ въ самомъ дворцѣ и на переполненномъ муллами, князьями и мурзами дворѣ. То женщины-прислужницы Сююнбеки и Утемишъ-Гирея оплакивали свою царицу и маленькаго царя.

Плачъ перешелъ въ цѣлый взрывъ воплей, когда дворцовыя ворота раскрылись и въ нихъ показалась богатая колесница, запряженная шестеркою бѣлыхъ прекрасныхъ коней въ дорогой сбруѣ. Въ коляскѣ сидѣла царица съ лицомъ безъ кровинки, скрывавшимся за бѣлою чадрой. Рядомъ съ колесницей верховный мулла бережно несъ на рукахъ улыбавшагося невинною улыбкой царя младенца. По лицу муллы неудержимо катились слезы. Все кругомъ плакало. Плакала и юная русская полонянка, княжна Евфросинія Серебрянная-Оболоенская, которая шла по другую сторону царской колесницы, окруженная дворскими женщинами и семействами знатныхъ крымцевъ, ихъ женами и дѣтьми, оставшимися въ Казани послѣ невольнаго удаленія оттуда самонадѣяннаго Кощака съ отрядомъ крымцевъ.

Вся Казань сплошными массами двинулась къ берегу Ка-

занки. Это было какъ бы колыхавшееся море головъ, покрытыхъ зелеными и бѣлыми чалмами и колыхавшимися въ воздухѣ бѣлыми же чадрами.

За минуту до того яркое солнце, задернутое теперь тучею, наводило, казалось, печальную, зловѣщую тѣнь на всѣ лица.

— Алла, Алла!—пробѣгали по толпѣ горестные возгласы и лица взывавшихъ къ своему Богу молитвенно обращаясь къ затуманенному небу.

Съ удаленіемъ царственныхъ плѣнныхъ солнце Казани, казалось, закатывалось навсегда надъ злополучнымъ царствомъ, переживавшимъ послѣдніе дни государственной независимости.

На берегу Казанки, у покрытаго коврами плота, почетныхъ плѣнниковъ ожидала обширная русская ладья, богато разукрашенная, съ русскими гребцами въ красныхъ кафтанахъ съ сѣдовласымъ кормчимъ въ горластой шапкѣ.

У плота колесница остановилась, и Сююнбека, поддерживаемая прислужницами, сошла съ нея на землю.

Новый вопль женщинъ огласилъ берегъ на далекое разстояніе.

Сююнбека вступила на плотъ. За нею ближайшая дворская прислужница, взявъ изъ рукъ верховнаго муллы улыбавшагося Утемишъ-Гирея, внесла на плотъ этого царственнаго плѣнника.

За Утемишъ-Гиреемъ вступила на плотъ, вмѣстѣ съ семействами знатныхъ крымцевъ, и наша соотечественница, переставшая быть полонянкой, молоденькая княжна Евфросинья въ сопровожденіи бывшей стрѣльчихи. Теперь княжна уже не плакала. Прелестное личико ея разгорѣлось нѣжнымъ румянцемъ.

Въ ладьѣ она увидѣла своихъ гребцовъ нижегородцевъ. Глаза ея отъ ладьи и гребцовъ перенеслись туда, вдаль, къ Волгѣ, гдѣ она мечтала увидѣть отца... Тамъ, гдѣ Казанка впадала въ Волгу, она видѣла издали цѣлый лѣсъ мачтъ съ развѣвавшимися въ воздухѣ цвѣтными полотнищами, бѣлыя верхушки палатокъ...

Очарованный взоръ вмѣстѣ съ сердцемъ былъ уже тамъ, въ родной землѣ, тамъ, гдѣ ждетъ царицу казанскаго царства и младенца царя ея отецъ и не ждетъ своей ясноглазой Фроси... Онъ не знаетъ, что она такъ близко отъ него... Вотъ, вотъ, черезъ нѣсколько минутъ, она повиснетъ у него на шеѣ... Теперь

Кн. 39.

она достанетъ до его могучей шеи... За три года своего полону она такъ выросла, стала почти совсѣмъ большая...

Узнаетъ ли онъ ее? Нѣтъ, ни за что не узнаетъ... Она теперь совсѣмъ татарка... На головкѣ шитая золотая тюбютейка... На лицѣ бѣлая чадра... На плечахъ — малиновая съ позументами татарская курточка... Зеленыя широкія шальварцы... а на ножкахъ хорошенькіе желтые ичиги...

— Нѣтъ, ни за что, ни за что не узнаетъ!—колотится у нея въ сердцѣ.—Испугается: подумаетъ, что это за татарочка повисла у меня на шеѣ?.. А я нарочно буду его цѣловать и шептать: «Селямъ алейкюмъ!.. Селямъ алейкюмъ!»...

Она даже засмѣялась подъ чадрой.

Скоро Сююнбека съ младенцемъ съ плота перешла на устланный краснымъ сукномъ высокій помостъ ладьи. За нею вступила туда же и радостная Евфросинья съ семействами знатныхъ крымцевъ.

Сююнбека обратила блѣдное, какъ бы застывшее въ мраморъ, скорбное лицо свое къ усыпанному народомъ берегу и съ невыразимой горестью и умиленіемъ поклонилась прощальнымъ поклономъ своему народу...

Ладья тихо поплыла внизъ по теченію рѣки. За нею съ жалобнымъ крикомъ летѣли волжскія большія чайки—мартыны. Казалось, и онѣ оплакивали царственныхъ плѣнниковъ, увозимыхъ въ невѣдомую даль...

Какъ ни была радостно настроена юная Евфросинія предстоящимъ свиданіемъ съ отцомъ, но она вновь почувствовала слезы на своихъ щекахъ, видя общее глубокое горе и отчаянье осиротѣвшаго города, особенно, когда тотъ, котораго оплакивали его подданные, маленькій Утемишъ-Гирей, съ улыбкой потянулся къ ней маленькими рученками...

— Бѣдный, бѣдный сироточка!

Дружные, ритмическіе взмахи гребцовъ, въ тактъ пѣнившихъ воду длинными веслами, все болѣе и болѣе уносили ладью отъ осиротѣвшаго города, гдѣ такъ не надолго осѣнило счастьемъ молодую, рано овдовѣвшую, царицу. Печальнымъ взоромъ, полнымъ нѣмой тоски, она продолжала вглядываться въ все далѣе и далѣе отходившій стройный шпицъ минарета, имя котораго до сихъ поръ неразрывно связано съ именемъ зло-

получной царицы,—послѣдней царицы послѣднихъ дней царства казанскаго. Это «башня Сумбеки», доселѣ господствующая надъ Казанью.

По мѣрѣ удаленія стройнаго шпица минарета отъ отуманеннаго слезами взора Сююнбеки, все болѣе и болѣе приближались бѣлыя палатки русскаго воинства, и точно изъ земли выросталъ лѣсъ мачтъ судовъ враждебной флотиліи.

Но вотъ и станъ русскихъ ратей.

На пологомъ волжскомъ берегу, подъ священнымъ московскимъ стягомъ съ изображеніемъ на немъ Георгія Побѣдоносца, поражающаго змія, высилась на бѣломъ конѣ величавая фигура воеводы московскихъ ратей, князя Петра Серебряпаго-Оболенскаго, окруженнаго младшими военачальниками.

— Няня, няня! — радостно шептала Евфросинья бывшей стрѣльчихѣ.—Это мой батюшка на конѣ!.. Онъ!.. Я узнаю его!..

Ладья медленно пристаетъ къ берегу, и Сююнбека, поддерживаемая прислужницами, по сходнямъ переходитъ на берегъ въ сопровожденіи несомаго на рукахъ царя-младенца.

Князь Серебряный сходитъ съ коня и приближается къ Сююнбекѣ, чтобы привѣтствовать ее отъ имени Государя-Царя и Великаго Князя «всея Русіи».

— Великій Государь-Царь и Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Русіи самодержецъ и многихъ государствъ земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ и наслѣдникъ и государь и обладатель, жалуетъ тебя, гостью свою, царицу Сююнбеку... Велѣлъ спросить о здоровьѣ и милостиво сказать: добро пожаловать!— возгласилъ князь Серебряный истово, точно читая Апостолъ въ церкви.

Затѣмъ толмачъ переводилъ царскій привѣтъ.

Сююнбека молча поклонилась и тихонько смахнула подъ чадрою крупныя слезы, выкатившіяся изъ потупленныхъ глазъ.

— Великій государь-царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ всеа Русіи,——продолжалъ князь Оболенскій,—жалуетъ тебя, царицу Сююнбеку, и сына твоего, младенца царя Утемишъ-Гирея: зоветъ на Москву, въ свой престольный градъ, дабы почтить васъ своимъ великаго государя жалованьемъ, о какомъ ты, царица Сююнбека, и не помышляла.

Юная Евфросинья, стоя тутъ же, недалеко, вся дрожала отъ

волненія, не сводя восторженныхъ глазъ съ отца. Но онъ ся не видѣлъ, не узнавалъ.

Едва же онъ кончилъ послѣднія слова и рукою пригласилъ Сююнбеку слѣдовать въ особо приготовленную для нея богатую палатку, какъ Евфросинья стремительно бросилась впередъ и съ крикомъ радости прильнула къ рукѣ отца...

— Батюшка! Батюшка! Батя мой родненькій!..

— Святъ, святъ! Что это; чья это татарочка?—изумленно пробормоталъ онъ.

— Батюшка! Это я, твоя Фрося, полонянка...

И она бросилась отцу на шею.

— Батя мой! Я, я, Фрося твоя!..

— Дитятко мое! Ты ли это? О, Господи!—казалось, задыхался князь Серебряный, поднимая голову дочери и всматриваясь въ ея заплаканное личико.—О, Господи! Такъ это ты, дитя мое, татарочка, Богомъ спасенное дитя!..

И онъ обнималъ и цѣловалъ ее.

Крупныя слезы, слезы умиленія и радости, текли по щекамъ бывшей стрѣльчихи, а князь Серебряный какъ-то растерянно бормоталъ:

— Какъ выросла! Господи! Что-то скажетъ мать?.. Всѣ слезы по тебѣ выплакала она!

Обхвативъ руками шею нагнувшагося къ ней отца, Евфросинья съ блаженной улыбкой оглянулась къ стоявшей за нею и плакавшей радостными слезами бывшей стрѣльчихѣ.

— Видишь, няня, я говорила, что батюшка не узнаетъ меня!—сказала она весело.

Князь Серебряный съ удивленіемъ взглянулъ на Кириловну.

— Кто эта татарка?—спросилъ онъ.

— Это не татарка, батюшка, а моя няня, муромка стрѣльчиха!—отвѣчала весело Евфросинья.—Она тоже полонянка, ходила нянею за мною.

— А! Спасибо, добрая женщина!—сказалъ князь.

Но, вспомнивъ свой долгъ, долгъ хозяина по отношенію къ царицѣ Казани, онъ подозвалъ своего оруженосца и сказалъ, указывая на дочь и бывшую стрѣльчиху:

— Проводи ихъ въ мою ставку... Я немедля самъ приду.

И снова подошелъ къ Сююнбекѣ, мимоходомъ сказавъ стрѣлецкому головѣ:

— Приготовить шатры и все необходимое для царицы и ея ближнихъ княгинь, съ подобающимъ ихъ сану вѣжествомъ...

На другой день отъ устья Казанки отходили вверхъ по Волгѣ два судна.

На переднемъ изъ нихъ, на верхней палубѣ, стояла Сююнбека съ застывшимъ въ нѣмомъ отчаяніи лицомъ, обращеннымъ къ Казани. Видъ постепенно удалявшагося города представлялъ картину чарующей, волшебной красоты, зубчатыя стѣны крѣпости, мечети, стройные минареты и, въ особенности, игольчатый минаретъ главной мечети, что нынѣ башня Сююнбеки, все это, слегка подернутое синеватою дымкою дали, неотразимо приковывало взоръ, какъ величавая картина великаго художника...

Картина эта, полная грусти для той, которая ее созерцала въ послѣдній разъ, съ каждымъ взмахомъ длинныхъ веселъ московскихъ гребцовъ, все болѣе и болѣе затягивалась туманомъ дали, словно густою чадрою, спускавшеюся съ голубого неба, и отходила все дальше и дальше, умаляясь и точно тая въ воздухѣ...

А Сююнбека все не спускала съ нея полныхъ невыразимой тоски глазъ, стараясь уловить неясныя очертанія минарета, ставшаго историческимъ.

Въ послѣдній разъ она видѣла его, въ послѣдній разъ!

Онъ все уходилъ отъ поля зрѣнія, все уходилъ... Вотъ, вотъ исчезнетъ, исчезнетъ, и навсегда, навсегда...

И онъ исчезъ...

Такъ прощалась казанская царица съ своимъ царствомъ.

Въ 1893 г. я въ послѣдній разъ проѣзжалъ по Волгѣ изъ Нижняго въ Саратовъ.

Во время остановки парохода у пристани я съѣздилъ въ Казань. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть этотъ историческій городъ, нѣкогда столицу Сююнбеки, гдѣ я не былъ съ 1851-го года, когда, прослушавъ въ Казанскомъ университетѣ лекціи на первомъ курсѣ, я перебрался въ Петербургскій университетъ. За 42 года бывшая столица Сююнбеки измѣнилась. Не измѣнилась только башня Сююнбеки.

Измѣнилось все, такъ измѣнилось, что мнѣ очень грустно

стало видѣть въ уничиженіи то, что когда-то было величаво и сильно. И мнѣ невольно вспомнилось граціозное, полное глубокой и грустной ироніи стихотвореніе К. К. Случевскаго, подъ названіемъ «Татаринъ». Вонъ оно:

Мой татаринъ блѣднолицый
Подаетъ обѣдъ исправно.
Да, мой милый, у Сунбеки
Въ башнѣ я гостилъ недавно.
Тамъ, въ Казани, какъ и прежде,
Преисправно варятъ мыло;
Къ башнѣ нѣсколько татарокъ
Подъ чадрами подходило.
Ваше царство—славно было,
Съ препочтенной мощной дланью;
Много нашихъ спитъ костями
Въ пирамидѣ подъ Казанью.
Ваше царство—славно было,
А цари его богаты...
Продаютъ теперь ихъ внуки
Полосатые халаты,
Въ нашихъ избранныхъ трактирахъ
Не выходятъ вонъ изъ моды...
Дарвинъ правъ былъ, что повѣрилъ
Въ силу крови, въ мощь породы!

Стоя потомъ на палубѣ отходившаго парохода, я, взволнованный и растроганный всѣмъ, что мнѣ вспомнилось изъ прошлаго Казани, казалось, видѣлъ странную тѣнь женщины подъ бѣлою чадрою... Она протягивала руки къ высившейся на горизонтѣ башнѣ...

Такова сила исторической фантазіи!

ПЕРВОЕ ЧУДО.

МЛАДЕНЦА ХРИСТА ВЪ ПУСТЫНѢ.

При бѣгствѣ Іосифа и Маріи изъ Виѳлеема.

I.

Раннее, тихое, подернутое синеватою дымкой утро Палестины.

Изъ-за мрачныхъ, застилаемыхъ тою же дымкою Моавитскихъ горъ вставало кроваво-багровое солнце. Лучи его еще не коснулись неподвижной, свинцовой поверхности Мертваго моря, которое, казалось, застыло въ своей угрюмой мертвенности. Вправо и влѣво и, сколько могъ окинуть взоръ, впереди, на далекое-далекое пространство вставали сѣрые, выжженные палестинскимъ солнцемъ холмы и взлобья голыхъ горныхъ высей, лишенныхъ всякой растительности. Въ утреннемъ воздухѣ, въ далской синевѣ неба, медленно плавали орлы, отъ времени до времени пронизывая мертвую тишину пустыни металлическимъ клектомъ.

Въ это тихое утро, по каменистому пути, протоптанному караванами верблюдовъ, чрезъ всю Іудею отъ самаго Іерихона и Іерусалима на Виѳлеемъ, Хевронъ, Кармель и Маоанъ до самыхъ пустынь Идумеи, къ предѣламъ этой послѣдней медленно двигались двѣ фигуры невѣдомыхъ путниковъ, мужчины и женщины. Послѣдняя помѣщалась на спинкѣ ослика съ небольшимъ вьюкомъ по бокамъ кроткаго животнаго, а мужчина, опираясь на длинный посохъ, съ видимымъ усиліемъ тащился рядомъ съ осликомъ, отъ времени до времени подбодряя его усталымъ голосомъ. Крайнее утомленіе виднѣлось на сосредоточенныхъ, печальныхъ лицахъ путниковъ.

— О, Іегова,! Богъ Авраама, Исаака, и Іакова!—болѣзненно простонала женщина, поднимая глаза къ далекому небу, а потомъ съ нѣмою боязнью оглядываясь назадъ, на пройденный путь.

— Успокойся, Маріамъ,—тихо проговорилъ ея спутникъ.—Скоро мы вступимъ въ предѣлы Идумеи.

— Но мы и тамъ не будемъ въ безопасности,—прошептала женщина.

— Нѣтъ, его безбожное повелѣніе распространяется только на Виѳлеемъ и окрестныя селенія.

Женщина снова молитвенно подняла глаза къ небу, откинувъ въ сторону бѣлое прозрачное покрывало, защищавшее отъ свѣта ея смуглое личико. Это было лицо совсѣмъ молоденькой дѣвушки, почти дѣвочки. Въ этомъ невинномъ, совершенно дѣтскомъ личикѣ, въ большихъ, ясныхъ и лучезарныхъ, хотя грустныхъ глазахъ, во всемъ выраженіи этого чуднаго личика, казалось, было что-то неземное, идеальное. Но что болѣе всего приковывало взоръ въ этомъ дѣтскомъ личикѣ, въ этихъ большихъ, глубокихъ глазахъ, это какая-то тайная, великая дума, въ нихъ таившаяся. На груди она бережно держала что-то завернутое въ бѣлую ткань виссопа.

Солнце, между тѣмъ, уже поднялось надъ мрачными изломами Моавитскихъ горъ и уже золотило свинцовую поверхность Мертваго моря.

— Вотъ и предѣлъ Іудеи,—сказалъ шедшій около ослика путникъ, показывая на струившуюся впереди небольшую рѣчку.—Тамъ мы уже можемъ дать и бѣдному животному роздыхъ.

— О, Адонаи!—прошептала женщина.—Благодарю Тебя, если только ничтожная раба смѣетъ благодарить Творца вселенной.

То, что у нея на груди было завернуто въ виссонъ, пошевелилось. Женщина съ благоговѣйной боязнью и невыразимой нѣжностью откинула край виссона и быстро взглянула на то, что было тамъ. Это было крохотное личико младенца съ непостижимымъ выраженіемъ въ немладенчески задумчивыхъ глазахъ.

Скоро путники перешли въ бродъ рѣчку и остановились въ тѣни двухъ зонтикообразныхъ, развѣсистыхъ пальмъ.

Женщина съ младенцемъ сошла съ ослика. Въ эту минуту

гдѣ-то недалеко послышалось нѣчто въ родѣ раскатовъ грома. Путники невольно взглянули на небо. Лазурь его была чиста, нигдѣ ни облачка. Раскаты грома повторялись ближе, и въ то же время недалеко, на вершинѣ одного холма, отчетливо вырисовался профиль громаднаго льва. Страшная голова его повернулась къ путникамъ, и чудовище издало ужасающее рыканіе. Безумный ужасъ охватилъ и путниковъ, и ихъ бѣдное животное, которое задрожало всѣми членами. Левъ глядѣлъ на нихъ и вдругъ съ радостнымъ, могучимъ ревомъ, потрясая гривой, гигантскими прыжками бросился на путниковъ.

— О, Іегова!—вырвался крикъ несчастной женщины, и она, желая, повидимому, защитить младенца, безсознательно подняла его надъ своей головой, какъ бы желая передать свое сокровище небу.

Но тутъ случилось что-то непостижимое. Левъ взвизгнулъ, какъ пораженная хлыстомъ собака. Косматая грива его мгновенно опала, хвостъ опустился, какъ у испуганнаго пса; самъ онъ припалъ къ землѣ и, ползкомъ повернувшись назадъ, въ нѣсколько прыжковъ очутился далеко и скоро исчезъ въ пустынѣ.

— О, Адонаи!—могла только простонать пораженная женщина.

— Перстъ Божій на этомъ младенцѣ,—набожно проговорилъ ея спутникъ.

Въ это время на томъ пути, который они уже прошли, со стороны Іудеи, изъ-за холмовъ показались головы верблюдовъ. Видимо, то былъ караванъ.

— Не за нами ли погоня?—снова встревожилась женщина.

— Нѣтъ, Маріамъ, будь покойна: то караванъ пустыни, направляющійся въ Египетъ, — увѣренно отвѣчалъ ея спутникъ.—Это аммонитскій караванъ съ благовоніями Аравіи. Я узнаю въ нихъ мирныхъ аммонитянъ, которые ежегодно приходятъ изъ-за Іордана въ Іудею, чтобы чрезъ пустыни Идумеи слѣдовать со своими товарами въ Мемфисъ и Александрію.

Дѣйствительно, это были аммониты. На верблюдахъ ихъ виднѣлись тюки съ товарами. На самихъ каравановожатыхъ блестѣло вооруженіе, да и одѣяніе ихъ было не іудейское.

— Божественный Промыселъ посылаетъ намъ спутниковъ

въ безлюдной и опасной пустынѣ,—успокоительно проговорилъ спутникъ юной іудейки.

Она восторженно взглянула на своего младенца. «Вотъ нашъ Божественный Промыселъ!», казалось, говорили свѣтлые, увлажненные слезами глаза. «Онъ уже избавилъ насъ отъ когтей льва».

Караванъ приближался. Слышно уже было позвякиванье колокольчиковъ, глухое и заунывное, нарушавшее мертвую тишину пустыни.

Осликъ былъ развьюченъ, но отъ усталости и жажды не могъ даже прикоснуться къ зернамъ ячменя, который подалъ ему въ торбѣ іудей. Бѣдное животное не имѣло передышки уже вторыя сутки, такъ торопились путники, гонимые ужасомъ... Лишь бы скорѣй покинуть Іудею, выбраться за предѣлы страны, которую посѣтило что-то ужасное!

— Ты бы далъ ему освѣжиться хоть нѣсколькими глотками воды,—сказала женщина съ младенцемъ, указывая на усталое животное.—Онъ для насъ томился жаждою и зноемъ, и ему предстоитъ еще далекій путь.

Осликъ самъ тянулся къ водѣ, и іудей подвелъ его къ ручью.

Скоро подошелъ къ ручью и караванъ и переправился черезъ его свѣтлыя, тихо журчавшія струи.

— Миръ вамъ,—сказалъ старый аммонитъ, бывшій въ головѣ каравана, подходя къ нашимъ невѣдомымъ путникамъ.

— Богъ, которому вы поклоняетесь, да пошлетъ вамъ добрый путь и благополучіе вамъ и верблюдамъ вашимъ,—въ свою очередь проговорилъ іудей.

— Откуда путь держите?—спросилъ аммонитъ

— Изъ Іерусалима, священнаго города земли нашей,—былъ отвѣтъ.

— Ужасное вчера весь день совершалось въ вашей несчастной землѣ,—покачалъ головой старый аммонитъ.

Іудей и юная іудейка тревожно переглянулись.

— Что случилось въ землѣ нашей?—спросилъ первый.

— А! Съ вами дитя!—удивленно воскликнулъ аммонитъ, увидѣвъ изъ-за покрова юной іудейки личико младенца.—Счастливы мысли и начинанія ваши, что вы вчера не были тамъ, гдѣ мы были.

— А что же тамъ было?—еще съ большей тревогой спросилъ іудей.

— О! Лучше бы уши ваши не слышали того, что я вамъ скажу,—продолжалъ аммонитъ.—Тамъ весь день, по повелѣнію злодѣя-царя, убивали всѣхъ младенцевъ мужескаго пола.

Юная іудейка съ ужасомъ прикрыла своего младенца.

— О, Іегова! О, силы небесныя!—воскликнулъ іудей.—За что же? Для чего?

Старый аммонитъ, оглянувъ караванъ, который въ это время развьючивали его вожатые, задумчиво покачалъ головой, усаживаясь подъ тѣнью пальмы.

— Творится что-то непостижимое въ Іудеѣ,—медленно заговорилъ онъ.—Еще когда караванъ нашъ былъ за Іорданомъ, повстрѣчались намъ странники, мудрые мужи изъ далекихъ восточныхъ странъ съ ихъ рабами. Когда мы спросили ихъ о путяхъ ихъ, странники отвѣчали, что возвращаются они изъ Іерусалима въ свою страну, и что въ Іудею они приходили для поклоненія недавно рожденному царю, величайшему изъ всѣхъ царей земныхъ! Когда мы сказали, что у царя Іудеи Ирода и безъ того много царевичей, странники отвѣчали намъ, что тотъ царь, которому они приходили поклониться, родился не отъ Ирода и не въ царской семьѣ, а въ бѣдности и отъ простой іудейки, и что увидѣлъ свѣтъ не въ царскомъ дворцѣ, а въ бѣдныхъ ясляхъ...

Личико юной іудейки при этихъ словахъ покрылось нѣжнымъ румянцемъ, и, потупивъ свои дивные глаза, она ближе прижала къ себѣ младенца.

— Когда же я спросилъ странниковъ,—продолжалъ аммонитъ,—почему они, возвращаясь изъ Іудеи, шли не обычнымъ путемъ, не черезъ Іорданъ у Іерихона, а путемъ кружнымъ, по ту сторону Мертваго моря, отъ Раббатъ-Мохона на Гесбонъ, они отвѣчали такъ:—Когда прибыли они въ Іудею для поклоненія новорожденному царю и явились къ Ироду, тотъ, ничего не вѣдая о рожденіи таинственнаго младенца, просилъ восточныхъ странниковъ, чтобъ они, когда отыщутъ этого младенца и поклонятся ему, пришли бы опять къ нему, къ Ироду, и сказали бы, гдѣ тотъ младенецъ, чтобы и онъ, Иродъ, могъ ему поклониться. Но добрые и мудрые странники заподозрили въ умѣ Ирода нѣчто злодѣйское, а потому, отыскавъ младенца и

поклонившись ему въ томъ городѣ, гдѣ нашли его, они ужъ не воротились къ Ироду, а удалились изъ того города, гдѣ былъ младенецъ-царь, кружнымъ путемъ, нашими землями, черезъ Раббатъ-Моабъ на Гесбонъ... Они даже и намъ не сказали, въ какомъ городѣ нашли младенца-царя,—закончилъ свою рѣчь аммонитъ.

Іудей и іудейка незамѣтно переглянулись.

— Такъ вы сами видѣли это безбожное дѣло, убіеніе невинныхъ младенцевъ?—спросилъ первый.

— Сами. Что за вопли раздавались вездѣ!.. Ни одного младенца, говорятъ, не оставили. И какъ только уцѣлѣлъ вашъ малютка?

— Божій Промыселъ пощадилъ его: мы выѣхали раньше избіенія,—отвѣчалъ іудей.

— Куда же вы теперь?

— Въ Египетъ... Мы раньше туда собирались, у насъ есть родственники въ Геліополѣ.

— Ну, счастливъ вашъ Іегова, во-время покинули вы Іудею. А замедли вы день, и не быть бы въ живыхъ вашему малюткѣ.

Юная іудейка только возвела глаза къ небу.

— А вашъ караванъ куда путь держитъ?—спросилъ іудей.

— Мы въ Александрію, съ товарами нашей страны для префекта римскаго, что правитъ Египтомъ послѣ того, какъ нильская ехидна причинила смерть послѣднему фараону-женщинѣ, прекрасной Клеопатрѣ. Я знавалъ эту царицу: ко двору ея мы возили благовонія Аравіи. Вотъ ужъ тридцать лѣтъ, какъ и Клеопатры не стало.

— И у насъ въ Іудеѣ не мало было слышно объ этой Клеопатрѣ,—замѣтилъ іудей.—Она хотѣла даже завладѣть нашею священною страной, да только съ нашимъ Иродомъ тягаться ей было не легко.

Оба молчали. Солнце поднялось высоко и жгло почти отвѣсными лучами, точно стрѣлами. Верблюды лежа пережевывали свою жвачку, поглядывая по сторонамъ кроткими умными глазами. Ящерицы, повыползавъ изъ своихъ норъ и расщелинъ, неподвижно грѣлись на солнцѣ. Укрывшись въ тѣни тюковъ, отдыхали и верблюдовожатые аммониты, подкрѣпившись рисомъ и сухими финиками и утоливъ жажду прямо изъ ручья.

— Богъ, сотворившій небо и землю, не случайно свелъ насъ въ этой пустынѣ—прервалъ іудей молчаніе.—Онъ хотѣлъ, чтобы мы, слабые и одинокіе, нашли въ пути поддержку и бодрость въ васъ, мужественныхъ и добрыхъ.

— Да, такъ предопредѣлено свыше, — согласился старый аммонитъ.—Будемъ вмѣстѣ держать путь. Только въ Даѳне пути наши разойдутся.

— Это далеко?—спросилъ іудей.—Я вѣдь въ тѣхъ мѣстахъ путей не знаю: я ввѣрилъ себя и эту женщину съ младенцемъ благому промыслу.

— Нами всѣми руководитъ промыселъ,—сказалъ старый аммонитъ и отошелъ къ своимъ тюкамъ отдохнуть.

II.

Солнце уже значительно перешло къ западу, когда аммонитскій караванъ съ маленькимъ іудейскимъ семействомъ двинулся въ дальнѣйшій путь.

Караванъ вступилъ въ безбрежныя, какъ океанъ, пустыни Идумеи. Песчаныя равнины, изрѣдка всхолмленныя такими же песчаными буграми, казалось, убѣгали за горизонтъ и сливались съ безграничнымъ пространствомъ неба, на которомъ неподвижно стоялъ огненный шаръ, опалявшій своими жгучими лучами ослѣпительный песокъ пустыни. Раскаленный воздухъ жегъ лицо, а отъ накаленныхъ песковъ вставали фантастическія видѣнія—миражи пустыни. То чудилось въ дымкѣ дали зеленое море, съ плывущими по зеленымъ его волнамъ кораблями, то тянулись по далекому горизонту караваны верблюдовъ. Взору, утомленному отъ безотраднаго однообразія, не на чемъ было отдохнуть, успокоиться, помимо миражей, на чемъ-либо реальномъ, и онъ тонулъ въ пугающей душу безконечности. Кое-гдѣ на желтой пеленѣ песковъ виднѣлись полузасыпанныя этою подвижною стихіею пустыни, выбѣленныя зноемъ кости погибшихъ каравановъ, животныхъ и людей, ставшихъ жертвою пламеннаго самума хамсина. Пустыня, казалось, взывала этими жертвами къ безжалостному небу, къ его милосердію. Но небо, какъ и пустыня, молчало.

Тѣнь отъ верблюдовъ и людей все болѣе и болѣе удлинялась, дѣлаясь все фантастичнѣе, безформеннѣе. Наступалъ вечеръ.

Огненный дискъ солнца уже касался граней пустыни, видимыхъ граней, за которыми скрывалась та же ужасающая безконечность, и изъ этой безконечности выступала ночь съ ея призраками и безформенными видѣніями. Пустыня замирала, и зажигалась таинственная жизнь на небѣ. Загорѣлись звѣзды, и чѣмъ дальше шла ночь, тѣмъ ярче, тѣмъ безумнѣе свѣтились эти таинственные огни.

Юная іудейка съ благоговѣйнымъ ужасомъ поднимала взоръ къ этимъ огнямъ: ей казалось, что это глядѣли на нее очи Того, Который ей, жалкой и безпомощной, послалъ то, что она назвать не смѣла. Она только чувствовала, что то, что считала она непостижимымъ и что довѣрено ей, безмятежно покоится на ея груди.

— Твоя великая тайна, о, Адонаи, и я, раба твоя, обнимая эту тайну, трепетно слышу ея дыханіе,—мысленно говорила она.

А пустынѣ все нѣтъ конца... Прошла ночь... Еще день и ночь... Тѣ же молчаливыя звѣзды ночью...

Пустыня Идумеи осталась позади. Впереди—пустыня Египта Гдѣ-то далекая, родная Галилея, Назаретъ?

Караванъ приближается къ Даоне, послѣдній роздыхъ подъ защитою аммонитянъ... А дальше?

Послѣдняя ночь около Даоне... А завтра?.. Надъ головою тѣ же звѣзды, тѣ же таинственныя очи—Его очи...

— Ты провелъ Сына своего чрезъ пустыни Идумеи,—шепчетъ юная іудейка, вглядываясь въ это небо, полное тайнъ, и довѣрчивымъ взоромъ ищетъ Его, Того, который все это создалъ, который послалъ ей Сына Своего.—Ты проведешь Его и пустыней Египта... Буди воля Твоя...

Рано проснулся караванъ аммонитскій. Ревъ верблюдовъ, которыхъ навьючивали вожатые, огласилъ пустыню.

— Здѣсь наши пути расходятся,—сказалъ, здороваясь съ іудеемъ и іудейкой, старый аммонитъ. — Вашъ путь лежитъ влѣво.

— А какихъ примѣтъ держаться въ пути? — спросилъ іудей.

— Скоро, когда вы двинетесь къ полудню, вправо откроются соленыя озера. Пройдя озера, вы вступите въ равнину, по сторонамъ которой тянутся горы. Идите этою равниною, и она доведетъ васъ до Геліополиса. Издали высочайшій столпъ, по-

священный богу этого города—солнцу, укажетъ предѣлъ вашего странствованія... Положитесь на предопредѣленіе.

Юная іудейка слезами благодарила добраго старика. Онъ взглянулъ на младенца, котораго она держала. Малютка, казалось, разглядывалъ старика своими большими глазами.

— Дивное дитя,—сказалъ аммонитъ,—во весь путь я не слыхалъ его плача... На челѣ его какая-то тайная дума... Поистинѣ, дивное дитя!

Скоро караванъ аммонитянъ двинулся въ путь. Долго еще заунывные колокольчики его слышались въ нѣмой пустынѣ.

Осликъ былъ навьюченъ. Іудейка съ младенцемъ посажена на него.

— Теперь нашимъ вожатымъ будетъ ангелъ, тотъ вѣстникъ Іеговы, который послалъ насъ въ Египетъ,—сказалъ іудей, ведя въ поводу ослика.—Вѣрь, Маріамъ.

— Я вѣрю, Іосифъ: все доселѣ исполнялось такъ, какъ и мнѣ возвѣщено было свыше... Величитъ душа моя Господа... Онъ призрѣлъ на смиреніе рабы своей.

— Вспомни страшнаго льва на границѣ Идумеи,—немного помолчавъ, заговорилъ Іосифъ.—Не было ли то знаменіе?

— Да, то было знаменіе... Я только послѣ поняла его...

— Знаю... На границѣ Идумеи твоя вѣра поколебалась?

— Ты угадалъ, Іосифъ: меня напугала пустыня Идумеи... Я подумала о дикихъ звѣряхъ пустыни, и левъ явился мнѣ...

— Да, какъ знаменіе того, что съ такою ношею на рукахъ, какъ твоя, не опасны никакіе звѣри и никакіе ужасы пустыни.

Скоро вправо показались изъ-за камышей синія воды озера. Въ небѣ рѣяли орлы. Въ камышахъ сказывалось присутствіе жизни, говоръ птицъ.

Но присутствіе жизни сказывалось недолго. Пустыня опять вступала въ свои права. Вправо и влѣво песчаные холмы заслоняли горизонтъ. Солнце между этими холмами палило невыносимо.

Мучительно долго тянулся этотъ день, день полнаго одиночества. Съ уходомъ каравана весь міръ, казалось, покинулъ одинокихъ путниковъ.

Настала ночь. Небо заволоклось сухимъ туманомъ. Исчезли путеводныя звѣзды—всевидящія очи Того, Который возложилъ на нихъ, одинокихъ, беззащитныхъ путниковъ, великое бремя.

Ужасъ невольно заползалъ въ душу, холодомъ пробирало въ сердцѣ. А туманъ все гуще. Это—предвѣстіе губительнаго самума хамсина. Мертвая пустыня огласилась воемъ...

— Что это? Какъ страшно!.. Что это воетъ?

— Не бойся, Маріамъ: это шакалы перекликаются во мракѣ.

— Ихъ вой меня пугаетъ...

— Маріамъ! Не искушай промыселъ... Вспомни льва Идумеи...

— Іегова! Я слабая женщина... Не вмѣни мнѣ мою слабость въ прегрѣшеніе...

Послѣ безконечной, душной ночи наступило сѣрое, мглистое утро. За мглой почти не было видно солнца, которое, казалось, расплывалось въ этой мглѣ. Дышать было трудно, какъ будто эта мгла вытѣснила собою весь воздухъ.

Путники снова двинулись по указанному старымъ аммонитомъ направленію. Духота усиливалась, и воздухъ, какъ бы подогрѣваемый изъ невидимаго гигантскаго горна, пламенѣлъ и, словно раскаленный, жегъ дыханіе. Движеніе путниковъ все болѣе и болѣе замедлялось.

Неужели они должны погибнуть въ этихъ зыбучихъ пескахъ, какъ погибли тѣ караваны, бѣлыя кости которыхъ они видѣли въ пустынѣ Идумеи?

Гдѣ же Геліополисъ? Гдѣ тотъ высокій столпъ солнца, о которомъ говорилъ аммонитъ?

Нѣтъ! Они больше не могутъ двигаться... Вода, которою они запаслись въ Дафне, вся вышла еще за ночь... жажда палитъ...

Но вотъ изъ мглы выступаетъ что-то въ родѣ развѣсистаго дерева... Надо во что бы то ни стало достигнуть до него... нѣтъ ли тамъ источника?..

Хоть бы каплю воды послала земля и безжалостное небо!..

Да это дерево—одинокая, старая маслина... но источника, увы! нѣтъ...

Въ изнеможеніи путники упали у корней стараго дерева...

Погибнуть, умереть!.. О, лучше бы тамъ, въ Іудеѣ...

А знаменіе? А видѣніе? Обѣты ангела?.. Неужели то былъ бредъ?..

А этотъ младенецъ?.. Онъ Его сынъ, Его? Ничей больше...

— О, Адонаи. богъ Авраама, Исаака и Іакова!.. гдѣ же

обѣтъ твой! Гдѣ твои знаменія? Отверзи хляби небесныя! Дай воду землѣ... Разверзи утробу земли, пусть она источитъ воду... Пошли росу, да освѣжитъ уста матери Сына Твоего!.. Ради Сына сотвори чудо...

И чудо совершилось!.. Изъ-подъ корней старой маслины забилъ ключъ холодной, чистой, какъ кристаллъ, воды...

Я видѣлъ этотъ чудный источникъ и пилъ изъ него воду.

Въ 1881 г., во время моего пребыванія въ Египтѣ — въ Каирѣ, посѣтивъ «поле пирамидъ» и взойдя на пирамиду Хеопса, я, послѣ краткаго обозрѣнія мѣста развалинъ Мемфиса, отправился въ мѣстечко Матаріэ, лежащее недалеко отъ Каира и почти на такомъ же разстояніи отъ развалинъ бывшаго Геліополиса. Въ Матаріэ до настоящаго времени сохранилось то масличное дерево, у корней котораго совершилось «первое чудо». Дерево это необычайной толщины и древности поразительной. Оно будетъ не менѣе десяти или болѣе обхватовъ въ окружности. На Ривьерѣ, въ окрестностяхъ Ниццы и Ментоны, я видѣлъ масличныя деревья, которыя помнятъ римскихъ императоровъ, древность невѣроятная! Но они толщиною и массивностью далеко уступаютъ священному дереву въ Матаріэ. Я видѣлъ и старые, вѣковѣчные и нетлѣнные стволы масличныхъ деревьевъ въ Геѳсиманскомъ саду, деревьевъ, подъ которыми наканунѣ своей смерти находился Христосъ съ учениками. Но маслина въ Матаріэ, кажется, древнѣе ихъ. Она, повидимому, когда-то была срублена, но отъ гигантскаго, вышиною сажени въ двѣ, ствола ея пошли новыя, толстыя вѣтви. Весь стволъ этого нетлѣннаго дерева испещренъ крестами и надписями еврейскими, коптскими, арабскими, латинскими, итальянскими, англійскими.

Но чудный источникъ находится не у самаго корня дерева, а значительно отодвинулся отъ него съ вѣками. Самое слово «Матаріэ» по-арабски значитъ «свѣжая вода», а самый источникъ носитъ названіе «Аинъ-шемсъ», т. е. «источникъ солнца».

Источникъ, исторгнутый изъ земли въ безводной, знойной пустынѣ, былъ, по преданію, «первымъ чудомъ» Младенца Христа.

Освѣжившись изъ этого чуднаго источника, я долго отдыхалъ въ тѣни священнаго дерева, увы! куря папиросы и переживая душою тысячелѣтія...

Тотъ, таинственное появленіе Котораго на землѣ измѣнило судьбы міра, въ младенчествѣ игралъ подъ этимъ деревомъ, пилъ воду изъ чуднаго источника, видѣлъ отсюда, на рубежѣ пустыни Ливіи, на рубежѣ Сахары, великія пирамиды Хеопса, Хефрена и Микерина и вблизи величественный обелискъ (столпъ бога солнца) Геліополиса.

Въ моемъ умѣ, какъ призраки, проносились эти воспоминанія тысячелѣтій, начиная отъ пророковъ и писателей глубокой древности... Объ этомъ странствіи черезъ пустыни Идумеи и Египта юной іудейки съ Младенцемъ до Геліополиса, по толкованію нашего знаменитаго путешественника А. С. Норова *), иносказательно говоритъ пророкъ Исаія: «Се Господь сѣдитъ на облацѣ легцѣ и пріидетъ во Египетъ»... (гл. XIX, ст. 1). Это онъ, Іегова, въ образѣ младенца,—и алтарь Іеговы будетъ во внутренности земли египетской, и памятникъ Іеговы—у предѣловъ ея»... Это у Геліополиса, у Матаріэ, у чуднаго источника, о которомъ тотъ же пророкъ говоритъ: «Проторжеся вода въ пустыни, и дебрь въ земли жаждущей, и безводная будетъ во озера, и на жаждущей земли источникъ водный будетъ:—тамо будетъ веселіе птицамъ, и селитва трости и лузи»... (ст. 6—7, гл. XXV).

И я видѣлъ все это, и зелень, и источникъ водный, и тростникъ, и слышалъ веселое пѣніе птицъ...

Теперь тѣ мѣста, гдѣ протекло младенчество Христа, покрыты развалинами на много верстъ. Это слѣды Геліополиса, гдѣ когда-то обучался египетской мудрости Моисей, а потомъ Геродотъ, Платонъ... Дочку Путифара, жреца геліопольскаго, юную Асенеоу, фараонъ, раньше Моисея еще, отдалъ въ жены Іосифу... Таковы воспоминанія этого мѣста! Платонъ говоритъ, что одинъ изъ жрецовъ Геліополиса сообщилъ Солону, греческому мудрецу, преданіе о всемірномъ потопѣ, а самому Платону жрецъ сказалъ:

---

*) Путешествіе по Египту и Нубіи. I, стр. 263.

«О, Платонъ, Платонъ! Вы, греки, еще младенцы передъ нами». Когда посѣтилъ эти мѣста Страбонъ, то ему еще показывали домъ, гдѣ жилъ Платонъ...

Таковы тамъ воспоминанія!.. И я пережилъ ихъ тамъ...

Тамъ же совершилось и «первое чудо» младенца Іисуса...

ВОЛЫ СОСВАТАЛИ.

Въ Малороссіи существуетъ повѣрье, что въ ночь на «Риздво», Рождество Христово, волы, стоя въ «станѣ» у яслей и пережевывая сѣно, разговариваютъ о рожденіи Спасителя, о томъ, какъ Онъ положенъ былъ въ ясли, какъ приходили къ Нему на поклоненіе волхвы и т. д., а потомъ разговоръ этихъ добрыхъ животныхъ переходитъ на хозяйственныя нужды— подъ какой день въ предстоящемъ году слѣдуетъ начать пахоту и посѣвы, чтобъ урожай былъ, въ какой день какое другое дѣло начинать съ благоговѣніемъ, кого и на комъ женить хозяйскихъ сыновей и за кого дочерей выдавать, чтобъ были счастливы, и т. п.

Поэтому въ ночь на «Риздво» хорошіе хозяева задаютъ воламъ особенно обильный кормъ, мѣшая его сѣномъ изъ подъ обрядовой «кутси», которая обязательно готовится къ этому «святому вечеру», завершая собою вмѣстѣ съ «узваромъ» особенно обильный ужинъ.

Въ виду же такого необычайнаго явленія, что въ «святую ночь» волы разговариваютъ между собою человѣческимъ языкомъ, усердные, простоватые хозяева ложатся спать въ эту ночь въ «станяхъ», чтобъ подслушать назидательные разговоры своихъ «круторогихъ» ораторовъ. Но случается, къ несчастью, всегда такъ, что послѣ слишкомъ усерднаго налеганья на всѣ «стравы» ужина и особенно на вкусныя «кутью» и «узварь», добродушные хохлики, едва приваливаются въ «станѣ» на солому и «закутываются въ кожухъ», а при сильномъ морозѣ и въ полость, какъ тотчасъ же крѣпко засыпаютъ и всегда пропускаютъ назидательную «розмову» своихъ рогатыхъ мудрецовъ.

— Ни, боронь Боже, на этотъ разъ я ни за что не засну,— говорилъ утромъ предрождественнаго дня своей женѣ, Хиврѣ, Юхимъ Катренко,—а ужъ подслушать моихъ «половыхъ», что купилъ на Полупетра на ярмарку, непремѣнно подслушаю.

— Ну, человѣче, опять заснешь,—пессимистически пробормотала Хивря, пораясь около печи съ горшками и рогачами.

— Ни, таточку, голубчику, постарайся не заснуть, не засни, татуню!—щебетала, увиваясь около отца и заглядывая ему въ глаза «ясочкою», его либимица, дочечка Докійка, которой на Пречисту минуло семнадцать лѣтъ.

Это была прелестная «дивчинка» съ карими «очепятами» и съ бровями на «шнурочку».

Катренки были нашими сосѣдями по слободѣ, и въ тотъ годъ я въ послѣдній разъ пріѣзжалъ изъ университета къ себѣ домой «на Риздво» и отъ самой Докійки узналъ, какъ ея «батько» въ ту памятную ночь подслушалъ разговоръ своихъ «круторогихъ» совѣтниковъ. У Докійки же были свои дѣвическія желанія, чтобъ «татко» ея не уснулъ въ ту «святую ночь» хоть до первыхъ «пивнивъ» пѣтуховъ. Поэтому она съ самаго утра необыкновенно усердствовала, чтобъ все сдѣлано было такъ, «какъ законъ велитъ» и какъ «у людей ведется». А «законъ», т. е. обычай, велитъ подслушивать ночную бесѣду воловъ.

— Охъ, лишечко, мамо!—суетилась Докійка. — Вѣдь сегодня «святый вечеръ» и «багата кутя».

— Такъ чтожъ! Успѣешь и кутью сварить и узварь,—апатично замѣтила Хивря.—Нечего тебѣ «сикаться», сиди и не «рыпайся».

— Да какъ же, мамочко, въ такой день нельзя, чтобъ изъ хозяйства что-нибудь «свитупало» (т. е. не находилось дома)... А наши ночовки «свитуютъ» у «дядыни»... Я сейчасъ побѣгу за ними.

Но тутъ дѣло было не въ ночвахъ, а Докійкѣ нужно было добѣжать «до титки» Уласовны и шепнуть нѣчто ея красавцу сыну, парубку Грыцю.

Но едва Докійка воротилась домой съ ночовками, какъ стала увиваться около отца—такъ и не отходитъ.

— Смотри же, тату, все сегодня надо дѣлать по закону,—щебетала она.—Вотъ я принесла отъ людей наши ночвы, чтобъ не «свитували».

— И добре, доню,—одобрилъ отецъ.

— А чтобъ, татуню, услыхать, что ночью волы будутъ говорить, то и все надо дѣлать по закону.

— Я сдѣлаю.

— То-то, тату: надо-жъ въ садочку и вишни и грушки соломянымъ «перевесломъ» поперевязать, чтобъ хорошо на весну родили.

— Правда твоя, дытыни, и пообвязую.

— Да не забудь, таточку, когда будешь брать на току солому для «перевеселъ», съ молитвою захватить оттуда хорошую, вязанку сѣна подъ кутью, и снопъ жита, и гречи, да не жалѣй, чтобъ послѣ кутьи и воламъ было что подложить... А хорошо поѣвши, они и говорить скорѣй станутъ.

— Добре, добре, сорока, ничего не забуду.

Когда отецъ обвязалъ въ садочкѣ стволы вишенъ и грушъ «перевеслами» и втащилъ въ хату охапку сѣна и снопъ жита, Докійка вскочила за нимъ туда же.

— А теперь, мамо, по закону, ты садись на лаву у стола, обложись соломой и «квокчи кночкою» (т. е. клохчи насѣдкою),—не унималась Докійка.

— Охъ, пристала, коза-дереза,—ворчала Хивря, «пораясь» у печи.

— Да садись же, мамуню, вѣдь по закону,—теребила ее за юбку сгоза.

Нечего было дѣлать, «законъ велитъ»: Хивря присѣла и обложилась соломою.

— Квокъ-квокъ, квокъ,—кудахтала Хивря по закону.

А Докійка такъ и покатывалась, взявшись въ боки.

— Вотъ теперь и куры будутъ хорошо несться, и всякая птица у насъ «водытыметься»,—поясняла она.

Между тѣмъ батько разложилъ на столѣ слой сѣна, а Докійка накрыла его шитымъ «убрусомъ», все по закону.

— Теперь, тато, ставь снопъ на «покути»,—командовала Докійка,

— Знаю, знаю, Доко, не учи.

И снопъ ставился въ передній уголъ, за столомъ, подъ образа.

Зимою день короткій, скоро и «звѣзда» покажется на небѣ, та звѣзда, что когда-то свѣтила надъ Виѳлеемомъ.

А вотъ готова и кутья, и узварь, и весь ужинъ: борщъ съ

сухой таранью и бобами-фасолью, и пироги съ горохомъ и съ кашей, и добрый «кнышъ», родъ плоскаго калача и сгибня... Хивря свое дѣло знаетъ.

Горшокъ съ кутьей поставленъ на «покути» и прикрытъ «кнышемъ».

Показалась и звѣзда на небѣ.

Батько садится за столъ, помолившись, конечно, на передній уголъ, «де богы на божныци», а Докійка уже стоитъ передъ нимъ съ «пляшкою» и чаркою «горилки». Батько пьетъ, а Докійка ему въ ротъ смотритъ и морщится, какъ сморщился и батько.

— Дай же, Боже,—говритъ онъ,—въ добрымъ здоровьи си святки провесты, ще и на той рикъ дождаты!

А Докійка нѣтъ-нѣтъ, да и накинетъ лукавымъ глазкомъ на оконце, что выходило во дворѣ, прямо на «станю», гдѣ у яселъ стояли волы.

Батько здорово уплетаетъ пироги и борщъ, «ажъ у вухахъ лящыть». И Докійка словно «горобчикъ» тихонько поклевываетъ: отъ тайнаго волненія ей плохо ѣстся, все она поглядываетъ на оконце.

Ба! Калитка тихонько скрипнула, и Докійка вздрогнула... Но Рябко не лаетъ... «Слава Богу... пройшли»...

За борщомъ и пирогами и кутья на столѣ.

— Ну, татуню, иди теперь просить мороза до кутьи,—щебечетъ повеселѣвшая Докійка.

— У! И розумная же у насъ «дивчина»,—любовно улыбается батько,—весь законъ, дурна, знаетъ.

— Гдѣ не разумная! Готова весь день по улицѣ «гасать»,—ворчитъ мать, снимая «кнышъ» съ кутьи.

Но батько молча набираетъ въ ложку кутьи и выходитъ съ нею на дворъ, а за нимъ и Докійка, вся розовая отъ волненія и тайнаго ожиданія.

Ночь тихая, звѣздная «зоряна».

— Морозе, морозе!—громко говоритъ батько.—Ходы до насъ кути исты, а коли не йдешь, то не йди й на жыто, пшеныцю и всяку пашныцю.

Тихо кругомъ, тихо, не отвѣчаетъ морозъ.

— Теперь, тату, всѣ кутью ѣдятъ?—заглядываетъ Докійка въ глаза отцу.

— Всѣ, допю, весь «хрещеный» міръ

— А «нехрещеный», тату?

— Гдѣ ему!

Батько въ хату. Докійка за нимъ, только на «станю» накипула глазкомъ, гдѣ «дурный» Рябко у дверей что-то хвостомъ вилялъ.

Опять батько за столомъ, кутью уписываетъ за обѣ щеки... Наѣлся, больше не принимаетъ душа.

— Ахъ, тату, не клади ложку на столъ,—останавливаетъ его Докійка.

— Чего тебѣ, Доко?—удивляется батько.

— А по закону надо ложку кутьи бросить объ «стелю» (потолокъ), чтобъ пчелы роились въ нашемъ садочку.

— Добре... По закону, такъ по закону.

Батько бросаетъ въ потолокъ кутьей. Нѣсколько зеренъ пристало къ потолку.

— Будутъ роиться,—рѣшила Докійка. — А теперь надо опять «квоктать», чтобъ куры водились.

Нечего дѣлать, всѣ сѣли на «покути» и стали «квоктать», законъ!

— А теперь, таточку, бери кожухъ и иди спать до «стани», гдѣ волы, а я заразъ отнесу туда тебѣ подушки и «повсть»,—съ дрожью въ голосѣ говоритъ Докійка.—Да захвати изъ подъ кутьи «свяченаго» сѣна для воловъ... А я заразъ...

И стрѣлой исчезла изъ хаты съ подушкой и полстью...

Юркнула въ «станю». А Рябко стоитъ у дверей стани и дружелюбно виляетъ хвостомъ. Ему хорошо слышно, что въ станѣ тихо смѣются и, кажется, цѣлуются... Что-жъ!.. Рябко одобряетъ... Грицько хорошій парубокъ: добрый шмакъ колбасы ему принесъ... Это вкуснѣе кутьи...

Докійка опять въ хатѣ, провожаетъ отца нагруженнаго сѣномъ и креститъ. Батько тоже креститъ Докійку и сонно цѣлуетъ «черняву» головку.

— Гляди же, татуню, не усни: подслушай, что волы будутъ «розмовлеть» между собою,—увивается она и подсобляетъ отцу нести сѣно.

Тихо на дворѣ. Тихо и во всей слободѣ. Только кой-гдѣ слышенъ скрипъ по снѣгу и голоса дѣтей: это ребятишки, по закону,

разносятъ «вечерю» крестнымъ матерямъ, своимъ «бабкамъ» и «батюшкѣ».

Ввела Докійка батьку въ «станю», уложила на солому и подушку.

— Смотри же, таточку, не сейчасъ засыпай, подслушивай.

И выскользнула на дворъ. Оттуда въ хату и присѣла къ оконцу, что на «станю».

— Молись да ложись спать, козо,—ворчитъ мать.

— Ахъ, мама, надо ложки оставить въ кутьѣ: пускай ночью придутъ «померли родычи» и поѣдятъ кутьи.

— Добре! До всего дошла.

— А я, мамо, посижу у оконца да на зори (звѣзды) посляжу.

Ой! На зори ли, хитрая дѣвчонка?..

А батько въ «станѣ» какъ только укутался кожухомъ и полстью, такъ тотчасъ же и захрапѣлъ... конечно, притворно...

— «Послухаю, что будутъ говорить...»

Не долго ему пришлось ждать.

— Муу!—послышалось тихое мычанье.

— Эй! Да это, кажись, Рудый мычитъ,—прислушивается батька.

— Мууу!—отвѣчаетъ другой.

— Ну, это Перистый,—рѣшаетъ батька.—А ну-ну, что дальше.

— Хозяинъ, кажись, уже заснулъ?

— Слышишь, храпе.

— Добре!—тихо переговариваются волы.

Скоро они завели тихую бесѣду о рожденіи Христа, о ясляхъ и пастухахъ...

— Ишь, божа тварь, и «святое письмо» знаетъ,—удивляется батька.

Потомъ заговорили о хозяйствѣ, о домашнихъ дѣлахъ семьи Катренка.

— Ну, куме, а подъ какой день, ты думаешь, въ поле выѣзжать, пахать?

— Да подъ святого Саву, куме, або подъ Якова.

Переговоривъ о хозяйствѣ, причемъ батько все шепталъ про себя: «Все это надо запомнить», волы перешли къ семейнымъ дѣламъ.

— Ахъ, куме, что за «дивчына» у нашего хозяина, Докійка!

— Ммуу!.. Хорошее дѣвча. И насъ, воловъ, жалуетъ: то хлѣбца даетъ, то морду погладитъ.

— Ммуу!.. А пора бы ее и замужъ отдать за хорошаго парубка.

— А за кого бы ты думалъ, куме?

— Да за кого жъ, куме, больше, какъ не за Грыцька Кононенка, бабы Уласовны сына, что за Мордовнями ихъ хата.

— А! За Грыцька!—морщится подъ полстью батько.—За этого божевильнаго? А не хотѣлось бы... За нимъ всѣ дивчата бѣгаютъ.

— И я, куме, думаю, за Кононенка, за Грыцька: лучшій парубокъ на слободѣ, и не бѣдный.

— Ну, нечего противъ Бога идти,—вздыхаетъ батько.—За Грыцька, такъ за Грыцька.

И тотчасъ же засыпаетъ.

А Докійка, сидя у оконца, видѣла, какъ изъ «стани» тихо вышмыгнули двѣ тѣни и скрылись на задахъ.

— Ну, что жъ, татуню, не уснулъ ночью? Слышалъ, что голы говорили?—увивалась около отца, вся пунцовая, Докійка.

— Гдѣ не уснулъ! Вонъ и рожа со сна распухла,—проворчала Хивря.

— А такъ брешешь же, стара!—вспылилъ батько. — Не спалъ и слышалъ, что волы по «святому письму» говорили и велѣли Докійку отдать за Грыцька.

Докійка такъ и присѣла.

— И отдашь, человиче?—спросила Хивря.

— Отдамъ!

А Грыцько съ пріятелемъ помаргивали себѣ усомъ и говорили:

— Отдастъ?—спрашивалъ Грыцько.

— Отдастъ!..—Ты самъ знаешь, что у него «не всѣ дома». Онъ всему вѣритъ,—улыбается пріятель Грыцька.

И дѣйствительно, отдалъ.

ЧЕРЕЗЪ ГАДЮКЪ СЧАСТЬЕ.

Подъ благодатнымъ небомъ Украины, въ одномъ селѣ, расположенномъ на берегу Днѣпра, недалеко отъ Кременчуга, вырастали на лонѣ живописной природы Остапъ и Орися. Хаты ихъ родителей стояли рядомъ и были раздѣлены только «вишневымъ садочкомъ», примыкавшимъ къ хатѣ Кирила Зозули, отца Ориси. Еще дѣтьми, Остапъ и Орися вмѣстѣ играли на пескѣ, вмѣстѣ прятались въ бурьянахъ, потомъ вмѣстѣ ходили отыскивать птичьи гнѣзда въ ближайшей балкѣ, поросшей кустарникомъ и желтымъ дрокомъ.

Выросши до сознанія несвоевременности прятаться въ бурьянахъ, Остапъ и Орися стали сходиться на традиціонной украинской «улицѣ» въ «тихія украинскія ночи», когда «прозрачно небо, звѣзды блещутъ, своей дремоты превозмочь не хочетъ воздухъ» и «чуть трепещутъ серебристыхъ тополей листы». На «улицѣ» почти вплоть до зари звучали чудныя мелодіи молодыхъ голосовъ, оглашая воздухъ тихой украинской ночи сообразными сезону пѣснями, то «веснянoчками», то «русальными», то «купальскими», или «петривочками». «Улица»—это украинскіе народные балы, гдѣ не въ душныхъ залахъ, а на свѣжемъ воздухѣ молодежь сходится, знакомится, сближается и познаетъ чары первой любви. Чарами этими уловлены были души и сердца юныхъ Остапа и Ориси, и послѣ «улицы» они подолгу застаивались около «перелазу», черезъ который Орися, настоявшись подъ покровомъ ночи съ Остапомъ, вся трепещущая отъ ласкъ черноброваго «козаченка», перескакивала съ легкостью кошечки въ свой «вишневый садочекъ», а оттуда въ «комору», гдѣ она обыкновенно спала лѣтомъ, когда уже стала посѣщать «улицу».

«Улица» между тѣмъ дѣлала свое дѣло. Послѣ «Головосѣки», Ивана Постнаго, по уборкѣ полей, уже объявлено было нѣсколько свадебъ, то Опанаса съ хорошенькою Одаркою, то Демка съ длиннокосою Докійкою.

Задумались надъ этимъ неотвратимымъ рокомъ и Остапъ съ

Орисею. Уже на святого Петра и Полупетра они долго стояли около «перелазу» и перешептывались, и послѣ Полупетра вечеромъ, вся зардѣвшись, Орися шепнула матери, что скоро Остапъ хочетъ сватовъ засылать.

— А у меня, мамо, и рушники готовы,—добавила она, какъ неотразимый аргументъ.

— Знаю, знаю... Ты чуть ли не семилѣткою начала вышивать, да и теперь материно молоко на губахъ еще не обсохло,— проговорила мать, качая головой.

— Да мнѣ-жъ, мамо, на Паликопу семнадцатый годъ пойдетъ.

— То-то состарилась, — улыбнулась мать. — А что батько скажетъ? Остапъ бѣдный, какъ турецкій святой.

«Батько», узнавъ отъ жены о мечтахъ дочери, вспылилъ не на шутку, и, встрѣтивъ Орисю, которая утромъ выгоняла со двора коровъ до «череды», такъ-таки и «гримнулъ» на нее.

— Не смѣй, Оринько, и думать объ Остапѣ: онъ тебѣ не пара. Ему впору только мать «удову» прокормить.

Орися въ слезы. Вечеромъ, у «перелазу», вся исходя въ слезахъ на груди Остапа, она шептала:

— Ни за кого другого не пойду... Я скорѣй руки на себя наложу... Не съ тобою, такъ съ Днѣпромъ обвѣнчаюсь... Тамъ я найду холодную постелюшку!

— Что-жъ батько тебѣ сказалъ?—спрашивалъ Остапъ, осыпая поцѣлуями лежавшую у него на груди горячую голову дѣвушки.

— Тато говорятъ, что ты бѣдный, а я... я...

Слезы такъ и душили ее.

— Что-жъ онъ, моя ясочка, еще говорилъ тебѣ?—спрашивалъ Остапъ, чтобъ хоть словами утѣшить отчаяніе дѣвушки.

— Что... Что онъ, говорятъ тато, этотъ Остапъ, змѣю, что ли убилъ на Кузьму и Демьяна, чтобъ «старосты» засылать до богатой?—всхлипывала несчастная.

— Какую змѣю на Кузьму и Демьяна?—удивился Остапъ.

— Да, змѣю... Тато говорятъ, что въ «святомъ письмѣ» сказано, что если кто убьетъ змѣю въ простой день, съ того сорокъ грѣховъ снимается, а кто на Кузьму и Демьяна убьетъ змѣю, съ того не только всѣ грѣхи снимутся, да еще онъ сдѣлается богатымъ, какъ панъ

Счастливая мысль осѣнила Остапа, и онъ отъ нахлынувшей на него радости чуть не задушилъ въ объятіяхъ свою милую.

— Такъ я же убью змѣю на Кузьму и Демьяна, убью, моя ясочко, моя рыбко! Убью! Убью!—безумно лепеталъ онъ.

— Гдѣ-жъ ты ее зимою найдешь? — недовѣрчиво спрашивала Орися.—Вѣдь послѣ Покровы всѣ змѣи покрываются землею... Какъ только Покрова отошла, змѣи начинаютъ уползать въ свое царство, къ змѣиной царицѣ, и на Кузьму и Демьяна ихъ уже на землѣ не бываетъ.

Тутъ Остапъ началъ тихонько шептать:

— Такъ слушай же, моя перепелочко... Я лѣтомъ поймаю змѣю, когда они еще не уползаютъ въ свое царство, къ змѣиной царицѣ, поймаю не одну, а двѣ, три, хоть десять, и сдѣлаю для нихъ хатку, и стану кормить ихъ мышами или тамъ чѣмъ-нибудь, что они любятъ, и матери даже объ этомъ не скажу... она и не увидитъ ихъ... А какъ придетъ Кузьма и Демьянъ, я и принесу къ вамъ живую змѣю, или тамъ двѣ—это еще лучше, и на глазахъ у твоего татка убью ихъ... Тогда...

Орися такъ и повисла у него на шеѣ—куда и слезы дѣвались... Улыбающаяся, счастливая.

— О, мой Остапику, мой орле сизый!

Дѣйствительно, на помощь нашимъ влюбленнымъ пришло народное повѣрье, какъ оно нерѣдко приходитъ на помощь людямъ и въ другихъ случаяхъ.

Въ Малороссіи, въ народѣ, упорно держится легенда, Богъвѣсть, гдѣ и когда создавшаяся и породившая помянутое повѣрье о змѣяхъ и ихъ царицѣ.

Легенда эта слѣдующая. Въ ней замѣтны далекіе отголоски миѳа о Персеѣ, Медузѣ и Андромедѣ, а равно и о змѣѣ, убитымъ Георгіемъ Побѣдоносцемъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, повидимому, въ Малой Азіи, появился крылатый змѣй, который и пожиралъ молодыхъ дѣвушекъ. Никому отъ страшнаго чудовища не было спасенія. Всѣ дѣвушки въ несчастномъ царствѣ были пожраны, ибо некому было защищать ихъ:—вѣроятно, у тамошняго царя и солдатъ-то не было, а если были таковые, то трусы. Дошла очередь до царской дочери.

Видите, и здѣсь царская дочь. Андромеда, какъ извѣстно, была дочь царя Цефея и царицы Кассіопеи. Но у нея нашелся

защитникъ, храбрый кавалеръ Персей, который и отрубилъ голову чудовища Медузы. Но у нашей царевны не нашлось такого храбреца. Зато она сама была умнѣе Андромеды, безропотно отдававшейся ужасной Медузѣ. Наша царевна убѣжала подъ защиту Кузьмы и Демьяна. Это были братья-кузнецы. Кузница ихъ была настоящая крѣпость, съ желѣзными дверями. Тамъ и спряталась наша царевна.

Но вотъ прилетаетъ ужасный змѣй за своей послѣдней жертвой и узнаетъ, что она заперлась въ кузницѣ Кузьмы и Демьяна. Змѣй къ кузницѣ, заперта.

— Выдайте царскую дочь, Кузьма и Демьянъ.

— Мы выдадимъ ее только тогда, если ты своимъ языкомъ пролижешь желѣзныя двери кузницы, — отвѣчаютъ Кузьма и Демьянъ.

И вотъ змѣй лижетъ желѣзо и, наконецъ, пролизалъ. Каковъ язычокъ!

Но Кузьма и Демьянъ себѣ на умѣ. Хотя въ писаніи и сказано, что змѣи мудры, но нашъ змѣй, по всѣмъ видимостямъ, былъ глупъ. Пролизавъ желѣзную дверь, онъ и просунулъ туда свой языкъ. Тогда Кузьма и Демьянъ схватили языкъ желѣзными клещами и запрягли змѣя въ желѣзный плугъ.

Паши землю подъ пшеницу!

Нечего дѣлать, пашетъ змѣй до седьмого поту и когда дотащилъ тяжелый плугъ до моря, то такъ истомила его жажда, что онъ, не разбирая, что морская вода солона и горька, такъ сталъ неистово ее глотать, что тутъ же раздулся и лопнулъ.

Тогда Кузьма и Демьянъ взвалили его на костеръ и сожгли, а пепелъ сгребли въ кучу, да такъ и оставили.

На бѣду проходили тамъ какіе-то «старцы» нищіе и, увидавъ кучу пепла, ударили по ней своими посохами. Тогда изъ-подъ пепла выползли змѣи и расползлись по всей землѣ.

Такъ вотъ, кто убьетъ такую змѣю, съ того снимается сорокъ грѣховъ, а кто убьетъ змѣю на Кузьму и Демьяна, 1-го ноября, съ того не только снимаются всѣ грѣхи, но онъ еще становится и богачемъ.

И нашъ Остапъ сталъ усердно отыскивать змѣй.

— Уже одну поймалъ, ясочко,—шепнулъ онъ Орисѣ у «перелазу», когда та собиралась итти на улицу подъ Маковія.

— А она жъ тебя, боронь Боже, не укусила?—съ испугомъ спросила Орися.

— Нѣтъ, я ее шапкой накрылъ и «до дому».

Время шло. Наши голубки продолжали встрѣчаться около «перелазу» и... да этого въ темнотѣ никто не видалъ... Только украинская ночь да звѣзды благословляли молодую любовь...

Вечера все раньше и раньше сходили на землю. Украинскія ночи становились все темнѣе и темнѣе. Начинались прохладные утренники. Журавли, аисты и гуси отлетали на теплыя воды. Калина давно созрѣла, и дѣвушки оборвали всѣ ея «червонныя» кисти. И «сребристыхъ тополей листы» стали опадать.

А тутъ уже и хорошенькая Одарка и большекосая Докійка съ распущенными по спинамъ «стричками» всѣхъ цвѣтовъ, въ сопровожденіи подружекъ, ходятъ по селу и приглашаютъ знакомыхъ на свадьбу.

— Просятъ батько и маты, и мы просимо на хлибъ, на силь, на весилля,—говорятъ невѣсты, низко, низко кланяясь.

А подружки поютъ за душу хватающія свадебныя пѣсни, подъ которыя Орися тихонько заливается слезами.

— Отдадутъ ли татко, если и змѣя будетъ на Кузьму и Демьяна?

Видя ея задумчивое личико и заплаканное глаза, Остапъ утѣшалъ ее около «перелазу».

— А у меня, рыбко, уже три «гадюки» сидятъ въ хаткѣ подъ «коморою», и мышей для нихъ сколько я наловилъ въ «клупѣ» подъ снопами, будетъ корму до Кузьмы и Демьяна.

Начались первые заморозки. Сталъ попархивать снѣжокъ, конецъ «улицѣ». Но Остапъ и Орися все еще встрѣчаются у «перелазу», и когда босымъ ножкамъ Ориси холодно, то Остапъ укладываетъ ихъ въ свою шапку.

У «московки», у солдатки, у «титки» Палажки молодежь начала сходиться на «вечерницы». Весело всѣмъ, не весела одна Орися.

— Бѣдня Орися, за Остапомъ сохнетъ, — шепчутся подружки,—не отдадутъ за сироту «безбатьченка»... А какой козакъ!

Порубили на зиму капусту. Отмочили льны и коноплю. Съ огородовъ повыкопали картофель. Скоро-скоро и Кузьма съ Демьяномъ...

Но вотъ и онъ насталъ, роковой для Ориси и Остапа день.

Съ утра Орися блѣдна и задумчива. Въ церкви она молится такъ, какъ никогда не молилась.

— Бѣдная Орися, — шепчутъ подружки, — блѣдна какъ «крейда».

Отошла обѣдня. Пришли домой. Орися накрываетъ на столъ, а сама все въ окошко поглядываетъ.

Но вотъ прошелъ по улицѣ Остапъ. Въ одной рукѣ у него кожаное «торбо», въ другой—топоръ.

Звякнула дверная щеколда. Въ дверяхъ показался Остапъ.

— Здравствуйте вамъ въ хату,—робко произнесъ онъ, кладя «торбу» и топоръ на полъ и крестясь.—Съ святымъ праздникомъ, съ Кузьмой и Демьяномъ.

Орися ни жива, ни мертва, и батько холодно встрѣтилъ Остапа.

— А выйдете, дядьку, на дворъ,—попрежнему робко проговорилъ гость,—я вамъ чудо покажу.

— Какое чудо?—сухо спросилъ отецъ Ориси.

— На вашихъ глазахъ, на Кузьму и Демьяна, разомъ убью трехъ гадюкъ.

— Какъ? — изумился батько. — Ты не спятилъ? Гдѣ жъ зимою змѣи видано?

— А въ змѣиномъ царствѣ, у гадючей царицы, я сейчасъ оттуда... Вотъ они, слышите, какъ возятся въ торбѣ и шипятъ?—поднялъ съ полу торбу Остапъ.

— Святъ, святъ!—испуганно крестится мать Ориси, которая попрежнему блѣдна и дрожитъ.

— Вынеси, хлопче, торбу изъ хаты;—не безъ страху говоритъ батько, въ которомъ борятся страхъ и жадность.

Жадность побѣждаетъ страхъ.

— Выходи же съ хаты и неси съ собою гадюкъ,—говоритъ Зозуля.

Вышли. Только Орися съ матерью остались въ хатѣ, боясь даже глянуть на гадюкъ.

— Такъ ты говоришь, хлопче, что былъ въ змѣиномъ царствѣ?

Надо правду сказать: Орисинъ батько былъ столько же суевѣренъ, сколько и не силенъ мозгами.

— Былъ, дядьку, да и страху набрался, не дай Боже!—го-

ворилъ Остапъ, потрясая торбой, въ которой все сердитѣе шипѣли гады.

— Гдѣ же ты, хлопче, нашелъ ихъ царство?—спрашивалъ Зозуля, отступая отъ страшной торбы.

— Подъ Кременчугомъ, въ провальѣ, подъ кручею.. тамъ ихъ видимо- невидимо... подъ кучею изъ сухихъ листьевъ осины.

— Осины, говоришь?

— Осины, дядьку... Вѣдь осина проклятое дерево... Свились они, клятые гады, огромнымъ клубкомъ вокругъ своей царицы, чтобъ ей, Иродовой, теплѣй было.

— Ну, и царицу видѣлъ?

— Видѣлъ, дядьку.

— Какая жъ она? Говорятъ старые люди, что у нея золотой вѣнчикъ на головѣ.

— Золотой, золотой, дядьку, такъ и сіяетъ у клятущей, точно вѣнчикъ на образѣ.

— Ну, и какъ же ты досталъ ихъ, проклятыхъ?

— Да желѣзными вилами... разомъ три гадюки зацѣпилъ, да тотчасъ ихъ въ эту торбу, и давай Богъ ноги... Ну, аспиды! Полно шипѣть, сейчасъ выпущу, капутъ вамъ сейчасъ,—говорилъ Остапъ, потрясая торбой.

— Нѣтъ, нѣтъ, хлопче, не выпускай, а то чего добраго,—испуганно говорилъ Орисинъ батько.

А Орися, все такая же блѣдная, и ея мать со страхомъ выглядывали въ окно.

— Придуши ихъ въ торбѣ, а живыми не выпускай,—продолжалъ Зозуля.

Остапъ бросилъ торбу на землю и наступилъ на нее ногой.

— Такъ ихъ, такъ, Остапе... Ну, и козарлюга же ты, хлопче!.. Раздавилъ?

— Нѣтъ еще, не совсѣмъ... Возятся, клятыя, и шипятъ.

— Сильнѣе дави, дави! Да обухомъ.

Убѣдившись, что змѣи едва шевелятся въ торбѣ, Остапъ осторожно развязалъ ее и вытряхнулъ на землю гадовъ, которые слабо извивались.

— Руби топоромъ, руби живѣе, руби!—говорилъ Орисинъ батько, съ испугомъ отскакивая въ сторону.

Остапъ моментально изрубилъ въ куски своихъ плѣнницъ,

частицы которыхъ, особенно же хвосты, продолжали судорожно извиваться.

— Жинко, Орисю! Бѣгите сюда скорѣй! Вотъ такъ Остапъ! Вотъ такъ козачина!—радостно кричалъ Зозуля, разводя руками.—Скорѣй, доню! Скорѣй, «старо»!

Орися первая вылетѣла. Щеки ея пылали, глаза свѣтились. Вышла и «стара».

— А! Каковъ Остапъ! Самъ завоевалъ себѣ долю,—восторгался батько, потирая руки.

Остапъ стоялъ, скромно потупившись, и только иногда изъподъ черныхъ бровей лились въ счастливые глаза Ориси лукавые и радостные лучи.

— Ну, Остапе, коли завоевалъ свою долю, то засылай сватовъ хоть сейчасъ,—говорилъ торжественно хитрый хохолъ,—твоя Орися.

Орися такъ и повисла у отца на шеѣ.

— О, тато, татуня! Маточко!—захлебывалась она.

— Только послѣ «весилле», сычку, перебирайся къ намъ: я тебя во дворъ пріймаю, живи съ нами, какъ у пана за печкой,—рѣшилъ Зозуля.

Лукавый хохолъ думалъ: «У меня во дворѣ будетъ жить, ко мнѣ во дворъ и богатство его повалитъ».

А! Кто-бъ подумалъ!—разводилъ онъ руками.—Черезъ гадюкъ счастье... Вотъ и погань, прости Господи, а какъ пригодилась! Поди жъ ты! Черезъ гадюкъ счастье.

НЕ СЫНУ КРАСНОЕ ЯЙЦО, А ВНУКУ.

I.

Въ гостяхъ у великой княгини Софьи Ѳоминишны Палеологъ, супруги государя Ивана Васильевича III, «собирателя русской земли», въ ея роскошномъ теремѣ, находится Аристотель Фіоравенти, знаменитый строитель Успенскаго собора въ Москвѣ.

Это было накануне Пасхи 1480 года.

— Божіею милостію и нашимъ государевымъ счастьемъ ускромнили мы Великій Новгородъ, Псковъ и мятежный Хлыновъ со своею Вятскою землей, и отъ Золотой Орды отбились,—задумчиво говорила Софія Ѳоминишна.—Остается теперь ускромнить только бабу-ягу.

— Какую, государыня, бабу-ягу?—съ недоумѣніемъ спросилъ Аристотель.

— А молдаванку, что змѣей шипитъ на меня.

— Это великую княгиню Елену Стефановну?—догадался Аристотель.—А что она, государыня?

— Мутитъ... Сказываетъ своимъ приспѣшникамъ, что ея сыну, Дмитрію, слѣдуетъ быть наслѣдникомъ московскаго престола, а не моему княжичу Васютѣ... Ея-де сынъ и старше годами Васюты и отъ корене-де наслѣдника, коимъ-де былъ мой покойный супругъ, великій князь Иванъ Младой.

— И мнѣ похвалялся тѣмъ же княжичъ Дмитрій,—вмѣшался въ разговоръ юный сынъ Софьи, Васюта, который въ это время, подражая отцу, тоже занятъ былъ «собираніемъ русской земли», уставляя на угловой горкѣ сдѣланныя ему деревянныя золоченыя статуэтки, изображавшія собою якобы Новгородъ, Псковъ и Хлыновъ.

Большіе черные глаза гордой дочери бывшаго деспота Мореи, Ѳомы Палеолога, сверкнули зловѣщимъ огнемъ.

Не для того покидала она державный Римъ и яркое солнце Италіи, твердя, при видѣ хмурой московской природы съ ея снѣгами,—

Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate,—

чтобы быть въ зависимости отъ какой-либо молдаванки. Она сознавала, что ея настояніями великій князь покорилъ независимыя русскія республики, Новгородъ, Псковъ и Хлыновъ. Ея настояніями московское государство перестало быть «улусомъ» золотордынскихъ хановъ. Гордая дочь деспота Мореи не могла выносить униженія ея супруга на колѣняхъ выслушивать ханскія грамоты... Какой позоръ!..

— Теперь похваляется баба-яга, что завтра великій князь

похристосуется первымъ съ ея сыномъ, а потомъ уже съ роднымъ сыномъ,—говорила она.—Меня самъ папежъ римскій, когда я была дѣвочкой, отличалъ въ храмѣ Петра предъ всѣми дочерьми князей римскихъ... А тутъ какая-то молдаванка!..

И ей вспомнился Римъ. Встала въ памяти и волшебная Венеція... Вотъ къ ихъ дворцу подплываетъ гондола... Софья знаетъ, что въ гондолѣ о н ъ, котораго она покинула для хмурой Москвы... О, далекое бирюзовое море! колотилось у нея въ душѣ... А шумные карнавалы, на которыхъ юную Софью засыпали цвѣтами... И вдругъ Москва!.. Но она все перенесла мужественно... Мало того: въ приданое съ собою она принесла Москвѣ гербъ своего царственнаго рода, двуглаваго орла... А что принесла молдаванка? Горшокъ мамалыги... И она хочетъ перебить дорогу ея сыну, государичу!.. Не бывать этому!

Она вспомнила первое время своего пребыванія въ Москвѣ, утраченныя иллюзіи первой молодой любви, перваго счастья, когда въ ея душѣ не умолкалъ скорбный стихъ ея великаго поэта: «Nessun maggior dolore, che ricordarsi del tempo felice nella miseria»... Теперь она привыкла, и въ душѣ ея жажда власти замѣнила все...

— Не обидитъ великій государь своего сына,—съ твердостью проговорилъ Фіоравенти.—А еще менѣе свою супругу и мудраго совѣтника.

Въ это время въ теремъ великой княгини вошли мамушка княжича Василія и любимая сѣнная дѣвушка Софьи Ѳоминишны, княжна Патрикѣева, Софьюшка. Въ рукахъ и у той и у другой было по большому блюду съ крашеными яйцами.

— Это, государыня, яйца лебединыя,—говорила мамушка,—ты ими будешь христосоваться съ боярами.

— А это, государыня, яички голубины,—сказала княжна Софьюшка,—для христосованія съ твоими сѣнными дѣвушками.

— Спасибо, милыя,—благодарила Софья.—Оно и кстати,—обратилась она къ княжнѣ Патрикѣевой,—мои сѣнныя дѣвушки чистыя голубицы.

— И въ правду, государыня,—отозвалась мамушка,—какъ зеницу ока берегу я ихъ дѣвичество.

Юный княжичъ съ любопытствомъ разсматривалъ принесенныя крашанки.

— А я какими же буду христосоваться?—обратился онъ къ мамкѣ.

— Тебѣ бы, княжичъ дорогой, слѣдовало христосоваться орлиными,—улыбнулась мамка,—вонъ ты какой у насъ орелъ вышелъ... Да жаль, рано: къ Пасхѣ орлицы не нанесли яицъ.

Вдругъ лицо юнаго княжича сдѣлалось серьезнымъ и по-дѣтски важнымъ.

— А знаешь ли ты, мамка, чего ради на Пасху красятся яйца?—какъ-то загадочно и задорно спросилъ онъ.

— Не вѣдаю, соколикъ княжичъ,—отвѣчала мамка.—Гдѣ мнѣ, старой дурѣ, знать! Не учена я.

— А я знаю. Есть такая книга, глаголемая Лусидаріусъ, или Златый Бисеръ. Я ее мало не всю вытвердилъ. Въ оной книгѣ и повѣдаютъ, чего ради на Пасху утренню поютъ въ нощи и яйца красятъ. Егда всесильный Богъ изволилъ люди свои извести изъ Египта, тогда имъ повелѣлъ да заколютъ овча, и всякій человѣкъ тою кровію помажетъ всѣ двери дому своего на празѣ... Въ ту же нощь после Господь ангела своего съ мечемъ, да у кого въ домѣ на празѣ крови не обрящетъ, и въ томъ домѣ да побіетъ перворожденные человѣки и скоты, а идѣже явится кровь помазана, да не пребіетъ въ томъ домѣ никого же.

Княжичъ говорилъ торопливо, захлебываясь, словно попомарь читалъ Апостолъ. Всѣ слушали его съ любопытствомъ, а Софья Ѳоминишна съ материнскою гордостью.

— Тако убо въ ветхомъ завѣтѣ установлена была Пасха-праздникъ избавленія,—продолжалъ юный ученый,—ради сего людіе дѣйствовали надъ овчатемъ воспоминающе неизреченное къ нимъ Божіе милосердіе. То овча старозаконныя Пасхи знаменуетъ Господа нашего Іисуса Христа, распеньшагося насъ ради и святою кровію помазаша наши души. Въ ту же самую нощь Пасхи іудеемъ заповѣдено было, да не исходятъ изъ домовъ своихъ. Въ ту же самую нощь египетскіе первенцы побіеніи быша: то избіеніе назнаменуетъ, еже Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ ту нощь сокруши Ада и діавола низложилъ, и люди своя изъ адовы темницы освободилъ. Сего ради, тако пишетъ великій учитель Герасимъ, да не имате въ ту нощь имѣти никакія скорби, но хвалите избавителя своего, и радостію ликуемъ, вопіюще весело: воистину воскресе Христосъ, дарова намъ животъ вѣчный.

Мамка, слыша непонятныя слова, до того умилилась, что по щекамъ текли слезы.

Аристотель Фіоравенти, слушая юнаго богослова, тихо повторялъ:

— Bene, bene... optime.

Софья Ѳоминишна ликовала: она забыла и Римъ, и Венецію, и гондолу, а даже его подъ балкономъ...

Но юный богословъ такъ разошелся, что сталъ самъ себя допрашивать.

— Чего ради въ утреннюю Пасхи червленно яйцо приносимъ и перемѣняемся?—сурово глядѣлъ онъ на мамку.—А того ради червленное уйцо въ день святыя Пасхи, яко и Христосъ своею кровію украси всѣ тварь, яко яйцо очервленное, да приходимъ въ день святыя Пасхи, и первый глаголетъ—Христосъ воскресе, а второй глаголетъ—воистину воскресе; а яйцемъ перемѣняемся, яко всею тварію, а не камыки, или златомъ, или сребромъ, или инымъ чѣмъ. Земля бо есть утверждена ни на чемъ, яко желтокъ въ яицѣ, тоже ни къ которому краю бѣлокъ приближится не пуститъ, тако и земля подвигнутися и погрязнути не можетъ въ море, пески не дадутъ, а вверхъ вѣтреное дыханіе не пуститъ, и стоитъ равно, донелѣже благоволитъ Богъ.

Растроганная мать не утерпѣла и заключила въ объятія юнаго ученаго.

II.

Софья Ѳоминишна Палеологъ, бесѣдуя съ Аристотелемъ Фіоравенти о томъ, кому изъ претендентовъ на московскій великокняжескій престолъ «собиратель русской земли»—кому первому въ пасхальную заутреню дастъ красное яйцо, сыну ли своему отъ Софьи Палеологъ, или внуку Димитрію, сыну Ивана «Младого» (сынъ «собирателя земли») и Елены Стефановны, дочери молдавскаго господаря, не подозрѣвала, какой на-дняхъ таинственный разговоръ происходилъ между великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ и его довѣреннымъ дьякомъ Ѳедоромъ Курицынымъ.

— Такъ сказываешь, и «лихія бабы» къ ней по тайности прихаживаютъ?—спрашивалъ великій князь

— Точно, государь: тѣ вѣдуньи вхожи къ государынѣ,— отвѣчалъ Курицынъ

— Доподлинно вывѣдано? По уликамъ сыскано?

— Доподлино, государь: я самъ потайный розыскъ чинилъ.

Крайне осторожный, медлительный «собиратель русской земли» задумался. Онъ ничего не приводилъ въ исполненіе сразу, не взвѣсивъ предварительно всѣ шансы. И относительно «лихихъ бабъ», чародѣекъ, онъ проявилъ крайнюю осторожность. Наконецъ, рѣшился.

— «Лихихъ бабъ» наипотайнѣйшимъ образомъ въ темную, глухую ночь утопить въ Москвѣ рѣкѣ,—глухо сказалъ онъ.

— Не укосню, великій государь, исполненіемъ твоего указа,—поклонился дьякъ.

— А кто у п е я способники, коромольники?—спросилъ великій князь.

— Въ перву голову, государь, куманекъ мой любительный, дьякъ Стромиловъ,—былъ отвѣтъ.

— Стромиловъ! Кая муха укусила дьяка?

— Оттереть отъ твоего государева престола меня умыслилъ куманекъ.

Великій князь опять задумался. Стромиловъ — сила. У него на Москвѣ большой хвостъ. Съ нимъ придется считаться.

— Съ сею лисой повременимъ... Инъ допрежъ сама въ курятникъ заберется, тогда,—рѣшилъ великій князь.—А еще кто?

— Поярко, государь... И ему похотѣлось сѣсть повыше.

— Сядетъ высоко на Лобномъ, а то и взлетитъ къ двумъ столбамъ съ перекладинкой. Еще кто супротивъ меня?

— Яропкинъ лихой, государь: этого лихость толкаетъ въ прорубь... Наберется не малъ косячокъ.

— Добро же, Федоръ: зори за ними неукоснительно. А тамъ увидимъ,—рѣшилъ «собиратель русской земли».

— Все будетъ учинено по твоему государеву указу.

Иванъ Васильевичъ снова задумался. Онъ рѣшалъ трудный государственный вопросъ, вопросъ престолонаслѣдія... Въ его государственномъ дворцѣ «лихія бабы!» И кто же съ ними шепчется? Дщерь Ѳомы, деспота Мореи, послѣдняго императора Византіи!

— Не видать же ея сыну на плечахъ своихъ бармъ, а на головѣ шапки Мономаховой.

Въ Успенскомъ соборѣ совершается торжественная пасхальная всенощная. Служеніе совершаетъ митрополитъ со всѣмъ «освященнымъ соборомъ». Новый храмъ, твореніе Аристотеля Фіоравенти, горитъ тысячами огней въ паникадилахъ и у всѣхъ образовъ. Кадильный дымъ облаками возносится къ куполу. Торжественное пѣніе митрополичьяго хора, по мнѣнію москвичей, напоминаетъ пѣніе ангеловъ, хотя его никто не слыхалъ.

Великій князь возсѣдаетъ на возвышеніи на своемъ «державномъ мѣстѣ». За нимъ два ряда молоденькихъ, съ лицами дѣвочекъ-подростковъ, хорошо упитанныхъ «рындъ» съ блестящими топориками въ рукахъ.

— «Да ничья рука не коснется помазанника Божія»,—думаетъ князь Патрикѣевъ, московскій намѣстникъ, стоя въ полуоборотъ къ «державному мѣсту».

По обѣ стороны великаго князя возсѣдаютъ: по правую— величавая Софья Ѳоминишна съ княжичемъ Васютой, по лѣвую — типичная молдаванка, Елена Стефановна, съ сыномъ Димитріемъ. Соперницы тайно наблюдаютъ одна за другой. За ними, въ свою очередь, украдкой наблюдаютъ дьякъ Стромиловъ, Яропкинъ, Поярко и дьякъ Курицынъ, слуги котораго въ самую ночь «страстей», подъ покровомъ ночного мрака, утопили въ Москвѣ рѣкѣ «лихихъ бабъ»...

У правой руки великаго князя—яшмовый столикъ съ массивнымъ серебрянымъ, «венецейской кузни», блюдомъ, доверху наполненнымъ крашеными лебединими яйцами. У блюда стоитъ князь Ряполовскій.

Около великихъ княгинь, Софіи и Елены, тоже по блюду съ крашеными яйцами—«цицарокъ», доставленными Еленѣ съ ея родины, далекой Молдавіи.

Соборъ гремитъ восторженными голосами «безкрылыхъ ангеловъ»... «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ»... «На божественной стражѣ богоглаголемый Аввакумъ»... «Праздникомъ праздникъ»!..

Начинается «христосованье»... Послѣ христосованья съ

митрополитомъ, великій князь едва замѣтнымъ движеніемъ вѣкъ подзываетъ къ себѣ князя Патрикѣева.

— Иванъ Юрьичъ, — тихо сказалъ «собиратель русской земли»,—подведи ко мнѣ внука моего, княжича, княжъ сына Димитрія.

Димитрій приблизился.

— Христосъ воскресе!—громко произнесъ великій князь.

— Воистину воскресе, великій государь,—робко проговорилъ юноша.

Иванъ Васильевичъ, принявъ лебединое яйцо изъ рукъ князя Ряполовскаго, передалъ его Димитрію.

При видѣ этого, Софья Палеологъ страшно поблѣднѣла и схватилась за сердце...

— Не съ сыномъ первымъ похристосовался, а съ внукомъ,—прошелъ шопотъ удивленія среди бояръ,—отдалъ яйцо внуку, а не сыну.

— Быть крамолѣ и розратью...

ПАСХАЛЬНЫЙ ОБѢДЪ У „ТИШАЙШАГО“.

I.

Въ 1656-мъ году «тишайшій» царь Алексѣй Михайловичъ принималъ въ своемъ дворцѣ прибывшаго въ Россію съ Дальняго Востока, для сбора пожертвованій на восточныя церкви, антіохійскаго патріарха Макарія, съ поднесеніемъ даровъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Русіи самодержцу.

Церемонія пріема невиданнаго дотолѣ на Руси высокаго духовнаго гостя, патріарха-араба, обставлена была высочайшею торжественностью.

Съ ранняго утра Москва, казалось, вся содрогалась отъ величественнаго звона колоколовъ всѣхъ «сорока сороковъ» церквей столицы.

Къ патріарху, остановившемуся въ Кирилловскомъ мона-

стырѣ съ своей свитой, присланы были изъ дворца ближайшіе сановники царя: бояринъ и дворецкій, князь Одоевскій, да стольникъ, князь Большой-Голицынъ, да стольникъ, князь Оболенскій.

Первый изъ нихъ обратился къ патріарху, чрезъ толмача, съ такой рѣчью.

— Благополучный государь царь, его пресвѣтлое величество, величайшій среди царей, Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Русіи самодержецъ, кланяется твоей святости и приглашаетъ твое блаженство, святой отецъ, киръ-киръ Макарій, патріархъ града Божія Антіохіи и странъ Сиріи, Аравіи, Киликіи, Иверіи и всего Востока, дабы ты благословилъ его и оказалъ ему честь своимъ посѣщеніемъ.

Послѣ этой рѣчи Макарій, воздѣвъ руки къ небу, помолился за царя и, ведомый подъ руки княземъ Одоевскимъ и княземъ Большимъ-Голицынымъ, вышелъ къ стоявшей у монастырскаго крыльца царской золоченой каптанѣ. За нимъ слѣдовала свита, а впереди иподіаконъ несъ святительскій посохъ.

Усадивъ святителя въ каптану, царскіе посланцы получили благословеніе и откланялись, а у праваго крыла каптаны сталъ архимандритъ Антіохіи, у лѣваго же — архидіаконъ. Торжественному поѣзду предшествовали 180 стрѣльцовъ съ стрѣлецкимъ головой и полуголовами, и каждый стрѣлецъ несъ по деревянному блюду съ подарками для царя и для всей царской семьи. Другіе стрѣльцы съ знаменами и значками стояли шпалерами по обѣ стороны пути отъ воротъ монастыря вплоть до дворца.

Кремлевскія площади, колокольни и крыши домовъ, равно и стѣны Кремля были залиты волнами москвичей.

— Арапы! Арапы!—слышалось въ толпѣ подъ звонъ колоколовъ.—Черны, что мурины.

— Ноли и они православные? Вишь, самъ-отъ благословляетъ... Въ клобукѣ.

— А у стрѣльцовъ-ту что въ рукахъ?

— Дары на блюдахъ.

Каптана остановилась, наконецъ, у дворца. Святителя высаживаютъ и подъ руки ведутъ «на верхъ», въ пріемную палату.

«Тишайшій», окруженный вдоль стѣнъ боярами, возсѣдалъ

на тронѣ, надъ которымъ, на стѣнѣ, горѣла золотомъ и драгоцѣнными камнями старинная икона.

— Патріархъ, войдя въ палату и оборотясь къ иконѣ, едва слышнымъ голосомъ, какъ учили его драгоманы,—говоритъ очевидецъ, архидіаконъ Павелъ Алеппскій,—пропѣлъ по-гречески: «Достойно есть, яко во истину блажити тя»...

Поклонившись царю, который, сойдя съ трона, приблизился къ патріарху съ непокрытой головой и поклонился до «земли», святитель благословилъ его «по-московски», — поясняетъ очевидецъ,—на чело, грудь и плечи и поцѣловалъ въ плечо. Царь же поцѣловалъ владыку въ голову и облобызалъ его правую руку.

— Хвала Богу за благополучный твой пріѣздъ!—сказалъ царь чрезъ толмача.—Какъ ты, святитель, чувствуешь себя? Какъ твое здравіе? Какъ совершилъ путь?

— Благодареніе Господу, великій государь,—отвѣчалъ Макарій,—страна наша очень далека, и уже три года, какъ мы отбыли отъ нашего престола и три года пребывали въ пути.

— Три года въ пути!.. Господи!—изумился царь и пригласилъ владыку сѣсть на высокое сѣдалище близъ трона, и самъ взошелъ на тронъ, не надѣвая короны, которую, какъ равно и посохъ, держали по сторонамъ его два царедворца.

Затѣмъ къ царю подошелъ ближній бояринъ и сталъ поддерживать правую руку «тишайшаго» для цѣлованія ея лицами свиты патріарха.

Послѣ цѣлованія руки и принятія грамотъ отъ патріарховъ іерусалимскаго и константинопольскаго, Алексѣй Михайловичъ поднялся съ трона и съ чувствомъ проговорилъ:

— Ради тебя, святой отецъ, я прибылъ изъ похода, дабы видѣть тебя и получить твое благословеніе. Я вѣдаю твою святость и прошу тебя взывать ко Господу и молиться за меня и домъ мой.

— Я человѣкъ грѣшный,—смиренно отвѣчалъ патріархъ,—но молю, да дастъ Богъ тебѣ по сердцу твоему и по вѣрѣ твоей, да даруетъ тебѣ побѣду, какъ онъ даровалъ ее великому Константину, и да сдѣлаетъ имя твое вмѣсто автократора монократомъ, какъ именовался онъ, и да надѣлитъ тебя наслѣдствомъ его престола вовѣкъ!

Наслѣдствомъ престола царя Константина!.. Престолъ Цареграда!..

Сердце «тишайшаго» исполнилось благоговѣйнаго страха... Возвратить Царьградъ православію!.. Отнять у невѣрныхъ святую Софію!..

Царь вторично, съ особеннымъ благоговѣніемъ поцѣловалъ руку старца за его, быть можетъ, пророческія слова...

Въ это время въ пріемную палату вступили стрѣльцы съ дарами патріарха и стали въ рядъ. Тогда ближній боярипъ, принявъ первое блюдо съ дарами, передалъ его патріарху, а тотъ—царю.

Между тѣмъ думный дьякъ, принимавшій дары по записи, глядя въ эту запись, возглашалъ:

— Патріархъ киръ Макарій антіохійскій подноситъ великому государю критскую икону Спасителя съ лозой, выходящей изъ лона Спасителя и несущей двѣнадцать учениковъ его.

Царь, поцѣловавъ икону, передалъ ее князю Большому-Голицыну.

— Частицы Древа Креста Господня...

«Тишайшій» благоговѣйно лобызалъ и этотъ даръ.

— Кусъ Честнаго Камня съ Голгоѳы, обагренный кровью Господа нашего,—возглашалъ дьякъ.

— Панагія, въ коей образъ пророка Захаріи, вырѣзанный изъ кости сына его, святаго Іоанна Крестителя.

Еще съ большимъ благоговѣніемъ приложился царь къ этому дару.

Затѣмъ слѣдовалъ безконечный рядъ подношеній, большей частью грошевой стоимости.

— Кедры (фисташки) моченые и въ скорлупахъ... ладанъ... манна... рожки сладкіе... изюмъ...

— Царь,—поясняетъ очевидецъ, — понюхалъ фисташки и, удивляясь имъ, сказалъ:

— Какая это благословенная страна, Антіохія, въ оной растутъ такіе плоды!

Послѣ этого начались безконечныя подношенія: царевнамъ Иринѣ, Аннѣ и Татьянѣ Михайловнамъ, царевнамъ Евдокіи, Мареѣ и Аннѣ Алексѣевнамъ, всего сто восемьдесятъ подношеній!

По окончаніи подношеній патріархъ сказалъ:

— Велико твое царство, государь: пріими же мое малое за большое.

— Воистину,—отвѣчалъ царь,—твое малое въ моихъ глазахъ стоитъ многихъ сокровищъ.

Тогда патріархъ всталъ, помолился на икону, вторично благословилъ царя, и «тишайшій», взявъ святителя подъ руку, проводилъ почти до дверей.

II.

У «тишайшаго» царя пасхальный обѣдъ.

Къ обѣду приглашены оба патріарха, антіохійскій Макарій и московско-всероссійскій знаменитый Никонъ, «собиный другъ» царя.

Когда патріархи вступили въ столовую палату, Алексѣй Михайловичъ уже сидѣлъ за столомъ, уставленнымъ золотой и серебряной посудой. При видѣ патріарховъ царь всталъ, снялъ съ головы корону и встрѣтилъ высокихъ гостей поклономъ

Вмѣстѣ съ царемъ встали съ своихъ мѣстъ всѣ вельможи, духовные и свѣтскіе, для которыхъ поставлены были особые столы.

— Христосъ воскресе изъ мертвыхъ...

— Христосъ анесте экъ некронъ,—разомъ запѣли оба патріарха,—одинъ по-славянски, другой-по-гречески.

По окончаніи пасхальнаго пѣнія и благословенія царя, послѣдній усадилъ патріарховъ за свой столъ. Тогда начали подходить къ царю всѣ приглашенные къ обѣду, кланялись «до земли» и разсаживались за своими столами по чинамъ.

Послѣ этого стольники стали подносить къ царю большіе продолговатые хлѣбы, которые вѣнценосный хозяинъ и разсылалъ всѣмъ трапезующимъ, по чинамъ.

Другіе стольники разносили гостямъ икру, а виночерпіи разливали вино по кубкамъ. Все это длилось чинно, степенно, точно совершалось богослуженіе.

Патріархамъ самъ царь подалъ по три кубка разомъ.

— Борисъ Ивановичъ!—возглашалъ стольникъ, принимая кубокъ изъ рукъ «тишайшаго». — Великій государь жалуетъ тебѣ отъ своей милости!

— Князь Иванъ, княжъ сынъ Димитричъ! — возглашалъ другой стольникъ.

— Бояринъ, князь Ѳеодоръ, княжъ сынъ Юрьичъ! — возглашалъ третій. — Великій государь жалуетъ тебѣ отъ своей милости!

Стольники, которыхъ было до трехсотъ человѣкъ, блистали своими богатыми кафтанами, цвѣта голубой лиліи, золотомъ и жемчужнымъ шитьемъ съ самоцвѣтными камнями. Каждому изъ нихъ назначена была особая роль: одни подносили хлѣбы, другіе кубки съ напитками, и для каждаго напитка подавался новый кубокъ; третьи разносили блюда съ кушаньями.

— Князь Семенъ, княжъ сынъ Алексѣичъ! Великій государь жалуетъ тебя отъ своей милости краснымъ яйцомъ!

— Бояринъ, князь Ондрей, княжъ сынъ Петровичъ! Великій государь жалуетъ тебя отъ своей милости куличомъ!

— Бояринъ, князь Микита, княжъ сынъ Иванычъ! Великій государь жалуетъ тебя отъ своей милости пасхою!

Принимавшіе подношеніе вставали съ мѣста, кланялись и цѣловали подносимое.

«Всѣ берегли то, — говоритъ очевиденъ, — что присылалъ имъ царь, и отсылали домой, какъ великое благословеніе съ трапезы царя и отъ его милости».

Самъ «тишайшій» почти ничего не кушалъ, хотя блюда мѣнялись передъ нимъ каждую минуту. Зато онъ усердно потчивалъ своего гостя, который поселилъ въ его душѣ гордыя надежды.

— «Изгнать агарянъ... возвратить церкви престолъ святаго Константина царя... стать пятою своею на стогнахъ Царяграда»,—колотилось въ его душѣ.

Почти весь обѣдъ царь продолжалъ стоять, разсылая трапезующимъ царскую «ѣству», а стольники—сновать отъ стола къ столу.

— Князь Василій, княжъ сынъ Микитичъ! Великій государь жалуетъ тебѣ отъ своей милости лебедя!

— Бояринъ Петра Ильичъ! Великій государь жалуетъ тебѣ отъ своей милости гуся!

— Князь Михайла, княжъ сынъ Петровичъ! Великій государь жалуетъ тебѣ отъ своей милости утя!

Обѣдавшее же за царской трапезой черное духовенство угощаемо было рыбой.

— Архимаритъ Филофей! Великій государь жалуетъ тебѣ отъ своей милости осетра.

— Архимаритъ Питиримъ! Великій государь жалуетъ тебѣ отъ своей милости шевріугу!

«Всѣ эти кушанья разносили стольники,—говоритъ Павелъ Алеппскій,—сорокъ-пятьдесятъ изъ нихъ вмѣстѣ бѣгомъ входили съ блюдами разныхъ видовъ кушанья, подходили къ царю, и онъ разсылалъ съ ними присутствующимъ, что продолжалось отъ начала до конца трапезы, такъ что мы много печалились, видя ихъ усталость, ибо они стояли на ногахъ съ начала до конца; но еще больше мы жалѣли царя, который совсѣмъ ничего не ѣлъ... У того стола, на которомъ было размѣщено множество кубковъ, стояли бояре, и одинъ изъ нихъ вмѣстѣ со служителями наполнялъ безпрестанно сосуды, кои и разносилъ присутствующимъ.

«Такъ продолжалось отъ послѣполудня до полуночи, такъ что намъ стало невмоготу. Затѣмъ царь всталъ, и стольники начали подносить ему серебряные кубки съ виномъ. Сначала онъ подалъ ихъ патріархамъ, которые выразили ему свои благопожеланія, пѣвчіе же пропѣли ему многолѣтіе. Потомъ царь раздавалъ кубки всѣмъ присутствующимъ собственноручно каждому по кубку, ибо эта круговая чаша—за его здоровье и выпиваютъ ее въ знакъ любви къ нему. Одинъ изъ ближнихъ вельможъ стоялъ подлѣ царя, поддерживая его правую руку, а всякій подходившій къ нему сначала кланялся до земли издали, затѣмъ приближался, цѣловалъ его руку и, принявъ чашу, возвращался назадъ и выпивалъ ее, потомъ кланялся ему вторично и уходилъ къ своему мѣсту».

Не легки были торжественные обѣды русскихъ царей допетровской Руси!

Но и этимъ еще не кончались обѣденныя мученія.

По знаку дворецкаго, боярина и князя Одоевскаго, патріаршій архидіаконъ возгласилъ:

— Благовѣрной государынѣ царицѣ Маріи Ильишнѣ многая лѣта!

Всѣ встали съ мѣстъ, и грянулъ хоръ патріаршихъ пѣвчихъ.

— Благовѣрному государю царевичу Алексѣю Алексѣевичу многая лѣта!—повторилъ архидіаконъ.

То же громогласное многолѣтіе.

Снова царь собственноручно раздавалъ кубки — это уже вторая круговая чаша.

Затѣмъ послѣдовало многолѣтіе патріарху Никону.

И опять третья круговая чаша.

Многолѣтіе антіохійскому патріарху киръ-киръ Макарію.

Слѣдовала четвертая круговая чаша, которую уже раздавалъ Никонъ, а правую руку его поддерживалъ архидіаконъ.

— Лишь около полуночи,—продолжаетъ все тотъ же очевидецъ,—по благости всевышняго Бога, царь всталъ изъ-за стола. Оба патріарха прочли молитву. Протопопъ со своими товарищами священниками и протодіаконъ съ товарищами вышли на середину, неся панагію въ чудесномъ серебряномъ вызолоченномъ сосудѣ съ ангелами кругомъ, поддерживающими красивое блюдо, на которомъ лежала панагія. Совершили надъ ней обычныя молитвы, и всѣ получили отъ нее частицу, послѣ того какъ архидіаконъ окадилъ присутствующихъ изъ вѣнцеобразной кадильницы съ ручкой.

«По прочтеніи послѣобѣденной молитвы, принесли сосуды и собрали въ нихъ куски, по монастырскому обычаю. Затѣмъ царь простился съ нашимъ владыкою-патріархомъ, сдѣлавъ ему поклонъ, а онъ его благословилъ. Царь назначилъ своихъ бояръ съ большими свѣчами проводить патріарха до нашего монастыря; всѣ же министры и вельможи провожали его за ворота... Мы едва вѣрили, что прибыли въ свой монастырь, ибо погибали отъ усталости и стоянія. Но каково было положеніе царя, который оставался на ногахъ непрерывно около четырехъ часовъ, пока не роздалъ всѣмъ присутствующимъ послѣднія четыре круговыя чаши! Да продлитъ Богъ его дни и да возвеличитъ его знамена славой и побѣдой! Но не довольно было ему этого: въ минуту нашего прибытія въ монастырь ударили въ колокола, и царь, и его бояре съ патріархомъ пошли въ соборъ, гдѣ служили вечерню и утреню и вышли только на зарѣ, ибо было совершено великое бдѣніе. Какая твердость и какая выносливость! Наши умы были поражены изумленіемъ при видѣ такихъ порядковъ, отъ которыхъ посѣдѣли бы и младенцы».

Таковы были пасхальные обѣды у «тишайшаго» царя и та-

ковы были желудки и нервы у почтенныхъ предковъ нынѣшнихъ москвичей.

«Вы, нынѣшніе, нутка!».

ПРОПИЛИ ДѢВКУ.

I.

Въ Рождественскіе святки 1495 года, во дворцѣ московскаго великаго князя Ивана Васильевича III, «собирателя русской земли», въ дѣвичьемъ теремѣ его юной дочери Елены сидѣла мать ея Софья Ѳоминишна Палеологъ и утѣшала горько плакавшую дѣвушку, почти еще дѣвочку.

— Такая ужъ дѣвичья доля, дитятко,—говорила она,—насъ не спрашиваютъ.

— Охъ, матушка, хоть бы тутъ, на Москвѣ, а то въ чужу дальню сторону,—плакалась Елена.

— Что Литва! Далеко ли она, ластушка моя! Рука подать... А меня-то горемычную сиротинушку изъ теплой, ясной тальянской земли да везли невѣдомыми морями, казалось мнѣ, на край свѣта, гдѣ и солнышка-то нѣту... А вотъ свыклась, живу.

— Нѣтъ, матушка моя милая, я, кажись, никогда не свыкнусь.

— А коль полюбится суженый-то... Онъ же, князь Александръ, сказываютъ, красавецъ писаный: Ряполовской, князь Семенъ, мнѣ сказывалъ.

— Да и чужой онъ, латынской вѣры, мама.

— Охъ, дитятко! Не ты первая, не ты послѣдняя... Вонъ Анцушка, дочка Ярослава Мудраго, такъ та во французскую землю была дадена, далеко-далеко! А жила же, сказываютъ таково хорошо.

Разговоръ этотъ между матерью и дочерью происходилъ вслѣдствіе того, что великій князь Иванъ Васильевичъ, отецъ Елены, по политическимъ соображеніямъ, отдавалъ ее замужъ за Александра, великаго князя литовскаго, и въ это-то самое время послы Александра пріѣхали въ Москву за юною невѣстой.

— Утри же глазки, дитятко, да пойдемъ на переходы, от-

туда въ окопце мы будемъ видѣть литовскихъ пословъ-сватовъ и будемъ слышать, что скажетъ имъ батюшка-князь,—говорила Софья Ѳоминишна, гладя головку дочери.—Княжичъ Васюта придетъ сказать намъ, когда иттить на переходы.

— А Вася ихъ видѣлъ?—спросила Елена.

— Видѣлъ, сказываетъ, еще вчера.

— А каковы они, мама? (Дѣвичье любопытство взяло верхъ).

— «Панами» называются и таково красно обряжены, да все саблями звенятъ.

— А бояръ, нешто, у нихъ нѣту?

— У насъ, дитятко, бояринъ, а у нихъ «панъ», а въ тальянской землѣ—«синьоръ».

Въ это время въ теремъ Елены вошелъ ея братъ, юный княжичъ Василій.

— Идутъ, идутъ,—сказалъ онъ,—и батюшка ужъ на державномъ мѣстѣ со всѣми бояры.

— Идемъ же, дитятко,—сказала дочери Софья Ѳоминишна.

Всѣ трое пошли на переходы. Они пришли какъ разъ во время.

Литовскіе послы уже стояли передъ «державнымъ мѣстомъ» и великій князь говорилъ:

— Я посылалъ къ вашему великому князю Александру пословъ моихъ, князей Василія да Семена Ряполовскихъ, да думнаго дьяка Курицына Ѳедора и велѣлъ имъ говорить, чтобы вашъ князь далъ утвержденную грамоту такову: «Намъ, великому князю Александру, не нудить дочери его, великаго князя московскаго, Елены, къ римскому закону: держитъ она, княжна Елена, свой греческій законъ. Такъ?»

— Такъ, государь,—поклонился старшій изъ пословъ

— Слышишь, Оленушка, тебя не будутъ нудить къ римскому, латынскому закону,—шепнулъ сестрѣ княжичъ Василій.

Великій князь продолжалъ:

— Токмо князь Александръ слукавилъ передо мною. Давая грамоту о вѣрѣ моей дщери, а своей будущей супруги, княгини Елены, онъ езовитскимъ обычаемъ въ грамотѣ той написалъ: «Александръ-де и не станетъ нудить жену къ перемѣнѣ закона; но если она сама-де и похочетъ принять римскій за-

конъ, то ея воля». Вы сами, послы-рада, чаю, разумѣете, что сіе онъ учинилъ лукаво, по сзовитски. Правду я говорю?

Послы молчали, переминались на мѣстѣ.

— Такъ свадьбѣ не быть! — сурово сказалъ «собиратель русской земли».—Не быть!

У Елены радостью блеснули глаза, и она перекрестилась.

— Мама, матушка! Свадьбѣ не быть!—лепетала она, восторженно обнимая мать.—О, Господи, благодарю Тебя.

— Не быть свадьбѣ!—повторяетъ великій князь.

Бояре, уставя брады, молчатъ. У дьяка Курицына лукавымъ огонькомъ свѣтятся глаза.

— Не выгорѣло мое святое дѣло,—написано на разочарованномъ лицѣ князя Ряполовскаго, Василія.

Послы смущенно переглядываются.

— Упертый москаль!—читается на лицѣ старшаго литовскаго посла.—Не ощукацъ москаля.

И онъ, вынувъ изъ-подъ цвѣтнаго кунтуша свитокъ, съ поклономъ подаетъ его великому князю.

Иванъ Васильевичъ поворачиваетъ голову къ дьяку Курицыну.

— Возьми, Ѳедоръ, разсмотри и вычти,—говоритъ онъ, подавая свитокъ дьяку.

Курицынъ беретъ свитокъ, развертываетъ его и пробѣгаетъ близорукими глазами. Отъ многаго чтенія и писанія у великаго московскаго законника глаза слабы.

— Что-то будетъ? — говорятъ испуганные глаза Елены, и она крестится.

— Чти!—глухо звучитъ голосъ великаго князя.

— «Мы,—читаетъ дьякъ,—Александръ, Божіею милостію великій князь литовскій и самогитскій, клятвою обязуемся дочери великаго князя Московскаго Елены не нудить къ римскому закону, держитъ она свой греческій законъ».

— Все въ порядкѣ?—спрашиваетъ Иванъ Васильевичъ.

— Въ порядкѣ, государь,—отвѣчаетъ дьякъ.

— И печать, и скрѣпа?

— И печать и скрѣпа, государь.

Грустно смотритъ Софья Ѳоминишна на свою юную дочь,

большіе, ясные глаза которой смотрятъ на нее вопросительно, умоляюще.

— Все кончено, дитятко,—говорятъ подернувшіеся влагой глаза матери.

Елена поняла все и схватилась за сердце... Бѣдное, подневольное дитя!..

Великій князь поднявшись во весь ростъ на своемъ «державномъ мѣстѣ», громко и отчетливо говорилъ:

— Государь вашъ, братъ и зять мой, восхотѣлъ прочной любви и дружбы съ нами: да будетъ! Отдаемъ за него дочь свою. Скажите же ему: на чемъ онъ намъ молвилъ и листъ свой далъ, на томъ бы и стоялъ, чтобы нашей дочери никоимъ образомъ къ римскому закону не нудить; если бы даже наша дочь и захотѣла сама приступить къ римскому закону, то мы ей на то воли не даемъ и князь бы великій Александръ на то ей воли не давалъ же, чтобы между нами про то любовь и прочная дружба не нарушалась. Да скажите великому князю Александру, какъ, дастъ Богъ, наша дочь будетъ за нимъ, то онъ бы нашу дочь, а свою великую княгиню, жаловалъ, держалъ бы ее такъ, какъ Богъ указалъ мужьямъ женъ держать, а мы, слыша его къ нашей дочери жалованье, радовались бы тому. Да чтобъ сдѣлалъ для насъ, велѣлъ бы нашей дочери поставить церковь нашего греческаго закона на переходахъ у своего двора, у ея хоромъ, чтобъ ей близко было къ церкви ходить, а намъ бы его жалованье къ нашей дочери пріятно было слышать. Да скажите отъ насъ епископу и панамъ вашей братьѣ, всей радѣ, да и сами поберегите, чтобъ братъ нашъ и зять нашу дочь жаловалъ, и между нами братство и любовь и прочная дружба не нарушились бы.

И онъ движеніемъ руки отпустилъ пословъ.

Елена съ тихими рыданіями упала на грудь матери.

Все кончено!

II.

Возвратясь въ дѣвичій теремъ Елены, мать и дочь долго плакали.

— Такая и моя доля была, — говорила первая. — Охъ, горько вспомнить... А вотъ какъ видишь... Не даромъ говоритъ русская пословица: «стерпится, слюбится».

— А ты любила его, матушка?—спросила Елена.

— Какъ, дитятко, не видамши человѣка любить? Къ тому же у меня тамъ...

Софья Ѳоминишна остановилась. Она вспомнила свою первую юную любовь, когда къ ея балкону, въ Венеціи, каждый вечеръ подплывала гондола, а въ гондолѣ онъ, черноокій «венецейскій» дворянинъ... И они въ нѣмомъ упоеніи созерцали другъ друга... А тутъ московское посольство, сватовство... Сколько слезъ она пролила, сколько вздоховъ ея слышало одно небо!..

— А увидамши, ты полюбила батюшку? — спрашивала Елена.

— Нѣтъ, дитятко, я не любила его, а стерпѣла... пріобыкла ко всему... А мнѣ куда какъ тяжелѣ было, чѣмъ тебѣ покидать свою сторону. Ужъ и сторонка-то, Господи! Одно небо чево стоитъ, голубое, голубое! А море—и сказать не умѣю: то тихое и ласковое, то сердитое, аки звѣрь лютый. И лѣто и зиму тамъ цвѣтики цвѣтутъ. А литовская сторона та же московская земля:—и лютые морозы, какъ и на Москвѣ, и снѣга глубокіе зимой, а лѣто и весна, что у насъ тутъ.

— А будутъ отпускать меня въ гости къ тебѣ и къ батюшкѣ?—спросила Елена.

— Чаю, будутъ, а то и я къ тебѣ кукушечкой прилечу

— Нѣту, матушка: горькою-то кукушечкой я буду.

Въ это время въ теремъ Елены вошла ея мамушка. Видно было, что старуха плакала, хотя старалась это скрыть.

— А обо мнѣ-то и не подумали,—ворчала она.

— Ты про что это, мамушка? — спросила Софья Ѳоминишна.

— Какъ про што! Думаютъ, что я мою пташку одну отпущу въ чужу дальню сторону, — сердито говорила старуха. — Репьемъ вцѣплюсь въ каптану моей горлинки, а таки поѣду съ ней въ Литву.

Елена со слезами обнимала ее.

— Съ родной сторонки и собачка другъ,—продолжала старуха, нѣжно гладя по головкѣ свою любимицу.—А то на! Хушь бы слово мнѣ... Я такъ и государю батюшкѣ твоему отрѣзала: ты што это, говорю, безъ меня распоряжаешься? Што выдумалъ! Безъ меня дитя отправлять въ чужу дальню сторону!

— Спасибо, мамушка,—говорила Софья Ѳоминишна.—Мы и сѣнныхъ дѣвушекъ съ Оленушкой отпустимъ въ Литву.

— Я и княгиню Марью (это Ряполовскую) обо всемъ пытала про Литву,—продолжала мамушка,—не одни тамъ, сказываетъ, басурманы да латынцы, а есть и наши православные. А у ково на духу тамъ будетъ моя пташечка?—вдругъ спохватилась старуха.

— Съ ней поѣдетъ попъ Ѳома, — сказала Софья Ѳоминишна.

— То-то... И вѣнчать ее, голубицу чистую, будетъ, чаю, попъ Ѳома... А латынцы только сунься, такъ я имъ глаза выцарапаю,—горячилась старушка.

За спѣшными хлопотами, за приготовленіемъ поѣзда, за укладкой приданнаго не замѣтили какъ и время пролетѣло до 13-го января, когда назначенъ былъ отъѣздъ невѣсты.

13-го января была торжественно отслужена литургія въ Успенскомъ соборѣ. На литургіи вмѣстѣ съ великимъ княземъ присутствовали вся великокняжеская семья и бояре.

По окончаніи литургіи Иванъ Васильевичъ приказалъ призвать литовскихъ пословъ къ церковнымъ дверямъ и передалъ имъ невѣсту.

— Берегите мою дочь, яко зѣницу ока,—сказалъ онъ.

Софья Ѳоминишна употребляла всю силу воли, чтобъ не плакать и вмѣстѣ съ Еленой сѣла въ приготовленныя ей въ далекую дорогу сани, къ которымъ отецъ самъ подвелъ свою дочь, покидавшую его и свою родину на-вѣки.

Безконечный поѣздъ двинулся къ Дорогомилову. Тамъ поѣздъ остановился на два дня, и княжичъ Василій далъ отъѣзжавшимъ литовскимъ посламъ роскошный пиръ.

Софья Ѳоминишна не отходила отъ дочери, съ которой и ночевала послѣднія двѣ ночи, а Иванъ Васильевичъ два раза пріѣзжалъ въ Дорогомилово и, въ послѣдній разъ обнимая дочь, подалъ ей памятную запись.

— Вотъ, Оленушка,—сказалъ онъ,—запись тебѣ. Прочти ее вслухъ.

Елена читала: «Память великой княжнѣ Еленѣ. Въ божницу латынскую не ходить, а ходить въ греческую церковь. Изъ любопытства можешь видѣть первую или монастырь латынскій, но токмо однажды или два раза. Если свекровь твоя будетъ въ

Вильнѣ и прикажетъ тебѣ итти съ собою въ божницу, то проводи ее до дверей и скажи учтиво, что идешь въ свою церковь».

Читая это, Елена горько плакала, и особенно разрыдалась при словѣ «свекровь».

Вмѣсто матери—свекровь! А съ этимъ словомъ связано столько горькихъ представленій по русскимъ понятіямъ.

— Тамъ у себя я часто слышала пословицу: «i cuori fanciulli non restono a brum»—съ горестью проговорила мать Елены,—и теперь вижу всю ея неправду.

— А что оная пословица означаетъ?—спросилъ великій князь.

— Будто «дѣтскія сердца одеждъ печали не носятъ»... А вонъ, погляди на нее...

И она указала на Елену, которая, сидя уже въ саняхъ рядомъ съ княгиней Ряполовской, съ тоской протягивала руки къ отцу и матери, провожавшимъ ее глазами, полными слезъ.

За санями невѣсты непосредственно слѣдовали сани старшаго изъ литовскихъ пословъ, а за ними сани князя Ряполовскаго Семена, боярина Михаила Русалки и Прокофія Зиновьевича съ ихъ женами, а также дворецкій Димитрій Пѣшковъ, дьякъ и казначей Василій Кулешинъ, нѣсколько окольничьихъ, стольниковъ, конюшихъ, болѣе сорока знатныхъ дѣтей боярскихъ и сѣнныя дѣвушки съ мамкою Елены.

Замелькали кругомъ грустныя снѣжныя равнины и хмурые, покрытые инеемъ, лѣса. И хмурое небо затянуто было облаками.

Не веселыя картины! Не весело и на душѣ юной жертвы политическихъ государственныхъ разсчетовъ...

Ѣдутъ день, другой, третій...

— Вотъ и Смоленскъ,—говоритъ княгиня Ряполовская Марія, желая отвлечь Елену отъ грустныхъ думъ.—Видишь хоругви и образа?

— Вижу.

— Это тебя встрѣчаютъ православные.

Встрѣча торжественная, иконы, хиругви церковныя, молебны...

Поѣздъ мчится далѣе. Тѣ же грустныя картины, снѣжныя поля, одѣтые инеемъ лѣса, хмурое небо.

Съ задняго конца безконечнаго поѣзда доносится грустная пѣсня:

Къ любушкѣ сударушкѣ... я къ ней не заѣду.
А хоть и заѣду—всю ночь протоскую...

— — Это ямщикъ поетъ, «не бѣлы-то снѣжки»,—говоритъ княгиня Ряполовская, желая развлечь довѣренное ей великокняжеское дитя.

А сама думаетъ:—«Бѣдная сиротиночка! Выгнали изъ родимаго гнѣздышка»...

Елена помнитъ эту пѣсню. Ей пѣли ея сѣнныя дѣвушки.

Я къ ней не заѣду.
А хоть и заѣду—ночку не ночую,
А хоть и ночую—всю ночь протоскую.

— «Протоскую»... Почему? Что у него на душѣ у добра молодца?.. А я, я не ночку, а всю мою горькую жизнь протоскую.

Тоскливая безконечная дорога!.. Какъ уныло хруститъ снѣгъ подъ полозьями саней, уныло свѣтитъ солнце, уныло каркаютъ вороны... И все дальше и дальше уноситъ поѣздъ отъ родныхъ мѣстъ... Нѣтъ больше возврата въ родное гнѣздо, въ объятія матери, отца, брата.

— И весь Витебскъ вышелъ къ тебѣ навстрѣчу,—говоритъ княгиня Ряполовская.—И хлѣбъ-соль несутъ, и дары...

А она не можетъ отогнать тоскливой мелодіи:

Всю ночь протоскую...

Ѣдутъ день, ѣдутъ два... Тѣ же невеселыя картины.

— Вотъ и Полоцкъ... Скоро и Вильна...

Всю жизнь протоскую...

— О, Господи Боже!

III.

Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Вильны, съ московскаго поѣзда замѣтили впереди массу двигавшихся навстрѣчу всадниковъ и саней.

— Встрѣча, встрѣча невѣсты!—пронеслось по московскому поѣзду отъ одного конца до другого.

Елена, погруженая въ свои невеселыя думы, вздрогнула и съ испугомъ поглядѣла впередъ. Сквозь морозную утреннюю дымку тамъ что-то блестѣло, переливалось разными цвѣтами. Слышно было ржаніе коней.

— Женихъ ѣдетъ сустрѣть свою нареченную,—сказала княгиня Ряполовская.—Пышная, пышная встрѣча!

Тамъ впереди разстилали на дорогѣ что-то яркое и искрившееся золотомъ.

Поѣздъ съ невѣстою приближался. Вотъ близко, близко... Дорога застлана алымъ сукномъ и золотою камкой.

Поѣздъ останавливается. Тамъ всѣ сходятъ съ лошадей. Это—самъ великій князь Александръ въ сопровожденіи всего двора и пановъ рады. Все сверкаетъ золотомъ и дорогими украшеніями.

Александръ по алому сукну и по золотой камкѣ приближается къ санямъ Елены и помогаетъ ей ступить на камку.

— Сердечный привѣтъ великой княжнѣ Еленѣ Ивановнѣ, прекрасной дщери великаго князя московскаго, моей высоконареченной невѣстѣ,—говоритъ онъ, подавая Еленѣ руку.

Руки Елены дрожатъ, глаза опущены. Но она помнитъ наказъ отца и отвѣчаетъ:

— Привѣтъ милостивому пану Александру, великому князю литовскому и самогитскому.

Ей всѣ кланяются. Она отвѣчаетъ легкимъ наклоненіемъ своей хорошенькой головки.

Александръ предлагаетъ ей руку и по алому сукну ведетъ къ богато украшеннымъ санямъ, выѣхавшимъ къ ней навстрѣчу.

Усадивъ невѣсту, съ которой рядомъ помѣстилась княгиня Ряполовская, Александръ ловко вскакиваетъ на подведеннаго ему коня, и подаетъ знакъ всѣмъ двигаться къ Вильнѣ.

Предшествуемый высшими чинами и панами рады, Александръ картинно гарцуетъ на роскошномъ иноходцѣ по правую сторону саней Елены.

— Какой молодчина,—шепчетъ княгиня Ряполовская, глазами показывая на молодцевато сидящаго князя Литвы.

Елена сама это видитъ и невольно сравниваетъ одѣяніе и осанку своего жениха съ неуклюжими ферезями, зипунами и уродливыми горлатными шапками неповоротливыхъ московскихъ бояръ.

Мало по малу тучи разошлись по небу, и солнце заиграло на прелестномъ личикѣ Елены, Александръ видѣлъ это и наклонился немного къ санямъ невѣсты.

— Солнце моей Литвы привѣтствуетъ лучшій, прелестнѣйшій цвѣтокъ московской земли,—сказалъ онъ, нагибаясь еще ниже.

Елена подняла на него глаза, и взгляды ихъ встрѣтились.

Вся зардѣвшись, Елена потупилась. Что это съ нею? Что случилось? Неужели это... только отъ глазъ?.. Но что же это? Ничего подобнаго она не испытала въ своей молодой жизни... Что же это, что?

Онъ совсѣмъ, совсѣмъ чужой... Она никогда не видала его... И вдругъ, глаза, и онъ сталъ ей свой, совсѣмъ свой, совсѣмъ близкій, ближе матери, отца, брата?.. Что же это? Неужели все это только отъ глазъ?..

Такъ онъ сглазилъ ее?.. Да, она вѣрила въ глазъ съ дѣтства, со словъ мамки... «Охъ, какъ бы не сглазили дитя! это страшно»—твердила бывало нянька.

Но ей совсѣмъ не страшно.

Она почти не замѣтила, какъ въѣхала въ городъ. Она, казалось, ничего не видѣла. Весь свѣтъ заслоняла ей статная фигура всадника, ѣхавшаго рядомъ съ ея санями...

Но вотъ она въ церкви. Вся церковь полна, и все это пріѣхавшіе съ нею москвичи, бояре, боярскія дѣти, стольники, боярыни, сѣнныя ея дѣвушки.

Попъ Ѳома служитъ молебенъ. Всѣ въ церкви, но кого-то недостаетъ.

Неужели его?

— Сглазилъ, сглазилъ, сглазилъ... Скажу мамкѣ... Можетъ, она умоетъ меня съ уголька, пошепчетъ надо мной...

Она—въ богатой незнакомой палатѣ. Боярыни расплетаютъ ей косу. А сѣнныя дѣвушки поютъ:

Попрошу я васъ, покланяюсь:
Расплетите мою косу русую,
Что русу косыньку—красу дѣвичью;
Вы возьмите, мои подруженьки,
Что косу-ли мою, косу дѣвичью
И все мое красное дѣвичество!

Вслѣдъ за сѣнными дѣвушками запѣваютъ боярыни, расплетающія косу:

Намъ невадоть, свѣтъ Оленушка,
Намъ невадоть твоя коса русая,
Мы возьмемъ—снесемъ косу русую,
Что во полюшко, во чистое,
Во лужки-то, во зеленые,
Да во травушки шелковыя,
Во цвѣты-то во лазоревы:
Какъ пойдетъ твоя родима матушка
Во поля-то да во чистыя,
Во луга-то во зеленые,
Да увидитъ твою косу русую,—
Позавернется ейно ретиво сердце,
Позавернется крѣпче камушка.

Этого пѣнія не могла вынести Елена. Слезы градомъ покатились изъ глазъ...

Матушка матушка! Не видать тебѣ моей косыньки, не вплетать въ нее ленты алыя, лазоревыя...

Плакали и боярыни, и сѣнныя дѣвушки.

Всемогуща была въ древней Руси сила обычая. Захлебываясь слезами, Елена вслѣдъ за боярынями стала причитывать:

Похожу я, молодешенька,
Что по новой своей горенкѣ,
Что по новой своей свѣтлицѣ,
Поищу я красы дѣвичьей,
А еще погляжу я, молодешенька,
На своихъ милыхъ подруженекъ:
У нихъ буйны головы причесаны,
Алымъ лентамъ пріувязаны,
А у меня у молодешеньки
Алы ленточки растеряны,
Головушка буйная растрепана,
Краса дѣвичья порастеряна

Безжалостный обычай! Сѣнныя дѣвушки отвѣчаютъ на плачъ Елены новымъ напоминаніемъ о скорой потерѣ ея дѣвичества. Онѣ поютъ плачущею мелодіей:

Не въ трубоньку-ли трубили рано, по росѣ,
Ужъ и плакать-ли Оленушкѣ по своей косѣ:
Съизмладочка-ль эту косыньку матушка плела,
Какъ теперича косыньку подруженьки плетутъ,
А на утро косыньку свахи разобьютъ,
Раздѣлятъ ее, косыньку, на шесть долей,
Заплетутъ ее, косыньку, въ двѣ косы,

Обовьютъ ее, русую, вокругъ головы,
Надѣнутъ Оленушкѣ бабій сборничекъ:
Красуйся, Оленушка, въ бабьемъ сборничкѣ!
Ужъ и бабья краса—ее за стѣной ни чуть,
А дѣвичья краса—ее за сто верстъ слыхать...

Кончились и эти муки. Жертву государственныхъ разсчетовъ, лишивъ «косы, дѣвичьей красы», накрыли безобразной «кикой», обсыпали хмелемъ и повели въ костелъ святого Станислава—вѣнчаться.

Ее торжественно встрѣтилъ женихъ. Латынскій епископъ, къ аналою котораго онъ ее подвелъ, спросилъ:

— Любъ ли тебѣ Александръ, великій князь литовскій и самогитскій?

Она отвѣтила какъ научилъ ее отецъ при прощаньѣ

— Любъ ми, и не оставити ми его до живота никоея ради болѣзни, кромѣ закона: держать мнѣ греческій, а ему не нудить меня къ римскому.

Послѣ епископа читалъ молитвы попъ Ѳома, по обычаю православной церкви, а княгиня Ряполовская держала надъ головкой невѣсты вѣнецъ.

Обрядъ конченъ. Послѣдовалъ торжественный пріемъ московскихъ бояръ.

Вечеромъ пышный брачный пиръ съ возліяніями.

Порядкомъ упились бояре старымъ «венгржиномъ»

Садясь послѣ пира въ сани, князь Ряполовскій бормоталъ коснѣющимъ языкомъ:

— Пропили дѣвку! Пропили... А жаль...

— Нешто!—утѣшалъ его дьякъ Василій.—За то Литва будетъ наша...

Дьякъ былъ правъ: Литва давно наша.

„ПЕЩНОЕ ДѢЙСТВО“ НА МОСКВѢ.

Былъ на исходѣ 1675 годъ. Наближались рождественскія святки.

Во дворцѣ «тишайшаго» царя Алексѣя Михайловича всѣ готовились итти въ церковь на «пещное дѣйство». Звонъ колоколовъ всѣхъ «сорока сороковъ» церквей, казалось, потрясая воздухъ, потрясалъ и стѣны Кремля и дворца.

Болѣе всѣхъ волновался нетерпѣніемъ маленькій царевичъ Петръ Алексѣевичъ. Онъ еще ни разу не присутствовалъ на церемоніи «пещнаго дѣйства» и потому постоянно приставалъ съ разспросами то къ матери, царицѣ, Натальѣ Кирилловнѣ, то къ старшей сестрѣ, къ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ.

— Софьюшка, сестрица милая!—нудилъ онъ.—Скажи мнѣ, что оно такое, «пещное дѣйство»? Разскажи, Софьюшка!

— Да это, Петрушенька, таково страховито, ужаса исполнено оное «пещное дѣйство»,—отвѣчала Софья,—трехъ отроковъ въ пещь горящую ввергаютъ.

— Какихъ отроковъ, сестрица?—не безъ ужаса въ прелестныхъ дѣтскихъ глазахъ спрашивалъ царственный ребенокъ.

— Ананія, Азарія и Мисаила, дѣтей царевыхъ.

Эти слова озадачили маленькаго царевича; онъ даже уцѣпился за одежду сестры.

— Нашихъ царевыхъ дѣтей? Нашего батюшки, сестрица?

— Нѣтъ, братецъ; тѣ отроки—іудейскаго царя дѣти.

— За что жъ ихъ ввергаютъ въ пещь, сестрица?

— За то, что когда царь...

— Нашъ батюшка? Царь, Алексѣй Михайловичъ?

— Нѣтъ, халдейскій царь, Петрушенька.

— А! За что-жъ онъ ихъ, Софьюшка?

— За то, что они ослушались халдейскаго царя и не поклонились золотому истукану, замѣсто своего Бога.

— И я не поклонился бы!—сверкнувъ глазами, гордо выпалилъ маленькій Петръ.—И это нонѣ все будетъ въ церкви, сестрица? И халдейскій царь, и золотой истуканъ?

— Нѣту, братецъ; будутъ только два халдея, халдейскаго царя слуги, да три іудейскихъ отрока.

Въ это время въ дверяхъ показалась царица Наталья Кирилловна.

— Слышишь, мама, — бросился къ ней маленькій царевичъ,—сегодня въ церкви будутъ жечь въ пещи трехъ іудейскихъ отроковъ, и они сгорятъ.

Царица улыбнулась и съ глубокой нѣжностью погладила курчавую головку сына.

— Нѣтъ, дитятко, они не сгорятъ, это только «дѣйство»,—сказала царица,—ихъ спасетъ отъ огня ангелъ, Господь пошлетъ съ небесъ ангела, и онъ спасетъ отроковъ.

— Такъ я и ангела увижу, мама?—обрадовался будущій вождь Россіи.—Слышишь, сестрица Софьюшка, мы и ангела увидимъ.

Царица и царевна засмѣялись, любуясь наивностью царственнаго ребенка.

— Да это только «дѣйство», дитятко,—сказала царица.

Слово «дѣйство» засѣло въ геніальную головку ребенка... «Дѣйство», «дѣйство»... И онъ сталъ торопить мать и сестру скорѣй идти въ церковь.

Между тѣмъ, въ церкви, гдѣ должно было совершаться «пещное дѣйство», пономари, по приказанію соборнаго ключаря, снимали паникадило надъ амвономъ и принимали самый амвонъ, а на его мѣсто ставили подобіе печи, весьма помѣстительной. Это было нѣчто вродѣ полукруглаго шкафа безъ крыши, на подмосткѣ, съ боковымъ входомъ. Стѣны этой «пещи» были раздѣлены на части продольными колонками съ позолоченной рѣзьбой. Около «пещи» ставили желѣзные шандалы съ витыми свѣчами.

Все это было приготовлено заранѣе, до начала службы.

Скоро началась и служба, необыкновенно торжественная, съ патріархомъ и прочимъ высшимъ и низшимъ духовенствомъ.

«Тишайшій» царь уже возсѣдалъ на своемъ мѣстѣ на возвышеніи, а около него любимыя дѣти: царевна Софья и царе-

вичъ Петръ. Глаза послѣдняго горѣли огнемъ тревоги и любопытства.

— Что-жъ въ пещи нѣту огня, сестрица?—тихонько теребилъ онъ сестру за рукавъ.

— Будетъ и огонь, когда придутъ отроки и халдеи разожгутъ пещь,—шептала Софья.

— Настоящіе халдеи, сестрица?—не унимался безпокойный ребенокъ.

Тишайшій» съ улыбкой покосился на него.

— Ахъ ты, торопыга,—тихо сказалъ онъ,—настоящіе халдеи!.. Вѣдь это только «дѣйство».

Опять «дѣйство!»... «Ахъ, Боже мой! Поскорѣй бы»...

Но вотъ въ храмъ входитъ и патріархъ. Впереди патріарха отроки съ зажженными свѣчами. Это были прелестные, ангелоподобные мальчики въ бѣлыхъ стихарикахъ и съ вѣнцами на головахъ.

Маленькій Петръ пожиралъ ихъ глазами.

— Отроки... отроки!—лихорадочно шепталъ онъ, хватая сестру за руку.—А эти, страшные, сестрица, кто?

— Это халдеи... Молчи, смотри.

«Халдеи» наряжены были въ вычурное одѣяніе и имѣли на головахъ шлемы. Въ рукахъ у нихъ были свѣчи, пальмовыя вѣтки и трубки, наполненныя плаунной травой, растертой въ легко воспламеняющійся порошокъ.

Одинъ халдей шелъ по правую руку отроковъ, другой—по лѣвую, изображая изъ себя стражу, приставленную къ отрокамъ.

Не доходя до царскихъ вратъ, отроки повернули къ сѣвернымъ алтарнымъ дверямъ, и когда патріархъ вступилъ въ алтарь царскими дверями, вошли въ алтарь и они, только дверями сѣверными.

Началась служба. Нетерпѣніе маленькаго царевича все возрастало.

— Такъ въ этой пещи ихъ будутъ жечь, сестрица?—шепталъ онъ.

— Знамо въ этой... Молчи.

— Скорѣй бы!—нудилъ будущій царь.—А это кто около царскихъ вратъ?

— Отроческій учитель... Замолчишь ли ты, докука?

Служба все шла. Когда кончили седьмую пѣснь канона, посвященную воспоминанію событія трехъ отроковъ предъ царемъ Вавилона Навуходоносоромъ, тогда начали пѣть особый канонъ въ честь отроковъ, гдѣ ирмосы и причеты составлены были примѣнительно къ повѣствованію пророка Даніила объ отрокахъ.

Во время седьмой пѣсни канона отроческій учитель сотворилъ по три поклона передъ мѣстными образами и, поклонившись патріарху, возгласилъ:

— Благослови, владыко, отроковъ на уреченное мѣсто предпоставити!

— Благословенъ Богъ нашъ, изволивый такъ!—возгласилъ и святитель, и благословилъ «по главѣ» отроческаго учителя.

Тогда отроческій учитель отошелъ къ отрокамъ и обвязалъ ихъ по шеямъ убрусами и, по знаку патріарха, отдалъ халдеямъ.

Халдеи схватились за концы убрусовъ и повели свои жертвы, одинъ впереди, другой позади отроковъ, которые, казалось, были испуганы и держались руками другъ за друга.

Царевичъ испуганно вскочилъ съ мѣста.

— Ахъ, повели, повели!—торопливо заговорилъ онъ.—Въ пещь повели!

Находившіеся поблизости саповитые бояре съ любовной улыбкой посмотрѣли на взволнованнаго царевича. Улыбнулся и патріархъ изъ алтаря.

Царевна Софья сильно дернула за полу безпокойнаго братца.

— Молчи ты, Бога ради! Сейчасъ «дѣйство» будетъ!

— Ага! «Дѣйство»! Какое оно?

Царь насилу удержался, чтобъ не расхохотаться.

— О, отроча, отроча! Что-то изъ него выйдетъ?—мысленно говорилъ патріархъ, качая старческой головой.

А Алексѣй Михайловичъ тоже говорилъ себѣ:

«Охъ, рѣзовъ, рѣзовъ, ребенокъ! Тебѣ бы носить шапку Мономаха; по твоей головѣ она... А то достанется она послѣ меня Ѳедору... Бѣдный онъ, недуженъ съ измальства и скорбенъ главой... А послѣ Ѳеди-то... не жилецъ онъ на свѣтѣ... послѣ Ѳеди сядетъ на престолѣ Иванушко... Охъ, и не по его головѣ, шапка-то Мономахова!.. Тебѣ бы ее, Петрушенька... Да не судилъ Богъ. падшій ты»...

Не вѣдалъ «тишайшій», что ему-то, Петрушенькѣ, судилъ Богъ такое, о чемъ «тишайшій» и помыслить не могъ.

Да и святѣйшій патріархъ, качая сомнительно головой, не зналъ, что это наивное «отроча» положитъ навѣки конецъ самому патріаршеству въ Россіи и на мѣсто его поставитъ святѣйшій правительствующій синодъ съ свѣтскимъ чиновникомъ во главѣ.

Не знали и сановитые бояре, любовно улыбавшіеся царственному «малышу», какъ они называли его, не знали, что этотъ «малышъ» всѣмъ имъ обрѣжетъ бороды «подобіе Богово», какъ они вѣрили, и все на Руси поставитъ вверхъ дномъ...

А, между тѣмъ, халдеи, доведя отроковъ до пещи, остановились, и одинъ изъ нихъ изрекъ, указывая пальмовой вѣтвью на эту пещь:

— Дѣти царева! Видите ли сію пещь, огнемъ горящу и вельми распаляему?

— Сія пещь уготовася вамъ на мученіе,—изрекаетъ другой халдей.

Тогда отрокъ Ананія смѣло отвѣчаетъ:

— Видимъ мы пещь сію, но не ужасаемся ея: есть-бо Богъ нашъ на небеси, ему же мы служимъ, той силенъ изъяти насъ отъ пещи сея!

— Молоденъ!—раздался вдругъ голосъ Петрушеньки.

Многіе изъ бояръ невольно фыркнули, а Алексѣй Михайловичъ притворно-строгимъ голосомъ проговорилъ:

— Вотъ погоди у меня, святѣйшій патріархъ велитъ тебя изъ храма вывести.

Но не таковъ былъ мальчикъ, будущій преобразователь Россіи, чтобъ испугаться угрозъ: онъ зналъ, что мать никому не дастъ его въ обиду и на патріарха не посмотритъ. Не даромъ стрѣльцы прозвали ее «медвѣдицей», которая кого угодно задеретъ за своего «медвѣжонка».

Въ это время другой отрокъ, Азарія, подтверждая слова Ананія, говорилъ.

— И отъ рукъ вашихъ избавитъ насъ.

— А сія пещь,—заканчивалъ третій отрокъ, Мисаилъ,—будетъ не намъ на мученіе, но вамъ на обличеніе!

Въ это время протодіаконъ зажегъ «отроческія свѣчи», стоя

съ ними въ царскихъ вратахъ, а отроки запѣли своими нѣжными, дѣтскими голосами:

— И потщимся на помощь!

Протодіаконъ передавалъ теперь свѣчи патріарху, а патріархъ вручалъ ихъ отрокамъ съ благословеніемъ, и отроческій учитель развязывалъ ихъ.

Вся церковь застыла въ ожиданіи продолженія этого «дѣйства», которое въ тѣ времена такъ волновало и умиляло москвичей, какъ теперешнихъ потомковъ ихъ не волнуетъ и не умиляютъ въ оперѣ ни «Евгеній Онѣгинъ», ни «Пиковая дама».

Халдеи, между тѣмъ, начали между собой такой діалогъ.

— Товарищъ!—говоритъ первый.

— Чево?—спрашиваетъ второй.

— Это дѣти царевы?

— Царевы.

— Нашего царя повелѣнія не слушаютъ?

— Не слушаютъ.

— И златому тѣлу не поклоняются?

— Не поклоняются.

— И мы вкинемъ ихъ въ пещь.

— И начнемъ ихъ жечь.

Нѣкоторые изъ бояръ, много разъ видѣвшіе это «дѣйство», съ большимъ любопытствомъ посматривали на волнующагося маленькаго царевича, чѣмъ на самое «дѣйство». Петръ былъ весь огонь и движеніе, глаза его горѣли и самъ онъ, казалось, готовъ былъ ринуться на халдеевъ...

— Ахъ, злодѣи!—шепталъ онъ, стискивая зубы,—Проклятые!

Царевна Софья старалась удержать его, но онъ только сердито сверкалъ на нее глазами.

Между тѣмъ халдеи взяли подъ руки Ананію и силою втолкнули въ пещь.

— А ты, Азарія, чего сталъ?—говорили они второму отроку.—И тебѣ у насъ тоже будетъ.

И этого втолкнули въ пещь. За нимъ Мисаила.

Затѣмъ чередной звонарь принесъ горнъ, наполненный жаромъ, и поставилъ подъ пещь.

Протодіаконъ возгласилъ:

— Благословенъ еси, Господи Боже отецъ нашихъ! Хвально и прославлено имя твое во-вѣки!

— Благословенъ еси, Господи Боже отецъ нашихъ!—запѣли и отроки.—Хвально и прославлено имя твое во вѣки!

Въ это время халдеи ходили около печи съ трубками и пальмовыми вѣтвями, бросая въ печь горящую плаунную траву, и, махая пальмами, раздували огонь.

— И прави путіе твои, и судьбы истинные сотворихъ еси!—возглашалъ, между тѣмъ, протодіаконъ.

Ему вторили дьяки на клиросахъ.

— И распаляшеся пламень надъ пещію!—возглашалъ далѣе протодіаконъ.

А отроки въ пещи, съ своей стороны, пѣли:

— Я же обрѣте о пещи халдейстѣй!

— Благослови, отче, ангела спущати въ пещь,—говорилъ ключарь служащему священнику.

Тогда діаконы отобрали у халдеевъ трубки съ огнемъ, и протодіаконъ возгласилъ:

— Ангелъ же Господенъ сниде купно съ Азариною чадію въ пещь, яко духъ хладенъ и шумящъ!

Вдругъ раздается громъ съ неба. Вся церковь замерла. Даже безпокойный, неукротимый царевичъ притихъ, глядя впередъ расширенными зрачками.

И подъ этотъ громъ съ неба сошелъ ангелъ въ бѣломъ одѣяніи и съ большими бѣлыми крыльями. Это былъ прелестный мальчикъ съ розовыми щеками.

— Ангелъ!.. Ангелъ!.. Ангелъ!—прошелъ по церкви шепотъ не то испуга, не то радости и умиленія.

— Да это Иванушко, нашего крестоваго попа сынъ!—поразилъ всѣхъ голосъ неукротимаго маленькаго царевича, выпалившаго эти слова.

Трудно описать, что послѣдовало за этими словами въ церкви. Патріархъ даже воздѣлъ руки горѣ:

— Господи! Укроти сіе отроча!

— Ахъ, Петрушенька,—силясь не разсмѣяться, шепнулъ

Алексѣй Михайловичъ своему неукротимому сынку,—это ангелъ съ небесъ принялъ только зракъ Иванушки.

При видѣ ангела, пораженные ужасомъ халдеи упали на землю, а діаконы стали опалять ихъ свѣчами.

Придя въ себя нѣсколько, халдеи заговорили:

— Товарищъ!—испуганно проговорилъ первый.

— Чево?—спросилъ второй.

— Видишь ли?

— Вижу.

— Было три, а стало четыре.

— Да, сей грозенъ и страшенъ зѣло, образомъ уподобися Сыну Божію.

Халдеи были побѣждены, и халдейскій царь Навуходоносоръ «посрамленъ бѣ предъ всею».

Видя, что отроки остались невредимы, халдеи уже сами старались вывести ихъ изъ пещи.

— Ананія! Гряди вонъ изъ пещи,—говорилъ первый посрамленный халдей, когда ангелъ, въ образѣ Иванушки поповича, отлетѣлъ на небеса.

— Чего сталъ? Поворачивайся... Не иметъ васъ ни огонь, ни солома, ни смола, ни сѣра,—говорилъ другой.

— Мы чаяли, васъ сожгли, а мы сами сгорѣли.

И отроковъ выводили изъ пещи.

Тогда возглашено было многолѣтіе царю, всему царствующему дому и властямъ.

Больше всѣхъ торжествовалъ маленькій Петръ.

— Батя!—говорилъ онъ, захлебываясь, съ горящими глазами.—Когда я выросту большой, я пойду на халдейскаго царя.

— Ладно, сынокъ,—улыбался «тишайшій» царь. — Охъ, что-то изъ него выйдетъ?—думалъ онъ, возвращаясь отъ заутрени.

„КТО-ТО ВЕРНЕТСЯ?“

Это было въ Новочеркасскѣ, осенью въ памятный Россіи «Двѣнадцатый годъ».

Въ послѣднихъ числахъ сентября у почтеннаго войскового старшины Краснощекова, по случаю возвращенія изъ арміи его раненаго сына, молодого хорунжаго, красавца Бориса, собралось небольшое общество донцовъ. Такъ какъ всѣ благородные сыны Дона въ то страшное для Россіи время,—всѣ, кто былъ въ силахъ носить оружіе,—находились въ войскахъ, боровшихся съ Наполеономъ, то въ гостяхъ у Краснощекова можно было видѣть только старыхъ рубакъ, доживавшихъ своей боевой вѣкъ на покоѣ, и женщинъ.

Вечеръ выдался необыкновенно теплый и тихій. Всѣ гости Краснощекова расположились на галлереѣ его новенькаго дома, съ которой открывался видъ на Аксай и Тузловъ, катившіе свои воды въ Донъ, и на далекую, подернутую дымкою, даль, гдѣ причудливо извивалась между красивыми берегами эта историческая рѣка.

Дамы и дѣвушки, сидѣвшія съ прочими на галлереѣ, были большею частью въ національныхъ костюмахъ, въ «кубилекахъ», и имѣли на головахъ нѣчто вродѣ турецкихъ фесъ, вязаные шелковые колпачки съ кисточками.

Тутъ же сидѣлъ и красавецъ Борисъ, у котораго правая рука была отрѣзана до самаго плеча. Молодой хорунжій разсказывалъ о томъ, какъ онъ потерялъ руку.

— Послѣ Бородина всѣ наши войска потянулись къ Москвѣ,—говорилъ онъ.—Наши станичники съ атаманомъ Платовымъ и партизанскіе отряды съ Давыдовымъ, Фигнеромъ и Сеславинымъ слѣдовали въ аріергардѣ, чтобы сдерживать насѣдающаго непріятеля. Пройдя Можайскъ, мы остановились на почлегъ, чтобы передохнуть и подкрѣпиться кашей. Поставивъ въ секретѣ цѣпь изъ нашихъ, чтобы, въ случаѣ чего, скакали

къ намъ съ «лятучками», мы развели огни. Особенно охотно тѣснились офицеры къ костру Дениса Васильевича. Давыдова. Тутъ были Фигнеръ, Сеславинъ и молоденькій эскадронный командиръ Александровъ-Дуровъ, которому самъ Государь далъ фамилію Александрова, и въ которомъ мы подозрѣвали переодѣтую дѣвушку *). Тутъ же былъ и Бурцевъ—

Бурцевъ ера, забіяка
Собутыльникъ дорогой,—

какъ къ нему писалъ Денисъ Давыдовъ, Бурцевъ былъ уже шибко «подъ чаркой» и все приставалъ къ одному ратнику, по фамиліи Жуковскому, знатному стихотворцу.—«Васенька, голубчикъ! Прочитай намъ, что ты сегодня настрочилъ тамъ подъ березой, ну, будь другъ—прочитай!»—Тотъ все мялся, конфузился, а когда налегли на него Давыдовъ, Фигнеръ и Сеславинъ,—сдался. Вынувъ изъ-за пазухи тетрадку, онъ, придвинувшись къ огню, началъ сначала тихо.

Молодой хорунжій, порывшись лѣвой рукой въ карманѣ чекменя, вынулъ, исписанный листъ бумаги.

— Это мнѣ списали на память,—сказалъ онъ.—Впрочемъ, я выучилъ наизусть этого «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ».

— Ну, ну, Борисъ Александровичъ,—полюбопытствовали нѣкоторые изъ гостей:—прочти-ка.

Молодой Краснощековъ, откашлявшись, началъ:

На полѣ бранномъ тишина,
Огни между шатрами;
Друзья, здѣсь свѣтитъ намъ луна,
Здѣсь кровъ небесъ надъ нами

— Эхъ!—вздохнулъ старикъ Краснощековъ.—И мы это испытали въ молодости, когда гонялись за Емелькой Пугачевымъ.

Сынъ продолжалъ, воодушевляясь:

Наполнимъ кубокъ круговой!
Дружнѣе! рука въ руку!
Запьемъ виномъ кровавый бой
И съ падшими разлуку!

— Я сидѣлъ недалеко отъ Александрова-Дурова и замѣ-

*) Это и была знаменитая «дѣвица-кавалеристъ».

тилъ, что при словахъ «съ падшими разлуку», онъ быстро смахнулъ слезу съ рѣсницъ. Говорятъ, что онъ, то есть «она»—была влюблена въ нашего Грекова, который былъ убитъ подъ Бородинымъ.

При этомъ одна изъ сидѣвшихъ на галлереѣ дѣвицъ молоденькая Сенюткина, страшно поблѣднѣвъ, судорожно схватилась за сердце. Она тоже любила павшаго подъ Бородинымъ Грекова.

Молодой Краснощековъ читалъ далѣе:

Кто любитъ видѣть съ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя...
О, всемогущее вино,
Веселіе героя!

Ітецъ остановился и улыбнулся.

— Ахъ, что произошло тутъ съ Бурцевымъ! Онъ вскочилъ и началъ душить Жуковскаго.—«Вася! Васюточка! Вотъ выронилъ геніальныя словеса: «Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно, тотъ бодро ищетъ боя»... Да, да! «О, всемогущее вино, веселіе героя!» Правда, правда!»

— Насилу Давыдову удалось усмирить восторженнаго «забіяку». Но зато, когда Жуковскій продолжалъ читать далѣе—о «родинѣ святой», у многихъ изъ насъ показались на глазахъ слезы, въ томъ числѣ и у Бурцева.

— И не удивительно!—восторженно проговорилъ старый Краснощековъ.—Борисъ мнѣ читалъ. Ну, Боря, вычти намъ.

Молодой Краснощековъ началъ.

— Вотъ—невольно прошибаетъ слеза умиленія...

Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
  Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
  Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
  Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
  И первыхъ лѣтъ уроки.
Что вашу прелесть замѣнитъ?
  О, родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
  Тебя благословляя!

Всѣ сидѣли зачарованные. По щекамъ стараго рубаки Конькова текли слезы... Юная Сенюткина, опершись на перила гал-

лереи, тихо плакала, затуманенными глазами, созерцая разстилавшуюся впереди панораму Подонья и далекаго горизонта...

— И онъ не увидитъ этого болѣе, не увидитъ! — шептала она.

— О, Донъ родной!—восторженно шепталъ Коньковъ.— Колыбель нашего дѣтства!.. Что можетъ замѣнить тебя!

— А каково-же было слушать это нашимъ станичникамъ гамъ, далеко отъ «тихаго» Дона!—говорилъ хозяинъ.—Сердце должны были рвать эти слова при мысли, что многимъ, можетъ быть, и не удастся ужъ увидѣть «поля, холмы родные»—этотъ родной Аксай, эту даль!

— Но слушайте, что было дальше,—сказалъ молодой Краснощековъ. Услыхавъ чтеніе, наши «гаврилычи» попадвинулись къ костру и жадно прислушивались, боясь дохнуть, какъ на царскомъ смотру... Коли это глядь, нашъ атаманушка, Платовъ!.. Притаился за «чармилами» и тоже слушаетъ, только брови шевелятся у стараго... Но что было дальше!

— Жуковскій немного передохнувъ, и, не подозрѣвая, что его слушаетъ и нашъ Матвѣй Ивановичъ восторженно продолжалъ:

Хвала нашъ вихорь-атаманъ,
  Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ
  Гроза для супостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
  По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
  Бѣдой имъ въ уши свищешь:
Они лишь къ лѣсу—ожилъ лѣсъ.
  Деревья сыплютъ стрѣлы,
Они лишь къ мосту—мостъ исчезъ,
  Лишь къ селамъ—пышутъ села...

— О, Господи! Какая слава донцамъ!—воскликнулъ старый Сенюткинъ.—А насъ, стариковъ, тамъ не было.

— Вождь «невредимыхъ»,—шептала юная Сенюткина:— «невредимыхъ»... а его нѣтъ на свѣтѣ...

На лицахъ у всѣхъ умиленіе и гордость.

— «О, соколики, болѣзные наши! Когда-то мы васъ опять увидимъ»?—колотилось не одно женское сердце.

А заходящее солнце тихо лило на Подонье «родного неба

милый свѣтъ»... По небу летѣли на югъ и перекликались длинныя нити дикихъ гусей... До свиданья, казалось, говорили они.

— Но что тутъ было!—продолжалъ молодой Краснощековъ.—Не успѣли мы опомниться, какъ сквозь толпу нашихъ станичниковъ быстро протискался Платовъ... Смотримъ — по загорѣлому лицу старика текутъ слезы... «Сидите, сидите, господа! Я вотъ къ нимъ»... И онъ порывисто обнималъ Жуковскаго. «Это я-то вихорь-атаманъ... Эхъ, старъ я для вихря... да и не стою такой похвалы... все это мои дѣтки, казачеськи, ихъ хвали, ихъ это слава»... Жуковскій такъ смутился, что слова не могъ сказать. Тогда всѣхъ выручилъ Давыдовъ. «Ваше превосходительство!—сказалъ онъ, поднося къ Платову полный кубокъ вина.—Осушите сей кубокъ во славу тихаго Дона и доблестныхъ сыновъ его... Ура! Нашъ вихорь атаманъ, вождь невредимыхъ, Платовъ!» Ура! Ура!—загремѣло вокругъ костра. Платовъ выпилъ, говоря: Пью за здоровье того, кто такъ своимъ стихомъ прославилъ сыновъ родного нашего Дона! Пью за здоровье тѣхъ безстрашныхъ витязей, которые не даютъ спать проклятому корсиканцу—здоровье Давыдова, Фигнера, Сеславина! Ура!»

Поднялся старикъ Краснощековъ.

— А теперь, дорогіе гости, выпьемъ за здоровье жениха и невѣсты,—торжественно провозгласилъ онъ, взявъ бокалъ съ подноса, вынесеннаго служителемъ на галлерею.

— Кто они? Гдѣ?—послышалось съ разныхъ сторонъ.

Тогда Краснощековъ подвелъ сына къ сидѣвшей рядомъ съ матерью юной Ефремовой.

— Вотъ они,—сказалъ онъ.

— Герой достоинъ такой прекрасной дѣвы,—проговорилъ старикъ Сенюткинъ.

«Бѣдный»!—подумали нѣкоторыя дамы.—Ему одной рукой придется обнимать Олечку».

Начались поздравленія.

Послѣ того хозяинъ снова заговорилъ.

— Прочти же, Боря, конецъ «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ»,—сказалъ онъ.

— Слушаю, батюшка, — отвѣчалъ сынъ.—Когда Матвѣй Ивановичъ помѣстился съ ними около костра, Жуковскій прочелъ слѣдующее:

Хвала безтрепетнымъ вождямъ!
  На коняхъ окрыленныхъ
По доламъ скачутъ, по горамъ
  Во слѣдъ враговъ смятенныхъ;
Днемъ мчатся строй на строй; въ ночи
  Страшатъ, какъ привидѣнья;
Блистаютъ смертію ихъ мечи,
  Отъ стрѣлъ ихъ нѣтъ спасенья;
По всѣмъ разсыпаны путямъ,
  Невидимы, и—зримы;
Сломили здѣсь, сражаютъ тамъ,
  И всюду невредимы.
Нашъ Фигнеръ старцемъ въ станъ врагозъ
  Идетъ во мракѣ ночи;
Какъ тѣнь прокрался вкругъ шатровъ,
  Все зрѣли быстры очи...
И станъ еще въ глубокомъ снѣ,
  День свѣтлый не проглянулъ—
А онъ ужъ, витязь, на конѣ,
  Уже съ дружиной грянулъ.
Сеславинъ—гдѣ не пролетитъ
  Съ крылатыми полками,
Тамъ брошенъ въ прахъ и мечь, и щитъ,
  И устланъ путь врагами.
Давыдовъ, пламенный боецъ,
  Онъ вихремъ въ бой кровавый,
Онъ въ мирѣ—счастливый пѣвецъ
  Вина, любви и славы...

— Боже, какъ дивно!—восторженно сказалъ старый Коньковъ.

Всѣ были въ неописанномъ восторгѣ.

— Но разскажи же, Боря, какъ тебя ранили и гдѣ?—спросила крестная мать молодого Краснощекова.

— О, это было тамъ же, почти у самаго костра,—сказалъ безрукій женихъ.—Находясь въ ту ночь въ секретѣ, мои односумы открыли непріятеля, который, пользуясь темнотой, вздумалъ напасть на насъ неожиданно. Замѣтивъ моихъ односумовъ въ секретѣ, французы дали залпъ. Мы моментально сѣли на коней и помчались навстрѣчу врагу. Въ горячей схваткѣ я разсѣкъ голову одному французу и только замахнулся на другого, какъ подоспѣвшій къ нимъ проклятый мамелюкъ однимъ ударомъ отрубилъ мнѣ руку своей дамасской саблей... Выше локтя отсѣкъ.

Дамы невольно вздрогнули. Невѣста, юная Олечка Ефремова, съ невѣроятнымъ трудомъ удержалась, чтобы не вскрик-

путь и не впасть въ обморокъ. Впрочемъ, тогдашнія барышни на Дону не знали, что такое обморокъ.

— Рана на отрубленной рукѣ прикинулась, и ее пришлось отрѣзать почти у самаго плеча, чтобы избѣжать антонова огня,— закончилъ молодой хорунжій.

Наступило молчаніе. Заря медленно догорала. За Аксаемъ ложились тѣни.

— Что-то тамъ? — тихо вздохнулъ, казалось, застоналъ, Коньковъ.

— Эхъ, кабы молодость!—вздохнулъ и хозяинъ.

— Не проститъ ему Русь-матушка за пожаръ Москвы,— проговорилъ Сенюткинъ.

— Да пожаромъ-то только его и выкурили, — сказалъ хозяинъ.

— Кто-то изъ нашихъ воротится на Донъ, да и скоро ли?— качала головою хозяйка, съ любовью глядя на сына, который подсѣлъ къ невѣстѣ.

Изъ полумрака сумерекъ доносилось чье-то старческое пѣніе.

Знаемъ—знаемъ въ мы Расеи,
Знаемъ Донъ отколь текетъ...

— Это старый, безногій Ефимычъ,—сказалъ хозяинъ.— Подъ Бранловымъ, на моихъ глазахъ, турецкое ядро оторвало ему лѣвую ногу и наповалъ убило его меренка.

Старческій голосъ доносился изъ полумрака:

Ой, вы, слуги, мои слуги, вы донскіе казаки,
Сеслужите службу вѣрну—службу бѣлому царю.

Голосъ мало-по-малу умолкалъ въ отдаленіи.

Все болѣе и болѣе темнѣло. На небѣ зажигались звѣзды.

Всѣ молчали... Издали откуда-то доносилось грустное женское пѣніе.

И дѣ-же тому статься,
Чтобъ съ нами видаться
И дѣ-жъ тому сбыться—
Назадъ воротиться?..

— Это Палага, молоденькая жена Гриши Чекомасова,— сказалъ хозяинъ.—Только на красную горку поженились, а онъ ужъ съ Петрова дня—т а м ъ...

Всѣ молчали, но всѣ думали: «Кто-то вернется?»...

ИЗЪ ОСТРОГА ДО ЦАРСКАГО ПОРОГА.

I.

«Тишайшій» царь Алексѣй Михайловичъ въ зимнее время, по вечерамъ, очень любилъ слушать чтеніе вслухъ своей любимицы Софьи Алексѣевны, которая, будучи отъ природы способнымъ ребенкомъ, очень рано выучилась читать.

Вотъ и теперь, наканунѣ рождественскаго сочельника 1864 года, тринадцатилѣтняя царевна сидитъ за столомъ въ образной горницѣ Алексѣя Михайловича передъ раскрытой толстой книгой, въ то время, какъ «тишайшій», украдкой отъ своей любимицы позѣвывая и крестя ротъ, ласково говоритъ:

— Ахъ, ты, стрекоза! Али ты отъ новаго учителя, отъ Симеона Ситіановича Полоцкаго наслышалась о Колядѣ, коею завтрея по деревнямъ невѣгласы бѣсовъ тѣшатъ?

— Нѣтъ, батя, не отъ Симеона Ситіановича, а отъ сѣнныхъ дѣвушекъ слыхала,—оживленно возражаетъ дѣвочка,—таково, сказываютъ, занятно. Обрядятъ эту самую Коляду въ дорогой сарафанъ, въ косу заплетутъ ленты разныя, алыя, лазоревыя, всякія, а поверхъ надѣнутъ бѣлую срачицу, посадятъ въ сани и возятъ по селу, а сами поютъ таково хорошо:

Уродилась Коляда
Наканунѣ Рождества

— Все сіе одна дурость невѣгласовъ, мало ихъ попы учатъ,—замѣчаетъ Алексѣй Михайловичъ.

— А другіе, въ другихъ деревняхъ поютъ,—не перестаетъ болтать царевна,—таковы слова:

Шла Коляда
Изъ Новаграда.

— Вотъ еще! Мало ли, дочурка, по деревнямъ всякой дурости творится,—говорилъ Алексѣй Михайловичъ, снова позѣвывая и крестя ротъ.—А ты вычти-ка, вонъ, что объ одной Колядѣ пишутъ святые отцы въ Кормчей... Коляда—сіе есть идоложертвенное служеніе... Чти-ко.

— Ахъ, батя, я ужъ безъ указки навострилась читать, а ту указку, нарядную, съ райской птичкой на держалѣ, что подарилъ мнѣ Симеонъ Ситіановичъ, я отдала братцу, царевичу Ѳедѣ,—щебетала дѣвочка.

— Да онъ читать не умѣетъ.

— Научится, когда подрастетъ.

— Добро! А ты, егоза, чти и безъ указки.

Царевна, встряхнувъ головой, читаетъ:

«Коляды суть перьвіи въ коемждо мѣсяцы дни, въ нихъ же обычай бѣ еллиномъ творити жертвы, мужемъ облачающимся въ женьскія одежды, женамъ же въ мужьскія»...

— Ахъ, батя, чай, весело было имъ...

— А ты, чти далѣе, мельница вѣтрена,—перебиваетъ ее отецъ.

«Святіи же отцы,—покорно продолжаетъ читать царевна,—не повелѣваютъ мужемъ обличатися въ женьскія ризы, ни женъ въ мужьскія, еже творять на праздники Діонисовы»...

— А какіе такіе, батя, праздники Діонисовы?—любопытствуетъ Софья Алексѣевна.

«Тишайшій» заминается, медлитъ отвѣтомъ...

«Вотъ тебѣ тутъ и шевели мозгами,—думаетъ «тишайшій»,—экая дѣвка! До всего дойти ей надоть... Каковъ таковъ оный Діонисъ?.. Должно, идолъ»...

— Идолище такое, — вдругъ догадывается непризнанный профессоръ.—Златое тѣло... Помнишь, чай, пещное дѣйство»...

— Ахъ, помню, помню!.. Когда три отрока, царевы дѣти, Ананія, Азарія и Мисаилъ, не слушались страшныхъ халдеевъ и не покланялись златому тѣлу, и зато злые халдеи втолкнули отроковъ въ пещь огненную, и съ нимъ въ пещь спустился просвирнинъ сынъ Юша съ крыльями, какъ ангелъ,—торопилась выложить всѣ свои знанія царственная дѣвочка.

— Просвирнинъ, Юша,—бормоталъ «тишайшій» царь,—то было дѣйство... акиби ангелъ... Какой тамъ Юша!

— Да, Юша, батя, я его, чать, узнала...

«Ужъ и дѣвка! Вотъ и вывертывайся... А тутъ еще Діонисъ какой-то»,—волновался въ душѣ добрый царь.

— Идолище оный Діонисъ, златое тѣло, какъ на полѣ Деирѣ,—сказалъ онъ вслухъ.—Ну, чти далѣ.

Софья отыскала то мѣсто въ Кормчей книгѣ, на которомъ остановилась, и снова читала:

«Еже творять на праздники Діонисовы пляшюще, ни лицъ же косматохъ возлагати на ея, ни козлихъ, ни сатуринскихъ, яже нынѣ творятъ селяне не вѣдуще, что творять»...

Дѣвочка сдѣлала большіе глаза.

— Каки таки, батя, лица косматы, да козліи, да сатур... сатурински?—съ удивленіемъ спрашивала она.

— Хари такія... чать, видѣла ряженыхъ на святки...

— Ахъ, и то видѣла... Хари всякія, и ряженые медвѣдемъ, козой...

Алексѣй Михайловичъ всталъ. Онъ видѣлъ, что если чтеніе будетъ продолжаться, то бѣдовая дѣвочка забросаетъ его вопросами, на которые онъ не сумѣетъ отвѣчать, и черезъ то потеряетъ родительскій авторитетъ у любознательнаго ребенка.... Одинъ этотъ Діонисъ чего ему стоилъ... Хорошо, что съ харями вывернулся...

— Ну, дочечка, пора тебѣ и спать,—сказалъ онъ, снова зѣвая и крестя ротъ.

— Зачѣмъ ты, батя, крестишь ротъ, когда зѣваешь?—не унималась дѣвочка.

— А чтобъ нечистый не вошелъ въ человѣка, когда онъ безъ креста ротъ разѣваетъ...

«Ну, пора, пора прогнать ее, а то закидаетъ вопросами»...

— Такъ иди, дѣточка, спать, благослови тебя Господь... Да и мнѣ пора... Мнѣ надоть будетъ встать въ четыре часа, до свѣту.

— Зачѣмъ, батя, такъ рано?

— А чтобъ, по слову Христа, тайно посѣтить въ темницахъ заключенныхъ и плѣненныхъ и передъ великимъ праздникомъ раздать имъ милостыньку... Таковое Христово велѣніе я исполняю ежегодно...

— Ахъ, батя, возьми и меня съ собой... И я хочу по слову Христа подать милостыньку заключеннымъ въ темницахъ плѣненнымъ,—не унималась царственное дитя.

— Да ты, дѣтка, въ тѣ поры будешь баинькать.

— Нѣтъ, батя, батюшка-царь, я всю ночь не буду спать.

— Да тебѣ, дѣточка, не пригоже.

Въ это время въ дверь образной горницы осторожно просунулась сѣдая голова въ кокошникѣ.

— Государь, батюшка, пора бы царевнушкѣ помолиться и въ постелюшку,—сказала пришедшая.

— Ахъ, мамушка!—нетерпѣливо передернула плечиками царевна.—Тебѣ бы все постелюшка да постелюшка . Чать, сама, старая, дремлешь.

— А мы, мамка, всю ночь собираемся не спать,—засмѣялся Алексѣй Михайловичъ.

— Господи Іисусе Сыне Божій!—всплеснула руками старушка.—Что этта вы еще выдумали?

— Да собираемся съ нею утресь посѣщать заключенныхъ въ темницахъ и плѣненныхъ и раздавать имъ милостыньку.

— Что ты, матушка-царевна, бусурманка, что ли, прости Господи!—разводила руками мамка.—Изъ дѣвичья терема, чу, да въ остроги... свѣтить дѣвичьимъ личикомъ задумала...

Царевна стояла красная, не смѣя взглянуть на отца.

— Ну, иди, иди, дѣточка, пора,—погладилъ ее «тишайшій» по головкѣ.—Господь да благословитъ твой невинный дѣтскій сонъ!

Софья бросилась отцу на шею.

— Ахъ, батя, батя! Каково мнѣ сладко быть съ тобой, вѣкъ бы не ушла!

— Ну, ну, дѣтка... Завтра свидимся... Иди, спи съ Богомъ.

Мамка взяла ее за руку и, низко поклонившись царю, вышла съ своей неугомонной питомицей.

— Ну, гора съ плечъ,—вздохнулъ «тишайшій» царь.—Закидала меня вопросами... А ужъ этотъ Діонисъ... Совсѣмъ-таки съ толку сбила... Ужо поспытаю либо святѣйшаго патріарха, либо Симеона Полоцкаго, кто сей Діонисъ... Такъ мекаю: еллинскій идолъ... Коли ежели бы Діонисій, такъ оно было бы христіанское имя... А то Діонисъ, и еллины ему жертвы творятъ, пляшуще... Чему иному быть, какъ не идолу... Ужъ и дѣвка же моя дочурка!

Въ горницу вошелъ постельничій... Пора великому государю почивать итти.

II.

Согласно традиціонному обычаю своихъ предшественниковъ, русскихъ царей и великихъ князей, «тишайшій» царь Алексѣй Михайловичъ, подобно другимъ благочестивымъ людямъ древней Руси, считалъ долгомъ христіанской морали накапунѣ великихъ праздниковъ творить добрыя дѣла: раздавать милостыню заключеннымъ въ темницахъ и плѣнникамъ, но подъ строжайшей тайной, дабы, по писанію, лѣвая рука не вѣдала, что творитъ правая, а десница не вѣдала добрыхъ дѣяній шуйцы.

Такъ и теперь, накапунѣ рождественскаго сочельника 1664 года.

За четыре часа до разсвѣта уже все во дворцѣ было готово для тайнаго выхода Алексѣя Михайловича. «Тишайшій» царь былъ одѣтъ въ обыкновенное боярское платье, чтобы посѣщаемые имъ колодники и плѣнные не знали, что ихъ утѣшаетъ милостыней и ободряющимъ словомъ самъ великій государь.

Въ то время это легко дѣлалось. Лицо царя было извѣстно лишь немногимъ, и преимущественно дворскимъ. Царскіе портреты были тогда величайшей рѣдкостью не такъ какъ теперь, когда литогравированные или олеографическіе портреты Государя и Государыни, а равно другихъ лицъ Царствующаго Дома находятся въ самыхъ далекихъ, въ самыхъ укромныхъ захолустьяхъ. Неудивительно поэтому было появленіе въ древнія времена самозванцевъ: назвался такимъ-то царемъ или царевичемъ, наплелъ онъ о себѣ разныхъ исторій да показалъ довѣрчивой толпѣ «царскіе» знаки на тѣлѣ, какія-нибудь золотушныя пятна на груди или на плечѣ, и бѣглаго казака признаютъ императоромъ.

Алексѣй Михайловичъ былъ вполнѣ увѣренъ, что ни одинъ колодникъ его не узнаетъ.

И вотъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ приближенныхъ, «тишайшій» царь явился въ преображенскій острогъ подъ видомъ «царскаго посланца».

Многимъ онъ уже роздалъ милостыню, многихъ ободрилъ словомъ утѣшенія, когда одинъ колодникъ особенно заинтересовалъ его.

На вопросъ, за что онъ посаженъ, колодникъ сначала стѣснялся отвѣчать.

— Да ты не бойся, говори всю правду «царскому посланцу»,—успокаивалъ его одинъ окольничій,—великій государь милостивъ... Сказывай, за что сидишь?

— За кречета,—былъ нерѣшительный отвѣтъ.

При словѣ «кречетъ» лицо «тишайшаго» царя мгновенно оживилось.

Страстный соколиный охотникъ, онъ не могъ равнодушно слышать, когда упоминали о соколахъ, кречетахъ, ястребахъ.

— Какъ за кречета? За какого кречета?—встрепенулся царь-охотникъ.

— Да за таково, бояринъ, какова може и у батюшки-царя нѣтъ, пошли ему Господи здравія на многи годы!—оживился и колодникъ.

Гордость царя-охотника была задѣта за живое.

— Что ты мелешь? Такихъ кречетовъ, какъ у меня, по всему свѣту не сыскать!—проговорился онъ.

Ближній бояринъ и окольничій, бывшіе съ нимъ, предостерегательно подкашляпули.

«Выдать себя изволилъ великій государь... Какъ бы не догадался колодникъ, кто съ нимъ разговариваетъ»,—съ опаской подумалъ ближній бояринъ.

И гордость колодника была задѣта.

— Нѣту, бояринъ, не говори,—возразилъ онъ.—Однова мой кречетъ и царскаго любивца «Угоняя» на бобахъ оставилъ.

— «Угоняя»! Какъ? Когда? — заволновался «тишайшій» царь.

— Да опомнясь царь-батюшка изволилъ тѣшиться соколиной охотой подъ Ильинскимъ,—говорилъ колодникъ,—а мнѣ и невдомекъ, что то царска охота. А я въ тѣ-поры проходилъ лѣсомъ съ моимъ кречеткомъ, съ «Ушибаемъ». Коли вижу, взмыли надъ лѣсомъ двѣ цапли, таково высоко... Анъ, глядь, за ними, словно изъ лука стрѣла, гонитъ царскій кречетъ «Угоняй», какъ мнѣ послѣ сказывали царски кречатники. Не вытерпѣлъ мой «Ушибай»; я и не взвидѣлъ, какъ онъ взвился съ мово плеча, да и вперегонъ съ царскимъ... Куда жъ царскому!.. Мой сразу подшибъ одну цаплю, и она словно платъ кувыркомъ понеслась мертвая, на-земь!.. Другая цапля, давай Богъ крылья, наутекъ... «Угоняй» за ней... И тутъ его перешибъ мой кречетокъ, перешибъ его славу, и другу цаплю порѣшилъ.

Алексѣй Михайловичъ былъ пораженъ. Онъ вспомнилъ этотъ случай, когда его гордость и слава «Угоняй» былъ посрамленъ чьимъ-то неизвѣстнымъ кречетомъ, котораго сколько потомъ ни искали по лѣсу и по полямъ царскіе кречатники, такъ и не нашли—словно въ воду канулъ.

— Помню, помню этотъ случай,—проговорилъ царь, все еще, видимо, взволнованный.

— Какъ не помнить!—сказалъ ближній бояринъ.—Словно кто напустилъ...

— Еще въ тѣ-поры Михейку кречатника едва изъ петли вынули: повѣсился малый,—пояснилъ окольничій.

— Вѣстимо, со страху, — добавилъ ближній бояринъ,— боялся, не доглядѣлъ-де... порчу-де на «Угоняя» лихіе люди напустили.

Наконецъ, Алексѣй Михайловичъ нѣсколько пришелъ въ себя.

— Кто жъ ты?.. Каковъ человѣкъ будешь?—спросилъ онъ колодника.

— Я изъ города Богородска, одподворецъ, Кузькой Рваным дразнятъ,—отвѣчалъ послѣдній.

— Такъ ты и посаженъ сюда за свово кречета?

— Точно, за кречета, бояринушка.

— Какъ же, такъ, человѣче? Мнѣ что-то невдомекъ... Укралъ ты у кого кречетка-то? За сіе въ острогъ попалъ, а?

— Помилуй Богъ, бояринушка!—оправдывался Рваный.— Кречетокъ мой собственный.

— Да ты, Кузьма, сказывай толкомъ!—не вытерпѣлъ ближній бояринъ.—Кречетъ твой собственный, сказываешь, а за него тебя въ острогъ упрятали, что ты небылицу городишь? Кто упряталъ-то?

— Воевода... Какъ прослышалъ онъ, что мой кречетъ перешибъ славу царскому кречету, то и замыслилъ насилки отнять у меня птицу... Я возьми да и спрячь ее... Сколько ни искали воеводски слуги мово кречета, такъ и не нашли... И осерчалъ тады на меня воевода: поклепъ на меня взвелъ, быдто я разбойнымъ дѣломъ займаюсь да въ разбойный приказъ меня, а изъ приказу одна дорога—подъ кнутъ да ноздри рваны.

И колодникъ заплакалъ.

Разсказъ его возмутилъ душу «тишайшаго» царя.

— Коли ты истинную правду повѣдалъ, человѣче, то быть твоему воеводѣ здѣсь, на твоемъ мѣстѣ, а за лиходѣйство его будетъ битъ онъ батоги нещадно, дабы инымъ таковое творить было неповадно,—проговорилъ государь.—Что жъ, человѣче, твой кречетъ живъ? Вѣдомо тебѣ?

— Живъ, батюшка бояринъ,—отвѣтилъ Рваный.—Землячекъ онамедни навѣдался ко мнѣ въ острогъ, такъ отай шепнулъ: живъ-де и хоропится у него.

Ближній бояринъ подошелъ къ Алексѣю Михайловичу и незамѣтно подалъ ему какой-то знакъ. Государь понялъ его.

— Такъ вотъ что, Кузьма,—сказалъ ближній бояринъ;—мы нонѣ же доложимъ о тебѣ великому государю, и онъ укажетъ учинить розыскъ и тебѣ, и воеводѣ... Кто твой лиходѣй этотъ воевода, богородскій?

— Богородскій, бояринъ, точно, Иванъ Митричъ Крутищевъ.

— А съ котораго время ты въ острогѣ?

— Съ Казанской, батюшка-бояринъ, съ самой Казанской.

— Добро. Токмо ты, Кузьма, никому здѣсь не сказывай, о чемъ мы нонѣ съ тобой говорили, покуль мы не доложимся великому государю и его царское пресвѣтлое величество не укажетъ объ учиненіи «розыска».

Смотритель тюрьмы зналъ, конечно, что колодниковъ его навѣстилъ самъ государь, но онъ не смѣлъ присутствовать при бесѣдѣ царя съ арестантами, и потому, когда «тишайшій», одѣливъ Рванаго деньгами, оставилъ съ своей свитой тюрьму, и когда смотритель любопытствовалъ узнать, почему государь такъ долго разговаривалъ съ Кузькой Рванымъ, послѣдній на вопросъ о томъ смотрителя, отвѣчалъ:

— Заказано говорить, ваша милость, до указа государева заказано.

— А ты знаешь, кто они такіе?

— Знамо, царски слуги, бояре.

III.

Въ ту же ночь гонцы полетѣли въ Богородскъ за воеводой и за кречетомъ. Окольничій, сопровождавшій въ эту ночь царя

въ его посѣщеніи Преображенской тюрьмы, видя нетерпѣніе своего государя скорѣе видѣть диковиннаго кречета, на минуту воротился въ тюрьму и отъ имени государя велѣлъ Рваному открыть «по тайности», гдѣ сберегается его кречетъ.

Для заинтриговавшей царя птицы гонцы захватили съ собой просторную золоченую клѣтку, «супротивъ мороза ухетанную соболями».

Алексѣю Михайловичу такъ нетерпѣлось, что онъ велѣлъ подъ гонцовъ выдать изъ царской конюшни лучшихъ скаковыхъ коней.

— А кречета пусть бы берегли пуще зѣницы очей своихъ,— наказывалъ царь ближнему боярину.

Доставленный въ Москву въ тотъ же день богородскій воевода, сведенный на очную ставку съ Рванымъ, во всемъ повинился. Кречетъ же вмѣстѣ съ клѣткой бережно былъ внесенъ въ столовую палату, гдѣ уже находился царскій любимецъ «Угоняй», привезенный изъ царской кречетни, съ соколинаго двора.

Кузьма Рваный, освобожденный отъ колодокъ, также былъ приведенъ приставами во дворецъ въ ожиданіи выхода государя въ столовую палату.

Маленькая царевна Софья ей одной извѣстными путями провѣдала обо всемъ этомъ и прилетѣла къ отцу вся возбужденная.

— Тебѣ привезли новаго кречета, который перешибъ славу твоего «Угоняя»,—авторитетно заявила она.

— А откуда ты, стрекоза, провѣдала о немъ?—изумился царь.

— Сѣнныя дѣвушки сказываютъ.

— Ужъ эти мнѣ сороки! Все на своихъ хвостахъ разносятъ!—недовольнымъ тономъ проговорилъ «тишайшій».

Но эта угроза не подѣйствовала нисколько на возбужденное любопытство маленькой царевны.

— А кречетъ уже въ столовой палатѣ,—продолжала она докладывать.—Ты видѣлъ его, батя?

— Опять вопросы!—подумалъ «тишайшій».—А объ Діописѣ такъ не довелось поспрошать ни у святѣйшаго патріарха, ни у Симеона Полоцкаго.

— Покажи мнѣ его,—продолжала нудить царевна.

Царю и самому хотѣлось поскорѣй увидѣть диковинную

птицу; но ему приходилось соблюдать придворный этикетъ для выхода: онъ ждалъ доклада ближняго боярина.

Дѣло было къ вечеру, хоть еще «до звѣзды», съ появленіемъ которой на небѣ православнымъ разрѣшается вкушать отъ плодовъ земныхъ.

— А знаешь, батя, что такое суть планида?—не унималась Софьюшка.

— Ну, пошли опять вопросы!—подумалъ Алексѣй Михайловичъ, показывая видъ, что не слушаетъ своей «озорницы».

— А я знаю,—хвасталась «озорница».—Нонѣ утресь у мамы сидѣлъ божій страничекъ и челъ книгу «Златый Бисеръ» и о «планидалъ» челъ. И я то, батя, все запомнила... Хочешь прочту?

И, не дожидаясь отвѣта, благодаря своей удивительной памяти, начала скороговоркой, точно дьячекъ въ церкови, читать наизусть, глядя въ потолокъ.

— Понеже нѣкія планиды или звѣзды суть студени естествомъ, то тѣ самыя естества пріемлетъ человѣкъ отъ звѣздъ: который человѣкъ студенаго и сухого естества есть, той молчати любитъ и нескоро вѣритъ тому, что слышитъ. А который человѣкъ студенаго и волглаго естества, той, что ежели слышитъ, скорѣе высказываетъ и много глаголетъ.

— Вотъ ты, чаю, родилась подъ студеной и волглой планидой, чего ради и много глаголешь,—весело разсмѣялся «тишайшій».

— А ты слушай дальше,—настаивала Софьюшка;—«Златой бисеръ» повѣдаетъ: «ежели планида Марсъ или рещи Арисъ горячаго и сухого естества, то которая жена родится подъ тою планидою, и тая жена бываетъ дерза языкомъ и иматъ желаніе на многіе мужи»...

Въ это время на дорогѣ показался ближній бояринъ.

— Готово?—нетерпѣливо спросилъ Алексѣй Михайловичъ, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха.

— Готово, великій государь,—отвѣчалъ бояринъ.

— И Кузьма въ столовой?

— Въ столовой, государь.

Алексѣй Михайловичъ поднялся, чтобы итти

— И я съ тобой, батя,—прильнула царевна къ рукѣ отца.

— Добро, иди... Съ тобой ничего не подѣлаешь.

Войдя въ столовую палату, государь прямо подошелъ къ клѣткѣ съ новымъ кречетомъ и открылъ дверцу.

Едва онъ успѣлъ это сдѣлать, какъ его любимый кречетъ «Угоняй», давно наблюдавшій со своей жерди за новичкомъ-кречетомъ, мгновенно влетѣлъ въ клѣтку и, распустивъ хвостъ и крылья, сталъ, словно пѣтухъ около курицы, выдѣлывать хитрыя колѣнца.

— А!—засмѣялся Алексѣй Михайловичъ.—Добрый молодецъ подбивается къ красной дѣвицѣ.

Дѣйствительно, царскій кречетъ былъ самецъ, а привезенный изъ Богородска оказался самкой.

Между тѣмъ владѣлецъ новаго кречета, узнавъ въ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ то самое лицо, которое разговаривало съ нимъ въ острогѣ и которое онъ принималъ за простого боярина, совершенно растерялся.

«Тишайшій» не успѣлъ обернуться къ нему, какъ тотъ ничкомъ упалъ передъ нимъ.

— Царь-государь, смилуйся!—испуганно шепталъ онъ.

— Да въ чемъ тебя, Кузьма миловать?—ласково говорилъ государь.—Вины твоей передо мной нѣту ни единой.

— Я тогды съ простоты моей не призналъ тебя, батюшка-царь.

— Ну, добро. Встань и разскажи мнѣ, гдѣ и какъ добылъ ты экую красавицу,—сказалъ государь, указавъ на клѣтку, гдѣ придворный кавалеръ продолжалъ ухаживать за деревенской красавицей, что очень занимало маленькую царевну, не отходившую отъ клѣтки.

— Встань, человѣче,—повторилъ царь.

Но едва Кузьма поднялся на ноги, весь смущенный, какъ его кречетъ тотчасъ же вылетѣлъ изъ клѣтки и усѣлся на плечо къ своему хозяину, видимо, обрадовавшись ему.

— Вишь, какой баловникъ,—усмѣхнулся «тишайшій».—А ко мнѣ мой «Угоняй» не садится на плечо. Чѣмъ ты его привадилъ такъ?—спросилъ онъ.

— Голодомъ, государь-батюшка,—робко отвѣтилъ бывшій колодникъ.

— Какъ голодомъ, говоришь?

— Точно, голодомъ, государь-батюшка: не кормлю его дол-

гонько, а опосля того положу себѣ на плечо либо мышку, либо воробышка... Онъ, голодный-то, увидитъ, и въ ту мыть на плечо.

Недавній колодникъ разговорился. Простота и ласковость государя ободрили его и покорили его сердце. Онъ самъ дивился своей смѣлости.

— Оттого, государь, съ голодухи, птица и на летъ легчае, летъ у ей, у голодной, куды быстряе бываетъ... Вотъ и тады мой-отъ кречетокъ былъ голоденъ и, увидавъ двухъ цапель, взмылъ, что ошпаренный, и обѣ цапли ушибъ, а твой красавецъ, видно чижолъ былъ опосля сытнаго корму.

— Вѣрно, вѣрно,—согласился государь.—Да ты, я вижу, мастеръ своего дѣла по соколиной части. А какъ ты добылъ своего красавца?

— Самъ выкормилъ ево, государь батюшка: махонькимъ изъ гнѣзда выдралъ, обоихъ было выдралъ, да другово птенчика, слѣзаючи съ высокаго осокоря, маленько прищемилъ за пазухой у себя, онъ и околѣлъ.

— Такъ говоришь, меньше корму надоть давать?—любопытствовалъ государь.

— Точно, царь-государь, поменѣ: этта ловчая птица но курица тебѣ, либо гусь, а либо индѣйка, что назарѣзъ идутъ... Ловчей птицѣ легкость нужна, а то она съ сытово-ту корму чижалѣетъ, и летъ у ей не тотъ.

«Совсѣмъ разговорился нашъ Кузьма. Передъ воеводой пикнуть не смѣлъ, а тутъ—накося передъ великимъ государемъ, словно передъ ровней, такъ и сыплетъ словами, точно горохомъ», удивлялся про себя ближній бояринъ.

— Да ты, я вижу, соколиный мудрецъ,—милостиво улыбался государь. — Точно, ловчей птицѣ легкость подобаетъ.. Мудрецъ, воистину мудрецъ! Съ нынѣшняго же дня быть тебѣ, Кузьма, старостой на моемъ государевомъ соколиномъ дворѣ.

Сначала Кузьма не понялъ, какое благополучіе ожидаетъ его, и продолжалъ философствовать, совсѣмъ распоясался съ своимъ языкомъ.

— Легкость—первое дѣло... Вотъ и нашъ братъ, захребетникъ, съ голодухи куда легокъ на подъемъ... А купчина вонъ, съ сытости, съ хорошей ѣствы, чижалѣетъ, словно боровъ саженый... Такъ и ловчая птица.

Государь уже весело смѣялся отъ сравненія купчины съ откормленнымъ кабаномъ.

— Вѣрно, вѣрно, Кузьма-мудрецъ... Быть же тебѣ у меня соколинымъ старостой.

Бояринъ успѣлъ шепнуть этому мудрецу, когда государь отвернулся къ своему кречету:

— Благодари великаго государя за неизрѣченную тебѣ милость... Кланяйся земно.

Кузьма повалился въ ноги.

— Добро, добро, человѣче,—говорилъ государь.—Положу я тебѣ такое жалованье, какова ты во снѣ не видалъ.

Ошеломленный царскою милостью Кузьма онѣмѣлъ, когда понялъ въ чемъ дѣло.

— У воеводы, вижу, губа не дура,—говорилъ государь, любуясь новымъ кречетомъ.—Что онъ, въ острогѣ уже?

— Въ острогѣ, государь,—отвѣчалъ ближній бояринъ.

— Прости его, батя, прости, на радостяхъ, для праздника,—шептала царевна Софьюшка, заглядывая лисичкой въ глаза отцу.

— Инъ быть по-твоему—прощаю на радостяхъ.

Уходя изъ дворца, точно въ какомъ-то угарѣ, новый соколиный староста бормоталъ:

— Никто, какъ Богъ... Вишь ты, изъ острога да до царскаго порога... Растоплюсь теперь въ слезѣ на молитвѣ за батюшку-царя.

ДВА ПРИЗРАКА.

I.

Это было очень давно, такъ давно, что не существовало даже того, что мы называемъ Россіей: страны, занимаемыя нашимъ отечествомъ, считались тогда невѣдомыми странами, terrae incognitae, южныя части которыхъ назывались Сарматіею и Скиѳіею, а сѣверныя Гиперборей.

Властелинъ тогдашняго міра, императоръ Августъ, въ своемъ палатинскомъ дворцѣ, въ Римѣ, выслушивалъ доклады своего совѣтника и друга Агриппы и только что прибывшаго изъ Іерусалима сенатора Вара, намѣстника Сиріи и Палестины.

— Итакъ, перепись населенія моей имперіи окончена,—въ раздумьѣ произнесъ Августъ, перебирая разложенные передъ нимъ свитки,—теперь, вмѣстѣ съ іудеями, я насчитываю у себя болѣе ста милліоновъ подданныхъ... Но почему счетчики такъ запоздали съ переписью въ Іудеѣ?—спросилъ онъ, обращаясь къ Вару.

— По очень странному обстоятельству, божественный царь,—отвѣчалъ Варъ съ легкою улыбкой,—переписи помѣшалъ твой соперникъ и претендентъ на владычество надъ вселенною.

— Какъ!—удивился императоръ.—Мой соперникъ?

— Такимъ его, по крайней мѣрѣ, считаетъ Иродъ-Антипа: онъ мнѣ самъ это говорилъ.

— Кто же онъ? Какой-нибудь дерзкій восточный царекъ?

— Нѣтъ, божественный цезарь: только что народившійся іудейскій Младенецъ, имени Котораго не знаетъ даже самъ Иродъ. Дѣло въ томъ, что когда перепись населенія Іудеи приближалась уже къ концу, и я надѣялся скоро привезти въ Римъ результаты этой переписи, какъ къ Ироду явились три восточныхъ мудреца и спрашивали его, гдѣ находится только что народившійся Царь вселенной. О рожденіи Его они узнали по знаменіямъ небесъ. Иродъ отвѣчалъ мудрецамъ, что ни о чемъ подобномъ онъ не слыхалъ. Но когда онъ спросилъ объ этомъ первосвященниковъ и ученыхъ іудейскихъ мужей, то тѣ отвѣчали, что Царь вселенной долженъ народиться въ Виѳлеемѣ, маленькомъ городкѣ, недалеко отстоящемъ отъ Іерусалима. Конечно, извѣстіе это не могло не встревожить Ирода. Поэтому, когда восточные мудрецы отправились въ Виѳлеемъ на поклоненіе удивительному Новорожденному и потомъ оставили Іудею, не заходя къ Ироду и не объявивъ ему о томъ, что они нашли въ Виѳлеемѣ, какъ о томъ просилъ ихъ Иродъ, онъ порѣшилъ убить опаснаго для него Младенца. Но какъ найти Его? Малютку могли увезти изъ Виѳлеема въ другой городъ. Тогда Иродъ рѣшился на крайнюю мѣру. Онъ отдалъ приказъ, исполнители котораго должны были содержать его въ глубочайшей тайнѣ, чтобъ населеніе не провѣдало о немъ и не помѣшало его испол-

пенію. Приказъ этотъ состоялъ въ томъ, что въ опредѣленный день всѣ іудейскіе младенцы до двухлѣтняго возраста должны быть убиты не только въ Виѳлеемѣ, но и во всей странѣ. Такимъ образомъ убито было до четырнадцати тысячъ младенцевъ, и ни одинъ изъ нихъ не могъ быть скрытъ родителями, потому что убійства эти совершены были во всей Іудеѣ единовременно.

— Однако!—невольно замѣтилъ Агриппа.

— Но это необходимая государственная мѣра,—строго замѣтилъ Августъ, взглянувъ на Агриппу своими загадочными глазами, напоминавшими глаза сфинкса.—Хотя я не вѣрю предсказаніямъ восточныхъ мудрецовъ, но молва о томъ, что народился царь вселенной, проникнувъ въ народъ, могла породить смуту во всей странѣ. Вы знаете, что это за народъ, іудеи: самый безпокойный народъ въ мірѣ. Развѣ мало причинялъ онъ безпокойства прежнимъ правителямъ Рима! Вспомните Помпея, моего божественнаго дѣда и отца, великаго Цезаря. Кто погубилъ Марка Антонія? Іудеи, на царя которыхъ, Ирода, онъ попадѣялся, когда, послѣ пораженія при Акціумѣ, бѣжалъ въ Египетъ. Мнѣ самому не легко было приручить этого Ирода, отца настоящаго Ирода-Антипы. Этотъ послѣдній хорошо поступилъ, задушивъ змѣеныша въ колыбели. А изъ него могъ вырости опасный змѣй.

- Божественный цезарь говоритъ языкомъ всевѣдующихъ боговъ,—почтительно замѣтилъ Варъ;—мнѣ говорили въ Іерусалимѣ, что когда, по обычаю іудеевъ, родители этого Младенца въ сороковой день Его рожденія принесли малютку въ храмъ, то какой-то энтузіастъ, старикъ, взявъ малютку на руки, провозгласилъ Его именно царемъ всего міра, что подтвердила бывшая тамъ же женщина, которую народъ считаетъ пророчицей.

— Такъ онъ былъ убитъ уже послѣ этого случая?—замѣтилъ Агриппа.—Вѣроятно, Иродъ не зналъ о принесеніи дитяти въ храмъ, а иначе онъ тогда же покончилъ бы съ нимъ.

— Конечно,—согласился Варъ.—Вотъ почему, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Августу,—послѣ избіенія младенцевъ я вновь приказалъ провѣрить перепись Іудеи и потому запоздалъ съ своимъ донесеніемъ.

Августъ всталъ и подошелъ къ двумъ колоссальнымъ глобусамъ, укрѣпленнымъ на мраморныхъ постаментахъ. На одномъ изъ нихъ изображенъ былъ шаръ земной, orbis terrarum,

по географическимъ начертаніямъ Эратосѳена (за 200 лѣтъ до переписи Августа); на другомъ orbis terrarum—по свѣдѣніямъ, собраннымъ, по повелѣнію Августа, для «хорографіи» Агриппы.

Августъ долго, въ молчаливой задумчивости, разсматривалъ оба глобуса.

— Царь вселенной... дерзкія мечтанія мудрецовъ Халдеи,— тихо проговорилъ онъ.—И Александръ Македонскій не достигъ конца вселенной... Ему былъ подвластенъ Востокъ, мнѣ Востокъ и Западъ... Иберія, Галлія, Британія... Мои владѣнія обширнѣе его...

Къ глобусамъ приблизились Агриппа и Варъ

— Твои владѣнія обнимаютъ около трехъ съ половиною милліоновъ стадій,—замѣтилъ Агриппа. — Ты владыка вселенной.

— Да... Я оставлю моимъ будущимъ преемникамъ богатое наслѣдство,—сказалъ Августъ.—Я надѣюсь еще округлить мои владѣнія... Тебя, Варъ, я пошлю добывать остальную Германію, а потомъ Сарматію и Скиѳію... Пусть не ржавѣютъ въ бездѣйствіи мечи моихъ воиновъ... Моимъ легіоннымъ орламъ нужны новыя добычи... А то какой-то тамъ царь вселенной, и гдѣ же? Въ Виѳлеемѣ!

II.

Время шло. И Августъ, и Иродъ были увѣрены, что Тотъ, Кого такъ дерзко въ самой колыбели провозгласили царемъ вселенной, давно превратился въ прахъ. Съ этой увѣренностью они и умерли,—только одинъ изъ нихъ, Иродъ, кончилъ дни свои изгнанникомъ въ городѣ Лугдунумѣ (нынѣ Ліонъ), въ Галліи; Августъ же скончался тогда, когда Тому, Кого въ колыбели провозгласили царемъ вселенной, и Кого они съ Иродомъ считали погибшимъ, исполнилось уже четырнадцать лѣтъ.

Прошли съ того времени столѣтія, много столѣтій.

Прошло, наконецъ, около двухъ тысячъ лѣтъ. И вотъ, яснымъ августовскимъ утромъ 1897 г., надъ шпицемъ Петропавловскаго собора, въ утреннемъ воздухѣ встрѣтились двѣ тѣни, два призрака.

— Ты кто?—спрашивалъ первый призракъ.—Не тотъ ли, кого я данною мнѣ властью вызвалъ изъ небытія?

— Я былъ когда-то Августъ, императоръ, властелинъ вселенной, которому воздвигались на землѣ сотни храмовъ, ставились изъ мрамора и бронзы тысячи изображеній... А ты кто, который вызвалъ меня изъ небытія?—спросилъ второй призракъ.

— Я всемогущая мысль, воображеніе, творчество, которое обнимаетъ вселенную, въ себѣ самомъ созерцаетъ прошедшее, настоящее и будущее, свободно витаетъ въ пространствѣ и во времени, вызываетъ изъ небытія то, что отошло въ небытіе.

— Зачѣмъ же ты вызвалъ меня изъ моего небытія?—спросилъ призракъ Августа.

— Чтобы напомнить тебѣ твой наивный разговоръ съ Агриппой и Варомъ, разговоръ, послѣ котораго протекло уже тысяча восемьсотъ девяносто семь лѣтъ.

— О, Варъ, Варъ! Ты погубилъ мои легіоны,—грустно произнесъ призракъ Августа.—Такъ неужели послѣ того прошло уже около двухъ тысячелѣтій?

— Да. Посмотри, что у тебя подъ ногами.

— Громадный городъ, почти равный моему Риму, въ которомъ была два милліона обитателей... Что это за городъ, и чей онъ?

— Этотъ городъ столица народовъ, которыхъ въ твое время называли сарматами, скиѳами и гиперборeями, и страны которыхъ теперь называются Россіей.

— И эти страны теперь достояніе моихъ преемниковъ?—съ гордымъ сознаніемъ своего величія спросилъ призракъ Августа.

— Нѣтъ, я послѣ покажу тебѣ достояніе твоихъ преемниковъ.

— Какіе я вижу дворцы у сарматовъ и гиперборeевъ, какіе храмы! А кому воздвигнуты эти храмы?

— Тому царю вселенной, Котораго, какъ ты думалъ, Иродъ погубилъ въ младенчествѣ.

— Какъ! Онъ остался живъ, этотъ маленькій іудей?—съ тревогой спросилъ призракъ Августа.

— Да, остался живъ и побѣдилъ вселенную...

— О, боги!—воскликнулъ призракъ Августа.—И онъ царствуетъ здѣсь?

— Здѣсь и вездѣ... Летимъ, я покажу тебѣ всѣ Его царства.

Призраки, подобно легкимъ облачкамъ, неслись на востокъ. Подъ ними разстилались зеленыя равнины, темные лѣса, селенія, города...

— И вездѣ я вижу храмы... Слышу какой-то звонъ! — съ ужасомъ повторялъ призракъ Августа.

— Звонъ этотъ созываетъ въ храмы того, кого Иродъ думалъ убить.

Взоры призраковъ проникали неизмѣримыя пространства. Влѣво, далеко-далеко, виднѣлись горы льдовъ и свинцовыя воды Ледовитаго океана; вправо вся площадь средней Россіи вплоть до Волги и до Урала.

— А какіе это чудовищные змѣи съ дымомъ и грохотомъ мчатся по чернымъ колеямъ?—спросилъ призракъ Августа.— Чудовища огонь изрыгаютъ изъ пасти. И тамъ, я вижу, люди...

— То желѣзныя дороги, по которымъ силою огня и пара перевозятся люди и милліонныя тяжести; а тѣ проволоки отъ столбовъ къ столбамъ—по тѣмъ проволокамъ люди переговариваются между собой за тысячи и сотни тысячъ стадій.

— О, всемогущіе боги!

Призраки неслись все далѣе на востокъ, черезъ Сибирь, къ Тихому океану. Вездѣ равнины, горы, лѣса, города, селенія, храмы—храмы безъ конца!

— А что это на храмахъ? Какіе-то кресты?—спросилъ Августъ.

— Да, кресты.

— Но мы на нихъ распинали преступниковъ, разбойниковъ.

— А теперь кресты знаменіе побѣды... Я тебѣ объясню это послѣ: крестъ—знаменіе Того царя вселенной, Котораго Иродъ хотѣлъ погубить... Крестъ замѣнилъ собою римскихъ легіонныхъ орловъ.

— Но это позоръ!—возмутилась гордость римлянина.

Далеко, далеко, вправо сверкали снѣжныя вершины Памира и Гималаевъ... Подъ ногами призраковъ—угрюмыя воды Тихаго океана. Вправо—острова Японіи. Впереди—опять земля.

— Это — невѣдомый древнимъ міръ, новый свѣтъ, Америка,—указалъ первый призракъ.

— Это міра не зналъ ни Эратосѳенъ, ни Агриппа... О, Агриппа, Агриппа!.. Но и тутъ все храмы, храмы безъ конца!

Призраки пронеслись надъ Америкой и пролетали уже надъ Атлантическимъ океаномъ.

— Гдѣ же моя имперія? Гдѣ мои провинціи? Гдѣ Британія, Галлія, Египетъ, Сирія, Іудея, Арменія, Кавказъ, Греція, Италія? Гдѣ мой Римъ, мои храмы?—вырывались стоны изъ груди Августа.

— Скоро увидишь,—отвѣчалъ призракъ.

III

Вновь показалась земля. Изъ тумана и дыма выступалъ величавый городъ, раскинувшійся на десятки верстъ во всѣ концы.

— Видишь этотъ городъ? Видишь тамъ гигантскіе храмы и мрачную башню?..—спросилъ первый призракъ.—Это уже бывшія твои владѣнія Британія; а ту башню строилъ твой дѣдъ и усыновившій тебя Цезарь... Это городъ Лондиніумъ, теперь Лондонъ, съ пяти или шестимилліоннымъ населеніемъ.

Призракъ Августа радостно затрепеталъ.

— О, великій Цезарь!.. Божественный родитель мой!.. Я снова въ своихъ владѣніяхъ... О, боги!

— О, Августъ, Августъ!—съ жалостью въ голосѣ проговорилъ первый призракъ. — Ты радовался когда-то вмѣстѣ съ Агриппою и Варомъ, что у тебя болѣе ста милліоновъ подданныхъ, и владѣнія твои занимаютъ около трехъ съ половиною милліоновъ квадратныхъ стадій... Такъ знай же, что подвластные когда-то тебѣ бритты владѣютъ тремя стами милліоновъ подданныхъ, а вся имперія ихъ занимаетъ болѣе двухсотъ пятидесяти милліоновъ квадратныхъ стадій!

— О, жестокіе боги!—простоналъ призракъ Августа, отвращая свои взоры отъ туманнаго города.—Но гдѣ моя Галлія, въ которой пролито было мною столько римской и галльской крови и моего собственнаго пота? О, я вижу ея равнины, ея рѣки лѣса, безчисленные города.

Призраки пролетали надъ Парижемъ.

— О, Lutetia Parisiorum! Я узнаю тебя, твою мѣстность, твою многоводную Секвану, въ которой я когда -то освѣжалъ свои усталые члены!—воскликнулъ Августъ.—Дворцы, храмы, колоннады!.. А это что за чудовищный шпицъ, который тянется къ небу?

Призраки неслись дальше и дальше.

— Вонъ подъ нами Лугдунумъ, гдѣ кончилъ свои дни Иродъ,—сказалъ первый призракъ.

Южнѣе и южнѣе мчатся призраки. Подъ ними Пиренеи, Испанія, Гибралтаръ, сѣверная Африка.

— О, это мое море! Я узнаю его!—восторженно говоритъ тѣнь Августа.—Вонъ—развалины Карѳагена, далѣе—Утика, Египетъ... О, Клеопатра! Что осталось отъ царства фараоновъ?.. Только пирамиды...

Тѣни мчатся на востокъ. Все это знакомыя Августу страны... Вотъ и Іудея, и Іерусалимъ...

— Видишь, тамъ, у подножія той горы, пріютился маленькій, жалкій городокъ?—говоритъ первый призракъ.—Это Виѳлеемъ, гдѣ родился царь вселенной...

— Дальше! Дальше!—страстно воскликнулъ призракъ Августа.—Я хочу видѣть всѣ мои владѣнія... Вотъ Палестина, Сирія... Гдѣ же Тиръ, Сидонъ, Цезарея, гдѣ стояли величавые храмы, посвященные моему имени, гдѣ высились мои мраморныя изображенія, гдѣ торжественно встрѣчалъ меня Иродъ Великій?.. Ничего, кромѣ развалинъ... Опять море—мое море!.. Тамъ я вижу другія моря—все это было мое... Греція... Аѳины... О, это мысъ Акціумъ—мое торжество, моя слава... Скорѣе въ Италію, въ мой Римъ!

Тѣни мчатся дальше.

— Вотъ моя Италія—цвѣтущая, роскошная!.. Я вижу, вонъ тянется via Арріа, а по ней извивается чудовище, изрыгая огонь и дымъ... О, мой Везувій! Онъ, какъ и тогда, дышетъ своей могучей грудью, своими огненными легкими... Вонъ Неаполь—и все тѣ же храмы, тѣ же кресты... Но гдѣ мои храмы, мои изображенія?.. Скорѣе въ мой Римъ, въ мои дворцы, на мой форумъ, въ храмъ Юпитера Капитолійскаго, принести жертву богамъ...

Но вотъ и стѣны Рима, его храмы, величавый куполъ базилики Петра, Ватиканъ...

— Я не узнаю моего Рима,—задыхаясь, шепчетъ призракъ Августа.—Мои дворцы—въ развалинахъ, мой форумъ—мусоръ, щебень, осколки колоннъ, портиковъ, храмовъ... А это что за колоссальный остовъ зданія?

— Это Колизей, въ которомъ твои безумные преемники

травили дикими звѣрями первыхъ подданныхъ Того, Который потомъ сталъ царемъ вселенной.

Но вотъ летучіе призраки на мгновеніе остановились надъ площадью, которую, словно гигантскими объятіями, охватываютъ колоннады базилики Петра.

— Чей это храмъ?—спрашиваетъ Августъ, пораженный величіемъ зданія.

— Это храмъ Того, Котораго вы съ Иродомъ хотѣли убить въ колыбели и Который потомъ покорилъ вселенную не мечомъ, а словомъ, словомъ любви и всепрощенія, который сказалъ: обнажающій мечъ отъ меча погибнетъ...

Призраки спустились на землю. Въ это время черезъ площадь проѣзжало нѣсколько телѣжекъ, на которыхъ, по распоряженію муниципалитета, вывозятъ соръ и навозъ изъ города. На каждой телѣжкѣ, какъ и на всѣхъ государственныхъ сооруженіяхъ Рима, бросались въ глаза четыре крупныя буквы: S. P. Q. R., т. е. инициалы знаменитой формулы древняго Рима: Senatus Populus que Romanus.

— О!—воскликнулъ призракъ Августа.—Эти четыре литеры, передъ которыми когда-то трепеталъ весь міръ, теперь гдѣ же? На сорныхъ ящикахъ!.. О, мой погибшій Римъ! Что отъ тебя осталось!

Первый призракъ съ сочувствіемъ сказалъ:

— Бѣдный, бѣдный! Ты все потерялъ, что пріобрѣлъ твой мечъ, ибо прочно только то, что завоевываетъ любовь... А ты вѣрилъ лишь въ силу, въ мечъ, въ свои легіоны... Но, иди за мной, я тебя утѣшу: твой соперникъ, побѣдившій міръ не мечомъ, а словомъ любви, не все твое уничтожилъ.

Они вошли въ музей Ватикана, въ отдѣленіе античныхъ статуй и другихъ скульптурныхъ произведеній древняго міра, откопанныхъ подъ его развалинами. Среди превосходныхъ изваяній стоялъ мраморный бюстъ Августа, отрытый въ мусорѣ его разрушеннаго варварами палатинскаго дворца. Призракъ Августа узналъ свое изображеніе и весь затрепеталъ.

— О, безжалостные боги!—горестно воскликнулъ онъ. — Такъ вотъ что сохранили вы отъ всего моего величія!..

Призракъ рыдалъ.

— О! Для чего же вызвали меня изъ бездны небытія!.. Зачѣмъ нарушили мой вѣчный сонъ, жестокіе боги!.. Нѣтъ, нѣтъ!..

Лучше опять къ небытію, въ сумракъ вѣчнаго сна внѣ пространства и времени!..

И оба призрака, словно легкій дымокъ, растаяли въ воздухѣ.

БОГИНЯ ИЗИДА—СВАХА.

Какъ ни подкупаетъ писателя изученіе и изображеніе людей современной жизни, однако, къ сожалѣнію, не всякому это доступно, и потому приходится иногда отъ живыхъ людей переноситься мыслью къ мертвецамъ, ставшимъ достояніемъ исторіи.

Такъ и пишущаго это, бродившаго нѣкогда по великому кладбищу Египта, воображеніе невольно переноситъ за тысячелѣтія назадъ къ этому кладбищу и его мертвецамъ, отъ которыхъ не осталось даже мумій или костей, а сохранились лишь гранитныя или бронзовыя ихъ изображенія.

Къ такимъ мертвецамъ великаго кладбища Египта и относится нижеслѣдующій разсказъ.

Это было давно, очень давно, болѣе чѣмъ за 6.000 лѣтъ до нашихъ дней. Древность поразительная!

Въ Египтѣ царствовалъ тогда Сапти, пятый фараонъ 1-ой династіи египетскихъ царей, фараонъ, который въ то же время былъ и ученый врачъ, оставившій послѣ себя медицинское сочиненіе—папирусъ, отрывокъ коего хранится нынѣ въ берлинскомъ музеѣ («Papyrus medical de Berlin», edit. Brügsch).

Въ папирусѣ этомъ говорится: «Это начало совокупности всѣхъ средствъ для излѣченія злокачественнаго вереда (чумы). Найдена была эта древняя грамота въ письменномъ ящикѣ подъ ногами божественнаго Анубиса въ городѣ Сохемъ во времена умершаго царя Сапти. Послѣ смерти его принесена была рукопись къ святѣйшему умершему царю Сента, вслѣдствіе ея чудеснаго исцѣляющаго дѣйствія. И вотъ отдана была рукопись

обратно подъ ноги Анубиса и заперта храмовымъ писцомъ и великимъ врачемъ, мудрымъ Ноферхотепомъ».

Столица фараоновъ 1-ой династіи находилась въ городѣ Типисѣ, къ сѣверо-востоку отъ Абидоса.

Тамъ, въ обширномъ дворцѣ Сапти, въ числѣ жившихъ многочисленныхъ родственниковъ и родственницъ фараона, царской крови, находилась Небъ-Гаторъ, племянница Сапти, дѣвушка ослѣпительной красоты, почему второе ея имя и было Гаторъ египетская Венера-Афродита.

Статуя этой Небъ-Гаторъ находится въ настоящее время въ Парижѣ, въ луврскомъ музеѣ и можетъ быть созерцаема всѣми, какъ и я когда-то созерцалъ ее. О красотѣ Небъ-Гаторъ читатель можетъ судить отчасти по описанію этой красавицы, сдѣланному знаменитымъ египтологомъ, виконтомъ де-Ружэ, въ его «Каталогѣ» египетскихъ древностей, хотя, судя по тому, какъ она изображена египетскимъ скульпторомъ въ сохранившейся статуѣ, надо полагать, что скульпторъ создавалъ свою статую уже тогда, когда Небъ-Гаторъ находилась уже въ почтенныхъ лѣтахъ и давно потеряла свою юную красоту и граціозность, судя по внушительнымъ «бедрамъ» и «ляшкамъ», о которыхъ говоритъ и де-Ружэ.

Какъ бы то ни было, но юная Небъ-Гаторъ положительно кружила головы всему мужскому населенію двора фараона, ибо и за 6,000 лѣтъ люди любили такъ же, какъ любятъ и теперь, хотя, быть можетъ, непосредственнѣе и проще, ближе къ природѣ, безъ искусственности позднѣйшаго человѣчества. Хотя царственную голову фараона и защищали отъ чаръ красоты два золотыхъ «уреуса», «царскія змѣи», на вѣнцѣ повелителя Египта, однако, при видѣ племянницы, Сапти чувствовалъ, что и его вѣнчанная голова кружится, безсознательно поворачиваясь туда, гдѣ виднѣлась черноокая красавица.

Но случай или, вѣрнѣе, боги Египта пришли на помощь своему царственному любимцу, фараону, въ его любовныхъ увлеченіяхъ. Боги наслали на красавицу Небъ-Гаторъ неизвѣстную болѣзнь, передъ которой оказались безсильными всѣ врачи Египта и которую понялъ одинъ лишь царственный врачъ—фараонъ Сапти. И онъ началъ пользовать свою прелестную паціентку. На этой почвѣ и послѣдовало сближеніе врача-фараона съ юной красавицей, и сближеніе это до того оказалось успѣшнымъ, что

супруга фараона, царица Анаитисъ, войдя какъ-то разъ нечаяно въ опочивальню Небъ-Гаторъ, застала ее.., въ объятіяхъ своего супруга.

Послѣдовала дикая и неприличная для дворца фараоновъ сцена. Разъяренная царица тутъ же надавала пощечинъ своему легковѣрному супругу (пощечина и за 6000 лѣтъ до насъ имѣла то же значеніе, что и въ наши дни), а «разлучницѣ», какъ жена послѣдняго землекопа на каналахъ, вцѣпилась въ роскошныя, черныя какъ смоль, косы юной принцессы.

Послѣ этого красавицѣ Небъ-Гаторъ уже невозможно было оставаться во дворцѣ фараона, потому что оскорбленная супруга его требовала изгнанія несчастной дѣвушки. Это ставило фараона въ неловкое положеніе передъ многочисленными родственниками и родственницами, въ случаѣ еслибъ огласилось происшедшее въ опочивальнѣ юной Небъ-Гаторъ, и потому Сапти прибѣгъ къ чисто-египетскому извороту.

Подозрѣвая, не безъ основанія, что Сепа, жрецъ храма Аписа, еще не старый служитель боговъ, надѣленный при томъ даромъ прорицаній, очень неравнодушенъ къ красавицѣ Небъ-Гаторъ, фараонъ Сапти одинъ, никѣмъ не сопровождаемый, явился въ храмъ Аписа, какъ это дѣлалъ онъ и прежде, чтобъ чрезъ жреца и прорицателя Сепа узнавать волю боговъ.

Послѣ первыхъ привѣтствій фараонъ сказалъ:

— Милость боговъ къ тебѣ, святой отецъ безгранична, и я при твоемъ посредствѣ желалъ бы узнать ихъ волю.

— Благодареніе богамъ Египта! — скромно согласился жрецъ.—Они ко мнѣ, недостойному рабу, милостивы. О чемъ же я долженъ вопросить ихъ, повелитель Египта?

— Тебѣ извѣстно, святой отецъ, что мнѣ покойнымъ братомъ, да покоится онъ вѣчно въ царствѣ великаго Озириса, оставлена на моемъ попеченіи его сиротка, юная Небъ-Гаторъ

Жрецъ скромно потупилъ глаза, чтобъ блескъ ихъ не выдалъ его.

— Небъ-Гаторъ,—продолжалъ фараонъ,—уже достигла того возраста, когда ей надлежитъ избрать супруга. Вотъ я и желалъ бы, при твоемъ содѣйствіи, святой отецъ, узнать, кого вѣчные боги предназначили взять ее на свое брачное ложе

Лицо жреца оставалось неразгаданнѣе лица гранитнаго сфинкса, но сердце его забилось тревогой и радостью.

— Мы должны вопросить великую матерь боговъ, непрестанно собирающую по лицу земли части тѣла супруга своего, великаго Озириса, растерзаннаго злымъ сыномъ его Сетомъ (Тифонъ),—сказалъ жрецъ.

— И я то же думалъ, святой отецъ,—согласился фараонъ.— Милостивая Изида, вопрошенная тобой, укажетъ намъ того, кто долженъ взять на брачное ложе юную Небъ-Гаторъ.

Черезъ два дня фараонъ долженъ былъ явиться въ храмъ Изиды, чтобъ выслушать волю божества. Эти два дня необходимы были жрецу для того, чтобъ подготовить Аписа къ благосклонному принятію жертвы фараона, ибо жрецъ долженъ былъ голодомъ заставить четвероногаго бога съ жадностью наброситься на жертвоприношеніе. А потомъ ужъ и къ Изидѣ—по инстанціи.

И вотъ фараонъ въ храмѣ Аписа. Тамъ уже ждалъ его жрецъ съ «систромъ» въ рукѣ. Около его ногъ, выгибая пушистую спинку, терлась «священная кошка».

— Боги видимо благоволятъ прибытію въ храмъ «живущаго бога», Гапи (такъ называли Аписа),—сказалъ жрецъ.

— По какому знаменію я могу судить объ этомъ, святой отецъ?—спросилъ фараонъ.

— Смотри и виждь,—отвѣчалъ жрецъ и въ этотъ моментъ незамѣтно выпустилъ изъ складокъ своего одѣянія мышенка.

«Священная кошка» моментально бросилась на мышенка и схватила его.

— Видишь, дочь великаго Амуна-Ра, «священная кошка», схватила маленькаго вора, который похищаетъ зерна изъ ясель «живущаго бога», Гапи.

Потомъ, подавъ фараону небольшой снопъ сочной пшеницы и золотой серпъ, распахнулъ бѣлую виссоновую завѣсу, скрывавшую входъ въ стойло бога.

Въ воздухѣ тихо зазвучали мелодическіе звуки «систра», и въ дверяхъ своего стойла показался Аписъ. Онъ видимо съ радостью приближался къ фараону, не спуская своихъ кроткихъ глазъ со снопа пшеницы. Еще бы! Бога два дня морили голодомъ.

Фараонъ срѣзалъ серпомъ нѣсколько колосьевъ пшеницы и
далъ Апису.

— «Живущій богъ» милостиво принимаетъ твою жертву,
адыка Египта,—сказалъ жрецъ.

Аписъ продолжалъ жевать колосья, пока не съѣлъ ихъ всѣ.

Тогда вновь прозвучалъ «систръ». Вымуштрованный Аписъ
этимъ звукамъ понялъ, что служители храма уже насыпали
у въ ясли отборныхъ зеренъ пшеницы, ячменя и дурры, и
тчасъ же, показавъ повелителю Египта свой хвостъ, удалился
свое роскошное стойло.

Жрецъ и фараонъ прошли въ отдѣленіе храма, посвященное
видѣ.

Рогатая статуя этой богини возвышалась на пьедесталѣ изъ
зоваго гранита. Передъ нею воздвигнутъ былъ жертвенникъ.

Совершивъ возліяніе божеству, жрецъ потрясъ въ воздухѣ
имъ «систромъ». Въ отвѣтъ на звуки «систра» послышалась
-то внизу, точно подъ землею, тихая-тихая мелодія.

— Богиня шествуетъ,—прошепталъ жрецъ.

Мелодія ближе, ближе и смолкла.

Тогда жрецъ воздѣлъ руки къ изображенію богини и прого-
орилъ:

— Великая матерь боговъ, супруга Аммона-Озириса, внемли
леніямъ служителя «живущаго бога», Гапи, и повѣдай, кто
жженъ взять на свое брачное ложе родственницу предстоящаго
бѣ фараона, юную Неса?

Въ храмѣ настала тишина. Слышно было только, какъ между
юновъ храма ворковали голуби.

— Служитель «живущаго бога», Гапи, благочестивый Сепа
жженъ повести юную Неса въ свой брачный покой, — едва
шно прозвучали въ воздухѣ слова божества.

Жрецъ вздрогнулъ, притворно конечно.

— О, матерь боговъ!—воскликнулъ онъ. — Я не достоинъ
ниться съ повелителемъ Египта и вести юную Неса въ мой
чный покой... Я... мой слухъ не то передалъ моей душѣ...
изнеси имя достойнаго...

— Сепа... Сепа... Сепа...

И слова эти замерли въ воздухѣ.

— Такова воля боговъ,—сказалъ фараонъ, въ душѣ успо-
нный.

— Пирамида съ плечъ!—вздохнулъ онъ облегченно.

А плутъ жрецъ въ душѣ ликовалъ.

— Красавица Небъ-Гаторъ моя, моя, моя!—пѣли соловьи въ его сердцѣ.

Сосватала Изида!

Но столѣтія и тысячелѣтія промчались въ бѣгѣ своемъ какъ одинъ день, и отъ прекрасной Небъ-Гаторъ и Сепа не осталось, быть можетъ, ни праха, ни глины, изъ которой можно было бы «вылѣпить втулку для боченка съ пивомъ» или «замазку для стѣнъ», какъ говорилъ Гамлетъ на кладбищѣ про бренные останки Александра Македонскаго и Цезаря, а сберегло время одни лишь каменные истуканы Небъ-Гаторъ и Сепа, а могло быть и такъ, что, бродя около пирамидъ, я топталъ своими сапогами смѣшанный съ пескомъ и иломъ Нила прахъ Небъ-Гаторъ и Сепа.

„ВЕРБНОЕ ДѢЙСТВО“ ВЪ МОСКВѢ.

Москва временъ «тишайшаго» царя Алексѣя Михайловича празднуетъ «недѣлю ваій».

Всѣ «сорокъ сороковъ» переполнены молящимися. Даже дѣти, разбуженныя родителями, покидаютъ свои постели и идутъ въ храмы, чтобъ за непосѣщеніе вербной утрени не подвергнуться обычному хлестанію вербой съ приговоромъ обрядоваго эпоса:

Верба хлестъ, бей до слезъ,
Верба красна бьетъ докрасна,
Верба бѣла—бьетъ за дѣло:
Не я бью—верба бьетъ!

Но особенно торжественно отправляется въ этотъ день утреня въ Успенскомъ соборѣ въ присутствіи патріарха, самого царя, всего его семейства и знатнѣйшихъ бояръ. На всѣхъ лицахъ радостное возбужденіе, въ особенности же отъ ожиданія предстоящаго зрѣлища на Лобномъ мѣстѣ, когда святѣйшій патріархъ будетъ въѣзжать въ Кремль на «осляти», а «тишайшій» царь будетъ вести въ поводу это «осля».

Возбужденно горятъ прекрасные, лучистые глаза молоденькой любимицы царя, царевны Софьи Алексѣевны, которая, сидя рядомъ съ своимъ маленькимъ «братцемъ», царевичемъ «Петрушенькой», и видя, что у ребенка, рано разбуженнаго, слипаются отъ сна черные блестящіе глазки, незамѣтно тормошитъ его и шепчетъ:

— Не спи, Петрушенька, а то—

Верба хлестъ, бей до слезъ,
Верба красна бьетъ докрасна.

Царевичъ сердится и даетъ себѣ слово, когда выростетъ большой, хорошенько отхлестать сестру-задиру.

— Погоди, ужо выросту, я тебѣ припомню...

И припомнилъ...

Но вотъ утренняя служба приходитъ къ концу, къ восходу солнца, а всѣ «сорокъ сороковъ» уже отслужили, и духовенство всѣхъ московскихъ церквей стекается къ Успенскому собору въ полномъ облаченіи, чтобъ принять участіе въ общемъ крестномъ ходѣ.

Теперь изъ Успенскаго торжественно выносятся хоругви, кресты и иконы, а за ними выходятъ изъ храма святѣйшій патріархъ, «тишайшій» царь со всѣмъ семействомъ и боярами, и среди шпалерами построеннаго войска шествіе изъ Кремля направляется на Красную площадь.

Царевна Софья, вся сіяющія, ведетъ за руку царевича Петра, который теперь совсѣмъ оживляется и тоже весь сіяетъ. Онъ не спускаетъ лихорадочно горящихъ глазъ съ красныхъ кафтановъ стрѣльцовъ, съ блестящихъ аллебардъ, со знаменъ, колеблемыхъ утреннимъ вѣтеркомъ, и крѣпко жметъ руку сестры.

— Сегодня, Петрушенька, у насъ разговѣнье рыбой, щи съ половизной,—шепчетъ царевна, усердно съ прочими постившаяся всѣ шесть недѣль.

— А скоро и красныя яйца,—добавляетъ «Петрушенька»—катать будемъ.

— А вонъ царевичъ Иванушка и теперь сонный,—указываетъ Софья глазами на царевича Ивана Алексѣевича, идущаго рядомъ съ царевичемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ.

— Да Иванушка всегда сонный,—соглашается царевичъ Петръ Алексѣевичъ.

Процессія выходитъ на Красную площадь и становится у богато убраннаго Лобнаго мѣста, а патріархъ съ государемъ, с частью духовенства и ближними боярами входятъ въ церковь Василія Блаженнаго, въ соборный придѣлъ «входа въ Іерусалимъ» и тамъ облачаются для предстоящаго «вербнаго дѣйства».

Красная площадь буквально запружена народомъ. Даже стѣны и башни Кремля, ближайшіе ряды, крыши домовъ и колокольни, все заполнено зрителями.

Только въ сторонѣ отъ Лобнаго мѣста свободно отъ народу небольшое мѣстечко. Тамъ къ столбу привязано «осля», покрыто с головою бѣлою суконною попоною или «каптуромъ», а возл «осляти»—его «жребя». Тутъ же стоитъ у столба и патріаршій бояринъ, наблюдающій за «ослятемъ».

— А это что тамъ подъ бѣлымъ каптуромъ, сестрица?—спрашиваетъ царевичъ Петръ.

— Это «осля», на которомъ Спаситель въѣзжалъ въ Іерусалимъ,—отвѣчаетъ царевна Софья.

— На этомъ!—удивляется маленькій царевичъ.

— Нѣтъ, Петрушенька, это только «дѣйство».

Пока патріархъ и государь облачались въ церкви Василія Блаженнаго, духовенство занято было у Лобнаго мѣста распредѣленіемъ, для раздачи, припасенныхъ горами «ваій» и «вербъ». Другія изъ духовныхъ особъ заняты были окончательнымъ приведеніемъ въ порядокъ и украшеніемъ «великой вербы». Верба эта помѣщалась на особой колесницѣ и украшена была, подобно современной «елкѣ», привѣшенными къ ней яблоками, грушами, орѣхами и разными сластями. «Великую вербу» украшали милые видные, какъ на подборъ, мальчики, въ блестящихъ глазетовыхъ стихарикахъ:—это были патріаршіе пѣвчіе. Отъ этой вербы черезъ всю Красную площадь вплоть до Флоровскихъ (нынѣ Спасскія) воротъ и далѣе—до Успенскаго собора разставлены были впереди шпалеръ стрѣльцовъ, ярко разукрашенныя кадушки с

вербами а около нихъ стояли стрѣлецкія дѣти—мальчики отъ 10 до 15 лѣтъ, держа въ рукахъ красныя и зеленыя сукна и кафтаны яркихъ цвѣтовъ.

— Для чего это, сестрица?—спрашивалъ маленькій царевичъ Петръ, прекрасные глазки котораго горѣли любопытствомъ.

— Онъ—будущій творецъ «новой Россіи» безпрестанно теребилъ царевну Софію, задавая ей вопросъ за вопросомъ.

— Для чего это?

— А какъ же, братецъ,—отвѣчала царевна, напуская на себя важность наставницы маленькаго брата, и, пользуясь своей громадной памятью, говорила по-книжному: какъ же, егда Спаситель въѣзжалъ въ Іерусалимъ, то множайшія народи пастилаху ризы своя по пути, друзіи же рѣзаху вѣтви отъ древъ, и постилаху по пути... Такъ будутъ дѣлать и теперь, егда святѣйшій патріархъ поѣдетъ въ Кремль на осляти.

— Верхомъ?—любопытствовалъ царевичъ.

— Верхомъ, братецъ, какъ и Спаситель ѣхалъ верхомъ же на осляти.

Въ это время патріархъ, въ полномъ святительскомъ облаченіи, и Алексѣй Михайловичъ, въ полномъ царскомъ нарядѣ, вышли изъ церкви Василія Блаженнаго и, сопровождаемые митрополитами и знатнѣйшими боярами, поднялись на Лобное мѣсто.

Тутъ патріархъ подноситъ государю «ваію», т.-е. финиковую вѣтвь, и вербу. Затѣмъ раздаетъ ваіи и вербы митрополитамъ и царскому семейству, сначала царевичамъ, а потомъ и царевнамъ.

Царевна Софья подводитъ къ патріарху и маленькаго Петра, глубоко взволнованнаго и радостнаго. Юные глазки царевича такъ и впились въ строгое лицо святителя. Тотъ, глядя на оживленное личико Петра, любовно улыбается.

— И тебѣ, царевичъ, ваію?—тихо спрашиваетъ онъ.

— Да, самую большую... Я люблю все большое,—отвѣчаетъ маленькій Петръ.

И дѣйствительно, будущій творецъ «новой Россіи» любилъ все большое, великое...

Патріархъ все съ тою же любовною улыбкой подалъ будущему императору одну изъ самыхъ крупныхъ ваій.

Одновременно съ этимъ митрополиты раздавали уже не фи-

никовыя ваіи, а просто вербы младшимъ чинамъ царскаго синклита и младшему духовенству.

По окончаніи раздачи вербъ, патріаршій протодіаконъ началъ чтеніе евангелія отъ Матѳія...

...«И егда приближишася во Іерусалимъ,—читалъ онъ,—и пріидоша въ Висѳагію къ горѣ Елеонстѣй, тогда Іисусъ посла два ученики, глаголя»...

Протодіаконъ вдругъ прерываетъ чтеніе, и всѣ напряженно ждутъ...

— Для чего онъ остановился?—нетерпѣливо спрашиваетъ Софью царевичъ Петръ, гордо держа большую ваію.

— Молчи, Петрушенька, сейчасъ начнется «дѣйство», — тихо отвѣчаетъ Софья Алексѣевна.

Къ патріарху подходятъ соборный протопопъ и ключарь и ждутъ.

— Идита въ весь, яже прямо вама,—говоритъ патріархъ словами Спасителя въ евангеліи,—и абіе обрящете осля привязано, и жребя съ нимъ: отрѣшивша, приведита ми. А аще вама кто речетъ что, речета: яко Господь его требуетъ.

Протопопъ и ключарь наклоняютъ головы, ожидая благословенія. Патріархъ благословляетъ ихъ. Они сходятъ съ Лобнаго мѣста и идутъ «по осля».

Кругомъ мертвая тишина. Всѣ сдерживаютъ дыханіе...

Началось «дѣйство»!

Маленькій Петръ дрожитъ отъ волненія. Онъ все забылъ.

Протопопъ и ключарь подходятъ къ «осляти» и отвязываютъ его.

— Почто отрѣшаете осля сіе? — спрашиваетъ патріаршій бояринъ.

— Господь требуетъ,—отвѣчаютъ протопопъ и ключарь.

«Осля» подводятъ къ Лобному мѣсту. Вся Красная площадь, стѣны Кремля, ближнія колокольни и крыши домовъ, переполненныя зрителями, сотнями тысячъ глазъ пожираютъ происходящее и «осля», и патріарха, и царя, и каждое ихъ движеніе.

Патріархъ и Алексѣй Михайловичъ съ ближними лицами тихо сходитъ съ Лобнаго мѣста и подходятъ къ «осляти».

Царь беретъ конецъ повода и ждетъ, когда патріархъ возсядетъ на «осля». Тотъ, поддерживаемый митрополитами, съ тру-

домъ поднимается на хребетъ «осляти» и беретъ въ руки крестъ и евангеліе.

Процессія двигается. Алексѣй Михайловичъ, поддерживаемый ближними боярами, ведетъ «осля» за самый конецъ повода, а подъ уздцы ведутъ его два дьяка и патріаршій конюшій старецъ. На лицахъ толпы восторгъ, умиленіе, священный экстазъ...

— Матыньки! «дѣйство»! Самъ батюшка царь ведетъ.

— Самово Христа везутъ! Каково это!

На многихъ лицахъ слезы. Другіе молятся, бросаются на колѣни.

Впереди царя и патріарха на «осляти» двигается колесница съ «великой вербой», блестя на солнцѣ своими украшеніями— яблоками, грушами, золочеными орѣхами и херувимами изъ сусальнаго золота.

— Верба-то, верба, ахъ! Точно райское дерево!

Царевичъ Петръ, слѣдуя съ сестрою въ процессіи, не отходитъ отъ «жребяти» и то погладитъ его тихонько «ваіею», то потреплетъ рукою.

Маленькіе патріаршіе пѣвчіе въ бѣлыхъ глазетовыхъ стихарникахъ, слѣдуя рядомъ съ «великою вербою», неустанно поютъ своими нѣжными дѣтскими голосами «стихиры свѣтоносію».

— Матыньки, какъ поютъ!—сущи аньделочки!

— А святитель-то, святитель!—словно онъ и не человѣкъ...

— Вѣстимо, выше человѣковъ, коли самъ батюшка царь ѣшій ведетъ его.

Всѣ «сорокъ-сороковъ», какъ бы соперничая другъ съ другомъ, потрясаютъ воздухъ оглушительнымъ звономъ.

Стрѣлецкія дѣти, охваченныя общимъ воодушевленіемъ, наперерывъ одинъ передъ другимъ спѣшатъ устилать передъ царемъ и патріархомъ путь красными и зелеными сукнами и ярчайшихъ цвѣтовъ кафтанами.

— Ахъ, каково хорошо, сестрица!—невольно вырвалось у маленькаго Петра.—Когда я выросту большой, я самъ буду ѣхать на «осляти».

— А коли ты будешь святителемъ?—засмѣялась Софья.

— Буду! Я не стану водить «осляти», какъ батюшка, а буду ѣздить на немъ.

Патріархъ, услыхавъ эти слова царственнаго ребенка, улыб-

нулся. Онъ и не помышлялъ, конечно, что этотъ удивительный ребенокъ, ставъ большимъ, дѣйствительно не будетъ водить «осляти» во время «вербнаго дѣйства», а уничтожитъ и самое это «дѣйство»...

Кто въ Москвѣ XVII-го столѣтія могъ это предвидѣть!..

А торжественная процессія продолжала подвигаться впередъ подъ оглушительный звонъ колоколовъ всѣхъ «сорока-сороковъ» между красными шпалерами стрѣльцовъ, которые восторженно любовались прелестнымъ маленькимъ царевичемъ, шествовавшимъ съ большою «ваіею» въ рукѣ.

И стрѣльцы не предвидѣли, сколько тысячъ ихъ погибнетъ ужасною смертью отъ возмужавшей руки этого прелестнаго маленькаго царевича и отъ руки его палачей...

Никто ничего этого не предвидѣлъ... Менѣе всего могла предвидѣть ведшая за руку этого маленькаго «братца» царевна Софья Алексѣевна, что готовитъ ей въ будущемъ этотъ маленькій «братецъ», которому она грозила вербой:

Верба хлестъ, бей до слезъ...

Ничего этого Москва не предвидѣла, вся поглощенная «вербнымъ дѣйствомъ»...

Колокола «сорока-сороковъ» продолжали гремѣть, сердца московичей продолжали радостно биться подъ этотъ громъ, пока шествіе царя и патріарха на «осляти» не достигло крыльца Успенскаго собора, гдѣ патріархъ, подерживаемый властями, сошелъ на землю и вмѣстѣ съ царемъ и прочими вошелъ въ соборъ.

Оттуда, получивъ благословеніе патріарха, Алексѣй Михайловичъ, сопровождаемый своимъ семействомъ и ближайшими боярами, отправился въ придворную церковь. Замѣтивъ оживленное личико своего младшаго сына, царевича Петра, онъ любовно улыбнулся.

— Э, Петрушенька-свѣтикъ, да какая у тебя большая, хорошая «ваія»,—сказалъ онъ,—Что жъ, понравилось тебѣ «вербно дѣйство»?

— Понравилось, таково понравилось, батюшка,—быстро заговорилъ ребенокъ...—Только когда я выросту большой, я не буду водить, какъ ты нонѣ, «осляти» а самъ святителемъ буду ѣздить на немъ.

Многіе засмѣялись этому милому лепету ребенка. Но Алексѣй Михайловичъ, взглянувъ на своихъ старшихъ сыновей, на царевичей Ѳедора и Ивана Алексѣевичей, болѣзненныхъ, убогихъ видомъ и «скорбныхъ главами» и сравнивъ ихъ съ живымъ умненькимъ, жизнерадостнымъ царевичемъ Петрушенькой, съ его огненнымъ темпераментомъ, подумалъ съ грустью:

«Да мой бѣдненькій сыночекъ: точно, не водить тебѣ, вѣстимо, «осляти» въ поводу на «вербное дѣйство»... Богу угодно предопредѣлить сей жребій твоимъ старшимъ братцамъ, а тебѣ, быть можетъ, вмѣсто шапки и бармъ Мономаха суждено Господомъ носить клобукъ твоего прадѣда, блаженныя памяти святѣйшаго патріарха Филарета Никитича... Тогда и будешь возсѣдать на «осляти» въ «вербное дѣйство».

Любвеобильное сердце «тишайшаго» царя не предчувствовало, что этой именно курчавой головкѣ его «бѣдненькаго сыночка» предопредѣлено было со славою носить шапку Мономаха, но уже не водить въ поводу «осляти» въ «вербное дѣйство»...

КРАСНОЕ ЯИЧКО.

I.

Въ великой пустынѣ, отдѣляющей Египетъ отъ Палестины, среди небольшого оазиса, подъ тѣнью финиковыхъ пальмъ расположился на отдыхъ караванъ, слѣдовавшій изъ Египта въ Іерусалимъ.

Вожатые каравна, раскинувъ подъ пальмами шерстяныя кошмы, сидѣли по восточному, поджавъ подъ себя ноги и трапезовали, утоляя голодъ варенымъ рисомъ и финиками и часто прикладываясь къ длиннымъ горлышкамъ высокихъ глиняныхъ кувшиновъ съ водой. Въ сторонѣ отъ нихъ развьюченные верблюды, пережевывая жвачку, глядѣли на своихъ вожатыхъ умными кроткими глазами, какъ бы прислушиваясь къ ихъ разговору.

— Съ Божьей помощью мы скоро и въ Святую землю вступимъ,—говорилъ одинъ вожатый, загорѣлый съ бронзовымъ лицомъ арабъ, передавая кувшинъ съ водой другому вожатому, обнаженные выше локтей руки котораго, казалось, сплетены были изъ стальныхъ бронзированныхъ мускуловъ.

— Да, пора, — сказалъ этотъ послѣдній. — Сколько пути пройдено, страшно и вспомнить. Одна Еѳіопія чего стоитъ.

— А Красное море,—замѣтилъ третій,—на что великъ зной въ пустынѣ, а въ томъ морѣ это раскаленная печь.

Въ сторонѣ отъ группы вожатыхъ сидѣли двое, судя по одеждѣ, монахи:—одинъ старый съ сѣдой бородой, другой помоложе.

— Да, велико благочестіе царя Соломона, хоть онъ и еѳіопъ,—говорилъ младшій изъ нихъ.

— Какъ же не быть ему благочестивымъ, когда онъ ведетъ свой родъ отъ Соломона премудраго и царицы Савской, которая изъ Еѳіопіи пріѣзжала въ Іерусалимъ почтить премудрость царя Іудеи и зачала отъ него сына,—объяснилъ старшій монахъ.—Оттого на царяхъ Еѳіопіи и почіетъ благодать Божія.

— А кажись тамъ, въ пустынѣ, виднѣется на горизонтѣ встрѣчный караванъ,—сказалъ младшій, вглядываясь вдаль.

— Пошли Господи,—отвѣчалъ старшій.—Это, можетъ быть, изъ Іерусалима. Спокойнѣе будетъ ночлегъ держать вмѣстѣ.

— Что же, насъ доселѣ хранилъ Богъ отъ злыхъ людей, а львы пустыни по ночамъ боятся нашихъ огней и только издали издаютъ свое рыканье,—замѣтилъ младшій.

Встрѣчный караванъ дѣлался все явственнѣе. Слышались издали глухія позвякиванія желѣзныхъ колокольцевъ, подвѣшенныхъ къ изогнутымъ шеямъ верблюдовъ. Караванъ былъ основательно чѣмъ-то навьюченный.

На спинѣ передового верблюда, между двухъ горбовъ, на сидѣньѣ покачивался кто-то въ монастырскомъ одѣяніи. Изъ-подъ чернаго клобука зорко глядѣли вдаль и на отдыхавшій караванъ глаза приближавшагося монаха.

— Да это, кажись, авву Пахомія намъ Богъ посылаетъ,— сказалъ старшій инокъ.

— Да онъ и есть, авва Антоній,—подтвердилъ младшій.

— Такъ, такъ... И онъ узналъ насъ.

Вновь прибывшій караванъ остановился, и начались взаимныя привѣтствія.

— Миръ вамъ, авва Антоній съ товарищемъ,—сказалъ прибывшій инокъ, спустившись съ верблюда.

— И духови твоему,—отвѣчал Антоній и его спутникъ.— Какъ здоровье аввы Пахоміе?

— Пока Богъ хранить... Вы, значитъ, изъ Ефіопіи?

— Изъ Еѳіопіи, авва Пихомій, изъ самаго Габеша, съ дарами гробу Господню и съ краснымъ яичкомъ отъ царя Соломона для московскаго Царя, «тишайшаго» Алексѣя Михайловича.

— Съ краснымъ яичкомъ?

— Да, но не съ простымъ, а страусовымъ.

— Вотъ какъ!.. Да когда же оно дойдетъ до Москвы?

— Къ слѣдующей Пасхѣ, авва Пахомій: на слѣдующую Пасху царь Еѳіопіи заочно похристосуется съ царемъ Московіи.

— Страусовыхъ яицъ я никогда не видалъ,—сказалъ авва Пахомій, присаживаясь на коверъ рядомъ съ аввой Антоніемъ.— Велики они?

— Въ двадцать пять разъ больше куриныхъ, фунта четыре вѣсомъ.

— Однако, яичко!

— Для такого великаго царства, какъ Московія, и яичко должно быть подходящее.

— Правда, правда,—великое царство—больше того, какое было римское, при гонителѣ Діоклетіанѣ... Тебѣ это лучше знать, авва Антоній, ты живалъ тамъ подолгу.

— Но хоть и подолгу живалъ я тамъ, авва Пахомій, и все же и десятой части Московіи съ ея Малой и Бѣлой Россіей и Сибирью, не знаю... А благочестивая страна... Сколько храмовъ Божіихъ! Въ одной Москвѣ ихъ насчитываютъ сорокъ сороковъ.

— Сорокъ сороковъ! Господи! Это болѣе полуторы тысячи!

— А какъ на Пасху, къ утрени, въ ночной тиши заговорятъ колокола всѣхъ этихъ сорока сороковъ! Боже! да это небесная музыка!.. И я ее вновь услышу въ слѣдующую святую ночь, если Господь приведетъ.

— Завидую, завидую, тебѣ, авва Антоній,—покачалъ головой Пахомій.

— Ты-жъ куда теперь съ своимъ караваномъ?—спросилъ Антоній.

— Въ Ѳиваиду меня посылаетъ его блаженство съ хлѣбными и иными дарами для святыхъ отшельниковъ.

Солнце спускалось къ горизонту, когда прибывшій караванъ развьючился и верблюдамъ задали корму.

— Завидую, завидую,—снова заговорилъ авва Пахомій,—хоть зависть и смертный есть грѣхъ... Но Господь проститъ мое прегрѣшеніе... А царицѣ же развѣ не будетъ краснаго яичка, авва Антоній?

—Какъ же! Благовѣрной царицѣ яичко отъ райской птички, до удивленія маленькое, не больше чечевичнаго зернышка, теперь по прибытіи въ Іерусалимъ, его блаженство освятитъ яички на гробѣ Господнемъ, а потомъ, я, съ благословенія его блаженства, отправлюсь въ Московію,—говорилъ авва Антоній.—О, великъ, труденъ путь въ сію великую страну.

— А все же я тебѣ завидую, авва,—повторилъ Пахомій.

Не замѣтили, какъ и ночь спустилась надъ мертвой пустыней. Вокругъ затихшаго стана запылали костры, которые еще освѣщали темень небеснаго свода, на которомъ трепетали далскія звѣзды.

Надъ пустыней стояла мертвая тишина и только изрѣдка слышались въ ней раскаты грома: то львы издавали сердитое рыканье, боясь огней костровъ, да цикады оазиса тянули свою безконечную пѣснь.

II.

Прошелъ годъ.

Надъ Москвой, въ пасхальную ночь, перекатываются волны звона всѣхъ «сорока сороковъ».

Въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи царя и царицы, патріархъ Никонъ, тогда еще собинный другъ тишайшаго, совершаетъ пасхальную утреню. Соборъ заполняла собой вся московская знать — князья, бояре, стольники, окольничіе, думные дьяки.

Служба отличалась особой торжественостью. Патріаршіе пѣвчіе наполняли своими голосами все вмѣстилище обширнаго

собора. Высшее духовенство, архіереи, архимандриты, священники, блистали своими дорогими облаченіями.

Служба подходила къ концу. Плащаница была торжественно поднята и съ пѣніемъ соотвѣтствующихъ каноновъ обнесена вокругъ собора.

— Святѣйшій патріархъ!—перешептывались между собой бояре.—Какъ служатъ, ахъ!

— Я замѣтилъ, что онъ какъ-то поглядываетъ на великаго государя,—говорилъ другой бояринъ.

— Что-то онъ готовитъ для великаго государя.

— И я замѣтилъ: за ризничимъ святѣйшаго патріарха пронесли иподіаконы какой-то золотой ларь червоннаго золота.

— А я вотъ что мекаю: не прислалъ ли святѣйшему патріарху его блаженство, іерусалимскій патріархъ, красныхъ яичекъ отъ іерусалимскихъ куръ?

— И то пожалуй...

— Да еще, можетъ, свячены-то тѣ яички на гробѣ Господнемъ?

— Ахъ, кабы Господь сподобилъ получить такую святыню.

Яйца отъ іерусалимскихъ куръ такъ занимали головы бояръ, что они даже мало вслушивались въ пѣніе стихарей...

«На божественной стражѣ богоглаголемый Аввакумъ»,—гремѣли между тѣмъ патріаршіе пѣвчіе.

Время между тѣмъ подходило къ христосованью.

Изъ алтаря торжественно выступилъ патріархъ Никонъ съ крестомъ, а—за нимъ иподіаконы вынесли золотой ларь.

— Вотъ, вотъ! Въ семъ ларѣ красныя яички отъ іерусалимскихъ куръ,—шептались бояре.

— Ларь-то не махонькой: на всѣхъ насъ, ближнихъ царскихъ слугъ, хватитъ.

— Какъ не хватитъ, вотъ Господь сподобилъ благодати.

Между тѣмъ, когда царь и царица приблизились къ патріарху, Никонъ приподнявъ высоко крестъ, возгласилъ:

— Божіею милостію великому государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичу и дѣдичу и наслѣднику, и государю, и обладателю.

— Слышь, истово святѣйшій патріархъ царское титло возглашаетъ: «обладателю» съ двумя азами,—шепчутся бояре.

— Еще бы не съ двумя азами!.. Вонъ за одного аза думнаго дьяка Перхурова батоги били нещадно, чтобы другимъ царско титло безчестить однимъ азомъ было неповадно.

— И подѣломъ было Сенякѣ Перхурову! Не пропущай батюшку аза!

Никонъ между тѣмъ продолжалъ:

— Тебѣ, великій государь и государынѣ царицѣ еѳіопскій православный царь, слыша о твоемъ благочестіи, прислалъ изъ далекой Еѳіопіи по красному яичку похристосоваться... Яички тѣ, государь, его блаженствомъ, патріархомъ святаго града Іерусалима, на гробѣ Господнемъ свячены.

И, подавъ Алексѣю Михайловичу крестъ для цѣлованія, Никонъ приподнялъ крышку золотого ларя и бережно вынулъ оттуда гигантское яйцо страуса.

При видѣ яйца-чудовища весь соборъ ахнулъ.

— Сіе яйцо, великій государь, отъ птицы рекомыя струфокамилуса,—сказалъ Никонъ,—сія птица птицамъ царь, какъ ты великій государь всѣмъ царямъ земнымъ царь, тебѣ и подобаетъ пріяти сіе царское яйцо.

Алексѣй Михайловичъ протянулъ къ великану яйцу руки.

— Остерегательнѣе, великій государь, — предупредилъ его патріархъ:—въ яйцѣ болѣе четырехъ фунтовъ вѣсу.

— Четыре фунта яйцо! — прошелъ шопотъ удивленія по собору.

— Во-истину чудеса въ этой Еѳіопіи.

Алексѣй Михайловичъ поцѣловалъ яйцо и долго его разсматривалъ, показывая ближнимъ боярамъ.

— Ужъ и подлинно только такимъ яйцомъ и можно христосоваться православному царю съ православнымъ царемъ,—говорили бояре.

— Вотъ такъ кура! Какія яички несетъ!

Никонъ между тѣмъ вынулъ изъ золотого ларя яичко колибри и, давъ царицѣ приложиться къ кресту, со словами:—«воистину воскресе», положилъ яичко государынѣ на протянутую ладонь.

— А се, государыня, православная царица Еѳіопіи христосуется съ тобой яичкомъ райской птицы, — проговорилъ патріархъ.

— Отъ райской птицы яичко!—пронеслось по собору.

— Да оно менѣе горчишнаго зерна.

И царь, и царица любовались крохотнымъ яичкомъ, а яйцо страуса Алексѣй Михайловичъ передалъ на руки окольничимъ, и они бережно уложили его въ золотой ларь.

Бояре были поражены, и въ то же время разочарованы.

Стало быть, съ нами святѣйшій патріархъ будетъ христосоваться красными яйцами не отъ куръ святого града Ерусалима.

— Да, знать, не удостоились благодати Божій.

— Ну, и красное яичко!—моталъ сѣдой головой старый думный дьякъ.

— Не удостоились, не удостоились,—шептали бояре

ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ.

Это было очень давно, болѣе полустолѣтія назадъ, въ 1839 году, когда мнѣ шелъ только девятый годъ и когда «мнѣ были новы всѣ впечатлѣнья бытія».

Надвигалась пасхальная ночь надъ мою родною Даниловкой—надъ «Даныливкою». Со всѣхъ сосѣднихъ хуторовъ-изъ Краснобаевки, Краснштанивки, съ Чорной, съ Лубьянки, съ Риси спѣшили толпами пѣшіе и на возахъ хохлы и хохлушки, «чоловики» и «жинкы», «дядькы» и «дядыны» съ дѣтворою парубки и дивчата все тянулось «у Даныливку, до церквы», чтобъ послушать, какъ будутъ попы и дяки «до Христа дочитуваться».

А наши даниловскіе парубки уже обложили церковную ограду пылающими кострами, куда валили уворованныя по дворамъ поломанныя телѣги, старыя бочки, негодныя колеса, искалѣченныя ярма. Костры эти разводились въ воспоминаніе холодной ночи, проведенной Христомъ на дворѣ Каіафы, гдѣ апостолъ Петръ «грѣлся» у разведеннаго на дворѣ костра. А ограда у на-

шей даниловской церкви каменная—«козацкая», старинной архитектуры, хоть и строилась—и ограда и церковь—подъ руководствомъ и «раченіемъ» нашего отца: по угламъ ограды каменныя башни съ прорѣзами для мушкетовъ, какъ-будто въ ожиданіи нападенія татаръ. Башни эти и теперь называются «кулями»—татарское слово.

Горитъ огнями церковь, биткомъ набитая народомъ, который заполняетъ сплошными массами не только все пространство въ оградѣ но и за оградой. Всѣ безъ шапокъ.

Но вотъ изъ церкви начинаютъ старики и «парубоцство» выносить образа, хоругви, а духовенство—евангеліе, артосъ. Выносятъ плащаницу. За плащаницею «посувается» весь народъ. Мы съ братомъ—тутъ же, а къ намъ присоединяется нашъ уличный наставникъ, своего рода Платонъ, учившій грековъ философіи тоже на улицѣ, въ «академіи»—молодой хлопецъ Иванъ Устенко, сынъ старой Усти, этого свиного интенданта, добросовѣстно выкармливавшаго нашихъ свиней, которыхъ у насъ водилося цѣлое стадо, какъ у сербовъ и румынъ. Мужъ Усти давно бѣжалъ, «помандрувавъ» ни то въ Анапу, ни то на «Дарью рѣку».

— Дочитались до Христа,—говоритъ нашъ Платонъ авторитетно.—А «тытарь» уже церковь заперъ.

— Для чего?—спрашиваемъ.

— А чтобъ какая-нибудь вѣдьма туда не забралась, бо теперь Христосъ вышелъ изъ гроба, а святые сходятъ въ церкви съ своихъ образовъ и христосуются другъ съ другомъ.

— А какъ же—безъ яицъ?

— Безъ яицъ—имъ яйца безъ надобности.

А у насъ у самихъ карманы и шапки полны «крашанками» и «писанками».

Вдругъ ночной воздухъ оглашаетъ веселое, торжественное пѣніе: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ»...

Въ одно мгновеніе ружейные выстрѣлы. Это стрѣляютъ парубки и «дядьки», у кого есть ружья.

— Зачѣмъ это стрѣляютъ?—спрашиваемъ мы Устенка.

— А чтобъ чертей застрѣлить:—они теперь такъ и крутятся около церкви, хоть ихъ и не видно,—отвѣчаетъ нашъ Платонъ,—да еще чтобъ жидовъ «лякать».

— Какихъ жидовъ?

— А тѣхъ, что Христа распяли. Они и теперь живутъ... Они перерождаются съ каждымъ новымъ мѣсяцемъ.

— А ты видѣлъ когда-нибудь жидовъ?... —спрашиваемъ (я самъ до 13 или 14 лѣтъ не видѣлъ на моей родинѣ ни одного еврея и интересовался ими).

— Какъ же, видѣлъ, въ Березовской станицѣ «на ярмарку», и говорилъ съ ними... Когда ихъ спросишь—когда вы родились, отвѣчаютъ: «вчера». А когда умрете?..—«завтра».

— Счастливецъ Устенка! Онъ видѣлъ ихъ, а мы...

— Я и вѣдьмъ въ церкви видѣлъ,—хвастался нашъ Платонъ.

— Какъ? разскажи, пожалуйста.

— А вотъ какъ: вчера вечеромъ я побѣжалъ на кладбище и досталъ изъ стараго мертвецкаго гроба кусокъ дерева, съ дырочкою, изъ которой выпалъ сгнившій сучокъ, и взялъ этотъ кусокъ съ собой въ церковь, да изъ-за спины своего дядьки Мусія выглядывалъ черезъ дырочку... Только черезъ дырочку и можно видѣть вѣдьмъ.

— И ты видѣлъ?

— Какъ же! У нихъ рога и на головахъ кувшины съ молокомъ, которое они ночью надоили въ нерастоптанныя яичныя скорлупы.

Ну какъ было не завидовать!

— А если бъ меня увидѣли вѣдьмы, что я за ними подсматриваю, то задушили бы... Я и тутъ подсматривалъ за ними... Каждая изъ нихъ должна тронуть, незамѣтно только «крадькома», батюшку за ризу.

— И трогали?

— Трогали проклятущія.

— Вонъ ты все знаешь, хоть тебя и не учатъ «письму»,— жаловались мы.—А насъ «казна» чему учитъ.

— Э! да я еще и не то знаю!—расходился нашъ уличный Платонъ. — Видѣли вы въ церкви, въ «бабинцѣ», картину «Страшный судъ»? Тамъ въ аду, въ огнѣ, самъ Луциперъ.

— Видѣли! видѣли!.. Еще онъ держитъ на колѣняхъ Іуду, а у Іуды въ рукахъ «кашпучокъ» съ тридцатью серебренниками.

— Такъ... Онъ вѣдь сидитъ на цѣпи—его приковали двадцатью цѣпями,—такъ онъ ихъ все грызетъ, все грызетъ цѣлый

годъ, и такой проклятущій, что за годъ успѣетъ перегрызть всѣ цѣпи, и какъ ему остается только послѣднее колечко перегрызть, то на землѣ вдругъ запоютъ: «Христосъ воскресе»—и тутъ ему, проклятущему, заразъ «зась»!.. всѣ цѣпи опять сковались, и онъ опять ихъ грызетъ.

И тутъ мы еще больше сожалѣли. что насъ учатъ «казна» чему.

— Ну, а если перегрызетъ?..

— Тогда конецъ свѣту... Прощай «крашанки» и «писанки»!.. А вотъ къ слѣдующему «Великодню» я выпрошу у дьядька Мусія «карбованецъ» и стану съ нимъ въ церкви въ уголокъ, а когда «панотецъ» скажетъ «Христосъ воскресе», тогда я вмѣсто «воистину воскресе» тихонько скажу: «а я анталюзъ маю».

— Что такое «анталюзъ»—любопытствуемъ мы.

— А это такой «анталюзъ», что кому бъ я ни отдалъ свой «карбованецъ», онъ снова ко мнѣ вернется, да еще и приведетъ съ собой всѣ тѣ «гроши», съ которыми онъ лежалъ вмѣстѣ у другого хозяина, хоть бы въ запертой «скринѣ»... А то еще и иначе можно. Ходить съ этимъ «карбованцемъ» въ карманѣ, и кто-бъ ни говорилъ тебѣ «Христосъ воскресе», отвѣчай громко: а въ мене карбованецъ йе, да такъ до трехъ разъ. Такой «карбованецъ» называется «инслиза».

— Ахъ!..—изумлялись мы — и кто тебя всему этому научилъ?

— Дядько Мусій.

— А мы вотъ и книжки читаемъ, да ничего не знаемъ... Лучше-бъ намъ съ твоимъ дядькомъ Мусіемъ овецъ, либо свиней пасти.

— А вотъ какъ кончится служба,—продолжалъ нашъ ученый,—то скорѣй побѣжимъ домой и станемъ катать яйца по всѣмъ угламъ двора.

— Зачѣмъ?

— А чтобъ найти чорта... Онъ непремѣнно сидитъ въ какомъ-нибудь углу въ шапкѣ-невидимкѣ... А какъ увидимъ—хвать шапку!—да себѣ на голову,—тогда онъ и не увидитъ насъ.

— Какъ же такъ?—насъ трое, а у него шапка одна,—сталъ закрадываться скептицизмъ въ наши юные головы.

— Такъ я одинъ найду его, и у меня будетъ шапка-невидимка.

— А намъ Оксана-нянька разсказывала,—похвалились и мы своими знаніями,—что съ самаго «Великодня» Христосъ невидимо ходитъ по землѣ, а сатана все это время, сорокъ дней, лежитъ въ аду ничкомъ и не смѣетъ пошевельнуться, и райскія двери во всю пасхальную недѣлю открыты, какъ и царскія врата въ церкви и кто-бъ ни умеръ въ это время—прямо въ рай попадаетъ.

— Это правда,—авторитетно подтвердилъ Устенко. — А вотъ, что еще можно сдѣлать на Пасху: взять съ собой простой «карбованецъ» и черную кошку и пойти на перекрестокъ—черти на перекресткахъ всегда собираются—положить на землю «карбованецъ», а чертямъ бросить черную кошку. Черти и начнутъ драться изъ-за кошки, а ты хватай «карбованецъ» и лупи домой, чтобъ черти не поймали. Тогда этотъ «карбованецъ» станетъ неразмѣннымъ. Можно бросить чертямъ и нитку съ узлами, и пока нечистые будутъ развязывать узлы, ты съ «карбованцемъ» и улепетывай домой.

— И ты сдѣлаешь это?—изумлялись мы.—И не страшно тебѣ?

— Отчего не сдѣлать? А то—страшно!—Умѣй только не зѣвать, не лови воронъ. А то, если только зазѣваешься и они, разорвавъ кошку, бросятся вдогонку и поймаютъ, то разорвутъ на клочки, какъ кошку.

Отъ этихъ словъ намъ становилось страшно, и чѣмъ страшнѣе намъ было, тѣмъ больше выросталъ въ нашихъ глазахъ Устенко, какъ герой.

А онъ продолжалъ разглагольствовать.

— Сегодня же, какъ только облуплю первое яйцо, то скорлупу положу въ карманъ и пущу потомъ на воду: пускай плыветъ къ рахманамъ, и какъ доплыветъ, то они и узнаютъ, что у насъ Великдень.

— А кто эти рахманы?—спрашиваемъ своего Платона.

— Люди такіе есть. Живутъ далеко, далеко, тамъ, куда осенью птицы улетаютъ въ Ирій на зиму.

Объ Ирiи мы имѣли понятіе, потому что за нашимъ пчельникомъ, въ лѣсу около Заблудныхъ Музъ (почему болота эти, въ которыхъ можно было заблудиться и погибнуть, назывались «Музами»—я не знаю)—каждое лѣто пара журавлей выводили дѣ-

тей и потомъ къ осени улетали съ дѣтьми въ Ирій, а на весну снова возвращались къ покинутому гнѣзду.

— Да только вотъ что, — предупреждалъ насъ мудрецъ Устенко:—когда будете ѣсть пасху (т. е. куличъ), то смотрите— не роняйте на полъ крошекъ, а то если мышка съѣстъ хоть крохотку «освяченаго», то станетъ «кожаномъ» (летучая мышь).

— Мы это знаемъ,—заявили мы,—намъ объ этомъ говорила Оксана.

Кромѣ того, мы могли похвастаться передъ нашимъ уличнымъ «академикомъ» тѣмъ, чего онъ не зналъ.

Роясь въ бумагахъ отца, мы нашли тамъ рукописную «Пасхальную виршу», которую черноморцы декламировали князю Потемкину на Пасху, въ 1786 году.

«Вирша» начинается такъ:

Христосъ Воскресе! Радъ міръ увесь, за Божои ласки,
Теперь усякъ наився въ-смакъ свячепои насхи.
Всі гуляють, выхваляютъ воскресшаго Бога,
Бо вже тая, що до рая, протерта дорога...

— А мы знаемъ «виршу», какъ сію ночь Христосъ въ адъ ходилъ,—заявилъ я съ гордостью.

— А ну какъ?—спросилъ Устенко.

— А вотъ слушай конецъ «вирши»,—сказалъ я, и сталъ кандовать»:

Не забаривъ, адъ разоривъ, випустивъ вси души.
Святый Афетъ узявъ мушкетъ, выстрѣливъ на часло,
Выйшла зъ рая сила не малая, ажъ пекло затрясло.
Гуртомъ ожили, вси загули, якъ весною мухи;
Зъ пекла народъ бигъ навзаведъ, а иншіи трюхи.
Дочувся Аврамъ, що вже Адамъ изъ пекла удригавъ,
Винъ за Исакомъ ледьеракомъ, и соби поплыгавъ.
Свята Сара, хочъ и стара, та женщина руча—
Вся пихота ишла въ ворота, вана-жъ куди луча.
Племинникъ Лотъ въ купу сиротъ якъ изибравъ биднихъ,
Такъ ни дверей и ни верей не зосталось миднихъ.
Якъ та туча, куди луча, такъ и покотили.
У Божу путь, тилько сопуть, що ажъ попотили.
Моисей пророкъ въ дверяхъ замокъ й муръ пробивъ рогами,
Адъ сплюндровавъ й помандрувавъ пишими ногами,
Якъ той бугай съ кошири въ гай выперся—голодный,
Такъ изъ ада йде громада, рада, що свободна.
Рай отпертый, шляхъ протертый, Адамъ потишайся!
Райскимъ плодамъ за всимъ родамъ тамъ ты утишайся.
Веди всихъ въ рядъ у райскій садъ яблуки збирати,
Ижъ одъ древа, бо больше Ева не буде вмирати.

— Онъ-де мои дитки,—послышался за нами знакомый голосъ:—мени такъ и казавъ пидтитарый, шо ви коло батька (у часовни надъ могилою нашего отца). То часъ вже и додому, великодна ничъ кинчается и скоро на свитъ благословиться, та й люді розиходяться.

Это говорила наша мать. Пасхальная ночь, дѣйствительно, была на исходѣ.

Подъ впечатлѣніемъ страшныхъ разсказовъ Устенко мы тѣмъ охотнѣе спѣшили домой, что сильно проголодались.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

ДАНИЛЫ ЛУКИЧА МОРДОВЦЕВА

В

Кн. 39

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПОВѢСТИ

СВѢТУ БОЛЬШЕ. СОЦІАЛИСТЪ ПРОШЛАГО ВѢКА. ТУЛЬСКІЙ КРЕЧЕТЪ. ВИДѢНІЕ ВЪ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКѢ. КРЫМСКАЯ НЕВОЛЯ.

Издательство П. П. Сойкина

Типографія

Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПОВѢСТИ.

СВѢТУ БОЛЬШЕ!

I.

— А ты самъ-отъ, Ермилушка-свѣтъ, доходилъ до пресвѣтлаго рая?

— Доходилъ, матушка-царица, божіимъ изволеніемъ.

— А въ рай самый вступалъ?

— Нѣту, матушка-царица, не удостоился оной благодати, понеже врата райскія отъ востока, гдѣ солнышко восходитъ, поставлены божіимъ промысломъ, а я, грѣшный, дошелъ токмо до западной стѣны.

— А каковы стѣны райскія, Ермилушка?

— Адамантовы, матушка-царица, зѣло крѣпки и зѣло высоки.

— А птица перелетитъ ихъ?

— Не всяка птичка, царевичъ-свѣтъ: есть махоньки райски птички, ну, тѣ перелетаютъ, сподобилъ Богъ.

— А трудно дойти до рая, Ермилушка?

— Трудно, царевичъ-свѣтикъ: понеже облежатъ оный пресвѣтлый рай горы великія и чащи лѣсныя, а подлѣ оныхъ лѣсовъ великія поля, широты и долготы презѣльныя, а на тѣхъ поляхъ много превеликихъ драконовъ и иныхъ лютыхъ звѣрей.

— И ты ихъ не боялся?

— А крестъ-отъ на что? Коли я крестомъ да вѣрою огражу себя, дакъ меня ни единъ драконъ не тронетъ. Сказано въ писаніи: аще вѣру имѣтъ и повелитъ горѣ двигнутися, и двигнется. Шалишь!

— И ты двигалъ горами, Ермилушка?

— Двигалъ, двигалъ, царевичъ-свѣтикъ: сподобилъ Господь грѣшнаго.

Разговоръ этотъ вели въ кремлевскомъ дворцѣ, въ Москвѣ, въ покояхъ царицы Евдокіи Ѳедоровны, сама царица и царевичъ Алексѣй Петровичъ съ благочестивымъ «странникомъ» Ермилушкою. Это было въ августѣ 1698 года. Царь Петръ Алексѣевичъ находился въ это время «за моремъ», какъ тогда говорили, хотя изъ-за моря, изъ Англіи, онъ уже воротился и пребывалъ въ Вѣнѣ, намѣреваясь ѣхать въ Венецію. Въ его отсутствіе люди старой московской закваски, юродивые да разные «странники» и «странички», безбоязненно пробирались во дворецъ и приводили въ умиленіе, а иногда и въ ужасъ, дворскихъ постельницъ и сѣнныхъ дѣвушекъ разсказами о своихъ странствіяхъ, о небывалыхъ чудесахъ, о томъ, что иная «странница» сидѣла на «пупѣ земли», а другая доходила до «адовыхъ вратъ» и слышала собственными ушами, какъ въ аду стонутъ грѣшники, большею частью «табашники» да «скобленыя рыла», бритыя. Въ числѣ такихъ «странниковъ» былъ и Ермилушка, пользовавшійся особою популярностью у прекраснаго пола, потому что былъ грамотѣй и великій мастеръ плести всякую благочестивую чепуху. Этотъ ловкій плутъ былъ вхожъ, по протекціи царицыныхъ постельницъ, и къ самой Евдокіи Ѳедоровнѣ, которая жадно слушала его розсказни о раѣ и адѣ, о страшныхъ «гогахъ и магогахъ», о «трехъ китахъ» и т. п.: таковы были знанія тогдашней московской женщины даже самаго высшаго круга. Царица Евдокія, пользуясь отсутствіемъ державнаго супруга, не любившаго ни «странничковъ», ни «юродивыхъ», позволила даже Ермилушкѣ просвѣщать юнаго восьмилѣтняго царевича Алексѣя Петровича и сама заслушивалась его сказаній о хожденіи къ святымъ мѣстамъ и даже до адамантовыхъ стѣнъ самого рая. И вотъ Ермилушка уже нѣсколько мѣсяцевъ преподаетъ юному царевичу книжную премудрость по старописной книгѣ, глаголемой «Златый Бисеръ».

Приведенный выше разговоръ о раѣ происходилъ утромъ 26-го августа. Царевичъ сидѣлъ за столомъ съ красивою указкою въ рукѣ. Верхъ указки украшенъ былъ золотымъ двуглавымъ орломъ. Ермилушка, съ сѣдою косичкой и жидкою бороденкой, въ длинномъ кафтанѣ на подобіе подрясника, сидѣлъ супро-

тивъ царевича и держалъ въ рукѣ знаменитый «Бисеръ». Царица сидѣла у окна, у пялецъ, и усердно вышивала «воздухи». Возлѣ нея дремала старая «мамушка» съ чулкомъ въ рукѣ и, поминутно спуская петли, набожно крестилась.

— Ну, свѣтикъ-царевичъ,—спросилъ Ермилушка,—вытвердилъ ты свои урки, что я задалъ?

— Вытвердилъ,—бойко отвѣчалъ юный студентъ.

— А отъ кѣхъ и до кѣхъ?

— Отъ «въ той индійской землѣ» до «яко рыба на сушѣ».

— Добро-ста... А ну-ка-сь, съ божьей помощью, благовѣсти

— «Въ той индійской землѣ,—началъ царевичъ скороговоркой, какъ читаютъ въ церкви дьячки,—человѣцы есть высотою дву локтей, бьются съ журавлями. Жены ихъ рождаютъ дѣтей токмо три лѣта и не живутъ болѣе осьми лѣтъ. Тѣ люди садятъ перецъ, и егда растетъ, тогда бѣлъ. А та земля наполнена зміевъ малыхъ. И егда пріидетъ время той перецъ собирать, и тѣ люди зѣло хитро устрояютъ нѣкіимъ дымомъ, и тѣмъ зміевъ отъ себе прогоняютъ. И отъ того дыма очернѣваетъ перецъ».

— Дакъ вотъ отчего черенъ перецъ живетъ,—замѣтила царица.

— Оттого точно, матушка,—кивнулъ головою Ермилушка.— Ну-ка-сь, соловушка-царевичъ, щебечи, щебечи далѣ, что есть въ другой Индѣѣ.

— «Въ другой Индіи есть люди,—продолжалъ царевичъ,— зовомые макровіи, высотою двѣнадцати локтей, и борются съ нагуи, или рещи, съ ѳріалы. Тотъ звѣрь подобіемъ яко левъ, имѣетъ крылѣ и когти, яко орли. Близь тоя страны есть люди, нарицаемые рахманы агроти. Тѣ люди имѣютъ у себя нѣкій огнь, и что пожелаютъ, имъ истребляютъ».

— Господи, чего-то на свѣтѣ нѣтъ!—набожно вздохнула царица. отклоняясь отъ работы.

— Владычица, котору ужъ петлю спущаю!—пробормотала мамушка и, сладко позѣвывая, перекрестила ротъ.

— А ты, Ермилушка, видѣлъ тѣхъ рахмановъ?—полюбопытствовалъ царевичъ, играя указкой.

— Видалъ, солнышко, видалъ... Чего я, старый песъ, не видалъ!

— А тебя они не сожгли?

— А крестъ на что? Я ихъ, темноликихъ, крестомъ-стъ

взашей, взашей... Ну, солнышко, свѣти намъ далѣ свѣтомъ премудрости: сказывай свои урки.

Царевичъ замялся было и сталъ водить указкой по книгѣ, но профессоръ подшепнулъ:—«Тамо же есть люди»...

— «Тамо же есть люди,—зачастилъ юный студентъ и дажо закрылъ глаза,—сами убиваютъ сродниковъ своихъ состарѣвшихся, и егда отцовъ и матерей ядятъ, тогда радостный пиръ сотворяютъ; а кто званый не пріидетъ, того имѣютъ за злаго человѣка».

— Господи Боже, каки страсти!—съ ужасомъ воскликнула Евдокія Ѳедоровна.—Родителей своихъ жрутъ!

— Жрутъ, матушка, жрутъ и руками радостно плещутъ. А ты только послушай, каки еще человѣцы въ той Индѣѣ живутъ... Ну-ка-ся, солнышко, свѣти намъ про песьи тѣ головы... Ну, ну, свѣти, ягодка.

— Ну, что тамъ еще за песьи головы, Алешенька?—интересовалась царица, а мамушка перестала даже чулокъ свой вязать.

Маленькому царевичу видимо льстило это общее вниманіе, и онъ опять началъ выкладывать чудеса изъ «Златаго Бисера».

— «Тамо же есть человѣцы, имъ же пяты превращены, и ходятъ тыломъ впередъ и имѣютъ по осьми перстовъ у рукъ и у ногъ, а главы песіи, ноги кривы и велицы, ими же бьются со звѣрьми и лаютъ, аки пси».

— Ахъ, грѣхъ какой!—не вытерпѣла мамушка.

— А ты не перебивай, мамка,—остановилъ ее царевичъ и продолжалъ:—«Тамо близь ихъ есть нѣкія жоны, егда рождаютъ аще дѣтей, тогда сивы, а егда состарѣются, тогда будутъ черны и вельми стары. Тамо же есть жоны, иже рождаютъ во едино время по пятинадесяти дѣтей».

— Словно бы кошки,—укоризненно покачала сѣдою головой мамушка.—Чтобъ имъ пусто было!

Ермилушка самодовольно улыбался, какъ бы говоря:—«а ты, старая, послушай, что дальше будетъ»; царевичъ продолжалъ:

— «Тамо же есть люди, именуемые сиклопеси (циклопы): имѣютъ только по единой ногѣ и рыщутъ борзѣе птицына летанія, а егда сядетъ или ляжетъ, то тою ногою отъ зноя и отъ дождя закрывается. Тамо же есть люди безглавніи, имъ же

есть очи на плечахъ, и вмѣсто устъ и носа имѣютъ на персѣхъ по двѣ диры»...

— Чѣмъ же они жрутъ, окаянные!—не вытерпѣла мамушка, которую все болѣе и болѣе заинтересовывало слышанное, такъ что она даже перестала обращать вниманіе на спущенныя петли.

Царица же Евдокія Ѳедоровна только повторяла въ какомъ-то блаженномъ смущеніи: — «Господи, Господи! Владычица усердная»!

— А вотъ еще одинъ стихъ, и конецъ урку,—самодовольно проговорилъ царевичъ, гордый сознаніемъ, что онъ такъ поразилъ своею премудростью и мать, и старую «мамуху».

— Ну, ну, солнышко-царевичъ, послушаемъ,—съ немень-шимъ самодовольствіемъ улыбался Ермилушка-профессоръ.

Царевичъ всталъ и, махая въ воздухѣ указкой, заговорилъ, захлебываясь отъ торопливости и довольный тѣмъ, что не ударилъ лицомъ въ грязь ни передъ учителемъ, ни передъ благосклонными слушательницами.

— «Тамо же есть люди,—лепеталъ онъ,—на велицѣй рѣцѣ Ганги, иже изъ рая течетъ: тѣ люди имѣютъ овощіе, иже изъ рая пловутъ, и отъ тѣхъ овощевъ питаются живыми ядрами, а иныя пищи не требуютъ, и тѣ овощи осторожно вельми у себя блюдутъ, того ради, понеже они зѣло боятся злосмраднаго всякаго обонянія, и тѣми овощами защищаютъ животъ свой. Аще ли который изъ нихъ обоняетъ какую злосмрадную воню, а тѣхъ вышеупомянутыхъ овощевъ при себѣ имѣть не будетъ, то вскорѣ умираетъ и живъ быти не можетъ, яко рыба на сушѣ».

— Все!—радостно вздохнулъ царевичъ, и въ хорошенькихъ глазкахъ его блеснуло торжество.

Царица, пораженная всѣмъ слышаннымъ и слѣпо вѣря чудовищнымъ бреднямъ, серьезно разсказываемымъ авторомъ «Златого Бисера», смущенно и съ какою-то дѣтскою боязнью смотрѣла на «святого странничка».

— И ты все это видѣлъ, Ермилушка?—съ ужасомъ спрашивала она.

— Видѣлъ, свѣтъ матушка-царица, видѣлъ,—говорилъ плутъ, корча благочестивую рожу.

— Когда же это было, Ермилушко?

— А какъ я на бѣсѣ въ Ерусалимъ-градъ ѣздилъ.

— На бѣсѣ? Владычица!

— На бѣсѣ, матушка... Лихой конекъ... Только же и хитеръ, бестія: все наровилъ занести меня въ Муринскую землю... Дакъ я его, пса, крестомъ-то святымъ по холкѣ, по холкѣ... А какъ летѣли мы, матушка-царица, черезъ акіянъ-море, дакъ я видѣлъ кита-рыбу, что землю на себѣ держитъ... Плавникомъ эдакъ ворочалъ китъ, маленько эдакъ ворочалъ, дакъ и то земля тряслась, трусъ велій былъ...

— Ахъ, Ермилушко, и ты не упалъ съ бѣса? — испуганно спросилъ царевичъ.

— Зачѣмъ, солнышко, падать? А рожки у бѣса на что? Я за рожки держался лѣвой рукой, а въ правой у меня крестъ животворящій... Дакъ я бѣса-то крестомъ, крестомъ! Страхъ не любитъ.

— А опосля отпустилъ бѣса?—полюбопытствовала мамушка.

— Отпустилъ, отпустилъ...

— Для-че? Ты-бъ ево, окаяннаго, заперъ гдѣ ни на есть...

— Да онъ мнѣ поклялся сорокъ годковъ людей не смущать, ни ни! Ни Боже мой! Ну, и отпустилъ, пущай попостится малость.

Въ это время въ дверяхъ показалась старая постельница царицы. На ней, что называется, лица не было.

— Что съ тобой, Оленушка? Али не можется?—спросила участливо Евдокія Ѳедоровна.

— Ахъ, матушка, царица!.. Самъ-отъ государь изъ-за моря въ Москвѣ объявился... О-охъ!—простонала постельница.

— Давно?—чуть слышно, блѣднѣя, спросила царица.

— Вчерась еще... Вечоръ, сказываютъ, у Анки видѣли, у Монсихи...

— А ко мнѣ и къ сыну и не показался,—все болѣе и болѣе блѣдняя, прошептала бѣдная царственная женщина.

— А нонѣ, матушка, съ утра въ Преображенскіимъ, самъ княземъ и боярамъ бороды стрижетъ... гнѣвенъ, лютуетъ...

— Бороды стрижетъ!—съ ужасомъ повторили всѣ, точно надъ ихъ головами разразился ударъ грома.—Брады святыя!..

— Охъ! Конецъ свѣту, конецъ!.. Свѣту преставленье,—тихо мотала головой постельница, словно отъ нестерпимой зубной болй.

Ермилушка, схвативъ дрожащими руками «Златый Бисеръ», юркнулъ въ выходную дверь съ видомъ побитой собаки.

II.

Дѣйствительно, въ тѣ самые часы, когда въ кремлевскомъ дворцѣ, въ покояхъ царицы Евдокіи Ѳедоровны, типичнѣйшій представитель древней Руси, духовный авторитетъ невѣжественныхъ массъ, благочестивый странничекъ Ермилушка, просвѣщалъ довѣрчивую, ничему, кромѣ шитья и вышиванья «воздуховъ» и пеленъ, не учившуюся царицу и ребенка-царевича изъ книги, «глаголемой Златый Бисеръ», книги, которая для тогдашней московской интеллигенціи была такимъ же научнымъ авторитетомъ, какимъ для насъ еще недавно былъ «Космосъ» Гумбольдта, и когда онъ же морочилъ своихъ слушателей розсказнями о ѣздѣ на бѣсѣ, о личномъ своемъ знакомствѣ съ одноногими «циклопесами» и «безглавыми людьми», о путешествіи на бѣсѣ по Индѣй-странѣ вплоть до адамантовыхъ стѣнъ рая и о стучаніи своимъ посохомъ «во врата адовы», въ эти самые часы въ преображенскомъ дворцѣ совершилось неслыханное дѣло, такое дѣло, «какова не было, какъ и свѣтъ сталъ». Самъ, великій государь, «помазанникъ и судія земный», о, ужасъ, ужасъ! стригъ бороды ближнимъ боярамъ, князьямъ и воеводамъ, «губилъ образъ, отъ Бога мужемъ дарованный», какъ выражался святѣйшій патріархъ Іоакимъ въ своемъ протестѣ, въ соборномъ посланіи ко всему синклиту и ко всему народу святорусскому.

Въ самомъ дѣлѣ, неслыханное событіе! Церковь, высшіе сановники страны, войско, народъ, все считало бороду народнымъ знаменемъ, мало того, знаменемъ православія. Брадобритіе—это «еллинскій, блудническій, гнусный обычай», по словамъ посланія патріарха. Посланіе преемника Іоакима, патріарха Адріана, обзываетъ брадобритіе «еретическимъ безобразіемъ, уподобляющимъ человѣка котамъ и псамъ»: гдѣ—спрашиваетъ посланіе—станутъ на страшномъ судѣ бритые, «съ праведниками ли, украшенными брадою, или съ обритыми еретиками?»

И вдругъ, самъ великій государь собственноручно у самихъ свѣтилъ земли русской, у «мужей совѣта», стрижетъ «образъ, отъ Бога мужемъ дарованный»!

Но Петръ, геніальнѣйшій и величайшій изъ государей всѣхъ вѣковъ и народовъ, зналъ, что дѣлалъ.

Въ 1698 году, на другой день послѣ взятія Азова, Петръ Алексѣевичъ совершилъ путешествіе за границу, въ Пруссію, въ Голландію, въ Англію, а оттуда прибылъ въ Вѣну, чтобъ потомъ, какъ сказано выше, посѣтить Венецію, тогдашнюю «царицу морей». А къ морю геніальный «кормчій» давно уже чувствовалъ слабость. Но въ Вѣнѣ дошла до него вѣсть о стрѣлецкой смутѣ. Понятно, что долженъ былъ почувствовать царь къ взбунтовавшимся бородачамъ и длиннокафтанникамъ: въ страшномъ гнѣвѣ онъ поскакалъ въ Москву «гасить сей огнь». Онъ хорошо зналъ, откуда дымъ идетъ, съ чего начать гасить огонь: съ бородъ!.. Пусть поймутъ тѣ, которые прячутся за «святыми брадами», что порѣшила державная воля...

— Кошку бьютъ, невѣсткѣ наметки даютъ,—лукаво шепнулъ Шеинъ «королю» Ромодановскому, когда ихъ бороды первыми упали на полъ пріемной преображенскаго дворца отъ руки «пресвѣтлаго стригача», а державныя ножницы продолжали ходить по другимъ сановнымъ бородамъ.

— А вонъ бороды Тихона Никитича да князь Михайлы Алегуковича, вишь, обошелъ,—улыбнулся «князь-кесарь» Ромодановскій.

Дѣйствительно, какъ ни былъ возбужденъ государь, но онъ не тронулъ бородъ самыхъ почтенныхъ стариковъ, Тихона Никитича Стрѣшнева и князя Михаила Алегуковича Черкасскаго. Шеинъ и Ромодановскій замѣтили это и переглянулись. Между тѣмъ царь нервно, возбужденно переходилъ отъ одного сановника къ другому и, бросая налету то шутку, то привѣтствіе, обрѣзывалъ бороду за бородою.

— Шаповаламъ будетъ нонѣ работка,—продолжалъ шутить Шеинъ,—сколько шапокъ наваляютъ изъ боярскихъ бородъ!

— Скоряе власяницъ для нѣкіихъ персонъ,—загадочно подмигнулъ «князь-кесарь».

— И то не лишнее,—согласился Шеинъ.—А Лыковъ-то какъ хоронится за другихъ! Вишь, жаль ему своей красы-бороды: во истину «брада Аароня», на всю Москву борода.

Шеинъ указывалъ на боярина Кирилла Андреевича Лыкова, который находился тутъ же въ числѣ сановниковъ, прибывшихъ во дворецъ къ царю на поклонъ, послѣ его возвращенія «изъ-за моря». У Лыкова, дѣйствительно, была роскошная борода. Золотисто-каштановая, мягкая и нѣжная, какъ шелкъ

шемахинскій, густая «аки муромскій лѣсъ», она красивымъ опахаломъ застилала всю грудь боярина, смотрѣвшаго совсѣмъ молодымъ. Лыковъ гордился своей чудной бородой и лелѣялъ ее. Эту бороду знала вся Москва. Молодыя и не молодыя боярыни съ ума по ней сходили. Юныя боярышни, тайно заглядываясь изъ-за теремныхъ переходовъ и въ церкви на бороду Лыкова, въ сонныхъ дѣвичьихъ грезахъ ласкали и цѣловали ее. Даже смиренный Адріанъ, святѣйшій патріархъ «всеа Руси», съ завистью посматривалъ, бывало, изъ алтаря на «лѣповидную браду» Кирила Андреевича.

— Экою красою Господь благословилъ!—шептали старческія уста святителя.

И вотъ теперь Лыковъ стоялъ въ пріемной царя, стараясь спрятаться въ заднихъ рядахъ сановниковъ, чтобъ только державныя ножницы миновали его любовно лелѣемую бороду. Онъ даже думалъ было незамѣтно скрыться изъ пріемной, когда Петръ обернулся зачѣмъ-то къ «князь-кесарю». Но напрасно! Царь выше всѣхъ цѣлою головой и плечами, все видѣлъ черезъ сѣдыя и русыя головы бояръ, и потому движеніе Лыкова не могло скрыться отъ орлинаго взора великана.

— Бояринъ Кирило!—обернулся онъ въ сторону Лыкова — Вѣдомо тебѣ, кто былъ мой прадѣдъ?

Лыковъ замялся. Всѣ съ удивленіемъ посмотрѣли на него и на царя: всѣ припоминали: кто же, въ самомъ дѣлѣ, царевъ прадѣдъ? Не всѣ сразу сообразили.

— А кто былъ мой отецъ?—уже съ раздраженіемъ спросилъ царь.—Ты и сего не знаешь?

— Знаю, государь,—смущенно проговорилъ бояринъ.—Родителемъ твоимъ былъ блаженныя памяти государь царь Алексѣй Михайловичъ, въ Бозѣ почивающій.

— А дѣдъ?

— Блаженныя и вѣчно достойныя памяти царь государь всея Русіи Михаилъ Ѳеодоровичъ.

— А прадѣдъ?

— Блаженныя памяти святѣйшій митрополитъ Филаретъ, въ мірѣ бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ.

— Вспомнилъ, вижу,—проговорилъ царь.—Такъ ты, я чаю, знаешь, изъ лѣтописныхъ сказаній да и по изображеніямъ моего прадѣда, что у него, когда онъ былъ еще въ міру, во младости,

борода была не въ версту твоей, и былъ онъ на Москвѣ такой щеголь, какъ и ты, а бородой его вся Москва любовалась. Такъ да будетъ всѣмъ вѣдомо, что у меня борода прадѣдова,—обратился царь ко всему собранію сановниковъ.—А я, видите, презрѣлъ свою бороду... Чего ради? Мнѣ такъ сіе Богомъ внушено... Въ писаніи же сказано: сердце царево въ руцѣ божіей... Бояринъ Кирило! Подойди ко мнѣ,—повернулся онъ къ Лыкову.

Лыковъ упалъ на колѣни.—Великій государь, смилуйся, пожалуй!—бормоталъ онъ, силясь закрыть бороду руками

— Холопъ!—грозно крикнулъ царь.—Встань!

Лыковъ не вставалъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. Глаза Петра метнули искры. Лицо его подергивалось судорогами.

— Поднять собаку!

Лыкова подняли ближайшіе къ нему бояре.

— Стригите его! Онъ не стоитъ того, чтобъ моя рука прикасалась къ нему...

И Петръ съ гнѣвомъ бросилъ ножницы.

А въ это время Ѳомушка-юродивый, извѣстный всей Москвѣ, а впослѣдствіи и Петербургу, поднялъ на ноги всѣхъ торговцевъ ножевой линіи и сосѣдняхъ рядовъ. Юродивые въ древней Руси представляли собою выразителей общественнаго мнѣнія, а чаще всего сатиру и обличеніе неправды сильныхъ. Къ ихъ голосу прислушивалась не только толпа, но даже цари, хотя бы самъ Грозный, должны были внимать ихъ словамъ, нерѣдко дерзкимъ до невозможности, такимъ словамъ, за которыя всякій неюродивый поплатился бы головою.

Ѳомушка, босикомъ и безъ шапки, весь обвѣшанный сумками, въ которыхъ хранились у него всевозможныя зерна для голубей и воробьевъ, скакалъ теперь по ножевой линіи верхомъ на палочкѣ и подхлестывалъ ее кнутикомъ. Къ нему со всѣхъ карнизовъ и крышъ стаями слетались воробьи и голуби, а послѣдніе садились къ нему даже на плечи и на всклоченную, никогда не чесанную, сѣдую голову.

— Людцы торговые, сидѣльцы ножевые, Ѳомушкѣ прилежно внимайте, топоры и бритвы въ нарочитомъ множествѣ припа-

сайте!—нараспѣвъ, тончайшей фистулой, выкрикивалъ онъ.— Но-но, лошадка! Живѣй къ Иванъ-Захарычу! Но-но! Попрыгивай.

Слыша знакомый голосъ, гостинодворцы съ любопытствомъ и не безъ опасенія выскакивали изъ лавокъ, предвидя что-то неладное.

— Не спроста онъ, божій человѣкъ, Иванъ-Захарыча поминаетъ,—говорилъ старый торговецъ скобянымъ и ножевымъ товаромъ.—Охъ, не спроста!

— Топоры да бритвы припасайте, мучениковъ праведныхъ поминайте!—продолжалъ выкрикивать юродивый.

Его обступили гостинодворцы, преграждая путь.

— Дорогу! Дорогу гонцу!—торопливо говорилъ Ѳомушка, расталкивая толпу.

— Да ты скажи, божій человѣкъ, для чего тѣ топоры да бритвы?—допытывались сидѣльцы.

— Бороды брить да головки рубить, миленькіе,—былъ отвѣтъ.

Всѣ со страхомъ переглядывались, хорошо зная, что юродивый на вѣтеръ словъ не бросаетъ, и слова его—всегда зловѣщія.

— Кому же головы рубить? Кому бороды брить?—допрашивали его.

— У кого двѣ головы, тому одну голову долой, а другую онъ снесетъ къ Иванъ-Захарычу... Вотъ я и скачу, чтобъ онъ поболѣ горенокъ свѣтлыхъ приготовилъ для незванныхъ, однако, желанныхъ гостей... Пропусти, братцы! Но-но! Пошевеливай!

Толпа разступилась, а юродивый, дико приплясывая, зачастилъ старческимъ скрипучимъ говоркомъ:

У Иванушки свѣтъ-Захарыча
Всѣ андели возсѣдятъ,
Таки рѣчи говорятъ:
— Къ намъ гости идутъ,
Радость Господу несутъ:
Стрѣльцы-удальцы,
Все Христовы молодцы...

— Вонъ онъ куда загинатъ,—покачалъ головою старый гостинодворецъ,—стрѣльцовъ Иванъ-Захарычу сулитъ.

— А кто это будетъ Иванъ-Захарычъ?—спросилъ дѣдушку молоденькій сидѣлецъ-новичекъ въ Москвѣ.

— А ты божественному писанію, паренекъ, навыченъ?—въ свою очередь спросилъ старикъ.

— Маленько, бытто, навыченъ, дѣдушка,—отвѣчалъ паренекъ.

— Иванъ Захарычъ будетъ сынокъ преподобныхъ Захарія и Елисаветъ: Іоаннъ Креститель... Вотъ она какова загвоздка, паренекъ.

Въ толпѣ смущенно, между тѣмъ, переговаривались, что наканунѣ, какъ снѣгъ на голову, нагрянулъ на Москву «изъ-за моря» самъ царь...

— Вотъ онъ Иванъ Захарычъ ждетъ гостей стрѣльцовъ.

Ѳомушка скоро скрылся въ узкихъ переходахъ гостинаго двора, продолжая выкрикивать «топоры» и «бритвы», а за нимъ по прежнему неслись стаи голубей.

На утро по Москвѣ разнеслась вѣсть, что бояринъ Лыковъ, не стерпя поруганій своей бороды, съ отчаянья утопился гдѣ-то за городомъ въ Москвѣ-рѣкѣ. Мало того, вмѣстѣ съ собою онъ утопилъ и свою единственную дочь, двѣнадцатилѣтнюю Елену, про которую въ Москвѣ говорили, что ея дѣвичья «трубчатая» коса не уступаетъ лѣпотою и длиною до пятъ невиданной бородѣ батюшкиной. Боярская ферязь, зипунъ и шапка самаго Лыкова, и лѣтникъ и башмаки дѣвочки были найдены на берегу рѣки у омута съ быстрою заводью, гдѣ, безъ сомнѣнія, и нашли свою могилу жертвы «презѣльнаго безчестья».

— Безъ гроба, безъ савана, безъ попа, безъ ладона,—укоризненно качали головами москвичи.

— Богу не свѣча, а чорту кочерга,—пожалъ плечами царь, когда ему доложили о трагической смерти Лыкова.—Токмо для чего было невинную отроковицу губить!..

III.

Мы въ Венеціи... Яркое августовское солнце, высоко поднявшееся на безоблачномъ голубомъ небѣ, заливаетъ свѣтомъ всю безконечную «Riva degli Schiavoni» съ причудливымъ дворцомъ дожей и гладкую, какъ паркетъ, «Піацетту», отбрасывая черныя тѣни и отъ этого дворца, и отъ высокой «Кампаниллы», и отъ двухъ стройныхъ колоннъ, увѣнчанныхъ: одна крылатымъ львомъ «царицы морей», другая статуей св. Георгія,

поражающаго дракона. По гладкой поверхности историческаго канала «Grando Canale» плавно скользятъ во всѣхъ направленіяхъ длинныя гондолы съ высоко поднятыми носами, въ видѣ головы фантастическаго дракона или невиданной птицы—однѣ черныя, точно гигантскіе гробы, другія богато разукрашенныя, съ наметами, блестѣвшими пурпуромъ, серебромъ и золотомъ. Безконечная «Riva», эта «набережная невольниковъ» или «славянъ» («schiavoni»), залита разноцвѣтною толпой, двигающейся то къ дворцу дожей и «Піацеттѣ», то къ горбатымъ мостамъ малыхъ каналовъ, прорѣзывающихъ пловучій городъ и впадающихъ въ «Grando Canale». Слышатся иногда то пѣсни гондольера, то рокотъ струнъ гитары. На зеркальной поверхности моря, нѣсколько поодаль отъ набережной, какъ бы застыли, въ своемъ грозномъ величіи, разнобразнаго типа и объема корабли всѣхъ странъ и народовъ, разноцвѣтные флаги которыхъ лѣниво полощутся въ сонномъ воздухѣ, привѣтствуя смотрящую на нихъ всѣми своими глазами «царицу морей».

— Слышалъ, Лукьянъ, что давѣ сбиры говорили? Сказываютъ: изъ леватинской земли прибылъ корабль, что слыветъ «Дожемъ Корнаро»; такого де корабля не бывало у Венеціи, какъ и градъ стоитъ.

— Отъ великаго государя я слыхалъ еще въ голанской землѣ, бытто такова корабля нѣту ни въ аглицкой землѣ, ни во французской, ни въ шпанской.

— Да вонъ, я мекаю, онъ и стоитъ тамъ на якоряхъ: эко красавецъ богатырь!

Это говорили двое молодыхъ русскихъ людей, проходившіе отъ «Піацетты» къ Набережной невольниковъ. То были ученики царя, Скляевъ и Верещагинъ, которые уже нѣсколько лѣтъ изучали морское дѣло и кораблестроеніе и въ Голландіи, и въ Англіи, а теперь находились для той же цѣли въ Венеціи. Это были очень способные «птенцы гнѣзда Петрова», и царь называлъ ихъ своими «товарищами».

— А вотъ и пропускъ на корабль отъ самово доги,—проговорилъ на ходу третій молодой русскій, догоняя Скляева и Верещагина.

Это былъ еще совсѣмъ юноша, безусый и безбородый, съ русыми вьющимися волосами и голубыми, нѣжными, какъ у дѣвочки, глазами.

— Молодецъ дѣвочка!—улыбнулся Скляевъ. — Ишь какъ проворно, словно вокругъ пальца обернулъ.

Тотъ, котораго назвали «дѣвочкой», былъ единственный обожаемый сынъ злополучнаго боярина Лыкова. Ни молодой Лыковъ, ни Скляевъ и Верещагинъ еще ничего не знали, что творилось въ Москвѣ. Они были увѣрены, что царь все еще въ Вѣнѣ и скоро долженъ, по обѣщанію, лично прибыть въ Венецію.

— Ну, дѣвынька, кликни-ка сюда гондольщика: ты, вѣдь, ухъ какъ гораздъ по собачьи говорить, а мы со Скляевымъ больше голански гуси, чѣмъ тальянски, — сказалъ, улыбаясь, Верещагинъ.

— Gondola, gondola!—поманилъ рукой юный Лыковъ, — Presto! Prestissimo, per Bacco!

Два гондольера, лѣниво и плавно покачиваясь, одинъ на кормѣ длинной и черной, какъ гробъ, гондолы, а другой у ея задорно вздернутаго металлическаго носа, шевеля въ водѣ длинными веслами, словно въ квашнѣ лопатами, причалили къ набережной. Русскіе молодцы тотчасъ попрыгали въ гондолу, не дожидаясь подачи сходней. Лыковъ объяснилъ, куда плыть.

— Понялъ, еѳіопъ черномазый?—пояснилъ онъ по-русски.

— Si-si, signore eccelenza, — улыбнулся черномазый «тальянецъ».

Гондола, ловко лавируя среди другихъ гондолъ и кораблей, скоро пристала къ борту «Дожа Корнаро», съ палубы котораго уже былъ спущенъ трапъ. Русскіе молодцы тотчасъ же поднялись на палубу «Корнаро» и предъявили свой пропускъ. Капитанъ, пробѣжавъ бумагу и узнавъ изъ нея, что передъ нимъ посланцы русскаго царя, принялъ ихъ чрезвычайно любезно и предложилъ осмотрѣть со всевозможною обстоятельностью свой прекрасный корабль, которымъ онъ гордился.

Они такъ и сдѣлали. Капитанъ подробно объяснялъ все, что касалось особенностей и достоинствъ его красавца-корабля, а русскіе оказались очень внимательными и понятливыми слушателями, въ особенности же Скляевъ, котораго очень цѣнилъ за его техническія знанія и быструю сметку его царственный учитель и товарищъ. Онъ часто дѣлалъ очень мѣткія замѣчанія по части корабельной техники, и капитанъ невольно удивлялся его знаніямъ. Скляевъ то и дѣло обращался къ своимъ товарищамъ, и они обмѣнивались своими замѣчаніями по-русски. Вдругъ, про-

ходя мимо одного надпалубнаго павильона съ голубыми занавѣсками на окнахъ, они увидѣли, какъ колыхнулась одна занавѣска и изъ-за нея послышался нѣжный мелодическій возгласъ по-русски:

— Владычица, что я слышу?

Они съ изумленіемъ обернулись. Изъ окна павильона на нихъ глядѣло миловидное женское личико, обрамленное нѣжными прядями золотистыхъ волосъ. Большіе черные глаза смотрѣли съ невыразимымъ умиленіемъ, смѣшаннымъ съ испугомъ.

Тѣ остановились, какъ вкопанные, словно бы передъ какимъ таинственнымъ видѣніемъ.

— Кто она?—тихо спросилъ Скляевъ по-голландски.—Она, должно быть, русская полонянка.

Капитанъ объяснилъ, что, возвращаясь изъ Леванта въ Венецію, онъ встрѣтилъ въ Средиземномъ морѣ разбойничій корабль алжирскихъ пиратовъ и, послѣ жаркаго боя, взялъ его. На немъ, какъ и предполагалось, оказался «человѣческій товаръ», который пираты намѣревались сбыть въ Египтѣ для гаремовъ тамошнихъ пашей. Между несчастными жертвами-невольницами оказалась и эта молоденькая полонянка, которая вмѣстѣ съ прочими была взята на корабль «Корнаро» и теперь прибыла въ Венецію подъ высокое покровительство священной республики.

Несчастная судьба юной полонянки очень заинтересовала молодыхъ русскихъ моряковъ, и они просили капитана, не позволитъ ли онъ имъ переговорить съ нею. Капитанъ любезно согласился и прошелъ въ павильонъ. Тамъ онъ сообщилъ полонянкѣ желаніе русскихъ «синьоровъ», онъ говорилъ по-итальянски, познакомиться съ нею, и дѣвушка съ радостью выразила свое согласіе. Вмѣстѣ съ капитаномъ, она вышла изъ павильона и смущенно остановилась. Прелестное личико ея теперь было прикрыто тонкою, прозрачною чадрой, сквозь которую томно смотрѣли ея большіе черные глаза. Одѣта она была въ богатый костюмъ восточныхъ женщинъ: зеленая чуха, обшитая позументами, блѣдно палевыя широкія шальвары и красные сафьяновые, съ загнутыми носками, чевяки свидѣтельствовали, что алжирскіе пираты очень цѣнили красоту своего «товара» и, чтобы дороже продать его на невольничьемъ рынкѣ, старались показать этотъ товаръ лицомъ. Капитанъ любезно провелъ свою хорошенькую

пассажирку и русскихъ синьоровъ въ тѣнь, подъ тепту, и съ вѣжливымъ поклономъ удалился.

— Прости намъ, незнакомая дѣвынька,—заговорилъ, запинаясь, Скляевъ,—мы, кажись, испужали тебя.

— Нѣту... Я таково обрадовалась... услыхала родимую рѣчь... А ужъ я и не чаяла,—сказала дѣвушка.

— Такъ повѣдай намъ, дѣвынька, кто твои родители, изъ какой ты сторонки и какое такое горе-злосчастіе занесло тебя въ чужую дальню сторону? — продолжалъ Скляевъ. — Какъ твое имя-отечество?

— Звали меня, по святому крещенію, Олепушкой... Родомъ я буду орлянка, орловскаго воеводы Андрея Петровича Измайлова дочь, а нонѣ, вотъ уже шестой, не то седьмой годъ, горькою полонянкою мыкаюсь по бѣлу свѣту, по морямъ-океанамъ,— грустно отвѣчала дѣвушка, и откинула отъ лица чадру, чтобы утереть слезы, брызнувшія изъ ея красивыхъ глазъ.

Красота ея поразила молодыхъ моряковъ. Какая громадная цѣна должна ей стоять на невольничьихъ рынкахъ!

— А кто вы будете, добрые люди, и какою неволею за море попали?—спросила дѣвушка, замѣтивъ смущеніе своихъ земляковъ.

— Мы, дѣвынька, Олена Андревна, государевы школьники,—съ улыбкой отвѣчалъ Скляевъ, — великаго государя Петра Алексѣевича ученики... Посланы государемъ корабельному мастерству и навигаторству учиться, и вотъ который годъ за морями-океанами, какъ и ты, сѣрое горе мыкаемъ...

— До сѣдыхъ, може, волосъ домыкаемся, — вставилъ съ улыбкой Верещагинъ и взглянулъ на Лыкова, который сидѣлъ словно зачарованный прелестною полонянкой.

— Такъ разскажи же намъ, дѣвынька, Олена Андревна, все твое горе-злосчастіе по порядку: какъ и гдѣ тебѣ таковое горе приключилося?—спросилъ Скляевъ.

— Взяли меня въ полонъ ногайскіе татарове по одиннадцатому году... Съ матушкой мы изъ Орла ѣздили въ Кеивъ на богомолье, да на обратномъ пути, на степи, напала на насъ орда, небольшой загонъ... Холопей нашихъ до смерти побили, а насъ съ матушкой свели въ Крымъ, въ городъ Козловъ... Тамъ меня на рынкѣ купилъ старый мурза-татаринъ и свелъ въ го-

родъ Кафу, и поживя я малость въ томъ градѣ, свезли меня моремъ въ Анадольскую землю, а изъ Анадольской земли продали меня въ Царьгородъ турскому пашѣ, и тотъ паша подарилъ меня большому везирю...

— А съ матушкой разлучили?—тихо спросилъ Верещагинъ.

— Разлучили... И что съ ней, горемычной, было, не вѣдаю... Она немного помолчала и отерла слезы.

— И, живучи я у большаго визеря съ его женами въ сералѣ, въ немалѣ времени была бусурманена съ неволи, и каномъ мазана на бровяхъ и на перстахъ, и велѣли мнѣ палецъ подымать,—продолжала раздумчиво дѣвушка..—И, живучи я у большаго везиря, по средамъ и по пятницамъ и въ посты мясо и всякую скверность ѣла...

— Ну, живучи-то на чужой сторонѣ, и мы столь же бусурманены, и всяку нечисть ѣдимъ,—замѣтилъ Верещагинъ.

— А какъ жила я у большаго везиря, — продолжала дѣвушка,—и большой везирь меня, сиротку, пуще дочери родной жаловалъ и приставилъ ко мнѣ стараго арапченина елнуха, и ходилъ тотъ елнухъ за мной по пятамъ, сказать бы нянька, чтобы на меня ни пылинка не пала, ни вѣтромъ бы на меня не пахнуло, и накрѣпко смотрѣлъ, чтобы большаго везиря жоны, по злобству на меня, какого мнѣ дурна не учинили, а либо отравнымъ зельемъ не извели со свѣту. И, живучи я у большаго везиря, турскому языку навыкла гораздо и молитвы изъ Корана проказывала голосомъ, а умомъ «Богородицу» да «Очепаша» усердно твердила, памятуя батюшкову да матушкину науку.

Дѣвушка умолкла и, глядя на высившіяся надъ городомъ церкви, истово перекрестилась.

— Ну, Олена Андревна, что же потомъ было?—спросилъ Скляевъ.

— Охъ, много чего было потомъ!—вздохнула дѣвушка. — Какъ пошелъ мнѣ четырнадцатый годъ, и послалъ турскій салтанъ большаго везиря въ фараонскую землю, къ фараонамъ, для его салтанской корысти, за ясакомъ. И снарядилъ большой везирь великій корабль съ корабельники, и перевелъ на тотъ корабль всѣхъ жонъ своихъ и меня съ арапчениномъ-елнухомъ и со многою челядью еѳіопскою. И, пловучи моремъ немало время, приплыли мы въ землю фараонскую и вошли въ невѣдо-

мую рѣку великую, а въ той рѣцѣ коркодилы-звѣри живутъ. И по той рѣкѣ приплыли мы къ невѣдомому нѣкоему граду великому, а около того града за рѣкою починается Сахарная пустыня, а у края той пустыни стоятъ нѣкія великія пирамидесы, сказать бы: капища фараонскія. И прожили мы въ той фараонской землѣ съ небольшимъ годъ. А какъ покинули мы фараонскую землю, и, плывучи назадъ къ Царюграду, напали на насъ шпанскаго короля воровскіе нѣмцы, и нашъ корабль погромили, и я чудомъ жива осталась...

— Горькая сиротинушка!—невольно вырвалось у молчавшаго до тѣхъ поръ Лыкова, у котораго на глазахъ стояли слезы.

Дѣвушка взглянула на него своими прекрасными, благодарными очами, и слабый румянецъ показался на ея щекахъ.

— Какъ же это случилось?—нетерпѣливо спросилъ Верещагинъ.

— Бой былъ, съизначала огненный, изъ пушекъ палили, а опосля сцѣпились въ руконашь, саблями да ножами. И въ бою томъ убитъ былъ большой везирь.

Дѣвушка остановилась и смахнула слезу.

— Я его, какъ отца родного, любила,—съ трудомъ продолжала она,—жалосливъ онъ былъ ко мнѣ въ неволѣ, въ глаза смотрѣлъ...

«Не диво, въ эдакіе-то глазки», — улыбнулся въ душѣ Скляевъ.

— И корабельниковъ, и челядь всю побили въ бою, и корабль отгромили... Може и меня бы не стало, дакъ старый арапченинъ-елнухъ прикрылъ меня собою... Ему и раскроили черепъ, а меня еле живу, безъ памяти, подняли на вѣтеръ шпанскіе воровскіе нѣмцы, и я отудобила, отошла отъ смерти.

— А жоны того везиря? — спросилъ Скляевъ, — живы остались?

— Которыя въ море со страху побросались и тамъ смерть нашли; которыя въ огненномъ бою отъ пуль пали, а остальныя, какъ и я же, въ полонъ забраны... Съ тѣмъ и въ шпанскую землю отплыли... Долго плыли, токмо небо надъ нами да подъ нами пучина морская. Много я наплакалась въ тѣ поры, распухла, кажись, отъ слезъ. Молилась, чтобъ Богъ прибралъ къ себѣ. Да кто угадаетъ, что кому на роду написано... А вотъ и черезъ кои-то годы опять родную рѣчь услыхала.

И дѣвушка не то горько, не то сладостно заплакала.

Всѣ молчали. «Пусть выплачется»,—думалось каждому.

IV.

Дѣвушка выплакалась и облегченно вздохнула.

— Теперь ужъ тебѣ, Олена Андревна, плакать нечего,— ласково сказалъ Скляевъ.—Богъ дастъ, и родную сторонушку увидишь... Вотъ, того и гляди, великій государь сюда нагрянетъ и тебя къ родителямъ отправитъ. Матушку твою, я чаю, давно изъ полону выкупили... Это только такихъ, какъ ты, не охота изъ полону выпущать, на кого ни доведись,—улыбнулся Скляевъ.

Лыковъ злобно посмотрѣлъ на него своими голубыми глазами, которые; казалось, такъ и говрили:—Свинья! Развѣ можно съ такою шутить?

— Досказывай же, Олена Андревна, свое сказаніе, коли это не тяжело тебѣ, — ласково проговорилъ Верещагинъ.—И ты была въ шпанской землѣ?

— Была... Тѣ шпанскаго короля нѣмцы, которые отгромили насъ, были воровскаго стану разбойники, что полономъ торговали, и для того они не пристали къ своимъ городамъ, а вышли въ океанъ-море и, обошедъ всю шпанскую землю, пристали у города Савостьяна (это Санъ-Себастьянъ). И въ городѣ Савостьянѣ меня на рынкѣ купилъ молодой шпанскій дука, донъ Альварецъ. И тотъ дука соблюдалъ со мною великое вѣжество, и приставилъ ко мнѣ старую монахиню папежской вѣры, которая монахиня, допрежъ того живучи въ Польшѣ, въ Аршавъ-городѣ, навыкла малость черкасской рѣчи, и черкасскою рѣчью меня въ свою папежскую вѣру навращала. И, поживя малое время въ городѣ Савостьянѣ, оный дука, донъ Альварецъ, собрался въ дорогу, въ тальянскій городъ Рому...

— Въ Римъ?—спросилъ Лыковъ, замѣтно краснѣя.

— Може и Римъ,—согласилась дѣвушка.—А въ томъ городѣ Римѣ жила дукина родительница... И поѣхали тогда мы большимъ обозомъ, съ немалою челядью, съ ружьи и пищалью, и ѣхали вдоль снѣговыхъ горъ, высокихъ, превысокихъ! И дивно было мнѣ видѣть, какъ подъ горами, у нашей дороги, цвѣты расцвѣтали и золотыя яблоки на древахъ созрѣвали, и

птички пѣли, а выше, на горахъ, снѣгъ бѣлый, точно зимою студеною.

— Много жъ ты, дѣвынька, на своемъ молодомъ вѣку перевидала, — замѣтилъ Скляевъ. — Мы и постарше тебя, и тоже кой-чего видывали и средь голанцевъ и средь англичанъ, а съ твое куды жъ намъ! Далеко... Ну, и въ Римѣ была?

— Была и въ Римѣ, безъ малаго два года... Долго ѣхали мы туда, и какихъ городовъ не видали, какихъ-какихъ чудесъ не насмотрѣлась я, какъ ѣхали мы рубежомъ моря отъ шпанской земли до города Ромы, али, бишь, Рима! Проѣзжали мы и черезъ землю французскихъ нѣмцевъ, гдѣ, куда глазомъ ни кинешь, все сады винограды да райскія яблоки золотыя... А я все вспоминала свой родимый Орелъ-городъ, гдѣ я махонькою бѣгала, горя не знала.

Она снова задумалась, мысленно переживая то, что прошло по ея юному, но многое испытавшему сердцу.

— Ну, и что жъ тотъ дука? Какъ жилось тебѣ въ Римѣ, Олена Андревна?—вывелъ ее изъ задумчивости Скляевъ.

— Въ Римѣ?—встрепенулась она.—Все было... А не пожалуюсь я ни на Бога, ни на людей... И щербатая моя доля, а пожаловаться не на кого. Всѣ меня любили, хоть я была и полонянка, горькая кукушка... Полюбила меня и мать дукина какъ дочь родную, въ невѣстки себѣ прочила... Только и ждали, когда я въ вѣрѣ папежской укрѣплюсь. И, живучи я у той дукиной матери, латынскій крыжъ цѣловала, и по папину велѣнью ксенжъ меня исповѣдывалъ и секраментъ мнѣ давалъ, и я, грѣшная, секраментъ бирала и въ костелъ латынскій хаживала, и латынскою святой водой крапливалася, и на папиной великой литургіи стаивала, когда самъ папежъ съ кардиналы подъ варганы соборне литургисалъ... Все было.

— А самъ дука?—несмѣло спросилъ Лыковъ, когда дѣвушка примолкла, какъ бы забывъ все окружающее.

Она глянула на молодого моряка, какъ бы не понявъ вопроса.

— Доберъ онъ былъ ко мнѣ, смиренъ, что красная дѣвица... самъ училъ меня, какъ и што по ихнему. Всякую думушку горькую отгонялъ отъ меня, сулилъ показать мнѣ и родную мою сторонку, къ отцу-матери свозить, просить батюшкова и матушкина родительскаго благословенія... Задумаюсь ли я, часомъ пригорюнюсь ли, везетъ, бывало, меня городъ показывать, про старину

разсказываетъ: каковъ-таковъ городъ Римъ допрежъ того былъ. Любилъ онъ меня...

У разсказчицы снова на глазахъ показались слезы, но она осилила себя и продолжала:

— Да не судилъ ему Богъ счастье видѣть. Думалъ о свадьбѣ со мной... Только отъ шпанскаго короля разрѣшеніе на ту свадьбу надо было получить, дворскій онъ былъ у шпанскаго короля, дука-то донъ Альварецъ, въ родѣ, сказать бы, нашего стольника, либо ближняго боярина...

— А самъ-то дука, не молодъ ужъ?—спросилъ Верещагинъ.

— Молоденькій паренекъ, годовъ двадцати.

— Ну, и что жъ? Былъ онъ у короля?

Дѣвушка опять разрыдалась. Но на этотъ разъ взрывъ накопившихся рыданій былъ такъ силенъ и продолжителенъ, что Лыковъ, встревоженный проявленіемъ этого безутѣшнаго отчаянія, поспѣшилъ къ капитану, чтобъ приказать подать воды. Руки его дрожали, когда онъ воротился съ фляжкой и стаканомъ.

— Ну, боярышня, ты все расплещешь и ее испужаешь,— сказалъ съ улыбкой Скляевъ, принимая изъ рукъ Лыкова фляжку и стаканъ.—Да-ка я самъ.

Онъ поднесъ стаканъ плачущей дѣвушкѣ.

— На-ка-сь, дѣвынька, хлебни водицы, отойдетъ.

Дѣвушка повиновалась. Зубы ея стучали о край стакана.

— Ну, вотъ! Все была молодцомъ и со шпанскими нѣмцами воевала, и коркодиловъ видала, а тутъ на!—ласково улыбаясь, говорилъ Скляевъ.—Теперь мы, добрые молодцы, тебя въ обиду не дадимъ, красную дѣвицу... Мы не токма шпанскихъ нѣмцевъ, а и самого чорта за рога примемъ... Ну, полно плакынькать, дѣвонька... А ты разскажи-ка, какъ вы къ шпанскому королю ѣздили.

— Не доѣхали!—грустно покачала головой дѣвушка.—Выѣхали мы кораблемъ изъ города Лигорна (Ливорно) по веснѣ...

— Это нонѣшнюю весну?—спросилъ Верещагинъ.

— Нонѣшнюю.

— Это когда мы въ Сардамъ пріѣхали...

— Не переходи дороги, Лукьянъ, не твой чередъ,—остановилъ его Скляевъ.—Выѣхали вы изъ Лигорна всѣ: и дука, и мать дукина?

— Всѣ, и съ челядью... Плыли мы благополучно немало дней, а когда выѣхали изъ города Малаги, что въ шпанской землѣ, тутъ всѣ бѣды и стряслися надъ нами... Встала великая буря и долго носила нашъ корабль по морю, не чаяли и живы быть... Латынскій ксенжъ, что былъ на кораблѣ, дукинъ и его матери отецъ духовный, и исповѣдывалъ насъ и секраментъ давалъ. Думали, смерть пришла, въ морѣ потопаемъ... Только Богъ спасъ, стихла буря... Да не на радость вышло наше спасенье... Занесло нашъ корабль къ басурманской землѣ, къ невѣдомому городу, не то арапскому, не то еѳіопскому... Въ этомъ городѣ, на берегу, я и видѣла въ послѣдній разъ своего жениха: всѣхъ насъ забрали въ полонъ и развели по разнымъ мѣстамъ... Что сталось потомъ съ ними, живы ли они, не вѣдаю...

— А что же съ тобой-то было, Олена Андревна?—спросилъ Верещагинъ.

— Вотъ какъ видите... Пожила я тамъ въ невѣдомомъ городѣ сколько тамъ мѣсяцевъ у моего хозяина еѳіопина, а ходили за мной его рабыни еѳіопки, кормили-поили меня словно телку на убой... Никто не обижалъ меня, пальцемъ не тронули...

— Невыгодно обижать, товарецъ-то дорогой, — улыбнулся Скляевъ:—въ цѣнѣ бы упалъ. Ну, и что жъ?

— Что? Нарядили меня вотъ эдакъ-то (дѣвушка указала на свой красивый уборъ), привели на пристань, да съ другими горькими полонянками и посадили на корабль... Мы ужъ знали, продавать насъ везутъ, а куда—гдѣ жъ намъ знать!

— Вѣстимо, къ бусурманамъ, либо въ Турцію, либо въ Египетъ,—замѣтилъ Верещагинъ.

— Я теперь мекаю, — неожиданно разсмѣялся веселый Скляевъ,—овечки-то, я вижу, не попали на базаръ... Не поживились паши, тю-тю...

Лыковъ опять злобно посмотрѣлъ на него.

Вдругъ гдѣ-то вдали послышалась тихая, мелодическая запѣвка:

Какъ по-о-о морю, какъ по-о-о морю.
Какъ по морю, морю си-и-нему...

Дѣвушка въ невыразимомъ изумленіи стала прислушиваться. Прелестные, еще недавно заплаканные, глаза ея широко раскрылись, а губы не то испуганно, не то радостно шептали:

— Что это? Гдѣ я? Не сонъ ли, Господи!

Молодые моряки молчали и съ улыбкой посматривали на нее. А тамъ гдѣ-то невидимые молодые, сильные голоса хоромъ подхватывали и выносили:

Плыла-а-а лебедь, плы-ла-а-а лебедь,
Плыла лебедь съ лебедя-а-а-тами...

Голоса все болѣе и болѣе сближались. Матросы «Дожа Корнаро» и другихъ кораблей повысыпали на палубы и даже взбирались на реи, чтобы посмотрѣть, откуда несется это таинственное пѣніе. Наша полонянка жадно прислушивается. На лицѣ ея умиленіе. А оттуда мощною волной доносятся сильные, чудные голоса и слова:

Уши-и-ибъ-убилъ, уши-и-ибъ-убилъ,
Ушибъ-убилъ лебедь бѣ-э-э-лую...

Дѣвушка закрыла лицо руками и тихо-тихо плакала. Но это не были слезы горечи и отчаянія, а скорѣе сладкія слезы умиленія, слезы таявшаго сердца. Воспоминанія далекаго, счастливаго дѣтства, разбуженныя знакомою отъ колыбели мелодіею, разомъ проснулись въ душѣ и разбередили ее до слезъ. А голоса все приближались, и слова пѣсни неслись по водѣ все явственнѣе:

Онъ пу-у-хъ пустилъ, онъ пу-у-ухъ пустилъ,
Онъ пухъ пустилъ по подне-е-ебесью...

— А знатно поютъ наши «навигаторы»,—сказалъ тихо Верещагинъ.

— Кто жъ они? Откуда?—спросила дѣвушка, вытирая мокрое личико.

— Все это наши молодые стольники да спальники, которыхъ царь выслалъ за море учиться,—отвѣчалъ Скляевъ,—это все «навигаторы», что учатся здѣсь въ Венецѣ морскому «навигаторскому» дѣлу. Ихъ нонѣ немало поразсыпано и въ аглицкой, и въ голанской землѣ.

— Скучаютъ по Москвѣ,—пояснилъ Лыковъ.

— Еще бы не скучать!—засмѣялся Скляевъ.—Тамотка, въ Москвѣ, имъ всего и дѣла-то было, что дворскимъ собакамъ хв

сты подвязывать, да на теремныя окошки заглядывать, а тутъ, на-ка-сь! учись.

Въ это время гондолы съ молодыми «навигаторами» подплыли къ «Дожу Корнаро».

— А! Старички почтенные! Скляевъ, Верещака!—крикнулъ съ гондолы веселый голосъ.—Наше вамъ съ онучкой и лапоткомъ!

— Вы что содомничаете, саврасы?—отозвался Скляевъ.

— Мы не содомничаемъ,—отвѣчали съ гондолы.—Вчерась былъ праздничекъ, Иванъ Постный, а нонѣ Алексашка Корандѣевъ именинничекъ, вотъ мы и празднуемъ его тезоименитство: всешутѣйше литургисаемъ: «Какъ по морю».

— Бражничаете, олухи царя земнаго! Нѣтъ на васъ его дубинки!—засмѣялся Скляевъ.

— Эко-ся, спохватился: царь-отъ давно въ Москву ускакалъ.

— Какъ! Что вы непутевое мелете?

— Мельница мелетъ, а мы истиннымъ Богомъ свидѣтельствуемся. А можно къ вамъ на корабль?

— Безъ пропуска ни-ни!

— Какой пропускъ?

— Отъ самого свѣтлѣйшаго дожи.

Но любезный капитанъ приказалъ опустить трапъ, и московскіе шалопаи, тогдашняя золотая молодежь, весело стали взбираться на «диковинный корабль».

V.

Орловскій воевода Андрей Петровичъ Измайловъ, окончивъ свои утреннія служебныя занятія въ воеводской избѣ, сидѣлъ въ своей горницѣ, отдавшись грустнымъ думамъ. Когда-то у него была семья. Въ домѣ благодать: любимая, кроткая жена, прелестныя дѣти, такъ оживлявшія своимъ щебетаньемъ эту унылую усадьбу. А теперь это вымершій домъ. Самъ онъ одинокъ, какъ перстъ, какъ сухая былинка въ полѣ. Кроткая жена не пережила разлуки съ безъ вѣсти пропавшей дочкой; день ото дня таяла она послѣ возвращенія изъ крымскаго полону и погасла, словно догорѣвшая свѣча воску яраго. А дочка Оленушка точно въ воду канула, въ это безбрежное синее море. Поѣхали обѣ съ челядью въ Кіевъ на богомолье, да тамъ ихъ и слѣдъ пропалъ,

словно снѣгомъ замело. Послѣ ужъ дошли до него вѣсти, что челядь его найдена въ степи побитою, порубленною: хищныя птицы доклевывали трупы, да дикіе звѣри кости растаскивали. Жены и дочушки не оказалось межъ побитою челядью: ясно, что онѣ уведены татарами въ полонъ. Такъ и оказалось потомъ. Отъ жены получена была вѣсточка, что томится она въ неволѣ у мурзы города Козлова, что въ Крыму, при берегѣ Чернаго моря. Требовался выкупъ. Онъ послалъ выкупъ съ вѣрными людьми, съ черкасами изъ Запороговъ, и жена была возвращена. Но Оленушкинъ слѣдъ пропалъ. Въ Козловѣ ее разлучили съ матерью, увели въ городъ Кафу; оттуда, сказываютъ, малютку увезли моремъ въ Анадолію, и тутъ нитка урвалась: разспрашивали о ней запорожцы, знакомые по всему Крыму, и греческіе торговые люди изъ города Синопа, искали и въ Царьградѣ на рынкахъ... Пропала Оленушка, затерялась крошка въ божьемъ мірѣ неисходномъ! Жива ли малютка, или милосердый Богъ воззвалъ къ себѣ ея чистую душеньку?

Оставалась у него одна утѣха въ печальномъ одиночествѣ— сынокъ Петрушенька, да и того великій государь услалъ съ прочими боярскими дѣтьми за море учиться навигаторскому дѣлу.

Измайловъ всталъ и безцѣльно смотрѣлъ въ окно на садъ, гдѣ медленно падали, кружась въ осеннемъ воздухѣ, желтые листья, безшумно спадавшіе съ деревьевъ. Тамъ когда-то играли дѣти, и веселый, звонкій смѣхъ ихъ оживлялъ не только этотъ унылый домъ и садъ, но и весь міръ, міръ его души... Вонъ уже и красногрудые снигири перепархиваютъ по деревьямъ, зима приближается. Высоко въ небѣ потянулись ломаною линіею дикіе гуси на теплыя воды, за синія моря, туда, гдѣ, быть можетъ, изнываетъ въ неволѣ его дѣвочка... Ужъ и времена же были! Вотъ времячко!..

Воевода еще не старъ, но видимо осунулся, полинялъ, какъ полиняло все у него на душѣ. Вошелъ слуга съ заспаннымъ лицомъ. Переминается.

— Ты чего, Аверьянъ?

— Государевы нави... нагатеры государевы спрошаютъ твою милость... Четверо ихъ... нагатеровъ...

— Какіе нагатеры? Навигаторы, можетъ?

— Государевы, сказываютъ, изъ-за моря.

Точно внутреннимъ свѣтомъ озарилось унылое лицо воеводы.

— Изъ-за моря навигаторы?

— Точно, наватеры, они самые... въ нѣмецкихъ кафтанахъ.

Измайловъ торопливо вышелъ въ пріемную. Тамъ стояли четыре незнакомца въ европейскомъ платьѣ, со шляпами въ рукахъ и при шпагахъ. Двое изъ нихъ были такъ лѣтъ за тридцать, а двое другихъ—юные, особенно одинъ смотрѣлъ прелестнымъ мальчикомъ. На нѣжномъ, блѣдномъ лицѣ его отражалось что-то неразгаданное, особливо въ глазахъ

— Проѣздомъ, по государеву указу, изъ города Венисеи въ Москву черезъ Орелъ, сочли за долгъ заявиться твоей милости, господинъ воевода: великаго государя навигаторы: Скляевъ, Верещагинъ, Лыковъ и...

Скляевъ не договорилъ... Четвертый «навигаторъ», едва державшійся на ногахъ отъ волненія, съ воплемъ бросился на шею воеводѣ.

— Батюшка, родной мой, золотой! Ты не спозналъ меня... твою Оленушку!

Измайловъ затрепеталъ, чувствуя на груди своей дорогое существо и не вѣря тому, что случилось. Разумъ боялся вѣрить, но сердце замирало отъ счастья; онъ весь чувствовалъ, что къ нему льнуло что-то до безконечности дорогое, милое, и онъ самъ прильнулъ къ золотистой головкѣ, которая порывисто откинулась, а нѣжныя, горячія дѣтскія губки присосались къ его грубымъ старческимъ пересохшимъ губамъ.

— Дѣточка моя, дѣточка моя милая!—шепталъ онъ.

Потомъ, нѣсколько отстранивъ ея головку, онъ въ порывѣ невыразимаго умиленія и счастья воскликнулъ:—«Да, это ты, ты»!—и снова заключилъ ее въ объятія.

Но скоро онъ опомнился, выпустивъ дочь изъ своихъ объятій.

— Простите, государи мои... простите отца, давно лишеннаго дочерней ласки, много лѣтъ ее оплакивавшаго,—проговорилъ онъ.—Но вы поймете чувства мои.

— Помилуйте, государь мой, мы не каменные,—отозвался Скляевъ.—Только мы теперь лишніе здѣсь.

— Нѣтъ, нѣтъ!—заволновалась дѣвушка.—Вы намъ родные.

— Правда, правда, дочушка милая,—подтвердилъ Измайловъ.—Прошу садиться.

— А что мама, Петруша?—спохватилась вдругъ дѣвушка.

Тѣнь и тревога мгновенно легли на лицо Измайлова.

— Опослѣ, дѣточка, опослѣ,—торопливо сказалъ онъ.—Первѣе всего, что ты, моя голубка?

— Я все та же, батюшка, только видишь, выросла, совсѣмъ большая стала.

— А какъ тебя Богъ спасъ?

— Послѣ, родной мой... Ужъ таково-то много придется разсказывать, повремени.

— А вы, государи мои дорогіе?—обратился Измайловъ съ своимъ вопросомъ къ гостямъ.

— Намъ Богъ послалъ увидѣть Олену Андревну уже въ Веницеѣ,—отвѣчалъ Верещагинъ.

— Въ благополучіи и на волѣ,—пояснилъ Скляевъ,—самъ свѣтлѣйшій дога веницейскій принялъ къ сердцу ея обстоятельства и пишетъ объ отправкѣ Олены Андревны въ Россію великому государю, а тебя велѣлъ поздравить съ радостью.

Измайловъ съ невыразимой нѣжностью посмотрѣлъ на дочь.

— Ахъ ты, мое солнышко!—тихо привлекъ онъ ее къ себѣ.—И не узнать бы мнѣ ее, сущій паренекъ, словно бы на масляной ряженная.

— Такъ надо было, батюшка,—какъ бы оправдывалась дѣвушка,—негоже было одной дѣвкѣ ѣхать эку даль съ ними.

— И то правда, непригоже: осудили бы люди.

— Да на заставахъ и такъ заминка случалась,—замѣтилъ Верещагинъ.

— Задерживали заставные,—пояснилъ Скляевъ,—и только когда предъявляли имъ пропускъ отъ самого доги веницейскаго къ его царскому величеству, дакъ рогатки раздвигались, и нашъ маленькій «навигаторъ» пропущался.

Въ это время въ комнату вошелъ старенькій священникъ, соборный протопопъ, отецъ Матвѣй.

— Миръ дому сему и сущимъ въ немъ,—проговорилъ онъ, крестясь на образа въ переднемъ углу.

— И духови твоему,—отвѣчалъ Измайловъ и, по обычаю, подошелъ подъ благословеніе. Подошли и навигаторы.

— Православные будете?—недовѣрчиво глянулъ старикъ.

— Православные, батюшка, крещеные,—улыбнулся Скляевъ.

— То-то... А то гляжу: не нашей птицы перо, заморски перья.

— Да мясо-то подъ этимъ перомъ россійское, московское, батюшка,—продолжалъ улыбаться Скляевъ.

— То-то, вижу я, шустрый ты, шустеръ больно,—добродушно ворчалъ старикъ.—А мнѣ что! Я и бѣса крестомъ назнаменаю, чтобъ въ тартарары провалился... Во имя Отца и Сына,—шепталъ онъ и благословилъ Скляева.

— Вотъ и не провалился, батюшка,—продолжалъ шутить Скляевъ.

— Вижу, вижу, егоза,—ворчалъ старикъ и благословилъ остальныхъ.

Подошла и дѣвушка, протягивая подъ благословеніе крохотную ручку съ розовыми пальчиками.

— Узнаешь, отецъ Матвѣй, кто это?—не вытерпѣлъ Измайловъ, подмываемый радостью.

— Слѣпъ я, воевода, не узнаю... Вижу, паренекъ, младъ, зѣло вьюношъ... въ бабки бы впору съ ребятками играть ему...

— Да это моя Оленушка, Богомъ данная.

— Что ты? Что ты, воевода?

— Богомъ истиннымъ свидѣтельствуюсь! Это дочечка моя оплаканная,—серьезно сказалъ воевода со слезами въ голосѣ.

Старикъ-протопопъ былъ пораженъ.

— Господи Боже! И впрямь Оленушка, — бормоталъ онъ, всматриваясь въ стоявшую передъ нимъ въ радостномъ смущеніи дѣвушку.—Я крестилъ ее, крошку, я принималъ отъ святой купели... Ахъ, Господи Боже!.. Какъ же ты, дитятко, откуда?

— Изъ полону, батюшка.

— Отъ бусурманъ?

— Отъ бусурманъ.

— И бусурманена, поди, ягодка?

— Бусурманена, батюшка, и капомъ мазана, и палецъ подымала съ неволи.

— А, грѣхъ какой! Грѣхъ какой, Господи Боже!

— А опосля въ папежскую вѣру была совращена,—ехидно подсказалъ Скляевъ, подмигнувъ Верещагину и Лыкову.

— Въ папежскую, въ латынскую, Господи Боже!—ужасался старый попикъ.—И крестъ латынскій еретическій, поди, цѣловала?

— Цѣловала, батюшка, — смущенно отвѣчала допрашиваемая.

— И секрамент принимала?

— Принимала, батюшка.

— Ахъ, горькая моя, горькая!.. Теперь тебя, ягодка, подъ началъ слѣдуетъ, на епитимью, подъ началъ преосвященному Митрофану воронежскому... Онъ тебя долженъ, по епитимьи, мvромъ святымъ помазать, чтобъ бусурманскую и латынскую нечисть съ душеньки твоей снять, не инако... А нонѣ, сказываютъ,—быстро обратился старикъ къ Измайлову,—преосвященный Митрофанъ собирается бѣсовъ топить въ Воронежѣ рѣкѣ.

— Какихъ бѣсовъ?

— Еллинскихъ... Привезли, сказываютъ, изъ-за моря бѣсовъ мѣдяныхъ для кораблей... Едины бѣсы съ трезубцами...

Нептунусъ, богъ морской,—подсказалъ съ ехидствомъ Скляевъ.

— Ишь ты богъ! Бѣса-то богомъ величаютъ, Господи Боже!—волновался старикъ.—Да еще, сказываютъ, привезли бѣсовокъ нагихъ мѣдяныхъ, съ рыбьими хвосты...

— Это нереиды да сирены съ нимфами,—пояснилъ Скляевъ, подмигивая товарищамъ.

— Это чертовки-то хвостаты да простоволосы!—горячился старикъ. — Всѣхъ ихъ Митрофаній перетопитъ въ Воронежѣ, всѣхъ, бѣсовъ и чертовокъ!

Скляевъ только лукаво переглянулся съ товарищами.

VI.

Въ тотъ же день Скляевъ и Верещагинъ выѣхали въ Москву, послѣ хорошаго обѣда и обильной выпивки у Измайлова, напутствуемые благословеніями и добрыми пожеланіями воеводы и Оленушки, этой бѣдной птички, возвращенной, наконецъ, въ родное гнѣздышко. Скляевъ очень торопился отъѣздомъ, потому что въ карманѣ его заморскаго камзола лежало очень горячее письмо къ нему царя о томъ, чтобы Скляевъ «неукоснительно, на крилехъ меркуріевыхъ», поспѣшалъ къ нему въ Москву, «понеже знатная каша заварена, а главнаго кашевара не обрѣтается у горячаго костра»... «Главнымъ кашеваромъ» Петръ называлъ Скляева, способности котораго и знанія корабельнаго

дѣла онъ цѣнилъ очень высоко, угадывая въ немъ крупное дарованіе. Со Скляевымъ царь былъ въ постоянной перепискѣ

— Вѣрно, богъ Нептунусъ еще въ колыбели дралъ его своимъ трезубцемъ,—отзывался онъ о Скляевѣ.

И вотъ Скляевъ летѣлъ въ Москву «на крилехъ меркуріевыхъ».

Но только Лыковъ не могъ съ ними ѣхать, сославшись на тяжкое недомоганье. Отчасти это недомоганье было измышлено, отчасти же и нѣтъ: недомоганье было нравственное, сердечное, и оно угнетало духъ молодого навигатора болѣе, чѣмъ всякая острая физическая болѣзнь. Эту душевную муку онъ ощутилъ еще въ Венеціи, и она съ каждымъ днемъ терзала его все болѣе. А ее, къ несчастью, приходилось прятать глубоко въ сердцѣ, чтобъ только она не пробилась наружу.

Это было что-то роковое въ судьбѣ молодого моряка: вихремъ налетѣло на него, подхватило, какъ морской штормъ захватываетъ утлую лодченку, и увлекло въ какую то пучину, какъ казалось его возбужденному воображенію. Онъ полюбилъ юную полонянку, и это чувство оказалось такимъ могучимъ, что онъ видѣлъ себя совершенно порабощеннымъ. Онъ даже не предполагалъ прежде, что на землѣ можетъ совершаться что-либо подобное тому, что онъ теперь испытывалъ. Теперь внѣ этого чувства для него ничто не существовало. Но, кромѣ того, молодой морякъ страдалъ сознаніемъ чего-то другого. Онъ зналъ только одно, что источникомъ этихъ страданій былъ невѣдомый ему какой-то шпанскій дука. Въ душѣ онъ проклиналъ теперь все шпанское.

Отуманенный своею страстью, онъ не въ силахъ былъ оставить Орелъ и скакать на призывъ царя. Что ему царь? Его гнѣвъ, дубинка, пытки, князь-кесарь Ромодановскій съ его застѣнками, не все ли ему равно!.. Онъ останется въ Орлѣ ненадолго. Отецъ Матвѣй настаиваетъ, чтобъ Оленушку немедленно везли въ Воронежъ къ преосвященному Митрофану «для духовнаго омовенія банею пакибытія». А иначе онъ ее, оскверненную, и въ церковь не пуститъ. Оскверненную! Оленушка-то оскверненная!.. А тамъ слышно, что самъ царь скоро будетъ въ Воронежѣ для стройки кораблей. Туда къ нему Лыковъ и заявится... А поѣдетъ онъ въ Воронежъ вмѣстѣ съ Оленушкой и ея отцомъ...

Только не любитъ ли еще она этого проклятаго шпанскаго дуку? Тогда, въ Венеціи, плакала, какъ разсказывала о немъ, и какъ плакала, надрывалась. «Мало не сомлѣла, горемычная. Надо было водой отпаивать». А съ нимъ она добрая, ласковая. Да и со Скляевымъ была ласкова, хоть онъ и скоморошничалъ, и съ Верещагинымъ... Только съ ними не такъ... шутила иногда, дурачилась дорогой. «А со мной не то, не дурачилась... Только таково какъ-то смотрѣла на меня, когда Скляевъ называлъ меня дѣвынькой»...

Такъ разсуждалъ самъ съ собою молодой морякъ. «Только вотъ еще что я запримѣтилъ: когда Скляевъ или Лукьянъ, бывало, пьютъ, «Ивашку Хмельницкаго» поминаютъ, она ничего... А коли я, такъ дуется... Что-жъ! Али и впрямь она меня красной дѣвкой считаетъ?

Но онъ нѣсколько успокоился, вспомнивъ одну «примѣточку»... Когда послѣ обѣда Скляевъ сказалъ, что они тотчасъ должны ѣхать въ Москву, она поглядѣла на всѣхъ какъ будто испуганно и очень поблѣднѣла; а когда онъ, Лыковъ, заявилъ, что не можетъ ѣхать, что онъ не совсѣмъ здоровъ и долженъ переждать нѣсколько дней въ Орлѣ, она видимо сразу повеселѣла... «Ишь, точно обрадовалась, что я хворый!.. Ухъ! И язвы же эти дѣвки... Увертливы, что цыганъ на торгу, сущіе вьюны»...

И вотъ, подъ предлогомъ недомоганья, Лыковъ оставался въ Орлѣ, пока Измайловы собирались въ путь, а потомъ выѣхали въ Воронежъ въ одинъ день.

Осень въ томъ году выдалась ясная, теплая. Пожелтѣвшая степь зеленѣла полосами яркихъ озимей. Лѣсъ, уже сбросившій съ себя часть листвы, манилъ взоръ особой осенней красотой. Въ воздухѣ тянулись бѣлыя, серебримыя солнцемъ, нити паутины. Высоко на небѣ слышались иногда крики лебедей, которые длинными вереницами тянулись въ теплые края. Все это наполняло сердце Оленушки какою-то тихой дѣтской радостью. Сидя рядомъ съ отцомъ въ просторной дорожной брикѣ и любуясь скромными, однообразными картинами родного сѣвера, она уже безъ горечи, а съ теплою грустью вспомнила тѣ далекія чужія страны, гдѣ провела свое отрочество и расцвѣтъ первой молодости... Чего-чего только она не видѣла! Эти дымчатыя горы Крыма и голубое море съ кораблями, точно сонъ, промелькнувшій въ слезахъ, въ тоскѣ по дорогимъ «своимъ», потеряннымъ

павѣки... Царьградъ, роскошные сады, мечети, минареты, темныя группы кипарисовъ, а тамъ опять безбрежное море, Египетъ, и опять моря и моря... Смерть ея добраго «большаго везиря», ужасная смерть чернаго, добраго «елнуха»... Бѣдные! И опять моря и океаны... Городъ Савостьянъ... невольничій рынокъ...

Въ умѣ ея промелькнуло смуглое лицо съ черными глазами... Гдѣ-то онъ теперь? Живъ ли? Думаетъ о ней, скучаетъ, тоскуетъ?

Отецъ дремлетъ, убаюкиваемый ровнымъ покачиваньемъ брики и монотоннымъ звязаньемъ колокольчиковъ и бубенцовъ... Какъ онъ постарѣлъ, осунулся... «Бѣдная, бѣдная мама»! Дѣвушка оглянулась. За ихъ брикой слѣдовала брика Лыкова и подводы челяди съ вершниками. Глаза ея встрѣтились съ задумчивыми, грустными глазами молодого моряка. Она привѣтливо улыбнулась. Его лицо вспыхнуло, и она чувствовала, что и ея щечки перекрылись румянцемъ...

— Онъ добрый, хорошій... только все смутенъ что-то... Съ чего бы?

Измайловъ проснулся, зѣвнулъ, посмотрѣлъ на солнышко, на дочь, на спины кучера и Аверьяна, сидѣвшаго на козлахъ и «удившаго рыбу».

— Не пора ли покормить, Илья?—спросилъ воевода.

— Да пора бы, бояринъ: вонъ и рѣчечка, и лѣсокъ, а перегонъ не малъ, лошадки упрѣли.

— Ладно, приворачивай къ рѣчкѣ. А ты, ягодка, не соскучилась?

— Съ чего же, батюшка? Я все смотрѣла... Вонъ гуси летятъ.

— На теплыя воды, гдѣ ты была, моя полоняночка.

— А тамъ, сказываютъ, птичій рай, Ирей называется,— обернулся Аверьянъ заспаннымъ лицомъ.

Привернули къ берегу рѣки, что такъ и сверкала на солнцѣ среди пушистыхъ камышей, убѣгая къ темнѣвшему перелѣску. Воеводская брика остановилась подъ тѣнью развѣсистой липы. Остальные спутники Измайлова стали по близости. Лошади были распряжены разсѣдланы, и, пока кучера и вершники «выводили» ихъ «для просвѣжки», Аверьянъ разостлалъ подъ липой коверъ, досталъ изъ ящика брики дорожную провизію, хлѣбъ, ветчину, жареныхъ цыплятъ и фляги съ напитками; челядинцы

же развели въ сторонкѣ костеръ, навѣсили на таганъ вмѣстительный котелокъ и стали варить себѣ кашу

Оленушка первая выскочила изъ брики. Къ ней поспѣшилъ Лыковъ.

— Ахъ, какъ хорошо здѣсь! Только цвѣтиковъ что-то не видать,—сказала дѣвушка.

— Цвѣты должны быть тамъ, около возлѣсья,—указалъ рукой молодой морякъ.

—А мы первѣе закусимъ; а тамъ ужъ и цвѣтики будутъ,— улыбнулся Измайловъ, расправляя уставшіе отъ сидѣнья члены.—Садитесь-ка по-турецки на коверъ. Оленушкѣ не привыкать стать къ туречинѣ.

Дѣвушка весело разсмѣялась. У брики возилась и грызлась прислуга.

— Ахъ ты, сорока! Куда запроторила соль-то? — шипѣлъ Аверьянъ на молоденькую горничную Оленушки.—Пра, сорока!

— Самъ ты сорочье пугало! — огрызнулась Даша. — Вотъ соль.

Измайловъ налилъ изъ фляги въ серебряную стопочку и подпесъ молодому моряку «посошокъ».

— Не пью, Андрей Петровичъ, — смущенно отстранился Лыковъ.

— Неправда, неправда!—лукаво улыбнулась Оленушка.— Пьетъ.

— Пилъ, точно, а теперь не пью,—какъ ракъ покраснѣлъ молодой морякъ.

— Ну, неволить не стану, — сказалъ Измайловъ и самъ выпилъ.

Оленушка радостно, сіявшими глазами, скользнула по смущенному лицу «навигатора». Глаза ихъ встрѣтились. Молодые люди поняли другъ друга, и теперь Оленушкѣ пришлось «рака испечь»: она вся до ушей вспыхнула. А! Попалась.

Измайловъ и Аверьянъ ничего не замѣтили; но продувная Даша съ тонкой женской сообразительностью тотчасъ смекнула, въ чемъ дѣло: женскіе глаза въ одно время и телескопы, и микроскопы...

— Попалась наша полопяночка, — мелькнуло въ умѣ у плутовки.

— Теперь и на боковую можно, — сказалъ Измайловъ, порядкомъ подкрѣпившись и запивъ все вишневкой.

А Оленушка, какъ опытный полководецъ, сразу ознакомилась съ позиціей: Аверьянъ укладывалъ провизію обратно въ брику, а Даша у рѣчки мыла посуду... Потомъ Аверьянъ и Даша пойдутъ кашу ѣсть...

— Пойду теперь поискать цвѣтиковъ,—сказала про себя плутовка, но такъ, что чуткій слухъ «навигатора» уловилъ «сей пароль».

И «навигаторъ», какъ бы не слыхавъ ничего, пока Оленушка крестила улегшагося на коврѣ отца, якобы по собственному побужденію, направился къ перелѣску поискать цвѣточковъ...

— Ахъ, Григорій Кирилычъ ужъ ищетъ цвѣтиковъ!—удивилась Оленушка, «совершенно неожиданно» столкнувшись съ молодымъ Лыковымъ у густого куста калины.

«Навигаторъ» опять былъ красенъ, какъ эти калиновыя кисти.

— Я... я думалъ, Олена Андреевна, что ты... не пойдешь отъ батюшки по цвѣты... и хотѣлъ... нарвать ихъ для тебя,— путался несчастный.

— Батюшка уснулъ,—пролепетала дѣвушка.

И оба упорно замолчали, необыкновенно усердно разыскивая запоздалые осенніе цвѣты, въ которыхъ, впрочемъ, ни та, ни другая сторона совсѣмъ не нуждались... Молчатъ и молчатъ, вотъ исторія! У «навигатора» даже руки дрожатъ. А что онъ скажетъ?

«Что-жъ онъ молчитъ!»—думаетъ и волнуется Оленушка, а самой страшно: «вотъ заговоритъ! Владычица, я такъ и помру»...

Нѣтъ, онъ все молчитъ. Несносный!..

— Ахъ, какой хорошенькій колокольчикъ!—не вытерпѣла Оленушка, хотя голосокъ едва повиновался ей.

— Да, хорошенькій, аленькій,—пробормоталъ, робко приближаясь, «навигаторъ».

— Не аленькій, лазоревый...

— Да... лазоревый...

Опять молчаніе... Это несносно!.. «Вонъ я заговорила, а онъ»...

— А того шпанскаго дуку...—заговорилъ, наконецъ, и онъ, неистово теребя какой-то лопухъ.

— Чего дуку? — чуть слышно спросила Оленушка, чувствуя, что ея сердце какъ будто перестаетъ биться.

— Помнишь его?

— Какъ не помнить!.. Онъ такой добрый...

— Добрыхъ много...

И снова молчаніе... О чемъ говорить, какъ заговорить?

А время все идетъ. Вонъ издали видно, что тамъ, у костра, ужъ и кашу поѣли... Даша нѣтъ-нѣтъ да глянетъ сюда... Лошадей ведутъ къ рѣкѣ поить... Скоро запрягать станутъ...

— Олена Андревна... (Бѣдный лопухъ! Его мнутъ, какъ застѣнкѣ).

Оленушка молчитъ, только цвѣты дрожатъ въ ея рукѣ.

«Вотъ-вотъ скажетъ... Владычица, какъ страшно!»

— Я, Олена Андревна... (Опять любуется изуродованнымъ лопухомъ).

«Господи! Что-жъ онъ не говоритъ? Да говори же»,—волнуется про себя Оленушка и готова заплакать.

— Олена Андревна... ты и теперь его... дуку?..

«Вонъ Аверьянъ зачѣмъ-то идетъ сюда... Вѣрно, спросить о чемъ... за нимъ Даша... Противная Дашка! Ну, что дуку?.. Надо итти... Онъ ничего не скажетъ»...

И дѣвушка, досадливо взглянувъ на нерѣшительнаго кавалера съ лопухомъ въ рукѣ, двинулась навстрѣчу Аверьяну. Лыковъ, точно его высѣкли, послѣдовалъ за ней... Оба красные, какъ морковь... Даша, увидавъ ихъ, фыркнула и уткнулась носомъ въ передникъ...

VII.

Царь Петръ Алексѣевичъ, покончивъ со страшными стрѣлецкими казнями и не дождавшись Скляева съ товарищами, поспѣшилъ въ Воронежъ къ своему любимому дѣлу, къ построенію новыхъ кораблей.

Въ Воронежѣ его несказанно обрадовалъ святитель Митрофанъ. Явившись прямо съ дороги на верфь, Петръ пораженъ былъ размѣрами и красотой одного уже почти готоваго корабля. Въ восторгѣ онъ остановился передъ этимъ великаномъ. Глаза

его горѣли. Выразительное, подвижное лицо его нервно подергивалось. Это было живое олицетвореніе несокрушимой силы и энергіи. Но восторгъ его перешелъ въ умиленіе, когда на самой вышкѣ корабельныхъ лѣсовъ зоркій глазъ его различилъ тщедушную старческую фигурку въ черномъ клобукѣ и съ посохомъ, а рядомъ съ нимъ молодого человѣка въ нѣмецкомъ платьѣ. Въ старичкѣ онъ узналъ святителя Митрофана. Съ легкостью и быстротой корабельнаго юнги великанъ-царь бросился вверхъ по мосткамъ. Святитель тоже узналъ царя и шелъ къ нему навстрѣчу. Они сошлись.

— Святой отецъ! Служитель Бога Вседержителя!—возбужденно проговорилъ Петръ и опустился передъ святителемъ на колѣни. — Ты побѣдилъ царя!.. Благослови же меня, святой мужъ!

— Богъ благословитъ, Богъ благословитъ,—говорилъ святой старецъ, крестя и силясь поднять великана.

Царь всталъ и порывисто заключилъ тщедушнаго старичка въ мощныя объятія.

— Побѣдилъ, побѣдилъ ты царя, святой отецъ!—снова сказалъ царь.—Какого красавца соорудилъ для меня.

— Для Бога, государь, и для тебя,—пояснилъ святитель.— Да будетъ имя сему кораблю «Петръ», и симъ кораблемъ да водрузитъ царь Петръ святой крестъ на Софіи, въ невѣрномъ Царградѣ.

Глаза царя метнули искры, онъ весь затрепеталъ отъ восторга!.. Святитель проникъ своимъ пророческимъ духомъ въ сокровенную глубину его души.

— О, святитель великій!—молитвенно воскликнулъ онъ.— И это ты соорудилъ на свои средства?

— Нѣтъ, государь, на божьи,—скромно отвѣчалъ преосвященный.

Тутъ только царь замѣтилъ молодого Лыкова.

— Григорій! Ты какъ тутъ?—изумился онъ.

— По твоему указу, государь, изъ Венеціи, — отвѣчалъ Лыковъ.

— А Скляевъ и Лукьянъ?

— Они, государь, проѣхали къ тебѣ прямо въ Москву, какъ ты изволилъ приказать. Съ ними и письмо къ тебѣ отъ свѣтлѣйшаго дожа венецейскаго... А я, государь, занемогъ въ пути

и, прослышавъ, что ты изволишь скоро быть въ Воронежъ, заявился сюда къ тебѣ.

На оживленное лицо царя набѣжала мрачная тѣнь.

— А отъ отца имѣешь вѣсти?—спросилъ онъ быстро.

— Нѣту, государь, давно не имѣлъ.

Лицо царя приняло прежнее свѣтлое выраженіе.

— А Скляевъ и Лукьянъ тамъ, слышно, что-то набѣдокурили, — сказалъ онъ. — У князь-кесаря сидятъ въ Преображенскомъ.

При упоминаніи князь-кесаря, этого страшнаго застѣночнаго демона Ромодановскаго и его ужасной резиденціи, преображенскаго приказа, Лыковъ мертвенно поблѣднѣлъ. За что взяты его товарищи? Не виситъ ли пытка и надъ его головой?..

— А безъ Скляева тутъ я какъ безъ рукъ,—недовольнымъ тономъ прибавилъ царь.—А ты преуспѣлъ тамъ? — спросилъ онъ Лыкова.

Святитель Митрофанъ, замѣтивъ испугъ и страшную блѣдность на лицѣ молодого моряка, поспѣшилъ ободрить его.

— Много, много мнѣ полезенъ оказался сей юноша,—сказалъ онъ.—Безъ его руководительства, твой «Петръ», государь, не былъ бы такъ обряженъ. Золотой глазокъ у юноши, вездѣ до всего доглядитъ.

— Да?—обрадовался царь.—Спасибо, Григорій: не тщетны, вижу, мои труды съ вами.

— Не тщетны, не тщетны, государь, — подтвердилъ святитель.

Сойдя съ лѣсовъ «Петра», они пошли осматривать другія работы. Старый святитель съ трудомъ поспѣвалъ за великаномъ.

— Огонь, огонь,—тихо шептали его безкровныя губы.

Вездѣ, по всему берегу Воронежа, кипѣла горячая работа Строители, подрядчики, плотники, мастера, кузнецы, столяры, рѣзчики, маляры, всѣ были при дѣлѣ; всѣ изъ кожи лѣзли, чтобъ не угодить подъ державную «дубинку». Царь былъ доволенъ, всѣхъ хвалилъ.

— Великій, великій препараторіумъ, съ божьей помощью!—радостно говорилъ онъ.—А теперь, отецъ святой, прошу ко мнѣ обѣдать.

— Благодарствую, государь, я поцусь, — поклонился святитель.

— И я пощусь вотъ уже которую недѣлю... Постъ наложилъ на себя добровольный.

— Благое дѣло, государь, благое.

— Иди и ты ко мнѣ, Григорій.

Они пошли къ скромному, наскоро сколоченному, деревянному дворцу-домику, стоявшему тутъ же по близости. У воротъ часовые отдали честь.

— Алексашка, обѣдать!—чуть вступивъ въ горницу, крикнулъ государь.—На четыре персоны подавай.

Въ дверяхъ показался «Алексашка», этотъ «Herzenskind» великаго монарха Россіи и будущій «счастья баловень безродный, полудержавный властелинъ», Александръ Даниловичъ Меншиковъ.

— Каша готова?—спросилъ царь.

— Готова, государь, — отвѣчалъ «Алексашка» (на немъ былъ бѣлый передникъ: онъ варилъ государю гречневую кашу).

— Подавай, мы проголодались... Что есть въ печи, все на столъ мечи.

Меншиковъ почтительно подошелъ подъ благословеніе владыки. Святитель благословилъ его.

Скоро Меншиковъ принесъ огромный каравай чернаго хлѣба, солонку, простой кухонный ножъ, длинный ручникъ-утиральникъ, большой жбанъ и четыре стопы; все это помѣстилъ онъ на одинъ изъ столовъ, свободный отъ книгъ, чертежей, бумагъ, плановъ и разныхъ моделей кораблей и лодокъ, которыми завалены были два другіе стола.

Святитель всталъ и благословилъ. Сѣли за столъ всѣ, и Меншиковъ, и Лыковъ. Царь взялъ каравай, перекрестилъ верхнюю его корку остріемъ ножа и сталъ кроить огромные ломти, подавая ихъ по очереди сначала гостямъ, потомъ Меншикову, который тѣмъ временемъ наполнилъ стопы изъ жбана простою ключевою водой. Царь густо посолилъ свой ломоть и сталъ ѣсть, запивая водой изъ стопы. Примѣру его послѣдовали и остальные. Петръ Алексѣевичъ кушалъ съ большимъ аппетитомъ, уплетая ломоть за ломтемъ. Зато святитель щипалъ точно воробушекъ, и даже половинки ломтя не скушалъ.

— Ну, хлѣбомъ я сытъ, да и всѣ, вижу, не хотятъ больше,—сказалъ царь, отодвигая остатокъ каравая.—А теперь, Данилычъ, подавай кашу. Упрѣла?

— Упрѣла, государь, въ самый разъ,—отвѣчалъ Меншиковъ и всталъ изъ-за стола.

Скоро онъ принесъ изъ кухни большой горшокъ на деревянномъ подносѣ и большую миску съ четырьмя деревянными ложками.

— А квасъ не молодъ?—спросилъ царь.

— Не молодъ, государь, впору убродился,—отвѣчалъ Данилычъ и притащилъ жбанъ квасу, какъ говорится въ былинахъ «въ полтретья ведра».

Царь самъ наложилъ изъ горшка полную миску каши и роздалъ всѣмъ ложки.

— Милости прошу, владыка,—пригласилъ онъ святителя.— А ты, Данилычъ, налей въ стопы квасу.

Преосвященный Митрофанъ зачерпнулъ немножко каши и опять кушалъ словно воробушекъ. Зачерпнулъ и царь полную ложку, а потомъ всѣ ѣли изъ одной миски и запивали квасомъ.

— А въ праздники, святой отецъ, я разрѣшаю себѣ вино и елей,—говорилъ царь, прожевывая кашу.

— Это у насъ, государь, во иночествѣ, по монастырямъ, «утѣшеніемъ» называется, — съ улыбкой замѣтилъ святитель, медленно прожевывая кашку.—«Утѣшеніе» имѣетъ два чина по уставу: «малое утѣшеніе» и «великое», это когда въ двунадесятые праздники и въ царскіе дни иноки «чашу величаютъ», пьютъ здравицы.

— Я, святой отецъ, по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ чарочку анисовки выпиваю стомаха ради, а кашу тогда ѣмъ не съ квасомъ, а съ елеемъ, съ конопляным масломъ, что «сапожнымъ» называется, черное, — продолжалъ Петръ Алексѣевичъ, осушивъ стопу квасу и снова черпая кашу.—Это я, владыка, искусъ на себя наложилъ!

— Благое дѣло, государь, благое.

— Искусъ, владыка, съ такою мыслію: забочусь я нынѣ сочиненіемъ воинскаго устава, зѣло озабоченъ. Остановился я, владыка, надъ артикулами о продовольствіи арміи, о солдатскихъ порціонахъ, о суточномъ довольствіи. Завѣдывающіе продовольствіемъ и поставкою пищевого продукта увѣряютъ меня, якобы для одного солдата потребно въ сутки столько-то хлѣба и столько-то крупы для каши; другіе же говорятъ инако:

столько-то и столько. А тебѣ, я чаю, владыка, вѣдомо, что до царя рѣдко доходитъ правда...

— Святая истина, государь, святая! — убѣжденно согласился преосвященный.—Менѣе всего уши царя правду слышатъ.

— Такъ, такъ, святой отецъ: одни изъ лести правду предъ царемъ скрываютъ, другіе изъ страха, третьи изъ корысти. Какъ тутъ увѣдаешь правду, когда оная сокрыта завѣсою, да не единою, а тремя: лестію, страхомъ и корыстью? Въ семъ дѣлѣ, въ дѣлѣ продовольствія арміи, корысть господствуетъ.

— Правда, государь, — улыбнулся святитель, — на святой Руси давно гласитъ пословица о кормленіи казеннаго воробья...

— Знаю, знаю, владыка,—перебилъ его царь.—Посему я вотъ уже которую недѣлю изображаю собою «казеннаго воробья»: я положилъ себѣ цѣлый мѣсяцъ не питаться ничѣмъ, кромѣ солдатскаго пайка, черный хлѣбъ ржаной, вода, гречневая каша и квасъ. Симъ способомъ я и высчитаю, колико потребно въ сутки человѣку, при работѣ, сихъ продуктовъ для питанія. Понеже я и ростомъ, и силою превосхожу всякаго солдата, то, я чаю, колико для меня потребно пищи на мѣсяцъ и на сутки, то сего для солдата будетъ заглаза достаточно.

Глаза святителя, кроткіе и ясные, какъ у младенца, увлажнились слезою умиленія.

— О, государь!—воскликнулъ онъ.—Сіе твое рѣшеніе исходитъ отъ великаго ума и изъ великаго сердца!

— Аминь, — тихо проговорилъ «счастья баловень безродный».

Глаза молодого «навигатора» свѣтились восторгомъ и гордостью за своего «учителя».

— Вотъ черезъ мѣсяцъ я и узнаю подлинно, колико потребно для суточнаго солдатскаго пайка, и тогда сіе внесу закономъ въ новый воинскій уставъ *),—заключилъ царь, осушая послѣднюю стопу квасу и вытирая ручникомъ губы.

Въ это время кто-то въѣхалъ на дворъ и быстро соскочилъ съ коня.

— Что тамъ?—спросилъ царь.

Меншиковъ поспѣшилъ во дворъ и тотчасъ же воротился.

---

*) Это—историческій фактъ.

— Гонецъ отъ князь-кесаря, государь, съ письмомъ къ тебѣ,—сказалъ онъ и подалъ царю пакетъ.

— Чего еще онъ? Что случилось?—Царь торопливо разломилъ печать и сталъ читать. Лицо его нѣсколько омрачилось.—Пьянъ, когда я жду, когда спѣшка! Дубинки имъ мало!—говорилъ онъ какъ бы про себя.—Вотъ что пишетъ Ромодановскій про твоихъ товарищей,—глянулъ онъ на Лыкова:—«Что ты изволишь ко мнѣ писать о Лукьянѣ Верещагинѣ и о Скляевѣ, будто я ихъ задержалъ, я ихъ не задержалъ, только у меня сутки ночевали»... Это въ Преображенскомъ-то, въ князь-кесаревой банькѣ... «Вина ихъ такая: ѣхали Покровскою слободою пьяны и задрались съ солдаты преображенскаго полку, изрубили двухъ человѣкъ солдатъ»... А! Каковы ребята!.. «И по розыску явилось, обѣ стороны неправы, и я, розыскавъ, высѣкъ Скляева за его дурость, также и челобитчиковъ, съ кѣмъ ссора учинилась»... Подѣломъ вору... «И того часу отослалъ къ Ѳедору Алексѣевичу Головину. Въ томъ на меня не прогнѣвись: необыкъ въ дурностяхъ спускать, хотя-бъ и не такого чину были».

— Хорошо, что ты не былъ со Скляевымъ,—снова глянулъ царь на Лыкова, но ласково,—быть бы и тебѣ драну.

Всѣ встали изъ-за стола и помолились. Въ комнату осторожно вступилъ орловскій воевода Измайловъ. Со спѣшными дѣлами входили къ царю безъ доклада.

VIII.

— А! Андрей Петровичъ! Добро пожаловать,—привѣтливо встрѣтилъ царь орловскаго воеводу.—Какъ дѣла?

— По дѣлу, государь, и пришелъ доложиться вашему царскому величеству,—отвѣчалъ Измайловъ.—Который, государь, лѣсъ для корабельнаго твоего строенія, по твоему государеву указу, я наготовилъ по орловской округѣ, и тотъ лѣсъ Сосною рѣкою съ Божіимъ благословеніемъ мною спущенъ, и чаю, государь, коли Господь заморозковъ не пошлетъ, тотъ лѣсъ для твоего, государь, корабельнаго строенія скоро сюда прибудетъ.

— Спасибо, спасибо, Андрей Петровичъ,—весело сказалъ государь.—Мнѣ вѣдомо твое усердіе... Теперь мнѣ хорошій мачтовый лѣсъ дороже всего. Я не забуду твоей службы.

— Я и безъ того, государь, доволенъ твоими милостями,—

поклонился Измайловъ. Затѣмъ онъ подошелъ къ архіерею подъ благословеніе.

— Богъ тебя благослови... А что моя дочечка духовная?— спросилъ Митрофанъ.

— Твоими молитвами, отче святой, здравствуетъ.

При появленіи Измайлова, Петръ Алексѣевичъ замѣтилъ, что съ Лыковымъ что-то произошло: онъ какъ-то покраснѣлъ и смутился, точно виноватый.

— А ты бы, Григорій, посмотрѣлъ вонъ тамъ на столѣ, какіе я чертежи привезъ,—сказалъ ему царь.

Но при словахъ Митрофанія «духовная моя дочечка» царь оставилъ Лыкова и обратился къ святителю.

— Какая такая дочечка?—спросилъ онъ.

— Да вотъ дочка Андрея Петровича, полоняночка, которую Господь изведе изъ многолѣтняго полону бусурманскаго здраву и невредиму,—отвѣчалъ Митрофаній.—И агарянство, бѣдная, извѣдала, и латынство.

— Какими же такими путями она спаслась?—заинтересовался царь.

— Божіимъ изволеніемъ, государь, послѣ многихъ мытарствъ ее отгромили у агарянъ венецейскаго доги нѣмцы, а дога венецейскій, по любительству своему къ тебѣ, великому государю, освободилъ оную отроковицу отъ неволи и отпустилъ въ Россію съ твоими, государь, навигаторы, со Скляевымъ съ товарищи.

— Это и съ тобою, Григорій?—воззрился на него царь.

— И со мною, государь.

— Почему жъ ты мнѣ о томъ не сказалъ?

— Когда же было, государь?

Видя, что онъ опять покраснѣлъ и нервно мялъ въ рукахъ чертежи, царь заподозрилъ тутъ «вмѣшательство купидоново».

— А сколькихъ лѣтъ будетъ сія отроковица?—спросилъ онъ Митрофана.

— По семнадцатому либо осьмнадцатому годочку, государь. А чего только бѣдная дѣвочка не видала! И въ Крыму, въ городѣ Кефѣ, была въ неволѣ, и въ Анадоліи, и въ Царѣградѣ святую Софію видала, и была вожена во Египетъ, идѣ же во время оно Богородица Дѣва съ младенцемъ Іисусомъ отъ треокаяннаго Ирода укрывалась... Была она, государь, и въ шпанской, и въ

италійской землѣ... Всего бѣдное дитя испытало, и осталось голубицею чистою... Она была у меня, государь, подъ началомъ малое время, а кончивши началъ, исповѣдывалась у меня же, и святымъ мvромъ отъ меня помазана, и, аки банею пакибытія, отъ всякія агарянскія и латынскія скверны омылася.

Государь такъ былъ заинтересованъ разсказомъ Митрофанія, что сейчасъ же просилъ Измайлова показать ему это «чудополонянку».

— Боюсь, государь, оробѣетъ дѣвочка предъ твоими свѣтлыми очами,—говорилъ Измайловъ, хотя присутствіе Митрофанія успокаивало его.

— Не оробѣетъ: кто многое видѣлъ, множае сможетъ,—рѣшилъ царь.

Измайловъ вышелъ. Митрофаній задумчиво перебиралъ зерна четокъ. Лыковъ, въ сторонѣ, нервно шуршалъ бумагами

— Что, Григорій, каковы чертежи и модели?—спросилъ царь.

— У меня, государь, есть чертежъ высшаго авантажу, — скромно отвѣчалъ молодой морякъ.

— Какъ!—встрепенулся царь.

— Я, государь, учинилъ чертежъ кораблю, именуемому «Дога Корнаро»: такого корабля невидывано ни въ аглицкой, ни въ голанской землѣ.

— Гдѣ же оный корабль?

— Въ Веницеѣ... На томъ кораблѣ привезена была въ Веницею и дочь орловскаго воеводы.

— Такъ она съ вами и воротилась въ Россію?

— Съ нами, государь.

— Это капуста-то съ тремя козлами?

Молодой морякъ густо покраснѣлъ. Но его выручилъ Митрофаній, задумчиво перебиравшій четки.

— Съ нею, съ отроковицею Еленою, отпущена была изъ Веницеи другая полонянка, жена одного черкашенина,—сказалъ онъ строго.

Немного погодя, на порогѣ показался Измайловъ съ дочерью, робко слѣдовавшей за отцомъ. На этотъ разъ дѣвушка одѣта была черничкою, что еще болѣе оттѣняло ея нѣжную красоту.

Царь былъ видимо пораженъ прелестнымъ личикомъ, словно

освѣтившимъ собою мракъ комнаты. Черная одежда такъ оттѣняла поразительную бѣлизну личика.

— Что вы съ нею сдѣлали?—невольно воскликнулъ онъ.—Постригли!

— Нѣту, государь,—сказалъ Митрофаній, подходя и благословляя дѣвушку.—Когда я отдалъ ее подъ началъ въ монастырь, она, по уставу монастырскому, должна была облечься въ ризы послушанія. Теперь же она мірянка.

— Да какая же она у тебя красавица, Андрей Петровичъ, по истинѣ красавица!—сказалъ царь, подходя и цѣлуя въ лобъ дѣвушку, блѣдныя щечки которой вспыхнули зарсвомъ.

— Красота тѣлесная, государь, ничто же есть предъ красотою душевною сея отроковицы,—замѣтилъ святитель.

Молодой «навигаторъ», уткнувшись въ чертежи, разсматривалъ ихъ съ такимъ же глупымъ лицомъ, какъ прежде лопухъ...

— Такъ разскажи мнѣ, красавица, про твой полонъ,— ласково говорилъ государь, взявъ дѣвушку за руку и сажая рядомъ съ собою на лавку, покрытую ковромъ.—Долго ты пробыла въ Крыму? Что видала тамъ? Видала ли хана?

— Видѣла, государь, мелькомъ... Въ Крыму меня недолго держали.

— А въ Царѣградѣ?

— Въ Царѣградѣ, государь, я прожила года три.

— Много видѣла тамъ кораблей? И какіе они, больше нашихъ?

— Есть и больше, есть и поменѣ.

— Сказываютъ, ты и въ Египтѣ была и, стало быть, видѣла «mare Internum»: сирѣчь Средиземное... Счастливица! А я и Черпаго не видалъ, не токмо Интерпа.

— Увидишь, государь, и въ Египтѣ на своихъ корабляхъ побываешь,—показался въ дверяхъ Меншиковъ.

— Прытокъ ты, Алексаша, зѣло прытокъ,—покосился царь на своего любимца.—Добро бы хоть до Керчи добраться... А то, на, Египетъ... Что жъ ты въ Египтѣ видѣла, милая?—вздохнувъ, спросилъ царь.

— Пирамидесы, государь, великія видѣла.

— Пирамиды... такъ-такъ... на рубежѣ пустыни. У фараоновъ, стало быть, была. Счастливица!

— Какое, государь, счастье въ неволѣ?—покачалъ головою святитель.

— И коркодиловъ, государь, въ Великой рѣкѣ видѣла,— говорила дѣвушка уже смѣлѣе, видя простое и ласковое обращеніе съ ней царя.

— Крокодиловъ, милая,—поправилъ государь.—А какъ же ты попала въ Египетъ?

— Съ набольшимъ везиремъ... Я у него, въ сералѣ, замѣсто дочери жила... Онъ былъ такой добрый... Только насъ потомъ погромили на морѣ шпанскаго короля воровскіе нѣмцы, везиря самого и елнуха убили, а меня въ полонъ взяли...

— Бѣдная дѣвочка, сколько перенесла!—участливо замѣтилъ государь.—Это, я полагаю, испанскіе пираты. Что жъ, они тебя потомъ продали?

— Продали, государь, въ городѣ Савостьянѣ.

— А, въ Санъ-Себастіанѣ. Знаю. Объ этомъ городѣ мнѣ сказывалъ князь Долгорукій, Яковъ, что въ прошлыхъ годѣхъ посольство тамъ у короля правилъ... Кому-жъ тебя тамъ продали?

— Продали меня тамъ, государь, одному шпанскому большому дукѣ.

При этихъ словахъ Лыковъ, разсматривавшій въ сторонѣ модели кораблей, одну модель уронилъ.

— Чего тамъ, Григорій!—оглянулся на него царь.—Не испорти чего! А то я... Ну, и что-жъ дальше было?—обратился онъ снова къ дѣвушкѣ.

Но она вдругъ замолчала. Государь видѣлъ, что ее что-то стѣсняетъ: она то краснѣла, то блѣднѣла... Царь глянулъ на Митрофанія.

— Оный дука, государь, совратилъ ее въ папежскую вѣру, хотя и съ благою цѣлью,—сказалъ святитель.—Онъ помышлялъ взять отроковицу себѣ въ супружество съ папина благословенія, на что и мать дукина дала свое согласіе.

— Вотъ какъ! — удивился государь. — Зачѣмъ же дѣло стало?

— Божіимъ попущеніемъ, государь, онаго дуку арапляне въ полонъ взяли.

Царь посмотрѣлъ на дѣвушку. Она сидѣла смущенная, не поднимая глазъ.

— А у дуки-то, я вижу, губа не дура,—добродушно замѣтилъ онъ.

И ему вспомнилась другая красавица, та, что въ нѣмецкой слободѣ, на Кукуѣ. Эта, что вотъ здѣсь, много прекраснѣе: столько дѣвственной чистоты и невинности въ выраженіи ясныхъ глазъ и всего полудѣтскаго личика. А у той красота плотоядная, распаляющая... Если можно представить себѣ ангеловъ, то только въ видѣ вотъ этого чистаго существа... Недаромъ святитель горой стоитъ за нее...

— И ты плакала за женихомъ?—спросилъ онъ ласково.

Дѣвушка упорно молчала... Она вспомнила недавно предложенный ей вопросъ другого: «ты и теперь еще его?..»—вопросъ неконченный и оставшійся безъ отвѣта.

— Такъ я тебѣ нашелъ другого жениха,—вдругъ неожиданно и какъ-то загадочно сказалъ царь.

Дѣвушка тихо вся дрогнула и поблѣднѣла. Государь украдкой глянулъ на Лыкова. Молодой «навигаторъ» тоже стоялъ весь блѣдный съ широко раскрытыми глазами, забывъ о чертежахъ, которые держалъ въ рукѣ.

«А! Вижу, вижу,—подумалъ про себя государь.—Тутъ купидоново дѣйство... уязвлены... зѣло уязвлены».

— Григорій! Подойди сюда,—позвалъ онъ Лыкова.

Тотъ повиновался. На лицѣ молодого моряка и недоумѣніе, и страхъ.

— Елена!—тихо, но твердо сказалъ царь.—Погляди сюда... Скажи, любъ тебѣ этотъ молодецъ или нелюбъ?

Краска снова залила блѣдное личико дѣвушки. Но она продолжала молчать, потупившись, только порозовѣвшія губки ея дрожали.

— Я спрашиваю тебя, Елена,—повторилъ царь, — любъ тебѣ мой ученикъ Григорій, боярскій сынъ Лыковъ, или нелюбъ?

Дѣвушка видимо страдала.

— Государь! — поспѣшилъ ей на подмогу отецъ.—Дѣвка никогда не скажетъ... Это не въ дѣвичьемъ обычаѣ. Оленушка, что-жъ ты не отвѣчаешь великому государю?

Молчитъ, хоть бы звукъ! Только краска волнами ходитъ и переливается по лицу.

— Ну, Григорій! — обратился государь къ Лыкову. — Значитъ, не судилось тебѣ, добрый молодецъ... А тебя я не спраши-

ваю: на такую красавицу, вижу, у тебя давно зубы горятъ... Что-жъ! Не судилось, не любитъ тебя дѣвка, не любитъ... Насильно милъ не будешь. Такъ поѣзжай ты, братъ, опять за море, размыкай свое горе съ другою...

Дѣвушка вдругъ зарыдала, да такъ горько, по-дѣтски, въ голосъ.

— А! Сказались подъ кулакомъ ножницы на столѣ!—весело разсмѣялся царь.—Ахъ ты, хитрячка! Меня не проведешь. Выдала себя...

— Соломонъ, сущій Соломонъ премудрый!—отозвался откуда-то неожиданно Меншиковъ.

— Молчи, Алексашка! Готовь лучше здравицу, — улыбнулся царь.

— И то правда, государь: Соломономъ ты разсудилъ, — отозвался Митрофаній.

А та, о которой шла рѣчь, уткнулась носомъ въ плечо отца и продолжала всхлипывать уже отъ стыда: поймали дѣвку! Срамъ какой! Сама себя выдала...

— Ну, Андрей Петровичъ, теперь я буду у тебя сватомъ,— подошелъ государь къ Измайлову.—Не побрезгуешь, я чаю, ни сватомъ, ни женихомъ.

— Великій государь! Такія милости... — бормоталъ орловскій воевода.—Чѣмъ заслужилъ?

— А у тебя, тихоня, я буду посаженымъ отцомъ,—погладилъ государь золотую головку, съ которой успѣлъ нѣсколько сползти черный монастырскій покровъ.

— Благодари же, дурочка, его царское величество,—шепталъ Измайловъ. Но «дурочка» не отнимала носа отъ отцовскаго плеча...

IX.

Прошло съ небольшимъ два года.

Ранней весной 1701 года, по пути отъ Макарьева, что на Волгѣ противъ Лыскова, дремучимъ боромъ, который тянется вдоль рѣчки Керженца, извилистой лѣсной тропою пробирались два спутника. Одинъ небольшой, сухенькій сѣденькій старичекъ въ темной одеждѣ странника, съ посохомъ и котомкой за плечами; другой коренастый, здоровый мужикъ въ сѣромъ ар-

мякѣ, тоже съ котомкой и толстой дубиной, въ видѣ рогатины, съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ.

Утро было ясное, тихое. Изрѣдка только верхушки столѣтнихъ сосенъ шептались между собою, какъ бы передавая какую-то невѣдомую людямъ вѣсть другимъ великанамъ бора. Слышно было гулкое постукиванье дятловъ о сухую кору деревьевъ, да изрѣдка глухая, какая-то деревянная дробь, издаваемая въ глубинѣ лѣса зеленой желной. Бѣлки неслышно перескакивали съ дерева на дерево, точно летали по воздуху, и только изрѣдка роняли на землю сосновую или еловую перезрѣвшую шишку.

— Ишь божьи отшельнички, керженскіе скитнички,—улыбнулся старикъ, взглянувъ наверхъ.—По своему Бога славятъ.

— Это бѣлки-то?—тоже глянулъ на деревья мужикъ.—Ну, и продувныя же! Махонька, махонька, а ума съ мужичью голову: лучшее что ни есть зерно въ свои амбары тащитъ... А посмотрѣлъ я, какъ онѣ черезъ воду переправляются, диву дался! Смотрю, ихъ десятка може два, а то и поболѣ, хвосты кверху, словно паруса, и лапочками-лапочками эдакъ по водѣ мелятъ таково быстро... Фу, ты пропасть! А чтобы замочить хвостъ, ни-ни-ни, Боже мой! Потонетъ, коли хвостъ замочитъ... это смыслитъ, дрянь эдакая.

— Божья премудрость, что и говорить!—вздохнулъ странникъ.

Вдругъ мужикъ свистнулъ.

— Ахъ ты, косой!—засмѣялся онъ.—Хотѣлъ намъ дорогу перебѣжать. А теперь, вишь, на часахъ стоитъ.

Онъ указалъ рукой. Тамъ впереди, на небольшой прогалинкѣ, остановился заяцъ, присѣлъ на заднія лапки и, шевеля ушами, глядитъ на путниковъ.

— Ужъ и любопытенъ ты, дурачекъ, словно баба,—продолжалъ мужикъ.—Самъ трусъ, изъ трусовъ трусъ, а свистни только, и уши развѣситъ: что, молъ, такое да какъ? Ну, и стрѣляй въ его.

— Беззащитенъ онъ, потому: всего пужается.

Зайчикъ, точно одумавшись, заковылялъ въ сторону. Путники продолжали идти молча. Кой-гдѣ сквозь чащу деревьевъ проглядывало ласковое весеннее солнце.

— А однова,—усмѣхнулся мужикъ,—дакъ я видѣлъ храб-

раго зайца, смѣхъ одинъ! Ходилъ я этта, до набору дѣло было, по ягоду по клюкву. Иду этта перелѣскомъ, коли вижу, что за оказія! Косой съ ума спятилъ! Я такъ и прикипѣлъ на мѣстѣ: смотрю, что будетъ? Передъ косымъ кустъ боярышника. Вотъ мой косой все, вижу, скокъ да скокъ на кустъ, да инда упадетъ. Скокъ да скокъ, тьфу, ты пропасть! Съ чего бы, думаю, зайцу съ ума сойти? Да смѣшной такой... Коли глядь, на кусту ворона сидитъ: это косой на ворону ополчился, ворону пымать, думаю, хочетъ. Не ѣсть же онъ ее, мекаю, станетъ: все ѣлъ капусту, да кору у молодыхъ деревъ грызъ, а тутъ на! Мяса косой захотѣлъ, дичинки! А ворона себѣ и въ усъ не дуетъ, глядитъ на косого свысока, да и на-поди. А тотъ старается, тотъ скачетъ: все сидѣнье себѣ, поди, отшибъ... Дай, думаю, погляжу, съ чего это мой косой на брань ополчился, словно н а ш ъ-отъ на шведа... А шведъ-отъ не воронѣ чета: н а ш е м у-то подъ Ругодевомъ лихо въ загривокъ наклалъ... Ну, подхожу я къ кусту, ворона снялась себѣ, полетѣла, и косой отковылялъ въ сторону: меня испужался. Думаю себѣ, не въ кустѣ ли загадка? Гляжу, ничего не вижу. Коли развернулъ кустъ, заглянулъ въ гущину, анъ тамъ зайчатки махоньки-махоньки, что мышата.

— Дѣтокъ, стало быть, зайчикъ отъ вороны оберегалъ, какъ умѣлъ,—заключилъ старикъ.

— Точно... откуда и храбрость взялась! А смѣшенъ былъ, не приведи Богъ, смѣшенъ,—снова усмѣхнулся мужикъ.

— Да и нашего-то на смѣшки попѣ вся Москва подымаетъ.

Они продолжали идти дальше. Боръ все становился дремучѣе и мрачнѣе, хотя солнце поднялось значительно выше. Въ просвѣтахъ, надъ верхушками сосенъ, проглядывало голубое небо, высоко, высоко.

— А ужъ недалече и скиты,—тихо сказалъ старикъ.

Вдругъ впереди, въ чащѣ, что-то захрустѣло сухимъ валежникомъ.

— Охъ, Господи!—испуганно прошепталъ старикъ и попятился назадъ.

— Ты чего испужался?

— Охъ, Господи! Гляди вонъ, человѣче, звѣрь.

— А! Мишукъ... Да какой ядреный-матерой... Только не бойся: коли человѣкъ его ранѣ запримѣтитъ, онъ не кинется:

у этого звѣря таковъ законъ... А онъ насъ не видалъ,—успокаивалъ старика мужикъ.—Да съ моей рогатиной я и не боюсь его, не впервой.

Медвѣдь, между тѣмъ, шелъ впередъ, и путники, укрывшись за однимъ деревомъ, видѣли, какъ онъ остановился и, поднявъ громадную голову, видимо обнюхивалъ воздухъ.

— Насъ чуетъ,—прошепталъ старикъ.

Подвинувшись нѣсколько впередъ, медвѣдь остановился около одной сосны, подъ которой, около ствола, виднѣлась солома. Медвѣдь началъ разрывать и обнюхивать солому. Затѣмъ онъ, взглянувъ вверхъ на сосну, сталъ взбираться на нее.

— Ба-ба! Вишь, лакомка,—улыбнулся мужикъ.—Медку косолапый захотѣлъ. Видишь, на соснѣ борть пчелиная.

— Вижу, вижу,—прошепталъ старикъ.

Сажени на двѣ отъ земли, къ стволу сосны былъ прикрѣпленъ улей. Къ нему-то и пробирался косматый пасѣчникъ. Съ ловкостью акробата двигалось вверхъ неуклюжее, грузное чудовище. Слышно даже было, какъ мишка отъ усердія сопѣлъ.

— Ишь, старается, куцый,—усмѣхнулся мужикъ.

Но вдругъ медвѣдь пріостановился. Оказалось, какъ замѣтили наши путники, что косматому пасѣчнику преграждали дальнѣйшій путь два громаднѣйшихъ обрубка, въ нѣсколько обхватовъ толщины, подвѣшенные подъ ульемъ. Медвѣдь отстранилъ правой лапой одинъ обрубокъ, но онъ, качнувшись въ сторону, снова повисъ у самой лапы звѣря. Мишка сердито ударилъ лѣвой лапой другой обрубокъ, та же исторія! Тутъ онъ, разсвирѣпѣвъ, со всего размаху хватилъ по первому своему недругу, но массивный обрубокъ, отлетѣвъ далеко впередъ, воротился тотчасъ же назадъ и такъ ударилъ въ носъ хищника, что онъ отъ боли и злости заревѣлъ благимъ матомъ.

Безстрашный мужичина, прятавшійся за деревомъ, такъ и схватился за животъ, боясь громко захохотать.

— Вотъ дурень! Самъ себѣ морду расквасилъ.

Но озлобившійся медвѣдь, желая наказать своего врага, снова колотилъ по немъ лапою и снова еще пуще ревѣлъ отъ боли и злобы. Страшный ревъ его разносился по всему лѣсу.

Вдругъ наши путники замѣтили, что ко землѣ, извиваясь змѣйкой между деревьями, побѣжалъ откуда-то съ дымкомъ огонекъ... Дальше-дальше... Вотъ онъ добѣжалъ до сосны, на

которой возился и ревѣлъ медвѣдь, и мгновенно подъ сосной вспыхнула яркимъ пламенемъ солома. Огненные языки быстро побѣжали вверхъ по стволу сосны, касаясь самыхъ пятокъ медвѣдя. Ошеломленный лѣсной царь растерялся совсѣмъ... Ревъ испуга огласилъ лѣсъ.

— Ага, братъ!—громко разсмѣялся нашъ мужикъ, выступая изъ-за дерева.—Попался, точно онъ самъ подъ Ругодевомъ...

Не видя спасенія и поджариваемый огнемъ, медвѣдь, какъ снопъ, всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ свалился прямо въ пламя.

Впереди послышались голоса, крики, смѣхъ, свистъ...

— Улю-лю-лю! Улю-лю-лю!—неслись по лѣсу крики и хохотъ.

Медвѣдь, обезумѣвшій отъ боли и страха, выскочивъ изъ огня, бросился бѣжать... прямо на нашихъ путниковъ.

Спрятаться было некуда. Медвѣдь увидалъ врага, остановился, поднялся на заднія лапы и, переваливаясь, какъ тучная брюхатая баба, пошелъ прямо на рогатину, ревя угрозой.

— А! Ты бороться... ну, давай, кто кого... Нна-жъ тебѣ!

Рогатина угодила прямо подъ лѣвую лопатку страшнаго звѣря, но не выдержала грузнаго тѣла и переломилась, какъ лучинка... Медвѣдь упалъ прямо на своего врага, опрокинувъ его своею тяжестью. Но страшные когти звѣря въ предсмертной борьбѣ скользнули мимо черепа врага и рвали землю и корни дерева. Изъ пасти его съ хрипѣньемъ вылетала кровавая пѣна...

— Задралъ, задралъ человѣка!—раздались голоса.

Медвѣдя окружили скитники, бѣжавшіе по его слѣдамъ съ дубьемъ и топорами.

— Онъ еще живъ, отцы... Стащимъ звѣря.

— Живѣй, не задохся бы... эка туша!.. Ташши, ташши!

Мертваго медвѣдя стащили съ трудомъ.

— Ну, и чижолъ же, анаѳема! Мало не задушилъ, проклятый!—поднимаясь съ земли, весь облитый кровью, тяжело передохнулъ нашъ мужикъ.—Спасибо, отцы... А рогатину сломалъ, аспидъ...

— Ермилушко-свѣтикъ! Какими путями?

Это говорилъ высокій, статный старикъ-скитникъ съ огромною золотисто-каштановою бородой, сильно тронутой просѣдью,

обнимая нашего старенькаго странника, который все еще не могъ прійти въ себя отъ испуга.

— Отъ святыхъ угодничковъ Зосимы и Савватія, али съ каменной Москвы? Что тамъ у васъ на міру творится?—продолжала борода радостно.

— Послѣ, послѣ, Кирилушка... Дай передохнуть, — отбивался старикъ.

— А это кто съ тобой, богатырь Илья Муромецъ? Поклонъ тебѣ, человѣче, добру молодцу... А нашъ-отъ мишутка мало не задралъ тебя... Не будь рогатины...

— Что жъ это вы, отцы, за Ругодевъ такой устроили на соснѣ?—спросилъ побѣдитель медвѣдя, вытирая на себѣ кровь травой.

— Это что нѣмцы Нарвой зовутъ?—спросила борода.

— Нарвой, гдѣ самъ-отъ также благимъ матомъ ревѣлъ, какъ и этотъ вотъ,—отвѣчалъ побѣдитель, толкая ногой мертваго медвѣдя.

— Ужли ревѣлъ?—обступили побѣдителя скитники, видимо сгорая отъ любопытства.—Такъ ему и надо... А ты ужли самъ его видѣлъ?.. Разскажи, родной.

— Разскажу, разскажу, отцы, дайте срокъ... А кому эта самая шуба достанется?—указалъ онъ на медвѣдя.

— Тебѣ, тебѣ, богатырь, за твою кровь,—сказала борода, кого Ермилушко назвалъ Кирилломъ и кто, повидимому, былъ старшимъ между скитниками.—Этотъ никопіанецъ лѣсной—онъ указалъ на медвѣдя—намъ жить не давалъ: медъ у насъ кралъ прямо изъ бортей, борти уносилъ и разбивалъ, овсы наши толокъ и травилъ, скотинку задиралъ, словомъ, Мамай сущій. Мы вотъ и учинили ему забавушку, ляшки ему осмолили, что кабану осенью, а морду себѣ онъ самъ наколотилъ своею дуростью... Не случись ты съ рогатиной, онъ бы отъ насъ опять убѣжалъ въ трущобы... Что жъ мы, отцы, моримъ здѣсь добрыхъ людей,—вдругъ прервалъ онъ себя,—волоките самого къ скитамъ, а мы за вами.

Скитники прикрутили къ заднимъ ногамъ медвѣдя прочные пояса и потащили его къ главному скиту.

X.

Главный скитъ Керженскихъ лѣсовъ представлялъ нѣчто вродѣ стариннаго острога, расположеннаго на небольшой лѣс-

ной полянѣ. Самое зданіе скита съ моленною окружалъ высокій прочный частоколъ съ острыми зубьями наверху. Эта прочная ограда, напоминавшая крѣпость, имѣла одни массивныя ворота, выходившія на поляну, съ небольшимъ оконцемъ, «слухово-дозорное»; другія, небольшія, едва замѣтныя для непривычнаго глаза, воротца выходили въ лѣсъ, близко подступавшій къ задней сторонѣ ограды. Внутри, вдоль ограды, шли навѣсы, амбары, клѣти и другія хозяйственныя строенія. По серединѣ ограды стояла обширная изба съ сѣнями, изъ которыхъ двое дверей вели: направо въ обширную моленную, налѣво въ свѣтлицы и горницы. Моленная вся уставлена была старинными образа, изъ коихъ многіе были въ дорогихъ серебряныхъ окладахъ съ золотыми вѣнцами. Передъ главными образами теплились лампадки. На темно-малиновомъ аналоѣ лежали евангеліе въ оправѣ и серебряное распятіе. По стѣнамъ висѣли портреты протопопа Аввакума и другихъ «ревнителей истинной вѣры». Вдоль стѣнъ тянулись лавки.

— Я роду царскаго, отъ самаго царя Гороха и царицы Чечевицы,—откашлявшись, началъ побѣдитель медвѣдя.

Это происходило въ моленной, гдѣ скитники, принимали дорогого гостя, «странничка» Ермилушку, и его спутника, который обѣщалъ повѣдать нѣчто очень важное о самомъ...

— Зовутъ меня Микитой, Ничеевъ сынъ, Непомнящій,— продолжалъ побѣдитель мишки.—Ничеевъ я по отечеству, отцы, потому я ничей сынъ и не помню ни отца, ни матери, да ихъ у меня и не было. А завелся я, отцы, съ плѣсени въ помойномъ ведрѣ, а какъ помои-то выплеснули на навозную кучу и солнышко плѣсень пригрѣло, я и пошелъ въ ростъ. Дальше-больше, выросъ я въ косую сажень. А какъ я былъ большого роду, то и пошелъ въ гору; сдѣлали меня ни много, ни мало царскимъ ловчимъ, ловилъ я блохъ у казенныхъ псовъ...

— Чинъ не маленькій,—засмѣялся скитскій «учитель» съ золотисто-каштановой огромной бородой, старецъ Кирилъ.

— А однова увидалъ меня самъ за моимъ рукомесломъ, на блошиной охотѣ, да и говоритъ: «этого орясину запиши ты, Данилычъ, въ преображенцы, понеже-де ему блохъ ловить не подобаетъ»... И записали меня въ преображенцы.

Непомнящій остановился. Скитники слушали внимательно. Они догадывались, что рѣчь скоро дойдетъ до самой сути.

— Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается,— снова продолжалъ балагурить Непомнящій.—Задумалъ онъ чужимъ медкомъ полакомиться, вотъ какъ этотъ нонѣ, что мнѣ знатную шубу подарилъ. А борть-то съ медомъ въ чужой пасѣкѣ, въ свейской, да и пасѣчникъ-ту у ей свейскій нѣмецъ... Вотъ и пошли всѣ мы къ той пасѣкѣ къ городу Ругодеву.

— Это по ихнему Нарва,—замѣтилъ скитскій «учитель».

— И точно, что Нарва: нарвался нашъ-отъ, какъ и вашъ же нонѣ на соснѣ... Онъ ее, бортъ-ту, лапой, а она его по носу, а пчелы лѣзутъ и въ глядѣлки, и въ слухачи...

Многіе изъ скитниковъ разсмѣялись... «Ловко его въ мишки произвелъ!..»

— Долго ли, коротко ли, а идемъ мы къ этой анаѳемской пасѣкѣ: впроголодь да впоколоть, ни корму у насъ, ни одежонки, ни сапожишекъ... Однимъ словомъ, босоты да наготы изнавѣшены шесты... Добрели кое-какъ въ самыя филиповскія зябели до этой укрѣпушки; развели мы костры, пообсушились малость, а на утро учали изъ пушекъ палить: день палимъ, два палимъ... Вдругъ слышимъ, сказываютъ наши: главный нѣмецъ, что былъ правой рукой у самого, убегъ въ пасѣку, пятками только покивалъ, учуялъ, стало быть, что наша не выгораетъ... Ну, и лютовалъ же нашъ: ревѣлъ, что вотъ нонѣшній же... И велѣлъ онъ, осерчавъ, сдѣлать куклу того нѣмчина, что убегъ, чтобы надругаться надъ ней. А у нѣмца того, сказать надо, на Москвѣ оставалась жена съ робятками: дакъ онъ и велѣлъ повѣсить ту куклу супротивъ оконъ нѣмчиновой жены, чтобъ она и дѣти все это видѣли...

— Чѣмъ же дѣтки-то винны?—замѣтилъ одинъ скитникъ.

— А тѣмъ, что онъ осерчалъ,—невозмутимо продолжалъ Непомнящій. — Коли слышимъ, прискакалъ Борисъ Шереметевъ, говоритъ: самъ Карла идетъ... Ну, тутъ ужъ нашему не до меду, надо искать броду... Да въ ту же ночь съ сосны, отъ борти, задомъ, задомъ.

— Убегъ?—спросилъ кто-то

— Только пятки засверкали... Это не потѣшный дворъ...

— Бѣгу яся,—улыбнулся скитскій «учитель».—Это не бороды, видно, стричь,—погладилъ онъ свою бороду.

Одинъ Ермилушка молчалъ. Онъ видѣлъ, что на Непомнящемъ сосредоточено общее вниманіе. Теперь, онъ зналъ, не вы-

везутъ его на высоту оратора ни «врата адовы», въ которыя онъ стучалъ своею клюкой, ни «пупъ земли», на которомъ онъ читалъ муринамъ «Златой Бисеръ», ни «китъ», на которомъ земля держится, и котораго одинъ плавникъ онъ самъ видѣлъ, ни даже, наконецъ, «бѣсъ Фармагѣй», на которомъ онъ ѣздилъ въ Іерусалимъ, и которому четверговой свѣчой опалилъ его бѣсовскій хвостъ за то, что Фармагѣй хотѣлъ его, Ермила, въ море-океанъ сбросить. Теперь скитниковъ занимаетъ болѣе существенный вопросъ о немъ, о томъ, котораго подъ Нарвою посрамила Богородица за «святыя брады» и за нѣмецкое платье.

— Ну, и остались вы одни, безъ него? — интересовались скитники.

— А нѣмцы на что? Осталось этой слякоти столько, что и до Москвы не перевѣшать,—отвѣчалъ Непомнящій.—Этта въ ночь онъ лыжи навострилъ, а утречкомъ самъ Карла нагрянулъ. Гдѣ онъ?—пытаемъ другъ дружку,—гдѣ самъ?—Бѣжалъ, говорятъ. А Карла напираетъ, такъ претъ, чтобъ тебѣ прямо въ морду... Ну, думаю, за кого это мы должны помирать?—на что намъ чужой медъ, когда у насъ и сухой корочки нѣтъ?—Ему медъ, а не намъ, да и то онъ утекъ. Я возьми да и крикни: Братцы, насъ нѣмцы продали! Самъ-отъ убегъ, а насъ покинулъ, бѣгимъ и мы за имъ!.. Мы-де ему присягли, крестъ цѣловали, а не нѣмцамъ...

— Ловко, парень, подвелъ!—одобрительно улыбнулся скитскій «учитель».

— Ну, отцы вы мои, какъ сказалъ я это,—продолжалъ врать Непомнящій,—какъ пошло это мое слово по рядамъ, какъ шарахнутся наши ребятушки, да на утекъ, на мостъ, черезъ рѣку!.. Я и не очухался, какъ самого меня понесло словно волной, одинъ другого претъ, и я очутился за рѣкой... Смотрю, вдругъ мостъ рухнулъ!.. Матыньки мои, что тутъ было! Только и видно: либо голова изъ воды вынырнетъ, либо рука къ небу машетъ, милости проситъ, либо конь, потопая съ сѣдокомъ, жалобно ржетъ, за кого-де я, тварь несмысленная, погибаю?..

— Коня и всадника вверже въ море,—вдругъ торжественно проговорилъ Ермилушка,—словно фараона съ его воинствомъ въ Черное море... Сказано бо въ писаніи: «и истрясе Господь египтяне посреди моря, и покры вода всадники и колесницы, и всю силу фараонову».

— Такъ, такъ,—задумчиво проговорилъ «учитель»—Ну, и что же?—обратился онъ къ Непомнящему.

— Чего-жъ больше? Свейскимъ ратнымъ людямъ только и оставалось, что пристрѣливать въ водѣ гусей да лебедей нашихъ.

— А что въ Москвѣ было, какъ дошли туда слухи о ругодевскомъ побоищѣ!—снова заговорилъ Ермилушка, понявъ, что теперь пришла его очередь рисоваться.

— А что?—полюбопытствовалъ «учитель».

— Да вотъ я вамъ сейчасъ разскажу и покажу,—отвѣчалъ странникъ.—А подай-ка мнѣ, Кирилушка, святое евангеліе.

«Учитель» всталъ и взялъ съ аналоя евангеліе.

— Разверни отъ Іоанна главу осьмую-на-десять,—многозначительно сказалъ странникъ.

— Ну, развернулъ... Что за симъ?

— За симъ отыщи стихъ двадесять пятый. Что сей стихъ глаголетъ?

— «Бѣ же Симонъ Петръ стоя и грѣяся»...

— Такъ, такъ... это на дворѣ первосвященника Анны, куда привели Господа нашего связана, а Петръ вошелъ за нимъ и сталъ грѣться у огня; бѣ бо зима...

— Ну, что-жъ?—нетерпѣливо спросилъ «учитель».—Мы это давно знали, еще съ дѣтства.

— Такъ,—невозмутимо подтвердилъ Ермилушка.—А теперь, другъ мой, разверни отъ Матѳея главу двадесять-шестую.

— Ну, развернулъ... Да не томи ты насъ... Чего еще?

— Прочти теперь стихъ сея главы послѣдній.

— Ну... что его читать? Всѣ знаютъ, какъ Петръ вспомнилъ предсказаніе Христа, что онъ отречется отъ него...

— Такъ, точно... И исшедъ вонъ, плакася горько.

— Что-жъ изъ этого?

Странникъ молча всталъ, взялъ съ лавки свою походную котомку, долго рылся въ ней и, наконецъ, вынулъ оттуда что-то небольшое, завернутое въ бумажку. Не торопясь, развернулъ онъ бумажку, вынулъ изъ нея что-то въ родѣ крупной монеты и торжественно положилъ на столъ.

Всѣ обступили это нѣчто.

— Гривна—не гривна, алтынъ—не алтынъ,—говорили нѣкоторые.

— А это что на немъ? Кажись, городъ.

— Точно, городъ... А въ него изъ пушекъ стрѣляютъ... Ишь какой огонь!.. Да это, поди, Ругодевъ.

— А вотъ кто-то на огнѣ руки грѣетъ... И что-то подписано... Ну, грамотѣи, прочтите, что тамъ написано?

— «Бѣ же Петръ стоя и грѣяся»,—прочелъ «учитель».

Онъ начиналъ догадываться и посмотрѣлъ на странника. Ермилъ молчалъ. Скитники переглядывались, не понимая, что это и къ чему.

— Такъ это онъ? — улыбнулся «учитель». — «Стоя и грѣяся»... Ловко!..

— А переверни,—невозмутимо сказалъ странникъ.

«Учитель» перевернулъ монету.

— Вишь, солдаты бѣгутъ,—замѣтилъ кто-то.

— Такъ, такъ... это наши отъ Ругодева улепетываютъ.

— И точно, наши, наши... Ну, подвелъ! Вотъ такъ алтынъ!

— А кто впереди всѣхъ лататы правитъ и ширинкой слезы утираетъ.

— Да и шапка съ головы свалилась, и саблю потерялъ... Ну, и храбрецъ же!

— Ишь заливается горючими слезами, бѣдный.

— Ахъ, братцы, да это самъ онъ!

— Ой ли! Вотъ загогулину заганулъ!

— Да и подписано: «и исшедъ вонъ, плакася горько», прочелъ «учитель».—Ну, да и злая же издѣвка! И кто такую издѣвку сотворилъ? Не иначе, поди, какъ на монетномъ дворѣ.

Странникъ торжествующе улыбался. Онъ всѣхъ доѣхалъ своей «гривной», которая оказалась сильнѣе «пупа земли» и занятнѣе бѣсовскаго хвоста, опаленнаго четверговою свѣчей.

— И гдѣ ты, Ермилушка, раздобылъ такое добро?

— Нашлись на Москвѣ такіе милостивцы,—уклончиво отвѣчалъ ханжа.

— Ловко, ловко... Злокозненно загнули батюшкѣ, — задумчиво качалъ головою «учитель».

— Да, угобзили,—самодовольно улыбался бродяга.—Ляд-вея его наполнишася поруганія...

Скитники ахали, смѣялись, разсматривая медаль *).

---

*) Такая кощунственная медаль, дѣйствительно, была вычеканена врагами великаго преобразователя.

Въ это время въ моленную стремительно вбѣжала хорошенькая дѣвочка лѣтъ четырнадцати, съ громадною русою косою до пятъ и съ букетомъ изъ фіалокъ въ рукахъ.

— Ахъ, батя, смотри, какіе цвѣтики! Это я со старицами ходила по пруточки для плетушекъ и нарвала,—защебетала она, но, увидѣвъ незнакомыхъ людей, разомъ осѣклась.

— Ахъ ты, моя птичка-щебетунья!—съ нѣжностью погладилъ ее по головкѣ «учитель».

XI.

Въ послѣднюю четверть XVII и въ въ первой половинѣ XVIII столѣтія Россія представляла изъ себя гигантскій потревоженный муравейникъ. Пришли какіе-то люди, стали копаться въ муравейникѣ, разбросали муравьиное добро, «яйца муравьиныя» (личинки), передавили немало муравьевъ, напугали ихъ и пережгли многихъ брошенными въ ихъ исконное жилище горящими «сѣрниками», и вотъ муравьи разбрелись во всѣ концы необозримой страны своей, преимущественно на окраины и въ дремучіе лѣса, гдѣ и заложили себѣ новые муравейники и слились съ тѣми, которые существовали тамъ отъ сѣдой старины и въ которые какіе-то «новые люди» не бросали еще горящихъ «сѣрниковъ».

Потревоженные муравьи эти и были такъ называемые «старовѣры», люди старой Руси, которыхъ назвали «раскольниками». Этихъ муравьевъ было страшно много, несравненно больше, чѣмъ тѣхъ, которые разрывали ихъ муравейники и бросали въ нихъ горящіе «сѣрники».

По всему теченію Волги, Двины, Дона, Яика-Урала и ихъ безчисленныхъ притоковъ, и даже по великимъ сибирскимъ рѣкамъ, въ несмѣтномъ количествѣ кишѣли эти муравейники. Одинъ изъ могучихъ муравейниковъ засѣлъ и въ лѣсахъ по рѣчкѣ Керженцу.

— Да, ежели бы я собралъ всѣ свои рати, ратничковъ Христовыхъ, съ Волги, Дону, Яика да и московскихъ воевъ своихъ, то мы бы всѣ е г о полки, и съ нѣмцами, шапками закидали и лаптями притоптали,—говорилъ Непомнящему керженскій «учитель» Кириллъ,—да только нашъ Христосъ сказалъ: «обнаживый мечъ, мечемъ погибнетъ».

— Точно... Лапти и онучи на Руси сила,—иронически согласился Непомнящій и игриво проговорилъ нараспѣвъ:

Лапоточки мои—рыта бархату,
Вы, онучки мои—объярь алая!

А въ это время Ермилушка какъ сыръ въ маслѣ катался въ женскомъ скиту Керженца. Туда притащила его большекосая Фимочка, которая только что выскочила передъ читателемъ въ предыдущей главѣ, дочка керженскаго «учителя» и «столпа»—Кирила.

«Старицы»—старыя и молоденькія, въ родѣ Фимочки, не знали куда посадить и чѣмъ накормить «свѣтика» Ермилушку. Бабье, засѣвшее въ медвѣжьемъ углу Керженца, удаленное отъ жизни, ото всего міра, не удовлетворенное тѣмъ, что могла дать «вольная» жизнь, изнывало до истерики, до кликушества послушать розсказней всесвѣтнаго бродяги и враля по профессіи. Какъ же не послушать о «пупѣ земли», что это за «пупъ» такой? А «бѣсъ» въ лаптѣ у Ермилушки?

— Не перекрестилъ я однова обувь свою, а бѣсъ и забсрись въ лапотокъ мой, и грызетъ- тамъ онучку, словно бы мышонокъ махонькій, въ образѣ мышьемъ... Я его, голубчика, и застукалъ тамъ крестомъ святымъ, да за хвостъ...

— Охъ, дѣдушка!—испуганно воскликнула Фимочка. — И тебѣ не страшно было?

— Чего-жъ страшиться, дѣвоньки? А крестъ на что? Да если крестъ, да съ вѣрою, такъ и горами ворочать можно.

— И ты, дѣдушка, ворочалъ?—Фимочка такъ и ѣла глазами враля.

— Ворочалъ, дитятко.

Фимочка даже подскочила.—Ахъ, дѣдушка, разскажи, какъ это было.

— Да такъ, ласточка: иду я однова къ святымъ мѣстамъ черезъ Европію.

— А что это такое Европія, дѣдушка?

— Это, голубка, страна такая еѳіопская, а въ ней все еѳіопъ на еѳіопѣ, черны, какъ уголь... Вотъ иду я, дѣвынька, по этой по Европіи, на райскія древа любуюсь да хвалю Господа, коли гляжу, предо мною превысоченная гора, путь мнѣ преграждаетъ... Какъ, думаю, перебраться чрезъ сію гору? А ноги мои старыя

отъ пути угомились... Я и училъ молиться съ вѣрою... Молюсь, молюсь, а самъ плачу... И что-жъ бы ты, ягодка, думала!.. Гляжу я, старый песъ, а гора тихонько-тихонько и стала двигаться, все такъ помаленечку, вправо, все вправо да вправо, да и остановилась въ сторонкѣ.. Дорожку-ту мнѣ очистила, ну, я съ молитвою и прошелъ, славословя Господа... Коли оглядываюсь, а гора-то-тукъ-тукъ, тукъ-тукъ, тукъ-тукъ, и стала на мѣсто свое прежнее.

— Хорошо святому человѣку на землѣ,—благоговѣйно шептали «старицы», творя крестное знаменіе.

А Фимочка не унималась, сгорая любопытствомъ.

— А ты, дѣдочка, не досказалъ о бѣсѣ-то, котораго у себя въ лаптѣ пымалъ, что твою опучку грызъ... Ты его за хвостъ... бррь!

— За хвостъ да кошкѣ.

— И кошка съѣла?

— Нѣтъ, ласточка, бѣса кошка не возьметъ... А я только его кошкѣ бросилъ, чтобы бѣсъ посрамленъ былъ.

— И онъ убѣжалъ?

— Нѣтъ! Шалишь!.. Я его, молодца, въ шапку, да шапку перекрестилъ, а черезъ крестъ ему не пересигнуть, ни-ни! Вотъ я взялъ тогда шапку, да къ князь-кесарю Ромодановскому, сатанину клеврету, да того бѣса ему въ табачницу и посадилъ... А бѣсъ во какъ любитъ табакъ! Какъ нюхнулъ этта Ромодановскій, бѣсъ и вскочи въ него чрезъ лѣвую ноздрю, правой бѣсъ не любитъ, ничего онъ праваго не любитъ, ягодка.

— Ну?—вся горѣла отъ любопытства Фимочка.

— И посейчасъ онъ сидитъ въ емъ и мудритъ на пагубу людемъ.

— А чѣмъ же ты, дѣдушка, кормился, когда по Европіи шелъ?

— Именемъ Христовымъ... Еѳіопы кормили.

— Еѳіопы! А они добрые?

— Для кого, ягодка.

— А какъ же ты съ еѳіопами говорилъ?

— По-еѳіопски, дѣточка.

— А ты по-еѳіопски умѣешь?

— Умѣю, голубка, и по-нѣмецки умѣю.

— А ну, дѣдочекъ, заговори маленечко по-еѳіопски, заговори, золотой! А мы послушаемъ... Ахъ, дѣдушка! Научи и

меня по-еѳіопски и по-нѣмецки, и по всякому... Я все, все хочу знать и видѣть, какъ и ты же...

Это въ керженскомъ скиту просыпалась будущая наша курсистка... «Все хочу знать, все хочу видѣть»... А ее держали въ скиту со «старицами», а мать и бабушка ея сидѣли въ терему, тотъ же скитъ.... А онъ, котораго муравьи-скитники проклинали, котораго считали антихристомъ, уже собирался прорубить окна изъ теремовъ прямо въ «Европію», гдѣ, по увѣренію Ермилушки, Магницкаго того времени, жили еѳіопы.

Фимочка была ненасытна. Ей хотѣлось и «все знать», и говорить по-еѳіопски. «Старицы» не могли надышаться на это живое, полное жизненнаго огня, существо, эту «непосѣду», вносившую свѣтъ солнца въ ихъ мрачную могилу. Молоденькія скитницы, напротивъ, завидовали ей, ея красотѣ, ея «трубчатой» невиданной косѣ, ея смѣлости и находчивости. Она одна теперь завладѣла общимъ ихъ утѣшеніемъ, Ермилушкой, и то дергала его за рукавъ, то заплетала ему крысиную косичку, то забиралась къ нему въ котомку... А теперь, на-поди! захотѣла говорить по-еѳіопски...

Но хитрый Ермилушка ловко увильнулъ отъ «Европіи» съ ея еѳіопами, съ которыми онъ былъ, на словахъ, за папибрата...

— А я вамъ, матери и сестрицы, принесъ поклонъ отъ старицы Елены,—вдругъ заговорилъ онъ.

— Отъ какой старицы Елены?—снова вмѣшалась егоза Фимочка.

— Отъ бывыя царицы Евдокеи Ѳедоровны, ягодка.

Фимочка сдѣлала большіе глаза:—Какъ же, дѣдушка? Для чего ты царицу старицей называешь?

— Да какъ же, ягодка? Вѣдь онъ-то развелся съ нею и постригъ ее, матушку, въ дѣвичъ монастырь, въ Суздалѣ. Я вотъ, идучи къ вамъ съ Москвы, и заходилъ къ ней въ Суздаль провѣдать матушку.

— И что жъ она, голубушка?—почти въ одинъ голосъ спросили скитницы.

— Убивается, во-какъ убивается, горемычная. А пуще за сыночкомъ тоскуетъ, за царевичемъ Алешенькой: не пущаютъ его къ ней.

— О-охъ, бѣдная! И сынка-то отнялъ, — сожалѣли скитницы.—Каково-то безъ родного дѣтища!

— Одно, говоритъ, у меня утѣшеніе, это ты, свѣтикъ Ермилушка,—хвастался бродяга. — Это мнѣ-то говоритъ матушка-царица. Да оно и не диво: то я ей, голубушкѣ, вѣсточку отъ сынка принесу, то благословеніе отъ святыхъ угодничковъ. Тѣмъ и живетъ... Ужъ такова, видно, ея планида.

— А что это такое планида, дѣдушка?—не вытерпѣла Фимочка.

— У всякаго, ягодка, своя планида.

— И у тебя своя планида есть, дѣдушка?

— Есть, ягодка.

— И у меня?..

— И у тебя, солнышко.

— Что-жъ это за планида такая, дѣдушка? Ангелъ, что ли?

— Нѣтъ, дѣвонька: это звѣзда такая планида. Ужъ зѣло хорошо объ сихъ планидахъ говорится въ божественной книгѣ, «Златый Бисеръ» глаголемой.

— Что-жъ тамъ говорится, дѣдушка?—не отставала Фимочка.

— А вотъ я прочту... Зѣло поучительно.

И старикъ всталъ, покопался въ своей котомкѣ и досталъ оттуда знакомую уже намъ рукописную книгу съ нелѣпыми разсказами обо всемъ.

— Вотъ въ главѣ сорокъ четвертой прописано о планидахъ,—продолжалъ онъ, развернувъ книгу.—Вотъ: «Понеже нѣкія планиды или звѣзды суть студены естествомъ, а нѣкія волглы естествомъ, то тѣ самыя естества пріемлетъ человѣкъ отъ звѣздъ: который человѣкъ студенаго и сухаго естества есть, той молчати любитъ и не скоро вѣритъ тому, что слышитъ, дондеже испытно уразумѣетъ. А который человѣкъ студенаго и волглаго естества, той, что ежели слышитъ, вскорѣ высказываетъ и много глаголетъ»...

— Это наша Фима,—ехидно замѣтила одна молоденькая, хорошенькая скитница, завидывавшая Фимочкѣ, общей любимицѣ.

— Ужъ ты, студеная и сухая!—огрызнулась Фимочка, — Молчала бы да слушала.

— Не ссорьтесь, сороки,—вмѣшалась старшая скитница.

— Чти, чти, Ермилушка,—послышалось со всѣхъ сторонъ.— Таково занятно объ этихъ планидахъ.

Фимочка и Луша недружелюбно смѣрили другъ дружку хорошенькими, недовольными глазами.

— Слушайте,—продолжалъ Ермилушка.—«А который горячаго и сухаго естества, той есть дерзъ руками и храбръ, и имать желаніе на многія жены»...

— Охъ, матушки!—всполошились нѣкоторыя скитницы изъ молодыхъ.

— Ну, вы, дѣвки!—погрозила старшая.

...«и имать желаніе на многія жены и зѣло непостояненъ въ любви»,—продолжалъ торжественно читать Ермилушка. — «Сего ради писаніе повѣдаетъ: еже планида Марсъ или рещи Арисъ горячаго и сухаго естества, то которая жена родится подъ тою планидою, и тая жена бываетъ дерза языкомъ и имать желаніе на многіе мужи»...

— Охъ, матушки! Страмъ какой!—возмутились скитницы.

— Ну-ну, дѣдушка, не слушай ихъ,—снова выскочила Фимочка.—Что еще тамъ говорится о планидахъ?

— А ты слушай, ягодка, и поучайся,—невозмутимо проговорилъ старикъ.—«И та жена зѣло непостоянна въ любви. А которая жена есть горячаго и волглаго естества, и та есть проста и милосерда, и замыслива, и зѣло къ похоти любива».

— А я, дѣдушка, котораго естества? — вдругъ выпалила Фимочка.

Старикъ уставился своими старческими глазами въ ясные глаза дѣвочки.

— Ты, ягодка, естества ангельскаго, — съ улыбкой проговорилъ онъ.—Вонъ изъ твоихъ чистыхъ глазокъ сами ангельчики выглядываютъ.

— Вовсе нѣтъ: она естества горячаго и сухого, — проворчала Луша,—она дерзка языкомъ и руками.

— Вотъ я тебя, злюка!—погрозилась на нее старшая скитница «матушка».—Тутъ святую книгу читаютъ, а она непутевыми рѣчами оскверняется... Смотри ты у меня!

Въ эту минуту надъ скитами разразился ударъ грома, первая весенняя гроза. Всѣ перекрестились... «Святъ, святъ, святъ!»

— Слышишь, непутевая! — погрозилась «матушка» на Лушу.

Всѣ притихли. Ударъ слѣдовалъ за ударомъ. Полилъ дождь.

— Господь благодать посылаетъ: хлѣбушка будетъ,—прервалъ молчаніе Ермилушка.—А то, поглядишь, вездѣ-то бѣднота, безхлѣбье. А ясакъ подавай ему, чтобъ было на что пушки лить да православный народъ губить. Вонъ нонѣ въ Новѣгородѣ и во Псковѣ церкви разрушаетъ да изъ церквей крѣпости строитъ...

Послышался испуганный шопотъ, вздохи... «Церкви разрушастъ!..»

— А со всей земли теперь колокола къ нему волокутъ, со всѣхъ церквей и монастырей, — продолжалъ смутьянъ-бродяга,—и изъ святыхъ-то колоколовъ пушки да мортиры льетъ!

Дождь, быстро налетѣвшій, также быстро затихалъ. Раскаты грома все становились глуше и умолкали въ отдаленіи.

— А съ чего, дѣдушка, это громъ бываетъ?—опять первая заговорила притихшая было и струхнувшая грозы Фимочка.

— Отъ Божья глагола, ягодка,—отвѣчалъ Ермилушка.

— Это у Бога гласъ такой?

— Глупенькая ты,—улыбнулся старикъ.—Вотъ послушай, что говоритъ о громѣ «Златый Бисеръ».

Дѣвочка такъ и просіяла. И всѣ лица оживились, кромѣ хорошенькаго личика обиженной Луши.

— Вотъ оно, — хлопнулъ старикъ пальцемъ по книгѣ. — «Егда четыре великіе вѣтры, по изволенію всесильнаго Бога, пріидутъ отъ моря и на высотѣ аерской вкупѣ сразятся, и изъ нихъ бываетъ на высотѣ бури толь великая, еже воздухъ растерзати, и егда убо воздухъ и огнь вкупѣ смѣсится, тогда бываетъ на воздусѣ стукъ великъ, еже мы слышимъ и на земли, и то есть громъ, и егда убо воздухъ разверзается отъ огня, сице стрѣляетъ той огнь долу, еже то есть громовыя стрѣлы, и егда тѣ стрѣлы пріидутъ на землю, обрѣтаются видомъ сѣры, пріемлюще отъ воздуха дебелость свою»,—безъ передышки прочиталъ скитскій профессоръ.

По смущенному личику Фимочки можно было догадаться, что она ничего не поняла, какъ ни утруждала свою хорошенькую головку. И остальная аудиторія только хлопала глазами, но показывала сосредоточенность и глубокое вниманіе. Да еще бы: такія страшныя слова: и «стрѣлы громовыя», и «дебелость», и «сразятся вѣтры на высотѣ аерской»... Склоненная головка Фимочки видимо мучилась, запутавшись въ неразрѣшимыхъ во-

просахъ. А спросить страшно: всѣ поняли, она только не поняла ничего... Еще дурочкой назовутъ, а эта злюка Лушка послѣ того проходу не дастъ...

Но была, не была! Она спроситъ... Пусть ихъ!

— Да нешто, дѣдушка, — робко заговорила она, — вѣтры тверды бываютъ, что они стукъ въ воздухѣ дѣлаютъ?.. Вѣдь воздухъ мягкій, вотъ!—И она махнула въ воздухѣ рукой.

Лица аудиторіи нѣсколько прояснились: вѣдь и онѣ такъ думаютъ, и нѣкоторые скептики тоже попробовали руками воздухъ, крѣпокъ ли онъ...

— А Богъ на что?—отвѣчалъ профессоръ авторитетно.— Онъ, Батюшка, и мягкое сдѣлаетъ твердымъ... Изъ воды ледъ дѣлаетъ.

Надо было удовлетвориться этимъ объясненіемъ. И всѣ опять пришли въ недоумѣніе. Фимочка даже вся раскраснѣлась отъ волненія.

— А какъ же огонь тамъ, дѣдушка, въ воздухѣ изъ вѣтра дѣлается?—съ отчаяніемъ спросила она.—Вѣдь тамъ, гдѣ тучи, тамъ мокро... А отъ мокраго огонь не горитъ.

Глаза «матушки», какъ и остальныхъ скитницъ, видимо, одобряли смѣлую дѣвочку. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, мокрое будетъ горѣть, когда тамъ ни дровъ, ни соломы нѣтъ?

— Мокро, ты говоришь, ягодка... Оно точно, что мокро,— видимо, путался самъ профессоръ.—А Господь на что?

Ну, это она и сама знала, что все Господь... А изъ воды все же огня не сдѣлаешь... Фимочка была совсѣмъ недовольна, даже надулась...

— Вотъ и «дебелость отъ воздуха», читалъ ты,—заговорила она уже задорнымъ тономъ. — Какая въ воздухѣ дебелость? Дунь, и ее нѣтъ... Вонъ къ намъ изъ сусѣдскаго скита приходитъ часто мать Серафима, и намедни была, такъ у нея, точно, дебелость, и всѣ ее называютъ дебелой матушкой...

Взрывъ хохота всей аудиторіи прервалъ ея разсужденія, такъ что дѣвочка даже растерялась: она говорила серьезно, и вдругъ всѣ смѣются. Она такъ смутилась, что въ ея ясныхъ, невинныхъ глазахъ показались даже слезы...

— Ахъ ты, ягодка моя!—засмѣялся и старикъ.—Подь ко мнѣ, я перекрещу тебя, золотую мою. Подь, золото!

XII.

На другой день Непомнящій, узнавъ, что Ермилушку Фимочка увела въ сосѣдній женскій скитъ къ дебелой матушкѣ, попросилъ скитскаго учителя Кирила въ моленную «для сокровенной бесѣды». Это удивило и смутило Кирила Андреевича, тѣмъ болѣе, что Непомнящій заговорилъ съ нимъ какимъ-то особеннымъ тономъ и хотя смотрѣлъ, повидимому, все тѣмъ же сѣрымъ мужикомъ, какимъ былъ и вчера, но въ глазахъ его и въ маперѣ говорить замѣчалось что-то новое. Когда они усѣлись, Непомнящій заговорилъ первый.

— Я, бояринъ, къ тебѣ посломъ,—сказалъ онъ просто.

При словѣ «бояринъ», Кирилъ Андреевичъ нѣсколько поблѣднѣлъ.

— Я не бояринъ, Микита, — глухо проговорилъ онъ, — я простой «трудникъ», ушедшій отъ мірскихъ соблазновъ... Ты видно опознался, добрый человѣкъ.

Непомнящій улыбнулся, но добродушно.

— Вижу, бояринъ, что ты былъ хорошимъ ученикомъ братьевъ Лихудовъ,—продолжалъ онъ улыбаться. –Si quid fecisti, nega,—вдругъ сказалъ онъ по-латыни.

Лицо Кирила Андреевича выразило больше чѣмъ изумленіе.

— Вижу и то, бояринъ, что ты уразумѣлъ мою латынь,— продолжалъ Непомнящій.—Но ты зла никому, кромѣ себя и Фимочки, не содѣялъ, того ради тебѣ и «negare» не подобаетъ, кольми паче съ глазу на глазъ.

— Но чего тебѣ отъ меня нужно? Невѣдомо, кто ты такой!—съ трудомъ проговорилъ, наконецъ, Кирилъ Андреевичъ.

— Я принесъ тебѣ утѣшеніе, бояринъ, а ты смотришь на меня, яко на татя и душегубца,—все такъ же добродушно отвѣчалъ Непомнящій.—А твоя душа жаждетъ утѣшенія, аки манны небесной... Самъ по себѣ, бояринъ, вѣдаю я, купно съ вѣдомымъ и тебѣ Дантою, яко—

Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria...

— А твоя душа, бояринъ, въ великой мизеріи обрѣтается послѣ того, что нѣкогда у тебя было... Скорбитъ?

— Я не скорблю ни о чемъ, окромя грѣховъ своихъ,—тихо отвѣчалъ Кирилъ Андреевичъ, подавленный чѣмъ-то невѣдомымъ, чего онъ никакъ не могъ понять.—Не постигаю я тебя, человѣче!

Онъ какъ-то безпомощно поглядѣлъ въ окно. Непомнящій замѣтилъ это и улыбнулся.

— Ты смотришь, воинъ Христовъ, не идутъ ли твои соратнички, чтобы схватить меня,—сказалъ онъ.—Я самъ знаю, что въ берлогу медвѣдя съ голыми руками входить не подобаетъ.

— Что-жъ, ты подосланъ кѣмъ или прямо отъ т о г о, кого здѣсь не именуютъ его именемъ и титломъ?—сурово спросилъ Кирилъ Андреевичъ.

— Ты угадалъ, бояринъ: я подосланъ, токмо не и м ъ и съ доброю мыслію... Нешто невѣдомо тебѣ, что хотя у Ермила въ головѣ и не всѣ дома, языкъ же его самъ не вѣдаетъ, что глаголетъ, токмо тебя онъ не выдастъ... Онъ клятвою утвердитъ, будто ѣздилъ верхомъ на бѣсѣ, либо стучалъ клюкою своей ко врата адовы; а ежели бы спросили его, гдѣ ты, бояринъ, обрѣтаешься, онъ сказалъ бы, что у Христа за пазухой, и на самой плахѣ не отрекся бы отъ своихъ словъ... А онъ, дурашка Ермилъ, самъ привелъ меня къ тебѣ, токмо не вѣдаетъ, что я посломъ къ тебѣ отъ твоего сына...

Кирилъ Андреевичъ вскочилъ, точно его что подбросило.

— У меня нѣту сына!—сурово сказалъ онъ.

— Ясенъ для меня гнѣвъ твой, бояринъ,—спокойно вымолвилъ Непомнящій.—Того ради ты не признаешь его за сына, что онъ т о м у служитъ?

— У меня нѣтъ сына и не было!—упрямо повторилъ учитель.

Непомнящій молча разстегнулъ чапанъ и воротъ рубахи, и снялъ съ груди своей дорогой тѣльный крестъ.

— Узнаешь сей крестъ? — спросилъ онъ, подавая его «учителю».

Послѣдній, видимо, смутился и долго глядѣлъ на крестъ глазами, въ которыхъ замѣтна была скорбь.

— Узнаешь?—снова спросилъ Непомнящій.

— Нѣтъ,—было отвѣтомъ.—Да крестъ, я чаю, можно снять съ любого мертвеца.

— Ну, упрямъ же ты, бояринъ!—засмѣялся Непомнящій.—

Тебѣ, вижу, для вѣрности, подавай письмо... А кто же въ нынѣшнее время такія съ мертвой головой письма при себѣ носитъ? Таковыя писанія, самъ вѣдаешь, бояринъ, находка для князь-кесаря: таковыя онъ любитъ читать въ преображенскомъ застѣнкѣ и припечатываетъ мертвою головой «memento mori».

— Кто-жъ ты, бѣсъ, что ли, полуденный?—не могъ не разсмѣяться Кирилъ Андреевичъ при всемъ своемъ волненіи. — Ужъ и впрямь не на тебѣ ли, бѣсѣ, Ермилушка верхомъ леталъ на «пупъ земли», а вчера на тебѣ же сюда прилетѣлъ? И латынью-то ты, что горохомъ, сыплешь, и любимыя мои Дантовы реченія мнѣ на память приводишь... Да кто-жъ ты, человѣче?

— Бѣсъ полуденный, самъ говоришь... На мнѣ-то и летаетъ дурачекъ Ермилъ. На мнѣ онъ подъѣзжалъ и къ «вратамъ адовымъ», на коихъ написано «Lasciate ogni speranza voi ch'entrate»... Токмо Ермилушка, кромѣ «Златаго Бисера», ничесо читати возможетъ.

— Ну, добилъ ты меня, бѣсе, совсѣмъ добилъ,—покачалъ головою Кирилъ Андреевичъ. — Вижу самъ, что изъ твоихъ бѣсовскихъ сѣтей мнѣ не выпутаться, да и я тебя жива отъ себя не выпущу, нѣтъ! Такъ ужъ, несъ съ тобой, разсказывай, что знаешь.

Онъ заперъ крестъ подъ крышку аналоя и сѣлъ.

— Что тебѣ вѣдомо о твоемъ сынѣ?—спросилъ Непомнящій.

— Ничего не вѣдомо... Знаю только то, чему самъ былъ свидѣтелемъ: передъ послѣдней стрѣлецкой смутой, онъ услалъ его съ прочими боярскими дѣтьми въ чужія страны навигаторскому мастерству учиться. Съ той поры словно въ воду канулъ, и живъ ли, нѣтъ ли, ничего не вѣдаю,—закончилъ «учитель» со вздохомъ.

— Живъ и въ большихъ чинахъ,—сказалъ Непомнящій.

— Гдѣ-жъ онъ? На Москвѣ или все еще за моремъ?

— За моремъ, въ Цареградѣ.

— А знаетъ, что я живъ?

— Знаетъ, потому и послалъ къ тебѣ.

— А отъ кого узналъ?

— Отъ твоего бывшаго домоправителя, чрезъ одну черничку, что знала тебя и была къ тебѣ вхожа въ Москвѣ. Только почему-жъ домоправитель не освѣдомилъ о томъ Ермила?—удивился Непомнящій.

— Ермилъ въ нѣтѣхъ все это время обрѣтался; его тотъ искалъ, провѣдавши отъ сынка, что Ермила жаловала царица, а сынку онъ набивалъ головенку «Златымъ Бисеромъ». А тотъ адомъ дышетъ на таковыя древнія бредни. Ему подавай геометрію да навигацію... Такъ Ермилъ и околачивался все это время либо у Макарья на Унжѣ, либо у тутошняго Макарья, у желтоводскаго. А чѣмъ ты Ермилку обвелъ, что онъ тебя провелъ ко мнѣ?

— Ермилку я обвелъ «сорочьимъ хвостомъ» — засмѣялся Непомнящій.—Ужъ ты, бояринъ, не гнѣвись на меня: я знаю, тебѣ все едино, троеперстное ли сложеніе, никоніанское, сирѣчь казенное, или «сорочій хвостъ» старовѣровъ. Богъ душу смотритъ, а не персты... Я какъ показалъ Ермилушкѣ «сорочій хвостъ», онъ и привелъ меня сюда, да не къ тебѣ, онъ и не зналъ, что я тебя ищу.

— Гдѣ-жъ ты сошелся съ Ермиломъ?

— Въ Нижнемъ.

— А нешто ты зналъ его допрежь того?

— Кто-жъ на Москвѣ Ермилушку да юродиваго Ѳомушку не знаетъ! Онъ на Москвѣ что царь-пушка и царь-колоколъ.

Оба собесѣдника разсмѣялись.

— По какому-жъ дѣлу былъ ты, бѣсе, въ Нижнемъ?—весело спросилъ Кириллъ Андреевичъ.

— По такому-жъ, какъ и здѣсь; по наказу твоего сынка... Въ Нижнемъ пребываетъ его красавица-женушка, а твоя невѣстушка.

Кирилъ Адреевичъ опять вскочилъ.

— Мой сынъ женатъ!

— Женатъ, а сватомъ у него былъ самъ тотъ!.. Такъ вотъ я и приносилъ поклонъ отъ муженька женѣ.

— Да откуда-жъ ты, бѣсъ полуденный, приволокъ этотъ поклонъ?

— Прямо изъ Цареграда.

— Фу ты, окаянный!—воскликнулъ «учитель», — да на тебя и пропасти нѣтъ! То ты въ Цареградѣ, то подъ Нарвой! Да ты, я вижу, пуще Ермилки врать мастеръ.

Онъ опять началъ сомнѣваться въ своемъ гостѣ.

— Какъ же ты попалъ въ Царьградъ и по какому такому

дѣлу?—спросилъ онъ снова, думая или уличить во лжи «бѣса», или узнать, наконецъ, его намѣренія.

— Въ Царьградъ я попалъ на томъ же кораблѣ, какъ и сынъ твой. Въ Воронежѣ мы и сошлись, когда онъ прибылъ изъ Венисеи. Тамъ его и женилъ самъ, благословлялъ святитель Митрофанъ.

— На комъ же женился Григорій?

— На дочери бывшаго орловскаго, а нонѣ нижегородскаго воеводы Измайлова. Григорій Кириловичъ зналъ свою невѣсту еще въ Виницеѣ, куда она была привезена изъ полону венисейскими корабельниками. Зимой эдакъ сыграли свадьбу, а ранней весной, съ первой полой водой, мы съ кораблемъ тронулись въ Турцію.

— Кто-жъ это мы-то?

— Знамо: самъ: — яко командиръ корабля «Апостолъ Петръ», а помощникомъ самого былъ твой сынъ.

— А ты-то чѣмъ же? Корабельной крысой?

— Ты угадалъ, бояринъ.

Удаленный отъ міра, какъ бы заживо погребенный въ керженскихъ лѣсахъ, скитскій «столпъ», который знавалъ когда-то и не такую жизнь, живо перенесся мыслью туда, гдѣ эта, столь не похожая на скитскую, жизнь била ключемъ и клокотала. Когда-то и онъ кипѣлъ въ этомъ ключѣ, и онъ волновался... А здѣсь только случайный налетъ этого ворона, Ермилушки, да его карканье и нарушали могильное однообразіе скитской жизни. Да и то его разсказы шевелили только бабьи муравейники... А этотъ «бѣсъ», подлинно «бѣсъ» соблазнитель, сатана евангельскій, который являлся когда-то и Христу въ пустынѣ и соблазнялъ, показывая ему «всѣ царства міра»... Не та ли же пустыня и здѣсь? Не эту ли «прекрасную мать-пустыню» воспѣваютъ старцы-скитники?.. Этотъ бѣсъ въ лаптяхъ и чапанѣ показываетъ и ему «всѣ царства міра».

— Ну, бѣсе, и плыли вы изъ Воронежа Дономъ?—прервалъ онъ свои думы.—И съ ратными людьми?

— А то какъ же? Мы рушили цѣлымъ караваномъ: девять кораблей съ дорогими мѣхами, съ чаемъ и рыбьимъ зубомъ для подарковъ знатнымъ пашамъ, двѣ галеры, два галіота, три бригантира и яхта. По всему Дону, изъ каждаго городка выходили

казаки и встрѣчали насъ пальбою изъ пушекъ и мелкаго ружья. Такъ мы дошли до Черкасска. Тамъ насъ встрѣтилъ самъ атаманъ казачій Фролъ Минаевъ...

— Я Фрола Минаева помню,—какъ бы про себя проговорилъ скитскій «учитель»;—мы вмѣстѣ тогда брали Азовъ... Постарѣлъ, поди?

— Нѣтъ; все еще лихой старикъ... Онъ присталъ къ нашему каравану съ четырьмя морскими стругами, и въ августѣ мы благополучно вышли въ Азовское море.

— Какъ вышли въ море! Нешто онъ удумалъ чинить промыслъ надъ самимъ Цареградомъ? — удивился Кирилъ Андреевичъ.

— Нѣтъ, бояринъ, онъ это снаряжалъ въ Царьградъ своихъ пословъ, Украинцева и Чередеева, а дабы турки не задержали ихъ при выходѣ въ Черное море, онъ и поѣхалъ со всею своею морскою силою проводить ихъ до Керчи. Дальше Керчи караванъ не пошелъ, а въ Керчи ждалъ пословъ турецкій приставъ.

— Что-жъ, пропустили въ море?

— Какъ не пропустить! На пристава и на керченскаго пашу заячій духъ напалъ, испужались. Зачѣмъ-де такая сила пришла?—А чтобъ васъ постращать, говоритъ Украинцевъ чрезъ толмача.—А приставъ говоритъ:—поѣзжайте-де въ Царьградъ сухопутью—на Крымъ и Буджаки.—По указу великаго государя,—отвѣтъ держитъ Украинцевъ,—велѣно намъ моремъ на кораблѣ царскаго величества, а сухимъ путемъ ѣхать намъ не велѣно, да и не для чего, потому-де, что тотъ путь въ дальнемъ разстояніи. Видно-де ты, приставъ, хочешь везти насъ чрезъ Крымъ для какого-нибудь вымысла, только намъ черезъ Крымъ ѣхать не для чего и до хана крымскаго никакого дѣла-де намъ нѣтъ, говорить-де съ нимъ не о чемъ.—А приставъ свое, стращаетъ:—Видно-де, вы Чернаго моря не знаете, каково оно бываетъ съ 15-го августа, не напрасно-де дано ему имя Черное: бываютъ-де на немъ во время нужды черны сердца человѣческія.—А Украинцевъ на сіе:—Полагаемся-де на волю Божію, а сухимъ путемъ не поѣдемъ.

— Ну, и правъ же былъ приставъ,—сказалъ, помолчавъ, Непомнящій.—Черны были наши сердца въ морѣ!

XIII.

Кириллъ Андреевичъ долго, въ глубокомъ раздумьѣ, ходилъ по моленной. Нѣсколько разъ вынималъ онъ изъ аналоя крестъ, для чего-то присланный ему сыномъ. Иногда исподлобья пытливо взглядывалъ на «бѣса.

— Не пойму я тебя,—сказалъ онъ, наконецъ, останавливаясь.—Для чего ты въ прятки со мной играешь. Вижу, что тебѣ многое вѣдомо, бывалый ты человѣкъ. Но скажи на милость: для чего ты пришелъ ко мнѣ? Съ какою мыслью? Для чего принесъ крестъ отъ сына?

— Для того, чтобы ты повѣрилъ мнѣ,—отвѣчалъ Непомнящій тономъ, въ которомъ уже не звучали ни ироніа, ни задоръ, а скорѣе слышалось что-то вродѣ тоски.

— Ну, я вѣрю... Но все-жъ ничего не пойму, омутъ какой-то въ твоей душѣ, тьма кромѣшная.

— Ты угадалъ, бояринъ, истинно въ душѣ моей омутъ и тьма кромѣшная... Я всю мою горькую жизнь ищу Бога, того дивнаго Бога, которымъ до ужаса преисполнена душа моя, который нисходитъ къ намъ въ громахъ небесныхъ и зритъ на насъ, смрадныхъ, изъ разверстой чашечки каждаго крина сельнаго, его же Онъ облачаетъ въ ризы, каковыхъ не сподобился Соломонъ во всей славѣ своей... Я всюду ищу Его, всюду!.. Я мнилъ найти Его въ Римѣ у тѣхъ, кои кощунственно дерзаютъ именовать себя Его намѣстниками на землѣ, и зрѣлъ единъ развратъ роскоши, блиставшій въ золотыхъ каретахъ гнусныхъ намѣстниковъ Того, коему негдѣ было дивную главу свою приклонить... О, Господи! Господинъ мой, Господинъ вселенныя! Холопи Твои, лицемѣрные раби Твои, пожираютъ кровавый потъ народовъ, а Ты, о, Непостижимый! Ты и Твои ученицы претирали въ святыхъ дланяхъ своихъ колосья съ чужой нивы и тѣмъ утоляли священный гладъ свой!.. Сіи гнусные лицемѣры шествуютъ въ храмъ Твой, носимые подъ златыми балдахинами, а Твою дивную, непокрытую главу палило знойное солнце Палестины, солнце, которое Ты же всемогущею десницею Твоею бросилъ въ пространство вселенной, да свѣтитъ оно и грѣетъ теплотою своею бѣдную, жалкую, о, какую жалкую, землю.

Непомнящій остановился. Онъ, казалось, не сознавалъ, что съ нимъ, гдѣ онъ. Въ глубокомъ смущеніи глядѣлъ на него

Кириллъ Андреевичъ, не вѣря ни слуху своему, ни зрѣнію, тотъ ли это, что былъ вчера? А тотъ снова заговорилъ:

— Воротись назадъ, домой! вопіяла душа моя смущенная,—продолжалъ онъ.—Гдѣ Ты, Богъ мой! Гдѣ Ты, Господи! вопіяла душа моя, вся исходя слезами... И что же? Бѣдные, бѣдные невѣдники! Они вмѣстили Его, Его же не можетъ вмѣстить вся вселенная, Ему же нѣсть ни долготы мѣста, ни долготы времени,—Его они вмѣстили въ «два перста» да въ «три перста»: тѣ въ «сорочій хвостъ», сіи въ «табачную щепоть»... Гдѣ Его божественная книга, гдѣ Его святіи ученицы? Первую замѣнилъ огнь костровъ, вторыхъ кнутъ!

— Время высшаго книжнаго наученія, послѣ греко-латынской школы Лихудовъ, провелъ я въ Италіи, среди великихъ учителей,—продолжалъ онъ, нѣсколько успокоившись. — Аки губка, аки растрескавшаяся отъ зноя земля, впитывалъ я въ себя римскую премудрость, не замѣчая, что купно съ елеемъ познанія истины я, статься можетъ, всасывалъ въ себя и ядовитую слюну ехидны, ядъ сомнѣнія. И въ тѣ поры я искалъ прибѣжища смущенному духу моему, равно и разуму, въ единой божественной книгѣ, въ Его книгѣ. И въ тѣ поры и сердце, и разумъ мои говорили: книга Его кощунственно попрана нарочито тѣми, кои устами своими лицемѣрно ее благовѣствуютъ, дѣлами же своими наглостно глумятся надъ нею и надъ заповѣдями Того, словесъ Котораго «всему міру не вмѣстити».

Бояринъ-скитникъ, слушая эту страстную, нервную рѣчь, не могъ не чувствовать, что она его глубоко потрясаетъ своею правдою. Развѣ онъ, живя въ мірѣ, въ самомъ коловоротѣ общественной и государственной жизни, не видѣлъ самъ, что «божественная книга», о которой говорилъ этотъ странный энтузіастъ, дѣйствительно, забыта, хотя на нее постоянно, съ наглымъ лицемѣріемъ, всѣ ссылались, ее торжественно читали народу въ поученіе и назиданіе, а поступали съ глубочайшимъ цинизмомъ, какъ разъ противъ ея дивныхъ завѣтовъ? Онъ видѣлъ вездѣ, что жизнь, руководимая все тѣми же «фарисеями», о которыхъ говоритъ книга, нагло издѣвается надъ ея святыми словами.

— Чесо же ради и кого ради совершилось то великое, до трепета всей земли великое и страшное дѣло на той горѣ, облобызать которую рвалась всю жизнь душа моя, сжели міръ не принялъ сея до ужаса великой жертвы?—какъ бы угадавъ

мысль боярина-скитника, продолжалъ странный человѣкъ.—О, стократы было бы лучше, ежели бы не было того, что тогда было! Чесо ради, для кого сошелъ Онъ на землю? Не сойди Онъ въ міръ, міръ бы былъ менѣе преступенъ, ибо онъ не зналъ бы Его. А теперь, познавъ Его, міръ является въ глазахъ Его стократы преступнѣе, чѣмъ былъ прежде... Тогда Его заушали и тростію по божественной главѣ били только невѣдники, ослѣпляемые фарисеями, а нынѣ терзаетъ весь міръ, вся земля, на которую сходилъ и которую всю потрясъ своею смертью на горѣ!

— И вотъ я пришелъ нынѣ сюда, въ сію дебрю лѣсную,— продолжалъ Непомнящій, глядя въ окно на вершины сосенъ, виднѣвшіяся за частоколомъ скита,—слышалъ я, что здѣсь не заушаютъ Его, и пришелъ сюда.

— Но какъ ты спознался съ моимъ Григоріемъ?—спросилъ бояринъ-скитникъ, видя, что Непомнящій замолчалъ и видимо углубился въ свои думы.—Ты мнѣ доселѣ не сказалъ.

— Долга сказка, бояринъ, — отвѣчалъ тотъ, отходя отъ окна.—Двѣнадцать съ немалымъ лѣтъ тому назадъ, отправился я съ своимъ бывшимъ учителемъ, съ Іоанникіемъ Лихудою, въ Венецею. Тамъ, равно и въ Римѣ, я учился прилежно, забываючи все на свѣтѣ, иногда даже и самую ѣду. Въ тѣ поры я и свелъ тамъ знакомство съ учеными латынянами, и у насъ велись толки и пренія о вѣрѣ. Они, само собой, хвалили свою римскую вѣру. Я и пыталъ ихъ: чѣмъ-де ваша римская папежская вѣра лучше нашей греческой? Они на сіе отвѣтствовали мнѣ, что и латынская, и греческая-де вѣра равны, да только въ римской церкви ксенжи и прелаты ихъ ученѣе нашихъ поповъ и архіереевъ. Оно и правда: гдѣ, къ примѣру, нашимъ святителямъ хотя бы до латынянина Антонія Падвіянина, изъ города Падуи, либо до Бернарда изъ Бресчіи? Вотъ я и ушелъ всей душою въ латынскую ученость. Много она просвѣтила мой умъ, многому научила, чего нѣтъ въ нашихъ книгахъ. Я ходилъ, точно новымъ божественнымъ свѣтомъ осіянный. На многое открылись мои слѣпотствующія очи. Я уразумѣлъ, что и латыняне, и польскіе ляхи, и литва братья намъ, а не псы смердящіе, какъ на Москвѣ думаютъ. Мнилось мнѣ, что я паки народился на свѣтъ и что сила Вышняго вдохнула въ меня новую душу живу. И сталъ я тосковать на чужой сторонѣ: Русь вспомнилась, Москва далекая: захотѣлось мнѣ и съ роди-

пою подѣлиться сокровищами, кои пріобрѣлъ я, не хотѣлъ я зарывать въ землю талантовъ, аки рабъ лѣнивый. И вотъ воротился я въ Москву не какъ блудный сынъ, а какъ виноградарь, обновившій и расширившій вертоградъ свой духовный. Въ Москвѣ посвятили меня въ діаконы въ Петропавловскій соборъ. О, Москва косная! Она увидѣла во мнѣ не пастыря душъ, а волка въ стадѣ, потому точію, что сей волкъ глубже разумѣлъ Бога, чѣмъ оные московскіе невѣдники, низведшіе Творца вселенной съ Его непостижимаго престола и думавшіе свести все пространство и время на три пальца! И посыпались на меня ябеды и извѣты. Въ доносахъ обвиняли меня за то, что я «зѣло слезно разлучился» съ іезуитами, съ моими друзьями, коихъ изгоняли изъ Москвы, точно грѣхъ великій плакать о друзьяхъ, когда Тотъ сказалъ: «любите враги ваша». Доносили, что я «ношу на себѣ вмѣсто животворящаго креста мошонку, а въ ней образокъ латынина Антонія Падвіянина, еретика суща». Измыслили на меня, будто я освященный соборъ называю «заборомъ», который якобы «перескочить» похвалялся, будто патріарховъ называю «потеряхами», которые истинную вѣру «потеряли»...

Бояринъ-скитникъ, при послѣднихъ словахъ, разсмѣялся

— Придумали же: «потеряхи»... Оно точно: и вѣрующихъ своихъ, паству свою, по лѣсамъ и дебрямъ растеряли,—сказалъ онъ.—Ну? И что жъ доносители твои, утопили тебя въ своихъ помояхъ?

— Какъ не утопить? Патріархъ Андріанъ, что мочалка: его напугали моимъ «патиномыслимымъ злочестіемъ», «недугомъ латинства», «западною пропастью», въ которую, якобы, я хочу низринуть русскій народъ... Ну, на соборѣ меня и разстригли...

— Не перескочилъ ты, стало быть, «забора»?

— Не перескочилъ... И сослали меня въ Холмогоры, къ архіепископу Афанасію, для увѣщаній... Смѣху достойно! Этого безграмотнаго невѣдника я реченіями моими приперъ къ стѣнѣ, такъ что онъ боялся самъ свалиться въ западную «пропасть» и настрочилъ къ патріарху: «цѣлихомъ Вавилона (это я-то Вавилонъ!) и не исцѣлѣ, но паче едва сами избавихомся богохранимо отъ сѣтей его»... Это келарь показывалъ мнѣ тайно сіе написаніе его.

— И что-жъ потомъ съ тобой сдѣлали?—спросилъ бояринъ-скитникъ.

— Я бѣжалъ отъ архіепископа,—отвѣчалъ Непомнящій.— И засѣло тогда въ мое сердце помышленіе удалиться въ Святую землю и исходить ее изъ конца въ конецъ, какъ исходилъ ее Христосъ. И провѣдалъ я, что онъ, котораго имени ты не произносишь, задумалъ послать въ Царьградъ посольство изъ Украинцева и Чередеева. Я и объявился къ Украинцеву, коему надобились толмачи для переговоровъ съ греками и латинами. Онъ меня и взялъ съ собою по знанію моему языковъ греческаго, латинскаго и итальянскаго. Такъ я и попалъ въ Воронежъ, гдѣ и познакомился съ Григоріемъ Кирилычемъ. Остальное ты знаешь.

— Что-жъ, удалось тебѣ потомъ въ Іерусалимѣ побывать?

— Богъ привелъ побывать... Когда переговоры съ турками затянулись, я и отпросился у Украинцева поклониться Гробу Господню и облобызать землю, по которой ступали Его божественныя ноги. На итальянскомъ кораблѣ я и отплылъ въ Палестину съ нѣкіими римскими паломниками. Въ Іоніи, сошедъ съ корабля, мы всѣ лобызали берегъ Святой земли, каменныя ступени, по коимъ восходятъ на берегъ. Но и въ Святой землѣ не обрѣла душа моя утѣшенія: святыя мѣста превращены въ торжища, въ базары. Священной Голгоѳы и слѣда не осталось: она срѣзана и сокрыта подъ алтарь... Пещера, гдѣ Онъ молился о чашѣ, выкроплена красною краскою, якобы то есть пречистая кровь Спасителя... Единый путь къ Іерихону и Іордану не тронули святотатственныя руки... Горная, пустынная, глухая-глухая дорожка, и мнѣ чудилось, что я вижу на ней слѣды божественныхъ ногъ Спасителя... Одна пустыня іорданская утѣшила мою скорбную душу: съ Сорокадневной горы глаза мои видѣли всю ту даль, которая разстилалась когда-то предъ Его божественными очами. Я пилъ тамъ воду изъ того источника, изъ котораго и Онъ пилъ... Я видѣлъ то солнце, которое палило въ пустынѣ Его главу, солнца не могли отдать на торжища!.. На томъ камнѣ, быть можетъ, Онъ сидѣлъ, обдумывая свой великій подвигъ, котораго не стоила жалкая, неблагодарная земля!

Слушая эту длинную исповѣдь скитальца, бояринъ-скитникъ не могъ не дивиться духовной силѣ этого человѣка, этому упорному исканію Бога, какъ онъ говорилъ. А вѣдь на видъ онъ казался еще не старымъ, далеко не старымъ. Правда, душевная борьба провела по его энергичному лицу рѣзкія мор-

щины, углубила въ орбитахъ его загоравшіеся огнемъ глаза, но ему было, повидимому, немногимъ болѣе тридцати лѣтъ, и, казалось, онъ обладалъ богатырской силой, а объ отвагѣ его и говорить нечего. Недаромъ съ одною заостренною дубиной онъ пошелъ на страшнаго медвѣдя.

— Изъ Іерусалима ты воротился опять въ Царьградъ?— несмѣло спросилъ бояринъ-скитникъ, какъ бы боясь разбередить какую-либо рану въ душѣ своего собесѣдника.

— Въ Царьградъ,—отвѣчалъ тотъ.—И тамъ мы съ твоимъ сыномъ порѣшили (душу свою я открылъ ему давно), чтобъ итти мнѣ искать моего Бога сюда, въ сію пустыню, гдѣ, быть можетъ, Его не заушаютъ простые люди... меня послали изъ Турціи съ гонцами толмачемъ... Тогда-то Григорій Кирилловичъ и далъ мнѣ свой крестъ... Я прибылъ въ Москву съ гонцами... Тамъ меня зачислили въ преображенцы и отправили съ прочими за свейскій рубежъ подъ Нарву... Остальное, бояринъ, ты знаешь... Уразумѣешь и то, что, когда меня силою принудили извлечь ножъ, какъ извлекъ его въ Геѳсиманскомъ саду Петръ, я и крикнулъ: «ребята, насъ продали!..» Я не могъ рѣзать ближнихъ и не хотѣлъ, чтобъ другіе творили то же... Пусть ужъ, думаю, грѣшатъ свеи съ ихъ Карломъ... «Ударятъ тебя въ ланиту, подставь другую»... «Не противься злу»... Настанетъ время, когда злые люди, что черви, сами пожрутъ себя, и на землѣ останутся одни добрые... Тогда Христосъ скажетъ: «не напрасна была смерть Моя крестная»..

На дворѣ показались Ермилушка и Фимочка.

— Не говори Ермилу того, что узналъ отъ меня,—тихо сказалъ Непомнящій,—все равно, онъ будетъ вѣрить только въ «Златый Бисеръ» и въ «двуперстное сложеніе»

XIV.

Непомнящій остался въ главномъ керженскомъ скиту у боярина-скитника. Послѣ тѣхъ жизненныхъ мытарствъ, черезъ которыя прошелъ онъ въ поискахъ своего безпокойнаго духа, послѣ страстныхъ увлеченій и, за ними, глубокихъ разочарованій, утомленная душа его искала хоть временнаго отдыха, успокоенія, забвенія. И ему казалось, что то, чего искалъ онъ, дастъ ему эта спокойная, равнодушная ко всему природа, та же

«Іорданская пустыня», давшая когда-то убѣжище Тому, который готовился къ истязаніямъ... Лѣсъ и лѣсъ, говоръ птицъ и насѣкомыхъ, лепетъ и шопотъ деревьевъ и тихое плесканье вотъ недалеко бѣгущаго Керженца, вотъ что пока убаюкивало его смущенную душу. Что ждетъ его дальше, чего опять потребуетъ его безпокойный умъ, онъ самъ не зналъ, да и не хотѣлъ знать. Какъ тяжко раненый, обезсиленный потерею крови, онъ хотѣлъ только одного—покоя. Надолго ли? Онъ не хотѣлъ загадывать: онъ такъ усталъ... душа устала!

Бояринъ-скитникъ отчасти понималъ его...—Взалкала душа покоя,—думалъ онъ,—мятежное житіе надломило богатыря, перегорѣлъ... Пущай, малость, пепломъ перекроется огонь сердца.

Непомнящій часто бродилъ въ уединеніи по лѣсу, смотрѣлъ на суетливыя движенія бѣлокъ на вѣтвяхъ сосенъ, по цѣлымъ часамъ наблюдалъ то неустанную работу муравьевъ въ своемъ царствѣ или плетеніе паукомъ своей предательской сѣти, то непрестанныя хлопоты золотистой иволги у своего висячаго гнѣзда, лучшаго гамака, какой могли бы соткать человѣческія руки. Часто сиживалъ онъ на берегу Керженца, невольно слѣдя за теченіемъ его струй или наблюдая за всплесками рыбы, играющей на поверхности воды. Мало-по-малу онъ сталъ потомъ входить въ житейскіе интересы скитниковъ, которые не сидѣли сложа руки. Около раскиданныхъ по лѣсу, у полянокъ и по чащамъ, отдѣльныхъ келій и въ самыхъ кельяхъ шла постоянная работа, для которой лѣса давали обильный матеріалъ. Старые и молодые, всѣ работали: тамъ стучалъ топоръ и визжала пила; въ другомъ мѣстѣ тесали и стругали. Деревянныя крестьянскія ложки, миски, чашки, солоницы съ вычурной рѣзьбой и крышками, ведра, корыта, кадки, лопаты, грабли, рѣшета, дуги, ободья, оглобли, оси, корзины изъ прутьевъ, доски для образовъ вмѣсто полотняныхъ подрамниковъ (прежде образа-иконы писались большею частью на гладко выструганныхъ доскахъ), все, что носило названіе «щепнаго», отчасти «горянскаго» товара, и сплавлялось въ низовые города вплоть до Астрахани и на Донъ, все это выходило изъ рукъ скитниковъ. Періодически въ скиты наѣзжали оптовые скупщики, «кулаки» и «сшибаи», закупали у нихъ щепной товаръ и отправляли его къ Макарью, къ устью Керженца... Непомнящій видѣлъ, что такимъ свободнымъ трудомъ наполнена вся жизнь

скитниковъ. Одного не видѣлъ онъ тутъ, начальства... Ни десятскихъ, ни сотниковъ, ни судей! Единственными начальниками и судьями, или просто почетными членами общины, были: въ мужскихъ скитахъ «учитель» Кирилъ Андреевичъ, въ женскихъ «матушки». Въ свободное время и въ праздники, грамотные скитники и «начетчики» читали часто велухъ, а неграмотные ихъ слушали. За книгами больше обращались къ «учителю», моленная котораго представляла нѣчто вродѣ общественной библіотеки. Непомнящій перерылъ ее всю.

— Да у тебя тутъ цѣлая вивліоѳика,—сказалъ онъ «учителю», роясь въ печатныхъ и рукописныхъ книгахъ и разныхъ «тетрадкахъ».

— Все, что по зубамъ моей паствы,—улыбнулся боярин-скитникъ.

«Псалтыри», «Псалтыри слѣдованныя», «Псалтыри учебныя», «Часословы», «Апостольники», «Парамоны старческіе», «Книги Ефремовы», «Соборники», «Служебники», «Канунники», «Буквари», «Апокалипсисы», «Книги Кирилла Іерусалимскаго», «Маргареты», это почти все, чѣмъ умственно питалась старая Русь, боявшаяся «западной прелести» пуще бѣса.

— Вонъ бѣса-то Ермилушка за хвостъ таскаетъ да въ загривокъ его, черпаго, крестомъ допекаетъ,—говорила Фимочкѣ мать Серафима «дебелая».—А отъ «западной прелести» ни крестомъ, ни пестомъ.

— А какая-жъ такая, матушка Серафима, «эта западная прелесть»?—спрашивала любопытная Фима.

— И-и, дѣвка! И не пытай!—отмахивалась «дебелая» матушка.

— И всѣ «западники» въ аду будутъ? — допытывалась Фима.

— Въ аду, въ аду, дѣвонька... Вонъ даве Ермилушка сказывалъ, самъ видѣлъ во Европіи: который «западникъ» умираетъ, а бѣсы ужъ вокругъ него съ крючьями стоятъ, а ангели стоятъ издалеча и плачутъ.

Фимочка дѣлала огромные глаза и все же не понимала, что это за «западники» такіе. Но тутъ ей помогъ Непомнящій. Отъ отца она знала, что этотъ задумчивый, молчаливый пришлецъ, который своимъ ядовито-ироническимъ разсказомъ о пораженіи самого подъ Нарвою такъ очаровалъ скитниковъ, бывалъ без-

дѣ и въ Италіи, и въ Венисѣ, и въ Царьградѣ, и даже въ Іерусалимѣ, а что всего ужаснѣе, былъ и въ самой Европіи, которая Фимочкѣ, со словъ Ермилушки, представлялась чѣмъ-то ужасающимъ, съ загорянами, еѳіопами и «западниками», около которыхъ стоятъ черти съ крючьями. Конечно, отецъ не все ей разсказалъ о пришельцѣ; но она знала, что онъ видѣлъ ея брата Гришу и принесъ отъ него крестъ; она знала также, что обо всемъ этомъ надо, однако, молчать, чтобъ никто изъ скитниковъ не зналъ того, что она знаетъ. Уже одиннадцатилѣтней дѣвочкой она умѣла молчать, какъ не умѣютъ иногда и большіе, и старые. Она помнила свое боярское житье въ Москвѣ и въ вотчинѣ; она извѣдала и роскошь, и полное довольство; но, тогда же условившись съ отцомъ молчать о подробностяхъ ихъ прежней жизни, она, при всей живости своего темперамента, въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ не обмолвилась никому ни единымъ словомъ о запретномъ прошломъ. Изъ ребенка выросла дѣвочка съ характеромъ, съ волей, умненькая, но наивная до смѣшного.

Вотъ она и зарядилась рѣшимостью все узнать о Европіи и о «западникахъ» отъ Непомнящаго, отъ «дяди» Микиты, какъ она его называла. Она къ нему уже успѣла привыкнуть и подружиться, что такъ легко дѣлается въ ея миломъ, довѣрчивомъ возрастѣ.

Однажды, повздоривъ изъ-за чего-то съ задорной Лушей, она пошла собирать «аленьки» и «лазоревы» цвѣточки и случайно набрела на Непомнящаго, который задумчиво сидѣлъ на берегу Керженца. Дѣвочка несмѣло подошла къ нему. По лицу ея и по тому, что она была одна (съ Лушей она была почти неразлучна, хоть та и язвила ее частенько), непомнящій догадался, что между друзьями-врагами произошла размолвка.

— Что, поссорились опять?—улыбнулся онъ.

— Она злая... Говоритъ, будто у меня не коса, а оглобля,— недовольнымъ тономъ проворчала дѣвочка.—Можно около тебя сѣсть, дядя Микита?—робко продолжала она.

— Садись, милая Фима... Цвѣточки собираешь?

— Да, вотъ аленьки и лазоревы цвѣтики... Богородицѣ на вѣнчикъ...

Но по лицу ея можно было догадаться, что не въ лазоревыхъ цвѣтикахъ тутъ дѣло. Она перекинула черезъ плечо свою громадную золотисто-каштановую косу и нервно мяла ее. Черное,

длинное скитское платьице очень шло къ ея нѣжному личику и дѣлало ее почти взрослой дѣвушкой...

— Вовсе не оглобля!—проговорила она какъ бы про себя и перекинула тяжелую косу за спину.—Ахъ, дядя Микита, какъ страшно, должно быть, въ Европіи!—съ рѣшимостью отчаянія выпила она.

— Отчего-жъ, милая, страшно?—удивился «дядя Микита».

— А какъ-же! Намедни дѣдушка Ермила читалъ у насъ «Златый Бисеръ» и сказывалъ, что тамъ все еѳіопы да западники живутъ, а около западниковъ все бѣсы съ крючьями.

«Дядя Микита» невольно разсмѣялся, и Фимочка густо покраснѣла, догадавшись, что она опять, какъ и тамъ въ скиту, сыграла изъ себя дурочку. Только теперь ей было стыднѣе.

— Ахъ, милая Фимочка! Мало ли какія безлѣпичныя сказки плететъ Ермилушка! Онъ и на «пупѣ земли» сидѣлъ, и на бѣсѣ ѣздилъ... Онъ добрый старикъ, да у него зайчикъ въ головѣ, выскочитъ этотъ зайчикъ, и ну скакать, то ко «вратамъ адовымъ», то по Европіи,—говорилъ Непомнящій уже безъ смѣху, видя огорченіе своей пріятельницы.—Я самъ, Фима, былъ въ Европѣ и въ Царьградѣ, и въ Іерусалимѣ, а бѣсовъ не видалъ и не ѣздилъ на нихъ... Все это только Ермилушкины зайчики... А я тебѣ лучше разскажу, что самъ видѣлъ.

— Ахъ, разскажи, дядичка!—обрадовалась дѣвочка.

— Ладно, милая... И безъ бѣсовъ есть что послушать... Многое видѣли глаза мои, много, такого, чего Ермилушкѣ и во снѣ не пригрезится.

Непомнящему самому захотѣлось хоть памятью пережить то, что когда-то радовало и волновало его душу, когда онъ послѣ унылой Москвы съ ея смутами и казнями, съ ея сѣрымъ осеннимъ небомъ, въ ясное теплое утро, очутился въ Венеціи, на площади св. Марка, и когда взоръ и воображеніе его постоянно поражали новыя картины, невиданныя лица, голубое море съ его вѣчнымъ говоромъ и невиданными имъ дотолѣ кораблями.

Онъ сталъ говорить съ какою-то, повидимому, грустью. Глаза его, казалось, покоились на медленно текущихъ струяхъ Керженца, но видѣли они то далекое, свѣтлое и радужное, что оставила въ его душѣ жизнь въ Италіи. Все горькое было забыто. Онъ забылъ даже, что его слушаютъ, что около него сидитъ жи-

вое существо съ широко раскрытыми глазами, полными слезъ. Съ какимъ трепетнымъ вниманіемъ слушала его Фимочка! Она видѣла все то, о чемъ ей разсказывали; но все это выростало въ ея юномъ воображеніи, росло и росло!.. Фантастическая процессія обрученія дожа съ моремъ, картины карнаваловъ съ ихъ непостижимыми для юной, впечатлительной скитницы причудами, эти разукрашенныя парчей или расцвѣченныя огнями гондолы, бой цвѣтами, маскарадныя безумія!.. А дальше Римъ съ его чудесами, съ остатками далекаго, величаваго прошлаго.

— Господи!—послышался не то стонъ, не то страстный вздохъ.

Непомнящій вздрогнулъ, оглянулся на Фимочку... Она плакала, закрывъ лицо руками. Слезы пробивались сквозь ея тонкіе пальчики.

— Фима, Фимочка... милая! Что съ тобой?—встревожился Непомнящій.

Дѣвочка продолжала плакать. Онъ ласково, нѣжно отвелъ ея руки отъ лица.

— Что съ тобой? О чемъ это, голубка?—спрашивалъ онъ.

— Ахъ, ничего этого я не увижу, никогда, никогда!—почти выкрикнула юная скитница.—Лѣсъ, лѣсъ, лѣсъ.

Непомнящій былъ пораженъ. Онъ не ожидалъ, что разсказъ его можетъ произвести такое сильное дѣйствіе на юную слушательницу. Хоть она была и высокенькая и съ замѣтно формировавшейся грудью, но все же оставалась для него дѣвочкой. Весь погруженный въ исканіе своего Бога и въ свою душу, онъ не зналъ, какъ рано въ иной дѣвочкѣ просыпается женщина. Въ Фимочкѣ она проснулась почти въ двѣнадцать лѣтъ, а теперь ей уже давно шелъ пятнадцатый годъ. Подъ вліяніемъ однообразія окружающей ее среды, инстинктъ женщины въ ней большею частью еще молчалъ. Но ея наивные возгласы «я все хочу знать! я все хочу видѣть!» обнаруживали, что въ ней уже копошится бѣсъ жизни, бѣсъ, котораго совсѣмъ не понимали ни скитницы, ни «матушка», а тѣмъ менѣе Ермилушка съ «зайчиками» въ головѣ. Теперь, при поднятіи крошечнаго кончика завѣсы, за которою скрывалась страшная ей доселѣ «Европія» съ европами и западниками, этотъ иногда опасный, иногда же спасительный бѣсъ властно заговорилъ въ ея живой, жаждущей душѣ... А она видѣла вокругъ себя только лѣсъ, лѣсъ и лѣсъ!.. И такъ всю

жизнь!.. Скиталецъ, мученикъ своихъ собственныхъ порывовъ и исканій невѣдомаго понялъ ее. Въ ней онъ себя увидѣлъ, себя узналъ... И онъ когда-то въ Москвѣ, въ школѣ Лихудовъ, подъ вліяніемъ разсказовъ учителей, не разъ со страстною мольбою обращался къ нимъ: «я все хочу знать! я все хочу видѣть!..» И увидѣлъ... узналъ... еще не все... Увидитъ и она!

Мысли эти съ быстротою молніи пронеслись въ его умѣ, и рѣшеніе созрѣло мгновенно. Развѣ Курбскій не ушелъ когда-то отъ Грознаго, а Котошихинъ отъ Алексѣя Михайловича? Почему имъ троимъ не уйти? Зачѣмъ ждать кнута и застѣнка? А отъ кнута не уйдешь... Рано ли, поздно ли, а т о т ъ отыщетъ бояриначскитника, согрубившаго е м у, и его, растригу и бродягу... Уйти, уйти! Тутъ задохнешься...

— Фима, не плачь, родная, не плачь!—быстро и страстно заговорилъ онъ.—Все, о чемъ я тебѣ сказывалъ, какъ тамъ живутъ люди, все это ты сама увидишь!.. Богомъ истиннымъ свидѣтельствуюсь, увидишь! И отецъ увидитъ... Всѣ мы трое тамъ будемъ!

Фимочка отняла руки отъ заплаканнаго личика.

— Дядя Микита! Что ты говоришь?—какъ бы испуганно прошептала она.—Морочишь меня...

— Не морочу, а клятвою утверждаюсь въ словѣ своемъ.

— Господи!

XV.

Въ тотъ же день Непомнящій, такъ всѣ его въ скитахъ называли, заговорилъ съ бояриномъ-скитникомъ.

— Кирилъ Андреичъ,—началъ онъ,—что я тебѣ скажу?

— Не знаю... Сказывай,—удивился тотъ.

— Какъ ты рѣшилъ, вѣкъ тутъ въ лѣсахъ оставаться?

— А что? Къ чему эта рѣчь?

— И помереть тутъ думаешь?

— Что жъ, коли Богъ не судилъ на міру умереть.

— Богъ ли, полно-ка? Не сердце ли несутерпчивое?

— Ну, вѣстимо, сердце... Сердце-то въ меня Богъ вложилъ... Да къ чему эти рѣчи?

— Самъ увидишь къ чему. Такъ тутъ и до вѣку?

— Не знаю, не итти жъ мнѣ къ н е м у съ повинной: о н ъ

меня при всѣхъ опорочилъ, при всей Москвѣ, собакой назвалъ... Такого безчестья и онъ не воленъ съ меня снять: ему этого не дано отъ Бога... Только на «полѣ» съ нимъ, судомъ Бога живого, при всей Москвѣ, я бы еще снялъ съ себя безчестье... А поля онъ мнѣ не дастъ.

— А подумалъ ли ты тогда о дочери?

— Не до того было.

— А нонѣ думаешь?

— Такъ ей, бѣдной, значитъ, на роду написано, что отцу, то и ей.

— Нѣтъ, не правъ твой судъ, бояринъ. Помяни божественное писаніе: когда Авраамъ, по повелѣнію Божію, занесъ руку съ ножемъ, чтобы заклать Исаака въ жертву Богу, ангелъ удержалъ его руку. Ты же принесъ дочь свою въ жертву своей гордости.

— Охъ, знаю, знаю!—горестно покачалъ головою бояринъ-скитникъ.

— А дѣвочка подрастаетъ. Она ужъ не ребенокъ. Вспомни, Кирилъ Андреичъ, что такихъ откровицъ, въ ея лѣтахъ, ужъ и замужъ отдаютъ.

— Что жъ, али ты удумалъ на ней жениться?—съ горечью проговорилъ бояринъ-скитникъ.

— Не скверни уста гнилыми рѣчами, бояринъ: не мнѣ ея дѣвичій вѣкъ заѣдать, не разстригѣ-бродинку... Вдостоль и того, что родной отецъ заѣдаетъ ея дѣвичью долю,—строго сказалъ Непомнящій.

— Я съ горя молвилъ. Не обидѣлъ, чаю.

— То-то... Я къ тому веду рѣчь, что ни тебѣ, ни Евфиміи пути въ міръ не заказаны.

— Какъ это?—удивился бояринъ.—Что ты говоришь?

— То и говорю, что думаю: али солнце только надъ Москвой свѣтитъ? Али весь міръ подъ дубинкой того, кто надъ тобой безчестье учинилъ? Вспомни Курбскаго и Котошихина: не стерпѣли безчестья и отрясли прахъ отъ ногъ своихъ... Ты объ этомъ не думалъ, Кирилъ Андреевичъ?

— Правда, съ горя тогда голова помутилась... Все во едину ночь рѣшилъ: успѣлъ только казну да дочушку захватить... Какъ было ее одну безъ матери оставить? Крошка еще была.

— Такъ вотъ теперь и подумай, благо есть съ кѣмъ ду-

мать,—сказалъ Непомнящій.—Помни, что всѣ ходы и выходы мнѣ добрѣ вѣдомы.

Бояринъ всталъ и съ видимымъ волненіемъ заходилъ по моленной. Въ первый разъ она теперь представилась ему не убѣжищемъ, а могилой. Въ эту темную могилу, казалось, пробрался лучъ солнца... А онъ самъ себя заживо похоронилъ въ ней. Да не себя только, а свою невинную дѣвочку, единое свое утѣшеніе... Ей ли, только начинающей жить, зачахнуть въ лѣсныхъ дебряхъ, отдать одиночеству молодую жизнь, не извѣдать ничего, что она даетъ?.. Теперь она еще не понимаетъ, не слышитъ въ себѣ неотразимо-властнаго голоса природы... А услышитъ. Скоро, скоро услышитъ!.. Вотъ какъ она вытянулась за этотъ годъ... Вотъ-вотъ заговоритъ въ ней этотъ неизбѣжный, неотвратимый голосъ... Природа подскажетъ ей все, а разсудокъ объяснитъ, истолкуетъ... На кого жъ она должна будетъ плакаться, кого проклинать? Отца, втолкнувшаго ее въ могилу!

Онъ остановился и развелъ руками.

— Знаешь, Кирилъ Андреевичъ, что я тебѣ скажу?—снова заговорилъ Непомнящій.

— Сказывай... Душу мою ты ущемилъ въ капканъ, такъ сказывай—покорно отвѣтилъ бояринъ.

— Утромъ нонѣ сижу я на бережку у Керженца, не то думаю, не то грежу наяву. Коли вижу, подходитъ ко мнѣ Фимочка съ цвѣточками въ рукахъ. Сѣла рядомъ со мною и заговорила мнѣ о тѣхъ безлѣпичныхъ бредняхъ, коими Ермилъ набилъ головы всѣмъ бабамъ: то о «пупѣ земли», то про еѳіоповъ, что живутъ якобы «во Европіи», то про какихъ-то «западниковъ» съ бѣсами и просила, чтобъ и я про все такое ей повѣдалъ... За досаду мнѣ стали тѣ безлѣпичныя Ермиловы вяканья, я и разскажи ей малость нѣкую про Венецію да про Римъ. Слушала она меня, слушала, да какъ ударится дѣвка въ слезы, инда меня сторонъ взяла—«Что, говорю, съ тобою?»—А она пуще плачетъ:—«ничего-то я, причитаетъ, не увижу, никогда, никогда! Только лѣсъ, лѣсъ и лѣсъ!»—Сердце у меня повернулось, на нее глядючи... Я и поклялся истиннымъ Богомъ вырвать васъ изъ сей юдоли плача на бѣлый свѣтъ.

— Что жъ она?—тревожно спросилъ бояринъ.

— Ожила дѣвочка, вотъ какъ завядшій стебелекъ отъ росы оживаетъ.

— Ну, бѣсъ полуденный, ты возмутилъ души наши, ты и утиши наше смятеніе,—рѣшилъ бояринъ, выпрямляясь и сверкая глазами.—Курбскій, такъ Курбскій!

— Слава Богу,—сказалъ искуситель. — Готовься же, бояринъ, къ веснѣ въ путь: теперь ужъ поздно. Чай, знаешь, что на богомолья по веснѣ ходятъ.

— А какимъ способомъ мы выберемся изъ скитовъ? Что скажемъ? Не убегомъ же уйти.

— Зачѣмъ убегомъ?.. Мы пойдемъ на богомолье ко святымъ мѣстамъ, въ Кіевъ, къ печерскимъ угодникамъ.

— А Фима?

— И она съ котомкой за плечами, съ посохомъ и въ лаптяхъ... У нея ножки молодыя, прыткія.

— Да, моя Евфимія ходокъ, насъ за поясъ, поди, заткнетъ безусталью.

Отецъ Фимы сознавалъ, что принятое имъ теперь рѣшеніе, подсказанное ему со стороны, является болѣе роковымъ въ его жизни, чѣмъ то, которое принято имъ было сгоряча вслѣдствіе нанесеннаго ему безчестья. Не поведетъ ли и это рѣшеніе къ болѣе горькимъ послѣдствіямъ?.. Теперь будущее представлялось ему такимъ неопредѣленнымъ, какъ если бы онъ рѣшилъ переселиться на луну: такими смутными, непонятными витали въ его умѣ формы жизни гдѣ-то «за моремъ»...

Непомнящій тоже не могъ не сознавать, что и его рѣшеніе какъ бы съ облаковъ свалилось старику на голову... Неужели это рѣшеніе подсказали ему слезы Фимочки?... Вѣдь онъ шелъ въ эту пустыню искать того Бога, котораго не находилъ ни въ Москвѣ, ни въ Римѣ, ни даже у подножія Елеонской горы и у заключеннаго въ мраморъ и золото «Лобнаго мѣста»... Но, очутившись въ этой пустынѣ, онъ понялъ, что ея пустота не наполнитъ его души тѣмъ, къ чему рвалась эта безпокойная, мятежная душа... природа съ ея вѣчною, но нѣмою красотой? Нѣтъ, безотвѣтная красота не усмиритъ, не удовлетворитъ мятежнаго духа... Тамъ, далеко, у бирюзоваго моря, среди людей мысли, онъ еще находилъ отвѣты, хотя неполные, не вполнѣ ясные, на жгучіе запросы духа и сердца. Но здѣсь—здѣсь непробудный сонъ.

— И гдѣ жъ ты думаешь сыскать намъ тихую пристань?—

вдругъ спросилъ бояринъ-скитникъ, какъ бы очнувшись отъ раздумья.

— Не нидѣ, я чаю, какъ-либо въ Венецѣ, либо въ Римѣ,— отвѣчалъ Непомнящій, тоже очнувшись отъ своихъ думъ.

Вошла Фимочка. Пытливо взглянувъ на отца и на Непомнящаго, она сразу догадалась, что тутъ что-то произошло. Бояринъ тоже посмотрѣлъ на дочь, на ея ростъ, на выраженіе лица и тутъ только въ первый разъ, казалось, замѣтилъ, что она уже не ребенокъ, а почти взрослая дѣвушка и притомъ красавица.

— Ну, что, дочка, скоро будемъ схиму принимать?—съ улыбкой спросилъ онъ, погладивъ головку дочери.

— Какую схиму, батюшка?—удивилась Фима.

И слово «батюшка» поразило его: до сихъ поръ она называла его по-дѣтски: «батя», а теперь тономъ взрослой: «батюшка».

— А, помнишь, ты маленькой все собиралась схиму принять,—сказалъ онъ, глядя ей въ глаза.—Еще, бывало, любила пѣть пѣсенку царевны Ксеніи Годуновой.

— А! Помню, батюшка,—лукаво посмотрѣла она на отца.— Я и нынѣ спою тебѣ конецъ той пѣсенки.

Ино мнѣ постричися не хочетъ,
Черпеческаго чину не сдержати:
Отворити будетъ темна келья,
На добрыхъ молодцовъ посмотрити...

И бояринъ, и Непомнящій не могли удержаться отъ смѣха, а плутовка продолжала заунывно, подперши щеку рукою:

Ино охте мнѣ горевати!
Какъ мнѣ въ темну келью ступити,
У игуменьи благословитца!..

— Ну, и бой-дѣвка, погляжу я на тебя,—говорилъ бояринъ, обнимая Фиму. — Такъ «на добрыхъ молодцовъ посмотрити»?

— Нѣтъ, Евфимія Кирилловна,—проговорилъ Непомнящій, многозначительно взглянувъ на дѣвушку, такъ что плутовка, по женской сметливости, сразу его поняла,—тебѣ, я полагаю, скоро придется пѣть начало пѣсенки царевны Ксеніи, а не конецъ... Ты, я чаю, помнишь:

Сплачетца мала птичка,
Бѣлая перепелка:
Охте мнѣ, молоды, горевати!
Хотятъ сырой дубъ зажигати,
Мое гнѣздышко разорити,
Меня перепелку поимати...

— Такъ, истинно такъ,—улыбнулся боярин,—готовься, бѣлая перепелка, на весну въ схимницы.

— Только въ схиму тебя, Евфимія Кирилловна, посвящать будутъ въ городѣ Веницеѣ, либо въ Римѣ «западники» Ермиловы.—добавилъ Непомнящій, снова значительно поглядѣвъ на дѣвушку.

Фимушка радостно бросилась отцу на шею.

— Батюшка, батюшка! — лепетала она сквозь счастливыя слезы.—Правда ли это, родной мой?

— Правда, правда, доченька! Только помни, до весны никому ни гу-гу и сама забудь!—обнималъ онъ ее, думая, «вишь, и этотъ называетъ ее ужъ не Фимочкой, а Евфиміей Кирилловной... Выросла дѣвка, выросла въ одинъ день. Была сморчокъ вчера, а нонѣ на-поди! Дѣвка... Такъ и вся нынѣя бабья порода: нонѣ съ куклой, а завтра съ женихомъ... Чудеса!»

XVI.

Фимочка, дѣйствительно, мужала не по днямъ, а по часамъ. Надежда, что она скоро вырвется отсюда въ новый, какой-то сказочный міръ, нарисованный ей Непомнящимъ, казалось, выростила ей крылья, и она уносилась на нихъ въ міръ сладкихъ волнующихъ грезъ. Она стала какъ будто менѣе порывиста, менѣе говорлива, хотя попрежнему ласкова и нѣжна, и это замѣтили скитницы.

— Дѣвка въ возрастъ входитъ, — говорили онѣ, — притихастъ.

Съ Лушей она почти перестала ссориться, и хоть та иногда и задирала, называя ея косу «оглоблей», или говоря, что у нея глаза величиною въ ложку, однако, Фимочка ужъ не отвѣчала ей насмѣшкой на насмѣшку, а какъ будто жалѣла ее и щадила. Когда Ермилушка, вѣчно шляющійся то по другимъ дальнимъ скитамъ, то по монастырямъ, снова заглядывалъ къ

нимъ и снова выкладывалъ передъ своими благосклонными слушательницами новыя свѣдѣнія о продѣлкахъ бѣсовъ, и какъ онъ, Ермилушка, всегда посрамлялъ ихъ, Фимочка уже не визжала отъ страха или отъ радости, а больше иронически улыбалась. Но однажды, когда онъ опять сталъ похваляться, какъ поймалъ бѣса у себя въ лаптѣ, и какъ его съѣла кошка, Фимочка, по живости своего характера, не вытерпѣла.

— А какъ же, дѣдушка, ты весной сказывалъ, что кошка того бѣса не взяла, и ты посадилъ его въ табакерку князь-кесаря Ромодановскаго, и теперь тотъ бѣсъ сидитъ въ Ромодановскомъ?—выпалила она безъ передышки.

Это такъ озадачило Ермилушку, что онъ нѣсколько секундъ не зналъ, что отвѣчать. Всѣ скитницы тоже были смущены. Но лгунишка скоро нашелся и оправился.

— Ахъ, ты, дѣвонька, дѣвонька несмысленная!—укоризненно покачалъ онъ головой.

И скитницы съ укоризной взглянули на дерзкую: какъ-де можно соваться въ такое страшное дѣло!

— Ахъ, дѣвонька, дѣвонька! — продолжалъ старый лгунишка.—Вѣдь того бѣса не взяла кошка, потому что она простая кошка... А это былъ другой бѣсъ, да и кошка другая, вѣдовая... Она, слышь ты, этта кошка у меня, грѣшнаго, по недогляду моему, однова кусочекъ просвирки съѣла, ну, и стала отъ того святого хлѣба вѣдовая... Такъ вѣдовой-то кошкѣ что бѣсъ? Все едино, что мышь... она-то и съѣла этого бѣса... А то на! Дѣдуська, дѣдуська! Какъ-де это кошка бѣса съѣла? Ахъ ты, пучеглазая, тоже, дѣдуська!

И старый враль передразнилъ Фиму.

— Тоже суется съ своимъ язычкомъ!—не вытерпѣла и Луша.

И всѣ скитницы неодобрительно посмотрѣли на посрамленную дѣвочонку: «и какъ-де можно! Да твоего ли ума это дѣло?»

Фима стала сдержаннѣе и съ Непомнящимъ, хотя постоянно искала случаевъ быть съ нимъ. Порѣшивъ, что имъ оставаться здѣсь только до весны, Непомнящій не искалъ уже себѣ никакого дѣла, хотя раньше намѣревался заняться просвѣщеніемъ скитниковъ и скитницъ. Однако, когда онъ убѣдился, что всѣ обитатели скитовъ дальше «двуперстнаго сложенія» не ищутъ ничего и вполнѣ вѣрятъ только нелѣпѣйшимъ розсказнямъ

Ермилушки о бѣсахъ и еѳіопахъ, онъ махнулъ на все рукой и отъ скуки занялся уженіемъ рыбы въ Керженцѣ. Къ уженью тотчасъ же пристрастилась и Фима. Но тутъ у нея была и скрытая цѣль. Подъ тѣмъ предлогомъ, что она не могла насаживать на удочку червей, потому что боялась ихъ, Фимочка постоянно подсаживалась удить недалеко отъ Непомнящаго, то и дѣло подбѣгая къ нему съ удочкой: «дядя Микита, насади мнѣ противнаго червяка»... И дядя Микита насаживалъ. Но при этомъ хитрая дѣвочка старалась навести разговоръ на то, чѣмъ она жила послѣдніе мѣсяцы, на «Европію»: какъ т а м ъ удять рыбу? Какія т а м ъ удочки? Какая т а м ъ въ морѣ рыба? Сначала закинетъ издалека, а потомъ все ближе и ближе... А тотъ и радъ отдаться воспоминаніямъ, и удочки почти забыты: у одного золотистый линь лѣниво, но явственно клюетъ, у другой и поплавокъ ушелъ подъ воду, увлеченный торопыгой-окунемъ, а они сидятъ гдѣ-нибудь въ тѣни Колизея и смотрятъ, какъ голуби вьются надъ Капитоліемъ, и какъ причудливо ложатся на мусорный Форумъ тѣни отъ арки Севера. А сами и не подозрѣваютъ, что въ ближайшемъ кусту калины спряталась Луша и жадно ихъ подслушиваетъ. У Луши хорошенькія щечки покрываются пятнами румянца не отъ одного только любопытства, но и отъ какого-то скрытаго чувства... Какъ женщина, съ врожденнымъ инстинктомъ сыщика, особенно въ области чувства, Луша давно догадалась, что за Непомнящимъ скрывается что-то не простое, далеко не простое... Съ искусствомъ ищейки она выслѣживала и Фимочку, а черезъ глаза ея, какъ черезъ большія открытыя окна, проникла и въ душу къ ней, и увидѣла тамъ то, чего не подозрѣвалъ, какъ подобаетъ мужчинѣ, всегда недогадливому, и самъ Непомнящій... У Луши заскребло на сердцѣ... «Вездѣ и всегда эта Фимка!...»

Но Луша не воображала, что и за нею ревниво слѣдитъ сыщикъ... Она давно замѣтила, что ее неотступно ѣстъ масляными глазами молодой начетчикъ Павлунька Черныхъ, что года два назадъ появился въ керженскихъ скитахъ и, повидимому, былъ изъ богатенькихъ, а не изъ сѣрыхъ лапотниковъ, какъ большинство скитниковъ. Сначала Луша относилась къ его заискиваніямъ равнодушно, смѣялась ему въ глаза, но всегда добродушно. Теперь же, съ половины лѣта, Черныхъ запримѣтилъ, что дѣвушка стала упорно избѣгать его, а на его заигры-

тапья отвѣчать враждебно и съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Черныхъ сталъ искать причины, издалека выслѣживать каждый шагъ дѣвушки и, наконецъ, выслѣдилъ и понялъ...

— А! Такъ это все онъ, медвѣжатникъ!—заскрипѣлъ онъ зубами.

И вотъ началось двойное шпіонство. Луша по пятамъ слѣдила Фимочку и Непомнящаго, а Черныхъ выслѣживалъ Лушу и тоже Непомнящаго. И Черныхъ, какъ и Луша, понялъ, что за Непомнящимъ скрывается крупный звѣрь, шкура котораго очень дорога. Онъ видѣлъ и самъ слышалъ изъ своего куста, что звѣрь этотъ бывалъ за моремъ и видѣлъ то, чего никому изъ скитниковъ и во снѣ не грезилось... «Такъ вотъ на кого промѣняла меня Лушка!»—рычалъ онъ въ душѣ.

— Да и та пучеглазая, словно на икону на него смотритъ... Скоро всѣ наши дѣвки увяжутся за нимъ: бери любую, хотя съ квасомъ ихъ жри, хоть масло пахтай.

Много дней онъ все шпіонилъ и подсматривалъ за ними, а ревность и злоба все болѣе и болѣе овладѣвали имъ. Эта борьба страстей довела его до того, что онъ готовъ былъ на преступленіе.

И онъ едва не совершилъ его. Однажды подъ вечеръ Луша пошла за чѣмъ-то въ сосѣдній женскій скитъ. Итти нужно было лѣсною тропой, хорошо знакомой Лушѣ. Черныхъ, который постоянно слѣдилъ за нею, поспѣшилъ по той же тропѣ и скоро нагналъ дѣвушку.

— Здравствуй, Лукерья,—сказалъ онъ, взявъ ее за руку.

— Здравствуй,—отвѣчала дѣвушка: но руку свою досадливо вырвала изъ руки начетчика.

— Али ты, дѣвка, въ сторожихи нанялась?—сказалъ начетчикъ съ злобною усмѣшкой.

— Каки таки сторожихи?—удивилась дѣвушка.

— А къ Химкѣ да къ ея полюбовнику подъ калиновый кустъ.

Луша вся вспыхнула... Негодяй подсмотрѣлъ ея тайну.

— Что, дѣвка, своей очереди подъ кустомъ ждешь, подставной быть за Химкой охота разбираетъ? Ась?

— Подлый ты, подлый!—прошептала дѣвушка, вся поблѣднѣвъ.—Вотъ же тебѣ, варнакъ!—И Луша плюнула ему въ лицо.

— А! Дакъ ты такъ,—захрипѣлъ негодяй и, схвативъ дѣ-

вушку за горло одною рукою, а другою зажавъ ей ротъ, словно звѣрь, потащилъ ее въ чащу.

Тамъ, поваливъ обезсиленную въ борьбѣ дѣвушку на землю, злодѣй уже готовъ былъ совершить надъ нею свое гнусное дѣло... Жертва была беззащитна. Но въ этотъ моментъ чьи-то сильныя руки, словно желѣзные клещи, сжали злодѣю горло... Это былъ Непомнящій. Онъ, къ счастью, во-время увидалъ сцену насилія и поспѣшилъ спасти дѣвушку. Какъ щенка, за шиворотъ онъ приподнялъ съ земли злодѣя и едва не задушилъ его... Обезсиленная дѣвушка съ трудомъ поднялась и истерически зарыдала...

— Не плачь, милая,—утѣшалъ ее Непомнящій,—иди домой, не бойся, а этого злодѣя я потащу на судъ скитскихъ стариковъ. Успокойся, Лукерьюшка, бѣдная!

Ласковый голосъ спасителя ободрилъ дѣвушку. Въ душу ея проникъ лучъ утѣшенія.

— Богъ тебя награди!—съ чувствомъ прошептала она.

Негодяй чувствовалъ, что его держитъ несокрушимая для него сила, и со злобой отчаянья покорился своей участи. Непомнящій привелъ его въ главный скитъ, и негодяя на ночь заперли на замокъ въ прочную клѣть. Утромъ собраны были старики, и, выслушавъ показаніе Непомнящаго, приговорили посадить злодѣя на цѣпь въ смирительную клѣть на хлѣбъ, не просто на хлѣбъ, а «на скудное питаніе», и на воду срокомъ на мѣсяцъ, а потомъ, подвергнувъ суровой эпитеміи, навсегда изгнать изъ скитовъ.

Лушѣ не прошло даромъ вынесенное ею потрясеніе. Она слегла: у нея оказалась нервная горячка. Бѣдная дѣвушка металась въ своей постели и бредила. Фимочка не отходила отъ больной подружки, прислушиваясь къ ея безсвязнымъ рѣчамъ, поправляя подъ ея пылающей головой подушку и подавая питье. Фимочка была поражена, когда въ безсвязномъ бреду больной она уловила нѣсколько словъ, отъ которыхъ ей стало страшно: то были слова—«Венецея»... «Римъ»... «Капитолій»...

— Гдѣ она ихъ слышала? Откуда узнала?—недоумѣвала она и терялась въ тревожныхъ догадкахъ.

— Испорчена, сердечная, испорчена! — качали головами старыя скитницы. — Авось, какъ-нибудь опять забредетъ къ намъ Ермилушка: онъ отчитаетъ болящую.

— Дай-то Богъ,—говорили другія,—а то, поди, тотъ злодѣй въ нее, голубушку, бѣса посадилъ... Надо, надо отчитать ее..

Но Ермилушка не приходилъ: онъ, по обыкновенію, шлялся гдѣ-то.

XVII.

Осенью того же 1701 года, въ прихожую нижегородскаго воеводы Измайлова, отца бывшей полонянки Олепушки, явился утромъ какой-то «незнамый человѣкъ» въ монашеской одеждѣ и просилъ доложить, что онъ желаетъ говорить съ воеводою «по тайности», объявить государево «слово и дѣло».

Эти два страшныя въ то время слова были тотчасъ же доложены воеводѣ. Когда произносились эти два слова передъ кѣмъ бы то ни было и въ какой бы то ни было часъ дня и ночи, на улицѣ ли, на дому, или въ церкви, то всѣ дѣла, какъ бы ни были важны, какъ бы ни были спѣшны, должны были откладываться, а немедленно, тотчасъ же, должно быть выслушано то, что послѣдуетъ за этими двумя ужасными словами. Конечно, эти слова были—доносъ.

Измайловъ тотчасъ же велѣлъ ввести доносителя. Но, давно состоя на службѣ и опытомъ убѣдившись, какъ часто эти страшныя слова произносятся по совершенно вздорному случаю, изъ личной ли мести, изъ корысти, или же просто по глупости, онъ рѣшилъ сначала поговорить съ доносчикомъ съ глазу на глазъ, чтобъ не заводить попусту вздорнаго дѣла и понапрасну не докучать этими вздорами государю, вѣчно занятому болѣе важными государственными соображеніями... Что могъ сообщить ему важнаго какой-то, какъ доложили ему: «не то бродяжка, не то монашишка?»

Передъ нимъ стоялъ именно «монашишка», съ плутовато-бѣгающими маленькими глазками, которые, словно мышата, то и дѣло прятались въ свои норки подъ рыжими бровями.

— Ты кто такой?—спросилъ Измайловъ.

— Я божій трудникъ, питаюсь молитвой и доброхотными даяніями... Имя мое Павелъ, прозвище Черныхъ... Доношу тебѣ слово и дѣло государево на злодѣевъ его, государевыхъ, на керженскихъ скитниковъ, на Микиту Непомнящаго, а кто онъ доподлинно, того не вѣдаю, на Кирилла Андреева, полагаю, не простого роду, и на стариковъ-скитниковъ... Вотъ улика въ сей тетрадкѣ.

И онъ подалъ, вынувъ изъ-за пазухи, засаленную тетрадку. Измайловъ не разъ видалъ эти вздорныя, безграмотныя раскольничьи бредни, свидѣтельствующія якобы о пришествіи антихриста, и брезгливо бросилъ тетрадь на окно.

— Я таковыя тетрадки съ безлѣпичными бреднями давно знаю. А въ чемъ твое «слово и дѣло?»—строго спросилъ онъ.

— Доношу,—забормоталъ и заметался бродяга,—былъ я, богомолецъ, нонѣшнею весною у преподобнаго Макарья желтоводскаго для поклоненія и повстрѣчался тамъ съ двумя старцами-скитниками. И зашла у насъ рѣчь о православной вѣрѣ. И старцы меня спрашиваютъ: «А какое-де у тебя крестное сложеніе?» Я сложилъ три перста, какъ подобаетъ по церковному. А они и говорятъ: «Ты-де крестишься армянскимъ крестомъ, табачною пучкою; а мы-де таковыхъ проклинаемъ и пить-ѣсть съ собою не сажаемъ. А ты-де иди къ намъ, въ керженскіе скиты, есть-де тамъ у насъ великіе учители, они-де и «Маргаретъ», и «Златый Бисеръ» произошли, а единъ святой мужъ и бѣсовъ посрамляетъ, на единомъ-де бѣсѣ и въ Ерусалимъ ѣздилъ». И я, услышавъ то и разумѣя ихъ прелесть, какъ бы имъ меня прельстить въ свое еретическое согласіе, послѣдовалъ за ними въ ихъ скиты, дабы очевидностью своею увѣдать все творимое ими. И пришедъ мы въ скиты, явились къ учителямъ ихъ, къ Кириллѣ Андрееву и къ Микитѣ Непомнящему. И оные Кириллъ и Микита, прочетши мнѣ тетрадку съ хулою на великаго государя, на святую соборную церковь и на весь освященный соборъ, наглостно кощунствовали: «Мы-де шлемся на сію тетрадку; нынѣ-де въ мірѣ царствуетъ антихристъ и уловляетъ христіанъ въ свои сѣти; токмо-де насъ и молящихся съ нами ему не уловить; у него-де, у антихриста, пушки, а у насъ-де четки да крестъ, и насъ-де-его пушки не возьмутъ». А я имъ на сіе: неистово говорите вы, отцы, про великаго государя, про его пушки и воинство, потому-де, что за великаго государя и его воинство святая церковь умоляетъ, а пушки-де святою водою окропляются. Говорите-де вы, что нынѣ царствуетъ антихристъ; а писаніе-де говоритъ, что антихристъ родится отъ колѣна Гданова, отъ сущія дѣвицы-жидовки. А они на сіе: «Гданъ-де родился отъ Іакова, а нашъ антихристъ родился-де отъ Гданова колѣна».—Нѣтъ, говорю я имъ, въ книгѣ Ефрема Сирина о послѣднемъ времени написано: въ послѣднее же время будутъ многіе антихристы и

лжепророцы, а того, кто именно истинный антихристъ будетъ, не написано. Я же-де знаю подлинно, что великій государь родился отъ благочестива корене, отъ царя Алексѣя Михайловича и отъ царицы, матери его, Натальи Кириловны Нарышкиной, и персоною-де онъ въ ихъ нарышкинскую породу; великовозрастенъ и крѣпокъ, и походитъ на дядю своего, на Ѳеодора Кириловича. Да онъ-де, говорю, и въ церковь нашу ходитъ и святую литургію слушаетъ, и по великимъ-де постамъ постъ держитъ, и святыхъ-де таинъ причащается; а въ прошлыхъ-де годахъ, какъ мать его царица Наталья Кириловна немоществовала и изъ Новодѣвичьяго-де монастыря во дворецъ принесенъ былъ образъ пресвятыя Богородицы, и онъ-де, государь, тому образу молился и плакалъ.

Доносчикъ остановился. Въ памяти его, вѣроятно, прервалась нить обвиненій. Измайловъ упорно молчалъ; ему такъ давно были знакомы всѣ эти бредни мракобѣсовъ и пустосвятовъ отживавшей старины. Но онъ долженъ былъ выслушать все: вѣдь это «слово и дѣло»...

Въ комнату заглянуло миловидное женское личико съ прелестнымъ ребенкомъ на рукахъ.

— А, это ты, Оленушка.

— Батюшка, подь сюда; Скляевъ и Верещагинъ пришли по государеву важному дѣлу.

— Мнѣ недосугъ, дочка... Пущай подождутъ...

Оленушка скрылась за дверью.

— Ну, все?—спросилъ Измайловъ.

— Нѣтъ, ваша милость, господинъ воевода,—отвѣчалъ доносчикъ, поймавъ, вѣроятно, нить своей ябеды.—Когда я говорилъ про великаго государя,—продолжалъ онъ,—и на сіи мои слова, онъ, Микита Непомнящій, съ насмѣшкою сказалъ: Куда-де какую безлѣпицу сказываешь ты про рекомаго, онъ же антихристъ! Въ писаніи сказано, что онъ-де, антихристъ, лукавъ будетъ и къ церкви-де облыжно прилеженъ, и ко всѣмъ лицемѣрственно, якобы-де, милостивъ. А что-де онъ въ церковь ходитъ, то не диво: въ церквахъ нонѣ святости нѣтъ. А прочти-де мою тетрадку, тамъ-де на него, антихриста, лихо выведено!

Измайловъ искоса взглянулъ на тетрадку, валявшуюся на скамѣ.

«Такъ вонъ гдѣ измышлена эта мразь словесная, въ Керженцахъ,—подумалъ онъ.—Дослушаю»... Ну?

— И по тѣхъ его, Микиты Непомнящаго, злыхъ словесахъ,—продолжалъ доносчикъ,—тѣ старцы, что заманили меня въ скиты, сказали: Нынче-де былъ у насъ съ Макарья странникъ, такъ сказывалъ про антихриста неисповѣдимое: собралъ-де онъ, антихристъ, бѣглыхъ солдатъ человѣкъ съ двѣсти и, поставя на колѣни, велѣлъ побить до смерти изъ пушки. Экое-де времечко, экое наругательство! Это ли еще не наругательство? Онъ-де, антихристъ, сказываютъ, у образа Господа Саваоѳа отъ вѣнца отнялъ два рога да и подложилъ коню подъ чрево. Какъ-де отнялъ и положилъ подъ чрево?—пытаю я. А они мнѣ: Мы-де старцы неграмотные... Вонъ-де спроси у Микиты... Мы-де что слышали, то и говоримъ, за что купили, за то и продаемъ...

Измайловъ мужественно выслушалъ этотъ чудовищный бредъ повальнаго невѣжества и изувѣрства. Онъ не смѣлъ не выслушать его, потому что бредъ этотъ соединенъ былъ съ страшными словами: «слово и дѣло»... Не выслушай, не донеси, и самому воеводѣ пришлось бы попасть въ застѣнокъ да на дыбу.

— А дальше?—спросилъ онъ, проклиная въ душѣ это невѣжество и изувѣрство.

— Дальше, ваша милость, я не вынесъ таковыхъ ихъ страшныхъ рѣчей,—продолжалъ Черныхъ,—и обозвалъ ихъ ворами и татями овецъ стада Христова и государевыхъ. И за тѣ мои слова посаженъ я былъ тѣми ворами на цѣпь и было моего сидѣнья на цѣпи ровно мѣсяцъ, и хотѣли меня тѣ учители убить, и я божіимъ изволеніемъ спасся, и нонѣ доношу на нихъ, великихъ воровъ и татей.

— Все?—спросилъ Измайловъ.

— Все, ваша милость.

— А много тамъ укрывается скитниковъ?

— Много: мужеска пола и женска, и дѣвицъ, и старицъ съ двѣ тысячи душъ.

— А изъ какихъ мѣстожительствъ?

— Съ Москвы и изъ другихъ городовъ, изъ слободъ, изъ селъ и деревень.

— А главныхъ изъ нихъ сколько и кто?

— Главные, ваша милость, будутъ: Микита Непомнящій, да Кирилъ Андреевъ, да два, либо три старца.

Измайловъ всталъ и кликнулъ кого-то въ дверь. Вошелъ среднихъ лѣтъ мужчина съ круглыми очками на багровомъ носу. То былъ товарищъ воеводы—Кутузовъ.

— Сего доносителя государева «слова и дѣла» вели ты, Тимоѳей Кириловичъ, сейчасъ же при себѣ заковать въ ручныя и ножныя кандалы, и отвести въ приказную избу подъ строжайшій караулъ,—сказалъ Измайловъ, указывая на доносчика.— А вотъ улика,—подалъ онъ тетрадку.—Допроси самъ и запиши, а я разспросныя его рѣчи сличу съ тѣмъ, что онъ показалъ мнѣ здѣсь.

Затѣмъ онъ вышелъ къ дожидавшимся его Скляеву и Верещагину. Онъ нашелъ молодыхъ «навигаторовъ» въ веселой болтовнѣ съ хорошенькой хозяйкой.

— Ну, что у васъ тутъ?—спросилъ Измайловъ, здороваясь.

— Да вотъ, Андрей Петровичъ, все я ссорюсь съ твоею дочкой,—отвѣчалъ Скляевъ,—проходу мнѣ не даетъ.

— Какъ такъ, дочка?—обратился Измайловъ къ дочери.

— Вовсе не я, батюшка, задираю его, а онъ меня, все дразнитъ «полонянкой»,—отвѣчала молодая жена Лыкова.

— А кто меня «сѣченымъ» да «дранымъ» безчеститъ, государушка?—гримасничалъ Скляевъ. — Проговорился ей мужеенекъ, что меня за дурость мою князь-кесарь посѣкъ малость, ну, и урекаетъ меня моимъ же безчестьемъ дочка твоя. Мнѣ и царь проходу не даетъ съ той поры: «сѣченый» да «драный»... А «сѣченаго» этого онъ же, царь, во всякое дѣло суетъ: и то ему, сѣченый, смастери, и другое, драный, сотвори... А я ему: да кто у тебя, государь, въ твоемъ царствѣ, не сѣченый живетъ? Сколько-де, говорю, мачтоваго лѣсу извелъ на однѣ свои дубинки! Такъ смѣется: Еще и не такъ-де надо драть лѣнтяевъ да пустосвятовъ... А тутъ вотъ и твоя дочка допекаетъ... А забыла, знать, какъ въ Веницеѣ мнѣ на шею кидалась? А? Вотъ и скажу муженьку, какъ пріѣдетъ сюда съ чадушкой-то нашимъ...

— Да Гриша знаетъ, какъ я въ Веницеѣ на радостяхъ и тебя обнимала, и вотъ Лукьяна Егорыча,—засмѣялась молодая женщина, взглянувъ на Верещагина.—Только онъ глаза мнѣ не колетъ, какъ ты.

— Такъ это у тебя важное государево дѣло, что тебя драли?—обратился воевода съ улыбкой къ Скляеву.—За этимъ

мнѣ докучали, когда я выслушивалъ настоящее государево «слово и дѣло»?

— Опять!—испугалась молодая Лыкова.

— Да, все эти пустосвяты!—брезгливо процѣдилъ Измайловъ.—Ну, а въ чемъ же дѣло-то?—обратился онъ къ Скляеву.

— Да вотъ тебѣ, чаю, вѣдомо, что посылалъ насъ съ Лукьяномъ чадушка-то нашъ внизъ по Волгѣ... Задумалъ чадушка ни мало, ни много, перелить воду изъ ведра въ ковшъ, чтобы Волга текла въ Донъ... Ну, мы съ Лукьяномъ и подыскали мѣстечко, гдѣ бы намъ опрокинуть ведро въ ковшъ, черезъ рѣчку Камышинку да Илавлу выходитъ... Написали чадушкѣ, взыгралъ душою: запружу, пишетъ, всю Волгу кораблями. Подавай ему кораблей! Хоть тресни, а подавай... А тутъ еще нелегкая дернула два свейскихъ корабля, подъ Архангельскомъ, на мели голыми руками взять... Очумѣлъ... Пишетъ мнѣ: «зѣло чудесно! Поздравляю-де тебя съ нечаемымъ счастіемъ, отрази злобнѣйшихъ шведовъ»... А чтобъ имъ пусто было, этимъ кораблямъ!

— Экъ его расходился, «драный»!—засмѣялся Измайловъ.

— Погоди, воевода, самъ скоро будешь драть, какъ чадушка сюда нагряпетъ!..

— Ой-ли... Ему не до меня...

— Не говори, Андрей Петровичъ, — улыбнулся Верещагинъ,—ты съ нимъ вмѣстѣ сюда пріѣдешь.

— Какъ это такъ? Я здѣсь, а онъ тамъ.

— Да онъ пишетъ намъ, чтобъ неукоснительно ты скакалъ къ нему въ Москву, переговорить о ветлужскихъ да керженскихъ лѣсахъ... Задумалъ въ Нижнемъ, либо у Макарья, корабли строить.

— Вотъ тебѣ на!—Измайловъ такъ и опустился на стулъ.

А въ это время Черныхъ, уже скованнаго по рукамъ и по ногамъ, вели подъ конвоемъ отъ воеводскаго двора къ приказной избѣ, а за нимъ шелъ извѣстный всему городу «дурачокъ» Капитошка и совершенно дѣтскимъ голоскомъ приговаривалъ:

Бяшка баранъ,
Не ходи по горамъ,
Убьютъ тебя—
Не пеняй на меня.

А мальчишки, указывая пальцами на доносчика, издали кричали:

— «Песъ, песъ! Попоску принесъ»!

— Вотъ я васъ ужо!—пригрозился на нихъ одинъ изъ конвойныхъ.

XVIII.

На другой день послѣ происходившаго въ Нижнемъ, Фимочка и Луша возвращались къ скитамъ съ плетушками, полными грибовъ. Время было послѣполуденное. Дѣвушки весело болтали... Луша послѣ болѣзни казалась еще блѣдною. Вдругъ онѣ услыхали за собой стукъ колесъ отъ одной или двухъ телѣгъ. Дѣвушки остановились.

— Кому бы это быть?—проговорила Фимочка.

— Скупщики, должно, отъ Макарья, за товаромъ,—сказала Луша.

Телѣги показались. На первой изъ нихъ сидѣли солдаты, а за второй телѣгой слѣдовало нѣсколько конныхъ. Дѣвушки къ ужасу своему узнали на первой телѣгѣ, между солдатами, скованнаго Павлушку Черныхъ.

— Злодѣя везутъ,—прошептала Фимочка.

Луша со страху даже корзинку-плетушку уронила.

— Вотъ раскольницы! Ловите, держите ихъ! — крикнулъ доносчикъ.

Конные бросились было впередъ.

— Осади назадъ!—остановилъ ихъ бывшій съ солдатами капралъ.—Воевода на строго наказывалъ, ни бабъ, ни дѣтей не трогать... Идите, дѣвушки, къ своимъ скитамъ, только и впереди насъ, а за подводами.

Онѣмѣвшія отъ испуга дѣвушки стояли, какъ вкопанныя. Между тѣмъ, въ лѣсу, между деревьями, замелькали какія-то тѣни, быстро перебѣгая съ мѣста на мѣсто и прячась за толстыми стволами сосенъ и елей. То были скитники, почуявшіе бѣду и спѣшившіе предупредить о ней свою многочисленную братію.

Дѣйствительно, когда телѣги приблизились къ полянѣ, на которой находился главный скитъ съ моленной, вся поляна была уже запружена народомъ. Другіе скитники вновь прибывали изъ лѣсу.

Когда телѣги въѣхали на поляну, и солдаты съ капраломъ

слѣзли съ нихъ, изъ толпы выступилъ одинъ старикъ иконописной наружности, съ длинною сѣдою бородой, и степенно подошелъ къ капралу.

— По какому дѣлу, господа ратные, вы пожаловали къ намъ?—почтительно спросилъ онъ, кланяясь.

— По указу его царскаго пресвѣтлаго величества присланы мы взять изъ васъ раскольниковъ: Никиту Непомнящаго, да Кирила Андреева, да старцевъ Исая Панфилова, да Кузьму Ильина,—сказалъ громко капралъ, показывая бумагу.

— Я Кузьма,—спокойно отвѣчалъ иконописный старикъ.

По толпѣ прошелъ глухой ропотъ. Послышались вызывающіе, негодующіе голоса: Мы не дадимъ ихъ! Этотъ песъ набрехалъ на насъ за то, что мы его, за злодѣйство, цѣпью смиряли.

— Мы не воры, не душегубы. Мы живемъ молитвою и кормимся отъ трудовъ праведныхъ. За что насъ брать?

— Злодѣй набрехалъ. Злодѣя и пытайте! На плаху злодѣя!

— Помолчите, отцы и братія!—силился остановить ропотъ иконописный старецъ.

Шумъ усиливался. Толпа напирала грозно. Надъ головами мелькало дубье, поднимались вилы и косы. Кой-гдѣ блеснули ножи. Минута была критическая... Въ это мгновеніе заскрипѣла тяжелая дверь, ведущая въ главный скитъ, и изъ нея показались бояринъ-скитникъ и Непомнящій.

— Остановитесь, братцы, Богомъ молю! — крикнулъ первый.—Помяните слова Христовы, я часто говаривалъ ихъ вамъ: «вси бо пріимшіи мечъ, мечемъ погибнутъ».

Толпа мгновенно стихла. Бояринъ-скитникъ подошелъ къ капралу. Осанка его была величественна. Капралъ понялъ, что это не простой скитникъ.

— Зачѣмъ прибыли, добрые люди? — спросилъ спокойно бояринъ.

Капралъ повторилъ то, что уже сказалъ разъ: «По указу» и т. д.

— Я Кирилъ Андреевъ,—сказалъ бояринъ-скитникъ.—А отъ кого именно вы присланы?—спросилъ онъ.

— Отъ нижегородскаго воеводы Андрея Петровича Измайлова,—былъ отвѣтъ.

— Отъ дорогого сватушки,—улыбнулся Непомнящій.

Никто не понялъ значенія его словъ: иные подумали, что это иносказаніе: «пріѣхали-де сваты по жениховъ»...

— Мы силѣ повинуемся,—спокойно сказалъ бояринъ-скитникъ.

— Какъ вонъ мнѣ намедни онъ повиновался, что песъ въ желѣзномъ ошейникѣ,—презрительно указалъ Непомнящій на доносчика, который, какъ связанный волкъ, стоялъ среди солдатъ и смотрѣлъ на толпу съ безсильнымъ злорадствомъ.

— Приступите,—обратился бояринъ къ старцамъ, Кузьмѣ Ильину и Исаю Панфилову.

Тѣ подошли, гордо поднявъ головы.

— Я радъ удостоиться ангельскаго вѣнца,—сказалъ Кузьма.

— И я съ вами,—сказалъ Исай.

Послышался лязгъ желѣза. Это солдаты, по знаку капрала, стали вынимать изъ телѣги кандалы и наручни. Вдругъ въ воздухѣ просвистѣла огромная еловая шишка и ударила прямо въ лобъ доносчика, который отъ этого удара едва устоялъ на ногахъ.

— Братцы,—глянулъ на толпу бояринъ-скитникъ,—не надо насилія!

— Да это не ножъ, а еловая шишка, — отозвались изъ толпы.

Солдаты стали заковывать арестованныхъ.

— Отъ дорогого сватушки дорогое ожерельеце,—пошутилъ Непомнящій.

Вдругъ сквозь толпу стремительно протискалась Фимочка и съ воплемъ бросилась отцу на шею.

— Батюшка, батюшка!

Солдатъ, заковывавшій ея отца, хотѣлъ отстранить дѣвушку.

— Не трошь!—крикнулъ на него капралъ.—Пущай наплачется дѣвка и простится съ отцомъ.

— И съ полюбовникомъ,—со злобой прошипѣлъ доносчикъ.

Но въ это мгновеніе, откуда ни возьмись, мать Серафима, «дебелая», да какъ кинется разъяренной тигрицей на оскорбителя, да какъ закатитъ ему пощечину.

— Н-на! Вотъ тебѣ за полюбовника, аспидъ.

Доносчикъ такъ и повалился кулемъ на землю.

— Ай да тетка!—засмѣялись солдаты.—Ну, и тетенька! Тебѣ бы въ царскую службу, въ гарнадеры.

Фимочка продолжала биться въ объятіяхъ отца.

— Не плачь, не убивайся, мое солнышко!—уговаривалъ ее отецъ.—Я обѣлюсь въ извѣтѣ... А ты сама ко мнѣ пріѣдешь въ Нижній.

— Со мной, со мной, ясочка! Я сама съ тобой поѣду, дитятко,—утѣшала ее мать Серафима.—Я и судьямъ-то глаза выцарапаю, коли не по правдѣ судить будутъ.

— Ну, и тетенька!—дивились солдаты.

Въ сторонкѣ стояла Луша и громко плакала.

Фимочка, наконецъ, безъ чувствъ упала у ногъ отца.

— Сомлѣла, сомлѣла, бѣдная!—прошелъ по толпѣ ропотъ сожалѣнія.

Женщины-скитницы рыдали въ голосъ.

Мать Серафима, подойдя къ безчувственной Фимочкѣ, надъ которою плакалъ отецъ, крестя дорогую головку, бережно приподняла ее, словно малаго ребенка, и, прижавъ къ своей богатырской груди, понесла сквозь толпу, кинувъ полный ненависти взглядъ на доносчика.

— Погоди, аспидъ,—прошипѣла она,—ужо будетъ тебѣ!

Роскошная коса Фимочки, спадая золотисто-каштановымъ жгутомъ почти до земли, въ послѣдній разъ блеснула среди почтительно разступившейся толпы.

— Ну, и косынька... вотъ такъ коса!—дивились солдаты.

— Да и у родителя бородка, ну!

Когда арестованные были закованы, капралъ, взявъ съ собою нѣсколькихъ солдатъ, а изъ толпы вызвавъ трехъ стариковъ въ качествѣ понятыхъ, прошелъ въ ворота главнаго скита, чтобъ забрать имѣвшіяся въ моленной книги и тетрадки, показанныя въ разспросныхъ рѣчахъ доносчика. Скоро солдаты, съ охапками книгъ, вышли изъ воротъ и свалили въ телѣгу запретную литературу лѣсныхъ обывателей.

— Прочти-ка всю эту уйму... помутится въ головѣ,—развелъ руками одинъ солдатикъ.

— У тебя и безъ того въ башкѣ-то одна муть,—улыбнулся другой.

— Ну, ты-то мудеръ, свиньѣ хвостъ натеръ!—огрызнулся первый.

Толпа угрюмо, сосредоточенно наблюдала за всѣмъ происходившимъ. То тамъ, то здѣсь проявлялись рѣзкія угрожаю-

щія движенія; но одно слово «учителя»—«братцы»! брошенное въ толпу, и она стихала. Между тѣмъ, бабы-скитницы со всѣхъ сторонъ тащили хлѣбы, пироги, печеныя яйца, огурцы, яблоки, и все это валили въ телѣги, засовывали въ принесенныя сумки и котомки, совали конвойнымъ солдатамъ въ карманы и за пазухи.

— Поберегите, родимые, старичковъ-то нашихъ,—умоляли онѣ.

—Не дайте въ обиду Іудѣ предателю... заслопите собой!

Та суетъ капралу въ руки деньги...

— Что ты, тетка? Что ты?—А самъ прячетъ деньги.

— Это отъ насъ, родимый, отъ бабъ, за то, что насъ, бабъ, не велѣлъ трогать... Свѣчечку поставишь Миколѣ милостивому.

Успѣли бабы натащить для арестованныхъ и теплой одежды. Пока все это происходило, подводчики подкормили и напоили лошадей, и телѣги скоро опять были запряжены. Стали усаживаться. Закованныхъ, словно тріумфаторовъ, скитники бережно поднимали на руки, цѣловались съ ними, цѣловали ихъ руки и прикладывались къ кандаламъ, точно къ образамъ, считая арестованныхъ мучениками за правую вѣру. А идея мученичества за правду такъ возбуждаетъ массы! Онѣ превращаются въ такой горючій матеріалъ, что достаточно одной ничтожной искры, чтобъ онъ вспыхнулъ, и тогда массовому пожару нѣтъ удержу...

Наконецъ, поѣздъ тронулся. Вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, начала креститься. Бабы взвыли, и вся масса двинулась провожать увозимыхъ.

— Вотъ тебѣ и «Европія»!—съ горечью улыбнулся бояринъ-скитникъ.

— Князь-кесарская «Европія», — улыбнулся и Непомнящій.—Тамъ—tutte le strade conducono a Roma, а у насъ—tutte le strade conducono a «principe-cesare».

Толпа съ плачемъ валила за ними, а иные опережали поѣздъ, чтобъ насмотрѣться, можетъ быть, въ послѣдній разъ на «учителя» и на «старичковъ-радѣльщиковъ».

— А что вашъ воевода, семейный человѣкъ?—спросилъ бояринъ-скитникъ капрала.

— Дочка у ево одна, замужняя, съ сыночкомъ...

— Съ внучкомъ,—многозначительно глянулъ Непомнящій въ глаза своему сосѣду по кандаламъ.

— А мужъ ейный у великаго государя при дѣлахъ,—продолжалъ капралъ.

Вдругъ изъ толпы выбѣжала съ распущенной косой, путаясь въ этихъ волнахъ волосъ, Фимочка и бросилась съ воплемъ къ передовой телѣгѣ, хватаясь то за колеса, то за облучокъ.

— Стой, стой!—закричалъ капралъ подводчику.—Подъ колеса бы бѣдная не угодила.

Фимочка снова прильнула къ отцу.

— Владычица, ахъ! Не угнаться мнѣ за дѣвкой!—вся запыхавшись и тяжело дыша, настигала телѣгу мать Серафима.—Ушла таки, Владычица... вотъ горе горькое!.. Да простоволоса, матыньки, срамота-то какая! Дѣвка съ расплетенной косой... Охъ, стыдобушка моя!

И, несмотря на отчаянное сопротивленіе, она схватила рыдающую дѣвушку въ охапку и, какъ медвѣдь ягненка, потащила назадъ. Отецъ только успѣлъ издали перекрестить дочь. А оттуда, изъ-за толпы, слышался ласковый голосъ матушки Серафимы:

— Дитятко ты мое, яблочко наливное! Сичасъ же укладываемся и сегодня же въ ночь ѣдемъ въ Нижній!.. Не убивайся, яхонтовая... Ужо я имъ всѣмъ!..

XIX.

Было хмурое, туманное утро, когда керженскихъ колодниковъ везли по узкимъ, грязнымъ улицамъ верхняго города, города Козьмы Минина. Далекое, ровное зарѣчье съ его безконечными лѣсами заволакивалось пасмурною дымкою. Сѣрая Волга казалась такою холодною, непривѣтливою. Весь городъ смотрѣлъ какъ-то угрюмо. Отъ воеводскаго двора колодниковъ, въ сопровожденіи подъячаго Малькова, провезли прямо въ острогъ, гдѣ и размѣстили по разнымъ казематамъ. Нѣкоторыя изъ оконъ съ желѣзными рѣшетками выходили на площадь и открывали далекую перспективу Волги и туманнаго зарѣчья.

— И то добро,—улыбнулся Непомнящій, оставшись одинъ въ маленькомъ полутемномъ казематѣ,—замѣсто Canale Grande вонъ матушка Волга, замѣсто Ponte dei Sospiri Piombi—сія келейка... Что-жъ, не впервой.

Его первымъ потребовали къ допросу въ приказную избу.

Такъ какъ воевода Измайловъ былъ вызванъ царемъ въ Москву, то за приказнымъ столомъ сидѣли товарищъ воеводы Кутузовъ, съ его совиными глазами, за круглыми стеклами очковъ, и сухопарый, съ выцвѣтшимъ лицомъ, подъячій Мальковъ. Кутузовъ особенно пристально посмотрѣлъ на введеннаго въ присутствіе колодника. Ему показалось, что онъ гдѣ-то видѣлъ это лицо, а особливо глаза... «Гдѣ я видѣлъ эти буркалы»? мелькнуло у него въ умѣ. Но онъ тотчасъ же приступилъ къ допросу, а подъячій, держа въ рукѣ гусиное перо, нацѣлился записывать «разспросныя рѣчи».

— Имя твое и отчество?—спросилъ Кутузовъ, пристально смотря чрезъ свои стеклянныя колеса.

— Никита безъ отчества,—отвѣчалъ колодникъ.

— Какъ безъ отчества?

— Не было отца у меня, потому и безъ отчества,—пожалъ плечами допрашиваемый,—сказывали, что я завелся съ плѣсени въ помойномъ ведрѣ,—добавилъ онъ презрительно.

— Не говори гнилыхъ рѣчей,—строго замѣтилъ Кутузовъ.—Явка на тебя въ изблеваніи хулы на его царское пресвѣтлое величество... Винишься въ томъ грѣхѣ?

— Не винюсь... Таковой дурости за мной не важивалось,—былъ отвѣтъ.

— А коли улика на лицо?

— Нѣтъ таковой улики и быть не можетъ.

Кутузовъ вынулъ изъ-подъ сукна знаменитую засаленую «тетрадку».

— Вотъ улика... Винись до застѣнка.

— Не винюсь... Знаю я сіе вяканье... читывалъ... Токмо въ таковой блевотинѣ, каковая въ сей тетрадкѣ наблевана, я не причастникъ,—твердо отвѣчалъ Непомнящій.

Кутузовъ сталъ перечитывать допосъ, записанный со словъ Черныхъ.

— Явка на тебя якобы ты наглостно именовалъ его царское пресвѣтлое величество антихристомъ, якобы, по свидѣтельству «Апокалипсиса», оный антихристъ царствуетъ надъ нами,—настаивалъ Кутузовъ, пожирая глазами допрашиваемаго.

Непомнящій презрительно пожалъ плечами.

— Я «Апокалипсисъ» читывалъ и знаю подлинно,—отвѣ-

чалъ онъ съ презрительной улыбкой,—токмо въ «Апокалипсисѣ» не сказано, что антихристъ будетъ креститься «пучкою» и нюхать табакъ... А тѣ, за кого ты меня принимаешь, токмо на семъ конѣ и ѣздятъ... Вѣдомо, что того, кого они, невѣгласы, антихристомъ называютъ, и въ глаза не видали.

— А ты, я чай, видѣлъ?—подозрительно смѣрилъ его глазами Кутузовъ, удивляясь рѣчистости и смѣлости колодника.

— Видывалъ, случалось, и хлѣбъ-солъ вмѣстѣ ѣдалъ.

Арестантъ становился все подозрительнѣе.

— Ну, съ такими, какъ ты, керженскими филинами, великому государю дѣлить хлѣбъ-соль не прилика, — недовѣрчиво проговорилъ Кутузовъ, котораго все больше подмывало узнать, кто это стоитъ передъ нимъ.

Но теперь онъ готовъ былъ уже положительно утверждать, что гдѣ-то видѣлъ этого страннаго человѣка и слышалъ эти дерзкія и презрительныя рѣчи.

— А давно ты въ скитахъ?—спросилъ онъ, не зная, за что ухватиться.

— При мнѣ только разъ грачи птенцовъ тамъ вывели, — былъ отвѣтъ.

— Мекаю, съ весны,—улыбнулся слѣдователь такому необычному опредѣленію времени.—А допрежь того гдѣ хоронился?

— Бывалъ и на морѣ, и за моремъ.

— И за моремъ... Гмъ! Поди, самъ великій государь посылалъ за море учиться?—все болѣе и болѣе дивился Кутузовъ.

— И самъ ѣздилъ, и съ великимъ государемъ,—отвѣчалъ арестантъ.

Подъячій, что записывалъ отвѣтныя рѣчи, и перо положилъ.

— Почто-жъ ты въ скиты схоронился? Провинка была какая?—все болѣе и болѣе сбивался съ толку Кутузовъ.

Арестантъ разсмѣялся.

— Чуденъ ты, полубояринъ,—сказалъ онъ небрежно,— кто-жъ тебѣ вины свои скажетъ? Ты не попъ, да и тому не все говорятъ.

Такой дерзкій языкъ возмутилъ, наконецъ, Кутузова. Онъ видѣлъ, что арестантъ глумится надъ нимъ.

— Дерзъ ты на языкъ, бродникъ, — угрожающе сказалъ онъ.—У меня въ застѣнкѣ есть попъ, которому ты все скажешь... И не такимъ, какъ ты, языки развязывалъ.

Но тутъ осѣнила его мысль. Онъ вспомнилъ, гдѣ видѣлъ этого дерзкаго арестанта. Да, это былъ онъ... Только тогда онъ былъ въ духовномъ облаченіи. Кутузовъ служилъ прежде въ Москвѣ, въ патріаршемъ приказѣ, и въ Нижній переведенъ недавно... Онъ вспомнилъ, что тамъ, въ патріаршемъ приказѣ, онъ допрашивалъ, вмѣстѣ съ дьякомъ того приказа, вотъ этого самаго дерзкаго арестанта. Ключъ найденъ, и замокъ долженъ сейчасъ отомкнуться: онъ поставитъ его втупикъ нѣкоторыми напоминаніями.

— Высоко ты началъ летать, гдѣ-то сядешь?—заговорилъ онъ съ торжествующей улыбкой.—Ты похвалялся въ Москвѣ, что перескочишь черезъ освященный соборъ, потому-де, что онъ не «соборъ», а «заборъ»; курица-де черезъ тотъ «заборъ» не перелетитъ, а орелъ-де и не черезъ такой перелетывалъ.

— Я такими безлѣпичными рѣчами не похвалялся,—спокойно отвѣчалъ арестантъ.

— Добро!.. Я тебя заставлю скакать на дыбѣ черезъ сыромятный заборъ. Увидишь!—выходя изъ себя, говорилъ Кутузовъ. — А кто святѣйшихъ патріарховъ называлъ «потерхами»?

— Не я,—былъ отвѣтъ.

— Добро-ста... Я доберусь до тебя... Дай-ка мнѣ только навести справки въ патріаршемъ приказѣ, и я тебя представлю князю Ромодановскому въ Преображенскій приказъ готовенькимъ, словно облупленное яичко... А онъ, князь Ѳеодоръ Юрьичъ, и до желтка доберется—торопливо бросалъ слова Кутузовъ, въ которомъ заговорила кровь сыщика. Онъ гордился тѣмъ, что вотъ-вотъ распутаетъ, завязанную мертвымъ узломъ, государственную тайну... Не промахнуться бы только, не напортить бы торопливостью... Тутъ пахнетъ чѣмъ-то большимъ... Отъ большого дѣла и шагнуть можно будетъ далеко, прямо на воеводство.. Да слышно, что и великій государь намѣренъ быть въ Нижнемъ... Вотъ тутъ и поднести его царскому величеству красненькое яичко, а онъ и пошлетъ его князю-кесарю...

Кутузовъ рѣшилъ отписать въ патріаршій приказъ и просить выслать ему «вымѣтку», да самую наиобстоятельнѣйшую, изъ того дѣла, по которому въ томъ приказѣ судился какой-то «лихуденъ», что у Лихудовъ учился, а потомъ за моремъ, какъ онъ набрался тамъ «западной прелести» и «латынской скверны»

и обзывалъ освященный соборъ «заборомъ», а святѣйшихъ патріарховъ «потеряхами». Притомъ же Кутузовъ не рѣшался подвергать колодниковъ пыткѣ безъ Измайлэова, который не охочъ былъ до кровавой расправы...

«А тѣмъ временемъ и вымѣтка изъ дѣла подоспѣетъ», — порѣшилъ онъ въ своемъ умѣ. Больше онъ не сталъ допрашивать дерзкаго колодника и тотчасъ же велѣлъ снова отнести его въ казематъ.

— Посидишь, прыть спустишь.—кинулъ онъ ему вслѣдъ.

Въ тотъ же день, подъ вечеръ, къ тюремному сторожу, что сидѣлъ въ шалашѣ у острожныхъ воротъ и ковырялъ кочедыкомъ лапти, подошли двѣ женщины, одѣтыя черничками. Одна— высокая, плотная, уже пожилая; другая — молоденькая. Обѣ закутаны почти до глазъ черными платками. Подходя къ сторожу, онѣ услышали, что онъ мурлычетъ себѣ подъ носъ:

Сплету лапотки,
Продамъ тамотка,
А ялтынъ получу
И поставлю свѣчу.

Эта нехитрая импровизація и привлекла, повидимому, вниманіе странницъ.

— Богъ въ помощь, человѣче,—сказала старшая.—Лапотки ковыряешь?

— Лапоточки, матушка,—добродушно отвѣчалъ старикъ.

— Богородицѣ на свѣчечку?

— На свѣчечку, матушка.

— Такъ прими и отъ насъ грѣшныхъ на свѣчечки за здравіе рабовъ божіихъ Кирилы, Никиты, Кузьмы и Исая,—продолжала старшая и вложила въ недоплетенный лапоть нѣсколько серебряныхъ монетъ.

Ошеломленный такою щедрою подачкой, старикъ быстро поднялся съ своего обрубка, на которомъ сидѣлъ, и сдѣлалъ поясной поклонъ, касаясь земли двумя пальцами. Онъ думалъ, что передъ нимъ стоитъ переряженная царица, которую онъ воображалъ огромнаго роста. Передъ нимъ и стояла именно такая, ни рукой достать, ни въ обхватъ обнять.

— Издалеча, государыня, пожаловали?—съ опаскою спросилъ старикъ, чувствуя свое ничтожество.

— Отъ Макарья, дѣдушка, къ святымъ угодничкамъ, да

хотѣли бы поклониться образкомъ преподобнаго Макарья Желтоводскаго матушкѣ-воеводихѣ.

— Ахъ, государыня, воеводихи-то у насъ нѣту-ти... вдовый онъ... съ дочкою... А воеводитъ у насъ сама Кутузиха,—шопотомъ прибавилъ старикъ.—Страхъ любитъ поклоны, особливо коли ежели съ барашкомъ въ бумажкѣ, а то и въ тряпочкѣ.

— Это какъ же, дѣдушка?—недоумѣвала странница.

Старикъ скорчилъ хитрую гримасу и правой рукой сунулъ въ полуразжатый кулакъ лѣвой. Нѣмая пантомима была понята, и въ рукѣ тюремнаго сторожа очутился барашекъ безъ бумажки. Вечеромъ того же дня мать Серафима и Фимочка сидѣли уже у Кутузихи, которая самымъ любезнымъ образомъ угощала ихъ коломенской «двусоюзной» пастилой и жамками. Должно быть, хорошаго «барашка» получила...

— Мой-то сказывалъ мнѣ нонѣ объ нихъ по тайности,—говорила полушопотомъ Кутузиха, повидимому, продолжая начатый разговоръ.—Одного, слышь, этто вызывалъ въ приказную избу...

— Котораго, матушка? — также полушопотомъ спросила мать Серафима, тревожно взглянувъ на Фимочку.

— Самаго-то главнаго... Мудренъ, говоритъ, у! мудренъ.

— Который же это, матушка?

— Да тотъ, что «непомнящимъ» укрывается... Не простая говоритъ, птица онъ: съ царскаго, поди, насѣсту. Высокаго—думаетъ мой-то, высокаго лету птица!

И мать Серафима, и Фимочка испуганно перекрестились.

— Да вы не бойтесь, милыя,—успокоивала ихъ Кутузиха:—ужъ коли ежели что, да я и тово...

Мать Серафима полѣзла за пазуху, покопалась тамъ и тихонько положила на столъ передъ Кутузихой порядочную стопку ефимковъ. Кутузиха любовно прикрыла ихъ широкою ладонью.

— Ужъ коли ежели да что, такъ у меня...

Она не договорила, а мать Серафима снова полѣза за пазуху...

— У меня, милыя есть такое...

На столѣ снова появилась стопка ефимковъ. И ее Кутузиха любовно прикрыла ладонью, а потомъ продолжала шопотомъ:

— Есть у меня «разрывъ-трава»... всѣ замки отмыкаетъ...

— Тебѣ лучше знать, матушка,—прошептала въ свою очередь мать Серафима.

— Я ужъ знаю... А то и «краснепькаго пѣтушка» подпущу къ бумагамъ въ приказной избѣ... Были бумажки, и нѣтъ ихъ...

— Матушка ты наша! По гробъ жизни... А мы и еще... не постоимъ...

— Ужъ я знаю, милыя... Своего-то я припугну, чтобы ни-ни! и пальцемъ не тронулъ бы ихъ...

XX.

Царь Петръ Алексѣевичъ въ Нижнемъ. Теплый, ясный зимній день. Царь стоитъ надъ крутымъ откосомъ, спускающимся къ Волгѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время стоитъ памятникъ Минину.

Петръ радостно возбужденъ. Лицо его пылаетъ вдохновеніемъ... И не удивительно! Сегодня только гонецъ отъ Шереметева изъ Ливоніи привезъ ему небывалое извѣстіе: шведы разбиты на голову!... Первая, первая побѣда русскихъ надъ «злобнѣйшими свеями»!... Развѣ это не радость, не ликованіе?.. Три тысячи свеевъ полегло на мѣстѣ при мызѣ Эрестферъ, триста пятьдесятъ взято въ полонъ со всѣми знаменами... И это послѣ Нарвы! На минуту краска стыда и негодованія заливаетъ мужественное лицо богатыря... Нарва, постыдная Нарва!.. Но она отомщена при Эрестферъ, какое дивное слово!..

— Это моя Арбелла!—невольно шептали его губы.—Но будетъ и Гаугамелла... будетъ... Я самъ поведу на дерзкаго Дарія мои легіоны!

Вдохновенный взоръ его останавливается на безконечной равнинѣ зарѣчья съ цѣлымъ океаномъ темнѣющихъ лѣсовъ.

«Это мои боры, мои сокровища!—говоритъ кто-то въ его возбужденномъ мозгу.—Сіи сокровища дадутъ мнѣ тысячи кораблей... Волга не Воронежъ... Мои флоты покроютъ собою и Каспій и Mare Internum... Не то! Не «ex Oriente lux», а «ex Occidente»... Мое солнце съ запада идетъ... Съ постылой Москвой, съ сею умственной плѣсенью, раздѣлаться бы только... Я поставлю мой тронъ на берегу моря, на виду у всѣхъ, а не на Сивцовомъ Вражкѣ... нѣтъ, на берегу моря, пускай всѣ видятъ шапку Мономаха»!

Нѣсколько въ сторонѣ, въ почтительномъ отдаленіи, стоятъ Измайловъ, Скляевъ, Верещагинъ, молодой Лыковъ и Кутузовъ, со своими колесами на багровомъ носу.

— Сими вѣстями отъ Шереметева шибко заряженъ нонѣ нашъ чадушка,—съ улыбкой шепчетъ Скляевъ Измайлову.— Теперь у него что хочешь проси... Да и пойдетъ же онъ теперь дуги гнуть по медвѣжьи!.. Я вижу, глядитъ туда на лѣса... Дастъ онъ намъ работку: велитъ не сотни, а тысячи кораблей строить...

Царь круто повернулся къ стоявшимъ и замѣтилъ улыбку Скляева.

— И тебѣ, вижу, радостно, драный?—весело сказалъ онъ, подходя ближе.

— Все драный, да драный, государь!—какъ будто обидчиво проговорилъ хитрый навигаторъ, правая рука царя по корабельному строенію.—Не я ли тебѣ говаривалъ: кто-де у тебя, въ твоемъ царствѣ, не дранъ живетъ! Сколько дубинокъ на своихъ подданныхъ изломалъ, сколько корабельнаго мачтоваго лѣсу извелъ на сіи дубинки... Оставь хоть малость лѣсу для твоихъ преемниковъ...

— И моимъ преемникамъ лѣсу хватитъ, драный!—ласково проговорилъ царь.—Вонъ смотри, радуйся!

И онъ указалъ на зарѣчье.

Затѣмъ онъ обратился къ Измайлову и сталъ говорить съ нимъ о лѣсахъ, о мѣстѣ для постройки кораблей, о спускѣ въ Волгу лѣсу для судовъ по Унжѣ, по Керженцу, по Ветлугѣ. Гдѣ устроить верфи? Одну можно въ Нижнемъ, другую у Макарья. Разговаривая такимъ образомъ, они вышли на базарную площадь. Въ это время, чрезъ площадь проходила партія колодниковъ съ «колодничимъ старостою» во главѣ и съ конвойными: это арестанты «ходили по міру» за пропитаніемъ. Въ то время, какъ и вообще въ старой Руси, на содержаніе арестантовъ ничего не полагалось отъ казны: они должны были кормиться «отъ міра», подаяніемъ. Для этого ежедневно изъ острога выводили подъ присмотромъ «колодничаго старосты» партію колодниковъ, обвѣшанныхъ мѣшками, длѣ хлѣба, крупы, муки, соли и другихъ даяній, и съ кружками въ рукахъ, для копѣечекъ, полушекъ, алтыновъ и прочей монетной мелочи. И бродили эти партіи подъ окнами, по дворамъ, по базарамъ. Кто давалъ каравай хлѣба, кто горсть соли, ковшъ муки, гарнецъ крупы, кто алтынъ

а сердобольныя бабы и болѣе, особенно изъ зажиточныхъ посадскихъ женъ. Такая партія ходила и теперь. Случайно, на этотъ разъ, попалъ въ очередь, въ число сборщиковъ милостыни, и нашъ бояринъ-скитникъ. Проницательный взоръ царя остановился издали на кучкѣ арестантовъ. Выразительное лицо его нервно передернулось.

«Сіе безобразіе слѣдуетъ искоренить въ моемъ царствѣ»,— мгновено рѣшилъ царь въ умѣ.

Онъ пошелъ навстрѣчу арестантамъ.

— Много у тебя колодниковъ?—спросилъ онъ Измайлова.

— Ста два будетъ, государь,—отвѣчалъ послѣдній.

— А есть и важные преступники?

— Нѣтъ, государь: больше все тати, да твои государевы недоимщики, да еще четверо раскольниковъ, по язвѣ на нихъ доносителя.

Вдругъ царь невольно остановился. На лицѣ его выразилось крайнее изумленіе...

— Что сіе есть?—сорвалось съ его устъ.—Привидѣніе? Воскресшій?..

Онъ глянулъ на шедшаго сзади молодого Лыкова. Тотъ былъ страшно блѣденъ. Казалось, онъ шатался...

Въ глазахъ царя блеснулъ недобрый огонекъ.

— Издѣвка?... Обманъ?..

Но лицо его тотчасъ же снова прояснилось...

«Эрестферъ... Моя Арбелла... первый день радости»,—шевелилось у него въ душѣ.

Колодники и солдаты пріостановились. Царь пошелъ прямо на нихъ.

— Бояринъ Лыковъ... Кирило Андреевичъ... ты ли это?— спросилъ онъ сухо.

— Я, государь.—смѣло отвѣчалъ бояринъ-скитникъ.

— Такъ ты не утонулъ? Обманулъ меня?

— Да, государь для тебя и для міра я утонулъ... Я въ тѣ поры не перенесъ безчестья... Лыковы, вѣрные слуги земли русской, никогда «собаками» не бывали, ни тогда, когда бились съ поляками за престолъ своихъ государей, ни тогда, когда подносили твоему дѣду Мономахову шапку.

Эта смѣлая рѣчь арестанта поразила царя и понравилась ему. Онъ любилъ прямоту и душевное мужество.

— И ты не восхотѣлъ служить внуку того, кому твой дѣдъ подносилъ Мономахову шапку? — съ ироніей, но не гнѣвной, спросилъ онъ.

— Собаки служатъ своимъ господамъ только на псарнѣ, въ полѣ да въ лѣсу,—былъ отвѣтъ.

— Хвалю за сей отвѣтъ,—улыбнулся царь,—какъ ты попалъ сюда?

— По извѣту, государь, по поклепу.

Царь глянулъ на Измайлова.

— Я, государь, только было началъ чинить надъ нимъ розыскъ, какъ ты указалъ мнѣ быть неукоснительно въ Москвѣ,— отвѣчалъ воевода.

Царь глянулъ на Кутузова.

— По сыску, великій государь, полагаю, что извѣтъ на него взведенъ по насердкамъ,—дрожащимъ голосомъ проговорилъ Кутузовъ.

— Какъ? По насердкамъ?

— Точно такъ, ваше царское величество, по насердкамъ... осерчалъ на нихъ извѣтчикъ по своему воровству... и наклепалъ...

Царь приблизился къ боярину-скитнику.

— Я узналъ тебя по бородѣ... Борода твоя погубила было тебя, борода же и спасаетъ... Въ сей день, его же сотвори Господь мнѣ днемъ радости, я забываю вины твои, бояринъ Кирило Андреевичъ, и самъ винюсь передъ тобою. Я тогда погорячился... зѣло распалили мою ярость стрѣльцы и бородачи... А нынче, на радостяхъ, дарую тебѣ и жизнь, и боярство, и почести, и, паче всего, дарую тебѣ твою бороду!

Звеня желѣзомъ кандаловъ, Лыковъ упалъ на колѣни и со слезами цѣловалъ помиловавшую его руку. Другую руку царя покрывалъ поцѣлуями молодой Лыковъ. Все, что было на базарной площади, казалось, застыло съ того момента, какъ царь остановился передъ арестантами. Изъ базарной толпы выдѣлились, стоявшія въ сторонѣ, двѣ женскія фигуры во всемъ черномъ. То были мать Серафима и Фимочка. Онѣ слышали все, что говорилъ царь и бояринъ-скитникъ.

Вдругъ царь почувствовалъ, что его руку схватили теперь

чьи-то нѣжныя ручки и къ ней прильнули горячія губки. Онъ глянулъ со своей исполинской высоты... Что это?.. Видѣніе?..

Вмѣсто Лыковыхъ отъ его мозолистой руки отклонилась женская головка и на него глянуло прелестное, почти дѣтское, заплаканное личико.

— Ты кто?—съ ласковымъ удивленіемъ спросилъ царь.

— Я Лыкова, государь, Евфимія!..

Государь ласково улыбнулся, взялъ Фимочку за подбородокъ и поцѣловалъ въ лобъ.

— И такую-то красоту родной отецъ не задумался погубить ради злобы своей на меня,—покачалъ онъ головой, любуясь смущеніемъ дѣвушки.

А потомъ, обратившись къ молодому Лыкову, который весь сіялъ отъ неожиданнаго счастья, прибавилъ:

— Чтожъ ты не здороваешься съ сестрой?

— Я, государь...

Но онъ не могъ продолжать... Фимочка уже висѣла у него на шеѣ.

— Гриша, родной мой... Гришута!

— Фима, дѣвынька! Да какая ты большая!

Только гордая раскольница величаво, какъ истуканъ, стояла въ сторонѣ и не двигалась, хотя могучая грудь ея порывисто вздымалась двумя волнами подъ чернической одеждой, а по щекамъ текли слезы. Мать Серафима еще не простила царя, потому что ея «старички» продолжали сидѣть въ острогѣ, отягченные оковами, и она, подобно Настасьѣ Микуличнѣ, готова была, кажется, выкрикнуть, какъ та выкрикнула богатырю Дунаю Ивановичу:

Ай же ты, Дунаюшка Ивановичъ,
Что не царь ли Петра Алексѣевичъ!
Не пустымъ ли ты, Петра, расхвастался
Супротивъ меня, матушки Серафимушки!..

— Расковать сейчасъ же боярина Лыкова,—сказалъ царь, ни на кого не глядя.

Въ ту же минуту къ боярину-скитнику торопливо подошелъ колодничій староста и висѣвшими у пояса его ключами разомкнулъ на Лыковѣ кандалы и наручни.

— А теперь я къ тебѣ, Андрей Петровичъ,—обратился царь

къ Измайлову.—Твоя молодайка, я чаю, уже сварила щи для нежданнаго гостя.

Измайловъ низко поклонился.

— Моя дочка, государь, за превеликое счастье сочтетъ угостить щами и чѣмъ Богъ послалъ ваше царское пресвѣтлое величество, своего милостиваго отца посаженаго,—церемонно отвѣчалъ Измайловъ.

— И новоявленнаго боярина съ боярышней?—улыбнулся царь.

— И ихъ, государь, своего свекрушку дорогого и золовушку милую, — поклонился Измайловъ въ сторону стараго Лыкова и Фимочки.—Да позволь, государь, пригласить и твоихъ слугъ вѣрныхъ...

— Это драпаго-то да Лукьяна?

— Ихъ, государь.

— Зови, зови, они ребята стоющіе... только одинъ-то все же, вѣдь, битый...

— За битаго, государь, двухъ небитыхъ даютъ,—замѣтилъ Измайловъ.

— Да, у меня немало такихъ двойней,—засмѣялся царь, и пошелъ къ воеводскому двору.

Всѣ двинулись за нимъ. Базарная площадь огласилась криками:

— Слава нашему государю, слава! слава!

Только гордая раскольница продолжала неподвижно стоять въ сторонкѣ, тяжело вздыхая, и, казалось, готова была съ Ильею Муромцемъ воскликнуть:

Ой ты, мать сыра земля, поразступися-ка!
Небеса вы синія, раздайтеся!
Темны тучи, во-едино не скопляйтеся!
Богатырской силушкѣ стало тошнехонько—
Горе лютое со мною приключилося...

Ей казалось, что она совсѣмъ осиротѣла, и изъ ея глазъ ручьемъ лились слезы, которыхъ она и не замѣчала. Но въ это время отъ группы, сопровождавшей царя, незамѣтно отдѣлилась Фимочка и подбѣжала къ старухѣ.

— Матушка, родная моя!—порывисто обняла ее дѣвушка.—Не плачь, родная... Я упрошу за нихъ царя, упрошу.

— Золото мое!—только и могла сказать богатырь-матушка.

XXI.

Фимочка сдержала слово. За обѣдомъ царь былъ заразительно веселъ. Острилъ, по обыкновенію, надъ Скляевымъ, увѣряя, будто князь-кесарь сожалѣетъ теперь, что мало дралъ «правую руку царя», и тутъ же хвалилъ своего талантливаго навигатора, говоря, что скоро произведетъ «дранаго» въ адмиралы, если только Ивашка Хмельницкій раньше не произведетъ его въ «Бахусова намѣстника» (Скляевъ любилъ «зѣло» выпить); дразнилъ молодого Лыкова, увѣряя, что «шпанскій король идетъ на Россію ратью», чтобы отнять у Гришки Лыкова его женку Оленушку, которая, находясь въ полону, заручена была «шпанскому дукѣ Альварецову». Гришка Лыковъ, конечно, изображалъ при этомъ изъ себя печенаго рака, а Оленушка стыдливо улыбалась Фимочкѣ, которую сразу полюбила всю—«отъ пяточекъ до темушка». Не давалъ спуску царь и боярину-скитнику, спрашивая, продолжаетъ-ли онъ по раскольничьи креститься «сорочьимъ хвостомъ». Неразговорчиваго Верещагина называлъ «молчальникомъ» и обѣщалъ надѣть на него схиму. Досталось и Фимочкѣ, которая была почему-то очень печальна.

— А сію царевну Несмѣяну, большекосую скитницу, отдамъ я замужъ за «дранаго»: съ нимъ она возсмѣется!—говорилъ царь, любуясь нѣжной красотой Фимочки.

Но, замѣтивъ, что дѣвочка при его словахъ страшно поблѣднѣла, онъ догадался, что это не спроста, что у дѣвочки есть уже зазноба. Но кто? Неужели въ скитахъ, на Керженцѣ?.. Надо дознаться...

— Нѣтъ, «драный» не стоитъ тебя, царевна Несмѣяна,—сказалъ онъ ей въ концѣ обѣда.—Ты лучше сама выбери себѣ жениха, да умнаго, ученаго... А понеже сей день, его же сотвори Господь мнѣ на велію радость, то я теперь же обѣщаю тебѣ исполнить все, о чемъ бы ты меня ни попросила, черничка моя...

И царь подошелъ къ Фимочкѣ и погладилъ ее по русой головкѣ. Дѣвушка вспыхнула и потупилась.

— Государь,—несмѣло прошептала она,—дозволь теперь же попросить тебя...—Слова не шли съ ея языка.

— О чемъ же, Евфимія?—серьезно спросилъ царь.

— Помиловать... нашихъ...—И опять слова застряли въ горлѣ.

— За кого же? Говори смѣло.. Я обѣщалъ... Слово царя свято.

— За старичковъ нашихъ... да... да за... Микиту...

Царь мгновенно что-то сообразилъ своею геніальною прозорливостью. Она проситъ за «старичковъ»... прежде за «старичковъ»... Она—женщина. А женщина самое важное ставитъ въ концѣ, послѣ неважнаго. женское лукавство... Не она соблазнила Адама, а змѣй ее соблазнилъ. Какой-то «Микита» въ концѣ просьбы... Кто онъ?

— Кто они, за кого она проситъ?—глянулъ онъ на Измайлова.

— Два скитскихъ старца, государь, да какой-то Никита «непомнящій».

— Онъ, государь, мнится мнѣ, не Никита, а Петръ,—осмѣлился вставить слово Кутузовъ, все время почтительно молчавшій.—При сыску, государь, я, кажись, вѣрно опознялъ его.

— Каковымъ образомъ? Не догадкою?

— Я, ваше царское величество, находясь допрежь сего въ патріаршемъ приказѣ, въ подъячихъ, чинилъ розыскъ надъ нѣкіимъ Петромъ Артемьевымъ, что былъ съ Іоанникіемъ Лихудою за моремъ и облатынился... Зѣло ученъ человѣкъ и разнымъ языкамъ навыченъ. Разстригли его въ тѣ поры... А нонѣ я, опознавши его здѣсь, просилъ патріаршій приказъ выслать мнѣ вымѣтки изъ того розыску. И нонѣ, государь, я и паче утвердился въ томъ сумленіи, не Петръ ли Артемьевъ онъ?.. А какъ онъ попалъ въ керженскіе скиты, того, государь, онъ не говоритъ.

Государь глянулъ украдкою на Фимочку. Она теперь была еще блѣднѣе прежняго, готовая лишиться чувствъ.

«Онъ,—порѣшилъ царь въ умѣ.—Но какъ? Что?.. Я самъ долженъ распутать сей клубокъ».

— Спасибо тебѣ, Тимофей, за усердіе,—сказалъ онъ Кутузову.—Я самъ докончу твой розыскъ. Ученыхъ людей у меня мало, и я таковыми зѣло дорожу... А что я обѣщалъ тебѣ, я исполню свято, — обратился онъ съ улыбкою къ убитой Фимочкѣ,—твоихъ «старичковъ» и твоего «Микиту» всенепремѣнно помилую.—На словѣ «твоего» онъ сдѣлалъ удареніе, такъ что Фимочка опять вспыхнула.

Дѣйствительно, послѣ обѣда, государь тотчасъ же отпра-

вился въ приказную избу. За нимъ послѣдовали Измайловъ и Кутузовъ, послѣдній весь расцвѣлъ отъ царской похвалы. Помѣстившись за присутственнымъ столомъ, государь приказалъ подать ему дѣло («розыскъ») о раскольникахъ керженскихъ лѣсовъ. Читая прежде всего «разспросныя рѣчи», собственно доносъ Черныхъ, государь нервно хмурилъ брови, а когда дошелъ до знаменитой «тетрадки» объ антихристѣ, то сейчасъ же брезгливо отбросилъ ее въ сторону.

— Знаю сію плѣсень. Оною у князь-кесаря попѣ печи топятъ,—презрительно проговорилъ онъ.

Чтеніе продолжалось. Измайловъ и Кутузовъ, напряженно слѣдя за выраженіемъ лица государя, невольно чувствовали страхъ, лицо это, еще недавно столь оживленное, радостное, теперь становилось все мрачнѣй и мрачнѣй. Точно грозовая туча надвигалась на него... Вотъ-вотъ разразится гроза...

— Боже всесильный!—съ тоскою въ голосѣ, а не съ гнѣвомъ, воскликнулъ государь.—Боже великій! Почто осудилъ ты меня царствовать надъ подданными, ниже звѣрей лѣсныхъ обрѣтающимися? Доколѣ, Господи, мракъ невѣжества будетъ осѣнять страну мою?

Государь всталъ и нервно зашагалъ по приказной избѣ, хотя въ этой избѣ тѣсно было великану.

— Не для нихъ ли я ночей не досыпаю, куска не доѣдаю, трясусь изъ конца въ конецъ моего царства въ простой телѣжонкѣ, какъ захудалый ямщикъ, по прежестокимъ дорогамъ безъ мостовъ? О, бѣдная, бѣдная страна! Бьюсь, какъ рыба объ ледъ, чтобъ сдѣлать ихъ людьми, просвѣтить ихъ темный разумъ, имъ же добра желаючи, а они, на поди! въ антихристы меня записали.

Онъ опять присѣлъ къ столу, нервно шурша бумагами.

— А сіе что? Какіе рога? Якобы, я отнялъ у вѣнчика на образѣ Спаса два рога и положилъ копю подъ чрево... Какой конь? Для чего я подъ чрево ему буду класть рожки отъ вѣнца на образѣ? И это мои подданные!.. Каковъ попъ, таковъ и приходъ. Истинно такъ, все попы, все сіи Аввакумы, Пустосвяты! А я-то, царь, я что такое?.. Скажутъ, по Сенькѣ и шапка... Не хочу я Сенькину шапку носить, не хочу и не буду... Хочу, чтобъ славна была и свѣтомъ блистала моя Русь... Хочу, и будетъ свѣтъ!

Государь задумался. Нервное возбужденіе, казалось, стало утихать. Онъ тяжело вздохнулъ.

— Одну мнѣ великую радость сегодня послалъ Господь, и ту мнѣ отравили мои подданные, мои дѣти. Мнѣ не вѣрятъ, а вѣрятъ какимъ-то звѣрямъ, въ лѣсахъ живущимъ: тысячи, милліоны вѣрятъ...

Онъ отодвинулъ отъ себя «розыскъ» и взялъ справки, присланныя изъ патріаршаго приказа. Чтеніе продолжалось. Странно! И Измайловъ, и Кутузовъ замѣтили, что, по мѣрѣ чтенія, лицо государя прояснялось, иногда по губамъ скользила улыбка.

— Такъ, такъ... истинно. И я скажу, «потеряхи»... Истинно «потеряхи»: образъ Божій и сами потеряли, и пасомыхъ овецъ въ звѣрей обратили... Въ Италіи, вижу, обучался... свѣту въ Римѣ искалъ... «Потеряхи», «заборъ», вотъ измыслилъ!.. Не будетъ и у меня «потеряхъ», я поставлю надъ вѣрою святѣйшій синодъ, ему вручу душу моего народа.

Государь продолжалъ читать.

— Зѣло дивно, зѣло назидательно!.. Это онъ пишетъ къ отцу своему, священнику. Какая, по истинѣ, глубокая вѣра, какое огненное рвеніе къ истинѣ!.. Прислушайте,—обратился государь къ Измайлову и Кутузову.

Тѣ приблизились и почтительно остановились, полные вниманія.

— «Батюшка, батюшка! — читалъ государь. — Лазилъ я, лазилъ въ мысленную Христа бездны язву на небо, а нынѣ лѣзу, лѣзу и въ круцификсъ Его писанный тобою: лѣзу въ ребренную Его язву сердцемъ, гвожжю къ рукамъ Его мои руки, и, отнявъ у Него уста Его, дѣлаю въ нихъ своя уста и говорю съ Нимъ такъ по Бернарду:—не хощу, Господи мой, безъ язвъ жити, когда вижу тебя всего въ язвахъ, остави съ собою, Господи, мнѣ хотя одинъ уголокъ на крестѣ; да распнусь съ Тобою! Слыхалъ у Тебе, что того ради меня нареклъ еси Петромъ, да Петровы теплоты причастникъ буду, и се не погрѣшилъ еси воистину *)...

Государь отодвинулъ отъ себя бумаги. Энергическое лицо его опять приняло радостное, одухотворенное выраженіе.

---

*) Письмо это—историческій документъ.

— Каковъ пламень вѣры... какова сила и глубина сумнѣнія!—говорилъ онъ со сверкающимъ взоромъ.—И за сію вѣру его осудили!.. Нѣтъ, не оскудѣ русская земля, дондеже на ней, среди плевелъ, произрастаетъ такое зерно... И сей свѣточъ хотѣли загасить пустосвяты... И свѣточъ укрылся въ керженскихъ лѣсахъ... не диви, на Москвѣ такой свѣтъ задуютъ. Тамъ нужно, чтобъ токмо чадило отъ каганца... чаду больше, а не свѣту. Позвать его сюда,—сказалъ онъ вдругъ.

Кутузовъ бросился исполнять приказаніе царя. Черезъ нѣсколько минутъ ввели Непомнящаго.

— Сейчасъ же снять съ него кандалы! — распорядился государь.—Душу живую не заковываютъ.

Желѣза тотчасъ же были сняты съ рукъ и ногъ удивленнаго колодника, по лицу котораго прошла неразгаданная тѣнь, подмѣченная, однако, зоркимъ глазомъ царя.

— Не бойся, Петръ Артемьевъ, — ласково проговорилъ онъ:—я уже за глаза помиловалъ тебя и вины за тобою ни единыя не нахожу, въ томъ тебѣ порукою мое слово, слово царя. Говори мнѣ смѣло правду: я впередъ разрѣшаю всѣ вины твои... Подлинно ты Петръ Артемьевъ?

— Подлинно, государь,—смѣло отвѣчалъ этотъ послѣдній.

— Гдѣ началъ ты наученіе свое?

— У отца, въ Суздали, государь, а продолжалъ оное у Лихудовъ.

— Въ которомъ году уѣхалъ ты съ Іоаннникіемъ въ Италію?

— Въ 88-мъ, государь.

— Что изучалъ тамъ?

— Богословіе, риторское искусство, философію и все, до чего возможно досягать уму человѣческому. Тамъ, государь, я увидѣлъ свѣтъ: возвратившись въ отечество свое, нашелъ мракъ...

— Правда, зѣло горькая правда,—тихо проговорилъ царь.— А потомъ?

— Я, государь, осмѣлился нарушить сей мракъ хотя единою искрою, и мракъ осудилъ мою дерзость... Меня разстригли... Меня послали въ заточеніе, и я пошелъ съ моею челобитною къ тому, коего заушали за то, что Онъ пришелъ въ міръ свидѣтельствовать истину... Я мыслилъ, государь, что тамъ, гдѣ Его кровь оросила землю, земля сія отвѣтитъ мнѣ на вопль мой: «что есть

истина?», если Пилатъ, вопросившій Его объ истинѣ, не восхотѣлъ выслушать его отвѣта.

Слова эти поразили государя.

— Какъ такъ, не хотѣлъ выслушать?—спросилъ онъ.

— А какъ же, государь: у евангелиста Іоанна, Іисусъ, говоря Пилату, что онъ царь есть, поясняетъ сими словесы: Азъ на сіе родихся, и на сіе пріидохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину, и всякъ, иже есть отъ истины, послушаетъ гласа моего. И вотъ, государь, Пилатъ и сказалъ Ему, не спросилъ, а просто, глаголя Ему Пилатъ: что есть истина, и сіе рекъ, паки изыде ко іудеомъ... Такъ-таки, государь, ничего не выслушалъ, и вышелъ изъ преторіи... Да на что Пилату была истина, когда онъ зналъ, что самъ же пошлетъ ее на крестъ!

Государь болѣе и болѣе поражался словами этого страннаго арестанта.

— Ты правъ,—слазалъ онъ въ раздумьѣ,—Пилату, я чаю, зѣло не по душѣ было бы выслушать истину... И ты видѣлъ ту землю, которая обагрена была кровію Истины?

— Сподобился, государь.

— Какимъ же образомъ?

— Я, государь, былъ толмачемъ у твоего посла Украинцева.

— Толмачемъ! При моемъ посольствѣ въ Царьградъ?

— Такъ точно, государь... Съ тобою я доѣхалъ до Таганрога, а тамъ уже мы продолжали путь до Цареграда на кораблѣ «Крѣпость», а изъ Цареграда я и проѣхалъ до Святой земли на италійскомъ кораблѣ съ римскими паломниками.

Глубоко былъ взволнованъ государь тѣмъ, что онъ теперь слышалъ... Какъ?.. Въ его царствѣ сынъ какого-то суздальскаго попа, онъ и знатокъ языковъ, и философъ, и съ глубокими свѣдѣніями въ богословіи; онъ же и путешественникъ, видѣвшій то, чего самъ царь, при страстномъ желаніи, не могъ видѣть!

— И ты былъ въ Святой землѣ?—спросилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Былъ, государь... Вступая въ Іоппіи, на святой берегъ, я припалъ къ землѣ и со слезами лобызалъ оную... Уста мои сами повторяли стихъ изъ канты италійскаго піиты Санназара:

Un pezzo di cielo, caduto in terra...

— Что сіе значитъ?—спросилъ царь, видимо возбужденный.—Я человѣкъ въ языкахъ несвѣдующій.

— Сей стихъ, государь, гласитъ, якобы градъ Неаполь есть «осколокъ небесъ, ниспавшій на землю»... Сія часть небесъ, ниспавшая со Христомъ на землю, и есть Святая земля. Я лобызалъ то мѣсто берега въ Іоппіи, съ котораго апостолы сходили къ морю на корабли, дабы плыть на благовѣствованіе всему міру Истины... Ни въ самомъ Іерусалимѣ, у подножія Голгоѳы, ни въ Геѳсиманскомъ вертоградѣ, ни на Елеонской горѣ я не обрѣлъ и слѣда Истины... Всюду, государь, торжище, купля; доселѣ тридцать сребренниковъ—сія цѣна не оцѣненнаго, переходятъ изъ однѣхъ нечистыхъ рукъ въ другія, сугубо и трегубо нечистыя... И небеса тамъ осквернены... Не осквернены токмо добри и пустыня, куда онъ возведенъ бысть духомъ и гдѣ постился сорокъ дней... Тамъ я видѣлъ то, что видѣли и Его очи, и съ меня сего было довольно.

Непомнящій остановился... Говорить ли все?

— Говори все,—какъ бы угадалъ его мысль царь.

— Я говорю, государь, все... Я видѣлъ всюду, что Его доселѣ заушаютъ, какъ заушали тогда. И заплеваша лицо Его, и по ланитома біаху Его. И мыслилъ я государь: можетъ быть, тѣ, что укрываются у насъ въ лѣсахъ, по скитамъ, въ простотѣ сердца своего не заушаютъ Его, и я пошелъ къ нимъ... И вотъ я здѣсь предъ тобою, государь.

— А того, котораго въ скитахъ называли «учителемъ», ты зналъ: кто онъ подлинно?—спросилъ царь.

— Зналъ, государь.

— И?..—Царь видѣлъ, что тотъ чего-то не договариваетъ.— Я простилъ боярина Лыкова... Ну, договаривай.

— Изъ состраданья, государь, къ нему, а паче къ его дочери... Въ тѣхъ скитахъ свѣтъ былъ завязанъ для отроковицы, а она всею душею жаждала свѣту и истины... Я и положилъ себѣ увести ихъ изъ скитовъ...

— А куда? Въ Москву?

— Нѣтъ, государь, въ Европу... и тамъ поселиться...

Лицо государя освѣтила многознаменательная улыбка.

Въ быстромъ, кипучемъ умѣ его мгновенно созрѣла счастливая мысль. До сихъ поръ, въ дѣлѣ просвѣщенія Москва пользовалась услугами болѣе образованной Малороссіи и отчасти Греціи въ лицѣ братьевъ Лихудовъ: Гилятовскій, Радивиловскій, Лазарь Барановичъ, Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоц-

кій, все это «хохлы», все это изъ «черкасскаго сала свѣчи», озаряющія московскую тьму кромѣшную. Отчего не затеплить свѣчу изъ «суздальскаго сала»? Этотъ странный бродяга, который приводитъ царя въ «конфузію» своими «италійскими виршами», который какъ бы предвосхитилъ у него мысль о непригодности «потеряхъ» и «заборовъ», обращенныхъ геніальнымъ царемъ во «всешутѣйшіе» и «всепьяннѣйшіе», бродяга этотъ, суздалецъ... Отчего не попробовать черезъ него внести въ Москву побольше свѣту? Свѣту больше, свѣту!.. Послалъ же онъ молодыхъ стольниковъ да спальниковъ въ Европу изучать морское корабельное дѣло... Вышли же оттуда хоть бы вотъ такіе молодцы, какъ «драный» Скляевъ, Верещагинъ, Лыковъ... Отчего не послать этого бродягу просто «за свѣтомъ», не за корабельнымъ только, а за всякимъ?.. И онъ пошлетъ его не одного, а съ этой большекосой русалкой, которая, кажется, ущемила свое сердечко вотъ у этого дѣтины... И она, эта русалка, воротится въ Москву со «свѣтомъ» и будетъ освѣщать имъ его «ассамблеи», которыхъ такъ боятся московскія «тетехи»...

Рѣшено! И государь подошелъ къ своему новому «птенцу».

— Быть по сему!—весело сказалъ онъ.—Ты, Петръ, не отъ себя пойдешь въ Европу, а я пошлю тебя туда... Да не одного, а съ женой...

Видя изумленіе и какъ бы испугъ на лицѣ новаго «птенца», царь ласково продолжалъ:

— Дочь боярина Лыкова тебя любитъ, я это знаю... Вотъ тебѣ жена.

Новый «птенецъ» упалъ на колѣни и цѣловалъ руки царя.

— Теперь онъ мой,—сказалъ государь Измайлову.

Тотъ почтительно поклонился.

— А что, государь, укажешь учинить съ керженскими старцами?—спросилъ онъ.

— Отпустить этихъ волковъ въ ихъ логово, въ лѣсъ... А дабы и они, и вся ихъ стая были не безполезны россійскому государству, яко мои паршивые подданные, то по пословицѣ: «съ паршивой собаки хоть шерсти клокъ, либо вилы въ бокъ», казнить я ихъ не стану, какъ казнилъ стрѣльцовъ... тѣ смутой шли на меня. А сихъ я всѣхъ повелю переписать поименно и записать въ раскольничій окладъ. Кто хочетъ носить бороду, плати мыто: сіи раскольничьи деньги я съ пользою употреблю для го-

сударства, на пушки, на порохъ и на прочіе воинскіе снаряды... Я укажу на моемъ монетномъ дворѣ выбить особую монету, на коей вычеканенъ будетъ полуликъ человѣческій съ бородою, а подъ нимъ сіи слова: «за бороду деньги взяты» *)... Кто внесетъ въ казну раскольничью пошлину, тотъ и получитъ сію монету, тому вольно и бороду носить... Я и работать заставлю сихъ лѣшихъ керженскихъ лѣсовъ:—они будутъ рубить лѣсъ и подвозить къ Волгѣ для стройки кораблей... А теперь веди насъ къ себѣ, Андрей Петровичъ,—закончилъ царь, обращаясь къ Измайлову.

Проходя къ воеводскому двору, государь издали замѣтилъ знакомую фигуру. Узналъ ее и новый «птенецъ», Петръ Артемьевъ, бывшій «Микита Непомнящій», и улыбнулся. То былъ Ермилушка. Увидавъ государя, онъ, какъ заяцъ, юркнулъ въ переулокъ, испуганно оглядываясь. И было чего испугаться: царь издали грозилъ ему дубинкой.

— У, пустосвятъ! Во дворъ ко мнѣ вздумалъ шляться и моему сыну голову набивать «Златымъ Бисеромъ», что и передъ свиньями метать зазорно.

— Какъ можно, государь!—улыбнулся новый «птенецъ».— Онъ теперь мужъ ученый... Въ скитахъ разсказывалъ, что онъ бывалъ «во Европіи», гдѣ живутъ все еѳіопы и «западники», погрязшіе въ «западной ереси», а около-де каждаго «западника» стоятъ черти съ крючьями...

— О, Москва, Москва!—покачалъ головою царь.—Когда-то въ тебя проникнетъ хоть лучъ свѣта!

Войдя въ домъ воеводы, государь обратился къ Фимочкѣ.

— Видишь, я исполнилъ твою просьбу,—сказалъ онъ, указывая на новаго «птенца»,—я помиловалъ и старичковъ, и твоего «Микиту», и теперь посылаю его на мой государевъ коштъ «во Европію» (при этомъ словѣ государь улыбнулся)—посылаю его за свѣтомъ для Москвы... Теперь же и ты исполни мою просьбу! Выходи за него замужъ.

---

*) Эти монеты, какъ рѣдкость, попадаются до сихъ поръ. Одна такая монета была и у меня; но въ 1863 г., во время посѣщенія покойнымъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ Саратова, она поднесена была его высочеству кн. В. А. Щербатовымъ, въ домѣ котораго Цесаревичъ останавливался.

Фимочка сначала поблѣднѣла, потомъ густо-густо покраснѣла и бросилась на плечо молодой Лыковой.

— Не хочешь замужъ? — съ лукавою улыбкой спросилъ царь.

Фимочка еще плотнѣе уткнула носъ въ плечо Оленушки.

— Еще разъ спрашиваю: не хочешь?

Всѣ съ трудомъ сдерживались, чтобъ не разсмѣяться.

— Молчитъ значитъ, не хочетъ,—проговорилъ государь.— Что дѣлать? Не вывезла, братъ, твоя!—съ улыбкой гляпулъ онъ на новаго «птенца».—Ну, поѣзжай одинъ «во Европію», тамъ утѣшишься: найдешь себѣ кралю почище сей скитницы.

Вдругъ послышались всхлипыванья Фимочки, затѣмъ и рыданія.

— Я такъ и зналъ,—разсмѣялся государь,—ни одна изъ нихъ прямо не сознается... О, лукавое женское сѣмя, лукавое да слабое: не выдержала дѣвка, разревѣлась и выдала себя... Также я засваталъ и сію вотъ дурочку,—указалъ онъ на Оленушку.

Затѣмъ государь обратился къ боярину Лыкову.

— Ты согласенъ, Кирилло Андреевичъ?

— Воля твоя, государь... Велики твои милости,—отвѣчалъ бывшій скитникъ.

— Ну, такъ послѣ свадьбы за свѣтомъ «во Европію»,—заключилъ государь.

ЭПИЛОГЪ.

Мы опять въ Венеціи.

По Riva degli Schiavoni, среди снующей толпы всевозможныхъ національностей, начиная отъ итальянцевъ, испанцевъ и англичанъ и кончая турками и арабами, медленно пробиралась русская парочка. Среднихъ лѣтъ загорѣлый, высокій, мужественнаго вида русакъ и юная, почти совсѣмъ еще дѣвочка, съ роскошными золотистыми волосами красавица, тихо говорили по-русски, не обращая вниманія на возгласы гондольеровъ и выходки мальчишекъ:

— Gondola, signore, gondola!

— Si, si, gondola, per Bacco! Gondola!

— Ахъ, Петруша, да это онъ долженъ быть,—говорила красавица, видимо взволнованная всѣмъ этимъ шумомъ и гамомъ.

— Кто, Фима?—какъ бы очнувшись отъ забытья, спросилъ мужчина.

— Да тотъ испанскій дука, донъ Альварецъ... Ты его видѣлъ?

— Видѣлъ мелькомъ.

— Какой онъ персоною? Пригожъ?

— Чернявъ гораздо, сизоватъ на лицо, а статенъ.

— Молодъ?

— Молоденекъ еще, лѣтъ двадцатипяти.

— Ну, онъ и есть, онъ безпремѣнно.

— Что-жъ тебѣ до него?

— Не мнѣ, Петруша... А что станется съ Оленушкой, какъ увидитъ его?

— Что же съ ней можетъ статься?

— Ахъ, вы, мужчины, не понимаете этого! Оленушка была его невѣстой.

— Мало ли что было! Ты, вонъ, была керженской скитницей, хотѣла схиму принять, а вотъ...

Красавица вся вспыхнула.

— Какой ты, право! Все меня шпыняешь скитами да «западниками».

— А Ермилушка на бѣсѣ верхомъ...

— Ну, не говори: ты самъ былъ «дядя Микита», Непомнящій.. Ахъ, Петруша, Петруша! Какъ вспомяну я про скиты, про Лушу... какъ я жила тамъ... плакать хочется.

Тутъ мужчина осторожно взялъ за руку свою золотистоволосую спутницу.

— Погоди, Фима,—тихо проговорилъ онъ,—вонъ онъ самъ идетъ.

— Кто онъ, Петруша?—встрепенулась красавица.

— Тотъ дука, донъ Альварецъ.

— Гдѣ, гдѣ?

— Вонъ... къ намъ идетъ...

Навстрѣчу имъ, дѣйствительно, шелъ незнакомецъ въ изящномъ испанскомъ плащѣ. Поровнявшись съ ними, онъ почтительно приподнялъ шляпу.

— Прошу извиненія. — нерѣшительно заговорилъ онъ по-итальянски.—Я видѣлъ васъ въ отелѣ, гдѣ и я остановился... Мнѣ сказали, синьоръ, что вы русскіе... Простите за навязчивость... Я слышалъ, вы говорите по-итальянски, и потому я осмѣлился заговорить съ вами на этомъ языкѣ... Имѣю честь представиться: Альваресъ, испанскій грандъ.

Онъ говорилъ какъ-то робко, чувствуя неловкость своего положенія. Фимочкѣ, это и была золотоволосая Фима, дочь боярина Лыкова, стало жаль его.

Ласковыми, большущими глазами она какъ бы одобряла незнакомца.

— Да, мы точно русскіе,—отвѣчалъ бывшій Непомнящій на вопросительный взглядъ незнакомца.

— Ради Бога, простите, синьоръ,— снова заговорилъ послѣдній.—Три года назадъ я имѣлъ несчастіе потерять невѣсту... Она тоже русская... Я выкупилъ ее въ Испаніи изъ плѣну... Когда мы плыли изъ Италіи, гдѣ ее святой отецъ благословилъ мнѣ въ невѣсты, ко мнѣ на родину, чтобъ представиться его величеству королю, на насъ напали въ морѣ алжирскіе пираты, полонили насъ, а потомъ разлучили... Когда я откупился изъ плѣну, то узналъ отъ тѣхъ же пиратовъ, что они везли мою невѣсту на продажу, но были настигнуты венеціанскимъ кораблемъ... Плѣнницы ихъ, въ томъ числѣ и моя невѣста, были отбиты у пиратовъ и увезены сюда... Здѣсь я узналъ, что моя невѣста была возвращена въ Россію... Ее звали Еленой... Она дочь орловскаго гранда, полководца Измайлова...

— Воевода, это какъ бы губернаторъ, а не полководецъ,— поправилъ бывшій Непомнящій. — Я вашу невѣсту зналъ... знаю...

— Знаете, синьоръ, о, какое счастье!—радостно воскликнулъ донъ Альваресъ. Фимочка, не понимая ничего изъ ихъ разговора, но женскимъ сердцемъ угадывая все, при радостномъ восклицаніи испанца почувствовала, что ея нѣжное сердце болѣзненно сжалось... «Бѣдный, бѣдный!»—подумала она.—«Каково-то будетъ ему узнать, что Оленушка — мужняя жена! Бѣдный!»

— Скажите, синьоръ, вы давно изъ Россіи?—снова торопливо заговорилъ испанецъ.

— Мы недавно оттуда, синьоръ,—былъ отвѣтъ.

— А давно видѣли ее, синьорину Елену?

— «Кажись, онъ говоритъ «Елена»... Оленушку называетъ... Господи!» — волновалась Фимочка. — «Вотъ горе-то горькое!..»

— Давно?—переспросилъ испанецъ.

— Недавно, синьоръ.

— Что она, здорова?

— Слава Богу... здравствуетъ...

«Ну, и баньку-жъ онъ задаетъ мнѣ!»—невольно смущался Непомнящій.—«И нарвались же мы, какъ есть на рожонъ напоролись!..»

«Владычица!» — волновалась и Фимочка, то краснѣя, то блѣднѣя.—«А ежели да повстрѣчаются... А нельзя не встрѣтиться... Господи! Спаси и помилуй»...

— Такъ я немедленно поѣду въ Россію,—радостно заговорилъ испанецъ.—Его величество король поручилъ мнѣ вручить письмо его величеству, русскому царю... Его величество король проситъ за меня у его величества царя...

«Унеси его Богъ поскорѣе»,—радовался Непомнящій, нынѣ мужъ Фимочки. — Только бъ они не встрѣлись... Пущай не отъ меня изопьетъ, бѣдный шпанецъ, горькую чашу»...

— Поѣзжайте, поѣзжайте, синьоръ, — торопливо заговорилъ онъ.—Поспѣшите, а то, иначе...—Артемьевъ замялся.

— Что иначе, синьоръ?—тревожно спросилъ испанецъ.

— Можете не застать царя... Онъ можетъ отправиться въ походъ...

— А куда?

— Одинъ Богъ знаетъ душу царя...

— Правда, правда...

Они проходили черезъ площадь св. Марка. Голуби стаями слетались на мостовую и поднимались на карнизы зданій. Ихъ кормили гуляющіе кто горохомъ, кто пшеницей: таковъ обычай въ Венеціи издавна. Избалованная птица садилась на плечи гуляющимъ, совала головки имъ въ карманы, довѣрчиво заглядывала въ глаза...

— Владычица!—испуганно прошептала Фимочка.

Она увидѣла Оленушку, которая, стоя у колонны, бросала зерна прожорливымъ питомцамъ площади San Marco.

Отправляя за-границу Артемьева съ молоденькой женой и

имѣя въ виду заполучить для косной Москвы «Свѣту больше», царь Петръ Алексѣевичъ отправилъ съ этою парочкой и другую пару, молодого Лыкова съ его женою, Оленушкой, которая, потерявъ ребенка, умершаго отъ «родимчика», очень тосковала. Геніальный царь, желая просвѣтить Русь, остановился на мысли, что безъ образованной женщины общество не можетъ обновиться: московскія теремныя тетехи будутъ постояннымъ гасильникомъ свѣта и въ семьѣ, и въ обществѣ. Въ головѣ царя уже созрѣвалъ планъ будущихъ «ассамблей»...

Вотъ почему мы и встрѣчаемъ въ Венеціи первыхъ русскихъ женщинъ новой эры—Фимочку и Оленушку...

Оленушка, оторвавъ случайно взоръ отъ голубей, увидѣла идущую по площади Фимочку...

— Фимочка!—крикнула было она и замерла на мѣстѣ...

Она узнала его... дуку Альвареца... бывшаго жениха... Встрѣча была такъ неожиданна, такъ поразительна, что сердце у Фимочки разомъ остановилось, и она, хватаясь за колонну, навѣрное упала бы, если бъ ее не поддержалъ мужъ...

Донъ Альварецъ тоже узналъ ее, и безумная радость озарила смуглое лицо испанца...

СОЦІАЛИСТЪ ПРОШЛАГО ВѢКА.

Историческая повѣсть *).

I. На крейсерѣ.

«Въ шестьдесятъ лѣтъ всѣ расколы исчезнутъ. Сколь скоро заведутся и утвердятся народныя школы, то невѣжество истребится само собою. Тутъ насиліе ненадобно».

Екатерина II (Дневникъ Храповицкаго).

По темно-бирюзовой глади Чернаго моря, отъ кавказскаго берега къ крымскому, медленно двигался парусный военный фрегатъ.

---

*) Матерьялами для этой повѣсти послужили документы, извлеченные изъ государственнаго архива проф. В. Н. Ламанскимъ и напечатанные имъ въ первомъ томѣ «Памятниковъ новой русской исторіи».

Это было еще тогда, когда о возможности двигаться по водѣ иначе какъ при помощи парусовъ или веселъ умъ человѣческій еще не загадывалъ: это было въ 77-мъ году прошлаго столѣтія.

Тихій весенній вѣтерокъ, ласково повѣвавшій со стороны кавказскихъ горъ, чуть-чуть надувалъ бѣлые паруса фрегата, которому, казалось, никогда не суждено переплыть эту безконечную темно-бирюзовую равнину. Кругомъ—подавляющее однообразіе. На голубомъ небѣ ни облачка. На морѣ—хоть бы парусъ забѣлѣлся гдѣ, хоть бы темная точка показалась на горизонтѣ. Только дельфины, которымъ, казалось, тоже наскучило это однообразіе, то тамъ, то здѣсь, выставляли изъ воды свои темныя изогнутыя спины и, словно по командѣ, кувыркались опять въ море.

На фрегатѣ почти незамѣтно было движенія. Матросы, за неимѣніемъ работы, почти всѣ расположились въ передней части судна, и только болѣе копотливые, да вахтенные, неторопливо возились у своихъ мѣстъ, кто у снастей, кто у руля. Около офицерскихъ каютъ, въ тѣни, подъ тентою, на складныхъ табуретахъ сидѣло нѣсколько молодыхъ офицеровъ—кто курилъ и молчалъ, кто изрѣдка перекидывался словами то съ тѣмъ, то съ другимъ товарищемъ.

— А и скучна, господа, эта крейсерская служба,—говорилъ бѣлокурый съ голубыми глазами офицерикъ, задумчиво поглядывая на море.

— Что говорить! Тоска порядочная,—лѣниво, какъ бы нехотя, отвѣчалъ другой, темнолицый и сѣроглазый, ни на кого, не глядя.

— Тощища, мало тоска! Точно бѣлка въ колесѣ: отъ Кафы къ Суджукъ-Кале, отъ Суджукъ-Кале опять къ Кафѣ... Ужъ и дельфины надоѣли.

— А тебѣ бы въ баталію сейчасъ... Чесменскимъ героемъ сразу бы стать...

— Не героемъ... А вотъ хоть бы какъ Евдокимъ Михайловичъ, счастливецъ! Чего онъ не видѣлъ!

— Успѣешь еще... Да что вы все молчите, Евдокимъ Михайловичъ! Хоть бы разсказали, какъ вы мыкались по всѣмъ морямъ, что народу перевидали... А?

Тотъ, къ кому относились эти слова, сидѣлъ немножко поодаль и задумчиво глядѣлъ въ даль, медленно пуская дымокъ

изъ коротенькаго чубука. Это былъ мужчина лѣтъ за тридцать, худощавый, сильно загорѣлый брюнетъ съ добрыми задумчивыми глазами. Въ этихъ глазахъ, какъ и въ кроткой улыбкѣ, было, казалось, что-то свое, особенное, что никому не высказывалось и о чемъ, казалось, постоянно думалось.

Когда его окликнули товарищи, онъ улыбнулся своею доброю, загадочною улыбкою, но ничего не отвѣчалъ.

— А? Много видали?

— А загаръ-то у васъ на лицѣ почище нашего.

— Да,—отвѣчалъ тотъ, къ кому обращались,—я всякаго солнца извѣдалъ, и южнаго, и сѣвернаго.

— Да также восточнаго и западнаго,—засмѣялся голубоглазый, сверкнувъ своими бѣлыми зубами,—счастливецъ вы!

Тотъ, къ кому относились эти слова, молча и съ улыбкой пожалъ плечами.

— А въ сколькихъ кампаніяхъ вы, Евдокимъ Михайловичъ, участвовали?—спросилъ другой офицеръ.

— Въ тринадцати.

— Какъ разъ чортова дюжина!—засмѣялся первый.

— А въ архипелажской экспедиціи находились?—спросилъ второй.

— Находился... Что за рай земной этотъ Архипелагъ, эти Циклады и Спорады!.. А все дома, на Окѣ, лучше.

Ему вспомнилось, что въ карманѣ у него, на груди, письмо... Онъ невольно ощупалъ грудь... Да, тутъ... И ему мучительно захотѣлось домой, туда, далеко, на берегъ родной Оки...

«Я жду тебя, жду... Я Богу молюсь, морю молюсь: отдай мнѣ его, синее море»...

Онъ глянулъ на море, оно было больше, чѣмъ синее. Только недалеко, на небольшомъ пространствѣ, оно казалось совсѣмъ чернымъ, точно кто окрасилъ его въ этомъ мѣстѣ самою густою тушью: это по небу плыло маленькое, одинокое облачко и тѣнь отъ него ложилась такимъ чернымъ пятномъ на бирюзовое море...

«Отдай мнѣ его, синее море»... Нѣтъ, пока еще не отдаетъ, крѣпко держитъ...А такъ ли тамъ, надъ Окою, какъ тогда, шепчется съ весеннимъ вѣтеркомъ кудрявая береза?.. Не то она шепталась, не то мы... Нѣтъ, мы... Это не береза нашептывала

мнѣ, не ея то былъ голосъ: «возьми меня, милый, за синее море, возьми съ собой»...

— О чемъ это вы опять задумались, Евдокимъ Михайловичъ?

— А! Что такое?

— О чемъ задумались?—приставалъ блондинъ.

— Да такъ... ни о чемъ собственно...

— О далекихъ моряхъ? О своихъ экспедиціяхъ?

— Да, пожалуй...

— А разскажите намъ пожалуйста, гдѣ вы бывали? Вотъ ужъ сколько мы съ вами въ морѣ, а вы намъ до сей поры не разсказали о своихъ морскихъ странствіяхъ... Вспомните старину, разскажите... Можетъ, и на насъ повѣетъ вѣтеркомъ съ далекихъ морей да океановъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, разскажите, Евдокимъ Михайловичъ,—просилъ и другой офицеръ.

— Право, разгоните тоску и свою, и нашу... Вы, видимо, о чемъ-то тоскуете.

Туманъ, туманъ по долинѣ,
Широкой листъ на ялинѣ,
А ще ширшій на дубочку,
Понялъ голубь голубочку,
Да не свою, а чужую...

Это тянулъ тихо, заунывно, какой-то матросикъ, забившись промежду снастей.

— Что воешь? Али подыхать собрался?

— Это онъ о своей Марусѣ...

— Ишь панихиду тянетъ, со святыми упокой, — шутили другіе матросы,—и языкъ-то у хохла суконный, и пѣсня-то суконна.

— Что жъ, Евдокимъ Михайловичъ, разскажете?

— Что-жъ вамъ разсказать?—спросилъ онъ.

— Да всю вашу морскую жизнь... Вспомните все...

— Хорошо, такъ и быть... Вспоминать, значитъ переживать... Попробую пережить опять мое прошлое, побывать съ вами въ далекихъ моряхъ...

— И расчудесно! Давно бы пора.

— Отлично! Мы слушаемъ.

— Да вся суть-то, господа, не долга, исторійка не величка.

мыканье какъ мыканье, да въ душѣ-то за все мыканье много перебывало: и камушки-то самоцвѣтные въ душѣ свѣтились, а порой и жорновомъ осельнымъ сердце-то приваливало, какъ тамъ, помните, что привалиша камень съ кустодіею. Всего въ душѣ перебывало... Спервоначалу-то, еще мальцомъ когда былъ гардемариномъ, такъ все больше пудили лѣтомъ по чухонскому океану, то около Кронштадта, то у Ревеля толчемся. Испыталъ я и эту морскую болѣсть, а потомъ обтерпѣлся. А молодая-то душа все вдаль рвалась: крылья-то ужъ Господь Богъ далъ ей могучія, непосѣда душа человѣческая, все едино, что вотъ у васъ...

Онъ кивнулъ голубоглазому блондину, который жадно слушалъ.

— Крылья, и летѣ-летѣ на крилу вѣтренюю,—улыбнулся смуглый.

— Да, точно, жаденъ духъ человѣческій, все ищетъ, все рыщетъ по свѣту, пока въ могилку не заглянетъ... Ну-съ, государи мои, плескались мы сначала у родныхъ береговъ, а какъ доплескался я до мичмановъ, такъ и выпустили изъ клѣтки, лети, душа!.. Сначала вышли мы въ свое пока море, до Копенгагена... И то такъ и ѣлъ глазами все невиданное: и солнце-то, кажись, не такъ ходитъ, и люди-то не такъ созданы... Да это что! Простора еще не было... А тамъ, дальше да больше, больше да шире, и до Портсмута добрались, и весь этотъ «туманный Альбіонъ» очами поѣдалъ, и съ Цезаремъ, кажись, да съ его легіонами блуждалъ по этимъ сѣрымъ берегамъ... А тутъ ужъ, понимаете, государи мои, самъ сѣдой старецъ, его величество океанъ, на васъ дышетъ величіемъ божіимъ... Я, дуракъ, упалъ на колѣни передъ нимъ, заплакалъ отъ счастья, слезы только капъ-капъ-капъ... Слышу, божеская грудь на меня, на ничтожнаго мичманишку, дышетъ, великая грудь... А Алексѣй Григорьевичъ Орловъ увидалъ меня въ такомъ блаженномъ оцѣпенѣніи да и улыбается: «что, говоритъ, Кравковъ, пробрало?..» И точно я будто бы самъ выросъ на сѣдыхъ гривахъ этого великана, точно я выше сталъ, въ груди силы прибыло, самъ чуялъ, какъ крылья въ душѣ выростаютъ...

— Ну и что-жъ дальше? Въ океанѣ...

— Въ океанѣ, сударь мой, я точно выросъ, въ лейтенанты меня произвели... Ну, и полетѣли мы дальше по сѣдому океану:

Франція, Испанія, Португалія, все это я топталъ вотъ этими ногами, вспоминая подчасъ мою далекую Оку, мою скромную деревеньку и усадебку...

Онъ разомъ замолчалъ и задумался... Ему, казалось, слышался голосъ: «я морю молюсь: отдай мнѣ его, сине море!..»

— Франція, Испанія, Португалія, — повторялъ его слова безпокойный блондинъ,—а тамъ, дальше?

— Не выдержалъ!—какъ-то глухо произнесъ разсказчикъ.

— Чего не выдержали, Евдокимъ Михайловичъ?

— Душа не выдержала, тѣло не выдержало души, перелилась чаша черезъ край, я занемогъ...

— Чѣмъ?

— Объѣлся, обожрался... Не я, не тѣло объѣлось, а духъ мой: ужъ больно жадно духъ мой пожиралъ новыя впечатлѣнія... Въ Италіи уже, въ Ливорно, я слегъ...

— Что жъ съ вами было?

— Не знаю, голубчикъ, горячка что ли, только когда я началъ оправляться, такъ Орловъ велѣлъ меня отправить въ Питеръ уже по сухопутью. Это было въ маѣ 1771 года. А въ слѣдующемъ году я ужъ опять мыкался по морямъ, да не по южнымъ, не подъ жаркимъ солнцемъ Италіи, а подъ солнцемъ Ледовитаго океана. Что за угрюмое море, государи мои! И какъ величественно непривѣтливо!.. Изъ Архангельска я обогнулъ Нордкапъ. Среди этого Ледовитаго чорта можно съ ума сойти! Представьте только въ своемъ воображеніи: плывете вы день, плывете другой-третій, четвертый, а солнце все не заходитъ, все вертится какъ ошалѣлое кругомъ, съ утра до вечера, съ вечера до утра, все плаваетъ этотъ страшный огненный шаръ надъ горизонтомъ и не тонетъ въ морѣ... Страшно становится подъ конецъ! Хочется уйти, спрятаться отъ этого обезумѣвшаго небеснаго свѣтила, думается, что оно сбилось съ своего пути, потеряло ночь и не можетъ найти ее, просишь у Бога ночи, нѣтъ, нейдетъ ночь... Изобразите себѣ въ мысляхъ эту картину: солнце потеряло свой закатъ, солнце свѣтитъ не оттуда, откуда оно свѣтило вамъ всю жизнь, съ востока, съ юга, съ запада, нѣтъ! Оно свѣтитъ съ сѣвера и тѣнь вашу посылаетъ на югъ... Отъ этого вида точно и мозги-то ваши опрокидываются. Обезумѣло, какъ есть обезумѣло солнце! Я самъ чуть не обе-

зумѣлъ, я не могъ спать, я началъ было пить съ тоски, я просилъ ночи, тьмы, а тьма пропала...

— А матросы что?—весь красный отъ волненія спросилъ голубоглазый.

— Что матросы! Говорятъ: вотъ благодать! Кабы-де у насъ въ деревнѣ такъ весь годъ свѣтло было, такъ и лучины бы не надо было запасать.

— Молодцы матросики! Вотъ философы!—засмѣялись оба офицера.

— Да, только они и отраду давали: послушаешь это, какъ они насчетъ солнца-то острятъ да выгадываютъ, ну, и полегчаетъ на душѣ... Солнушко, говорятъ, съ пьяна съ дороги сбилось, дверей не найдетъ, и шатается по небу... Кита, говорятъ, спужалось, боится въ воду окунуться...

— Ну, а какъ вы оттуда выбрались?

— Кругомъ, мимо Гаммерфеста, да сторонкой отъ гольфстрема и обогнули всю Норвегію и Швецію, да опять въ чухонское море, въ Ревель.

— А какъ же вы попали въ Архипелагъ?

— Это послѣ. Это я потомъ назначенъ былъ въ эскадру контръ-адмирала Самойлы Карлыча Грейга. Такъ ужъ съ нимъ мы ходили до Копенгагена сначала, а оттуда въ Портсмутъ, а далѣе, опять въ Средиземное море, къ Ливорнѣ, а ужъ оттуда въ Архипелагъ.

— Что-жъ вы тамъ дѣлали?

— Да все крейсировали, какъ и здѣсь, турецкіе корабли ловили.

— А много изловили?

— Не мало... Больше все топить приходилось... Тамъ меня и въ капитанъ-лейтенанты произвели...

Течетъ рѣчка лозоньками,
Плачетъ дѣвка слезоньками,—

тянулъ за душу все тотъ же унылый, однообразный голосъ.

— Это Маруська-то что-ль плакалась?

— Маруська, знамо, все по емъ...

— Ваше благородіе! Ваше благородіе!—точно изъ земли выросъ матросикъ.

— Что ты?—тревожно спросили офицеры.

— Кажись, турка крадетца...

— Гдѣ? Гдѣ видишь?

— Вонъ тамотка... во-во, должно, къ Анапу улепетываетъ...

На фрегатѣ все зашевелилось. Раздалась команда. Заскрипѣли блоки, спасти. Матросы, словно кошки, разсѣялись по реямъ. Заходили паруса точно живые, надулись, Богъ вѣсть, откуда взявшимся вѣтромъ... Точно само море проснулось...

— Ну, вотъ, скучали безъ работы, вотъ и работа будетъ,— на ходу бросилъ словами Кравковъ своимъ собесѣдникамъ, быстро, отрывисто отдавая приказанія.

— Живо, готовь фитили! Осмотрѣть запалы!

— Вотъ тѣ и Маруська...

— Лѣвѣй, лѣвѣй, чортъ!

Фрегатъ накренился, сдѣлалъ полуоборотъ и на всѣхъ парусахъ полетѣлъ къ Анапѣ.

II. На родинѣ.

Въ ясный, лѣтній вечеръ, когда солнце опускалось уже на темныя игольчатыя вершины сосенъ и елей, обывательская тройка, мѣрно позвякивая колокольчикомъ, тихою рысцою катила по извилистому проселку, постукивая о сухую землю нешинованными колесами простой извозчичьей телѣги. Проселокъ извивался вдоль Оки по направленію къ Гороховцу.

На облучкѣ сидѣлъ ямщикъ въ синей посконной рубахѣ и въ шляпѣ гречушникомъ, и какъ бы для очищенья совѣсти постоянно махалъ надъ лошадиными крупами обдерганнымъ кнутикомъ, сопровождая эти помахиванья эпическими, лѣнивыми и ему и лошадямъ прискучившими возгласами, «но-но, боговы! съ горки на горку, дастъ баринъ на водку... но-но-, пошаливай!» хотя флегматическія лошаденки и не думали шалить.

— Трогай-трогай!—понукалъ, въ свою очередь, сидѣвшій въ телѣгѣ «баринъ»,—ужъ не далеко осталось.

— Но-но, погромыхивай, боговы! Не далече, помахивай!

Сидѣвшій въ телѣгѣ «баринъ» былъ Кравковъ, Евдокимъ Михайловичъ, тотъ самый загорѣлый капитанъ-лейтенантъ, котораго мы видѣли на Черномъ морѣ и который разсказывалъ о своимъ далекихъ скитаніяхъ двумъ молодымъ морячкамъ мичманамъ.

Кравкову, не богатому, но даровитому отъ природы юношѣ, съ самой школьной скамьи молодая жизнь улыбалась. Умный отецъ его, мелкопомѣстный дворянинъ Владимірскаго намѣстничества, служившій въ гвардіи и вышедшій въ отставку съ небольшимъ чиномъ, замѣтивъ способности «востроглазаго Евдоши», порѣшилъ, что онъ умомъ и знаніемъ долженъ завоевать свое счастье, и отдалъ его въ морской кадетскій корпусъ. «Не даромъ Великій Петръ любилъ море, въ морѣ сила, моремъ свѣтъ держится: пусть же мой Евдоша хлебнетъ изъ этого ковша, какъ Илья Муромецъ, и наберется силы», часто говаривалъ онъ про своего бойкаго сынишку. И Евдоша не обманулъ ожиданій отца: изъ Евдоши вышелъ способный морякъ, хотя, когда онъ уже мичманомъ явился на родину, некому было на него порадоваться. Онъ нашелъ въ своей деревенькѣ только двѣ могилки, отца и матери, да зеленѣющую надъ ними кудрявую березку.

Поплакавъ подъ этой березкой, онъ опять воротился къ своему морю, которое, какъ поэтъ въ душѣ и мечтатель, любилъ больше всего на свѣтѣ. И вотъ, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, начались его мыканья по синимъ, по зеленымъ и по фіолетовымъ волнамъ океана. Всѣ товарищи любили Кравкова, какъ задушевнаго, честнаго до мозга костей и въ высшей степени симпатичнаго человѣка, пылкаго фантазера и хорошаго собесѣдника. Начальство отличало его передъ всѣми какъ способнаго моряка, хотя и косилось на него за одну его, съ ихъ точки зрѣнія, слабость—за гордость, холодность отношеній къ высшимъ, за самостоятельность убѣжденій. Онъ никогда не заискивалъ въ начальствѣ, не забѣгалъ впередъ, не умѣлъ мило льстить, изловчаться. Когда даже всесильный Орловъ трепалъ его любезно по плечу, онъ какъ будто хмурился. «Я не теленокъ, чтобъ меня гладили», говорилъ онъ при этомъ товарищамъ. Онъ много читалъ. Мыкаясь по свѣту, онъ доставалъ въ Европѣ такія книги, какихъ въ Россіи достать было не легко. Руссо съ его философіею природы былъ его любимымъ писателемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ глубоко любилъ высокую, чарующую своей простотой, поэзію Евангелія, и оно вмѣстѣ съ Руссо составляло его настольную книгу.

Въ поэзіи моря, какъ и въ поэзіи Евангелія, онъ видѣлъ идеалы своей жизни, и другихъ идеаловъ онъ не искалъ бы, ка-

жется, совсѣмъ, если бы въ его отзывчивое сердце не заронилъ луча живой, реальный идеалъ съ плотью и кровью и съ прелестными сѣрыми глазами.

Когда видъ могучаго океана въ первый разъ произвелъ на его душу потрясающее впечатлѣніе и когда подъ тяжестью своихъ собственныхъ страстныхъ порывовъ его нервы не выдержали, и онъ слегъ въ Ливорно, откуда Орловъ и отправилъ его для поправленія здоровья на родину, онъ въ своей гороховецкой вотчинкѣ встрѣтился съ тѣмъ реальнымъ идеаломъ съ сѣрыми глазами, который и занялъ въ его душѣ мѣсто рядомъ съ поэзіею палестинскихъ рыбарей. Это была дочь его сосѣда, богатаго барина, масона и «волтеріанца», шаловливая Катя, выросшая на полной свободѣ, какъ лѣсная бѣлка и какъ бѣлка подвижная и стремительная. Катя полюбила загорѣлаго моряка, котораго она слушала съ замираніемъ сердца, когда онъ разсказывалъ ея отцу о своихъ скитаніяхъ по голубымъ и фіолетовымъ морямъ. Влюбленные поклялись принадлежать другъ другу во что бы то ни стало. Но такъ какъ Катя хорошо знала характеръ своего упрямаго отца, который не разъ высказывалъ, что скорѣе застрѣлитъ свою любимицу дочь, какъ бѣлку, чѣмъ позволитъ ей унизить свой родъ, выйти за какую-нибудь «мелкую сошку», то молодые люди и порѣшили выждать совершеннолѣтія Кати, чтобъ потомъ, не нарушая ни гражданскихъ законовъ, ни законовъ приличія, соединиться уже навѣки.

Только не такъ вышло, какъ имъ мечталось.

Во время послѣдней крейсировки на Черномъ морѣ, Кравковъ получилъ извѣстіе, что его невѣсту самодуръ отецъ хочетъ насильно отдать замужъ за богатое и титулованное ничтожество. Возвратившійся изъ Владиміра въ азовскую флотилію, бывшій въ отпуску, лейтенантъ, пріятель Кравкова, привезъ ему письмо, въ которомъ невѣста умоляла его немедленно пріѣхать: «и мое, и твое счастье на волоскѣ» писала она между прочимъ: «а если ты не пріѣдешь, то мнѣ остается только въ Оку броситься».

Кравковъ тотчасъ же подалъ въ отставку и при прошеніи представилъ свидѣтельство врачей о болѣзни, а самъ поскакалъ въ Петербургъ, лично хлопотать и объ отставкѣ, и о пенсіи.

Въ адмиралтействъ-коллегіи все сдѣлали быстро, и на до-

кладъ коллегіи послѣдовала высочайшая резолюція о выдачѣ Кравкову пенсіона.

Но тутъ-то и начались тѣ мытарства, та всероссійская правда, которая губитъ мелкія и честныя единицы ради интересовъ крупныхъ государственныхъ паразитовъ. Несмотря на высочайшую резолюцію, графъ Чернышовъ, Иванъ Григорьевичъ, вице-президентъ адмиралтействъ-коллегіи, рѣшительно отказалъ выдать Кравкову пенсію.

— Нѣтъ у насъ, государь мой, пенсіонной для васъ суммы!—рѣзко сказалъ онъ Кравкову при всѣхъ просителяхъ.— Мы обязаны оберегать интересы ея императорскаго величества.

Кравковъ очень хорошо зналъ, какъ этотъ господинъ оберегалъ интересы государства. Моряки его не иначе называли какъ «воръ-президентъ» адмиралтействъ-коллегіи, а не вице-президентъ. Сама императрица была о немъ самаго низкаго мнѣнія. Она сама говорила Храповицкому о всѣхъ его продѣлкахъ, и о томъ, какъ онъ у князя Орлова «зажилилъ каминъ»—подлинныя слова Екатерины,—«и не возвратилъ взятыхъ на то денегъ, когда ѣздилъ въ Англію», и о томъ, какъ онъ оттягалъ картины у вдовы герцога Кингстона и пр.

Этотъ-то господинъ ни за что, ни про что при всѣхъ оборвалъ Кравкова, который еще никому не кланялся.

Несчастный очутился безъ копѣйки денегъ.

— И не ищите правды,—говорили Кравкову его петербургскіе товарищи по корпусу, когда онъ хотѣлъ жаловаться на Чернышова,—всѣ они таковы, воръ на ворѣ и воръ у вора изъ рукъ дубины рвутъ... У насъ правда только на бумагѣ.

Собравъ послѣдніе гроши, оставшіеся отъ жалованья, и продавъ мундиръ, онъ поскакалъ въ свою деревеньку, на Оку, увозя изъ Петербурга очень не хорошее чувство къ «властителямъ и судіямъ» вообще.

«А что-то тамъ, дома? Не опоздалъ ли? Не все ли ужъ потеряно»? острымъ ножемъ рѣзали сердце вопросы, когда изъ-за зелени лѣса блеснула синеватая полоса родной рѣки.

— Да что ты такъ тащишься, любезный! Точно тебя за смертью послали!—волновался онъ.

— Но-но, боговы! Помахивай!

— Кой чортъ помахивай! Еле ноги переставляютъ! Болванъ!

— А ѣшь-те муха! Шевелись, пошевеливай!

Но вотъ показалась знакомая роща, гдѣ когда-то Евдоша, еще рѣзвымъ мальчикомъ, за бѣлками гонялся, а тамъ все еще чернѣются знакомыя грачовыя гнѣзда. Грачи ужъ вывелись, вонъ какъ орутъ надъ рощею. И скворешня знакомая торчитъ надъ скотнымъ дворомъ. Какъ почернѣла! А тогда была еще новенькая. А гдѣ теперь тотъ «Петька» скворецъ, котораго юный Кравковъ передъ отправленіемъ своимъ въ морской корпусъ самъ воспиталъ и который такъ хорошо величалъ самого себя, «скворгушка, скворгушка»?..

Вонъ и березка кудрявая, подъ тѣнью которой пріютились двѣ знакомыя могилки съ покосившимися крестами.

Знакомая родная деревенька съ черными избушками и хлѣвушками и осиротѣлая родная усадебка, какое все это маленькое, жалкое, но дорогое сердцу!

Но не такъ его сердце рвется къ этой родной усадебкѣ, какъ вонъ къ тому большому барскому дому, что стоитъ за Окой какъ разъ противъ его скромной усадебки. Домъ съ колоннами, съ цвѣтникомъ, съ садомъ, съ теплицами.

Но отчего всѣ окна въ немъ закрыты ставнями? Отчего не видно кругомъ движенія, жизни? Ни на террасѣ, ни на берегу ни души. Точно все вымерло. Ея любимая лодочка «Дельфинъ» привязана у плота. Надъ ея мезониномъ не развѣвается знакомый маленькій флагъ съ изображеніемъ на немъ якоря.

Что все это значитъ?.. Уѣхали? Но куда?..

Только бѣлые голуби кружатся у ея балкона...

«Неужели опоздалъ!..» У Кравкова сердце точно упало и замерло...

Ямщикъ, употребивъ послѣднія энергическія усилія, заставилъ, наконецъ, свою тройку лихо подкатить къ невысокому крыльцу усадебки.

Изъ воротъ съ лаемъ выбѣжали собаки. На крыльцѣ показалась бѣлокурая дѣвочка, скорѣе дѣвушка лѣтъ шестнадцати, и остановилась въ изумленіи.

— Барбосъ! А, старый, не узналъ!

Собака, не узнавъ лица своего господина, котораго давно не видѣла, узнала его голосъ и завизжала отъ неожиданнаго счастья, показывая такую безумную радость и столько искрен-

ности, сколько самый любящій человѣкъ не суѣстъ высказать словомъ и ласками.

— Батюшки! Баринъ пріѣхалъ!—закричала и дѣвочка захлебывающимся голосомъ, стремительно убѣгая въ дверь, изъ которой снова опять выскочила красная, какъ кумачъ.

— Здравствуй, Поля,—ласково сказалъ Кравковъ, вылѣзая изъ телѣги и съ трудомъ отбиваясь отъ Барбоса, примѣру котораго послѣдовали и другія, младшія собаки: «значитъ, такъ слѣдуетъ, это баринъ», быстро сообразила четвероногая дворня.

Дѣвушка робко подошла къ Кравкову и схватила было его руку, чтобъ поцѣловать ее; но тотъ отнялъ руку и поцѣловалъ дѣвушку въ голову. Она еще болѣе вспыхнула.

— Лукьяновна няня, здорова?

— Здорова-съ, баринъ. Да вонъ и сама баушка.

На крыльцѣ, на которое уже успѣлъ взойти и Кравковъ, въ дверяхъ, показалась старуха. Она безмолвно всплеснула руками и закрыла ими лицо...

— Охъ, баринушка! Охъ, милый! О-охъ!

— Здравствуй, няня...

У Кравкова голосъ сорвался. Онъ предчувствовалъ что-то недоброе. Онъ увидѣлъ, что заплакала и дѣвушка, а старуха вся дрожала, всхлипывая.

— Что съ тобой, няня! Что случилось?

Онъ самъ испугался своего вопроса... Зачѣмъ онъ спросилъ?.. Онъ боялся отвѣта на свой, прорѣзавшій его собственное сердце вопросъ.

— Охъ, батюшка! Родной мой! Баринушка!

— Да что же? Что съ вами!—Онъ уже боялся спросить: «что случилось?».

— Охъ родной! Охъ батюшка! Свѣтикъ ты мой!

— Да скажи ты, Поля, что съ няней?

Но и дѣвушка только пуще расплакалась.

Тогда старуха, отнявъ руки отъ лица, стала порывисто крестить своего барина.

— Постой, постой, родимый... Дай сердцу-то на мѣстѣ стать, все разскажу.

— А лошадокъ-то, баринъ, распрягать велишь? — вмѣшался ямщикъ.

— Извѣстно, распрягай.

— Ишь упарили! И дорожка же!

— Что-жъ мы тутъ стоимъ? — заговорила вдругъ старушка.—Пожалуй въ горницу, батюшка, а ты, Полюша, бѣги, ставеньки открой.

Кравковъ машинально, самъ того не сознавая, отворилъ дверь въ сѣни, а потомъ, направо, въ знакомую съ дѣтства «горницу». Въ ней было темно какъ въ могилѣ. Разнородныя ощущенія клещами сдавили сердце... Такого смутнаго страху онъ и среди бурнаго океана не испытывалъ...

Ставня открылась, и свѣтъ словно бы испуганно ворвался въ комнату, въ одну ея половину, боясь проникнуть дальше. Скрипнула и отворилась другая ставня...

Знакомыя стѣны, столъ, стулья и на стѣнѣ потемнѣвшая гравюра, изображающая Петра Великаго въ бурю на Ладожскомъ озерѣ... Какія ничтожныя волны въ сравненіи съ тѣми, которыя онъ видѣлъ!

На кругломъ столѣ, у кожанаго дивана, лежала женская соломенная шляпка съ голубыми лентами, и тутъ же маленькая палевая перчатка.

У Кравкова не то радостью, не то новымъ страхомъ сжалось сердце... Нѣтъ, это не радость...

Вошла нянюшка и, взглянувъ на шляпку и на своего барина, вновь заплакала...

— Ну, говори же, няня, разомъ: умерла?—глухимъ голосомъ, съ трудомъ, выговорилъ онъ послѣднее слово.

— Охъ, нѣтъ, родимый...

— Нѣтъ, говоришь? Няня! Гдѣ-жъ она!

— Охъ, постой, постой, болѣзный, все, горемычная, разскажу... Пришла это она, голубушка, ни жива, ни мертва, положила это на столъ свою шляпочку и вонъ энту перчаточку, да и говоритъ: нянюшка, гитъ, меня батюшка силкомъ замужъ хочетъ отдать, за Никиту Кирилыча, а я, гитъ, не хочу за него, я, гитъ, и передъ Богомъ, и передъ людьми невѣста твово барина, Евдокима Михайлыча... Охъ!

Старуха остановилась и опять заплакала. Кравковъ съ трудомъ передохнулъ.

— Ну, говори няня, не плачь.

— Не буду, не буду, родной,—всхлипывала старуха,—вотъ она, горлинка божья, и говоритъ: я, гитъ, нянюшка, ушла отъ

родителя, я, гитъ, хочу ѣхать къ Евдокимъ Михайлычу, поѣду, гитъ, во Владиміръ, а оттолѣ-де напишу ему, чтобъ пріѣзжалъ за мной.—Что жъ, говорю, и съ Богомъ, дитятко, коли ужъ васъ Господь раньше благословилъ къ супружеству, поѣзжай, говорю, ластушка.—Въ ночь, гитъ, и выѣду, только бы мнѣ лошадокъ достать да ямщика.—Что жъ, я говорю, барышня, за лошадками дѣло не станетъ: мой-де Ермилъ съ Полюшей и проводятъ тебя до Владиміра. Только я это, родной мой, выговорила, какъ слышу у крыльца конскій топотъ. Барышня глянула въ окошко, да такъ и помертвѣла: отецъ, говоритъ, а съ нимъ вмѣстѣ тотъ злодѣй... Что я буду дѣлать! Пропала я, бѣдная!— А сама ручки ломаетъ...

Старуха опять остановилась. Кравковъ сидѣлъ блѣдный, съ широко раскрытыми, точно отъ ужаса, глазами.

— Ну... кончай же... Они увезли ее?

— Охъ, нѣту, родной... Дай передохнуть... Вбѣжали это въ комнату... А, говоритъ старый-то баринъ, ты здѣсь! Ахъ ты, гитъ, упрямая дѣвчонка! Вся въ меня, только я, гитъ, сильнѣе тебя... Да взялъ ее, голубушку, эдакъ въ оханку, какъ дитю малую, и понесъ на крыльцо... А она, сердешная, только молитъ слезно: пустите, пустите меня... А родитель-то ейный, отецъ-отъ, вынесъ ее эдакъ, голубушку, на крыльцо да и передаетъ съ рукъ на руки нелюбу-то злодѣю.—Берите, гитъ, дочь мою изъ родительскихъ рукъ: она-де теперь ваша и передъ Богомъ и передъ людьми. Теперь она, гитъ, глупа, молодешенька, своево талану-счастья не разумѣетъ, а послѣ меня-же-де благодарить будетъ.—Да такъ ее въ руки-то злодѣю и вложилъ, какъ ребеночка... А она, сердешная, какъ вскрикнетъ не своимъ голосомъ, какъ вскрикнетъ!.. О, Господи! Господи!

— Такъ и увезли?

— Нѣту! Охъ, нѣту! Коли бъ увезли...

— А что? Говори же, не мори меня!

— Барипушка мой! Не могу, языкъ не выговоритъ...

— Что же? Господи!

— Слушай же... Все доскажу, дорѣжу тебя... Какъ злодѣй-то взялъ ее въ руки, а она, ластушка, какъ вскрикнетъ, да и вырвись изъ рукъ погубителя-то своево... Охъ!.. А отецъ-отъ опять за нее... А она какъ кинется на берегъ, да съ кручи-то прямо въ Оку... Только и видѣли ее...

Кравковъ не имѣлъ силы даже вскрикнуть...

— А какъ барышня бѣжали къ Окѣ, такъ они сказали: «я къ тебѣ иду, возьми меня»—да съ этимъ словомъ и нырнули съ кручи,—добавила Поля, которая стояла у дверей и рукавомъ рубахи утирала глаза.

Кравковъ продолжалъ сидѣть попрежнему. Онъ даже не плакалъ.

Старуха нѣсколько успокоенная тѣмъ, что онъ, казалось, не такъ сильно былъ пораженъ ея разсказомъ, какъ она того ожидала, стала припоминать подробности.

— И платьице-то на ей, на голубушкѣ, было свѣтленькое да веселенькое такое...

По бѣлому полю цвѣтики махоньки,—поясняла Поля.

— Стали искать это ее въ рѣкѣ баграми да неводами,—продолжала старушка.

— А самъ баринъ въ лодкѣ въ барышниной,—опять пояснила внучка.

— Не мѣшай, глупая... Искали-искали ее. Не далече вить и отнесло ее... Вонъ тамъ и нашли...

— Супротивъ, почитай, березки,—не вытерпѣла Поля.

— Вынули это ее, сердешную, а у нее и головка падаетъ, и косынька-то растрепалась... Я мигомъ простыни притащила, чтобы на простыньку-то ее положить да качать... На твоихъ простынкахъ, родной, и качали ее... Спать бы ей, горемышной, съ тобой на этихъ простынкахъ да радоваться, такъ нѣтъ, не привелъ Богъ...

— А я ей платье, барышнѣ-то, разстегнула, баринъ велѣлъ,—добавила Поля,—самъ онъ хотѣлъ разстегнуть, да руки трясутся...

— Убивица онъ, вотъ что, а не отецъ!—съ сердцемъ сказала старушка.

— Что же, не откачали?—чуть слышно спросилъ Кравковъ.

— Гдѣ откачать, батюшка!.. Такъ и отвезли ее на ту сторону съ нашими простынками... Послѣ ужъ я ихъ взяла... А на третій день и похоронили сердешную... Еще городской попъ-отъ не хотѣлъ ее хоронить, утопленница, говоритъ, безъ попа-де да безъ ладону померла,—такъ ейный баринъ кнутомъ попу пригрозилъ, ну и схоронили голубушку, тамъ же, въ садикѣ у нихъ.

— А самъ баринъ уѣхалъ,—вставила свое слово Поля.

— Куда уѣхалъ?

— Въ чужія земли, сказываютъ, уѣхалъ, а домъ велѣлъ заперсть наглухо,—отвѣчала старуха.

Кравковъ взялъ въ руки маленькую перчатку, поглядѣлъ на нее и снова положилъ на столъ... Въ этотъ моментъ онъ почувствовалъ себя такимъ одинокимъ сиротой во всемъ мірѣ, такимъ чужимъ для всѣхъ... Ничего у него не осталось, ни моря, ни жизни...

Онъ упалъ головой на столъ и зарыдалъ... Старуха и дѣвушка стояли около него и тоже плакали.

III. Въ тихомъ омутѣ.

Для Кравкова началось не жизнь, а вѣчная агонія.

Въ то время когда онъ былъ въ морѣ, когда у него было дѣло, которое онъ страстно любилъ, которое составляло цѣль и всю окраску его жизни, въ которое онъ, наконецъ, воплотилъ идеалъ своего духа, для него міръ не казался пустыней: въ этомъ мірѣ была у него цѣль, къ которой онъ шелъ, и жизнь казалась ему вѣчнымъ движеніемъ впередъ, постепеннымъ достиженіемъ чего-то искомаго, что и было его идеаломъ, хотя быть можетъ не ясно сознаннымъ, смутно представляемымъ.

Потомъ, когда онъ нашелъ, въ этомъ исканіи своего идеала, и нашелъ совершенно случайно, точно съ завязанными глазами, какъ древніе изображали «слѣпое счастье», нашелъ другой идеалъ, идеалъ личнаго счастья, міръ казался ему раемъ, въ которомъ все было уготовано для его личнаго блаженства.

И вдругъ, все это было разрушено... Онъ бросилъ море, своихъ товарищей, свои привычныя и любимыя занятія, все, что наполняло его жизнь, бросилъ для новой жизни, которая представлялась ему такою лучезарною, и что же нашелъ!

Онъ разомъ потерялъ все. Жизнь потеряла для него всякій интересъ и весь міръ сталъ для него пустыней...

Куда итти? Чего искать? Да для чего, зачѣмъ? Итти развѣ туда же, въ Оку...

Но это бы еще ничего; что міръ сталъ для него пустыней. Можно было бы и въ пустынѣ забыться. Но забыться нельзя...

Взамѣнъ всего, что у него было, ему оставили что-то незабываемое, отъ котораго и въ пустынѣ нельзя спрятаться... Ему оставили страданія, острыя, жгучія... Куда отъ нихъ бѣжать? Какъ тутъ забыться!.. Онъ былъ глубоко одинокъ; но онъ былъ не одинъ: и днемъ и ночью за нимъ ходило это незабываемое, эти острыя, жгучія муки...

Онъ потерялъ сонъ... Цѣлыя ночи онъ или сидѣлъ на берегу Оки, тамъ, у березокъ, или отправлялся на ту сторону рѣки, гдѣ подъ землею лежало что-то для него не умершее... Онъ сидѣлъ и думалъ, мучительно думалъ...

Если-бъ еще онъ могъ вновь отдаться дѣлу, которое онъ любилъ; но онъ самъ порвалъ съ этимъ дѣломъ такъ рѣзко, въ такихъ окончательныхъ формахъ, что возвратиться къ нему не было никакой возможности... Да и зачѣмъ теперь ему дѣло?

Какія безконечныя ночи! И дни безконечные... Хоть бы сномъ забыться... И на Окѣ тихо, и въ лѣсу тихо, ничто не шелохнетъ... Онъ сидитъ на берегу Оки, сжавъ голову руками.

Что это, какъ будто кто плачетъ? Кому же плакать, какъ не его собственной душѣ...

Нѣтъ, плачетъ кто-то...

— Кто тутъ?

Нѣтъ отвѣта. Это ему представляется, чудится въ ночной тиши...

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ кто-то плачетъ, и близко, явственно всхлипываетъ. Онъ поднимаетъ голову... Да, точно, плачетъ...

— Кто тутъ? Кто плачетъ?

Онъ всталъ и направился къ тому мѣсту, откуда слышался плачъ. Подъ кустомъ что-то бѣлѣлось. Словно чѣмъ-то ожгло его по сердцу...

— Кто это?

— Это я, баринъ,—отвѣчалъ всхлипывающій голосъ.

— А, это ты, Поля... Зачѣмъ ты здѣсь? Объ чемъ плачешь?—Дѣвушка еще сильнѣе заплакала.

— Что съ тобой, Поля? Зачѣмъ ты не дома, не спишь?

— Ахъ, баринъ... А вы сами... котору ночь не спите...

Онъ схватилъ себя за голову.

— Я не могу спать, Поля... А ты ступай, не мѣшай мнѣ...

Вѣроятно, онъ скоро покончилъ бы съ собой, если-бъ жестокая горячка не уложила его въ постель. Двѣ недѣли онъ

былъ между жизнью и смертью. Старушка няня и въ особенности ея внучка не отходили отъ больного. Въ бреду онъ говорилъ такія вещи, которыхъ ни старуха, ни дѣвушка не понимали: то чудились ему какія-то далекія моря, по которымъ онъ, казалось, плавалъ и произносилъ непонятныя слова; то жаловался на какихъ-то злыхъ и безсердечныхъ людей; то вспоминалъ какое-то письмо и звалъ кого-то. Всего страшнѣе казалось для его юной сидѣлки, для Поли, когда онъ говорилъ съ какимъ-то моремъ, какъ будто съ живымъ человѣкомъ: «отдай мнѣ его, синее море, отдай, отдай!..»

Поля совсѣмъ извелась за это время, но не оставляла больного, какъ ни уговаривала ее старая бабушка. Когда старухи не было въ комнатѣ, дѣвушка часто становилась на колѣни и по цѣлымъ часамъ молилась. Когда больной сталъ приходить въ себя и къ нему иногда возвращался сонъ, дѣвушка украдкой цѣловала у соннаго руку и тихо плакала.

Нѣкоторые ближайшіе сосѣди, узнавъ о возвращеніи Кравкова и о постигшемъ его несчастіи, пріѣзжали къ нему; но старуха, видя, что пользы отъ этихъ посѣщеній не видалось никакой, старалась не пускать ихъ къ больному.

Но и горячка прошла, какъ все проходитъ на свѣтѣ, только нравственное состояніе Кравкова не улучшалось. Прежнихъ стремленій уже не было въ душѣ; острыя боли также въ ней нѣсколько поулеглись, но тупая тоска не покидала его, какъ не покидали и воспоминанія о его «потерянномъ раѣ». Онъ потерялъ и вѣру въ людей. А между тѣмъ жить надо было. Ни постигшее его великое горе, ни тяжкая болѣзнь не разрушили его организма, а только надломили энергію его духа, оборвали въ душѣ какія-то струны...

«Живи, Кравковъ, живи, — говорилъ онъ самъ съ собою, медленно поправляясь, и бродя одиноко по берегу Оки,—не умеръ, значитъ, долженъ жить... А для чего? А какое тебѣ дѣло до этого? Велѣно жить, и живи... Это твоя барщина... Вонъ твои мужики работаютъ на тебя, это ихъ барщина...»

Но кромѣ личнаго горя, въ его душѣ вставали общіе вопросы жизни.

«Гдѣ же правда?.. Тамъ, въ роскошныхъ палатахъ, ея нѣтъ, она и не завиталась тамъ... У Чернышова правда? У всѣхъ этихъ напудренныхъ вельможъ, у которыхъ на словахъ обще-

ственное благо, а на глазахъ крокодиловы слезы?.. Знаю я эту правду, и ей служить я не буду...»

— Ты что, Поля?

— Меня за вами баушка послала, баринъ.

— А что?

— Баушка говоритъ, обѣдъ простынетъ... Кушать пожалуйте...

— А, хорошо... Ты что, Поля, такая блѣдная?

— Я ничево, баринъ... такъ...

— Ты за мною замаялась, бѣдненькая, когда я былъ боленъ?

— Нѣтъ... это что же-съ?.. Это такъ...

— Хорошо, Поля, я сейчасъ приду.

«Развѣ вотъ у этихъ, бѣдныхъ людей, правда? Вонъ они какъ за мной ходили... Вотъ хоть бы и Поля... Да это, можетъ быть, отъ холопской ихъ преданости? Это ихъ барщина ходить за мной...»

«Говорили, у масоновъ правда... Знаю я эту правду! Въ Херсонѣ вонъ офицеры втянули меня въ эту бездну, и я насилу выкарабкался... Тамъ все барство, всѣ бары лѣзутъ въ масоны, князи и вельможи... Вотъ, говорятъ, и Чернышовъ масонъ... Не таковы были люди христовой правды: они ходили босикомъ, въ милотяхъ и шкурахъ козьихъ, рыбу ловили, отъ рукъ своихъ кормились... А эти! Это Навуходоносоры, велятъ, чтобъ имъ кланялись, какъ тому идолу на полѣ Деирѣ... Нѣтъ, не тутъ правда... Была для меня правда въ морѣ, только въ морѣ она и потонула... Кому я тамъ служилъ? Имъ же, Навуходоносорамъ, и они же меня бросили въ печь огненную...»

— Что вы, баринушко, мало кушаете у насъ?

— Нѣтъ, няня, я хорошо ѣмъ.

— Ужъ и хорошо, словно цыпленокъ клюетъ... А яишенка-то какая!

— Яичница чудесная, няня.

— Чудесная, а не кушаете... А все оттого, что вокругъ своей печали ходите.

— Какъ такъ, няня?

— Да все думаете въ мысляхъ... А коли у человѣка мысли, нѣту тово хуже.

Кравковъ улыбнулся.

— Какъ же, няня, безъ мыслей-то жить?

— А какъ други-то люди живутъ!

— Гдѣ жъ они?

— Да хоша бы Петръ Ильичъ, либо Андрей Исаичъ... Покавѣдались бы когда къ нимъ, а то они къ вамъ: вотъ бы мыслей-то и не было... А они же всѣ навѣщали хвораво-то.

— Твоя правда, няня, побываю у нихъ.

— Они люди простые, хоша и господа тоже.

«Можетъ, я тутъ, въ этой глуши, среди простыхъ людей найду правду и душевный покой... Они же живутъ, не рвутся къ небу... Да у нихъ, впрочемъ, и горя такого не было...»

— А это Полюша вамъ рыжичковъ набрала

— Спасибо ей: она добрая дѣвочка.

— Въ сметанкѣ-та да съ сольцой, и-и-скусно.

Кравковъ послушался старухи и сталъ иногда видѣться съ сосѣдями, то онъ ихъ навѣститъ, то они къ нему пріѣдутъ. Хотя общество ихъ и не было ему по душѣ, да и интересы этихъ захолустныхъ, небогатыхъ помѣщиковъ были самые узенькіе, обыденные, вертѣлись то около поля съ запашками, то около охоты за зайцами и утками, или же вращались въ сферѣ мѣстныхъ сплетень, однако, и съ этими дикарями онъ чувствовалъ менѣе свое одиночество. Но порой и эти сосѣди съ ихъ скучными разговорами наводили на него тоску. Какъ идеалъ ихъ стремленій было тоже масонство; но Кравкову опротивѣла одна мысль о масонахъ.

Онъ чувствовалъ, какъ тоска и пустота жизни затягивали его, словно омутъ. Онъ опять сталъ задумываться. Опять воспоминанія прежней, такой разумной и свѣтлой жизни туманомъ падали на его душу. Опять въ этомъ прошломъ воскресалъ дорогой образъ. Онъ снова запирался дома, или безцѣльно бродилъ по лѣсу, по окрестностямъ. Но онъ чувствовалъ, что и тамъ, по лѣсу, за нимъ бродило что-то... Это бродило за нимъ его прошлое, его тоска... Отъ нея некуда уйти, развѣ въ могилу?

Но послѣдняя мысль казалась ему оскорбленіемъ всего его свѣтлаго прошлаго, безумною, грѣшною мыслью, барскимъ капризомъ... «Отъ барщины бѣжать? Нѣтъ, живи, страдай...»

Всего мучительнѣе терзало его сознаніе, что онъ не можетъ возвратиться къ прежней жизни, которая теперь представлялась ему потеряннымъ раемъ. Мысль его, когда она на минуту

отрывалась отъ созерцанія того, что имъ было потеряно вотъ здѣсь, на этомъ самомъ берегу, блуждала по далекимъ морямъ, гдѣ надъ его головой сверкало чудное солнце юга, гдѣ чарующею картиною развертывались передъ нимъ волшебныя страны. Ему казалось, что онъ опять бродитъ по оливковымъ и апельсиннымъ рощамъ острововъ Архипелага, слышитъ прибой фіолетовыхъ волнъ вѣчно говорливаго моря... Тамъ, въ Геллеспонтѣ, созерцая берега нѣкогда бывшей Троянской земли, онъ переживалъ тысячелѣтія, своею душою чувствовалъ то, что чувствовали когда-то эти герои и полубоги Греціи, съ которыми онъ породнился мыслью еще на школьной скамьѣ...

«Но какъ воротиться въ этотъ дивный міръ? Черезъ Петербургъ?»...

Но передъ нимъ вставалъ во всемъ омерзеніи барской спеси возмутительный образъ Чернышова, и его гордый духъ возмущался... «Ни за что не поклонюсь презрѣнному сановнику!»

«Но какъ же жить?» Снова терзался онъ вопросомъ.

«А живи такъ, какъ совѣтуетъ старуха нянька, безъ мыслей», отвѣчаетъ внутри его какъ бы чей-то посторонній голосъ.

И онъ рѣшился жить «безъ мыслей»: онъ отдался теченію той жизни, которая его окружала.

Кравковъ снова сталъ видѣться съ своими сосѣдями, ѣздилъ съ ними на охоту, толковалъ о мужикахъ, объ урожаяхъ, о собакахъ. Онъ дѣлалъ то, что дѣлали всѣ. Но такъ какъ ни пороши съ заячьими слѣдами, ни собаки, не могли наполнить собой пустоты жизни, то дополненіе это старались находить въ винѣ: въ этомъ зеленомъ россійскомъ океанѣ Кравковъ и надѣялся утопить свое горе.

Изъ нижеслѣдующаго читатель увидитъ, насколько Кравковъ успѣлъ въ этомъ.

IV. Въ иргизскихъ скитахъ.

Прошло три года.

Лѣтнимъ утромъ 1780 года, за Волгой, по дорогѣ отъ села Малыковки, что нынѣ городъ Вольскъ, Саратовской губерніи, къ Яику, шелъ какой-то прохожій, опираясь на длинную палку, какія обыкновенно носятъ странники.

Прохожій былъ мужчина, лѣтъ тридцати-пяти, хотя рѣзкія

морщинки, проведенныя на его лицѣ не то горемъ, не то думами, придавали этому строгому съ задумчивыми глазами лицу гораздо болѣе лѣтъ. На головѣ у него была простая мужичья войлочная шляпа, какъ-то не помужичьи опущенная на глаза, которымъ, казалось, тяжко было смотрѣть на все окружающее. Одѣтъ прохожій былъ въ грубую синюю крашенинную рубаху съ косымъ воротомъ, въ такія же штаны, заправленныя въ высокіе мужицкой работы сапоги. На плечахъ сѣрый зипунъ и котомка, да за поясомъ тыква-горлянка для воды.

Хотя по всему одѣянію это былъ совсѣмъ мужикъ, но въ лицѣ его, въ выраженіи глазъ и въ какомъ-то неуловимомъ огнѣ ихъ, было что-то такое, что какъ будто говорило, что глаза эти на своемъ вѣку перевидали что-то другое, не то, что доступно простому мужику въ его обыденной обстановкѣ, а голова эта, прикрытая мужицкою шляпою, передумала много такого, о чемъ мужичья голова никогда и не загадываетъ.

Въ волосахъ прохожаго и въ бородѣ съ чернымъ волосомъ рѣзко переплетались серебряныя нити сѣдины.

Онъ остановился, повидимому затѣмъ, чтобъ передохнуть. Солнце уже пекло сильно. Прохожій окинулъ взромъ разстилавшуюся передъ нимъ необозримую равнину. Это была степь, по которой семь лѣтъ тому назадъ бродилъ невѣдомый скиталецъ, за которымъ пошла потомъ половина Россіи.

— Экое море, Господи!—тихо, съ какимъ-то умиленіемъ въ голосѣ проговорилъ прохожій.—Только это не то море, не фіолетовое... А далеко-далеко оно, это фіолетовое море, словно моя молодость и мое счастье.

Онъ задумался. Безбрежная степь невольно навѣвала на душу думы. Тихо, безмолвно кругомъ. Изрѣдка надъ степью пролетитъ сѣдой лунь, плавными взмахами широкихъ крыльевъ нарушая мертвое однообразіе пустыни, да въ голубомъ прозрачномъ небѣ, трепеща острыми крылышками, рѣетъ сизая пустельга. Единственные живые голоса степи — это монотонно сюрчащіе кузнечики.

«Такъ вотъ гдѣ мыкался Пугачовъ, гоняясь за своею долей и за своею страшною смертью... Только я ужъ не ищу своей доли»...

Онъ сбросилъ съ себя котомку, отвязалъ отъ пояса тыкву-горлянку и сталъ жадно пить находившуюся въ ней воду.

— Что-жъ мудренаго, что за Пугачовымъ всѣ пошли, когда кругомъ одна неправда? Гдѣ же правда-то?.. Говорятъ, тамъ, за этой степью, въ тихомъ уединеніи лѣса...

Онъ снялъ съ головы шляпу и горько улыбнулся, глядя на нее. Потомъ глянулъ на свою рубаху, на запыленные сапоги, на котомку.

— Капитанъ-лейтенантъ въ сермягѣ... Что жъ! Чѣмъ я лучше ихъ, что кромѣ сермяги ничего не знали?.. А я зналъ, и того довольно съ меня... Вспоминай прошлое... Эхъ, Руссо, Руссо! Тысячу разъ правы твои святыя слова: только въ природѣ человѣкъ находитъ истинное успокоеніе. Да, вотъ она, тихая, безмолвная, кроткая, а какъ много душѣ сказываетъ она, мать-природа... О, моя матушка, матушка!

Онъ заплакалъ, закрывъ лицо ладонями. Голова его тихо качалась изъ стороны въ сторону.

— О, какъ горька ты и сладка, память прошлаго. Матушка, матушка моя!

Долго сидѣлъ онъ такъ, не поднимая головы, потомъ отнялъ руки отъ лица, оглянулся кругомъ и сталъ опять надѣвать на себя котомку.

— Иди, иди, капитанъ-лейтенантъ,—съ горькою усмѣшкой проговорилъ онъ,—а то прошлое твое по пятамъ идетъ за тобою.

Онъ тихо поплелся дальше. На дорогу изъ сухого чернобыльника выскочилъ зайчикъ-тушканчикъ, сѣлъ на заднія лапки и съ любопытствомъ глядѣлъ на прохожаго.

— Что, дурачекъ! Не боишься людей? Люди, вѣрно, еще не научили тебя страху...

Тушканчикъ въ нѣсколько прыжковъ очутился опять въ травѣ.

Путникъ продолжалъ итти, отъ времени до времени поглядывая въ разстилавшуюся передъ нимъ даль. Степи, казалось, конца не будетъ.

Но вотъ на горизонтѣ показались неясныя очертанія лѣса. Вдали желтѣли нивы созрѣвшаго хлѣба и виднѣлись, разбросанныя по равнинѣ, коническія шапки стоговъ сѣна.

— Должно быть, близко,—тихо проговорилъ путникъ,—это признаки жилья людского.

На нивахъ темнѣлись отдѣльныя точки. Ясно было, что это люди.

Скоро путникъ различилъ, что это были жницы, убиравшія хлѣбъ. По темному одѣянію онъ принялъ было ихъ за мужиковъ, но, подойдя ближе, увидалъ, что это все были бабы и дѣвушки. Всѣ онѣ по одеждѣ напоминали черничекъ.

У самыхъ нивъ дорога раздѣлялась на два пути. Прохожій остановился, видимо недоумѣвая, какою дорогою итти ему дальше.

Онъ подошелъ къ жницамъ, которыхъ было нѣсколько десятковъ, и снялъ шляпу.

— Богъ въ помощь, люди добрые,—сказалъ онъ, кланяясь.

Жницы поднялись, держа въ рукахъ серпы и пучки сжатой пшеницы.

— Спасибо тебѣ, человѣче, на Божьемъ словѣ,—отвѣчала одна изъ нихъ, пожилая, съ добрыми карими глазами.

— Скажите, матушка, какой дорогой я пройду въ скиты?—спросилъ прохожій.

— Коли ты съ добрыми мыслями, такъ пройдешь прямою дорогою,—былъ загадочный отвѣтъ.

— Съ добрыми, матушка.

— А откуда ты, человѣче?

— Теперь изъ Малыковки.

— А кто тебѣ напутствіе далъ во скиты?

— Василій Алексѣевичъ Злобинъ.

— Злобинъ Василій Алексѣичъ намъ вѣдомъ, хорошій человѣкъ... Что-жъ ты въ скиты, по какому такому дѣлу?

— Ищу, матушка, тихаго пристанища въ горькой жизни.

— А! Только наше пристанище трудъ любитъ, да потрудится человѣкъ во славу Божію.

— И я ищу труда.

— Дѣло благое... Такъ вотъ тебѣ дорога въ скиты, такъ и иди въ лѣсъ.

Путникъ поблагодарилъ, поклонился и пошелъ тѣмъ путемъ, который отклонялся вправо: это и была дорога въ иргизскіе скиты, нынѣ уже не существующіе: они уничтожены въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Скоро путникъ вошелъ въ лѣсъ, прохладная тѣнь котораго, казалось, живительно подѣйствовала на усталаго странника. Онъ снялъ шляпу и поднялъ свое задумчивое лицо. Въ грустныхъ глазахъ засвѣтилось что-то радостное.

— Какъ тихо тутъ, безмятежно... Ужели тутъ обрѣту я свое пристанище? Можетъ быть: вѣрно, недаромъ говоритъ старая пѣсня, которую я слышалъ когда-то еще отъ покойницы бабушки, что горе-злочастіе отстало отъ горюна только тогда, когда за нимъ захлопнулись монастырскія ворота.

Гдѣ-то за лѣсомъ вился къ небу синій дымокъ. По временамъ доносился крикъ пѣтуха да лѣнивый лай собаки.

— Да, жилье близко... Не видѣть ужъ мнѣ отсюда синяго моря...

Лѣсъ началъ рѣдѣть. Показались заборы, огороды, строенія. Изъ-за деревьевъ блеснулъ крестъ. Прохожій перекрестился.

— Благословенъ путь твой, человѣче! — раздался вдругъ чей-то голосъ сзади.

Прохожій невольно вздрогнулъ и обернулся. Изъ лѣсной тропочки выходилъ на дорогу сѣдой старичекъ въ скуфейкѣ. Въ рукахъ у него была плетенка, доверху наполненная черно-сизою ежевикой.

— Благословенъ путь твой, человѣче!—ласково повторилъ старичекъ.

— Спасибо вамъ, дѣдушка-отче,—отвѣчалъ прохожій, невольно потупляясь передъ свѣтлыми, совсѣмъ молодыми глазами старичка.

— Въ скитокъ къ намъ путь держишь, милый?—еще ласковѣе спросилъ старичекъ.

— Въ скитъ, отецъ святой... Могу я видѣть Никиту Петровича?

— А кто тебѣ, миленькой, сказалъ про грѣшнаго Никиту?

— Василій Алексѣевичъ Злобинъ.

— А, онъ родной...

— Вотъ и письмо у меня къ Никитѣ Петровичу.

— Такъ-такъ, миленькой,—улыбался старичекъ,—я этотъ самый Никита и буду.

— Вы?.. Извините, я не зналъ...

Старичекъ еще добродушнѣе улыбнулся.

— Какъ же, миленькой, знать всяко древо въ лѣсу? А я здѣсь то же древо старое во скитскомъ нашемъ вертоградѣ... Какъ же тебѣ знать меня, не видавши?

Пришлецъ снялъ съ головы свою коническую шляпу и вынулъ изъ нея завернутое въ платокъ письмо.

— Вотъ вамъ, Никита Петровичъ, письмецо отъ Злобина.

Старичекъ, поставивъ свою плетушку на землю, взялъ поданное ему письмо, посмотрѣлъ на надпись, разломилъ большую сургучную печать и сталъ читать написанное на четвертушкѣ синей бумаги. По мѣрѣ чтенія, лицо старика принимало какіе-то неуловимые оттѣнки, не то на немъ отражалось изумленіе, не то радость, не то сомнѣніе. Нѣсколько разъ онъ вскинулъ на пришельца своими ясными очами.

— Такъ вы и будете оный податель?—спросилъ онъ, ворочая письмо въ своихъ сухихъ пальцахъ.

— Я, Никита Петровичъ.

— Евдокимъ Михайлычъ Кравковъ?

— Да, я самый.

— Господинъ капитанъ-литенатъ?

— Да, точно.

— Зѣло радъ... такой высокій чинъ, и въ нашу бѣдную обитель...

— Ежели только примете... Вотъ мой указъ объ отставкѣ...

Кравковъ вынулъ изъ того же платка вчетверо свернутый листъ бумаги. Старикъ съ улыбкой посмотрѣлъ на него своими ясными глазами.

— Нѣтъ, нѣтъ, увольте, батюшка Евдокимъ Михайловичъ, господинъ капитанъ-литенатъ, — торопливо заговорилъ онъ, — мы не сыщики, мы не связываемъ душу живу указами да пачпортами, это дѣло темное, не наше, нечистое дѣло... Кто убо воспретилъ птицѣ небесной летати по аеру? Ни самъ Господь... Вонъ она, птичина божья, полетываетъ (старикъ указалъ на кружившихся надъ скитами голубей)... Такъ душу ли живу вязать пачпортами! Христосъ тому не училъ, не спрашивалъ Онъ указовъ да пачпортовъ, когда звалъ съ собою апостоловъ, нѣтъ, но спрашивалъ!.. Воспомяните оно мѣсто во святомъ евангеліи: «ходя же при мори Галилейстемъ, видѣ два брата, Симона глаголемаго Петра и Андрея брата его, метающаго мрежи въ море, бѣста бо рыбаре. И глагола има: грядите по Мнѣ и сотворю вы ловца человѣкомъ. Они же абіе оставивша мрежи, по Немъ идоста»... Спрашивалъ Онъ отъ нихъ пачпортовъ? А? А они спрашивали Его, кто-де ты такой? Спрашивать, кто ты да какъ, это уже дѣло Пилатово, не наше: ему подавай пачпорта да указы... Ты ли еси царь іудейскій—это онъ вопрошалъ... А мы,

нѣтъ: мы по слову Христову всякаго страннаго принимаемъ въ обитель свою, она Божья, не наша...

Старикъ говорилъ горячо, страстно... Ясные глаза его теплились глубокою искренностью, онъ забылъ даже, что они стоятъ еще въ лѣсу, что собесѣдникъ его, быть можетъ, усталъ, проголодался. Много, видно, онъ испыталъ на вѣку, много видѣлъ несчастныхъ жертвъ этихъ пачпортовъ «да указовъ», много знавалъ людского горя, виною котораго было это «Пилатово дѣло», эти допросы да пытанья, оттого и говорилъ съ страстностью.

— Они, Пилаты, вяжутъ душу живу, печатаютъ ее кустодіею, душу-то живу, словно ко Христу привалили камень съ кустодіею... Такъ нѣтъ, не удержали подъ печатью душу живу, воскресла; воскресъ батюшка Христосъ!.. Пущай они, Пилаты, печатаютъ душу, а мы нѣтъ; мы просимъ у Владыки-свѣта: кто дастъ мнѣ крилѣ, яко голубинѣ, и полечу... да и полечу, полетитъ душа моя безъ пачпорта, а Владыка-свѣтъ вездѣ найдетъ ее: аще взыду на небо, Ты тамо еси, аще сниду во адъ, Ты тамо еси, аще возьму крилѣ мои рано и вселюся въ послѣднихъ моря, и тамо бо наставитъ мя и удержитъ мя десница Твоя...

«Вселюся въ послѣднихъ моря» что-то какъ бы рѣзнуло по сердцу слушавшаго эту горячую рѣчь путника: «да, и тамъ я чувствовалъ его»...

— А то на! Душу въ подушное обратили, словно осла подъяремнаго; плати, душа, подушное... Душу-то платить за себя заставляютъ, и кому же платить! На какое дѣло!.. Богъ тебѣ далъ душу живу, ее припечатали кустодіею! Богъ тебѣ далъ свой образъ и подобіе, его оскоблили... Дивлюсь, какъ посовъ не пообрѣзали, оно было бы еще глаже...

Старикъ, однако, опомнился и какъ бы смутился немного.

— Что жъ я развякался такъ! Не обезсудь, родной... Странничекъ истомился въ путинѣ, а я его морю... А все эти указы да пачпорта... Пусто бъ имъ.

Онъ торопливо взялъ свою плетенку съ ежевикой.

— Такъ пойдемъ же, родной, господинъ капитанъ-лейтенантъ, пойдемъ въ обитель нашу... Тамъ и потолкуемъ, а ты отдохнешь да и подкрѣпишься, чѣмъ Богъ послалъ.

Они пошли дальше. Передъ изумленными глазами Кравкова постоянно развертывалась картина, которой онъ не ожидалъ:

изъ зелени лѣса выступило цѣлое поселеніе, церковь, большіе, длинные дома и цѣлыя группы построекъ... Все это смотрѣло такъ привѣтливо, весело. Изъ-за домовъ выглядывала голубая поверхность огромнаго озера, окамленнаго лѣсомъ. Густыя ветлы, клены, дубъ, липа, береза, все это такъ живописно осѣняло таинственное поселеніе, спрятавшееся въ зеленую чащу среди необозримой заволжско-яицкой степи. По озеру кое-гдѣ скользили рыбацкія лодки. На огородахъ виднѣлись люди, бабы и дѣвки копались въ грядкахъ, пололи, поливали. Слышался стукъ топора, визгъ пилы. На всемъ лѣсномъ оазисѣ, видимо, кипѣла жизнь, но такъ ровно, тихо, гармонично. Попадавшіеся навстрѣчу старичку и Кравкову мужики не мужики, монахи не монахи, а что-то среднее, низко кланялись... «Господь посреди насъ», отвѣчалъ имъ на это старичекъ, и они проходили далѣе.

— Вотъ наши палестины, пустыня прекрасная, — добродушно сказалъ старичекъ, когда они вошли на обширный дворъ, среди котораго стояла небольшая деревянная церковь, украшенная поверху осьмиконечными крестами.

Старичекъ ввелъ Кравкова подъ крытое крыльцо длиннаго деревяннаго дома, гдѣ въ тѣни навѣса, у стѣны и по краямъ, находились широкія деревянныя лавки.

Вдругъ въ воздухѣ пронесся рѣзкій металлическій крикъ, и эхо откликнулось ему по лѣсу и за озеромъ. Кравковъ невольно вздрогнулъ. Крикъ повторился еще и еще. Били въ чугунную доску.

— Било заговорило,—съ улыбкою замѣтилъ старичекъ,—къ обѣду зоветъ братію... Оно у насъ голосисто, до Бога кричитъ... Часъ приспѣ обѣдать, и вы съ нами потрапезуете... А послѣ того мы съ вами и покалякаемъ.

На дворъ, какъ муравьи, посыпались со всѣхъ сторонъ люди. Кравковъ не вѣрилъ, что онъ въ степи, въ безлюдномъ Заволжьѣ, гдѣ онъ видѣлъ только дикихъ сайгаковъ, убѣгавшихъ при видѣ человѣка, да медленно плавающаго надъ степью беркута, либо бѣлаго лупя.

V. «Прекрасная пустыня».

— А ты поуспокойся, родной, не надрывай сердца-то.

— Не могу, святой отецъ, видитъ Богъ, не могу... Ужъ очень

долго все это въ душу пряталъ, вотъ душа и не выдержала: прорвалась...

— Знаю, знаю, родной. Самъ я такой же жорновъ осельный на душѣ носилъ.

— И я несу...

— Ладно... У насъ ты ево на мельницу сдашь, жорновъ-отъ осельный... Ну, такъ какъ же? Досказывай все, какъ на духу, легше станетъ на душу камень гнести, а то и совсѣмъ съ души свалится... Ну, такъ пріѣхалъ ты домой...

— Да, пріѣхалъ, думалъ, счастье найду съ нею...

- Такъ, а родители уже померли?

— Померли давно. Вотъ пріѣзжаю я, думаю, въ рай пріѣхалъ, а меня встрѣтило лютое горе...

— Что жъ, преставилась отроковица?

— Нѣтъ... Я и сказать не могу, языкъ коснѣетъ...

— Что жъ, родной, дѣло прошлое, не воротить.

— Да, не воротить... Она ждала меня, а отецъ силой отдавалъ ее за злодѣя.

— Точно, силой это не хорошо... не силой, а любовью надо: не силой Христосъ насъ привелъ къ себѣ, но любовію... Кая же любовь выше, аще положити душу за други своя... Сила это дѣло Пилатово... Ну?

— Она вырвалась изъ рукъ злодѣя и утопилась въ Окѣ...

— Ахъ, бѣдная отроковица, бѣдная! Погубила свою душеньку чистую.

— И мою погубила...

— Что ты! Что ты! Пока человѣкъ живъ, Божье око бдитъ надъ нимъ: а Божье милосердіе—море неисчерпаемое: на всѣхъ достанетъ.

Въ сторонѣ, на берегу озера подъ ветлами, послышалось тихое, мелодическое пѣніе. Пѣлъ чей-то свѣжій, юношескій голосъ:

О прекрасная пустыня!
Самъ Господь пустыню восхваляетъ,
Отцы въ пустынѣ скитаютъ,
Ангелы отцемъ помогаютъ,
Апостоли отцовъ ублажаютъ,
Пророцы отцовъ прославляютъ,
Мученицы отцовъ восхваляютъ,
А вси святіи отцовъ величаютъ,
Отцы въ пустынѣ скитаютъ

И горъ воды испиваютъ,
Древа въ пустынѣ процвѣтаютъ,
Птицы ко древамъ прилетаютъ,
На кудрявыя вѣтви посѣдаютъ,
Красныя пѣсни воспѣваютъ,
Отцовъ въ пустынѣ утѣшаютъ...

Съ глубокимъ вниманіемъ слушалъ Кравковъ это тихое, грустное пѣніе. Они сидѣли съ Никитою Петровичемъ въ скитскомъ саду, подъ грушею. Тутъ же былъ и скитскій пчельникъ. Пчелы суетливо жужжали по цвѣтамъ, а другія, словно пули, быстро летали то къ озеру за водой, то назадъ въ свои ульи.

— Кто это поетъ?—задумчиво спросилъ Кравковъ.

— А вьюноша тутъ у насъ... Двое ихъ у насъ, два брата, иноки младые, Герасимъ да Савватій... Вотъ тоже, что и ты, изъ благородныхъ, даже можно сказать, изъ высоко-благорожденныхъ.

— Кто же они?

— А изъ роду Персицкихъ... Отцы ихъ и дѣды атаманствовали въ вольскомъ войскѣ. Знаешь, чать, о вольскомъ войскѣ?

— Какъ же... Вольскіе казаки, говорятъ, къ Пугачеву тогда пристали, такъ послѣ усмиренія бунта вольское войско уничтожили, на Терекъ перевели.

— Точно-точно. Вонъ и наше яицкое войско за ту же провинку Уральскимъ сдѣлали, чтобъ и имени-де и духу бунтовничаго не осталось... Такъ вотъ эти-то вьюноши Персицкіе не захотѣли властямъ неправеднымъ покориться, не поѣхали на Терекъ, а пришли къ намъ въ пустыню, еще малыми робятками, да вотъ и теперь живутъ у насъ во славу Божію, трудятся, и оба какіе грамотники! Всѣ стихи духовные наизусть знаютъ... Вотъ нашли же утѣху въ пустынѣ, да еще въ такихъ младыхъ лѣтахъ... Найдешь и ты свою утѣху.

— Дай-то Богъ!

Голосъ невидимаго пѣвца смолкъ, а собесѣдники все, казалось, къ чему-то прислушивались, не то къ тихому шопоту листьевъ, не то къ умолкшей мелодіи, которая какъ бы еще стояла и медленно замирала въ очарованномъ воздухѣ.

— Тихо у васъ, хорошо,—невольно вздохнулось Кравкову.

— Да, тихая пустыня, безмолвная, это точно. Но кто въ ней, въ пустынѣ-то этой, долго пожилъ, для того она не безгласна,

другъ мой... Преклони токмо ухо къ ней, она съ самимъ Господомъ говоритъ... Слышишь?

— Да, кажется, и я слышу...

Но это не пустыня говорила. Изъ-за ветелъ доносилась еще болѣе тихая, плачущая мелодія:

Какъ расплачется, какъ растужится мать
сыра земля предъ Господомъ:
Тяжело-то мнѣ, Господи, подъ людьми стоять,
Тяжелѣй того—людей держать,
Людей грѣшныихъ, беззаконныихъ,
Кои творятъ грѣхи тяжкіе,
Досаду чинятъ отцу-матери,
Убійства-татьбы дѣлаютъ страшныя,
Повели мнѣ, Господи, разступитися,
Пожрать люди грѣшницы, беззаконницы.
Отвѣчаетъ землѣ Исусъ Христосъ:
О, мати ты, мать сыра земля!
Всѣхъ ты тварей хуже осужденная,
Дѣлами человѣческими оскверненная!
Потерпи еще время моего пришествія страшнаго:
Тогда ты, земля, возрадуешься:
Убѣлю тебя снѣгу бѣлѣй,
Прекрасный рай проращу на тебѣ,
Цвѣты райскіе пущу по тебѣ...

— Ужъ и мастеръ же пѣть Герасимушко!.. Да и оба они, и Савватій, оба хороши пѣвцы... Какъ хорошо службу поютъ! Это, сказываютъ, въ роду у Персицкихъ господъ. И отцы ихъ, атаманье, у! пѣвуны же, сказываютъ, были на все войско... А вотъ симъ вьюношамъ Господь послалъ талантъ пустынножительства:—не скорбятъ о прелестяхъ міра сего тлѣннаго, о родѣ своемъ, объ атаманствѣ: и забыли, кажись, что они изъ породы Персицкихъ *)...

---

*) Иргизскіе иноки братья Персидскіе, Герасимъ и Савватій—это личности вполнѣ историческія, не вымышленныя. Когда послѣ пораженія Пугачева Михельсономъ подъ Чорнымъ Яромъ, между трупами пугачевцевъ найденъ былъ документъ, обличавшій, что волжское войско передалось Пугачеву, то войско это было уничтожено и переселено на Терекъ. Молодые же Персидскіе, происходившіе отъ атамановъ волжскаго войска, братья Герасимъ и Савватій («дѣти маіора Персидскаго», какъ ихъ называли въ офиціальныхъ бумагахъ) ушли на Иргизъ, гдѣ и оставались иноками до уничтоженія, уже въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, иргизскихъ раскольничьихъ общинъ, гдѣ они пользовались большимъ уваженіемъ. По уничтоженіи иргизскихъ монастырей, Герасимъ и Савватій Персидскіе, уже маститые старцы, воротились къ себѣ на родину, въ Дубовку, гдѣ у нихъ оставались имѣнія, и у себя на хуторѣ, на

Старикъ остановился. Онъ увидѣлъ, что Кравковъ, закрывъ лицо руками, плакалъ. И у старика слезы навертывались на глаза.

— Что жъ, сынокъ, поплачь, поплачь маленько... Это хорошо: это душа твоя плачетъ, это пустыня въ нее вошла, святая, тихая пустыня... Ну, старое-то, горькое все, прискорбное, нечисть свѣтская, все это слезами сладкими изойдетъ... Это, другъ, пустыня очищаетъ тебя, аки баня пакибытія... Это душа въ тебѣ возрождается и аки младенецъ, исходя изъ утробы матерней, плачетъ... Хорошія это слезы, другъ, и я плакалъ такими...

— Нѣтъ, не такія это слезы. Это слезы стыда, позора... Вѣдь они, мои злодѣи, душу мою отравили. Тамъ у меня, въ душѣ, проказа!

рѣчкѣ Бердеѣ, основали свой собственный скитъ. Слава объ этомъ скитѣ и о самыхъ подвижникахъ прогремѣла по всему среднему Поволожью, по Дону и по Уралу, гдѣ раскольники знали Персидскихъ и считали ихъ, какъ значится въ дѣлахъ, «великими свѣтилами правды». О скитѣ же ихъ старовѣры выражались: «солнце православія, зашедши на Иргизѣ, по милости Божей возсіяло на Бердеѣ». Когда слухи объ этомъ дошли до правительства, то оно приказало запечатать и скитъ Персидскихъ. Но энергія братьевъ-иноковъ была несокрушима. Они основали на Бердеѣ тайный скитъ, превративъ въ моленную простую «овечью избу», чтобы тѣмъ усыпить бдительность властей, подобно тому какъ первые христіане усыпляли бдительность язычниковъ-римлянъ, отправляя свои богослуженія въ катакомбахъ, въ пещерахъ, «въ норахъ» и «язвинахъ». Но власти и объ этомъ довѣдались. Братьевъ Персидскихъ, уже очень дряхлыхъ старцевъ, арестовали.—«У отцовъ нашихъ войско волжское взяли, говорили они передъ властями—и насѣки атаманской лишили («насѣка»—атаманская булава и доселѣ); съ насъ же ризы ангельскія снимаютъ и посохи странническіе отнимаютъ. Порушены казацкія вольности на Дону, на Яикѣ и на Волгѣ—нѣтъ болѣе славнаго войска яицкаго и волжскаго и не возвратится вспять казацкая вольность. Мы скрыли себя въ пустынѣ, тамъ стали въ ряды воинства Христова; но пришелъ врагъ и разогналъ наше войско. Вотъ мы и рѣшились искать новаго убѣжища, дабы умерсть не въ острогѣ и предстать предъ Господомъ не въ сѣрой свитѣ (армякъ, чапанъ) арестанта, но во иноческомъ одѣяніи». Къ скиту Персидскихъ на Бердеѣ стали тяготѣть раскольники съ Дона, Бузулука, Медвѣдицы, съ Бурлука, Иловлы и Волги. Всѣ эти свѣдѣнія о Персидскихъ я извлекъ изъ архивныхъ дѣлъ саратовскаго губернскаго правленія, когда занимался тамъ изслѣдованіемъ движеній въ расколѣ Поволжья, равно исторіею уничтоженія иргизскихъ монастырей и гоненія на раскольниковъ въ Саратовѣ, Хвалынскѣ, Вольскѣ, Камышинѣ, Дубовкѣ, Царицынѣ и во всемъ нижнемъ Поволжьѣ (гоненія эти особенно сильны были въ 40-хъ годахъ). Дворянскій родъ Персидскихъ доселѣ извѣстенъ въ нижнемъ Поволжьѣ: изъ атамановъ Персидскіе превратились въ предводителей дворянства и т. п.

— А ты забылъ о прокаженномъ. другъ мой?

— Нѣтъ, помню... Но тогда былъ Христосъ на землѣ. а меня некому очистить.

— Не говори такъ, мой другъ: Христосъ и понынѣ на землѣ, Онъ среди насъ...

— Да я-то его не вижу... Я чертей видѣлъ, а Христа нѣтъ.

— Какихъ чертей ты видѣлъ, дружокъ?

— Да они меня, злодѣи-то мои, други и сосѣди, они меня споили совсѣмъ, чтобъ овладѣть мною... А я пилъ съ тоски, потому что спать не могъ. И ко мнѣ стали черти являться...

— Это, другъ мой, мечтаніе.

— Я самъ знаю, что мечтаніе, да только я видѣлъ эту мечту... Голуби, я ихъ видѣлъ...

— Какіе голуби?

— Да когда злодѣи довели меня до изступленія, вокругъ моей головы все голуби летали.

— Что жъ, это мечтаніе... Ты былъ боленъ...

— Да, боленъ былъ. А они, пользуясь этимъ, подлецомъ меня сдѣлали, злодѣемъ, убійцей!

— Что ты! Господь съ тобой!

— Да... Я никого не убилъ, не зарѣзалъ, но хуже того: я моихъ крестьянъ продалъ имъ, какъ скотину... Я и себя разорилъ, и крестьянъ...

— А Господь на что? Онъ поможетъ имъ: у Него-свѣта всего много.

— Но я души продалъ, родныя души: я продалъ свою няньку-старуху, которая выносила меня на рукахъ, не спала за мной и дни, и ночи... Я продалъ и внучку ея; бѣдная Поля!

— Кто жъ эти злодѣи твои были?

— Да все сосѣди, все дворяне, благородные...

— Охъ, ужъ эти благородные! Отъ нихъ-то все и зло на землѣ!

— Отъ нихъ, это я самъ на себѣ испыталъ. Чѣмъ выше человѣкъ стоитъ, тѣмъ онъ бездушнѣе. Отъ чернаго рабочаго народу нѣтъ такого зла, а все зло отъ нашего брата, отъ благородныхъ... Они, благородные, довели меня до безумія, до скотства. А какъ увидѣли, что я въ безуміи могу что-либо учинить надъ собою или надъ другими, меня какъ вора или разбойника взяли они подъ караулъ да и отвезли во Владиміръ. А сколько времени

тамъ меня морили! Да и это еще ничего. Нѣтъ, имъ нужно было до конца сгубить мою душу. По знакомству съ графомъ Воронцовымъ, Романомъ Ларіоновичемъ, нашимъ генералъ-губернаторомъ, они уговорили его назначить меня на мѣсто. А у графа свой умыселъ былъ. Водилась у него нѣкая метреса, дѣвка, тоже изъ благородныхъ, да надоѣла ему. Такъ онъ и возымѣлъ мысль сбыть ее съ шеи, отдѣлаться. А такъ просто, какъ отъ холопки, отдѣлаться нельзя, благородная вѣдь, шляхетскую честь надо соблюсти: надо выдать за благороднаго же. Я какъ разъ и пригодился. Взялъ онъ, Воронцовъ-то, да и назначилъ меня во Владимірѣ въ верхній земскій судъ засѣдателемъ, а тамъ и сталъ ухаживать за мною: познакомилъ съ своею метресою. Та ужъ была подучена, она и обвела меня своею красотой да и притворною невинностью. Лицомъ же, на мое несчастье, она походила на мою покойную невѣсту. Я и поддался соблазну, женился на ней: думаю, по крайней мѣрѣ, заживу человѣкомъ, успокоюсь въ своей семьѣ... А вмѣсто успокоенія я нашелъ сущій адъ. Она не любила меня, а вышла за меня, чтобъ мною прикрыть свое поведеніе. Тогда я все понялъ. Она не думала скрывать отъ меня своихъ поступковъ, а говорила, что какъ прежде любила графа, такъ и теперь любитъ. Да только графъ-то ее ужъ не любилъ: у него завелась новая утѣха. Чтобъ отдѣлаться отъ насъ, онъ перевелъ меня на службу въ Пензу, подальше отъ себя. А тамъ мнѣ еще хуже стало, я не вынесъ моихъ мученій. Я хотѣлъ покончить съ собой, но рука не подымалась.

— Какъ можно! Эка грѣхъ какой! Ужъ что же хуже самоубивства!—качалъ головой старикъ.

— Невтерпежъ было... Я вѣдь никому о своемъ горѣ не говорилъ, вамъ это первымъ разсказываю.

— Что жъ, мнѣ можно: мнѣ какъ будто на духу.

— Вы какъ отецъ меня приняли....

— И точно, я всѣмъ здѣсь отецъ, потому старше всѣхъ: тоже, значитъ, ветхъ денми...

— Да... Я такъ и рѣшилъ съ собой: пойду искать добрыхъ, простыхъ людей.

— Простые-то добрѣе, потому къ Богу ближе живутъ.

— Правда, я самъ это чувствую здѣсь. У васъ рай.

— Точно, рай; пустынюшка-матушка.

— Спасибо Злобину, Василій Алексѣевичу, онъ направилъ меня къ вамъ.

— И благо учинилъ: у насъ тихо... Вонъ какъ хорошо нашъ скитской соловушко распѣваетъ, благо праздничекъ Богъ далъ: всѣ скитскіе-то по ягоды да по грибы пошли, и онъ вотъ, Герасимушко нашъ, пустыню воспѣваетъ...

А изъ-за ветелъ, дѣйствительно, неслось пѣніе:

О, прекрасная пустыня,
Любимая моя другиня!
Безмолвная мати пустыня,
Безмолвная, не празднословная,
Безропотна, не строптива,
Смиренномудренна, терпѣлива...

— А какъ же жена?—спросилъ старикъ.

— Она осталась въ Пензѣ.

— И не знаетъ, что съ тобой?

— Не знаетъ, да она и не хочетъ знать: она тяготилась мною, да и мнѣ она стала въ тягость... Впрочемъ, она, кажется, нашла свое счастье. Она обо мнѣ жалѣть не будетъ. Я для нея, какъ и для всего свѣта, въ воду канулъ.

VI. Передъ исправникомъ.

Кравковъ окончательно поселился въ скитахъ. Жизнь его такъ уходила, что онъ искалъ покоя, забвенья. Скитская же жизнь вполнѣ отвѣчала идеалу человѣка, утомленнаго жизнью, съ разбитымъ прошлымъ и съ будущимъ, въ которомъ не свѣтилось ни одного луча надежды. Еслибъ онъ былъ другимъ человѣкомъ, онъ бы примирился и съ тою жизнью, какъ мирятся милліоны. Но въ душѣ его теплилось что-то такое, что освѣщало передъ нимъ возмутительныя стороны той жизни, которую онъ бросилъ, и онъ не искалъ возврата къ ней... У него въ душѣ было много поэзіи, теплоты. Еще еслибъ у него осталось море да молодыя вѣрованія; такъ нѣтъ, голубое море съ его безконечною далью у него отнято, и молодыя вѣрованія его разбиты. Такъ лучше ужъ тутъ, въ этой пустынѣ, среди природы похоронить себя.

А въ этой пустынѣ была своя жизнь и много поэзіи. Скиты представляли значительное поселеніе людей, совершенно сво-

бодныхъ, ни отъ кого не зависѣвшихъ, не знавшихъ ни что такое исправникъ, ни что такое подати и паспорты. Въ скитахъ въ это время находилось болѣе ста мужчинъ, и старыхъ, и молодыхъ, и даже дѣтей, и до пятисотъ женщинъ. Пустыня эта была въ сущности не пустыня, а только уединенная колонія, маленькое теократическое, но въ сущности, демократическое государство, не знавшее ни войнъ, ни рекрутчины, ни начальства. Начальство они были сами. А кто заслуживалъ между ними наибольшаго уваженія, тому они охотно и съ любовью повиновались. Дѣлить имъ было нечего: у нихъ все было общее. Да и дѣлить было не изъ чего: ихъ уединенная, дѣйствительно, прекрасная «мати-пустыня» была маленькая землица, буквально «текущая медомъ и млекомъ». У нихъ было обширное хозяйство. Обширныя дѣвственныя степи, которыхъ отъ сотворенія міра не касалась ни соха, ни плугъ и по которымъ только разгуливали стада робкихъ сайгаковъ, степи эти, прародительницы нынѣшней «самарской житницы», родили имъ золотую пшеницу самъ-сто. Озера и рѣки Иргиза давали имъ въ изобиліи рыбу. По землямъ ихъ паслись цѣлыя стада крупнаго и мелкаго скота. Это былъ, дѣйствительно, рай.

Всѣ скитники работали на общину. Но это была такая легкая, такая благодарная работа.

Были въ скитахъ и такія радости жизни, которыя возможны только тамъ, «въ мірѣ»... Гдѣ молодость, здоровье, тамъ и любовь, иначе жизнь была бы не полная.

Три года прожилъ Кравковъ въ скитахъ и чувствовалъ, что въ душу его сошелъ миръ: тѣ глубокія раны, которыя онъ носилъ въ сердцѣ, зажили. Отъ всего прежняго остались только тихія, дорогія воспоминанія, а все острое, жгучее точно подернулось дымкою дали, смягчилось въ своей рѣзкости и жгучести...

«Ученый морякъ, капитанъ-лейтенантъ, поклонникъ Руссо,— съ тихою улыбкой думалъ онъ иногда,—а теперь раскольникъ-скитникъ... А побылъ бы Руссо въ моей шкурѣ, въ шкурѣ бѣднаго россійскаго дворянина, тогда бы онъ понялъ, что такое скитъ для русскаго, что такое «пустыня» для затравленнаго звѣря»...

И, сидя на берегу Калача, такъ называлось озеро, надъ которымъ разселились скиты, онъ закидывалъ въ воду удочку и тихо подтягивалъ молодымъ ипокамъ Герасиму и Савватію Пер

лидскимъ, которые пѣли одинъ изъ любимыхъ скитниками «противоцерковныхъ стиховъ»:

Кто Бога боится, тотъ въ церковь не ходитъ,
Съ попами-дьячками хлѣбъ-соли не водитъ,
Къ Богу съ покаяньемъ часто прибѣгаетъ
И властей-начальства знать совсѣмъ не знаетъ.

Озеро раздѣляло мужской скитъ отъ женскаго, который былъ красиво расположенъ по ту сторону. Скитницы въ это время мочили у берега ленъ и, слушая, какъ поютъ «братья», съ своей стороны голосисто запѣвали:

По грѣхомъ нашимъ, на нашу страну
Попусти Богъ бѣду такову:
Облакъ темный всюду осѣни;
Небо и воздухъ мракомъ потемни;
Солнце въ небеси скры своя лучи
И луна въ ночи свѣтлость помрачи,
А и звѣзды вся потемниша зракъ,
А и свѣтъ дневной преложися въ мракъ...

Тихо, дѣйствительно пустыня, дѣйствительно рай. Ни прилива, ни отлива въ этомъ морѣ тиши и упокоенія.

Но когда въ душѣ улеглись жгучія боли, когда прошлое и то далекое, счастливое, свѣтлое, и это недавнее горькое, когда это прошлое отошло уже въ область воспоминаній, а настоящее какъ бы застыло въ той формѣ жизни, о которой можно было бы сказать: «идѣ же нѣсть ни болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе», Кравковъ почувствовалъ, что ему чего-то не достаетъ... Не достаетъ прилива и отлива въ этомъ тихомъ пристанищѣ, недостаетъ бурь въ этомъ безпечальномъ морѣ тишины... Да, недоставало чего-то.

Будь онъ такой же, какъ Герасимушко Персидскій, который ничего, кромѣ Волги и Дубовки, не видалъ, для котораго весь міръ въ этой опрокинутой надъ пустынею скорлупѣ голубого неба, ограничиваемаго вонъ этимъ горизонтомъ, онъ удовольствовался бы пѣніемъ «Стиха преболѣзненнаго воспоминанія о озлобленіи каѳоликовъ» или объ «Аллилуевой женѣ милосердной», собираніемъ грибовъ и ежевики, уженіемъ рыбы въ Калачѣ и Иргизѣ, дѣленіемъ дня и всей жизни между заутренями и обѣднями, вечернями и всенощными; но, на несчастье или счастье, онъ видѣлъ когда-то такое, чего Герасимушкѣ и во снѣ не грезилось, читалъ то, чего Герасимушкѣ не понять, пере-

думалъ столько, сколько всѣ головы обоихъ скитовъ, вмѣстѣ взятыя, не передумали во всю свою жизнь. Часто, сидя на берегу Калача и закинувъ удочку въ воду, онъ совсѣмъ забывалъ, гдѣ онъ, а вмѣсто скита на томъ берегу озера передъ его глазами разстилался троянскій берегъ, въ виду котораго стоялъ когда-то ихъ корабль, а въ душѣ безконечною лентою развертывались картины, одна другой ярче, одна другой заманчивѣе... «Что-то дѣлается тамъ, внѣ этой мертвой пустыни? Все такъ же ли бьетъ ключемъ жизнь, какъ тогда, давно когда-то?»—Ему страстно захотѣлось хоть еще разъ взглянуть на эту жизнь, хоть издали прислушаться къ ея чарующему шуму. Вѣдь это все равно, что заживо погребенному выйти изъ темной могилы и посмотрѣть вновь на голубое небо, на жаркое солнце, увидѣть тѣ мѣста, по которымъ онъ когда-то, до погребенія своего, ходилъ, не думая, что все это у него разомъ отымется, что все это станетъ для него недоступнымъ, недосягаемымъ.

Хоть бы разъ еще увидѣть родную Оку, тотъ берегъ съ березою, съ которыми связано было столько сладкихъ и горестныхъ воспоминаній. Тамъ же и родная усадебка, и родная деревенька, которую онъ такъ безсовѣстно продалъ. Тамъ же и дорогія могилы... И все это брошено, забыто!

Въ душѣ его заговорило горькое, мучительное сознаніе того, какъ безчеловѣчно поступилъ онъ съ людьми, которые безконечно были ему преданы, которые, кажется, вымолили его у смерти, когда онъ, послѣ страшнаго нравственнаго потрясенія, безпомощно метался въ своей одинокой горенкѣ... Нѣтъ, не безпомощно: надъ нимъ плакали и страдали. Два любящія существа не покидали его ни на минуту, забывая и сонъ, и покой, и онъ ихъ безчеловѣчно продалъ, какъ гончихъ собакъ, продалъ, одну уже на закатѣ ея жизни, когда ей самой былъ нуженъ и уходъ, и покой, другую на самомъ разсвѣтѣ ея молодой жизни... Между тѣмъ она его любила: онъ не могъ этого не видѣть при всемъ безумномъ эгоизмѣ, на который только способно личное, острое страданіе, забывающее все, кромѣ своихъ личныхъ болей.

Нѣтъ, онъ долженъ поправить эту безчеловѣчную ошибку, если только уже не поздно. Онъ долженъ ихъ выкупить, дать имъ волю вновь жить своею жизнью хотя бы вотъ въ этихъ скитахъ. У него еще сбережено нѣсколько сотъ рублей, и онъ вы-

купитъ изъ кабалы бѣдную старушку и столько же, если не болѣе несчастную дѣвушку.

. . . . . .

Въ одно утро, когда всѣ скитники собрались за трапезу, Кравкова не оказалось межъ ними. Прошелъ день, другой, третій, прошла недѣля, нѣтъ Кравкова. «Добрый баринъ», какъ всѣ привыкли его звать въ скитахъ, исчезъ, словно въ воду канулъ. Всѣ пожалѣли о немъ, потому что всѣ любили его за скромность, хотя не могли не видѣть, что у него есть за душою что-то свое, чѣмъ онъ ни съ кѣмъ не дѣлился; но какъ всѣ догадывались, что это было горе, которое таилось въ его душѣ, то его жалѣли и любили еще болѣе.

«Не перекипѣлъ еще», бормоталъ про себя, качая сѣдою головой, Никита Петровичъ: «не убродилось душевное пиво, нѣтъ, не убродилось... Понесъ свою душу супротивъ всѣхъ четырехъ вѣтровъ житейскихъ—размечутъ ее буйные вѣтры... не скитская душа, воинствующая»...

Прошло недѣли три. Въ Макарьевской слободѣ, что подъ Нижнимъ, проходилъ какой-то мужикъ съ котомкой за плечами, опираясь на длинную палку. Онъ шелъ черезъ базаръ, не обращая вниманія на обычную базарную суетню и на то, что базарные люди передъ кѣмъ-то снимали шапки. Этотъ кто-то былъ исправникъ, какъ можно было судить по его полицейской формѣ, а еще болѣе по начальническому виду.

— Эй! Ты кто?—послышался вдругъ окрикъ.

Всѣ воззрились на того, на кого кричалъ исправникъ. А тотъ, къ кому относился окрикъ, продолжалъ итти далѣе, ни на что не обращая вниманія.

— Эй ты, бродяга! Тебѣ говорятъ!—повторился окрикъ.

Опять нѣтъ отвѣта. Пухлыя щеки исправника побагровѣли отъ гнѣва.

— Задержать его!—крикнулъ онъ десятскимъ.

Нѣсколько человѣкъ перегородили дорогу прохожему. Тотъ остановился, удивленно посматривая на нихъ. Подошелъ исправникъ.

— Ты кто такой?—съ прежнимъ гнѣвомъ спросилъ онъ

Прохожій спокойно поглядѣлъ ему въ лицо, смѣрилъ съ головы до ногъ, и что-то въ родѣ усмѣшки блеснуло въ его черныхъ задумчивыхъ глазахъ. Это окончательно взорвало полицейскаго пристора.

— Какъ ты, мерзавецъ, смѣешь не отвѣчать мнѣ!—окончательно накинулся онъ на страннаго человѣка.—Да я тебя, мерзавца.

— Ты? Меня?—спокойно спросилъ прохожій съ тою же усмѣшкою.

Исправникъ даже отшатнулся.

— И ты еще смѣешь тыкать меня! Ты! Ты!

— Я слѣдую твоему примѣру,—былъ тотъ же спокойный отвѣтъ.

— Да ты знаешь ли, кто я!

— Знаю... Человѣкъ, роняющій власть.

— Какъ! Я!..—Исправникъ не нашелся даже, что сказать.

— Да, ты... Ты роняешь власть...

— Я исправникъ!

— Вижу... Тѣмъ хуже для тебя, ты не на мѣстѣ...

— Да какъ ты смѣешь со мной такъ говорить!

— Потому что ты такъ говоришь...

— А! Такъ я тебѣ покажу! Говори: кто ты такой?

— На это отвѣчу, ибо ты, яко исправникъ, имѣешь право на такой вопросъ: я—капитанъ-лейтенантъ.

Исправника видимо озадачилъ такой отвѣтъ. Онъ сразу какъ бы смутился. Но, увидѣвъ, что окружившая ихъ базарная толпа какъ будто насмѣшливо улыбается, снова покраснѣлъ отъ досады.

— Какой ты капитанъ-лейтенантъ! Ты бродяга.

— Нѣтъ, я не бродяга... Со мной указъ объ отставкѣ.

— Такъ ты самозванецъ!

— Такой же, какъ и ты.

Въ толпѣ послышался сдержанный смѣхъ. Исправникъ злобно оглянулъ народъ, но ничего не сказалъ.

Между тѣмъ прохожій снялъ съ себя котомку, неторопливо вынулъ изъ нея книгу, изъ книги вчетверо сложенный листъ и подалъ его исправнику.

— Вотъ мой указъ.

Исправникъ торопливо развернулъ бумагу. Руки его дрожали. Быстро пробѣжалъ онъ написанное, бормоча: «капитану-

лейтенанту Евдокиму Михайлову сыну Кравкову... изъ адмиралтействъ-коллегіи... подписалъ вице-адмиралъ Чичаговъ... печать... скрѣпа»...

— Такъ вы Кравковъ?

— Да, я Кравковъ.

— А если видъ подложный?

— Можете справиться по принадлежности.

— Но и настоящій указъ можно добыть какимъ ни-на-есть способомъ отъ другого лица.

— Я не добывалъ.

— Зачѣмъ же вы такъ ходите?

— Такъ хочу.

— Для чего вы носите бороду?

— Бородъ нынѣ носить не воспрещается.

— Но вы дворянинъ.

— Чѣмъ же борода безчеститъ дворянина? Бороду и Спаситель носилъ.

— Такъ то Спаситель... А вы россійскій дворянинъ.

— И русскіе цари носили бороды.

Исправникъ не зналъ, что дальше говорить.

— А зачѣмъ вы крестьянское платье носите?

— Такъ хочу... Не хочу имѣть никакой отлички отъ крестьянина: онъ такой же человѣкъ, какъ и я.

Въ толпѣ послышался ропотъ удивленія и одобренія. Исправникъ чувствовалъ неловкость своего положенія; но старался выдержать роль претора до конца.

— Дворянину въ неподобной одеждѣ ходить нельзя.

— Почему же?

— Соблазнъ... неподобно... въ законѣ не указано.

— На это нѣтъ закона, какъ равно закономъ не воспрещено дворянину ѣсть черный хлѣбъ вмѣсто бѣлаго...

— Вотъ такъ отрѣзалъ, братцы,—послышалось замѣчаніе въ толпѣ.

— Ну! Язычекъ же! Бритва...

— Ай да баринъ! Умѣетъ отвѣтъ держать...

— Комаръ носу не подточитъ... Вотъ тѣ и тихоня!.. И насчетъ одежи, ну!

Исправникъ грозно оглянулъ толпу. Все шарахнулось назадъ.

— Все же я долженъ васъ арестовать,—рѣшилъ, наконецъ, исправникъ.

— За что? Какъ!

— За ношеніе неподобной одежды.

— Но мой указъ; мое званіе!

— Ваше поведеніе недостойно вашего званія... Я васъ арестую.

— Вотъ тѣ и клюква!—не выдержалъ кто-то въ толпѣ.

Исправникъ нетерпѣливо обратился къ десятскимъ.

— Разогнать эту сволочь! Прочь отсюда! Въ шею ихъ!

Десятскіе бросились на народъ. Передніе осадили заднихъ, тѣ бросились бѣжать. Десятскіе пустили въ ходъ палки.

— Идите за мной,—продолжалъ исправникъ, пряча бумагу Кравкова за бортъ кафтана.

— Но зачѣмъ? Я иду къ себѣ на родину.

— Куда это?

— Во Владиміръ, въ Гороховецъ.

— А откуда?

— Я иду изъ-за Волги, изъ Иргизскихъ скитовъ.

— А зачѣмъ вы тамъ были?

— Я просто жилъ тамъ... Я могу жить, гдѣ хочу.

— Но я все-таки обязанъ представить васъ высшему начальству, препроводить въ намѣстническое правленіе... Какъ рѣшитъ начальство...

Кравковъ долженъ былъ покориться необходимости.

Его, какъ арестанта, отправили въ Нижній при бумагѣ и велѣли сдать въ намѣстническомъ правленіи «подъ росписку», словно пакетъ какой-нибудь.

«Пилатово это дѣло, темное, нечистое, вспоминались ему дорогой слова Никиты Петровича: вотъ и узналъ, что дѣлается на Божьемъ свѣтѣ, вдали отъ пустыни... Опять бы туда? А то хоть на край свѣта, только бы подальше отсюда!..»

VII. Передъ генералъ-губернаторомъ и архіереемъ.

2-го октября 1784 года Кравковъ предсталъ передъ лицо исправлявшаго должность нижегородскаго и пензенскаго генералъ-губернатора, генералъ-поручика Ребиндера, одного изъ тѣхъ Ребиндеровъ, объ одномъ изъ коихъ мы читаемъ очень характерное замѣчаніе въ «Дневникѣ Храповицкаго» подъ 4-мъ

марта 1787 года, гдѣ говорится: «Услыша, что Ребиндеръ съ графомъ Стакельбергомъ поѣхали верхами, сказано (т. е. Екатерина II сказала Храповицкому), что когда лифляндцы вмѣстѣ сойдутся, всегда говорятъ по-чухонски. Послѣ того вошелъ Ребиндеръ, и въ томъ признался».

Эта мѣткая характеристика въ устахъ замѣчательной женщины и императрицы могла быть примѣнена въ то время и ко всѣмъ Ребиндерамъ, въ томъ числѣ и къ нашему, къ нижегородскому. Эти люди, охотнѣе говорившіе по-чухонски, чѣмъ по-русски, не знали и не хотѣли знать страны и ея народа, которыми, однако, управляли въ качествѣ правителей и намѣстниковъ, и не могли любить ни первой, ни послѣдняго

Тщательно выбритый, завитой и напудренный, Ребиндеръ съ удивленіемъ и какою-то нескрываемою гадливостью смотрѣлъ на стоявшаго передъ нимъ мужика съ умными задумчивыми глазами.

— И вы капитанъ-лейтенантъ подлинно? — спрашивалъ онъ съ ядовитою вѣжливостью.

— Подлинно капитанъ-лейтенантъ,—былъ отвѣтъ.

— И вы проходили морское ученіе?

— Проходилъ.

— Въ какомъ заведеніи?

— Въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ.

— И экспедиціи дѣлали?

— Да, болѣе десяти.

— Что же заставило васъ бросить службу?

— Нежеланіе продолжать ее.

— Странно... Можетъ быть, неудовольствія по службѣ?

— Нѣтъ, меня отличало начальство

— Какъ же вы могли промѣнять лейтенантскій униформъ на это... на эту сермягу?

— Промѣнялъ...

— Не понимаю!

— Много пришлось бы разсказывать... не стоитъ...

— Но что же вы дѣлали? Гдѣ жили? Что намѣрены дѣлать?

— Я воротился домой... Меня обобрали и обманули... Я поступилъ на службу, меня опять безбожно обманули... Я бросилъ службу... сбросилъ съ себя оболочку даже, подъ которою прячется одна ложь, и ушелъ туда.

— Куда же?—съ едва скрываемою ироніею спросилъ Ребиндеръ.—Гдѣ это вы нашли такую Аркадію?

— За Волгой.

— За Волгой? Вотъ тутъ?

— Нѣтъ, на Иргизѣ.

— На Иргизѣ? Гдѣ же это?

— За Малыковкой.

— Я этой мѣстности не знаю.

— Ниже Симбирска и выше Саратова... Въ Иргизскихъ скитахъ.

— А! Въ скитахъ! Такъ вы раскольникъ? Вотъ что! Дворянинъ—и раскольникъ!—Ребиндеръ пожалъ плечами.

— Нѣтъ... я не раскольникъ... Я только нахожу сомнѣнія въ разсужденіяхъ церковныхъ, не почитаю не только духовенство, но и церковь...

— О!—Ребиндеръ всталъ.—Даже церковь?

— Да... И то, что попы называютъ таинствами, я не признаю...

— Что же вы признаете?

— Евангеліе и правду...

— О!—улыбнулся вельможа.—Я не православный, въ вашей религіи я не силенъ... Я лучше попрошу его преосвященство переговорить съ вами о семъ предметѣ... Прощайте!

— Можете увести его,—обратился онъ къ стоявшимъ у порога съ ружьями солдатамъ.

Кравковъ, горько улыбнувшись, вышелъ.

«Прежде къ Пилату,—шепталъ онъ,—а теперь, видно, къ Аннѣ и Каіафѣ поведутъ... Ходи, Кравковъ, ходи... Вотъ тебѣ и свѣтъ широкій, вотъ тебѣ и фіолетовыя моря!..»

На другой день Кравкова вели по улицамъ Нижняго, какъ простого арестанта. И передъ нимъ и за нимъ шли два солдата съ ружьями. Передъ его глазами открывалась красивая панорама Волги и далекаго Заволжья. Онъ вспомнилъ, какъ давно когда-то, еще мальчикомъ, онъ былъ въ Нижнемъ съ отцомъ, и эта далекая панорама поразила его юное воображеніе. Неужели же можно добраться туда, въ эту недосягаемую даль? думалось ему тогда. А въ такія ли дали послѣ забрасывала его судьба! Такія ли панорамы развертывались передъ его изумленными

очами, когда корабль его носило по океанамъ!.. А теперь... вонъ куда занесло его утлую ладью...

Кравкова ввели къ архіерею. Горькое чувство шевелилось въ душѣ арестанта.

— Приблизися, сынъ мой,—тихо сказалъ архіерей, опершись тучнымъ тѣломъ на аналой, на которомъ лежали крестъ и раскрытое евангеліе, и заплывшими жиромъ глазками осматривая съ ногъ до головы интереснаго арестанта.

Кравковъ не двигался. Губы его судорожно передергивались.

— Подойди, сынъ мой, — повторилъ епископъ, возвышая голосъ.

— Зачѣмъ? Что мнѣ тутъ дѣлать?—произнесъ арестантъ.

— Сотвори крестное знаменіе и поцѣлуй крестъ и слово Спасителя твоего.

— Для чего!.. Я не хочу этимъ играть... Я много цѣловалъ его, я его слезами обливалъ...

— Паки поцѣлуй,—настаивалъ епископъ.

— Да зачѣмъ вамъ это! Зачѣмъ вамъ этотъ крестъ, какое вамъ дѣло до Спасителя! — съ страстною горечью произнесъ арестантъ.

— Какъ какое дѣло!—изумился епископъ.

— Не Его ли именемъ вы мучите народъ, глубоко вѣрующій, глубоко любящій, народъ, у котораго вѣра чище вашей и искреннѣе!.. Не Его ли именемъ вы загоняете его въ пустыни и дебри!.. Не Его ли именемъ возжигаютъ костры и сожигаютъ на нихъ тысячи невинныхъ! Не Его ли именемъ пролиты рѣки крови, когда онъ Самъ пролилъ свою божественную кровь за насъ, чтобы только мы не были звѣрьми, не ѣли бы другъ друга!... Не Его ли священнымъ именемъ сильные угнетаютъ слабыхъ, богатые обираютъ нищихъ!.. Не Его ли именемъ прикрываютъ все глубоко неправое и глубоко безнравственное!.. Вы, вонъ, въ шелковой рясѣ, въ богатыхъ палатахъ, тотъ весь въ золотѣ, у тѣхъ власть и богатства, и вы ли смѣете безтрепетно богохульствовать, произнося чистое имя Того, Который не имѣлъ, гдѣ главу преклонить! Вы ли Его служители? Нѣтъ, вы служители Ирода!.. Это Онъ, божественный страдалецъ, къ вамъ обращался, говоря: «о, порожденія ехиднова! Како можете добро глаголати, зли суще?»

— Что ты! Что ты! Ты богохульствуешь, еретикъ!—могъ

только произнести архіерей, все далѣе и далѣе отступая въ глубь обширнаго кабинета, съ испугомъ оглядываясь по сторонамъ.

— Нѣтъ, вы богохульствуете каждымъ вашимъ словомъ, каждымъ поступкомъ!—продолжалъ арестантъ. — Вы отъ Его божественнаго ученія, отъ всѣхъ правилъ и заповѣдей Его не оставили не искаженнымъ и не оскверненнымъ ни одного слова, ни одной іоты, какъ слѣпые и злые люди не оставили камня на камнѣ отъ того храма, гдѣ Онъ, божественный страдалецъ, училъ любить ближняго, какъ самого себя... А гдѣ вашъ ближній? Вы загнали его въ лѣса, въ пустыни, въ норы и язвины, вы отдали его кровное достояніе богачу, а его хижину оставили безъ крыши, вы одѣли сильнаго пурпуромъ, а его тѣло отдали на жертву холода и дождей, вы обули богача въ сафьянъ и замшу, а ближняго гоните босымъ и голоднымъ на барщину... О, порожденія ехиднова!..

Кравковъ вдругъ остановился, какъ бы сразу проснувшись или опамятовавшись отъ бреда. Онъ протянулъ впередъ руки...

— Простите меня, ваше преосвященство!—со слезами въ голосѣ заговорилъ онъ.—Я не хотѣлъ оскорбить васъ... Я не къ вамъ относилъ мои слова!.. Я небу жаловался, я вѣтру кричалъ... Ваше преосвященство! Я такъ много думалъ, такъ много страдалъ...

— Успокойся, сынъ мой... Богъ тебя проститъ... Въ тебѣ говоритъ заблужденіе, духъ гордыни,—началъ было архіерей.

— Гордыня! Въ армякѣ-то этомъ!—И арестантъ съ горечью показалъ на свой жалкій костюмъ.

— Гордыня и въ рубищѣ ходитъ... А ты, сынъ мой, смирись...

— Что вы мнѣ говорите!—опять страстно воскликнулъ арестантъ.—Меня прислали къ вамъ, чтобъ вы меня увѣщевали, какъ раскольника, какъ какого-нибудь начетчика... Да я Вольтера всего прочелъ, Руссо наизусть знаю, Дидерота, Даламберта, Гельвеція! Надъ святыми словами евангелія я до сихъ поръ плачу, какъ ребенокъ... Я правды ищу, правды, слышите ли! А гдѣ она? У васъ въ консисторіи, что ли? Въ синодѣ? У исправниковъ? У губернаторовъ? Я Христовой правды ищу, а вы увѣщевать меня хотите!.. Раскольникъ я!.. Да не вы ли Христа раскольникомъ сдѣлали!.. Увѣщевать! Въ чемъ же? Что я сдѣлалъ? Кому зло учинилъ? Какое преступленіе совершилъ? Развѣ то, что эту подлую, по-вашему, одежду на себя надѣлъ?

За это и исправникъ меня арестовалъ... А вы-то что тутъ, слуга Христовъ? Вы тоже развѣ исправникъ? Развѣ Никодима приводили ко Христу съ солдатами?

Онъ снова остановился, точно его покинули силы. Архіерей въ смущеніи перебиралъ чотки.

— Чего же тебѣ надобно?—спросилъ онъ въ нерѣшительности.

— Мнѣ ничего не надо,—отвѣчалъ Кравковъ упавшимъ голосомъ.—Но вамъ-то что отъ меня нужно? Что нужно имъ? За что они меня взяли, за что арестовали, какъ убійцу?.. Я одно только прошу, отпустите меня, не мучьте.

— Но ты покорись властямъ.

— Какимъ?

— Предержащимъ властямъ... Ему же убо урокъ урокъ, а ему же дань дань...

— Знаю, знаю... Дань-то особенно... Да я-то не податной, я дворянинъ... говорю это съ сожалѣніемъ...

— Все равно... власть... А ему же убо страхъ страхъ...

— Знаю, давно знаю! Это Его-то святыя слова исказили, изъ евангелія сдѣлали уложеніе о наказаніяхъ. О, порожденія ехиднова!

Архіерей позвонилъ. Кравковъ вздрогнулъ и снова какъ бы опомнился.

— Отпустите меня, ваше преосвященство.

Въ кабинетъ съ низкимъ поклономъ вошелъ сѣдой монахъ.

— Отецъ экономъ,—обратился къ нему архіерей,—проведи господина капитанъ-лейтенанта въ слѣдственную, впредь до особаго распоряженія.

— О, порожденія ехиднова! — тихо бормоталъ Кравковъ, слѣдуя за отцомъ экономомъ.

VIII. Передъ Шешковскимъ.

Раннимъ утромъ, 13-го ноября 1784 года, въ Петербургъ, черезъ московскую заставу, въѣзжали сани-пошевни. По взмыленной и заиндевѣвшей тройкѣ, отъ которой паръ шелъ клубами, видно было, что ѣздоки торопили ямскихъ лошадей, и только, когда у шлахбаума подвязывали къ дугѣ колокольчикъ, уста-

лымъ конямъ дали нѣсколько секундъ на передышку. Дѣло ѣздоковъ было, повидимому, спѣшное.

Кто же были эти путники? Тайной экспедиціи канцелярскій чиновникъ Григорьевъ съ «будущимъ», какъ значилось въ подорожной, на которой сверхъ того чернѣли три крупно написанныя магическія слова: «по высочайшему повелѣнію». Вотъ почему такъ взмылены ямскія лошади, и почему часовой такъ торопливо подвысилъ шлахбаумъ.

А кто былъ этотъ «будущій» безъ имени! Конечно, Кравковъ. Это онъ сидитъ закутанный въ нагольный арестантскій тулупъ и задумчиво глядитъ на выступающій изъ тумана Петербургъ.

«Вотъ и онъ опять, Вавилонъ новый. Захотѣлось Кравкову выглянуть изъ «прекрасной пустыни» на свѣтъ Божій—ну вотъ и гляди, разглядывай, пока тебя изъ тюрьмы въ тюрьму будутъ перевозить».

Замелькали знакомыя петербургскія улицы, мосты, будки, часовые.

«Все-то прячутся, все-то стерегутъ кого-то, точно дикими звѣрями населенъ городъ. Нѣтъ, хуже чѣмъ звѣрями, благородными Чернышевыми, добрыми Шешковскими, Вяземскими».

Подъ визгъ полозьевъ, захватывавшихъ камни мостовой и рѣзавшихъ душу, Кравковъ, казалось, слышалъ, какъ Герасимушка Персидскій тянулъ свою тоскливую мелодію:

Оле бѣдствія на святой Руси,
Оле лютости по всей земли:
По глухимъ дебрямъ всѣ скитаемся,
Отъ звѣрей лютыхъ уязвляемся,
Всюду бѣдніи утѣсняемся,
Изъ отечества изгоняемся.

«Ахъ, если бы можно было вонъ бѣжать изъ этого отечества, туда, къ фіолетовымъ волнамъ, подъ яркое солнце».

Сани остановились у крыльца большого съ колоннами дома. Пріѣхали! Какъ-то холодно стало на сердцѣ у пріѣхавшаго.

«Въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка,—говоритъ В. И. Ламанскій въ своемъ изслѣдованіи о Кравковѣ *),—русское образо-

*) Памятники новой русской исторіи; томъ I.

ванное общество, къ лучшимъ представителямъ котораго, за исключеніемъ, быть можетъ, балахнинскаго исправника, принадлежали всѣ лица, такъ вдругъ единодушно заинтересовавшіяся личностью Кравкова, это общество, по крайней мѣрѣ, большинство образованнаго дворянства, не отличалось особенно преданностью церкви и православію, считало сотнями въ своихъ рядахъ ревностныхъ масоновъ, иллюминатовъ или усердныхъ поклонниковъ Вольтера, Дидро, д'Аламбера, Гельвеція. Ни въ Нижнемъ, ни въ Петербургѣ особенно никого тогда не могло удивить, что какой-то русскій дворянинъ, отставной капитанъ-лейтенантъ, съ неуваженіемъ отзывается о русской церкви, не почитаетъ ни таинствъ ея, ни обрядовъ. Кощунство надъ вѣрою, насмѣшки надъ христіанствомъ были въ то время у насъ до такой степени въ модѣ, что имъ предавались часто даже люди вѣрующіе, изъ боязни прослыть отсталыми. Въ рѣчахъ Кравкова, такъ вдругъ поразившихъ высокопоставленныхъ лицъ и въ Нижнемъ, и въ Петербургѣ, были высказаны тѣ вольныя мысли о церкви, которыхъ держались и они сами, и огромное множество ихъ друзей и знакомыхъ, и, наконецъ, нѣсколько сотъ тысячъ русскихъ крестьянъ и купцовъ-раскольниковъ, которыхъ въ то время запрещено было преслѣдовать. Въ простыхъ словахъ Кравкова: «гдѣ хочетъ, тамъ и живетъ, и что хочетъ, то и думаетъ» выразились самыя невинныя и естественныя требованія каждаго свободнаго человѣка, самое первое правило начала свободы совѣсти, начала, торжественно провозглашенныя законодательствомъ того времени! Тѣмъ не менѣе, и Ребиндеру въ Нижнемъ, и высшимъ лицамъ въ Петербургѣ мысли Кравкова представляются «зловредными». Подобно балахнинскому исправнику (арестовавшему Кравкова), всѣ они одинаково были поражены не мыслями Кравкова, а тѣмъ обстоятельствомъ, что ихъ возвѣщалъ отставной капитанъ-лейтенантъ съ бородой, въ неподобной одеждѣ; что онъ, осуждая греко-россійскую церковь, ея таинства и обряды, въ то же время называлъ себя христіаниномъ, почиталъ Николая Чудотворца. Раскольника-крестьянина не арестовалъ бы и балахнинскій исправникъ; дворянина масона, деиста или атеиста, преспокойно оставили бы въ покоѣ, но дворянинъ раскольникъ былъ явленіемъ до такой степени страннымъ, что не могъ не возбудить къ себѣ сильнаго подозрѣнія и въ балахнинскомъ

исправникѣ, и въ исправляющемъ должность генералъ-губернатора, и въ князѣ Вяземскомъ, и въ самой императрицѣ Екатеринѣ II. Всѣ они были изумлены этимъ случаемъ не только какъ лица правительственныя, представители государства, но и просто какъ люди образованные, представители русскаго общества второй половины XVIII вѣка».

Какъ бы то ни было, Кравкова въ тотъ же день представили предъ ясныя очи Степана Ивановича Шешковскаго.

Шешковскій—это была замѣчательная личность въ исторіи второй половины прошлаго вѣка. На памятникѣ его, который доселѣ можно видѣть на кладбищѣ Александро-Невской лавры, въ сосѣдствѣ съ памятникомъ фонъ-Визина, сохранилась лаконическая эпитафія: «Служилъ отечеству 56 лѣтъ». Но какъ служилъ! Должность его была скромная. Онъ титуловался только оберъ-секретаремъ тайной экспедиціи. Но Степана Ивановича боялись не только простые смертные, но даже первые чины имперіи... Попасть въ руки Степана Ивановича, это все равно, что попасть въ волчій капканъ. Подъ рукой, вельможи разсказывали, что Степанъ Ивановичъ такъ привыкъ дѣлать «обыски» и «допросы», что когда ему некого было обыскивать и допрашивать, то онъ обыскивалъ самого себя. Самъ онъ о себѣ говорилъ, что у него «восковое сердце», что злыми языками толковалось такъ, что онъ изъ своего сердца что хотѣлъ, то и дѣлалъ, но оно такъ же не чувствительно было къ чужому горю и чужимъ слезамъ, какъ простой кусокъ воску.

Шешковскій встрѣтилъ Кравкова извиненіемъ, что его, можетъ быть, напрасно побезпокоили; но что, по долгу службы, онъ проситъ господина капитана разсказать ему о себѣ все, «какъ отцу родному». Кравкову человѣкъ этотъ съ «восковымъ сердцемъ» показался добрякомъ, и, перемученный дорогою, разбитый нравственно, съ чувствомъ усталости въ душѣ, онъ дѣйствительно началъ говорить ему «какъ отцу родному». Упавшимъ голосомъ, часто останавливаясь, какъ бы переживая все то, что онъ говорилъ, Кравковъ дѣйствительно разсказалъ ему все, что намъ уже извѣстно, что довело его до рѣшимости порвать связи съ міромъ, глубоко опостылѣвшимъ ему. Разсказалъ и о своей неудачной женитьбѣ, о женѣ, которая надбавила горечи въ тотъ ковшъ горя, который ему пришлось испить.

— Впрочемъ,—прибавилъ онъ съ горечью, — напрасно я

вамъ объ этомъ и сказываю: она, я думаю, уже давно замужемъ. Сказалъ я о ней для того только, что я твердо рѣшился удалиться отъ свѣта и отъ масоновъ, ибо и въ Пензѣ, и во Владимірѣ все масоны, да и графъ Воронцовъ самъ сказывалъ, что онъ масонъ: я-де и Чернышева вашего поставилъ масономъ. Я рѣшился искать прямо христіанской жизни, и ушелъ изъ Пензы, продалъ свое платье, одѣлся въ это и пошелъ въ раскольничьи скиты. Тамъ я и нашелъ людей, прямо живущихъ по закону Божію.

Глаза Шешковскаго, ясные и прозрачные, какъ глаза невиннаго младенца, казалось, выражали сочувствіе къ арестанту, которому видимо надоѣло все то, что онъ долженъ былъ повторять въ десятый разъ, вовсе того не желая.

— Раскольничьи скиты, — повторилъ Степанъ Ивановичъ мягко,—но вѣдь тамъ живутъ люди, не имѣющіе никакого просвѣщенія, наполненные суевѣрствомъ и невѣжествомъ, и самые простые мужики. Кажется бы, по состоянію вашему, отнюдь не прилично по здравому разуму прилѣпляться къ такимъ простякамъ, забывъ свою честь, что вы почтены въ государствѣ.

Кравковъ слабо махнулъ рукой.

— Мнѣ ни честь, ни достоинства не нужны, а пріятна ихъ жизнь и обряды въ богопочтеніи. Я почитаю, они основаны на истинѣ священнаго писанія, а посему я ихъ и считаю настоящими христіанами.

Глаза Степана Ивановича встрѣтились съ глазами, сидѣвшаго въ сторонѣ, у окна, какого-то старичка и что-то строчившаго. Старичекъ понялъ этотъ взглядъ и сталъ строчить еще усерднѣе.

— Но вѣдь эти люди,—продолжалъ онъ еще болѣе мягко,—наполнены суевѣрствомъ и невѣжествомъ, то кажется никакъ не совмѣстно и не прилично вамъ быть въ ихъ сообществѣ, а надлежитъ, оставя такое заблужденіе, искать, по состоянію вашему, лучшей участи, и уклониться отъ ихъ прелестнаго ученія.

Кравковъ сдѣлалъ нетерпѣливый знакъ. Все это такъ ему надоѣло! а этотъ еще повторяетъ одно и то же «не совмѣстно, не прилично».

— Я ничего не хочу!—рванулся онъ было съ мѣста, но остановился.—Одинъ рабъ двумъ господамъ служить не мо-

жетъ... Бороды брить, другого платья носить и лучшей участи имѣть я не желаю, а только прошу отпустить меня за границу.

— За границу?—Степанъ Ивановичъ насторожилъ уши.

— Да, за границу.

— Что же вы тамъ будете дѣлать?

— Тамъ дѣла больше, чѣмъ здѣсь.

Степанъ Ивановичъ опять взглянулъ на строчащаго старичка, какъ бы говоря глазами: «строчи, строчи, ничего не моги пропустить».

— Гмъ, дѣла больше, чѣмъ у насъ... А въ какомъ мѣстѣ?

— Ужъ я тамъ изберу себѣ мѣсто, какое Богъ назначитъ.

— Такъ-съ, отлично... А дѣлать-то что будете?

— Работать, читать..

— И читать?

— Да, и читать.

— А что-бы такое, позвольте спросить?

— Философовъ, Руссо, да мало ли кого!

— Такъ, такъ, отлично, и философовъ, и Руссо... Раскольники и Руссо, это что-то не вяжется, господинъ капитанъ-лейтенантъ... Суевѣрство!..

Кравковъ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Что вамъ дались раскольники!—замѣтилъ онъ. — Эти люди, живущіе въ лѣсахъ, какъ затравленные звѣри, упражняются въ богомоліи и въ трудахъ, да они-же, бѣдные, и подати платятъ.

— А много ихъ тамъ?—любопытствовалъ Степанъ Ивановичъ.

— Въ томъ скиту,—отвѣчалъ Кравковъ,—гдѣ я былъ, живетъ человѣкъ сто-двѣсти мужчинъ, да сотъ до пяти женщинъ и старухи, всѣ трудятся въ работахъ, и подати платятъ.

— Да они и должны платить,—возразилъ Шешковскій,—ибо они имѣютъ земли и промыслы.

— Да земля-то вѣдь Божья,—съ своей стороны возразилъ русскій соціалистъ прошлаго вѣка,—а Богъ не велѣлъ никому никакого насилья дѣлать, ибо Онъ сотворилъ всѣхъ равными.

«Ого-го!» казалось, говорили глаза Степана Ивановича, обращенные къ пишущему старичку,—слышите? Смекаете? Это пугачовщиной пахнетъ»...

Но онъ этого не высказалъ, а сдѣлался еще любезнѣе.

— Ахъ, государь мой,—началъ онъ снова,—какъ вамъ не стыдно, имѣвши чинъ, и притомъ штабъ-офицерской, быть такъ упрямому противъ установленнаго въ государствѣ порядка и защищать такихъ людей, которые, живучи въ праздности, подъ видомъ ложной святости, стараются своими хитростями вовлекать людей въ свои пагубныя сѣти, что самое случилось и съ вами.

Терпѣніе Кравкова, наконецъ, лопнуло... «Чего имъ отъ меня нужно? Что я имъ сдѣлалъ!» Онъ уже начиналъ чувствовать, что пропала его свобода, что паутина, въ которой онъ очутился, запутывала его все больше и больше... «Прощай, свобода! Прощайте, голубыя моря!».

— Такъ какъ же-съ, государь мой?—стоялъ надъ душой страшный паукъ въ образѣ «добраго друга».

— Какъ! Да ежели я сдѣлалъ какое зло,—съ отчаяніемъ заговорилъ арестантъ,—то въ вашей волѣ, можете меня мучить, бить, или живота лишить. Я на все готовъ. Только души у меня отнять никто не можетъ. Буде же хотите, судите меня воинскимъ судомъ. Хоть сжечь велите, только я отъ своего намѣренія не отступлю!

Степанъ Ивановичъ пожалъ плечами, какъ бы сожалѣя «оподлившагося» дворянина.

— Никто васъ мучить не будетъ — снисходительно замѣтилъ онъ,—да и нѣтъ нужды.

— Такъ что же вамъ отъ меня нужно?

Степанъ Ивановичъ какъ-то странно улыбнулся.

— Можно думать,—сказалъ онъ, продолжая улыбаться,—что вы столь упорствуете для того, что васъ старички послали посланникомъ за нихъ пострадать и для того вамъ въ напутствіе дали образъ святителя Николая...

— Это благословеніе матери,—нетерпѣливо перебилъ его Кравковъ.

— Положимъ... Но старички весьма ошиблись,—продолжалъ болѣе серьезно Шешковскій,—нынѣ, по власти Божіей и по милости всемилостивѣйшей государыни, наша вѣра христіанская соблюдается отъ всѣхъ по самому евангелію и преданіямъ святыхъ отецъ. А люди эти, держащіеся стараго обряда, достойны сожалѣнія, ибо отчуждаются церкви Христовой по однимъ только обрядамъ. Впрочемъ, они также христіане, почему и васъ, кажется, мучить нужды настоять не будетъ, а только

требуется отъ васъ, по общимъ государственнымъ законамъ, повиновеніе, какъ отъ свѣдущаго по службѣ человѣка и заслужившаго штабъ-офицерскій чинъ.

На всю эту рѣчь Кравковъ ничего не отвѣчалъ. Такъ опротивѣли ему эти казенныя, лицемѣрныя рѣчи людей, которые сами ни во что не вѣрили, даже въ человѣческую честность.

— Какъ же, государь мой?

Кравковъ все молчитъ. Только губы его нервно вздрагиваютъ.

— А? Согласны, мой добрый другъ?

Опять молчаніе. Слышится только тяжелый сдержанный вздохъ.

— А? Скажите же, государь мой.

— Я уже болѣе говорить не буду,—отвѣчалъ Кравковъ, не поднимая головы.—Я все сказалъ... Отпустите меня за границу, вѣдь другихъ отпускаютъ.

— Конечно... только...

— Ну, а если нельзя, пошлите на каторгу, тамъ я буду работать, или отошлите въ острогъ, я и тамъ трудиться буду. А здѣсь я запертъ и живу въ праздности.

Шешковскій сталъ ходить по комнатѣ и что-то соображать.

— Хорошо,—сказалъ онъ, а потомъ, обращаясь къ строчившему старичку, спросилъ,—готово?

— Готово-съ, ваше превосходительство.

— Литерально?

— Литерально-съ, ваше превосходительство.

Затѣмъ Шешковскій обратился опять къ Кравкову.

— Теперь неугодно ли вамъ, государь мой, руку приложить,—указалъ онъ на бумагу, поданную ему старичкомъ.

— Къ чему?—нетерпѣливо отвѣчалъ арестантъ.

— А къ вашимъ показаніямъ.

— Зачѣмъ это?

— Такъ заведено-съ, порядокъ, государь мой.

— Не стану я руку прикладывать! Дѣлайте, что хотите! Я вѣдь ужъ забылъ и писать.

Кравковъ задыхался. Онъ видѣлъ, что его уже сдѣлали государственнымъ преступникомъ.

— Я не хочу писать! Не хочу самъ затягивать свою

петлю!—повторялъ онъ, пятясь къ порогу.—Я разучился писать!

— Полноте-съ... А Руссо, а философы?

— Пустите меня! У васъ и говорить разучишься... Я совсѣмъ перестану говорить... Для васъ слово Божіе, рѣчь и то уже преступленіе... Дѣлайте со мной, что хотите!

— Такъ не подпишите?

— Нѣтъ!

— Напрасно-съ, только время сами затягиваете... А впрочемъ, все равно... На этотъ разъ можете итти...

Онъ хлопнулъ въ ладоши. Въ дверяхъ показались солдаты съ ружьями.

— Проводите господина капитанъ-лейтенанта... До свиданья, государь мой... Подумайте на свободѣ.

Кравковъ вышелъ, не произнеся болѣе ни одного слова.

Онъ сдержалъ слово, данное Шешковскому: до 11-го генваря 1785 года онъ не произнесъ ни одного слова. Онъ не говорилъ даже съ караульными солдатами. Онъ сдѣлался молчальникомъ. «Слово, рѣчь, уже и это преступленіе»...

11 генваря Кравковъ заговоритъ вотъ по какому случаю. Въ этотъ день у князя Вяземскаго былъ парадный обѣдъ по поводу одной радости, выпавшей на долю князя наканунѣ. 10-го генваря Вяземскій, по должности генералъ-прокурора, докладывалъ императрицѣ вѣдомость о политическихъ преступникахъ, содержавшихся въ крѣпостяхъ.

— А что дворянинъ-старовѣръ Кравковъ?—спросила Екатерина.

— Продолжаетъ упорствовать, ваше величество.

— Какъ упорствовать?

— Все молчитъ, государыня.

— То есть какъ же молчитъ?

— Не произноситъ ни единаго слова вотъ уже который мѣсяцъ: ни на допросы не отвѣчаетъ, ни даже съ караульными не говоритъ.

— Какъ же? Съ чего же это?

— Да послѣ перваго допроса, ваше величество, велѣли ему руку приложить къ его показаніямъ, такъ не захотѣлъ, уперся говорить: «совсѣмъ перестану говорить, ибо-де у насъ, въ Россіи, простое слово Божіе рѣчь и то уже преступленіе».

— Такъ и сказалъ?

— Такъ и сказалъ государыня.

Краска не то негодованія, не то стыда такъ и залила все лицо Екатерины.

— Каково!.. Это все вы своимъ неумѣньемъ обращаться съ преступниками, своею жестокостью доводите ихъ до того, что они говорятъ и въ правѣ говорить, что въ Россіи, простое слово Божіе, рѣчь и то уже преступленіе!.. А! Что скажутъ обо мнѣ въ Европѣ! Что я людоѣдка? Что мнѣ мои подданные боятся говорить правду?.. Какая-де въ Россіи свобода! Только на словахъ...

Князь Вяземскій стоялъ блѣдный, потерянный. Храповицкій, присутствовавшій тутъ же, весь красный, утиралъ фуляромъ потъ, каплями выступавшій на лбу, на щекахъ и даже подъ косою.

— Что-жъ вы ихъ, пытаете что-ли! — продолжала императрица.—Морите голодомъ? И это въ мое-то царствованіе, когда я торжественно, передъ всей Европой, провозгласила уничтоженіе пытокъ, всякихъ насилій надъ подданными, даже преступными! Когда я хочу только милости и милости! Когда я хочу быть только ихъ матерью!.. А! Слово въ Россіи—преступленіе! И это говоритъ не мужикъ, а просвѣщенный человѣкъ, видавшій Европу! Вотъ до чего вы довели моихъ подданныхъ вашею жестокостью...

Совсѣмъ уничтоженный, князь Вяземскій умолялъ объ отставкѣ... Храповицкій, нагнувшись надъ какою-то бумагою, которую онъ переписывалъ, весь смущенный, прикладывалъ къ этой бумагѣ фуляръ, силясь что-то вытереть.

При видѣ его смѣшной фигуры, императрица вдругъ улыбнулась.

— Что, закапалъ потомъ «Обманщика»?

— Ненарокомъ, ваше величество, простите, — бормоталъ онъ,—вспотѣлъ нечаянно.

— Самъ же перепишешь...

— Перепишу, государыня, вспотѣлъ...

— Вспотѣлъ въ чужой банѣ

Гнѣвъ императрицы окончательно прошелъ. Она взглянула на Вяземскаго.

— Ты просишь отставки?

— Не гожусь я, ваше императорское величество, увольте, не гожусь.

Екатерина милостиво положила ему на плечо руку.

— Только ты одинъ и годишься,—ласково пояснила она,— ни изъ князей Голицыныхъ, ни изъ Долгоруковыхъ нельзя сдѣлать генералъ-прокурора. А ты мой ученикъ, я тебя сама формировала, и сколько я за тебя выдержала: всѣ называли тебя дуракомъ *).

Вяземскій, упавъ на колѣни, цѣловалъ край платья императрицы и плакалъ.

— Матушка!.. Великая, великая! — бормоталъ онъ безсвязно.

Эта-та неожиданная нахлобучка, а потомъ милостивое признаніе, что онъ не дуракъ, дало Вяземскому поводъ устроить званый обѣдъ для друзей. А такъ какъ причиною нахлобучки былъ Кравковъ, то генералъ-прокуроръ въ тотъ же день рѣшился быть какъ можно мягче и снисходительнѣе къ своимъ арестантамъ, а въ особенности къ Кравкову. 11-го же января онъ велѣлъ отнести своему арестанту обѣдъ со своего стола. Этотъ-то обѣдъ и заставилъ Кравкова говорить. Узнавъ, что это обѣдъ отъ Вяземскаго, и вспомнивъ, сколько времени они его мучатъ напрасно, Кравковъ не могъ подавить припадка вспышки и сказалъ караульнымъ, принесшимъ обѣдъ: «отдайте его собакамъ».

Вечеромъ, когда ему принесли и ужинъ съ княжескаго стола, послѣдовала та же исторія. Этотъ княжескій ужинъ Кравковъ выбросилъ въ тотъ сосудъ, который арестанты называютъ «чиганашкой».

— Скажите Шешковскому,—обратился онъ при этомъ къ караульнымъ,—если со мною ничего не сдѣлаютъ и станутъ меня еще здѣсь держать, то вѣдь руки у меня не скованы, я самъ что-нибудь надъ собою сдѣлаю.

Это такъ напугало Вяземскаго, что онъ тотчасъ же поскакалъ къ митрополиту Гавріилу.

— Ваше высокопреосвященство! Помогите, — молилъ онъ митрополита.

— Въ чемъ, сіятельнѣйшій князь?

---

*) «Дневн. Храповицк.», изд. Барсукова, стр. 4, 279, 323.

— Государыня думаетъ, что я жестоко обращаюсь съ моими арестантами и не умѣю ихъ направить на путь истины. А мнѣ вотъ на шею посадили раскольника дворянина, такого, что Вольтера да Руссо читаетъ и въ скитахъ жилъ. Какъ мнѣ съ нимъ сладить насчетъ вѣры! Позвольте мнѣ его къ вамъ прислать, ваше высокопреосвященство.

— Хорошо, пришлите.

IX. Передъ княземъ Вяземскимъ.

Въ чемъ состояло объясненіе митрополита съ Кравковымъ, какъ они поняли другъ друга, изъ дѣла неизвѣстно. Но несомнѣнно что митрополитъ не возбудилъ въ странномъ раскольникѣ того глубокаго презрѣнія, какое возбудили въ немъ и архіерей нижегородскій, и Ребиндеръ, и Шешковскій, и Вяземскій. Оно и не удивительно: митрополитъ Гавріилъ былъ умнѣе всѣхъ ихъ и болѣе всѣхъ понималъ душу человѣческую. Недаромъ Екатерина особенно уважала этого іерарха, посвятила ему даже своего «Велисарія» и всегда называла его «мужемъ острымъ и резонабельнымъ». Этотъ же митрополитъ, глубоко возмущаясь стариннымъ обычаемъ, въ силу котораго провинившихся священниковъ сѣкли какъ Сидорову козу, исходатайствовалъ у правительства указъ объ уничтоженіи этого гнуснаго обычая-закона.

Какъ отнесся митрополитъ къ воззрѣніямъ Кравкова, можно отчасти судить по письму его къ князю Вяземскому, по поводу того же Кравкова.

«Сіятельнѣйшій князь Александръ Алексѣевичъ, милостивый государь!—писалъ онъ.—Присланный отъ вашего сіятельства ко мнѣ флота капитанъ 2-го ранга Евдокимъ Кравковъ многократно былъ увѣщеваемъ, но остался въ прежнихъ мысляхъ. Онъ приверженъ къ толку старообрядцевъ, называемому поповщиною, но при всей той приверженности имѣетъ мнѣнія и раскольниками нетерпимыя. Его отзывы и разсужденія показываютъ человѣка разстроенныхъ мыслей. А какъ въ такое состояніе приведенъ онъ печальными обстоятельствами и причиною того почитаетъ другихъ; то происшедшее отъ сего въ немъ негодованіе производитъ недовѣрчивость, отвращеніе и упорство. Исправить его, кромѣ снисхожденія, не

можно. Онъ чрезъ время, увидѣвши не то, что нынѣ заключаетъ, можетъ смягчиться въ своемъ упорствѣ. Я его съ симъ къ вашему сіятельству препровождаю».

«Снисхожденіе» только «снисхожденіе». Но этого государственные умники никакъ не могли понять. Имъ хотѣлось непремѣнно переубѣдить человѣка, который былъ умнѣе ихъ и притомъ же доведенъ до крайняго нервнаго возбужденія, благодаря всѣмъ же умникамъ.

— Что дворянинъ-старовѣръ?—снова спросила императрица Вяземскаго черезъ нѣсколько дней.

— Послѣ увѣщанія митрополита, ваше величество, спокойнѣе сталъ.

— А касательно мыслей?

— Упорствуетъ, государыня.

— А что митрополитъ сказалъ?

— Митрополитъ, государыня, пишетъ, что исправить его, кромѣ снисхожденія, ничѣмъ не можно.

— Снисхожденіе!—живо заговорила императрица: — Слышите, что говоритъ умный человѣкъ? А? Слышите?

И Вяземскій и Храповицкій, тутъ же занимавшійся «перлюстраціей», вытянулись.

— Точно, государыня,—процѣдилъ первый.

— Снисхожденіе... милость,—поддакивалъ второй.

— Да, милость, только милость, а не строгость править міромъ,—горячо сказала императрица,—вспомните, неразумный сынъ премудраго и милостиваго Соломона черезъ свою строгость царства лишился... Это за то, что онъ наказывалъ подданныхъ скорпіями...

— А князь кормитъ Кравкова устрицами, матушка.

Екатерина невольно улыбнулась. Это говорилъ Нарышкинъ Левъ, показавшись на порогѣ внутреннихъ покоевъ. На плечѣ у него было полотенце.

— Устрицами?

— Точно, матушка.

— Не устрицами, государыня, а точно отъ своего стола посылалъ,—оправдывался Вяземскій.

Императрица замѣтила полотенце на плечѣ у своего друга «Левушки».

— Это что у тебя за полотенце?—улыбнулась она.

— Да вотъ покои твои убиралъ, матушка, — невозмутимо отвѣчалъ Нарышкинъ

— А Захаръ что же?

— Не хочетъ.

— Какъ не хочетъ!

— Такъ и не хочетъ, сердится на тебя, матушка.

— За что еще?

— Да говоритъ, государыня всю прислугу избаловала: сама изволитъ печи топить, а прислуга дрыхнетъ... Такъ, говоритъ, житья не будетъ во дворцѣ.

Екатерина засмѣялась.

— Это правда, я немножко виновата передъ Захаромъ: сегодня утромъ я проснулась раньше обыкновеннаго, дѣла было много и показалось мнѣ холодно... Я пожалѣла прислугу и не разбудила, да сама и растопила дрова... Нечего дѣлать, надо просить прощенія у Захара Константиновича.

Императрица видимо была довольна этой невинной, но ловкой шуткой своего «Левушки». Этотъ «Левушка» при помощи своихъ дурачествъ умѣлъ необыкновенно искусно льстить. Хитрый царедворецъ, прикидывавшійся повѣсой, больше всѣхъ зналъ слабость императрицы къ популярности и всегда умѣлъ ловко угодить этой слабости. Онъ такъ поступилъ и въ данномъ случаѣ: рѣчь шла о снисхожденіи, о милости, объ умѣ и добротѣ Соломона; «Левушка» все это слышалъ изъ сосѣдней комнаты и явился съ полотенцемъ на плечѣ, чтобъ «насмѣшить свою матушку»...

—Такъ устрицами, князь, кормишь Кравкова, а не скорпіями?—продолжала шутить матушка.

— Стараюсь, государыня.

И онъ дѣйствительно постарался.

Въ тотъ же день онъ велѣлъ привести Кравкова въ присутствіе тайной экспедиціи, гдѣ, конечно, былъ и неизбѣжный Шешковскій. Послѣдній былъ не въ духѣ, узнавъ, что императрица не одобряетъ ихъ жестокаго обращенія съ арестантами.

«Сама печи топитъ, прислугу жалѣючи, а мы вонъ якобы мучимъ нашихъ молодцовъ,—бормоталъ онъ, расхаживая маленькими шажками по присутствію,—что жъ намъ ручки что ли у нихъ цѣловать, когда они упорствуютъ?... Устрицами Кравкова кормимъ, скорпіями... Да онъ, подлецъ, и стоитъ скорпіевъ,

эдакій кремень... Устрицами... А все этотъ Левка наушникъ, все онъ переноситъ, шпынь проклятый... Совсѣмъ избаловали арестантовъ: пытать, слышь, не моги... Да чѣмъ его, подлеца, кромѣ дыбы проймешь? Эхъ, то-то времячко было, то-то лафа была Андрею Иванычу Ушакову, когда у него подъ руками и застѣнокъ, и дыбушка-матушка, и эдакія разныя плеточки, сразу все выпытаютъ. А мы вотъ въ сухомятку допрашивай, не смѣй и посѣчь»...

Вошелъ Кравковъ. Онъ много измѣнился за послѣднее время, постарѣлъ посѣдѣлъ, хоть ему едва только минуло сорокъ лѣтъ.

— А! Господинъ капитанъ-лейтенантъ: сколько лѣтъ, сколько зимъ!—дружески подошелъ къ нему Степанъ Ивановичъ.

— Какъ ваше здоровье, господинъ капитанъ?—спросилъ Вяземскій, кивая головой. — Сама всемилостивѣйшая государыня интересуется вашимъ дѣломъ.

— Благодарю, я здоровъ,—былъ короткій отвѣтъ.

— Очень радъ... Ну, а какъ на счетъ вашего рѣшенія?

— Какого рѣшенія?

— На счетъ то есть мыслей въ разсужденіи религіи?

— Мои мысли на этотъ счетъ извѣстны его высокопреосвященству.

— Все это такъ-съ... Его высокопреосвященство, конечно, смотритъ со стороны догматики, а мы, согласитесь, должны относиться къ дѣлу съ государственной точки зрѣнія.

— Со стороны такъ сказать цивильной,—пояснилъ Шешковскій.

— И шляхетской,—добавилъ князь Вяземскій.

— А также и въ разсужденіи раскола.

Кравковъ молчалъ.

— Какъ же, капитанъ? Не бросили вы вашихъ бредней?—не вытерпѣлъ Шешковскій.

— Какихъ бредней?—спросилъ Кравковъ.

— Ахъ, капитанъ! Да неужели вы сами не понимаете, сколь для васъ постыдно, заслуживши чинъ штабъ-офицерской, войти въ такое заблужденіе, которому слѣдуютъ люди, не имѣвшіе никогда никакого просвѣщенія, удалиться отъ общества и тѣмъ паче оставить святую церковь, всѣ ея преданія, и вѣрить такимъ людямъ, которые не только никакого понятія, въ чемъ они сомнѣ-

ваются, не имѣютъ, но что и сами, по глупости своей, истинно полагаютъ, то и тому правдоподобнаго доказательства дать не могутъ.

— Но вѣдь я же это слышалъ! Что вамъ до меня?

— Намъ васъ жаль.

— Такъ отпустите меня.

— Куда? Въ скиты?

— Да хоть гдѣ-нибудь дайте спокойно умереть.

— Зачѣмъ умирать?

— Ну, уйти отъ всѣхъ, отъ этой горькой жизни, забыться... забыться...

— Что жъ! Если вы хотите посвятить себя на службу Богу и удалиться отъ суеты...

Кравковъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, но смолчалъ.

— Что же! Вы можете избрать мѣсто, по желанію вашему, въ монастырѣ, гдѣ быть вамъ не только не постыдно, но и полезно бы было для васъ, и притомъ, надѣюсь, на сіе бы и всемилостивѣйшая государыня изъявить изволила свое благоволеніе.

Говоря это, князь Вяземскій невольно вспомнилъ: «а всѣ тебя считали дуракомъ... кто же это всѣ? А? Ужъ не Левка ли Нарышкинъ наушникъ, шпынь и льстецъ»...

— Ну, такъ какъ же?—снова обратился онъ къ арестанту.

— Устрицы... все только устрицы... скорпіи бы,—пробормоталъ про себя Шешковскій,—ахъ Андрей Иванычъ!..

Вяземскій старался не слыхать его словъ; онъ рѣшился до конца быть мягкимъ.

— А? Что же вы на это скажете, мой другъ? Въ разсужденіи монастыря...

— Помилуйте!—не выдержалъ арестантъ. — Что вамъ до меня за нужда! Богъ насильно никого къ спасенію призывать не велѣлъ, а открылъ путь всякому, кто какъ желаетъ спастись... Что вамъ до меня? Какъ я о величіи божіи мыслю и ищу спасенія, знать никто не можетъ.

«Ахъ!—думалъ онъ при этомъ,—какъ умнѣе всѣхъ ихъ Никита Петровичъ, простой мужикъ... А вѣдь эти государствомъ правятъ».

— Зачѣмъ вы хотите меня непремѣнно въ монастырь засадить?

— Не мы—продолжалъ пилить Вяземскій, стараясь оправ-

дать довѣріе государыни, что онъ не дуракъ,—не мы, но самъ Богъ, чрезъ посредство постановленныхъ пастырей церкви Христовой, которымъ Онъ ввѣрилъ самъ, по словеси своему, пасти стадо, призываетъ васъ къ истинному богопознанію. Положимъ, что вы конечно вѣруете въ Бога, чаете себѣ спасенія, но равнымъ образомъ и всякій христіанинъ того же желаетъ и ищетъ того по своему состоянію. Всякій исполняетъ всѣ обязанности, налагаемыя закономъ и вѣрою, и церковь святую почитаетъ матерью своею, всѣ ея преданія, установленныя отъ Христа, и преданія святыхъ отецъ по возможности исполняетъ; а вы совсѣмъ отчудились отъ церкви и ее оставили. Повѣрьте, если бы сіе не было прискорбно и вы не были бы достойны сожалѣнія въ разсужденіи такихъ странныхъ кроющихся въ васъ воображеній, то конечно бы по напрасну не стали бы принуждать васъ къ присоединенію къ церкви Христовой, страшась, дабы не отдать отвѣта Богу, что объ васъ не старались или мало о обращеніи вашемъ попеченія имѣли, тѣмъ болѣе что и всемилостивѣйшей государынѣ весьма сіе угодно, ибо она, аки мать, о чадахъ своихъ печется, но видитъ своего подданнаго, падшаго, въ такое заблужденіе. И для того мы (онъ взглянулъ на Шешковскаго, который нетерпѣливо шуршалъ бумагой) мы, будучи обязаны вѣрностію къ самодержицѣ своей, должны о васъ имѣть сожалѣніе и, сколь возможно, привести къ познанію истины.

Вся эта проповѣдь, дышущая грубѣйшимъ матеріализмомъ, полная кощунства надъ вѣрою и ученіемъ евангельскимъ, терзала и мучила Кравкова, стоила ему всякой пытки.

Онъ глубоко поникъ головою. Упавшія на колѣни руки сжались съ такою силою, что кости хрустнули.

— Такъ какъ же? Ясны для васъ мои доводы?—продолжалъ пилить Вяземскій.

Кравковъ всталъ, но голова его оставалась опущенною на грудь.

— Я родился во тьмѣ,—тихо сказалъ онъ,—хочу такъ же и умереть... Я не знаю, что кому нужды имѣть обо мнѣ попеченіе... Я ни отъ кого ничего не требую и не желаю, ни о чемъ никого не просилъ и не прошу... Если же я сдѣлалъ что противное закону, то вы вольны меня разжаловать, наказать по законамъ и хотя лишить жизни.

— Зачѣмъ же! Помилуйте!

Кн. 41.

Кравковъ махнулъ рукой и быстро вышелъ изъ присутствія.

«Трудно иногда представить себѣ—говоритъ по этому случаю г. Ламанскій—до какого уродства и безобразія способны доходить люди въ своемъ безвѣріи и индиферентизмѣ, когда по какимъ-нибудь внѣшнимъ разсчетамъ и соображеніямъ считаютъ себя призванными являться защитниками вѣры, христіанства, ученія любви и свободы, не только не нуждающагося въ ихъ покровительствѣ, но еще оскверняемаго ими въ своей святынѣ! Кто хлопочетъ объ обращеніи Кравкова? Князь Вяземскій, низкой души человѣкъ, нечестный гражданинъ, грязный въ своей семейной жизни! О нравственности и крѣпости христіанскихъ убѣжденій Шешковскаго и другихъ нечего и упоминать».

X. «Матерняя резолюція».

Послѣ этихъ неудачныхъ увѣщаній, Кравкова оставили на время въ покоѣ. Дни проходили за днями, а ни къ нему никто изъ властей не заглядывалъ, ни къ себѣ его не призывали. Казалось, что объ немъ всѣ забыли. Но тѣмъ сильнѣе въ немъ заговорила память прошлаго.

О томъ, далекомъ, свѣтломъ прошломъ, когда передъ нимъ заманчивой панорамою разстилалось таинственное, но полное иллюзій будущее, когда во власти его, казалось, находились цѣлыя моря и океаны съ невѣдомыми странами и народами, когда онъ самъ бороздилъ эти моря и рвался въ новыя, невиданныя страны и когда впереди, среди этихъ грезъ и дѣйствительности, вставалъ свѣтлый образъ навѣки погибшаго друга, объ этомъ далекомъ прошломъ онъ даже и не вспоминалъ, потому что не могъ реально представить его себѣ. Ему теперь казалось, что этой полосы въ его жизни совсѣмъ даже не было, что все это пронеслось въ волшебномъ снѣ, въ молодыхъ грезахъ. Онъ даже не могъ теперь представить себя тѣмъ Кравковымъ, какимъ онъ былъ когда-то въ этихъ разлетѣвшихся грезахъ, въ этихъ «соніяхъ», пробужденіе отъ которыхъ было такое страшное. Развѣ это онъ, вотъ этотъ одинокій Кравковъ, плылъ тогда на фрегатѣ отъ кавказскаго берега къ Крыму, къ Кафѣ, и разсказывалъ молодымъ офицерамъ Павлюку и Шастову о своихъ далекихъ плаваніяхъ? Да развѣ это онъ плавалъ? Развѣ онъ восторженно мо-

лился сѣдому океану и плакалъ отъ умиленія?... Нѣтъ, это былъ кто-то другой, а не онъ... Да, этого прошлаго не было, оно было только во снѣ... И та, когда-то свѣжая, а теперь уже почти забытая могила на берегу Оки, и та, которая лежала въ этой могилѣ, и ея соломенная шляпка на столѣ, и одна перчатка, и то послѣднее письмо «отдай мнѣ его, синее море», все это было во снѣ...

Но у него осталось еще и другое прошлое, близкое—и вотъ объ немъ онъ теперь вспоминалъ какъ о чемъ-то недосягаемомъ.

Обширная луговая поляна залита лучами утренняго солнца. Съ одной стороны ее окаймляетъ зеленый лѣсъ, звенящій голосами птицъ, съ другой ровные, плоскіе берега Иргиза, а дальше безконечная степь, что раскинулась вширь отъ Волги вплоть до Яика-Урала. Изъ-за лѣсу блеститъ на солнцѣ золоченый крестъ скитской церкви. Въ прозрачной синевѣ кружатся голуби. А здѣсь, на полянѣ, кипитъ работа. Отъ самаго лѣсу вытянулся строй косарей, человѣкъ до ста, и, широко размахивая косами, эта длинная лава косцовъ медленно двигается впередъ, шаркая острыми косами по зеленой травѣ, убранной всевозможными цвѣтами. Высокая, сочная трава такъ и разстилается, такъ и падаетъ ницъ передъ этими витязями. А витязи эти, скитскіе «старцы», косари, большею частью народъ молодой, здоровый. А противъ этой длинной лавы «старцевъ» идетъ другая, еще болѣе длинная лава «старицъ», все это бабы молодыя, сильныя. «Старицы» идутъ лавою косцовъ въ двѣсти. Косы сверкаютъ на солнцѣ, какъ алмазныя полосы.

— Вонъ какъ старица Платонида забираетъ впереди всѣхъ, словно лебедь плыветъ.

— Ужъ и мастерица же косить! Двухъ мужиковъ за поясъ заткнетъ.

— Вонъ какую широкую полосу гонитъ, богатырь старица!

— Одно слово, по писанію, «широковидная».

— Да и сестра Виринея шибко рѣжетъ.

— А нашъ-отъ старецъ Вавила, гляньте, какимъ козыремъ идетъ.

— Словно Самсонъ на филистимлянъ.

Обѣ лавы косарей все ближе и ближе сдвигаются. Уже небольшая полоса нескошенной травы раздѣляетъ мужскую лаву отъ женской. Сестра Платонида и старецъ Вавила первые прорѣ-

зали свои полосы до конца, и остановились, красные, разгорѣвшіеся.

— Богъ въ помощь, матушка Платонидушка.

— Спасибо на божьемъ словѣ, Вавилушка братецъ.

Косцы вынимаютъ изъ-за голенищъ деревянныя лопатки и шаркаютъ ими о притупившіяся косы. Наближаются и другіе косцы, лава къ лавѣ.

А Кравковъ вмѣстѣ съ Герасимушкой и Саватѣюшкою Персидскими идутъ за лавами косцовъ и собираютъ въ плетешки перепелиныя яйца: послѣ скошенной травы перепелиныя гнѣзда открываются то тамъ, то здѣсь, и Кравковъ съ своими молодыми друзьями собираетъ сѣренькія, пятнистыя яички, потому что все равно ихъ сороки повыпиваютъ. Вонъ они, долгохвостыя, такъ и вьются надъ скошенными полосами, ища легкой добычи. А изъ этихъ перепелиныхъ яичекъ какія вкусныя яичницы готовятъ въ скитахъ!

Первая полоса скошена. Косы притупились. Косцы собираются у «стана» и, усѣвшись кругами на землѣ, начинаютъ «отбивать» небольшими молотками на такихъ же небольшихъ наковальняхъ притупившіяся лезвія косъ. Звонъ раздается по всей полянѣ, и эхо его повторяется въ лѣсу по ту сторону Иргиза.

Передохнувъ, идутъ косить вторую полосу. А тамъ вскорѣ и копны готовы, вся поляна такъ и усѣяна копнами. Тутъ ужъ «копнить» сѣно, это бабье дѣло, на такое дѣло сестры большія мастерицы.

А тамъ, глядишь, и ржи и пшеницы стали созрѣвать. Новая работа всему скитскому населенію, и такъ почти круглый годъ: уборка, молотьба, помолы на скитской мельницѣ. А тутъ же и возка арбузовъ и дынь съ бахчей, соленье и квашенье тѣхъ и другихъ на зиму... Горы огурцовъ, капусты...

Проходитъ лѣто. Наступаютъ осенніе заморозки, «звонкая осень», когда шибко укатанная и промерзшая дорога звенитъ на зарѣ подъ кованными колесами. Но снѣгу еще нѣтъ, ибо заволжская осень суха и ясна. Озеро уже подернуто тонкимъ, прозрачнымъ какъ стекло льдомъ. Ледъ дѣлается все толще и толще. Раннимъ утромъ Кравковъ отправляется съ юными Персидскими «глушить» рыбу по замерзшимъ берегамъ Калача, особенно по ту сторону озера, въ приглубыхъ заливахъ и въ длинныхъ «куткахъ», по берегамъ поросшихъ рѣзучею осокою. Въ

рукахъ у нихъ «чекмари», длинныя палки съ круглыми въ кулакъ наконечниками изъ корня того же дерева, изъ котораго сдѣланъ «чекмарь». Ледъ такъ еще тонокъ, что Кравковъ и его юные друзья ложатся на животы и ползкомъ перебираются на ту сторону Калача. Сквозь прозрачный ледъ видно далеко въ глубину, вода какъ хрусталь чиста: въ глубинѣ видны плавающія рыбы. По мѣрѣ движенія охотниковъ по льду, онъ гнется, трещитъ, вотъ-вотъ проломится; но они ползутъ осторожно. Вотъ они и переползли, идутъ вдоль берега. Здѣсь вода еще прозрачнѣе. Видно дно озера какъ на ладони, и пріютившаяся подъ водою травка, и, заснувшая на зиму, зеленая лягушка, уткнувшаяся носомъ въ какую-нибудь ямочку. Они идутъ тихо, чуть скользятъ по зеркальной поверхности. Вонъ подбилась къ подводной травкѣ щука и стоитъ неподвижно, только гибкій хвостъ ея немного шевелится. Кравковъ поднимаетъ высоко надъ головою «чекмарь» и со всего размаху бьетъ имъ по льду какъ разъ противъ головы щуки. Ударъ оглушаетъ ее, она вертится на мѣстѣ. Еще ударъ, и еще, и хищная рыба опрокидывается пластомъ. На томъ мѣстѣ, дѣ ударили «чекмаремъ», во льду образовалась чудная, всѣхъ радужныхъ цвѣтовъ звѣзда. Кравковъ еще сильнѣе бьетъ по льду «чекмаремъ», и ледъ пробитъ. Въ отверстіе засовывается рука, и щука вытаскивается на поверхность. А тамъ Герасимушка «глушитъ» огромнаго карася, Саватѣюшка никакъ не можетъ заглушить жирнаго линя.

Слышно, какъ на току молотитъ братія, и старцы и здоровыя старицы: далеко разносятся въ утреннемъ воздухѣ звонкіе удары цѣповъ объ промерзшую, гладкую какъ ровная доска токовину. Въ лѣсу звучатъ топоры объ замерзшія деревья, это братія готовитъ дрова на обитель. Все работаетъ, и работаетъ не по принужденію, а изъ любви, по охотѣ, и потому во всемъ довольство, обиліе.

Гулко въ морозномъ воздухѣ раздаются удары въ скитское било, это святой отецъ Никита Петровичъ созываетъ въ обитель свою братію, старцевъ и старицъ, труждающихся и обремененныхъ: это значитъ, что насталъ часъ общественной трапезы. Всѣ сходятся въ просторную избу и садятся за огромные столы, а служки, молодые послушники, разносятъ по столамъ яства, а во время трапезы кто-либо изъ братіи, которые грамотные, читаютъ

по очереди то евангеліе, то дѣянія апостольскія, то житіе святыхъ, либо другое что божественное.

Такъ вспоминалъ Кравковъ скитскую жизнь, сидя въ своемъ одиночествѣ и не зная, что въ эти самые часы рѣшается навсегда его участь.

Въ кабинетѣ императрицы идетъ докладъ. Екатерина, нѣсколько откинувшись на спинку кресла и поглаживая рукой перламутровый разрѣзной ножъ, слушаетъ докладъ Вяземскаго и поглядываетъ иногда на Храповицкаго, который за отдѣльнымъ столомъ углубился въ какіе-то корректурные листы. У окна Левъ Александровичъ Нарышкинъ тихонько дразнитъ попугая, просовывая къ нему въ клѣтку кончикъ носового платка.

«Онъ, Кравковъ (читаетъ Вяземскій), какъ человѣкъ противъ званія своего дѣлаетъ поведеніемъ и жизнію своею нетерпимый въ обществѣ не только соблазнъ, но самымъ своимъ ложнымъ мнѣніемъ развращаетъ и другихъ, отторгнувшись отъ святой церкви и наставленіемъ неправомыслящихъ невѣждъ, избралъ лучшее сожитіе съ тѣми невѣждами, нежели въ обществѣ людей, законами и вѣрою охраняемыхъ, такъ что никакія увѣщанія духовной и мірской власти о повиновеніи церкви и установленнымъ государственнымъ законамъ воздѣйствовать въ немъ не могли, за что, по силѣ законовъ, и достоинъ онъ, Кравковъ, жестокому наказанію»...

Замѣтивъ, что при послѣднихъ словахъ императрица какъ-будто поморщилась, докладчикъ въ нерѣшительности остановился.

— Наказанію, да еще жестокому,—сказала она, глядя на Вяземскаго,—не люблю я этихъ словъ.

— Эти слова изъ закона, ваше величество — оправдывался докладчикъ.

— И въ законѣ такихъ словъ не должно быть:—жестокость, наказаніе...

— И скорпіи, матушка,—вкинулъ свое слово «Левушка», ударивъ попугая по носу.

— Именно скорпіи... Я не хочу быть похожею на Ровоама.

— А Соломона, матушка, ты превзошла, — продолжалъ хитрый «Левушка».

— Ну, Левъ Александровичъ, ужъ ты не въ мѣру льстишь мнѣ,—замѣтила императрица.

— Нѣтъ, государыня, никогда я вамъ не льстилъ, а всегда говорилъ сущую правду... Будь на вашемъ мѣстѣ Соломонъ и приди къ нему княгиня Дашкова съ моимъ братцемъ, какъ тѣ двѣ матери съ ребенкомъ...

Екатерина разсмѣялась.

— А вѣдь ты правъ: она бы Соломона въ гробъ вогнала.

Въ это время къ столу въ нерѣшительности приблизился Храповицкій.

— Ты что, Александръ Васильевичъ?—спросили его.

— Вотъ тутъ, ваше величество, княгиня...

— Опять княгиня! Дашкова?

— Такъ точно, государыня.

— Что же она?

— Вотъ тутъ, въ корректурѣ «Обманщика», княгиня сдѣлала маленькую поправочку въ словѣ.

— Какую же?

— Слово это замѣнила словомъ сіе.

— Оставь «это»... Не правда ли, Левъ Александровичъ, это болѣе по-русски чѣмъ сіе.

— Правда, матушка, развѣ не смѣшно было бы сказать: сей попугай большой разбойникъ?

— Вѣрно, вѣрно...

— А сія княгиня, сіе какъ-то возвышеннѣе.

— Ахъ ты, шпынь... Ну, продолжай, — обратилась она къ Вяземскому.

— Слушаю-съ.

— И я слушаю.

— «За что, по силѣ законовъ и достоинъ онъ, Кравковъ»..

Вяземскій остановился.

— Только не жестокому наказанію, — повторила Екатерина,—напиши тяжкому осужденію.

— Слушаю-съ... «тяжкому осужденію: но поелику довольно изъ собственныхъ его изрѣченій да и по существу самыхъ его дѣяній видно, что въ сіе заблужденіе впалъ и столь упорно настоитъ по всѣенному въ него отъ вышеписанныхъ невѣждъ суевѣрію, которое онъ, по слабости разсудка своего, мнитъ быть истиннымъ, а сіе самое и ввергло его въ совершенную фанатизму»..

— Да, да,—соглашалась императрица,—фанатизма — это дѣло серьезное, и фанатики люди опасные... Ну, продолжай.

...«вергло его въ совершенную фанатизму—съ удовольствіемъ на лицѣ повторилъ генералъ-прокуроръ эту фразу—или лучше сказать, что лишенъ онъ конечно здраваго разсудка. Почему, а болѣе подражая матернему ея величества человѣколюбію и милосердію...

При этихъ словахъ что-то неуловимое мелькнуло по лицу Екатерины, отразилось въ ея глазахъ и тотчасъ же сгасло точно искра. Нарышкинъ еще усерднѣе занялся попугаемъ.

...«отъ положеннаго законами жестокаго наказанія,—продолжалъ Вяземскій.

— Осужденія,—поправила императрица.

...«отъ того осужденія его избавить; но дабы онъ не могъ, по таковому своему упорству и пренебрегаючи не только общее, но и собственное благосостояніе, между обществомъ по разнымъ мѣстамъ шататься, а тѣмъ самымъ не подавалъ бы другимъ слабаго разсудка людямъ соблазна, а не меньше по объятому имъ суевѣрству чрезъ странныя разглашенія о святой церкви, то послать его за надежнымъ присмотромъ въ шлиссельбургскую крѣпость»...

— Нѣтъ,—остановила докладчика императрица, — не въ шлиссельбургскую.

— Въ петропавловскую?

— Нѣтъ, въ ревельскую.

— Слушаю-съ... «въ ревельскую крѣпость, гдѣ велѣть тамошнему коменданту содержать его подъ такою стражею, чтобъ онъ никакъ оттуда уйти не могъ, и для того отвесть ему особый покой; однакожъ будущимъ при той стражѣ подтвердить, дабы съ нимъ поступано было съ сохраненіемъ человѣческаго состоянія, не дѣлая никакихъ оскорбленій».

— Это хорошо,—одобрила императрица.

— Э, ваше сіятельство, да вы не однимъ языкомъ язвите,—пробормоталъ Нарышкинъ, отдергивая руку отъ клѣтки съ попугаемъ.

Екатерина гляпула въ его сторону:—Что, укусилъ?»

— Типпулъ, матушка... Настоящая княгиня, и язычокъ такой же.

— Ахъ ты повѣса.

— Я серіозно, матушка, говорю: вѣдь у попугаевъ и пераклитовъ языкъ подобнаго сложенія человѣческому, это вѣрно.

— Какъ?

— А вы развѣ не изволили этого доселѣ замѣтить?

— Не замѣчала.

— Извольте посмотрѣть.

И Нарышкинъ, съ трудомъ поднявъ массивную клѣтку, поднесъ ее къ императрицѣ.

— Купать попку, купать! Онъ этого не любитъ.

— Дуггакъ! дуггакъ! дуггакъ!—закричалъ попугай и заметался въ клѣткѣ.

— Извольте видѣть его языкъ?

— Вижу... точно сложеніе подобное... je ne savais pas cela... je donnerais à la perruche la survivance de votre charge... [1]) Удивительно...

Клѣтку опять поставили на мѣсто.

— Мѣшай дѣло съ бездѣльемъ, — улыбнулась императрица.—Я слушаю докладъ.

«А какъ онъ, Кравковъ—продолжалъ докладчикъ—человѣкъ, лишившійся здраваго разума, то иногда что-либо станетъ дѣлать или говорить непристойное, въ такомъ случаѣ коменданту его отъ того удерживать по данной ему, по высочайшему учрежденію, власти. Буде же, паче чаянія, оный Кравковъ станетъ что врать важное, то въ такомъ случаѣ писать о томъ къ генералъ-прокурору, а стражѣ, находящейся при немъ, наиприлежнѣйше истолковать, чтобы отъ него, яко отъ безумнаго человѣка, ничего не слушать и никому бы, кромѣ него, коменданта, о томъ враньѣ никакъ не разглашали подъ опасеніемъ военнаго суда. Писемъ писать ему не велѣть и ни отъ кого къ нему не брать, чего ради бумаги, пера, чернилъ и всего къ письму способнаго ему ни для чего не давать, также строго смотрѣть, чтобы онъ чего надъ собою или надъ стражею сдѣлать вреднаго не могъ и для того ножа и никакого орудія, чѣмъ человѣкъ себя и другого повредить можетъ, не давать»...

— Вотъ какъ попкѣ,—пробормоталъ «Левушка».

... «да и караульнымъ въ томъ покоѣ, гдѣ онъ содержанъ

---

*) «Дневн. Храповицк.», изд. Барсукова, 5.

будетъ, никакого орудія не имѣть. На пропитаніе же и одежду выдавать ему на каждый день по семи копѣекъ»...

— По десяти,—поправила Екатерина,—онъ штабъ-офицеръ.

...«по десяти копѣекъ. Въ какомъ же онъ состояніи находиться будетъ, и придетъ ли онъ въ познаніе истины, генералъ-прокурору чрезъ каждые четыре мѣсяца, при требованіи на него кормовыхъ денегъ, репортовать. Если же, паче чаянія, оный Кравковъ пожелаетъ позвать къ себѣ попа для исповѣди или святого причастія, то онаго къ нему, хотя бы онъ былъ и здоровъ, допустить: буде же будетъ въ болѣзни, то потому же преподать ему о семъ спасительномъ для него способѣ совѣтъ, сказавъ, однако же, священнику, что буде онъ Кравковъ откроетъ ему свое заблужденіе и станетъ просить его о присоединеніи къ церкви, то чтобъ онъ въ то же время далъ знать коменданту, а оный имѣетъ донести о томъ генералъ-прокурору. Если же онъ умретъ, то похоронить его, Кравкова, по церковному чиноположенію и о томъ коменданту той крѣпости отписать».

Докладчикъ кончилъ и поклонился.

— Быть по сему,—послѣдовала высочайшая резолюція.— А что «лексиконъ риѳмъ»?—обратилась Екатерина къ Храповицкому.

— Первыя тетради готовы, государыня.

— А «Февей» переписывается?

— Почти готовъ, государыня.

— Спасибо за проворство.

— Еггмоловъ дуггакъ! Дуггакъ Еггмоловъ!—вдругъ закричалъ попка.

— Молчи, попочка, услышитъ, побьетъ.

Екатерина улыбнулась: «это ты его научилъ, повѣса»?

— Нѣтъ, матушка, онъ своимъ умомъ дошелъ.

Екатерина погрозила «Левушкѣ» пальцемъ, а къ Вяземскому наклонила голову: тотъ понялъ, что его отпускаютъ, поклонился и вышелъ. «Матерняя, истинно матерняя резолюція», шепталъ онъ съ умиленіемъ.

«Лица, осудившія Кравкова за его неправославіе (такъ характеризуетъ г. Ламанскій «златый на сѣверѣ вѣкъ»), сами нисколько не сочувствовали и не вѣрили православію: иначе они не поступили бы такимъ образомъ съ Кравковымъ. Если бы, напримѣръ, Кравковъ былъ деистъ или атеистъ, то никто не

тронулъ бы его, очевидно, не изъ признанія свободы совѣсти, а потому, что всѣ тогдашнія правительственныя лица въ Россіи, вмѣстѣ съ большинствомъ образованнаго общества, сами глубоко сочувствовали Вольтеру и энциклопедистамъ. Никому изъ правительственныхъ лицъ не могла тогда притти въ голову дикая мысль о томъ, чтобы хватать въ тайную экспедицію людей за деизмъ, атеизмъ или масонство (которое впослѣдствіи Екатерина стала преслѣдовать только за сочувствіе масоновъ къ великому князю Павлу Петровичу), словомъ, всѣхъ образованныхъ русскихъ неправославныхъ, и такъ насильственно обращать ихъ въ православіе! Извѣстны сношенія Екатерины II съ Вольтеромъ и энциклопедистами; Дидро она даже приглашала въ воспитатели къ своему сыну; а тогдашній оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, П. П. Чебышевъ, громко хвалился своимъ атеизмомъ... Но отчего же тайная экспедиція, встрѣтясь съ Кравковымъ, вдругъ такъ воспламеняется жаромъ учительства и непремѣнно отъ него требуетъ, чтобъ онъ обратился къ церкви? Мы видѣли, что Кравкова пытаютъ (хотя не въ застѣнкѣ, а мягко, любезно) и осуждаютъ не за то собственно, что онъ мыслилъ и вѣровалъ неправославно, не согласно съ церковью, а за то, что онъ, природный россійскій дворянинъ и отставной штабъ-офицеръ, носилъ бороду и не подобную одежду, мыслилъ и вѣровалъ, какъ не просвѣщенный невѣжда. Тайная полиція россійской имперіи въ 1784—1785 годахъ ловитъ дворянина Кравкова и сажаетъ его въ казематъ ревельской крѣпости, слишкомъ на 11 лѣтъ (вѣчно, до смерти), за то единственно, что онъ вѣровалъ и мыслилъ по-мужицки, не прилично своему званію, не согласно съ тогдашними исправниками, губернаторами, и С. И. Шешковскимъ, княземъ А. А. Вяземскимъ и императрицей Екатериною. По существу не напоминаетъ ли это дѣло священной тайной инквизиціи, о которой, если не самъ Шешковскій, то князь Вяземскій и императрица отзывались, безъ сомнѣнія, не иначе, какъ съ благороднымъ негодованіемъ? И не есть ли случай съ Кравковымъ одна изъ самыхъ обыкновенныхъ исторій въ лѣтописяхъ всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ полицейско-военныхъ государствъ, въ которыхъ тайная полиція не только разыскиваетъ и предупреждаетъ преступленія, но сама судитъ и наказываетъ людей, по ея мнѣнію, виновныхъ, обладаетъ безконтрольною властью, распоряжается огромными тайными суммами

и заправляетъ внѣшнею и внутреннею политикою страны? Съ этой высшей точки зрѣнія, я боюсь, исторія бѣднаго Кравкова покажется русскому читателю самымъ незначащимъ анекдотомъ»...*).

Замѣчанія—глубоко вѣрныя.

Такъ кончилась первая попытка «хожденія въ народъ человѣка легальнаго». Но съ самымъ этимъ человѣкомъ еще не все было покончено.

XI. Послѣдняя встрѣча.

Въ маѣ 1785 года, изъ кронштадтской гавани собирался выходить въ море фрегатъ «Витязь», тотъ самый, который, въ 1777 году, мы видѣли крейсирующимъ въ Черномъ морѣ между Кафою и Суджукъ-Кале. Но якорь почему-то не подымали. Матросики, наладивъ все къ отходу, стояли и бродили межъ снастями въ ожиданіи приказа капитана. Одинъ изъ нихъ стоялъ въ сторонѣ и, поглядывая за бортъ, на воду, тихонько про себя мурлыкалъ:

Течетъ рѣчка лозоньками.
Плачетъ дѣвка слезоньками.

— Да зачѣмъ, братцы, дѣло стало?—интересуется одинъ матросикъ.

— А нечистый ево знаетъ: должно, господа офицера съ кумушками прощаются.

— Эй, Маруська! Слышишь, хохле!

А тотъ, къ кому относились, продолжалъ жалобно мурлыкать:

Не плачь, дѣвка, не журися,
Ще жъ я молодъ не женился.

— Эй, чортъ, Маруська! Тебѣ говорятъ?

— А что?

— Чево мы стоимъ, не сымаемся?

— Охвицеръ говорить, рестантовъ ждуть

— Куда жъ ихъ? Али въ море топить?

---

*) «Памятн. новой русск. исторіи», I, 47—48.

— Нѣтъ, въ Ревель, Богу работать.

Дѣйствительно, на пристани показалась партія арестантовъ, конвоируемая солдатами. Тутъ были и старые и молодые, бритые и съ бородами; у иныхъ были урѣзаны либо правое, либо лѣвое ухо; виднѣлись и такіе, у которыхъ были вырваны ноздри, это больше старики.

Скоро арестанты были доставлены на бортъ фрегата, и корабль, пользуясь попутнымъ вѣтеркомъ, вышелъ въ море.

Одинъ изъ арестантовъ, котораго сопровождали особо два солдатика, обратилъ на себя вниманіе матросовъ. Въ лицѣ его, необыкновенно грустномъ и въ то же время чѣмъ-то оживленномъ, въ какой-то горькой улыбкѣ и въ выраженіи черныхъ, ясныхъ и задумчивыхъ глазъ было что-то особенное, чего не замѣчалось ни у одного изъ прочихъ арестантовъ. Матросы замѣтили, что онъ глядѣлъ куда-то далеко, туда дальше, гдѣ море сливается съ небомъ, а по впалымъ щекамъ его медленно катились слезы.

Глянь-ко, Маруська, па тово вонъ съ бородой, видишь?

— Вижу... что плачетъ?

— Да, онъ самый.

— Что жъ? На кого не доведись: невольникъ.

— Да тебѣ развѣ повылазило?

— А что?

— Али не видишь, кто это!

— А Богъ ево знаетъ.

— Да это Евдокимъ Михайлычъ.

— Что ты! Кравковъ?

— Онъ и есть, что капитаномъ у насъ былъ.

— Ай, ай! Съ нами святъ! И точно онъ.

— Господи! Вотъ диво-то! За что ево?

— А Богъ ево знаетъ... А какой добрый былъ человѣкъ.

Матросы нарочно подошли ближе къ таинственному арестанту, показывая видъ, что идутъ по дѣлу. Арестантъ взглянулъ на нихъ, и въ глазахъ его, сквозь застилавшія ихъ слезы, какъ бы что-то затеплилось, точно радость.

— Здравствуй, Маруська! Здорово, Гавриловъ!—произнесъ съ улыбкою арестантъ.

Матросы точно остолбенѣли. Кравковъ продолжалъ глядѣть на нихъ.

— Развѣ не узнаете Кравкова, капитана?

— Какъ не узнать, ваше высокородіе! Да какъ же это, Господи!

— Эй, проходи, служба! — загораживалъ собою Кравкова одинъ изъ конвойныхъ.—Проходите, господа служба! Разговаривать не приказано.

— Да мы Богъ знаетъ какъ! Мы и не знай что!

— Мы всей душой, вашескородіе!

— Бога за васъ молимъ денно-нощно!

— Сказано проходи! Капитану пожалуюсь! — горячился конвойный.

— Отойдите лучше, братцы,—тихо сказалъ Кравковъ,—онъ человѣкъ не вольный, подъ присягой... Спасибо за то, что не забыли.

— Ахъ, вашескородіе! Евдокимъ Михайлычъ! Да мы, Богъ знаетъ, какъ!

— Проходи! Проходи!

Въ это время изъ офицерской каютъ-компаніи вышли два офицера съ какою-то бумагою въ рукахъ. Это были списки арестантовъ, препровождавшихся на «Витязѣ», который долженъ былъ сдать ихъ въ Ревелѣ коменданту крѣпости.

— Да, неужели жъ это онъ?—говорилъ, видимо волнуясь, бѣлокурый, лѣтъ подъ тридцать офицеръ съ голубыми глазами.

— Конечно, онъ,—отвѣчалъ другой, темнолицый, смуглый, съ сѣрыми глазами.

— Удивительно! И за что это!

— Надо полагать, за масонство.

— Но вѣдь онъ не любилъ масоновъ.

Они подошли къ конвойнымъ.

— Гдѣ тутъ капитанъ-лейтенантъ Кравковъ? — спросилъ смутлый.

— Да здѣсь они, ваше благородіе,—весело отозвался тотъ матросикъ, котораго дразнили Маруськой.

— Вонъ они, вотъ Евдокимъ Михайлычъ!—подтверждалъ другой матросъ.

— Я здѣсь, господа! — съ дрожью въ голосѣ проговорилъ Кравковъ.

Они остановились въ изумленіи, пораженные... Его голосъ, его глаза, и лицо его, но не то, какимъ они его знавали прежде, живымъ, цвѣтущимъ, полнымъ энергіи... Да, это онъ, только въ какомъ видѣ, въ какой одеждѣ!..

— Здравствуйте, господинъ Павлюкъ! Здравствуйте, Шастовъ!

Да, это Кравковъ говоритъ. Это самъ онъ, не тѣнь его.

— Евдокимъ Михайловичъ! Голубчикъ!

— Что съ вами, дорогой другъ?

— Какъ видите, я арестантъ,—отвѣчалъ Кравковъ, указывая на конвойныхъ.

— Но какъ? За что?

— За неподобную одежду.

— Ваше благородіе! Извольте проходить,—опять заговорилъ конвойный.

— Что!—крикнулъ на него бѣлокурый Шастовъ.

— Разговаривать, ваше благородіе, не приказано!

— Молчать! Вотъ ты такъ не смѣй разговаривать!

— Я что, ваше высокородіе, мнѣ приказано, присяга...

— Молчать! Я лучше тебя знаю службу.

И онъ бросился обнимать Кравкова: «голубчикъ! Да какъ же это! Гдѣ вы пропадали? Какъ попали сюда, опять на «Витязя»—и въ такомъ... ахъ, Боже мой!..»

— Вотъ что лучше, господа, — взволнованнымъ голосомъ сказалъ другой офицеръ, Павлюкъ,—проведи ты, Саша, Евдокима Михайловича къ намъ въ каюту, а то здѣсь неловко... видишь? А я ужъ самъ провѣрю арестантовъ — (онъ поправился)—я самъ провѣрю людей по спискамъ и тотчасъ же приду къ вамъ,—сказалъ онъ, протягивая Кравкову обѣ руки.

Шастовъ и Кравковъ вошли въ офицерскую каюту. Все напоминало послѣднему его службу на этомъ фрегатѣ, каждая мачта, каждая снасть, паруса, и знакомыя, хотя постарѣвшія, лица матросовъ, и эта каюта, на оконномъ стеклѣ которой все еще видны были нацарапанныя алмазомъ изъ перстня слова: «прощай, товарищъ». Это когда-то нацарапалъ Кравковъ, въ день своего прощанья съ фрегатомъ и съ добрыми друзьями.

— Цѣла,—грустно улыбнулся онъ, показывая на надпись.

— Да, голубчикъ... А вы-то!

— У меня ужъ нѣтъ, стерся...

— Богъ съ вами!

— Да, стерся совсѣмъ, и окно мое разбито, разбита жизнь и душа...

— Ахъ, голубчикъ! Да что же это! Какъ?

И Шастовъ снова обнималъ своего стараго друга, бывшаго начальника и товарища.

— Да скажите же, за какое это преступленіе?

— Говорю вамъ: за ношеніе неподобнаго платья

— Какого же, голубчикъ?

— Мужицкаго, мужицкой рубахи и бороды.

— Неужто за это?

— Главнымъ образомъ за это.

— Да какъ же все случилось? Разскажите все, что было съ вами съ того дня, какъ мы съ вами простились въ Херсонѣ.

— Слишкомъ много разсказывать, да и тяжело, признаться.

— Нѣтъ, это облегчитъ вамъ душу, наше къ вамъ участіе, мы какъ родные...

— Да какъ вамъ сказать! Все это такъ просто, а между тѣмъ такъ ужасно... Въ Петербургѣ, воротясь изъ Херсона, я ничего не нашелъ кромѣ оскорбленія.

— Какъ! Отъ кого?

— Отъ Чернышева... Меня выбросили, какъ выѣденное яйцо... Но я спѣшилъ домой, меня тамъ ждала невѣста... Да только вмѣсто невѣсты я нашелъ ея могилу, да забытыя ею у меня на столѣ шляпу и перчатку...

— Ахъ, голубчикъ! Вотъ горе-то!

— Да что объ этомъ! Если бы умерла она, это бы еще ничего: Богъ далъ, Богъ и взялъ... А то ее заставили утопиться изъ-за меня.

— Господи! Да кто же это!

— Отецъ... Что потомъ было, ну, да объ этомъ я могилѣ разскажу... А тамъ меня разорили, и меня и душу мою ограбили.

— Кто же, голубчикъ?

— Да все люди, которымъ я вѣрилъ... Потомъ меня же осквернили: душу мою, что ограбили у меня, бросили подъ ноги животному... И все это властители и судіи надѣлали. Вмѣсто

людей я нашелъ звѣрей, вышедшихъ изъ лѣсу и облекшихся въ шитые кафтаны.

— Понимаю... Видывалъ и я такихъ.

— Я бѣжалъ отъ нихъ, какъ Іоаннъ, въ пустыню, и только тамъ нашелъ людей.

— Гдѣ же это, голубчикъ?

— Тамъ, куда звѣри въ шитыхъ кафтанахъ не заходятъ: я ушелъ къ гонимымъ, къ отверженнымъ, и тамъ нашелъ людей... Это простые люди, мужики, да душу-то свою они не промѣняли на шитые кафтаны... И я сбросилъ съ себя кафтанъ, надѣлъ ихъ рубаху, дѣлалъ ихъ дѣло, думалъ по ихнему, и нашелъ, что Руссо былъ правъ, совѣтуя человѣку одичать. Только я не успѣлъ одичать: я вышелъ изъ пустыни посмотрѣть, что дѣлаютъ звѣри въ кафтанахъ, и вотъ они меня загрызли... Удивительно только! Звѣрье всякое повышло изъ лѣсу, надѣло на себя шитые кафтаны да рясы, а людей позагнали въ лѣса...

Шастовъ, повидимому, многаго не понималъ изъ того, что говорилъ Кравковъ, но онъ помнилъ, что у него и прежде была эта манера говорить какъ-то иносказательно, полузагадками и сравненіями.

— И долго вы тамъ пробыли?—старался онъ выпытать у собесѣдника болѣе ясныя свѣдѣнія о его прошломъ.

— Въ скитахъ-то?

— Да... А вы развѣ въ скитахъ жили?

— Въ скитахъ, въ иргизскомъ кадетскомъ корпусѣ,—улыбнулся онъ,—только не въ шляхетскомъ, а въ мужичьемъ, въ сиволапомъ.

— Да за что же васъ собственно осудили?

— Ей-Богу не знаю: читали мнѣ длиннѣйшую резолюцію, изъ коей я ничего не понялъ: ни то я раскольникъ, ни то я сумасшедшій, ни то одержимый фанатизмою.

— Такъ за это только?

— За это, за фанатизму: а фанатизма моя вся въ томъ и состоитъ, что я не похожъ на нихъ, не кусаюсь и не мучу никого именемъ Христовымъ, какъ они.

— И къ чему же васъ присудили?

— Къ заточенію до смерти

— Господи! На вѣчное заточеніе.

— На вѣчное и одиночное... Позволили только похоронить

меня, когда умру, по церковному чиноположенію, да дозволяли еще, съ разрѣшенія коменданта, сдѣлаться подобнымъ имъ зрѣремъ, когда того пожелаю.

— Какъ это?

— Да когда я открою попу свое заблужденіе, а какое, я и самъ не знаю, и когда пожелаю присоединиться къ церкви.

— А развѣ вы отъ нее отреклись?

— Меня обвиняютъ въ этомъ за то, что я вѣрю только словамъ Христа, а не ихъ искаженіямъ этихъ словъ: вотъ за Христа-то на меня и взъѣлся Шешковскій... Вѣрь Вяземскому, а не Христу, это значитъ присоединиться къ церкви... Э! Да что я объ этомъ говорю! Развѣ я первый? Обидно то, что я и не послѣдній.

Дѣйствительно, онъ не былъ послѣднимъ. Ровно сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Екатерина II сказала великую истину, поставленную въ эпиграфѣ этой повѣсти, что «въ шестьдесятъ лѣтъ исчезнутъ всѣ расколы, если только заведутся и утвердятся народныя школы и если по отношенію къ раскольникамъ не будутъ употреблять насилія», но расколы до сихъ поръ не исчезли. А почему? На это я отвѣчать не рѣшаюсь, тѣмъ болѣе, что отвѣтъ тутъ ясенъ для всякаго, даже не учившагося въ семинаріи.

ТУЛЬСКІЙ КРЕЧЕТЪ.

> А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, птицъ възбиваетъ, не дасть гнѣзда своего въ обиду. *Слово о полку Игоревѣ.*

I.

Тихимъ лѣтнимъ вечеромъ, когда сумерки уже совсѣмъ спустились на землю, сверху по рѣчкѣ Упѣ, мѣрно покачиваясь, плыла лодка. Тула, къ которой приближалась лодка, не ясно вырѣзывалась на темной синевѣ неба, то высокою, словно мачта

колокольнею, то неровными уступами крѣпостной стѣны, и огоньки, мигавшіе то тамъ, то сямъ въ отдаленіи, казались свѣтляками въ Иванову ночь. Слышенъ былъ иногда тихій плескъ воды отъ опускавшихся въ нее и подымавшихся веселъ...

— Да ты перестань, Воскря, веслами-то баловать: и такъ доплывемъ, рано еще...

— Нѣтъ, Поноша, мнѣ пора домой: къ завтрему, къ пріѣзду государыни, мой Кречетъ велѣлъ изготовить всеподданнѣйшій докладъ по одному весьма деликатному дѣлу.

— Успѣешь, ты вѣдь извѣстный на все намѣстничество строчила...

— Не слушайте, Воскря, Францеля Венеціана, пойте, а то скоро городъ, неловко будетъ,—послышался молодой женскій голосъ.

— Ладно...

И здоровый мужской голосъ затянулъ протяжную, нѣсколько заунывную пѣсню:

Не было вѣтру, не было вѣтру—вдругъ навя-ануло,
Не ждала гостей, не ждала гостей—вдругъ наѣ-ехали:
Полонъ дворъ, полонъ дворъ—воро-ны-ихъ коней...

— Да, и къ намъ завтра гости нагрянутъ... Коней-то, коней-то что будетъ!

— Да, до шестисотъ лошадей на каждой станціи заготовили, не шутка это.

— Еще бы! Подъ одной свитой государыни четырнадцать большихъ каретъ, да подъ дворцовой челядью со всѣми приспособленіями да уготовленіями сто двадцать шесть меньшихъ каретъ, фургоновъ, повозокъ и всякой иной околесины...

Полны горницы, полны горницы—моло-ды-ихъ гостей,
Полны свѣтлицы, полны свѣтлицы—красныхъ дѣ-эвушекъ...

— А что народу, говорятъ, по всей дорогѣ нагнали! Иныхъ, говорятъ, верстъ за сто и больше отъ тракту сбивали словно на барщину, дорогу ровнять,

— Да это что! Дорогу и мосты поправить всегда не лишнее. А то вотъ что выдумалъ нашъ Кречетъ, свѣтлѣйшему Потемкину подражать: велѣлъ согнать народъ къ дорогѣ тысячами, да чтобъ всѣ были въ праздничномъ одѣяніи, въ красномъ да пестромъ,

да чтобы «у всѣхъ на лицахъ изображено было неизреченное блаженство и нарочитое радостное умиленіе, со вѣрноподданнически почтительною веселостію сопряженное», какъ именно значится въ ордерахъ, что мы разослали по пути слѣдованія государыни...

— Ха-ха-ха! Неизреченное блаженство при голодухѣ-то!

— Вотъ смѣшно! Почтительное веселіе сопряженное!— смѣялся женскій голосокъ.

— Да, смѣйтесь, милыя государыни мои, а мнѣ было не до смѣху, когда Кречетъ-то приказывалъ мнѣ таковые ордеры строчить...

Подломилися, подломилися—сѣни но-овыя,
Съ частымъ-мелкими, съ частымъ-мелкими—переру-убами...

— Этого мало. Со всего намѣстничества мы велѣли согнать весь скотъ и лошадей къ почтовому тракту, чтобы когда будетъ ѣхать государыня, такъ видѣли бы по обѣимъ сторонамъ дороги пасущіяся стада скота и табуны лошадей, и чтобы пастушки одѣты были по буколикѣ, эдакими, знаете, амурами да пейзанами и чтобы на свирѣляхъ нѣчто чувствительное наигрывали.

— Ха-ха-ха! Какой вы, право, шутникъ!

— Да я вовсе не шучу, государыни мои: мы нарочито такъ распорядились.

— Что вы! Можно ли это!

— У насъ все можно... Я третьяго дня проѣзжалъ съ губернаторомъ осматривать этотъ путь для доклада намѣстнику, такъ диву дался: тѣ деревушки, у которыхъ, за неимѣніемъ корму, голодная скотина крыши соломенныя съѣла, такъ теперь покрыты казенною соломою заново, избы подмазаны и выбѣлены, а иныя деревушки совсѣмъ снесены, которыя побѣднѣе...

— А какъ же мужики? Гдѣ они будутъ жить?

— Это ихъ дѣло... На мѣсто ихъ разрушенныхъ избушекъ Заборовской Иванъ Андреичъ, губернаторъ, премилый баринъ! наставилъ разныхъ разрисованныхъ декорацій съ гротами и нимфами, издали-то, дескать, примутъ за настоящее... Рай да и только!

— Гдѣ же вы набрали этихъ нарисованныхъ деревень съ нимфами?

— А на-прокатъ взяли у тѣхъ губернаторовъ, у потемкин-

скихъ, гдѣ государыня уже проѣзжала и умилялась благосостояніемъ ея подданныхъ...

— Ахъ, какой наглый обманъ!—протестовалъ свѣжій женскій голосокъ.

— Обманъ, точно-съ, и наглый, да что подѣлаете съ Кречетомъ-то, съ Михаилъ Никитичемъ? У него все на показъ да на прокатъ взятое, даже честность... Я докладывалъ ему: не надо-де государыню обманывать, она-де, милостивая мать наша, пожалѣетъ о бѣдности своего народа, войдетъ въ его положеніе... Такъ и слушать не хочетъ: съ ней-де ѣдутъ иностранные послы, такъ они-де острамятъ нашу матушку Россію на всю Европу...

Не плачь-но, не плачь-но—душа Марьюшка,
Я построю тебѣ, построю тебѣ—сѣни но-овыя...

Пѣсня замирала далеко въ сонномъ воздухѣ. Лодка почти не двигалась...

— Ахъ, какъ хорошо! Всегда бы тутъ стоять, всю ночь до зари,—задумчиво сказалъ другой женскій голосъ.

— Нѣтъ, я люблю больше утро, чѣмъ ночь,—отвѣчалъ тотъ голосъ, что пѣлъ,—когда просыпается природа, ахъ, какъ она тогда хороша!

— Точно просыпающаяся Аполлинарія Николаевна,—замѣтилъ тотъ, котораго окликали Поношей.

— А развѣ вы видѣли меня просыпающуюся, гадкій Поношка!—рѣзко отозвался женскій голосъ.

— А какъ-же-съ! Очень часто-съ...

— Ахъ, гадкій Поношка! Когда же это?

— Всякій разъ, когда вы играете со мной въ «Титовомъ милосердіи» и когда является... (Молчаніе).

— Кто? Кто является?

— Онъ... (Опять молчаніе).

— Ахъ! Говорите, гадкій Поношка, кто онъ?

— «Титъ»... «милостивый»...

— Ну, ужъ! Вотъ еще!..

Лодка силою теченія все ближе и ближе подвигается къ городу. Въ темнотѣ рисуется едва замѣтный силуэтъ моста, перекинутаго черезъ Упу. Городскіе огоньки блестятъ ярче, отражаясь въ водѣ. Явственнѣе доносится лай собакъ.

— А что еще пишетъ Храповицкій вашему Кречету изъ Крыма?

— Много интереснаго: въ восхищеніи отъ Крыма, Севастополя и отъ Бахчисарая... Государыня не нарадуется этому пріобрѣтенію и всю честь сего дѣла относитъ къ Потемкину: жаль, говоритъ императрица, что не тамъ построенъ Петербургъ... Всѣ-де завоеванія императора Петра на сѣверѣ не стоютъ одного Крыма.

— Да оно и точно.

— Описываетъ еще тріумфальныя ворота въ Перекопѣ и въ Кременчугѣ: на перекопскихъ написано золотомъ: «предпослала страхъ и принесла миръ»; а на кременчугскихъ: «возродительницѣ сихъ странъ».

— А если все это только декораціи съ амурами?

— Что же! Безъ амуровъ и трава не растетъ.

— Не цвѣтетъ, скажи... Такъ ли, Аполлинарія Николавна?

— Я почемъ знаю...

Слышно было, какъ въ городскомъ саду, подъ крѣпостными стѣнами, трещалъ соловей...

— Вонъ и у него амуры на умѣ... Ужъ какъ малъ, а все же и его, какъ говоритъ Тредьяковскій—

...безпокоитъ Венеринъ амуръ—
Всякую голову мучитъ свой дуръ.

Лодка привернула къ берегу и пристала къ мосткамъ, сильно качнувшись. Дамы ахнули и ухватились за мужчинъ...

— То-то, за соломенку хватаетесь, Аполлинарія Николавна...

— Какая соломинка! Цѣлое бревно...

— Гдѣ ужъ намъ до тоненькаго «Тита»!

Изъ лодки вышли трое мужчинъ и двѣ дамы въ соломенныхъ шляпкахъ. Тотъ, котораго звали Францелемъ Венеціаномъ, и который разсказывалъ о приготовленіяхъ къ встрѣчѣ Екатерины, сталъ быстро прощаться.

— Ни-ни, милый человѣкъ, ни за что!—останавливалъ его тотъ, котораго звали Поношей.

— Нѣтъ, ей-же-Богу, у меня дѣло есть, этотъ всеподданнѣйшій докладъ,—отбивался Францель Венеціанъ, — да и будетъ ужъ, погуляли: обѣдали, пили, катались, природою наслаждались...

— А ужинать? Нѣтъ, братъ Францель Венеціанъ, безъ ужина не отпущу.

— Да, да, оставайтесь, Семенъ Никифоровичъ, — настаивали и дамы,—безъ васъ будетъ скучно.

— Эхъ, была не была!—И Семенъ Никифоровичъ махнулъ рукою.

II.

На другой день, именно въ день пріѣзда императрицы Екатерины II въ Тулу, 20-го іюня 1787 года, къ Семену Никифоровичу Веницееву, такъ звали катавшагося на лодкѣ правителя канцеляріи тульскаго и калужскаго намѣстника Кречетникова, рано утромъ прибѣжалъ дежурный чиновникъ и велѣлъ его разбудить.

Францель Венеціанъ, такъ звали Веницеева въ пріятельскомъ кружкѣ, съ трудомъ открылъ глаза: послѣ вчерашняго кутежа голова его вмѣщала въ себѣ невообразимый хаосъ, а лицо и глаза были красны. Онъ безсмысленно смотрѣлъ на посланнаго...

— Что тамъ случилось? — спрашивалъ онъ, хватаясь за голову.—Ахъ, моя бѣдная башка!

— Да случиться ничего, Семенъ Никифоровичъ, не случилось,—отвѣчалъ посланный,—только Михайло Никитичъ требуетъ васъ сію минуту.

— Ахъ, Боже мой! Это всеподданнѣйшій докладъ ему нуженъ... Доложите, что сейчасъ принесу.

Чиновникъ ушелъ. Веницеевъ отчаянно махнулъ рукой...

— Ахъ, проклятое бражничанье! Что я теперь буду дѣлать! Вѣдь у меня и строчки нѣтъ готовой... Дѣло-то помню, да на бумагѣ ничего нѣтъ... Архипъ!

Въ комнату вошелъ небритый, сухой старикъ, стриженный подъ гребенку, съ грязнымъ передникомъ и въ башмакахъ на босу ногу.

— Чего изволите, баринъ?

— Воды со льдомъ принеси въ сарай, да побольше, окачиваться буду.

— Слушаю-съ... Государыню встрѣчать изволите?

Веницеевъ съ нетерпѣніемъ махнулъ рукой и подошелъ къ зеркалу...

— Бражникъ, сущій бражникъ, — бормоталъ онъ.—Ахъ, проклятая гулянка! Ну, и вертись теперь съ докладомъ, какъ вьюнъ на пескѣ.

Менѣе, чѣмъ черезъ часъ, съ лицомъ, однако, все еще краснымъ, но нѣсколько болѣе благообразнымъ, Веницеевъ былъ уже въ кабинетѣ Кречетникова. Этотъ сановникъ, причислявшій себя къ «орламъ изъ стаи Екатерины», въ самомъ дѣлѣ старался казаться орломъ и корчилъ изъ себя Потемкина: лицо его всегда силилось «внушать» и потому отдавало деревянностью и надутостью... Языкъ, особенно съ подчиненнымъ, былъ отрывистъ, кочковатъ, голосъ грубый, словно лаянье большой собаки...

— Готовъ докладъ?

— Готовъ-съ, ваше превосходительство.

— Ну, такъ читайте!

Веницеевъ неторопливо полѣзъ въ портфель, вынулъ нѣсколько папокъ съ бумагами, положилъ на столикъ у окна, взялъ бѣлые, неисписанные листы и, закрывшись ими, сталъ медленно и внятно читать изложеніе «деликатнаго дѣла». Кречетниковъ, ходя по кабинету съ заложенными за спину руками, слушалъ его и иногда взглядывалъ въ большое зеркало, стараясь сдѣлать то внушительное, то очаровательное лицо, не замѣчая, что оно при этомъ дѣлалось совсѣмъ глупымъ... По временамъ онъ выглядывалъ въ окно и прислушивался къ шуму голосовъ на улицѣ, по которой съ зари сновалъ народъ... Веницеевъ все болѣе и болѣе входилъ въ роль: конецъ доклада вышелъ особенно звучнымъ, точно ломоносовская ода...

— Прекрасно, прекрасно!—соблаговолилъ Кречетниковъ похвалить чтеца, когда онъ кончилъ.

Веницеевъ поклонился и сунулъ бумагу въ папку.

— Теперь только подписать, подайте сюда...

Веницеевъ замялся и схватилъ папку подъ мышку.

— Подайте же, я подпишу,—настаивалъ Кречетниковъ,— у меня сегодня пропасть дѣла.

Веницеевъ сразу припомнилъ и вчерашнее катанье по Упѣ, и эту проклятую пѣсню «не было вѣтру, вдругъ навянуло», и ночную пирушку съ актрисами... «Не было горя, вдругъ навя-

нуло», ныло у него въ тяжелой, недоспанной головѣ... «навянуло!»...

— Ну, что же!

— Виноватъ, ваше превосходительство... Я читалъ то, что еще... не написано...

— Не написано!

— Виноватъ... вотъ здѣсь...

Кречетниковъ схватилъ бумагу, на ней не было ни слова...

— Какъ, вы осмѣлились не исполнить моего приказанія!.. Императрица будетъ въ Тулѣ непремѣнно къ обѣду, а я не представлю ей этого доклада... Вы, сударь...

Кречетниковъ задыхался... Веницеевъ ждалъ, когда пройдетъ первая вспышка...

— Вы, вы, сударь... Вы не исполняете вашихъ прямыхъ обязанностей, невнимательны къ моимъ приказаніямъ!..

Веницеевъ молчалъ, глядя на бѣлые листы бумаги... «Навянуло»... ахъ, чортъ, вотъ исторія...

— Императрица сама изволитъ интересоваться этимъ дѣломъ, а вы меня подводите...

Кречетниковъ снова зашагалъ по кабинету и нечаянно увидалъ свое лицо въ зеркалѣ: оно было непривлекательно... совсѣмъ невнушительное и неочаровательное...

Веницеевъ поймалъ моментъ...

— Прошу одного снисхожденія: позвольте мнѣ выполнить вчерашнее приказаніе въ присутствіи вашего превосходительства,—заговорилъ онъ.

— Поздно, сударь, поздно... Вы все бражничаете!

— Осмѣливаюсь увѣрить ваше превосходительство...

Кречетниковъ быстро повернулся къ Веницееву...

— Меня не въ чемъ увѣрять, когда я знаю, что вы всю ночь не были дома, вы находились въ кругу вашихъ пріятелей, весьма подозрительной нравственности...

«Вотъ тебѣ и на!.. Не было вѣтру, вдругъ навянуло... Ахъ, Поношка, Поношка... Ну, и задамъ же я тебѣ, ракалья»... Онъ молчалъ, понуривъ голову... «Пронеси, Господи»...

— Что же теперь намъ дѣлать, сударь? А?

— Еще успѣемъ-съ...

— Это невозможно!—Кречетниковъ глянулъ на часы

— Честью ручаюсь, что все будетъ готово.

— Хорошо, садитесь здѣсь и работайте, а я пойду, у меня просители, у меня голова кругомъ идетъ...

Онъ принялъ торжественную осанку и какъ пѣтухъ зашагалъ навстрѣчу куръ...

«У тебя кругомъ идетъ, а у меня вверхъ ногами», бормоталъ про себя Веницеевъ, усаживаясь за столъ и нагибаясь къ бумагамъ: «помоги мнѣ, памятушечка моя, ты всегда меня выручала!..»

«Не было вѣтру, не было вѣтру—вдругъ навянуло»...

— Ахъ, отвяжись ты, проклятая! — невольно вымолвилъ онъ вслухъ.

Веницеевъ писалъ, не подымая головы. Изрѣдка только онъ перелистывалъ лежавшее передъ нимъ дѣло, задумывался, грызъ перо, теръ переносицу, какъ бы въ ней ища вдохновенія, и снова писалъ. Привычная рука не дрожала... Перо скрипѣло ровно, энергически выводя круглыя буквы съ завитушками...

«А Поля-то прелесть... услада сердечная... Что это онъ вралъ о «Титовомъ милосердіи», невольно вспомнилось ему, когда онъ передохнулъ, — говорятъ, императрица охотно слушаетъ сію пьесу...

«Не было вѣтру, не было вѣтру»...

— Тьфу ты, дьяволъ!

И перо опять заскрипѣло... Бѣлые листы исписывались и сохли въ сторонѣ...

— Безъ песку... она, говорятъ, не любитъ, чтобъ пескомъ засыпали... Надо на «матернее милосердіе» напирать... А то «Титъ», ишь ты, ракалья, только Полю смущаетъ... Да, да, «матернее милосердіе», «матернее око», «матернее сердце» это хорошо...

Опять перелистыванье дѣла, треніе переносицы и скрипъ пера...

— Го-го-го-го! Мотрите-тко, какое е с т ь! Сажонное!—доносилось съ улицы рокотанье толпы.—Екатерина, значитъ, съ е с т е м ъ золотымъ пишется...

— Финисъ, важно!—откинулся на стулѣ Веницеевъ.—Вотъ и кончено...

«Не плачь-по, не плачь-по, душа Марьюшка»...

— Вотъ навязалась!.. А увижу ли близко самое государыню и этого, любимчика, Мамонова?.. «Бражничаете»... гм... и какъ онъ пронюхалъ?

Въ кабинетъ вошелъ Кречетниковъ.

— Готово?

— Готово-съ, ваше превосходительство, только сшить,— вскочилъ Веницеевъ.

— Подайте, я самъ прочту.

Кречетниковъ уже боялся быть обманутымъ второй разъ. Веницеевъ подалъ ему написанное и ждалъ, съ скрытой улыбкой поглядывая на своего начальника... На улицѣ становилось все шумнѣе.

Кречетниковъ долго и внимательно читалъ...

— Такъ, такъ... стиль хорошъ... и матернее око, это на мѣстѣ...

Записка прочитана, наконецъ... «А около естя, гляди-тко, голеньки робятки», доносилось съ улицы. «Это аньделочки, съ крылышками»... «Какіе аньделочки! Амуры-ста!» «Что ты врешь!..»

— Прекрасно! Теперь только я васъ прощаю,—выронилъ слово громоверженъ, подписывая докладъ.—Будетъ чѣмъ императрицу встрѣтить, она уже на пути къ намъ...

III.

Екатерина, дѣйствительно, находилась уже «на пути царственнаго шествія» въ Тулу...

Что это было за шествіе!..

Извѣстно, что императрица выѣхала изъ Петербурга для обозрѣнія, какъ выражалась сама, «своего маленькаго хозяйства», еще зимой, въ январѣ 1787 года. Современные «хвалители Семирамиды сѣвера» такъ описывали это «шествіе». «Начало года, вѣщаетъ историкъ Сумароковъ, представитъ намъ событіе великолѣпнѣйшее, достопамятное въ эпохахъ міра!.. Екатерина предпринимаетъ обозрѣть новое свое царство Тавриду, и цари поспѣшатъ во срѣтеніе ей!.. Шествіе слѣдовало на 14 большихъ каретахъ и на 126 саняхъ. Они занимали собою въ дорогѣ бо-

лѣе версты. Поселяне смотрѣли на то съ изумленіемъ. Порядокъ и довольство, соблюдаемые при дворѣ, сохранялись съ точностію и въ пути. Передовые гофъ-фурьеры приготовляли въ назначенныхъ мѣстахъ трапезы, ночлеги. Императрица, по обыкновенію, пробуждалась въ 6 часовъ и занималась дѣлами. Останавливались для обѣдовъ въ 2. По вечерамъ, послѣ разговоровъ и игры въ бостонъ, расходились въ 9 часовъ. Лишь перемѣнные чертоги напоминали о разлукѣ съ Петербургомъ. Какое пріятное общество изъ просвѣщенныхъ людей! Какая свобода, простота!.. Сколько разныхъ анекдотовъ!.. Иностранные министры сидѣли съ императрицею поочередно. Тогда продолжались жестокіе морозы, доходившіе до 17 градусовъ, и шествующіе кутались въ соболяхъ, попирали ногами богатые ковры... Повсюду встрѣчи отъ намѣстниковъ, губернаторовъ, дворянства, купечества! Повсюду колокольные звоны! Ночью горѣли на улицахъ костры дровъ... Простолюдины сбѣгались къ окнамъ своей повелительницы: она запретила отгонять ихъ и, показываясь, удовлетворяла любопытству»...

Это ли не «событіе, великолѣпнѣйшее, достопамятное въ эпохахъ міра»...

Другой «хвалитель», французскій посолъ графъ Сегюръ, лично слѣдовавшій въ этомъ «шествіи», гласитъ: «Наши кареты на высокихъ полозьяхъ какъ будто летѣли... Въ это время, во время самыхъ короткихъ дней въ году, солнце вставало поздно, и черезъ шесть или семь часовъ наступала уже темная ночь. Но для разсѣянія этого мрака восточная роскошь доставила намъ освѣщеніе; на небольшихъ разстояніяхъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, горѣли огромные костры изъ сваленныхъ въ кучу сосенъ, елей, березъ, такъ что мы ѣхали между огней, которые свѣтили ярче дневныхъ лучей. Такъ величавая властительница сѣвера среди ночного мрака изрекла свое: «да будетъ свѣтъ!».. Можно себѣ представить, какое необычайное явленіе представляла на этомъ снѣжномъ морѣ дорога, освѣщенная множествомъ огней, и величественный поѣздъ царицы сѣвера со всѣмъ блескомъ самаго великолѣпнаго двора»...

Нѣтъ, мы себѣ этого представить не можемъ... Гдѣ намъ!

Мы можемъ представить себѣ только «явленіе обычайное», не «царей спѣшащихъ во срѣтеніе царицѣ», а «поселянъ», «простолюдиновъ», согнанныхъ къ дорогѣ съ строжайшимъ на-

казомъ, чтобы «у всѣхъ на лицахъ изображено было неизреченное блаженство, съ почтительною веселостію сопряженное»...

Съ самаго ранняго утра Заборовскій вихремъ носился по дорогѣ, окруженный капитанъ-исправниками и другими, высшими и низшими чинами полиціи. Сколько челюстей было выбито въ это достопамятное утро, сколько скулъ сворочено на сторону, сколько спинъ отодрано за то, что на голодныхъ и измученныхъ лицахъ недостаточно изображалось «неизреченное блаженство» или же оно недостаточно «сопрягалось съ почтительною веселостью»!..

У одной группы мужиковъ и бабъ, пригнанныхъ къ дорогѣ изъ самаго дальняго угла Тульскаго уѣзда, Заборовскій замѣтилъ блѣдную, съ отекшимъ лицомъ бабу, которая вынимала изъ сумки какіе-то, какъ показалось Заборовскому, комья грязи и раздавала по кусочку этой невообразимой чернети плачущимъ дѣтямъ.

— Что это у тебя, бабка?—подскакалъ онъ къ группѣ.

Растерявшаяся баба изумленно смотрѣла на него. Мужики посымали шляпы и шапки.

— Какіе это у тебя комья грязи? — допытывался губернаторъ.

— Хлѣбецъ святой, батюшка, — отвѣчала догадавшаяся баба.

— Хлѣбъ! Такой хлѣбъ!

— Такой, кормилецъ... Да и такова, родимый, ужъ нѣту-ти.

Заборовскій вспылилъ и накинулся на всю группу.

— Лѣнтяи! Пьяницы! Весь хлѣбъ за зиму пропили!.. Если я еще у кого увижу тутъ кусокъ такой грязи, на мѣстѣ запорю! Въ Сибирь сошлю! Помните это!

У другой группы онъ увидѣлъ мужика въ лохмотьяхъ: старикъ-мужичекъ, опираясь на клюку, казалось, съ «неизреченнымъ блаженствомъ» смотрѣлъ на господъ, блиставшихъ золотомъ и мишурой... Въ самомъ дѣлѣ, онъ первый разъ въ жизни видѣлъ такой блескъ, какого доселѣ не видалъ ни на попахъ въ ризахъ, ни на образахъ въ своей бѣдной сельской церквишкѣ, и искренно радовался, что хоть «передъ смертушкой» Богъ сподобилъ видѣть его «экое, ахъ!»

— Ты какъ попалъ сюда, оборванецъ!—осадилъ своего коня

Заборовскій какъ разъ передъ посомъ зазѣвавшагося старика въ лохмотьяхъ.

— Ахъ, золотой мой! Въ экихъ ризахъ, батюшка!—съ умиленіемъ бормоталъ старикъ, уставившись очарованными глазами на блиставшаго златомъ губернатора.

— Какъ ты смѣлъ сюда явиться! — съ большимъ гнѣвомъ закричалъ Заборовскій.

— Пришелъ, золотой мой, матушку нашу кормилицу посмотрѣть, помолиться на ейный образъ.

— Въ такихъ-то лохмотьяхъ, пьяница!

— Такъ-ту, золотой мой, ничево-ничевошутки, я такъ и въ церкву хожу, къ самому Боженькѣ...

— Да вамъ приказано было одѣться чисто, по праздничному, намъ Богъ великій праздникъ посылаетъ: всепресвѣтлѣйшую императрицу встрѣчаемъ, а вы, канальи!..

— Ахъ, золотой мой: у меня нѣтути ничевошутки праздничово, это и праздничное.

И старикъ добродушно встряхнулъ своими лохмотьями и улыбался безъ всякой горечи...

— Такъ вонъ отсюда! Дальше отъ дороги!.. А увижу, закатаю!

Въ третьемъ мѣстѣ онъ, дѣйствительно, «закаталъ» пастушка, который отлучился «до вѣтру» отъ пригнаннаго къ дорогѣ стада...

Недаромъ въ «Дневникѣ» Храповицкаго черезъ нѣсколько дней послѣ этого записано: «Надежда на Заборовскаго въ хорошемъ управленіи губерніями, ему порученными: въ немъ замѣчена твердость»...

Въ то время, когда Заборовскій сѣкъ «пастушка», вдали разставленные вдоль дороги конные махальщики замахали, и все оцѣпенѣло въ ожиданіи...

IV.

Въ «Дневникѣ» Храповицкаго подъ 20-мъ іюня этого года записано: «Пріѣхали къ обѣду въ Тулу».

Мое перо не въ силахъ изобразить всю прелесть и торжественность царственнаго вшествія въ этотъ городъ, съ такимъ искусствомъ устроеннаго Кречетниковымъ и Заборовскимъ, и

еще менѣе перо мое въ состояніи будетъ изобразить чувства, одушевлявшія собравшихся изъ сосѣднихъ уѣздовъ и губерній россіянъ. Мы предоставимъ описаніе это очевидцу, слова котораго воспроизведены въ 1842 году «Москвитяниномъ»:

«Еще за нѣсколько дней до прибытія великой государыни,— говоритъ почтенный очевидецъ, — множество дворянъ и даже простолюдиновъ пріѣхали и пришли къ намъ изъ Рязанской, Тамбовской, Воронежской и Калужской губерній, чтобы видѣть ее, поклониться ей и, если можно, сказать: «Матушка! Мы твои вѣрные подданные, любимъ, обожаемъ тебя и благословляемъ судьбу, благодаримъ Бога, что мы русскіе».

«Съ самой зари того незабвеннаго дня, въ который ожидали высочайшаго прибытія, все уже поднялось на ноги, всѣ, какъ говорится, разряженные въ пухъ, спѣшили на Кіевскую улицу, чтобы занять лучшее мѣсто. Рогатки, брошенныя поперекъ переулковъ, упирающихся въ Кіевскую улицу, прервали сообщеніе. Канаты протягивались отъ крѣпости до тріумфальныхъ воротъ, сооруженныхъ по этому случаю, и ѣзда по ней совершенно прекратилась. Однѣ колонны гражданъ торопливо шли за городъ, другія въ поле; но вся масса народа двигалась и стояла по Кіевской улицѣ. Многіе помѣстились на кровляхъ домовъ, у открытыхъ окошекъ которыхъ чинно и жеманно сидѣла тульская аристократія и дамы средняго состоянія. И всѣ говорили объ одномъ предметѣ, и всѣ одушевлялись одною мыслью, однимъ желаніемъ: скорѣе увидѣть матушку-царицу. Да, съ позволенія вашего, понимаете ли вы это слово: «Матушка!» Не думаю! Надобно жить нашимъ умомъ, нашими чувствами и въ наше время, чтобы вполнѣ понять всю его силу и значеніе. Вѣдь его не выразятъ никакія сладкія слова, не объяснитъ никакой академическій лексиконъ: это языкъ нашего народа, какъ цѣлой націи великой имперіи, которой подсказало его сердце, и звуки русскаго слова выразили: мать отечества!.. Посмотрѣли бы вы тогда на этотъ веселый народъ, послушали бы вы его радостнаго говору!.. Не ищите народности въ книгахъ, она живетъ въ толпѣ простолюдиновъ. Трудно ее схватить: она почти неуловима»...

«Въ восемь часовъ утра намѣстникъ нашъ Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ проѣхалъ верхомъ по Кіевской улицѣ за городъ, отдавая на пути приказанія его окружающимъ. Какъ теперь помню, день былъ прекрасный. Уже солнце подходило къ

полдню, а матушки все еще не было. Да скоро ли ты, наша родная, къ намъ пожалуешь, говорили многіе, и всѣ смотрѣли туда, отколь ожидали ненаглядную... И вотъ въ исходѣ перваго часа громъ артиллеріи, бѣглый оружейный огонь, звонъ колоколовъ и отдаленное ура раздались и потрясли воздухъ. Сладостныя, блаженныя минуты! Вы памятны намъ, старожиламъ. Наконецъ, какъ бы пришедъ въ себя отъ упоительнаго самозабвенія, сказали другъ другу: «Матушка ѣдетъ! Матушка ѣдетъ!» И парадная карета, вся въ золотѣ, съ коронoю на имперіалѣ, съ восьмью опущенными стеклами, въ которой сидѣла императрица, быстро въѣхала въ городъ и помчалась внизъ къ крѣпости. Намѣстникъ и губернаторъ, оба верхами, скакали первый по лѣвую, а второй по правую сторону кареты. Кромѣ военныхъ генераловъ и штабъ-офицеровъ, цѣлый эскадронъ драгуновъ съ обнаженными палашами конвоировали Великую. Вслѣдъ за ней тянулись вереницею придворные экипажи: мы потеряли имъ счетъ, такъ много было ихъ въ этомъ блестящемъ и великолѣпномъ поѣздѣ. Августѣйшая путешественница, съ милостивыми взглядами, съ очаровательною улыбкой изволила раскланиваться на обѣ стороны торжествующему народу, оглашавшему воздухъ радостными кликами. Императрица остановилась во дворцѣ, находившемся на оружейномъ заводѣ, тамъ, гдѣ нынѣ воздвигнуто громадное зданіе, извѣстное подъ именемъ паровой машины. Волны народа хлынули на Дворцовую площадь. Оба берега Упы и оба моста, перекинутые чрезъ эту рѣку, амбразуры на крѣпости, обращенной къ заводу, унизаны были любопытными»...

«Между тѣмъ какъ множество красивыхъ лодокъ скользило по Упѣ, и все находилось въ дѣятельномъ движеніи, матушка-царица благоволила подойти къ открытому окну и привѣтствовала народъ поклономъ. Народъ, увидѣвъ самодержавную, вмѣсто отвѣта грянулъ свое любимое: ура! Но стоявшіе позади государыни графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ и оберъ-камергеръ Шуваловъ дали знакъ рукою, и все замолкло. Великая вторично поклонилась и довольно громко сказала: «Здравствуйте, дѣти!» Тогда восклицаніямъ не было конца, многіе упали на колѣни, и у каждаго прошибла горячая слеза на глазахъ»...

«О, если бы можно было ювелиру оправить въ золото эту крупную, горячую слезу народную, какъ оправляютъ они до-

рогіе каменья, она была бы для насъ драгоцѣннѣе брилліанта!»..
«Въ вечеру того же дня государыня была въ театрѣ, находившемся на площади, гдѣ теперь построенъ экзерцицъ-гаузъ. Общее желаніе публики требовало: «Титова милосердія». Но по высочайшей волѣ отмѣнили эту трагедію, а дали «Хваступа», сочиненнаго Княжнинымъ. Тогда «Хвастунъ» былъ въ почетѣ: рѣдкіе не знали изъ этой комедіи хоть нѣсколько стиховъ. Спектакль шелъ превосходно. Государыня изъявляла удовольствіе свое, аплодировавъ актерамъ, изъ которыхъ двухъ тогда же приказано было отправить на казенный счетъ въ Петербургъ. Нашъ Пономаревъ (это знакомый уже намъ «Поноша», что вчера вмѣстѣ съ Веницеевымъ, «Воскрею» и двумя дамами- актрисами катались на лодкѣ по Упѣ, пѣли, а потомъ всю ночь прокутили у «Поноши» на именинахъ) сдѣлался извѣстнымъ впослѣдствіи. Заборовскій поднесъ Екатеринѣ Великой оду, сочиненную на ея прибытіе г. Воскресенскимъ (это «Воскря»-то, что вчера пѣлъ «не было вѣтру, вдругъ навянуло»), студентомъ московскаго университета, уже служившимъ въ приказѣ общественнаго призрѣнія. Воскресенскому прислали приличный подарокъ и сверхъ того ему приказано было сказать, что его стихотвореніе «очень хорошо»...

«Когда императрица поѣхала изъ театра, блистательная иллюминація уже освѣщала весь городъ. Огромная прозрачная картина съ ея вензелевымъ именемъ (это картина, какъ толковалось на улицѣ, «съ естемъ золотымъ») и эмблематическими изображеніями во вкусѣ того времени (это «анделочки голеньки») поставлена была напротивъ дворца, по ту сторону Упы. Къ каждому боку этой великолѣпной картины примыкали два ряда высокихъ пирамидъ, обнизанныхъ тысячами шкаликовъ. Дворецъ, соборъ, оружейный заводъ и крѣпость казались облитыми яркимъ, ослѣпительнымъ огнемъ. По рѣкѣ плавала большая шлюпка, убранная разноцвѣтными фонарями, въ которой находились пѣсенники. Два оркестра военной музыки, помѣщенные на платформахъ, попеременно играли лучшія пьесы знаменитыхъ композиторовъ. Вездѣ волновался народъ веселый, радостный, счастливый, словомъ, каждый изъ насъ забылъ собственное горе и заботы, сопряженныя съ хлопотливостью, забылъ и вражду, все, все забылъ, кромѣ одной отрадной мысли, что мы завтра увидимъ нашу самодержавную, нашу добрую, при-

вѣтливую государыню, нашу матушку-царицу. Умники говорятъ, что на землѣ нѣтъ блаженства, пустое! Будьте вѣрными подданными, исполняйте совѣстливо и честно ваши обязанности, и вы согласитесь со мною, что и на землѣ можно еще получить радости небесныя»...

Дѣйствительно, гдѣ «умникамъ» понять это! Да «умники» и не сумѣли бы изобразить все такъ, какъ это сейчасъ изображено, куда имъ...

V.

Тѣмъ же вечеромъ, скорѣе ночью, послѣ театра, далеко за полночь уже, у Веницеева собрались его пріятели, которыхъ онъ созвалъ, какъ выражался самъ, «для вспрыснутія монаршей милости». Что это была за «милость», пока еще никто изъ друзей Веницеева не зналъ. На «спрыснутіе» явились Поноша, закадычный другъ Веницеева, который былъ большой любитель театра и поэзіи, другой актеръ, который всегда игралъ императора Тита въ «Титовомъ милосердіи» и котораго за это и прозвали «Титомъ милостивымъ», знакомыя уже намъ дамочки-актрисы, Аполлинарія Николаевна и Наташа Дикова и, наконецъ, Воскресенскій-Воскря. Все это была та же компанія, которая наканунѣ пріѣзда Екатерины въ Тулу каталась на лодкѣ вверхъ по Упѣ: къ нимъ присоединился не бывшій тогда и «Титъ милостивый».

Веницеевъ былъ въ наилучшемъ расположеніи духа, да и гости были веселы и одушевлены, исключая Аполлинаріи Николаевны, которая смотрѣла задумчиво и грустно.

Гости собрались въ кабинетѣ хозяина, въ просторной комнатѣ, удобно меблированной и не заваленной ни книгами, ни бумагами, а только украшенной нѣсколькими картинами буколическаго содержанія. У дверей стоялъ все тотъ же небритый Архипъ, но только въ башмакахъ уже не на босу ногу.

— Подавай прежде змѣю шипучую, а потомъ закуску, а потомъ опять змѣю,—скомандовалъ хозяинъ.

Архипъ исчезъ и тотчасъ же явился назадъ съ подносомъ и «змѣею» въ засмоленной бутылкѣ и поставилъ все это на столъ.

— Да ты прежде, Францель Венеціанъ, скажи, какая тебѣ «милость» вышла,—сказалъ Пономаревъ.

— А ты, Поноша, скажи «покажи», а не «скажи»,—весело перебилъ его хозяинъ.

— Ну, «покажи», посмотримъ.

Хозяинъ досталъ изъ стола маленькую шкатулочку и поставилъ на столъ.

— Открой,—лаконически сказалъ онъ.

— А если тамъ мышь? — отстранился Пономаревъ. — Я мышей боюсь.

— Не мышь...

— А если это Пандоринъ ящичекъ? — замѣтилъ Воскресенскій.

— Не Пандоринъ, а мой.

Воскресенскій приподнялъ крышку.

— Золотая табакерка!

— Вынь!

Онъ вынулъ.

— Батюшки, какая тяжелая! Чуть не уронилъ...

— Ахъ, какая прелесть!—ахнула Наташа Дикова.

— Открой, понюхай!—командовалъ хозяинъ.

Воскресенскій открылъ табакерку.

— Батюшки! Червонищи!

— Поздравляемъ! Поздравляемъ! — заговорили всѣ, протягивая хозяину руки.—За что это?

— Архипъ! Выпусти змѣю!

Архипъ сталъ откупоривать бутылку.

— Разскажи же, за что, Францушка? — спросилъ Пономаревъ.

— А вотъ слушайте. Воротившись отъ тебя съ пирушки далеко за полночь, я не помню, какъ добрелъ до постели...

— Я васъ довелъ, баринъ,—вмѣшался Архипъ, возясь съ бутылкой.—Вы все еще изволили говорить сами съ собой: «имѣю счастіе всеподданнѣйше доложить»...

— Такъ-такъ! Это я спьяну-то сочинялъ докладъ государынѣ, что мнѣ Кречетъ приказалъ изготовить къ утру... Воображаю, что мололъ...

Пробка хлопнула и ударилась объ потолокъ.

— Ахъ!—вскрикнула Наташа Дикова.

— Ничего-съ, сударыня, это не смертельно... Въ бокалы змѣю!—распоряжался хозяинъ.—Ну-съ, государи мои, умеръ я, лежу въ гробу у Морфея, вдругъ меня будятъ: къ намѣстнику-де-докладъ подавай... А у меня въ головѣ адъ кромѣшный и скрежетъ зубовъ—пожаръ въ головѣ... «Заливай, говорю, Архипъ, пожаръ!» Залили маленько... Являюсь къ Кречету, словно куръ изъ щей. «Что всеподданнѣйшій докладъ?»—рычитъ левъ. «Готовъ-съ», говорю... Вынимаю бумагу, а на бумагѣ пустыня аравійская: хоть бы буковка... Напрягаюсь, читаю словно пономарь: и «матернее милосердіе» тутъ и все эдакое... «Прекрасно!» рычитъ: «Давайте подпишу!» Туда-сюда... «Давай!» рычитъ... «Нечего, говорю, дать: пустыня аравійская»... Ну, и пошла писать...

Вдругъ всѣ расхохотались. Хозяинъ оглянулся и самъ, что называется, покатился со смѣху.

Подлѣ стола, опершись одною рукою на столъ, а другую заложивъ за жилетъ, стоялъ Пономаревъ «въ позѣ высокомѣрія». Всѣ узнали въ этой позѣ Кречетникова: такъ хорошо Пономаревъ его передразнивалъ...

— Такъ вы, сударь, осмѣлились не исполнить мое приказаніе!

— Виноватъ, ваше высокопревосходительство.

Пономаревъ сдѣлалъ видъ, что Кречетниковъ, польщенный «высокопревосходительствомъ», дѣлаетъ еще болѣе глупое лицо, но смягчается.

— Ну, такъ вотъ-съ, ваше высокопревосходительство, я и сѣлъ тамъ же строчить и настрочилъ... А когда пріѣхала государыня, то черезъ часа два ко мнѣ въ канцелярію влетаетъ самъ Заборовскій... «Великая государыня, говоритъ, васъ требуетъ»... У меня, признаюсь, душа дальше пятокъ ушла... Иду ни живъ, ни мертвъ... Принимаютъ милостиво, съ очаровательною, ангельскою улыбкою... А тутъ кругомъ кладбище да небеса: кресты да звѣзды, ленты да косы, боги олимпійскіе, а не люди... Слышу ангельскій гласъ, это сама изволитъ говорить: «Вашъ докладъ я прочитала съ особеннымъ удовольствіемъ. Охраняйте Михайла Никитича: онъ человѣкъ военный и легко можетъ ошибиться въ дѣлахъ гражданскихъ»... Да мнѣ вотъ сію сокровищницу, скипію завѣта (онъ указалъ на золотую табакерку), въ лапы мои скверныя и вложила... Я бацъ на полъ, къ ножкамъ

ангельскимъ, да и ну ревѣть кабапомъ... Такъ меня самъ Кресчетъ изволили любезно вывести...

— Браво!—закричалъ Пономаревъ.—Урра!

— Урра!—подхватили гости, а дамы хлопали въ ладоши.

— Теперь берите змія за хвостъ, разомъ, государыни мои и государи!—воскликнулъ хозяинъ.

Всѣ взяли по бокалу. Хозяинъ поднялъ свой надъ головою, а другой рукой приглашалъ гостей къ вниманію.

— За драгоцѣнное здравіе мудрѣйшей изъ царей земныхъ и царицъ, матери отечества!

— Урра! Урра!

Когда было выпито за здоровье императрицы и гости сѣли, Воскресенскій всталъ и поднялъ руку.

— Смотрите, господа, что это!—громко сказалъ онъ, выставляя указательный палецъ.

На пальцѣ блеснуло что-то иридіевыми блестками.

— Что такое! Что, покажи, Воскря!

На пальцѣ оказался золотой перстень съ брильянтомъ.

— Откуда это?

— Государыня пожаловала за поднесенную ей оду...

— Твою?

— Мою.

— Ахъ, тихоня! Когда-жъ ты поднесъ ее?

— Не я поднесъ, а губернаторъ... И мнѣ изволили прислать сіе благополучіе и повелѣли сказать, что стихотвореніе мое «очень хорошо»...

— Каковъ тихоша! Недаромъ онъ вчера все пѣлъ: «Не было вѣтру, вдругъ навянуло»... И точно вдругъ на всѣхъ «навянуло»... На нее, на матушку нашу, мало молиться...

Всѣ разсматривали перстень, хвалили. Одна Аполлинарія Николаевна сидѣла грустная и молчаливая.

— Вы что такая скучная, богиня моя?—ласково спросилъ ее хозяинъ.

— У насъ горе,—отвѣчалъ вмѣсто нея Пономаревъ.

Аполлинарія Николаевна вспыхнула.

— Какое у васъ горе, богинюшка?—настаивалъ хозяинъ.

— Большое, — снова отвѣчалъ Пономаревъ, — ужъ намъ (онъ сдѣлалъ удареніе на словѣ «намъ») не придется больше вмѣстѣ съ милою богинюшкою играть «Титово милосердіе».

— Почему же?

— Да и на насъ съ «Титомъ милостивымъ» тоже «навяпуло»...

— Что такое? Я ничего не понимаю.

— Такъ слушай и понимай. Когда мы сегодня кончили «Хвастуна» и не успѣли опомниться отъ радости, что намъ сама всемилостивѣйшая государыня изволила своими ангельскими ручками плескать, какъ за кулисы входитъ самъ...

Пономаревъ остановился...

— Кто самъ?—допытывался хозяинъ.

Вдругъ всѣ разсмѣялись... Пономаревъ опять изображалъ Кречетникова...

— Государыня императрица, — началъ онъ голосомъ и манерою намѣстника, и лицо его было надуто и необыкновенно смѣшно,—изволила остаться весьма довольною вашею и вашею (онъ кивнулъ по направленію къ «Титу милостивому») игрою и повелѣть соизволила объявить вамъ свою монаршую волю и милость: государыня приказала отправить васъ на петербургскую сцену на счетъ ея величества...

Веницеевъ со слезами на глазахъ бросился цѣловать обоихъ актеровъ...

— А какъ же мы-то тутъ безъ васъ? — какъ бы спохватился онъ.

— И вы съ нами,—отвѣчалъ Пономаревъ.

— Какъ же это, Поноша, другъ?

— А вотъ какъ... Вашъ Кречетъ скоро высоко возлетитъ и очутится въ Питерѣ, и ты съ нимъ, а значитъ и съ нами.

— Ну, другъ, это еще покрыто мракомъ...

— Нѣтъ не мракомъ... Не далѣе какъ сегодня я уловилъ за кулисами разговоръ его съ губернаторомъ, хоть они шептались: соколъ-то твой говорилъ Заборовскому, что государыня осталась необыкновенно довольна всѣмъ, что видѣла по дорогѣ въ предѣлахъ его намѣстничества, и сказала якобы ему: «спасибо вамъ, Михайло Никитичъ: я нашла въ Тульской губерніи то, что желала бы найти во всѣхъ другихъ губерніяхъ»...

— Это правда: государыня такъ именно и изволила выразиться.

— Но это не все,—перебилъ его Пономаревъ,—главное-то изъ того, что я подслушалъ, не сказалъ.

— Что жъ это такое, другъ?

— А вотъ что... Соколъ-то твой и говоритъ Заборовскому: «вамъ, Иванъ Александровичъ, говоритъ, я обѣщаю свое намѣстничество, исходатайствую, а за себя я уже просилъ Нарышкина, Льва Александровича, чтобъ меня-де поставили поближе къ государынѣ, въ Питеръ... Хоть онъ-де, говоритъ, Нарышкинъ, играетъ роль шута у государыни, новаго-де Балакирева изображаетъ, однако-де, въ милости у государыни обрѣтается, въ фаворѣ, ибо смѣшитъ ее послѣ обѣда для пищеваренія—и онъ-де мнѣ обѣщалъ свою протекцію»...

— О! Въ такомъ случаѣ изъ этого ничего кромѣ зла не выйдетъ,—замѣтилъ Венцеевъ.

— Почему же?

— Ты не знаешь Заборовскаго, другъ мой: онъ подкапывается очень искусно подъ Кречета, и повѣрь мнѣ, напакоститъ ему за сегодняшній разговоръ, вотъ увидишь.

— Чѣмъ же онъ можетъ напакостить?

— А тѣмъ, что сегодня же передастъ Нарышкину этотъ разговоръ, самъ выскочитъ, а Нарышкинъ завтра же такого поднесетъ Кречету, что тотъ и не расхлебаетъ...

VI.

Нарышкинъ дѣйствительно «поднесъ»...

Утро. Солнце только что выглянуло изъ-за горизонта и брызнуло пурпуромъ на золотые кресты и церковныя маковки, на зубчатыя верхушки крѣпостной стѣны. День обѣщаетъ быть тихимъ, жаркимъ. Стрижи и ласточки, какъ просыпанный въ воздухѣ макъ, рѣютъ вокругъ церквей и надъ крѣпостными стѣнами, словно торопясь прожить свой короткій вѣкъ и уловить всѣ его нехитрыя радости...

Императрица, съ перомъ въ рукѣ, откинувшись на креслѣ, задумалась. Передъ нею на столѣ лежитъ неконченное письмо. Лѣвой рукой она задумчиво перебираетъ и какъ бы выглаживаетъ кружева своего бѣлаго утренняго капота...

«Да, невиданное, небывалое царство... Что царство македонское, что Римъ, что Византія, что имперія Карлова!.. Встали бы они да посмотрѣли на м о е царство... м о е... вотъ въ этой слабой женской рукѣ оно, въ моемъ женскомъ сердцѣ оно все,

необъятное... И я его всего не видѣла, не исходила, жизни не хватитъ, чтобы видѣть все то, что моё... И я его пріумножила... Ангальтъ-Цербстъ... о, мое маленькое, дѣтское гнѣздышко!.. Гдѣ оно? Маленькое, маленькое, дорогое... А въ этомъ гнѣздышкѣ я мечтала быть принцессой такого же маленькаго гнѣздышка, какого-нибудь Зигмарингена... Бѣдное гнѣздышко! Я промѣняла тебя на орлиное гнѣздо...

«Царица савская... Царица сѣвера... нѣтъ и юга, знойнаго, жаркаго юга... царица Тавриды... царство Митридата Великаго стало моею губерніею... тавроскифы мои подданные... Я была въ гостяхъ у дочери Агамемнона, у Ифигеніи, моей подданной... Царство Гиреевъ — мое царство... Херсонесъ, гдѣ крестился Владиміръ святой, Херсонесъ мой... Кафа, гдѣ томились въ цѣпяхъ и продавались на рынкахъ невольники, моя Кафа... Что пріобрѣлъ Петръ на сѣверѣ, то бѣдно, жалко... что пріобрѣла я на югѣ, богато, роскошно... Это лучшіе алмазы въ моей коронѣ...

«Скоро двадцать пять лѣтъ, какъ я царствую... 28-го іюня будетъ двадцать пять лѣтъ, черезъ недѣлю... А какъ недавно было то, кажется, недавно, словно вчера... Ночь, мрачная, томительная, а впереди—либо монастырская келья, либо темный казематъ, либо... и вдругъ яркій день и тронъ мой, весь мой отъ нижней ступеньки до орла... и корона моя шапка Мономаха на головѣ ангальтъ-цербстской дѣвочки...

«Тяжела, говорятъ, шапка Мономахова... да, но только не для меня... Вотъ ни одного сѣдого волоса она не вплела своею тяжестью въ мою женскую косу»...

И императрица вынула изъ-подъ чепца прядь волосъ и задумчиво перебирала ихъ въ рукѣ...

«Нѣтъ, не посеребрила моей головы шапка Мономаха... А какъ, казалось бы, я должна была бы постарѣть! Какъ посѣдѣть! Чего не передумала моя голова за всю Россію въ эту цѣлую четверть столѣтія!»...

За дверью послышалось шуршанье бумагою.

— Кто тамъ?

— Храповицкій, ваше величество.

— Что?

— Стихи принесъ, что приказывали переписать, о Тавридѣ.

— Войди.

Въ комнату неслышными шагами вошелъ кругленькій, толстенькій, съ пухлыми щеками и завитою косою человѣчекъ и, низко поклонившись, подалъ императрицѣ четко исписанный листъ бумаги.

— Жарко сегодня?

— Прежарко, ваше величество.

— Потѣешь?

— Преужасно потѣю, ваше величество.

— Купайся чаще.

Екатерина встала и подошла къ окну. Передъ дворцомъ уже кучился народъ, глазѣя на окна, словно бы изъ каждаго должна была вылетѣть жаръ-птица. Полицейскіе съ алебардами внушительно показывали глазѣющимъ кулаки «не шумаркай-де, пишкни, ни-ни, разбудишь».

Едва императрица показалась у окна, какъ народъ, несмотря на полицейскихъ, рявкнулъ: «Матушка! Ура! Го-го-го-го!»

Екатерина отодвинулась съ улыбкою вглубь комнаты, но она не могла не замѣтить, что сквозь толпу пробирался ко дворцу Нарышкинъ, который несъ на плечѣ что-то круглое, черное, взоткнутое на трость, а въ лѣвой рукѣ какія-то двѣ птицы, вродѣ утокъ...

«Что бы это было такое? Что еще выдумалъ Левушка? Проказу какую-нибудь? Это недаромъ»...

Она обратилась къ безмолвно стоявшему у дверей Храповицкому.

— Тамъ я замѣтила Льва Александровича Нарышкина, онъ несетъ что-то такое странное... Вели дежурному камеръ-юнкеру позвать его ко мнѣ.

Храповицкій исчезъ.

«Я сегодня замечталась, такъ Левушка навѣрное чѣмъ-нибудь холоднымъ окатитъ мои грезы... Честный, вѣрный другъ... Сколько лѣтъ ужъ онъ бережетъ меня, четвертый десятокъ будетъ... не чета другимъ, не корыстолюбецъ, ничего не ищетъ»...

Въ комнату, отвѣшивая низкіе поклоны, вошелъ Нарышкинъ. Онъ былъ весь красный, видимо усталъ. На трости у него оказался черный, какъ черноземъ, ржаной хлѣбъ, проткнутый насквозь, а въ рукѣ пара застрѣленныхъ кряковыхъ утокъ.

— Что это такое, Левъ Александровичъ?—спросила, улыбаясь, изумленная императрица.

Нарышкинъ, преспокойно, неторопливо, съ серьезнымъ лицомъ, положилъ на столъ свою ношу и обтеръ фуляромъ вспотѣвшій лобъ.

— Это я принесъ вашему величеству тульскій ржаной хлѣбъ, да пару утокъ, которыхъ вы жалуете...

«Что-нибудь не такъ», промелькнуло въ головѣ императрицы, «подъ этой шуткой кроется что-нибудь серьезное... тульскій хлѣбъ... хлѣбъ дешевъ... народъ благоденствуетъ»...

— А по какой цѣнѣ за фунтъ купили вы этотъ хлѣбъ?— вдругъ спросила она.

— По четыре копѣйки за фунтъ, государыня.

Первый разъ, кажется, въ жизни Екатерина недовѣрчиво посмотрѣла на своего «шпыня Левушку».

— Быть не можетъ!—съ силою сказала она.—Это цѣна неслыханная...

— И невиданная, ваше величество.

— Какъ же мнѣ донесли, что въ Тулѣ такой хлѣбъ...

— Такой ли, государыня? Не «такой ли»? — Нарышкинъ сдѣлалъ удареніе.

Императрица подошла къ короваю и стала внимательно разсматривать эту черную, отвратительную массу «печистаго», какъ говорятъ мужики, хлѣба, то есть хлѣба не изъ одной муки.

— Да это не хлѣбъ! — съ ужасомъ воскликнула императрица.—Это земля! Почти земля!

— Нѣтъ, ваше величество, это... почти хлѣбъ...

— Боже мой! И эти комья земли ѣдятъ люди!

— Нѣтъ, государыня, пейзане... добрые мужички...

Императрица посмотрѣла на него строго...

— Не забывайтесь, Левъ Александровичъ!.. Въ такомъ дѣлѣ остроуміе неумѣстно...

Нарышкинъ почтительно поклонился. На лицѣ императрицы выступили гнѣвныя пятна...

— Какъ же мнѣ донесли, что въ Тулѣ здѣсь ржаной хлѣбъ не дороже одной копѣйки мѣдью?..

— Нѣтъ, государыня, это неправда; вамъ донесли ложно. Я самъ покупалъ на торгу этотъ хлѣбъ и знаю ему цѣну.

Императрица въ волненіи заходила по кабинету, боясь выглянуть въ окно...

— Удивляюсь,—продолжала она;—какъ же меня увѣрили,

что въ здѣшней губерніи былъ обильный урожай въ прошломъ году?

— Нынѣшняя жатва, ваше величество, можетъ, будетъ удовлетворительна, а теперь пока голодно...

Императрица снова посмотрѣла на Нарышкина, подошла къ столу, взяла лежавшій на немъ писанный листъ бумаги и молча подала своему шутливому оберъ-шталмейстеру.

Нарышкинъ посмотрѣлъ на бумагу, пробѣжалъ ее, это былъ вчерашній рапортъ Кречетникова, и снова положилъ на письменный столъ.

— Прочли?

— Прочелъ-съ... Можетъ быть, это ошибка... Впрочемъ, иногда рапорты бываютъ не достовѣрнѣе газетъ.

Императрица опять подошла къ столу и долго смотрѣла на то, что изображало собою подобіе хлѣба... Она глубоко задумалась... Съ площади доносился гулъ голосовъ...

«Такъ вотъ оно, мое величіе... на чемъ покоится оно... вотъ мои гордыя мечтанія... Бѣдные люди!.. Такъ вотъ отчего не посѣдѣли мои волосы подъ шапкой Мономаха... оттого... оттого, что въ моемъ царствѣ есть такой черный хлѣбъ... онъ чернитъ мою сѣдину... Изъ окна золотой кареты я не вижу, что ѣстъ мой добрый народъ... А я мечтала, я радовалась»...

Краска все болѣе и болѣе заливала ея лицо...

Она быстро оборотилась къ Нарышкину и протянула ему руку...

— Благодарю, всѣмъ сердцемъ благодарю васъ, другъ мой! Вы одинъ у меня честный и вѣрный другъ... Если бы не вы, я не знала бы правды...

Она говорила съ жаромъ, со слезами на глазахъ...

Нарышкинъ упалъ на колѣни и цѣловалъ ея руки...

— Матушка! Матушка! Вы великая царица! Вы святая, великая женщина.

— Благодарю... благодарю... нѣтъ, я... я все-таки женщина...

— Святая, великая!

— Встаньте, мой другъ.

Императрица подняла его. Нарышкинъ всталъ. Въ глазахъ Екатерины блеснулъ опасный огонекъ...

— Такъ Кречетниковъ обманулъ меня?

— Нѣтъ, государыня... это изъ усердія... чтобъ не огорчить васъ...

— Не огорчить! А что подумали бы обо мнѣ мои добрые подданные, которые питаются вонъ этимъ хлѣбомъ изъ земли?..

— И то не всѣ его имѣютъ...

— Что подумали бы они, еслибъ я приняла здѣсь балъ, предложенный мнѣ дворянствомъ, и веселилась бы въ то время, когда самые трудолюбивые изъ моихъ подданныхъ...

Она не договорила и посмотрѣла на хлѣбъ...

— Не имѣютъ даже и такого хлѣба? — подсказалъ Нарышкинъ.

— Да... Я и то дурно сдѣлала, что была вчера въ театрѣ.

— Нѣтъ, государыня, осмѣлюсь думать, что вы изволили хорошо поступить, посѣтивъ здѣшній театръ.

— Почему же?—удивилась Екатерина.

— Роль «Хвастуна» прекрасно игралъ какой-то здѣшній актеръ Пономаревъ.

— Да, я замѣтила его и велѣла взять на петербургскую сцену.

— Точно такъ, ваше величество... А изволили ли вы замѣтить, кого напоминалъ «Хвастунъ»? Кого игралъ Пономаревъ?

Императрица задумалась, потомъ улыбнулась...

— А!.. Немножко Кречетникова, кажется... да, да... То-то я вспоминала, на кого онъ похожъ...

— На Михайла Никитича.

— Точно, точно...

Она посмотрѣла на Нарышкина. Тотъ улыбался, стоя въ самой почтительной позѣ.

— Какое же отношеніе между театромъ и этимъ хлѣбомъ и голодомъ? (Императрица показала на столъ, гдѣ лежалъ хлѣбъ, потомъ на окно, за которымъ носились волны народнаго говора).

— Непосредственное-съ, — отвѣчалъ Нарышкинъ, — въ театрѣ я думалъ о Михайлѣ Никитичѣ, объ его умѣньѣ «хвастаться», и сегодня самъ пошелъ на торгъ...

— И открыли этотъ хлѣбъ?

— И открылъ-съ этотъ хлѣбъ...

— Да, правда... у васъ государственный умъ...

— Нѣтъ-съ, инстинктъ ищейки вашего величества...

— Вы неподражаемы, Левушка. Что жъ я буду дѣлать съ этимъ хлѣбомъ?

Нарышкинъ задумался. Онъ, повидимому, не рѣшался отвѣчать. Наконецъ, онъ поднялъ голову.

— Что же?—переспросила императрица.

— Взять съ собою въ Петербургъ, помѣстить въ Эрмитажѣ, а кусокъ послать Вольтеру...

Яркая краска снова залила лицо императрицы. Она съ минуту колебалась, но потомъ снова побѣдила себя.

— Еще разъ благодарю васъ, глубоко благодарю... Какой урокъ! Какой жестокій урокъ вы мнѣ преподали!..

Она закрыла лицо руками. Нарышкинъ ползалъ у ея ногъ и цѣловалъ край ея капота.

— Прости! Матушка, прости!.. Величайшая, священнѣйшая, мудрѣйшая изъ женщинъ!..

— Нѣтъ, нѣтъ! Счастливы государи, у которыхъ есть такіе друзья, какъ у меня.

На порогѣ показался красивый, съ женственнымъ лицомъ, съ высокомѣрной осанкой молодой человѣкъ и съ нѣмымъ удивленіемъ смотрѣлъ на эту живую сцену... Глаза императрицы блеснули какимъ-то внутреннимъ тепломъ.

То былъ Мамоновъ...

VII.

Черезъ два часа послѣ вышеприведенной сцены въ томъ же кабинетѣ совершается обрядъ «волосочесанія», какъ его называетъ Храповицкій въ своемъ «Дневникѣ». «Волосочесаніе» приближается къ концу. Императрица, — выслушавъ докладъ оберъ-камергера Шувалова о томъ, что на ружейномъ заводѣ уже все приготовлено для принятія ея величества, и что въ сверлильномъ отдѣленіи ожидаетъ императрицу особый цилиндръ и серебряный молотокъ, которымъ, мастера надѣются, всемилостивѣйшая государыня соизволитъ собственноручно ударить по раскаленному цилиндру,—смотрится въ зеркало, которое поднесли къ ней двѣ камеристки. Мамоновъ, стоя у окна, тщательно разсматриваетъ свои розовые, изящно выхоленные ногти. Нарышкинъ не менѣе серьезно занятъ ловлею большой мухи на другомъ окнѣ. Въ сторонѣ, у маленькаго столика, пыхтитъ и по-

тѣетъ Храповицкій, занятый «перлюстраціею» присланной изъ Петербурга иностранной почты. Сзади императрицы, отражаясь въ зеркалѣ, стоитъ только что допущенный къ аудіенціи Кречетниковъ.

На столѣ все тотъ же роковой каравай хлѣба и двѣ кряковыя утки...

Императрица видитъ въ зеркалѣ, какъ Кречетниковъ косится на этотъ хлѣбъ, причемъ лицо его, за минуту счастливое и самодовольное, то блѣднѣетъ, то багровѣетъ.

— Очень рада, Михайло Никитичъ, что въ городѣ и въ губерніяхъ, вамъ порученныхъ, все обстоитъ благополучно,—ласково говоритъ императрица, всматриваясь въ зеркало и отстраняя какой-то волосокъ отъ своего мраморнаго лба.

Кречетниковъ молча кланяется и силится подавить вздохъ.

— Я и за себя, какъ женщина, рада, когда все благополучно: меньше сѣдѣю...

Кречетниковъ опять кланяется и косится на хлѣбъ...

— Васъ, кажется, интересуетъ этотъ хлѣбъ и утки?

Кречетниковъ кланяется и что-то невнятно мычитъ.

— А это мнѣ принесъ какой-то добрый мужичекъ: «нашей, говоритъ, деревенской хлѣба-соли матушкѣ-царицѣ на поклонъ приволокъ»...

Она снова пригнулась къ зеркалу и поправила височки.

— Я поблагодарила его и спрашиваю, почемъ у нихъ такой хлѣбъ продается въ деревнѣ? Говоритъ, по четыре копѣйки... Я не повѣрила...

Нарышкинъ, наконецъ, поймалъ муху двумя пальцами, и она у него отчаянно зажужжала. Императрица оглянулась, и чуть замѣтная улыбка скользнула по ея лицу.

— Четыре копѣйки, это цѣна небывалая...

— Такъ точно, ваше императорское величество... но скоро урожай,—растерянно заговорилъ Кречетниковъ.

— А до урожая? Теперь еще іюнь...

— Будутъ приняты мѣры, ваше императорское величество, тотчасъ же...

— Да, да, надобно поскорѣе помочь горю, чтобы не случилось большой бѣды.

— Слушаю-съ... непремѣнно-съ...

— А заводъ вы мнѣ сами покажите.

— Слушаю-съ, ваше императорское величество!

Нарышкинъ пріотворилъ окно и выпустилъ муху на свободу.

— Ура! Ура! Урра!—послышалось съ площади...

VIII.

Прошло полтора года.

Въ морозный январьскій вечеръ 1789 г. на сценѣ петербургскаго театра идетъ сенсаціонная и патріотическая по тому времени пьеса «Титово милосердіе». Театръ полонъ. Несмотря на внѣшній 20-ти градусный морозъ, отъ котораго кучера и извозчики спасаются либо собственными кулаками, либо кабакомъ, въ театрѣ жара невообразимая. Разряженныя, напудренныя «щеголихи» и «модницы», съ изящными мушками на щекахъ и на подбородкахъ, и надъ соболиными бровками и вездѣ, гдѣ имъ указывала сидѣть мушиная символика, постоянно махались вѣерами, разливая вокругъ себя горячее море благовоній, не забывая въ то же время «махаться» и въ переносномъ смыслѣ съ своими «петиметрами», «ферлакурами» и вздыхателями. Парики и подвитыя косы «ферлакуровъ» и «петиметровъ» представляли необозримую выставку парикмахерскихъ художественныхъ произведеній.

Императрица сидѣла, полуприкрытая драпировками, въ боковой ложѣ. Въ углубленіи, изъ-за ея спины выглядывали то красивое, видимо скучающее лицо Мамонова, то круглыя, насмѣшливыя щеки сатира, Левушки Нарышкина, то лукавые глаза Шувалова.

Императрица, видимо, была въ хорошемъ расположеніи духа.

Пьеса шла очень удачно. Публика усердно аплодировала. Актеръ, игравшій «Тита», былъ очень хорошъ: онъ обращался съ остальнымъ персонажемъ пьесы необыкновенно милостиво, но зато съ царственнымъ величіемъ, такъ что императрица, глядя на него, невольно закусывала губы, чтобы скрыть улыбку.

— А узнаете, государыня, кто играетъ «Тита»?—тихо спросилъ Мамоновъ.

— Какъ же: это Пономаревъ, котораго я отняла у Тулы.

— Но кого онъ напоминаетъ, ваше величество, своею царственною осанкою?—лукаво спросилъ Нарышкинъ.

— Да, кого-то напоминаетъ...

— А вы извольте, государыня, присмотрѣться къ первому ряду креселъ.

— А что тамъ?

— Не замѣчаете? Вотъ величественно косится сюда...

— Ахъ, да, да! Онъ поразительно его передразниваетъ....

Въ первомъ ряду креселъ императрица, дѣйствительно, узнала того, на кого ей указывалъ Нарышкинъ: плоскій широкій затылокъ, круто заплетенная густая коса, надменно поднятыя плечи и грудь, глупое, вызывающее улыбку, величіе на лицѣ: это былъ онъ, Кречетниковъ.

— Тульскій кречетъ, воображающій себя орломъ изъ стаи Великой Екатерины.

— Да, да,—улыбнулась послѣдняя,—но онъ меня сегодня порадовалъ.

— Чѣмъ, государыня?

— Да вы знаете, что, благодаря нераспорядительности генералъ-провіантмейстера Маврина, войскамъ, въ столицѣ расположеннымъ, угрожаетъ голодъ: такъ Михайло Никитичъ мнѣ доложилъ, что онъ берется помочь горю.

— Это тульскимъ-то хлѣбомъ, государыня?

— Да: онъ говоритъ, что въ одной богородицкой волости есть до двухсотъ четвертей хлѣба лежачаго.

— А если это такой же хлѣбъ, дешевый, какой вы изволили вывезти изъ Тулы для Эрмитажа и для Вольтера?..

Императрица сверкнула глазами.

— Нѣтъ, нѣтъ... не напоминайте мнѣ объ этомъ...

Она обернулась назадъ и нечаянно уловила пристальный, нѣжный взглядъ Мамонова, устремленный на одну изъ противоположныхъ ложъ. Мамоновъ не замѣтилъ, что его взглядъ былъ пойманъ, а Екатерина, принявъ прежнее положеніе, пытливо, но осторожно, не показывая виду, стала искать глазами невѣдомый ей предметъ, приковавшій къ себѣ взоры и вниманіе молодого царедворца. Она нашла этотъ предметъ. Да, да, это она, безспорно она... Ее пожираетъ онъ глазами... Это княжна Дарья Щербатова... Недаромъ онъ посылалъ ей лучшихъ фруктовъ, какіе были отобраны только для него... Вонъ у нея на лицѣ чуть

замѣтная «мушка взаимности»... Это онъ съ нею «махается»... Негодница!.. Она тоже глядитъ на него, вѣеромъ машетъ, къ себѣ примахиваетъ...

Выраженіе мягкости разомъ застыло на лицѣ Екатерины: его замѣнило холодное величіе. Нарышкинъ замѣтилъ это, продувной сатиръ давно все замѣтилъ, но и виду не показывалъ, что чувствуетъ грозу въ воздухѣ, чувствуетъ ее давно и ждетъ перваго удара... Быть удару, облачко, черное, зловѣщее, разомъ налетѣло на полуденное солнце... Надо отвратить ударъ...

— Александръ Матвѣевичъ, кажется, очарованъ тульскимъ кречетомъ, глазъ съ него не спускаетъ весь вечеръ,—закидываетъ онъ.

Переносятъ взоръ на Мамонова, на Кречетникова... Мамоновъ, дѣйствительно, смотритъ туда, на первый рядъ креселъ, на Кречетникова...

— Я ухожу, у меня голова разболѣлась.

Императрица встаетъ. За нею встаютъ всѣ.

Уходя, Мамоновъ оборачивается и кидаетъ тревожный, тоскливый взглядъ на предательскую ложу... Тамъ махаютъ вѣеромъ.

IX.

— Поноша! Другъ сердечный!

— Францель Венеціанъ! Какими судьбами!

— Да съ Кречетомъ налетѣли сюда.

— А! Видѣлъ... Такъ и ѣлъ меня глазами. Ну, облобызаемся же.

— Облобызаемся. А! И Аполлинарія Николаевна! Наше вамъ, съ походцемъ!

— Здравствуйте, Семенъ Никифоровичъ... Что въ Тулѣ?

— О васъ вспоминаютъ. А что онъ?

— Кто онъ?

— Ну, извѣстно онъ, курсивъ, большими литерами... Не онъ ужъ «Тита» играетъ.

— Не онъ...

Аполлинарія Николаевна зардѣлась... Пріятели обнимались, жали другъ другу руку, разспрашивали, кто про Тулу, кто про

Петербургъ. Это было за кулисами, тотчасъ по окончаніи «Титова милосердія».

— Совсѣмъ къ намъ теперь, дружище? А?—спрашивалъ Пономаревъ Веницеева.

— Да совсѣмъ было, еслибъ чадушко опять не напуталъ.

— Какой чадушко?

— Да, соколъ-то нашъ ясный, совсѣмъ дѣло изгадилъ.

— Кречетниковъ?

— Кому же больше! Такого мастера путать и гадить на заказъ не сдѣлать.

— Въ чемъ же дѣло-то?.. Растолкуй.

— Да вотъ въ чемъ: свѣтлѣйшій, Потемкинъ-то, благоволитъ моему дураку... чадушкѣ-то, соколу, и обѣщалъ замолвить за него словечко у государыни, какъ пріѣдетъ сюда. А ждутъ свѣтлѣйшаго на-дняхъ... Вотъ мы и прискакали сюда. Насъ приняли милостиво: государыня изволила даже говорить чадушкѣ-то моему о томъ, какъ думаетъ встрѣтить свѣтлѣйшаго послѣ его славныхъ побѣдъ надъ турками, велитъ украсить въ Царскомъ тріумфальныя ворота разными арматурами, а на транспарантѣ въ честь его написать стихи изъ оды Петрова: «На взятіе Очакова»:

«Ты въ плескахъ внидешь въ храмъ Софіи»

— Ого!—протянулъ Пономаревъ.—Куда хватило...

— Да, братъ: думаютъ, что съ весной нашъ свѣтлѣйшій и «таврическій» войдетъ въ Царьградъ съ побѣднымъ вѣнкомъ на головѣ...

— Ну, такъ чѣмъ же напуталъ соколъ твой?

— Да... Императрица, къ слову, замѣтила, что ее безпокоитъ недостатокъ провіанта для войскъ, здѣсь расположенныхъ, а мой-то враль, изъ усердія и хвастовства, и бухни, что у насъ въ Тулѣ лежачимъ хлѣбомъ хоть прудъ пруди. Государыня обрадовалась, приказала тотчасъ же закупить у насъ хлѣбъ, велѣла дураку моему распорядиться. Онъ прилетѣлъ, требуетъ меня, велитъ писать о хлѣбѣ: я ему напоминаю, что онъ самъ же недавно подписалъ рапортъ о томъ, что въ его намѣстничествѣ хлѣба едва ли хватитъ для весеннихъ посѣвовъ,

и вдругъ такой шкандалъ! Какъ, говорю, вы, не спросясь, эдакъ отвѣтили государынѣ? Сорвалось, говоритъ! Ну, значитъ, сорвалось и наше счастье.

— Господа! Гдѣ тутъ господинъ Веницеевъ?—послышался голосъ режиссера.

— Что вамъ угодно? Я Веницеевъ.

— Пожалуйте въ фойе, васъ проситъ тульскій и калужскій генералъ-губернаторъ, генералъ-поручикъ Михайло Никитичъ Кречетниковъ.

— Сейчасъ иду... Н-ну чадо! Опять, полагаю, что-нибудь напуталъ...

X.

Во дворцѣ, въ кабинетѣ императрицы, Храповицкій, сидя за особымъ столомъ, осторожно шуршитъ бумагами, сортируя почту. Онъ, видимо, напряженно прислушивается къ тому, что происходитъ въ слѣдующей комнатѣ, за дверью, но, кажется, привычный слухъ его ничего не можетъ уловить.

Но вотъ слышно немного, сморкаются... «Плачутъ, должно».

Опять шуршанье бумагой и опять напрасное прислушиванье.

— Плюньте, матушка,—явственно слышится оттуда, изъ-за двери.

«Это Захаръ... успокаиваетъ»...

Опять сморканье, болѣе рѣшительное, энергическое... «Ну, слава Богу, кажись, успокоились»...

Отворяется дверь, и оттуда выходитъ Захаръ въ бѣломъ фартукѣ и съ полотенцемъ въ рукѣ. Захаръ очень пасмуренъ.

— Ну что, Захаръ Константинычъ?—заискивающе спрашиваетъ Храповицкій.

Захаръ только махнулъ рукой.

— Гнѣвны?—снова спрашиваетъ Храповицкій.

— Смутны,—нехотя отвѣчаетъ Захаръ.

— А съ чего, Захаръ Константинычъ?

— Паренекъ дуритъ...

— Ахти! — удивляется Храповицкій. — Чтожъ онъ, дурачекъ!

— Да онамедни въ театрѣ съ княжной Щербатовой махался, перемигивался, такъ замѣтили.

— Ахъ, дурачекъ, дурачекъ!

— То-то, и я ему говорилъ такъ же, такъ поди съ нимъ, не внемлетъ: житье мое здѣсь, говоритъ, настоящая тюрьма...

— Ахъ, парень, парень! Съ жиру бѣсится, отъ своего счастья бѣгаетъ.

— И я то же говорю, такъ нѣтъ: скучно, слышь, ему, надоѣло, что послѣ всякаго собранія, гдѣ есть дамы, привязываются, дескать, ревнуютъ...

Храповицкій укоризненно покачалъ головой.

Изъ той комнаты раздался звонокъ. Храповицкій вздрогнулъ и торопливо принялся опять за свою почту. Захаръ, перекинувъ полотенце на другое плечо, тихо пошелъ на звонокъ.

— Ахъ, дуракъ, дуракъ, вотъ истинно дуракъ!—бормоталъ самъ съ собою Храповицкій.—И съ кѣмъ вздумалъ махаться! И это послѣ Фицгерберта, съ англицкими объѣдками...

Захаръ вышелъ съ радостной улыбкой и какъ-то весело перекрестился.

— Что? Зачѣмъ звали?

— Славу Богу, успокоились, а то ничѣмъ не угодишь, все гнѣваются...

— А выдутъ?

— Сказали, выдутъ: почту бы приготовили, да Кречетникову приказано явиться.

— Почта готова.

— А паренька, говоритъ, велю свѣтлѣйшему пожурить, какъ пріѣдетъ; все его ждутъ.

Захаръ ушелъ, разводя руками и самъ съ собою что-то разговаривая. Храповицкій разложилъ почту на большомъ столѣ, всталъ и подошелъ къ зеркалу. Лицо его было красновато, какъ послѣ выпивки.

— Ишь, не доспалъ, рожа-то красная... А все этотъ тульскій калифъ затащилъ, угостилъ... да и дома тоже на ночь... Дурная привычка.

За той дверью послышались шаги. Храповицкій отскочилъ отъ зеркала и нагнулся надъ бумагами.

Отворилась дверь изъ той комнаты, и въ кабинетъ вошла императрица. Въ ней теперь казалось болѣе женственнаго, чѣмъ царственнаго. Глаза смотрѣли немножко припухшими, усталыми

и мягкими: замѣтно было, что она плакала, хотя теперь на лицѣ не осталось и слѣда горя, и оно было спокойно.

Храповицкій низко поклонился. Ему милостиво отвѣчали.

— Привелъ почту въ порядокъ?

— Привелъ, государыня.

— А прочелъ рапортъ вице-губернатора?

— Не успѣлъ, ваше величество.

— Прочти.

Храповицкій отыскалъ на столѣ требуемую бумагу и пробѣжалъ ее глазами.

— А? Каковъ лгунишка Кречетниковъ! Что доноситъ здѣшній вице-губернаторъ?

— Здѣшній вице-губернаторъ рапортуетъ,—отвѣчалъ Храповицкій, глядя въ бумагу,—что, по сообщенію Кречетникова, богородицкіе поселяне просятъ по четыре рубля за куль муки съ поставкою въ Тулу.

— А! Каково! Зачѣмъ было лгать? Кто просилъ?

Въ это время дверь изъ переднихъ покоевъ, изъ пріемныхъ аппартаментовъ, отворилась, и на порогѣ показался юный, розовый, какъ дѣвушка, съ дѣвическою косою и черными агатовыми глазами, дежурный камеръ-юнкеръ, юноша, лѣтъ двадцати, и вытянулся въ струнку. Глаза императрицы ласково остановились на немъ.

— А, Зубовъ... Что тамъ?

— По приказанію вашего императорскаго величества, генералъ-поручикъ Кречетниковъ ожидаетъ повелѣній,—отчеканилъ юноша.

— Пусть войдетъ.

Юноша стукнулъ ножкой о ножку и исчезъ за дверью.

— Какой милый мальчикъ,—выронила императрица.

— И хорошо воспитанъ, государыня, скроменъ, какъ дѣвушка, и музыку любитъ,—вставилъ Храповицкій, почтительно вытягиваясь, чтобъ положить бумагу передъ императрицей.

На порогѣ показалась знакомая уже намъ фигура тульскаго намѣстника. Всегда юпитеровски-величественный и какъ Нарцисъ самодовольный, онъ выступалъ теперь немножко мокрой курицей, съ склоненною на бокъ повинною головой, съ опущенными руками... «Изъ усердія, единственно изъ усердія, повинную принесъ, повинную мечъ не сѣчетъ», говорила вся его

фигура. Даже Храповицкій немножко улыбнулся: «точь въ точь соблудившая псица «Муфти»...

— Вы, Михайло Никитичъ, поторопились порадовать меня вашимъ хлѣбомъ, напрасно,—сказала императрица тономъ неудовольствія.

— Виноватъ, ваше императорское величество,—былъ смиренный поклонъ,—можетъ быть, не такъ донесъ здѣшній вице-губернаторъ.

— Не такъ рапортовалъ вашъ, а не мой вице-губернаторъ,—строго замѣтила государыня, и, взявъ со стола бумагу, подала оторопѣвшему сановнику,—прочтите ее.

Дрожащими руками взялъ «великолѣпный калифъ Тулы», какъ его назвали пересмѣшники, поданную ему бумагу и сталъ разсматривать ее какъ какую-нибудь хитрую ткань.

— Видите,—богородицкіе поселяне просятъ по четыре рубля за куль,—пояснила императрица уже спокойнымъ тономъ.

— Да-съ, точно, ваше величество... это недоразумѣніе... Я немедленно разъясню, напишу... самъ на мѣстѣ разслѣдую.

Въ это время какъ бы изъ-за спины императрицы выросъ Мамоновъ. Онъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго. По глазамъ замѣтно было, что и онъ плакалъ. Императрица испытующимъ, но ласковымъ взглядомъ посмотрѣла на него; ей, казалось, стало жаль этого блѣднаго заплаканнаго лица...

— Я разслѣдую-съ... я хлѣбъ найду,—продолжалъ бормотать Кречетниковъ, весь красный.

— Хорошо, хорошо, постарайтесь,—сказала, повидимому, сжалившаяся и надъ нимъ императрица, дѣлая видъ, что отпускаетъ его.

Кречетниковъ торопливо положилъ бумагу на столъ, поклонился, пробурчалъ «постараюсь... священная воля... хлѣбъ лежачій» поперхнулся и, снова поклонившись, отретировался за дверь...

— А! Какъ нахвасталъ!—съ улыбкой обратилась государыня къ Мамонову.—Да еще имѣлъ безстыдство сказать, что не такъ донесъ здѣшній вице-губернаторъ... А! Я ненавижу ложь, это подлость, но еще гнуснѣе взворачивать вину на другого...

Мамоновъ ничего не отвѣчалъ: онъ, казалось, и не слыхалъ

того, что ему говорили... Правой рукой онъ держался за грудь, какъ бы чувствуя тамъ острую боль...

— Une oppression de poitrine n'est-ce pas?—участливо спросила государыня.

— Да, ваше величество, больно,—тихо отвѣчалъ молодой царедворецъ.

Императрицѣ стало еще болѣе жаль его... Видимо желая его развлечь, она заговорила о Кречетниковѣ.

— Каковъ! И это уже во второй разъ такая исторія съ хлѣбомъ... Помните?

— Помню, государыня.

— А какъ онъ открывалъ Калужскую губернію, а?

— Этого я не слыхалъ, ваше величество.

— Это исторія презабавная... Къ открытію губерніи прибылъ Платонъ, что нынѣ митрополитъ московскій. Спрашиваетъ, все ли готово къ открытію? Кречетниковъ отвѣчаетъ, что все, только слѣдуетъ просмотрѣть церемоніалъ. Присылаетъ церемоніалъ къ Платону. Платонъ одобряетъ всѣ статьи, кромѣ одной, гдѣ сказано было, чтобы во время шествія въ церковь намѣстника, то есть этого самого Кречетникова, во всѣхъ церквахъ производимъ былъ колокольный звонъ... Каково!

— Да, это скромно,—улыбнулся Мамоновъ.

— Очень скромно, — согласилась императрица, — только Платонъ не соглашался. Началась переписка, Платонъ стоитъ на своемъ. Наконецъ, Кречетниковъ самъ ѣдетъ къ Платону, настаиваетъ. Платонъ и отвѣчаетъ ему: «эта почесть, говоритъ, воздается только царскому величію». Только этимъ и усмирилъ его. Но за то онъ у себя въ домѣ поставилъ тронъ и хотя не сидѣлъ на немъ, но стоялъ на ступеняхъ этого трона, подъ балдахиномъ, и говорилъ рѣчь къ собранію дворянъ.

— Воображаю, государыня, какъ онъ былъ смѣшонъ,—замѣтилъ Мамоновъ.

— Да... но послѣ онъ былъ жалокъ,—продолжала, увлекаясь, императрица.—Послѣ открытія губерніи, онъ пріѣхалъ сюда, лично представить мнѣ отчетъ обо всемъ... А я уже знала о колокольномъ звонѣ: мнѣ Платонъ же и донесъ... Встрѣчаю его ласково, благодарю, разспрашиваю обо всемъ. Онъ сіяетъ отъ удовольствія. А я таинственно и спрашиваю его: «да Платонъ-то, говорю, усердно ли вамъ содѣйствовалъ? Съ полнымъ усер-

діемъ, говоритъ, ваше величество». «Да не было ли, говорю, съ его стороны какихъ-нибудь странныхъ желаній: напримѣръ, не требовалъ ли, говорю, онъ отъ васъ пушечной пальбы при въѣздѣ своемъ въ городъ?» Нѣтъ, говоритъ, государыня. «А я, говорю, что-то такое слышала; но согласитесь, говорю, что вѣдь это было бы такъ же смѣшно, какъ еслибъ вы, говорю, потребовали, чтобъ онъ сопровождалъ васъ колокольнымъ звономъ»...

Мамоновъ разсмѣялся самымъ искреннимъ смѣхомъ. Даже Храповицкій почтительно хихикалъ.

— Тутъ только понялъ онъ, къ чему я вела рѣчь,—заключила свой разсказъ императрица.

На порогѣ опять вытянулась стройненькая фигурка юноши съ агатовыми глазами.

— Кто тамъ?—былъ ласковый вопросъ.

— Господинъ директоръ академіи наукъ, княгиня Дашкова, ваше величество!—отрапортовалъ красивый юноша.

— Господинъ—княгиня, — улыбнулась императрица,— я жду ее.

XI.

Въ 7-мъ часу вечера на 5-е февраля этого (1789) года прибылъ, наконецъ, въ Петербургъ съ новозавоеваннаго юга «великолѣпный князь Тавриды».

Кречетниковъ, послѣ деликатной головомойки съ «лежачимъ хлѣбомъ», теперь опять высоко поднялъ голову и не иначе смотрѣлъ на свѣтъ Божій, какъ черезъ человѣческія головы, ибо все казалось ему ниже его недосягаемой персоны; такъ онъ увѣренъ былъ въ расположеніи къ нему Потемкина. Потемкинъ, дѣйствительно, покровительствовалъ ему по неуловимымъ капризамъ своего характера или, можетъ быть, по такому же неуловимому закону контрастовъ, въ силу котораго блондины предпочитаютъ брюнетокъ, сила покровительствуетъ безсилію, старость льнетъ къ дѣтямъ, геній снисходитъ къ посредственности: понимая хорошо недалекость и пѣтушиныя замашки «тульскаго калифа», зная его неудержимую слабость къ прекрасному полу и заносчивость, называя его не иначе какъ «мадамъ» любимое слово Кречетникова, Потемкинъ все-таки покровительствовалъ ему.

Однимъ словомъ, съ пріѣздомъ Потемкина «тульскій кречетъ» оказался «въ мытехъ» и сталъ «высоко взбивать птицъ» болѣе мелкихъ чиновныхъ пташекъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. О «хлѣбѣ» и о головомойкѣ онъ совсѣмъ забылъ, сколько ни напоминалъ ему объ этомъ Веницеевъ.

На другой же день послѣ пріѣзда Потемкина, по личнымъ указаніямъ императрицы, на театрѣ въ Эрмитажѣ давали самую новую и модную тогда пьесу «Горе богатырь», комическую оперу, сочиненную самою государынею при композиторскомъ содѣйствіи придворнаго капельмейстера Мартини. Въ оперѣ этой, какъ толковали тогда и какъ понимаютъ это теперь, Екатерина осмѣивала попытки шведскаго короля Густава III овладѣть Петербургомъ. Какъ извѣстно, попытки эти окончились срамомъ для «Горе богатыря».

«На театрѣ», какъ записано у Храповицкаго, кромѣ самой императрицы, Потемкина, Мамонова, Льва Нарышкина, Храповицкаго и другихъ приближенныхъ, присутствовали и иностранные послы, Кобенцель и Сегюръ. Мало того, виднѣлась въ рядахъ знати и пѣтушиная фигура Кречетникова: быть приглашеннымъ въ Эрмитажъ это высокая честь, и онъ чувствовалъ сердцемъ, мозгомъ, ногтями и каждымъ волоскомъ, что вполнѣ достоинъ этой чести.

Пьеса шла блистательно. Особенный, конечно, почтительный взрывъ одобреній вызвалъ дуэтъ самого «Горе богатыря» съ Гремилой.

— Это слава его «гремитъ» по всему свѣту,—лукаво замѣтилъ Потемкинъ, слегка кланяясь императрицѣ.

Лицо Екатерины было необыкновенно оживлено. Это оживленіе и искусная прическа сгладили всѣ тончайшія морщинки, проведенныя безжалостною шестидесятою весною ея жизни на ея прекрасномъ, философскомъ челѣ. Она казалась совсѣмъ молодою, свѣжею, полною энергіи. Не даромъ, наканунѣ, за туалетомъ, она сказала Храповицкому и Шувалову: «я увѣрена, что, имѣя уже шестьдесятъ лѣтъ, проживу еще двадцать съ нѣсколькими годами»...

— Да, — съ улыбкой отвѣчала императрица,—«Гремила» родная сестра «Шумихѣ» и также удачливы, какъ Ѳома съ Еремой... Et vous, monsieur le comte?—обратилась она къ сидящему около нея Сегюру.

— Oh! C'est ravissant!—восторженно отвѣчалъ тотъ, какъ истый французъ,—c'est... c'est... du genie...

— Merçi, monsieur,—отвѣчали уклончиво.

Въ антрактѣ, когда опустилась занавѣсь, глазамъ изумленныхъ зрителей представилась слѣдующая картина, эффектно изображенная на этой новой занавѣси: Екатерина на тронѣ; она держитъ въ рукѣ лавровый вѣнокъ и возлагаетъ его на голову склонившагося на ступеняхъ трона Потемкина; надъ вѣнкомъ надпись изъ иммортелей:

«Ты въ плескахъ внидешь въ храмъ Софіи».

Восторженное «браво!» «да здравствуетъ Екатерина!» заглушили оркестръ, который игралъ:

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися храбрый Россъ...

Потемкинъ, насупившись, грызъ ногти... Онъ порывался было уйти, но императрица ласково удержала его... Сегюръ любезно улыбался и едва замѣтно кланялся ему, показывая видъ, что аплодируетъ будущему покорителю Цареграда...

— Да это и правда,—сказала императрица, какъ бы отвѣчая на мысль французскаго посла,—я увѣрена, что у меня скоро будетъ князь «Таврическій-Цареградскій».

— Въ этомъ увѣренъ и Кречетниковъ, — кивнулъ въ его сторону Потемкинъ, продолжая кусать ногти.

— Да, онъ увѣренъ въ побѣдахъ Потемкина...

— Какъ и въ своихъ надъ прекраснымъ поломъ...

Императрица невольно разсмѣялась, глянувъ туда, куда ей указывалъ Потемкинъ: она увидѣла, какъ Кречетниковъ, словно индѣйскій пѣтухъ съ красными щеками и шеею, топтался около княжны Щербатовой, заслоняя ее отъ Мамонова, который видимо злился...

— Охъ, отобьетъ у нашего паренька кралю,—подмигнулъ Потемкинъ.

Императрица отвернулась: такъ смѣшонъ показался ей Кречетниковъ въ роли «ферлакура».

— Отобьетъ, отобьетъ...

Храповицкій усиленно вытиралъ фуляромъ свой влажный лобъ...

— Потѣешь?—улыбнулась ему Екатерина.

— Преужасно, ваше величество,—былъ стереотипный отвѣтъ.

— А Сегюръ и Сенъ-При увѣрены, — серьезно заговорила императрица, обращаясь къ Потемкину,—что Турецію подѣлить можно...

— И даже должно,—такъ же серьезно отвѣчалъ Потемкинъ.

— А какъ?

— Дать куски Англіи и Франціи... конечно, и Австріи.

— А Гишпаніи?

— И Гишпаніи тоже малое «морсо».

— А Италіи?—задумчиво спросила императрица.

— Италіи нѣтъ... Италія только въ географіи да на картѣ.

— И то правда, нѣтъ ее, некому больше давать «куски».

— А остатка довольно будетъ для великаго князя Константина Павловича,—улыбнулся Потемкинъ,—съ него довольно.

— Да, pour un cadet de la maison, очень довольно,—улыбнулась и императрица, а потомъ серьезно прибавила, — бабка и отецъ—здѣсь, внукъ и сынъ Константинъ, во градъ Константина Великаго...

— Такъ и пророчествовано,—задумчиво пояснилъ Потемкинъ, какъ бы прислушиваясь къ музыкѣ.

— Да... Зачѣмъ не быть обѣимъ отраслямъ въ такой связи, какъ дворы бурбонскіе Франція и Гишпанія, а Романовы—Россія и Турція.

По окончаніи пьесы вниманіе императрицы снова было привлечено неподражаемымъ тульскимъ намѣстникомъ. Екатерина, вставая, взглянула было собственно по тому направленію, гдѣ сидѣла княжна Щербатова уже не съ «мушкою взаимности», а съ «мушкою отвергнутой пассіи», но вмѣсто княжны увидѣла Кречетникова, который обнималъ кого-то.

— Кого это хочетъ задушить «мадамъ»?—спросила она Потомкина, указывая на Кречетникова.

— Львова... Они съ Кречетниковымъ старые друзья.

— А о хлѣбѣ, какъ я вижу, онъ совсѣмъ забылъ,—замѣтила императрица,—онъ твердо вѣритъ евангелію.

— Я заставлю его и о хлѣбѣ вспомнить,—отвѣчалъ свѣтлѣйшій.

Императрица оглянулась: она замѣтила всѣхъ... не было только одного, кого она искала: не было Мамонова...

Прошло нѣсколько недѣль. Кречетниковъ давно воротился изъ Петербурга въ свою намѣстническую резиденцію и, упоенный благосклонностью къ нему свѣтлѣйшаго, опочилъ на лаврахъ. Каждый день принималъ просителей въ торжественной «аудіенціи», утверждалъ журналы намѣстническаго правленія, выслушивалъ доклады, во время которыхъ, подражая Потемкину, грызъ ногти, катался на своихъ любимыхъ «королькахъ», маленькія, изящныя лошадки, чудилъ «по-потемкински», то есть гонялъ иногда курьеровъ за «тѣстомъ калужскимъ», которое любилъ Потемкинъ, въ Калугу, но не для Потемкина, а для себя, гонялъ и въ Вязьму за «вяземскими пряниками», въ Астрахань за «воблой», въ Коломну за «постилой», въ Борзну за «бубликами» и такъ далѣе.

О покупкѣ хлѣба для Петербурга хотя и отдалъ приказъ, но скоро и объ этомъ забылъ, а больше, по вечерамъ, въ дворянскомъ собраніи, волочился за хорошенькими «дворяночками»... «Мадамъ», «мадемуазель» «у насъ въ Петербургѣ» «при дворѣ», «сама императрица», «мой другъ свѣтлѣйшій» только и раздавалось по собранію.

Но больше всего ему нравились «аудіенціи»: тутъ онъ окончательно подавлялъ всѣхъ царственнымъ величіемъ и «екатерининскою очаровательностью». Выходы къ «аудіенціи» совершались съ такою неизмѣнною помпою: когда просители и чающіе «представиться» собирались въ залу и наступалъ назначенный часъ «выхода», то по звонку изъ внутреннихъ аппартаментовъ два ливрейныхъ офиціанта, въ пудрѣ, башмакахъ, съ нашивками на всѣхъ частяхъ тѣла, въ огромныхъ треуголкахъ и съ булавами, отворяли настежъ двери изъ гостиной съ такимъ трепетомъ, какъ будто бы оттуда долженъ былъ выйти огнь небесный и всѣхъ пожрать; тогда изъ дверей выступали два новыхъ офиціанта, но безъ шляпъ, а лишь съ глупыми, то есть важными лицами, а за ними уже слегка улыбающійся отъ этой дурацкой церемоніи Веницеевъ несъ портфель, не подъ мышкою, этого не дозволялось, а впереди, словно евангеліе выносилъ дьяконъ либо скинію завѣта несли трепетные левиты... За этою

скиніею уже выступалъ, словно журавль въ болотѣ самъ Кречетниковъ: онъ потому напоминалъ журавля, что тонкія ноги его всегда были обтянуты шелковыми чулками, а башмаки съ золотыми пряжками высились на тонкихъ, какъ у китаянокъ, красныхъ каблукахъ.

Въ утро описываемаго нами дня, въ пріемной залѣ намѣстника толпилось очень много чающихъ: тутъ были и военные, и статскіе, мужчины и женщины, и въ числѣ послѣднихъ виднѣлось не одно молодое, красивенькое личико. Дежурный чиновникъ обходилъ всѣхъ просителей и непросителей, спрашивалъ ихъ имена и мѣстожительства и записывалъ въ свою памятную книжку. Тѣ, которые были въ этой залѣ въ первый разъ, съ удивленіемъ, а иные со страхомъ, посматривали на царскій тронъ, стоявшій по серединѣ компаты и осѣняемый балдахиномъ съ золотымъ двуглавымъ орломъ и кистями: на тронѣ помѣщался мраморный бюстъ императрицы въ лавровомъ вѣнкѣ.
статскомъ платьѣ.

— Ваше званіе и фамилія? — спросилъ дежурный чиновникъ, подходя къ одному просителю, стоявшему сзади всѣхъ, въ

— Свободный художникъ Сбавь-Спеси изъ Петербурга,— отвѣчалъ статскій.

— Какъ-съ?

— Сбавь-Спеси, сударь... Моя фамилія малороссійская

Дежурный чиновникъ записалъ.

— А по какому дѣлу?

— По порученію свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго.

— Къ его превосходительству Михайлу Никитичу?

— Нѣтъ-съ... Къ одному зазнавшемуся дураку...

Чиновникъ не зналъ, какъ понять подобную шутку, и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на дерзкаго незнакомца. Но этотъ послѣдній преспокойно вынулъ изъ-за кафтаннаго борта бумагу и подалъ изумленному чиновнику. Тотъ развернулъ, читаетъ: ничего не можетъ сразу понять... Бланкъ, дѣйствительно, Потемкина... «Свободному художнику Сбавь-Спеси», бормочетъ чиновникъ, пробѣгая бумагу: «поручаю вамъ немедленно отправиться въ Тульскую губернію къ извѣстному вамъ зазнавшемуся дураку и снять съ него портретъ»...

Чиновникъ еще болѣе недоумѣваетъ... Но на бумагѣ печать,

гербовая именная печать свѣтлѣйшаго и его собственноручная подпись... Эта подпись ему знакома... Что жъ бы это значило?.. Ясно, что это одна изъ тысячи причудъ свѣтлѣйшаго, которому и Михайло Никитичъ сталъ подражать...

Въ этотъ моментъ изъ внутреннихъ покоевъ раздался звонокъ. Дежурный чиновникъ, сунувъ незнакомцу его странную бумагу, поспѣшилъ къ своему посту, къ столу у окна.

Просители торопливо становились на мѣсто, оправлялись, откашливались. Военные старались молодцовато выпятить грудь, какъ будто у нихъ тамъ дѣлалось стѣсненіе. Дамы обдергивались, охорашивались по своему, словно птички передъ полетомъ. «Свободный художникъ» стушевался гдѣ-то назади...

Одновременно съ этимъ, первые два офиціанта бурно распахнули обѣ половинки двери, точно оттуда долженъ былъ выбѣжать кто-нибудь бѣшенный или выпорхнуть большая птица. Но вмѣсто бѣшенаго показались два плавно выступавшихъ офиціанта съ глупыми, по наказу т. е. важными лицами. За ними—милѣйшій Семенъ Никифорычъ Веницеевъ въ роли архидіакона, красненькій, гладко выбритый и съ портфелью въ рукахъ... Лукавое лицо его выражало скромно: «смотрите на нашего дурака»... За Веницеевымъ—самъ «дуракъ», громовержецъ, съ высоко поднятою головой, съ выпяченной грудью и животомъ, какъ у беременной бабы, въ шелковыхъ чулкахъ на тонкихъ ногахъ безъ икръ и въ блестящихъ башмакахъ съ красными каблуками, которые, казалось, отъ стыда краснѣли... Увидѣвъ молоденькихъ просительницъ, вѣроятно «дворяночекъ», тульскій Юпитеръ, подражая настоящему Юпитеру, сдѣлалъ изъ себя подобіе кобелька, только вмѣсто хвоста округлилъ локти полубубликомъ..

— Браво, Кречетниковъ! Брависсимо! — раздался вдругъ сзади просителей шальной возгласъ.

Всѣ вздрогнули. Дежурный чиновникъ поблѣднѣлъ. Офиціанты разинули рты, да такъ и остались. Самъ Кречетниковъ, какъ отъ удара хлыста, выпрямился... Одинъ Семенъ Никифорычъ лукаво улыбался...

— Браво! Брависсимо! Продолжай! Что остановился!

Это стоялъ на стулѣ, за просителями, незнакомецъ, назвавшій себя «свободнымъ художникомъ», и хлопалъ въ ладоши...

Лицо Кречетникова, смущенное, красное, разомъ преобразилось: куда дѣвалось олимпійское величіе!..

— Ахъ, какъ я радъ, что тебя вижу!—воскликнулъ онъ ласково, заискивающе, подходя къ незнакомцу и протягивая обѣ руки.—Надолго ли къ намъ пріѣхалъ?

Но незнакомецъ не унимался, стоялъ на стулѣ и весело хлопалъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! Воротись въ гостиную, позабавь еще разъ пышнымъ выходомъ...

Кречетниковъ окончательно потерялся, краснѣлъ, блѣднѣлъ... просители переглядывались...

— Перестань шутить... дай я тебя обниму,—бормоталъ сраженный олимпіецъ.

— Нѣтъ, не сойду съ мѣста, пока не удовлетворишь моей просьбѣ...

— Полно... къ чему эти шутки... довольно...

— Нѣтъ, нѣтъ, выйди еще разъ: ты мастерски играешь свою роль...

Кречетниковъ готовъ былъ расплакаться... Незнакомецъ сжалился надъ нимъ, сошелъ со стула, обнялъ его и, не глядя на просителей и оторопѣвшихъ офиціантовъ, прошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ гостиную.

— Это тебѣ урокъ отъ свѣтлѣйшаго,—сказалъ онъ серьезно и тихо,—благодари Бога, что только этимъ обошлось, а могло быть и хуже... ты знаешь его... Это тебѣ за то, что ты забылъ о «хлѣбѣ лежачемъ», а государыня о немъ каждый день спрашиваетъ... Ее тоже ты довольно знаешь... Вотъ меня свѣтлѣйшій, любя тебя, и прислалъ къ тебѣ, чтобъ хорошенько взмылить голову и дѣло сдѣлать: тебя спасти отъ высочайшаго гнѣва и успокоить всемилостивѣйшую государыню... Гвардія безъ хлѣба, самъ знаешь, чѣмъ это пахнетъ...

Таинственный незнакомецъ былъ извѣстный въ то время острякъ и шутникъ генералъ Львовъ, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ и довѣріемъ Потемкина.

На этотъ разъ торжественная «аудіенція» не состоялась, а послѣ уже она совершаема была гораздо скромнѣе.

— Теперь мы хоть немножечко поумнѣли,—говорилъ бывало Венцеевъ, вспоминая неожиданный наѣздъ «свободнаго художника».

ВИДѢНІЕ ВЪ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

I would recall a vision which I dream'd
Perchance in sleep...
(Byron «The dream»).

Ясный, тихій іюльскій день клонится къ такому же ясному, тихому вечеру. Спускающееся гдѣ-то тамъ за финляндскимъ горизонтомъ солнце обливаетъ червоннымъ золотомъ массивный куполъ Исаакія, острые шпицы адмиралтейства и Петропавловскаго собора. Вдоль Невскаго тянутся непривычныя для глазъ свѣтовыя полосы отъ правой стороны къ лѣвой, а гигантская тѣнь отъ публичной библіотеки все выростаетъ и тянется все дальше и дальше.

Тихо въ публичной библіотекѣ. Время стоитъ лѣтнее, жаркое. Учащаяся молодежь еще не съѣзжалась къ пріемнымъ экзаменамъ, набирается силъ среди родныхъ полей и лѣсовъ; остальная петербургская интеллигенція отдыхаетъ по дачамъ, по деревнямъ, на водахъ; ученые люди дѣлаютъ свои лѣтнія ученыя экскурсіи; въ Петербургѣ остаются только товарищи министровъ, наборщики да дворники. Читальныя залы и отдѣленія публичной библіотеки пусты. Оттого и тихо такъ.

Только въ ларинской залѣ надъ большимъ столомъ наклонилась сѣдая борода и шуршитъ жесткими, пожелтѣвшими листами старой книги. Въ «Россика», въ углу, виднѣется классическая фигура спящаго сторожа. Тихо кругомъ, такъ тихо, точно на кладбищѣ. Да это и въ самомъ дѣлѣ великое, міровое кладбище головъ человѣческихъ, геніальныхъ, умныхъ и—увы! глупыхъ. Только извнѣ въ это тихое пристанище смерти и безсмертія доносятся неясные отзвуки жизни. То задребезжитъ петер-

пѣливый звонокъ конки, то прогромыхаетъ по глухому торцу извозчичья карета, отзовется гдѣ-то гармоника, и опять все тихо. На карнизахъ, за окнами голуби хлопаютъ крыльями объ стѣны и гнусливо воркуютъ. То прорѣжетъ воздухъ рѣзкій писк стрижей, и словно растаетъ въ этомъ же воздухѣ.

Какъ тихо, какъ хорошо, какъ задумчиво работается среди этого могильнаго уединенія, лѣтомъ, въ нашемъ драгоцѣнномъ книгохранилищѣ! Только тотъ, кто работалъ въ немъ лѣтомъ и раздумывался надъ отшедшею въ вѣчность жизнью и мыслью людей, имена, чувства, дѣянія и помыслы которыхъ какъ бы замурованы, словно египетскія муміи въ катакомбахъ, въ этихъ безконечныхъ рядахъ массивныхъ шкаповъ и витринъ, только тотъ пойметъ чистыя наслажденія, даваемыя душѣ этой работой, а иногда и жгучую, обидную тоску о томъ, что все это, отошедшее въ вѣчность, должно было бы быть не тѣмъ, чѣмъ оно было...

Ударъ крыльевъ голубя о стекло выводитъ сѣдую бороду изъ задумчивости. Она встаетъ и разминаетъ окоченѣвшіе отъ продолжительнаго сидѣнья члены.

Влѣво, въ мраморномъ креслѣ, съ обращеннымъ къ западу блѣднымъ лицомъ покоится мраморный старикъ. Нервное, худое, высохшее до костей лицо его глубоко задумчиво и глубоко скорбно, до того скорбно, что оно кажется перекошеннымъ отъ злобы. Но это не злоба, а скорбь, безпросвѣтная, безнадежная за все человѣчество скорбь.

Сѣдая борода тихо, какъ-то робко приближается къ мраморному старику, сидящему въ глубокомъ мраморномъ креслѣ. Костлявыя, худыя руки съ тонкими и крючковатыми, словно когти хищной птицы, пальцами, кажется, безсильно впились въ мраморъ ручекъ кресла, да какъ и окаменѣли въ своемъ безсиліи. Худое, остроконечное и ссохшееся, какъ у Агриппины-старшей, лицо вытянуто впередъ, словно старикъ что-то созерцаетъ, вслушивается во что-то, что внѣ его слуха, а въ мозгу, что не отъ міра сего, но и отъ этого именно міра. Бѣлки мраморныхъ глазъ кажутся бѣлками слѣпого, который прислушивается къ работѣ своего собственнаго мозга, заключеннаго подъ этимъ мраморнымъ черепомъ. Жидкіе, тонкими прядями волосы обрамляютъ покрытый рѣзкими морщинами геніальный лобъ. Голову обхватываетъ узкая ленточка, ну, сущая Агриппина-старуха! Тонкія губы до того ввалились въ беззубый ротъ и до того сжаты, что,

кажется, деснамъ больно, хоть онѣ и мраморныя. Жестко сидѣть старику, ужъ онъ слишкомъ долго сидѣлъ на своемъ вѣку, бичуя зло и глупость человѣческую, издавая книгу за книгой, которыя, какъ безпощадная артиллерія, пробивали брешь за брешью въ отжившихъ, но все еще крѣпкихъ, какъ стѣны пеласгійскихъ построекъ, человѣческихъ ложныхъ вѣрованіяхъ, и подъ него подложили мраморную подушку, чтобъ ему не жестко было сидѣть и громить старыя стѣны человѣческой глупости.

Сѣдая борода остановилась въ нѣмомъ созерцаніи передъ этимъ страшнымъ старикомъ.

На мраморномъ крылѣ кресла глубоко прорѣзаны рѣзцомъ скульптора слова:

Houdon, fecit, 1781 *).

«Такъ вотъ ты гдѣ, могучій фернейскій отшельникъ. Какъ ты старъ, худъ и безпомощенъ. А не мощнымъ ли дыханіемъ этого беззубаго, старушечьяго рта ты затушилъ костры инквизиціи, пылавшіе столько столѣтій и приносившіе кровавыя гекатомбы тому доброму Богу, Который весь былъ кротость и всепрощеніе? Не твои ли жалкія, костлявыя руки остановили безжалостныя руки палачей, занесенныя въ застѣнкахъ и въ мрачныхъ тюрьмахъ надъ жертвами человѣческой глупости и неправды? Не эти ли слабыя руки расшатали старые порядки всего міра и внесли въ этотъ міръ новый свѣточъ знанія, правды, человѣчности. А какъ ты теперь жалокъ! Тебя притащили сюда съ какого-то чердака, гдѣ былъ ты заброшенъ съ старымъ, негоднымъ хламомъ, и помѣстили на почетное мѣсто, рядомъ съ «котомъ царя Алексѣя Михайловича».

Сѣдая борода подходитъ къ витринѣ, изъ которой выглядываетъ этотъ котикъ «тишайшаго». Подъ нимъ двѣ подписи, одна по-русски, та, что приведена выше, другая—французская, современная самому котику:

Le vray portrait du chat du grand Duc de Moscovie, 1661 **).

«Здравствуй, киця. Какъ-то ты терся и мурлыкалъ около державныхъ ногъ «тишайшаго»? Хорошо ли исполнялъ свою

*) Работы Гудона (Гудонъ сдѣлалъ) 1781.

**) Истинное изображеніе (портретъ) кота великаго-князя московскаго, 1661.

службу, хорошо ли ловилъ въ царскомъ терему мышекъ, не щадя живота своего? А можетъ и воробышковъ ловилъ вопреки государевымъ указамъ? И по крышамъ гулялъ съ дворскими кошечками? А служилъ ли ты вѣрою и правдою, безъ мотчанья, благовѣрному государю и великому князю Ѳедору Алексѣевичу! Вѣдь этотъ портретъ снятъ съ тебя какъ разъ въ годъ рожденія этого царевича, и ты, вѣрно, игралъ съ нимъ въ его царской колыбелькѣ. А дожилъ ли ты, старый котъ, до рожденія благовѣрной царевны Софьи Алексѣевны и благовѣрнаго царевича Петра Алексѣевича»?

Глубоко задумалась сѣдая борода, стоя у витрины съ котикомъ. Вѣдь и портретъ исторической звѣрушки способенъ навести на серьезныя историческія размышленія: для историка, все, всякая тряпка отъ прошлаго, портретъ кота, все это матеріалъ, какъ для геолога зубъ мамонта.

Тѣнь отъ зданія библіотеки растетъ и тянется все дальше, дальше. Бьетъ восемь часовъ.

Кто жъ это смотритъ такъ величаво на задумавшуюся сѣдую бороду? Это она, великая «Семирамида Сѣвера». Во весь свой царственный ростъ выступаетъ она изъ золотой рамы. Величаво поставилъ ее на своемъ полотнѣ даровитый художникъ. Около нея жертвенникъ съ горящимъ надъ нимъ огнемъ. Около нея книги, слѣды ея царственныхъ работъ и думъ. Атласное, тяжелое бѣлое платье, кажется, скрипитъ у нея на высокой груди отъ дыханія. Горностаевая мантія небрежно спущена съ плечъ и тянется по ковру.

Что выражаетъ ея неуловимая улыбка? А то, что она умнѣе всѣхъ, могущественнѣе, и какъ женщина, хитрѣе. Значитъ, была хитра, коли одурачила этого мраморнаго старика, этого злюку, чудовитаго язычка котораго боялась вся Европа. Храповицкій наивно записалъ въ своемъ «Дневникѣ» эту ея ловкую продѣлку подъ 6-мъ февраля 1791 года: «Австрійцы за насъ не вступятся,—говорила «Семирамида Сѣвера» Храповицкому въ то время, когда тотъ занимался «до поту перлюстраціей»: имъ обѣщанъ Бѣлградъ отъ пруссаковъ, кои, съ согласія Англіи, берутъ себѣ Данцигъ и Торунь. Я послала письмо къ Циммерману въ Ганноверъ по почтѣ, черезъ Берлинъ, дабы чрезъ то дать знать прусскому королю, что турокъ спасти онъ не можетъ. Я такимъ

образомъ смѣнила Шуазеля, переписываясь съ Вольтеромъ» (Дневникъ Храповицкаго, изд. Барсукова, 357).

Чисто женская продѣлка! Ловкая Семирамида знала, что и Фридрихъ-Вильгельмъ прусскій занимается въ Берлинѣ, какъ и она сама въ Петербургѣ, «перлюстраціей» чужихъ писемъ и непремѣнно прочитаетъ ея коварное письмо къ Циммерману, какъ въ Парижѣ, прежде, читали ея письма къ Вольтеру. А мудрый философъ думалъ, что она пишетъ ему лично: нѣтъ, ей хотѣлось свалить Шуазеля этимъ письмомъ, и она свалила его.

Въ другомъ мѣстѣ, подъ 5-мъ августа того же года у Храповицкаго записано: «Въ продолженіе разговора я напоминалъ государынѣ о смѣнѣ Шуазеля перепискою съ Вольтеромъ, и что нынѣ по корреспонденціи съ Циммерманомъ смѣнили Герцберга.—И впрямь такъ — изволили сказать,—я и забыла» (стр. 370).

Гдѣ же помнить всѣхъ, кого вы провели и вывели!

Сѣдая борода постояла передъ портретомъ, постояла, покачала задумчиво головой и снова присѣла къ столу, гдѣ лежала большая старая книга съ жесткими пожелтѣвшими листами. И опять та же невозмутимая, могильная тишина и тѣ же слабо доносящіеся извнѣ отзвуки жизни, замирающій стукъ экипажей, замирающій въ воздухѣ глухой звонъ далекаго колокола

Вечерній звонъ, вечерній вонъ!
Такъ много думъ наводитъ онъ...

Далекою стариною, молодостью повѣяло отъ этого стиха, словно отъ засохшаго и полинялаго лепестка розы въ пожелтѣвшемъ отъ времени альбомѣ.

А эти книги на полкахъ, массы книгъ, это тѣ же засохшіе лепестки жизни, слѣды думъ, страданій, счастья: это стоятъ на полкахъ высушенныя человѣческія головы, сердца и остовы покойниковъ.

Сѣдая борода, отодвинувъ отъ себя книгу, откинулась на спинку кресла и задумалась. Ни надъ чѣмъ такъ хорошо не думается, какъ надъ умной книгой.

Но что это какъ будто стукнуло тамъ, въ той половинѣ залы, гдѣ сидитъ мраморный старикъ? Нѣтъ, это такъ, это треснулъ на полкѣ гдѣ-то пересохшій переплетъ книги.

Стукъ повторился. Какъ будто скрипнула шашка паркета; другая, и паркетъ пересохъ, какъ кожаный переплетъ книги.

Слышутся какъ будто шаги въ «Россика». Но это, конечно, сторожъ. Нѣтъ, сторожъ спитъ.

Что же это? Шаги приближаются, медленные, тяжелые шаги. Да, кто-то идетъ.

Сѣдая борода оглядывается туда, откуда приближаются шаги. Что же это такое! Происходитъ что-то непостижимое, страшное...

Это идетъ тотъ мраморный старикъ, что сидитъ въ мраморномъ креслѣ. Не можетъ быть, чтобы это былъ онъ—мраморъ не можетъ ходить. Но нѣтъ, онъ идетъ: полы мраморной мантіи шевелятся; ноги въ мраморныхъ сандаліяхъ передвигаются мѣрно и медленно, какъ старческія ноги вообще; голова старика замѣтно трясется, плотно сжатыя губы беззвучно шевелятся и безжизненно-мраморные глаза свѣтятся жизнью: они устремлены впередъ, туда, гдѣ въ золотой рамѣ стоитъ у пылающаго жертвенника «Семирамида Сѣвера» съ опустившеюся съ плечъ горностаевою мантіей.

Что жъ это такое? Не бредъ ли разстроеннаго воображенія? Не сонъ ли? Нѣтъ, вонъ голуби по прежнему воркуютъ за окномъ и шуршатъ о карнизъ крыльями; съ Невскаго доносится глухой гулъ удаляющихся экипажей; все тотъ же вечерній звонъ доносится откуда-то издалека и точно таетъ въ воздухѣ.

Зашуршало что-то вправо и словно стѣна дрогнула. Это дрогнула золотая рама, задрожало полотно и отъ него медленно, неслышно отдѣлилась женщина въ горностаевой мантіи: она вышла изъ полотна и какъ тѣнь сошла на полъ, шурша складками атласнаго платья.

Вотъ она двигается, волоча за собою горностаевую мантію. На лицѣ все та же привѣтливая, но загадочная улыбка.

И мраморный старикъ, и женщина въ горностаевой мантіи сближаются, идутъ навстрѣчу другъ другу. И лицо мраморнаго старика скривилось улыбкой. Опущенныя руки поднимаются и почтительно складываются у сердца, дрожащая голова низко наклоняется.

— Ah! C'est vous, mon philosophe *)!—слышится тихій, ласкающій голосъ.

— C'est moi, madame! C'est moi, qui salue la grande Semiramis du Nord **)—шепчутъ мраморныя губы.

*) А! это вы, мой философъ!

**) Это я, государыня! Я привѣтствую великую Семирамиду Сѣвера!

— Какая счастливая встрѣча! Что привело васъ въ мое скромное царство? А меня еще такъ огорчило было ваше письмо къ князю Голицыну, въ которомъ вы писали обо мнѣ: «Où est le temps, que je n'avais que soixante et dix ans? J'aurais couru l'admirer! Où est le temps, que j'avais encore de la voix! Je l'aurais chantée sur tout le chemin du pied des Alpes à la mer d'Archangel *)!» А теперь вы пришли ко мнѣ, какъ я рада!

— Да, государыня, я пришелъ къ вамъ, несмотря на мои годы: меня давно манила къ себѣ великая сѣверная звѣзда... Я имѣлъ счастье писать вашему величеству: «C'est maintenant vers l'étoile du nord qu'il faut que tous les yeux se tournent. Votre majesté imperiale a trouvé un chemin vers la gloire inconnue avant elle à tout les autres souverains **)! и вотъ я у вашихъ ногъ.

Что-то захрустѣло вродѣ костей, и мраморный старикъ опустился на колѣни.

— О! Встаньте, встаньте! Не вамъ склонять передо мной ваши достойныя колѣни: весь міръ долженъ склониться передъ вашимъ геніемъ.

И она тихо положила руку на мраморное плечо старика.

— Встаньте!

И старикъ, стуча костями и мраморомъ, всталъ.

— Я повинуюсь вашему величеству. Но вспомните, что я писалъ вамъ, когда вы любезно приглашали меня на вашъ карусель: «La reine Falestrice ne donna jamais de carouzel, elle alla cajoler Aléxandre le Grand, mais Aléxandre serait venu vous faire la cour ***).

— И вы пришли вмѣсто него? Это очень любезно съ вашей стороны.

---

*) Гдѣ то время, когда мнѣ было только семьдесятъ лѣтъ? Я пришелъ бы, чтобы удивляться ей! Гдѣ то время, когда у меня еще былъ голосъ! Я воспѣлъ бы ее на всемъ пространствѣ отъ подножія Альпъ до Архангельскаго моря!

**) Теперь всѣ взоры должны обратиться къ звѣздѣ Сѣвера. Ваше императорское величество нашли путь къ славѣ, доселѣ невѣдомый всѣмъ прочимъ государямъ!

***) Царица Фалестрина никогда не устраивала каруселей,—она приходила только льстить Александру Великому; но Александръ самъ явился бы къ вамъ, чтобы ухаживать за вами.

— Смѣю ли я, государыня, такъ думать! Я скромный отшельникъ Фернея, жалкій старикъ.

— Не говорите такъ! Весь міръ вамъ рукоплещетъ...

— Рукоплескалъ, государыня... Теперь міръ рукоплещетъ только вамъ!

— Oh! vous me cajolez, mon philosophe *).

— Non, madame, tout le monde, tout l'univers vous cajole **)!

— О! Вы непобѣдимы...

— На словахъ, государыня, только... А вы...

— Что я! Слабая женщина... Не будь у меня друзей такихъ, какъ вы, я была бы ничто... Помните, я писала вамъ по поводу вашихъ словъ объ Александрѣ Македонскомъ: «По истинѣ, государь мой, я болѣе дорожу вашими сочиненіями, чѣмъ всѣми подвигами Александра, и ваши письма доставляютъ мнѣ болѣе удовольствія, чѣмъ угодливость, которую бы мнѣ оказалъ этотъ государь».

— Вы слишкомъ милостивы, государыня, — осклабляется беззубый ротъ.

— О, нѣтъ! Я только справедлива. Вы же ко мнѣ, дѣйствительно, болѣе чѣмъ милостивы.

— Чѣмъ же, ваше величество?

— А хоть бы вашими письмами къ князю Голицыну.

— А развѣ онъ давалъ ихъ читать вамъ, государыня?

По лицу вопрошаемой скользнула неуловимая тѣнь и спряталась въ глазахъ.

— Да, показывалъ.

Но лицо ея говорило не то, что говорили уста. Въ ея тонкой улыбкѣ сквозила картина, перенесшая ее въ прошлое, въ ея кабинетъ: у окна стоитъ Левушка Нарышкинъ и ловитъ муху, а въ сторонѣ, у особаго столика, сидитъ Храповицкій и, утирая фуляромъ красное вспотѣвшее лицо, перлюстрируетъ письма Вольтера къ князю Голицыну; сама же она сидитъ за своимъ письменнымъ столомъ и пишетъ тайное посланіе Фридриху прусскому о раздѣлѣ Польши: «Tout cela, monsieur mon frère, me confirme dans le sentiment que pour aller à jeu sûr, il sera

---

*) О! вы мнѣ льстите, мой философъ.

**) Нѣтъ, государыня,—весь міръ, вся вселенная льститъ вамъ!

plus convenable—de rendre mon parti en Pologne supérieur par une somme considérable — pour acheter cet état qui n'attende que des marchands pour se vendre *).

— Да,—повторила она съ тою же загадочною улыбкой,— я читала ваши письма къ князю Голицыну. Еще въ одномъ вы обращаетесь къ поэту Томасу.

— Помню, помню, государыня.

— И говорите: «M-r Thomas! vous qui êtes jeune et qui avez meilleure voix que moi, vous avez déjà célébré Pierre I en trois chants, je vous en demende un quatrième pour Catherine Seconde **).

— Это правда, государыня.

— Но я продолжаю утверждать, что вы больше приписываете мнѣ, чѣмъ я заслужила. Вы пишете Голицыну. «Le titre de mère de la patrie restera à l'impératrice malgré elle. Pour moi, si elle vient à tout d'inspirer la tolérance aux autres princes, je l'appellerai la bienfaitrice du genre humain ***).

— Oui, madame, c'est vrai ****),—лукаво улыбается старикъ.

— Нѣтъ, это слишкомъ много. Вы даже говорите тамъ, что le mérite des français est qu'on célèbre mes louanges dans leur langue qui est devenue, je ne sais comment, celle de l'Europe *****)».

— Но это правда, государыня,—улыбается лукавый старикъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Изъ угожденія мнѣ вы унижаете Францію и

---

*) Все это, государь, братъ мой, укрѣпляетъ меня въ сознаніи, что для того, чтобы итти на вѣрную игру, слѣдуетъ только дать моей партіи въ Польшѣ перевѣсъ съ помощью суммы, достаточной для того, чтобы купить эту страну, которая ждетъ только покупателей, чтобы продаться имъ.

**) Г. Томасъ! вы, у котораго есть молодость и голосъ лучше моего— вы уже прославили Петра I въ трехъ гимнахъ: я прошу у васъ четвертаго—для Екатерины Второй!

***) Титулъ Матери отечества останется за императрицею даже вопреки ея волѣ. Что касается меня, то—если она внушитъ другимъ государямъ такое же милосердіе—я назову ее благодѣтельницею рода человѣческаго.

****) Да, государыня,—это правда.

*****) Заслуга французовъ состоитъ въ томъ, что они воздаютъ мнѣ хвалу на своемъ языкѣ, который сдѣлался, я не знаю почему, языкомъ всей Европы.

весь Западъ. Когда я васъ спрашивала, сожжена ли книга аббата Базэна, вы отвѣчали, что еще нѣтъ, и прибавили, будто бы во Франціи подозрѣваютъ, что книга написана въ Россіи, ибо истина, какъ вы выразились, приходитъ съ Сѣвера, съ Запада же только бездѣлушки, «la vérité vient du Nord, comme les colifichets vient—de l'Occident *).

— И здѣсь я не преувеличилъ, государыня.

— О, вы слишкомъ добры къ намъ, сѣвернымъ варварамъ.

— Mais non, madame **)! Я повторяю ваши слова: я только справедливъ.

— Даже тогда,—съ ярко блеснувшимъ взоромъ перебила она его,—когда предсказывали, что мои подданные будутъ ставить мнѣ храмы, какъ божеству?

— Даже и тогда, государыня.

— А помните, что я отвѣчала вамъ на это?

— Простите, всемилостивѣйшая государыня, забылъ, вѣдь я такъ старъ.

— Такъ я напомню вамъ. Я отвѣчала: «Отъ всякаго другого, кромѣ васъ и вашихъ достойныхъ друзей, я не желала бы быть поставленною въ число тѣхъ, которыхъ такъ давно боготворило человѣчество. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни мало во мнѣ самолюбія...

На этомъ словѣ она точно поперхнулась, а старикъ закашлялся...

— Но,—продолжала она,—поразмысливъ, невозможно желать видѣть себя приравненною лотосамъ, луковицамъ, кошкамъ, телятамъ, шкурамъ звѣрей, змѣямъ, крокодиламъ и всякаго рода животнымъ. Послѣ такого исчисленія, какой человѣкъ пожелаетъ храмовъ! Нѣтъ, лучше оставьте меня на землѣ, я лучше хочу получать ваши и вашихъ друзей письма, Даламберовъ, Дидеротовъ и другихъ энциклопедистовъ...

Въ этотъ моментъ въ «Россика» что-то зашуршало. Изъ какого-то шкафа тихо вылѣзла человѣческая фигура, въ форменномъ камзолѣ и въ парикѣ. Ба! да это старый знакомый, добрѣйшій Степанъ Ивановичъ Шешковскій. Услыхавъ слово «энциклопедисты», онъ сейчасъ догадался, что ему, вѣрно, предстоитъ «дѣло»—кого-нибудь «взять» и «допросить». Онъ спрятался за

---

*) Истина приходитъ съ Сѣвера, подобно тому какъ бездѣлушки—съ Запада!

**) Нѣтъ, государыня.

спящаго сторожа и выжидалъ удобной минуты. Но онъ жестоко ошибся, услыхавъ послѣдующій разговоръ женщины въ горностаевой мантіи съ мраморнымъ старикомъ.

— А подвигается ли дѣло съ печатаніемъ энциклопедіи?— спросила первая.

— Нѣтъ, государыня.

— Почему же?

— Не позволяютъ продолжать.

— О, какая жестокая несправедливость Повѣрьте мнѣ, — всѣ чудеса на свѣтѣ не въ состояніи смыть пятна отъ помѣшательства печатанію энциклопедіи*).

— Что дѣлать, государыня! Не всѣ такъ смотрятъ на печать какъ вы, либеральнѣйшая и мудрѣйшая изъ владыкъ міра.

— Правда, государь мой, я глубоко убѣждена, что свобода печати великое благо народовъ.

— Къ сожалѣнію, государыня, не всѣ такъ думаютъ.

— Да, истинно жаль... И энциклопедисты преслѣдуются?

— Преслѣдуются, государыня.

— Oh, malheur aux persécuteurs**)! — воскликнула она страстно.

Шешковскій вздрогнулъ и поблѣднѣлъ.

— Malheur aux persécuteurs! — повторила женщина въ мантіи,—они заслуживаютъ того, чтобъ ихъ помѣстили въ разрядъ тѣхъ божествъ, о которыхъ я говорила—змѣй, крокодиловъ и дикихъ звѣрей: вотъ ихъ истинное мѣсто***).

При послѣднихъ словахъ, Шешковскій, блѣдный какъ полотно, снова скрылся въ шкафъ.

У ногъ женщины въ горностаевой мантіи послышался шорохъ. Она оглянулась. У подола ея, шурша атласнымъ платьемъ и выгибая пушистую спинку, терся и ласково мурлыкалъ котикъ царя Алексѣя Михайловича.

— А, это ты, киця!—ласково сказала женщина въ мантіи.

Мраморный старикъ скорчилъ лукавую улыбку.

— Даже звѣри несутъ дань удивленія вашему величеству.

---

*) Эти слова взяты изъ письма Екатерины II къ Вольтеру.
**) Горе преслѣдователямъ!
***) Тоже изъ письма Екатерины Алексѣевны.

Она нагнулась, чтобы погладить котика.

— Кисынька! Кисынька!—позвала она.

— Кисынька! Кисынька!—злобно сверкнувъ глазами, отвѣчалъ ей котъ человѣческимъ голосомъ, и, распушивъ хвостъ, прыгнулъ въ свою витрину.

Въ этотъ моментъ изъ-за полотна въ золотой рамѣ тихо выдвинулись двѣ человѣческія тѣни и стали подвигаться къ женщинѣ въ горностаевой мантіи. Но она не видѣла ихъ, стоя лицомъ къ востоку.

— Malheur aux persécuteurs!—проговорилъ какъ бы про себя мраморный старикъ.

— Malheur! Malheur! Malheur aux persécuteurs! — откликнулись на его слова двигавшіяся къ нему тѣни.

Женщина въ мантіи вздрогнула и обернулась.

— Новиковъ и Радищевъ!—чуть слышно прошептала она.

Затѣмъ, гордо поднявъ голову и сдѣлавъ повелительный жестъ рукою, громко сказала:

— Шешковскій!

Степанъ Ивановичъ какъ изъ земли выросъ.

— Что прикажете, ваше императорское величество?

Она жестомъ указала на вытянувшіяся противъ нея тѣни и, не взглянувъ на стоявшаго сзади мраморнаго старика, величественно вошла въ свою золотую раму.

Огонь на жертвенникѣ вспыхнулъ ярко, освѣщая корчившіеся въ пламени листы какихъ-то книгъ, изъ которыхъ на крышкѣ одной ясно вырисовались слова: «Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву».

Мраморный старикъ задумчиво воротился въ свое мраморное кресло и снова окаменѣлъ.

— Ваше превосходительство! Ваше превосходительство!—раздался голосъ сторожа.

— Что! Что такое?—очнулась сѣдая борода.

— Звонятъ-съ, пора уходить, девять часовъ, сичасъ запрутъ библіотеку.

— А-а! А мнѣ казалось...

КРЫМСКАЯ НЕВОЛЯ.

I.

Весна и лѣто 1672 года были тяжкою годиною для всей нынѣшней южной Россіи и въ особенности для западной, заднѣпровской, или правобережной Украины.

На юговостокѣ Россіи, по всему среднему и нижнему Поволжью, послѣ погрома скопищъ Стеньки Разина и казни его самого, шло кровавое «смиреніе» несчастнаго края тяжкою рукою боярина князя Одоевскаго въ примѣръ «грядущимъ родамъ».

На юго-западѣ, въ правобережной или «тогобочной» Украинѣ, населеніе стонало подъ страшною пятою невиданнаго, небывалаго гостя, самого турецкаго падишаха, Магомета IV, съ его дикими ордами, крымскою, бѣлогородскою и иными.

Виновникомъ нашествія на заднѣпровскую Украину Магомета IV и его полчищъ былъ гетманъ Дорошенко. Гордый, самолюбивый и непреклонный, онъ пылалъ гнѣвомъ и на Польшу, которая считала западную Украину своею прислужницею, и на Москву, которая не рѣшалась брать его, Петра Дорошенка, подъ свою высокую руку съ обѣими Украйнами, правобережною и лѣвобережною, и на Запорожье, которое не хотѣло итти у него въ поводу. Въ порывѣ своего казацкаго гнѣва, думая насолить и Польшѣ, и Москвѣ, и Запорожью, онъ, повинуясь только своему страстному темпераменту, вдругъ объявилъ себя подданнымъ Магомета IV и звалъ его на Польшу. Падишаха не трудно было соблазнить такимъ приглашеніемъ: Польша открывала ему и всему мусульманскому міру широкія ворота въ западную Европу, куда падишахи давно порывались пробраться по трупамъ Австріи и Венеціи, но доселѣ получали отпоръ... Крестъ заступалъ дорогу полумѣсяцу въ его побѣдномъ шествіи на западъ...

Съ ранней весны 1672 года турецкія и крымскія орды стали наводнять Подолію и Волынь. Самъ Магометъ IV съ трехсотъ-тысячнымъ войскомъ шелъ на Каменецъ-Подольскъ. Это было поражающее шествіе. Съ владыкою и повелителемъ правовѣрныхъ двигались не только сотни тысячъ войскъ всѣхъ оружій, всѣхъ типовъ и національностей, турки, арабы, анатолійцы, египтяне, румелійцы, албанцы, греки, арнауты, черкесы, болгары, молдаване, сербы, армяне и курды, необразимыя стада вьючнаго и невьючнаго скота, обозы телѣгъ, каретъ, кричащихъ на всю степь арбъ, но и цѣлые подвижные города палатокъ, мечетей и лѣса бунчуковъ хвостатыхъ, значковъ и знаменъ. Тутъ же шествовали съ крикомъ, плачемъ и воплемъ цѣлыя ватаги плѣнныхъ, преимущественно женщинъ, дѣвушекъ и красивыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ.

Всесокрушающимъ ураганомъ прошли эти орды до Каменца, перваго укрѣпленнаго пункта западноцивилизованнаго міра... Крики «Алла»! вездѣ носились въ воздухѣ, какъ зловѣщія карканья стай вороновъ и орловъ-стервятниковъ... Отъ топота и ржанія лошадей и реба стадъ стонали степи и лѣса.

Каменецъ не могъ противиться страшнымъ силамъ падишаха: онъ былъ взятъ и поруганъ, надъ изломаннымъ крестомъ водрузился полумѣсяцъ.

Вотъ какъ, въ краткихъ словахъ, описываетъ украинскій лѣтописецъ это нашествіе: «Того-жъ года, на непрестанное Дорошенково желаніе помочи отъ турка, самъ турецкій царь или султанъ пришелъ подъ Каменецъ-Подольскій, куда приспѣли и ханъ съ Дорошенкомъ. И по двохъ недѣляхъ граждане, безъ войска бывшіе, Каменецъ турчину отдали, гдѣ для въѣзду султанова, очищая мѣсто, изъ гробовъ людей мертвыхъ выбирано и внѣ города вывожено, а по улицамъ, гдѣ было болото, мосты дѣлано въ присутствіи Дорошенка властолюбца. И тамъ же изъ костеловъ и церквей мечети пороблено и кресты и звоны низвержено, только три церкви себѣ русь выпросили, а армени одну. И оттуда царь турецкій везира и хана и Дорошенка съ войскомъ посылалъ городы разорять, а людей въ полонъ брать... И тогда изъ Украины польской жолнере всѣ, при Ханенку бывшіе, до короля помаршировали; но наказного Ханенкового тогда уловивши, Дорошенко убилъ»...

Другой лѣтописецъ еще болѣе мрачными красками рисуетъ

эту бѣдственную годину правобережной Украины. «Того-жъ лѣта, говоритъ онъ, турчинъ со всѣми войсками рушилъ подъ Каменецъ, розсказавши и хановѣ крымскому къ себѣ ити. Итакъ, ханъ крымскій, зейшовшися зъ гетманомъ Дорошенкомъ, тягнули мимо Ладыжинъ на Батогъ. И тамъ гетманъ Ханенко и рейментарь панъ каштелянъ подлескій мѣли потребу зъ опыми, але же ихъ силы великіе не додержавши, мусѣли уступати до Ладыжина исъ шкодою. А ханъ и Дорошенко, не займаючи Ладыжина, зъ войсками потянули просто подъ Каменецъ до турчина, гдѣ и турчинъ притягнувши, Каменецъ найшовши не въ готовности, бо войска зъ Каменця выйшли на тотъ часъ были, за упрошеніемъ мѣщанъ, же не сподѣвалися того приходу турчинового. Гдѣ тилько недѣль двѣ держалися, але знать южъ божескій гнѣвъ наступилъ, бо порохи въ цекгавзу запалились, гдѣ много замку выкидало. Итакъ, Каменецъ здали, гдѣ и самъ турчинъ, маючи тамъ уѣхати, приказалъ, абы умерлыхъ зъ склеповъ выбрано и за мѣсто вывезено, що заразъ учинено: всѣхъ умерлыхъ такъ зъ склеповъ, яко и зъ гробовъ выкопано и за мѣсто вожено, а образы божіе, беручи зъ костеловъ и церквей, по улицамъ мощено, по болотахъ по которыхъ турчинъ въѣхалъ въ Каменецъ и его подданный незбожный Дорошенко гетманъ. Не заболѣло его серце такого безчестія образовъ божіихъ задля своего несчастливаго дочасного гетманства! И того часу мечети зъ костеловъ и церквей починено, зъ фары самому царевѣ турецкому... И въ Каменцѣ турки усѣ звоны поскидали и порозбивали, а иные Дорошенко побралъ, также и крестъ нигдѣ не одержался, поскидано»... *).

Лѣтописецъ говоритъ о церквахъ, иконахъ, крестахъ... А что было съ людьми!..

II.

— Гетманъ ѣдетъ! Гетманъ ѣдетъ!—послышалось въ толпѣ каменецкихъ обывателей, которые съ горестью и тревогою смотрѣли, какъ толпы татаръ и турокъ, съ кирками, мотыгами и лопатами въ рукахъ, выравнивали дорогу и чинили мостъ черезъ пропасть, отдѣлявшую городъ отъ цитадели.

---

*) Изъ «Лѣтописи самовидца», по прекрасному изданію г. Ореста Левицкаго (Кіевъ, 1878, стр. 114—115, 273—274).

— Какой гетманъ? Ханенко, польской стороны?—спрашивали другіе.

— Э! Гдѣ тамъ Ханенко! Ханенко съ панами ляхами, съ Лянскоронскимъ да старостою Потоцкимъ пятами покивали изъ Каменца нашего.

— А! Такъ это потурнакъ, Дорошенко...

— Онъ... Совсѣмъ побусурманился... И не запеклось кровью его сердце, глядючи, какъ гробы нашихъ отцовъ вырывали да образа въ грязь кидали...

— А кто-жъ это съ нимъ, молодой, при боку?

— А Мазепа-жъ писарь.

— А! Слышали: этотъ, сказываютъ, мягко стелетъ...

Это они говорили о двухъ всадникахъ, спускавшихся съ цитадельной горы на мостъ. Одинъ изъ нихъ былъ чорный, плотный мужчина съ понурыми усами и черными стоячими глазами, въ богатомъ кунтушѣ и въ невысокой шапочкѣ съ перомъ. Это былъ Дорошенко. Другой, молодой, бѣлокурый съ ласковыми сѣрыми глазами и по-польски «закренцоными» усами—Мазепа, начавшій уже дѣлать себѣ карьеру.

— Подъ Москвою намъ быть не рука,—тихо говорилъ Мазепа, гладя гриву своего коня.

— Да, оно правда: батько Хмельницкій далъ маху,—задумчиво отвѣчалъ Дорошенко.

— А твоя милость поправитъ дѣло,—подольстился Мазепа.

— Да крови это много стоитъ.

— Такъ... безъ крови и зубъ не падаетъ... А вѣдь твоя милость какой зубъ у Москвы вырвешь.

Дорошенко сурово потупился и ничего не отвѣчалъ.

— А жить подъ турчиномъ не то, что подъ Москвой: у турчина что у Христа за пазухой, а у Москвы и за пазухой ежевыя рукавицы,—продолжалъ подольщаться бѣсъ.

Дорошенко какъ-то сердито потянулъ правый усъ еще ниже.

— Да, вонъ ханъ крымскій, чѣмъ не панъ?—глядя въ сторону, проворчалъ онъ,—отъ же царь, у Москвы поминки беретъ, а не то что ей даетъ...

Рабочіе крымцы и турки, при видѣ гетмана, перекидывались между собою словами и дѣлали знаки почтенія. Дорошенко привѣтливо кивалъ имъ головой, а Мазепа шутилъ по-татарски, а татары отвѣчали ему веселымъ смѣхомъ.

— У! Собачьи сыны!—сквозь зубы процѣдилъ одинъ изъ каменчанъ.

— Потурнаки проклятые!—пояснилъ другой.

Отъ толпы каменчанъ отдѣлился одинъ, хорошо одѣтый въ синюю свитку, старикъ и, приблизившись къ проѣзжавшему мимо Дорошенкѣ, снялъ шапку.

— Ясновельможный пане гетмане!—заговорилъ онъ,—Чини милость твою.

Дорошенко осадилъ коня.

— Что тебѣ нужно, старикъ?—спросилъ онъ скороговоркой.

— Смилуйся, пане! Не вели церкви грабить и надъ образами ругаться.

Хмурое лицо гетмана потемнѣло еще больше. Онъ еще сердитѣе дернулъ себя за усъ.

— Это не моя воля,—какъ-то не то досадливо, не то съ подавленнымъ стыдомъ отвѣчалъ онъ.

— Какъ не твоя, паночку!—взмолился старикъ.

— Не моя: это воля пресвѣтлаго султанскаго величества,—отрѣзалъ гетманъ.

— О, Боже жъ нашъ! Боже!

— Его пресвѣтлое султанское величество караетъ вашъ городъ за ваши вины,—поторопился пояснить Мазепа.

— Какія-жъ наши вины, паночку!

— Вы противности чинили волѣ падишаховой...

Въ этотъ моментъ не далеко раздался конскій топотъ и дѣтскій крикъ.

— Мамо! Мамо! Оо!—отчаянно голосилъ ребенокъ.

Всѣ оглянулись. Вдоль пропасти, черезъ которую перекинутъ былъ цитадельный мостъ, по узенькой тропѣ скакалъ татаринъ съ колчаномъ и стрѣлами за спиною. Одной рукой онъ обхватилъ дѣвочку, лѣтъ около десяти или немного менѣе, которая билась на сѣдлѣ, стараясь вырваться. Дѣвочка была прелестна: золотистые, какъ червоное золото волосы ея горѣли на солнцѣ; бѣлое личико, черныя дугой брови, бѣлая, шитая краснымъ сорочечка, вся она смотрѣла какимъ-то цвѣточкомъ.

— Мамо! Мамо! Оо, мамуленько!

За татариномъ, отчаянно рыдая, бѣжала женщина.

— Ратуйте, кто въ Бога вѣруетъ!—вопила она.—Татаринъ дитину укралъ! Оо! Ратуйте! Ратуйте!

Нѣкоторые изъ каменчанъ бросились было на переемъ хищника, но онъ пришпорилъ коня и умчался какъ вихорь, оставивъ за собою только клубы пыли.

Несчастная мать, въ изнеможеніи упавъ на землю, билась и ломала себѣ руки...

Дорошенко и Мазепа, воспользовавшись общей суматохой, незамѣтно скрылись въ извилистыхъ улицахъ города.

III.

Стояла теплая, сухая, прекрасная осень, какая только можетъ быть въ Крыму.

Въ Крымъ, черезъ Перекопъ, возвращались два татарскихъ загона, одинъ изъ-подъ Каменца, другой изъ-подъ Полтавы. Оба загона были обременены богатою добычею. Вьючныя лошади изнемогали отъ тяжести всякаго награбленнаго хищниками добра, которое бѣднымъ конямъ взвалили на спину. Изъ переметныхъ сумъ и мѣшковъ, перекинутыхъ черезъ ихъ спины, выглядывали цвѣтныя ткани, богатая суконная и шелковая одежда, шали, ковры и прочее, прикрытое отъ пыли и дождя кошмами и войлоками. Тамъ же погромыхивала золотая, серебряная и мѣдная посуда, чары, рюмки, стопы, блюда, оклады съ иконъ и церковная утварь. Иногда на верху всего этого торчала и покачивалась изъ стороны въ сторону хорошенькая головка дѣвочки или мальчика: юные полонники это ѣдутъ въ невѣдомую чужую сторону, въ крымскую неволю... Маленькія ножки ихъ притомились въ далекой дорогѣ и отъ тоски по родной землѣ, по матерямъ, съ которыми ихъ разлучила неволя, и вотъ «добрый» татаринъ усадилъ ихъ на коня, на вьюки грабленнаго, «добрый» ради того, чтобы добыча его не захворала въ пути, убавилась бы въ красотѣ и цѣнѣ на невольничьемъ рынкѣ, а то какъ бы и совсѣмъ не померла...

Тутъ же шли и невольники, полоняники и полонянки: молодые парни и дѣвушки, молоденькія бабы, большею частью подолянки и волынянки; около иной молодой матери бѣжали дѣти, это, значитъ, захвачена вся семья въ полѣ, а отецъ или убитъ или безъ вѣсти пропалъ. Между полоняниками виднѣется больше крупный народъ, здоровый, эти пойдутъ по высшей цѣнѣ на человѣческомъ рынкѣ. Иные изъ невольниковъ идутъ навязан-

ные на канаты, сворами, а иногда и скованные. Болѣе смирные повидимому идутъ на свободѣ. Женщины также идутъ не на сворахъ. За ними особенно смотрятъ хищники, особенно ухаживаютъ, чтобы дорогой не захворали, не спали съ лица, не потеряли бы красоты, словомъ: не подешевѣли бы... ихъ и кормятъ лучше, и отъ непогоды и солнца укрываютъ, равно какъ и хорошенькихъ дѣтей...

Сами татары идутъ и ѣдутъ въ-разсыпную: имъ теперь остерегаться нечего, въ своей землѣ... Перекопъ пройденъ уже: Оръ-Богази и Оръ-Капи назади остались, вонъ, вправо, безъ конца синѣется Черное море, а прямо безбрежное море степи, кое-гдѣ всхомленное курганами и упирающееся въ отроги зеленыхъ, чуть синѣющихся издали крымскихъ горъ.

Позади всего идутъ стада скота и табуны лошадей.

Степь послѣ дождей покрылась второю роскошною зеленью. Цѣлое цвѣтное море растилается и вправо, и влѣво, и прямо передъ глазами. Голубые колокольчики, гіацинты, словно роскошный коверъ брошенъ на степь могучею рукою. Маки и тюльпаны такихъ яркихъ цвѣтовъ, какіе умѣетъ создать и раскрасить только щедрое южное солнце, словно спорятъ между собою красотою и роскошью...

Дивный край, дивное небо, чудное море, божественная степь!.. а люди, что идутъ по ней, чувствуютъ себя несчастными вдали отъ своего неба, отъ своихъ степей...

Вонъ идетъ небольшая группа полоняниковъ: одинъ уже пожилой, но здоровый мужчина, въ ободранномъ костюмѣ московскаго ратнаго человѣка, уже полусѣдой; онъ бодро приглядывается къ степи, къ далекимъ горамъ—словно бы онъ домой возвращался; рядомъ съ нимъ прелестная съ огненными волосами дѣвочка, та, которую въ Каменцѣ татаринъ похитилъ на глазахъ ея матери и въ виду Дорошенка и Мазепы; по сторонахъ ихъ парень, «парубокъ» съ высоко подстриженной черноволосой головой, въ бѣлой рубахѣ и широкихъ украинскихъ штанахъ, и дѣвушка въ красной запаскѣ и съ черною косою... Ратный часто поглядываетъ на маленькую свою спутницу...

— Что, дѣвынька, не устали ножки?—ласково спрашиваетъ онъ дѣвочку, золотоголовую подоляночку, гладя ея золотую головку.—Устали? А?

— Ни, дидушка,—отвѣчаетъ дѣвочка, вскидывая на него свои большіе, черные, грустные глаза.

— А о матушкѣ да о батюшкѣ, дѣвынька, ты не кручинься: погоди маленько... я старый воробей, бывалъ въ полону, знаю ихъ порядки.... Мы съ тобой убѣгемъ, пра, дѣвынька!

Дѣвочка грустно улыбается и боязливо взглядываетъ на татарина, идущаго поодаль.

— А ты его, горбоносово, дѣвынька, не бойся,—киваетъ онъ на татарина,—онъ, какъ сова, ничего не разумѣетъ по нашему... ишь, только буркалы пялитъ.

Татаринъ глядитъ на дѣвочку и улыбается.

— Ишь, тоже зубы щеритъ, собака!

Татаринъ еще пуще щерится на дѣвочку; и его восхищаетъ этотъ прелестный ребенокъ...

IV.

— И вы тожъ носы-тѣ не вѣшайте,—обратился словоохотливый ратный къ взрослой «дивчинѣ» и къ «парубку»,—я этотъ полонъ знаю, не впервой, чать... Мое дѣло старое, всюду бывано, все видано... Взяли меня въ первой въ полонъ эти же черномазые, крымскіе татаровя, лѣтъ тридцать тому назадъ, загономъ, и свели въ городъ Кафу, ужъ и городина же! На базарѣ нашево брата, полоняника, что телятъ стадо, видимо-невидимо!.. И работалъ я въ Кафѣ на катаргѣ съ нашими же московскими да черкасскими людьми лѣтъ съ десять будетъ. А въ Кафѣ на базарѣ же купилъ меня турчинъ и повезъ моремъ до Царя-города, а въ Царѣ-городѣ проданъ я былъ въ Анадольскую землю, а изъ Анадольской въ Кизылбашскую, и былъ я, дѣтушки мои, бусурманенъ, по средамъ и пятницамъ и въ великіе и малые посты мясо и всякую скверну ѣдалъ... А все это наплевать!.. А въ Анадоліи работалъ у армянина на огородѣ и вѣру держалъ арменскую, съ нашею православною малость схожа, и проскуры арменскія ѣдалъ, токмо шихъ арменской не исповѣдывалъ, а у татаровей по-татарски маливался въ шапкѣ, всего бывало... А изъ Кизылбашей продали меня къ фараонамъ къ самимъ, и у фараоновъ я жилъ, и по-фараонски хаживалъ и ѣдалъ, эко диво! наплевать на все!.. А у фараоновъ отгромили меня шпансково короля нѣмцы-дуки, а дуки-нѣмцы продали меня францовскимъ

нѣмцамъ во францовскую землю, а во францовской землѣ я у папежина ксенза бывывалъ и секраментъ ихъ ѣдалъ, что мнѣ наплевать! свово-то Бога, Миколу-угодника, я не забывалъ... А францовскіе нѣмцы дали мнѣ памятку на бумагѣ, и вышелъ я изъ францовской земли вольно, и по-францовски и по-турецки говаривано и пѣсни пѣто... А оттелева прошолъ я въ цысарскую землю, а изъ цысарской земли на Аршавъ городъ, а изъ Аршава города въ Кеивъ... Такъ-то, дѣтушки, всево видано... Не пропадемъ и топерево...

Солнце клонилось къ западу. И вьючныя лошади, и полоняники, и сами татары видимо притомились. Пора бы и привалъ сдѣлать. Золотоголовая подоляночка, внимательно слушавшая неутомимаго «москаля», шла молча, по временамъ оглядываясь назадъ.

— Что, дѣвынька, оглядываешься?—ласково спросилъ ее москаль.—Али батюшку съ матушкой ждешь съ родной сторонки?

У дѣвочки навернулись слезы на глазахъ... Вотъ-вотъ брызнутъ изъ прекрасныхъ глазъ на чужую землю...

— Не плачь, дитятко,—утѣшалъ ее сердобольный москаль,—еще увидимъ батюшку съ матушкой, пра увидимъ... Я тебя на рукахъ вынесу изъ полону...

И онъ снова гладилъ ее по головкѣ...

— А какъ былъ я въ Кафѣ на катаргѣ,—продолжалъ онъ болтать, видимо желая отогнать тоску и отъ себя и отъ своихъ спутниковъ,—какъ работали мы въ Кафѣ, такъ научили меня ваши черкаскіе полоняники одной пѣсенкѣ... Ужъ и пѣсня же, я вамъ скажу!.. Это объ томъ, примѣромъ сказать, пѣсня, какъ татаровя въ полонъ взяли волыночку, вотъ такую же дѣвыньку, какъ и ты,—обратился онъ къ своей маленькой спутницѣ.

У дѣвочки у самой давно пыла на сердцѣ эта пѣсня: ей часто пѣвала ее мать...

— Ужъ и пѣсня же!—продолжалъ болтливый москаль, и тихонько затянулъ ее, безбожно коверкая на московскій ладъ украинскую рѣчь пѣсни:

Какъ изъ-за гары-гары,
Изъ-за темнаво лѣсу
Татаровя бѣгутъ,
Въ полонъ валыночку ведутъ.

А у валыначки каса
Изъ залатова воласа...

— Вотъ все едино, что твоя, дѣвынька.

И онъ дотронулся рукой до золотой головки дѣвочки. Ближайшій татаринъ продолжалъ итти молча, добродушно и ласково взглядывая на своихъ плѣнныхъ и въ особенности на дѣвочку: пускай-де не скучаютъ, съ цѣны не спадутъ.

И москаль опять затянулъ, лукаво поглядывая на татарина, какъ бы говоря: «вишь ты собачій сынъ. и не думаемъ утекать отъ тебя, пѣсни поемъ»...

У валыначки каса
Изъ залатова воласа,
Темнай боръ освѣтила
И зеленую дубраву
И битую дарогу.
За нею въ пагоню
Батенька ее.
Кивнула-махнула
Бѣлаю рученькай:
Вернися, родненькай!
Ужъ меня ты не отнимешь,
Самъ марна загинешь:
Занесешь галовушку
На чужую старонушку,
Занесешь ачицы
За турецки границы...

Въ это время въ передовомъ загонѣ раздался сигнальный рожокъ. Ему отвѣтили другіе рожки изъ другихъ концовъ. Все разомъ какъ бы встрепенулось...

— Баста, привалъ!—сказалъ москаль, лукаво подмигивая своему татарину.—Аллахъ керимъ! Ала-ла! Знай нашихъ!

Татаринъ совсѣмъ дружески осклабился и показалъ на небо и на землю, повторяя: «Алла-Алла»...

V.

Привалъ сдѣлали вокругъ высокаго кургана, гдѣ по близости было вырыто въ небольшихъ ложбинахъ нѣсколько колодцевъ. Скотъ развьючили. И татары и ихъ полоняники собирались въ группы, рвали сухую траву и колючки, собирали кизякъ, и сносили все это въ кучи, чтобъ разводить огонь на ночь и готовить и себѣ и полоняникамъ ужинъ. «Москаль» таскалъ всякую сушь

охапками и складывалъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ рядомъ съ подолянкой въ красной запаскѣ усѣлась на отдыхъ его маленькая, золотоголовая дѣвочка.

Степь ожила, несмотря на то, что близилась ночь. По всей равнинѣ, какую только можно было окинуть глазомъ, бродили разноцвѣтныя группы людей, стада скота и лошадей, говоръ, лошадиное ржанье. Небо темнѣло. Кое-гдѣ начинали уже вспыхивать и потухать огоньки. Надъ моремъ и на морѣ лежали багровыя полосы вечерней зари. Въ воздухѣ слышался звонкій клекотъ запоздавшихъ и возвращавшихся въ свои неприступныя дебри и на скалы орловъ. Въ травѣ стрекотали и неугомонно ковали свою однообразную пѣсню земляные кузнечики. Засвиристѣла грустная свирѣль пастуха у воловьяго стада. Слышалось человѣческое вытье, тягучая, безконечная и тоскливая, какъ чужбина, татарская пѣсня...

«Москаль» притащилъ и свалилъ къ ногамъ своей любимицы «дѣвыньки» послѣднюю охапку суши и кизяковъ, а потомъ досталъ изъ-за пазухи пучокъ свѣжихъ цвѣтовъ.

— Вотъ тебѣ, дѣвынька, твяточки, лазоревы и аленьки и спни, побалуй ими, дитятко,—любезно презентовалъ онъ цвѣты своей любимицѣ.

Дѣвочка взяла цвѣты, съ грустною улыбкою полюбовалась ими и раздѣлила пукъ съ сосѣдкою.

— А я вотъ костерчикъ налажу, на ночь оно хорошо, тепленько,—хлопоталъ неугомонный «москаль».

Къ нимъ подходили другіе полоняники и татары. «Москаль» заговаривалъ со всѣми, кто, какъ, откуда, гдѣ попался? Кивалъ головой, ахалъ, причмокивалъ губами, утѣшалъ... Онъ былъ какъ дома: всѣхъ за дорогу успѣлъ перезнать, называлъ по именамъ... Онъ и съ татарами, казалось, былъ другъ: кому подмигнетъ, улыбнется, потреплетъ по плечу, заговоритъ: «эй ты, Гирейка! Якши! Чурухъ—су... я манъ коба... кизилъ якши!.. Иной улыбнется, тоже скажетъ «якши» или иное слово, другой нагайкой стегнетъ, «москаль» почешется, поворчитъ: «ишь лядина! Съ нимъ шутишь, а онъ, на! Дерется...»

Татары раздавали ужинъ полоняникамъ, по куску хлѣба и баранины. «Москаль» развелъ огонь, отдалъ половину своего куска баранины «дѣвынькѣ»...

— На, дѣвынька, кушинькай мясцо.

— Я, дидушка, не хочу.

— Ладно, не хочу: жуй помаленьку.

Степь окуталась мракомъ ночи, только костры мигали по равнинѣ, да двигались тѣни татаръ: это они связывали и ковали на ночь ненадежныхъ полонянниковъ.

Пришли и къ «москалю» съ небольшою желѣзною цѣпью. Онъ спокойно протянулъ ноги.

— На, Гирейка, куй.

Его заковали. Онъ съ улыбкой глянулъ на цѣпь, на татарина.

— Якши, братъ Гирейка... Заковалъ лошадку, якши?

— Якши,—былъ отвѣтъ.

Для «бранокъ», такъ въ Украйнѣ назывались полонянки, татаринъ принесъ кошму, чтобъ онѣ укрылись подъ ней отъ ночного холода и росы. «Москаль» накинулъ на дѣвочку свой зипунъ.

— Въ емъ тепло тобѣ будетъ спать, дѣвынька, — пояснилъ онъ.

Ночь окончательно спустилась на равнину. Нѣкоторые костры, маленькіе, потухали, другіе сильнѣе разгорались, и вокругъ нихъ виднѣлись красныя отъ пламени лица хищниковъ, благодушествовавшихъ въ своемъ родномъ краю послѣ столь долгаго отсутствія.

«Москаль» опять завелъ рѣчь о томъ, какъ онъ жилъ въ Кизылбашской землѣ да у фараоновъ, какъ онъ прошелъ «скрость» всего свѣта, и какъ вездѣ все живутъ такіе же люди, и какіе у нихъ чудные порядки, и какъ для него все было равно, все ни по чемъ, «плевать на все»... Ко всему-то онъ привыкъ, со всѣмъ сжился, только вездѣ тихонько своему Богу молился, московскому, Миколѣ, и хрестился двумя персты...

«Дѣвынька» сидѣла около него, не спуская съ него глазъ. За дорогу онъ такъ успѣлъ привязать ее къ себѣ своею добротою, ласковостью, вниманіемъ и постоянно веселымъ расположеніемъ духа, что дѣвочка не отходила отъ него и съ нимъ ничего не боялась. Онъ замѣнилъ для нея отца и мать, и родину.

— А де жъ васъ, дидушка, татары взяли?—спросила она.

— Да меня они, собачьи дѣти, въ степи изловили... Окольничій князь Григорей Григорьичъ Ромодановскій меня съ вѣстями спосылалъ въ Запороги, такъ они, аспиды, и настигли меня... Товарищи-тѣ мои ушли, а меня вонъ застукали, что

велка въ полѣ... Да добро-ста! Мы съ тобой, дѣвынька, таково тягунца зададимъ, что любо-дорого...

Костеръ погасъ. Подоляночка, слушая безконечные разсказы «дѣдушки москаля», уснула, согрѣвшись подъ его зипуномъ...

— Ну, баинькай, дитятко,—перекрестилъ онъ ее и самъ свернулся около нея калачикомъ.

Все тише и тише становилось кругомъ. Говоръ умолкалъ, Слышно было только, какъ лошади, жуя траву, фыркали. Кое-гдѣ бродили тѣни межъ потухшими кострами: это ходили сторожевые татары, присматривая за полоняниками... Скоро уснулъ и «москаль», забывшись на далекой Москвѣ...

Такъ провели полоняники свою первую ночь въ Крыму...

VI.

Передъ нами Кафа, знаменитая, безсмертная Кафа, нѣкогда, еще за полъ-тысячелѣтія до нашей христіанской эры, гордость классическихъ, милетскихъ грековъ, Кафа, въ которой звучалъ когда-то языкъ Гомера, Перикла, Софокла, Еврипида и Демосфена, Кафа, впослѣдствіи гордость генуэзцевъ, и потомъ турокъ и крымскихъ хановъ. Кафа, съ стотысячнымъ своимъ и пришлымъ населеніемъ, съ богатѣйшимъ въ мірѣ портомъ и гаванью, запруженною торговыми и военными кораблями и галерами, съ грозными стѣнами, башнями и бойницами, съ роскошными дворцами, садами, фонтанами и водопроводами... Богатыя мечети съ тянущимися къ небу высокими минаретами... Яркое голубое небо, отражающееся въ еще болѣе голубомъ—голубомъ до черноты и зелени—морѣ.

Неумолкаемый стонъ стоитъ надъ городомъ—не стонъ болѣющаго и ноющаго сердца, а нестройный стонъ, могучее дыханье жизни, говоръ десятковъ тысячъ людскихъ глотокъ и настоящій стонъ, стонъ невольниковъ и ихъ кобзарей, выкрикивающихъ на галерахъ, въ гавани свою тоску по родинѣ, по вольной жизни... На мечетяхъ и минаретахъ, въ тѣни карнизовъ и сконецъ, стонутъ голуби...

Передъ нами та Кафа, которая гремѣла въ XVII вѣкѣ подъ именемъ Кучукъ-Стамбула, малаго Стамбула, или Крымъ-Стамбула, какъ богатѣйшій невольничій рынокъ въ мірѣ...

Утро. Обширный рынокъ, обставленный мечетями и гордыми минаретами, полонъ невольниковъ, только-что приведенныхъ двумя татарскими загонами изъ Московской Руси, съ Подоліи, съ Волыни, изъ Польши и Червоной Руси. Несчастный живой товаръ сидитъ и стоитъ группами. Бородатые покупатели, турки, армяне, крымцы, ходятъ отъ группы къ группѣ, прицѣниваются, высматриваютъ здоровыхъ работниковъ и красивыхъ дѣтей и женщинъ... Послѣднія со стыдомъ и плачемъ прячутъ свои лица отъ несытыхъ глазъ азіятовъ... Дѣти прячутся за старшихъ...

А кругомъ роскошь зданій, журчащіе фонтаны, синее чудное море почти у ногъ... Толпа все валитъ и валитъ на этотъ рынокъ, на это чудное, чарующее и страшное зрѣлище...

Мастерскою кистью рисуетъ подобный рынокъ одинъ даровитый украинскій писатель. «Осанистые бородачи въ бѣлыхъ, пунцовыхъ, зеленыхъ, пестрыхъ чалмахъ и разноцвѣтныхъ шелковыхъ кафтанахъ; черномазые африканцы въ красныхъ, какъ жаръ, фескахъ, курткахъ, шароварахъ, сверкающіе золотыми позументами, оружіемъ и дикими своими глазами; картинные азіятскіе рыцари на картинно изукрашенныхъ коняхъ рисуются, какъ дорогіе цвѣты въ заглохшемъ саду, среди голосистыхъ носильщиковъ и звякающихъ кандалами невольниковъ, среди вьючныхъ верблюдовъ, муловъ, ословъ и запряженныхъ волами фургоновъ. А южное солнце, не заслоненное облаками въ этомъ благодатномъ климатѣ, яркими бликами и рѣзкими тѣнями рисуетъ богато развитую растительность, восточную архитектурную пестроту, безпорядочный громоздъ азіятскаго быта, роскошныя одежды, грязные лохмотья и веселыя лица крымцовъ, адзамулановъ, изоглановъ, янычаръ, спаговъ, позолоченныхъ евнуховъ и грустныя фигуры невольниковъ»...

А вонъ тамъ, въ гавани, на синевѣ моря, качаются галеры-каторги, и на нихъ развиваются по вѣтру казацкіе чубы: это «бѣдные невольники», нагіе до пояса, прикованные къ своимъ сидѣньямъ, работаютъ тяжелыми веслами и прислушиваются, какъ на берегу кобзарь, уже негодный къ работѣ, плачемъ «невольницкихъ думъ» зарабатываетъ себѣ кусокъ хлѣба, забывъ уже и думать, послѣ сорокалѣтней неволи, о возвратѣ на милую Украйну. Кобзарь голосно, съ глубокимъ плачемъ не слезъ, а сердца, выстонываетъ о томъ, какъ «на Черномъ морѣ, въ святую недѣлю, на проклятой галерѣ-каторгѣ, не сизые орлы за-

клекотали, а бѣдные несчастные невольники въ тяжкой неволѣ застонали, на колѣни упадали, руки къ небу подымали, кандалами брязчали, Господа милосердато слезно благали: «подай намъ, Господи, съ неба частый дождикъ, а снизу буйный вѣтеръ, то не встала ли бы на Черномъ морѣ великая буря, да не вырвала ли бы она якорей у турецкой каторги: ужъ намъ эта турецкая бусурманская каторга надоѣла, бѣлое тѣло казацкое молодецкое около желтой кости пообъѣла»...

И слушаютъ этотъ стонъ кобзаря тѣ невольники, что работаютъ въ гавани на каторгѣ, и вотъ эти новенькіе, что сидятъ на рынкѣ, кто въ тѣни кипариса, кто на яркой солнечной припекѣ, и тихонько плачутъ...

И рядомъ съ этимъ «неумолкаемый стонъ голубей въ тѣни минаретовъ и кипарисовъ (говоритъ тотъ же зарѣзавшій свое славное имя писатель); вторящіе имъ съ минаретовъ призывы правовѣрныхъ на молитву; разноязычный говоръ толпы и рѣзкіе звуки базарной музыки съ пронзительными выкрикиваньями пѣвцовъ, разсчитанными на крѣпкіе нервы, все вмѣстѣ составляло мучительный концертъ среди блистательной и дикой сцены»...

А подъ этотъ рѣжущій душу потокъ звуковъ, подъ стоны голубей, не нашихъ, а восточныхъ, которые дѣйствительно «стонутъ», а не воркуютъ, сѣдоволосый кобзарь продолжаетъ свой эпическій, сердце обливающій кровью плачъ: «а паша турецкій, бусурманскій, по рынку похожаетъ, тотъ плачъ невольницкій зачуваетъ, на слугъ своихъ, на турокъ янычаръ со зла гукаетъ: «эй вы, турки янычары, къ невольникамъ ступайте, по три пучка терновыхъ и червоной таволги набирайте, бѣднаго невольника по трижды по одному мѣсту стегайте»...

А подъ эти стоны, слезы, выкрикиванье торгъ на рынкѣ идетъ своимъ чередомъ...

VII.

У фонтана, въ тѣни кипарисовъ, знакомый уже намъ по имени татаринъ Гирейка картинно расположилъ свой «товаръ»: впереди на кошмѣ сидитъ золотоголовая подоляночка, что украдена на глазахъ Дорошенка и Мазепы; сорочечка на ней чи-

стенькая; сама вся она вымытая; на загорѣлой шейкѣ искрятся бусы и коралы; золотые волосы, распущенные по плечикамъ, такъ и горятъ, словно тонкія нити изъ червоннаго золота; рядомъ съ нею «дивчина» въ красной запаскѣ; она тоже принаряжена; и ея вороненыя косы пышно спускаются на плечи и на спину; за ними «москаль», равнодушно глядящій на пеструю толпу и съ нѣжностью переносящій взоры на свою любимицу «дѣвынъку», и «парубокъ» съ высоко подстриженною черноволосою головою.

Къ этой живой группѣ подходитъ бородатый съ мягкими глазами и въ богатой одеждѣ турокъ: ярко-зеленый, шитый золотыми позументами халатъ, кинжалы и пистолеты за поясомъ, перстни и кольца на пухлыхъ пальцахъ, все такъ и горитъ на солнцѣ. Глаза его сразу падаютъ на золотую головку, на прелестное испуганное личико, да такъ и впиваются въ ребенка. Затѣмъ переносятся на большую «дивчину», на «парубка» и на «москаля»... «Москаль» дружески ухмыляется.

Начинается торгъ. Покупщикъ прежде всего останавливается на дѣвочкѣ. Продавецъ Гирейка, видя, что дѣвочка поразила богатаго покупателя своею красотою, стоитъ на высокой цѣнѣ. Покупщикъ скупится, придирается...

— Ишь ты, дьяволъ,—бормочетъ вслухъ «москаль»,—говоритъ, тѣльцемъ-де худа дѣвынька...

Продавецъ не уступаетъ, стоитъ на своемъ; покупщикъ сердится, оба говорятъ разомъ, размахиваютъ руками.

— То-то, дьяволы!—продолжаетъ ворчать «москаль».—Раздѣть тебя хотятъ, дѣвынька.

Дѣвочка вспыхиваетъ, закрывается руками... Слезы выступаютъ на глазахъ...

Покупщикъ требуетъ, чтобы раздѣли дѣвочку: ему нельзя не видѣть всего ея тѣла; а то можетъ продорожиться, купить съ какимъ изъяномъ...

Гирейка начинаетъ развязывать сорочку у дѣвочки; та не дается, плачетъ, бросается къ своему «дѣдушкѣ»...

— Ой, дѣдушка! Ой, стыдно!

— Нѣту, нѣту, ничево, дитятко, — успокаиваетъ ее «москаль»,—онъ ничево, не тронетъ, только глазкомъ малость накинетъ, такъ, чуточку: чиста ли тѣльцемъ ты, ягодка.

Дѣвочка все-таки сопротивлялась, плакала.

— Ой, мамо! Мамо! Оо!

— Дѣвынька! Дитятко! Крохотка! Не бойся, золотая моя! — уговаривалъ ее «москаль».

Съ трудомъ сняли съ нее сорочечку. Голое тѣльце, словно точеное, такъ и блеснуло передъ изумленными глазами покупателя. Даже посторонніе зрители ахнули: такъ прелестно было тѣльце ребенка невольницы...

Покупщикъ сдался, и тотчасъ же ударили по рукамъ. Дѣвочка была продана въ гаремъ богатаго паши.

За дѣвочкой начался новый торгъ; пашѣ, какъ видно, понравилась и взрослая украинка, уже готовая красавица, въ яркой запаскѣ и съ роскошною черною косою. Къ счастью для нея, тутъ не пришлось прибѣгать къ разоблаченію казоваго конца интереснаго товара: чернокосую украинку не раздѣвали до нага, а только осторожный и разборчивый покупщикъ тщательно осмотрѣлъ ея фигуру, статность, желательную полноту и округлость, кой-до-чего съ улыбкой дотронулся; несмотря на сопротивленіе дѣвушки и на успокоительныя замѣчанія «москаля»: «ничево-де, красавица, пущай пощупаетъ маленько, безъ этово же нельзя, товаръ осмотрѣть надоть, прикинуть.. не стыдись, красавица»...

Ударили и тутъ по рукамъ. Покупщикъ досталъ изъ кармана широкихъ шароваръ замшевый, шитый шелками и бисеромъ кисетъ, зазвенѣлъ золотомъ, сталъ отсчитывать договоренную плату... Но въ этотъ моментъ къ нему приблизился «москаль»...

— Ваша милость! Сундукъ премудрости! Паша батюшка! — скороговоркой затараторилъ онъ.—Купи и меня! Якши, сундукъ премудрости! Купи, родной!

Паша съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него, вопросительно взглянулъ на продавца. «Москаль» и къ нему приступилъ, упрашивалъ, чтобъ онъ и его продалъ вмѣстѣ съ дѣвынькой; что безъ него она пропадетъ, что онъ самъ здоровъ, работать можетъ и на дворѣ, и въ саду, и воду носить, и лошадей поить и чистить, все можетъ... Онъ, мѣшая русскія слова съ татарскими и турецкими, коверкая все на московскій ладъ, объяснялъ, что лучшаго пашѣ работника и не надо, что онъ тридцать лѣтъ жилъ въ неволѣ, всякое невольницкое дѣло знаетъ, какъ свои пять пальцевъ... Онъ, наконецъ, спустилъ съ плечъ рубаху, показывалъ, какія у него могучія плечи, руки, грудь...

— Купи, паша! Купи, сундукъ премудрости! Вонъ видишь, какой я, быкъ быкомъ, якши! Алла! Да я твоей милости за десятерыхъ работать стану, и пѣсни пѣть, и плясать въ угоду твоей милости... Вотъ я какой! Колесомъ передъ тобой ходить стану...

И онъ, взявшись въ боки, сталъ выплясывать и присвистывать, и приговаривать:

Хвостъ вытащилъ, носъ увязъ,
Носъ вытащилъ, хвостъ увязъ.

Паша и Гирейка хохотали, какъ сумасшедшіе. Кругомъ собирались зрители и любовались этимъ необыкновеннымъ «урусомъ». Онъ вдругъ перемѣнилъ тонъ и здоровымъ голосомъ зазвонилъ, какъ звонятъ въ Москвѣ у Ивана Великаго:

Отецъ Яковъ! отецъ Яковъ!
Дома ль попъ? дома ль попъ?
Къ заутрени звонъ—къ заутрени звонъ:
Тили-тили-тонъ! тили-тили-тонъ!

Весь рынокъ дивовался, хлопалъ въ ладоши, изумлялся, откуда это явился невиданный «дервишъ». Со всей площади и съ пристани собрались татарчата. Всѣ покупатели бросили свой торгъ и приблизились къ Гирейкинымъ невольникамъ...

Участь «москаля» была рѣшена: паша купилъ и его вмѣстѣ съ двумя хорошенькими плѣнницами

VIII.

Прошло не мало лѣтъ. Дорошенко, долго верховодившій западною Украйною, то отдававшій ее туркамъ и татарамъ, то торговавшійся изъ-за нея съ Москвою и съ лѣвобережною Украйною, теперь уже болѣе не верховодилъ ничѣмъ, а сидѣлъ въ «московской неволѣ», въ селѣ Ярополчѣ, Волоколамскаго уѣзда, хотя и съ почетнымъ званіемъ «воеводы». Мазепа, по своему обычаю, предалъ его и передался на сторону его врага, гетмана лѣвобережной Украйны, Ивана Самойловича, чтобъ и его потомъ утопить въ ложкѣ воды. Лишь изрѣдка вспоминали они о разграбленномъ турками по ихъ милости Каменцѣ, о бившейся на сѣдлѣ у татарина золотоволосой украиночкѣ...

Вмѣсто нихъ въ заднѣпровской Украйнѣ верховодилъ уже

Юрась Хмельницкій, котораго султанъ выпустилъ изъ черпеческой кельи и неволи и вмѣсто чотокъ далъ ему въ руки гетманскую булаву, съ тѣмъ, чтобы онъ, Юрась, покорилъ подъ ноги блистательнаго падишаха всю Украйну и титуловался бы такъ: «Я Григорій-Гедеонъ-Венжикъ Хмельницкій, зъ божой ласки божіею милостію ксіонже русскій, сарматскій и гетманъ запорожскій».

Два лѣта, 1677 и 1678 года, водилъ Юрась огромныя полчища татаръ и турокъ подъ Чигиринъ, желая добыть себѣ этотъ крѣпкій оплотъ и столицу правобережной Украйны.

Вотъ какъ картинно и образно описываетъ «самовидецъ» это юраськино нападеніе на Чигиринъ въ 1678 году: «турчинъ, жалѣя прошлогодняго въ войску убытка и безчестія (въ прошломъ году Юрася отбили отъ стѣнъ Чигирина съ великимъ урономъ), выправилъ уже большіе войска турецкіе и татарскіе съ Юрасемъ Хмельниченкомъ и вейзиромъ Мустафою подъ Чигринъ, которые, пришедши іюля м, доставали Чигиринъ многократными приступами съ стрѣльбою и гранатами и подкопами и всякими промыслы долго. Однако же, и войско, подъ командою Ржевскаго и Коровки, мужественно непріятеля отъ стѣнъ градскихъ стрѣляя отбивали и изъ города выбѣгая въ шанцахъ янычаровъ били и живыхъ ловили. Войска же государскіе, въ Бужинѣ дождавшись князя Булата съ колмыками и донскими козаками, когда двигнулись далѣе, то на переправѣ Ятисъ рѣки съ Капланъ-пашею цѣлый день войну страшную имѣли до ночи. Рано же переправившись, сильно еще подъ горою, съ которой турки пушками на нихъ стрѣляли, принуждены были биться до ночи же, а ночью выправили Василя Дунина-Бурковскаго, полковника черниговскаго, къ Чигирину, придавъ и великороссіянъ не малое число, которые, не дошедши верха горы и спустившись, стрѣльбою же своею возбудили турокъ такъ, что стали на обозъ козацкій зъ арматъ паки жестоко палить, и чрезъ цѣлый день баталію отправляя, еще мусѣли заночевать; но въ субботу, пошедши стройно, турковъ зъ горы збили и арматъ 27 взяли. Однакъ, турки, оглянувшись, что погони за ними нѣтъ на полѣ, ажъ до обозу москву и козаковъ рубая гнали; токмо единъ полковникъ великороссійскій якъ окидався рогатками и удержався, такъ до него и всѣ войска зъ обозу притягши, весь день той съ турками воевались, которые, убоявся великихъ силъ государе-

выхъ обоего народа, за Тясминъ перешли. Войска же государевы, приступивши къ Чигирину, надъ боромъ около озера цѣлую недѣлю праздно стояли, чимъ ободрившись турки начали Чигирина крѣпчаѣ доставать. И когда гетманъ Иванъ Самуйловичъ выслалъ въ городъ свѣжое войско, не пріобыклое къ штурмамъ, при отходѣ въ обозъ пріобыклыхъ, то турки, сдѣлавъ подкопъ и въ замку диру вырвавши въ пятницю, Ржевскаго командира первѣе убили, а потомъ августа 10-го, въ недѣлю о полудни, когда тоежъ войско попившись посныло, тогда въ городѣ на учинившуюся подкопами прорву наши не бросились, чтобы тотчасъ на дирахъ бить турковъ и землею въ мѣхахъ затыкать по прежнему дыры, но всѣ утекать начали и на мосту обломившись топилися въ водѣ и на греблѣ въ бѣгу давилися, где пропало на нѣсколько тысячъ козаковъ, токмо пѣхота подъ горою, а москва въ замку боронилися до ночи, турки же остальныхъ въ городѣ и за городомъ вездѣ нещадно рубали. И въ ту пору, ночью, сердюки, оборонивши на греблѣ переходъ москвѣ, понабивали въ замкѣ полныя арматы порохомъ и, замокъ запаливши, туда же на греблю напроломъ чрезъ турецкое войско, уже Тясминъ перешедше, пробилися, бо и турки въ ту пору въ ужасѣ были, когда запаленные порохи и арматы, порвавши зъ собою въ-гору арматные запасы и великимъ трѣскомъ, весь воздухъ тѣмъ освѣтивши, высоко подносити и съ высоты на обозы пущати начали»...

IX.

Это былъ страшный взрывъ, взрывъ, отъ котораго, казалось, заколебалась и долго трепетала земля, дрожалъ дремучій боръ на горѣ, по которой расположены были московскія и малороссійскія войска съ ихъ полководцами, княземъ Ромодановскимъ, Касимовскимъ царевичемъ, гетманомъ Самойловичемъ, Мазепою, калмыцкимъ княземъ Булатомъ и другими; трепетала и, казалось, кипѣла огненною пѣною вода въ Тясминѣ, черезъ который въ безпорядочномъ бѣгствѣ спасались обезумѣвшіе отъ ужаса турки; шаталась и взлетала въ воздухъ, по частямъ, цѣлыми башнями и оторванными стѣнами, чигиринская крѣпость, цитадель: взлетали на воздухъ дома, и уже оттуда, точно съ

неба, падали обезображенные трупы турокъ, казаковъ, москалей, разбитыя пушки, лафеты, пороховые ящики, все это, казалось, падало съ неба, изъ пылающаго воздуха, разносимое въ разныя стороны, падало въ воду, на московскіе, малороссійскіе и турецкіе обозы; иныя пушки и чиненые снаряды, брошенные взрывомъ на воздухъ, разрывались и стрѣляли уже тамъ, словно бы невидимыя силы стрѣляли съ неба на землю... Ночь на нѣсколько времени превратилась въ день, въ страшный, огненный, съ огненнымъ и каменнымъ дождемъ день... Та горсть храбрецовъ—москали и казаки — которые рѣшились взорвать сами себя вмѣстѣ съ крѣпостью, цитаделью и орудіями, казалось мстили за себя, падая съ неба на турецкое войско обезображенными трупами, какъ бы обхватывая бѣгущихъ своими кровавыми руками или поражая ихъ своими оторванными ногами, размозженными головами... Это было ужасное зрѣлище!

— Господи! Да не яростію твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ твоимъ накажеши мене!—испуганно бормоталъ Самойловичъ, блѣдный и зеленый, стоя рядомъ съ княземъ Ромодановскимъ и глядя на эту страшную картину разрушенія и на бѣгущее въ безпорядкѣ турецкое войско, освѣщенное заревомъ чигиринскаго пожара.

Мазепа, стоявшій тутъ же около Ромодановскаго, удерживая своего бѣлаго, какъ снѣгъ, коня, оторопѣвшаго было отъ грома взрывовъ, съ улыбкою посмотрѣлъ на гетмана.

— «Это не Дорошенко,—мелькнуло въ его лукавомъ умѣ,— «поповичъ заразъ за молитву... орарь бы тебѣ въ руки, а не гетманскую булаву»...

— Кнасъ! Вели мой калмыкъ айда! — нетерпѣливо обратился князь Булатъ къ Ромодановскому, сверкая своими узенькими, словно осокою прорѣзаными глазками.—Вели турка рубилъ, кололъ, топилъ, айда!

Ромодановскій вздрогнулъ... Онъ самъ чувствовалъ, что теперь какъ разъ бы пора сказать это «айда», чтобъ сразу покончить съ турецкимъ войскомъ и съ этимъ «сопливымъ» Юраскою, которому впору только гусей пасти; но онъ молчалъ, боясь встрѣтиться съ глазами князя Булата и Мазепы... Вѣдь у него тамъ, у Юраски, заложникомъ его любимый сынокъ... А турки его на прошлой недѣли присылали къ нему сказать, что если онъ, князь Ромодановскій, поведетъ свое войско на турокъ, то они тотчасъ

же вмѣсто сына пришлютъ ему его кожу, набитую сѣномъ... Страшно... Можетъ быть и теперь, въ эту страшную минуту, съ него, съ живого, сдираютъ кожу... «Оо!» невольно застоналъ онъ...

— Вели айда, калолъ, хадылъ, рубилъ, айда, кнасъ!—приставалъ Булатъ.

— Рано... повременимъ... не приспѣлъ часъ,—оттоваривался Ромодановскій.

— Точно рано, ваша милость, — поддѣлывался Мазепа, пряча свои лукавые глаза, ибо и Мазепа догадывался, почему Ромодановскій медлитъ

Чигиринъ между тѣмъ догоралъ. Отдѣльныя вспышки прекратились, нечему уже было вспыхивать, и злополучный городъ только мѣстами тлѣлъ и дымился.

— Се бысть градъ, и се не бѣ,—грустно качалъ головою Самойловичъ.

— Что говоритъ ясновельможный гетманъ?—почтительно любопытствовалъ Мазепа.

— Пропалъ Чигиринъ, пропала слава стараго Хмеля,—такъ же грустно отвѣчалъ гетманъ,—не въ батька сынъ пошелъ.

— Не въ батька, а по батькови,—двусмысленно замѣтилъ Мазепа.

— Какъ не въ батька, а по батькови?—удивился гетманъ.

— Юрась волю Богдана творитъ...

— Что ты, Иванъ Степановичъ!

— Такъ... его это воля, батькова, стараго Хмеля...

Самойловичъ удивленно глядѣлъ на него, видимо ничего не понимая. Мазепа ударилъ себя по лѣвой груди.

— Вотъ тутъ воля покойника,—таинственно сказалъ онъ.

— Какъ! Что ты?

— Я досталъ тайные пакты покойнаго Богдана съ султаномъ на подданство.

Самойловича какъ-бы осѣнила новая мысль. Онъ круто повернулся на сѣдлѣ и показалъ рукою куда-то далеко на сѣверъ.

— Такъ и онъ шелъ по его слѣдамъ?—сказалъ онъ загадочно.

— Кто, ясновельможный гетманъ?

— Дорошенко...

— По его жъ... другіе слѣды вѣдь ведутъ прямо туда...

Мазепа не докончилъ; но Самойловичъ самъ догадался, куда ведутъ эти другіе слѣды...

X.

Свѣтало. Чигиринъ кое-гдѣ дымился, представляя черную и сѣрую груду развалинъ и пепла. За Тясминомъ слышались еще оттолоски доканчивавшейся борьбы. Турецкое и татарское алалаканье становилось все слабѣе и слабѣе. Отряды, преслѣдовавшіе бѣглецовъ, возвращались изъ-за Тясмина къ своимъ главнымъ силамъ. Казаки и московскіе рейтары гнали плѣнныхъ небольшими партіями. Везли часть захваченнаго турецкаго обоза съ пушками и палатками. Тутъ же слѣдовало и стадо верблюдовъ, на которыхъ, повидимому, торжественно возсѣдали турки и татары.

— Это что такое?—съ удивленіемъ спросилъ Ромодановскій, все еще не сходившій съ коня и съ тайною боязнью присматриваясь къ верблюдамъ и турецкимъ палаткамъ.—Кого они ведутъ?

— Это верблюды, бояринъ,—отвѣчалъ Мазепа, отъѣхавшій отъ Самойловича, душу котораго онъ уже успѣлъ смутить своимъ лукавымъ намекомъ на «Сиберію».

— А что на верблюдахъ? Турки?—удивлялся и чего-то опасался князь.

Мазепа пришпорилъ коня и понесся съ горы къ приближавшимся казакамъ съ верблюдами. Скоро онъ воротился и съ улыбкой подъѣхалъ къ Ромодановскому.

— Что скажешь, Иванъ Степанычъ?—тревожно спросилъ воевода.

— Да наши казаки, бояринъ, захватили нѣсколько сотъ гетмановъ на верблюдахъ,—съ прежнею коварною улыбкой отвѣчалъ Мазепа.

— Какихъ гетмановъ?

— Юрасковъ Хмельницкихъ...

— Какъ! И онъ взятъ!—еще больше встревожился бояринъ.

— Не самъ онъ, а его товариство... Изволь самъ посмотрѣть...

Ромодановскій, царевичъ Касимовскій, Самойловичъ, Ма-

зепа и князь Булатъ съѣхали съ холма, на которомъ, во главѣ своихъ войскъ, наблюдали за ходомъ битвы и дѣйствіями отрядовъ, высланныхъ на защиту Чигирина и на его гибель.

Рейтары стаскивали съ верблюдовъ что-то вродѣ человѣческихъ фигуръ, наряженныхъ турками, и со смѣхомъ бросали ихъ въ воздухъ, на земь, или кидали въ Тясминъ.

— Пропадай ты, аспидъ! Ишь идолы, чево понадѣлали.

— Не кидай въ воду, братцы! Бабамъ повеземъ, на огороды ставить...

— Ужъ и точно воробьевъ пужать! Ахъ, они дьяволы! Али мы воробьи!

— Вороны, братцы! Ахъ и смѣху же!

Увидавъ начальство, рейтары перестали смѣяться и браниться.

— Что это, братцы?—спросилъ Ромодановскій, подъѣзжая къ одной фигурѣ.

— Чучела огородны, бояринъ: это онъ нарядилъ болвановъ и посадилъ на верблюдовъ, чтобъ насъ пужать.

Ромодановскій не могъ не разсмѣяться: на верблюдахъ дѣйствительно торчали наряженныя соломенныя чучела...

— Сіе турчинъ такъ дѣлалъ обманою, ради показанія великости своего войска, дабы мы всуе порохъ и пули на праздныя палатки и болваны выстрѣляли,—объяснилъ Самойловичъ.

Ромодановскій только руками развелъ.

Къ Самойлову подскакалъ, весь въ пыли и копоти, черниговскій полковникъ Дунинъ-Бурковскій. Одинъ усъ его былъ обожженъ, верхъ на шапкѣ прогорѣлъ, у коня грива опалена...

— Что, Василю мой любый?—участливо спросилъ гетманъ.

— Пропалъ Чигиринъ!—запыхавшись, отвѣчалъ полковникъ.

— Вижу, брате...

— Только не пропала козацкая слава и твоя, пане пулковнику!—любезно поклонился Мазепа.

— Эхъ! — отчаянно махнулъ рукой Бурковскій. — Вели, пане гетмане, гнаться за проклятыми... Много полону, и козаковъ и московскихъ людей угнали...

— А изъ сердюковъ?—спросилъ Мазепа.

— Покотомъ полегли...

— Какъ! Всѣ?

— Не считалъ... только твоего вѣрнаго джуру видѣлъ на арканѣ.

— Пилипа! Камяненка! Убили!

— Не знаю... видѣлъ только, какъ татаринъ на арканѣ потащилъ его...

Ромодановскій приказалъ трубить общее отступленіе... Мазепа мрачно глянулъ на Чигиринъ: ему разомъ припомнился Каменецъ, золотоволосая дѣвочка, бьющаяся въ рукахъ татарина, и этотъ его вѣрный джура Пилипикъ на арканѣ...

XI.

Мы опять въ Крыму, въ томъ волшеономъ краю, гдѣ растутъ кипарисы и тополи, можетъ быть, самые стройные въ мірѣ, гдѣ небо и солнце, и зелень, и горные ручьи, и море, и горы, и долины такъ прекрасны, что, казалось бы, тамъ, какъ въ раю, неизсякаемая жизнь, неумирающее счастье, не старѣющая молодость пріютились на вѣки и люди не знаютъ страданій...

Казалось бы... а между тѣмъ въ описываемое нами время это была юдоль человѣческихъ страданій, какъ ни старалась, повидимому, сама природа дать тамъ человѣку довольство и счастье...

Чѣмъ-то сказочно ужаснымъ представлялся тогда Крымъ для русскаго человѣка, и въ особенности для украинца: Крымъ былъ страною человѣческой «неволи», неволи «бусурманской»...

И неудивительно. Вонъ и теперь турецкіе союзники, крымцы, возвращаясь съ Украины, изъ-подъ Чигирна, гонятъ толпы плѣнниковъ: нынѣшній разъ имъ удалось захватить еще больше, чѣмъ подъ Каменцемъ, полоняниковъ и полонянокъ. Одну партію ихъ, большую, погнали прямо въ столицу хановъ, въ Бахчисарай, другую черезъ Акмечеть, Карасубазаръ и Солкатъ на Кафу, на главный невольничій рынокъ.

Въ этой партіи знакомый намъ Гирейка имѣлъ всего только двухъ полоняниковъ, вмѣсто прежнихъ четырехъ, но онъ надѣялся хорошо сбыть свой товаръ. Гирейка всю свою жизнь провелъ въ томъ, что ходилъ съ загонами на Украину, и притомъ съ единственною цѣлью захватить какъ можно больше живого товару и потомъ какъ можно выгоднѣе продать его въ Кафѣ. Онъ былъ торгашъ въ душѣ и хищникъ по призванію: грабежомъ

только и жилъ. Онъ ничего не сѣялъ, не держалъ ни огорода, ни виноградника, а только торговалъ: когда есть у него люди, людьми торгуетъ; своихъ полоняниковъ продалъ, покупаетъ у своихъ же земляковъ, чтобъ перепродать въ третьи руки и получить «бакшишъ»; нечего купить или не у кого, онъ мѣняетъ людей на людей, на лошадей, на собакъ, на кинжалъ, на чубуки; нѣтъ ни людей, ни собакъ, ни чубуковъ, онъ мѣняетъ и продаетъ старые халаты, туфли, пояса.

Теперь у Гирейки два рослыхъ и крѣпкихъ полоняника: одинъ черномазый, черный какъ голенище украинецъ съ черными какъ уголь волосами-чубомъ и съ сѣрыми какъ камни Чатырдага глазами; другой рыжій, веснущатый, мордатый и широкоплечій московскій стрѣлецъ изъ полка Касимовскаго царевича. Гирейка ихъ очень бережетъ, приковалъ одного къ другому цѣпью и глазъ съ нихъ не спускаетъ.

Партія проходитъ черезъ Акмечеть. Толпы татаръ конныхъ и пѣшихъ, вьючныя лошади, верблюды,—все столпилось у моста черезъ Салгиръ. Крикъ, гамъ, ревъ верблюдовъ, ржанье лошадей, руготня и возгласы всевозможныхъ глотокъ невообразимы. Плѣнныхъ гонятъ черезъ рѣку въ бродъ. Рѣчка бурлитъ необыкновенно, извиваясь и прыгая по камнямъ, словно за нею кто гонится по пятамъ; но она не глубока, потому что большихъ дождей давно не было.

Гирейка переводитъ и своихъ плѣнниковъ въ бродъ, поглядывая на небо, скоро ли солнце станетъ клониться къ западу, а то порядкомъ-таки жарко.

— А это палаты калги-салтана, — указываетъ украинецъ своему товарищу на фантастическій, весь расписанный дворецъ на берегу Салгира, осѣненный роскошными тополями.

— А кто этотъ калга-салтанъ?—спрашиваетъ стрѣлецъ, дивуясь сказочному терему, въ которомъ, казалось ему, долженъ былъ жить самъ Черноморъ, чудо-юдо, самъ съ локотокъ, борода въ полтретьядцать локтей, Черноморъ, о которомъ ему разсказывали еще въ дѣтствѣ, въ сказкахъ.

— Калга-салтанъ будетъ по нашему какъ бы гетманъ передъ царемъ: такъ онъ супротивъ хана.

— А самъ ханъ не тутъ рази живетъ?

— Нѣтъ, онъ въ Бахчисараѣ, туда дальше, назадъ

— А ты, поли, и тутъ бывалъ и тамъ?

— Бывывалъ: съ Иваномъ Степановичемъ Мазепой мы тутъ было каши доброй наварили... Мазепа отъ коша, изъ Запорожья, съ листами посыланъ былъ, такъ и меня съ собою бралъ: я у него въ джурахъ состоялъ.

— А вонъ тамъ гора какая, у! Да и гора же, братецъ!

— Это вправо?

— Да, вонъ словно шатеръ...

— Это гора Чатырдагомъ прозывается.

— А за горою, что тамъ?

— Тамъ море.

— Море! Что ты! Хвалынское, чаю?

— Нѣтъ, Черное море.

— Ишь анаѳемы куда загнали насъ!.. Далеко отселева родная сторонушка, московская...

— Да, далеко,—вздохнулъ и чубатый украинецъ.

— И нѣту намъ топерь туды ни пути, ни дороженьки... Эхъ! Не родила бы мать на свѣтъ, не чай такъ-ту маяться... Эхъ! Служба царская!..

XII.

Чубатый украинецъ и былъ тотъ «джура» Мазепинъ, котораго въ моментъ взрыва Чигирина Дунинъ Бурковскій видѣлъ на арканѣ у татарина. Джуру звали Пилипомъ, по прозванію, данному ему въ Запорожьѣ, Камяненко. Родомъ онъ былъ изъ Каменца, и потому козаки и прозвали его Камяненкомъ.

Странный былъ этотъ Пилипъ. Маленькимъ Пилипикомъ онъ бѣгалъ по Каменцу, любилъ купаться въ Днѣстрѣ, смѣлѣе всѣхъ сверстниковъ бросался вплавь на ту сторону быстрой рѣки, дерзко лазилъ по высокимъ скаламъ, висѣвшимъ надъ городомъ, ловче всѣхъ «выдиралъ» изъ недоступныхъ норъ сивоворонокъ, щуровъ и стрижей; съ ловкостью бѣлки лазилъ по деревьямъ. Его мать никогда не видала такого отчаяннаго ребенка, такого головорѣза, какимъ былъ этотъ «Удовиченко», названный такъ потому, что мать его, родивъ еще дѣвочку Катрю, сестру Пилипика, овдовѣла. Пилипикъ почти не жилъ дома и въ одинъ день, именно въ тотъ, когда мать его мучилась родами его сестренки, пропалъ безъ вѣсти, когда ему было двѣнадцать лѣтъ... Мать долго плакала, искала его, думала, что онъ утонулъ или его звѣри растерзали въ лѣсу; а потомъ и плакать перестала...

А Пилипикъ очутился въ Запорожьѣ... Этотъ отчаянный мальчикъ, воспитанный на разсказахъ одного стараго, слѣпого «сѣчевика», доживавшаго свой вѣкъ въ Каменцѣ, увидавъ у своего «дидуси сичевика» двухъ запорожцевъ, отправлявшихся въ Сѣчь, тайно ушелъ изъ своего родного города и черезъ день настигъ запорожцевъ уже далеко въ степи. Онъ сказалъ, что хочетъ «козаковать» итти съ ними въ сѣчь, хочетъ «славы лицарства добувать». Запорожцы долго надъ нимъ смѣялись; но когда увидѣли, что онъ серьезно отъ нихъ не отставалъ, бѣжалъ за ихъ конями и плакалъ—имъ стало жаль мальчика. Они было хотѣли воротить его домой къ матери; но онъ и слушать этого не хотѣлъ и говорилъ, что скорѣе умретъ, чѣмъ воротится.

— Зарубайте меня, — твердилъ упрямецъ, — а домой не вернусь.

Нечего оставалось дѣлать, не пропадать же христіанской душѣ въ степи: запорожцы взяли его съ собой. Поперемѣнно онъ ѣхалъ за спиной то у того запорожца, то у другого, держась за «чересъ» и говоря, что онъ непремѣнно хочетъ быть «козарлюгой», а то и «атаманомъ», а можетъ и «кошевымъ», и будетъ бить татаръ какъ саранчу.

Въ Запорожьѣ сначала дивовались этой «чудной дитинѣ», смѣялись, что Харько Дуда и Игнатъ Рудый «привели дитину», а кто изъ нихъ былъ за «батька», кто за «матиръ», того не знаютъ; а потомъ всѣ полюбили небывалаго «козака» и выростили изъ него запорожца на славу. Сначала онъ имъ кашу варилъ, сало толокъ на кашу, цибулю крошилъ, тарань чистилъ, дегтемъ чоботы мазалъ, коней пасъ; а потомъ, глядь! и готовъ «козакъ»: «совсѣмъ козакъ, и чубъ такъ»...

Полюбилъ Пилипа и «батько Сирко». А когда потомъ запорожцы поймали Мазепу, который везъ отъ Дорошенка, въ подарокъ хану, «невольниковъ», и хотѣли убить его, да не убили только потому, что «батько кошевой» сказалъ, что, можетъ, этотъ продувной Мазепа и «пригодится козакамъ»; когда Мазепа самъ сталъ запорожцемъ, то тоже полюбилъ Пилипика и взялъ его къ себѣ въ качествѣ «джуры» и Пилипъ не разставался съ Мазепой: былъ съ нимъ и въ Москвѣ, гдѣ Мазепа мелкимъ бѣсомъ разсыпался и передъ Артемономъ Матвѣевымъ, и передъ княземъ Голицынымъ, былъ и въ Крыму...

Только вотъ подъ Чигириномъ Пилипу не посчастливилось

Онъ говорилъ Мазепѣ, что его никогда не возьмутъ въ полонъ; что живымъ онъ самому чорту въ руки не дастся... Но случилось такъ, что дался не чорту въ руки, а ловкому Гирейкѣ. Въ моментъ бѣгства татаръ изъ-подъ Чигирина Пилипъ, погорячившись, заскакалъ слишкомъ далеко, рубя татарву «мовъ капусту», и вдругъ, ничего не помнитъ... Что-то жесткое, волосяное захлестнуло ему шею, сдавило, сволокло съ сѣдла во мгновеніе ока, и Пилипъ потерялъ память...

Очнувшись, онъ увидѣлъ себя въ цѣпяхъ и около улыбающагося татарина: это и былъ Гирейка. Тутъ же лежалъ, связанный по рукамъ и по ногамъ, рыжій стрѣлецъ. Продувной Гирейка, захлестнувъ его на всемъ скаку арканомъ, словно степного жеребца, и протащивъ по степи съ полверсты, все еще опасался, что рыжій и мордатый «урусъ» скоро опомнится и задушитъ его, жидкаго Гирейку, двумя пальцами, и потому тщательно спеленалъ его сыромятными свивальниками, и, сидя на корточкахъ и скаля отъ удовольствія свои бѣлые какъ у собаки зубы, глодалъ оставшуюся отъ вчерашняго ужина лошадиную ногу, мокая ею, за неимѣніемъ соли, просто въ землю, благо онъ сидѣлъ на солончакѣ, и любовался, какъ товарищи его, Халиль-Бурундукъ, Якши-Рамазанъ и Шашлыкъ-Мустафа, тоже пеленали и упаковывали своихъ непокорныхъ плѣнниковъ.

Такимъ-то образомъ запорожецъ и Мазепинъ джура Пилипъ и рыжій стрѣлецъ Петра Дюжой очутились въ классической странѣ невольничества, въ волшебномъ Крыму.

XIII.

Холмистою степью шли полоняники послѣ выхода изъ Акмечети. Влѣво отъ нихъ и конца, кажется, нѣтъ этой степи, словно бы она спорила съ голубымъ небомъ, все далѣе и далѣе отодвигая его въ ту невидимую даль, къ той заслоненной небомъ и степью дорогой полуночной сторонѣ. А тамъ, въ этой полуночной сторонкѣ, милая родина, земля святорусская, «города христіанскіе», тамъ, какъ говоритъ въ думѣ «невольницкій плачъ».

Тамъ тихіи воды,
Тамъ ясніи зори,
Та край веселый;
Та міръ хрещеный,
Святоруській берегъ,
Города христіанськи...

Тамъ Кіевъ, Чигиринъ, Черкасы, «Днипро словутиць» «великій лугъ батько» да «Сичъ мати»... Тамъ и «зозуля куетъ», и «соловейко щебечетъ», «макъ цвите», «калина росте», «дивчата спивають, козаковъ у неволи споминають»...

И не было для Пилипа ничего въ свѣтѣ милѣе его дорогой Украины... И для Петры Дюжово ничего въ мірѣ не было милѣе его дорогой московской сторонки, гдѣ «не бѣлы снѣжки во полѣ бѣлѣются», «не одна дороженька въ полѣ пролегаетъ», гдѣ не мало «попила его буйная головушка, пила она, погуляла, что за батюшковой да за матушкиной за легкою за работой»...

Такія мысли проходили по душѣ нашихъ полоняниковъ, когда они медленно двигались гористою степью отъ Акмечети къ Карасубазару. Влѣво—все родное, милое, далекое, навѣки потерянное. Вправо и впереди—чужое, страшное, невѣдомое. Сколько они ни шли, а вправо все высился къ голубому небу суровый Чатырдагъ, а отъ него, какъ бы цѣпляясь другъ за дружку, темнѣли такіе же почти великаны-горы, заслоняя собою чужое, непривѣтливое море. Но какъ ни тяжело у нихъ было на душѣ, они старались казаться бодрыми, веселыми. Да и можетъ ли запорожецъ въ «тугу» вдаваться, нытъ въ какой бы то ни было неволѣ? На то онъ козакъ. А московскому ратному человѣку тоже зазорно голову вѣшать. Вонъ онъ не забылъ, какъ, стоя въ караулѣ въ Москвѣ, у Лобнаго мѣста, лѣтъ семь тому назадъ, видѣлъ, какъ казнили воровского атамана Стеньку Разина. Развѣ онъ вѣшалъ носъ? Нѣтъ! Онъ бодро смотрѣлъ въ очи всей Москвѣ... А Петра Дюжой чѣмъ хуже Стеньки? А эти поджарые да горбоносые да узкоглазые татаришки чѣмъ лучше московскаго стрѣльца? думалъ про себя Петра: семи смертей не бывать, а одной не миновать...

И вдругъ по странному капризу воли, въ силу природной и нагулянной удали, стрѣлецъ, забравъ какъ можно больше въ свою широкую грудь воздуху, тряхнувъ рыжими волосами, затянулъ на всю степь сильнымъ груднымъ голосомъ:

Ужъ ты поле мое, поле чистое,
Свѣтъ—раздольюшко широкое!
Чѣмъ ты, полюшко, пріукрашено?
Пріукрашено поле все твяточками,
Какъ твяточками—василечками.
По среди-тѣ поля частъ ракитовъ кустъ,
Подъ кустомъ—ту лежитъ тѣлое бѣлое,

Тѣло бѣлое, молодецкое...
Молодой стрѣлецъ тамъ убитъ лежитъ,
Не убитъ лежитъ—шибко раненой...

При первыхъ звукахъ пѣсни, Гирейка встрепенулся какъ ошпаренный кипяткомъ: не взбѣсился ли ужъ рыжій «урусъ»? не помѣшался ли, какъ это часто бываетъ съ полоняниками? Такъ нѣтъ: онъ бодро глядитъ и, подперевъ правую щеку ладонью, забираетъ все выше и выше, соловьемъ заливается... И товарищъ его, запорожецъ, смотритъ весело... А пѣсня такъ и льется... Со всѣхъ сторонъ, изъ всего загона, понаскакали татары, окружили Гирейкиныхъ молодцовъ, дивуются, осклабляются, головами качаютъ... «Якши, ай якши... Ля илляхъ иль Аллахъ»...

И другіе полоняники подходятъ, слушаютъ...

Гирейка въ восторгѣ. Онъ видитъ, что это у него такой товаръ, за который дорого дадутъ на рынкѣ въ Кафѣ. Онъ самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ паша заплатилъ большія деньги за скворца за то только, что онъ хорошо пѣлъ, а другой паша за пригоршень золота—для своего гарема попугая, котораго старый дервишъ научилъ выкрикивать: «Ля илляхъ иль Аллахъ, Мухамедъ расуль Аллахъ!» И онъ за своего пѣвучаго «москова» возьметъ въ тридорога. А Пилипъ, слушая своего товарища стрѣльца, вспомнилъ, какъ онъ еще въ дѣтствѣ слышалъ отъ «дидуся сичовика» разсказъ о козакѣ Байдѣ, какъ этого Байду турки повѣсили за ребро на крюкъ, а онъ не только не просилъ пощады, а, напротивъ, попросилъ, чтобы ему передъ смертью дали «люльки» покурить.

А когда стрѣлецъ, выкрикнувши всю пѣсню, подъ конецъ заголосилъ на всю степь—

Что вѣнчала меня сабля вострая
Съ молодой женой—пулей быстрою,—

Одинъ хохолъ-полоняникъ не вытерпѣлъ и даже свистнулъ:
— Ффюю! Ишь Москва! Отъ народецъ!..

XIV.

Прошло еще нѣсколько дней. И эта послѣдняя партія невольниковъ, какъ и всѣ прежнія, дойдя до Кафы, растаяла на базарѣ какъ снѣжная лавина, спустившаяся въ жаркую долину:

какъ распроданное стадо овецъ, они давно томятся, кто на турецкихъ галерахъ, кто въ землѣ Анадольской, кто въ Кизилбашской, кто въ Мултянской, а молодыя «бранки» изнываютъ по гаремамъ, какъ говоритъ дума, «потурченныя, побусурманенныя для роскоши турецкой, для лакомства несчастнаго».

Стрѣлецъ Петра Дюжой за свои пѣсни попалъ въ самый Цареградъ и тамъ, потерявъ счетъ середамъ и пятницамъ, съ отчаянья махнулъ рукой на посты и жретъ скоромное, въ надеждѣ, что когда Богъ его выручитъ изъ неволи, то онъ во всемъ покается попу на духу. Запорожецъ Пилипъ остался въ Кафѣ: его купилъ паша для садовой работы.

И началась для вольнаго запорожца жизнь, полная томительнаго однообразія. Съ ранняго утра до глубокой ночи, позвякивая цѣпями, которыми были закованы его ноги, онъ копался въ саду своего господина, расчищая, подметая и посыпая пескомъ садовыя дорожки, поддерживая цвѣточныя грядки и клумбы, очищая фонтаны, журчавшіе въ саду, поливая цвѣты и зеленый дернъ, окаймляющій дорожки, гряды и клумбы, собирая листья и сушь отъ деревьевъ. Одно было для него утѣшеніе, это то, что въ этой неволѣ, работая въ саду подъ руководствомъ стараго глухого татарина садовника, онъ сошелся съ другимъ, ветхимъ-преветхимъ невольникомъ же, который оказался немножко землякомъ и который томился въ Крыму уже около десяти лѣтъ. Старый невольникъ оказался «москалемъ», который находился уже во второй разъ въ неволѣ, и много неслыханнаго разсказывалъ о своей первой неволѣ. Это былъ тотъ «москаль», который перебывалъ когда-то и въ Анадольской и Кизилбашской землѣ, работалъ и на галерахъ, былъ и у фараоновъ, и у шпанскаго короля, у нѣмцевъ—дуковъ, и во францовской землѣ у францовскихъ нѣмцевъ, и бусурманился, и всѣ вѣры испробовалъ, и всякую нечисть ѣдалъ—и все это ему было «наплевать»... Онъ разсказалъ своему новому товарищу, что теперешній господинъ ихъ, Облай-Кадыкъ-паша, купилъ его на базарѣ, лѣтъ около десяти тому назадъ, съ двумя его, запорожца, землячками—съ «черкашенками», изъ которыхъ старшая, живя въ гаремѣ у Облай-Кадыкъ-паши, давно «потурчилась» и «побусурманилась» и уже нарожала пашѣ съ полдюжины черномазыхъ пашатъ; а другая, которую паша купилъ маленькою дѣвочкою, теперь выросла, стала красавицей писаной и скоро будетъ любимой па-

шихой ихъ господина. Онъ же, старый москаль-невольникъ, разсказалъ, что онъ души не чаялъ всегда въ этой «дѣвынькѣ» и хоть почти никогда ее не видитъ, но она помнитъ его, стараго невольника, и иногда присылаетъ ему съ молоденькимъ евнухомъ, съ черномазымъ арапченкомъ, какихъ-нибудь лакомствъ.

Запорожцу очень хотѣлось бы увидать своихъ землячекъ, но онъ такъ и не видахъ ихъ: хоть одно окно изъ гарема и выходило въ садъ, но оно всегда было завѣшено; а сами жены паши выходили въ садъ, въ сопровожденіи евнуха-арапченка, только по ночамъ или когда въ саду никого не было.

Другимъ утѣшеніемъ для молодого невольника служило то, что садъ ихъ господина глядѣлъ на море. Какой-то неизъяснимой тоской и умиленіемъ ныло сердце невольника, когда онъ видѣлъ въ морѣ турецкую галеру-каторгу, на которой работали прикованные къ ней козаки-невольники и иногда пѣли грустныя пѣсни, напоминавшія имъ о далекой родинѣ, о дорогой Украинѣ: и невольному садовнику-запорожцу они напоминали о томъ же далекомъ, навѣки потерянномъ раѣ.

Разъ какъ-то, работая по обыкновенію въ саду, онъ увидалъ рабочую большую галеру, которая тянула за собою нѣсколько натруженныхъ турецкихъ судовъ. На морѣ стояла тишь, и потому суда могли двигаться только на буксирѣ у галеры, которая работала веслами. Галера шла близко отъ берега, а такъ какъ садъ Кадыкъ-паши выходилъ къ морю, къ берегу, отъ котораго отдѣленъ былъ высокою желѣзною рѣшеткою, густо проросшею темною зеленью дикаго виноградника, то и видно было, что на веслахъ работали невольники: виднѣлись черныя лица еѳіоповъ, но большею частью собственно за веслами сидѣли люди, въ которыхъ нельзя было не узнать украинцевъ. Это были, дѣйствительно, козаки-невольники, почти голые, съ обросшими бородами и давно не бритыми головами. Галера шла необыкновенно тихо.

Пилипъ пересталъ работать, оперся на заступъ и слѣдилъ глазами за галерой: видны были даже лица невольниковъ. Вдругъ на галерѣ раздалось тихое пѣніе, словно бы кто плакалъ... Сердце запорожца такъ и заныло тоскою... Тихій голосъ пѣлъ:

Що на Черному мори
То на билому камени,
Тамъ стояла темниця камяная.
Що у тій-то темницы пробувало симъ-сотъ козакивъ,
Бѣдныхъ невольникивъ..

Пилипу знакома была эта «невольницкая дума». Онъ слыхалъ ее и въ дѣтствѣ, на площадяхъ родного Каменца и на базарахъ, и уже въ Запорожьѣ потомъ. Дума эта всегда вызывала слезы у слушателей. И Пилипъ всегда слушалъ ее съ болью въ сердцѣ, и всегда бывало думалъ: «а каково-то имъ самимъ, этимъ невольникамъ, о которыхъ поетъ дума? Что они бѣдные чувствуютъ?»... И вдругъ онъ слышитъ эту думу теперь, когда самъ сталъ невольникомъ, и хотя томится не тридцать лѣтъ, какъ тѣ, что въ думѣ, и не лишенъ видѣть ни «свиту Божого», ни «солнца», однако, все же въ неволѣ...

Онъ стоялъ какъ очарованный и слушалъ, какъ въ темницу пришла «дивка бранка, Маруся попивна Богуславка», какъ она спросила козаковъ-невольниковъ, чтобъ они угадали, какой «теперь въ нашей христіанской землѣ день»; какъ невольники отвѣчали, почемъ имъ знать, какой теперь день у нихъ на Украинѣ, когда они уже тридцать лѣтъ въ неволѣ маются и «Божого свиту» и «солнца праведнаго въ глаза не видаютъ»; какъ имъ на это Маруся Богуславка отвѣчала, что теперь на родной ихъ сторонѣ, на Украинѣ, «великодная суббота», и «завтра святой праздникъ роковой день великдень»; какъ невольники, услыхавъ это, бѣлымъ лицомъ до сырой земли припадали, Марусю Богуславку кляли-проклинали, что она имъ о такомъ великомъ праздникѣ въ тяжкой неволѣ напоминала; какъ потомъ Маруся Богуславка, взявъ тихонько у своего и невольницкаго «пана турецкаго» ключи отъ темницы, всѣхъ невольниковъ на волю выпустила, и просила ихъ, чтобъ они, когда прибудутъ домой на Украину, въ «города христіанскіе», зашли къ ея отцу, матери и сказали, чтобъ они не продавали ни скота своего, ни имѣнія, и ее, Марусю Богуславку, изъ неволи не выкупали:

Бо вже я потурчилась, побусурменилась,
Для роскоши турецькои,
Для лакомства несчастного...

Пилипъ, слушая пѣніе, стоялъ между грядками, расположенными подъ самымъ балкономъ гарема. Балконъ былъ весь увитъ ползучими растеніями и дорогими цвѣтами, такъ что изъ саду ничего не было видно, что дѣлалось на балконѣ. Но при послѣднихъ словахъ думы онъ услыхалъ шорохъ на балконѣ. Прислушиваясь далѣе, онъ ясно разслышалъ, что тамъ кто-то тихо, но горько рыдаетъ, такъ и захлебывается слезами, такъ и зады-

хается... Услыхавъ это рыданье, запорожецъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ: казалось, это голосъ его матери; это мать рыдаетъ надъ его горькой невольницкой долей и надъ своею собственной недолей...

А съ галеры между тѣмъ доносилось:

Ой вызволи, Боже, насъ всѣхъ. бидныхъ невольникивъ.
Зъ тяжкои неволи,
Зъ виры бусурменськой,
На ясни зори,
На тихи воды,
У край веселый,
У міръ хрещеный!
Выслухай, Боже, у просьбахъ щирых
У несчастныхъ молитвахъ,
Насъ, бидныхъ невольникивъ!

Голосъ замеръ, а запорожецъ все стоялъ и слушалъ какъ потерянный. Слезы текли по его щекамъ. Вдругъ что-то какъ бы упало на балконъ и застонало...

— Оо! Я не хочу, я не хочу бути проклятою Марусею Богуславкою! О, Господи!—раздался оттуда болѣзненный крикъ, и потомъ все смолкло...

Запорожецъ догадался, кто это рыдалъ такъ горько на балконѣ и чей это былъ голосъ.

— Она, она, голубушка,—тихо бормоталъ, со слезами на глазахъ, покачивая головою, старый москаль-невольникъ, который подошелъ къ запорожцу.—Она, ластушка...

— Хто вона?

— Дѣвынька моя, сироточка черкашенка...

XV.

Это было въ 1683 году, когда турки осаждали Вѣну, а Янъ Собѣскій, король польскій, вмѣстѣ съ польскими и казацкими войсками шелъ на выручку погибавшаго цесаря.

Крымскія войска, по повелѣнію султана, съ раннею весною также вышли съ ханомъ въ подмогу турецкимъ силамъ, обложившимъ цесаря и его столицу. Ушелъ на войну и Облай-Кадыкъ-паша, оставивъ свой домъ и гаремъ на попеченіе матери. Уже по возвращеніи изъ похода, онъ намѣревался взять въ жены молоденькую украинку, золотокосую подоляночку.

Въ отсутствіи паши и рабамъ туземцамъ и невольникамъ стало нѣсколько легче: меньше работалось и вольнѣе дышалось. И въ саду какъ будто стало свободнѣе. Хотя старый садовникъ татаринъ и оставался попрежнему суровымъ и требовательнымъ, попрежнему пускалъ иногда въ ходъ «червоную таволгу», которая гуляла по спинамъ невольниковъ; однако, какъ онъ былъ глухъ, то невольники, работая отъ зари до зари, могли хоть иногда промурлыкать подъ носъ родную пѣсенку, побесѣдовать и вспомнить про свою сторону.

Притомъ, съ того дня какъ запорожецъ услыхалъ на гаремномъ балконѣ голосъ, напомнившій ему далекую родину и покинутую мать, и когда въ голосѣ этомъ сказалась тоска по волѣ, ему легче жилось: казалось, что какое-то другое, хотя невидимое, но родное существо раздѣляетъ съ нимъ и его неволю и его недолю... А раздѣленное горе всегда какъ-то менѣе тягостно и давуче, чѣмъ одинокое, замкнутое, нераздѣленное.

Однажды, во время какого-то большого татарскаго праздника, когда почти всѣ обитатели дома Кадыкъ-паши находились въ мечети и даже старая Акъ-Яйлы съ арапченкомъ евнухомъ отправились на молитву, запорожецъ, усѣвшись у фонтана, подъ тѣнью кипарисовъ, затянулъ свою любимую «сиротскую» пѣсню:

Стоитъ яворъ надъ водою, надъ воду схилився,
Молодъ козакъ, молодъ козакъ, да вже й зажурився.
Якъ же мени не хилитись—вода коринь мые,
Якъ же мени не журитесь, якъ серденько мліе?
Хожу нужу, хожу-нужу, якъ те сонце въ крузи,
Чи я встаю, чи лягаю—завше серце въ тузи.
Летить орелъ по-надъ море та й летючи крикнувъ:
Ой якъ тяжко въ сіи сторонци, д е я не привикнувъ!
Ой е въ мене на Вкраини риднесенька мати;
Та де жъ тая Вкраинонька—дежъ то іи взяти!

Онъ не кончилъ. На балконѣ опять послышались всхлипыванье и тихіе голоса.

— Годи, годи, Катруню! Годи, любко!—уговаривалъ одинъ женскій голосъ.

— Охъ моя матинко! Охъ мое серденько,—плакался другой, силясь удержать рыданія.

— Не плачь-бо, Катруненько! Утрись, стара скоро прійде.

— Я не буду, не буду, о-охъ!—И рыданія еще болѣе усиливались.

Запорожецъ понялъ, что это все его пѣсня надѣлала. Онъ пересталъ пѣть, глянулъ на балконъ. ничего не видать, только всхлипыванья и тихіе голоса

— Се, мабудь, козакъ.

— Та козакъ же жъ.

— Хиба ты его бачила?

— Давно бачила.

— Молодый?

— Молодый ще... гарный...

У Пилипа сердце заколотилось въ козацкой груди. Онъ еще внимательнѣе сталъ прислушиваться. Всхлипыванья становились все тише и тише. Онъ тихонько подошелъ къ балкону, осторожно глянулъ наверхъ и остановился какъ вкопанный: густая вьющаяся зелень, окутывавшая балконъ, казалось, непроницаемою сѣтью, тихо раздвинулась и изъ-за зелени выглянуло прелестное личико съ заплаканными глазами и золотоволосою головкою. Большіе заплаканные глаза глядѣли прямо на Пилипа. Пилипъ, казалось, одеревянѣлъ на мѣстѣ, не спуская глазъ съ таинственнаго, свѣтлаго видѣнія. Видѣніе улыбнулось, покраснѣло, улыбнулся и Пилипъ, но покраснѣть не могъ, ибо голенища не краснѣютъ, а его лицо было чернѣе голенища отъ загару...

Пилипъ перекрестился... Онъ самъ не могъ понять, съ чего онъ, ни съ того, ни съ сего, перекрестился—должно быть сдуру... Только нѣтъ, не сдуру: и тамъ, изъ-за зелени показалась бѣлая. вся въ перстняхъ ручка, и тоже перекрестилась...

«Мана... суща мана... та якажъ гарна!»—сдуру думалось Пилипу.

— Чоловиче, чоловиче добрый! Помолись за Катрю!—послышалось изъ-за зелени... Это говорила «мана».

— Помолюсь, — пробормоталъ Пилипъ, совсѣмъ растерявшійся.

— А якъ тебе зовуть, чоловиче?—снова послышалось изъ-за зелени.

— Пилипомъ...

— И я за тебе, Пилипе, помолюсь...

Въ зелени мелькнула бѣлая рука и съ балкона слетѣло что-то синее. Пилипъ нагнулся и поднялъ: то была широкая шолковая лента «стричка».

— Се тоби на незабудь,—послышалось изъ-за зелени.

Пилипъ такъ и остался съ разинутымъ ртомъ...

XVI.

Съ этого дня Пилипъ уже жадно, хотя чрезвычайно осторожно наблюдалъ за балкономъ. Первую ночь послѣ видѣнія имъ «маны» въ зелени онъ провозился въ своей невольницкой конурѣ почти напролетъ до утра; все мерещилась ему эта «мана» прелестная, эти заплаканные глаза, золотая головка, бѣлая въ дорогихъ кольцахъ рука. Онъ и молился въ ту ночь усерднѣе и уже постоянно поминалъ на молитвѣ Катрю. Голубую ленту онъ осторожно вдѣлъ въ воротъ своей рубахи и боялся до нее дотронуться, чтобъ не испачкать грязными руками. Неволя его какъ будто улетѣла куда-то, и онъ уже не хотѣлъ воли, не хотѣлъ уходить изъ этого сада, обнесеннаго тюремною рѣшеткою: сюда, казалось, прилетѣла сама и его воля и сама Украйна.

Его казацкое сердце колотилось, когда онъ украдкой замѣчалъ, что зелень на балконѣ какъ бы шевелилась. Но сама «мана» не показывалась. За то однажды къ ногамъ его упалъ пучочекъ «любистку», и онъ его торопливо поднялъ, положилъ за пазуху и съ радостью вспомнилъ, что «любистокъ—для любощивъ». Другой разъ невидимая рука бросила ему связочку «руты», а потомъ вѣточку «барвинку». Наконецъ, еще разъ у ногъ его очутилась серебряная монета, а въ другой—золотая.

Скоро еще одно обстоятельство порадовало козацкое сердце Пилипово. Когда поспѣлъ въ Кафѣ виноградъ, то старый татаринъ садовникъ погналъ Пилипа и его товарища, стараго «москаля», въ другой садъ, принадлежавшій Кадыкъ-пашѣ, въ виноградный, находившійся за городомъ, гдѣ предстояла имъ какая-то работа. Проходя базаромъ и позвякивая кандалами, они обратили на себя вниманіе какого-то незнакомаго человѣка, не татарина и не турка, а, повидимому, христіанина. Онъ и оказался христіаниномъ, и притомъ украинцемъ, изъ Кіева. Въ ту далекую отъ насъ пору, когда продажа плѣнныхъ была дѣломъ общепринятымъ, существовалъ и выкупъ плѣнныхъ. Но выкупали только богатыхъ полоняниковъ. Для этого родственники богатаго полоняника, братъ или отецъ, выправивъ ханское поз-

воленіе или султанскій фирманъ, отправлялись въ невѣрную землю, большею частью на невольничьи рынки, въ Козловъ, въ Кафу или Цареградъ, и тамъ искали или разспрашивали о своемъ дорогомъ имъ, полоняникѣ, чтобы выпустить его. Такимъ оказался и тотъ кіевлянинъ, встрѣтившійся на рынкѣ съ невольниками Кадыкъ-паши. У него полонили сына, ходившаго вмѣстѣ съ другими казаками на выручку Вѣны, осажденной турками и крымцами. Крымцы-то, какъ онъ узналъ, и увели его сына въ полонъ. Поэтому онъ и искалъ его въ Кафѣ и, увидавъ нашихъ невольниковъ, тотчасъ обратился къ нимъ съ вопросомъ, не видали ли они или не слыхали ли чего о такомъ-то и такомъ полоняникѣ. При этомъ онъ подалъ имъ милостыню, узнавъ въ нихъ своихъ земляковъ, а въ одномъ—даже запорожца и бывшаго джуру Мазепы. Задобрилъ деньгами и ихъ татарина надсмотрщика.

Наши невольники обрадовались ему, какъ родному. Вѣдь шутка-ли, съ родной стороны! Это не то, что теперь, когда и на край свѣта скоро, словно на крыльяхъ вѣтра, телеграфъ переноситъ всѣ извѣстія обо всемъ происходящемъ въ мірѣ, а тогда не только телеграфовъ и газетъ, но даже почтъ не было...

И много-много интереснаго разсказалъ имъ кіевлянинъ!.. Въ Москвѣ померъ царь Ѳедоръ Алексѣевичъ... Да тамъ же были бунты, стрѣльцы бунтовались... Старый «москаль» при этомъ извѣстіи только въ затылкѣ почесалъ... Мазепа все идетъ въ гору и въ гору... Горько стало Пилипу при воспоминаніи о Мазепѣ: забылъ онъ своего вѣрнаго джуру, изъ головы и изъ сердца выкинулъ...

Но всего любопытнѣе и радостнѣе для нашихъ невольниковъ была вѣсть о томъ, какъ Янъ Собѣскій, король, со своими ляхами и казаками турокъ и татаръ погромилъ у города Видня.

— Какъ вейзиръ,—разсказывалъ кіевлянинъ, идя рядомъ съ невольниками,—съ войсками своими подступилъ подъ городъ столечный цесарскій Видно, такъ цесарь, давши бой и не могучи видолати силамъ великимъ турецкимъ, въ городѣ Виднѣ замкнулся, и тамъ городъ приказавши своимъ гетманамъ, уступилъ въ свои высшіе панства за-для скупленія войска, а городъ черезъ цѣлое лѣто у великомъ облеженю зоставалъ, которые облеженцы и просили короля польскаго Яна Собѣскаго о пора-

ованя, который стоялъ на границѣ своей за Краковомъ, который, видячи такъ великую налогу отъ бусурмановъ христіанамъ, якъ найскорѣй войска збиралъ такъ кварцяные, якъ и посполитое рушеня, и затягаючи по усей земли своей и по Украйни, заразъ плату давано. И такъ барзо великіе войска скупилъ, и Бога узявши въ помощъ, пойшолъ противъ войскъ турецкихъ. О чемъ довѣдившись турчинъ Видно казалъ моцно доставати и самъ зъ войсками иными противъ короля польскаго пойшолъ, легце себѣ тіе войска важачи. Але оного фортуна омилила: бо що учинилъ былъ засадку войскъ своихъ пихоты тысяча четыредесять, усе тое знесено отъ короля польскаго, ажъ и самъ везиръ не выдержалъ зъ своими войсками, але за помощію божіею и тіе розбити стали, же у малой купи мусѣлъ утикати, оставивши гарматы, наметы, усе, що при соби мили. А и тіе войска, що города Видня доставали, побити, ледви що утикло: незличонное множество басурманъ пропало. Где и самъ король, въ городи Видни побувавши и скупившися зъ иными ксіонженты христіанскими, зъ войсками великими пойшли наздогонъ за везиромъ, не даючи оному отпочинку. Изнову у Дуная у мостовъ мили потребу и тамъ турковъ збили, которые великимъ гуртомъ на мостъ пойшли, съ которыми и мосты на Дунаи обломилися, где знову много погинуло отъ меча и потонуло. А которые жолнирове, мосты направивши, за турками пойшли, где по килька кротъ еще турковъ громили...

— Такъ ихъ! Такъ ихъ, собачихъ сынивъ!—невольно вырвалось у запорожца, все время жадно слушавшаго.

— А проклятую татарву громили?—спросилъ старый москаль, косясь на проводника татарина.

— И татарву громили.

— Слава тебѣ, Господи!—перекрестился москаль.

— Такъ-такъ, слава Господу... Усихъ потребъ по чотыри кротъ валечныхъ было,—продолжалъ, вздохнувъ, кіевлянинъ,—и на всихъ потребахъ турки шванковали, и городовъ много турецкихъ попустошили и куды хотили войска польскія и козацкія ходили и пустошили у кильканадцять миль отъ Цариграда. И въ тихъ потребахъ пашей много погинуло и живыхъ жолнире побрали *).

*) Этотъ разсказъ кіевлянина взятъ изъ «Лѣтописи самовидца» изд. Ор. Левицкаго (стр. 158—160).

Запорожецъ и «москаль» значительно переглянулись.

— Може и нашого Кадыка взято,—процѣдилъ запорожецъ.

— А можетъ и въ Крымъ наши придутъ,—добавилъ москаль,—разорить бы совсѣмъ это гнѣздо проклятое...

Нѣтъ, не скоро оно было разорено: еще сто лѣтъ послѣ этого стояло, и въ этомъ гнѣздѣ еще сто лѣтъ «не соколы ясные квилили, проквиляли», а «бѣдные невольники плакали, рыдали»

XVII.

Ночь. Къ сѣверу отъ Кафы, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, на темной синевѣ неба неясно вырѣзываются три человѣческія тѣни. Тѣни двигаются въ противоположную отъ Кафы сторону, на полночь. Двѣ изъ тѣней, большія, высокія, мужскія тѣни; третья что-то небольшое: не то подростокъ мальчикъ, не то женщина. У всѣхъ по длинному посоху въ рукѣ, и у мужчинъ,—третья тѣнь дѣйствительно была женская,—по котомкѣ за плечами.

Тѣни двигаются скоро, не останавливаясь, и въ глубокомъ молчаніи. Сзади нихъ темнѣло синее море на безконечное пространство и темными, тонкими стрѣлками тянулись къ небу едва замѣтныя линіи минаретовъ Кафы и корабельныхъ мачтъ въ кафинской гавани.

— Ну, вотъ мы, дѣвынька, и на волѣ,—сказала, наконецъ, одна тѣнь, тяжело передохнувъ,—глянь-ко, оглянись, передохни.

Тѣни остановились и повернулись лицомъ къ Кафѣ.

— Видишь, дѣвынька, гдѣ была твоя неволя?—спросилъ тотъ же голосъ.

— Бачу, дидушка,—отвѣчалъ тихо женскій голосъ

— То-то... Помнишь, какъ только насъ гнали въ неволю, и ты, крошка малая, плакала, убивалась по родимой матушкѣ, я говорилъ тебѣ: не плачь-де, дѣвынька, мы еще будемъ на волѣ... Помнишь?

— Помню, дидушка.

— А давненько-таки это было, а? Давно-давно...

— Девьять литъ, дидушка.

— Такъ, такъ, точно: девять годковъ

— Тоди мени було девять литъ, а теперь восимнадцять..

— Такъ-такъ, дѣвынька: восемнадцать, точно, какъ разъ

невѣста.. А ты что, Филипушко, молчишь?—обратилась первая тѣнь къ другой высокой.

— Такъ, дядюшка,—былъ тихій отвѣтъ.

— Али волѣ не радъ? А, Филипушко?

— Де вже не радъ!

— То-то... А ты, дѣвынька, не устала?

— Ни, дидушка.

— То-то, у тебя ножки-тѣ не наши, махоньки...

— Ничого, дидушка.

— То-то... На насъ не гляди, у насъ ноги лошадины, намъ что! наплевать... Да вотъ, сгоди малость, и отдохнемъ, только бы подалѣ отъ города, отъ неволи проклятой. А тамотка дальше мнѣ дорога знакомая: когда я былъ въ полону въ Кизилбашской землѣ да въ Анадольской, такъ оттелева кочермами хаживали и въ Кафу и въ Азовъ городъ, что въ Азовскомъ морѣ, въ донскомъ устьѣ, а Азовскимъ моремъ хаживали къ Арабатъ-городку. А этотъ Арабатъ-городокъ отселева будетъ доброво ходу сутки, прямо къ полуночи, а отъ Арбатъ-городка идетъ стрѣлка, коса сказать бы, верстъ на сто, въ море, и по этой по стрѣлкѣ, пройдя Арбатъ-городъ отай, мы дойдемъ, межъ Гнилымъ моремъ и Азовскимъ, до самово прорана до Гнилова, и черезъ тотъ черезъ проранъ мы дойдемъ до матерой земли. А тамъ ужъ и Днѣпръ-отъ и Муравской шляхъ, рука подать.

— Такъ мы не черезъ Перекопъ идемо?—спросили.

— Нѣ! Тамъ бы насъ, голубчиковъ, сцапали... Нѣтъ, шалишь! Я старъ воробей: горохъ клевать не стану черезъ силки. А мы пройдемъ межъ двухъ морей, стрѣлкою, значитъ, а той-ту стрѣлкѣ ширины всево съ полверсты, а длины до ста верстъ, и вся она камышомъ проросла: такъ лови насъ промежъ двухъ морей да въ камышахъ-ту... Поймай-ко вѣтра вилами... Вотъ оно что, дѣвынька.

Чѣмъ дальше шли ночные путники, тѣмъ становилось яснѣе кругомъ, ночныя тѣни словно улетали куда-то, а одна половина неба голубѣла и блѣднѣла. Кафа съ ея минаретами скрылась за пригорками. Виднѣлось только море, но не одно, а два, даже три, и назади и впереди.

— Вонъ тамъ, дѣвынька, за нами Черное море, тамъ и Кафа проклятая.

— А се яке море, онъ, тамъ, дидушка?

— Это, дѣвынька море Азовское на насъ глядитъ, а вонъ лѣвѣе и Гнилое.

— А ото якій городъ?

— То Арабатъ городокъ будетъ... Такъ-ту, ночка на исходѣ: пора намъ и привалъ сдѣлать въ какой ни-на есть яругѣ. Днемъ ужъ иттить не будемъ—шалишь! Днемъ спать... И твои ножки, дѣвынька, отдохнутъ маленько, такъ-ту... А на Кафу намъ теперь да на неволю наплевать, вотъ что!

И ночные путники скрылись въ балкѣ, проросшей густыми кустарниками и колючимъ терновникомъ.

XVIII.

Ночные путники были—старый «москаль», что перебывалъ «во всѣхъ неволяхъ», молодой джура Мазепинъ Пилипъ «Удовиченко» или Камяненко и золотоголовая «дѣвынька», что девять лѣтъ назадъ была полонена въ Каменцѣ на глазахъ Дорошенка и Мазепы. Ее звали Катрею.

Какъ они ушли изъ своей неволи, это знали только они да та другая полонянка украинка, которая давно «потурчилась», «побусурменилась» и, въ качествѣ любимой жены Облай-Кадыкъ-паши, привела ему уже нѣсколько черноглазыхъ пашенятъ. Она усердно помогала своимъ землякамъ и своей молоденькой землячкѣ уйти тайно изъ дома паши, отчасти руководясь чувствомъ ревности; она знала, что Кадыкъ-паша, взявъ себѣ новую жену, молоденькую Катрю, ей дастъ отставку, и ловко спустила свою невольную соперницу. Она снабдила ихъ всѣмъ на дорогу, и платьемъ, и обувью, и деньгами, и провизіей. Правда, она горько заплакала было, прощаясь съ подругой своей неволи, но, вспомнивъ о дѣтяхъ, утерла заплаканные глаза и замолчала... Мать и въ неволѣ была матерью.

Когда утромъ въ домѣ Кадыкъ-паши спохватились, что исчезла его любимая невольница, а также бѣжали и два другихъ невольника, отчаянью старой Акъ-Яйлы не было конца. Стали искать евнуха, какъ же онъ не досмотрѣлъ, когда это было его дѣло, потому что онъ былъ приставленъ къ гарему, и нашли бѣднаго арапченка висящимъ съ балкона безъ всякихъ признаковъ жизни: узнавъ раньше другихъ о бѣгствѣ своей госпожи, въ ко-

торую онъ притомъ былъ страстно влюбленъ, онъ повѣсился съ отчаянья и горя.

. . . . . .

Весь первый день провели бѣглецы въ яругѣ, прикрытые кустами и оврагами. Они закусили, отдохнули, наговорились о своей неволѣ, которая была уже за плечами у нихъ. Больше всѣхъ, по обыкновенію, говорилъ старый «москаль»: вспомнилъ и свою Москву, разсказывалъ о московскихъ порядкахъ, не забылъ повторить и о своихъ похожденіяхъ въ Кизилбашской и Анадольской землѣ, у фараоновъ и у шпанскихъ пѣмцевъ, у францовскихъ людей и у мултянъ.

Въ ночь они двинулись далѣе и, тайно пробравшись мимо крѣпости Арабатъ, стоявшей у входа на Арабатскую стрѣлку, очутились на этой послѣдней. Здѣсь они чувствовали себя уже гораздо безопаснѣе: по обѣимъ сторонамъ у нихъ синѣлось море, а по берегамъ росли непролазные камыши, въ которыхъ никакая погоня ихъ не могла бы отыскать. Въ камышахъ водилась всевозможная дичь, и когда на слѣдующее утро они остановились отдохнуть, то увидѣли, что вся стрѣлка кишитъ утками, гусями, бакланами, куликами, цаплятами, гайстрами, журавлями и всякою водяною и болотною птицею.

— Здѣсь мы, дѣтки, и гусятинкой, и утятинкой побалуемся,—сказалъ старый «москаль».

— Я вже самъ думавъ,—добавилъ запорожецъ.

Дѣйствительно, имъ не трудно было дорожными палками зашибить пары двѣ утокъ. Они ихъ тутъ же ощипали и выпотрошили; но огонь боялись раскладывать до ночи, чтобъ дымъ не навлекъ на нихъ преслѣдованія крымцевъ. Ночью же, въ глубинѣ камышей, они развели костеръ и на камышевыхъ тростинкахъ, служившихъ вмѣсто вертеловъ, приготовили себѣ роскошный ужинъ.

Молодая украинка, вырвавшаяся изъ неволи, изъ проклятаго гарема, была необыкновенно счастлива. Съ нею былъ тотъ «чернявый, чернобровый козаченько», котораго она давно, еще въ своей гаремной темницѣ, горячо полюбила. Это былъ тотъ «козакъ», о которомъ она дни и ночи мечтала въ своей неволѣ. Онъ также полюбилъ «руденькую браночку» всѣмъ своимъ «щирымъ козацькимъ» сердцемъ. Да и хороша же была эта «ру-

денькая браночка», Катруня, такъ хороша, что козакъ только рукой махалъ отъ невозможности сказать, какъ она хороша.

А старый «москаль» только радовался, ухмыляясь себѣ въ бороду и точно не замѣчая, какъ хохолъ съ хохлушечкой въ камышахъ тихонько обнимаются да цѣлуются...

— Что! Али лебедушку пымали? — окликнетъ онъ ихъ иногда, якобы ненарокомъ.

— Та ни... такъ... отъ-тутъ бисивъ очеретъ,—заикнется козакъ.

— То то, ачеретъ... Вонъ я слыхалъ, черкасы поютъ:

Ачеретъ, асака,
Чорны брови въ казака...

— Ха-ха-ха!—И «москаль» весело смѣется своей же шуткѣ; а молодые хохолъ съ хохлушечкой выходятъ изъ камышей красные, какъ раки.

На третій день ужъ или на четвертый дошли бѣглецы до конца Арабатской стрѣлки. Дальше итти было некуда: впереди вода, проливъ и по бокамъ моря.

Увидавъ это, Катруня тотчасъ ударилась въ слезы. Испугался и запорожецъ, хотя тотчасъ же понялъ, что москаль даромъ бы не повелъ сюда, если бы не зналъ ходу.

— Что ты, дѣвынька! О чемъ?—утѣшалъ ее «москаль».

— А вода... якъ же мы...

— Что вода! Вода вода и есть... А на что Богъ камышъ выростилъ, ачеретъ, а?

Ачеретъ, асака,
Чорны брови въ казака.

И неунывающій «москаль» опять засмѣялся.

— Вотъ что, дѣвынька,—продолжалъ онъ серьезно,—намъ и это дѣло знамое, видывали у фараоновъ. Навяжемъ мы это камышу видимо-невидимо, да сухово, сноповъ съ двадцать, а то и съ полтретьядцать и болѣ, да перевяжемъ ихъ осокой, да снопъ на снопъ, да еще рядъ сноповъ, и выйдетъ у насъ плотъ знатный, гонка сказать бы, паромъ, и на этомъ-ту плотикѣ мы и переѣдемъ проранъ-атъ... Вотъ что! Это дѣло плевое, наплевать-ста! Такъ-ту, дѣвынька.

XIX

Цѣлый слѣдующій день бѣглецы употребили на изготовленіе себѣ плота для переправы черезъ Геническій проливъ, отдѣляющій Азовское море отъ Сиваша. Они всѣ работали усердно: мужчины срѣзывали ножами сухой камышъ или собирали лежачій, поломанный вѣтромъ, а спутница ихъ складывала его снопами. Она сначала стала было свивать перевесла изъ осоки и куги для перевязки сноповъ, но тотчасъ же порѣзала осокой нѣжныя, ни къ чему непріученныя въ гаремѣ руки, и ей велѣли бросить это непривычное дѣло.

— Не твое это дѣло ручки рѣзать, дѣвынька,—остановилъ се москаль,—да оно и не твоимъ силамъ: навяжешь такихъ перевеселъ, что какъ сошьемъ ими плотъ-атъ нашъ, а онъ на серединѣ-тѣ прорана и ухнетъ, расползется: тоды и лови рыбку на днѣ моря.

Что ихъ донекало въ этой работѣ, такъ это комары: они носились въ камышахъ, надъ камышами и надъ Сивашомъ просто облаками. Но и тутъ бывалый «москаль» нашелся: онъ набралъ сухихъ водорослей, сдѣлалъ изъ нихъ жгуты, зажегъ ихъ, далъ въ руки своимъ молодымъ спутникамъ по жгуту, которые медленно тлѣя, дымили и отгоняли комаровъ.

— Вотъ вамъ «курушки» курилки сказать бы,—говорилъ этотъ словоохотливый старикъ,—эдакъ я, курушками-тѣ, отбивался отъ пчелы, когда еще ребенкомъ жилъ съ отцомъ-съ матерью, въ Звенигородѣ. Давно это было, уу давно! А какъ въ Анадоліи жилъ, въ полону, такъ и тамогка-чу бусурмановъ научилъ курушки дѣлать.

На другой день плотъ былъ готовъ. Къ дорожнымъ посохамъ, къ концамъ, навязаны были родъ голиковъ изъ жесткаго тростника, и эти голики замѣнили бѣглецамъ весла. Плотъ былъ спущенъ на воду и держался хорошо, ровно, спокойно и достаточно высоко надъ поверхностью воды. Первою взошла на плотъ Катря, которую запорожецъ перенесъ черезъ воду на рукахъ. Потомъ, разомъ, съ двухъ концовъ, взобрались на плотъ и мужчины.

Москаль перекрестился и поклонился на всѣ четыре стороны. За нимъ перекрестились и его молодые спутники.

— Съ Богомъ... Прощай, чужая сторонка, прощай, неволя проклятая!—торжественно произнесъ старикъ.

Стали грести стоя, словно лопатами. Къ счастью, полуденный вѣтеръ благопріятствовалъ бѣглецамъ и несъ ихъ быстро на ту сторону пролива. Вправо синѣлось Азовское море. Въ туманной дали бѣлѣлись паруса, какъ бѣлыя крылья птицы.

— Тамъ и я когда-то плавалъ къ Азову городу,—показалъ въ ту сторону старикъ,—и въ Азовѣ городѣ нашего брата невольника видалъ довольно, и черкасы, и донски казаки, и нашъ братъ, московской человѣкъ, всево вдосталь.

И Пилипу при этомъ невольно вспомнилась дума о томъ, какъ изъ города изъ Азова три брата убѣгали отъ тяжкой неволи... И ихъ вотъ теперь трое, и они бѣгутъ отъ той же неволи. Катруня представлялась ему младшимъ братомъ, тѣмъ «пѣшимъ пѣшеницею», который не поспѣвалъ за старшими. И ему стало страшно: а что какъ и она изнеможетъ въ дорогѣ?—а дорога еще дальняя, и конца краю ей не видать. Когда-то они еще доберутся до Муравскаго шляху, до Конскихъ водъ? А ногаи въ степи? А что если и Катруня посбиваетъ себѣ ножки о «сырое коренье», о «бѣлое каменье» будетъ за ними поспѣшать, кровью слѣды заливать?

— Ты что, Филипушко, носъ-атъ повѣсилъ? — вдругъ отозвался старикъ.—А?

Молодой казакъ невольно встрепенулся, оглядѣлся кругомъ, глянулъ на дѣвушку, которая стояла на плоту и задумчиво глядѣла въ невѣдомую даль.

— А? Засмутился парень?

— Ни, я такъ...

— Тото такъ... Ишь, дѣвынька, знатно плывемъ, знатная посудина, корапь... Словно въ пѣснѣ:

Изъ-за Волги кума
Въ рѣшетѣ приплыла,
Веретенами гребла,
Донцемъ правила,
Гребнемъ парусила.

— Вотъ и берегъ, доплыли! Молись да цѣлуй родную землюшку, она наша, нашей московской землѣ сусѣдушка...

XX.

Въ Батуринѣ, въ домѣ генеральнаго эсаула Ивана Степановича Мазепы совершается брачный пиръ. Мазепа женитъ своего вѣрнаго «джуру» Пилипа Камяненка на сироткѣ Катрѣ, воротившейся съ своимъ женихомъ изъ крымской неволи и незнающей ни роду, ни племени. Извѣстно было только то, что ее маленькою полонили въ Каменцѣ у матери-вдовы, и Мазепа припомнилъ даже моментъ, какъ несчастная мать золотокосой дѣвочки въ отчаяньи билась на землѣ, когда они съ Дорошенькомъ случайно проѣзжали мимо. Теперь эту полоняночку, уже взрослую красавицу, великодушно воротили изъ полону старый «москаль» и ея женихъ «джура» Пилипъ.

Молодые только что отъ вѣнца, и пируютъ, пока «дружки» готовятъ для нихъ «комору», брачную постель. Они сидятъ противъ посаженаго отца жениха, противъ Мазепы. Иванъ Степановичъ глазъ не спускаетъ съ красавицы въ золотой коронѣ изъ своихъ собственныхъ роскошныхъ волосъ.

Тутъ же, въ концѣ стола, и старый «москаль» на радостяхъ порядочно выпившій. Онъ, глядя на свою дѣвыньку, которой онъ заступалъ на свадьбѣ родного отца, утираетъ кулакомъ слезы.

— Ахъ, дѣвынька! Ахъ, красавынька! Привелъ меня Богъ дождаться...

Гостей много, и все войсковая знать, старшина казацкая съ женами. Пиръ въ полномъ разгарѣ: Мазепа такъ и сыплетъ на всѣ стороны «жартами», а больше все въ сторону молодыхъ... «жарты» милыя, веселыя, остроумныя...

Входятъ «дружки», кланяются, обращаясь къ Мазепѣ.

— Старосты, паны пидстаросты! Благословить молодыхъ на упокой повести!

— Богъ благословитъ,—отвѣчаетъ Мазепа, сверкнувъ на молодую своими лукавыми, бѣсовскими глазами.

— Въ-друге и въ-трете благословитъ!

— Тречи разомъ!—восклицаетъ Мазепа.

Молодая вспыхиваетъ и закрываетъ лицо руками. Ее и молодого берутъ подъ руки и уводятъ...

А «свашки» поютъ, поднимая бокалы съ виномъ:

Не плачъ, не плачъ, Катруненько,
По своему дивованнячку...

— Ахъ, бидна!—охаетъ одна толстая пани полковникова.

— Да, бидна, пани пулковникова,—улыбается Мазепа,—зновъ у Крымскую неволю повели...

Но никто не зналъ, а меньше всего молодые, что они—родные братъ и сестра...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Свѣту больше 1

Соціалистъ прошлаго вѣка 129

Тульскій кречетъ 209

Видѣніе въ Публичной Библіотекѣ 254

Крымская неволя 266

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

ДАНИЛЫ ЛУКИЧА МОРДОВЦЕВА

Кн. 41/42

БУЛАВА И БУНЧУКЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ ГЕТМАНСТВА.

Издательство П. П. Сойкина

Типографія

Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

БУЛАВА И БУНЧУКЪ.

Историческій романъ изъ смутнаго времени Гетманства.

I.

Подъ Прилуками, на живописномъ прибрежьи У[illegible], гдѣ въ настоящее время разбитъ городской садъ Скоропадскаго, именуемый «Островками», прилукская молодежь готовилась праздновать обрядовый вечеръ подъ Ивана Купалу. Въ пестрыхъ группахъ собравшейся молодежи видны были исключительно взрослыя дѣвушки и подростки «пидлиточки». «Парубковъ», молодыхъ парней, совсѣмъ не было на этомъ игрищѣ, а виднѣлись только дѣти, «дитвора». То было такое смутное время для Украйны, когда все мужское населеніе, всѣ, кто только могъ носить оружіе, шли защищать свой родной край отъ татаръ, гурокъ и поляковъ.

Украйна переживала страшный 1662 г. Уже нѣсколько лѣтъ, благословенная Богомъ страна раздиралась на части, какъ «несошвенная риза» Спасителя, нѣсколькими претендентами на обладаніе ею. Съ одной стороны опустошали ее гетманы правобережной Украйны, Тетеря и Дорошенко, съ другой претенденты лѣвобережной, Брюховецкій, Якимъ Сомко и Васюта Золотаренко, и, въ довершеніе всего, всѣхъ страшнѣе терзалъ ее, по выраженію того времени, «убогую вдовицу», Юрій Хмельницкій съ неистовыми полчищами янычаръ, крымскихъ, буджацкихъ и бѣлогородскихъ татарскихъ ордъ, и жолнеровъ, и наемниковъ Рѣчи Посполитой. Кровь лилась рѣками и на правой и на лѣвой сторонѣ Днѣпра, нерѣдко окрашивая собою воды исторической рѣки и запружая ее трупами павшихъ въ бою на ея полныхъ красоты и поэзіи берегахъ, какъ было послѣ «переяславской битвы», когда тѣла убитыхъ сыновъ бѣдной «вдо-

вицы» доплывали отъ Канева до самой Сѣчи на Чертомлыкѣ и выносились даже въ Черное море.

Потому не весело, не шумно было празднованіе Купалы подъ Прилуками, какъ и по всей Украйнѣ. У каждой дѣвушки кто-нибудь находился въ полномъ ужасовъ войны отсутствіи; отецъ, братъ, женихъ или просто «милый», о которомъ трепетало и ныло страхомъ и тоскою дѣвичье сердце. Горька была доля украинской женщины!

Расположившись на зеленой лужайкѣ группами, однѣ изъ дѣвушекъ заплетали «купальскіе вѣнки», другія подъ «гнучкою тополею» обряжали сдѣланное изъ соломы и пакли изображеніе самого Купалы. Около каждой группы разсыпаны были всевозможные цвѣты и травы «любистокъ» для «любощивъ», голубыя «сокирки», красные пахучіе «васильки», темно-синіе «волошки», пунцовые «черевички», «панській макъ», «жовтогарячій звѣробой», «нагидки», «мята», «кануперъ», «пивники», кручени панечи», «горицвиты», «чорнобривци» и неизбѣжная «полынь», предохранительный талисманъ отъ «русалокъ», чтобъ кого не «залоскотили», не защекотали до смерти.

Въ одной изъ группъ послышалось тихое, грустное пѣніе «петривочки», это пѣсни, распѣваемыя въ Петровки послѣ «веснянокъ». Мелодичный молодой голосъ выводилъ:

Ой и мала ничка петривочка,
Не выспалась наша дивочка,
Не выспалась, не нагулялась,
Зъ молодымъ козаченькомъ не настоялась:
До череды гнала—задремала,
На пеньки нижки пообивала.
На сухой теренъ косу порвала...

Голосъ умолкъ.

— Нѣтъ, что-то не «спивается», не поется.

— Да и какъ пѣть Катрѣ? И ея батько, Лазарь Горленко, при войскѣ.

— А Вивдя Маценкова сегодня рветъ на вѣнокъ «кручени паничи», а сама плачетъ-плачетъ.

— И какъ не плакать! И ея «крученый паничъ», Демко Раковичъ, тоже подъ Переяславомъ при войскѣ.

На западѣ мало-по-малу догорала вечерняя заря. Синева далекаго неба, постепенно темнѣя, казалось, спускалась на землю темною пеленою. Отъ Густини, съ несжатыхъ за военными

тревогами полей съ легкимъ свистомъ надлетѣла стайка дикихъ утокъ и, испугавшись людей, скрылась въ густыхъ камышахъ Удая.

Отъ стоявшихъ на горкѣ, невдалекѣ, гуменъ приближалась еще небольшая группа дѣвушекъ, которыя несли «кули», снопы соломы для купальскихъ огней.

— Никто васъ не видѣлъ, «дивчаточки»?—спрашивали сидѣвшіе.

— Никто, боронь, Боже,—отвѣчали.

— То-то... по закону надо.

Солому для купальскихъ огней «по закону», по народному обычаю, непремѣнно нужно было доставать тайкомъ, и потому родители смотрѣли на это сквозь пальцы.

Ночь все болѣе и болѣе спускалась на землю. Замигали въ небѣ звѣздочки. Съ луговъ за Удаемъ доносились крики журавлей да задорная трескотня перекликавшихся въ травѣ коростелей.

— Несите купальскую сорочку и вѣнокъ: пора убирать купалу.

— Это ты, Катруся, вышивала сорочку?

— Я, сестричко. Цѣлую недѣлю вышивала «мережки» и «червоною» съ «блакитною заполочью», чтобъ только не думать про страшную войну.

— А объ таткѣ все-таки думала.

— Какъ объ татунѣ не думать! На войнѣ сотниково мѣсто впереди своей сотни.

Между тѣмъ мальчики «хлопьята», не имѣвшіе представленія объ ужасахъ войны и мечтавшіе въ своей невинности, повыроставъ большими, итти въ запорожцы, дѣтскими голосами затянули слышанную ими отъ большихъ казацкую пѣсню, тщетно силясь пѣть басами:

Ой якъ изъ Крыму сиза хмыра наступае,
Чорне море витеръ-буря колыхае,
Козацькіи човны-чайки разбивае—
Сорокъ тысячъ казаченьковъ потопае...

— О, Мати Божи!—вдругъ залилась слезами «чорнявенькая» Вивдя Мацепкова.

Ей уже казалось, что въ числѣ сорока тысячъ запорожцевъ

потопасть и «кучерявый» Демко, хваставшійся какъ-то на «на улицѣ», что уйдетъ въ запорожье.

— Полно, сестричко, плакать, а то и мы всѣ расплачемся... Годи, ясочко,—утѣшала плачущую Катря Горленко.

— Снимай съ шеи «дукачи» и «корали» и вѣшай на Купалу,—говорила другая дѣвушка,—сорочку ужъ надѣли.

Снопы соломы уже поставлены были стоймя и подожжены. Вспыхнуло яркое пламя и освѣтило молодыя, больше грустныя, чѣмъ оживленныя личики подъ пышными вѣнками, украшавшими миловидныя дѣвичьи головки.

— Теперь до кола, сестрички, до кола!

Дѣвушки, взявшись за руки, составили кругъ и стали плавно двигаться вокругъ купальскаго огня, напѣвая звонкими, чистыми молодыми голосами.

Сегодня Купала, а завтра Ивана,—
Чимъ мени, моя маты, торгуваты.
Повезу я свекорка продаваты,
Ридного батенька куповаты,
Сдешевила свекорка, сдешевила—
Ридного батенька не купила.

Между тѣмъ младшія дѣвочки, составивъ свое коло, кружились около чучела Купалы «марены» и дѣтскими голосами пѣли другую купальскую пѣсню:

Коло воды-моря ходылы дивочкы
Коло мареночки—
Купало!

Было что-то волшебное и глубоко поэтическое въ этомъ круженіи около купальскаго огня и вокругъ изображенія Купалы, словно бы это совершались языческія требы около истукана Перуна съ кровавыми жертвоприношеніями и причитаніями:

Ужъ мы кровушки наточимъ—наточимъ
Божиньку Перуна напоимъ—напоимъ...

— А теперь, сестрички, часъ и огнемъ очищаться,—заговорила та, которая коломъ верховодила.

— Часъ, часъ, дивчаточка!—подхватили другія.

И подобравъ руками подолы «спидничекъ», дѣвушки одна за другой стали, съ разбѣгу, перескакивать черезъ огонь.

— Добрый вечеръ, дивчаточки! Съ праздникомъ, съ Купалою,—послышался изъ темноты старческій голосъ.

Всѣ оглянулись, и при свѣтѣ купальскаго огня увидѣли слѣпого кобзаря съ маленькимъ «поводатыремъ».

II.

Дѣвушки и дѣти обступили кобзаря.

— Откуда вы, человѣче Божій? — спросила Катря Горленко.

— Издалека, дѣтки, изъ самаго Переяслава, — отвѣчалъ слѣпецъ.

— Какъ изъ Переяслава, дѣдусю! Вѣдь онъ, сказываютъ, въ осадѣ.

— Былъ въ осадѣ, а теперь наши козаки отсидѣлись, да и Москаль Ромоданъ подоспѣлъ имъ на выручку. Слава Богу, проклятый Юраска Хмельниченко, вотъ не въ батько сынъ! убрался къ нечистой матери со своими жолнерами и съ ордою.

— А вы, дѣдусю, видѣли тамъ моего татка?—спросила Катря.

— Я, дитино моя, и свѣту солнца не вижу, такъ гдѣ жъ мнѣ увидать твоего татка? А ты чья будешь?

— Я Горленкова, дѣдусю, Лазаря Горленка, сотника прилуцкаго, дочь.

— А, знаю, знаю твоего батька, дитино моя: «лыцарь» на всю Украйну.

— Гдѣ жъ онъ теперь? Въ Переяславлѣ?—допытывалась дѣвушка.—Здоровъ?

— Хвалити Бога, здоровъ былъ, а теперь не знаю: въ походъ опять казаки.

Ребятишки, участвовавшіе въ празднованіи купальскаго вечера, обступили маленькаго поводатыря, какъ очевидца ужасовъ войны.

— И ты видѣлъ татаръ?—спрашивали его.

— Еще бъ не видѣть, когда они, какъ саранча, лѣзли на валы, а какъ начнутъ жарить ихъ изъ гарматъ, такъ точно «шпаки» (скворцы) разлетаются.

— А какіе изъ себя? Страшные?

— Нѣтъ, издали не страшные: точно собаки на плетнѣ, всѣ въ шерсти.

Французскій инженеръ Бопланъ, бывшій въ то время на Украинѣ, такъ описываетъ внѣшній видъ крымскихъ татаръ: «Простые татары накидываютъ на плечи овчинный тулупъ, который зимой носятъ шерстью внизъ, а лѣтомъ и во время дождя шерстью наружу: встрѣтивъ ихъ въ такомъ одѣяніи нечаянно въ полѣ, испугаешься, подумаешь, что это бѣлые медвѣди, вцѣпившіеся въ лошадей. Лѣтомъ и шапки у нихъ вверхъ шерстью. Въ другомъ мѣстѣ Бопланъ говоритъ: «конный татаринъ похожъ на обезьяну, сидящую на гончей собакѣ. При всемъ томъ ловкость и проворство татаръ удивительны: несясь во весь опоръ, они перескакиваютъ съ усталаго коня на заводного и легко избѣгаютъ преслѣдованія непріятелей. Конь, не чувствуя на себѣ всадника, тотчасъ беретъ правую сторону и скачетъ рядомъ, чтобы хозяинъ въ случаѣ нужды могъ перескочитъ на него»*).

— А, орда, какъ узнала отъ своихъ дозорныхъ, это языка московскаго гдѣ-то въ степи изловили, какъ узнала, что Ромоданъ съ Москвою въ превеликой силѣ спѣшитъ на выручку нашихъ въ Переяславѣ, въ тотъ же день кинулась черезъ Днѣпръ вплавь,—продолжалъ кобзарь удовлетворять любопытство дѣвушекъ.

— Какъ вплавь? — удивилась дочь Горленка. — Вѣдь Днѣпръ не Удай, его не переплывешь.

— Нѣтъ, дѣтки, и наши козаки научились у татаръ плавать черезъ Днѣпръ по-татарски, и одежу, и ружье ни одинъ не замочитъ.

— Какъ же это, дѣдусю?—спрашивали дѣвушки.

— А такъ, перепелочки мои: берега Днѣпра сплошь заростаютъ камышами; да такими, что и съ конемъ въ нихъ укрыться можно. И стоятъ эти камыши и лѣто, и зиму до новыхъ. Вотъ татары и нарѣжутъ, каждый себѣ по два снопа сухого камышу, перевяжутъ ихъ перевеслами, на снопы положутъ перекладинки, и выйдетъ точно плотъ, либо паромъ. Подъ плотъ подведутъ жердь съ арканомъ, либо просто съ добрымъ ремнемъ и привя-

---

*) Описаніе Украйны. Сочиненія Боплана. Переводъ съ французскаго. Спб., 1832. — Description d'Ukranie, qui sont plusieurs Provinces du Royaume de Pologne. Par le Sieur Beauplan. A. Roüen. MDCLX (т. е. 1660).

жутъ этотъ ремень къ хвосту лошади. А послѣ того скинутъ съ себя все и останутся въ чемъ мать родила.

— И казаки такъ дѣлаютъ, дидусю?

— По нуждѣ и козаки дѣлаютъ, голубка. А раздѣвшись, снявши съ себя сбрую, сагайдакъ съ стрѣлами, лукъ, ножъ, у кого сабля, и саблю, и кладутъ все это, каждый татарюга, на свой плотъ, да съ одной нагайкой въ рукѣ и въ шапкѣ овчиною вверхъ, а другой рукой уцѣпится за гриву коня, гайда въ воду, мигомъ на томъ боку Славуты очутятся.

— Ахъ, проклятые!—не вытерпѣла Маценкова, соображая про себя, что и ея Демко кучерявый такимъ же способомъ переправляется черезъ Днѣпръ.

— Охъ, диточки, заговорился я съ вами, а мнѣ еще не малый путь, да супротивъ ночи,—спохватился старикъ.

— Куда жъ вы, дидусю, да ночнымъ временемъ?—спросила дочь Горленка.

— Да до Густыни, дитино мое.

— Какъ до Густыни! Какъ же вы черезъ Удай?

— Да вотъ мои очи знаютъ какъ,—сказалъ слѣпецъ, любовно гладя голову своего поводатыря, подавшаго старику «костуръ» палку, чтобъ вести его дальше.

А эти «очи» немножко слукавили. Вмѣсто того, чтобы мимо Прилукъ вести слѣпца прямо на Густыню, маленькій хитрецъ, услыхавъ издали купальскія пѣсни, повелъ старика на «купальскія огнища», въ надеждѣ, что добрые прилучане оставятъ кобзаря переночевать въ Прилукахъ, и что тутъ дѣло не обойдется безъ сытнаго ужина.

— Нѣтъ, дидуню, вамъ не дойти сегодня до Густыни,—заговорила Катря.—Мы васъ не пустимъ. Переночуйте лучше у насъ. Мамуня такъ рада будетъ вамъ. Вы жъ видѣли татка.

— Видѣть не видѣлъ, ясочка, а говорить говорилъ съ нимъ,—улыбнулся старикъ.

— Ну, такъ и идите къ намъ.

Старику самому видимо хотѣлось отдохнуть и не тащиться ночью еще нѣсколько верстъ.

— Ну, нечего дѣлать съ тобою, дитятко, веди меня до мамы, до пани Горленчихи, сотниковой. Такъ и быть.

— Гасите жъ огни, сестрички, да и по домамъ,—весело сказала Горленкивна.—Въ такое время и Купала не въ Купалу.

— А какъ же съ «мареной» быть?—спросили нѣкоторыя.

— И «марену» несите къ намъ, а завтра мы ее вмѣстѣ съ нашими вѣнками бросимъ въ Удай и будемъ пѣть:

Утонула мареночка, утонула,
Та наверхъ кисонька зринула.

— А у всѣхъ, сестрички, полынь подъ мышками?—спохватилась Маценкивна.

— У всѣхъ, у всѣхъ! Еще бы... А то завтра и купаться нельзя будетъ, русалка «залоскочетъ» (защекочетъ).

— То-то... А то въ прошломъ году Галю Житную «заласкотали».

— А развѣ у нея не было полыни подъ мышками?

— Не было, почью потеряла, а потомъ и забыла. А какъ пошла одна купаться, ее «нехрещеныя души» и втянули въ омутъ Удая, тамъ ее и нашли.

И вся гурьба молодежи, неся передъ собою украшенную вѣнкомъ «марену» съ лентами въ мочальной косѣ и монистами и «дукачами» на шеѣ, направилась къ дому Лазаря Горленка. Кобзарь слѣдовалъ за молодежью.

III.

Домъ Горленка былъ большой старосвѣтскій «будынокъ», къ двумъ сторонамъ котораго, къ боковой и тыльной, примыкалъ фруктовый садъ.

Дѣвушки, принесшія «марену», у воротъ передали ее Катрѣ и, попрощавшись съ нею, съ сдержаннымъ говоромъ разошлись по домамъ. Катря же ввела въ домъ кобзаря и его поводатыря.

— Мамо, мамо!—оживленно говорила она, вступая съ слѣпцомъ въ «кимнату»,—я привела къ намъ дѣдуся, который недавно видѣлъ татка въ Переяславѣ.

— Бувайте здорови въ хату!—крестясь на невидимые въ переднемъ углу образа, промолвилъ слѣпецъ, а потомъ, поклонившись, добавилъ,—пана Лазаря видѣть я не видѣлъ моими незрячими очами, а говорить съ нимъ говорилъ.

Пани Горленкова видимо обрадовалась гостю.

— Милости просимъ, человѣче Божій, — заговорила она, взявъ старика за руку и подводя къ лавкѣ у стола,—садитесь,

будь ласка. И ты, хлопчику, садись около дѣдуся,—обратилась она къ повадатырю, гладя его по головѣ.

Начались разспросы про здоровье отсутствующаго мужа и про положеніе дѣлъ при войскѣ.

Маленькій поводатырь такъ и бѣгалъ живыми глазами по невиданной обстановкѣ горницы, куда онъ такъ неожиданно попалъ.

Да и было на что поглазѣть маленькому дикарю. Чего стоила одна печь, которая прежде всего бросилась ему въ глаза. Она была изразцовая, по зеленому полу «кафель» изображены всевозможныя картины. Вотъ на одномъ изразцѣ изображенъ скачущій верхомъ татаринъ, а подъ конемъ его убитый противникъ, можетъ быть, козакъ. Противъ татарина, съ другого изразца, скачетъ козакъ, размахивая саблей. На третьемъ изразцѣ—пушки, ядра, знамена и всѣ воинскіе доспѣхи съ высокою козацкою шапкой поверхъ одежды запорожца. Ниже—баба идетъ съ ведрами на коромыслѣ, а на правомъ отъ нея изразцѣ другая баба, въ «плахтѣ», прядетъ куделю. Ниже изразецъ—ѣдетъ въ коляскѣ «мѣска панна», на головѣ которой развѣваются ленты, а у ногъ собачка. Противъ «мѣской панны» изразецъ съ босоногой бабой, которая, кажется, щиплетъ утку. На другихъ изразцахъ—бѣгущій конь или олень и летящая за нимъ невѣдомая птица; дальше—чудовищная рыба глотаетъ голаго человѣка, который безпомощно дрыгаетъ ногами; тутъ—баба съ голыми икрами, а ей въ ухо лѣзетъ или говоритъ что-то одна птица, а другая карабкается по голымъ икрамъ бабы, правѣе—козерогъ съ задраннымъ хвостомъ; еще—борьба собаки съ гусемъ. Развѣ же это не диковинки?

Двери и оконныя рамы выкрашены голубою краскою, а по голубому—цвѣты и цвѣты. Все разрисовано, такъ и рябитъ въ глазахъ.

Глянулъ на другую стѣну малышъ и даже испугался: тамъ висѣли портреты грознаго пана гетмана, Богдана Хмельницкаго и Сагайдачнаго. О бокъ съ ними портретъ запорожца: онъ въ своемъ цвѣтномъ одѣяніи картинно сидитъ подъ яворомъ, привязавъ къ воткнутому въ землю «ратищу-копью» своего боевого коня, который отъ нетерпѣнія бьетъ копытомъ землю; около запорожца «рушниця» (ружье), сабля, бутылка съ «оковитою» и чарка, а на яворѣ виситъ пороховница. Запорожецъ покури-

вастъ «люльку» и играетъ на бандурѣ. Подъ портретомъ подпись:

А чого ты на мене дивишся?
Хиба не угадаешь,
Видкиль родомъ и якъ зовуть—
Не чичиркъ не знаешь?
У меня мення не одно,
А есть ихъ до-ката—
Якъ улучишъ на якого свата.
Якъ хочъ называй—на все позволяю,
Тильки крамаремъ не назови, бо за то полаю.
Я николи не миряю по аршину,
Хиба кому изъ вынтивкы гостынниця подарую у спину.
То правде—лучалось ямаркуваты—
И зъ ляхами кожухи на жупаны мнпяты
Та и горилочку добре куликаты.
Гай, гай! якъ я молодъ бувавъ!
Що-то въ мене за сила була:
Що ляхивъ борючы, и рукы не млила
А теперь здасться, що и вишъ сыльниця, якъ козакъ:
Зъ ляхами тильки день побиться—плечи и кыхти болятъ.

Очевидецъ старосвѣтскихъ «будынковъ», Бѣлецкій-Носенко, такъ оканчиваетъ описаніе «кимнаты» богатаго украинца.

Вся покуть одъ иконъ брынила.
Въ кутку зъ прозирными шыбкамы
Стояла шахва. И зъ гербамы
Чарки та кубки въ ін блыстилы.
Край шахви тыи на стини
Высила гризно всяка снасть,
Зъ якою билысь на войни
И не давались у напасть:—
Высили тутъ шабли, кульбаки (сѣдла),
Луки, рузеи, сагайдаки,
А по-пидъ стинами рядами
Поразмалевани квиткамы
Фыглясты дзыгляки стоялы *).

Пока служки накрывали на столъ и готовили «вечерю», панни Горленчиха и Катруся съ трепетнымъ вниманіемъ слушали разсказы кобзаря о тѣхъ ужасахъ, которые совершались на той сторонѣ Днѣпра, откуда старикъ недавно воротился, посѣтивъ свою внучку въ Чигиринѣ.

---

*) Рукопись Пав. Пав. Бѣлецкаго-Носенко родословной его («Прилукщина. Истор. и статист. описаніе территоріи Прилукскаго уѣзда». Сост. В. А. Маценко Ромны. 1883).

— Кровью подплываетъ наша Украина,—пояснилъ онъ,— хоть очи мои и не видѣли крови, да сердце ее чуяло и зрячіе люди разсказывали, а случалось, и мои старыя ноги скользили по крови, какъ по сметанѣ.

— И вамъ, дѣдусю, не страшно было ходить по тогобочной Украинѣ?—вся взволнованная спросила Катруся.

— Чего жъ мнѣ, дитятко, бояться?—отвѣчалъ слѣпецъ.— Какая кому съ меня корысть? Меня и татары не трогаютъ, будетъ съ нихъ, взяли у меня все, что имъ понадобилось.

— А что они, собачьи дѣти, взяли у божьяго человѣка?— спросила хозяйка.

— А очи мои, пани ласкова. Да я-жъ былъ въ неволи у нихъ, въ Крыму, давно это было. А за то, что я бѣжалъ-было изъ неволи, меня поймали и очи мои выколупнули, словно черныя вишни... Я былъ когда-то черноокій казакъ... выколупнули очи, словно вишни, и бросили...

— Охъ, мамочко!—всплеснула руками Катруся.

— Потомъ меня запорожцы вымѣняли на зрячаго татарина, и съ той поры я и брожу по свѣту и не вижу ужъ больше ни синяго неба, ни темнаго лѣсу, ни травицы зеленой. Только одно утѣшеніе оставилъ мнѣ Богъ милосердный— слухъ... И слышу я, какъ въ темномъ лѣсу деревья шепчутся, спѣлая рожь шелеститъ, кузнечики Господа славятъ, и какъ кукушка кукуетъ, и какъ соловушка заливается... Мнѣ и этого довольно, не нарекаю я на свою долю слѣпую.

— И кто-жъ у васъ, дѣдусю, родичи? — робко спросила Катря.

— Были, дитино моя, и родичи у меня, да Богъ прибралъ: сыны-соколы давно полегли въ полѣ отъ татарскихъ ятагановъ и доселѣ тамъ гдѣ-то почиваютъ... Можетъ, черный воронъ и видитъ ихъ бѣлыя кости, да я ихъ не видалъ... А мать свою, мое старое подружье, сини соколы съ собой взяли.

— Куда, дѣдусю, взяли?

— До Бога милосерднаго, дитятко... Сказано-бо въ писаніи: «въ дому Отца моего обители многи...» Какъ услыхала она о сынахъ-соколахъ, не вынесла: сердце разорвалось.

— О, Господи!—тихо, но горестно вздохнула пани Горленчиха.—А внучка жъ?

— Тоже Богу милосердному служитъ: тамъ, подъ Чигири-

номъ, въ монастырѣ за душу матери и за души на брани убіенныхъ отца и дяди молится.

Между тѣмъ ужинъ былъ на столѣ, и слѣпца стали угощать. Маленькаго поводатыря съ трудомъ разбудили.

— А и добрая же у васъ, пани, «оковита» (aqua vitae),— сказалъ кобзарь, выпивъ чарку запеканки,—сущій запридухъ.

— Татко называетъ ее спотыкачемъ,—улыбнулась Катря.

— И точно, спотыкачъ, панъ Спотыкайло.

Долго еще и послѣ ужина кобзарь разсказывалъ объ ужасахъ, какіе переживала Украйна въ свое «лихолѣтье», и только, услыхавъ чуткимъ слухомъ слѣпца тихое, ровное дыханіе хозяйской дочери и понявъ, что дѣвушка уснула, замолчалъ.

— Отъ дурна дитина,—замѣтила мать, — заснула, точно подъ сказку.

— И пусть спитъ, пока подъ крыломъ у матуси,—тихо сказалъ кобзарь, чтобы не разбудить заснувшую «дитину».

IV.

Дѣйствительно, какъ разсказалъ кобзарь женѣ Лазаря Горленка и его дочери, Юраска Хмельницкій, испугавшись козацкихъ и московскихъ войскъ Якима Сомка и окольничаго князя Ромодановскаго, снялъ осаду Переяслава и, какъ говоритъ «самовидецъ», «потегнулъ ку Днѣпру подъ Каневъ и, не дойшовши Канева, подъ Днѣпромъ окопався».

Ночь подъ 16-ое іюля, ночь наканунѣ рѣшительной битвы за обладаніе всею Украйною, и Юрась не спитъ... Не спится ему въ роскошномъ шатрѣ, что подарилъ ему союзникъ его, Нурреддинъ-ханъ. Сонъ бѣжитъ отъ вождя правобережной Украйны, и думы, какъ черныя осеннія тучи, обволакиваютъ угнетенную душу сына Богданова. Вотъ уже второй разъ гетманская булава переходитъ въ его руки, но не такъ она грозна, какою была въ могучей рукѣ его отца. Къ старому Хмелю льнули короли и кесари, ханы и султаны, господари и державцы всего свѣта. И не диво!

— Га! Не нужно было «старому Хмелю» даже топнуть ногою, какъ тому римскому Помпею, чтобъ изъ земли вышли легіоны... Стоило ему только махнуть булавой и крикнуть «дитки, за мною!» и его хмарою обгортали десятки легіоновъ... А около моей булавы?...

Съ краскою стыда онъ вспомнилъ, какъ досталась ему эта булава.

— «Химерный» Сирко далъ мнѣ эту булаву, какъ святыню... «Химерный» Сирко, вѣроятно, вынулъ мою, батьковскую булаву изъ того рѣшета изъ-подъ гусятъ, въ которомъ, сказываютъ, его маленькимъ, нищая мать-вдовица, за неимѣнiемъ колыбельки, качала и колыбельныя пѣсни пѣла, вынулъ изъ рѣшета и подалъ мнѣ, какъ нищему кусокъ хлѣба—«на, Юрасику, тебѣ цацу», а тамъ, какъ тотъ козакъ въ пѣсни,—

Стрепенувся та й полынувъ...
Тильки витеръ чубомъ мае...

И ему, Юрiю, махнуть бы булавою да крикнуть «дитки! За мною!»

— Такъ нѣтъ! Не та моя доля, не батькова доля!

А почему? Почему его доля «щербата?» Онъ вспомнилъ, что послѣ того, какъ Виговскiй, раздразнивъ казаковъ обѣщанiемъ имъ польскаго дворянства и «гадяцками пактами», долженъ былъ бѣжать съ гетманства, а Сирко вручилъ гетманскую булаву сыну Богдана, изъ Москвы прислали воеводу Бориса Васильевича Шереметева съ сильнымъ войскомъ въ тогобочную Украину, чтобы подклонить ее къ подножiю ногъ его царскаго пресвѣтлаго величества по самыя Карпаты и по Львовъ.

Свысока поглядѣлъ Шереметевъ на Юраску и на его гетманство... Что ему Юраска! Что ему гетманство! Что ему Украина!

— Я пройду,—сказалъ онъ на военномъ совѣтѣ Юраскѣ,—какъ мечъ Божiй до Львова и крикну: трепещите, ляхи! Склонитесь предъ Москвою!» а самого короля, какъ Марiй Югурту, въ золотыхъ кандалахъ приведу въ Москву на лобное мѣсто»... Готовься, панъ гетманъ, быть моимъ подручнымъ.

Юрасъ улыбнулся на эти похвальбы.

— Я его подручный! Онъ пишетъ въ Москву: Холопъ твой государевъ Борька», а я «гетманъ Украины рука власна».

Это дошло до Шереметева, и онъ неосторожно выразился:

— Что гетманъ! Мальчишка! Этому гетманишкѣ мѣсто гусей пасти, а не гетмановать!

— А! Гусей пасти!—заскрипѣлъ зубами Юрась, услыхавъ это.—Такъ я-жъ тебя, холопъ, заставлю цыплятъ пасти въ крымской неволѣ! Я тебѣ, идолу, залью за шкуру сала!

И залилъ, да такъ, что двадцать лѣтъ сидѣлъ Шереметевъ въ крымской неволѣ и пасъ не только татарскихъ цыплятъ, но пасъ бы и поросятъ, еслибъ татары держали свиней.

Юрась подвелъ такъ, что подъ Чудновымъ польскіе жолнеры и татары задали Шереметеву такого «чосу», что не только московское войско «у пень» порубили, но и самого воеводу, словно курицу-насѣдку на гнѣздѣ, живьемъ захватили и угнали въ Крымъ гусей и цыплятъ пасти, и онъ пропасъ ихъ тамъ, не мало, не много, ровно двадцать лѣтъ... Таковъ оказался этотъ «гетманишка».

Послѣ такого подарка Москвѣ Юраскѣ ничего больше не оставалось, какъ показать этой Москвѣ пятки въ «желтыхъ сапьянцахъ» и уйти къ полякамъ.

Все это вспомнилъ теперь Юрась въ безсонную ночь наканунѣ роковой битвы.

И вотъ онъ третій уже разъ на гетманствѣ, только польскомъ: не «химерный» Сирко вытащилъ ему булаву изъ своего рѣшета, а «зъ ласки яснопосвѣцоного пана круля». Подъ его булавою теперь другіе легіоны и польскіе, и козацкіе съ ихъ вождемъ, паномъ Тетерею. И хочетъ Юрасикъ отхватить отъ Москвы всю лѣвобережную Украину, всю гетманщину отъ Глухова и Харькова по самую Сичъ и за Сичъ до татарскихъ пастьбищъ Крыма.

— Охъ, берегись, Юрасику,—точно кто шепчетъ ему въ ночной тьмѣ,—въ Сичи сидитъ «химерный» Сирко, а у него—заколдованное рѣшето съ булавами и бунчуками...

Нѣтъ, не спится... Та волшебная ночь съ Галею у тихаго пруда, подъ безумное щелканье соловья, та ночь отняла у него сонъ...

— Галя, Галя! Что ты надо мою сдѣлала?—прошепталъ онъ и тихонько вышелъ изъ роскошнаго Нурреди́нова шатра.

Вонъ его легіоны, польскіе и казацкіе, окопались и ждутъ утра... Во тьмѣ ночи чуть-чуть виднѣются жерла пушекъ на окопахъ... Утромъ онъ поведетъ легіоны противъ московскаго боярина, князя Ромодановскаго, противъ «московскихъ попихачивъ», Якима Сомка и Васюты Золотаренка.

Юрась тихонько прошелъ къ Днѣпру и присѣлъ у воды. Днѣпръ тихо шелестѣлъ камышами да стонала «бугай-птица» выпь.

— Ромоданъ... окольничій... тоже холопъ... Охъ, москалю! Ты ужъ не пошлешь меня гусей пасти, какъ посылалъ Шереметь, а теперь самъ насетъ въ крымской неволѣ, на зеленомъ берегу Чурюкъ-су.

Несмотря на искусственное подбадриваніе себя, Юрась тосковалъ.

— О, доля моя, доля моя; доля латная! Маленькимъ, вѣрно моя мать въ рутѣ меня купала да «любистковъ» жалѣла... А «любистки» для любощивъ» amores—вспомнилъ онъ Овидія, котораго читалъ въ бурсѣ.

Тихо шепчется съ камышами Днѣпръ, «его» рѣка... А его ли, полно?

— Моя, моя! Мой Днѣпръ и Украина моя!.. Только Галя, Галочка моя, и моя, и не моя... Не моя, не моя!.. О, проклятая доля!.. А какъ всю ночь льнула ко мнѣ Галочка, и не моя, не моя, не моя!

Въ смертной тоскѣ онъ поглядѣлъ на тотъ бокъ Днѣпра, на кручи, на скалы... А Днѣпръ все катитъ свои воды, все катитъ, туда, на Низъ, до Сичи, до Чортомлыка, до Сирка, до моря, и нѣтъ ему перепону... Да тамъ ему въ морѣ, и загинуть на вѣки и вѣки, какъ гинетъ каждое малое, соединяясь съ большимъ, какъ гинетъ каждая минута въ часѣ, каждый часъ, дни и столѣтія—въ вѣчности...

— А можетъ сгинетъ и Украина въ великой великости, когда соединится съ нею... Такъ и батько говорилъ передъ смертью, а передъ старшиною и громадою не то...

Юрась упрямо, какъ молодой бычокъ, покачалъ головой.

— Нѣтъ, не сгинетъ Украина, какъ и этотъ Днѣпръ, что какъ живой съ камышами тихо перешептывается.

Бросивъ въ воду сухую камышинку, Юрась снова задумался.

— Поплыла... и не вернуться ко мнѣ этой камышинкѣ, какъ не вернуться съ моря днѣпровой водѣ, какъ не вернуться и тому, что говорила мнѣ Галя въ ту весеннюю ночь... Не вернуться... Ни что въ мірѣ не возвращается, и та ночь не возвратится, а хоть и не возвратится, такъ никогда, никогда не забудется.

Онъ такъ заломилъ руки, что пальцы хрустнули.

— Охъ, чую, что не будетъ мнѣ ни «забуття», ни «вороття».

А тоска все грызетъ сердце.

О чемъ же ему тосковать, за что на долю нарекать? Развѣ давно пани Елена Виговская гетманша, припадала въ Чигиринѣ къ его стремени и къ его желтымъ «сапьянцамъ», потому что подъ эти сапьянцы подпала тогда, подклонилась вся Украйна, и эти желтые «сапьянцы» имѣли право топтать ее отъ Глухова и Харькова до Чортомлыка, отъ Кіева до Чигирина до Карпатъ и до Львова.

— «Beati possidentes!» вспомнилъ Юрась бурсу и своего учителя, Іоанникія Галятовскаго, и улыбнулся.

Но вслѣдъ затѣмъ сомнѣніе запало въ душу. Развѣ не по милости Сирка былъ онъ этотъ «beatus possidens». Развѣ не изъ сирковаго рѣшета выпала къ нему и сила и право топтать жолтыми «сапьянцами» всю Украину?..

— Нѣтъ! По милости Божьей да батьковой.

И проносятся передъ его очами всѣ неудачи и «турботы» послѣднихъ дней. Отступленіе отъ Переяслава, уходъ хана Нурредина съ татарами, пронюхали и ушли, какъ прозорливыя крысы съ обреченнаго на гибель корабля... А родичи его, Васюта Золотаренко да Якимъ Сомко съ ихъ полками тоже прозорливыя крысы?

— Такъ нѣтъ же! Сегодня утромъ я подтопчу ихъ подъ свои подошвы, какъ сухое перекати поле, а съ ними и союзника ихъ холопа Ромодана, и пошлю его къ моему побратиму, Нурреди́нъ-хану, за его шатеръ... Пусть вмѣстѣ съ Шереметомъ вспоминаютъ меня въ Бахчисараѣ...

Но опять въ душѣ его встаютъ и та весенняя ночь и милый образъ Гали съ ея ласками, съ безумно блаженными, и горькими до безумія... Отъ стыда и бѣшенства на самого себя блѣдныя щеки его загораются краскою этого стыда...

— Ахъ, Галя! Что я узналъ, что ты заставила меня узнать про себя!.. Я не человѣкъ... Я калѣка... каженикъ... евнухъ отъ утробы матери, отъ самыхъ пеленокъ!..

V.

Въ ту весеннюю ночь Юрій Хмельницкій догадался, кто онъ такой...

До этой волшебной ночи онъ не зналъ, что такое любовь. Мальчикомъ, получивъ гетманскую булаву изъ рукъ умиравшаго

отца, онъ тотчасъ же оправленъ былъ изъ Чигирина въ Кіевъ къ Іоанникію Галятовскому въ наученіе. Тамъ жизнь и порывы молодости не коснулись его, не заявила требованій и любовь.

А въ ту волшебную ночь онъ понялъ, что такое любовь. Въ ту ночь онъ неожиданно встрѣтилъ въ саду ясноокую Галю и понялъ, что давно уже любилъ эту тоненькую, стройненькую, какъ молодая тополька, ясноокую дѣвочку, и съ той поры благословлялъ и проклиналъ эту роковую для него ночь.

Душно было въ ту ночь, какъ передъ грозой. Онъ и вышелъ въ садъ. За прудомъ, въ темной гущинѣ кустовъ, безъ умолку заливался соловей. На пруду, на зеленыхъ «купинахъ» съ осокою, и въ камышахъ какъ одурѣлыя квакали лягушки цѣлыми хорами, точно у нихъ была «улица», та украинская «улица» гдѣ-нибудь у рѣчки подъ вербами и тополями, куда собирается молодежь и отъ вечерней зари до утренней наполняетъ ночной воздухъ чудною мелодіей поэтическихъ пѣсенъ, и гдѣ молодыя сердца начинаютъ испытывать первые порывы любовнаго опьяненія.

Въ саду одуряюще пахло цвѣтущею сирепью и острыми ароматами мяты и «любистка».

Вдругъ Юрась видитъ, Галя въ бѣленькой, шитой заполочью, «мережками» сорочечкѣ и «намистомъ» изъ яркихъ коралловъ стоитъ у самой воды, подъ кустомъ калины, и видимо, заслушивается пѣнія соловья.

— Юрій... панъ гетманъ, — не то съ испугомъ, не то радостно,—тихо проговорила дѣвушка.

— Я не гетманъ, Галочка, я только Юрій, Юрась.

И онъ взялъ ее за руку. Волшебство ли ночи, волшебство ли молодости, но онъ въ первый разъ въ жизни почувствовалъ, что отъ крошечной, почти дѣтской ручки можетъ исходить какая-то невѣдомая сила, которая, казалось, зажигала кровь во всемъ тѣлѣ и туманила мозгъ, лишая воли.

— Тебѣ холодно... вонъ и рученька холодная... Сядемъ...

Они усѣлись на травѣ подъ навѣсомъ калиноваго куста, какъ подъ шатромъ.

— И ножки, можетъ, озябли?

Онъ дотронулся до ея ножекъ въ легкихъ черевичкахъ и въ шелковыхъ чулочкахъ... Отчего не дотронуться? Она еще ре-

бенокъ «подлиточекъ», хотя и высокенькая: ей только четырнадцать минетъ послѣ «клечальной» недѣли...

— Да ты по росѣ ходила, Галочка, не по дорожкамъ... У тебя и ножки и чулочки мокрыя... Дай, я ихъ немножко высушу.

И онъ сталъ ихъ гладить руками... тихо, осторожно, нѣжно... Что съ нимъ?.. Онъ и не зналъ самъ какъ прильнулъ къ нимъ губами...

Въ головѣ замутилось, все пошло кругомъ... что-то горячее охватило душу, и онъ все забылъ... Или это сонъ, или они разомъ обомлѣли въ какомъ-то чаду?.. Или это небо разверзлось?.. Не знаетъ... все забылъ... и себя и все забылъ.

Помнитъ только теперь, какъ она вся пылала, прижимаясь къ нему и прижимая его голову къ своей трепетной груди... то припадала къ его губамъ своими горячими губками, и эти губки, точно листочки на калинѣ, шептали:

— Юронько мой... мой гетманъ... мой, мой, мой!

— И теплыя слезки ея капали на мои руки, когда она и къ нимъ припикала личикомъ и горячими губками,—шепталъ онъ теперь, вспоминая безумную весеннюю ночь.—Или это былъ только сонъ, бредъ?

— Да, и сонъ и не сонъ... Не сонъ...—Силится онъ все, все вспомнить и не можетъ...

— Ужъ не мара-ли то была въ образѣ Гали?

Слышитъ онъ, кажется, и доселѣ какъ всю ночь безумно щелкалъ соловей, какъ лягушки точно перебѣсились въ пруду, какъ Галя припадала къ нему, къ его ногамъ, къ колѣнямъ, крестила его и снова прижималась трепетно и вся горѣла... И вдругъ, исчезла, точно въ небо къ ангеламъ улетѣла, или русалкою въ прудъ нырнула... А онъ сидѣлъ на травѣ подъ калиною и со стономъ и слезами проклиналъ свою долю щербатую, клялъ и отца и мать...

— Проклятая, проклятая! Зачѣмъ ты маленькимъ меня не удавила? Зачѣмъ, купаючи въ рутѣ и барвинку батькомъ проклятое дитя не утопила? Кто и тебя проклялъ, чтобъ привела ты на свѣтъ не дитя, а гадину? Нѣтъ, и не гадину: и гадина счастливѣе меня...

Онъ совсѣмъ забылъ, гдѣ онъ, что съ нимъ... Онъ былъ весь въ томъ роковомъ саду.

— Такъ вотъ почему убѣжала Галя... Она поняла, что я

не человѣкъ... И днемъ не показалась, сказали, что у нея головка болитъ, ночью въ саду ножки промочила.

Юрась всталъ, чтобъ отогнать отъ себя мучительныя воспоминанія той ночи. Ему припомнился отецъ, переживавшій, повидимому, что-то угнетавшее его душу, точно угрызенія совѣсти, и старикъ чаще и чаще возвращался къ своей любимой, грустной пѣснѣ:

Ой, бида, бида чайци небози,
Що вивела дитки при битій дорози:
Идутъ женци жати—
Дѣтокъ забирати

— Да, правда, — думалъ Юрась, — въ образѣ чайки представлялась ему наша Украина... Вонъ жнецы московскіе съ Ромоданомъ идутъ жать и забирать дѣтокъ несчастной Украины... Однако, мы еще помѣряемся... У меня достаточно косарей на московскихъ жнецовъ: утромъ будетъ у насъ добрая косовица.

Вдругъ позади, за его окопавшимся таборомъ, что-то завыло... То затрубила труба, за нею другая...

Молодой гетманъ опомнился. Правый берегъ Днѣпра, его кручи и скалы явственнѣе выступали изъ дымки ночи. Начинало свѣтать. Изъ прибрежныхъ камышей стая утокъ, вспуганныхъ ревомъ трубы, съ крикомъ поднялась на воздухъ и, свистя крыльями, скрылась за высокимъ правобережьемъ.

Еще заговорили трубы.

— Меня ищутъ, своего гетмана... Такъ вотъ оно, начинается...

И онъ быстро поднялся на кручу и поспѣшно направился къ табору.

Навстрѣчу ему неслись два всадника. То были Тетеря и Юрасевъ «джура» съ бѣлымъ гетманскимъ конемъ въ поводу.

— До збруи, пане гетмане!—издали кричалъ Тетеря.—Сейчасъ начнется бой.

— Пришли москали?

— Идутъ, не далеко... Надо съ честью принять гостей.

— Языка развѣ привели? Отъ него узнали?—спрашивалъ торопливо молодой гетманъ, принимая отъ джуры гетманское одѣяніе и садясь на коня.

— Да ты же самъ, пане гетмане, еще съ вечера приказалъ выслать въ степь дозоръ, и вотъ дозорные передъ разсвѣтомъ

усмотрѣли съ высокой могилы, что сюда посувается, точно живой лѣсъ, московская сила, и комонники, и копейники, и рейтарія, валомъ валитъ Москва ажъ земля, говорятъ дозорцы, стонетъ.

— А Сомко? А Золотаренко?—спросилъ молодой гетманъ.

Джура подалъ ему булаву.

Сомка и Золотаренка какъ предателей, по его мнѣнію, Украины, особенно ненавидѣлъ Юрась.

— Васюты Золотаренка не запримѣтили дозорные,—отвѣчалъ Тетеря.—А Сомко идетъ съ своими переяславцами.

Молодой гетманъ, какъ ужаленный, подскочилъ на сѣдлѣ и погрозилъ кому-то булавою.

Булава такъ и сверкнула, точно вспыхнула на солнцѣ, небольшой край котораго только что выпырнулъ изъ-за вершинъ лѣса и, все озолотивъ своими лучами, зажегъ и гетманскую булаву. Это была та драгоцѣнная булава, вся обсыпанная сапфирами, которую польскій король прислалъ въ подарокъ старому Хмелю послѣ того, какъ герой Украины на голову разбилъ войска короля подъ Корсунемъ... Хорошій, знаменательный подарокъ отъ того, кого старый Хмель оставилъ посрамленнымъ на полѣ битвы...

— Погоди же ты, гадюка,—проговорилъ Юрась, словно разговаривая самъ съ собою.

— Хто, пане гетмане?—глянулъ на него Тетеря.

— Сомко, гадюка за пазухою.

VI.

Скоро молодой гетманъ и Тетеря прискакали къ своимъ окопамъ, возвышавшимся впереди табора. Еще издали, поднявшись на курганъ, они увидѣли, что будто двѣ тучи надвигаются одна на другую, и въ тучахъ точно сверкаютъ маленькія молнійки. Тамъ на востокѣ вставала и клубилась пыль, и сѣверный вѣтерокъ гналъ ее къ югу, на полдень. Пыль эту поднимала московская пѣхота своими грубыми чоботищами. Изъ-за пыли блестѣли на утреннемъ солнцѣ то золотыя яблоки московскихъ хоругвей съ образами на полотнищахъ ихъ, то сталь алебардъ и бердышей, то и были сверкавшія въ пыли молнійки.

Навстрѣчу московской тучѣ двигалась другая туча право-

бережной Украины, выгоняя впереди себя два гигантскія крыла: то Корсунщина и Бѣлоцерковщина выдвигали противъ московской тучи своихъ сыновъ казаковъ, полки корсунскій и бѣлоцерковскій. Тремя стройными «лавами» двигались туда еще три полка Юрасевыхъ легіоновъ.

Молодой гетманъ глянулъ на свой таборъ. Тамъ прочно окопались его «нѣмцы», польскіе жолнеры и наемные отряды въ нѣмецкомъ одѣяніи. На окопахъ, между возами табора, грозно выдвигалась его артиллерія, «гарматы» съ пушкарями.

— Такъ окапывалъ свои резервы блаженной памяти родитель твоей милости,—указалъ Тетеря на окопы.

— За такими окопами еще въ позапрошломъ году Нурреди-нова орда въ двадцать тысячъ ничего не могла сдѣлать съ Сиркомъ, хоть у него не было и пяти сабель и мушкетовъ,—добавилъ старый Макогонъ, «утершій поту» съ батькомъ Богданомъ, еще при Желтыхъ-Водахъ.

— О!—подумалъ Юрась.—Еслибъ со мною былъ Сирко...

И тяжело вздохнулъ, быстрымъ взглядомъ окинувъ все поле битвы. Поле, какъ гигантскій огородъ, пестрѣло всевозможными цвѣтами жупановъ, шапокъ, цвѣтныхъ шароваръ:—то были его тогобочные полки въ красныхъ и голубыхъ жупанахъ въ желтыхъ и зеленыхъ шароварахъ, въ смушковыхъ высокихъ шапкахъ съ яркими разноцвѣтными верхами, все это такъ и кричало въ глаза.

А тамъ, дальше, на перестрѣлъ и болѣе изъ лука, медленно, словно сдвинувшійся съ своего основанія боръ, сунулись московскія рати, стрѣльцы въ красныхъ зипунахъ, съ бердышами и кривыми алебардами, съ развернутыми хоругвями, точно московскій крестный ходъ къ водосвятію...

Это и было страшное водосвятіе, проклятое оскверненіе воды... Скоро, скоро воды Днѣпра окрасятся человѣческою кровью.

На крыльяхъ этого сдвинувшагося съ основанія бора какъ бы по выраженію стараго Мокогона «выгравали на коняхъ» Сомковы переяславскіе казаки, словно вызывая своею дерзостью «на герцъ», на состязаніе тогобочныхъ казаковъ, своихъ кровныхъ братьевъ. Далѣе, за московскою пѣхотою двигались московскіе же камонники, копейники и рейтарія, закрывая собою тяжелую артиллерію.

Послѣ того, какъ московскія рати со срамомъ полегли въ крававомъ пиру подъ Чудновымъ и, по милости лукаваго «гетманишки», способнаго только «гусей пасти», самого Шереметева плѣнникомъ татары погнали въ Крымъ, Москва стала потщательнѣе взвѣшивать свои силы и посылала свои рати на Украйну уже не тысячами, а десятками и сотнями тысячъ. Такъ и теперь она, наученная горькимъ опытомъ, выдвинула могучую рать противъ юнаго «гетманишки» и его польскихъ жолнеровъ съ корсунскими и бѣлоцерковскими казаками.

Юрась и Тетеря, остановивъ коней на высокой могилѣ, молча оглядывали поле битвы. Казалось, и счету не было московскимъ ратямъ.

Тихо, но грозно двигается «москва», какъ тогда собирательно называли на Украинѣ великороссіянъ.

— Сарана, чистая сарана, чтобъ ей передохнуть!—сердито ворчитъ въ усы старый Макагонъ.

Ближе и ближе сходятся силы враговъ.

Польскіе жолнеры, заполнявшіе собою передніе ряды Юраскинскаго войска, уже не въ силахъ смотрѣть на хмурыя лица надвигавшихся на нихъ «москалей». «Москали» все ближе и ближе, и жолнерамъ кажется, что сѣверные бородачи смотрятъ на нихъ горделиво, презрительно.—Гоноръ не даетъ имъ выжидать, обидно!

— Hurra! (ура)—крикнули болѣе нетерпѣливые. — Niech gienie moskal! Niech ginie!

И всѣ они, точно обезумѣвшіе, ринулись впередъ, блестя на солнцѣ остріями копій и цвѣтными значками, точно бы въ воздухѣ запорхали тысячи разноцвѣтныхъ бабочекъ.

— Либо добыть, либо дома не быть!—въ одинъ голосъ рявкнули корсунцы и бѣлоцерковцы и, какъ вихрь, понеслись на московскую пѣхоту.

Разомъ заговорили мушкеты, словно захлебываясь. На мгновеніе пороховой дымъ задернулъ бѣлою дымкою передовые ряды московской рати. Московскія пули сшибли съ коней не одного горячаго жолнера, но и не одна московская голова полегла передъ своимъ строемъ, который словно бы бы разорвался, переломился, подался назадъ...

— Стройся! Сомкнись!—раздалось тамъ и точно прорѣзало

воздухъ, и строй снова выросъ, какъ стѣна, плечо въ плечо, нога въ ногу.

А убитые уже валялись передъ стойкимъ строемъ, не слыша, какъ безпомощно стонали и просили смерти недобитые.

— Niech ginie moskal! До руски!

— Або добуты, або дома не буты!

И завязалась рукопашная, рѣзня и колотье по всей линіи.

Молодого гетмана била лихорадка.

Но самая жестокая битва шла на обоихъ крылахъ армій: то словно озвѣрѣлые рѣзались пять казацкихъ полковъ Юрасовой руки со своими братьями, съ казаками сомковой и московской руки. Тѣ и другіе спотыкались уже о мертвыя тѣла, давили ногами и конскими копытами недобитыхъ; а поле битвы все еще ни за кѣмъ не оставалось: оно было—поле мертвыхъ, ихъ добыча, ихъ трофей...

— Стройся! Сомкнись!—не переставало оттуда.

— Niech ginie moskal!

— Або добуты, або дома не буты!—гремѣло здѣсь.

Юрась и Тетеря не сходили съ высокой могилы, откуда, какъ на ладони, видно было, какая рѣзня шла по всему полю. Булава какъ будто дрожитъ въ рукѣ молодого гетмана. Надъ нимъ трепались въ воздухѣ длинные, черные съ бѣлымъ конскіе хвосты державнаго бунчука. Рядомъ съ Юрасемъ и Тетерею стояли гетманскіе трубачи, сурмачи и джури.

— Добре, добре, — какъ бы самъ съ собою говорилъ Юрась.—Какъ будто подалась «москва»... Не вкинуть ли ей въ пасть моихъ краковскихъ «нѣмцевъ», чтобъ скорѣй подавилась?

— Еще рано, пане гетмане,—сердито кинулъ Тетеря.

— Какъ рано! Давно пришла пора!

— Не пришла... Борьба пока еще равная... «Москвѣ» что-то не везетъ.

— А мнѣ кажется, пане...

— Рано, рано! Развѣ жъ его мосць, панъ гетманъ не видятъ, что лукавый Ромоданъ еще и до половины не вытряхнулъ изъ своей торбы клятыхъ москалей? Онъ еще и камонниковъ не пускалъ въ дѣло. Этотъ дьяволъ не чета Шереметеву

— А мнѣ страшно, мои не выдержатъ, ослабѣютъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Его мосць панъ гетманъ, видитъ, что мо-

сковская передняя лава уже погнулась и порвана на куски, а вонъ наши чигиринцы и полки черкасскій и уманскій уже сцѣпились съ московскою рейтаріею.

Теперь и Юрась видѣлъ, что его рука брала верхъ надъ рукою Ромодановскаго и Сомковою. Московскіе ряды, точно на нихъ что-то могучее дунуло, заколыхались... То смерть дунула имъ въ очи... Надъ кровавымъ полемъ уже плавали, распластавъ широкія крылья, орлы-беркуты и другая черная хищная птица: какъ голодные волки они издали чуяли кровь и, налетѣвъ на бранное поле, видѣли мертвыя тѣла, свой будущій пиръ. Изъ-за Днѣпра неслись они стаями и съ хищнымъ клектомъ и карканьемъ носились надъ полемъ смерти. Стоны недобитыхъ рвали душу. Осиротѣвшіе кони, напрасно ища своихъ побитыхъ всадниковъ, жалостно ржали, точно маленькіе жеребята, потерявшіе матерей, и мѣшали ряды сражавшихся.

А Юрась стоялъ на могилѣ зачарованный. Булава уже не дрожала въ его рукѣ. Конскіе хвосты бунчука, какъ бы понимая исходъ кровавой сѣчи, казалось, побѣдно трепались въ воздухѣ.

Молодой гетманъ забылъ теперь ту волшебную проклятую весеннюю ночь, когда онъ узналъ мучительныя чары любви и тамъ же понялъ, что онъ не человѣкъ, выкидышъ злой природы...

— Нѣтъ!—гордо думалъ онъ.—Теперь я больше, чѣмъ человѣкъ... Victor sum! Я—possidens!.. Пусть бы теперь она увидѣла меня».

Такъ пѣло что-то властное, могучее въ его душѣ.

— О, не одна теперь московка заплачетъ, не дождавшись своего москаля,—тихо сказалъ одинъ сурмачъ другому.

— Да и не одна ляховка и не одна козачка горько будутъ плакать,—прошепталъ другой.

И вдругъ слышитъ, что-то какъ бы глухо рухнуло позади поля битвы. Передніе и задніе ряды московскихъ ратей точно вѣтромъ разнесло на обѣ стороны, и чистымъ стало московское поле, покрывали его только мертвые люди и кони, да тѣ, которыхъ, еще не добитыхъ, не успѣла взять смерть.

И въ этотъ моментъ грянуло что-то такое страшное, что, казалось, земля дрогнула или раскололась... Потомъ еще и еще заревѣло это нѣчто незримое съ могилы, и облака бѣлаго дыму заволокли и землю и небо...

Это Ромодановскій открылъ послѣднія карты.

VII.

Опытный и закаленный въ бояхъ Тетеря правду говорилъ молодому гетману, что хитрый москаль Ромодановскій приберегалъ послѣдній, рѣшительный ударъ.

Облака дыму заволокли поле битвы потому, что московская артиллерія изъ сотни пушекъ изрыгнула смерть въ торжествующаго врага. Градъ ядеръ и картечи рвалъ землю и также разрывалъ нестройные уже ряды жолнеровъ и казацкихъ полковъ молодого Хмельницкаго. Жолнеры и казаки валились, какъ снопы, покрывая своими тѣлами тѣла раньше убитыхъ враговъ.

Булава чуть не выпала изъ рукъ молодого гетмана.

— Смерть и пекло!—какъ-то прохрипѣлъ Тетеря и стремительно понесся впередъ, оставивъ на могилѣ поблѣднѣвшаго, какъ полотно, Юрася. Тетеря издали махалъ своимъ турецкимъ ятаганомъ, крича во весь голосъ, приказывая, чтобъ ближайшіе полки, чигиринскій и корсунскій, изъ которыхъ цѣлыми улицами вырывали московскія ядра, повернули за таборъ, гдѣ за окопами засѣлъ нѣмецкій полкъ, прикрываемый тяжелою артиллеріей. Могила, на которой стоялъ молодой гетманъ за правымъ крыломъ своего войска, была прикрыта корсунскимъ и бѣлоцерковскимъ полками, и Юрась стрѣлою полетѣлъ къ нимъ, а за нимъ хорунжій съ войсковою хоругвью и сурмачи. Въ безумномъ порывѣ онъ думалъ бросить эти полки прямо на московскую артиллерію, чтобъ захватить ее.

Въ молодомъ гетманѣ, какъ по волшебству, проснулся отцовскій геній.

— Выше, выше свѣти моею хоругвью!—кричалъ онъ хорунжему.—Выше, чтобъ знали и видѣли всѣ, гдѣ я, и чтобы какъ пчелы къ маткѣ, слетались ко мнѣ мои казаки... Я самъ поведу ихъ: это будутъ мои Желтыя-Воды!

Но было уже поздно. Тетеря раньше понялъ, что надо спасать тѣ части войска, которыхъ еще не уложила московская картечь.

— Панове и козацтво!—кричали полковники и сотники.—Укройтесь за лѣсомъ отъ картечи.

— Дайте мѣсто и нашимъ гарматамъ! Онѣ еще не говорили!

— Разступись, панове товариство, направо и налѣво! Разступитесь!

Минута, и бѣлый дымъ съ высоты окоповъ окуталъ весь таборъ. Ядра цѣлыми улицами пронизали густые ряды московскаго войска.

Юрась съ булавою въ одной рукѣ и саблею въ другой мчался прямо на смѣшавшіеся ряды стрѣльцовъ и рейтаріи, крича не своимъ голосомъ, а какъ бы голосомъ, такъ послышалось казакамъ, своего отца.

— За мною, моя Украина! За мною, батьки и браты!.. А не то... пусть гинетъ моя голова за матерь Украину.

Всѣхъ поразила безумная смѣлость юноши, когда онъ вылетѣлъ впередъ одинъ, точно ища смерти.

— Прощай, моя Украина! Я полечу на тотъ свѣтъ «до батька» и скажу, что нѣтъ уже на этомъ свѣтѣ нашей Украины!

Слова эти, какъ удары по лицу, приняты были казаками. Всѣ рванулись за безумнымъ юношей. Впереди всѣхъ старый Макогонъ.

— Панове молодцы! Укройте, защитите вашими головами своего гетмана и нашу «пеньку» Украину!—кричалъ онъ, несмотря на то, что изъ раны его на щекѣ густо капала кровь, окрашивая его длинный, какъ кнутъ, сѣдой усъ.

Поздно проснулась у сына Богдана Хмельницкаго великая отцовская душа.

Часть войска, ближайшая къ Юрію, ринулась за нимъ и Тетерею. Другіе же полки, поражаемые московскою картечью, съ лѣваго крыла, мимо табора бросились къ Днѣпру, обнаживъ такимъ образомъ и окопы, и таборъ. За ними понеслись московскіе копейники и рейтары вмѣстѣ съ казаками Якима Сомка, поражая бѣгущихъ копьями и ружейнымъ огнемъ. Остервенѣвшіе московскіе стрѣльцы, мстя за свое временное пораженіе, неудержимо ринулись на окопы, вступили въ рукопашную на самыхъ пушкахъ съ пушкарями и казаками, успѣвшими прикрыться возами табора. Артиллерія умолкла, ей оставалось только изрыгать холостую смерть въ холостое, пустое пространство. Стрѣльцы затопили собою и окопы, и таборъ. Юрасевы «нѣмцы» сбились въ плотное каре между возами и, поддерживаемые корсунцами, бились отчаянно, за одного убитаго товарища поражали на-смерть по пяти и до десяти стрѣльцовъ, не уступая имъ ни пяди своего кроваваго табора, и всѣ полегли тамъ, только-бы не

испытать московскаго плѣна, котораго, вмѣстѣ съ Сибирью, они боялись больше, чѣмъ плѣна татарскаго и турецкаго.

Таборъ весь курился отъ пара горячей крови.

А что тамъ было, за таборомъ, на берегу Днѣпра, гдѣ еще ночью и раннимъ утромъ сидѣлъ Юрась, то вспоминая волшебную ночь своей весны съ Галею, то проклиная свою долю щербатую и свой стыдъ, что тамъ творилось!

«Тѣ всѣ пять полковъ казацкихъ,—доносилъ князь Ромодановскій въ Москву,—и всѣ ряды польскихъ жолнеровъ, Божіею милостію и твоимъ великаго государя, твоего царскаго пресвѣтлаго величества счастіемъ за моимъ же, холопа и раба твоего Гришки, недреманнымъ окомъ и рабскимъ усердьишкомъ, были приперты къ Днѣпру, и своими тѣлами загатили оный такъ, что воды тоя рѣки изъ своихъ береговъ выступили»...

А современникъ этихъ событій, «самовидецъ», «въ лѣтописи» своей пишетъ, что тѣла загнанныхъ въ воду убитыхъ и потонувшихъ живыми «такъ Днѣпръ наполнили же за людомъ мало и воды знати было».

Къ довершенію пораженія на убѣгавшихъ къ Днѣпру, словно саранча, налетѣли задонскіе калмыки съ ханомъ своимъ Дундукомъ и цѣлымъ дождемъ стрѣлъ обсыпали ихъ, загоняя въ Днѣпръ. Стрѣлы, точно громадныя веретена, съ перьями на концахъ, торчали изъ спинъ плывшихъ и топувшихъ въ Днѣпрѣ. Лошади также бились въ водѣ и, утопая сами, топили и своихъ всадниковъ.

— Новый фараонъ погибаетъ!—радовались москали.—И его фараонитское воинство... Коня и всадника вверже въ море!

Вода въ Днѣпрѣ вся окрасилась кровью... Совершилось «водосвятіе»...

«Итакъ, тамъ, пишетъ «самовидецъ», згибло войска зъ руки Хмельницкаго, такъ казаковъ, якъ и ляховъ, тысячей больше двадцати, же ажъ отъ смроду трупу его къ Днепру трудно было приступити, а иншій трупъ ажъ на Запорожже позаносило».

А гдѣ же тотъ, котораго доля щербатая и безуміе каженика погубили не двадцать тысячъ самаго дорогого, что имѣла Украина, ея «квиты-диты», а самую Украину,—

Край щаслывый, край веселый—та й занапастылы...

Вотъ гдѣ онъ... Уже подъ вечеръ ѣдетъ онъ берегомъ Днѣ-

пра. За нимъ ничтожная кучка казаковъ и Тетеря. Уже недалеко, на той сторонѣ, и черкасы. Юрась смотритъ такъ, какъ только можетъ смотрѣть несчастнѣйшее въ мірѣ существо, убитое горемъ, да еще на бѣду и не добитое... Лучше-бъ было совсѣмъ добито!.. И безъ того блѣдное лицо его словно бы сѣрымъ пепломъ припало. Перетомленный конь подъ нимъ еле-еле ступаетъ тонкими ногами, понуривъ голову, и изъ глазъ благороднаго животнаго тихо-тихо ринутъ слезы. А у самаго Юрася и слезъ нѣтъ, да можетъ и совсѣмъ не стало. Глаза его сухи-сухи, какъ пересохли и губы и стали землистыми. Ѣдетъ онъ, низко-низко опустивши безталанную голову. На Днѣпръ онъ не смотритъ, потому что тяжко, охъ, какъ тяжко ему на него смотрѣть!..

«Моя рѣка!» рветъ его душу слово «моя».

Ему не только тяжело, но страшно глянуть на родную рѣку. Развѣ не видятъ его пересохшія безъ слезъ глаза, кто плыветъ Днѣпромъ?.. Плывутъ его мертвые легіоны, его казаки, его гетманское войско: кто смотритъ мертвыми, остеклѣлыми глазами на небо, точно посылая ему укоръ: за что! За чью вину? Иной плыветъ ничкомъ, распластавши руки, а изъ спины у нѣкоторыхъ торчатъ калмыцкія стрѣлы, какъ огромныя веретена; на иныхъ уже сидятъ вороны и зазираютъ въ мертвыя казацкія очи...

Зной палитъ пересохшее горло и перегорѣвшую въ горнилѣ мукъ душу. Хоть бы каплю воды, душу промочить! А подъ бокомъ Днѣпръ, вода, цѣлое море воды!

Съ силою отчаянія пускаетъ онъ коня къ водѣ, чтобъ ему и самому напиться, и сходитъ съ сѣдла. Но едва онъ и его конь пригнулись къ водѣ, какъ моментально попятились назадъ... Вода была вся красная отъ крови.

Тетеря подалъ несчастному небольшую фляжку.

— Выпей немножко вина, пане гетмане,—ласково говоритъ онъ,—подкрѣпись.

Юрась жадно припалъ къ горлышку пересохшими губами.

— Спасибо, пане Тетеро, — сказалъ онъ, возвращая фляжку.—Я уже не гетманъ... Я потерялъ и войско, и гетманство... Бери мои клейноды, ты достойнѣе меня. Я передаю тебѣ булаву и бунчукъ. А я...

Онъ горько заплакалъ.

— Богъ не судилъ мнѣ отцовской доли. Я удаляюсь въ монастырь: тамъ схороню мой позоръ и мою горькую долю.

Уже смеркалось. Черезъ Днѣпръ плыла казацкая девятивесельная чайка, держа путь къ черкасамъ. То перебирался на то-бокъ казацкой рѣки Юрась съ Тетерею и нѣкоторыми изъ своихъ полковниковъ и сотниковъ. Въ другой чайкѣ плыли за ними слуги съ лошадьми.

Юрась сидѣлъ, закрывъ лицо руками.

Мертвыя тѣла казацкія попадались такъ часто на водѣ, что приходилось отпихиваться отъ нихъ багромъ и веслами.

VIII.

Въ сердцѣ Украины, въ Кіевѣ, большой праздникъ — Спасъ. Со всѣхъ украинскихъ земель — изъ Полтавщины, Черниговщины, Корсунщины, Уманьщины, изъ Волыни и Подоліи, съ лѣвобережной и правобережной Украины и изъ запорожскихъ «вольностей», какъ говорится, «злетилися диткы не единой матки» въ этотъ святой городъ со всей Украины, но и съ далекой, холодной Московщины, ибо Кіевъ, «какъ и стоитъ свѣтъ», былъ и всегда будетъ «матерью городовъ русскихъ» отъ Львова и Почаева вплоть до великой стѣны китайской и Тихаго океана. А сколько горя и слезъ нанесли съ собою къ Спасу Милостивому эти «дѣти не одной матери», столько слезъ, что, еслибъ собрать ихъ въ урну невиданной міромъ величины, то урна эта образовала бы собою цѣлое море, «идѣже корабли преплываютъ». Вѣдь каждый годъ, каждый день, каждый часъ и каждую минуту лились эти слезы людскія отъ Львова до Почаева вплоть до великой стѣны китайской и до Тихаго океана

А какъ же было и не литься имъ!.. Захватятъ татары, словно стадо, цѣлый загонъ дѣвушекъ, дѣтей и другой «ярысь», загонятъ ихъ въ Крымъ, пораспродадутъ на невольничьихъ рынкахъ въ Турцію, въ Анатолію, и сколько того плача у бѣдныхъ «брановъ» по отцамъ и матерямъ и по своемъ родномъ краѣ! И сколько этого плача по всей Украинѣ у ихъ отцовъ и матерей по этимъ дѣтямъ, что плакали въ далекой неволѣ!.. И до Желтыхъ водъ, и послѣ Желтыхъ водъ билась Украина, то съ поляками и татарами, то сама съ собою—лѣвобережная съ правобереж-

ною,—и покладаютъ на полѣ и на морѣ свои казацкія головы сыны-соколы Украины, и вновь по всей Украинѣ плача-плача того столько, что и не выразить!

А Московщина? Развѣ жъ мало слезъ и она пролила отъ княжескихъ усобицъ и «разратей», отъ татарскихъ хановъ и баскаковъ, въ лихолѣтье самозванщины и польскаго временнаго панованья, и, наконецъ, за время и Никона, и Аввакума?.. А слезы, выдавленныя у Московщины батюшкою Степаномъ Тимоѳеевичемъ! И она каждый годъ билась то съ поляками, то съ татарами, то, горько сказать, съ старшею своею сестрою, Украиною, и своими старшими братьями, украинцами... И въ Московщинѣ лились рѣки слезъ и крови, и московскія очи, какъ и очи украинскія, много плакали и на свою горькую долю нарекали.

Куда жъ было людямъ нести свои слезы? Въ Кіевъ, къ Спасу Милостивому, къ печерскимъ угодникамъ.

Вотъ и сошлись «дѣтки не одной матки» къ Спасу, въ Печерское. Вотъ они-то и нанесли въ святую обитель столько горя и слезъ, «ихъ же нелѣть есть человѣку глаголати»...

А съ горемъ и слезами нанесли они и того, что народный обычай повелѣваетъ. На Спаса обычай велитъ святить новый медъ и яблоки. И вотъ нанесли люди въ Печерское цѣлую ярмарку мисочекъ да почовокъ съ медомъ и яблоками, а сами, какъ пчелы, гудутъ. Тутъ же, промежъ людей, кое-гдѣ сидятъ на землѣ нищіе, калѣки и слѣпые кобзари съ поводатырями и, жалобно-жалобно наигрывая на кобзахъ или на бандурахъ, еще жалобнѣе поютъ: кто про «Лазаря», кто про «Алексѣя Божія человѣка», а кто про «Правду и щиру неправду».

Вонъ на самомъ солнопекѣ сидитъ слѣпенькій дѣдусь съ хлопчикомъ-поводатыремъ и, скрипя на своей «лирѣ» и какъ бы плача голосомъ, однообразно тянетъ:

Уже теперь правда—правда помирае,
А щира неправда весь свитъ пожирае,
Уже теперь правда—правда вже померла,
А щира неправда увесь свитъ зажерла!

Онъ поетъ, а слѣпыя очи его смотрятъ прямо на солнце и не моргнутъ. Смотрятъ! Гдѣ ужъ слѣпому смотрѣть! Онъ и тому радъ, что «святое солнышко» само смотритъ въ его незрячія очи... И онъ не видитъ, какъ, слушая его, нѣкоторыя «моло-

дычки» и «дивчатка» плачутъ-плачутъ!.. А онъ все скрипитъ своими струнами и старческимъ голосомъ о томъ, какъ люди плачутъ по своей «матери-правдѣ»:

Плачутъ вокы-жъ, плачутъ, не можутъ прооуты—
Ридной матери своей забуты.
Орлице маты!—де-жъ намъ тебе взяты?
Тебе ни купиты, и ни заслужиты,
Весь свитъ исходиты—правды не зискаты...

Можетъ, эти «молодычки» и «дивчатка» плачутъ о своихъ братьяхъ, либо объ отцахъ или мужьяхъ, что потонули въ Днѣпрѣ черезъ Юрасеву проклятую долю, либо повѣялись на Запорожье до Сирка, и давно нѣтъ про нихъ никакой вѣсточки; а слѣпецъ все рветъ имъ душу своею «правдою», которую «щира неправда зажерла», и она скрылась у Бога на небѣ:

Хотя-бъ-то ты малы янгильски крылы,
То-бъ мы полетилли, да теб увидилы:—
Бо вже конецъ вику—конецъ приблызився,
Хочь ридного брата теперь стережися...

Тамъ около самыхъ воротъ Печерскихъ скрипѣлъ вмѣстѣ съ лирою другой старческій голосъ. Только онъ не плакалъ, какъ тотъ, что пѣлъ про «щиру неправду», но набожно прославлялъ правду божественную, чудо Почаевской Богородицы: какъ турки «проклятущіе» святую Почаевскую лавру наглостно добывали, изъ пушекъ въ святую обитель стрѣляли, и какъ «отецъ Зализо» святость свою доказалъ, Богородицу ублажалъ, и когда «проклятущіе» турки изъ мушкетовъ въ лавру стрѣляли, а Богородица на стѣнахъ лавры похожала, турецкія пули на себя принимала и назадъ ихъ «проклятущимъ» туркамъ посылала.

А старые и молодые «прочяне» богомольцы, слыша про такое чудо Богородицы, набожно крестились и сердцемъ радовались, что еще не вся «святая правда» покинула землю, и что «щира неправда» еще не весь свѣтъ «зажерла».

А больше всего и старыя бабы и молодыя «молодычки» съ «дивчатками» кучились около кобзарей, которые пѣли про крымскую и турецкую неволю и каторгу. Одинъ пѣлъ, какъ въ темной темницѣ, въ землѣ бусурманской, бѣдные невольники тридцать лѣтъ и три года изпывали, «солнца праведнаго» въ глаза не видали, и какъ «дивка бранка», Маруся поповна Богуславка, что

изъ-за роскоши турецкой, изъ-за «лакомства проклятаго», по-турчилась-побусурманилась, какъ эта Маруся Богуславка бѣднымъ невольникамъ въ ихъ темной темницѣ про святой Великий день сказала.

Другой пѣлъ про трехъ братьевъ, что изъ Азова, изъ тяжкой неволи убѣгали:

Ой то не пылы пылылы, не туманы уставали,
Ой то тры браты изъ неволи утикалы:
Два кинныхъ, третій—пишный пишиница...

Какъ меньшій братъ, этотъ «пишій-пишиница» за ними поспѣшаетъ, ножки свои босы объ бѣлые каменья, объ сухіе коренья до крови сшибаетъ, плачетъ-рыдаетъ... Какъ старшіе братья его покидаютъ, примѣты ему по дорогѣ оставляютъ, свою одежду на лоскутки разрываютъ и во слѣдъ за собою бросаютъ, чтобъ меньшій братъ черезъ тѣ примѣты дорогу узнавалъ и до городовъ христіанскихъ, на родную Украину, прямой путь держалъ...

— Охъ, слыхала я про это, моя сестричко, слыхала! Не дай Богъ никогда слышать! — плакала одна молодичка, утирая рукавомъ слезы.—И не побила-жъ ихъ лихая година, тѣхъ старшихъ братьевъ Иродовыхъ!

— Какъ же это такъ, голубенько, за что?—спрашивала ее другая молодичка.

— Да какъ же, сестрице! Они, старшіе, были на конях. Отчего-бъ имъ, проклятущимъ, не посадить его къ себѣ, хоть за собою, либо межъ собою?—продолжала первая утирать слезы.

— А, можетъ, сестренько, тяжело было, кони очень были потомлены.

— А ему не тяжело было, какъ онъ, бѣдный, [illegible] сталъ, и тутъ набѣжали волки, бѣднаго невольника [illegible] зорвали и тѣло козацкое по тернамъ да по оврагамъ [illegible].

— Охъ, сестричко моя! Я жъ и не знала этого! О, [illegible] Господи! Сколько этого горя по людямъ ходитъ!

Нѣсколько въ сторонѣ, въ тѣни монастырской ограды, [illegible] молодой казакъ разсказывалъ о послѣдней битвѣ войска [illegible] Хмельницкаго съ «москалями» Ромодановскаго, и его жадно слушали молодые парни «парубки» и даже подростки-хохлятки, [illegible]

Кн. 42

которыхъ подобные разсказы воспитывали будущихъ головорѣзовъ-запорожцевъ.

— И вотъ теперь я пришелъ сюда къ святымъ угодникамъ съ «покутою», съ покаяніемъ,—закончилъ молодой казакъ

— Зачѣмъ же съ «покутою», козаче? — спросилъ одинъ «парубокъ».—То-жъ была война, а ты жъ присягалъ стоять за Украину, биться съ врагами.

— То, хлопче, съ врагами, съ ляхами да татарами; а я, будучи Сомковой руки, переяславскаго полка, бился съ такими жъ, какъ я, казаками, съ Чигирина, и двухъ убилъ,—объяснилъ казакъ своимъ слушателямъ.

Мимо проходили два чернеца, тихо разговаривая:

— Бѣдная, бѣдная наша вдовица-Украина!

— Говорятъ, тысячъ двадцать полегло тамъ, какъ единая свѣща передъ Господомъ.

— Отмолитъ ли теперь гетманъ-чернецъ свой грѣхъ предъ Вседержителемъ?

— Слышно, что скоро будетъ отправлять службу Божію... Это съ окровавленными-то руками?

— Его святая воля

IX.

Чернецы, говорившіе о гетманѣ-чернецѣ, замѣтили, что особенно много слушателей и слушательницъ богомолокъ столпились около знакомаго имъ кобзаря, Хомы, бывшаго долго въ крымской неволѣ и ослѣпленнаго татарами за побѣгъ.

Это былъ тотъ кобзарь, котораго мы видѣли въ Прилукахъ, наканунѣ Купала, у купальныхъ огней, а потомъ въ домѣ прилукскаго сотника, Лазаря Горленка.

Слѣпецъ этотъ налаживалъ свою кобзу и, перебирая привычными пальцами ея лады и струны, какъ бы про себя тихо напѣвалъ:

Ой, взявъ козакъ за жиночку
Высокую могилочку, зеленую долиночку...

— Этотъ, дивчаточка, Божій человѣкъ, Хома изъ Мерехвы,

и поетъ онъ больше все про запорожцевъ, да такъ складно, что, Господи!—говорила одна «дивчинка».

— Да онъ самъ былъ «запорожцемъ,—сказала стоявшая рядомъ молодичка,—это ему въ татарской неволѣ глаза выкололи.

— Маты Божа! У живого человѣка глаза выкололи.

— На то они и татары, хуже собакъ, да и родятся слѣпыми, какъ собаки.

— Развѣ жъ это правда, титочка?

— Правда, намъ батюшка въ церкви говорилъ на Велыкденъ *).

Кобзарь, между тѣмъ, переставъ напѣвать про «могилочку» и «долипочку», сталъ налаживать свою кобзу на что-то другое:

Ой пишлы, пишлы славны запорожцы ты не пишкы—дубамы
А якъ оглянуться до славнаго Сичи, то вмываються слезами....

— Это поганая пѣсня!—отозвался одинъ хлопецъ.—Запорожцамъ соромъ плакать.

— Заплачешь, хлопче, — спокойно сказалъ кобзарь,—это они заплакали оттого разъ, что Сирко разсердился на нихъ за непорядки и ушелъ изъ Сичи домой, а послѣ, соскучившись по матери Сичи, самъ вернулся.

— Развѣ оттого,—философски согласился хлопецъ,—запорожцы—не бабьяго роду, чтобъ имъ плакать.

— Какой лобурь! — разсердилась дивчина. — Чтобъ ты скисъ! Не бабьяго роду! Дурень.

Но хлопецъ и не глянулъ на обидчицу.

— Лучше бъ про Сирка вы спѣли, дидусю, — сказалъ онъ.—Спойте, а мы послушаемъ.

Когда упомянули имя Сирка, знаменитаго кошевого атамана Запорожской Сѣчи, то одна изъ числа окружавшихъ кобзаря слушательницъ, очень миловидная, но грустная женщина сильно измѣнилась въ лицѣ. Она была тутъ, повидимому, не одна, а должно быть съ отцомъ и матерью, потому что они обращались къ ней со словами то «доню», то «дочко». Одѣта

---

*) Знаменитый французскій инженеръ, долго живший на Украинѣ въ XVII столѣтіи, говоритъ въ своемъ сочиненіи—«Описаніе Украины».—Татары, подобно собакамъ и другимъ животнымъ, родятся слѣпыми» (Бопланъ, стр. 41).

она была не такъ, какъ прочія богомолки, а довольно богато, какъ «городянка», но только во все черное, точно монашенка. При имени Сирка она видимо украдкой перекрестила себѣ грудь, а бывшіе съ ней старый человѣкъ, одѣтый тоже по городскому, и старая женщина, услыхавъ имя Сирка, выразили на своихъ лицахъ замѣтное безпокойство.

Между тѣмъ кобзарь вновь наладилъ свою кобзу, живо ударилъ по струнамъ и, откашлявшись, громко, воинственно запѣлъ:

Ой якъ крикне старый орелъ, що подъ хмари вьется,
Гей загуло Запорожже та до Сирка пнеться.
Ой ни витеръ въ поли зрое, ни орелъ летае—
О тожъ Сирко съ товарывствомъ на Сичи гуляе...

— О-охъ!—что-то застонало въ толпѣ.

— Это какая-то хворая, порченая, говорятъ,—тихо проговорила та «дивчинка», что разсердилась на хлопца.—Не то черничка, не то, не знаю.

— Ее, сказывали люди, привезли къ печерскимъ угодникамъ отчитывать отъ уроковъ—отъ порчи.

— Бѣдная, а должно быть зажиточнаго роду.

А кобзарь, перебирая струны, какъ бы немного передохнулъ и вновь началъ:

Иванъ Сирко передъ стягомъ ряды оглядае,
Козаченькивъ прывитае, стыха промовляе:
Гей, молодцы-запорожцы, татарва лякае!
Не дримайте, товарищи, бо въ руки зланае,
Збирайтеся до супоньки та сидлайте кони,
Тіи кони вороніи, що ждутъ на прыпони!..

Та, которую принимали за черничку, такъ, казалось, и ѣла глазами пѣвца. Блѣдныя губы какъ-то жалостно складывались: вотъ-вотъ заплачетъ...

— Успокойся, доненько, успокойся,—тихо шептала ей, повидимому, мать.—Видишь, какой онъ, твой Иванъ: нашу Украину оберегаетъ, святыя церкви стережетъ, для Бога и для своей души неусыпно работаетъ... Къ нему и цари, и короли, и ханы, и султаны... Успокойся же, дитино моя!

— Охъ, мамо, мамо! Если бъ же я одна... А то дѣти маленькія, точно они сироты.

А струны какъ загудутъ, какъ зарокочутъ!.. И самъ старый

кобзарь гордо поднимаетъ сѣдую голову и точно грозитъ кому-то и своимъ видомъ, и голосомъ...

А слушатели такъ и прикипѣли на мѣстѣ, дохнуть не смѣютъ.

А старикъ рокочетъ голосомъ и струнами:

Загудило Запорожжа, якъ то Чорне море,
Понеслися козаченькы облавою въ полѣ.
Ой якъ свысне Иванъ Сирко на конину сивомъ.
То спинились запорожцы, якъ сонечко сило.
О якъ крикнувъ старый орелъ, на шпыль-гору сивши,
Засмутылысь запорожцы, коней погубивши,
«Ой, батьку нашъ, отамане, що маемъ робыты,
Безъ коней мы паче орлы, що въ степу подбыты».
Ой якъ крыкне нашъ отаманъ то до козаченькивъ:
«Не журиться, запорожци, друзи молоденьки!
Ой годи-жъ вамъ турбуватись, годи, паны-браты!
А берите въ рукы свысы, рушайте гарматы!»
То-жъ не витеръ, въ поли грае, ни орелъ вытае,
Ото-жъ Сирко зъ товарыствомъ по степу литае...

— Ги-ги-ги! Ги-ги-ги!—какъ загигикаетъ кто-то, какъ захохочетъ!

— Мати Божа! Да это-жъ та черничка! Это порченная! Охъ, какъ ее подкидываетъ нечистый, какъ корчитъ, голубоньки!

— Ой, мамочка! Бѣжимъ! Охъ, Господи!—завизжали «дивчата» и молодицы и, точно козы отъ волка, кинулись врассыпную.

А та, что казалась черничкою, билась въ корчахъ на землѣ и не своимъ голосомъ выкликала, то дико хохоча, то гигикая:

— Онъ покинулъ меня, покинулъ ги-ги-ги! Ги-ги-ги!.. Покинулъ и малыхъ дѣтокъ!.. На что жъ онъ только летаетъ ко мнѣ! Ги-ги-ги Ги-ги-ги!

Ее поспѣшили накрыть чѣмъ попало, и она нѣсколько утихла, продолжая вздрагивать всѣмъ тѣломъ, и не скоро потомъ успокоилась совсѣмъ.

Тогда отецъ и мать подхватили ее подъ руки и шатающуюся повели къ одному святому печерскому старцу въ келію.

— Ахъ, бѣдная, несчастная молодица!—жалобно качала головой, показывая на «порченую», какая-то старая женщина,—сколько ужъ лѣтъ мучится, бѣдная!

— Развѣ-жъ вы ее, бабусенько, знаете? — освѣдомились нѣкоторыя.

— Какъ же мнѣ, молодички, не знать ея! Она-жъ наша, изъ Мерехвы. Я ее еще такою знала,—показала старуха аршинъ

отъ земли. — И когда она дѣвовала, дѣвичьей косой свѣтила, знала ее, и какъ замужъ ее отдавали за этого «розбышаку».

— За какого, басусю?

— Да вотъ за того, про кого сейчасъ Божій человѣкъ пѣлъ.

— Какъ! Это за Сирко, бабуленько? — даже вскрикнули нѣкоторыя.

— Да за него-жъ, за Ивана нашего, что сталъ теперь такимъ паномъ, что и передъ самымъ гетманомъ шапки не ломастъ.

— Такъ она ему женой приходится?

— Да жена-жъ, сама Сирчиха.

X.

Горька въ то время была доля украинской женщины.

Выростая въ своей семьѣ, она съ самаго дѣтства только и знала, что кого-нибудь провожала и оплакивала. Раньше всего провожала отца либо на Запорожье, либо въ полкъ, либо прямо въ походъ и проливала слезы. Потомъ дни и годы ожиданія «выглядать» отсутствующаго съ далекой стороны, и нерѣдко напрасно: ни вѣсточки отъ него, развѣ прилетитъ вѣсть стороною, полегла-де казацкая головушка въ полѣ, и оплакивали козака «орлы сизокрыльцы», выклевывали козацкія очи...

Растутъ около нея братья, съ которыми она въ дѣтствѣ играла въ «ворона» либо въ «шума», и оглянуться не успѣетъ, какъ и братьевъ приходится провожать и оплакивать. Братья уже сѣли на коней, а сестра, плача, спрашиваетъ ихъ:

— Братики родненькіи, якъ голубоньки сивенькіи, когда жъ васъ съ походу ожидать и съ какой сторонки «выглядать»?

А они съ горькой ироніей отвѣчаютъ ей:

— Возьми, сестра, песку горстку да посѣй его на кампѣ, и когда песокъ взойдетъ, тогда и ожидай насъ.

И бѣдная сестренка пуще въ слезы.

Вырастаетъ она, какъ молодая тополька «гнучка та высока», и въ тихія украинскія ночи уже ходитъ на «улицу» вмѣстѣ съ сверстницами. А на улицѣ и мужская молодежь «парубки». Начинается сближеніе—и юное сердце украинки начинаетъ трепетно биться первою любовью къ какому-нибудь чернобровому Ивасю... Не успѣли они обмѣняться первыми невинными ласками, какъ Ивасико уже призываетъ къ себѣ на за-

щиту отъ враговъ «ненька Украина», и Ивасикъ уже на конѣ, а его милая въ слезы!

А то налетятъ на Украйну съ огнемъ, мечомъ и волосяными аркапами до сыромятными ремнями татары, пожгутъ села и хутора и, захвативъ дѣвушекъ и дѣтей, гонятъ ихъ, какъ стадо, въ далекую неволю. И развезутъ хорошенькихъ «бранокъ» по невольничьимъ рынкамъ Кафы, Хозлева, Акъ-Мечети, а на рынкахъ ихъ уже ждутъ работорговцы, которые и развозятъ живой товаръ по сералямъ Царьграда, Синопа, Трапезунда, а иныя изъ хорошенькихъ «бранокъ» увозятся даже въ далекій-далекій Египетъ. А тамъ большинство изъ нихъ «потурчатся и побусурманятся», а матерямъ ихъ на родинѣ, на далекой Украйнѣ, остается только плакать и плакать.

А то и не у татаръ и турокъ приходилось плакать украинскимъ дѣвушкамъ. Заберутъ ихъ польскіе папы къ своимъ паннамъ въ «покоювки», и бѣдныя «покоювки» глотаютъ слезы, а матери ихъ также не осушаютъ глазъ.

Иной дѣвушкѣ и удавалось выйти замужъ за милаго черноброваго, но и его призываетъ къ себѣ на защиту «ненька Украйна», и козацкая честь не позволяетъ ему ослушаться призыва общей матери. И вотъ юная «молодичка», рыдая, провожаетъ на Запорожье своего Василечка и долго стоитъ за селомъ на высокой могилѣ, полными слезъ глазами смотритъ на удаляющагося милаго, пока онъ не скроется за горизонтомъ.

Такъ было и съ женой Ивана Сирка. Слюбились они весной на поэтической «улицѣ», распѣвая или «веснянки», или «русальныя», либо «Ой, у лузи та и при березн червона калина». Слюбились такъ, что Ивасикъ Сирко уже ходилъ къ своей милой «спать у комору» и далъ слово жениться на ней, когда ей исполнится шестнадцать лѣтъ. Но казацкая честь требовала отъ него мести за убитаго на войнѣ отца, и, давъ слово плачущей милой вернуться черезъ годъ, онъ отправился въ казацкое орлиное гнѣздо «до матери Сичи». Тамъ онъ вмѣстѣ съ Богданомъ Хмельницкимъ получилъ козацкое крещенье желѣзомъ и кровью при Желтыхъ-Водахъ и, воротившись въ свою Мерехву, женился на той, съ которой слюбился на «улицѣ». Но и женитьба на любимой дѣвушкѣ не оторвала его отъ исполненія долга передъ родиной, и онъ опять повѣялся на поля кровавыхъ битвъ, а «молодая» въ слезы.

— Да она изъ нашеи слободы, изъ Мерехвы,—продолжала «бабуся» разсказывать обступившимъ ее богомолкамъ, когда жену Сирко, послѣ припадка, увели въ келію благочестиваго старца.—Я ее еще «дивчинкою» знала, и его, Ивася-вдовиченка, еще хлопчикомъ малымъ, а потомъ и парубкомъ зазнала. И тогда ужъ онъ «розбышака» былъ, а только никому ничего злого не подѣялъ, а былъ добрый-предобрый, а только до войскового дѣла горячій. Я и мать его, убогую вдовицу, хорошо знала, сосѣдями жили. А мужа ея, Дмитра, гдѣ-то тамъ не то въ Крыму татары, не то ляхи въ Польшѣ убили. Запорожцемъ этотъ Дмитро былъ. А какъ онъ, Дмитро, ушелъ на Запорожье, то жену свою оставилъ тяжелую, ужъ на сносяхъ была. И ужъ безъ него черезъ недѣлю тамъ и Ивасика привела. Такъ такое оно дивное-предивное дитя уродилось, съ зубами, сестрички мои! Такъ баба повитуха мнѣ разсказывала, что какъ только она приняла его отъ родильницы на руки, оно еще и материнской груди не брало, такъ заразъ своими маленькими рученьками потянулось къ столу,—а на столѣ стоялъ немалый пирогъ съ начинкою изъ печонки овечьей, попотчивать батюшку, панъ-отца, за крестины. Такъ оно, дитя-то это, голубеньки мои, заразъ хапъ рученками тотъ пирогъ и чисто весь его тутъ и схамкало *)... А бѣдность, такая бѣдность была у матери-вдовы, что не дай Богъ! И люльки у дитяти не было, а росло оно въ рѣшетѣ старомъ изъ-подъ гусятъ. А теперь вонъ за нимъ и короли, и ханы, и султаны съ поклонами да дорогими подарками ухаживаютъ да въ глаза ему засматриваютъ: такая ему доля да счастье судилось отъ Бога. А какъ выросъ, то сейчасъ и махнулъ на Запорожье, мстить за отца положилъ себѣ на сердце. А черезъ годъ тамъ, воротившись изъ Запороговъ, и женился на Софійкѣ: еще «дивчинкою» она полюбила его, и онъ «женихался» съ нею и ходилъ къ ней спать у комору, какъ у добрыхъ людей поводится, на то парубокъ. А какъ женился, то и опять повѣялся на то проклятущее Запорожье, гдѣ ни за понюхъ табаку погибаютъ наши дѣти! А Софійка осталось ни женою, ни вдовою. И начала она по немъ сохнуть, такъ что и пищи, сердечная, лишилась. Сохнетъ да сохнетъ съ тоски, а нечистому, не при церкви святой сгадуючи!

---

*) Такое предвѣніе, дѣйствительно, существуетъ на Украйнѣ.

то и на руку... И сталъ онъ къ ней каждую ночь огненнымъ змѣемъ летать...

— Охъ, лишенько, неужто-жъ правда!

— Правда, святая правда, молодичко. Своими глазыньками видѣла... Какъ-то разъ иду въ глухую ночь изъ хаты до коровы, чтобъ подстеречь проклятущую вѣдьму... Это у насъ такая аспидова въ слободѣ, Явдоха... Повадилась подъ мою корову ходить... Каждую, бывало, ночь по полному ведру надоитъ съ нея въ одну яичную скорлупу, такой аспидъ! Вотъ я, тихонько крадучись, и вышла въ полночь изъ хаты... Коли глядь, сестрички мои, летитъ по небу огненный змѣй, такъ и пышетъ огнемъ, а хвостъ длинный-предлинный... Да какъ надлетѣлъ онъ надъ Софійчину, Сиркову хату, да такъ искрами и разсыпался надъ трубой — и шасть въ трубу, да тамъ и сникнулъ... Съ той поры и сталъ каждую ночь летать къ Софійкѣ, съ того она и страждаетъ... А чего-бъ страждать! Живетъ, что твоя королева: такое богатство, что и не сказать! А все онъ, мужъ ея, Сирко, присылаетъ ей, чего бъ душа ни захотѣла: и шелки, и «едвабы», и «саеты», и «аксамитъ», и дорогія мониста, «корали» на шею, такъ и надѣть не хочетъ. А сколько кубковъ, всякихъ чаръ да всякаго серебра и золота, а то меду, яблокъ, грушъ съ своей пасѣки и не пересчитать! Любитъ, видите, свою Софійку, да только служба его такая: цѣлый вѣкъ атаманствуетъ на своей Сѣчи. Затянетъ къ женѣ на день, другой, да опять на Запорожье, да въ походы биться то съ татарвою, то съ ляшвою, а какъ придется, то и съ москалями.

— Бѣдная, горемычная молодичка! — соболѣзновали богомолки, слушая бабусю.

— Такъ вотъ теперь и привезли ее сюда отецъ съ матерью отчитывать, не помогутъ ли печерскіе угодники,—закончила бабуся.—Можетъ, и отчитаютъ отъ нечистаго.

— Ну, нечистому не при храмѣ святомъ сгадуючи! Ему тутъ не мѣсто: сейчасъ выскочитъ, какъ песъ отъ кипятку,—присудилъ какой-то «дядько», остановившись около богомолокъ...—Я сюда и «табаки» не посмѣлъ внести и рожокъ закинулъ къ нечистой матери, не при храмѣ святомъ сгадуючи.

— Бѣдная, бѣдная Софійка! Вотъ и богатство не помогло, черезъ золото льются слезы,—качала головой сердобольная «жиночка».

— А все отъ нечистаго,—добавила другая,—не убивайся такъ.

— Какъ же не убиваться, сестричко?—возразила первая.— Доведись хоть на тебя: былъ мужъ, и нѣту... А то еще жди такой вѣсточки, мужу твоему буйны вѣтры въ полѣ вѣчную память поютъ...

— Хорошо, что у тебя мужъ хлѣборобъ «гречкосій».

— Оно-то такъ, а все не убивайся.

— Охъ, сестричко, сколько такихъ ихъ по всей Украинѣ! А нечистому это и на руку... Бѣдная Софійка! *).

XI.

Осенью 1663 года въ Кіевъ пріѣхали изъ Коша два запорожца. Кошевой атаманъ Сирко прислалъ ихъ съ дарами въ печерскій монастырь. Жестоко побили тогда запорожцы около самаго Перекопа Нурредина-хана съ его ордою, мстя татарамъ за помощь, которую они оказали Юрію Хмельницкому при осадѣ имъ Переяслава, и забрали много добычи, такъ Запорожье и благодарило печерскихъ угодниковъ за святую ихъ заступу.

Печерскіе старцы и сказали этимъ посламъ Запорожья, чтобъ они вечеромъ приходили въ Софійскій соборъ къ вечерней службѣ, на вечеріе, потому что въ той службѣ будетъ нѣчто для нихъ неожиданное, а что, того не сказали, а только какъ-то особенно переглянулись.

Запорожцы и пришли въ соборъ. Да какъ было и не итти? Весь Кіевъ, казалось, устремился къ собору, точно къ пасхальной службѣ.

— Что-то такое тутъ затѣвается,—думали запорожцы, а спрашивать людей не рѣшались, чтобъ тѣ не подумали про нихъ или не сказали: «съ Великаго Луга, да великіе дурни».

Слышали они только, какъ нѣкоторые говорили, что службу

---

*) Д. И. Эварницкій, на основаніи «Актовъ южной и западной Россіи» (т. IX. 606), свидѣтельствуетъ, что у Сирка «была жена по имени Софья», «мучимая вельми отъ бѣса» и потому родители привозили ее «для исцѣленія въ одинъ изъ кіевскихъ печерскихъ монастырей, но получившая его въ лубенскомъ мчирскомъ монастырѣ отъ святителя патріарха Аѳанасія и доселѣ (1671 г.) пребывающая здрава». («Исторія запорожскихъ казаковъ», II, 303).

будетъ отправлять какой-то новый, молоденькій архимандритъ, отецъ Гедеонъ, всего только двадцати лѣтъ. Это такъ удивило запорожцевъ: никогда не было слыхано, чтобъ такіе молоденькіе были архимандриты. Оттого-то печерскіе старцы и велѣли имъ итти въ соборъ.

— Что жъ! Любопытно, очень любопытно взглянуть на архимандрита-мальчишку.—Запорожцы и пришли въ соборъ.

А тамъ народу, и наперть соборная и внутри собора ломятся отъ народа, пальца, кажется, не просунешь. А все же молодцы-запорожцы просунулись въ самый передъ, потому что ужъ если татарскія и турецкія орды не останавливали, то гдѣ ужъ въ соборѣ кому ихъ остановить! Не такіе они козарлюги.

Разглядѣлись кругомъ по церкви, вездѣ точно макъ цвѣтетъ, такъ и рябитъ въ глазахъ, такъ и сіяетъ: все пани полковницы, сотнички, нарядныя панночки... Соборъ, весь иконостасъ, паникадила, образа, все залито свѣтомъ, все такъ и горитъ.

Скоро и служба началась. Зашевелилась и зазвенѣла кольцами церковная завѣса, и тихо-тихо раскрылись царскія врата. Съ кадиломъ въ рукѣ, въ золотыхъ ризахъ, въ дорогой блистающей алмазами и рубинами митрѣ, выходитъ молоденькій, бѣленькій съ лица, точно панночка, новый архимандритъ.

Что это! Запорожцы даже пошатнулись и глазамъ своимъ не вѣрятъ. Неужели жъ это правда? Не привидѣніе ли это?

И весь соборъ съ удивленіемъ смотритъ, глазъ не сводитъ съ этого архимандрита... Боже! Боже! Съ жалостью глядятъ на него пани и панночки,—такой молоденькій, что еще и пушокъ на лицѣ не пробился, а уже мертвый, померъ для міра и жизни...

— «Слава святѣй и единосущнѣй и животворящей и нераздѣльной Тройцѣ!»—тихо-тихо, но внятно, выразительно проносится по всему собору нѣжный, нѣсколько дрожащій голосъ.

— Что это! Что это! Какая-то молоденькая панночка, въ дорогомъ, но траурномъ одѣяніи, съ бѣленькимъ нѣжнымъ личикомъ, съ черными, «какъ на шнурочку», бровями и ясными, почти дѣтскими глазами, услыхавъ этотъ голосъ, вся задрожала, пошатнулась, а, увидавъ изъ-за кадильнаго дыма блѣдное-блѣдное лицо юнаго архимандрита, страшно измѣнилась въ лицѣ, поблѣднѣла, какъ полотно, и, какъ подкошенная травка, тихо опустилась и припала головкою къ холодному каменному помосту храма...

— Боже! Боже! Она узнала его...

И передъ нею, словно изъ кадильнаго дыма, выступила та весенняя волшебная ночь подъ Ирклѣевымъ... Она одна въ своемъ саду подъ Ирклѣевымъ, подошла къ пруду и заслушалась соловья... Воздухъ пропитанъ запахомъ цвѣтущей сирени.. За прудомъ, въ темной гущинѣ, соловей такъ и заливается весеннею пѣснью любви, а въ пруду, въ камышахъ и зеленой осокѣ лягушки квакаютъ, точно обезумѣвшія отъ счастья... Вдругъ что-то за нею зашелестѣло... Она оглядывается, это онъ, вотъ этотъ, что въ дорогой митрѣ, въ золотыхъ ризахъ... онъ, ея милый, ея коханый... Онъ беретъ ее за руку, обвиваетъ станъ ея тонкій, гибкій, какъ тростникъ... Они на травѣ подъ кустомъ калины... Онъ припадаетъ къ ея ножкамъ, грѣетъ ихъ своими «устоньками», цѣлуетъ... И сама она припадаетъ къ нему, къ его груди, къ его колѣнямъ... А слезы такъ и ринутъ изъ глазъ отъ радости, отъ нежданнаго, невыразимаго счастья, счастья первой любви...

Теперь она узнала его подъ митрою...

Но онъ не узналъ ея, потому что за кадильнымъ дымомъ, за своею службою, за невольнымъ волненіемъ—не видѣлъ ея...

— Неужели же это правда? Неужели же это онъ?—накинулъ глазомъ одинъ запорожецъ на другого.

— Онъ, развѣ не видишь? Голосъ его, лицо, глаза.

— Да вѣдь это же Гедеонъ, а онъ былъ Юрій.

— А развѣ ты не знаешь, что когда кого посвящаютъ въ монахи, то даютъ ему другое имя—не мірское, да только чтобъ монашеское имя начиналось съ той же буквы, какъ и мірское:—Юрій тоже, что Георгій, съ глаголемъ въ началѣ. Вотъ и Гедеонъ съ глаголя начинается.

Такъ тихонько межъ собой разговаривали запорожцы и сами себѣ не вѣрили. Изъ гетмана—архимандритъ!

— Это все равно, что тебя сдѣлать бы дивчиною! — засмѣялся въ рукавъ запорожецъ.

А панночка немножко пришла въ себя, перекрестилась и осталась на колѣняхъ, ища глазами молоденькаго архимандрита.

А онъ былъ уже въ алтарѣ. Оттуда доносился дорогой для нея голосъ:

— «Пріидите поклонимся и припадемъ ко Христу»...

И панночка горячо, нервно припадала къ холоднымъ пли-

тамъ храма: ей казалось, что она припадаетъ и цѣлуетъ святыя ножки Христа, а слезы такъ и плывутъ, такъ и льются изъ самаго сердца, изъ самой глубины души, слезы нежданнаго, невыразимаго счастья... Такъ ясно, такъ живо вспоминаетъ она всю ту весеннюю волшебную ночь, лучшія, самыя дорогія минуты ея молодой, только еще распускавшейся, какъ цвѣтокъ, жизни... Всю ночь онъ съ нею, одна душа, одно сердце: то онъ прижимаетъ ее къ своему сердцу, то она жмется къ нему своею трепетною грудью... А вотъ и утро... Поблѣднѣло по край неба, порозовѣло, потухли звѣздочки, и только утренняя звѣзда, казалось, привѣтствовала ихъ счастье... Соловей смолкъ... Она въ послѣдній разъ припала къ нему вся всѣмъ тѣломъ и исчезла... Нѣтъ, онъ исчезъ...

Онъ пошелъ подъ Переяславъ со своимъ войскомъ и не вернулся... А тамъ пришла вѣсть, страшная, невыразимо страшная вѣсть... Онъ бился съ москалями и ея дядею, Якимомъ Сомкомъ... Говорили, что убитыхъ, мертвыхъ, двадцать тысячъ, мертвецами Днѣпръ запрудили... До самаго Запорожья плыли мертвые... Красная отъ крови днѣпровая вода изъ береговъ выступила отъ труповъ... Видѣли, какъ на мертвыхъ, что плыли по Днѣпру, сидѣли орлы и вороны и тѣла казацкія пожирали...

А самъ онъ пропалъ безъ вѣсти. Пришла вѣсть, что онъ не то въ крымской, не то въ турецкой неволѣ, а другіе говорили, что москали навѣки услали его въ далекую, холодную Сибирь... А тамъ еще слухъ, ужасный, ужасный! Господи! Какъ она тогда сама себя не загубила, руки на себя не наложила... Либо головою въ прорубь, либо на сукъ... Говорили, будто бы видѣли его мертвое тѣло плыло мимо Запорожья, за Чортомлыкъ, а въ груди у него калмыцкая стрѣла, точно веретено, торчала...

И она пережила это страшное время, не погубила себя... Но ужъ больше не ждала его, «не выглядала», какъ «не выглядаютъ» изъ темной могилы... Не будетъ ужъ его, не будетъ никогда, никогда! Не придетъ ужъ съ того свѣта... Не воротится та ночка весенняя, не придетъ онъ, не возьметъ ее съ собою, не назоветъ «сьосю» Галею, «своею чорною Галочкою»...

И все-таки пережила она это страшное время, не загубила себя, пережила цѣлый годъ, годъ за вѣчность, часъ за цѣлые годы, минуты за годъ... Все думала, думала... Плакала, пока и слезъ не стало... И что ужаснѣе всего, поминала его въ церкви,

какъ мертваго... Еще сегодня, вотъ тутъ, въ соборѣ, служила послѣ обѣдни панихиду, и частку за его душу вынимали изъ просфоры, и дьяконъ возглашалъ молитву о спасеніи раба Божія, на брани убіеннаго болярина Георгія, все его же, ея милаго Юрася...

И вотъ онъ не убитъ, живехонекъ. Папночка, это и была Галя, торопливо вытираетъ заплаканные глазки и смотритъ, смотритъ... И вновь показывается изъ алтаря то же видѣніе... Или это сонъ, только видѣніе?.. Да, это сонъ, видѣніе... Потому, какъ же онъ забылъ свою Галю, свою чорненькую Галочку, не сжалился надъ ней, не далъ о себѣ вѣсточки, а похоронилъ себя въ монастырѣ, сталъ архимандритомъ!

Не онъ, не онъ!

Царскія двери вновь раскрываются... Вновь показывается то же видѣніе, блѣдное-блѣдное, глубоко печальное лицо подъ сіяніемъ алмазовъ и рубиновъ митры. Нѣтъ! Это онъ, онъ, ея милый, коханый Юронько! За нимъ дьяконъ, тотъ самый, что еще утромъ вотъ тутъ возносилъ къ Богу молитву за убіеннаго на брани Георгія. Дьяконъ, поднимая руку съ ораремъ, возглашаетъ медленно, святоторжественно:

— «Благослови, владыко, святый входъ!»

Онъ, ея Юрась, ея Юронька, владыка!

— Да, владыка, владыка всей Украйны: и правобережной, и лѣвобережной...

А на слова дьякона милый голосъ, его голосокъ возглашаетъ:

— «Господи! Благословенъ входъ святыхъ твоихъ!»

Боже правый! Да это онъ! Этотъ его голосъ съ переливами соловья въ гущинѣ пронизывалъ счастьемъ ея душу... Его ясные глаза смотрѣли тогда въ ея очи... Эти же уста-устоньки цѣловали ее, и она ихъ цѣловала...

Но онъ не смотритъ на нее, не видитъ ее за кадильнымъ дымомъ, не узнаетъ, и оба съ дьякономъ они исчезаютъ въ алтарѣ...

— Не гетмановать ему, не конемъ править, не передъ полками «выгравать» и булавою порядокъ давать, а кадиломъ, ладономъ, тутъ его мѣсто,—шепталъ, улыбаясь, запорожецъ.

— Извѣстно,—моргнулъ усомъ другой.

— Если бы Сирко тогда въ Сичи за него не крикнулъ

къ намъ, товарыству, то ему бы весь свой вѣкъ гусеи пасти. А тѣмъ временемъ митрополичій хоръ, точно хоръ ангеловъ съ неба, изливаетъ всю душу и вызываетъ слезы по всему собору божественною кантою:

— «Свѣте тихій! Святыя славы, безсмертнаго Отца небеснаго!»

— О, свѣте тихій!—И Галя вновь рыдаетъ, припадая къ холоднымъ плитамъ помоста.

Такъ и истекаетъ слезами, но не горькими, а слезами благодарности милосердному Богу за то, что не зашло навѣки ея ясное солнышко, не потухъ навсегда ея «свѣтъ незаходимый». Въ душу ея вновь проникъ божественный, «свѣтъ тихій», и она плачетъ-плачетъ, пока не изойдетъ слезами, не растаетъ, какъ воскъ, какъ та свѣча передъ образомъ...

Точно дивный сонъ пролетѣла божественная служба, хоры ангеловъ... открытыя небеса... Дымомъ кадильнымъ заволоклись и земля, и небо...

Никогда во всю свою молодую жизнь не молилась Галя такъ, какъ молилась теперь милосердному Богу за то, что не погасъ навѣки свѣтъ тихій, незаходимый въ ея душѣ, въ ея памяти. Она видѣла его, хотя онъ ея и не видѣлъ.

— Господи! Онъ снова вышелъ... Я вижу его!..

Вышелъ онъ снова съ дьякономъ и молится, долго молится за весь міръ, молится о всякой душѣ христіанской, скорбящей, какъ и она скорбѣла, объ оставшихся и въ отшествіи сущихъ, о исцѣленіи въ немощахъ лежащихъ, о избавленіи плѣненныхъ...

Минута забвенія, и Галя слышитъ тотъ голосъ, который тогда, въ весеннюю ночь...

— «Услыши ны, Боже, Спасителю нашъ, упованіе всѣхъ концевъ земли и сущихъ въ морѣ далече, и милостивъ, милостивъ буди, Владыко, о грѣсѣхъ нашихъ и помилуй ны»...

Онъ вдругъ глянулъ на нее, онъ узналъ ее... Блѣдныя щеки покрылись краскою подъ митрою, голосъ сорвался...

Галя зашаталась и упала на полъ, какъ подкошенная травка.

— Сомлѣла панночка... душно... ладонъ тяжелый..

— Кто такая? Чья будетъ?

— Якима Сомка племянница... съ Переяслава.

— Галочка! Что съ тобою, дитя мое?

Ее тихонько подняли и бережно вынесли на свѣжій воздухъ.

И запоржцы вышли на паперть.

— Вотъ тебѣ и гетманство!

— Извѣстно: передъ неводомъ рыбу не ловятъ.

— Какъ? Что за загадки?

— А такъ... Говорится: «перешелъ море, на берегу утонулъ»... Такъ и Хмельниченко Юрась.

XII.

Прошло менѣе двухъ лѣтъ съ того памятнаго для Гали вечера, когда она нежданно увидѣла подъ митрою архимандрита дорогое ей, блѣдное лицо того, кого она уже, пораженная страшною вѣстью, похоронила было въ своемъ сердцѣ и оплакала, какъ покойника. Но въ этотъ короткій промежутокъ времени глубоко-поэтическая и глубоко-несчастная Украйна пережила столько, сколько другія страны не переживаютъ и въ цѣлыя столѣтія. Крови и слезъ за это время пролито было столько, что первою можно бы было оросить и оплодотворить цѣлыя пустыни, а второю дополнить воды Днѣпра такъ, что онѣ вышли бы изъ береговъ, какъ отъ двадцати тысячъ труповъ, безбожно принесенныхъ въ жертву идолу наслѣдственности.

Юрій сидѣлъ въ тюремномъ казематѣ крѣпости Малборгъ, нынѣ Маріенбургъ. Боясь популярности сына Богдана Хмельницкаго и традиціонной силы идола наслѣдственности, гетманъ правобережной Украйны, Тетеря, получившій булаву отъ этого самаго сына Богдана, оклеветалъ его передъ королемъ, и Юрій, обманомъ приглашенный изъ Кіева, изъ монастыря, къ королю, былъ схваченъ и заключенъ въ крѣпость.

Это былъ новый ударъ для Гали.

Брюховецкій, добившись булавы и бунчука на «черной радѣ», чтобы плотнѣе держалась въ рукѣ эта булава, обагренная кровью, приказалъ отрубить головы своимъ соперникамъ на «черной радѣ» и претендентамъ на булаву и бунчукъ, Васютѣ Золотаренку и Якиму Сомку, котораго, съ горечью поясняетъ «самовидецъ», и самъ палачъ татаринъ, смотря на его Сомкову уроду (красоту), рубать его отрекался.

Тетеря, безжалостно погубившій своего соперника Выговскаго и упрятавшій въ крѣпость своего родственника Юрія

Хмельницкаго, потерпѣвъ пораженіе отъ Дрозденка, поддерживаемаго татарами, по лужамъ крови выбрался изъ битвы и бѣжалъ съ своей семьей въ Польшу, оттуда, какъ бы преслѣдуемый кровавыми тѣнями убитыхъ, перебѣжалъ въ Волощину, гдѣ и затерялся для исторіи.

Его мѣсто въ кровавой эпопеѣ Украйны занялъ, перешагнувъ тоже черезъ трупы своихъ соперниковъ, Дрозденка и Опары, Дорошенко, ставленникъ татарскихъ мурзъ, Камамбетъ, Батырши и Батыръ-Аги.

Къ побѣдному стремени Дорошенка прильнулъ будущій демонъ Украйны, мечтавшій о коронѣ, Мазепа, покинувшій, послѣ скандальной исторіи съ паномъ Фальбовскимъ, блестящій дворъ королей польскихъ и перемѣнившій придворную ливрею на казацкій жупанъ.

Брюховецкій, пользуясь смутами правобережной Украйны, весною 1665 года, пригласилъ къ себѣ дикихъ и страшныхъ видомъ союзниковъ, заволжскихъ калмыковъ, кочевавшихъ въ то время въ задонскихъ степяхъ, съ ихъ княземъ Мунчакомъ, пошелъ съ казаками и дикими союзниками подъ Бѣлую Церковь на короннаго гетмана Яблоновскаго.

«Самовидецъ» такъ говоритъ о калмыкахъ, страшно напугавшихъ войско Яблоновскаго:

«Вправдѣ, людъ военный съ копіемъ всѣдаетъ на коня, и нѣкоторы и сагайдаки и стрѣлы великія съ площиками (желѣзные наконечники) широкими тилько найбольше до потреби (въ сраженіи) копей заживаютъ (употребляютъ) коженъ, бо справнѣ умѣютъ вбити копіемъ. Въ нѣкоторыхъ и панцыри, а иные и наго (голые!) идутъ до потреби. Людъ отважный, а на взглядъ черный, нѣкчемный (безобразный), страшный, чарами бавятся, балвохвольцы (идолопоклонники). А потрава (пища) опымъ всякій звѣрь, що есть на свѣтѣ, ничимъ ея не бридятъ (не брезгуютъ): и мышь, жаба свиня, тилько опричъ рака одиного не люблятъ и бридятся ракомъ».

Въ числѣ плѣнныхъ поляковъ, захваченныхъ калмыками, находился панъ Пасекъ, о которомъ Брюховецкій зналъ, что при дворѣ Яна Казиміра онъ былъ свой человѣкъ. Поэтому, хитрый гетманъ лѣвобережной Украйны принялъ плѣнника очень ласково, пригласилъ его къ своему столу и, желая выпытать у

него, что можно о польскомъ дворѣ и о положеніи дѣлъ, искусно подпоилъ своего гостя-плѣнника.

Зашла рѣчь о Дорошенкѣ, котораго Брюховецкій побаивался за его популярность среди населенія лѣвобережной Украйны. Еще при Богданѣ Хмельницкомъ, а потомъ и при Выговскомъ Дорошенко былъ прилуцкимъ полковникомъ и оставилъ о себѣ добрую память

— Съ пана Дорошенка ясновельможный панъ гетманъ не спускалъ бы глазъ,—загадочно промолвилъ панъ Пасекъ.

— У меня зрѣніе хорошо, панъ Пасекъ,—улыбнулся Брюховецкій.

— А видитъ ясневельможный панъ гетманъ перо за ухомъ у Дорошенка?—съ пьяной развязностью спросилъ Пасекъ.

— Какое, пане, перо?

— Преядовитое... Перо это—Иванъ Мазепа... Вотъ скоро увидитъ ясновельможный панъ гетманъ, что Дорошенко засыплетъ лѣвобережную Украйну такими универсалами, отъ которыхъ и мокрое дерево загорится. При дворѣ его милости, нашего ясноосвѣщонэго пана круля, Мазепа пошелъ бы далеко, и панъ круль мѣтилъ Мазепу за его дьявольское перо посадить за столъ канцлера, еслибъ Мазепа не бѣжалъ съ крулевскаго двора, какъ чортъ отъ ладона.

— Почему жъ онъ бѣжалъ, пане Пасекъ?—заинтересовался лукавый гетманъ, видя, что его гость все болѣе и болѣе пьянѣетъ.

— Mea culpa, mea culpa, mea maxima culpa!—хвастливо проговорилъ Пасекъ.—Но ясновельможный панъ гетманъ, можетъ, не знаетъ языка Горація и Цицерона.

— Нѣтъ,—улыбнулся гетманъ,—еще не все забылъ послѣ бурсы. Не такъ давно я предостерегалъ пана Тетерю словами Горація:

O navis! referrent
In mare te novi
Fluctus. O quid agis!
Fortiter occupa
Portum...

— Bene, bene! Optime, reverendissime et amplissime,

hetmane!—воскликнулъ Пасекъ, совсѣмъ расхрабрившись.— Такъ я жъ обязанъ повѣдать передъ паномъ гетманомъ «meam maximam culpam».. Это такая «culpa», о которой, говоря словами Ювеналіуша, или-то Персіуша, запамятовалъ:

Difficile est satyram non scribere!

Брюховецкій подлилъ своему гостю вина. Тотъ залпомъ выпилъ. Брюховецкій ждалъ.

— Боюсь, какъ бы моя продѣлка надъ Мазепою не окошилась надъ паномъ гетманомъ,—съ пьяной откровенностью сказалъ Пасекъ.

— Въ чемъ же дѣло, пане Пасекъ?—спросилъ гетманъ.

— Я выкурилъ ядовитую змѣю изъ ея логовища и боюсь, что она переползетъ на лѣвый берегъ Днѣпра и ужалитъ пана гетмана.

— Какъ же она переползетъ?

— А если сама и не переползетъ, то ядъ ея, пожалуй, перебрызнетъ черезъ Днѣпръ.

— У меня найдется противоядіе,—спокойно замѣтилъ Брюховецкій.

Пасекъ самодовольно улыбнулся.

— И противоядіе, пане гетмане, не нужно будетъ, если я дамъ пану гетману такой рецептъ, узнавъ о которомъ змѣя спрячется въ новое логово, въ свой маіонтекъ Мазепинцы.

— Какой же это рецептъ? — спросилъ Брюховецкій, надѣясь изъ болтовни гостя извлечь что-либо годное для себя.

— Сейчасъ, пане гетмане. я буду писать его,—хитро улыбнулся Пасекъ.

XIII.

— Ясновельможному пану гетману,—началъ Пасекъ,—быть можетъ, неизвѣстно, что я состою при дворѣ его мосци, ясноосвѣцонэго круля?

— Мнѣ это извѣстно было,—сказалъ Брюховецкій.

— А можетъ статься, что пану гетмано неизвѣстно, что и Мазепа состоялъ при дворѣ?

— Да, объ этомъ я не зналъ,—спокойно отвѣчалъ гетманъ.

— Съ Мазепой мы вмѣстѣ состояли при дворѣ,—продолжалъ Пасекъ.—Какъ молодые придворные, мы, между дѣломъ, много

веселились, а еще больше влюблялись. Между придворными фрейлинами было очень много хорошенькихъ паненокъ, и, на несчастье Мазепы, мы оба влюбились въ одну паненку. Это— прелестная Ядвига. Она такая красавица, что съ бѣленькаго ея личика, какъ говорится, хоть воду пей, и при томъ стройная, какъ молоденькая тополька. Только на мое безголовье приглянулся ей не Мазепа, а я...

— Почему же на безголовье? — удивился Брюховецкій, заинтересованный началомъ разсказа.

Брюховецкій былъ большой поклонникъ прекраснаго пола, и, состоя еще при Богданѣ Хмельницкомъ «джурою», охотно влюблялся и въ хорошенькихъ украйночекъ, и въ такихъ же паненокъ польскихъ, а послѣ бурсы прилежно посѣщалъ «улицу» и великолѣпно пѣлъ въ хорѣ парубковъ «Ой, закувала та сиза зозуля»...

— Почему?—самодовольно спросилъ Пасекъ, замѣтивъ, что затронулъ любопытство вождя лѣвобережной Украйны.—Ясновельможный панъ гетманъ сейчасъ увидитъ, какой изъ этого прелестнаго зернышка колючій репейникъ выросъ. Нашу взаимную любовь Мазепа подмѣтилъ и, изъ зависти и ревности, какъ говорится, «накрылъ меня мокрымъ рядномъ», позорное пятно кинулъ на мою молодую голову: наплескалъ въ уши его милости, пана круля, будто бы я, по приговору короннаго войска, которое тогда враждовало противъ короля, его милости, будто бы я ѣздилъ къ войску литовскому подбивать его тоже противъ его милости, Яна-Казиміра. И вотъ меня арестовали, какъ измѣнника, какъ вора... И это какъ разъ тогда, когда я повисъ было на розовыхъ губкахъ очаровательной Ядвиси!.. Правда, коронный судъ обѣлилъ меня бѣлѣе горнаго снѣга, и его милость, панъ круль, подарилъ мнѣ пятьсотъ червонцевъ, однако, щепка противъ Мазепы глубоко засѣла въ моемъ сердцѣ, да тамъ же притаилась и месть моему врагу. Хотя же послѣ этого его милость, Янъ-Казиміръ, и прогналъ его съ глазъ своихъ, какъ пса паршиваго, однако, песъ перекинулся лисичкою и скоро вновь пробрался въ курятникъ.

— А король же что?—полюбопытствовалъ Брюховецкій.

— Король, его милость, пане гетмане, все прощалъ Мазепѣ за его острое перо и вновь приблизилъ къ себѣ. Но я не простилъ моему врагу, щепка все еще сидѣла у меня подъ сердцемъ.

И вотъ что случилось. Какъ-то разъ я былъ нѣсколько навеселѣ и, встрѣтившись съ Мазепою какъ разъ у самыхъ дверей кабинета его милости, пана круля, закатилъ моему врагу такую пощечину, что онъ о королевскую дверь стукнулся головой и тотчасъ схватился за саблю. Онъ мнѣ, можетъ быть, голову бы отрубилъ дамасскимъ клинкомъ, а я не успѣлъ и за рукоятку своей сабли ухватиться, но въ этотъ моментъ находившіеся тутъ же придворные схватили его за руки, ибо придворные недолюбливали его за то, что Мазепа былъ немножко не нашъ, не совсѣмъ шляхетскаго роду, nie bardzo nobilitovany... Коли, глядь! Открываются двери королевскаго кабинета, и его милость, панъ круль, самъ на порогѣ! Мы такъ и опѣпенѣли на мѣстѣ, ноги прикипѣли къ полу. За драку, за гвалтъ въ королевскихъ покояхъ у насъ полагается жестокая кара, кара gardlem. Стоимъ мы ни живы, ни мертвы... Но когда его милость, панъ круль, довѣдался, изъ-за чего вышло шумство, то милостиво изволилъ промолвить: «Celumnia тяжеле, чѣмъ vulnus... Pro tuam calumniam,—это къ Мазепѣ,—онъ имѣлъ право—это ко мнѣ—дать тебѣ не только пощечину или только vulnus, но и mortem!»

— Справедливо рѣшилъ король,—замѣтилъ Брюховецкій.— И у насъ, у казаковъ, такъ же оберегается «лыцарская» честь: рубни казака саблею или ятаганомъ, онъ отвѣтитъ тѣмъ же. А скажи кто казаку, что онъ воръ, либо измѣнникъ, такъ тутъ уже жди mortem. Ну, и что жъ король, помиловалъ Мазепу?

— Король-то, его милость, помиловалъ, да я не помиловалъ,—отвѣчалъ Пасекъ.—Паненка Ядвига, какъ и подобаетъ дѣвичьей породѣ, съ моей губы скоро повисла на губѣ другого кавалера, пана Фальбовскаго... Можетъ, его губа была слаще моей.

— У насъ панъ, на этотъ счетъ есть пословица,—улыбнулся гетманъ,—«хочъ гирше, та инше».

— Такъ, такъ, пане гетмане,—засмѣялся Пасекъ.—Только Ядвига такъ цѣпко прилипла до губъ Фальбовскаго, что пришлось вести ее подъ вѣнецъ, а то-бъ и того...

— Тее и онее,—улыбнулся Брюховецкій.

— Именно, тее и онее... Послѣ свадьбы молодые Фальбовскіе поѣхали на лѣто въ деревню, въ маіонтекъ пана, и туда же, какъ хвостъ за лисой, потянулъ и Мазепа, у котораго тамъ тоже

былъ маіонтекъ недалеко отъ маіонтка Фальбовскаго. И Мазепа сталъ навѣщать сосѣдей... Повадилась лиса до курятника.

— Такъ, такъ, понимаю,—засмѣялся гетманъ,—у насъ говорится: «урадывся журавель до бабыныхъ конопель»...

— Такъ, такъ! — засмѣялся и Пасекъ.—А наши хлопы поютъ: «а я тому журавлю крылья, ноги перебью»... Я и перебилъ... У меня тамъ тоже есть маіонтекъ, и я поѣхалъ туда на letnie mieszkanie, но повезъ туда не медъ для пани Ядвиги, а щепку мести подъ сердцемъ для Мазепы, да немножко и для Ядвиги. И, дѣйствительно, замѣчаю, летаетъ журавль въ конопли пана Фальбовскаго, и все тогда, когда пана нѣтъ дома.

— Ага! Провѣдалъ дорожку въ горохъ,—покачалъ головой Брюховецкій.

— Мало въ горохъ, пане гетмане, а и «въ гречку», какъ у насъ хлопы говорятъ. Потопталъ-таки и конопли, и горохъ, слово гонору! Это я узналъ отъ своего пахолка, который дружилъ съ хлопами пана Фальбовскаго. Говоритъ мнѣ пахолекъ мой, что Мазепа и пани Фальбовская частенько переписуются черезъ вѣрнаго хлопа: какъ только панъ Фальбовскій поѣдетъ куда, такъ тотчасъ вѣрный хлопчишко и бѣжитъ къ Мазепѣ съ письмомъ Ядвиги: «нѣтъ сторожа около конопель, проше пана»... Ну, думаю себѣ: ловилъ волкъ, ловилъ, надо и его поймать. Щепка въ сердцѣ ужъ очень давала себя знать. Вспомнилъ я слова его милости, пана круля, про calumnia и про vulnus... Рана-бъ то давно затянулась, да только calumnia на дворянина, никогда! А и сказалъ: гдѣ твои бичи, Немезида? А Немезида уже и стоитъ у порога: это былъ мой пахолекъ Яцекъ. Отецъ и мать его были хлопами у Мазепы, а съ ними и Яцекъ. Этотъ Яцекъ мнѣ очень понравился, какъ живой и быстроногій Меркуріушъ, а Мазепа, на свое несчастье, еще въ Варшавѣ проигралъ мнѣ его въ карты.

Брюховецкій при этихъ словахъ сурово сдвинулъ брови; но Пасекъ этого не замѣтилъ и, увлеченный своимъ разсказомъ, продолжалъ:

— Такъ это приходитъ ко мнѣ Яцекъ, а слезы такъ и льются у него изъ глазъ.—Что съ тобою, хлопче? спрашиваю. Кто тебя обидѣлъ? Мазепа, говоритъ, отца его за какую-то ничтожную провинность по дому забилъ въ кандалы и голодомъ довелъ до того, что несчастный удавился. Ну, думаю, сама Не-

мезида пришла ко мнѣ съ своими бичами. Пусть же карастъ! А Яцекъ отлично зналъ все, что дѣлалось и у Фальбовскихъ и у Мазепы. Мнѣ нечего было и намекать на месть. Немезида сама знала, что дѣлать: она выглядывала изъ заплаканныхъ глазъ Яцека, и голосъ ея слышался въ голосѣ похолка. «Я пойду, позвольте, ясный панъ», сказалъ онъ: «панъ Фальбовскій велѣлъ послѣ обѣда осѣдлать коня... Онъ поѣдетъ... а пани къ Мазепѣ письмо... Я знаю, я пойду»... Я позволилъ, и онъ пошелъ... Въ его распухшихъ отъ слезъ глазахъ я прочиталъ слова Нептуна къ Эолу, Эвру и Ноту: «quos ego!»

А Брюховецкій подумалъ, что и онъ скоро скажетъ ляхамъ: «quos ego!»

— Ужъ потомъ самъ Яцекъ разсказалъ мнѣ, какъ было дѣло,—продолжалъ Пасекъ.—Яцекъ все выложилъ передъ паномъ Фальбовскимъ, и какъ пани съ Мазепою переписывается, и по какой дорожкѣ между терновникомъ и колючими кустами шиповника ѣздитъ Мазепа къ своей возлюбленой...

— Это и есть «дорожка въ горохъ», — кивнулъ головою гетманъ.

— Была-бъ она не только въ горохъ, но и на тотъ свѣтъ, къ Харону, если-бъ Фальбовскій не боялся строгаго суда коронпаго, за гардло-гардло...

— Чѣмъ же кончилось?—интересовался Брюховецкій.

— Немезида свое дѣло сдѣлала, пане гетмане,—отвѣчалъ Пасекъ.—Какъ провѣдалъ про все панъ Фальбовскій, то ужъ не поѣхалъ своей дорогою, а тихонько, крадучись, поворотилъ на ту дорожку, которую протопталъ Мазепа въ его горохъ, и засѣлъ за терновыми кустами. Смотритъ, бѣжитъ Меркуріушъ отъ пани Ядвиги съ супличкою къ Мазепѣ. Мой Яцекъ тоже спрятался тамъ въ шиповникѣ и все видѣлъ, и все слышалъ. Фальбовскій перестрѣлъ посланца своей малжонки, взялъ у него супличку, прочиталъ, скривился, точно хлебнулъ уксусу: пани писала, что ея нелюбъ уѣхалъ далеко, и она проситъ коханка къ себѣ... Хорошо, сказалъ хлопу панъ Фальбовскій, бѣги-жъ ты, хлопче, къ пану Мазепѣ съ этою супличкою и проси его, чтобъ онъ написалъ отвѣтъ для пани, что пріѣдетъ, да скорѣй, пани ждетъ. Хлопчикъ и побѣжалъ, а скоро вернулся уже съ супличкою отъ Мазепы: тотчасъ ѣду, моя коханко, а можетъ, и еще ласковѣе что...

— Ужъ не безъ того,—улыбнулся гетманъ.—Конечно, посылая хлопчика, Фальбовскій строго запретилъ ему говорить Мазепѣ о томъ, что онъ читалъ супличку?

— Конечно! Да и самого пана хлопчикъ не видѣлъ: запорю, говоритъ, канчугами на смерть, если проболтаешься... Вотъ онъ и ждетъ, спрятавъ въ кустъ хлопчика и взявъ у него epistolam amoris Mazepae. Ждать пришлось не долго: Купидонъ тутъ какъ тутъ... Случайная встрѣча... Поздоровались любезно, какъ старые пріятели. «Куда панъ Бугъ несетъ пана?» спрашиваетъ Фальбовскій. «Гм... гм... до tamtego... до tamtego.... и ни слова больше... «Такъ ко мнѣ, проше пана», любезно приглашаетъ къ себѣ Фальбовскій. «Проше до гербаты зъ пончками»... Гм... гм... дзенькую пану... не моге... тржеба до tamtego...

Брюховецкій улыбнулся, вспомнивъ, какъ когда-то и его чуть не захватилъ мужъ въ спальнѣ своей жены, окно спасло и кусты бузины...

— Какъ увидѣлъ панъ Фальбовскій,—продолжалъ свое Пасекъ,—что Мазепа сталъ пятиться до лясу и заворачивать коня, то мгновенно схватилъ его за грудь, а Фальбовскій подковы ломалъ! Да съ коня точно снопъ проса... И показываетъ ему супличку: это что? а? Тотъ божится, что безъ пана въ первый разъ ѣдетъ къ его пани, клянется... Тогда Фальбовскій зоветъ изъ куста Меркуріуша и спрашиваетъ: «хлопче, сколько разъ этотъ панъ ѣздилъ безъ меня къ моей пани?» «Столько ясный паночку, сколько у меня волосъ на головѣ»... Тогда Мазепа, разсказывалъ мнѣ послѣ Яцекъ, поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ. А Фальбовскій ему: «выбирай, говоритъ, самъ для себя смерть, я тебя въ живыхъ не оставлю»... Мазепа въ ноги, умоляетъ, хватаетъ за сапоги Фальбовскаго, чуть землю не грызетъ, проситъ оставить ему жизнь, и во всемъ, во всемъ признается... Тогда Фальбовскій велитъ ему раздѣваться догола, и сорочки на немъ не оставилъ...

Брюховецкій поставилъ себя въ положеніе Мазепы и даже вздрогнулъ.

— «Охъ, молодость, молодость!»—подумалъ онъ.—Ну, прижали ужъ вилами,—сказалъ онъ вслухъ.

— Хуже, панъ гетманъ, — сказалъ Пасекъ. — За кустами уже ждали конюхи пана Фальбовскаго съ ременными возжами. «Эй, хлопы, сюда!» Явились хлопы. «Разсѣдлайте панскаго коня

и посадите пана, не посадите, а положите на спину коня, головой къ хвосту, и возжами привяжите ему руки и ноги подъ черево коню, чтобъ панъ, бронь Боже, не упалъ и не ушибся»... Сдѣлали конюхи, что имъ велѣно было, и кнутьями хватили кто по коню, а кто по Мазепѣ, самъ же Фальбовскій выстрѣлилъ изъ пистолета надъ ухомъ у коня... Испуганный и взбѣшенный конь понесъ полумертваго отъ страха Мазепу прямо по колючимъ кустамъ терна и шиповника...

— Ну!—невольно вырвалось у Брюховецкаго.—Самъ дьяволъ не выдумалъ бы такого мщенія.

— Правда, правда, пане гетмане, — согласился Пасекъ.— Всего истерзаннаго колючками, чуть живого принесъ его конь домой, гдѣ вся челядь и хлопы пришли въ ужасъ, думая, что это самъ чортъ прилетѣлъ изъ ада, и всѣ бросились бѣжать. Только, когда услыхали стоны своего пана, опомнились и всего окровавленнаго и чуть теплаго отвязали отъ коня и подняли на воздухъ. Долго отлеживался панъ Иванъ, а какъ поднялся на ноги, то и бѣжалъ отъ позора къ казакамъ. Теперь у Дорошенка при стремени.

Пасекъ замолчалъ и наблюдалъ, какое впечатлѣніе произвелъ его разсказъ.

— Удивительную исторію разсказалъ ты мнѣ, пане Паску, — задумчиво сказалъ Брюховецкій. — Такъ панъ говоритъ, что король цѣнилъ этого Мазепу?

— Слово гонору! Такъ цѣнилъ его перо, что считалъ пана Ивана польскимъ Цицерономъ.

«Ну,—подумалъ гетманъ,—надѣлаетъ бѣдъ Украинѣ этотъ Мазепа».

И, поблагодаривъ своего плѣнника, гостя, отпустилъ его, сказавъ: панъ Пасекъ свободенъ приходить ко мнѣ во всякое время.

Хитрый гетманъ разсчитывалъ узнать отъ болтливаго придворнаго что-либо поважнѣе исторіи съ Мазепой.

XIV.

Гетманство Брюховецкаго началось при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Москва раскрывала новому гетману настежь свои могучія объятія. Никогда не было, ни прежде этого, ни послѣ, чтобы гетманъ Украйны имѣлъ торжественный. почти

царскій въѣздъ въ Москву. А на долю Брюховецкаго выпалъ этотъ тріумфъ—тріумфъ Помпеевъ и Цезарей.

10-го сентября 1665 года Москва видѣла этотъ тріумфъ и сотнями тысячъ глотокъ ахала такъ, что со всего Кремля срывались стаи испуганныхъ голубей и воронъ и метались въ воздухѣ, точно отъ нашествія Батыя или Мамая.

И неудивительно! Въ Москву въѣзжали сотни невиданныхъ людей съ бритыми головами и съ такими висящими изъ-подъ диковинныхъ шапокъ съ красными верхами чубами, изъ коихъ многіе напоминали своею длиной дѣвичьи косы, и съ усами, точно московскіе кнуты.

Ѣхавшему впереди всѣхъ этихъ диковинныхъ людей усастому богатырю съ чубомъ и брильянтовымъ перомъ на шапкѣ, это и былъ Иванъ Мартыновичъ Брюховицкій, подвели коня изъ царскихъ конюшенъ, породистаго сѣраго красавца, осѣдланнаго бархатнымъ золотнымъ сѣдломъ съ лукою, оправленною позолоченнымъ серебромъ съ турецкимъ чепракомъ, золоченнымъ по серебряной землѣ, съ мундштукомъ, украшеннымъ изумрудомъ и бирюзой.

— Ахъ! Ужъ и идолы хохлатые!—дивились и ахали москвичи.

— И сколько ихъ, братцы, этихъ чертей съ дѣвичьими косами спереди! Я насчиталъ ихъ, идоловъ, до пятнадцати чубовъ.

— Ахъ, ахъ! Гляпькось! А-ахъ! Вотъ диво! Волы! А на рогахъ ленты алыя да рудожолтыя, точно на дѣвкахъ! Ахъ, ѣшь ихъ муха!

— Батюшкѣ царю, чать, въ подарокъ... Ахъ, и затѣйники! Въ лентахъ животина!

— Я насчиталъ до сорока воловъ!—ахалъ московскій математикъ изъ Обжорнаго ряда.

— Ахъ! У нихъ тоже попы есть, не бусурмане, видно,—дивился купчина изъ Охотнаго ряда.

— А какъ крестятся? Може щепотью, аспиды?—любопытствовалъ дѣтина изъ Ножовой линіи.

— Ишь, дьяволъ, какъ ловко уломалъ царскаго мерина... А тотъ было на дыбы!

— Матыньки! — визжали ошеломленныя зрѣлищемъ мо-

сковскія бабы.—Да это не люди! Изъ-подъ шапокъ хвосты, родненькая.

— Да это не хвостъ, мать моя, а чубы,—поправляла первую баба изъ кислощейнаго заведенія, знатокъ въ энтографіи.

— А волы-то, волы! Съ лазоревымъ лентамъ на рогахъ! Ахъ, окаянные!

За тріумфальнымъ въѣздомъ послѣдовали пріемъ у царя и цѣлованіе руки, а затѣмъ царское кормленіе.

Когда гетманъ и старшина усѣлись за столъ въ посольской избѣ, одинъ изъ дьяковъ сталъ читать на бумагѣ торжественно, точно Апостолъ въ церкви:

— Великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея, Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, и многихъ государствъ, и земель восточныхъ, и западныхъ, и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ, и наслѣдникъ и государь, и облаадатель..

— Чуешь, панъ Степанъ? — шепнулъ генеральный судья Петро Забѣла своему сосѣду по столу, войсковому писарю Степану Гречаному.—Обладатель, съ двумя азами.

— Зачѣмъ съ двумя азами?—удивился Гречаный.

— Такъ, по титулу... А пропусти писарь или дьякъ второй азъ, такъ за этотъ азъ кнутъ, рваныя ноздри и Сибирь.

— Что ты, кумъ, брешешь!—не вѣрилъ Гречаный.

— Ей-же-Богу, не брешу... Не далѣе, какъ въ прошломъ году, Котошихинъ, подъячій посольскаго приказа, нечаянно пропустилъ въ титулѣ одинъ азъ, такъ его царь присудилъ «бить батоги нещадно, дабы другимъ чинить умаленіе высокаго титла было неповадно»...

— Н-ну! Сторонка! — развелъ подъ столомъ руками Гречаный.

— А если такая прописка второго аза случится въ грамотѣ къ царю отъ иноземнаго какого государя, то эту грамоту не принимаютъ и требуютъ извиненія, а то и войну объявляютъ.

— Ну, влопались мы съ Иваномъ Мартыновичемъ! Ахъ, влопались!—испуганно прошепталъ Гречаный.

Дьякъ, между тѣмъ, продолжалъ возглашать.

— ...«жалую подданнаго своего, сее стороны Днѣпра войска запорожскаго гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго съ старшиною, изволилъ указать поденнаго корму и питья къ вы-

дачѣ, противъ посольскаго, съ надбавкою: гетману по хлѣбу грошовому да по два калача грошевыхъ на день. А старшинѣ по хлѣбу грошевому да по три калача двухденежныхъ. А людемъ ихъ по хлѣбу грошевому да по калачу трехденежному человѣку на день. Да гетману же и старшинѣ по три гуся живыхъ, по семи гусей битыхъ, по трое утятъ живыхъ, по семи утятъ же битыхъ, по десяти зайцевъ, по десяти тетеревей, по пятидесяти куровъ живыхъ на день»...

— Да москали, вѣрно, думаютъ, что мы у себя дома по цѣлому быку въ день съѣдаемъ,—моргнулъ усомъ Забѣла по адресу Гречаного.

— Да по пятидесяти куровъ живыхъ, — подшепнулъ послѣдній.

— «Да имъ же съ людьми,—продолжалъ дьякъ,—по яловицѣ живой, по пяти яловицъ да по четыре стяга битыхъ, по пяти барановъ живыхъ, да по двудесятипяти барановъ тушами, по два полтя ветчины на день, по три ведра безъ полутрети сметаны, по триста пятьдесятъ штукъ яицъ, по пуду безъ полутрети масла коровья, по четыре ведра уксусу, по два пуда соли, по чети крупъ гречневыхъ, по чети гороху, по осьминѣ муки пшеничной, а буде мало—давать по чети, по три ведра молока прѣснаго, на всякую мелочь по четыре гривны на день, а буде мало, ино давать по полтинѣ»...

Гетманъ значительно переглянулся съ обознымъ, съ паномъ Иваномъ Цесарскимъ. Тотъ отвѣчалъ лукавыми глазами: «москали, одно слово»...

Дьякъ невозмутимо продолжалъ голосомъ, какимъ въ монастыряхъ во время общей трапезы одинъ изъ монаховъ читаетъ «житіе святыхъ».

— «А питья давать имъ указано: по шести чарокъ вина двойного на день»...

— Для пана Шійкевича это все равно, что «котъ наплакалъ»,—шепнулъ Забѣла.

Шійкевичъ, войсковой писарь, сумрачно сидѣвшій тутъ же, былъ здоровъ выпить.

— «Да гетману же вобче,—читалъ дьякъ,—по десяти кружекъ меду паточнаго, да по ведру меду сладкаго, да по ведру меду крѣпкаго, да по ведру пива добраго на день»...

— Москали думаютъ, что нашъ гетманъ по три ведра въ

день выпиваетъ, — снова шепнулъ «жартливый» Забѣла, — у нихъ чѣмъ больше чинъ, тѣмъ больше ѣстъ и пьетъ.

— «А старшинѣ: по пяти чарокъ пива добраго, по двѣ кружки меду сладкаго, по двѣ кружки меду крѣпкаго, по четыре кружки пива добраго человѣку на день. А людемъ ихъ по три чарки вина человѣку, а лучшимъ людемъ по двѣ кружки меду да по двѣ кружки пива человѣку, а достальнымъ по двѣ кружки пива человѣку на день»...

Дьякъ передохнулъ и посмотрѣлъ, какъ «хохлы ядятъ»...

— «Ничево,—подумалъ онъ, — я бы самъ царской ѣствы понѣ не прочь»...

И онъ продолжалъ:

— «А въ постные дни рыбные ѣствы указано: гетману вопче по щукѣ живой на паръ, по одному лещу, по одному язю на паръ, по одной щукѣ колодкѣ, по щукѣ ушной спячей, по полузвену осетрины, по полузвену бѣлужины, по пяти гривенокъ икры на день и съ старшиною. Старшинѣ же по лещику, по невеликому...»

«То-то по невеликому», — подумалъ Забѣла, любившій покушать.

— ...«по двѣ щуки въ ухи, по два звена осетрины, по два звена бѣлужины человѣку на день. Людемъ же ихъ: на триста блюдъ рыбы всякія свѣжія, щукъ, окупей, язей, плотицъ, по два человѣка въ блюдо».

Дьякъ кончилъ, и обѣдъ продолжался своимъ чередомъ. Казалось, конца не будетъ кушаньямъ, ибо «ѣства» были царскія, со стола самого «тишайшаго».

На порогѣ показался благообразный бояринъ съ лицомъ иконописнаго типа. За нимъ «степенные ключники» камергеры, несли огромное блюдо съ чѣмъ-то прикрытымъ тафтою.

— Есть до тебя войска запорожскаго сее стороны Днѣпра гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго съ старшиною, рѣчь отъ великой государыни, царицы и великой княгини Марьи Ильинишны, и вы-бъ съ мѣстовъ встали, — торжественно возгласилъ иконописный ликъ.

Трапезующіе поднялись, звеня саблями.

— Великая государыня, царица и великая княгиня Марья Ильинишна, ея царское пресвѣтлое величество, — продолжало иконописное лицо,—жалуя тебя, войска запорожскаго сее сто-

рону Днѣпра гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго съ старшиною, изволила прислать вамъ отъ своего государскаго стола сладкаго лебедя сахаръ леденецъ, и вы-бъ того лебедя рушили и на здоровье кушали.

Ключники-камергеры сдернули тафту съ блюда, и на немъ оказался бѣлый сахарный лебедь, очень искусно сдѣланный.

Такъ угощала Москва нашихъ украинцевъ. И было за что: эти чубатые молодцы подносили Москвѣ не сахарнаго лебедя, а цѣлую страну, цѣлое государство, богатое и сильное.

Брюховецкому пожаловали боярство. Бояринъ на Украинѣ!

Мало того. Украинскаго боярина женили на природной знатнаго рода московочкѣ, на молоденькой княжнѣ Еленѣ Димитріевнѣ Долгоруковой.

XV.

Но непродолжительно было торжество и гетманство Брюховецкаго.

Отлично понимая всю непрочность гетманской власти на Украинѣ, гдѣ каждый полковникъ мечтаетъ о булавѣ и бунчукѣ, Брюховецкій думалъ прочно держать въ своихъ рукахъ гетманскіе «клейноды» при помощи Москвы и потому предложилъ Москвѣ поставить въ украинскихъ городахъ гарнизоны изъ московскихъ ратныхъ людей съ воеводами.

Москвѣ это было очень и очень на руку.

— Я такъ мекаю, великій государь, что сама щука челомъ бьетъ, дабы на нее поставили добрую вершу,—докладывалъ съ улыбкой бояринъ Салтыковъ царю о предложеніи гетмана.

«Тишайшій» улыбнулся тоже въ бороду.

— Вершу, такъ вершу... Быть по сему.

Но едва на Украину явились московскіе гарнизоны и заняли главные города края, народъ пришелъ въ негодованіе

— Были мы вольныя птицы, а теперь Москва хочетъ «приборкать» намъ крылья.

— Не бывать этому!.. Довольно и тогобочной Украины, гдѣ ляхи по городамъ, точно волки въ овчарняхъ, распоряжаются.

— Вчера вонъ тутъ въ самомъ Гадячѣ, на глазахъ у гетмана, московска воеводиха Огариха на базарѣ по щекамъ била

торговку «ни за цапову душу», а когда за бабу вступились козаки, такъ москали, рейтары, съ саблями пошли на козаковъ.

— И козаковъ же гетманъ велѣлъ посадить въ холодную.

— Да чего отъ этого московскаго «попихача» ждать? Онъ и женатъ-то на московкѣ.

— «Плачте бисовы очи, бачылы бо, що куповалы»,—язвительно замѣтилъ бывшій тутъ же запорожецъ.—Вы жъ его сами на «черной радѣ» посадили на гетманство, а Васюту Золотаренка да Якима Сомка вы же чуть не убили, такъ онъ, собачій сынъ, самъ добилъ... Я видѣлъ, какъ имъ палачъ-татаринъ рубилъ головы.

— Дорошенка-бъ сюда покликать: онъ бы вырвалъ у него булаву.

Съ каждымъ днемъ народъ свирѣпѣлъ, и до Брюховецкаго доходило это глухое народное броженіе.

— Что это, Иванушка, твои хохлы такъ на меня смотрятъ и въ церкви, и на улицѣ, точно съѣсть хотятъ? — жаловалась молодая гетманша своему мужу.

— Это у нихъ видъ такой. Плюнь на нихъ, душко Оленко,— какъ бы оправдывался гетманъ.

— Не называй меня Аленкой!—сердилась молодая женщина.—И языкъ-то у васъ несуразный, «якъ», да «що»... Онамедни я велѣла служкамъ подать арбуза мнѣ, а онѣ, безмозглыя, принесли мнѣ нарѣзаный сырой тыквы... Али я корова?

Ропотъ, даже ярость казаковъ и поспольства становились все грознѣй и грознѣй.

— Намъ же посадили москалей на шею, да мы же ихъ и корми, и ублажай поборами.

— Сала нашего не жрутъ, а подавай имъ «убоинки». Это мясо-то убоинкой называютъ...

— Ужъ и языкъ же ихъ! «Што» да «чаво».

Брюховецкій самъ понялъ, какую страшную ошибку сдѣлалъ онъ, наводнивъ украинскіе города московскими ратными людьми. И какъ отъ нихъ избавиться?

— «Перебить всѣхъ, — рѣшилъ онъ въ умѣ. — Тогда народъ и казаки опять за меня станутъ, какъ на «чорной радѣ»... Отложиться отъ Москвы совсѣмъ»...

Мучительно провелъ онъ ночь накануне новаго 1668 года. Ни на минуту онъ не могъ забыться. На новый годъ онъ ожидалъ

къ себѣ всѣхъ своихъ полковниковъ, которыхъ вызывалъ секретными универсалами на «тайную раду». Страхъ и честолюбіе жестоко боролись въ его душѣ. Побѣдило, однако, честолюбіе, главная черта его характера.

— «Сяду въ Кіевѣ на княжескомъ престолѣ... Брюховецкій—великій князь Украины,—мечталъ безумецъ.—Будетъ надо мною только султанъ. А онъ далеко, не то, что московскій царь... Іоаннъ Первый, великій князь Украины! За ласки Божьи... Божіею милостію»...

На-утро, послѣ обѣдни и ранняго, роскошнаго обѣда, которымъ гетманъ угостилъ съѣхавшихся къ нему полковниковъ и за которымъ по нездоровью молодая гетманша не присутствовала, она была въ послѣднемъ періодѣ беременности, состоялась тайная рада.

На ней присутствовали полковники: кіевскій—Василій Дворецкій, черниговскій—Иванъ Самойловичъ, нѣжинскій—Артемъ Мартыновичъ, прилуцкій—Лазарь Горленко, полтавскій—Костя Кублицкій, миргородскій—Грицько Апостоленко, переяславскій—Думитрашко-Райча

Присутствовали и войсковые судьи—Петро Забѣла и Павло Животовскій, а также войсковой писарь Ѳедько Михаленко.

Брюховецкій былъ блѣденъ, несмотря на подживленіе себя вкуснымъ обѣдомъ и виномъ. Онъ зналъ, что ставитъ на карту свою жизнь. А какъ полковники выдадутъ его головой?.. А если предпочтутъ ему Дорошенка? Дорошенко куда знатнѣе его родомъ! «Панъ съ пелюшокъ», съ пеленокъ.

Но надо было говорить, и онъ началъ:

— Панове! Каюсь, меня Москва подвела. Подговорили пріѣхать въ столицу, а тамъ взяли и держали въ неволѣ и заставили насъ согласиться на то, чего мы и не хотѣли.

— Такъ, такъ, — согласились нѣкоторые полковники, — кто-жъ захочетъ самъ шею въ ярмо протягивать? И волъ, и тотъ самъ не сдѣлаетъ этого.

— Какъ же быть?—спрашивали другіе.

Брюховецкій пытливо глядѣлъ на всѣхъ и, видя по лицамъ полковниковъ, что высказаться можно, прямо взялъ вола за рога.

— Объявить царскимъ воеводамъ, — сказалъ онъ рѣшительно,—чтобы они съ ратными людьми убирались къ нечистой

матери изъ нашей Украйны, а если своей волей не уйдутъ, бить ихъ.

Такая смѣлая рѣчь испугала полковниковъ. А если старая лиса хитритъ, выпытываетъ?

Брюховецкій понялъ это.

— Моимъ посланцамъ въ приказѣ говорили,—смѣло лгалъ онъ,—царю малая Россія не надобна, и онъ отдастъ ее полякамъ вмѣстѣ съ Кіевомъ.

Общее движеніе и даже испугъ.

— Вотъ,—продолжалъ лгать гетманъ,—и Василій Тяпкинъ, что сюда недавно пріѣзжалъ, тоже сказывалъ, что у царя съ королемъ положено отдать ляхамъ Кіевъ и съ нимъ всю Украйну, только не теперь это сдѣлаютъ, а сгодя немного, чтобъ народъ не тревожить. Говорятъ, царь собирается въ Кіевъ пріѣхать, будто Богу молиться, но это слухъ только такой пускаютъ, а царь совсѣмъ не затѣмъ къ намъ ѣдетъ, чтобъ молиться. Еще прежде царя придетъ сюда Нащокинъ съ московскимъ войскомъ. У москалей съ ляхами въ договорѣ постановлено съ обѣихъ сторонъ смирять насъ, непослушныхъ: затѣмъ-то царь сюда съ войскомъ и идетъ, чтобъ жителей Украйны выгубить и козачество искоренить! Все это одни Стеньки Разины, эти хохлы и запорожцы, говорятъ москали... Самъ Нащокинъ проговрился моимъ посланцамъ, сказалъ: его царскому величеству ваша Украйна не надобна... Мы и Кіевъ ляхамъ уступимъ!

Это поразило всѣхъ! Не можетъ этого быть!.. Гетманъ хитритъ, выпытываетъ...

— Не вѣрите? Вотъ же вамъ!

И Брюховецкій снимаетъ съ шеи крестъ и цѣлуетъ его... «Вотъ!»

Повѣрили, и рѣшено было «выбивать москву»...

Кромѣ столицы московскаго государства, Москвы, «москвою», какъ нарицательнымъ именемъ, называли всѣхъ московскихъ ратныхъ людей.

Такъ «Лѣтопись» говоритъ: «Но початку року того (1667 г.), о Богоявленіи заѣхалися уси полковники въ Гадячое, и гетманъ учинилъ раду съ полковниками, судьями и усею старшиною, и присягли себѣ, же вже, конечно, отступити отъ его царскаго величества и по орду слати и воеводъ, и москву зъ городовъ отсылати, альбо зъ ними битися... Того жъ часу, ничего не отво-

ликаючи, полковники скоро попріѣздили въ домы, почали задоръ чинити зъ воеводами, и масляпици всюды почали ея бити съ москвою и воеводъ побрали!..

Въ то же время Брюховецкій отправилъ посольства, одно въ Крымъ къ хану съ войсковымъ писаремъ Степаномъ Гречанымъ, другое съ лубенскимъ полковникомъ Гамалѣею, съ генеральнымъ обознымъ Безпалымъ и канцеляристомъ Кашперовичемъ къ султану въ Андріанополь.

Въ Андріанополѣ выслушали пословъ благосклонно.

— По своему неизреченному милосердію, — сказалъ Гамалѣѣ каймаканъ великаго визиря, — падишахъ принимаетъ всѣхъ прибѣгающихъ къ его императорскому порогу и охраняетъ подъ крылами своей обороны отъ всякихъ оскорбленій. Всѣ прежде добровольно поступившіе въ подданство Оттоманской державѣ не видѣли отъ нея никакой несправедливости. Наша великолѣпная держава, какъ изначала была могущественнѣйшею въ свѣтѣ и непобѣдимою, таковою остается понынѣ и, при помощи Высочайшаго Бога, пребудетъ такою до страшнаго суднаго дня.

XVI.

Между тѣмъ вездѣ, по городамъ и селамъ, шли поголовныя избіенія московскихъ людей.

Въ столицѣ гетманской, въ Гадячѣ, пока не трогали ни воеводы, которымъ былъ Евсевій Огаревъ, ни его ратныхъ людей. Подговоривъ полковниковъ учинить своего рода «Варооломѣевскую ночь», Брюховецкій не рѣшался совершить то же въ Гадячѣ: какъ всякій двуличный человѣкъ, онъ хотѣлъ казаться чистымъ и передъ Украйной, и передъ Москвой. Но ничтожный случай заставилъ его невольно выйти изъ этого положенія.

Былъ у него въ услуженіи уродецъ-карликъ, по имени Лучка. Уродецъ этотъ имѣлъ несчастье влюбиться въ хорошенькую «московочку», въ молоденькую служанку Огаревой, Глашеньку, которая иногда подсмѣивалась надъ уродцемъ, а иногда заигрывала съ нимъ, какъ играютъ съ собачкой или кошкой, не подозрѣвая, что и въ карликѣ можетъ проснуться мужчина. И онъ

въ немъ проснулся, и проснулась вмѣстѣ съ этимъ такая страсть къ Глашенькѣ, какая нѣкогда овладѣла другимъ уродомъ, герцогомъ Глостеромъ, впослѣдствіи королемъ Ричардомъ III-мъ, къ леди Аннѣ.

Но Лучкѣ не повезло такъ, какъ Глостеру.

Часто бывая въ домѣ, занимаемомъ въ Гадячѣ воеводою Огаревымъ, Лучка зналъ всѣ порядки дома и обстановку. Однажды, лѣтомъ еще, Глашенька поиграла съ Лучкой, какъ «кошка съ мышкой», и Лучка забралъ себѣ въ голову, что Глашенька къ нему неравнодушна.

И вотъ «тихой украинской ночью» гадячскій Ромео, пробравшись тихонько въ воеводскій садикъ и сообразивъ, гдѣ окно его Джульетты, какъ кошка, вскарабкался туда и, къ своему ужасу, натолкнулся на самое воеводиху. По испугу Глашеньки, Огарева догадалась, что ночной посѣтитель пробирался къ ея молоденькой служанкѣ, и тутъ же, при помощи своихъ дѣвокъ, такъ отхлестала батожьями несчастнаго Ромео, что тотъ едва могъ подняться съ полу, чтобъ чрезъ несчастное для него окно выскользнуть обратно въ садъ. При истязаніи его, Лучка имѣлъ столько духу, что даже не вскрикнулъ, и никто, кромѣ Огаревой и дѣвокъ, не зналъ о его позорѣ.

Но онъ затаилъ въ душѣ страшную злобу противъ Огаревой и противъ всѣхъ «москалей».

Случай для мести представился, когда въ Гадячъ дошли слухи объ избіеніи по городамъ московскихъ ратныхъ людей, и когда въ Гадячъ наѣхало до весьми тысячъ казаковъ.

Началось это 8-го февраля, въ воскресенье. Въ праздники, по обыкновенію, воевода Огаревъ и его полковники передъ обѣднею приходили къ гетману, чтобъ поздравить его съ праздникомъ, а потомъ вмѣстѣ итти въ церковь.

Увидѣвъ подходящихъ къ гетманскому дому воеводу и полковниковъ, Лучка поспѣшилъ на крыльцо.

— Ясновельможнаго пана гетмана нѣту дома, — сказалъ онъ.

— А гдѣ же Иванъ Мартыновичъ?—удивился воевода.

— Панъ гетманъ ушелъ къ обѣднѣ въ церковь, вонъ тамъ, подъ горою,—дерзко отвѣчалъ карликъ.

По тону и выраженію лица Лучки догадавшись, что тутъ

кроется что-то непонятное, Огаревъ послалъ денщика своего узнать, дѣйствительно ли гетманъ въ церкви.

— Допрежъ сего онъ никогда такъ не чинилъ,—обратился воевода къ полковникамъ,—допрежъ сего гетманъ завсегда сустрѣчалъ насъ на крыльцѣ. Что бы сіе значило?

— Что-нибудь онъ умышляетъ супротивъ насъ, — сказалъ одинъ полковникъ солдатскаго строя, Дирикъ Граффъ, «нѣмчинъ».

Воротился денщикъ, какъ-то поеживаясь.

— Ну, что?—спросилъ воевода.

— Етмана, ваша милость, нѣту въ церкви, — отвѣчалъ денщикъ.

Воевода и полковники переглянулись многозначительно.

— Инъ поттить мнѣ самому Богу помолиться, да отслужить молебенъ великомученику Ѳеодору Стратилату, — задумчиво сказалъ Огаревъ.—Дѣла, дѣла, какъ сажа бѣла...

Ничего не зная о продѣлкѣ Лучки, Брюховецкій напрасно ждалъ прихода воеводы и, не дождавшись, послалъ Лучку за полковникомъ рейтарскаго строя, за Яганомъ Гульцемъ.

— Для чево нонѣ воевода и вы не явились ко мнѣ?—спросилъ Брюховецкій Гульца.

— Мы приходили, панъ гетманъ, но вашъ карликъ сказалъ что вы ужъ въ церкви.

Брюховецкаго внезапно осѣнила мысль.

«Должно быть, запорожцы велѣли Лучкѣ поступить такъ»,—подумалъ онъ.—«Значитъ, такъ мнѣ судилось... Запорожцы раскусили меня, надо кончать».

— Вотъ что, панъ Яганъ,—заговорилъ онъ,—пріѣхали ко мнѣ запорожцы, кошевой и полковникъ Соха, а съ ними и товарищей много, и говорили они мнѣ: не любо намъ то, что у насъ въ украинскихъ городахъ сидятъ воеводы царскаго величества и чинятъ людямъ многіе налоги и обиды. Я самъ о томъ знаю и уже писалъ его царскому пресвѣтлому величеству, только до сихъ поръ указа не было. Весь народъ недоволенъ, мятется. Вы, полковники, соберите свои полки и уходите изъ города. Такъ лучше будетъ!

Тонъ гетмана былъ рѣшительный. Гульцъ понялъ это.

— Позволь, панъ гетманъ, сказать объ этомъ воеводѣ и другимъ моимъ товарищамъ,—нерѣшительно замѣтилъ онъ.

— Не хочу я посылать за Евсейкою, собачьимъ сыномъ,— сердито закричалъ Брюховецкій,—я тутъ хозяинъ, и мнѣ нечего съ этимъ москалемъ разговаривать. А вамъ я это говорю потому, что мнѣ васъ жаль: буде, вы изъ города не пойдете, васъ всѣхъ казаки побьютъ.

— Намъ нельзя противиться,—покорно отвѣчалъ Гульцъ,— пойдемъ, какъ прикажешь, лишь бы твои казаки насъ не поубивали.

Гульцъ самъ видѣлъ и сознавалъ по доходившимъ до Гадяча слухамъ, что они на вулканѣ. Это выразилось на его лицѣ. Но онъ и гетмана подозрѣвалъ... Брюховецкій это замѣтилъ и поднялся.

— Вотъ тебѣ крестъ святой! — воскликнулъ онъ, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.—Наши казаки никакихъ задоровъ не учинятъ, лишь бы ваши ратные люди вышли смирно изъ города.

Гульцъ доложилъ обо всемъ воеводѣ.

— Придется покориться, стало быть,—сказалъ Огаревъ,— что прать противу рожна! А все жъ надоть попытаться ради государевой корысти: онъ насъ, своихъ холопей, въ обиду не дастъ. Такъ позови, Яганъ, товарищей, потолкуемъ.

XVII.

Скоро къ крыльцу гетманскаго дома подошли—воевода Огаревъ, рейтарскаго строя полковникъ Гульцъ, солдатскаго строя полковникъ Граффъ и полуполковникъ рейтарскаго строя Готфридъ Эренстръ.

Лучка встрѣтилъ ихъ на крыльцѣ и дерзко сказалъ:

— Не велѣно пускать москалей.

Огаревъ вспылилъ.

— Ахъ ты плѣсень помойная!—крикнулъ онъ и обнажилъ саблю.—Мало тебя драла моя хозяйка!.. Такъ я-жъ тебя, гнусъ!

Лучка струсилъ и бѣжалъ. «Москали» вошли къ гетману. Брюховецкій встрѣтилъ ихъ уже грозно

— Воевода и полковники!—сказалъ онъ повелительно.—Я вамъ приказываю выступить изъ города, слышите? А коли не пойдете, такъ знайте, васъ козаки всѣхъ побьютъ!

И гетманъ, показавъ рукою на дверь, повернулся и величественно удалился во внутренніе покои.

Огаревъ понялъ, что рѣшеніе гетмана неизмѣнно. Пришлось удалиться.

Созвавъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ ратныхъ людей, Огаревъ сказалъ:

— Намъ ничего не остается, какъ уходить: насъ мало, всѣхъ, и конныхъ, и пѣшихъ, человѣкъ двѣсти, а у нихъ набралось тысячъ восемь народа... Крѣпости въ Гадячѣ никакой нѣтъ, отсидѣться и удержаться намъ нельзя никакъ... И сами пропадемъ, и царскому дѣлу корысти никакой не будетъ.

Оставалось, дѣйствительно, одно — спасать свои головы, пока запорожцы не потеряли терпѣнія. Это порохъ... одна искра, и взрывъ неизбѣженъ.

Взрывъ и послѣдовалъ.

Едва Огаревъ и полковники повели своихъ людей къ выходу изъ города, какъ запорожцы и казаки заступили имъ дорогу.

— Отъѣлась Москва на нашихъ хлѣбахъ, а теперь и спасибо не хочетъ сказать, — задорно говорилъ Иванъ Бугай, наступая на Огарева.

— Прочь съ дороги, — спокойно сказалъ Огаревъ, — мы оставляемъ васъ на ваше безголовье.

А промежъ казаковъ шныряль Лучка и подстрекалъ ихъ къ нападенію.

— Ѣдетъ Хима изъ Ерусалима, а то ноги подпимали и «пышались», какъ свиньи на веревкѣ.

— Дорогу!—снова сказалъ Огаревъ и хотѣлъ отстранить съ пути Бугая.

— Нашего Бугая хочетъ забодать московская безрогая корова,—злорадно говорилъ Лучка.—Хвати ее, Бугаю!

Казаки захохотали. Огаревъ хотѣлъ растолкать передпихъ, но Бугай нанесъ ему ударъ въ голову саблею такъ, что еслибъ не стальной шишакъ, то голова воеводы была бы разсѣчена надвое. Все же онъ усидѣлъ на конѣ и вмѣстѣ съ полковниками Гульцемъ и Граффомъ успѣлъ пробиться сквозь толпу.

Завязалась свалка. Видя численное превосходство казаковъ, московскіе стрѣльцы и солдаты не смѣли нападать, а только защищались.

— А! Не сидѣлось москалю дома, а онъ забрался въ нашъ

«очеретъ», да въ какую дудку захочетъ, въ ту и дудитъ, какъ нечистый въ болотѣ,—совался всюду Лучка.

— Мало того, что въ дуды дудѣли, а и нашихъ «дивчатъ зачипали!»—кричали нѣкоторые.

Ожесточившіеся казаки никому не давали пощады и положили на мѣстѣ до семидесяти стрѣльцовъ и солдатъ.

— За мною, панове!—кричалъ Лучка, показывая на домъ воеводы.—Тамъ есть такія московочки, что хоть самому салтану турецкому до гарему.

Нѣсколько казаковъ бросились за Лучкой.

— Пане Бугаю! Съ нами до московокъ!—звалъ Лучка.

— Я запорожецъ, — отвѣчалъ Бугай, — мнѣ не пристало марать казацкія руки объ бабье нечистое тѣло.

Толпа ворвалась въ домъ воеводы. Впереди всѣхъ былъ Лучка. Къ нему изъ внутреннихъ покоевъ выбѣжала, вся блѣдная, Глашенька.

— Лученька! Соколикъ! Уведи ихъ отселева, уведи, миленькій!—умоляла она Лучку, думая, что онъ коноводъ толпы.

— Панове! Не трогайте этой дивчины,—сказалъ онъ, обращаясь къ казакамъ,—она никому ничего худого не сдѣлала.

Но нѣкоторые изъ нихъ уже вывели Огареву изъ внутреннихъ покоевъ.

Глашенька мгновенно скрылась. Увидавъ Огареву, Лучка накинулся на нее, какъ звѣрь.

— А, вѣдьма! По щекамъ бить нашихъ молодицъ на базарѣ!—захрипѣлъ онъ.—Вотъ же тебѣ!

И въ одно мгновенье сбилъ съ нея головной уборъ, украшенный жемчугами.

— Опростоволосилась, вѣдьма! — шипѣлъ онъ, схвативъ несчастную женщину за косы.

Но, вспомнивъ, какъ воеводскія дѣвки, по приказанію воеводихи, спустили съ него штаны и безпощадно лупили по голому тѣлу, Лучка сталъ срывать съ Огаревой одежду и, разорвавъ тѣлогрѣю и, сорочку, обнажилъ ей грудь. И откуда взялась у уродца сила!

Огарева отчаянно защищалась, закрывая груди. Тогда Лучка, выхвативъ изъ-за пояса висѣвшій на ремнѣ ножъ, намѣревался, повидимому, выколоть несчастной глазъ: но когда Огарева, желая защитить глаза, закрыла ихъ руками и оста-

вила открытою грудь, обезумѣвшій злодѣй моментально отрѣзалъ ей одинъ сосокъ груди.

— Вотъ тебѣ мѣтка!—дико хохоталъ злодѣй.—Корова-московка съ мѣченымъ вымемъ!

Перебивъ и переломавъ все въ домѣ, озвѣрѣвшіе люди вывели несчастную женщину на улицу и стали водить по городу.

— Кого она обидѣла, эта московка?—спрашивали злодѣи встрѣтившихся на улицѣ женщинъ...—Кого она била по щекамъ, бейте и ее по «пыци»!

Но ни одна украинка даже грубаго слова не сказала несчастной женѣ воеводы.

— Соромъ козакамъ «знущаться» хоть и надъ московкою,—говорили нѣкоторыя. — Шли-бъ лучше своихъ сестеръ выручать изъ крымской да турецкой неволи.

Даже та «перекупка», которую Огарева, дѣйствительно, ударила по щекѣ на базарѣ, заступилась за нее...

— Христосъ велѣлъ прощать и ворогамъ,—сказала «перекупка».—А она-жъ и не ворогъ мнѣ.

Казаки устыдились своихъ поступковъ, учиненныхъ въ ослѣпленіи страсти, и, накрывъ голову и плечи Огаревой «свиткою, отвели домой.

Другая часть казаковъ, погнавшаяся за успѣвшими ускользнуть изъ города Огаревымъ и полковниками, успѣла настичь ихъ и вела теперь обратно въ городъ.

Страсти толпы успѣли нѣсколько остыть. Наступала реакція. Огаревъ видѣлъ это.

— Братцы, отведите меня къ протопопу,—сказалъ онъ,—мнѣ потребенъ отецъ духовный, чтобъ передъ кончиной исповѣдаться въ грѣхахъ и сподобиться причаститься тѣла Спасителя нашего.

Казаки тотчасъ же отвели его къ протопопу.

— Эй, Харьку!—сказалъ одинъ казакъ.—Сбѣгай за Илькомъ «цилюрикомъ»... Онъ попользуетъ пана воеводу.

— Добре, панове!—И Харько стремглавъ побѣжалъ за знаменитымъ гадячскимъ докторомъ, за «цилюрикомъ» Илькомъ.

— Можетъ, панъ воевода выпилъ бы изъ моей «пляшечки» доброй «оковитой», то, можетъ, и подкрѣпился бы,—подошелъ еще одинъ казакъ, добродушно предлагая Огареву выпить изъ его фляжки доброй «горилки оковитой».

— Спасибо тебѣ, добрый человѣкъ, — сказалъ воевода и жадно приложился къ горлышку поднесенной ему фляжки, чувствуя потребность въ возбужденіи упавшихъ силъ.

— Пей на здоровьячко, пане воеводо, — говорилъ добрякъ.—Мы на тебя не сердимся: ты царскій слуга, исполнялъ его волю... А мы, жалѣючи нашу Украину. Сбѣгай, Юхиме, до пана воеводы на домъ, да вели служкамъ принести пану всякой «стравы», кушанья. А то панъ проголодался.

Юхимъ стрѣлой полетѣлъ къ воеводскому дому, не зная о постигшемъ его погромѣ и издали крикнулъ:

— Заразъ всего панесу, и печенаго, и вареннаго, всего!

XVIII.

Изъ залитаго московской кровью Гадяча перенесемся воображеніемъ далѣе на югъ, на Чортомлыкъ, въ Запорожскую Сѣчь, куда еще не долетѣла вѣсть о гадячской рѣзнѣ.

Раннимъ утромъ находившіеся въ своихъ «куриняхъ» запорожцы неожиданно услыхали мелкую барабанную дробь «довбыша», войскового барабанщика.

— Это, панове, до рады скликаетъ «довбышъ»,—говорилъ одинъ изъ нихъ.

— Да, до рады... Есть войсковое дѣло: изъ Украины все приходятъ вѣсти одна другой хуже,—сказалъ другой.—Москва, что саранча, тучей насѣла на нашу «пеньку».

— Такъ скорѣй обряжаться по праздничному да на майданъ.

На дробь «довбыша» въ дверяхъ одного изъ тридцати восьми куреней показался войсковой «асаулъ» и торопливой походкой направился въ сѣчевую церковь. Оттуда онъ скоро вышелъ, держа въ рукахъ войсковое знамя. Это было прикрѣпленное къ высокому древку большое пурпуровое полотнище, окаймленное золотымъ позументомъ, съ большимъ золотымъ крестомъ посерединѣ. Выше креста, на правомъ углу знамени, блистала золотая звѣзда. Ниже креста, въ правомъ же углу знамени, золотой серпъ молодого мѣсяца «молодика». Противъ него, на лѣвомъ нижнемъ углу полотнища, полная серебряная луна, а выше ся, на лѣвомъ же углу полотнища, мѣсяцъ на ущербѣ.

«Асаулъ» остановился со знаменемъ около «довбыша».

Изъ всѣхъ куреней посыпали запорожцы съ куренными атаманами, словно пчелы изъ своихъ ульевъ за маткой, и полукругомъ располагались на майданѣ.

Снова послышалась звонкая дробь «довбыша»—и изъ куреней солидно выступила сѣчевая старшина: кошевой атаманъ съ булавою, войсковой судья—съ большой серебряной печатью, писарь—съ орлинымъ перомъ и серебрянымъ «каламаремъ», или чернильницей.

Всѣ поскидали шапки, подставивъ лучамъ яркаго февральскаго солнца свои бритыя головы съ длинными чубами. Обнажила головы и старшина.

— Нашъ писарь не любитъ гусиныхъ перьевъ, а ему все-бъ орлиныя, — тихо переговаривались между собой чубатые «лыцари».

— Да у Сухолісика и полетъ орлиный, чуть ли не снится ему гетманская булава.

— Писать великій мастеръ: загнетъ своимъ орлинымъ перомъ, такъ и гетманъ по всякій разогнетъ.

Остановясь на майданѣ, кошевой, судья и писарь кланялись на всѣ четыре стороны.

— Пускай они намъ первые поклонятся,—глазами переговаривались бритыя головы.

— Еще бы! Мы ихъ поставили надъ собой, а можемъ и скинуть къ нечистой матери.

— Да сегодня, кажется, и придется дулю всучить кошевому, чтобъ, вражій сынъ, не плясалъ подъ дудку проклятаго Брюховецкаго, московскаго «попыхача».

Кошевой, которымъ на этотъ разъ былъ старый другъ Брюховецкаго—Чугай, поднялъ булаву въ знакъ того, что онъ собирается рѣчь держать.

Говоръ на майданѣ моментально смолкъ.

— Панове молодцы, славное низовое товариство!—возвысилъ голосъ Чугай.—Его милость панъ гетманъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій и полковники лѣвобережной Украины порѣшили выгнать изъ нашихъ городовъ всѣхъ московскихъ воеводъ съ царскими ратными людьми и теперь проситъ славное низовое товариство пристать къ нему въ помощь.

— Поздно, поздно надумалъ вражій сынъ, московскій «попыхачъ!»—раздались недовольные голоса.

— Было-бъ не призывать москалей ѣсть козацкій хлѣбъ, да въ наши карманы лапы запускать!

— Мы-жъ Брюховецкаго выбирали «чорной радою», мы и поддержать его должны!—кричали другіе голоса.

— Къ нечистой матери московскаго боярина!..

— У насъ на вольной Украинѣ сроду боярами и не пахло, а онъ своимъ боярствомъ провонялъ Украину!

— Къ нечистой матери его! Къ лысому «дидьку»!

— А съ нимъ и согласника его «скуравого сына» Чугая!

— Правда, панове! Правда! Долой Чугая! Долой «скурвaго сына!»

Наиболѣе горячіе выступили впередъ и, надѣвъ шапки кричали:

— Аминь твоему поганому кошевью! Не погань «Коша!»

— Добре наѣлся, вражій сынъ, козацкаго хлѣба! Годи вже!

— Положи булаву! Не погань ея своими руками!

Противъ крикуновъ выступили сторонники Чугая.

— Мы нашего батька не дадимъ въ обиду! Не дадимъ!

— Батьку отомане! Веди насъ сейчасъ на Украину очищать нашу «неньку» отъ москалей!

— Не смѣйте порочить нашего батька!

Крикъ поднялся невообразимый. Майданъ бушевалъ, точно море. Уже одни хватились за сабли, другіе тоже. Сабли уже скрещивались въ воздухѣ и визжали.

— Стойте, стойте, вражьи диты!—кричалъ звонкій, повелительный голосъ.—Долой сабли! Вы не татары, долой!

Это былъ голосъ знаменитаго Сирка. Но и его не слушали. Страсти слишкомъ сильно разыгрались.

Сторонники Чугая видѣли, однако, что почти весь майданъ противъ нихъ, а потому должны были покориться силѣ.

— Клади, «скурвый сынъ», булаву!—снова кричали недовольные:—Положь! Не погань козацкаго «клейноду!»

— А не положишь волей, такъ мы тебя вражого сына, вкинемъ въ Чортомлыкъ карасей ловить!—кричали горячія головы и чуть за грудки не хватали.

Пришлось покориться. Весь поблѣднѣвъ отъ злобы, Чугай положилъ на землю свою шапку, а на шапку булаву. Таковъ былъ обычай на Запорожьѣ.

— Давно бы такъ, а то ломается, какъ сучка въ човни!

Злобно сверкая глазами, Чугай отошелъ въ сторону.

Тогда выступилъ впередъ войсковой судья и обратился къ успокоившемуся нѣсколько майдану съ обычной рѣчью:

— Кого-жъ теперь, панове молодцы, славное низовое товариство! Кого вы волите призвать до булавы?

— Сирка! Ивана Дмитровича Сирка!,—закричали одни.

— Суховія Петра! Суховіенка!—кричали другіе.

— Эге! «Рада-бъ мама за пана, та панъ не бере!»

— Сирка! Онъ уже не разъ былъ у насъ батькомъ! А сколько татарвы да ляшвы перевелъ!

Сторонники Сирка побѣдили. Тотъ, по обычаю, прятался въ это время въ своемъ куренѣ.

— Идите, панове, тащите его, вражого сына, до булавы, да бока ему намните добре, чтобъ не ломался, какъ дивчина передъ сватами,—говорили старые сѣчевики.

Человѣкъ десять молодыхъ запорожцевъ отправились тотчасъ въ курень, гдѣ спрятался избранникъ и черезъ нѣсколько минутъ буквально тащили его, приговаривая:

— Иди, иди скурвый сыну, бо намъ тебе треба, та теперь нашъ батько, будешь надъ нами паномъ!

Избранникъ упирался, но напрасно: «дѣтки» такъ волокли и толкали своего «батька», что тотъ поневолѣ шелъ, хотя и упирался, таковъ обычай!

XIX.

Въ это время «довбышъ» выбивалъ честь новому кошевому атаману, вождю многихъ десятковъ тысячъ войска, нерѣдко наводившаго трепетъ на повелителя правовѣрныхъ и «окуривавшаго не разъ мушкетнымъ дымомъ стѣны Цареграда».

— Бери булаву, батьку, не ломайся!—настаивали «дѣтки».

Пришлось взять. Тогда старые сѣчевики, да и молодые брали съ майдана, кто горсть сухого песку, кто глины, кто сору, а то и просто грязи, и, подходя къ своему повелителю, облеченному неограниченной, диктаторской властью, сыпали все это ему на голову и, размазывая грязь, приговаривали:

— Не поднимай голову надъ товариствомъ, не загибай «кирпу» (носъ), не «копыль губу»...

Когда товариство, натѣшившись довольно, отходило на свои

мѣста на майданѣ, новопоставленный кошевой кланялся на всѣ четыре стороны и благодарилъ войско за избраніе.

— Будь же, батьку, здоровый та гладкый!—загремѣлъ весь майданъ такъ, что голуби съ испугомъ посрывались съ колокольни и изъ-подъ крышъ куреней и долго кружились надъ ликующею Сѣчью.

— Дай же тоби, Боже, лебединый викъ та журавлиный крикъ, чтобъ въ бою съ ворогами твой голосъ разносился по всему войску, какъ крики журавлей на зарѣ!—разносились по майдану голоса.

Такъ закончилось избраніе новаго вождя Запорожья.

Свергнутый съ атаманства Чугай, считая для себя безчестьемъ оставаться на Запорожьѣ, въ тотъ же день со всѣми своими приверженцами покинулъ Сичь и потянулся съ своимъ отрядомъ подъ Гадячъ.

А Запорожье на слѣдующей же радѣ постановило соединиться съ Дорошенкомъ и общими силами добывать ему гетманство надъ правобережной и лѣвобережной Украинами, отнявъ булаву у Брюховецкаго, честолюбіемъ своимъ причинившаго столько зла своей родинѣ.

Для Брюховецкаго, такимъ образомъ, пробилъ послѣдній часъ. Онъ сталъ омерзителенъ для всей Украйны.

«Лѣтопись Самовидца» такъ говоритъ о немъ:

«И тогда жъ, въ 1668 року, козаки почти всѣ рейменту Брюховецкаго, за непорядокъ его, непостоянство и безумный замыслъ, и за убійство многихъ знатныхъ персонъ, въ томъ числѣ за спаленія (за сожженіе!) въ малой причинѣ полковницы гадяцкой Острой—возгнушалися онымъ и, согласясь тайно зъ Сѣркомъ, послали по Дорошенка на малороссійское гетманство»...

Дорошенко, между тѣмъ, призываемый на гетманство надъ всю Украйной, переправился съ войскомъ черезъ Днѣпръ и шелъ прямо на Гадячъ, требуя чрезъ своихъ пословъ, чтобъ Брюховецкій добровольно отдалъ ему булаву, бунчукъ, войсковое знамя и всю «гармату»—артиллерію.

Брюховецкій пришелъ въ бѣшенство и, арестовавъ пословъ своего противника, двинулся къ нему навстрѣчу.

Оба гетмана встрѣтились на полѣ у Опошни и расположились лагеремъ.

Въ шатеръ Брюховецкаго входитъ Лучка, видимо, встревоженный.

— Ты что уставился на меня, какъ корова на новыя ворота?—спросилъ Брюховецкій.

— Тамъ, ясновельможны пане, пришелъ старшина и требуетъ пана...

— Меня требуетъ!—вспылилъ гетманъ и, отдернувъ пологъ шатра, грозно вышелъ къ старшинѣ.

— Вы смѣете требовать меня!—запальчиво спросилъ онъ.

— Смѣемъ, Мартыновичу,—лукаво отвѣчалъ Забѣла, не называя его уже ни «паномъ», ни «гетманомъ».

За старшиною «лавою» надвигались казаки. Брюховецкій на лицахъ толпы прочиталъ свой приговоръ. Онъ поблѣднѣлъ, хотя давно ждалъ этого.

— Мы тебя въ гетманы выбрали,—продолжалъ Забѣла такъ громко, что его слышали казаки,—мы ждали отъ тебя всего добраго, а ты ничего хорошаго не учинилъ, только одно кровопролитіе отъ тебя сталось. Сдавай гетманство!

— Сдавай гетманство!—повторили полковники.

До Брюховецкаго донеслись крики казаковъ, промчавшіеся по всему войску:

— Мы за гетманство Брюховецкаго биться не станемъ! Долой его!

Это было сигналомъ, и чернь бросилась грабить обозъ своего гетмана.

Передъ Брюховецкимъ моментально воскресла страшная картина погрома обозовъ Васюты Золотаренка и Якима Сомка..., скатившіяся на землю подъ топоромъ палача-татарина головы перваго и прекрасная, мужественная голова послѣдняго... бившіяся въ кровавой пыли, въ предсмертныхъ конвульсіяхъ, ихъ тѣла... стоны заживо сожигаемой Острой...

Онъ бросился въ свой шатеръ, точно за нимъ гнались привидѣнія, и безпомощно опустился въ кресло. Вслѣдъ за нимъ вошелъ въ наметъ его старый другъ Чугай, недавно лишенный на Запорожьѣ атаманской булавы, и сталъ у кресла своего низверженнаго съ гетманской высоты друга, держа въ рукахъ мушкетъ, какъ бы съ рѣшительнымъ намѣреніемъ защищать бывшаго гетмана отъ всякаго, кто бы осмѣлился его оскорбить.

Въ это время раздвигается пологъ намета, и входитъ брацлавскій сотникъ Дрозденко.

— Иди!—рѣзко обратился онъ къ Брюховецкому.—Зоветъ тебя къ себѣ гетманъ!

— Я гетманъ!—гордо проговорилъ Иванъ Мартыновичъ.

— Иди, говорятъ тебѣ!—крикнулъ Дрозденко и схватился рукою за кресло, на которомъ сидѣлъ низверженный гетманъ.

— Руки прочь!—грозно крикнулъ Чугай.

— Не твое дѣло!—огрызнулся Дрозденко и еще сильнѣе рванулъ кресло.

— А! Такъ, такъ! Вотъ же тебѣ!

И Чугай такъ двинулъ мушкетнымъ дуломъ въ бокъ Дорошенкова посланца, что тотъ повалился на землю.

Но въ этотъ моментъ у намета раздались крики:

— Бери его, московскаго «попыхача!»

И въ наметъ ворвались казаки.

— Вяжи руки проклятому перевертню!

— Къ гетману его, вражаго «перекинчика!» Пускай гетманъ судитъ!

Чугай кинулся было на ворвавшихся въ шатеръ, но его тотчасъ подмяли и свалили на-земь.

— И ты туда же запоржскій выкидышъ!

Брюховецкому моментально скрутили руки и поволокли въ обозъ Дорошенка.

Все кинулось за бывшимъ гетманомъ, крича на всѣ лады:

— Га! Ловилъ волкъ, ловилъ, а теперь и самого выловили?

— Впереди бредня рыбу не ловятъ!

— Напился козацкой крови, гаспидъ!

Дорошенко, стоя на высокомъ курганѣ, слышалъ и видѣлъ все это.

Курганъ этотъ назывался Сербинскою могилой, потому что насыпанъ былъ надъ похороненными тамъ сербами, находившимися въ войскѣ Выговскаго и павшими въ битвѣ противъ Пушкаренка.

Когда Брюховецкаго подвели къ кургану, Дорошенко сказалъ ему:

— Зачѣмъ ты заковалъ въ кандалы моихъ посланцевъ и не хотѣлъ добровольно отдать своей булавы, когда тебя не желаетъ видѣть на гетманствѣ казацкое товариство?

Брюховецкій молчалъ! Да и что могъ онъ сказать своему судьѣ, заранѣе его осудившему? Онъ зналъ, что и самъ поступилъ бы съ Дорошенкомъ такъ же, еслибъ его рука осилила.

— Отвести его въ мой обозъ и приковать къ «гарматѣ!»— приказалъ Дорошенко.

Но онъ хорошо зналъ измѣнчивость и непостоянство толпы, подвижной въ своихъ чувствахъ, подобно морю въ бурю: сегодня Брюховецкій осужденъ ею, а завтра, можетъ быть, возвеличенъ. Сегодня возвеличенъ Дорошенко, а завтра, быть можетъ, голова его очутится подъ топоромъ палача...

— «Долой съ моей дороги!»—молніей пронеслось въ головѣ Дорошенка.

И онъ сдѣлалъ такое движеніе рукой «приковать къ гарматѣ», и такъ выразительно глянулъ, что толпа какъ по книгѣ прочитала его мысли.

— «Убить велитъ», — рѣшила толпа, понявъ неписанный смертный приговоръ.

И началась омерзительная расправа надъ беззащитнымъ человѣкомъ, такова душа толпы. Вся одежда бывшаго гетмана и даже сорочка были истерзаны и разметаны.

Бывшій гетманъ стоялъ передъ толпою-палачемъ... голый!

Но ему недолго пришлось стоять такъ: его начали бить смертнымъ боемъ, кто мушкетнымъ прикладомъ, кто дубьемъ, кто рогатиной, пока несчастный, будучи обезображенъ до неузнаваемости, не упалъ...

— Погибе память его съ шумомъ,—хватило у Забѣлы и тутъ злорадства.

— Собакѣ собачья и смерть,—слышалось въ толпѣ.

Дорошенка уже не было на курганѣ, онъ сдѣлалъ свое дѣло.

XX.

Вечеромъ того дня, какъ подъ Опошнею, у Сербинской могилы, совершилось кровавое дѣло, гетманская столица Дорошенка, Чигиринъ, весь, казалось, тонулъ въ чудныхъ мелодіяхъ украинской пѣсни.

Чигиринская молодежь справляла весну—праздникъ любви. Хоры прелестныхъ дѣвичьихъ голосовъ смѣнялись хорами голо-

совъ мужскихъ. Берегъ Тясьмина пестрѣлъ, какъ роскошный цвѣтникъ, живописными яркими нарядами дѣвушекъ и дѣвочекъ, головки которыхъ были украшены яркими цвѣтами.

Скоро мужской хоръ перебилъ болѣе нѣжные дѣвичьи голоса, и воздухъ огласился воинственной козацкой пѣснью:

Ой не дивуйтеся, добріи люди,
Що на Вкраини повстало
Тамъ за рикою, за Сорокою,
Множество ляховъ пропало.

— Не любятъ этой пѣсни ляхи,—проговорилъ чей-то мужской голосъ подъ сиреневыми кустами гетманскаго сада.

— Да какъ и любить имъ ее, когда она напоминаетъ имъ ихъ соромъ,—тихо отвѣчалъ нѣжный женскій голосъ.

А голоса хора все мужали и крѣпли:

Ой бачишъ, ляше, якъ панъ Хмельницкій
На жовтимъ писку подбывся!
Одъ насъ козакивъ, одъ насъ юнакивъ
Ни одинъ ляшекъ не скрыся...

— Ахъ, Ивасю, такъ еще рано,—послышался тотъ же женскій голосъ,—еще кто-нибудь увидитъ.

— Кому же видѣть, моя зоренько,—слышался опять тотъ же мужской голосъ,—мы здѣсь одни.

— А свекруха? Она, кажется, слѣдитъ за нами, какъ котъ за мышами.

А хоръ продолжалъ еще болѣе одушевленно:

Ой бачышъ, ляше, якъ козакъ пляше
На сивомъ кони за тобою:
Тыхъ рубыть мечемъ, тыхъ палыть огнемъ,
А решту топыть водою...

Подъ кустомъ сирени послышались звуки поцѣлуевъ подъ трели соловья, заливавшагося недалеко въ гущинѣ-сада.

— И соловейко любитъ свою пару, — говоритъ мужской голосъ.

— Только онъ такъ громко ее не цѣлуетъ, какъ ты, на весь садъ,—тихо смѣется женскій голосъ.

— Не буду, ясочко, только прижмись ко мнѣ щечкой.

— Ахъ, Ивасю, твои усы колются и «лоскочутъ». А при

королевскомъ дворѣ ты много пересоблазнилъ панянокъ-ляхокъ?

— Что ты! Что ты, мое золото! Я никого не любилъ, одна ты заполнила всю мою душу.

— А я что-то слышала про пани Фальбовску.

— Ахъ, это все мой ворогъ Пасекъ плещетъ на меня за то, что я ему пощечину закатилъ у самаго королевскаго кабинета... Вотъ онъ и выдумалъ эту исторію съ Фальбовской.

А тамъ, на берегу Тясьмина мужской хоръ смѣнился женскимъ. Дѣвушки пѣли:

Коло млина калина
Тамъ вдивонька ходила,
Дивкамъ тынекъ водила,
Що выведе, то и стане,
На всихъ дивчатъ погляне.

— Гдѣ-то теперь нашъ?—Опять слышится женскій голосъ.

— Гонецъ сегодня привезъ въ канцелярію листъ: гетманъ идетъ къ Опошнѣ, брать булаву у Брюховецкаго.

— Послушай, Ивасю, что дальше поютъ «дивчатка».

А онѣ пѣли такъ мелодично:

Вси дивочки въ таночку,
Только нема одной
Марусеньки молодои.
Мати дочьку чесала,
Ще й чешучи навчала:
«Не стой, доню, зъ нелюбомъ,
Не дай ручки стискаты
И перстника зниматы.
А стій, дочю, зъ миленькимъ,
Якъ съ голубомъ сивенькимъ,
И дай ручку стиснуты
И перстника изняты.

— Умная Марусина мама,—рѣшилъ мужской голосъ.

— Гдѣ не умная! И вскружитъ голову бѣдной дѣвочкѣ какой-нибудь «тульвиса», вродѣ тебя.

— О, моя рыбка, моя «коханнячко».

— Охъ, не тискай меня такъ, а то синяки будутъ на тѣлѣ.

— Борони Боже!.. Я видѣлъ твое тѣльце, когда ты тамъ въ «ставку» купалась, сегодня.

— Ахъ, ты негодный! А я и не знала. Мало тебѣ того, что...

— Да ночью ничего не видно, ясочко... А кусты еще больше тѣнь бросаютъ.

— И хорошо дѣлаютъ. Охъ, рано, рано еще! Ни за что теперь. Наша яга-баба не спитъ еще. Видишь, у нея огонекъ.

— Да мы, рыбонько, не на травѣ... А заберемся подальше въ кусты. Я постелю подъ тебя мой кунтушъ, а подъ головку шапку...

— Нѣтъ, нѣтъ! Я что-то сегодня боюсь. Слушай лучше, что поютъ, это моя любимая.

А парубки пѣли:

Засвистали козаченьки въ походъ за-полуночи
Заплакала Марусенька свои ясны очи.
— Не плачь, не плачь. Марусенька, не плачь, не журися,
Та за своего миленькаго Богу помолися...

— Это пѣсня про пани Потоцкую...

— Знаю, знаю... И какъ же я плакала подъ эту пѣсню, когда мой Петрусь первый разъ въ походъ отправлялся и тоже съ полуночи.

— Плакала?.. А теперь не плакала, когда онъ отправлялся отнимать булаву у Брюховецкаго?

— Ахъ, негодный, негодный Ивась!.. Онъ же смѣется надо мной... теперь не плакала, потому что ты же сдѣлалъ меня такою... ты «бѣсъ полуденный», какъ говоритъ отецъ Иннокентій Гизель.

— Не «полуденный» рибко, а «полуночный». Видишь, у яги-бабы уже не видно огонька, она спитъ... Пойдемъ на нашу постельку... Свѣже-скошенная трава такъ хорошо пахнетъ... Пойдемъ, пойдемъ... Дай я тебя понесу, мою лялю...

Тихо, тихо крадется къ копнѣ свѣжескошенной травы темная фигура... Ближе, ближе... А тѣ, что лежатъ на ароматной травѣ, ничего не видятъ... до того ли имъ?.. А соловей заливается... И на берегу Тясмина тѣ же мелодіи весенней ночи, ночи любви...

— Ахъ, срамница! Ахъ, негодница! Съ кѣмъ это ты!

Съ копны свѣже-скошенной травы кто-то срывается и моментально перескакиваетъ черезъ ограду гетманскаго сада...

— Убѣжалъ!.. Такъ вотъ ты какая, подлая! Ахъ, гадина!

— Что вы, мамо... Вамъ со слѣпу привидѣлось... со мной никого не было...

— Ахъ, гадина, гадина! И она же отпирается... Я за тобой давно слѣжу... Каждую тебѣ ночь въ садъ да въ садъ... Думаю, зачѣмъ, чего полупощничаетъ?.. А она вонъ зачѣмъ, къ любовнику отъ такого-то мужа!..

— Что вы, мамо!.. Я люблю слушать здѣсь на сѣнѣ, какъ поютъ «дивчата» свои «веснянки»...

— Ахъ, тварь негодная! «Веснянки» слушаетъ съ любовникомъ... Кто онъ, мерзавецъ? Признавайся, подлая!

— Да никого не было! Хоть присягнуть...

— Хорошо же... Все отпишу мужу... Онъ у тебя выпытаетъ, кто... Завтра же отпишу...

— Да вы же не умѣете писать, а клеветать на меня писарю или кому тамъ на жену гетмана... За это и мужъ мой не скажетъ спасибо...

— Знаю, знаю, подлюга!.. Не писарь напишетъ, а Мазепа...

— Мазепа!..

— Да Мазепинька... Я полюбила его, какъ родного сына... Такой скромникъ... Ему я все могу открыть, онъ не выдастъ... Онъ такъ любитъ Петра моего...

— Мазепа! Мазепа напишетъ мужу о ея измѣнѣ съ Мазепою же!—хохотала въ душѣ жена Дорошенка.—Мазепинька скромникъ!

Въ «Лѣтописи Самовидца» объ этомъ записано такъ: «гетманъ Дорошенко рушилъ войсками отъ Котельвы на Гадячое, гдѣ плюндровалъ маетность Брюховецкаго съ татарами, а отуля пшолъ ку Путивлю; але же оному зъ двора зайшло непотѣшное, же жона оному скочила черезъ плотъ зъ молодшимъ»...

Не о н а перескочила черезъ ограду, а о н ъ, «молодшій» Мазепинька.

И вотъ, получивъ отъ матери это «непотѣшное» извѣстіе о шалостяхъ уже не особенно молодой супруги, извѣстіе, писанное рукою того самаго «молодшаго», съ которымъ его супруга изволила шалить, Дорошенко, говоритъ «Очевидецъ», «зоставивши войну и приказавши старшинство отъ себе наказнымъ, росказуючи накрѣпко доставати воеводъ по городахъ въ Пере-

ясловлю и въ Нѣжинѣ и въ Черниговѣ, а самъ повернулъ до Чигирина»... конечно, чтобъ розыскать «молодшаго» и поучить жену»...

XXI.

Около этого времени, въ Умани, къ воротамъ тамошняго монастыря, въ одну изъ темныхъ ночей таинственно подъѣхалъ крытый экипажъ съ двумя, повидимому, монахами, изъ коихъ одинъ правилъ лошадьми, а другой находился внутри экипажа, и пошептались о чемъ-то съ подошедшимъ къ нимъ привратникомъ.

Привратникъ вошелъ въ монастырь и скоро вернулся.

— До положенія ризъ и непробуднаго сна,—шепнулъ онъ.

Въ одной изъ келій монастыря, дѣйствительно, два чернеца, упавъ головами на столъ, уставленный посудою съ виномъ и рыбными снѣдями, спали, и только одинъ изъ нихъ въ пьяномъ снѣ иногда бормоталъ.

— Волною морско-о-ою, — затягивалъ онъ и вдругъ обрывался.

Третій находившійся въ кельѣ старый монахъ былъ трезвъ и не спалъ.

Онъ всталъ, перекрестился на иконы, говоря про себя «Луцѣ и Клеопѣ, путествовати хотящимъ», и тихонько вышелъ, оглядываясь на спящихъ.

Скоро его темная фигура показалась за монастырскими воротами. Два подъѣхавшихъ къ монастырю монаха почтительно подошли къ нему.

— Исъ-полла-эти, деспота,—тихо привѣтствовали они пришедшаго и протянули руки для благословенія.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...

— Путь, преосвященнѣйшій владыко, мы со тщаніемъ изслѣдовали,—сказалъ одинъ изъ монаховъ.

Другой же сидѣлъ на козлахъ. Тотъ, котораго называли владыкой, подсаживаемый монахомъ, влѣзъ въ экипажъ. За нимъ послѣдовалъ и этотъ монахъ.

— Многострадательная наша Украйна!—вздохнулъ тотъ, котораго называли владыкой.—Вотъ и приходится странствовать изъ земли Халдейскія въ землю Ханаанскую, изъ лѣвобережной Украйны въ правобережную, и паки обратно.

Это былъ Меѳодій, епископъ оршанскій и мстиславскій. Онъ

недавно былъ разжалованъ митрополитомъ Іосифомъ Тукальскимъ.

— Ты быть епископомъ недостоинъ, первое за то, что принялъ рукоположеніе отъ московскаго патріарха, а второе за то, что московскому царю служишь и не хочешь добра гетману Дорошенку,—выговаривалъ ему Іосифъ и посадилъ въ заточеніе въ уманскій монастырь, изъ котораго онъ теперь тайно бѣжалъ при помощи чернаго попа Митрофана и архидіакона Лаврентія, принадлежавшихъ къ штату Меѳодія.

Окольными путями, не останавливаясь почти всю ночь и слѣдующій день, бѣглецъ благополучно достигъ Кіева и только въ окрестностяхъ этого города былъ остановленъ жолнерами польскаго полковника, Яна Пиво-Запольскаго.

— Стой, шизматики!—остановилъ подъ уздцы лошадей Меѳодія одинъ изъ жолнеровъ.—До тамтэго пршеклентэго москаля уцѣкаете? Кто вы?

— Я Меѳодій, епископъ оршанскій и мстиславскій ѣду въ Кіевъ, къ воеводѣ боярину Шереметеву,—отвѣчалъ бѣглецъ.

Въ это время подъѣхалъ самъ полковникъ Пиво и, узнавъ, что Дорошенко и Іосифъ Тукальскій содержали Меѳодія въ заточеніи, отнесся къ разжалованному епископу благосклонно.

— Давно ли тотъ шизматикъ Юзефъ сидѣлъ въ каменномъ мѣшкѣ у насъ въ Малборкѣ! — сказалъ онъ съ сердцемъ. — Вѣрно, хочетъ попасть туда опять съ здрайцею Дорошенкомъ?

— Да, пане пулковнику, заслѣпилъ имъ очеса Господь,— сказалъ Меѳодій.

— Мы ихъ имъ откроемъ, слово гонору,—проговорилъ бравый полковникъ.—Теперь у насъ съ москалями згода, и мы уберемъ Дорошенка, этого турецкаго ставленника, съ дороги.

— Пошли-то вамъ Господи!—перекрестился Меѳодій.

Запольскій приказалъ своимъ жолнерамъ провести бѣглеца до Кіева.

Въ Кіевѣ онъ прямо явился къ Шереметеву и объявилъ ему, что бѣжалъ изъ Умани, «яко радѣтель и богомолецъ его царскаго и пресвѣтлаго величества», дабы изобличить архимандрита Иннокентія Гизеля и всѣхъ кіевскихъ игуменовъ въ предательскомъ сношеніи съ гетманомъ Дорошенкомъ и съ митрополитомъ Іосифомъ.

Шереметевъ на другой же день пригласилъ къ себѣ Инно-

кентія Гизеля и игуменовъ монастырей: братскаго—Варлаама Ясинскаго, николаевскаго Алексѣя Тура, межигорскаго—Іоанна Станиславскаго, выдубицскаго—Ѳеодосія Углицкаго, михайловскаго—Ѳеодосія Сафоновича и кирилловскаго—Мелетія Дзика

Явился и Меѳодій. При видѣ этого синклита онъ нѣсколько смутился: но, вспомнивъ, что вся жизнь его посвящена была одной идеѣ, отстоять независимость родной Украйны, онъ выпрямился и спокойно посмотрѣлъ на цвѣтъ кіевскаго духовенства.

Шереметевъ въ краткихъ словахъ объявилъ синклиту, въ чемъ его обвиняетъ Меѳодій.

— Недостойная клевета,—тихо проговорилъ Гизель

Но Ясинскій порывисто выступилъ впередъ.

— Я загражу уста Іудѣ—началъ было онъ.

Но въ эту минуту въ комнату суда вошелъ дежурный стрѣлецкій полуполковникъ и подалъ Шереметеву пакетъ.

— Отъ гетмана Дорошенка, — сказалъ онъ, — нарочито спѣшное.

Шереметевъ вскрылъ пакетъ и сталъ внимательно читать вложенную въ него бумагу. Но по мѣрѣ чтенія лицо его выражало то изумленіе, то нескрываемое негодованіе. Прочитавъ до конца, онъ подошелъ къ Меѳодію.

— Это твоя рука?—спросилъ онъ, показывая письмо послѣднему.

Меѳодій пошатнулся, какъ отъ удара по лицу и поблѣднѣлъ.

— Твоя? Сказывай.

— Поддѣлка, я не писалъ... извѣтъ... Демьяна ужъ нѣтъ на свѣтѣ,—бормоталъ несчастный.

— Это письмо Меѳодія къ Брюховецкому,—обратился Шереметевъ къ синклиту.—Его перехватилъ Дорошенко и теперь любительно прислалъ ко мнѣ, чтобъ обличить стоящаго предъ вами,—и, передавъ письмо въ руки Гизеля, сказалъ,—вычти вслухъ, отецъ архимандритъ

Гизелъ читалъ:

— «Любительному другу моему Ивану Мартыновичу. Для Бога, не плошайся, милость твоя. Вижу, идетъ дѣло не о ремешкѣ, а цѣлой шкурѣ нашей. Чаять тотъ честный Нащокинъ къ тому привелъ и приводитъ, чтобъ васъ, купно же и насъ съ вами вмѣстѣ, взявъ за шею, выдать ляхамъ. Почему вѣдать—не на томъ ли и присягалъ себѣ. Якожъ и много знаковъ такихъ,

что о насъ торгуются, лучше бъ насъ не манили, нежели такъ съ нами лестно поступать. И впрямь въ великомъ остерегательствѣ живи, да и запорожцы всячески уловляй, а буде сколько запорожцевъ вышло, ими укрѣпляйся, а сверхъ того, и тѣ города, порубежные, людьми своими досмотри, чтобъ больши москва ихъ не засѣла. И сей мой таковъ совѣтъ, занеже утонающій за бритву емлется»...

— И за саблю, и за ятаганъ,—улыбнулся Шереметевъ, глядя на Меѳодія.—Учитель, нѣча молвить, знатный.

Всѣ переглянулись многозначительно... Каждый изъ нихъ думалъ то же... только то же... Меѳодій стоялъ блѣдный, но спокойный. По лицамъ ихъ онъ видѣлъ, что они чувствуютъ за одно съ нимъ, но... молчатъ.

— «И то не добрый знакъ,—продолжалъ читать Гизель,—что Шереметевъ самыхъ бездѣльныхъ ляховъ любовно пріемлетъ и ихъ подчиваетъ, бѣдныхъ людей мучитъ, а ляховъ удовольствоваетъ, изъ пушекъ стрѣляетъ, а казаковъ, хоть бы какіе честные люди, за ляцкихъ собакъ не почитаетъ и, сверхъ того, еще похваляется на казаковъ неслушно, какъ мнѣ Дворецкій разсказывалъ, да и съ Дорошенкомъ ссылается, а ты ни о чемъ не вѣдаешь. Также разумѣю, что о семъ съ тобою не ссылаются, а слышу, Тяпкинъ съ Дорошенкомъ имѣютъ съѣзжаться, негдѣ: Богъ вѣсть, что все не намъ-ли на зло»...

— Изрядно, изрядно отчиталъ меня черноризецъ!—гнѣвно сказалъ Шереметевъ.—Я, видите ли, козаковъ и за польскихъ собакъ не почитаю... Изрядно!

Гизель и игумены молчали. Въ глазахъ Меѳодія свѣтился не добрый огонекъ.

— Чти далѣ, отецъ архимандритъ,—сказалъ Шереметевъ,—тамъ и цвѣтики, и ягодки.

Гизель читалъ:—«Я свою мысль тебѣ объявлю, что мнѣ моя отчизна мила. Храни Боже, чтобъ ляхамъ, взявши насъ за шею, имѣли отдавать, также и къ Москвѣ водится. Лучше смерть, нежели золъ животъ. И ты буде остерегателенъ, что бы храни Боже, не похотѣли и тебя, какъ покойнаго Барабаша, въ казенную телѣгу замкнувъ, вмѣсто подарка ляхамъ отослати»...

— Хорошо пишетъ архіерей?—съ ироніей спросилъ воевода.

Всѣ молчали, пораженные смѣлостью рѣчи друга Брюховецкаго.

— А вотъ что мнѣ пишетъ Дорошенко, посылаючи гостинецъ преосвященнаго Меѳодія,—продолжалъ бояринъ. — «Меѳодій,—читалъ онъ приписку Дорошенка на особомъ листѣ,— Меѳодій былъ главнымъ заводчикомъ всякаго зла. Онъ подустилъ и умершаго Брюховецкаго на измѣну, хоть онъ теперь клянется Богомъ, будто не зналъ, не вѣдалъ, но такъ говоритъ онъ, не надѣясь на себя довода и свидѣтельства, а вотъ собственное рукописаніе обличаетъ его. Пусть же правда неправедному посрамляетъ очеса»...

— О, турецкій ставленникъ! — какъ бы про себя сказалъ Меѳодій.—Вотъ кто сый Искаріотъ.

XXII.

Страшное время переживала Украйна въ началѣ второй половины XVII вѣка.

Безпрерывная борьба гетмановъ и претендентовъ на гетманство изъ-за булавы и бунчука, притязанія на власть Выговскаго, Юрія Хмельницкаго, Тетери, Дорошенка, Брюховецкаго, Сомка, Золотаренка, Ханенка, Суховіенка, взаимныя распри правобережныхъ и лѣвобережныхъ казацкихъ полковъ изъ-за поддержанія того или другого претендента на булаву, вовлеченіе въ эти домашнія распри то татаръ крымскихъ, буджакскихъ, бѣлогородскихъ, то турокъ, вмѣшательства во внутреннія дѣла Украйны, то Польши, то Турціи, то Москвы, все это, на протяженіи десяти-пятнадцати лѣтъ, заливало, повторяемъ, прекрасную, но несчастную страну потоками крови, а безпрестанные набѣги татаръ вырывали изъ населенія Украйны тысячами полоняниковъ и преимущественно полонянокъ, дѣвушекъ и дѣтей, которыхъ стадами, «мовъ череду» гнали каждый годъ то въ Крымъ, то въ буджакскія степи.

Послѣ ужасной смерти Брюховецкаго гетманская булава лѣвобережной Украйны, которую Дорошенко думалъ соединить съ правобережной подъ однимъ санджакомъ, полученнымъ имъ отъ падишаха, не попала въ руки Дорошенка, какъ онъ того добивался, а, подъ давленіемъ Москвы, очутилась въ рукѣ Демка Многогрѣшнаго.

Но Многогрѣшный и не подозрѣвалъ, какая ужасная участь ожидаетъ его, какъ не подозрѣвалъ того и Брюховецкій... Надъ Украйной висѣлъ уже Дамокловъ мечъ...

Какъ участью Брюховецкаго и Многогрѣшнаго, такъ и судьбою всей Украйны игралъ злой демонъ этой несчастной страны.

Демонъ этотъ былъ давно знакомый намъ войсковой обозный, Петро Забѣла. Онъ трубилъ въ уши какъ Брюховецкому, такъ и Многогрѣшному:

— Поднесите Москвѣ гарбузъ... Пусть Украйна будетъ наша и ничья!.. «Уберемъ въ шоры москалей и вытурнемъ ихъ изъ Украйны!»

А представителямъ Москвы, воеводамъ и посламъ, нашептывалъ въ уши.

— Безъ ратныхъ людей его царскаго пресвѣтлаго величества Украйна пропадетъ, якъ собака на ярмарку»... Или турскій салтанъ сдѣлаетъ ее своимъ улусомъ, или ляхи обернутъ ее въ свое быдло...

Чего-жъ добивался этотъ злой геній Украйны? Конечно, власти, которую дала бы ему Москва... И Брюховецкій, и Многогрѣшный, и Дорошенко, и Тетеря, и Выговскій, и оба Хмельницкіе, и Ханенко, и Суховіенко, и Сомко, и Золотаренко любили Украйну, свою «неньку». Забѣла любилъ только себя.

Историкъ можетъ усмотрѣть душу историческаго лица только изъ документовъ, изъ архивныхъ реликвій, изъ писанныхъ тряпокъ, которыя переживаютъ историческаго человѣка и даже его могилу. Воображеніе же романиста, осѣдлавъ Пегаса, всѣ четыре ноги котораго подкованы историческими документами, какъ подковными гвоздями, проникаетъ и въ душу историческаго лица.

Забѣла въ молодости любилъ черноокую дочку нѣжинскаго сотника, хорошенькую Докійку. Забѣла въ то время учился еще въ Кіевѣ, въ бурсѣ, но, пріѣзжая лѣтомъ, на каникулы, въ Нѣжинъ къ родственникамъ, часто встрѣчался съ Докійкою на традиціонной украинской «улицѣ», подъ покровомъ поэтическихъ ночей и подъ прелестныя мелодіи «веснянокъ» и «петривокъ» сошелся съ только что выскочившею изъ отрочества миловидною дѣвочкою и страстно полюбилъ ее. Дѣвочка тоже была не равнодушна къ молодому бурсаку, и нерѣдко «ялица» видѣла

ихъ, какъ они подолгу стояли обнявшись подъ вербою на берегу Остра

Но подвернулся «козаченько молоденькій», который уже и мушкетный дымъ нюхалъ, и въ Запорожьѣ побывалъ, и Докійка, по женскому непостоянству, предпочла его неопытному бурсачку.

Но бурсачекъ былъ настойчивъ какъ въ чувствахъ, такъ и во всемъ остальномъ. Онъ упорно вѣрилъ въ свою звѣзду. Онъ былъ увѣренъ, что, рано ли, поздно ли, доберется до гетманской булавы.

— Будетъ тогда «дурна» Докійка тихонько вздыхать, на кого меня промѣняла, — съ досадою говорилъ онъ себѣ, — да прошлаго не воротитъ.

И звѣзда не обманула честолюбца. Онъ теперь первое лицо на Украинѣ послѣ гетмана. Онъ—войсковой обозный, начальникъ штаба главнокомандующаго всѣхъ войскъ Украины. Но ему и этого мало: ему булава не даетъ спать.

— Только бы хоть годъ подержать въ рукахъ «цяцю»,—говорилъ онъ себѣ,—тогда вспомнитъ «дурна» Докійка того, съ кѣмъ стояла подъ вербою на берегу Остра.

Голова, полная государственныхъ заботъ, не могла выкинуть изъ памяти и изъ сердца этого «стоянья подъ вербою», хотя у Докійки была уже куча дѣтей.

— Цяцю, цяцю мнѣ!—мечталъ онъ въ безсонныя ночи, и ему, казалось, слышался тихій шопотъ подъ вербою, и чувствовались горячія ручки, обвивавшіяся вокругъ его шеи, когда дѣвичьи уста шептали,—Петрусь, мой ненаглядный!..

И Петрусь неуклонно шелъ къ намѣченной цѣли.

— Утопить Демка,— говорилъ онъ самъ себѣ.—Дразнить Демка москалями. Демко-де не хозяинъ на Украйнѣ. а надъ Демкомъ хозяинъ батуринскій воевода, Гришка Неѣловъ... Раздразню Демка, какъ собаку.

И дѣйствительно, раздразнилъ, особенно тѣмъ, что постоянно нашептывалъ ему:

— Москва хитритъ... Вырвутъ у тебя москали булаву и отдадутъ Солонинѣ.

На бѣду полковникъ Солонина находился въ это время въ Москвѣ, и его тамъ ласково принимали.

Доведенный до неистовства нашептываніями Забѣлы, гетманъ запилъ. И безъ того невоздержанный на языкъ, теперь онъ запальчиво говорилъ при всей старшинѣ:

— Что мнѣ Москва!.. Вотъ весной придутъ ко мнѣ татары съ ханомъ, и мы зададимъ москалямъ такого чосу, какъ Александръ Македонскій грекамъ... Что мнѣ Македонскій! Я самъ Македонскій... только онъ Александръ, а я Демьянъ...

— Не меньше его я натворю, когда московское государство «до горы ногами поставлю!..» Я не царскій подданный... не хочу у царя быть въ подданствѣ, хоть онъ мнѣ весь Батуринъ золотомъ засыпь!..

Это говорилось «въ полѣ», во время охоты. Возбужденный, онъ всегда напивался и тотчасъ отправлялся съ старшиною на «полеванье».

Обратясь къ Забѣлѣ, онъ сказалъ:

— Знаешь, Петре, что султанъ сказалъ о москалѣ въ Мономаховой шапкѣ?

— Нѣтъ, пане гетмане, не знаю.

— А вотъ что: пріѣхали къ нему разомъ послы, одинъ ляхъ, другой москаль... Онъ и велѣлъ передать ляху, чтобъ его король не звался королемъ, а «короликомъ», мой-де онъ подданный... А что царь, говоритъ, такъ я его считаю, какъ бы за одного изъ чорныхъ татаръ моихъ...

И договорился!.. Все это узнали въ Москвѣ.

XXIII.

Тогда прискакалъ въ Батуринъ съ царскою грамотой стрѣлецкій полуголова Александръ Тапѣевъ съ подъячимъ Семеномъ Щоголевымъ.

Несмотря на милостивый тонъ грамоты, гетманъ наговорилъ Тапѣеву того, чего и Богданъ Хмельницкій не рѣшился бы сказать.

— Вижу я, что Кіевъ хотятъ ляхамъ отдать,—говорилъ онъ возбужденно.—Тамъ теперь распоряжается этотъ головосѣка Пиво-Запольскій, точно бѣсъ въ очеретѣ... Мы вамъ, мо-

скалямъ, не вѣримъ, и придется намъ, видно, искать другого государя гдѣ индѣ, подальше...

Чѣмъ дальше говорилъ онъ, тѣмъ рѣчь его становилась рѣзче, задорнѣе. Гетманъ былъ пьянъ, и что накипѣло у него на душѣ, все вырвалось наружу.

— Не сдобровать Польшѣ отъ нашей сабли,—выкрикнулъ онъ, наконецъ.—Да и кому-то иному отъ насъ достанется.

Танѣевъ понялъ эту угрозу, но смолчалъ.

Отъ гетмана Танѣевъ пошелъ къ воеводѣ Неѣлову, стоявшему въ Батуринѣ съ отрядомъ стрѣльцовъ.

Послѣ первыхъ же словъ привѣтствія Неѣловъ сказалъ:

— Гетманъ совсѣмъ не тотъ сталъ, что допрежъ сего былъ. Ужъ, подлинно, съ Дорошенкомъ соединился. И со мною, и съ моими сотниками, и съ стрѣльцами обходится не попрежнему: по се время стояло на караулѣ у воротъ и у фортовъ малаго города стрѣльцовъ человѣкъ по сту и больше, а теперь велитъ ставить только человѣкъ тридцать.

— А старшины какъ?—спросилъ Танѣевъ.

— Старшины, и обозный Забѣла, и генеральный судья Самойловичъ и полковникъ Дмитрашко Райча великому государю служатъ вѣрно и мнѣ обо всемъ даютъ вѣдомости, только опасаются видаться со мною днемъ, потому что гетманъ приказалъ своимъ челядникамъ надсматривать за ними, чтобъ они ни со мною, ни съ тобою и ни съ кѣмъ изъ нашихъ московскихъ людей не сходились. Поэтому, если какія вѣдомости услышатъ, такъ сказываютъ мнѣ въ ночное время.

— Такъ вонъ оно до чего дошло,—покачалъ головою Танѣевъ. — Опасное дѣло... А старшины? — спросилъ онъ, помолчавъ.

— Старшинъ я привелъ къ вѣрѣ,—отвѣчалъ воевода,—цѣловали они предо мною Спасовъ образъ, что быть имъ подъ высокодержавною рукою великаго государя неотступно. Они сами тебѣ обо всемъ скажутъ.

— А гдѣ-жъ я ихъ увижу?

— У Забѣлы, ночью... Только переодѣнься стрѣльцомъ...

— Точно ряженый о святкахъ, — улыбнулся Танѣевъ,— только безъ хари и козы.

— А за козу пойдетъ твой подъячій, Сенька Щоголевъ,— улыбнулся и Неѣловъ.

Дѣйствительно, въ ночь съ 7 на 8 марта 1772 года, Тапѣевъ и Щетолевъ, переодѣвшись въ стрѣлецкіе зипуны съ бинделерами и бердышами, тихонько пробрались къ Забѣлѣ.

Злой демонъ Украйны уже ждалъ ихъ и потому на «совѣтъ нечестивыхъ» пригласилъ заранѣе своихъ единомышленниковъ, обоихъ генеральныхъ судей, Самойловича и Домонтовича, а также Дмитрашка Райчу.

Пришедшіе, истово помолившись на образа и поклонившись хозяину и гостямъ, проговорили:

— Миръ честной компаніи.

— Милости просимъ, дорогіе гости,—отвѣчалъ Забѣла, а самъ подумалъ, «ну, Докійко, укусило бы локоть, да не достанешь...»

Гости усѣлись, въ ожиданіи, чтобъ заговорилъ хозяинъ.

— Бѣда великая, печаль неутѣшимая, слезы неутолимыя,— воскликнулъ трагически Забѣла, съ крокодиловыми слезами на глазахъ, глядя на образа.—По напущенію дьявольскому гетманъ нашъ, забывъ страхъ Божій, великому государю измѣнилъ и соединился съ Дорошенкомъ подъ державу турскаго султана. Нашъ гетманъ посылалъ къ Дорошенку чернеца, и Дорошенко передъ тѣмъ чернецомъ присягнулъ, а чернецъ присягнулъ передъ Дорошенкомъ за нашего гетмана. Потомъ Дорошенко прислалъ своихъ посланцевъ къ нашему гетману въ Батуринъ со Спасовымъ образомъ. На томъ образѣ присягнулъ нашъ гетманъ передъ посланцами Дорошенковыми, а посланцы присягнули за своего гетмана передъ нашимъ гетманомъ. Демьянъ далъ въ помощь Дорошенку на заплату войску 2.000 ефимковъ.

Московскіе гости слушали молча, боясь проронить слово. Вышколенные въ малорусскомъ приказѣ дьяками посланцы запечатлѣвали на своихъ мозгахъ слова Забѣлы, точно на чувствительныхъ пластинкахъ негативовъ, чтобъ потомъ въ московскомъ приказѣ выложить словно изъ рупора графофона.

Забѣла продолжалъ, думая о булавѣ и о Докійкѣ:

— 15-го марта Демьянъ хочетъ ѣхать съ женой и дѣтьми въ Лубны, а пускаетъ слухъ, будто хочетъ ѣхать въ Кіевъ Богу молиться. На самомъ же дѣлѣ, коли будетъ въ Кіевѣ, такъ только для того, чтобы видѣться съ Дорошенкомъ въ Печерскомъ монастырѣ. Какъ онъ изъ Батурина уѣдетъ, такъ ужъ назадъ не воротится. Братъ его, Василій. по гетманскому при-

казу отгородилъ въ Черниговѣ большой городъ отъ малаго, гдѣ находятся царскіе ратные люди, а животы гетманскіе вывозятъ изъ Чернигова въ Седнево.

Московскіе посланцы, «уставя брады», продолжали упорно молчать, какъ истуканы. Они хорошо помнили, что за слова, не записанныя въ наказѣ и выговоренныя «отъ себя» въ важныхъ сношеніяхъ, посланцевъ ждутъ на Москвѣ либо батоги, либо кнутъ.

А Забѣла продолжалъ пѣть, силясь пропять московскія, какъ ему казалось, шкуры бегемотовъ, впадая въ лиризмъ.

— А какъ изъ Батурина поѣдетъ гетманъ,—говорилъ онъ, жестикулируя,—такъ и намъ, старшинѣ, велитъ ѣхать съ собою, а потомъ прикажетъ насъ побить или въ воду посадить, или по тюрьмамъ разошлетъ за то, что мы въ измѣнѣ съ нимъ быть не захотимъ!.. И то опасно: какъ уѣдетъ онъ изъ Батурина и велитъ мужикамъ послѣ себя на воротахъ стать, а стрѣльцы пускать ихъ не захотятъ, то съ того начнется раздоръ и кровопролитіе великое и зачатіе къ войнѣ. Да и воеводу Григорія Неѣлова, выманя за городъ, какъ бы не связалъ и въ Крымъ не отослалъ!.. Давно бы надъ Неѣловымъ и надъ стрѣльцами онъ что-нибудь дурное учинилъ, кабы мы не берегли. Да и васъ, Александръ и Семенъ, наврядъ ли отпуститъ: а будо отпуститъ: поѣзжайте на Путивль, а то въ Королевцѣ и Глуховѣ станутъ у васъ обыскивать писемъ: опасно, чтобъ васъ не задержали.

«Да и ловко же собачій сынъ чешетъ по-московски! — думалъ Домонтовичъ, слушая рѣчь Забѣлы.—Сущій москаль! На что Дмитрашко Райча тоже московскою мовою, какъ горохомъ сыплетъ, а гдѣ-жъ куцому до зайца передъ Забѣлою!.. Не голова у гаспида, а цѣлая макитра!»

А посланцы все молчатъ и только вздыхаютъ.

Тогда заговорилъ Домонтовичъ, желая тоже поддѣлаться, хотя неудачно, подъ московскую рѣчь Забѣлы.

— Степана Гречаного, — сказалъ онъ,—который бувъ съ Солониною у Москвы, призвавъ Демьянъ до себе въ кимнату и веливъ присягнуть, щобъ быть ему заодно съ гетманомъ, и звелѣлъ ему написать про московщину таке, чого у Москвы и не бувало, а все для того, чтобъ отвернуть Украйну одъ высокой царской руки. А потомъ собралъ насъ, старшину, и говорилъ

намъ: пише до мене царь и велитъ всю старшину послать въ Москву, а изъ Москвы хочетъ царь всихъ васъ посослать у Сибирь. Тилько мы ему не дали вѣры. А вотъ какъ поѣдетъ онъ въ Лубны, да соберетъ тамъ всю старшину и духовного чину людей, прочитаетъ имъ, что написалъ извѣтомъ Гречаный, настращаетъ всѣхъ Сибирью: видите, какова Москва обманчива! Чего вамъ отъ нея добраго ждать!

Посланцы только укоризненно головами качали: ну и хохолъ-де хитрой!

До сихъ поръ угрюмо укоризненно Дмитрашко Райча всталъ и заговорилъ рѣшительно:

— Меня гетманъ призвалъ къ себѣ одного ночью, завелъ въ комнату и велѣлъ Спасовъ образъ цѣловать на томъ, чтобы мнѣ быть съ нимъ заодно и царскихъ ратныхъ людей, что въ Батуринѣ и въ иныхъ городахъ, побивать. Только я такой присяги не ставлю въ присягу, потому что я присягалъ неволею, убоясь смерти, а не вправдѣ. Я по своему прежнему обѣщанію готовъ умирать за великаго государя, хотя бы гетманъ велѣлъ меня по членамъ разнять.

Потомъ, помолчавъ и, глянувъ на Забѣлу, который кивнулъ ему головой, какъ бы говоря: «дальше!», продолжалъ:

— А вы, Александръ и Семенъ, наши слова спишите и подайте думному дворянину Артамону Сергѣевичу Матвѣеву, чтобъ онъ надъ нами и надъ всѣмъ малороссійскимъ краемъ свою милость показалъ, мудрымъ ходатайствомъ своимъ доложилъ государю, чтобъ царское величество не далъ своей отчины злохитрому волку на разоренье и прислалъ бы въ Путивль выборныхъ конныхъ людей человѣкъ 400 или 500, а къ обозному и къ намъ ко всѣмъ обнадежительную грамоту. Какъ тѣ ратные люди въ Путивль прибудутъ, пусть бы къ намъ царская грамота была донесена тайно, съ кѣмъ пригоже, и къ Неѣлову указъ, чтобъ насъ не выдавалъ. Тогда мы, старшины, и Григорій Неѣловъ, дадимъ знать тѣмъ ратнымъ людямъ въ Путивль, чтобъ сюда поспѣшали, а изъ Путивля въ Батуринъ можно конно поспѣть въ одну ночь. Тѣмъ временемъ мы волка свяжемъ и отдадимъ Григорію Неѣлову, да съ тѣми прибылыми ратными людьми отправимъ его въ Путивль, потомъ написавъ его вины, сами повеземъ его къ великому государю въ Москву. А пока все не учинится, пусть бы великій государь указалъ по-

сланцевъ гетманскихъ и совѣтниковъ, нѣжинскаго протопопа Симеона, эсаула Грибовича, Миклашевскаго и батуринскаго сотника Еремѣя задержать въ Москвѣ, потому что, коли эти совѣтники будутъ отпущены изъ Москвы до твоего, Александра, пріѣзда, то ещо у него, гетмана, всякое зло ускорится, и вся бѣда чинится и отъ тѣхъ помянутыхъ выше совѣтниковъ, да еще промышленникъ во всемъ нѣжинскій полковникъ Гвинтовка, большая надежда у Демьяна на этого Гвинтовку! Протопопъ Симеонъ Адамовичъ большой ссорщикъ: гетманъ посылаетъ его проповѣдывать всякихъ вѣдомостей, и онъ, пріѣхавши къ нему, гетману, чтобы гетмана удобрить къ себѣ, станетъ сказывать ему такое, чего и не бывало!

Теперь только глаза московскихъ посланцевъ заговорили ясно, что они довольны.

«Безмозглые хохлы сами, что волки, прутъ въ московскій капканъ»,—ехидно думалъ лукавый Неѣловъ.

«Хитры, хитры хохлатые, а вамъ московскаго человѣка не перешибить: не лѣвой ногой сморкаемся»,—злородно думалъ и подъячій, понаторѣвшій изворотливости въ приказѣ.—«Чисто караси передъ вершей!»

— Глуховскія статьи становилъ я,—добавилъ Забѣла,—а въ тѣхъ статьяхъ написано: духовнаго чина особъ въ посольство не посылать, и именно протопопа Симеона Адамовича. А гетманъ посылалъ еще московскаго игумена Ширкевича въ Варшаву и въ Вильну невѣдомо для чего.

Въ заключеніе Дмитрашко Райча сказалъ:

— Мы того опасаемся, что если гетманъ уѣдетъ изъ Батурина, то произойдетъ много бѣдъ и кровопролитія! Только у насъ и надежды, что на митрополита Призренскаго, который живетъ въ Батуринѣ: онъ гетмана задержитъ будто для лекарства, и гетманъ здѣсь останется, покамѣстъ ратные люди сюда поспѣшатъ. Насъ, старшинъ, не слушаетъ гетманъ:—онъ мало что и говоритъ съ нами! Безмѣрно сталъ жестокъ съ нами, не даетъ слова промолвить, бранитъ, бьетъ, саблей рубитъ... Какъ что не по немъ, тотчасъ за саблю! Меня порубилъ саблею у себя въ свѣтлицѣ...

— А меня,—вставилъ Домонтовичъ,—пьяный билъ по щекамъ и пинками и саблею хотѣлъ изрубить, только Неѣловъ

Григорій отнялъ у него саблю и рубить не далъ, и за то Демьянъ ругалъ его и называлъ москалемъ.

На этомъ тайный разговоръ кончился, и Танѣевъ съ Щоголевымъ тихонько воротились къ себѣ. Но едва московскіе посланцы успѣли снять съ себя стрѣлецкіе зипуны, какъ къ нимъ явился... Забѣла!.. Хитрые москвичи въ глазахъ его прочитали огонекъ Іуды—предательство.

— Я не все сказалъ вамъ, сторожась товарищей,—заговорилъ Іуда конфиденціально, точно его предшественникъ Іуда Искаріотъ предъ Каіафой. — Какъ Богданъ Хмельницкій учинился подъ высокодержавною государевою рукою, и по се время, какъ началъ я служить великому государю вѣрно, такъ и совершаю... За мою правду меня Господь Богъ храпитъ, что еще живъ!.. Вся бѣда отъ гетмановъ, а не отъ старшинъ. Только имъ, измѣнникамъ, Господь Богъ не терпитъ за царскую хлѣбъ-соль; всѣ одинъ за другимъ пропадаютъ. Жаль только, что невинныхъ людей съ собою губятъ... Если этого злохищника Господь Богъ предаетъ и въ руки наши изыманъ будетъ, пусть бы великій государь пожаловалъ насъ—велѣлъ быть у насъ гетманомъ боярину изъ великороссійскихъ людей... Тогда у насъ постоянно будетъ, а пока гетманъ будетъ у насъ изъ малороссійскихъ людей, никогда добра не будетъ!..

«Те-те-те! — думалъ про себя Танѣевъ. — Да ты, я вижу, глупъ, какъ телокъ, либо ужъ уменъ и хитеръ, какъ чортъ»...

Напросился Забѣла!.. Дождалась впослѣдствіи Украина гетмановъ и изъ великороссійскихъ людей...

Вотъ, что записано у «Самовидца» о результатахъ тайнаго совѣщанія малороссійской старшины, обознаго Забѣлы, генеральныхъ судей Самойловича и Домонтовича и полковника Дмитрашки Райча съ Танѣевымъ и Щоголевымъ:

«Той же зѣми (зимы), о середопостю, старшина заднѣпрская (т. е. лѣвобережная) з писаремъ войска заднѣпрского, Карпомъ Мокрѣевичомъ, змовившися, менуючи, же постерегли змѣну гетмана заднѣпрянского Демка Игнатенка Многогрѣшного противно его царскому величеству, напавши оного въ ночи в

замку батуринскомъ на ложку, оного взяли и звязали, и, уложивши въ возъ, накрывши шкурою, повезли на Москву, нѣчого не держачи, боячися жебы оного не отнято, бо мѣлъ войска своего затягового по станціяхъ, также и полковники не мало по усѣхъ городахъ приятелѣ его были»..

XXIV.

Между тѣмъ, пока на Москвѣ, въ застѣнкѣ посольскаго приказа, шли допросы и пытки Многогрѣшнаго, Гвинтовки и другихъ, привлеченныхъ къ «розыску», въ Сѣчи одна партія запорожцевъ, наскучивъ зимнимъ бездѣйствіемъ и повздоривъ съ старшиною, захватила изъ запорожской флотиліи нѣсколько десятковъ хорошо оснащенныхъ и вооруженныхъ чаекъ, вышла въ море «чинить промыслъ» надъ турками и татарами.

Это было въ самый расцвѣтъ ранней весны, когда молодая удаль особенно жаждала развернуться.

Благополучно проплывъ почти до самаго Очакова, запорожцы, къ вечеру, приставъ къ берегу, укрылись за высокими камышами и лѣсомъ.

— Теперь, панове, будемъ пильно выглядать изъ-за очерету,—сказалъ Семенъ Шульга, избранный товарищами въ походнаго атамана,—въ это время изъ Стамбула въ Очаковъ бываютъ присылки съ боевыми припасами. Можетъ, и застукаемъ какую галеру: у насъ же въ Кошѣ свинцу и пороху маловато.

— Застукаемъ, пане Семене, застукаемъ: недаромъ у меня руки зудятъ, работы требуютъ,—пробурчалъ подъ носъ Харько Лютый, набивая тютюномъ люльку.

Примѣты не обманули Харька. Но только не изъ Стамбула суждено было плыть галерѣ, а напротивъ, при вечерней зарѣ казаки замѣтили, что отъ Очакова отплывала богато убранная галера.

Радостный шопотъ прошелъ межъ казаками. точно старые камыши зашелестѣли.

— Да и галера, панове! Вся малеваная, расписанная!

— Точно та, на котовой страждалъ Кишка Самійло, какъ въ думѣ поется!

Ой изъ города изъ Трапезонта выступала галера
Трема цвитами процвитана, малевана:

Сей первымъ цвѣтомъ процвитана—
Златосиними кидяками побивана;
А другимъ цвитомъ процвитана—
Гарматами арештована;
Третимъ цвитомъ процвитана—
Турецкою билою габою покровена...

На такихъ галерахъ паши и мурзы подарунки султану посылаютъ—замѣтилъ старый, бывалый запорожецъ

Береговой вѣтерокъ выпукло надувалъ бѣлые паруса и трепалъ въ воздухѣ красное полотнище на мачтѣ съ золотыми полумѣсяцемъ и звѣздою.

Запорожцы, осмотрѣвъ оружіе, мушкеты, сабли, запоясники-ятаганы и пистолеты, выжидали, когда ночь окончательно спустится на море и укроетъ своею темною пеленой движеніе казацкихъ чаекъ.

Далеко уже мерцалъ огонекъ на галерѣ, когда чайки, разбившись на двѣ партіи, стрѣлою понеслись за галерой.

Вотъ уже остовъ ея чуть-чуть замѣтно выступаетъ изъ темноты. Чайки все ближе и ближе и ближе. Уже онѣ подъ кормой.

— Когда я пискну чибисомъ, заразъ кидайся на помостъ,— шопотомъ передавался съ чайки на чайку приказъ атамана.

Чайки обогнули крутые бока галеры и, подпявъ абордажныя лѣстницы съ острыми крючьями наверху, гирляндой оцѣпили турецкое судно.

Вдругъ въ ночномъ воздухѣ раздался рѣзкій пискъ какъ бы испуганнаго чибиса.

— Або добути, або дома не бути! Разъ родила мати, разъ и умирати!—пронесся воинскій кличъ по чайкамъ.

Какъ крылатые, взлетали сѣчевики на галеру и бросились на оторопѣвшихъ турокъ.

— Алла! Алла!—отчаянно завопили послѣдніе, взывая къ уснувшимъ товарищамъ и падая подъ ударами сабель и ятагановъ.

Проснувшіеся въ ужасѣ метались по палубѣ и также падали, поражаемые побѣдителями.

Небольшая команда была скоро перерѣзана.

— Некого бить, панове, а руки все зудятъ,—говорилъ, тяжело дыша послѣ работы, Харько Лютый.

Вдругъ откуда-то раздался женскій голосъ:

— Козаченьки!.. Братики родненькіи, какъ голубоньки сивенькіи!

— Что за нечиста мати! Ужъ не вѣдьма ли?..

Передъ ними стояла женщина въ бѣломъ съ полосками турецкомъ одѣяніи.

— Я полонянка изъ Украины, изъ Бѣлой-Церкви... десять лѣтъ томилась въ неволѣ... да и не я одна... Тамъ еще,—она указала на каюту,—наши-жъ украинки... Насъ везли за море...

Палуба галеры была залита кровью и покрыта трупами турокъ. Одни изъ казаковъ снимали съ убитыхъ одѣяніе, какое было получше и цѣннѣе, другіе сбрасывали обобранныя тѣла въ море.

Полонянка съ испугомъ глянула на одного убитаго турка. Онъ былъ одѣтъ наряднѣе другихъ. Зеленая чалма свалилась съ его бритой головы, и сѣдая борода была забрызгана кровью. Свѣтъ палубнаго фонаря падалъ на лицо мертваго.

— Это мой панъ, паша,—говорила полонянка. — Я долго жила у него... Это онъ везъ насъ къ султану.

Шульга, не принимавшій участія въ сниманіи съ мертвыхъ лучшей одежды, сказалъ полонянкѣ:

— Ты говоришь, молодице, что родомъ изъ Бѣлой-Церкви: когда-жъ и кто взялъ тебя въ полонъ?

— Это было тогда, когда Юрій Хмельниченко вызвалъ изъ Крыма хана съ татарами, и тогда одинъ татарскій загонъ набѣжалъ подъ Бѣлую-Церковь и угналъ въ Крымъ много нашихъ... Тогда и меня схватили подъ городомъ... А другой загонъ съ ханомъ и Хмельниченкомъ, сказывали, ушелъ добывать Переяславъ.

— Знаю, знаю, молодичко,—сказалъ Шульга.—Это, когда Ромодановскій съ Сомкомъ и Золотаренкомъ погромили Юрія Хмельницкаго, и онъ съ горя сдалъ гетманство Тетерѣ, а самъ накрылъ свой соромъ чернечею рясою. А гдѣ-жъ другія полонянки, говоришь ты? Веди меня къ нимъ.

— Вонъ въ той женской каютѣ заперлись бѣдныя съ перепугу,—отвѣчала полонянка.

Она пошла впередъ, стараясь не глядѣть на мертвыхъ. Шульга слѣдовалъ за нею. Подойдя къ каютѣ, полонянка остановилась и громко проговорила:

— Не бойтесь, сестрички! Отоприте... Къ вамъ идетъ нашъ спаситель, козацкій атаманъ... Они теперь опаповали галеру.

Дверь каюты отворилась. Шульга вошелъ въ нее вмѣстѣ съ полонянкой. Глазамъ молодого атамана представилось невиданное дотолѣ зрѣлище: до десяти молоденькихъ, миловидныхъ, какъ ему показалось, турчанокъ не то съ испугомъ, не то съ радостью глядѣли на него во всѣ глаза. Свѣтъ двухъ фонарей отчетливо освѣщалъ ихъ лица и нарядныя турецкія одѣянія. На головахъ ихъ были чадры, откинутыя назадъ, только одна изъ дѣвушекъ сидѣла въ тѣни, закутавъ лицо чадрою.

— Фатьмочка, голубко, открой чадру, покажи свое личико,—сказала полонянка, подходя къ той, которую назвала Фатьмой.—Это козакъ—не турокъ, а передъ козаками дѣвушки не скрываютъ своего лица. Открой же, моя дитино... Я ее почти выняньчила и научила по нашему, — пояснила она молодому атаману.

Фатьма робко откинула чадру. Козацкій вождь, казалось, окаменѣлъ отъ изумленія: передъ нимъ стояло видѣніе «поразительной красоты», какъ о томъ свидѣтельствуютъ историческіе документы.

Отъ удивленія и смущенія онъ не могъ произнести ни слова. Другіе полонянки тоже молчали, наблюдая за нѣмой картиной.

— Кто она?—нерѣшительно спросилъ, наконецъ, молодой атаманъ, обращаясь къ старшей полонянкѣ.

— Она черкешенка,—отвѣчала послѣдняя.—Совсѣмъ еще маленькою ее вывезли съ Кавказа въ Трапезонтъ. Тамъ купилъ ее мой бывшій хозяинъ изъ Кафы, а какъ я уже, давно будучи бранкою, хорошо узнала всѣ татарскіе обычаи и говорила по-татарски, то мой хозяинъ, Нурреди́нъ-ага, и поставилъ меня надъ маленькою Фатьмою вродѣ какъ бы мамушки. Я ее, сама невольница, очень полюбила. Полюбила она и меня. Да, Фатьмочка? Говори, не бойся.

— Да, люблю,—съ нѣжнымъ румянцемъ улыбнулась юная черкешенка.

— А когда въ Кафу пріѣхалъ отъ султана паша по какому-то дѣлу и увидалъ мою Фатьмочку, то прямо сказалъ Нурредину, что онъ не можетъ владѣть такой жемчужиной Востока, какъ онъ говорилъ, такимъ сокровищемъ: эта жемчужина, говоритъ, должна украсить сераль падишаха, тѣни Аллаха на землѣ. И онъ пере-

купилъ у Нурредипа мою Фатьмочку за столько денегъ, что на нихъ, говорилъ Нурреднпъ, можно купить цѣлый табунъ лошадей. Купилъ паша и меня у Нурредипа, потому что Фатьмочка убивалась обо мнѣ и даже съ личика спала. И вотъ паша, закупивъ еще вотъ этихъ дѣвчатокъ-бранокъ, привезъ насъ всѣхъ въ Очаковъ. А изъ Очакова, забравъ казну и насъ, сегодня подъ вечеръ отплылъ изъ Очакова... А случилось вотъ что... Видно, Богородица услышала наши сиротскія молитвы.

Разспросивъ другихъ полонянокъ, изъ какихъ мѣстъ Украины каждая изъ нихъ родомъ, и обѣщавъ отправить всѣхъ къ родителямъ, относительно Фатьмы козацкій «ватажокъ» узналъ, что она круглая сиротка, что во время мороваго повѣтрія на Кавказѣ отецъ и мать ея умерли, а работорговцы, въ виду необычайной красоты дѣвочки, купили ее и въ Трапезонтѣ продали Нурредину-агѣ, который, подъ наблюденіемъ украинской полонянки Марыси, такъ называлась полонянка изъ Бѣлой-Церкви, и воспитывалъ ее для своего гарема, пока не перекупилъ ее паша изъ Константинополя для высокаго сераля повелителя правовѣрныхъ.

Что же оставалось предпринять для этой несчастной сиротки, красота которой положительно ослѣпляла? Молодой запорожецъ охотно взялъ бы ее къ себѣ. Но у него уже была невѣста на Украйнѣ.

Когда онъ заговорилъ объ этомъ съ Мариной и съ самой Фатьмой, то красавица робко высказала, что она останется съ Мариной.

— Марися—моя мама,—сказала она.

Порѣшивъ этотъ вопросъ, Шульга вышелъ на палубу и увидѣлъ, что всѣ убитые турки, у которыхъ козаки отобрали оружіе и платье, уже выброшены въ море.

Вошли въ каюту капуданъ-паши. Это было просторное помѣщеніе, блиставшее пестротою восточной роскоши. Стѣны каюты были увѣшаны богатымъ оружіемъ. Въ походной шкатулкѣ было много золота и серебра. Передъ низкими турецкими оттоманками на низенькихъ же столикахъ красовались изящныя наргиле для куреній.

Все это запорожцы взяли и снесли въ общую гуртовую скарбницу, помѣщавшуюся въ каютѣ атаманской чайки.

— Что же, панове, намъ дѣлать съ галерой?—спросили нѣкоторые.—Вести до нашего Коша, на Чортомлыкъ?

— Ну ее къ нечистой матери!—отвѣчали бывалые запорожцы. — Какъ вы ее проведете мимо гаспидового турецкаго гнѣзда, мимо Кизыкерменя?

— И то правда... Взорвать ее? Такъ, пожалуй, въ Очаковѣ услышутъ и догадаются.

— Снять съ нея гарматы, забрать порохъ и всѣ запасы и пустить ко дну.

Такъ и сдѣлали. Полонянокъ перевели на чайки и удобно тамъ размѣстили. Все цѣнное тоже снесено было на чайки. Потомъ топорами прорубили во многихъ мѣстахъ галеры днище, а сами поспѣшили на палубу, а съ палубы на свои «човны».

Несчастная галера начала медленно-медленно погружаться въ воду, а внутри ея что-то зловѣще клокотало.

Вдругъ неожиданно опустилась корма, и обреченное на смерть судно, словно опрокидываясь навзничь, съ шумомъ, какъ бы захлебываясь, скрылось въ морѣ.

— Никто и не узнаетъ, что сталось съ галерой,—тихо сказала Марина и вздрогнула.

— Нѣтъ, Марысю, море выброситъ всѣхъ ихъ, и тогда узнаютъ, что съ ними и съ галерой сталось,—задумчиво отвѣтилъ ей молодой атаманъ.—А теперь, панове, до дому, до матери Сичи: пусть батьки знаютъ, какъ молодь гуляетъ...

XXV.

По запорожскимъ обычаямъ женщины не допускались въ казацкое святилище, развѣ только въ исключительныхъ случаяхъ.

Настоящій случай и былъ исключительный. Отбитыя у непріятеля полонянки, возвращаемыя на родину, «на ясныя зори, на тихи воды, у міръ хрещеный», должны были прослѣдовать черезъ Сичъ, этотъ пересыльный, гостепріимный этапъ.

Шумно встрѣтило Запорожье счастливыхъ побѣдителей. Ихъ принимала на майданѣ вся старшина—кошевой атаманъ, знаменитый Сирко, войсковой судья, войсковой писарь, осаула и всѣ куренные атаманы. Къ довершенію торжественности встрѣчи на майданѣ находился одинъ изъ гетмановъ правобережной

Украины, Хапенко, который, будучи поставленъ на гетманство со стороны Рѣчи Посполитой и получивъ войсковые клейноды, булаву и бунчукъ, отъ короля, велъ борьбу съ Дорошенкомъ, получившимъ гетманство и, вмѣсто булавы и бунчука, турецкіе клейноды, санджаки—отъ падишаха, а потому нуждался въ помощи запорожцевъ.

— А, вражи диты!—весело говорилъ Сирко. — Отбили у насъ, стариковъ, славу!

На майданѣ стояли и освобожденныя полонянки, и тутъ же находилась вся захваченная на галерѣ богатая добыча.

— А какихъ красавицъ «бранокъ» добыли молодцы,—говорилъ Хапенко, не спуская своихъ немножко татарскихъ глазъ съ прелестной Фатьмы, которая робко жалась къ своей покровительницѣ Маринѣ, испуганными глазами газели созерцая украдкой всѣ эти чубатыя и усатыя лица сѣчевиковъ.

— Не бойтесь, дивоньки, мы васъ бережно доставимъ до вашихъ батьковъ-материвъ, — сказалъ кошевой, приказывая осаулѣ помѣстить полонянокъ въ «греческой избѣ» до времени отправленія ихъ къ родителямъ.

— А гдѣ же ея родители?—спросилъ Хапенко, указывая глазами на Фатьму.

— Она черкешенка, у нея нѣтъ ни отца, ни матери,—сказалъ Шульга,—круглая сиротка. Но ея пріемной матерью вызвалась быть вонъ та высокая бранка,—указалъ онъ на Марину.

— Но она сама еще такъ молода, пане Шульго,—замѣтилъ Хапенко.

— Да она жъ ее и воспитала и научила нашей мовѣ въ полону,—возразилъ Шульга.

Послѣ нехитрой церемоніи пріема побѣдителей Запорожье «гуляло».

Изъ «подваловъ», «выходовъ» и «коморъ» выкатывались бочки пьянаго питья, на майданѣ, на воловьихъ шкурахъ и лошадиныхъ попонахъ да на «полотяхъ» накладывались цѣлые груды сушеной рыбы, груды свиного сала, пирамиды бубликовъ и «паляницъ», и начиналась войсковая трапеза. «Корякамн» и «ополониками», чумичками черпалось изъ бочекъ вино и выпивалось его столько, сколько выносили гомерическія натуры казаковъ... А выносили они многое: выросшіе на свободѣ,

на вольномъ воздухѣ луговъ казаки не легко поддавались охмѣлѣнію, а только доходили до ребяческаго оживленія...

Вотъ и теперь уже стопомъ стопали въ воздухѣ то задорная пѣсня, то нестройная мелодія бандуры и «сопилки», а посреди свободнаго мѣста на майданѣ охотники до танцевъ дѣлали свое дѣло. Старый Харько Лютый выбивалъ ногами въ тактъ своей пѣснѣ:

Иде козакъ дорогою—пидковками креше,
За нимъ, за нимъ дивчинонька русу косу чеше...

А противъ него выступаетъ другой подгулявшій и, отвѣчая первому, выпаливаетъ въ тактъ ему:

Ой на води два лебеди—обидва биленьки,
А въ дивчины два козаки—обидва миленьки:
Одинъ билый, одинъ билый, а другой билишій,
Одинъ козакъ, любый, милый, а другій милишій.

Первый, подзадориваемый вторымъ, входилъ еще въ большій азартъ и продолжаетъ, топая чоботищами, словно конь копытами.

Ой на води два лебедя крылечками бьются.
До дивчины два козаки черезъ люде шлються.
— Хочъ вы шлиться, хочь не шлиться, не ваша я буду:
— Зъ однимъ стану на рушничекъ—другого забуду...

— Вотъ такъ Харько!—слышатся одобренія,—Хоть и старый, а молодого за поясъ заткнулъ.

— И какъ у него «очкуръ» не лопнетъ!

— У него «очкуръ» изъ струны отъ татарскаго «сагайдака».

Оваціи товарищей, оказанныя старому «танцюристѣ», возбудили зависть въ сердцѣ третьяго подвыпившаго молодца, и онъ, сорвавшись съ мѣста, засеменилъ ногами и махая въ воздухѣ шапкой, заладилъ говоркомъ:

У Бендери на рыночку пьютъ козаки горилочку.
Пили жъ вони, гуляли, на шинкарку гукали:
— «Шинкарочка молода, повирь меду и вина».
«Не повирю, не продамъ, бо на тоби жупанъ дранъ».
— Хочъ на мени жупанъ дранъ—есть у мене грошей жбанъ.—
«Якъ у тебя грошей жбанъ—я за тебе дочку дамъ».

— Э! Да это «жиноча» пѣсня, бабья! — отозвался сиво-

усый степенный запорожецъ.—Я знаю, съ чего она и почалась.

— А съ чего, дядьку?—спросили нѣкоторые.

— Да старые люди разсказывали мнѣ, когда я бѣгалъ еще безъ штановъ, что давно когда-то, чуть ли не за часы козака Байды...

— А! Это того Байды, что былъ у нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ отаманомъ. А когда его захватили въ полонъ турки и повѣсили на желѣзный «гакъ» за ребро...

— Знаемъ, знаемъ! Еще самъ султанъ хотѣлъ отдать за него свою дочь, только бъ онъ потурчился, а онъ...

— Ну, панове, не перебивайте дядька... Ну, что жъ вамъ старые люди разсказывали?

— Да разсказывали, будто турки давно когда-то полонили, между другими, одну молодичку съ дочкою-дивчинкою. Черезъ сколько тамъ лѣтъ, можетъ черезъ десять, а то и больше, наши дѣды-запорожцы взяли приступомъ Бендеры и хорошо погуляли. Видитъ одинъ молодой козакъ шинкарку и удивился, что она заговорила съ нимъ по-нашему. А это и была та молодица, что турки взяли въ полонъ съ дивчинкою, только она была ужъ шинкаркою и продавала вино и медъ, а дивчинка ея выросла и стала красавицею. Вотъ когда молодой запорожецъ похвастался, что у него «грошей жбанъ», шинкарка и позарилась на гроши, да, не разспросивши его, кто онъ и откуда и какого роду, и выдала за него свою дочку. А какъ молодые послѣ вѣнца вернулись домой, то и распытались, какого они роду. Она и говоритъ ему: «я изъ Кіева—Петривна, а по батькови—Ивановна». А онъ говоритъ ей: «и я изъ Кіева—Петренко, а по батькови—Иваненко». И вотъ, когда они узнали, что родные братъ и сестра поженились, то такъ испугалась, что бѣжали въ поле и въ горы, и какъ бѣжали они горами то разсѣялись травами, а бѣжали степями, разсѣялись цвѣтами: она стала желтымъ цвѣтомъ, а онъ синимъ, и обое ростутъ на одномъ стебелькѣ, и съ тѣхъ поръ люди зовутъ этотъ цвѣтокъ «братъ съ сестрою», а у москалей это Анютины глазки, либо Иванъ да-Марья.

— Такъ-такъ, — качали головами слушатели. — А мы, дядьку, признаться, и не догадывались, къ чему оно въ этой пѣснѣ поется въ концѣ:

Будутъ люди косити—за насъ Богу молити,
Будутъ люди цвиты рвати—изъ насъ грихи збирати,

Станутъ люде казати:
Отсе жъ тая травиця—изъ братиковъ сестрица.

— Такъ вонъ оно какое въ старовину дѣялось,—изумлялись добродушные сѣчевики, во многихъ отношеніяхъ дѣти.

— Да и какъ же было козаку догадаться, что бранка его сестра, когда ее маленькой въ Туреччину угнали? На кого не доведись!

— А батюшка на что? Его дѣло разспросить.

— Какіе батюшки въ Туреччинѣ! У нихъ и святые—голые. Сказано: голый, какъ турецкій святой.

— Оно и правда! Какіе тамъ батюшки.

Эта философская бесѣда продолжалась бы, можетъ быть, еще долго, еслибъ не случилось событіе, позорящее козацкую святыню.

Бесѣдующіе и пирующіе вдругъ услыхали отчаянный женскій крикъ со стороны «греческой избы», гдѣ находились спасенныя казаками полоняпки.

Всѣ повскакали съ мѣстъ, и трезвые, и пьяные, и бросились туда, откуда доносился женскій крикъ. Въ то же время увидѣли, что два дюжихъ запорожца силою тащили подъ руки третьяго, сильно упиравшагося, а еще два другихъ толкали его въ спину.

— Иди, иди, скурвый сынъ! Будешь знать, какъ до дивчатъ приставать у себя въ Кошѣ,—говорили послѣдніе.

Процессія вступила на майданъ.

XXVI.

— Что случилось, папове молодцы?—грозно спросилъ кошевой, хотя старый волкъ самъ догадался, въ чемъ дѣло.

— То случилось, пане атамане, что соромъ покрылъ все наше славное низовое товариство!—отвѣчали приведшіе виновнаго.

— Ну, говорите подлинно, какъ было дѣло,—повторилъ Сирко.

— Да такъ, батьку отамане,—отвѣчалъ одинъ изъ приведшихъ,—проходимъ мы, грѣшнымъ дѣломъ до вѣтру, около греческаго постою, какъ вдругъ слышимъ, какъ завопитъ женщина, а тамъ другая и третья! Коли глядь: одна изъ полоняпокъ, та, что постарше, тянетъ этого харцызяку изъ сѣней за чуприну, да еще какъ тянетъ!

Майданъ оглашается хохотомъ.

— Вотъ такъ дивка! Запорожецъ-дивка!

— А можетъ, молодица, кто ихъ, бранокъ разберетъ!

Сирко махнулъ въ воздухѣ булавой, и все смолкло.

— Ну, досказывай,—кивнулъ онъ словомъ.

— Вытащила она его за чубъ изъ сѣней и говоритъ намъ: судите насъ, козаченьки, и не дайте насъ въ обиду... Были мы въ неволѣ, и у татаръ, и у турокъ, и ни одинъ бусурманъ не насильничалъ надъ нами.

Глаза кошевого зловѣще сверкнули. Онъ былъ страшенъ.

— Га!—глухо выговорилъ Сирко.—Соромъ на нашу голову!.. Нашъ козакъ нанесъ поругу всему нашему славному войску запорожскому... Га! Полонянка бусурманамъ честь отдала, а не намъ!.. Ну?

— Она и говоритъ: этотъ харцызяка, говоритъ, ворвался пьяный къ намъ въ избу, и на кого бъ, вы думали, накинулся, чтобъ «помацать», на невинную, какъ младенчикъ, мою выхованку, Фатьму!

— Ого! Котъ до свяченого сала,—замѣтилъ кто-то.

Сирко повелъ глазамъ по толпѣ.

— Ну, и дотронулся поганецъ, «помацалъ»?—спросилъ онъ зловѣще.

— Нѣтъ, батьку, не успѣлъ: та, старшая полонянка, не дала, репьяхомъ вцѣпилась ему въ чуба и выволокла въ сѣни, какъ телепка... А тутъ и мы подоспѣли.

У виновнаго и хмель прошелъ.

— И что теперь про насъ скажутъ на Украйнѣ, когда «чутка» объ этомъ дойдетъ туда!—какъ бы про себя проговорилъ кошевой.

— Какъ не дойти, Иванъ Дмитріевичъ! Дойдетъ!—сказалъ судья.

— Безъ бумаги дойдетъ,—подтвердилъ писарь, — добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ.

— А не приведи Богъ, до Крыму добѣжитъ,—замѣтилъ и съ своей стороны эсаулъ.

— Ну, пане осавуло, не каркай,—остановилъ его писарь,— у тебя въ глазахъ всегда черные тараканы мерещутся.

Кошевой поднялъ булаву.

— Ну, панове товариство, славное войско низовое! Слу-

шайте войсковой присудъ,—сказалъ онъ громко.—По нашимъ законамъ, за безчестье женщины, особливо въ Кошѣ, смерть! Такъ, пане судья?

— Такъ, пане отамане,—отвѣчалъ послѣдній, — смерть у карнаго столба, кіями.

— Слышите, панове молодцы?—громко спросилъ Сирко.

— Слышимъ, батьку, — послышались угрюмые голоса,— присудъ правый.

— Зовите батюшку,—сказалъ кошевой, — пусть исповѣдуетъ.

Но батюшка уже былъ тутъ, въ облаченіи и съ распятіемъ въ рукахъ.

— Сему подобаетъ глухая исповѣдь,—сказалъ батюшка,— онъ виномъ исполненъ и безпамятенъ есть.

Батюшка накрылъ эпитрахилью голову осужденнаго на смерть и совершилъ глухую исповѣдь. Затѣмъ возгласилъ:

— Пріидите поклонимся Цареви нашему Богу! Пріидите поклонимся и припадемъ Христу Цареви нашему Богу! Пріидите поклонимся и припадемъ Ему!

Затѣмъ, развернувъ поданный ему церковнымъ сторожемъ псалтирь, восторженно, съ глубокимъ умиленіемъ прочелъ:

— Благослови, душе моя, Господи! Господи, Боже мой, возвеличился еси зѣло: во исповѣданіе и въ велелѣпоту облеклся еси, одѣяяйся свѣтомъ яко ризою, простираяй небо яко кожу, покрываяй водами превиспренняя своя, полагаяй облаки на восхожденіе свое, ходяй на крилу вѣтреню, творяй ангелы своя духи и слуги своя пламень огненный, основаяй землю на тверди ея, не преклонится во вѣкъ вѣка. Бездна яко риза одѣяніе ея, на горахъ станутъ воды...

Растроганный голосъ читавшаго проникалъ въ душу слушателей. Тишина стояла мертвая, и только слышались вздохи. Глубоко трогали этихъ за минуты бурныхъ и веселыхъ слушателей таинственныя, не совсѣмъ понятныя, но тѣмъ болѣе трогающія воображеніе слова вдохновеннаго псалма. Вся эта масса, молилась съ дѣтскою вѣрой въ то непостижимое, чего не можетъ объять духъ человѣческій... «Простираяй небо яко кожу... бездна—яко риза одѣяніе ея... на горахъ станутъ воды»...

— Очисти... остави... Господи Боже мой!—шепталъ ба-

тюшка и, осѣнивъ осужденнаго на смерть крестомъ, далъ ему поцѣловать распятіе.

— Ведите злочинца къ карному столбу,—сказалъ кошевой.

Ни слова, ни просьбы, ни жалобы не вырвалось у осужденнаго. Поддерживаемый подъ руки, онъ покорно двинулся къ мѣсту казни, къ сѣчевой колокольнѣ, гдѣ въ землю былъ вбитъ столбъ, запорожскій эшафотъ. У столба лежали орудія казни, «кій»—дубовые бичи съ «коринькoвыми» головками-закругленіями изъ корней той же дубинки.

Когда осужденнаго подвели къ столбу и хотѣли привязать къ нему сыромятными ремнями, тотъ оттолкнулъ палачей.

— Геть! Я не баба, устою,—мрачно сказалъ онъ.

— Казацкая отповѣдь,—согласился палачъ.

Нагнувшись потомъ, онъ поднялъ кій и поплевавъ въ руку, поднялъ его.

— Стережись, ожгу!—сказалъ онъ и, размахнувшись, ударилъ кіемъ въ спину осужденнаго.

— По головѣ бейте, братцы,—сказалъ послѣдній.

— Ты не гадюка, чтобъ тебя по головѣ бить,—отозвались казаки.

И другой палачъ ударилъ. Иные проходили мимо и не брали кіевъ.

— Прощай, хлопче,—говорили они,—не плачься на насъ.

— Не плакатимусь, не баба,—упорно отвѣчалъ осужденный.

Одинъ за другимъ проходили казаки мимо карнаго столба, и кто билъ осужденнаго, кто совсѣмъ не трогалъ его.

Такъ проходили курень за куренемъ, сотня за сотнею.

Какъ ни былъ стоекъ осужденный, но и его желѣзная воля подалась, и желѣзные мускулы не выдержали: тѣло его начало осѣдать...

— Подтяните его, панове, подвяжите подъ мышки,—сказалъ «осавула».

Приказаніе есаула исполнили, и несчастнаго, дѣйствительно, «подтянули» поплотнѣе къ столбу.

Казнь продолжалась. Голова несчастнаго уже не держалась на плечахъ. Но ни одного стона!.. Это былъ одинъ изъ тѣхъ неуязвимыхъ экземпляровъ человѣческаго рода, которые, умирая на колу, требовали «люльки покурить упослидне»..

А палачи все проходили мимо и били.

— Ты, пане Семене, не билъ?—спросилъ старшій Харько Шульгу.

— Не билъ, пане Харьку,—отвѣчалъ послѣдній.

— Жаль казака, нетяту?

— Нѣтъ... Ты читалъ евангеліе?

— Я не письменный, не грамотный.

— А въ евангеліи сказано, — проговорилъ Шульга, — что когда фарисеи привели къ Христу блудницу и требовали, чтобъ Онъ присудилъ побить ее камнями: у жидовъ, дядьку, такой законъ былъ, побивать камнями блудницъ. А Христосъ и говоритъ фарисеямъ: кто изъ васъ безгрѣшенъ, пусть первый броситъ въ нее камнемъ. Такъ они всѣ мялись-мялись, да поджавши хвостъ и на попятный. А Христосъ простилъ грѣшницу.

— Э! Да тожъ была баба, жинка, а это казакъ,—стоялъ на своемъ Харько.

Такова была его философія...

А тамъ все проходятъ мимо карнаго столба и все бьютъ...

— Панове!—крикнулъ кто-то.—Да онъ уже мертвый, холодный.

— Царство жъ ему небесне!—перекрестились многіе.

— Эхъ, козаче, козаче! Пропалъ ни за що, «ни за цапову душу»...

И мертвеца бросили въ Чертомлыкъ.

XXVII.

Удивительная судьба выпала на долю юной черкешенки, прелестной Фатьмы.

Лишенная съ дѣтства родительскихъ ласкъ и попеченій, она съ восьми лѣтъ сдѣлалась достояніемъ невольничьихъ рынковъ. Нѣжное, прекрасное дитя очутилось сначала на рынкѣ Трапезонта среди невольницъ и невольниковъ всѣхъ странъ и народовъ. Потомъ судьба кинула этого ребенка въ гаремы Крыма въ Кафу, къ Нурредину-агѣ, гдѣ и готовилась исполнять обязанности сераля подъ руководствомъ украинской полонянки, такой же, какъ и она, невольницы. Судьба, казалось, сжалилась надъ одинокимъ ребенкомъ, пославъ ей такую добрую, сострадательную воспитательницу, какъ Марина изъ Бѣлой Церкви. Казалось, что въ гаремѣ Нурредина-аги и долженъ былъ завянуть

этотъ нѣжный цвѣточекъ юга. Дѣвочка росла подъ нѣжнымъ наблюденіемъ сердобольной Марины. Прелестнымъ подросткомъ, гуляя въ гаремномъ саду, отгороженномъ отъ міра высокими каменными стѣнами, она и въ этомъ нѣжномъ возрастѣ пѣла уже грустныя пѣсни Украины, которымъ научала ее чернобровая Марина. Часто своимъ мелодичнымъ голосомъ Фатьма напѣвала любимую тогда казацкую пѣсню «горе пани Потоцкой»·

Засвистали козаченьки въ походъ съ-полуночи,
Заплакала Марусенька свои ясны очи...

И ей представлялись грустныя картины далекаго дѣтства, когда онѣ съ матерью съ плачемъ провожали, бывало, ея отца тоже въ какой-то «походъ», въ набѣги и тоже съ «полуночи». Хоть ей было тогда семь-восемь лѣтъ, но она такъ живо это помнила.

А то вмѣстѣ съ Мариной, сидя въ тѣни роскошныхъ деревъ гаремнаго сада, тихо напѣвали:

Ой гаю мій, гаю!—густый—не прогляну!
Якъ квиточка безъ водицы въ неволи завьяну...

Но не суждено было «поразительной красотѣ» завянуть въ гаремѣ Нурредина. Красоту ожидала иная доля: чудному цвѣтку суждено было, казалось, распуститься въ роскошныхъ садахъ повелителя правовѣрныхъ, въ цвѣтникѣ самого падишаха.

Но и тутъ капризная судьба вмѣшалась въ молодую жизнь. Вмѣсто Стамбула, юная черкешенка очутилась на Запорожьѣ, на Украинѣ, гдѣ шла кровавая борьба булавы и бунчука съ другими булавами и бунчуками, а съ тѣмъ вмѣстѣ и съ санджаками падишаха.

Удивительная красота юной черкешенки такъ поразила Ханенка, что обладаніе ею стало для гетмана правобережной польской Украины дороже булавы и бунчука. Онъ тамъ же, на запорожскомъ майданѣ, порѣшилъ связать свою судьбу съ судьбою черкешенки.

Но Ханенко не предвидѣлъ, что на пути къ обладанію Фатьмой ему станетъ опасный, болѣе его изворотливый противникъ.

Это былъ уже знакомый намъ польскій полковникъ Янъ Пиво-Запольскій.

Это была удивительная личность, типичнѣйшій продуктъ того

смутнаго времени, когда злой историческій рокъ толкалъ въ пропасть двѣ державы, гдѣ онѣ и покончили свое существованіе, какъ государственныя особи, только одна раньше, другая позже: это—Украина и Польша.

Юная черкешенка стала яблокомъ раздора между Ханенкомъ и Яномъ Пиво-Запольскомъ. Янъ Пиво тоже увидѣлъ случайно черкешенку, когда изъ Запорожья ее везли въ Бѣлую Церковь, и тоже былъ пораженъ ея необычайною красотой.

Чтобы хотя сколько-нибудь охарактеризовать личность соперника Ханенка, достаточно привести нѣсколько выдержекъ изъ офиціальныхъ документовъ того времени.

Въ то время между Москвой и Варшавой шли переговоры, уступать ли вмѣстѣ съ правобережной Украиной и самый Кіевъ или не уступать.

Поляки, въ ожиданіи этой уступки, и послали изъ Полѣсья къ Кіеву этого самого полковника Яна Пиво съ его полкомъ, и онъ, не долго думая, тотчасъ же, какъ сухопутный флибустьеръ, и сталъ неистовствовать въ чужой странѣ, грабить и разорять окрестное населеніе и въ особенности кіевскіе монастыри.

Уже Дорошенко, отправляя на польскій сеймъ своихъ пословъ, въ данной имъ инструкціи говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Зъ Пива, который все Полѣсево и часть Украины, меновите монастиръ Межигорскій и добра митрополитанскіе и иншого духовенства всѣ спустошилъ и внѣвечъ обернулъ, новорачаня арматъ и всее черезъ него въ томъ же монастырѣ Межигорскомъ забраной худобы, оразъ тежъ справедливости и слушного скараня пилно упомнѣтися повинны».

Т. е., послы должны были добиваться возвращенія пограбленныхъ Яномъ Пиво пушекъ и имущества, а также настаивать на примѣрномъ наказаніи этого разбойника.

Въ то же время поставленный московскимъ правительствомъ въ Кіевъ на воеводство окольничій и воевода князь Григорій Аѳанасьевичъ Козловскій рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать съ этимъ разбойникомъ, а гетманъ Многогрѣшный незадолго до своего паденія, между прочимъ, въ отпискѣ къ царю Алексѣю Михайловичу жаловался: «его королевскаго величества полков-

никъ Пиво, имѣя умышленія тое стороны съ гетманомъ съ Петромъ Дорошенкомъ, гдѣ токмо сыщетъ сеѣ стороны людей разныхъ, хотя и на Днѣпрѣ, побиваетъ и грабитъ. И таковыхъ обидъ намъ, вѣрнымъ подданнымъ, много чинитца, что невозможно и описать свыше сего, не хотя вашего царского пресвѣтлого величества престолъ утруждати».

Тогда же кіевскій мѣщанинъ въ кіевской приказной избѣ объявлялъ князю Козловскому, что видѣлъ онъ «въ Трипольи привезены съ поль разныхъ городовъ торговыхъ всякихъ чиновъ людей, человѣкъ съ двѣнадцать порубленныхъ, а тѣхъ торговыхъ людей порубилъ полковникъ Янъ Пиво съ поляки... Да онъ же де Янъ Пиво съ поляки два мѣстечка кіевскаго печерскаго монастыря, Олшанку и Тростянку, всѣхъ подданныхъ пограбилъ, всякую животину и хлѣбъ, и платья побрали».

Самъ же князь Козловскій пишетъ «тишайшему»:

«Мы, холопи твои, Гришка Козловской съ товарищи, били тебѣ, великому государю, челомъ, что полской полковникъ Янъ Заполска-Пиво приходилъ изъ Димера въ Межигорскій монастырь съ полкомъ и, стоявъ въ томъ монастырѣ съ недѣлю, пошелъ назадъ въ Димеръ. А будучи онъ въ монастырѣ, ималъ стацею и всякое разоренье чинилъ, и залогу свою оставилъ... И если, государь, полковникъ Янъ Пиво или иные полковники съ полками придутъ къ Кіеву и станутъ ближнимъ монастырямъ какое разоренье чинить, и намъ, холопемъ твоимъ, тѣ монастыри оборонять ли?»

Вопросъ чисто христіанскій: подставить ли другую ланиту для заушенія?..

А далѣе еще болѣе по заповѣди Христа.

«Вѣдамо намъ, холопемъ твоимъ, — пишетъ князь Козловскій,—чинитца, что хочетъ онъ Пиво съ полкомъ своимъ притти въ Кіевъ и стоятъ въ нижнемъ городѣ; и если онъ, полковникъ, съ полкомъ учнетъ къ Кіеву сближатца, и мы, холопи твои, къ нему, полковнику Яну пошлемъ говорить, чтобъ онъ въ Кіевъ и въ ближніе мѣста къ Кіеву съ полкомъ своимъ не приходилъ; а будетъ, государь, посылки нашей, холопей твоихъ, онъ, полковникъ, не послушаетъ и самовольствомъ своимъ пойдетъ съ полкомъ въ Кіевѣ, и мы, холопи твои, его, полковника, съ полкомъ его въ Кіевъ пустить не велимъ; и если станетъ онъ, полковникъ, съ полкомъ отъ Кіева въ ближнихъ мѣстахъ и монастыремъ на-

силіе какое и разореніе чинить, и намъ, холопемъ твоимъ, тѣ монастыри оборонятъ ли?»

Въ статейномъ спискѣ подъячаго Михаила Савина записано, что «генеральный писарь Карпъ Мокрѣевъ сказывалъ подъячему: вѣдомо-де гетману учинилось: архимандритъ-де печерской посылалъ старца своего въ Василковъ къ Пиву полковнику, чтобъ, для церкви Божіи, подданныхъ ихъ мужиковъ достальныхъ, которые остались въ живыхъ, не рубилъ. А того-де посланнаго старца у Пива въ полку есть сродичь, и сказывалъ тому старцу тайно: изъ Польши-де идетъ князь Острожскій съ полскими людми и съ пушками къ Пиву на помочь, и хотятъ-де оплешкою ударить въ Печерскій монастырь, или въ кіевской нижней городъ, а разоря-де-то все и пограбя, отойдутъ попрежнему въ свои мѣста»:

Въ письмѣ сотника Волошина къ полковнику Солонинѣ читаемъ:—«Пиво товарищамъ своимъ говорилъ: поѣду-де къ господину своему гетману, а буду просить, чтобъ мнѣ зимовой хлѣбъ далъ; къ тому жъ чтобъ мнѣ позволилъ внити на Заднѣпріе и на дорогахъ засѣсть для разбоевъ купцовъ ѣдущихъ кіевскихъ нашихъ и иныхъ заднѣпровскихъ».

Въ началѣ 1672 года князь Козловскій сообщаетъ царю такія вѣсти о Пивѣ:—«декабря въ 31 день, прибѣжавъ въ Кіевъ мѣстечка Василкова жители, сказывали: вчерашняго-де дня, въ ночи, пришедъ полковникъ Пиво съ полкомъ, мѣстечко Василковъ приступомъ взяли и многихъ жителей побили и городовую проѣзжую башню и многіе дворы выжгли».

И вновь Козловскій спрашиваетъ:—«если полковника Пива будетъ приходъ въ Печерскій монастырь и учнетъ чинить разоренья, то ратныхъ людей на него посылать ли и тѣ монастыри оборонять ли и битца-ль съ ними?»...

Онъ же въ другомъ мѣстѣ доноситъ царю:—«къ намъ, холопемъ твоимъ, Гришкѣ Козловскому съ товарищи, приходилъ кіевскій войтъ Данило Полоцкой съ бурмистры и сказывалъ: вѣдомо-де имъ чинитца, что полковникъ Пиво фалитца и хочетъ съ полскими людми притти къ нижнему Кіеву городу изгономъ»...

Наконецъ, городовой остерскій атаманъ Игнатъ Проскуренко пишетъ полковнику Солонинѣ:—«Пиво пали во всемъ Полѣсьи по городамъ и шляхтѣ заказалъ, кой бы часъ имѣлъ какій ку-

нецъ ѣхать, хотя кіевскій или заднѣпровскій, дабы «имали со всѣмъ, что уже иныхъ и пограбилъ»... *).

Вотъ такой-то разбойникъ заступилъ Михайлѣ Ханенку дорогу къ юной черкешенкѣ.

XXVIII.

Изъ Запорожья Фатьму и Марину казаки проводили сначала до Кіева, гдѣ Марина должна была благодарить печерскихъ угодниковъ за свое освобожденіе изъ неволи. Но въ Кіевѣ она узнала, что въ Бѣлой-Церкви уже никого не осталось въ живыхъ изъ ея родни и что, можетъ быть, въ Чигиринѣ она найдетъ кого-либо изъ родныхъ, такъ какъ многіе бѣлоцерковцы переселились въ Чигиринъ на службу къ Дорошенкѣ. Поэтому, она и просила участливыхъ запорожцевъ проводить ее съ Фатьмой до Чигирина, на что казаки и заявили, что они туда именно и ѣдутъ съ порученіемъ отъ Коша къ Дорошенкѣ и съ радостью проводятъ спасенныхъ ими же полонянокъ.

По пути въ Чигиринъ, не доѣзжая Василькова, путешественники наши и наткнулись на ужаснаго Яна Пиво съ небольшимъ отрядомъ его жолнеровъ.

Увидавъ Фатьму и будучи пораженъ ея красотой, онъ тутъ же хотѣлъ отбить у запорожцевъ прелестную черкешенку; но, узнавъ, что казаки ѣдутъ къ Дорошенкѣ съ порученіемъ отъ Коша, храбрый полковникъ отказался поневолѣ отъ своего замысла, но и то на-время только. Онъ разсыпался передъ дѣвушками въ самыхъ изысканныхъ любезностяхъ, неистово звенѣлъ оправленной въ золото «карабелей» и серебряными «острогами», сравнивалъ юную черкешенку и съ лиліей, и розой, завидывалъ лучамъ солнца, которые лобзаютъ ея щечки, завидывалъ фляжкѣ съ водой, поданной Фатьмѣ запорожцемъ, потому что къ фляжкѣ прикасались и прелестныя ручки панёнки, и ея коралловыя губки, и постоянно повторялъ «слово гонору, якъ Бога кохамъ».

Въ душѣ же онъ твердо рѣшилъ достать красавицу, во что бы это ни обошлось.

Прибывъ въ Чигиринъ, наши путешественники явились прямо

---

*) Акты южной и западной Россіи. Г. IX, 311, 403, 577, 622, 628, 629, 652 и 736.

на гетманскій дворъ. Дорошенко ласково принялъ и запорожцевъ, и привезенныхъ ими дѣвушекъ. Тутъ только Марина узнала, что и въ Чигиринѣ не осталось уже никого изъ ея родныхъ, и горько заплакала.

— Тяжка твоя доля, дивчино, — участливо сказалъ гетманъ,—такой насталъ часъ для Украины, что не только ты, Марисю, всю твою молодую жизнь провела въ неволѣ, но полонянкою стала и вся тогобочная Украина. А ты родомъ не тогобочная, а потому не плачь, дивчино: я буду тебѣ батькомъ... Живи у меня.

Еще съ большимъ участіемъ обратился къ юной черкешенкѣ, узнавъ ея «щербатую долю».

— Буду я и для тебя, дитино моя, батькомъ, — сказалъ, гладя ея золотистую головку,—тѣмъ паче, что родилась ты на Кавказѣ, подъ священными санджаками царя царей, всемогущаго моего и всѣхъ правовѣрныхъ повелителя. Я тебя никому не дамъ въ обиду.

Но злой рокъ, казалось, рѣшилъ вѣчно преслѣдовать это бѣдное, одинокое существо.

Молодость и красота Фатьмы съ перваго же дня ея жизни въ гетманскомъ домѣ возбудили ревность и зависть въ душѣ жены Дорошенка, тѣмъ болѣе, что юная черкешенка произвела такое впечатлѣніе на влюбчиваго Мазепу, все еще остававшагося при Дорошенкѣ, что этого не могла не замѣтить ревнивая Дорошенчиха, все еще жаждавшая любви, несмотря на то, что недавно уже взрослая дочь ея была выдана замужъ за пана полковника Лизогуба-Якова.

Дорошенчиху не отрезвила любовная ея исторія съ Мазепой, случившаяся четыре года назадъ, когда этотъ же Мазепа подъ диктовку матери Дорошенка писалъ ему, «что жена его скочила черезъ плотъ зо молодшимъ», хотя этимъ «молодшимъ» былъ самъ Мазепа, который тогда, ночью 1668 года, и перескочилъ черезъ «плотъ», спасаясь отъ заставшей ихъ въ саду матери гетмана. Хотя Дорошенко, прискакавъ тогда въ Чигиринъ, жестоко «проучилъ» жену, однако, она не выдала Мазепы, а наклеветала со злости на невиннаго казака-красавца, любившаго свою невѣсту, юную украиночку, и оттолкнувшаго отъ себя, «залицявшуюся до молодого козаченка», гетманшу.

И красивая голова этого «козаченка» скатилась на плаху,

по приказу разъяреннаго гетмана... Съ тѣхъ поръ и начала Дорошенчиха жестоко пить.

Иванъ Степановичъ Мазепа, воспитавшійся на любовныхъ похожденіяхъ при дворѣ королей польскихъ, знатокъ и цѣнитель женской красоты, сразу плѣнился юной черкешенкой и, какъ ни былъ тонокъ и скроменъ въ любовныхъ дѣлахъ, все же не обладалъ тонкимъ искусствомъ, чтобы скрыть отъ хитрой Дорошенчихи свое увлеченье Фатьмой.

И для бѣдной сиротки домъ гетмана сталъ адомъ. Жена гетмана очень тонкимъ, а подчасъ, въ порывѣ опьяненія, и грубымъ ядомъ отравляла жизнь молодого, беззащитнаго существа. Правда, самъ Дорошенко, сильный волею, горячо полюбилъ это слабое, прелестное дитя. Но, за сложными государственными дѣлами, въ водоворотѣ борьбы за независимость Украины, могъ ли онъ удѣлять Фатьмѣ столько вниманія, чтобъ защитить ее отъ тайной ненависти къ ней своей жены!

Но болѣе всего мучило ее вниманіе Мазепы. Она инстинктомъ своей душевной чистоты чувствовала что-то пугавшее въ этомъ вниманіи, въ выраженіи ласковыхъ глазъ человѣка, повидимому, принимавшаго въ ней глубокое участіе.

— Бѣдная панночка!—говорилъ онъ, встрѣтивъ ее одну въ гетманскомъ саду.—Какъ я думаю, дорогое дитя, тоскуетъ по своей далекой отчизнѣ, по своимъ горамъ.

— Я привыкла, пане писарю, къ неволѣ, — отвѣчала Фатьма, стараясь не глядѣть въ заискивающіе глаза Мазепы.

— Но теперь панночка не въ неволѣ, и панъ гетманъ такъ любитъ панночку, не правда ли?

— Да, панъ гетманъ такой добрый.

— И мое сердце такъ льнетъ къ панночкѣ, какъ къ родной дочечкѣ, даже больше.

— А мнѣ сказали, что сердце пана писаря у ногъ пани Фридрилевичъ,—проговорила вдругъ какъ изъ земли выросшая Марина.

Мазепа вздрогнулъ отъ этой неожиданности.

— Ахъ, это Марыся жартуетъ, — сказалъ онъ, насильно улыбаясь.

— Какія жарты,—тоже улыбнулась Марина.—Вотъ панъ писарь такъ жартуетъ съ моею донечкой.

— Но я панночку всѣмъ сердцемъ люблю...

— Да, какъ котъ сало,—совсѣмъ разсмѣялась Марина.

Въ это время въ саду показалась сама гетманша, пани Дорошенкова.

— А!—лукаво протянула она.—Я думаю, что панъ писарь на урядѣ войсковомъ универсалы компонуетъ: ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ кому видати належить, полковникомъ, ясауломъ сотникомъ и всему поспольству... А панъ писарь войсковый словесные универсалы разсыпаетъ передъ дивчатами.

Но Мазепа не такой былъ человѣкъ, чтобъ не извернуться даже и не въ такомъ пустомъ дѣлѣ, какъ въ ревнивой шуткѣ гетманши.

— О, ясновельможная пани гетманова! — притворно воскликнулъ онъ. — Я только по мягкосердечію моему изъявилъ панне Фатьмѣ сожалѣніе, что она, сиротка, должна очень тосковать по своей далекой отчизнѣ.

— Въ гетманскомъ домѣ, панъ писарь, она не сирота,— возразила Дорошенчиха.

— О! Я знаю, что панъ гетманъ любитъ панночку, какъ родную дочь,—подлилъ лукавый писарь масла въ огонь, и безъ того пылавшій.

— Не побольше ли родной дочки!—вспыхнула гетманша.— Вонъ онъ насильно отдалъ свою дочку за Яшку Лизогуба, хоть Лизогубъ и «губу копиливъ», а женился поневолѣ, боясь гетманскаго гнѣва.

— О! Ясновельможная пани гетманова всегда права, — льстилъ Мазепа,—мнѣ достовѣрно вѣдомо, что Яшка Лизогубъ залицялся до падчерицы Дмитрашковой Райчи... И я певенъ, что ему не подали бъ «гарбуза», потому что Дмитрашко спитъ и видитъ, какъ бы Лизогубовъ и его сторонниковъ переманить на тотъ бокъ Днѣпра.

Этимъ маневромъ Мазепа успѣлъ отвлечь вниманіе гетманши въ другую сторону. Но Марина, опытность которой была изощрена долголѣтнимъ пребываніемъ въ неволѣ, убѣдилась, что пребываніе ея любимицы Фатьмы въ Чигиринѣ не безопасно: изъ неволи, гдѣ юную черкешенку берегли и лелѣяли для гарема, она попала въ неволю гораздо худшую. Надо было, во что бы то ни стало, спасти Фатьму.

И Дорошенко помогъ ей въ этомъ. Онъ догадался, что черкешенка не безопасна даже подъ его защитой Частыя отлучки

его изъ Чигирина, военные походы, борьба съ противниками, изъ-за булавы, мысль объединить всю Украину, и правобережную, и лѣвобережную, если не подъ одной булавой, то въ полной независимости отъ Польши и отъ Москвы, все это мѣшало ему удѣлять достаточно вниманія той, для которой онъ хотѣлъ быть отцомъ.

И Марина случайно навела его на мысль, которая показалась ему вполнѣ подходящей.

— И у татаръ, и у турокъ Фатьму было легче сберечь, чѣмъ среди моихъ земляковъ,—сказала она какъ-то гетману, когда тотъ спросилъ ее о черкешенкѣ.

— Какъ такъ?—удивился Дорошенко.

— Пану гетману гдѣ-жъ за всѣмъ усмотрѣть?—отвѣчала Марина, не выдавая, однако, Мазепы.—Ея красота—вотъ ея ворогъ... Ужъ и на Запорожьѣ покушались на ея честь, чего не было съ ней ни въ Кафѣ, ни въ Очаковѣ. А на Запорожьѣ, въ первый же день нашего прибытія туда, одного козака забили кіями до смерти за честь Фатьмы... А еще корятъ и татаръ и турокъ за ихъ вѣру... Кажется, я бы опять пошла въ неволю, только-бъ уберечь Фатьму.

И въ головѣ Дорошенка разомъ созрѣла мысль: послать Фатьму въ подарокъ султану... Онъ этимъ обезпечитъ ея безопасность и сдѣлаетъ пріятное своему повелителю—падишаху...

— А тебѣ не тяжко будетъ снова покинуть Украину? — спросилъ онъ Марину.

— Богъ съ ней, съ Украиной,—съ грустью отвѣчала дѣвушка.—Въ ней ничего для мене не осталось, ни роду, ни племени, однѣ только пѣсни... А пѣсни у меня и неволя не отняла.

— Я это къ тому говорю, дивчино, что хочу спасти Фатьму, а безопасна она будетъ только подъ крыломъ султана... Я и пошлю ее къ нему, но только не безъ тебя... Ты убережешь ее.

— Съ нею я хоть на край свѣта... Что мнѣ Украина!

И дѣвушка заплакала о своей разбитой долѣ.

XXIX.

Борьба изъ-за булавы и бунчука, обостривъ отношенія между претендентами на власть, была источникомъ явленія, ускорившаго конечную гибель Украины. Явленіе это—шпіонство. Не только у всѣхъ гетмановъ, но и у полковниковъ были вездѣ

свои шпіоны, и на Москвѣ, и въ Варшавѣ, въ Кіевѣ и Батуринѣ, въ Чигиринѣ и на Запорожьѣ.

Были шпіоны и у Ханенка, соперника чигиринскаго гетмана.

Ханенко, видѣвшій Фатьму на Запорожьѣ и пораженный ея красотой, не въ силахъ былъ забыть юную черкешенку. Она манила его пылкое, отчасти татарское воображеніе, и онъ, благодаря своимъ шпіонамъ, не покидалъ ее изъ виду. За ней слѣдили и во время ея поѣздки въ Кіевъ, и на пути въ Бѣлую-Церковь, и въ самомъ Чигиринѣ. Шпіонамъ Ханенка удалось провѣдать, что Дорошенко рѣшилъ отправить красавицу въ даръ султану. Узнали даже о днѣ ея выѣзда изъ Чигирина подъ охраною особаго отряда и дали знать Ханенкѣ.

Отрядъ, сопровождавшій Фатьму и Марину, составляли находившіеся у Дорошенка турецкіе солдаты «семени» съ «чаусомъ» во главѣ.

Хотя Марина съ охотою рѣшилась сопровождать свою любимицу въ Турцію, однако, покидая навсегда дорогую родину, она не могла не тосковать. Теперь еще дороже для нея стало это голубое небо Украины, эти родныя поля, пестрѣвшія знакомыми съ дѣтства цвѣтами, эти высокія могилы, что по словамъ пѣсни, «славу нашу вкрыли»... Эти вербы, что тихо шепчутся около «ставковъ и гребель», даже подгоняемое вѣтеркомъ перскати-поле—символъ ея скитальческой молодой жизни, все это съ болью отрывалось отъ ея сердца...

«Тихія воды, ясныя зори, край веселый, людъ хрещеный»,—сами собой повторялись въ ея душѣ эти слова «думы», которыя когда-то утѣшали ее въ неволѣ, а теперь рвали ея душу.

Бѣлая лунь пролетѣла надъ степью и скрылась въ дымчатой дали. Такъ и отъ нея скроется навсегда Украйна.

Аистъ бродилъ у степного болотца... И онъ къ зимѣ улетитъ въ Ирій, туда, куда и она теперь улетаетъ... Но онъ весной опять воротится на Украину... Но она—никогда!

Подъѣзжая къ Бугу, она долго-долго оглядывалась на родную сторону...

— Точно Маруся Богуславка,—мелькнуло у нея въ умѣ:—«потурчусь, побусурменюсь»... Она тихо, тихо запѣла:

Доле моя, доле!—де ти заховалась?
Чи въ поли, чи въ лиси, чи въ неньки зосталась?

А може ти, доле, у мори втонула...
Якъ во мори втонула—приплынь къ бережечку..

— Нѣтъ ужъ, не приплыть ей къ берегу,—сама себя поправила дѣвушка,—утонула моя доля въ Черномъ морѣ, когда насъ везли на продажу.

И она горько заплакала, закрывъ лицо руками.

Увидавъ это, Фатьма бросилась къ ней на шею.

— Не плачь, мамочко! Не плачь, Марысю! Я-жъ буду всегда съ тобою, какъ у Нурредина-аги было, всюду вмѣстѣ,—говорила она, ласкаясь къ плачущей.

Вдругъ, у самаго Буга, съ правой стороны изъ-за лѣсу показался сильный казацкій отрядъ съ развѣвавшимся въ воздухѣ гетманскимъ, польской стороны, знаменемъ, и подъ вой боевой трубы понесся на небольшой отрядъ «семеновъ», сопровождавшихъ Фатьму и Марину.

— Стой!—крикнули изъ казацкаго отряда.—А то стрѣлять будемъ.

Турки остановились, увидѣвъ, что это казаки не Дорошенковой булавы. Остановилась и колымага, крытая балагула, въ которой находились Фатьма и Марина.

Къ скучившейся группѣ «семеновъ» подъѣхалъ казакъ въ богатомъ одѣяніи и вооруженіи, съ алмазнымъ перомъ на шапкѣ и съ блестящею булавою въ рукѣ.

Фатьма и Марина тотчасъ узнали въ немъ Ханенка, котораго онѣ видали на запорожскомъ майданѣ.

— По приказу ясноосвѣщоного круля, моего милостиваго пана,—обратился Ханенко къ чаусу,—я долженъ задержать сопровождаемыхъ вами въ Турцію плѣнницъ. Онѣ на землѣ моего круля, и ему я долженъ ихъ представить.

— Но намъ онѣ довѣрены гетманомъ Дорошенкомъ, улусникомъ повелителя правовѣрныхъ, тѣни Аллаха на землѣ, да живетъ онъ вѣчно! И должны быть доставлены до высокаго порога непобѣдимаго падишаха, царя царей земныхъ,—съ достоинствомъ отвѣчалъ чаусъ.

— Дорошенко не имѣлъ права распоряжаться освобожденными изъ полону бранками, а тѣмъ менѣе отсылать ихъ въ Турцію,—возразилъ Ханенко. — Мы беремъ ихъ нашею саблею. Коли смѣете, защищайтесь!

Чаусъ воздѣлъ руки къ небу.

— Аллахъ видитъ,—покорно сказалъ онъ,—что маленькая горсть ягнятъ, хотя и равныхъ храбростью львамъ пустыни, не могутъ противостоять цѣлой стаѣ волковъ.

— Хорошо, разумно сказано,—улыбнулся Ханенко и подъѣхалъ къ колымагѣ съ выглядывавшими изъ нея полонянками.

— Добрый день, прекрасная панночка,—обратился онъ къ Фатьмѣ,—будь здорова и ты, Марысю. Такъ я тебя назвалъ?

— Такъ, пане гетмане,—отвѣчала Марина.

— Скажите, будь ваша ласка, панночко, и ты, Марысю, вы своею охотою оставили Дорошенкову протекцію, или онъ своею властью передалъ васъ туркамъ?—спросилъ гетманъ королевской руки.

— И волею, пане гетмане, и неволею, — развела руками Марина.—Скорѣе неволею... Дорошенчиха такъ невзлюбила мою названную доню, что ѣла ее, яко ржа железо, хоть только намеками да глазами... А къ тому и Мазепѣ впала въ око моя сиротка... Такъ я...

—О, Мазепу я знаю!—вспыхнулъ Ханенко.—Это волкъ, готовый таскать овечекъ изъ всякой кошары.

Въ Ханенкѣ разомъ проснулась жгучая ревность.

— «Какъ! Послѣ пани Фальбовской и самой Дорошенчихи, онъ, волкъ несытый, думалъ погубить и этого невиннаго ангелочка!—колотилось въ мысляхъ влюбленнаго гетмана.—Нѣтъ, руки коротки, да я и отрублю ихъ, когда потянутся за этимъ сокровищемъ».

— Я перерву горло этому волку, если онъ покусится на панночку!—сказалъ онъ пылко и даже ухватился за рукоятку дорогой сабли.—Я и его милость, король, не дадимъ панночку въ обиду.

И онъ снова отъѣхалъ къ чаусу и его маленькому отряду.

— Такъ дѣло рѣшено, пане чаусе,—сказалъ онъ твердо.—Мы беремъ отъ васъ не принадлежащую ни вамъ, ни пославшему васъ дорогую добычу, и вы можете дѣлать, что вамъ заблагоразсудится, возвратиться ли въ Чигиринъ и доложить о случившемся или продолжать путь въ Турцію.

Чаусъ только развелъ руками.

— Ну, панове молодцы,—обратился Ханенко къ своему отряду.—Охота наша кончилась безъ пролитія крови.

— Жаль,—улыбнулся уманскій полковникъ,—не мѣшало бъ пощупать этихъ голомазыхъ.

— Да они, пане полковнику, не своею волею,—возразилъ гетманъ,—да и покорны, какъ ягнята, а мы, панове, не волки.

— Не стоило и рукъ марать, пане гетмане,—отозвалось изъ отряда нѣсколько голосовъ.

— Завертайте же коней, храбрые уманцы, да нехай кто-либо изъ молодшихъ хлопцевъ сядетъ на передокъ балагулы за погонича вмѣсто того турчина. Погоничу не скучно будетъ съ дивчатами,—проговорилъ Ханенко.

— Добре, батьку гетмане, мы до сего торгу й пишки, какъ говорятъ люди,—отозвался одинъ безусый казачекъ, соскакивая съ лошади и подводя ее къ балагулѣ, чтобъ привязать.

На передкѣ балагулы сидѣлъ кривой на одинъ глазъ турокъ и энергично скребъ затылокъ.

— Геть къ нечистой матери, собачій сынъ!—крикнулъ на него казачекъ.—Бувайте здоровеньки, панночки,—привѣтствовалъ онъ Фатьму и Марину.

— Спасибо, козаченьку,—улыбнулась послѣдняя.

Кривой турокъ нехотя поплелся къ своимъ, какъ бы говоря своей лѣнивой походкой: на чемъ же я поѣду?

Казачекъ вскочилъ на передокъ балагулы и радостно осклабился.

Къ балагулѣ подъѣхалъ и Ханенко. Лицо его дышало радостью.

— Поворачивай коней, хлопче,—сказалъ онъ погоничу.

— Заразъ, батьку отомане.

Сдѣлавъ привѣтствіе рукой дѣвушкамъ, гетманъ поскакалъ къ отряду.

— Вотъ, мамочко, ты опять въ свою Украину, — сказала Фатьма и нѣжно обняла Марину.

XXX.

До Умани балагула съ Фатьмой и Мариной слѣдовала за отрядомъ Ханенка. Влюбленный гетманъ почти не отходилъ отъ дѣвушекъ, молодецки гарцуя рядомъ съ балагулой и постоянно заговаривая то съ черкешенкой, то съ украинкой. Но Фатьма была мало разговорчива, зато Марина повеселѣла нѣсколько.

— На нашей Украинѣ ты подцѣпишь себѣ такого козака въ мужья, что изъ полонянки разомъ станешь полковницей,—говорилъ гетманъ, улыбаясь Маринѣ.

— Гдѣ ужъ мнѣ?—возражала та.—Я давно бабуся.

— Ужъ и бабуся! Что-то мнѣ не приходилось видѣть такихъ бабусь.

— А то жъ и не бабуся! Вонъ какую большенькую доченьку вычостила,—указывала Марина на Фатьму.

— А въ самомъ дѣлѣ, Марысю, сколько тебѣ лѣтъ?—спросилъ гетманъ.

— Да много что-то... По пятнадцатому году меня въ полонъ угнали татары, да въ неволѣ сколько лѣтъ провела, ужъ и счетъ потеряла.

— А сколько?—допытывался Ханенко.

— Да будетъ ужъ десять годковъ, которые за сто тянулись для меня.

— Такъ тебѣ только двадцать четыре! Не велика старость.

— Для дивчины украинки велика... У насъ въ пятнадцать и шестнадцать лѣтъ сватамъ «рушники подаютъ»,—съ грустью прибавила Марина.

— Подаютъ и въ тридцать,—возразилъ Ханенко.

Потомъ гетманъ говорилъ съ Фатьмой.

— Провожу я васъ, дѣтки мои милыя, до Умани,—сказалъ онъ.—А изъ Умани мнѣ нужно будетъ проѣхать до его милости, короля. Изъ Умани же я отправлю васъ съ особымъ отрядомъ въ Бѣлую Церковь.

— Это моя родина... Тамъ я когда-то маленькою бѣгала и въ «хрещина» да въ «шума» играла, пока на татарское сѣдло не попала,—съ грустью замѣтила Марина.

— Тѣмъ лучше, вспомнишь дѣтство... Тамъ васъ помѣстятъ до времени въ семействѣ бѣлоцерковскаго коменданта, пана Яна Жигимонта Лобеля. Полковница—такая сердечная пани. И панночкѣ не скучно будетъ у Лобелей: у нихъ есть дочери, ровестницы панночкѣ.

— Такъ онъ полякъ, этотъ Лобель?—спросила Марина.

— Полякъ; а только онъ хорошо говоритъ по нашему, по-украински. А когда я доложусь его милости, королю, то и самъ прибуду въ Бѣлую Церковь. Его милость, король, отнесется къ

вашей судьбѣ съ отеческимъ участіемъ, и я привезу отъ него къ вамъ богатые подарки.

Но его намѣреніямъ и радужнымъ мечтамъ не суждено было сбыться.

На дорогѣ къ его счастью стоялъ тотъ, кого не даромъ монахи Печерскаго и Межигорскаго монастырей называли «бѣсомъ полуденнымъ». Это былъ знаменитый польскій полковникъ, Янъ Пиво-Запольскій. И у него, какъ и у всѣхъ претендентовъ на булаву и бунчукъ, были свои «шпѣги»—шпіоны. Они знали все, что дѣлалось не только въ Кіевѣ, но и въ Чигиринѣ, и въ Умани, и въ Бѣлой-Церкви. Они слѣдили за каждымъ шагомъ Дорошенка, его жены, Мазепы и юной Фатьмы. Они одновременно донесли и ему, и Ханенкѣ о томъ, что Дорошенко отправляетъ Фатьму въ Турцію.

— Dobrze! Niech tak będzie!—сказалъ онъ своему обоюдуострому «шпѣгу». — А ты, хлопку, скажи дурню Ханенкѣ, чтобъ онъ ее укралъ дорогой... А я ее здѣсь перекраду, этого не говори дурню: пусть приведетъ овечку, а я ее съѣмъ.

Въ Бѣлой-Церкви, въ домѣ коменданта Яна Жигимонта Лобеля, приняли Фатьму и Марину, дѣйствительно, очень ласково. Старый панъ Янъ былъ вообще добрый человѣкъ, любитель «старэй вудки и старэго венгржина», а равно псовой охоты. А пани Лобель, добродушная женщина, начитавшаяся романовъ съ таинственными приключеніями и похищеніями красавицъ, жадно внимала разсказамъ Марины о ея жизни въ плѣну, о гаремахъ Кафы, о гаремныхъ интригахъ, о романтической исторіи Фатьмы, о Запорожьѣ и о томъ, какъ тамъ забили кіями до смерти одного запорожца только за то, что онъ хотѣлъ поцѣловать красавицу Фатьму.

Какъ ни грустно было Маринѣ, послѣ десятилѣтней неволи, никого изъ родныхъ не найти въ городѣ, гдѣ она провела дѣтство—эти райскіе годы своей жизни, все же утѣшалась видомъ родныхъ мѣстъ, старой церкви, куда она когда-то ходила съ матерью, стараго дома, въ которомъ она родилась и жила до угона въ неволю, бурливой Роси, на берегу которой когда-то она вмѣстѣ съ другими прыгала черезъ «купальскіе огни», живописнаго съ вербами выгона, гдѣ собиралась жизнерадостная «улица» и гдѣ, распѣвая съ другими «веснянки» и «русальныя» пѣсни, она узнала незабываемыя даже въ неволѣ чары первой любви къ

тому «чорнявому» козаку, который, мстя татарамъ за ея полонъ, палъ въ битвѣ подъ стѣнами Перекопа.

Все это она разсказывала Фатьмѣ и водила показывать своей любимицѣ дорогія ей по воспоминаніямъ мѣста.

Между тѣмъ, пока влюбленный Ханенко медлилъ у короля, Дорошенко, узнавъ о нагломъ захватѣ его противникомъ Фатьмы и Марины пришелъ въ бѣшенство и двинулся съ своими полками на Волынь, гдѣ стояло войско Ханенка, а въ помощь своимъ полкамъ вызвалъ изъ Крыма одного салтана съ ордою. Узнавъ объ этомъ, Ханенко поспѣшилъ къ войску. Противники сошлись у Стеблова и вступили въ бой. Принятый съ двухъ сторонъ, съ одной—полками Дорошенко, съ другой — татарами, Ханенко былъ разбитъ на-голову и съ горстью уцѣлѣвшихъ въ битвѣ и не бѣжавшихъ отъ него уманцевъ бросился къ Кіеву. Но на пути перестрѣлъ его зять Дорошенка, знакомый уже намъ «Якушка» Лизогубъ, однако, не помѣшалъ ему перейти Лыбедь и остановиться подъ Кіевомъ.

Теперь ему было не до Фатьмы, хотя душа его рвалась къ прелестной дѣвушкѣ.

Вдругъ въ Бѣлую-Церковь, къ коменданту Лобелю является небольшой отрядъ, и старшой отряда подаетъ Лобелю письмо.

— Отъ кого? — спрашиваетъ тотъ.—Впрочемъ, почеркъ знакомый... отъ Ханенка.

— Такъ точно, отъ ясновельможнаго пана гетмана.—отвѣчаетъ старшой.

Лобель вскрываетъ письмо и читаетъ.

— А! Гетманъ проситъ прислать къ нему полонянокъ, что находятся у меня на попеченіи.

— Такъ точно, панъ полковникъ: его милость, гетманъ. приказалъ доставить ихъ къ нему подъ моею охраной.

— А гдѣ теперь гетманъ?—спросилъ Лобель.

— Съ войскомъ подъ Кіевомъ.

Когда Фатьмѣ и Маринѣ сообщили о присылкѣ за ними отъ Ханенка, дѣвушки удивились, какъ онъ очутился подъ Кіевомъ, когда поѣхалъ къ королю.

— Нашъ братъ, вояка, сегодня не знаетъ, гдѣ онъ будетъ завтра,—основательно замѣтилъ Лобель.—Можетъ и меня завтра потребуютъ подъ Кіевъ, на москалей.

Надо было покориться и собираться въ путь.

— Мы доню, точно сухое перекати-поле,—говорила Марина, собирая свои нехитрыя пожитки.

— А что такое перекати-поле, мамо?—спросила Фатьма.

— А это такая степная трава, что растетъ кустиками, такими круглыми, какъ большой гарбузъ. Лѣтомъ кустикъ вырастаетъ, потомъ въ концѣ лѣта засыхаетъ. А какъ начнутся осенніе вѣтры, то и срываютъ эти кустики, и гонятъ, катятъ полемъ. Оттого ихъ и называютъ «перекати-поле». И гоняетъ ихъ вѣтеръ не день, не два, а иногда и цѣлыми мѣсяцами, пока не прибьетъ къ лѣсу, или не занесетъ въ глубокій яръ, а то и въ рѣку, либо въ самое мора. Вотъ и мы съ тобою такія же «перекати-поле». Носила тебя твоя доля и по Кавказу, вынесла на невольничій рынокъ въ Трапезонтъ, а оттуда въ Кафу, а изъ Кафы на Запорожье, съ Запорожья въ Кіевъ и Чигиринъ, и чуть не занесла насъ съ тобою за самое море, къ султану, коли-бъ не Хапенко съ казаками. Куда-то теперь прибьетъ насъ наша доля-вѣтеръ?.. Мнѣ что, а тебя жаль, сироточка моя.

— Я, мамо, ко всему привыкла,—покорно сказала Фатьма.

— Охъ, дитятко мое, дитятко!—заплакала Марина.

— Не плачь, мамо, не плачь, Мариночко, мнѣ съ тобою вездѣ хорошо,—утѣшало ее обдѣленное счастьемъ прелестное существо, не обдѣленное только красотой.

Лобели, сама пани и ея дочери, провожали отъѣзжавшихъ со слезами.

— Скажи пану гетману,—говорила пани Лобель старшему охраны,—чтобъ онъ написалъ намъ, непремѣнно бы написалъ, что тамъ будетъ съ паненками.

— Скажу, пани ласкава,—отвѣчалъ старшой и улыбнулся, ничего добраго не предвѣщая этой предательской улыбкой.

XXXI.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ концѣ августа 1672 года въ Бѣлую-Церковь окруженный небольшою свитой прибылъ Хапенко и отправился прямо къ комендантскому двору.

Сойдя съ коня и отдавъ поводья «джурѣ», онъ поднялся въ домъ. Его встрѣтила пани Лобель. Послѣ первыхъ обычныхъ привѣтствій панъ спросилъ:

— Скажите, пани, какъ поживаютъ у васъ мои полонянки? Здоровы ли онѣ?

— Какъ!—воскликнула Лобель съ испугомъ.—Панъ гетманъ меня спрашиваетъ о нихъ, когда я должна спросить пана.

— Что!—какъ-то крикнулъ Ханенко.—Меня? Да не я ли изъ Умани отправилъ ихъ въ Бѣлую-Церковь подъ надежною охраною и потомъ получилъ отъ пана Яна увѣдомленіе, что онѣ прибыли сюда благополучно.

— О! Езусъ-Марія!—всплеснула руками пани Лобель.—Да, онѣ, бѣдненькія, и прибыли къ намъ благополучно, и я такъ лелѣяла ихъ, какъ родныхъ дѣтей. Но панъ гетманъ самъ ихъ вытребовалъ къ себѣ.

— Я! Я! Къ себѣ! Вытребовалъ! Я! — хрипло говорилъ Ханенко, колотя себя въ грудь.

— О, Боже!—заливалась слезами пани Лобель.—Да панъ же прислалъ мужу письмо и требовалъ къ себѣ дѣвушекъ.

— Я, кажется, съ ума схожу! — схватилъ себя за голову ошеломленный гетманъ.—Я никакого письма не посылалъ пану Яну. Гдѣ оно?

— У Яся... у мужа... я сейчасъ пошлю за нимъ. Письмо, вѣрно, заперто въ столъ, — растерянно бормотала бѣдная женщина.

На шумъ выбѣжали ея дочери и, увидѣвъ искаженное лицо Ханенка, въ испугѣ остановились.

— Пошлите скорѣй за отцомъ! Пусть сейчасъ идетъ,—торопила она паненокъ.

— Мамо, мамцю! Что съ тобой?—испуганно спрашивала старшая дочь, когда младшая побѣжала распорядиться.—Что съ паномъ гетманомъ?—шепнула она, видя, что Ханенко безсмысленно глядѣлъ куда-то въ пространство.

— Фатьмуся и Марыся пропали, о, Боже! — тихо сказала она.

— Бѣжали? Ушли отъ пана гетмана?

Ханенко, видимо, обдумывалъ что-то, потирая рукой лобъ.

— Бѣжали! Что ты! Куда молодымъ паненкамъ бѣжать?.. А ужъ не сдѣлали ли съ ними чего-нибудь ужаснаго тѣ разбойники, что пріѣзжали за ними?—говорила, утирая слезы, пани Лобель.

— О, мамупю! Это ужасно!.. Бѣдныя!

Въ комнату торопливо вошелъ Янъ Жигимонтъ.

— Гдѣ письмо, которое я, будто бы, писалъ пану, требуя къ себѣ полонянокъ?—встрѣтилъ его этими лихорадочно сказанными словами Ханенко.

— Сейчасъ предъявлю пану гетману,—отвѣчалъ Лобель.— Мнѣ панская рука хорошо знакома.

И торопливо вышелъ въ боковую комнату. Тамъ щелкнулъ замокъ стола.

— Вотъ письмо пана гетмана, — сказалъ Лобель, подавая Ханенкѣ пакетъ.

Тотъ быстро вынулъ листъ изъ пакета.

— А! Такъ вотъ кто! Я такъ и думалъ!—какъ бы обрадовался Ханенко.

— Такъ это не панъ гетманъ писалъ?

— Нѣтъ!.. О, подлая гадина!

— Кто же? Кто?—заговорили разомъ и Лобель и его жена.

— Янъ Пиво! Онъ поддѣлался подъ мой почеркъ... Но я узналъ руку этого негодяя. Такъ вотъ оно что!.. Тысяча смертей гадинѣ!.. Я найду и раздавлю этого гада!—метался по комнатѣ Ханенко, хватаясь за рукоятку сабли.—Я знаю, онъ теперь у себя, въ Димерѣ... Я сейчасъ же туда ѣду.

— Но какъ же такъ!—заволновалась пани Лобель, какъ хозяйка.—Панъ гетманъ долженъ подкрѣпиться. Мы голоднымъ не отпустимъ пана.

— Я подкрѣплюсь тамъ... кровью вора, моего врага... Прощайте!

И Ханенко почти выбѣжалъ на дворъ, гдѣ его ждала лошадь и его небольшая свита.

— На коней, молодцы!—скомандовалъ онъ и самъ вскочилъ на своего Араба.—За мной!

Казаки, его свита, рѣшительно не могли понять, что сдѣлалось съ гетманомъ. Онъ пустилъ своего Араба быстрой рысью и скоро вынесся изъ крѣпости.

— Да онъ не далъ намъ ни отдохнуть, ни по чаркѣ выпить.

— Выпьемъ у любой корчмы.

— Когда тутъ! Вонъ какъ жаритъ!—говорили между собою казаки.

Но Ханенко, казалось, самъ опомнился и поѣхалъ тише. На

рынкѣ онъ остановился около богатой еврейской лавки и приказалъ вызвать хозяина. Тотъ узналъ гетмана и почтительно кланялся. Опустивъ на ладонь еврея нѣсколько золотыхъ монетъ, гетманъ сказалъ:

— Угости моихъ молодцовъ, да живѣй, а мою дорожную фляжку, вотъ эту, наполни лучшимъ старымъ венгржиномъ, да вонъ того копченаго гуся пусть мой джура положитъ въ свою переметную суму.

Еврей осторожно отцѣпилъ отъ гетманскаго сѣдла вмѣстительную флягу, окованную серебромъ, и поспѣшилъ исполнить приказаніе гетмана.

— А вы, молодцы, живо!—крикнулъ Хапенко свитѣ.—Чтобъ одна нога тамъ, другая въ стремени!

— Мы заразъ, ясновельможный!—откликнулись молодцы.— Корякъ горилки въ горло, курку въ зубы, а ноги въ стремя!

Мы въ Полѣсьѣ, у стѣнъ городка Димера, резиденціи Яна Пиво-Запольскаго.

Вечеръ конца августа. Передъ замкомъ Димера въ темнотѣ бѣлѣетъ разбитый просторный шатеръ. Въ немъ Хапенко съ нѣсколькими казаками.

— Такъ и доложись полковнику,—говорилъ онъ джурѣ,— что панъ гетманъ проситъ полковника къ себѣ въ шатеръ, переговорить по тайности о наиважнѣйшемъ войсковомъ дѣлѣ, что гетманъ-де прискакалъ изъ-подъ Кіева налегкѣ съ однимъ джурою, это съ тобой, и чтобъ-де въ замкѣ никто не зналъ о моемъ пріѣздѣ, какъ-де и мои казаки ничего о семъ не знаютъ. Да живой рукой!.. Когда варта тебя окликнетъ, скажи, что ты присланъ отъ гетмана съ самонужнѣйшимъ листомъ отъ гетмана, отдать въ собственныя руки полковника. Понялъ? Запомнишь все?

— Ясновельможный хорошо знаетъ, что его джура запоминаетъ и передаетъ приказы ясновельможнаго, какъ «Отче нашъ» и «Богородицу»,—смѣло отвѣчалъ джура.

Не далѣе, какъ черезъ нѣсколько минутъ, къ шатру, въ темнотѣ, приближались двѣ тѣни. То былъ Янъ Пиво въ сопровожденіи джуры гетмана.

Полы шатра открыты. Тамъ стоялъ Ханенко, привѣтствуя рукой гостя.

Но едва послѣдній вступилъ въ шатеръ, какъ скрывшіеся въ темномъ углу казаки схватили вошедшаго и моментально повалили на землю, держа за руки и за ноги. Освѣтивъ потайнымъ фонаремъ искаженное злобой лицо своего врага и приставивъ къ его горлу остріе «запоясника» дамасской стали, Ханенко сказалъ:

— Если только пикнешь, проглотишь этотъ клинокъ и свою поганую жизнь! Говори, гадина, что ты сдѣлалъ съ моей Фатьмой? Говори!

Холодное остріе клинка щекотало и кололо горло плѣнника.

— Говори, польская гадюка, что ты сдѣлалъ съ Фатьмой?

— Ничего,—прохрипѣлъ пытаемый.

— Лжешь, гадюка! Не для того ты укралъ ее у меня. Говори или умирай!

— Ничего... Она не давалась... Все просилась къ тебѣ.

— Лжешь! Не ускоряй своей смерти!

— Не лгу... Она все твердила: «я хочу къ моему гетману... Онъ добрый, любитъ меня»...

— И ты не возвратилъ ея мнѣ! Ты силой обезчестилъ малютку!

— Нѣтъ, клянусь, клянусь! Она оставалась чистой, невинной.

— Оставалась? Гдѣ жъ она теперь?

— Утопилась... вмѣстѣ съ Мариной...

— О, проклятый, проклятый!—стоналъ гетманъ.

Теперь его нога стояла на горлѣ плѣнника и давила горло. Тотъ хрипѣлъ.

— Погубить чистое дитя! Дивную красоту Божьяго творенія! О, идолъ! Гдѣ ея тѣло?

— Зарыто... тамъ... гдѣ утопилась...

Дамасскій клинокъ вонзился въ темя уже задушеннаго ногой.

Тѣни гетмана и казаковъ исчезли во мракѣ ночи. Исчезъ съ ними и шатеръ.

На землѣ лежалъ трупъ полковника Яна Пиво-Запольскаго и, казалось, открытыми глазами грозилъ темному небу августовской ночи.

XXXII.

Стояла глубокая осень 1673 года.

Однимъ раннимъ утромъ въ окрестностяхъ Сѣчи показался небольшой конный отрядъ, численностью около десяти человѣкъ, и остановился на лѣвомъ берегу Днѣпра, у устьевъ рѣчки Конскія-Воды. Судя по одеждѣ и вооруженію, то были донскіе казаки. Во главѣ ихъ находился юноша, лѣтъ пятнадцати.

Въ «Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ» (т. IV, 325) находится такое описаніе наружности таинственнаго юноши:

«На видъ этотъ человѣкъ хорошъ и тонокъ, долголицъ, не румянъ и не русявъ, нѣсколько смугловатъ, мало разговорчивъ, очень молодъ, всего около 15 лѣтъ. Одѣтъ въ зеленый, подшитый лисицами кафтанъ».

Остановился этотъ маленькій, съ таинственнымъ юношей во главѣ, отрядъ донцовъ у того мѣста, гдѣ расположенъ былъ станъ отряда царскихъ войскъ подъ предводительствомъ Косагова.

Когда Косаговъ велѣлъ спросить, что за люди прибывшіе и кто ихъ молодой начальникъ, донцы отвѣчали, что скажутъ о себѣ «по-тайности» только кошевому атаману, Ивану Дмитріевичу Сѣрку; а когда имъ объявили, что Сѣрко съ войскомъ «промышляетъ подъ Тягиномъ», то прибывшіе заявили, что скажутъ о себѣ наказному кошевому, для чего и послали въ Сѣчь двухъ казаковъ.

Скоро изъ Сѣчи прибылъ наказный атаманъ.

— Что за люди и откуда?—спросилъ онъ.

Но когда старшій изъ казаковъ шепнулъ ему что-то на ухо, атаманъ даже отшатнулся и съ испугомъ взглянулъ на таинственнаго юношу. Затѣмъ, снявъ шапку передъ юношей, пригласилъ его и его спутниковъ прямо въ Сѣчь.

Что происходило тамъ въ Сѣчи, Косаговъ не зналъ; но когда черезъ нѣсколько дней показался въ степи Сирко съ войскомъ, таинственный юноша выѣхалъ къ нему навстрѣчу съ своими донцами и съ распущенными знаменами.

Сирко, крайне удивленный, подъѣхалъ къ юношѣ, стоявшему впереди маленькаго отряда, и вѣжливо спросилъ:

— Кого мае війско запорожське привитать?

— То наказный атаманъ по тайности откроетъ палу кошевому,—отвѣчалъ за юношу старшій изъ казаковъ, Иванъ Міюсскій, «хохлачъ по рожденію», какъ сказано о немъ въ «Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ».

Когда наказный атаманъ вышелъ навстрѣчу къ войску, Сирко подозвалъ его къ себѣ и тихонько спросилъ, указывая на таинственнаго юношу:

— Что тебѣ, пане судья, вѣдомо про того невѣдомаго мнѣ хлопца?

— Вонъ тотъ старшой,—судья указалъ на Міюсскаго,—подъ клятвою открылъ мнѣ, что тотъ хлопецъ—истинный цесаревичъ, и что у него на правомъ плечѣ и на рукѣ есть знамя, похожее на царское,—шопотомъ проговорилъ онъ,—и то знамя и я видѣлъ.

Сирко былъ пораженъ и, оставивъ войско около Сѣчи, одинъ пошелъ въ Кошъ, гдѣ его ожидали письма, присланныя ему гетманомъ Самойловичемъ и до пріѣзда кошевого хранившіяся въ войсковой скарбницѣ.

Писарь прочиталъ ему письма. Но они не казались ему особенно важными и экстренными, а его занимала мысль о таинственномъ юношѣ...

— Царевичъ... Но какой? Чей сынъ? Московскаго ли царя или иного?.. Это, пожалуй, находка для матери Сичи,—раздумывалъ Сирко.

Обуреваемый этими думами, онъ снова вышелъ къ войску и, подозвавъ къ себѣ «значного» запорожскаго казака, Григорія Пелеха, отвелъ его въ сторону отъ войска и приказалъ джурѣ принести на то мѣсто три небольшихъ «ослона»—скамейки.

— Поди, джура, и позови вотъ того хлопца, что на конѣ, подъ знаменемъ, въ зеленомъ кафтанчикѣ: пусть придетъ сюда.

Усѣвшись на «ослонѣ» и указавъ Пелеху на другой, ждалъ таинственнаго юношу. Тотъ сошелъ съ коня и смѣло подошелъ къ сидѣвшимъ.

— Будь ласка, садись съ нами,—сказалъ Сирко.

Тотъ сѣлъ. Острые, какъ бы стоячіе глаза его встрѣтились съ глазами Сирка и не потупились.

— Смѣлый хлопецъ,—подумалъ Сирко,—видно, бывалый.

Помолчавъ немного, Сирко заговорилъ.

— Слышалъ я отъ своего наказнаго, что ты называешься сыномъ какого-то царя. Скажи правду, боясь Бога, потому что ты очень молодъ: нашего ли ты великаго государя и великаго князя Алексѣя Михайловича сынъ, или другого какого-нибудь, находящагося подъ высокодержавной рукой его, скажи истинную правду, чтобы мы не были обмануты тобою такъ, какъ иными, бывшими въ войскѣ, плутами.

На эти обидныя слова таинственный юноша, поднявшись съ мѣста и снявъ шапку, отвѣчалъ, какъ бы плача:

— Не чаялъ я того, чтобы ты сталъ стращать меня, хотя и вижу, что оно такъ дѣлается, Богъ мнѣ свидѣтель, я настоящій сынъ вашего великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, а не иного кого.

Эти слова поразили Сирка, и онъ, снявъ шапку, вмѣстѣ съ Пелехомъ, поклонился царевичу до земли.

Затѣмъ, приказавъ джурѣ позвать гетманскаго посланца, прибывшаго въ Запорожье съ письмами Самойловича, и казака Міусскаго, велѣлъ распорядиться, чтобъ принесли для царевича угощеніе.

Скоро подошли гетманскій посолъ Зубъ и Міусскій, а джура принесъ на серебряномъ подносѣ дорогіе кубки или, вѣрнѣе, кружки, на одной изъ коихъ были искусно вычеканены цвѣты, разныя птицы и пчелы, а на другой—вокругъ серебряныхъ на подобіе гладкихъ монетъ, круговъ, были вычеканены слова: на каждомъ кругѣ: CHRISTIAN IOHANN GEORG ET AVGUSTUS и годъ чеканки—1593-й.

Сирко, взявъ съ подноса графинъ зеленаго стекла, наполнилъ виномъ обѣ кружки и большую съ низкимъ поклономъ подалъ царевичу.

— Хочу выпить за здоровье сына великаго государя,—сказалъ онъ,—только имени царевича не знаю.

— Симеонъ,—отвѣчалъ тотъ коротко.

Стали пить. Царевичъ не отказывался, но стоялъ и смотрѣлъ въ землю.

Тогда заговорилъ гетманскій посолъ Зубъ.

— Будешь ли ты, царевичъ, писать своею рукой къ гетману?—спросилъ онъ.—А главное своему батюшкѣ, великому государю, объявишь ли о себѣ?

Царевичъ помолчалъ, глядя въ землю. Потомъ заговорилъ:

— Господину гетману шлю поклонъ изустно, а къ батюшкѣ писать трудно: опасаюсь, какъ бы мое письмо не попало въ руки боярамъ. Такого же человѣка, который бы могъ передать мое письмо, прямо въ руки государя, мнѣ не отыскать. И ты, кошевой атаманъ, смилуйся надо мной и никому изъ русскихъ людей о томъ не объявляй,—обратился онъ къ Сирку.—Изъ царскаго дома я отлучился потому, что сосланъ былъ въ Соловецкій монастырь. Въ бытность же на острову Степана Разина, я тайно къ нему перешелъ и до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ взятъ, я при немъ состоялъ, а потомъ съ казаками на Хвалынскомъ морѣ ходилъ и струги гулящимъ нанималъ. Послѣ того на Донъ перешелъ, а теперь хочу въ Кіевъ и къ польскому королю ѣхать.

Сирко чувствовалъ, что для него, какъ и для всего войска запорожскаго, а быть можетъ и для всей Украины, предстояли роковые вопросы.

— Принять ли царевича? А если принять и предъявить его всей Украинѣ обѣихъ сторонъ, то не признаетъ ли его украинскій народъ своимъ царемъ, Божіею милостію царемъ и великимъ государемъ независимой Украины обѣихъ сторонъ?

Вопросы страшные, но заманчивые!..

Украина—особое могучее царство!.. У украинскаго царя и свой царскій вѣнецъ, и держава, и державное яблоко, и гетманская булава, и бунчукъ!..

Долой гетмана «поповича», московскаго «попихача!»

Иванъ Сирко, выросшій и выпянченный въ старомъ рѣшетѣ изъ-подъ гусенятъ, ведетъ войска всей Украины, куда хочетъ, на Польшу, на Крымъ, на Москву!..

Сирко—не Богданъ Хмельницкій! Этого молодого царька можно повести, куда Иванъ Сирко захочетъ. Вонъ онъ какъ смирно стоитъ, похлебывая дорогое венгерское вино изъ серебряной кружки.

— Не пускать его къ польскому королю! Тотъ радъ будетъ имѣть въ рукахъ такого козырнаго туза противъ московскаго царя.

— Нѣтъ, Сичъ-мати должна его приголубить. Потомъ проводить его въ Кіевъ, показать народу, получить благословеніе митрополита.

Подобно молніямъ, проносились эти мысли въ возбужденномъ мозгу Сирка.

XXXIII.

Гетманскій посолъ Зубъ, воротившись изъ Запорожья къ Самойловичу, картинно изобразилъ все, что тамъ творится, и какой тамъ появился царевичъ, и какъ къ нему относятся и самъ кошевой, и все войско.

Свѣдѣнія эти не могли не поразить гетмана, и онъ тотчасъ же отправилъ въ Москву гонцовъ съ донесеніемъ о таинственномъ юношѣ, называющемъ себя царевичемъ, и о тревожномъ состояніи вслѣдствіе этого запорожскаго войска.

Въ Москвѣ сообразили всю важность полученныхъ отъ гетмана извѣстій и тотчасъ же отправили къ Самойловичу и къ Сирку послами сотника Василія Чадуева и подъячаго Семена Щеголева, давъ имъ писанный наказъ о томъ, что имъ говорить гетману и кошевому.

— Да смотрите, Семенъ и Василій,—говорилъ имъ въ Малороссійскомъ приказѣ старшій дьякъ, — выучите наказъ такъ твердо, наизусть, какъ твердо знаете вы «Отче нашъ» и «Богородицу».

И они должны были, какъ школьники, зазубрить наказъ дословно. Да иначе и не могло быть! Ужъ если за пропускъ одной буквы «а» въ словѣ «облаадатель» въ царскомъ титулѣ, за пропускъ одно а з а, ибо слово «обладатель» писалось обязательно съ двумя азами—«обладаатель», если за эту одну букву драли батоги нещадно, чтобъ другимъ было неповадно, то за пропускъ или за замѣну одного слова другимъ однозначущимъ въ наказѣ лупили бы кнутомъ, какъ за «поруху государевой воли».

И вотъ Чадуевъ и Щеголевъ явились къ Самойловичу, помолились на образа и поклонились.

— Съ чѣмъ отъ великаго государя, его царскаго пресвѣтлаго величества?—спросилъ гетманъ.

— Съ наказомъ,—былъ отвѣтъ.

Гетманъ наклонилъ голову, какъ предъ чтеніемъ евангелія.

— Вѣдомо великому государю, по письму гетмана,—началъ Чадуевъ, точно читалъ апостолъ въ церкви,—что на Запорожьѣ, въ то время, когда Сѣрко былъ подъ Тягиномъ, объявился съ

Дону воръ и самозванецъ, пятнадцати лѣтъ, а съ нимъ восемь человѣкъ донскихъ казаковъ, и вождь имъ всѣмъ Ивашка Мнюска, и назвался онъ, самозванецъ, сыномъ его царскаго величества, блаженной памяти царевичемъ Симеономъ Алексѣевичемъ. И Сѣрко принялъ его ласково, клапялся и питьемъ потчивалъ. Теперь великій государь приказалъ объявить гетману и кошевому, что благовѣрный государь царевичъ, Симеонъ Алексѣевичъ, родился въ 1665 года, апрѣля 3 дня, скончался въ 1669 году, іюня 18 дня и погребенъ въ церкви Архистратига Михаила при патріархахъ, митрополитахъ и архіепископахъ русскихъ и при папѣ, патріархѣ вселенскомъ и судіѣ Паисіѣ александрійскомъ, о чемъ извѣщено было особыми грамотами гетману кошевому, а со дня рожденія и до дня смерти царевичу было всѣхъ четыре, въ нынѣшній же годъ, если бы онъ многолѣтствовалъ, было бы девять, а не пятнадцать лѣтъ.

Все это было проговорено однимъ духомъ.

Гетманъ выслушалъ наказъ стоя и потомъ просилъ пословъ садиться.

— Благодарствуемъ за вѣжество,—сказалъ Чадуевъ, садясь и мотнувъ волосами.—Да намъ велѣно еще просить тебя, господинъ гетманъ, чтобы ты далъ намъ двухъ или троихъ асауловъ или войсковыхъ товарищей и отправилъ бы насъ въ Запорожье.

Самойловичъ на это отвѣчалъ:

— Ѣхать вамъ теперь изъ Батурина на Запорожье нельзя, потому что мнѣ неизвѣстно, прекратилось ли тамъ моровое повѣтріе или нѣтъ. Потому я совѣтую вамъ подождать моихъ собственныхъ посланцевъ, которыхъ я отправилъ въ Сичъ и съ которыми написалъ кошевому Сирку съ товариствомъ, чтобы онъ самозванца, прояву, вора и плута прислалъ ко мнѣ со своими казаками. Только я опасаюсь, что запорожцы врядъ ли исполнятъ мое приказаніе: они говорятъ, что они—войско вольное, къ нимъ кто хочетъ приходитъ по волѣ и отходитъ по волѣ.

Послы только головами укоризненно качали:—А! Какіе-де порядки у этихъ хохлачей!.. Драть бы да драть ихъ, такихъ-сякихъ собачьихъ сыновъ!

Отъѣзжая изъ Батурина вмѣстѣ съ своимъ штабомъ и другою войсковою старшиною въ Омельникъ, гетманъ взялъ съ собою и московскихъ пословъ.

Въ Омельникѣ явился къ нему знакомый уже намъ знатный запорожецъ Григорій Пелехъ.

— Что тамъ у васъ на Запорожьѣ?—первымъ дѣломъ спросилъ гетманъ Пелеха.—Именующій себя царевичемъ все еще тамъ?

— Тамъ, ясновельможный гетманъ. Кошевой Сирко, отправляясь съ войскомъ на морскіе разливы, отдалъ приказъ казакамъ, чтобъ они царевича почитали и всякую честь воздавали.

— А что мои посланцы, все еще тамъ?

— Тамъ, пане гетмане: Сирко велѣлъ ихъ задержать въ Сичи, а для чего неизвѣстно.

— Ну, и порядки!—мысленно осуждали московскіе послы «хохлачей».—И управы на нихъ, аспидовъ, нѣту! Къ намъ бы ихъ: небо въ овчинку показалось отъ нашего кнутья.

Боясь отвѣтственности за медленность, они торопились выѣхать изъ Омельника и направились въ мѣстечко Келеберду, чтобъ скорѣе добраться до Запорожья.

Въ Келебердѣ они встрѣтились съ запорожцемъ Максимомъ Щербакомъ и разговорились. Сказали о цѣли своей поѣздки.

— Ѣхать вамъ на Запорожье незачѣмъ, даромъ пропадете,—говорилъ Щербакъ,—на Запорожьѣ объявился настоящій царевичъ, и я про то все знаю и вѣдаю: тотъ царевичъ дѣда своего по плоти, Илью Даниловича Милославскаго, ударилъ блюдомъ и отъ того ушелъ, и по всей Москвѣ слава посилась, что то была правда, а я въ то время сидѣлъ въ тюрьмѣ, въ Москвѣ, а потомъ, по челобитью Демьяна Многогрѣшнаго, былъ освобожденъ и ушелъ на Донъ, а съ Дону на Запорожье.

Послы укоризненно покачали головами.

— Охъ, какъ охотно черкасскіе люди вѣрятъ всякимъ безлѣпицамъ,—сказалъ Чадуевъ.—Царевичъ! Экое слово ляпнулъ! Да тотъ царевичъ—воръ, плутъ, самозванецъ и обманщикъ.

Щербакъ вспылилъ и даже за саблю ухватился.

— Да вы наплюйте сами себѣ въ очи и завяжите свои рты!—крикнулъ онъ.—За такія рѣчи вы примете злую смерть!

Но послы ничего не хотѣли знать. Что имъ приказано, то они должны исполнить хоть подъ угрозою смерти.

И они двинулись дальше, на Кушенку.

Тамъ они встрѣтились съ гетманскими посланцами и съ сопровождавшими ихъ запорожцами.

— Что, кошевой въ Запорожьѣ?—не успѣвъ поздороваться, спросилъ Чадуевъ.

— Нѣтъ, панъ атаманъ на морскихъ разливахъ,—отвѣчали запорожцы.

— А какъ тамъ приняли письмо гетмана?

— Не очень-то ласково... Всѣ смѣются надъ Самойловичемъ, а московскихъ бояръ лаютъ такими словами, что и молоко скиснетъ. А царевича такъ величаютъ, такъ величаютъ. Гетману писать совсѣмъ не хотятъ, а царевичъ самъ написалъ ему и запечаталъ письмо собственною печатью, такою, какъ у царя.

— Печать ему сдѣлали казаки изъ скарбничныхъ ефимковъ,—заговорилъ другой запорожецъ,—и вѣситъ она тридцать золотниковъ.

— Ого! Тяжеленька печаточка! — улыбнулся подъячій Щеголевъ.

— Да еще казаки сдѣлали ему,—продолжалъ запорожецъ,—тафтяное съ двуглавымъ орломъ знамя...

— Фу ты, ну ты!—фыркнулъ Чадуевъ.

— И сшили хорошее платье,—досказалъ запорожецъ.

Чадуевъ посмотрѣлъ вопросительно на гетманскихъ посланцевъ.

— Ну, а васъ, какъ тамъ приняли?—спросилъ онъ.

Тѣ молчали, только смущенно улыбались.

— Какъ?—заговорилъ опять запорожецъ.—А вотъ какъ! Онъ сказалъ имъ: «еслибъ у васъ не прѣсныя души, я велѣлъ бы васъ повѣсить!»

— Прѣсныя души, каково! А у самого, поди, кислая. — засмѣялся Чадуевъ.

— Когда отпускалъ ихъ,—сказалъ другой запорожецъ,—то самъ пришелъ на раду, всячески безчестилъ гетмана, называлъ его глупымъ человѣкомъ... Смѣлъ, говоритъ, назвать меня воромъ и обманщикомъ! Если, говоритъ, гетману нужно знать меня, то пусть пришлетъ для осмотра меня своего обознаго Петра Забѣлу да судью Ивана Домонтовича... Бояре-де много разъ еще будутъ присылать за мной царскимъ именемъ съ грамотами, да только я-де раньше трехъ лѣтъ никуда не поѣду, а буду, говоритъ, ходить въ Черное море и въ Крымъ, а кто-де будетъ за мной присланъ, тому не поздоровится.

— Что жъ! Подѣломъ, его власть царская, — увѣренно говорилъ другой запорожецъ.

— Ба! Вонъ и Лучка и Мерешка!—указалъ запорожецъ на двухъ подъѣзжавшихъ съ юга всадниковъ.

— Кто сіи Лучка и Мерешка?—спросилъ Чадуевъ.

— Лучка — челядникъ Василія Многогрѣшнаго, а Мерешка—у царевича на службѣ.

Подъѣхавшіе сошли съ коней и поздоровались.

— Это московскіе послы?—спросилъ Лучка, указавъ на нихъ.

— Они самые!—гордо сказалъ Чадуевъ.

— А! Такъ насъ-то къ вамъ и прислали! — задорно выкрикнулъ карликъ.—Вы на Запороги не думайте ѣхать, а то на Кодакѣ васъ встрѣтятъ казаки и повѣсятъ, а царевича выдать и не подумаютъ. Онъ настоящій царевичъ. Я самъ долго жилъ съ нимъ и видѣлъ у него на тѣлѣ природные красные знаки, царскій вѣнецъ, двуглаваго орла и мѣсяцъ со звѣздой.

Послы, опасаясь насилія, не смѣли возражать задорному карлику, а только вопросительно взглянули на Мерешку. Тотъ понялъ ихъ нѣмой вопросъ и сказалъ:

— Я пришелъ съ царевичемъ съ Дону, а почему онъ именуетъ себя царскимъ сыномъ, того я не знаю.

Послы, въ виду угрозъ Лучки, не знали, на что рѣшиться: если ѣхать въ Запорожье, то тамъ ожидаетъ ихъ вѣрная смерть, если же не ѣхать, то ихъ ждетъ царская опала. Что выбирать? Что страшнѣе?

И они медлили.

Но вотъ дня черезъ три въ Кишенку пріѣхалъ изъ Запорожья посланецъ Сирка, Игнатъ Оглобля, направлявшійся къ гетману Самойловичу. Отъ него московскіе послы узнали, что Сирко на сырной недѣлѣ воротился до Коша.

— А какъ онъ теперь смотритъ на дѣло? — спросилъ Оглоблю Чадуевъ.

— Сердитъ на тебя за царевича, — отвѣчалъ Оглобля, — называетъ тебя собачьимъ сыномъ и намѣревается бить.

Почесали въ затылкѣ послы и рѣшились на крутую мѣру.

XXXIV.

У московскихъ пословъ былъ небольшой конвой изъ гетманскихъ казаковъ и московскихъ рейтаръ.

— Дешево свои головы не продадимъ безмозглымъ хохлачамъ,—говорилъ Чадуевъ Щеголеву.—Я велю своимъ рейтарамъ и казакамъ схватить Щербака, Лучку, Мерешку и Оглоблю и отправлю ихъ къ гетману заложниками за наши головы.

— Ловко придумано, зѣло ловко!—обрадовался подъячій.—Моя башка такого походцу не выдумала бы ни въ жисть.

— Не пропадать же намъ изъ-за безмозглыхъ тетеревей.

Такъ и сдѣлали. Щербака, Лучку, Мерешку и Оглоблю арестовали и отправили къ Самойловичу съ наказомъ держать ихъ подъ карауломъ до тѣхъ поръ, пока послы изъ Запорожья не вернутся въ резиденцію гетмана, въ Батуринъ.

Едва отправили плѣнныхъ заложниковъ, какъ къ посламъ явился одинъ казакъ изъ ихъ конвоя.

— А Сирко, какъ видно, совсѣмъ помѣшался съ этимъ гаспидскимъ царевичемъ,—сказалъ онъ.

— А что?—спросилъ Чадуевъ.

— Да вѣрные люди сказываютъ, что онъ прислалъ въ Переволочну къ Петру Перекресту ажъ сорокъ ефимковъ изъ войсковой скарбницы, чтобъ тотъ Перекрестъ накупилъ для гаспидскаго царевича всякихъ столовыхъ припасовъ. А! На сорокъ ефимковъ жратвы! Ну, тотъ Перекрестъ накупилъ всего по росписи и отвезъ на Запорожье, а шальной Сирко съ этими «скаженными» запорожцами все и отдали приблудному барану.

— Я думалъ, этотъ Сѣрикъ умнѣе,—замѣтилъ Щеголевъ.—Я видѣлъ его на Москвѣ, въ малороссійскомъ приказѣ и слышалъ его рѣчи. Уменъ, собака, думалъ я... А вонъ-на!

— Уменъ-то онъ и хитеръ, какъ чортъ! Это-то и бѣдобушка намъ,—почесалъ въ затылкѣ Чадуевъ.—Онъ, песъ, только притворяется, что вѣритъ въ самозванца. Вретъ, чортовъ сынъ! Царевичъ—это у него, аспида, камень за пазухою для матушки-Москвы.

— Пожалуй, что и такъ,—согласился подъячій.

— Именно такъ! Прикинулся Иванушкой-дурачкомъ. А тѣ чубари что овцы за козломъ.

Рѣшили, наконецъ, ѣхать. Въ тотъ же день отправили гонцовъ на Запорожье съ письмомъ къ Сирку, въ которомъ настоятельно сообщали, что имъ пора ѣхать до Коша, и требовали выслать къ нимъ навстрѣчу посланцевъ и провожатыхъ. Написали о томъ же и гетману: пора же исполнить волю царя!

Тогда Самойловичъ отправилъ къ нимъ генеральнаго асаула Черняченка и позволилъ имъ взять изъ полтавскаго полка 40 человѣкъ казаковъ охраны.

1-го марта послы выѣхали изъ Кишенки.

Не доѣзжая десяти верстъ до Сичи, они наѣхали на рѣчкѣ Токмаковкѣ на запорожскихъ казаковъ, бывшихъ кошевыхъ атамановъ, Евсевія Шашола, Лукьяна Андреева и другихъ знатныхъ казаковъ, которые, за недостаткомъ сѣна въ Сичи, кормили лошадей у рѣчки Токмаковки. Съ ними былъ и «хохлачъ» Иванъ Міюсскій, вождь царевича.

— Богъ въ помощь, панове!—привѣтствовалъ ихъ Черняченко, подъѣзжая къ запорожцамъ.—Кормите коней?

— Кормимъ, пане асауле, нашихъ друзякъ, — отвѣчалъ Шашолъ.—Безъ добрато коня казакъ не казакъ.

— Казакъ безъ коня, все едино що свиня,—сострилъ Міюсскій.

Вынувъ изъ «саквъ» фляжку съ водкой и серебряную чару, Черняченко сталъ всѣхъ угощать.

— До Сичи ѣдете?—спросилъ Міюсскій одного полтавскаго казака.

— До Сичи, точно.

— На поклонъ царевичу?—ядовито спросилъ Міюсскій.

— Еще неизвѣстно, кто кому поклонится,—отвѣчалъ казакъ.

— Овва, братику!—кинулъ Міюсскій.—Теперь пышаетесь, якъ свиня въ човни, а тамъ верещатимете, якъ порося въ дощъ... Царевичъ воленъ въ войскѣ во всемъ и теперь собирается побывать въ Крыму.

Запорожцы, поговоривъ съ послами, поѣхали кормить лошадей въ урочище Тарасовское. Съ ними уѣхалъ и Міюсскій.

Остался одинъ только Лукьянъ Андреевъ, чтобъ, по просьбѣ пословъ, перевезти ихъ на своей лодкѣ черезъ рѣчку Токмаковку.

Не успѣли послы сѣсть въ лодку, какъ къ перевозу подъ-

ѣхала партія запорожцевъ, человѣкъ десять, съ запорожцемъ Иваникомъ во главѣ.

— Почастуйте, бояре, насъ водкой!—нахально обратился Иваникъ къ посламъ.

— Ахъ, вы воры и разбойники!—прикрикнулъ на наглеца Лукьянъ.—Ужъ два раза вы убивали и грабили царскихъ пословъ, а теперь хотите опять убивать и грабить.

Тогда выступилъ впередъ Черняченко и, махая саблей, грозилъ перевязать бродягъ.

— Прочь съ дороги, злодіи!—крикнулъ онъ.—А вы, панове москва,—обратился онъ къ посламъ,—садитесь въ лодку и переѣзжайте на тотъ бокъ, а мы потомъ за вами.

Послы переправились.

— Ой, будетъ надъ вами, бояре, озорничать въ Сичи царевичъ и всячески «оказываться»,—сказалъ посламъ на прощанье Андреевъ.

Переправился и Черняченко съ провожатыми и послалъ въ Сичъ гонца о прибытіи пословъ.

— Отъ и Сичъ-мати,—указалъ на выглядывавшіе изъ-за окоповъ и частокола запорожскую церковь, вартовую башню и курени Черняченко.

— Чисто воровской станъ,—подмигнулъ подъячій Чадуеву.

— Для татаръ это что борть съ медомъ для Миши Топтыгина,—улыбнулся послѣдній.

Это было 9 марта 1674 года.

Въ сичевой «брамѣ» показался Сирко съ войсковою старшиною, а за ними запорожцы.

— Милости просимъ пожаловать къ намъ, послы его царскаго величества,—привѣтствовалъ кошевой прибывшихъ.

— Благодаримъ господина кошевого атамана и все низовое войско на добромъ привѣтѣ,—отвѣчалъ Чадуевъ.

— Вамъ, бояре, и постой готовъ въ нашей «греческой избѣ», здѣсь, за городомъ,—продолжалъ Сирко.—А тебѣ, пане асауло, и твоимъ казакамъ вольно помѣститься въ городѣ, по куренямъ, гдѣ кто похочетъ.

— А вонъ и Власъ съ товариствомъ,—замѣтилъ генеральный судья, видя подъѣзжающихъ къ Сичи казаковъ.

— Ба! И цѣлыхъ шесть татаръ съ ними,—сказалъ войсковой писарь.

— Вотъ письма отъ хана и мурзъ,—сказалъ Власъ, слѣзая съ коня и подавая кошевому пакеты, обшитые тафтой.

На другой день кошевой, призвавъ въ свой курень войскового судью Степана Бѣлаго, войскового писаря Андрея Яковлева, куренныхъ атамановъ, знатныхъ казаковъ-радцевъ и московскихъ пословъ объявилъ:

— Сегодня рады не будетъ, и потому царской грамоты на этотъ разъ мы принять не можемъ. Сегодня будутъ переводиться захваченныя Власомъ съ товарищами татарскія письма, а когда письма будутъ переведены, то на одной радѣ казаки выслушаютъ и письма, и царскую грамоту. Письма эти посланцы изъ Крыма отправятъ въ Волошскую землю къ татарскому войску съ нарочными гонцами, а если въ тѣхъ письмахъ окажутся какія-либо свѣдѣнія о военныхъ замыслахъ турокъ и татаръ, то мы всѣ тѣ письма отошлемъ къ царскому величеству.

Послѣ этой рѣчи кошевого казаки спросили пословъ:

— Для какихъ великаго государя дѣлъ вы къ намъ присланы? Слышно, что за царевичемъ?

— Не царевичъ онъ, а воръ, плутъ, самозванецъ, явный обманщикъ и богоотступникъ, Стеньки Разина ученикъ, — отвѣчали послы.

— Не говорите такъ!—строго возразилъ Сирко.—Онъ самый истинный царевичъ Симсонъ Алексѣевичъ и желаетъ съ вами видѣться и говорить.

Но послы помнили одно—наказъ! «Отче нашъ», «Богородица», одно это они помнили... Не сдвинуть ихъ съ позиціи ни за что.

— Мы присланы отъ великаго государя къ кошевому атаману и ко всему войску не за тѣмъ, чтобъ взять его съ собой,— стояли на своемъ бородатые дипломаты.

Но и запорожцы твердили свое:

— Мы его покажемъ вамъ на радѣ,—шумѣли они,—и вы, услыхавъ его рѣчь и всмотрѣвшись въ его лицо, признаете его за истиннаго царевича и поклонитесь ему.

— Николи не бывать этому!—кричалъ Чадуевъ, увѣренный, что его не тронутъ, когда онъ застраховалъ свою жизнь четырьмя заложниками.—Онъ воръ, самозванецъ, плутъ.

И съ этими словами пошли изъ атаманскаго куреня и возвратились въ «греческую избу».

Тогда Сирко и вся старшина нагрянули въ курень, гдѣ важно возсѣдалъ ихъ царевичъ, и началась гульня.

Больше всѣхъ пилъ кошевой, думая, вѣроятно, виномъ залить червяка, который точилъ его умную голову.

— Охъ!—шумѣло у него въ охмелѣвшей головѣ.—Ради того, чтобъ Москви дулю подъ носъ сучить, я, старый собака, пошився у дурни... Хиба жъ я не бачу, що сей царевичъ свиня на веревцы... Якій винъ царевичъ? Зинське щеня!.. А Москви за Сиркову Сибирь—оттака дуля!

И онъ показывалъ воображаемой Москвѣ кукишъ...

— Се тоби за мою Сибирь!

XXXV.

Когда гульня кончилась, и пьяный Сирко уснулъ, уже подъ вечеръ самозванецъ всталъ, опоясался саблей и, въ сопровожденіи войскового судьи Степана Бѣлаго, войскового писаря Андрея Яковлева, асауловъ и трехсотъ казаковъ, сильно подгулявшихъ, отправился всею толпой къ «греческой избѣ». Всѣ были настроены воинственно.

Подойдя къ избѣ, казаки потребовали, чтобъ подъячій Щоголевъ вышелъ изъ избы къ царевичу.

Но вмѣсто Щоголева вышелъ въ сѣни Чадуевъ и, отворивъ двери, спросилъ:

— Кто требуетъ Семена Щоголева и для какого дѣла?

— Поди ко мнѣ,—выступилъ впередъ самозванецъ.

— А ты что за человѣкъ?—спросилъ Чадуевъ.

— Я царевичъ Симеонъ Алексѣевичъ.

— Страшное и великое имя вспоминаешь,—возразилъ Чадуевъ,—такого великаго и преславнаго монарха сыномъ называешься, чего и въ разумъ человѣческій не помѣстится. Царевичи по степямъ и по лугамъ такъ ходить не изволятъ... Ты сатанинъ и богоотступника Стеньки Разина ученикъ и сынъ, воръ, плутъ и обманщикъ.

— Ахъ ты брюхачъ, измѣнникъ!—закричалъ на него самозванецъ.—Ты, собачій сынъ, смѣешь мнѣ такъ говорить!

— Смѣю, паршивый песъ!

Самозванецъ презрительно пожалъ плечами и, обратившись къ казакамъ, сказалъ:

— Смотрите! Наши жъ холопы, да намъ же и досаждаютъ.

А потомъ, выхвативъ саблю, крикнулъ:

— Я тебя устрою!—И бросился къ дверямъ.

Чадуевъ за пищаль.

— Убью, какъ собаку!

Но войсковой писарь, великанъ и силачъ, схватилъ самозванца поперекъ и унесъ за хлѣбную бочку, а оттуда увелъ его въ городъ.

Тогда казаки пришли въ ярость, захватили полѣнья и стали срывать крышу съ избы, неистово ругаясь и крича:

— Какъ! Въ государича стрѣлять!

Послы увидѣли, что пришелъ ихъ конецъ, и стали прощаться между собой и съ бывшими при нихъ стрѣльцами, наскоро вооружаясь пищалями, мушкетами, саблями. Но пока казаки ломали крышу, послы достали царскую грамоту и показали ее казакамъ.

— Братцы!—взмолились они.—Не убивайте насъ до рады... На радѣ вы выслушаете царскую грамоту, что въ ней отъ великаго государя написано.

Казаки, какъ дѣти: за минуту вспышка, а тутъ вдругъ и успокоились.

— Только караулъ надо поставить,—сказали они судьѣ,—а то уйдутъ.

— Москали умѣютъ изъ самыхъ рукъ уходить.

Скоро явился полковникъ Алексѣй Бѣлицкій съ казаками, вооруженными мушкетами, и занялъ карауломъ сѣни избы.

Буяны тотчасъ же разошлись.

Уже вечеромъ этого дня Сирко, проспавшись послѣ попойки и узнавъ о томъ, что происходило у посольской избы, приказалъ судьѣ, писарю, асаулу и куренному атаману Ѳедору Серебренику пойти къ посламъ и передать отъ его имени, что онъ требуетъ, чтобъ послы просили у царевича прощенія.

— Худо вы, Василій и Семенъ, сдѣлали,—говорилъ судья, вошедши съ прочими въ посольскую избу,—что, будучи между войскомъ, хотѣли застрѣлить государича. 12 марта будетъ рада, и на той радѣ будетъ самъ государичъ. Что вы хотѣли его застрѣлить, теперь всѣмъ извѣстно, и если онъ надъ вами велитъ

что-нибудь сдѣлать, то войско, что огонь, по макову зерну васъ разорвутъ.

А бывшіе тутъ другіе казаки говорили:

— Пусть послы, придя на раду, бьютъ челомъ и кланяются въ землю государичу, чтобы онъ простилъ ихъ.

— Еслибъ Семенъ Щоголевъ,—добавляли они, — вышелъ тогда, когда его вызывали, и сталъ бы обличать государича или невѣжливо передъ нимъ говорить, то, конечно, государичъ и за это, и за прежнее обличеніе Семеново саблею срубилъ бы его. А послѣ того, когда государича хотѣлъ Чадуевъ застрѣлить, и когда онъ ушелъ изъ избы въ городъ, тогда, если бы онъ приказалъ пословъ съ ихъ людьми побить и въ Чортомлыкъ побросать, казаки сдѣлали бы, потому что они государича считаютъ за царевича и вѣрятъ, и слушаютъ его, и что прикажетъ, то и будутъ дѣлать.

Утромъ, 12 марта, послышалась глухая дробь «довбыша», сзывавшаго запорожцевъ на войсковую раду.

Со всѣхъ куреней посыпалось козацтво на сичевой майданъ. Какъ макъ въ огородѣ, пестрѣли повсюду верхи казацкихъ шапокъ.

— Что-то скажутъ москали, послушаемъ.

— Добраго ничего не скажутъ, хоть и будутъ «заходиться» лисицами передъ курами.

Показался и Сирко съ войсковою старшиною и со знаменемъ.

— Шапки долой передъ батькомъ и старшиною!

— А пускай они прежде намъ поклонятся, мы ихъ выбирали.

Позвали на раду и пословъ, отобравъ у нихъ предварительно оружіе и поставивъ около нихъ четырехъ стрѣльцовъ для оберегапья.

Послы поклонились старшинѣ и войску, и Чадуевъ слово-въ-слово, какъ «Отче нашъ» и «Богородицу», проговорилъ «наказъ», подалъ царскую грамоту кошевому.

— На, панъ писарь, вычти,—сказалъ онъ, подавая грамоту великапу.

Тотъ началъ «голосно» читать. Сирко, глянувъ на церковь, недалеко отъ которой читалась грамота, увидѣлъ, что самозванецъ изнутри церкви пригнулся къ окну и жадно слушаетъ писаря, и лукаво моргнулъ усомъ.

— Не бійся зинське щеня, поки ще не выдамо,—говорили его предательскіе глаза,—поки Москва не зъила нашой дули, не выдамо.

Выслушавъ грамоту, эта старая лиса держала такую рѣчь къ довѣрчивой аудиторіи:

— Братія моя, атаманы молодцы, войско запорожское, низовое, днѣпровое, какъ старый, такъ и молодой. Прежъ сего въ войскѣ запорожскомъ у васъ, добрыхъ молодцовъ, того не бывало, чтобы кому кого выдавали. Не выдадимъ и этого молодчика.

— Не выдамо, не выдамо, пане батьку!—волной пробѣжало по майдану.

— Братія моя милая,—продолжалъ Сирко,—какъ одного его выдадимъ, тогда и всѣхъ насъ москва (собирательное—вмѣсто москали) по одному разволокутъ. А онъ не воръ и не плутъ, прямой царевичъ, и сидитъ, какъ птица въ клѣткѣ, и ни передъ кѣмъ не виновенъ.

Тогда раздались отдѣльные голоса:

— Пусть они того плута сами посмотрятъ въ очи.

— Тогда узнаютъ, что то за плутъ.

— Ссылаются москали на печать и на письмо, а самъ царевичъ говоритъ, что все то пишутъ сами бояре и присылаютъ безъ царскаго указа и впредь будутъ присылать.

— Да чего тутъ толковать! Давно пора либо ихъ утопить, либо руки и ноги обрубить!

Послы стояли блѣдные... Что страшнѣе, смерть или царская опала?—казалось, говорили ихъ искаженныя ужасомъ лица

Сирко понялъ, что «переборщилъ» въ своей рѣчи, пересолилъ... А какъ накинутся сейчасъ?..

— Поберегите, братіе, меня,—заговорилъ онъ умоляюще,—потерпите, наконецъ, и ради тѣхъ нашихъ казаковъ, которые находятся у гетмана въ залогѣ. Помните, что послы, ради своей свободы, отослали ихъ къ гетману, поэтому, подержимъ пословъ еще живыми, или одного изъ нихъ отпустимъ, чтобъ какъ-нибудь своихъ освободить... Да и то сказать, караулъ надъ ними крѣпкій, не уйдутъ.

Сирко, боясь новаго взрыва, велѣлъ отвести пословъ въ ихъ избу.

— Нѣтъ!—кричали казаки.—Ты выведи царевича на раду и покажи его посламъ!

— Пусть они все по волѣ его учинятъ, а коли не учинятъ, забить ихъ!

Опять пришлось изворачиваться старому кошевому.

— Зачѣмъ же государичу по радамъ волочиться?—возражалъ онъ.—Когда придетъ время, они увидятъ его и безъ рады и сдѣлаютъ все по волѣ его, а пока то время не пришло, отпустите ихъ.

Такъ кончилась рада.

Самозванецъ опечалился тѣмъ, что его не пустили на раду, и уговорилъ судью, писаря и асаула пойти къ нимъ и попросить ихъ сойтись съ нимъ въ куренѣ кошевого.

— Зачѣмъ?—твердили свое упрямые москали, помня «наказъ».—Присланы мы отъ царскаго величества къ войску запорожскому не него, самозванца, а не бесѣдовать съ нимъ. И если кошевой это сдѣлаетъ и призоветъ насъ къ себѣ, имѣя въ своемъ куренѣ самозванца съ саблею, самозванецъ тотъ начнетъ озорничать, то какая-жъ тутъ правда? Мы какъ прежде, такъ и тогда, какъ будемъ у кошевого въ куренѣ, шеи не протянемъ.

Кремни дипломаты!

XXXVI.

Наступило и 13-е марта. Просыпавшаяся послѣ зимней спячки природа все, казалось, призывала къ любви, умиротворенію и къ радости.

Одна Украина не знала умиротворенія. Разомъ четыре гетмана, Самойловичъ, Суховіенко, Ханенко и Дорошенко, не жребій о ней метали, какъ когда-то римскіе воины метали жребій о несошвенной ризѣ Спасителя, а раздирали ее на части изъ-за булавы и бунчука и проливали кровь своей несчастной родины.

Весна не принесла умиротворенія и Запорожью. Казаки бурлили, какъ весенніе рѣки въ половодье, а Сирко въ мутной водѣ ловилъ рыбу... Онъ думалъ выудить гетманскую булаву при помощи подносимой Москвѣ «дули»...

13-го марта онъ созвалъ къ себѣ въ курень куренныхъ атамановъ и знатныхъ казаковъ-радцевъ, которые и поддерживали бурленіе Запорожья, и пригласилъ къ себѣ и царскихъ пословъ съ генеральнымъ асауломъ Черняченкомъ.

Мрачно смотрѣли послы, угадавъ чутьемъ настроеніе этого сборища.

Къ нимъ кошевой и обратился съ рѣчью.

— Много вы, пріѣхавъ на Запорожье, поворовали,—сурово произнесъ онъ,—на великаго человѣка руку поднявъ, государича убить хотѣли, и за этого смерти вы достойны.

Онъ говорилъ такъ прямо потому, что былъ не на майданѣ, не среди буйныхъ головъ, которыя, какъ грозили, могли бы «по маковой росинкѣ» разнести ненавистныхъ москалей.

— А намъ,—продолжалъ Сирко,—Богъ послалъ съ неба многоцѣнное жемчужное зерно и самоцвѣтный камень, чего искони вѣковъ у насъ въ Запорожьѣ не бывало. Самъ же онъ разсказываетъ, какимъ образомъ изъ Москвы изгнанъ. Былъ онъ однажды въ палатахъ своего дѣда по плоти, Ильи Даниловича Милославскаго. Въ то время у Ильи Даниловича бесѣдовалъ о дѣлахъ нѣмецкій посолъ. И той рѣчи царевичъ помѣшалъ, за что Илья Даниловичъ невѣжливо отвелъ его рукою. Тогда царевичъ, придя въ царскія палаты, сказалъ государынѣ Марьѣ Ильиничнѣ, что если бы ему, царевичу, дали хоть три дня на царствѣ пробыть, то онъ бы всѣхъ нежелательныхъ ему бояръ немедленно перевелъ. А когда царица спросила у него, кого же именно онъ перевелъ бы, то царевичъ отвѣтилъ, что первѣе всѣхъ боярина Илью Даниловича, а за нимъ и другихъ. Тогда государыня бросила въ него ножомъ, и тотъ ножъ воткнулся въ ногу царевичу, отъ чего царевичъ занемогъ. Послѣ этого царица велѣла стряпчему Михаилу Савостьянову окормить царевича, но тотъ стряпчій окормилъ вмѣсто царевича какого-то пѣвчаго, и лицомъ и возрастомъ схожаго съ царевичемъ, и, снявъ съ него платье, положилъ на столъ, а на мертваго положилъ иное, царевича же хранилъ втайнѣ три дня, потомъ нанялъ двухъ человѣкъ старыхъ нищихъ, одного безрукаго, другого кривого и, давъ имъ 1,000 червонцевъ, велѣлъ вывезти царевича изъ города въ небольшой телѣжкѣ подъ рогожей. Нищіе вывезли и отдали его посадскому мужику, а тотъ мужикъ свезъ царевича къ Архангельской пристани. И царевичъ, проскитавшись тамъ многое время, пришелъ на Донъ и сталъ плавать со Стенькою Разинымъ по морю, въ качествѣ кашевара, не объявляя о настоящемъ своемъ званіи и называя себя Матюшкою. Только передъ тѣмъ, какъ Стеньку Разина забрали въ Москву, онъ объ-

явилъ ему о своемъ званіи, подъ присягою, и Стенька зналъ его. Послѣ же Стеньки былъ на Дону какой-то царскій посланецъ съ казной, и тотъ посланецъ дарилъ царевича подарками, и черезъ него царевичъ написалъ собственноручно письмо о себѣ царю, но того письма бояре до царскаго величества не допустили. А когда время настанетъ, то онъ пошлетъ къ царскому величеству письмо о себѣ съ такимъ человѣкомъ, который самъ доноситъ его до царскаго величества.

Что оставалось думать представителямъ московскаго правительства, слушая это, о людяхъ, которыхъ героизмъ доходилъ до высокаго и которые на своихъ плечахъ, какъ классическій Атлантъ, выносили всю тяготу давленія мусульманскаго міра?

— Дѣти, какъ есть дѣти,—думалъ Чадуевъ, слушая чудовищную сказку изъ устъ этого сѣдого младенца-героя.—Чистая безлѣпица! А онъ вѣритъ... Имъ хоть колъ на головѣ теши... О, Господи!

— Ой!—думалъ и Сирко.—Пошивъ я самъ себе у дурни, та нехай не дмется надъ нами, мовъ мы у свого Бога теля вкрали...

Но надо доводить дѣло до конца.

— Се я невдогадъ бурякивъ, щобъ дали капусты.

И онъ продолжалъ:

— Сначала я и самъ мало вѣрилъ царевичу, а потомъ, когда въ наставшій постъ царевичъ началъ говѣть, то я велѣлъ священнику на исповѣди подъ клятвой допросить, вѣрно ли все то, о чемъ онъ разсказывалъ, и царевичъ подъ клятвой отвѣтилъ, что все сказанное имъ истинная правда, и послѣ это пріобщился святыхъ таинъ. Оттого теперь, кто что о немъ ни говори и ни пиши, всѣ вѣрятъ въ его царственное происхожденіе.

Остановясь на минуту, кошевой перекрестился широкимъ крестомъ.

— Онъ—истинный царевичъ!—съ силой сказалъ онъ.—Ни самъ царевичъ, ни войско не отказываются просить себѣ...

— И буряки, и капусты,—чуть-чуть не проговорился онъ, но во-время спохватился.

... — просить себѣ, что надо по росписи, а именно: на 3,000 съ небольшимъ человѣкъ, по десяти аршинъ на человѣка въ годъ кармазинныхъ суконъ, да кромѣ того денежной, свинцовой и пороховой казны, ломовыхъ пушекъ, нарядныхъ ядеръ и мастера,

который тѣми ядрами умѣлъ бы стрѣлять; сипоши же и чайки у насъ будутъ».

Во время послѣдней половины рѣчи въ курень незамѣтно вошелъ самозванецъ и сталъ рядомъ съ кошевымъ, а потомъ сѣлъ. Московскіе послы нахмурились и хотѣли уйти, но куренные атаманы какъ бы нечаянно загородили имъ дорогу.

Заговорилъ самозванецъ, не обращаясь къ посламъ, а глядя на «значныхъ» казаковъ-радцевъ.

— Послы сами хорошо знаютъ,—началъ онъ,—почему ни донскимъ, ни запорожскимъ казакамъ не даютъ ни жалованья, ни пушекъ, ни чаекъ, ни всякихъ воинскихъ запасовъ... Царское величество къ нимъ милосердъ и много обѣщаетъ, а бояре и малаго не даютъ. А что до присланныхъ царскимъ величествомъ шиптуховыхъ суконъ, то имъ изъ нихъ досталось только по полутора локтя на человѣка и только тѣ, которые хотѣли купить, тѣ, скупая, сдѣлали себѣ кафтаны, а другіе изъ тѣхъ суконъ сшили себѣ сумки на кремни да пули.

— Вишь!—думалъ московскій подъячій.—«Царевичъ»-то, поди, у Стеньки научился такимъ рѣчамъ.

А Чадуевъ твердилъ свою «богородицу».

— Оставьте, паны молодцы, всѣ свои слова, — говорилъ онъ,—а отдайте намъ самозванца и отправьте его со ста человѣками казаковъ къ его царскому величеству, за что его царское величество будетъ жаловать васъ милостивымъ жалованьемъ.

— Ага! На «капусту» натяка!—незамѣтно улыбнулся лукавый Сирко.

— А на Кошъ за это,—продолжалъ посолъ,—присланы будутъ жалованье, сукна, ломовыя пушки, нарядныя ядра, мастеръ, зелье, свинецъ, сипоши и чайки. А что этотъ истинный воръ, плутъ, самозванецъ и явный обманщикъ про себя объявлялъ, что онъ у вора, богоотступника и клятвопреступника Стеньки Разина былъ, то тому Стенькѣ, за его воровство, казнь учинена.

Кошевой сомнительно покачалъ головой, хотя въ душѣ радовался, что довелъ москалей до стѣны, до капусты.

Судья, понявъ своего «батька», заговорилъ:

— Если мы и тысячу казаковъ пошлемъ съ государичемъ, то на дорогѣ его отымутъ и до царскаго величества не допустятъ, а потому, если придутъ за нимъ бояре или воеводы съ ратными

людьми, для взятія государича, то и тогда не дадимъ его. Москва и насъ всѣхъ называетъ ворами и плутами, будто мы сами не знаемъ, что и откуда кто есть...

Послѣдній намекъ подстрекнулъ кошевого.

— Если государь,—сказалъ онъ,—по приговору бояръ, за то, что мы не отдали царевича, пошлетъ къ гетману Самойловичу, чтобы онъ не велѣлъ пускать къ намъ въ Запорожье хлѣба и всякихъ харчей, какъ Демко Многогрѣшный не пропускалъ, то мы какъ тогда безъ хлѣба не были, такъ и теперь не будемъ. Мы сыщемъ себѣ и другого государя...

Послы переглянулись... «Вотъ, до чего дѣло дошло»,—казалось, говорили они.

А кошевой, все болѣе и болѣе разгорячаясь, продолжалъ:

— Дадутъ намъ и крымскіе мѣщане хлѣба и рады намъ будутъ, чтобы только брали, какъ и во время гетманства Суховія давали намъ всякій хлѣбъ изъ Перекопа. А про царевича извѣстно и крымскому хану, который уже присылалъ къ намъ узнать о немъ, на что мы и отвѣтили ему, что такой человѣкъ у насъ на Кошу дѣйствительно есть. И посланный хана самъ видѣлъ царевича. А къ тому же и турецкій султанъ нынѣшней весной непремѣнно хочетъ быть подъ Кіевъ и далѣе...

Тутъ онъ немного остановился, чтобъ усилить впечатлѣніе своей рѣчи.

— Пусть цари между собой перевѣдаются, а мы себѣ мѣсто сыщемъ: кто силенъ, тотъ и государь намъ будетъ.

Казалось, злоба душила его. И немудрено: онъ вспомнилъ свою ссылку, Сибирь...

— Ну, и баня!—видимо говорили глаза пословъ, обливавшихся потомъ.

А кошевой, сверкая глазами подъ нависшими сѣдыми бровями, продолжалъ:

— Жаль мнѣ Павла Грибовича: коли-бъ онъ теперь былъ со мной, то зналъ бы я, какъ въ Сибирь черезъ поле засматривать... Узнали бы тогда, каковъ жолнеръ Сирко!..

Окинувъ злыми глазами генеральнаго асаула Черняченка, онъ выпалилъ:

— Какому мужику они (онъ глянулъ на пословъ) и вы гетманство дали! Онъ своихъ разоряетъ, да и разорять-то не умѣетъ! По Днѣпру попласталъ, поволочился и, ничего добраго не сдѣ-

лавъ, назадъ воротился. Теперь у нихъ четыре гетмана—Самойловичъ, Суховіенко, Ханенко, Дорошенко, а ни отъ кого изъ нихъ ничего добраго нѣтъ: сидятъ дома да за гетманство, за булаву, за маетности, за мельницы кровь христіанскую проливаютъ... Лучше было-бъ Крымъ разорить да войну унять. А было время, когда войско во время рады меня спрашивало и гетманство хотѣло мнѣ дать, да Ромодановскій Самойловича гетманомъ сдѣлалъ, не по войсковому онъ поступилъ и меня въ пропасть послалъ. Слышно, что многіе города той стороны и Лизогубъ теперь къ вашему гетману перешли, а за то хвала Богу, что Лизогубъ къ гетману подлизался: онъ какъ лизнетъ, то и въ пяткахъ горячо будетъ. А когда бы мнѣ гетманство дали, то я бы не такъ сдѣлалъ. Да и теперь еслибъ мнѣ хоть на одинъ годъ гетманство дали, или бы гетманъ поповичъ (Самойловичъ былъ сынъ священника), московскій обранецъ, далъ мнѣ четыре козацкихъ полка, полтавскій, миргородскій, прилуцкіи и лубенскій, то я бъ зналъ, что съ ними дѣлать, весь Крымъ разорилъ бы!

Черняченко, весь красный, молчалъ. Онъ чувствовалъ, что тутъ Сирко правъ.

Вмѣсто него отвѣчалъ Чадуевъ.

— И теперь съ бояриномъ и съ гетманомъ ратныхъ людей великаго государя около 40,000,—сказалъ онъ,—и ты можешь итти къ нимъ и чинить промыслъ, гдѣ придется.

— Теперь не прежнее время,—возразилъ Сирко,—больше не обманутъ меня. Раньше этого мнѣ отписалъ Ромодановскій на карткѣ государскую милость, и я, повѣря ему, поѣхалъ къ нему, а онъ продалъ меня за 2,000 червонныхъ.

— А кто же тѣ червонные за тебя далъ?—спросилъ Чадуевъ.

— Царское величество, милосердуя обо мнѣ, тѣ червонные Ромодановскому указалъ дать,—съ злобною ироніей отвѣчалъ кошевой.

Пословъ тотчасъ же отпустили. Они шли къ себѣ, шатаясь, точно пьяные.

— Ну, и баня! Безъ вѣниковъ выпарили насъ,—шепталъ подъячій.

— Хуже вѣниковъ,—вздохнулъ Чадуевъ.

XXXVII.

— А зинське щеня таки богатенько воды на наши колеса навернуло,—говорилъ черезъ нѣсколько дней Сирко генеральному судьѣ, когда они остались въ куренѣ съ глазу на глазъ и попивали изъ знакомыхъ уже намъ серебряныхъ кружекъ хорошее венгерское вино.

— Яке зинське щеня?—спросилъ судья.

— Та той блазень, карась, що въ нашу вершу зализъ.

— Якій блазень, пане отамане?

— Та той же шолудивый «царевичъ»!

Сирко громко расхохотался. Судья былъ ошеломленъ.

— Якъ! Не вже-жъ винъ не царевичъ?

— Та винъ такій же «царевичъ», якъ мій кудлатый цуцыкъ Бровко.

— А ты-жъ за него й хрестився й присягався!

— Охъ, чоловиче! Та не гляди на мене, якъ корова на новы ворота.

— Та то я першъ себе у дурни пошивъ, щобъ тильки пошити у дурнивъ и москаливъ. И пошивъ таки любенько... Теперь намъ Москва усего дасть, чого душа забажае, и пороху, и гарматъ, и пуль...

— Такъ ты жъ и усе війско пошивъ у дурни... Ми тоби вири доняли и пошились.

— Ничого... Теперь розшіетесь.

Чтобъ окончательно разоблачить самозванца, хитрый старикъ придумалъ слѣдующее:

— Завтра, 17-го березозолу, чи-то марта, на Олексія, буде якъ то кажуть москали тезоименитство его царьскаго пресвитлого величества... Такъ писля обидни я велю куриннымъ отаманамъ зъ батюшкою пойти до «царевича», якъ слидъ поздоровляти его съ тезоименитствомъ батька и поцилувати на его тили царски прикмети «знаменія»... А ти «знаменія» просто шолуди чи пархи... Тоди... гай-гай!.. и поиде «царевичъ» до батька на шибеницю, а то й пидъ сокиру ката.

Дѣйствительно, Сирко такъ и распорядился. Призвавъ къ себѣ, накапунѣ 17-го марта, наличныхъ куренныхъ атамановъ и войскового полевого священника, онъ открылъ имъ, что никогда не вѣрилъ въ подлинность «царевича», притворился вѣру-

ющимъ, чтобъ принудить Москву къ уступкамъ, и она, въ лицѣ своихъ пословъ, уступила... этого только онъ и добивался... А теперь пора обличить самозванца.

Для этого, завтра, послѣ обѣдни, батюшка съ куренными атаманами должны явиться къ «царевичу», чтобъ отъ имени всего войско поздравить его съ тезоименитствомъ его царственнаго родителя и благоговѣйно приложиться къ «царскимъ знаменіямъ» на тѣлѣ «царевича», а попросту взглянуть на его шолуди или пархи.

Такъ и сдѣлали, какъ придумалъ хитрый старикъ.

Оказалось, что на тѣлѣ самозванца не оказалось подобія ни «царскаго вѣнца», ни «двуглаваго орла», ни «мѣсяца со звѣздой», какъ утверждалъ карликъ Лучка, бывшій челядникъ гетмана Демка Многогрѣшнаго, а теперь челядникъ его брата Василія. Батюшка и куренные атаманы нашли на тѣлѣ самозванца, на груди его, отъ одного до другого плеча, восемь, подобно лишаямъ, бѣлыхъ и широкихъ пятенъ.

Но мошенникъ и тутъ попробовалъ извернуться.

— Объ этихъ знакахъ,—сказалъ онъ,—вѣдаетъ только государыня царица да мама Марья, да теперь, кромѣ стряпчаго Севастьянова, меня никто и не узнаетъ, да и я, кромѣ Севастьянова, никому не повѣрю, а буду писать самому батюшкѣ царю.

Открытіе это, однако, Сирко велѣлъ, до поры до времени, хранить въ тайнѣ отъ войска, которое еще больше увѣровало въ истинность царевича послѣ того, какъ батюшка и куренные атаманы «прикладывались къ царскимъ знакамъ»...

— Ого! Не на таковскихъ наскочила Москва!—радовались казаки-дѣты.

Въ этотъ же день хитрый старикъ, собравъ у себя всю войсковую старшину и объявивъ, что отпускаетъ пословъ на Москву какъ бы ради царскихъ именинъ, велѣлъ позвать къ себѣ пословъ.

Тѣ явились и были очень поражены удивленіемъ, когда Сирко обратился къ нимъ съ рѣчью.

— Рѣшили мы сообща отпустить васъ къ царскому величеству,—сказалъ онъ, и, замѣтивъ удивленіе Чадуева и Щоголева, пояснилъ,—а съ вами отправить своихъ посланцевъ, потому что не вѣримъ ни тому, что въ грамотѣ къ намъ написано, ни тому, что вы намъ о царевичѣ говорили. Въ листѣ своемъ

мы отпишемъ всѣ слова царевича, да и онъ самъ отпишетъ его царскому величеству и гетману Самойловичу. Пословъ же своихъ мы главнымъ образомъ пошлемъ для того, чтобы они, слышавъ изъ самыхъ устъ государскихъ царское слово о царевичѣ, пріѣхавъ въ Кошъ, намъ о томъ объявили, и тогда у насъ свой разумъ будетъ.

Послѣ этой рѣчи послы были отпущены.

— Головотяпы, истинно головотяпы!—качалъ головой Чадуевъ, идя къ «греческой избѣ».—Доселѣ вѣрятъ вору, хоть ему на видъ не менѣе двадцати годовъ, тогда какъ блаженныя памяти царевичу Симеону было бы теперича всего девять годковъ! Ахъ, головотяпы!

— Сказано, хохлы безмозглые, — подтвердилъ подъячій,— соломой ячневой бритыя башки набиты.

Нѣтъ, не соломой... И опытныхъ искусившихся московскихъ дипломатовъ Сирко провелъ и добился у неподатливой Москвы, чего желалъ для войска.

Весь остальной день онъ съ старшиною занятъ былъ диктовкою отписокъ къ царю, а самозванецъ писалъ у себя.

На другой же день была созвана рада, на которой передъ всѣмъ войскомъ и были прочитаны какъ отписки Коша къ Алексѣю Михайловичу, такъ и письмо самозванца къ «родителю».

На этой же радѣ происходили выборы посланцевъ отъ запорожцевъ къ царю. Выбраны были: Процикъ Золотарь, Трофимъ Троцкій да писарь Перепелица.

Когда же рада кончилась, московскіе послы были приглашены въ курень кошевого, гдѣ имъ и прочли все, что писалось царю и гетману, все, что наплелъ имъ самозванецъ, и что Чадуевъ и Щоголевъ уже не разъ слышали. И тутъ же было объявлено имъ, что они могутъ возвратиться въ Москву.

Послы такъ и сдѣлали. Не дожидаясь, когда покончатъ съ своими сборами посланцы отъ войска, Золотарь, Троцкій и Перепелица, оставили ужасное гнѣздо, гдѣ имъ ежеминутно угрожала смерть. Только отъѣхавъ версты три отъ Сѣчи, Чадуевъ, Щоголевъ и Черняченко увидѣли, что ихъ догоняютъ и запорожскіе посланцы.

Послѣдніе сказали имъ, что съ ними находятся только отписки къ царю и гетману, а что письма царевича у нихъ нѣтъ.

— Почему же?—спросилъ Чадуевъ.

— Царевичъ изорвалъ свое письмо,—отвѣчалъ Золотарь.

— Съ какова поводу онъ сіе учинилъ?

— Съ того поводу, что кошевой и войско не позволили государичу проводить васъ.

Но послы этому не повѣрили. Они, напротивъ, убѣдились что посланцы отъ Запорожья таятъ эти письма у себя съ цѣлью.

— Они таятъ его у себя для того,—шепнулъ Чадуевъ Щоголеву,—чтобы имъ самимъ, когда будутъ у государевой руки, подать лично царскому величеству то письмо.

— А можетъ и отписки у нихъ нонѣ не тѣ, что намъ вычитали, и подписи другія, — съ своей стороны тихо сказалъ Щоголевъ.

Замѣтивъ, что послы шепчутся, Золотарь сказалъ:

— А васъ панъ кошевой очень бережетъ.

— Чѣмъ это? Какое его береженье?

— Да тѣмъ, что по вашемъ отъѣздѣ царевичу тотчасъ были коданы три осѣдланныхъ лошади съ парой пистолетовъ при каждой: это царевичъ хотѣлъ догнать васъ и убить за то, что вы его ругали непотребно; но кошевой не пустилъ его.

4-го апрѣля московскіе послы достигли, наконецъ, Переяслава, гдѣ находились гетманъ Самойловичъ и бояринъ Григорій Ромодановскій.

Когда послы явились къ нимъ. Ромодановскій сказалъ имъ:

«Доложите государю, а государь бы указать изволилъ, кого прислать на Украину, чтобы дома и животы Сѣркова на великаго государя отписать, и жену его и зятей въ крѣпости держать, потому Сѣркова жена, зятья и дома въ моемъ полку. Но посадить ихъ въ крѣпость безъ указа великаго государя я не смѣю».

— А отъ меня доложите великому государю, — просилъ пословъ гетманъ, — чтобъ государь изволилъ прислать свой указъ о томъ, чтобъ не пропускать никого въ Запорожье ни съ хлѣбомъ, ни съ харчой, ни съ какимъ другимъ дѣломъ изо всѣхъ городовъ и отъ людей всякихъ чиновъ. А о самозванцѣ я думаю, что достать его изъ Запорожья никакъ нельзя, потому что запорожцы увѣровали въ него, точно мусульмане въ своего Магомета.

Доложили о приходѣ генеральнаго асаула Черняченко.

— Ты за какимъ дѣломъ, пане асауле?—спросилъ гетманъ.

— Да мнѣ донесли, ваша ясновельможность, что къ тѣмъ тремъ посланцамъ отъ Коши, что отправляются на Москву съ отпиской отъ войска, пристали еще, кто изъ Сѣчи, кто изъ городовъ, 34 человѣка казаковъ.

— Что-жъ—улыбнулся Самойловичъ.—Хоть ихъ сто наберется, то я ихъ всѣхъ пропущу къ царю, а когда они будутъ въ Москвѣ, то пусть государь изволитъ приказать отпустить изъ нихъ на Запорожье двухъ или трехъ, а остальныхъ велитъ задержать и на Запорожье въ своей царской грамотѣ отписать, что если казаки того самозванца не выдадутъ, то онъ оставленныхъ въ Москвѣ ихъ товарищей предастъ злой смерти.

— Ловко придумавъ бисивъ поповичъ,—сказалъ себѣ Черняченко,—ну и ловко-жъ.

Пробывъ въ Переяславѣ до 6-го апрѣля царскіе послы и запорожскіе посланцы выѣхали, наконецъ, въ Москву.

Въ малороссійскомъ приказѣ они обстоятельно доложили обо всемъ, что видѣли, и что слышали на Запорожьѣ.

— Жили мы въ Сичи, «куня свѣтъ»,—присовокупилъ Чадуевъ,—старшинѣ и казакамъ, которые къ намъ приходили и смертью угрожали, давали мы по одному, по два и по три ефимки, а заняли тѣ ефимки у гетмана Ивана Самойловича будто бы на покупку лошадей, по двадцати рублей, и всѣ тѣ деньги раздѣлили, чѣмъ и освободились отъ бѣды. А ту пищаль,—добавилъ Чадуевъ,—изъ которой я хотѣлъ застрѣлить самозванца, взялъ себѣ Сѣрко, и она мнѣ стоила восемь рублей.

Когда царскіе послы выѣхали изъ Запорожья, самозванецъ понялъ, что дѣло его проиграно, и задумалъ, поэтому, скрыться изъ Сичи. Но какъ? Его берегли, какъ зеницу ока. Еще бы! Это «многоцѣнное жемчужное зерно съ неба!..»

И «зерно» стало просить кошевого, чтобъ онъ далъ ему 100 или 200 человѣкъ казаковъ.

— Для чего тебѣ, государичъ, казаки?—спросилъ хитрый старикъ.

— Я бы съ ними отъѣхалъ на островъ Чортомлыкъ и оттуда написалъ бы на Донъ къ простой черни, чтобъ чернь вырубила старшину и преклонилась мнѣ. А какъ та чернь преклонится, тогда я, собравши по городамъ людей, могу итти къ Москвѣ.

— Зачѣмъ тебѣ собирать войско? — сказалъ Сирко, чуя, что «зерно» задумало улепетнуть. Если хочешь ѣхать къ Москвѣ, то я отпущу тебя съ провожатыми.

— Нельзя мнѣ ѣхать съ одними провожатыми въ Москву,— возразилъ несчастный.—бояре убьютъ меня.

Печаленъ былъ конецъ мнимаго царевича.

Онъ оказался сыномъ варшавскаго мѣщанина Воробьева, перешедшаго въ Варшаву изъ Лохвицы. Звали его Семеномъ.

Буйная голова юноши очутилась среди молодцовъ батюшки Степана Тимофеевича... Весело было гулять по морю и по Волгѣ... Не мало было попито и боярскихъ яствъ поѣдено... Но «батюшку» казнили, а демонъ соблазнитель, Ивашка Міюска, указалъ ему на престолъ въ Москвѣ, на которомъ когда-то сидѣлъ такой же бродяга, какъ и этотъ.

И 17-го сентября вся Москва смотрѣла на казнь юноши на Красной площади... Грустный конецъ!

XXXVIII.

Булава и бунчукъ, какъ мы видѣли, причинили не мало тревогъ московскому и польскому правительствамъ. Тревоги эти перекинулись и черезъ Черное море и вызвали не мало опасеній и у правительства Оттоманской Порты. Султанъ Магометъ IV потерялъ сонъ, когда до него дошли слухи, что булава и бунчукъ могутъ попасть въ руки страшнаго «шайтана» Сирка.

И падишахъ, по совѣту визиря, рѣшилъ уничтожить самое гнѣздо «шайтана», Запорожскую Сичь.

Для этого съ наступленіемъ зимы 1674 года онъ отправилъ въ крымъ 15.000 отборнаго своего войска—янычаръ и велѣлъ хану со своими ордами двинуться на Запорожье и, во что бы то ни стало, смести съ лица земли это пугало мусульманскаго міра съ его безпокойными шершнями-казаками.

Ханъ разсчиталъ такъ, что всего лучше будетъ напасть на

Запорожье въ праздникъ Рождества, когда казаки по обыкновенію гуляютъ и почти поголовно напиваются пьяными.

И вотъ, когда зима, по выраженію лѣтописца, «чрезъ майстерство крѣпкихъ морозовъ своихъ» сковала Днѣпръ и всѣ рѣчки льдами, ханъ, собравъ свои орды и посадивъ янычаръ на коней, осторожно двинулся къ Кошу, высылая впередъ лазутчиковъ высматривать, чтобъ ни одна живая душа гяуровъ не провѣдала о движеніи войска.

Подступивъ на вторую или на третью ночь праздника къ Запорожью, ханъ послалъ впередъ лазутчиковъ захватить сичевую стражу, которая, какъ ему извѣстно было, всегда стояла на одномъ мѣстѣ прохода, особенно оберегаемаго казаками.

Такъ и случилось. Лазутчики накрыли двухъ казаковъ, завязали имъ рты и сдавъ подъ карауль, повели янычаръ къ той «форткѣ» или калиткѣ, которую казаки не запирали для того, чтобы стража, замѣтивъ что-либо подозрительное, могла предупредить Кошъ объ опасности и запереть фортку.

Волною влились янычары во внутрь казацкаго убѣжища и заполнили его собой такъ, что двигаться было невозможно. Янычары, какъ видно, не разсчитали тѣсноты казацкой крѣпости и всей пятнадцати-тысячной массой ввалились въ нее, затопивъ собою не только узенькія улички между куренями, но и самый майданъ.

Все спало въ орлиномъ гнѣздѣ. Ни одного огонька въ куреняхъ, и оконныя ставни закрыты. Насталъ послѣдній часъ Запорожью.

Но казацкое убѣжище и казацкую жизнь, запорожскую славу спасъ простой случай, случай, который многое спасаетъ и многое губитъ, а многое возводитъ наверхъ могущества и славы изъ ничтожества, какъ и многое могущественное и славное ввергаетъ въ пропасть ничтожества.

Въ одномъ изъ куреней въ числѣ спавшихъ около полутораста запорожцевъ находился молодой казакъ, по ремеслу сапожникъ «швецъ».

Случайно проснувшись въ эту роковую ночь, онъ услышалъ въ куренѣ тихій говоръ. Это пять или шесть товарищей, забившись въ уголъ и закрывшись поставленною торчкомъ полстью, играли въ карты при слабомъ мерцаніи «каганца» ночника.

Слышались только техническія карточныя выраженія игравшихъ.

— Отъ я тоби дамъ жлукти, понюхай оцего хлапа.

— Э, брате, а моя краля твого хлапа бье по пыци.

— А ну-жъ, перебый мою масть, козырни хрести шоставку.

— А на шоставку въ мене восьмака! Що, піймавъ облызня?

— На тоби выны, у мене вынова масть, сила!

— И въ мене выновый хлапъ.

— А въ мене жлукти ажъ гарчатъ.

— А ось тоби жыры.

— Э! Та ты вси мои хрести.

Проснувшійся швецъ, желая узнать, скоро ли начнетъ свѣтать, открылъ «кватерку»-форточку и, немножко раздвинувъ черезъ нее ставни, оцѣпенѣлъ отъ ужаса! Вся сичевая площадь, всѣ улички были заняты... турками-янычарами. Они безмолвно, одними жестами, видимо, совѣщались... Гибель войска казалась неизбѣжной... Вотъ-вотъ они вломятся въ курени и перерѣжутъ, перестрѣляютъ спящихъ и безоружныхъ...

Съ побѣлѣвшимъ отъ ужаса лицомъ швецъ шопотомъ сообщилъ о своемъ ужасномъ открытіи игравшимъ въ карты

— Чи ты со сна, чи съ перепою?—спросили тѣ.

— Мовчить ради самого Господа! Подывитеся самы.

— Такъ и есть. Пропало войско запорожское!

Моментально, по шопотомъ стали будить спящихъ.

— Одягайтесь мовчки, безъ огня... берите мушкеты...

Въ какую-нибудь минуту все было обдумано и рѣшено... И неудивительно, на волосокъ отъ неминуемой смерти.

Куренной атаманъ поставилъ у каждаго окна по пяти человѣкъ, лучшихъ стрѣлковъ (да въ сплошную массу тѣлъ и слѣпой не промахнулся бы!) съ тѣмъ, чтобъ они безпрестанно стрѣляли, а другіе всѣ только бы заряжали ружья и палили, палили безъ конца.

И вотъ моментально изъ всѣхъ оконъ куреня, разомъ раскрытыхъ, грянули выстрѣлы, повторяемые ежесекундно, несмолкаемые... Янычары пришли отъ такой неожиданности въ страшное смятеніе.

— Алла! Алла! Алла!

Смятеніе еще болѣе усилилось, когда изъ всѣхъ тридцати восьми проснувшихся куреней, расположенныхъ подковою, гря-

нули такіе же, не умолкавшіе ни на секунду, мушкетные залпы, какъ бы небесными молніями освѣщая темную зимнюю ночь.

Залпы какъ бы еще усиливались, потому что янычары, толпясь и давя другъ друга, пускали свои выстрѣлы почти на воздухъ, боясь попасть въ переднихъ, а тѣ валились одинъ на другого, образуя кучи труповъ.

Въ нѣсколько минутъ было перебито болѣе 10.000, такъ какъ смерть вылетѣла почти изъ 6.000 мушкетныхъ стволовъ.

— До ручного бою, дитки!—пронесся въ воздухѣ «журавлиный крикъ» кошевого.—До ручного бою, соколята!

Сирко видѣлъ, какъ порѣдѣли толпы враговъ, и уже можно было развернуться, оттого и крикнулъ: «до ручного бою!»

Моментально распахнулись двери куреней, и началась рукопашная бойня.

— Въ рукопашь! Въ рукопашь, браты-орлы! — поддавали куренные атаманы.—Рубай до ноги невиру!

Шла ужасающая рукопашь.

«Итакъ, по той командѣ,—говоритъ историкъ Запорожья, Д. И. Эварницкій—всѣ разомъ тотчасъ, высыпавши изъ куреней, съ мушкетами, луками, копьями, саблями и дрекольемъ, начали доканчивать ручнымъ боемъ еще оставшихся въ живыхъ турокъ, нещадно поражая ихъ. На самомъ разсвѣтѣ дня они покончили съ турками, и всю Сичь и всѣ курени со всѣхъ сторонъ, и всю божественную церковь, и всѣ арматы окрасили и осквернили бусурманскою кровію, а всѣ сичевыя улицы и переулки непріятельскими трупами завалили. Трупы тѣ лежали, облитые ихъ же собственною кровью, склеенные и замороженные сильнымъ морозомъ, бывшимъ въ то время. Какъ велико было ихъ число, видно изъ того, что изъ пятнадцати тысячъ янычаръ едва полторы тысячи ушло изъ Сичи и спасено татарами на лошадяхъ. А между тѣми ханъ, стоявшій около Сичи и ожидавшій конца задуманной облавы, увидя несчастный конецъ неудавшагося замысла, взвылъ, какъ волкъ, подобно древнему Мамаю, побѣжденному русскими на Куликовомъ полѣ при рѣкѣ Непрядвѣ, видя, какое великое число отборныхъ стамбульскихъ янычаръ онъ потерялъ и выгубилъ, разсчитывая завоевать запорожскую Сичу, пораженный, вслѣдствіе этого несчастья, съ великимъ страхомъ, бросился отъ Сичи, днемъ и

ночью спѣшилъ въ Крымъ, боясь, чтобы раздраженные запорожцы, сѣвши на коней, не догнали и не разгромили его самого».

— О! благодареніе Богу! — поднялъ молитвенно руки къ небу кошевой.—Что было бы и съ матерью Сичею, еслибъ не проснулся во-время нашъ милый «шевчикъ».

Съ именемъ «Шевчика» перешелъ и въ исторію безыменный, случайный спаситель Сичи: исторія не сохранила его имени.

— И мы, батьку отамане, не спали тогда, — отозвались игравшіе въ карты.

— Знаю! Только вы тогда бились не съ турками, а съ «жлуктями» да съ «жирами»,—добродушно глянулъ на нихъ Сирко.— И за то вамъ спасибо, что скоро товариство побудили.

Потомъ, перекрестясь на церковь, кошевой распорядился:

— Пока все войско будетъ возносить въ святомъ храмѣ благодарственное молебствіе милосердному Богу, нехай панцырное товариство все садится на коней и преслѣдуетъ невѣрныхъ... Послѣ даннаго нами янычарамъ «чосу», можетъ и татаръ тысячку другую добрые молодцы положатъ въ полѣ.

И черезъ нѣсколько минутъ панцырные уже скакали степью.

Но янычаръ и татаръ уже не видно было на далекомъ горизонтѣ даже съ высокой скиѳской могилы.

Между тѣмъ въ Сичи служилась обѣдня.

XXXIX.

По окончаніи службы,—повѣствуетъ лѣтопись Величка, — все войско отпѣло общій благодарственный молебенъ пресвятой дѣвѣ Богородицѣ и своей благоутробной защитницѣ, а затѣмъ приступило къ похоронамъ своихъ товарищей, сраженныхъ въ бою. Всѣхъ ихъ было убито въ ночной «заверусѣ» пятьдесятъ человѣкъ, а ранено до восьмидесяти. Убитыхъ товарищей тогда же, прежде похоронъ янычаръ, предали землѣ честнымъ и знаменитымъ погребеніемъ и приказали сичевымъ священникамъ служить по нимъ сорокоустъ неотлагаемо и безпрестанно съ приличнымъ за труды вознагражденіемъ, а раненыхъ распорядились отдать на излѣченіе сичевымъ цирульникамъ съ награжденіемъ изъ войскового скарба. Послѣ этого казаки разошлись по своимъ куренямъ и весь тотъ день гуляли въ своихъ куреняхъ, стрѣляли изъ ружей, палили изъ пушекъ, такъ густо окроплен-

ныхъ бусурманскою кровью. Трупы смерзшихся янычаръ пока оставались на улицахъ и переулкахъ и представляли изъ себя настоящіе валы и могилы (курганы).

На другой день, какъ только стало свѣтать, тотчасъ же, по приказу кошевого, ударили въ котлы на раду. Собравшееся на раду войско держало совѣтъ о томъ, какъ поступить съ трупами янычаръ.

— Да повыволакивать ихъ изъ Сичи и сжечь по бусурманскому обычаю,—говорили одни изъ казаковъ.

— А то лучше предать ихъ на снѣденіе звѣрямъ и хищнымъ птицамъ,—говорили другіе.

— А можно и въ землю позагребать,—отзывались третьи.

— А всего проще, въ воду пометать: пусть Днѣпро-славута несетъ ихъ къ нечистой матери—въ Черное море, а то и къ самому султану въ подарокъ,—сказалъ судья.

Мнѣнія, такимъ образомъ, раздѣлились.

— Ежели, дитки,—сказалъ Сирко,—ихъ въ землю погребать, то много времени придется употребить, да и никто даромъ работать не станетъ, мерзлую землю копать.

— Кому жъ охота утруждать себя для бусурманъ,—согласились другіе.

— А если палить ихъ, то много дровъ пришлось бы истребить,—продолжалъ кошевой.

— Дрова и намъ надобны, да и для чаекъ лѣсъ нуженъ.

— И то правда, не стоютъ они этого нехристи.

— Ну, а ежели отдать ихъ на снѣденіе звѣрямъ, то звѣри, разстервившись отъ мертвечины, и живому войску могутъ причинить шкоду,—снова раздался авторитетный голосъ кошевого.

— Правду каже панотецъ: звирюки тогда станутъ снидать козаками.

— Что правда то правда: якъ у око встрѣливъ.

— Такъ сдѣлаемъ, дитки, такъ, какъ панъ судья миркуое: повыволочемъ ихъ всѣхъ и отдадимъ днѣпровскимъ глубинамъ и быстринамъ,—заключилъ кошевой.

— Нехай плывуть до чертовово батька,—отозвались многіе.

Тотчасъ послѣ этой рады,—продолжаетъ лѣтописецъ—отправлено было нѣсколько сотъ человѣкъ на Днѣпръ для рубки «полонокъ» прорубей; другимъ приказано было раздѣлить смерзшіеся вмѣстѣ трупы и приготовить ихъ для выволакиванія изъ

Сичи, а третьимъ велѣно быть готовыми съ кольями и арканами. Такъ, около условленнаго часа казаки, работавшіе на Днѣпрѣ, дали знать кошевому и куреннымъ атаманамъ, что они уже приготовили пять или шесть обширныхъ «полонокъ» на Днѣпрѣ. Тогда немедленно приказано было цѣплять арканами окровавленные собственной кровью и смерзшіеся отъ сильныхъ морозовъ трупы янычаръ, привязывать ихъ до кульбачныхъ стремянъ по десяти, по двадцати и больше того, «плитами и брилами», прочь изъ Сичи таскать и около «полонокъ» оставлять; а бывшей въ «полонки» втаскивать и подъ ледъ пускать. А такъ какъ того дня всѣхъ труповъ выволочить изъ Сичи не могли, то и на другой день до обѣденной поры войско должно было заниматься тѣмъ же.

— Хоть мы и знатный покосъ учинили, а добычи мало получимъ,—говорили запорожцы, таская трупы враговъ.

— Однимъ оружіемъ пришлось поживиться: мушкеты, сабли, пистолеты.

— Да и то только что успѣли снять съ теплыхъ еще мертвяковъ, и какъ смерзлись, такъ подъ нимъ и видишь добрую саблю, либо мушкетъ, а какъ ихъ возьмешь. Мертваго топорами развѣ да пѣшнями откалывать? Просто въ камень смерзлись.

— А о кафтанахъ кунтушахъ, поясахъ, сапогахъ и не думай, хоть и дорогія на поганыхъ шаты, золотомъ шиты.

— Точно, одни лохмотья пришлось бы отдирать... Много добра пропало.

— А шабелтасы съ порохомъ и не думай отрубить отъ ремней, весь порохъ пропитанъ кровью.

— Только въ роговыхъ пороховницахъ не подмокъ кровью порохъ.

— Въ рога, извѣстно, ни кровь, ни вода не попадутъ.

А трупы, между тѣмъ, сотнями и тысячами спускали подъ ледъ.

— Раки весной жирные будутъ.

— Да и рыба крупная покорыстуется мертвечиной.

Лѣтописецъ такъ оканчиваетъ описаніе этого кроваваго эпизода:

Когда же, наконецъ, всѣ трупы отданы были днѣпровскимъ глубинамъ, тогда все войско, вмѣстѣ собравшись, поочищало и повыскабливало всѣ улицы и переулки въ Сичи, и за Сичь все

съ снѣгомъ повыметало, также пообтесывало и пообливало всѣ страшно облитыя кровью стѣны куренныя и арматы сичевыя; а переночевавши и отправивши рано заутреню, за ней божественную службу и за божественной службой молебенъ отпѣвши и воду освятивши и всѣ сичевые священники со всѣмъ церковнымъ клиромъ пошли по улицамъ, переулкамъ и куренямъ, безпрестанно молитвы читая и святой водой всѣ мѣста окропляя. По окончаніи очистительной церемоніи, все войско до самаго вечера весело гуляло и подпивало, простые казаки, собравшись въ куреняхъ, а знатные у кошевого атамана Сирка, но гуляло тихо, безъ арматныхъ и мушкетныхъ громовъ *).

— А сколько у насъ, панове, осталось полоняниковъ изъ янычаръ?—спрашивали на другой день запорожцы одинъ другого.

— Да сотни полторы будетъ, я думаю.

— Да четверо агов живьемъ схвачены.

— Эти хитрые, полоняники: во время боя, ночью, они позапрятались, кто въ пустыя лошадиныя «стани», иные въ солому позабились, иные въ пустыя бочки-перерѣзы отъ горилки.

— Ну, за нихъ выкупъ пришлютъ.

Дѣйствительно, ханъ скоро прислалъ выкупъ для полоняниковъ, арбы подъ нихъ и подарки для войска: 12,000 «кипдяковъ» и шесть большихъ бутъ добраго крымскаго вина.

Отпуская полоняниковъ запорожцы снабдили ихъ на дорогу провизіею, хлѣбомъ, мясомъ и рыбою.

— Хоть они отъ честнаго боя и увернулись, да Богъ съ ними, не собаки они.

— Да и нашихъ полоняниковъ и «бранокъ» будутъ больше жалѣть.

— Довѣдались сами, по чемъ ковшъ лиха.

Въ страшную ярость пришелъ султанъ, когда до него дошла вѣсть о гибели столькихъ тысячъ его отборнаго войска. Теперь онъ сталъ еще больше бояться, чтобъ гетманская булава и бунчукъ не попали въ руки страшнаго Сирка.

Но весь гнѣвъ его обрушился на визиря, который совѣтывалъ ему послать янычаръ противъ гнѣзда «шайтана». Сначала онъ хотѣлъ предать его смертной казни, но, въ виду огромнаго

---

*) Величко. Лѣтопись. Кіевъ. 1851, II, 352—364.

выкупа, поднесеннаго визиремъ падишаху, ему дарована была жизнь.

Но зато вѣчная ссылка ожидала его на островѣ Родосѣ.

Сирко не могъ забыть коварства хана.

— Я ему сего не побачу, не попущу!—говорилъ онъ не разъ.

XL.

И не попустилъ...

Наступила весна 1675 года. Аисты и грачи возвратились изъ теплаго, легендарнаго Ирія на свои старыя гнѣзда. По зарямъ далеко разносились съ пышныхъ луговъ крики журавлей. Ласточки усердно лѣпили гнѣзда подъ навѣсами крышъ куреней. Воробьи дрались съ скворцами изъ-за гнѣздъ, точно запорожцы съ татарами, и то воробьи побѣждали, то скворцы. Въ днѣпровскихъ заводяхъ кричали дикія утки, выбирая себѣ въ камышахъ мѣста для гнѣздъ. Въ полѣ неистово токовали стрепета. Крохотные ремезы подвѣшивали свои гнѣзда-капшучки на гибкихъ вѣтвяхъ плакучей ивы. Въ лѣсу высвистывали бойкія иволги, блестя на солнце золотомъ оперенія. Удоды тянули и выстукивали свое «худо тутъ, худо тутъ». Бугай-птица—выпь по ночамъ глухо стонала въ камышахъ Чортомлыка и рѣчки Скарбной. Въ степи, по вечерамъ, высвистывалъ маленькій «вивчарикъ» птичка. Ключи дикихъ гусей, прилетѣвъ тоже изъ Ирія, разбились на пары, и тоже суетились въ камышахъ надъ своимъ птичьимъ хозяйствомъ. «Бабы-птицы»—пеликаны, словно монахи въ бѣлыхъ ризахъ, задумчиво бродили по берегу Днѣпра, скучая о своихъ «хозяйкахъ», сидѣвшихъ на яйцахъ. «Зозули» однообразно куковали, перелетая съ мѣста на мѣсто, не зная, въ чье гнѣздо подкинуть свое яйцо. Отъ зари до зари «соловейки» заливаясь въ темныхъ чащахъ, напоминая молодымъ запорожцамъ ночную «улицу» на Украинѣ, мелодіи родныхъ пѣсенъ и милыя личики «чорноокихъ дивчатокъ». И турлуканье горлинки напоминало воркованье молодого казака съ милою гдѣ-нибудь подъ яворомъ или подъ кустомъ калины.

Все, казалось, ликовало, все жило полной жизнью.

Одинъ Сирко, «батько кошовый», замѣчали казаки, повидимому скучалъ, и часто видѣли его задумчивымъ.

— По гетманській булави та по хвостатому бунчукови нудьгує,—говорили нѣкоторые.

— И якъ не нудьговать! Зъ московськои ласки булаву вкравъ поганый, поповичъ.

— А тамъ орудуютъ то Дорошенко, то Ханенко, то Сухосіенко.

— Тилько Юрась Хмельниченко сидитъ, кажутъ, въ Едикули.

Иногда Сирко вмѣстѣ съ нѣсколькими куренными атаманами уѣзжалъ куда-то на ночь, и къ утру всѣ возвращались на взмыленныхъ коняхъ. Но куда они ѣздили, этого никто не зналъ.

— Что-то задумали наши батьки,—шептались между собою запорожцы.

— И куренные молчатъ, точно схиму приняли.

Уже по всѣмъ рѣчкамъ, впадающимъ въ Днѣпръ, и на луговыхъ полянахъ Великаго Лугу казаки покосили на зиму траву, на пасѣкахъ пчелы отроились, у птицы появились выводки, казаки отпраздновали святыхъ Петра и Полупетра, а Сирко и куренные батьки все молчатъ.

Но вдругъ, въ іюлѣ, Сирко разослалъ гонцовъ сзывать до Коша запорожское товариство изъ ближнихъ и дальнихъ полевыхъ вѣтокъ и рѣчекъ на генеральную раду.

И хлынули со всѣхъ сторонъ сичевики до Коша, какъ пчелы въ улей, къ маткѣ. Всѣ они были увѣрены, что предстоитъ серьезное дѣло.

— Должно быть, либо отнимать булаву у поповича и давать ее Дорошенку,—предполагали одни.

— Зачѣмъ чужому? У насъ есть кому давать булаву и бунчукъ, этотъ сумѣетъ удержать войсковые клейноды. А то чужому!

— И то правда: у Ивана Дмитровича Сирка булава не выскочитъ изъ рукъ.

— Не выскочитъ... Да онъ же и не «попихачъ» московскій. Понюхалъ, чѣмъ московская Сибирь смердитъ.

Рада состоялась въ воскресенье послѣ обѣдни.

Когда всѣ заняли свои мѣста на майданѣ, кошевой заговорилъ:

— Дитки и братія, славное низовое товариство, старшіе и молодшіе! Не забыли вы, певне, какъ на святое Рождество без-

божно напалъ на нашу казацкую святыню ханъ съ янычарами? И выбралъ же такое время, такую ночь! Не проснись Шевчикъ во время, можетъ насъ и на половину не было бъ теперь въ живыхъ. Отплатимъ же мы ему теперь по-казацки. Ѣздилъ я съ панами куренными потайно въ степь, и не разъ, и высмотрѣли мы мѣстечко, откуда намъ можно пробраться въ Крымъ такъ, что ни одинъ косоглазый и не пронюхаетъ. Мы возьмемъ путь балками далеко лѣвѣе татарскихъ степныхъ кочевьевъ и много лѣвѣе Перекопа, и черезъ Арбатскую Стрѣлку вольемся въ Крымъ, какъ вода въ лотоки.

— Добре! Добре!—послышались радостные голоса.

— Вотъ такъ батько у насъ! Вотъ такъ голова! Мудрѣй Соломона!

И походъ былъ рѣшенъ.

Тогда кошевой, распустивъ раду, приказалъ казакамъ разъѣхаться по своимъ рѣчкамъ и вѣткамъ гдѣ у нихъ находились отдѣльныя хозяйства со скотомъ, лошадьми и пасѣками, приказалъ имъ запастись для похода всѣмъ необходимымъ, провизіею и военными принадлежностями и черезъ двѣ недѣли являться въ Сичь, на смотръ.

Все было исполнено такъ, какъ приказалъ Сирко.

Генеральный смотръ собравшагося войска далъ возможность кошевому отобрать до 20,000 лучшихъ опытныхъ воиновъ, отличныхъ наѣздниковъ, рубакъ и стрѣлковъ.

Переправясь черезъ Днѣпръ на татарскую сторону, казаки форсированнымъ маршемъ, имѣя по лишней подручной лошади, скоро достигли Геническаго пролива, соединяющаго Сивашъ съ Азовскимъ моремъ, и тотчасъ же переправились на Арбатскую Стрѣлку.

Здѣсь кошевой отдалъ слѣдующій устный приказъ.

— Слухайте, дитки! Я оставлю тутъ у себя всѣхъ панцырныхъ молодцовъ, около четырехъ тысячъ. А вы, дитки, прямо съ этой косы летите въ Крымъ и «несчадно струсните» все, что вамъ попадется навстрѣчу, города, улусы, кочевья... Жгите ихъ волчьи берлоги, забирайте въ полонъ людей, захватите ихъ скотъ, все ихъ добро, а паче всего спасайте нашихъ бѣдныхъ невольниковъ и полоняпокъ, чтобъ воротить ихъ на Украину, на тихія воды, на ясныя зори, у край веселый, у міръ хрещеный... Гайда, дитки мои любіи!.. А я здѣсь буду ожидать васъ съ моими

панцырными молодцами на тотъ случай, что если случится за вами погоня, то мы примемъ здѣсь поганыхъ и допоможемъ вамъ задать имъ такого чосу, чтобъ они и дѣтямъ и внукамъ заказали и не думать о нашей матери Сичи, а не то что нападать на нее... Съ Богомъ же, дитки!

И пятнадцать тысячъ отборнаго войска, пройдя до конца Арбатскую Стрѣлку, ураганомъ пронеслись сначала до Карасубазара, все истребляя на пути огнемъ и мечемъ, а потомъ и до столицы хановъ, Бахчисарая.

Но въ Бахчисараѣ они уже не застали хана.

«Ханъ—говоритъ Эварницкій—узнавъ «о такой фуріи неисподѣванныхъ и недишкретныхъ гостей», едва успѣлъ выхватиться изъ Бахчисарая со всѣми своими султанами, мурзами и крымскими начальниками и убѣжалъ въ горы».

Убѣжала въ горы и та часть населенія ханства, до которой раньше добѣжала страшная вѣсть о вторженіи ужасныхъ гяуровъ.

Въ нѣсколько дней все было пограблено, пожжено, вытоптано конскими копытами и полонено.

Тутъ только узналъ ханъ, какимъ путемъ проникли въ его владѣнія страшные запорожцы, и, ставъ во главѣ пятидесятитысячной орды, сбѣжавшейся къ нему въ горы, кинулся на Арбатскую Стрѣлку.

— Хвала пророку! — воскликнулъ онъ, увидавъ издали своими рысьими глазами отрядъ панцырныхъ съ кошевымъ во главѣ.—Волки не уйдутъ отъ насъ.

— Дитки!—съ своей стороны распорядился Сирко.—Залегайте за коней... Кладите коней хвостами къ бусурманамъ, чтобъ стрѣлы ихъ не досягали до вашихъ молодецкихъ головъ и не такъ ужъ вредили вашимъ товарищамъ, добрымъ «косямъ».

Запорожцы тотчасъ же стали укладывать своихъ коней на землю.

— Косю, ложись, ложись, косю, да лежи смирненько, и я изъ-за тебя буду палить изъ мушкета.

И пріученные къ такимъ маневрамъ кони послушно ложились на землю.

Сирко, оставаясь съ панцырными у Генической переправы и посылая остальныхъ казаковъ съ Арбатской Стрѣлки во внутрь Крыма, приказалъ вождямъ ихъ, чтобъ они, истребивъ и захва-

тивъ все что было можно, на пятый день непремѣнно возвращались къ нему.

Теперь, когда ханъ завидѣлъ отрядъ панцырныхъ съ кошевымъ, и былъ какъ разъ пятый день. Запорожцы, дѣйствительно, возвращались изъ Крыма и вступили на узкую полосу Арбатской Стрѣлки.

Скоро они издали увидѣли татарскія орды и поняли, въ чемъ дѣло. Тогда, остановивъ весь полонъ-плѣнныхъ татаръ и освобожденныхъ ими украинскихъ полоняниковъ и полонянокъ, а также весь угнанный ими татарскій скотъ и захваченныя въ городахъ сокровища, товары и вина, они приказали небольшому своему отряду стеречь все это, а сами, поднявъ вверхъ захваченныя въ Крыму татарскія знамена и накинувъ на свои кунтуши татарское одѣяніе, кто успѣлъ перехватить съ собою халаты, большею частью яркіе, пестрые, султановъ и мурзъ, двинулись прямо на ханскія орды.

Ханъ, увидѣвъ приближавшееся къ нему войско подъ татарскими знаменами, еще болѣе возликовалъ. Онъ думалъ, что это идутъ къ нему на помощь остальные его султаны и мурзы съ своими отрядами.

И онъ стремительно двинулъ свои орды на панцырныхъ.

— Алла! Алла! Алла! — огласили воздухъ аллалаканьемъ тысячи глотокъ, и тысячи стрѣлъ понеслись на панцырныхъ.

Тѣ лежали неподвижно, какъ мертвые, загородивъ «лавою» всю Стрѣлку отъ одного берега косы до другого и выставивъ изъ-за спинъ лошадей только дула мушкетовъ. Но едва татары приблизились на мушкетный выстрѣлъ, какъ двѣ тысячи мушкетовъ залпомъ изрыгнули двѣ тысячи смертей, а другія двѣ тысячи мушкетовъ выжидали, пока будутъ вновь заряжены первыя двѣ тысячи.

Но и первый залпъ нанесъ страшныя опустошенія въ рядахъ татаръ, а подоспѣвшіе съ тылу имъ запорожцы и второй залпъ довершили пораженіе.

— На коней, дитки, на коней!—крикнулъ кошевой.—Тамъ наши бьютъ «невиру»... На подмогу нашимъ, на подмогу, дитки!

Тутъ только поняли татары, какая страшная бѣда нагрянула на нихъ съ двухъ сторонъ. Ужасъ овладѣлъ ханомъ до потери

сознанія: «передъ» превратился для него въ «тылъ», а «тылъ» въ «передъ».

— Алла! — могъ только онъ вымолвить, поднявъ руки къ небу, и искалъ спасти лишь свою голову.

XLI.

Кончивъ битву полнымъ пораженіемъ татаръ и забравъ богатую крымскую добычу, оставленную подъ прикрытіемъ особаго отряда, казаки ровно въ полдень соединились съ своимъ кошевымъ атаманомъ и его панцырными.

— Молитесь, дитки, Богу,—сказалъ Сирко, снимая шапку.— Полную помсту послалъ намъ милосердный Спасъ за рождественское ихъ безбожное вторженіе въ святилище нашей матери Сичи.

И казаки молились, молились, какъ дѣти, не вѣдая всей гнусности своего преступленія предъ лицемъ Творца, какъ не вѣдаютъ этого люди и доселѣ, а если и вѣдаютъ, то тѣмъ это еще гнуснѣе...

И Сирко приказалъ своему джурѣ принести дорожную фляжку, цѣлый «баклагъ» добраго вина, наполнилъ имъ знаменитую свою кружку, на которой было вычеканено по серебру— Christian Iohan Georg Augustus 1593 и, перекрестясь, выпилъ, потомъ угостилъ изъ той же кружки куренныхъ атамановъ, расположился на травѣ по восточному и сталъ кушать вкусную копченую тарань.

— Скажите, пановс,—обратился онъ къ куреннымъ,—нехай и дитки пополуднуютъ, чѣмъ Богъ послалъ, а ужъ за Сивашомъ мы наваримъ каши съ саломъ на все войско да плѣнныхъ татаръ нагодуемъ кашей...

— А только безъ сала, бо невира сала и на духъ собѣ не пускаетъ,—засмѣялся одинъ изъ куренныхъ.

Закусивъ немного и отдохнувъ, все войско и тринадцатитысячный «ясырь»—плѣнные татары и бывшіе въ крымской неволѣ украинцы и украинки, а равно и массы захваченнаго скота двинулись далѣе.

Когда же солнце стало клониться къ закату, все это скопище сдѣлало роздыхъ, и запылали въ степи тысячи костровъ, на которыхъ въ тысячахъ походныхъ котловъ на таганахъ варилась каша для войска и для плѣнныхъ.

— Пусть не жалуются на насъ невѣрные, что мы ихъ морили голодомъ, когда, послѣ выкупа, воротятся въ свою бусурманскую землю,—говорилъ Сирко посасывая тютюнъ изъ своей гигантской «корниньковой люльки», съ которой онъ не разставался.

— Зачѣмъ жаловаться?—говорили куренные.—Мы и съ невѣрными по божески, когда они отдались намъ въ руки.

— Въ полѣ, въ бою—другое дѣло, а теперь они что овцы «стригущему ихъ безгласны».

— Такъ, такъ, — согласился кошевой. — А пока варится каша, вы, панове, подите и прикажите казакамъ отдѣлить бусурманъ отъ православныхъ, что вы въ Крыму забрали. А я завтра учиню православнымъ исповѣдь, которыя изъ полонянокъ побусурманились, которыя нѣтъ.

— Я замѣтилъ,—сказалъ одинъ атаманъ,—что многія изъ нихъ вовсе не рады, что мы ихъ вызволили изъ неволи.

— Это тѣ, у которыхъ есть дѣти татарчата, — пояснилъ другой.

— Извѣстно, бабы: баба всегда будетъ льнуть къ своему мужу, хоть будь онъ не только татаринъ, а и самъ чортяка рогатый.

— Да, такой бабскій родъ, его не передѣлаешь.

— Вотъ и моя баба такая-жъ,—улыбнулся Сирко.—Говоритъ: будь ты, говоритъ, хоть гетманъ, а не то что кошевой, а я лучше-бъ хотѣла, чтобъ ты былъ свинопасомъ, только-бъ, говоритъ, не разлучался со мной.

— Да, липкія эти бабы,—засмѣялся одинъ куренной, вспомнивъ, какъ къ нему липла на Украинѣ чернобровая сосѣдка Параска,—у, липкія, до чорта!

Ужинъ вышелъ на славу.

Сирко, которому пока ужинать еще не хотѣлось послѣ доброй закуски провѣсной бѣлорыбицей, отошелъ отъ стана въ сторону и поднялся на высокую скиѳскую могилу-курганъ. Глазамъ его представилось поразительное зрѣлище:—весь станъ съ казаками, плѣнными, съ освобожденными полонянками, съ табунами казацкихъ коней и съ стадами скота рогатаго и овецъ разстилался на десятки верстъ въ окружности. Повсюду догорали тысячи костровъ, а возлѣ костровъ сидѣли кругами около котловъ съ кашей казаки, и поочередно запуская ложки въ котлы,

подносили кашу ко рту. Въ сторонѣ отъ казаковъ, тоже вблизи догоравшихъ костровъ, сидѣли вокругъ другихъ котловъ, захваченныхъ казаками въ Крыму, плѣнные татары и, за неимѣніемъ ложекъ, черпали кашу отодранною отъ деревьевъ корою, передавая эти немудреныя ложки одинъ другому, по очереди. Освобожденныя же запорожцами полонянки были счастливѣе татаръ. Тѣ казаки, которые стерегли табуны лошадей, стада рогатаго скота и овецъ, должны были ужинать послѣ, когда на смѣну имъ придутъ отужинавшіе, и потому, какъ любезные кавалеры, ссудили свои ложки прекрасному полу.

По степи на далекое пространство разносились ржаніе лошадей, ревъ скота и блеяніе овецъ.

Если-бъ Сирко читалъ когда-нибудь о великомъ переселеніи народовъ, то созерцаемая имъ картина напомнила бы ему это переселеніе.

Но ему вспомнилось другое, и думалъ онъ объ иномъ.

Все это многотысячное скопище людей и животныхъ двигалось по мановенію его властной руки... Все это—дѣло Сирка, у котораго и гетманы, и цари, и короли заискиваютъ...

И онъ вспомнилъ свое дѣтство, нищенство своей матери, убогой вдовицы...

— Гай-гай!—тихо, задумчиво вздыхалъ онъ.—А не Сирко ли маленькимъ, не маючи колиски, росъ въ старомъ рѣшетѣ изъ-подъ гусенятъ? Въ этомъ рѣшетѣ его мать качала. напѣваючи:

Спи, спи, безбатьченко,
Спи, спи, удовиченко...

Вспомнилъ онъ свою молодость, свою родную слободу Мерефу, вечернія и ночныя «улицы» около Мерефы, гдѣ онъ, подъ неустанное щебетанье соловья и однообразное кукованье «зозули», сошелся съ своей Софійкой...

Вспомнилъ Жолтыя-Воды, когда въ первый разъ онъ вступилъ въ бой съ поляками подъ булавой Богдана Хмельницкаго.

— Гай-гай! Сколько воды и крови послѣ того утекло!.. Во сколько рукъ переходили булава и бунчукъ!.. А Софійка все сохла за мною, до того сохла, что, говорятъ люди, по ночамъ къ ней сталъ огненный змѣй летать... Брехня все это, бабы выду-

мали... Нѣтъ, не брехня: и печерскіе иноки говорили, что она бѣсноватая и отчитывали, ее отъ бѣса...

И онъ, посасывая «люльку», бормоталъ:

Спи, спи, безбатьченко,
Спи, спи, удовиченко:
Твого батенька татары вбили,
Мене молоденьку овдовили,
Тебе малаго осиротили.

— А теперь и сонъ не беретъ мою старую голову... Развѣ тогда бъ уснулъ, когда бъ съ одного боку булаву клалъ, съ другого бунчукъ хвостатый...

Такъ просидѣлъ онъ до поздней ночи, когда весь обширный станъ его давно спалъ, и не спали только очередные часовые.

На утро онъ отправился въ ту часть стана, гдѣ находились освобожденныя полонянки, и обратился къ нимъ съ слѣдующею рѣчью:

— Вижу я, сестры мои молодички, что не всѣхъ васъ тянетъ на волю, на родную Украину, на ясныя зори, на тихія воды, въ край веселый, въ міръ хрещеный... Многимъ, кажется, стала милѣе чужая сторона... Что жъ! Сердцу не закажешь... Такъ я вамъ говорю по душѣ: которой изъ васъ хотѣлось бы воротиться въ Крымъ, той вольная воля... Идите, мы васъ силой не держимъ...

Многіе изъ нихъ не смѣло заговорили:

— Какъ же быть паночку! Вонъ у насъ дѣти у многихъ... Хоть оно и татарча, а все же родное дитя, кровное, а теперь оно сирота.

— Да и то сказать, паночку, многія изъ насъ живутъ въ холѣ и волѣ подъ татариномъ.

— У насъ и свое хозяйство, и коровки, и овечки, домъ полная чаша.

— Да жаль и добраго мужа покинуть хоть онъ и татаринъ.

— А еще того горше, паноченьку: многія изъ насъ побусурманились.

— А что мы, къ слову сказать, найдемъ на Украинѣ? Можетъ, ни батька, ни матери, ни братьевъ...

— А то и сами они отрекутся, можетъ, отъ насъ, отъ бусурманокъ.

— Вонъ Маруся жъ Богуславка не захотѣла воротиться на Украину: потурчилась, побусурманилась ради роскоши, ради лакомства турецкаго.

— Такъ, такъ, молодички,—согласился Сирко.—Такъ которыя изъ васъ хотятъ вернуться на Украину, тѣ пусть отходятъ направо, а тѣ, которымъ Крымъ милѣе Украины, пусть становятся влѣво.

И началось раздѣленіе полонянокъ. Четыре тысячи изъ нихъ стали направо, а три тысячи — налѣво: эти почти всѣ съ дѣтьми-татарочками, да и много дѣвушекъ... Этихъ, каждую, сердце тянуло въ Крымъ, къ милому татарину... Какая ужъ тутъ Украина!..

Было между ними и нѣсколько молодыхъ украинцевъ невольниковъ, которые тоже изъявили желаніе возвратиться въ Крымъ.

— Опять въ неволю, парубки, захотѣли?—посмотрѣлъ на нихъ Сирко.

— Что жъ, вельможный пане, намъ жилось тамъ хорошо,— отвѣчалъ одинъ парубокъ.

— Ему хочется въ неволю къ одной татарочкѣ, знаю!—засмѣялась одна молодица.

— Что-жъ! А ты, вонъ, до стараго татарюги прилипла,— оборвалъ ее парубокъ.

— Эге! Я у него, какъ вареникъ въ макитрѣ, плаваю по маслу,—отрѣзала та.

Тогда Сирко, призвавъ куренныхъ и объяснивъ имъ все дѣло, сказалъ:

— Что жъ, панове, мы ихъ неволить не будемъ, пусть идутъ.

И махнувъ рукой, удалился къ своему копю и къ джурѣ.

Полоняики съ дѣтьми, прижитыми въ Крыму, и дѣвушки украинки, которыхъ сердце влекло въ Крымъ, а равно «тумы», родившіеся въ Крыму отъ плѣнныхъ украинцевъ и татарокъ, тотчасъ же пустились въ путь, радуясь своему освобожденію.

Сирка это поразило. Какъ! Промѣнять родную Украину на Крымъ, не хотятъ возвратиться на тихія воды, на ясныя зори!.. Не можетъ быть! Они всѣ одумаются, вернутся...

И онъ снова поднялся на высокую скиоскую могилу-курганъ и сталъ наблюдать за уходившими...

Идутъ, торопятся, даже не оглянутся!

Долго, долго провожалъ ихъ глазами Сирко, пока уходившіе

совсѣмъ не скрылись изъ виду за горизонтомъ, по направленію къ Перекопу...

— Га! Такъ вотъ вы какъ! Даже не взглянули, не оглянулись на родную сторону!—прошепталъ онъ яростно.—Ушла къ невѣрнымъ, чтобъ плодиться тамъ, подобно саранчѣ, на наши христіанскія головы!..Не бывать же, не бывать!

И сойдя съ кургана, онъ крикнулъ куреннымъ:

— Панове! Что-жъ это! Они ушли, и даже не оглянулись... Ушли плодиться на наши христіанскія головы... Не бывать этому!.. Скликайте ко мнѣ казацкую молодь... Я не попущу такой поруги надъ Украиной!.. Скликайте ко мнѣ молодь!

Куренные исполнили приказаніе кошевого, и Сирка окружило нѣсколько тысячъ молодыхъ запорожцевъ.

— Дитки мои!—сказалъ онъ имъ. — Садитесь сейчасъ на коней, скачите за ушедшими въ невѣрную землю нашими полонянками и «тумами» и вырѣжьте ихъ всѣхъ до «ноги», всѣхъ проклятыхъ, всѣхъ!.. Они промѣняли Украину и вѣру Христову на бусурманство!.. Не бывать этому! Это соромъ для Украины... Они тамъ будутъ плодиться на наши головы!.. Нѣтъ, нѣтъ! Скачите и всѣхъ перерѣжьте, добрые молодцы.

Запорожцы повиновались...

Когда затѣмъ, нѣсколько времени спустя, Сирко самъ прискакалъ на мѣсто ужасной, поголовной казни, глазамъ его представилось потрясающее зрѣлище!

Все поле усѣяно было мертвыми тѣлами. Тамъ лежала молодая мать ничкомъ, закрывавшая своимъ тѣломъ своего ребенка и вмѣстѣ съ нимъ пронизанная насквозь «ратищемъ», казацкою пикой... Тутъ лежали отрубленныя отъ туловищъ двѣ головы, матери и ребенка... Страшное поле смерти!

Сирко взглянулъ на кровавое поле и набожно снялъ шапку.

— Простите насъ, братія и сестры!—сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.—Простите! А сами спите тутъ до страшнаго суда Господня, спите, вмѣсто того, чтобы размножаться вамъ въ Крыму между бусурманами на наши христіанскія молодецкія головы и на свою вѣчную безъ крещенія погибель...

XLII.

Воротившись съ богатою добычею, плѣнными и освобожденными изъ плѣна въ свое орлиное гнѣздо, запорожцы прежде всего торжественно справили благодарственный молебенъ.

— А теперь, дѣтки, погуляемъ,—сказалъ кошевой,—есть на что и погулять послѣ работы. А сколько молодцы пригнали изъ Крыму татарскаго скота?—спросилъ онъ «скарбничаго».

— Да пастухи, пане атамане, насчитываютъ крымскаго скота и овецъ до 18,000,—отвѣчалъ послѣдній.

— Ну, будетъ чѣмъ войску пороскошничать, — сказалъ Сирко.—Вели же, пане скарбничій, рѣзникамъ заколоть столько скота и овецъ, чтобы не только товариству, но и вырученнымъ изъ полона полоняникамъ и захваченной нами татарвѣ говядины и баранины за глаза хватило.

— Пускай хоть объѣдятся,—улыбнулся скарбничій,—чужое добро.

— Все равно, что вѣтромъ нанесло его къ намъ,—сказалъ писарь.

— Какъ того нечистой матери «царевича», — улыбнулся судья.

— Правда,—согласился Сирко.—А все же онъ паскудный далъ намъ корысть не малую: Москва на войско отпустила и кармазинъ, и пушки, и порохъ, и ядра, а мнѣ, за него же, изволилъ царь пожаловать два сорока соболей по 50 рублей каждое сорокъ, да двѣ пары 7 рублей пара.

И гульня состоялась въ тотъ же день. Это былъ Валтасаровъ пиръ и разливанное море. Вся Сичъ стонала отъ веселыхъ выкриковъ нѣсколькихъ тысячъ глотокъ, отъ мушкетныхъ залповъ и грохота пушекъ.

А скоро начался плясъ подъ задирательное треньканіе бандуры. Въ кругъ на майданѣ выступили два лучшихъ плясуна: одинъ—молодой Макогонъ, прозванный такъ за то, что, танцуя въ кругу, онъ напоминалъ собою «макогонъ» въ «макитрѣ», толкущій въ горшкѣ макъ; другой, для контраста—сѣдой, тонкій старикъ, съ усами, «мовъ сыви дивочи косы». Этого звали Журавлемъ.

Макогонъ уже выдѣлывалъ головокружительные «выкрутасы» и скороговоркой припѣвалъ любимое запорожцами «шкилюванье» (остроты) надъ бабами:

Посадила стара баба
На припечку гусака,
Сама выйшла за ворота
Та вдарила гопака:
«Сиди, сиди, гусачекъ,
Та высиди гусы,
А я пиду подывлюсь
На черныи усы».

Тогда къ нему, присѣдая и вскидывая ногами, сталъ семенить Журавль, хмуро глядя въ землю, какъ будто онъ священно дѣйствовалъ, серьезно выговаривалъ:

Пасла баба гусеня,
Пасла жъ вона тихо,
Загубила гусеня—
Буде баби лихо.
Пришла баба гукаючи,
Гусеняты шукаючи,
Ой не знайшли гусеняты,
Знайшла жъ воны рака:
Обертае сюда-туды,
Чи е въ рака с...ка.

Неистовый хохотъ прокатился по майдану и выкатился даже за ограду Сичи, откуда и повалили освобожденныя полонянки взглянуть на казацкое веселье.

Одна изъ нихъ, бойкая молодица, не выдержала казацкаго «шкилюванья» надъ прекраснымъ поломъ и, протискавшись къ Макагону, стала передъ нимъ въ вызывающую позу.

Ставъ руки въ боки, она была одѣта татаркою, въ широкихъ шальварахъ, и насунувъ на-бекрень малиновую фесу, она запѣла, приплясывая:

На купыни огонь горить,
Нашимъ хлопцямъ животъ болить;
Наши хлопци—жабокольци,
Вбили жабу на колодци...

— О, да и ловкая-жъ татарочка!—послышались возгласы.

— Вы поглядить и на мене, хлопци! — выскочила другая полонянка и завертѣлась, приговаривая

Покочу я долото
Вси дивочки въ болото;
Покочу я дойницю—
Вси парубки въ свитлици.
Ой хочъ вони въ свитлици
Таки-жъ вони паршивци
Хочъ дивчата въ болоти—
Таки-жъ вони вси въ злоти...

— Ну, и полонянки! Вотъ такъ полонянки!—слышались со всѣхъ сторонъ одобренія.

Шумное веселье продолжалось до глубокой ночи.

На другой день, утромъ, казацкая старшина занялась раздѣленіемъ плѣнныхъ татаръ на три части: одну, въ 1,000 человѣкъ, предназначили для отсылки въ Москву, въ подарокъ царю, другую 1,000—въ подарокъ гетману, а въ Запорожьѣ оставили 4,000 плѣнныхъ.

По распредѣленіи плѣнныхъ татаръ началось поголовное крещеніе дѣтей выведенныхъ изъ неволи украинокъ, татарчатъ и татарочекъ, которыхъ было вывезено съ матерями изъ Крыма 1,500 дѣтей.

Это была своеобразная картина крещенія. Такъ какъ въ Сичи, при сичевой церкви, не полагалось имѣть купель, ибо запорожцы не рожали дѣтей, то подъ купели приготовлено было нѣсколько «перерѣзовъ», распиленныхъ на-двое сорокаведерныхъ бочекъ отъ вина и сала, тщательно вымытыхъ въ Чортомлыкѣ.

Извѣстно, что на Украйнѣ существовалъ обрядъ крещенія не посредствомъ погруженія въ купель младенца, а обливаніемъ, почему великороссы и называли украинцевъ «обливанцами», то и въ данномъ случаѣ крещаемыхъ татарчатъ и татарочекъ обливали цѣлыми группами всѣ сичевые священники. Запорожцы были ихъ крестными отцами, а матери приглашались изъ бывшихъ полонянокъ.

— Ну, панове, все Запорожье теперь перекумилось,—смѣялись казаки.

— Шутка! Полторы тысячи кумовьевъ и полторы тысячи кумась!

— Такъ теперь надо справлять крестины, по закону, какъ слѣдъ.

— Извѣстно! Мы не бусурмане, не песиголовцы!

Спросили кошевого. Тотъ позволилъ.

— Ну, погуляйте въ послѣдній разъ, вражьи диты,—сказалъ онъ.—А тамъ и за дѣло: одни погонятъ татаръ къ гетману, другіе—въ Москву, третьи—развозить своихъ кумась да крестныхъ дѣтей къ ихъ батькамъ и дѣдамъ.

И тогда же скарбничій приказалъ рѣзникамъ снова рѣзать скотъ и овецъ, а кухарямъ—готовить «страву—варене и печене».

Послѣ общей трапезы снова началось шумное веселье и забренчали бандуры. А когда бренчитъ бандура, то ноги сами просятся въ плясъ.

— Ну, кумасю,—говорилъ Макогонъ, подступая къ вчерашней плясуньѣ,—повеселимъ громаду... Я вотъ почну подъ бандуру, а ты за мной.

И онъ, вертясь, какъ «макогонъ въ мактирѣ», выговаривалъ фистулой:

Люлька моя червоная, зъ вечора курилась,
Якъ положивъ на полицю—взяла та и разбилась.
Якъ узявъ я тутъ ходити—якъ узявъ ну дити:
Люлько моя червоная!—де тебе купити?
Якъ пишовъ я до Ківа люльки куповати,
Найшовъ люльку червоную—ни зъ кимъ торговати.
Дивчина тамъ, дивчинонька ишона продавала,
Вона-жъ мени, молодему, люльки сторгувала...

— А, ну, кумасю, горошкомъ, горошкомъ!—кричали казаки плясуньѣ.

И она начала и плясать, и подпѣвать «горошкомъ»:

Очеретомъ качки гнала,
Высоко ея закасала:—
Козакови стыдко-брыдко,
Що въ дивчины лытки видко.
Махнувъ козакъ хустиною:—
«Закрый лытки пелиною!»
— Коли тоби стыдко-брыдко,
Закрый очи, щобъ не видко.

А Журавель, свѣсивъ на грудь сѣдые усы, присѣдалъ и приговаривалъ:

Ой хто биды не знае—
Нехай мене спитае,
Бо я въ биды обидавъ
И биденьку розвидавъ...

XLIII.

— А ну, пане писарю,—говорилъ Сирко, сидя въ своемъ куренѣ вмѣстѣ съ куренными атаманами,—прочитай намъ, какъ оно теперь у тебя вышло.

Это они общими силами сочинили дипломатическую ноту къ крымскому хану.

Дѣло въ томъ, что плѣнные татары, составивъ списокъ своихъ именъ и проставивъ сумму выкупа, которую каждый изъ нихъ можетъ выплатить казакамъ за свое освобожденіе, избрали изъ себя трехъ депутатовъ и просили Сирка отправить ихъ со спискомъ къ хану. Этимъ воспользовался Сирко, чтобъ послать съ депутатами и свою дипломатическую ноту.

Писарь началъ читать своимъ внимательнымъ слушателямъ:

«Ясновельможнѣйшій мосце-пане хане крымскій со многими ордами, близкій нашъ сосѣде!

«Не мыслили бы мы, войско низовое запорожское, входить въ войну и непріязнь съ вашею ханскою милостью и со всѣмъ крымскимъ панствомъ, если бы не увидѣли начала ея со вашей стороны. Ваша ханская милость, послушавъ дурного совѣта сумасброднаго и безумнаго цареградскаго визиря, а по немъ и приказанія найяснѣйшаго и найвельможнѣйшаго султана своего, начали съ нами войну прошлой зимы. Вы приходили къ намъ, низовому запорожскому войску, съ султанскими янычарами и со многими крымскими ордами, подкравшись ночнымъ временемъ къ нашей Сичѣ и снявъ стоявшую за ней нашу стражу, вы отправили въ Сичъ 15,000 янычаръ, которымъ приказали (что стыдно было вамъ дѣлать), не по кавалерству выбить и истребить всѣхъ насъ молодцовъ, войско запорожское, сонныхъ и нечающихъ никакой бѣды, а кучку нашу сичевую до основанія раскопать и разорить,—сами же вы съ ордами стали было около Сичи, чтобы и духа уходившихъ молодцовъ не упустить».

— Ловко, ловко,—тихо говорилъ судья:—надо его отбрить, надо.

«Но ваше намѣреніе и замыселъ,—продолжалъ писарь—Христосъ Богъ и премилосерднѣйшій вашъ Спаситель обратилъ на благо, а болѣзнь и бѣдствія наши въ болѣзнь и бѣдствія на головы турецкихъ янычаръ, о чемъ ваша ханская мосць хорошо знаетъ».

А Сирко, посасывая люльку, только улыбался въ сѣдые усы.

«Не предвидя отъ васъ никакого злого умысла,—продолжалось чтеніе,—и скрытнаго дѣйствія (ибо вы хотѣли дѣйствовать тайно въ отношеніи тѣхъ людей, которые занимаются рыцарскимъ дѣломъ), мы нигдѣ не ожидали васъ, не брали предосторожности и не были готовы къ тому, чтобы дать вамъ от-

поръ. Одинъ Господь Богъ Спаситель сохранилъ и защитилъ насъ отъ вашей напасти и нашего крайняго бѣдствія, и такъ какъ вашъ поступокъ огорчилъ насъ и причинилъ намъ, войску запорожскому, досаду, то мы, по примѣру древнихъ предковъ и братьевъ нашихъ, рѣшили постараться за обиду и огорченіе воздать и отомстить вашей ханской мосцѣ и всему ханству равнымъ за равное, но не тайно, какъ вы поступили, а явно, порыцарски. И Богъ сердцевѣдецъ за нашу правду помогъ намъ лучше погостить въ вашемъ крымскомъ ханствѣ, нежели вамъ въ нашей сичевой кучкѣ. И если та гостина наша въ вашемъ панствѣ показалась вамъ недишкретною...

— Не диш... не диш... вотъ такъ словечко загнулъ панъ писарь,—говорилъ, мотая головой, одинъ куренной, старый рубака со шрамомъ на щекѣ,—ужъ и словечко! Я его и не вымолвлю... Мнѣ легче зарубить разомъ двухъ топоромъ, чѣмъ такое слово вымолвить, не диш... не диш...

— Это слово, пане атамане куренный, взято изъ латыни,— улыбнулся писарь, учившійся въ кіевской бурсѣ,—отъ dis и credo...

— Ну, крейду (мѣлъ) я знаю... Къ чему-жъ тутъ крейда?— недоумѣвалъ куренной.

Писарь и Сирко да и судья разсмѣялись.

— А, чтобъ тебя жаба вбрыкнула, — смѣялся Сирко,— крейда тутъ для того, что наша совѣсть бѣла, какъ крейда... Ну, читай дальше, пане писарю.

Писарь продолжалъ:

«И если та гостина наша въ вашемъ панствѣ показалась вамъ не дишкретною, то, быть можетъ, такъ оно и есть, ибо казаки, какъ не одной матери дѣти, такъ и не одного права: одни стрѣляли направо, другіе налѣво, а третіи прямо, но такъ добре, что всѣ въ цѣль попадали. Да и недишкреціи той мы отъ васъ научились, а не сами выдумали, ибо, не принявши насъ за гостей и добрыхъ кавалеровъ въ самомъ Крыму, ваша ханская мосць поспѣшили было со своими сильными ордами до Сивашу, къ той самой переправѣ, чрезъ которую мы вошли въ ваше панство. Стоя здѣсь и ожидая нашего возвращенія, вы хотѣли насъ истребить, не пустивъ черезъ переправу».

— Не дождать ему сего никогда песиголовцю!..—не вытерпѣлъ куренной со шрамомъ на щекѣ.

Но и тутъ, — читалъ писарь, не обращая вниманія на возгласъ куренного,—опять тоже всемогущій Богъ не допустилъ исполниться вашему намѣренію, и намъ за нашу правду явилъ свою милость и далъ возможность восторжествовать надъ вами. И если мы въ этомъ торжествѣ чѣмъ-нибудь обезпокоили вашу ханскую мосць и вамъ показалось что-нибудь съ нашей стороны недишкретнымъ, то извини насъ на томъ, ваша ханская мосць. Не забывай, однако, что всякая недишкреція обыкновенно платится за такую же недишкрецію. Разумѣется, вашей ханской мосцѣ ничего подобнаго и не снилось, чтобы наше низовое запорожское войско, въ такомъ ничтожномъ числѣ, осмѣлилось наступать войной на знаменитое и многолюдное крымское панство. Но этого и не могло бы и быть (конечно, не вслѣдствіе нашей боязни, а вслѣдствіе сосѣдственной съ Крымомъ пріязни), если бы съ вашей стороны не было подано повода и причинъ для вражды и войны съ нами, запорожскимъ низовымъ войскомъ. Не изволь, ваша ханская мосць, смотрѣть на сраженіе, какъ на пугало, и насъ, войско запорожское, ни во что ставить, а впредь на насъ открытой войной наступать. Въ противномъ же случаѣ, если будешь наступать иначе, то и мы взаимно, собравшись уже гораздо лучше и въ большей силѣ, явимся въ крымское панство не на сивашскую переправу, а прямо въ самый Перекопъ, выломавъ въ немъ и отворивъ для себя ворота, на что имѣемъ всѣ средства, и до тѣхъ поръ изъ него не выйдемъ, пока, при всесильной божьей помощи, не увидимъ конца своего дѣла»...

— Мы имъ, голомозымъ, залѣемъ за шкуру сала!—волновались куренные.—Мы имъ!

«Ибо если и прежніе отважные кавалеры, — продолжалось чтеніе,—и мужественные вожди войска запорожскаго, наши предки и славные антецессоры, издавна моремъ и землею воевали Крымъ и царство турецкое, какъ-то: Самусь Кошка атаманъ и гетманъ кошевой, воевалъ на Черномъ морѣ. Послѣ него Богданко воевалъ и разорялъ Крымъ съ казаками. Потомъ Петро Конашевичъ Сагайдачный, раньше своего гетманства, выплывши съ запорожцами на челнахъ въ вашу Таврику, взялъ въ ней знаменитый и крѣпкій городъ Кафу и счастливо съ большою добычею вернулся въ Сичь. Послѣ него въ 1621 году бывшій гетманъ Богданъ Хмельницкій, воюя по Черному морю на

своихъ моноксилахъ, захватилъ много турецкихъ кораблей и каторгъ и благополучно въ Сичь вернулся».

— Подъ булавою сего гетмана и мы съ тобою, пане кошовый, когда-то обертались,—тихо проговорилъ куренной со шрамомъ на щекѣ.

— Охъ, молоды мы когда-то были и Желтыя Воды помнимъ,—вздохнулъ Сирко.

«Потомъ,—продолжалъ писарь,—въ 1624 году братія наши запорожцы, съ надежнымъ вождемъ, воюя на челнахъ по Евксинскому морю, мужественно коснулись самыхъ стѣнъ Константинополя и, достаточно окуривши ихъ мушкетнымъ дымомъ, навели превеликій страхъ и смятеніе на султана и на всѣхъ обывателей цареградскихъ и, сжегши нѣкоторыя окрестныя съ Константинополемъ селенія, такъ же счастливо въ Сичь возвратились»...

— Оксинское море, какое же это?—недоумѣвалъ старый рубака.

— А Черное же,—подсказалъ судья.

— Эге! Это по-турецки.

«Въ годѣ божіемъ 1633 Сулима, гетманъ войска запорожскаго, пробравшись въ моноксилахъ отъ Сичи по Днѣпру въ Черное море и оттуда черезъ Киммерійскій островъ, выплывши въ Меотическое море, взялъ прекрѣпкій турецкій городъ Азакъ (Азовъ)»...

Старый рубака, слыша непонятныя слова—«моноксилы», «Киммерійскій островъ», «Меотическое» море, только головою качалъ, думая, что все это турецкія слова.

«Но хвалебнѣе,—читалъ писарь,—и достаточнѣе изъ всего этого то, что тѣ славные именитые казацкіе и скиѳославянскіе вожди наши задавали страхъ не только Царю-граду, но и всему царству греческому и первѣйшимъ изъ сосѣдственныхъ народовъ. Тутъ они, переплывши Евксинопонтъ, на тысячу миль и больше, кромѣ Константинополя, выстинали и разоряли славные азіатскіе города Синопъ и Трапезонтъ и другіе по тамошнему берегу замки и не только не разъ осмаливали крылья могущественному Бѣлограду, но и Варну, Измаилъ и другія дунайскія крѣпости поразоряли и въ ничто пообращали, и если этому ваша ханская мосць не повѣришь, то изволь приказать своимъ писарямъ поискать въ крымскихъ и константинополь-

скихъ лѣтописныхъ книгахъ, и, безъ сомнѣнія, отыщешь. Больше же всего ссылаемся на греческихъ, римскихъ и польскихъ лѣтописцевъ, въ которыхъ ясно оглашается немерцающая слава казацкая и хвалебныя дѣла воинскія, войска запорожскаго».

Писарь пріостановился и обвелъ глазами слушателей, на лицахъ которыхъ выражались и гордость, и изумленіе.

— Ну, и писарь же у насъ, собачій сынъ, какой ученый! Дока, что и говорить!—казалось, говорили ихъ лица.

Дѣйствительно, писарь выложилъ всю свою бурсацкую ученость.

Передохнувъ и насладившись созерцаніемъ удивленія всей старшины, онъ скромно продолжалъ:

«По всѣму этому намъ, наслѣдникамъ тѣхъ героевъ, кто же можетъ запретить идти тѣмъ же славнымъ воинственнымъ путемъ нашихъ предковъ? Итакъ, мы, войско запорожское низовое, не желаемъ воевать и быть въ распрѣ съ вашею милостію и со всѣмъ крымскимъ панствомъ, однако, если снова увидимъ съ вашей стороны поводъ къ войнѣ, то мы взаимно не побоимся напасть на крымское панство. А что до того, что нѣкоторыя ватаги вашихъ и нашихъ охочихъ молодцовъ, гуляя по широкимъ и дикимъ степямъ, будутъ сходиться и вступать между собою въ борьбу, того намъ и вамъ не слѣдуетъ ставить въ причины великой войны.

«Не будемъ распространяться больше въ нашемъ письмѣ къ вашей ханской мосцѣ. Сообщимъ лишь, что вашихъ крымскихъ невольниковъ, начальныхъ и простыхъ, у насъ въ Кошу найдется еще 4,000. Эти невольники сами, написавъ списокъ своихъ именъ и обозначивши за себя выкупъ, выпросили у насъ, войска, трехъ татаръ, и посылаютъ черезъ нихъ свой списокъ въ руки вашей ханской милости. Если ты изволишь, ваша ханская милость, приказать родственникамъ невольниковъ доставить тотъ выкупъ, какъ можно скорѣй, и прислать его къ намъ въ Кошъ, съ особымъ отъ вашей ханской дишкреціи на насъ, войское запорожское, подаркомъ, то мы всѣхъ невольниковъ вашихъ немедленно отпустимъ въ Крымъ. А если же далѣе полутора мѣсяца того выкупа не будетъ, то объявляемъ, что мы отошлемъ всѣхъ невольниковъ до пресвѣтлѣйшаго его царскаго величества, добраго и богатаго государя и добродѣтеля нашего, кото-

рый несомнѣнно вознаградитъ насъ изъ своей монаршей казны за присылку тѣхъ татаръ.

«Изложивъ все это, желаемъ вашей ханской мосцѣ добраго здоровья и счастливой жизни.

«Писанъ въ запорожской Сичи 1675 года, сентября 23 дня.

«Вашей ясновельможной ханской мосцѣ доброжелательные пріятели.

Иванъ Сирко, атаманъ кошевой, со всѣмъ войска низового запорожскаго товариствомъ».

— Ловко, ловко, учкурнувъ панъ писарь,—развелъ руками куренной съ рубцомъ на щекѣ.

— Ужъ такъ ловко, что его мосцѣ въ носъ шибнетъ,—подтвердилъ другой.

— Это, какъ говорятъ, тертаго хрѣну поднесли его мосцѣ,—добавилъ третій.

А Сирко и писарь только улыбались, довольные эффектомъ своей дипломатической ноты.

XLIV

Въ яркое весеннее утро на майданъ въ Сичи послышалась дробь войскового «довбыша».

Запорожцы стали группами выходить изъ куреней. Это было весной 1676 года.

— Должно быть насчетъ того, что сегодня, ранкомъ, послы отъ крымскаго хана привезли до Коша какую-то бумагу.

— Не войну ли объявляютъ?

— А вотъ заразъ узнаемъ. Вотъ кошевой батько съ старшиною идутъ на майданъ.

Сирко, судья, писарь и есаулъ съ куренными атаманами, дѣйствительно, вступали въ казацкій кругъ.

Послѣ привѣтствій съ обѣихъ сторонъ Сирко, передавая писарю какую-то бумагу, сказалъ:

— Вычитай, пане писарю.

А потомъ, обратясь къ войску, объяснилъ:

— Братія мои, старшіе и младшіе, славное войско низовое запорожское! Султанъ турецкій Махмудъ пишетъ до насъ, войска запорожскаго угрозительное письмо. Вычитай его войску, пане писарю.

Писарь всталъ на столъ, чтобъ всѣмъ было слышно, и торжественно, но съ ироніей на лицѣ, началъ читать:

«Султанъ Махмудъ четвертый запорожскимъ казакамъ. Я, султанъ, сынъ Магомета, братъ солнца и луны, внукъ и намѣстникъ Божій, владѣлецъ царствъ—македонскаго, вавилонскаго, іерусалимскаго, Великаго и Малаго Египта, царь надъ царями, властелинъ надъ властелинами, необыкновенный рыцарь, никѣмъ непобѣдимый, неотступный хранитель гроба Іисуса Христа, попечитель Самого Бога, надежда и утѣшеніе мусульманъ, смущеніе и великій защитникъ христіанъ,—повелѣваю вамъ, запорожскіе казаки, сдаться мнѣ добровольно и безъ всякаго сопротивленія, и меня вашими нападеніями не заставлять безпокоить. Султанъ турецкій Махмудъ Четвертый».

Точно нечеловѣческій ревъ волнами прокатился по майдану.

— Какъ! Собачьему сыну сдаться добровольно!

— Это онъ, свиняче ухо, за янычаръ! Не солоно хлебалъ!

— За янычаръ! За кого же больше!

Съ трудомъ кошевому удалось утишить на минуту бурю.

— Что же, дитки, мы ему напишемъ?—спросилъ онъ съ лукавымъ блескомъ въ глазахъ и съ такою же усмѣшкой подъ усами.—Покоряемся?

Снова ревъ, но еще сильнѣйшій.

— Намъ покоряться свинячей мордѣ! О!

— Да панъ кошовой жартуетъ съ нами! Развѣ не видите?

— Какія тутъ жарты! Это кровью пахнетъ!

— Пускай же онъ, вавилонская свиня, своею кровью умоется!

— Такъ такъ и написать, дитки?—подзадоривалъ Сирко.

— Такъ! Такъ! Пускай писарь и пишетъ ему вавилонскаго кабана!

— Ну, и будемъ такъ писать, дитки,—говорилъ Сирко.—Садись, пане писарю, и пиши.

Писарь сѣлъ, положилъ передъ собой бумагу, обмокнулъ перо въ чернильницу и сталъ писать.

— Запорожскіе козаки турецкому султану,—прочиталъ онъ вслухъ.

— Пиши!—крикнулъ кто-то.—Ты—шайтанъ турецкій!

— Такъ, такъ! Добре! Шайтанъ турецкій.

Всѣ обступили пишущаго. Особенно налегъ на столъ полу-

голый запорожецъ, сбросившій съ себя даже сорочку, такъ разгорячился.

— Пиши,—диктовалъ онъ, — проклятаго чорта братъ и товарищъ.

Писарь повиновался.

— И самого Люципера секретарь,—продолжалъ диктовать полуголый молодецъ.

Это былъ войсковой сатирикъ, запорожскій Ювеналъ, Гнатъ Канчукъ.

— Непобѣдимый рыцарь, пише,—сказалъ кто-то.

— Пиши, — диктовалъ полуголый Ювеналъ,—якій ты въ чорта лыцарь! Чортъ афедропомъ выкидае, и твое війско пожирае.

— Не пане Гнате,—сказалъ писарь,—афедронъ слово евангельское, оно тутъ не годится.

— Ну, добре, пиши! Не будешь ти годенъ сынивъ христіяньскихъ пидъ собою мати! Твого війска мы не боимось, землею и водою будемъ биться зъ тобою.

— Такъ, такъ! Гараздъ!—кричали отовсюду.

— Пиши,—налегалъ полуголый Ювеналъ,—вавилонскій ти кухарь, македонскій колесникъ, ерусалимскій броварникъ, александрійскій козолунъ, Великого и Малого Египта свинарь, армянська свиня...

— Ха-ха-ха!—гремѣло вокругъ стола.—У саме око влипывъ!

Для старшины вынесли изъ куреня длинный «ослонъ»—скамью, и Сирко, продолжая покуривать свою люльку, видимо радовался всеобщему энтузіазму своихъ чубатыхъ «дитокъ».

— Армянська свиня, написалъ?—спрашивалъ Канчукъ.

— Написалъ,—отвѣчалъ писарь, чувствуя, что Гнатъ Канчукъ сильнѣе въ сатирѣ.

— Пиши,—сказалъ послѣдній,—татарскій сагайдакъ, каменецкій катъ (палачъ), подолянській злодіюка, самого гаспида внукъ и всего свиту и пидсвиту блазень, а нашого Бога дурень...

— Ой-ой-ой! Лопну!—кричалъ кто-то.

— Нашего Бога дурень! Ну, и урѣзалъ!

— Погоди, не то еще будетъ,—обернулся къ хохочущимъ товарищамъ сатирикъ, а самъ хоть бы улыбнулся.—Пиши (къ писарю): свиняча морда...

— Го-го-го! Кобыляча! О, умру! Ей же богу, умру!

— Ризныцька собака,—продолжалъ диктовать Канчукъ,— нехрещеный лобъ...

Тутъ не выдержалъ и Сирко, захохоталъ, но остановилъ рвеніе сатирика.

— Сего, Гнате, нельзя,—сказалъ онъ.—А будетъ тоже доладу, когда писарь напишетъ: нехрещеный лобъ, хай бы взявъ тебѣ чортъ.

— Э, батьку атамане,—протестовалъ сатирикъ,—не тотъ смакъ, ну, да пускай.

— Все?—спросили нѣкоторые, видимо, сожалѣя, что скоро конецъ.

— Нѣтъ еще,—отвѣчалъ Канчукъ, — пиши: оттакъ тоби козаки видказали, полюгавче!

— Полюгавче! Хо-хо-хо! Га-га-га!

— Невгоденъ еси матери вирныхъ хрестіянъ,—продолжалъ диктовать Канчукъ,—числа не знаемъ, бо календаря не маемъ, мисяць у неби, годъ у кнызи, а день такій у насъ, якъ и у васъ, поцилуй за те ось-куды насъ!

И при этомъ дѣлается соотвѣтственное движеніе рукой.

Послѣдняя капля переполнила чашу!

— Ой, матинко! Ой, здохну!

— Господи! Ажъ очкуръ урвавсь, и штаны спали отъ хохоту!

Долго не могъ успокоиться майданъ.

Наконецъ, когда немного утихъ неудержимый хохотъ, Сирко сказалъ писарю:

— А теперь, пане писарю, прочитай все. Послухаемъ, какъ оно вышло.

Прокашлявшись, писарь началъ было читать, но изъ заднихъ рядовъ закричали:

— На столъ, на столъ, пане писарю! А то намъ не все слышно.

Писарь повиновался и съ высоты стола началъ читать:

«Запорожскіе козаки турецкому султану. Ты — шайтанъ турецкій, проклятого чорта братъ и товарищъ, и самого Люцифера секретарь! Якій ты въ чорта лыцарь? Чортъ выкидае, а твое військо пожирае. Не будешь ты годенъ сынивъ христіянськихъ пидъ собою мати. Твого війська мы не боимось, землею и

водою будемъ биться зъ тобою. Вавилонскій ты кухарь, македонскій колесникъ, єрусалимскій броварникъ, александрійскій козолупъ, Великого и Малого Египта свинарь, армянська свиня, татарскій сагайдакъ (козелъ), каменецкій катъ (за разореніе Каменца), подолянській злодіюка, самого гаспида внукъ и всего свиту и пидсвиту блазень (глупецъ), а нашего Бога дурень, свиняча морда, ризницька собака, не хрещеный лобъ, хай бы взявъ тебе чортъ! Оттакъ тоби козаки выдказали, плюгавче! Невгоденъ еси матери вирныхъ хрестіанъ! Числа не знаемъ, бо календаря не маемъ; мѣсяцъ у неби, годъ у кнызи, а день такій у насъ, якъ у васъ—поцилуй за те ось-куды насъ!.. Кошовой атаманъ Иванъ Сирко зо всимъ Кошемъ запорожськимъ».

При чтеніи этой дипломатической ноты то тамъ, то здѣсь слышался взрывъ хохота, а по окончаніи чтенія гомерическій «регитъ».

XLV.

Между тѣмъ на Украйнѣ, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, продолжала литься кровь изъ-за булавы и бунчука, а сынъ Хмельницкаго, Юрій, томился въ Эдикулѣ, вспоминая свою невеселую жизнь.

Вотъ онъ видитъ себя гетманомъ... Почти мальчикъ, а у него уже булава въ рукѣ... Но не надолго... А встрѣча съ Галей въ саду, чарующей весенней ночью... Всю ночь—трели соловья въ гущинѣ за прудомъ... Безумныя ласки этой дѣвочки Гали, и его личное безуміе, а потомъ... потомъ ужасное сознаніе, что онъ евнухъ отъ рожденія... каженикъ!.. И тутъ же страшное пораженіе, стоившее ему двадцати тысячъ мертвыхъ тѣлъ, запрудившихъ Днѣпръ...

Монастырь... Онъ — гетманъ не гетманъ, а чернецъ, архимандритъ... Всенощная въ Софійскомъ соборѣ... «Свѣте тихій»—ангельское пѣніе... И опять Галя, но въ обморокѣ... Она узнала его лицо, которое такъ безумно цѣловала въ ту весеннюю ночь, его лицо, но подъ митрою, и упала въ обморокъ... А тамъ заточеніе въ крѣпости Маріенбурга... Что за ужасная доля!..

Онъ подходитъ къ узенькому окошечку своей тюрьмы... По-

редъ его глазами уже не Висла, а Босфоръ... корабли... каики турокъ... темныя, грусть наводящія иглы кипарисовъ...

А давно ли онъ былъ вторично гетманомъ!.. Архимандритъ—гетманъ... онъ и теперь и гетманъ, и архимандритъ, и арестантъ... Да, онъ архимандритъ, съ него этотъ санъ никто не снималъ, хотя и отняли у него гетманскую булаву...

У кого-то теперь эта проклятая булава? У Дорошенка, у Многогрѣшнаго, у Ханенка, у Суховія, у кого?.. О, проклятое знамя власти!.. Въ битвѣ у Стеблова онъ потерялъ его... А все Сирко съ запорожцами, онъ погубилъ его... Не у него ли теперь булава?..

Эдикулъ! Эдикулъ!.. Сколько лѣтъ онъ сидитъ въ этой тюрьмѣ?.. Ни лѣтъ, ни дней тюрьма не считаетъ. Тюрьма—это вѣчность, могильная вѣчность...

Онъ видитъ изъ своего тюремнаго окошка, переплетеннаго желѣзными прутьями, какъ по Босфору противъ теченія грузно двигается турецкая галера, взмахивая въ воздухѣ, словно крыльями гигантской птицы, длинными веслами, которыя равномѣрно опускаются въ воду и снова взмахиваются... На веслахъ сидятъ полуголые, исхудалые гребцы съ трепѣщимися по-вѣтру чубами. Это казаки-невольники, небритые, съ полуобросшими волосомъ головами. Это его земляки, «бидни невольники». какъ поется въ думахъ.

Бѣдные! Какіе они бѣдные? Они дышутъ воздухомъ моря, не затхлымъ воздухомъ каземата. На нихъ весь день льются лучи «солнца праведнаго», какъ поется въ тѣхъ же думахъ. А въ окошечко каземата Эдикула только утромъ на минуту заглянетъ лучъ солнца и тотчасъ скроется до слѣдующаго утра.

Вотъ уже сколько лѣтъ Юрій не видитъ живой души, не слышитъ родного слова.

Но еслибъ его слухъ проникалъ сквозь тюремныя стѣны и переходы Эдикула, то онъ услышалъ бы родную рѣчь въ устахъ молодой украинки. Мелодичный голосъ говорилъ:

— Мнѣ сказывалъ тюремный сторожъ Конда, что въ одномъ казематѣ здѣсь сидитъ давно узникъ, который заговариваетъ съ Кондою по-украински, но Конда, по твоему приказу, не смѣетъ отвѣчать ему.

— Да,—отвѣчаетъ мужской голосъ, — я запретилъ это Кондѣ.

— Почему, Тугай-бей, мой господинъ?

— Потому, что то важный государственный преступникъ.

— Кто же онъ? Украинецъ? Гетманъ?

— Да, онъ два раза былъ гетманомъ.

— Кто же? Кто же, господинъ мой?—настаивалъ женскій голосъ.

— Сынъ бывшаго моего друга, Богдана Хмельницкаго.

Если бы взоръ Юрія проникалъ сквозь тюремныя стѣны и переходы Эдикула, то онъ увидѣлъ бы, какъ при послѣднихъ словахъ поблѣднѣла молодая женщина и схватилась за сердце.

— Юрій?—чуть слышно спросила она.

— А ты развѣ знала его?—спросилъ Тугай-беи.

Тугай-бей, бывшій когда-то другомъ Богдана Хмельницкаго, теперь былъ комендантомъ Эдикула.

— Кто-жъ на Украинѣ не знаетъ своихъ гетмановъ!—горячо сказала молодая женщина.—А Юрась Хмельницкій мнѣ и родней приходится. Какое же преступленіе совершилъ онъ, что его заключили въ Эдикулъ?

— Онъ вмѣстѣ съ Ханенкомъ и крымскими татарами напалъ на улусника великаго падишаха, да живетъ онъ вѣчно, на гетмана Дорошенко и на войско силистрійскаго паши, и уже одолѣвалъ было, но налетѣли запорожцы съ кошевымъ Сиркомъ, и Юрій потерялъ битву, а паша, захвативъ его въ плѣнъ, отправилъ великому повелителю правовѣрныхъ въ подарокъ, за что получилъ отъ падишаха милость—пять тысячъ червонцевъ «на сапоги», какъ это у насъ водится.

— Что жъ съ нимъ будетъ?—спросила молодая женщина.

— Мысли падишаха вѣдаетъ лишь Аллахъ,—былъ отвѣтъ.

Молодая женщина глубоко задумалась.

— А давно Юрій Хмельницкій сидитъ въ Эдикулѣ?—спросила она.

— Вотъ уже шестая весна покрываетъ цвѣтомъ сады Стамбула.

— Шестая весна!—вздохнула женщина.

Когда, затѣмъ, Тугай-бей уѣхалъ по дѣламъ въ городъ, она призвала къ себѣ тюремнаго сторожа Конду и осторожно заговорила съ нимъ.

— Ты христіанинъ, Кондо?—спросила она.

— Такъ, госпо, Христосъ—мой Богъ,—отвѣчалъ тотъ.

*

— И я христіанка—сказала молодая женщина,—вотъ!—И она перекрестилась.—Но я такая же невольница, какъ ты.

— Но ты моя госпожа и жена Тугай-бея.

— Все же я невольница и хочу на волю. А ты хочешь?

Тюремный сторожъ грустно улыбнулся.

— Вонъ и ты, какъ птица изъ золотой клѣтки, хочешь на волю,—сказалъ онъ.—Какъ же бы я не хотѣлъ!

Молодая женщина встала и вышла въ другую комнату. Затѣмъ, воротившись къ недоумѣвающему тюремщику, она подала ему кошелекъ.

— Тутъ золото,—сказала она.—Купи въ Стамбулѣ небольшой каикъ и спрячь его тутъ на берегу Босфора, въ кустахъ. Узнай тамъ же, въ Стамбулѣ, на берегу Золотого Рога, когда отходитъ въ Крымъ, въ Кафу, венецейскій корабль «Лидо» съ товаромъ для Крыма.

Исполнивъ порученіе госпожи чрезъ знакомаго серба, Конда снова явился къ ней.

— Есть каикъ, госпо,—сказалъ онъ.

— А когда корабль отходитъ въ Крымъ? — спросила молодая женщина.

— На третій день въ ночь, госпо.

— Самъ видѣлъ капитана корабля?

— Нѣтъ, госпо, мой родичъ изъ Сербіи.

— Онъ вѣрный человѣкъ?

— Вѣрный, госпо, за меня онъ и въ огонь, и въ воду.

— И деньги капитану заплатилъ за насъ?

— Заплатилъ, госпо.

Молодая женщина перекрестилась... «Да будетъ воля твоя, Господи!»

XLVI.

На другой день узникъ Эдикула былъ пораженъ и испуганъ, когда нѣмой тюремщикъ его заговорилъ, и притомъ на языкѣ совершенно понятномъ ему, хотя и не по-украински.

— Добре ютро, господине,—тихо сказалъ онъ.

Юрій не зналъ, что ему и думать.

— Такъ ты не нѣмой?—спросилъ онъ.

— Ни, господине, а мнѣ Тугай-бей забранилъ говорити съ тобомъ.

— А теперь позволилъ?

— Не отъ господине, а госпа моя... Она велѣла спросить: каково твое здравіе, господине?

— А кто она, твоя госпа?

— Моя госпа—ханымъ Тугай-бея, моего господина.

— Тугай-бея, который былъ другомъ моего отца!

— Не вѣмъ, господине... Онъ—паша Эдикула.

— Какъ же она, его ханымъ, знаетъ меня?

— Не вѣмъ... Она христіанка... плѣнница изъ Украйны

— Изъ Украйны! Бранка?

— Да, господине: она ужъ пять лѣтъ здѣсь у Тугай-бея въ гаремѣ.

— А какъ ее зовутъ?

— Не вѣмъ, господине, какъ ее звали на родинѣ, а здѣсь она—Халиль-ханымъ.

— А какова она видомъ и лѣтами?

— Млада, лицомъ хубава, лѣпа, бѣла, чрнокоса.

— Такъ кланяйся ей отъ меня, поблагодари и скажи, что я каждый день буду молиться о ея здоровьѣ. Скажи ей, что я—сынъ покойнаго гетмана Украины, Богдана Хмельницкаго, и самъ два раза былъ гетманомъ. А потомъ я постригся, и пожалованъ былъ мнѣ высокій санъ архимандрита Кіево-Печерской лавры. Послѣ же поляки заточили меня, заманивъ къ себѣ обманомъ, въ крѣпость Мальборгъ. По освобожденіи же изъ заточенія я соединился съ гетманомъ Ханенкомъ и пошелъ войною на моего врага, на ставленника турецкаго, на гетмана турецкой руки, на Петра Дорошенка, но былъ разбитъ и отправленъ сюда, въ Стамбулъ, силистрійскимъ пашей.

— О, колико бѣдъ, колико бѣдъ!—качалъ головою Конда-тюремщикъ.—А меня турци плѣнили око Београду еще младымъ юнакомъ.

Скоро Конда вновь вошелъ въ казематъ Юрія. Въ рукахъ у пришедшаго былъ золотой тѣльный крестъ. Онъ показалъ его Юрію.

— Это твой крестъ?—спросилъ онъ.

— Ни, господине, моя госпа, Халиль-ханымъ, прислала его показать тебѣ.

— Для чего?—спросилъ Юрій.

— Ханымъ сказала, узнаетъ ли Юрій Хмельницкій этотъ крестъ? Если узнаетъ, то и меня вспомнитъ.

Да онъ видѣлъ этотъ крестъ,—сказалъ онъ, цѣлуя его.— даже цѣловалъ его на чьей-то груди.

— Да, я помню этотъ крестъ,—сказалъ онъ, цѣлуя его.— Я и прежде цѣловалъ его, но гдѣ, у кого, не помню.

Вечеромъ Конда пришелъ въ третій разъ.

— Меня прислала ханымъ,—шопотомъ проговорилъ онъ,— спросить тебя: хочетъ ли господинъ на волю?

Вопросъ и обрадовалъ, и испугалъ Юрія... Не испытывалъ ли его Тугай-бей при помощи какой-то бранки изъ Украины.

— Господинъ молчитъ... не хочетъ?—спросилъ Конда.

— О! Кто жъ не хочетъ на волю изъ тюрьмы! — горестно проговорилъ Юрій.

— Такъ, господине. И птица рвется на волю изъ золотой клѣтки.

— Кто жъ мнѣ дастъ эту волю?—спросилъ узникъ.

— Ханымъ дастъ тебѣ эту волю... Хочешь бѣжать съ ней?

— Но какъ? Ты поможешь?

— Я помогу... Ключи у меня... Я, србинъ, тако жъ тоскую по волѣ, по Србіи, по Београду, по моей старой майцѣ... Вотъ одѣяніе евнуха. Надѣнь его.

— Когда же бѣжать? — съ дрожью въ голосѣ спросилъ Юрій.

— Саданъ, сей день, господине, ночью... У Златого Рога насъ жде венецейскій корабль.

— Какъ венецейскій?

— Тако, господине: онъ иде съ товари до Кафы. А одъ Кафы Нурреди́нъ-ханъ...

— Нурреди́нъ-ханъ мой союзникъ!—обрадовался Юрій.

— То и лѣпѣй, господине: съ тобомъ онъ и ханымъ одвезе на Украину.

Тюремщикъ ушелъ. Настала ночь. Что чувствовалъ узникъ, онъ и самъ не могъ дать себѣ отчета

— Но кто она, эта «ханымъ» изъ Украины?

На одной изъ башенъ Эдикула глухо застоналъ филинъ.

Юрію стало страшно. Онъ упалъ на колѣни и воздѣлъ руки къ небу.

— Услыши мя, Боже, Спаситель мой, упованіе всѣхъ кон-

цевъ земли и сущихъ въ мори далече, милостивъ, милостивъ буди, Владыко, о грѣсѣхъ моихъ и помилуй мя, — беззвучно шепталъ онъ.

Вдругъ за дверью послышался тихій шорохъ. Тихо, тихо входилъ ключъ въ замочную скважину.

— Идутъ... Господи! Спаси.

Юрій уже успѣлъ переодѣться въ принесенное ему тюремщикомъ одѣяніе евнуха.

Дверь безшумно отворилась, и въ казематъ быстро вошелъ невысокій турокъ, до самыхъ глазъ закутанный въ темный плащъ и въ малиновой фескѣ.

Узникъ затрепеталъ отъ ужаса.

— Пропалъ... Меня предали...

Но этого онъ даже въ мысляхъ не успѣлъ выговорить.

— Юрій! Мой гетманъ! Это я!

Знакомый, милый голосъ. Плащъ безшумно упалъ на полъ каземата, и передъ растерявшимся Юріемъ стояла молодая турчанка.

— Юрася! Мой коханый! Не узналъ меня?

— Галя! Галя! Такъ это ты!

— Я, я, твоя Галя!

Халиль-ханымъ и была Галя. Она съ тихимъ плачемъ порывисто бросилась на шею Юрія.

— Ты живъ... ты не забылъ меня, мой гетманъ, мой дорогой.

— Галочка моя! Галя! Господи! И ты въ неволѣ?

— Въ неволѣ, мой соколъ... Боже, да ты посѣдѣлъ?

Юрій обнималъ ее, цѣловалъ и плакалъ.

Въ дверь послышался осторожный стукъ.

— Пора, насъ ждутъ, — вырываясь изъ объятій узника, тревожно проговорила дѣвушка,—идемъ... только-бъ за крѣпостныя ворота выйти, пока меня не спохватились въ сералѣ.

Она вся дрожала, закутывая лицо чадрою и личнымъ покровомъ.

— А этимъ порошкомъ натри себѣ лицо, шею и руки, да скорѣй: тебя примутъ за арапа,—торопливо говорила она, передавая коробочку съ чернымъ порошкомъ.

Стукъ въ дверь повторился.

— Идемъ, идемъ!—шептала Галя, порывисто крестя своего чернаго евнуха.

Она отворила дверь и вышла. Юрій за нею.

Ихъ ждалъ тюремщикъ съ маленькимъ потайнымъ фонарикомъ.

Снова застоналъ филинъ. Галя вздрогнула.

— О, Боже! Пугачъ... страшно...

— Не бойся, ясочка,—нагнулся къ ней Юрій.

Въ воротахъ башни ихъ окликнулъ часовой.

Тюремщикъ тихо отвѣтилъ что-то, и Юрій разслышалъ слово «ханымъ».

Часовой молча пропустилъ ихъ.

Снова на башнѣ стонала ночная птица.

Бѣглецы у воды. Изъ-подъ нависшаго надъ водою куста выглядывала остроносая лодка съ балдахиномъ.

Юрій занесъ уже въ нее ногу, чтобъ помочь Галѣ войти въ лодку; но въ это мгновеніе изъ-за куста выскочили какіе-то тѣни и безъ словъ набросились на Юрія, на Галю и ихъ проводника. Юрія и проводника немедленно связали.

— О, Юрій! Я погубила тебя!—простонала Галя.

Юрій снова въ своемъ казематѣ.

Утромъ до его слуха донеслись чьи-то стоны за тюремнымъ окномъ. Онъ выглянулъ. На желѣзномъ, изогнутомъ, какъ огромный рогъ буйвола, крюкѣ, вбитомъ въ стѣну башни, повѣшенный за ребро корчился въ ужасныхъ мукахъ его бывшій тюремщикъ, а подъ нимъ стоялъ арапъ, гаремный евнухъ Тугай-бея, и плевалъ страдальцу въ лицо.

— То же и меня ждетъ,—подумалъ Юрій.—Или, можетъ быть, почетный шнурокъ? Боже мой! Боже мой!

Но...

Судьба вѣчно играла и зло играла съ несчастнымъ сыномъ Хмельницкаго.

Въ то же утро его вызвали къ Тугаю-бею.

— Шнурокъ, шнурокъ,—трепетало въ его душѣ.

Но Тугай-бей встрѣтилъ его почтительно. Рядомъ съ Тугай-беемъ стоялъ въ облаченіи Пароеній, константинопольскій патріархъ и Маврокордатъ, драгоманъ Порты.

— Великій падишахъ, — сказалъ патріархъ чрезъ драгомана,—освобождаетъ тебя, Юрій Хмельницкій, и по великой милости своей, возводитъ тебя въ санъ князя русскаго и сарматскаго, и гетмана всей Украины и Запорожья. А я данною мнѣ властью разрѣшаю тебя отъ клятвы, данной тобою при постригѣ,

И въ тотъ же часъ присланные султаномъ слуги сняли съ Юрія истрепавшуюся монашескую рясу и облачили его въ золотой кафтанъ.

Злая иронія судьбы, какъ увидимъ впослѣдствіи...

XLVII.

Между тѣмъ въ то время, когда надъ Украиной обѣихъ сторонъ Днѣпра кровавыя событія перекатывались изъ края въ край, какъ морскія волны въ бурю, и когда на Запорожьѣ и въ Турціи, въ Эдикулѣ происходило то, что разсказано нами въ предыдущихъ главахъ, внезапно совершилось то, что какъ бы разрѣзанная по живому тѣлу надвое многострадальная Украина самою силою вещей соединилась навѣки.

Совершилось это великое дѣло такъ.

Два гетмана правобережной Украины, все болѣе и болѣе превращавшейся въ руину, турецкій ставленникъ Дорошенко и польскій ставленникъ Ханенко, вдругъ увидѣли, что находившіеся въ ихъ рукахъ бунчуки оказались безъ власти, превратились въ простые символы. Вся правобережная Украина уходила изъ-подъ ихъ бунчуковъ, покидая города, села, хуторы, пасѣки, свои хатки и садочки и поголовно перекочевывая на лѣвый берегъ.

Зачѣмъ же тогда булава и бунчукъ Дорошенку и Ханенку? Надо нести ихъ туда, гдѣ народъ.

И они понесли ихъ туда. Первымъ понесъ Ханенко, сердце котораго послѣ трагической смерти Фатьмы было разбито. Оно не успокоилось послѣ страшной мести, учиненной имъ надъ Пиво-Запольскимъ.

И вотъ онъ явился въ Переяславъ, гдѣ началось наше повѣствованіе, и гдѣ теперь собрались на раду правобережные старшины—полковники, полковые старшины, войсковые товарищи и знатное казачество.

Рада происходила на майданѣ. На майданъ вышелъ и Ромодановскій съ Самойловичемъ.

— Ханенко, Ханенко,—прошелъ шепотъ по майдану.

Ханенко, блѣдный, но спокойный, вступалъ въ кругъ. Передъ нимъ несли булаву и бунчукъ, пожалованные ему польскимъ королемъ.

Поклонившись Ромодановскому и Самойловичу и на всѣ стороны, онъ сказалъ:

— Вѣдомо всѣмъ вамъ, что я не своею волею, а по королевскому повелѣнію сдѣлался гетманомъ и ходилъ во всемъ по королевскому указу. Если я кому-либо изъ старшинъ, либо какому простому казаку учинилъ чѣмъ-нибудь досаду, въ томъ вы меня простите!

И, снова поклонившись, онъ положилъ булаву на столъ.

Смиреніе гетмана тронуло всѣхъ.

— Мы всѣ, и старшины, и войско, во всемъ тебя прощаемъ,—пронеслось по майдану.

Ханенко спокойный, какъ и прежде, но блѣдный и задумчивый, отошелъ отъ стола, а казакъ, который несъ бунчукъ его, продолжалъ стоять у стола, держа этотъ знакъ гетманства, чтобъ передать тому, кого изберетъ рада.

На майданѣ все какъ бы замерло. Только теплый южный вѣтерокъ колыхалъ черныя и бѣлыя пасмы бунчука изъ волосъ лошадиныхъ хвостовъ.

— Это Запорожье дышетъ на бунчукъ,—шепнулъ кто-то.

— Это Сирко тяжко вздыхаетъ за бунчукомъ,—отвѣтилъ кто-то.

Ромодановскій сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Великій государь, его царское величество, которому всѣ присягнули на вѣрное и вѣчное подданство, изволилъ указать выбрать вамъ, по вашимъ правамъ и вольностямъ, новаго гетмана, вмѣсто Ханенка и Дорошенка, — проговорилъ онъ медленно,

Отойдя къ Самойловичу, онъ взглянулъ на него, какъ бы говоря: «тебя, или не тебя? Не Дорошенка же»...

Майданъ зашевелился. Слышалось: «Сирка»... «Сирка москаль не любитъ»... «Хмельниченка за батькову славу»... «Гдѣ-жъ взять Хмельниченка?..» «Такъ Самойловича»... «Самойловича, Самойловича!..»

Выступилъ впередъ генеральный обозный Гулакъ.

— Желаемъ всѣ,—произнесъ онъ,—чтобъ великій государь пожаловалъ насъ, старшинъ и поспольство, велѣлъ бы у насъ учинить гетмана Ивана Самойловича на обѣихъ сторонахъ Днѣпра гетманомъ надъ всѣмъ войскомъ запорожскимъ, и быть бы намъ въ подданствѣ у великаго государя по нашимъ старин-

нымъ правамъ не на иныхъ статьяхъ, а на такихъ, какими онъ, великій государь, пожаловалъ со стороны гетмана и старшинъ, и все посполитство.

Всѣ подходили къ Самойловичу и клапялись.

— Бери булаву, ваша мосць, бери.

— Что ей лежать на столѣ убогою вдовицею?

— Бери! Тогобочная Украйна плачетъ по сегобочной, словно сиротка.

Не въ обычаяхъ казацкихъ было сразу принимать предлагаемыя почести.

— Изберите себѣ особаго гетмана изъ своей стороны,—говорилъ онъ,—такого, который бы вашу сторону лучше меня зналъ.

Правобережные настаивали.

— Мы ужъ узнали, по-чомъ ковшъ лиха...

— И отъ Юраски узнали, и отъ Суховіенка, и отъ Дорошенка.

Гулакъ обратился къ Ромодановскому.

— Мы ужъ и такъ за многими гетманами пришли въ конечное разореніе,—говорилъ онъ.—Не нужны намъ многіе гетманы. Пусть великій государь пожалуетъ насъ, велитъ быть у насъ одному гетману на лѣвой сторонѣ и на правой—Ивану Самойловичу.

— Самойловича! Самойловича!—перекатилось по майдану.

Ромодановскій показалъ, что хочетъ говорить. Все смолкло.

— Великій государь,—сказалъ бояринъ, — жалуетъ васъ, дозволяетъ вамъ избрать по вашему хотѣнію, и будете вы на прежнихъ правахъ и вольностяхъ вашихъ въ вѣчномъ подданствѣ великому государю.

Старшины и полковники вплотную обступили Самойловича.

— Изберите другого, панове,—упрямился онъ.

— Не надо намъ другого! Тебя избрали!

— Берите его, панове, подъ руки, какъ митрополита!

Это кричали правобережные полковники и войсковые старшины. Лѣвобережные же полковники и старшины стояли въ сторонѣ молча и только многозначительно переглядывались. Всѣ крыши домовъ, выходившихъ на майданъ, были усѣяны любопытствующими, дѣтьми и женщинами.

— Подъ руки! Подъ руки!—кричали правобережные.

Они такъ усердствовали, что изорвали на гетманѣ парадный кунтушъ.

— Ты намъ любъ! Ты намъ любъ! — вопили они, силой ставя его на скамью около стола, на которомъ лежала булава Ханенка.

— Бери булаву, панъ гетманъ лѣвобережной и правобережной Украйны,—говорилъ Гулакъ, всовывая булаву въ руку Самойловича.

А казакъ, державшій бунчукъ, прикрылъ его голову этимъ знакомъ воинской власти.

Въ то время изъ толпы выступилъ и приблизился къ Ромодановскому съ манерами ловкаго придворнаго посланецъ Дорошенка. То былъ знакомый уже намъ Мазепа, генеральный писарь Дорошенка.

Его спросили о цѣли прибытія въ Переяславъ.

— Когда меня гетманъ Дорошенко отпускалъ, — сказалъ Мазепа, — то присягнулъ, что хочетъ самъ итти въ Переяславъ бить челомъ, чтобы великій государь изволилъ принять его въ подданство и вины его простилъ. Тебя же, бояринъ, приказалъ гетманъ Дорошенко просить, чтобы ты прислалъ ему знатныхъ и вѣрныхъ людей, съ кѣмъ можно было бы ему сюда пріѣхать.

— Я пошлю,—сказалъ Ромодановскій, — только тебя надобно привести къ присягѣ на томъ, что посланнымъ отъ меня не будетъ порухи и задержанія.

Мазепа присягнулъ.

Свершилось... начало конца Украйны...

ЭПИЛОГЪ

Проходили годы, не принося Украйнѣ ни счастья, ни успокоенія. Не приносили счастья и булава, и бунчукъ тѣмъ, кто ими владѣлъ.

Юрій Хмельницкій, облеченный султаномъ въ гетманское достоинство и писавшій въ своемъ титулѣ—«Георгій-Гедеонъ-Венжикъ Хмельницкій, зъ Божой ласки князь русскій и сарматскій, гетманъ запорожскій»—провластвовавъ нѣсколько лѣтъ надъ правобережной «руиной», получилъ въ 1685 году отъ султана на золотомъ блюдѣ шелковый шнурокъ, которымъ его и удавили...

Черезъ два года, на Коломакѣ, Самойловича казаки, по приказанію Василія Васильевича Голицына, ночью,—какъ пишетъ «Самовидецъ», — «оточили сторожею доброю на ночь, а на свѣтанню узяли его съ безчестіемъ, ударивши, и отдали москалямъ. И заразъ сторожа московская, усадивши на простыя колеса московскія, а сына гетманскаго Якова на копицу худую охлянъ безъ сѣдла и проводили до московского табору»...

Кончилъ жизнь Самойловичъ въ Сибири...

Дорошенко, будучи взятъ въ Москву, кончилъ жизнь въ неизвѣстности, въ селѣ Ярополчѣ...

Еще проходили годы, не принося Украинѣ ни счастья, ни успокоенія.

Въ 1705 году лѣтописецъ Величко, слѣдуя съ войскомъ отъ Корсуня и Бѣлой Церкви на Волынь, вотъ что видѣлъ въ правобережной Украинѣ:

«Видѣхъ многіе городы и замки безлюдные, опустѣлые, валы высокіе, какъ горы, насыпанные трудами рукъ человѣческихъ. Видѣхъ развалины стѣнъ, приплюснутыя къ землѣ, покрытыя плѣсенью, обросшія бурьяномъ, гдѣ гнѣздились гады и черви. Поглянувши паки, видѣхъ пространныя тогобочныя украиномалороссійскія поля и розлеглыя долины, лѣсы и обширные садове, и красные дубравы, рѣки, стави (пруды), озера запустѣлыя, мхомъ, тростіемъ и непотребною лядиною зарослыя. Видѣхъ-же къ тому на рознѣхъ тамъ мѣстцахъ много костей человѣческихъ, сухихъ и нагихъ, только небо покровъ себѣ иму-

щихъ, и рекохъ въ умѣ: «кто суть сія?» Тѣхъ всѣхъ, еже рѣхъ, пустыхъ и мертвыхъ насмотрѣвшися, поболѣхъ сердцемъ и душею, яко красная и всякими благами прежде изобиловавшая земля и отчизна наша украино-малороссійская во область пустынѣ Богомъ оставленна и насельницы ея, славные предки наши, безвѣстни явишася»...

За что же? Кто отвѣтитъ?..

PG
3467
M8
1914
kn.38-42

Mordovtsev, Daniil Lukich
Polnoe sobranie istoricheskikh romanov

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY